This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07855831 3

Digitized by Google

INDEXED

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ

ЄВРОПЫ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ XXXIII. — ТОМЪ CXC. — 1/13 МАРТЪ 1869.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
592564
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1913 L

Digitized by Google

ОБРЫВЪ

РОМАНЪ *).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Райскій считалъ себя не новѣйшимъ, т. е. не молодымъ, но отнюдь не отсталымъ человѣкомъ. Онъ открыто заявлялъ, что вѣря въ прогрессъ, даже досадуя на его «черепашій» шагъ, самъ онъ не спѣшилъ укладывать себя всего въ какое-нибудь, едва обозначившееся десятилѣтіе, дешево отрекаясь, и отъ завѣщанныхъ исторіею, добытыхъ наукой, и еще болѣе отъ выработанныхъ собственной жизнію убѣжденій, наблюденій и опытовъ, въ виду едва занявшейся зари quasi-новыхъ идей, болѣе или менѣе блестящихъ или остроумныхъ ипотезъ, на которыя бросается жадная юность. Онъ ссылался на свои лѣта, говоря, что для него наступила пора выжиданія и осторожности; тамъ, гдѣ не увлекала его фантазія, онъ терпѣливо шелъ за вѣкомъ. Его занималъ общій ходъ и развитіе идей, побѣды науки, но онъ выжидалъ результатовъ, не дѣлая pas de géants, не спѣша креститься въ новую вѣру, предлагающую всевозможныя умозрѣнія и часто невозможные опыты. Онъ привѣтствовалъ смѣлые шаги искусства, рукоплескалъ новымъ откровеніямъ и открытіямъ, видоизмѣняющимъ, но не ломающимъ жизнь, праздновалъ естественное, но не насильственное рожденіе новыхъ ея требованій, какъ празд-

*) См. выше, янв. 5—137.

Digitized by Google

новалъ весну съ новой зеленью, не провожая безплодной и неблагодарной враждой отходящаго порядка и отживающихъ началъ, вѣря въ ихъ историческую неизбѣжность и неопровержимую, преемственную связь съ «новой весенней зеленью», какъ бы она нова и ярко-зелена ни была.

Отъ этого, бросая въ горячемъ спорѣ бомбу въ лагерь неуступчивой старины, въ деспотизмъ своеволія, жадность плантаторовъ, отыскивая въ людяхъ людей, исповѣдуя и проповѣдуя человѣчность, онъ добродушно и снисходительно воевалъ съ бабушкой, видя, что, подъ старыми, заученными правилами, таился здравый смыслъ и житейская мудрость и лежали сѣмена тѣхъ началъ, что̀ безусловно присвоивала себѣ новая жизнь, но что̀ было только завалено уродливыми формами и наростами въ старой.

Открытіе въ Вѣрѣ смѣлости ума, свободы духа, жажды чего-то новаго — сначала изумило, потомъ ослѣпило двойной силой красоты—внѣшней и внутренней, а наконецъ отчасти напугало его, послѣ отреченія ея отъ «мудрости». «Не мудрая дѣва», сказала она, и вздрогнула. «Мудреная», рѣшилъ онъ и задумался надъ этимъ.

Да, это не простодушный ребенокъ, какъ Марѳинька, и не «барышня». Ей тѣсно и неловко въ этой устарѣвшей, искусственной формѣ, въ которую такъ долго отливался складъ ума, нравы, образованіе и все воспитаніе дѣвушки до замужества. Она чувствовала условную ложь этой формы и отдѣлалась отъ нея, добиваясь правды. Въ ней много именно того, чего онъ напрасно искалъ въ Наташѣ, въ Бѣловодовой: спирта, задатковъ самобытности, своеобразія ума, характера—всѣхъ тѣхъ силъ, изъ которыхъ должна сложиться самостоятельная, настоящая женщина, и дать направленіе своей и чужой жизни, многимъ жизнямъ, освѣтить и согрѣть цѣлый кругъ, куда поставитъ ее судьба. Она пока младенецъ, но съ титанической силой: надо только, чтобъ сила эта правильно развилась и разумно направилась. Онъ положилъ бы всю свою силу, чтобы помочь ей найти искомое, бросилъ бы сѣмена своихъ знаній, опытовъ и наблюденій на такую благодарную и богатую почву: это опять не миражъ, это подвигъ очеловѣчиванія, долгъ, къ которому мы всѣ призваны и безъ котораго немыслимъ никакой прогрессъ.

Но какія капитальныя препятствія встрѣтились ему — одно: она отталкиваетъ его, прячется, уходитъ въ свои права, за свою дѣвическую стѣну, стало быть... не хочетъ. А между тѣмъ она недовольна своимъ положеніемъ, рвется изъ него, стало быть нуждается въ другомъ воздухѣ, другой пищѣ, другихъ людяхъ. Кто же ей дастъ новую пищу и воздухъ? гдѣ люди?

Digitized by Google

Онъ по родству—близкое ей лицо, онъ одинъ, и случайно, и по праву, можетъ и долженъ быть для нея этимъ авторитетомъ. И бабушка писала, что назначаетъ ему эту роль. Вѣра умна, но онъ опытнѣе ея и знаетъ жизнь. Онъ можетъ остеречь ее отъ грубыхъ ошибокъ, научить распознавать ложь и истину, онъ будетъ работать, какъ мыслитель и какъ художникъ; этой жаждѣ свободы дастъ пищу: идеи добра, правды, и какъ художникъ вызоветъ въ ней внутреннюю красоту на свѣтъ! Онъ угадалъ бы ея судьбу, ея урокъ жизни и... и... вмѣстѣ бы исполнилъ его»! Вотъ чего ему все хочется: «вмѣстѣ»! Отъ этого желанія онъ не можетъ отдѣлаться, стало быть не можетъ дѣйствовать безкорыстно: и это есть второе препятствіе.

Третье препятствіе еще правда въ туманѣ, гадательное, но есть уже въ виду, и оно самое капитальное: это — пока подозрѣніе, что кто-нибудь уже предупредилъ его, кому-нибудь она ввѣрила угадывать свою судьбу, исполнять урокъ жизни «вмѣстѣ». «Вотъ что скверно: это хуже всего»! говорилъ онъ и рѣшалъ, что ему даже, не дожидаясь объясненія и подтвержденія догадки объ этомъ третьемъ препятствіи, о «двойникѣ», слѣдуетъ бѣжать безъ оглядки, а не набиваться ей на дружбу.

Простительно какому-нибудь Викентьеву напустить на себя обманъ, а ему ли, прожженному опытами, не знать, что всѣ любовныя мечты, слезы, всѣ нѣжныя чувства — суть только цвѣты, подъ которыми прячутся нимфа и сатиръ?...

Послѣдствія всего этого извѣстны, все это исчезаетъ, не оставляя по себѣ слѣда, если нимфа и сатиръ не превращаются въ людей, т. е. въ мужа и жену, или въ друзей на всю жизнь.

«Нимфа моя не хочетъ избрать меня сатиромъ,—заключилъ онъ со вздохомъ,—слѣдовательно нѣтъ надежды и на метаморфозу въ мужа и жену, на счастье, на долгій путь! А съ красотой ея я справлюсь: мнѣ она все равно, что ничего»...

Утромъ онъ чувствовалъ себя всегда бодрѣе и мужественнѣе для всякой борьбы: утро приноситъ съ собой силу, цѣлый запасъ надеждъ, мыслей и намѣреній на весь день: человѣкъ упорнѣе налегаетъ на трудъ, мужественнѣе несетъ тяжесть жизни. И Райскій развлекался отъ мысли о Вѣрѣ, съ утра его манили въ разныя стороны летучія мысли, свѣжесть утра, встрѣчи въ домашнемъ гнѣздѣ, новыя лица, поле, газета, новая книга, или глава изъ собственнаго романа. Вечеромъ только начинается все прожитое днемъ сжиматься въ одинъ узелъ, и у кого сознательно, у кого безсознательно, подводится итогъ «злобѣ дня». Вотъ тутъ Райскій повѣрялъ себя, что̀ улетало изъ накопившагося въ день запаса мыслей, желаній, ощущеній, встрѣчъ

Digitized by Google

и лицъ. Оказывалось, что улетало все — и съ нимъ оставалась только Вѣра. Онъ съ досадой вертѣлся въ постели и засыпалъ— все съ одной мыслью и просыпался съ нею же. «Нужна дѣятельность», рѣшилъ онъ—и за неимѣніемъ «дѣла», бросался въ «миражи»: ѣздилъ съ бабушкой на сѣнокосъ, въ овсы, ходилъ по полямъ, посѣщалъ съ Марѳинькой деревню, вникалъ въ нужды мужиковъ; и развлекался также: былъ за Волгой, въ Колчинѣ, у матери Викентьева, ѣздилъ съ Маркомъ удить рыбу, оба поругались опять и надоѣли одинъ другому, ходилъ на охоту—и въ самомъ дѣлѣ развлекся. «Вотъ и хорошо: поработаю еще надъ собой и исполню данное Вѣрѣ обѣщаніе»,—думалъ онъ и не видалъ ее дня по три. Ей носили кофе въ ея комнату; онъ иногда не обѣдалъ дома, и все шло какъ нельзя лучше. Онъ даже замѣтилъ гдѣ-то въ слободѣ хорошенькую женскую головку и мимоѣздомъ однажды поклонился ей, она засмѣялась и не спряталась. Онъ узналъ, что она дочь какого-то смотрителя, онъ и не добирался—смотрителя чего, такъ какъ у насъ смотрителей множество. Онъ замѣтилъ только, что этотъ смотритель не смотрѣлъ за своей дочерью, потому что головка, какъ онъ увидѣлъ потомъ, улыбалась и другимъ прохожимъ. Онъ посылалъ ей рукой поцѣлуй и получилъ въ отвѣтъ милый поклонъ. Раза два онъ уже подъѣзжалъ верхомъ къ ея окну и заговорилъ съ ней, доложивъ ей, какъ она хороша, какъ онъ по уши влюбленъ въ нее. «Да вы все вре-те, протяжно говорила она: такъ я вамъ и повѣрила! Мужчины извѣстно — подлецы»!

— Будто всѣ?

— Извѣстное дѣло — мужчины! Сколько у меня перебывало— знаю я ихъ! Не надуете! проваливайте!

Долго развлекала его эта, опытомъ добытая «мудрость» мѣщанки.

Чтобы уже довершить надъ собой побѣду, — о которой онъ, надо правду сказать, хлопоталъ изъ всѣхъ силъ, не спрашивая себя только, что̀ кроется подъ этимъ рвеніемъ: искреннее ли намѣреніе оставить Вѣру въ покоѣ и уѣхать, или угодить ей, принести «жертву», быть «великодушнымъ», — онъ обѣщалъ бабушкѣ поѣхать съ ней съ визитами, и даже согласился появиться среди ея городскихъ гостей, которые пріѣдутъ въ воскресенье «на пирогъ».

Digitized by Google

II.

Въ воскресенье онъ засталъ много народу въ парадной гостиной Татьяны Марковны. Все сіяло тамъ. Чехлы съ мебели, обитой малиновымъ штофомъ, были сняты; фамильнымъ портретамъ Яковъ протеръ мокрой тряпкой глаза—и они смотрѣли острѣе, нежели въ будни. Полы натерли воскомъ. Яковъ былъ въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстухѣ, а Егорка, Петрушка и новый, только-что изъ деревни взятый въ лакеи Степка, не умѣвшій стоять прямо на ногахъ, одѣты были въ старые, не по росту каждому, ливрейные фраки, отъ которыхъ несло затхлостью кладовой. Ровно въ полдень въ залѣ и гостиной накурили шипучимъ куревомъ, съ запахомъ какого-то сладкаго соуса.

Сама Бережкова, въ шелковомъ платьѣ, въ чепцѣ на затылкѣ и въ шали, сидѣла на диванѣ. Около нея, полукружіемъ въ креслахъ, по порядку сидѣли гости. На первомъ мѣстѣ Нилъ Андреевичъ Тычковъ, во фракѣ, со звѣздой, важный старикъ, съ сросшимися бровями, съ большимъ расплывшимся лицемъ, съ подбородкомъ, глубоко уходившимъ въ галстухъ, съ величавой благосклонностью въ рѣчи, съ чувствомъ достоинства въ каждомъ движеніи. Потомъ неизмѣнно скромный и вѣжливый Титъ Никонычъ, тоже во фракѣ, со взглядомъ обожанія къ бабушкѣ, съ улыбкой ко всѣмъ; священникъ, въ шелковой рясѣ и съ вышитымъ широкимъ поясомъ, совѣтники Палаты, гарнизонный полковникъ, толстый, коротенькій, съ налившимся кровью лицомъ и глазами, такъ что, глядя на него, дѣлалось «за человѣка страшно», двѣ-три барыни изъ города, нѣсколько шепчущихся въ углу молодыхъ чиновниковъ и нѣсколько неподросшихъ дѣвицъ, знакомыхъ Марѳиньки, робко смотрящихъ, крѣпко жмущихъ другъ у друга красныя, вспотѣвшія отъ робости руки, и безпрестанно краснѣющихъ. Наконецъ какой-то ближайшій къ городу помѣщикъ, съ тремя сыновьями-подростками, пріѣхавшій съ визитами въ городъ. Эти сыновья—гордость и счастье отца, напоминали собой негодовалыхъ собакъ крупной породы, у которыхъ ужъ лапы и голова выросли, а тѣло еще не сложилось, уши болтаются на лбу и хвостишко не доросъ до полу. Скачутъ они вездѣ безъ толку и сами не сладятъ съ длинными, не по росту, безобразными лапами; не узнаютъ своихъ отъ чужихъ, лаютъ на роднаго отца и готовы сжевать брошенную мочалку или ухо роднаго брата, если попадется въ зубы. Отецъ всѣмъ вмѣстѣ и каждому порознь изъ гостей рекомендовалъ этихъ четырнадцати-

Digitized by Google

лѣтнихъ чадъ, млѣя отъ будущихъ своихъ надеждъ, разсказывалъ подробности о ихъ рожденіи и воспитаніи, какія у кого способности, про остроту, проказы, и просилъ проэкзаменовать ихъ, поговорить съ ними по-французски.

Ихъ, какъ малолѣтнихъ, усадили было въ укромный уголокъ, и они, съ юными и глупыми физіономіями, смотрѣли полуразиня ротъ на всѣхъ, какъ молодые желтоносые воронята, которые, сидя въ гнѣздѣ, безпрестанно раскрываютъ рты, въ ожиданіи корма. Ноги не умѣщались подъ стуломъ, а хватали на середину комнаты, путались между собой и мѣшали ходить. Имъ велѣно быть скромными, говорить тихо, а изъ утробы четырнадцатилѣтняго птенца, вмѣсто шепота, раздавался громовый басъ; велѣлъ отецъ сидѣть чинно, держать ручки на брюшкѣ, а на этихъ, еще тоненькихъ «ручкахъ», ужъ отросли громадные, угловатые кулаки. Не знали, бѣдные, куда дѣться, какъ сжаться, краснѣли, пыхтѣли и потѣли, пока Татьяна Марковна, частію изъ жалости, частію отъ того, что отъ нихъ въ комнатѣ было, и тѣсно и душно, и «пахло севрюгой», какъ тихонько выразилась она Марѳинькѣ, не выпустила ихъ въ садъ, гдѣ они, почувствовавъ себя на свободѣ, начали бѣгать и скакать, только прутья отъ кустовъ полетѣли въ стороны, въ ожиданіи, пока позовутъ завтракать.

Райскій вошелъ въ гостиную послѣ всѣхъ, когда уже скушали пирогъ и приступили къ какому-то соусу. Онъ почувствовалъ себя въ томъ положеніи, въ какомъ чувствуетъ себя пріѣзжій актеръ, первый разъ являясь на провинціальную сцену, предшествуемый толками и слухами. Все вдругъ смолкло и перестало жевать и все устремило вниманіе на него.

— Внукъ мой, отъ племянницы моей, покойной Сонички!— сказала Татьяна Марковна, рекомендуя его, хотя всѣ очень хорошо знали, кто онъ такой. Кое-кто привсталъ и поклонился, Нилъ Андреичъ благосклонно смотрѣлъ, ожидая, что онъ подойдетъ къ нему, барыни жеманно начали передергиваться и мелькомъ взглядывать въ зеркало. Молодые чиновники въ углу, завтракавшіе стоя, съ тарелками въ рукахъ, переступили съ ноги на ногу; дѣвицы неистово покраснѣли и стиснули другъ другу, какъ въ большой опасности, руки; четырнадцатилѣтніе птенцы, присмирѣвшіе въ ожиданіи корма, вдругъ вытянули отъ стѣны до оконъ и быстро съ шумомъ повезли назадъ свои скороспѣлыя ноги и выронили изъ рукъ картузы.

Райскій сдѣлалъ всѣмъ полупоклонъ и сѣлъ подлѣ бабушки, прямо на диванъ. Общее движеніе.

— Экъ, плюхнулъ куда! — шепнулъ одинъ молодой чиновникъ другому: а его превосходительство глядитъ на него...

Digitized by Google

— Вотъ Нилъ Андреичъ — сказала бабушка — давно желалъ тебя видѣть... («онъ — *его превосходительство* — не забудь») шепнула она.

— Кто эта барынька: — какіе славные зубы и пышная грудь? — тихо спросилъ Райскій бабушку.

— Стыдъ, стыдъ, Борисъ Павлычъ: горю! — шептала она.—Вотъ, Нилъ Андреичъ,—сказала она: Борюшка давно желалъ представиться вамъ...

Райскій открылъ было ротъ, чтобъ сказать что-то, но Татьяна Марковна наступила ему на ногу.

— Что же не удостоили посѣтить старика: я добрымъ людямъ радъ! — произнесъ добродушно Нилъ Андреичъ. — Да вѣдь съ нами скучно, не любятъ насъ нынѣшніе: — такъ ли? Вы вѣдь изъ новыхъ? Скажите-ка правду.

— Я не раздѣляю людей ни на новыхъ, ни на старыхъ, — сказалъ Райскій, принимаясь за пирогъ.

— А ты погоди ѣсть, поговори съ нимъ, — шептала бабушка: — успѣешь.

— Я буду и ѣсть и говорить — сказалъ вслухъ Райскій. Бабушка сконфузилась и сердито отвернула плечо.

— Не мѣшайте ему, матушка: — сказалъ Нилъ Андреичъ— на здоровье, народъ молодой! Такъ какъ же вы понимаете и принимаете людей, батюшка? — обратился онъ къ Райскому: — это любопытно.

— А смотря по тому, какое они впечатлѣніе на меня сдѣлаютъ, такъ и принимаю, — сказалъ Райскій.

— Похвально! люблю за правду! Ну, какъ вы, напримѣръ, меня понимаете?

— Я васъ боюсь.

Нилъ Андреичъ съ удовольствіемъ засмѣялся.

— Чего же, скажите? Я позволяю говорить откровенно! — сказалъ онъ.

— Чего боюсь? — вотъ видите...

— «ваше превосходительство» — подсказала бабушка, но Райскій не слушалъ.

— Вы, говорятъ, журите всѣхъ: кому-то голову намылили, что у обѣдни не былъ, — бабушка сказывала...

Татьяна Марковна такъ и не вспомнилась: она даже сняла чепецъ и положила подлѣ себя: ей вдругъ стало жарко.

— Что ты, что ты, Борисъ Павлычъ — на меня!... останавливала она.

— Не мѣшайте, не мѣшайте, матушка! слава Богу, что вы

Digitized by Google

сказали про меня: я люблю, когда обо мнѣ правду говорятъ! — вмѣшался Нилъ Андреичъ.

Но бабушка была ужъ сама не своя: она не рада была, что затѣяла позвать гостей.

— Точно, журю: помнишь? — сказалъ онъ, обратясь къ дверямъ, гдѣ толпились чиновники.

— Точно такъ, ваше превосходительство! проворно отвѣчалъ одинъ, выставивъ ногу впередъ и заложивъ руки назадъ: меня однажды...

— А за что?

— Былъ одѣтъ пестро.

— Да, въ воскресенье пожаловалъ ко мнѣ отъ обѣдни: за это спасибо — да ужъ одолжилъ! Вмѣсто фрака, какой-то сюртучокъ на отлетѣ...

— Не этакій ли, что на мнѣ? спросилъ Райскій.

— Да, почти: панталоны клѣтчатые, жилетъ полосатый — шутъ шутомъ!

— А тебя журилъ! обратился онъ къ другому.

— Былъ грѣхъ, ваше превосходительство, говорилъ тотъ скромно склоняя и гладя рукой голову.

— А за что?

— За папеньку тогда...

— Да, вздумалъ отца корить: у старика слабость — пьетъ. А онъ его усовѣщивать, отца-то, деньги у него отобралъ! Вотъ и пожурилъ: и чтожъ, спросите ихъ: благодарны мнѣ же!

Чиновники, при этой похвалѣ, отъ удовольствія переступили съ ноги на ногу и облизали языкомъ губы.

— Я спрашиваю васъ: къ добру или къ худу? А послушаешь: «Все старое не хорошо: и сами старики глупы, пора ихъ долой!» продолжалъ Тычковъ: дай волю — они бы и того... готовы насъ всѣхъ за живо похоронить, а сами сѣли бы на наше мѣсто—вотъ вотъ вѣдь къ чему все клонится! Какъ это по-французски есть и поговорка такая, Наталья Ивановна?» обратился онъ къ одной барынѣ.

— «Ote-toi de là, pour que je m'y mette»... сказала она.

— Ну, да, вотъ чего имъ хочется, этимъ умникамъ въ кургузыхъ одѣяніяхъ! А какъ эти одѣянія называются по-французски, Наталья Ивановна? спросилъ онъ, обратясь опять къ барынѣ и поглядывая на жакетку Райскаго. «Я не знаю!» сказала она съ притворной скромностью.

— Ой, знаешь, матушка! лукаво замѣтилъ Нилъ Андреичъ— погрозя пальцемъ: только при всѣхъ стыдишься сказать. За это хвалю!

Digitized by Google

— Такъ изволите видѣть: лишь замѣчу въ молодомъ человѣкѣ этакую прыть, продолжалъ онъ, обращаясь къ Райскому:— дескать «я самъ уменъ, никого и знать не хочу» — и пожурю, и пожурю, не прогнѣвайтесь!

— Точно что не къ добру это все новое ведетъ — сказалъ помѣщикъ: вотъ хоть бы венгерцы и поляки бунтуютъ:— отъ чего это? Все вотъ отъ этихъ новыхъ правилъ!

— Вы думаете? спросилъ Райскій.

— Да-съ, я такъ полагаю: — желалъ бы знать ваше мнѣніе... сказалъ помѣщикъ, подсаживаясь поближе къ Райскому:— мы вѣкъ свой въ деревнѣ, ничего не знаемъ: поэтому и лестно послушать просвѣщеннаго человѣка...

Райскій съ ироніей поклонился слегка.

— А то прочитаешь въ газетахъ, напримѣръ, вотъ хоть бы вчера читалъ я, что шведскій король посѣтилъ городъ Христіанію, кажется: и не знаешь, что̀ этому за причина?

— А вамъ это интересно знать? спросилъ Райскій.

— Зачѣмъ же пишутъ объ этомъ, если королю не было особой причины посѣтить Христіанію...

— Не было ли тамъ большого пожара: этого не пишутъ? спросилъ Райскій.

Помѣщикъ, Иванъ Петровичъ, сдѣлалъ большіе глаза.

— Нѣтъ, о пожарѣ не пишутъ, а сказано только, что его величество посѣтилъ народное собраніе.

Титъ Никонычъ и совѣтникъ палаты переглянулись и усмѣхнулись. Послѣ этого замолчали.

— Еще я хотѣлъ спросить вотъ что-съ, началъ тотъ же гость: — теперь во Франціи воцарился Наполеонъ...

— Такъ что же?

— Вѣдь онъ насильно воцарился...

— Какъ насильно: его выбрали...

— Да что это за выборы! говорятъ, подсылали солдатъ принуждать, подкупали... Помилуйте, какіе это выборы: курамъ на смѣхъ!

— Если отчасти и насильно, такъ что же съ нимъ дѣлать? съ любопытствомъ спросилъ Райскій, заинтересовавшись этимъ деревенскимъ политикомъ.

— Какъ же это терпятъ всѣ, не вооружатся противъ него?

— Попробуй! перебилъ Нилъ Андреичъ:—ну-ка: какъ?

— Собрать бы со всѣхъ государствъ армію, да и пойти, какъ на покойнаго Банапарта... Тогда былъ священный союзъ...

— Вы бы представили планъ кампаніи, замѣтилъ Райскій: можетъ быть и приняли бы...

Digitized by Google

— Куда мнѣ! скромно возразилъ гость: я только такъ, изъ любопытства... Вотъ теперь я хотѣлъ спросить еще васъ... продолжалъ онъ, обращаясь къ Райскому.

— Почему же меня?

— Вы столичный житель, тамъ живете у источника, такъ сказать... не то, что мы, деревенскіе... Я хотѣлъ спросить: теперь турки издревле притѣсняютъ христіанъ, жгутъ, рѣжутъ, а женщинъ... того...

— Ну, смотри, Иванъ Петровичъ, ты договоришься до чего нибудь...: вонъ ужъ, Настасья Петровна покраснѣла... вмѣшался Нилъ Андреичъ.

— Что вы, ваше превосходительство... отъ чего мнѣ краснѣть? я и не слыхала, что̀ говорятъ... сказала бойко одна барыня, жеманно поправляя шаль.

— Плутовка! говорилъ Нилъ Андреичъ, грозя ей пальцемъ: что, батюшка, — обратился онъ къ священнику: — не жаловалась ли она вамъ на исповѣди на мужа, что онъ...

— Ахъ, что вы, ваше превосходительство! торопливо перебила дама.

— То-то, то-то! Ну чтожъ, Иванъ Петровичъ: какъ тамъ турки женщинъ притѣсняютъ? что̀ ты прочиталъ объ этомъ: вонъ Настасья Петровна хочетъ знать? Только смотри, не махни въ Турцію, Настасья Петровна!

Иванъ Петровичъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда кончитъ Нилъ Андреичъ, и опять обратился къ Райскому, къ которому, какъ съ ножемъ, приступалъ съ вопросами.

— Такъ я вотъ хотѣлъ спросить васъ: отъ чего это не уймутъ турокъ?...

— Женщины-то за нихъ очень заступаются! шутилъ благосклонно Нилъ Андреичъ: — вонъ она — первая... — Онъ указалъ на ту же барыню.

— Ахъ, Татьяна Марковна... что это его превосходительство для праздника нынче?.. Она притворно конфузилась.

— Я вотъ хотѣлъ спросить васъ, отъ чего это всѣ не возстанутъ на турокъ, — приставалъ Иванъ Петровичъ къ Райскому — и не освободятъ Гроба Господня?

— Я, признаюсь вамъ, мало думалъ объ этомъ, — сказалъ Райскій: — но теперь обращу особенное вниманіе, и если вы мнѣ сообщите ваши соображенія, то я всячески готовъ содѣйствовать къ разрѣшенію восточнаго вопроса...

— Вотъ позвольте къ слову спросить, живо возразилъ гость: вы изволили сказать «*восточный вопросъ*»: и въ газетахъ поминутно пишутъ *восточный вопросъ:* какой это *восточный вопросъ?*

Digitized by Google

— Да вотъ тотъ самый, что вы мнѣ сдѣлали сейчасъ о туркахъ.

— Такъ... задумчиво сказалъ онъ.—Да вопроса никакого нѣтъ.

— Теперь все «вопросы» пошли! сиплымъ голосомъ вмѣшался полнокровный полковникъ: — изъ Петербурга я получилъ письмо отъ нашего бывшаго полкового адъютанта: и тотъ пишетъ, что теперь всѣхъ занимаетъ «вопросъ» о перемѣнѣ формы въ арміи...

Замолчали.

— Или, напримѣръ, Ирландія! началъ Иванъ Петровичъ съ новымъ одушевленіемъ, помолчавъ: пишутъ, страна бѣдная, ѣсть нечего, картофель одинъ, и тотъ часто не годится для пищи...

— Ну-съ, такъ что же?

— Ирландія въ подданствѣ у Англіи, а Англія страна богатая: такихъ помѣщиковъ, какъ тамъ, нигдѣ нѣтъ. Отъ чего теперича у нихъ не взять хоть половину хлѣба, скота, да и не отдать туда въ Ирландію?

— Что это, братъ, ты проповѣдуешь: бунтъ? вдругъ сказалъ Нилъ Андреичъ.

— Какой бунтъ, ваше превосходительство... я только изъ любопытства...

— Ну, если въ Вяткѣ или Перми голодъ, а у тебя возьмутъ половину хлѣба даромъ, да туда?..

— Какъ это можно! Мы — совсѣмъ другое дѣло...

— Ну, какъ услышатъ тебя мужики? напиралъ Нилъ Андреичъ, а? тогда что?

— Ну, не дай Боже, сказалъ помѣщикъ...

— Сохрани Боже! сказала и Татьяна Марковна.

— Они и теперь, еще ничего не видя, навострили уши! продолжалъ Нилъ Андреичъ.

— А что? съ испугомъ спросила Бережкова.

— Да вонъ, о волѣ иногда заговариваютъ. Губернаторъ получилъ донесеніе, что въ селѣ у Мамыщева не покойно...

— Сохрани Богъ! сказали опять и помѣщикъ и Татьяна Марковна.

— Правду, правду говоритъ его превосходительство! замѣтилъ помѣщикъ. — Дай только волю! дай только имъ свободу, ну и пошли въ кабакъ, да за балалайку; нарѣжется и претъ мимо тебя, и шапки не ломаетъ!

— Начинается-то не съ мужиковъ, говорилъ Нилъ Андреичъ, косясь на Райскаго — а потомъ зло, какъ эпидемія, разольется повсюду. Сначала молодецъ ко всенощной перестанетъ ходить, «скучно, дескать», а потомъ найдетъ, что по начальству въ празд-

Digitized by Google

никъ ѣздить лишнее: «это, говоритъ, «холопство», а послѣ въ неприличной одеждѣ на службу явится, да еще бороду отроститъ, (онъ опять покосился на Райскаго)—и дальше, и дальше,—и дай волю, онъ тебѣ въ тихомолку доложитъ потомъ, что и Бога-то въ небѣ нѣтъ, что и молиться-то некому...

Въ залѣ сдѣлалось общее движеніе.

— Да, да, это правда: былъ у сосѣда такой учитель, да еще подивитесь, батюшка, изъ семинаріи! сказалъ помѣщикъ, обратясь къ священнику. — Смирно такъ шло все сначала, шепталъ, шепталъ, кто его знаетъ что, старшимъ дѣтямъ — только однажды дѣвочка, сестра его, матери и проговорись: «Бога, говоритъ, нѣтъ, Никита Сергѣичъ отъ кого-то слышалъ». Его къ допросу: «какъ Бога нѣтъ: какъ такъ?» Отецъ къ архіерею ѣздилъ: перебрали тогда всю семинарію...

— Да, помню, сказалъ священникъ: — нашли запрещенныя книги.

— Ну, вотъ видите!

— Скажите на милость, обратился опять Иванъ Петровичъ къ Райскому: отъ чего это все волнуются народы?

— Какіе народы?

— Да вотъ хоть бы индѣйцы: вѣдь это канальи все, не христіане, сволочь, ходятъ голые, и пьяницы горькіе: а страна, говорятъ, богатѣйшая, ананасы, какъ огурцы ростутъ... Чего имъ еще надо?

Райскій молчалъ. На него находила уже хандра. «Какой гнусный порокъ — эта славянская добродѣтель — гостепріимство! подумалъ онъ — какихъ уродовъ не встрѣтишь у бабушки!» И прочіе молчали, отъ лѣни говорить послѣ сытнаго завтрака. Говорилъ за всѣхъ Иванъ Петровичъ.

— А вотъ теперь Амуръ тамъ взяли у китайцевъ. Тоже страна богатая—чай у насъ будетъ свой, некупленный: выгодно и пріятно... началъ онъ опять свое.

— Ну, братъ, Иванъ Петровичъ, всю воду въ рѣшетѣ не переносишь..... замѣтилъ Тычковъ.

— Я только изъ любопытства! сказалъ помѣщикъ: хотѣлъ съ ними наговориться, они въ столицѣ живутъ.... Теперь опять пишутъ, что римскій папа.....

Въ это время изъ залы съ шумомъ появилась Полина Карповна, въ кисейномъ платьѣ, съ широкими рукавами, такъ что ея полныя, бѣлыя руки видны были почти до плечъ. За ней шелъ кадетъ.

— Какая жара! Bonjur, bonjur — говорила она, кивая на всѣ стороны, и сѣла на диванъ, подлѣ Райскаго.

Digitized by Google

— Тутъ намъ тѣсно! сказалъ Райскій и пересѣлъ на стулъ рядомъ.

— Non, non, ne vous dérangez pas — удерживала она, но не удержала. «Какая скука!» успѣла она шепнуть ему: у васъ такъ много гостей, а я хотѣла бы видѣть васъ одного....

— Зачѣмъ? спросилъ онъ вслухъ: дѣло есть?

— Да, дѣло! съ улыбкой и шепотомъ старалась она говорить.

— Какое-же?

— А портретъ?

— Портретъ, какой портретъ?

— А мой: вы обѣщали рисовать: забыли? — ingrat!

— А! Далила Карповна! протяжно воскликнулъ Нилъ Андреичъ, здравствуйте, какъ поживаете?

— Здравствуйте, сухо сказала она, стараясь отвернуться отъ него.

— Чтожъ не подарите меня нѣжнымъ взглядомъ? продолжалъ тотъ: — дайте полюбоваться лебединой шейкой....

Въ толпѣ у дверей послышался смѣхъ, дамы тоже улыбались.

— Грубіянъ: — сейчасъ глупость скажетъ!... шептала она Райскому.

— Что брезгаешь старымъ: а какъ посватаюсь? Чѣмъ не женихъ—или старъ? Генеральша будете....

— Не льщюсь этой почестью.... сказала она, не глядя на него. — «Bonjur, Наталья Ивановна: гдѣ вы купили такую миленькую шляпку: у M-me Pichet?

— Это мужъ изъ Москвы выписалъ, сказала Наталья Ивановна, робко взглянувъ на Райскаго — сюрпризъ....

— Очень, очень мило!

— Да взгляните же на меня — право посватаюсь: приставалъ Нилъ Андреичъ: — мнѣ нужна хозяйка въ домѣ, скромная, не кокетка, не баловница, не охотница до нарядовъ.... чтобы на другого мужчину, кромѣ меня, и глазомъ не повела.... Ну, а вы у насъ вѣдь примѣръ....

Полина Карповна будто не слыхала, она обмахивалась вѣеромъ и старалась заговорить съ Райскимъ.

— Вы у насъ, продолжалъ неумолимый Нилъ Андреичъ — образецъ матерямъ и дочерямъ: въ церкви стоите, съ образа глазъ не отводите, по сторонамъ не взглянете, молодыхъ мужчинъ не замѣчаете....

Смѣхъ у дверей раздался громче, и дамы гримасничали, чтобы скрыть улыбки.

Татьяна Марковна постаралась было замять атаку Нила

Digitized by Google

Андреича на ея гостью. — Пирога скушайте, Полина Карповна — я вамъ положу! сказала она.

— Mercі, mercі, нѣтъ, я только-что завтракала, отговаривалась она.

Но это не помогло. Нилъ Андреичъ возобновилъ нападеніе.

— А одѣваетесь монахиней: на показъ плечъ и рукъ не выставляете.... ведете себя сообразно вашимъ почтеннымъ лѣтамъ.... говорилъ онъ.

— Что это вы ко мнѣ привязались! сказала Полина Карповна: «est-il bête, grossier?» обратилась она къ Райскому.

— Да, да — парлеву франсе.... сказалъ Тычковъ: — жениться, сударыня, хочу, вотъ и привязался: — а мы съ вами пара!

— Едва-ли вамъ найдется кто подъ пару! отозвалась Крицкая, не глядя на него.

— А какъ же не пара, позвольте-ка: я былъ еще коллежскимъ ассесоромъ, когда вы выходили за-мужъ за покойнаго Иванъ Егорыча. А этому будетъ....

— Какая жара — on étouffe ici: allons au jardin! Мишель, дайте мантилью.... обратилась она къ кадету.

Въ эту минуту показалась Вѣра. Всѣ встали, окружили ее и разговоръ принялъ другое направленіе. Райскому надоѣла вся эта сцена и эти люди, онъ собирался уже уйти, но съ приходомъ Вѣры у него заговорила такая сильная «дружба», что онъ остался, какъ пригвожденный къ стулу. Вѣра мелькомъ оглядѣла общество, кое-гдѣ сказала двѣ, три фразы, пожала руки нѣкоторымъ дѣвицамъ, которыя уперли глаза въ ея платье и пелеринку, равнодушно улыбнулась дамамъ и сѣла на стулъ у печки. Чиновники охорашивались, Нилъ Андреичъ съ удовольствіемъ чмокнулъ ее въ руку, дѣвицы не спускали съ нея глазъ. Марѳинька не сидѣла на мѣстѣ: она то нальетъ вина кому-нибудь, то поподчуетъ закуской, или старается занять разговоромъ своихъ пріятельницъ.

— Вѣра Васильевна! сказалъ Нилъ Андреичъ: заступитесь вы, красавица моя, за меня.

— Развѣ васъ обижаютъ?

— Какъ-же не обижаютъ! Далила.... нѣтъ — Пелагея Карповна.

— Impértinent! громкимъ шепотомъ сказала Крицкая, поднимаясь съ мѣста и направляясь къ двери.

— Куда, Полина Карповна? а пирога? Марѳинька, удержи! Полина Карповна! останавливала Татьяна Марковна.

— Нѣтъ, нѣтъ, Татьяна Марковна: я всегда рада и благодарна вамъ — уже въ залѣ говорила Крицкая: но съ такимъ

Digitized by Google

грубіяномъ никогда не буду, ни у васъ, нигдѣ.... Если-бъ покойный мужъ былъ живъ, онъ бы не смѣлъ....

—Ну, не сердитесь на старика: — онъ не отъ злого сердца; онъ почтенный такой....

— Нѣтъ, нѣтъ, прошю, пустите — я пріѣду въ другой разъ, безъ него.... Она уѣхала въ слезахъ, глубоко обиженная.

Въ гостиной всѣ были въ веселомъ расположеніи духа, и Нилъ Андреичъ, съ величавою улыбкой, принималъ общій смѣхъ одобренія. Не смѣялся только Райскій, да Вѣра. Какъ ни комична была Полина Карповна, грубость нравовъ этой толпы и выходка старика возмутили его. Онъ угрюмо молчалъ, покачивая ногой.

— Что, прогнѣвалась, уѣхала? говорилъ Нилъ Андреичъ, когда Татьяна Марковна, видимо озабоченная этой сценой, воротилась и молча сѣла на свое мѣсто.

— Ничего, скушаетъ на здоровье! продолжалъ старикъ: не ходи раздѣтая при людяхъ: здѣсь не баня!

Дамы потупили глаза, дѣвицы сильно покраснѣли и свирѣпо стиснули другъ другу руки.

— Да не вертись по сторонамъ въ церкви, не таскай за собой молодыхъ ребятъ.... Что, Иванъ Иванычъ: ты, бывало, у ней безвыходно жилъ! Какъ теперь: все еще ходишь? строго спросилъ онъ у какого-то юноши.

— Отсталъ давно, ваше превосходительство: надоѣло комплименты говорить.

— То-то отсталъ! Какой примѣръ для молодыхъ женщинъ и дѣвицъ! А вѣдь ей давно за сорокъ! Ходитъ въ розовомъ, бантики да ленточки.... Какъ не пожурить! Видите-ли, — обратился онъ къ Райскому, — что я страшенъ только для порока, а вы боитесь меня! Кто это вамъ наговорилъ на меня страхи?

— Кто? Да Маркъ, сказалъ Райскій.

Общее движеніе. Нѣкоторые вздрогнули.

— Какой такой Маркъ? нахмуривъ брови, спросилъ Тычковъ.

— Маркъ Волоховъ, вотъ что присланъ сюда на житье.

— Это тотъ разбойникъ? Да развѣ вы знаетесь съ нимъ?

— Мы пріятели.

— Пріятели? съ изумленіемъ произнесъ старикъ и посвисталъ— Татьяна Марковна, что я слышу?

— Не вѣрьте ему, Нилъ Андреичъ, — онъ самъ не знаетъ, что говоритъ.... начала бабушка.—Какой онъ тебѣ пріятель....

— Что вы, бабушка: да не онъ ли у меня ужиналъ и ночевалъ? Не вы ли велѣли ему постлать мягкую постель?

— Борисъ Павлычъ! помилосердуй, помолчи! неистово шептала бабушка. Но было уже поздно. Тычковъ вскинулъ изумлен-

Digitized by Google

ныя очи на Татьяну Марковну, дамы глядѣли на нее съ состраданіемъ, мужчины разинули рты, дѣвицы прижались другъ къ другу. У Вѣры отъ улыбки задрожалъ подбородокъ: она съ наслажденіемъ глядѣла на всѣхъ, и дружескимъ взглядомъ благодарила Райскаго за это нечаянное наслажденіе, а Марѳинька спряталась за бабушку.

— Что́ я слышу! съ изумленіемъ произнесъ Нилъ Андреичъ:— и вы впустили этого Варраву подъ свой кровъ!

— Не я, Нилъ Андреичъ, а Борюшка привелъ его ночью: я и не знала, кто тамъ у него спитъ!

— Такъ вы съ нимъ по ночамъ шатаетесь! обратился онъ къ Райскому. — А знаете ли вы, что онъ подозрительный человѣкъ, врагъ правительства, отверженецъ церкви и общества?

— Какой ужасъ! сказали дамы.

— Онъ-то и отрекомендовалъ вамъ меня? допрашивалъ Нилъ Андреичъ.

— Да, онъ.

— Что же, онъ меня звѣремъ изобразилъ: что я глотаю людей?...

— Нѣтъ, не глотаете, а позволяете себѣ по какому-то праву оскорблять ихъ.

— И вы повѣрили?

— До нынѣшняго дня — нѣтъ.

— А нынче?

— А нынче вѣрю.

Общій ужасъ и изумленіе. Нѣкоторые чиновники тихонько вышли въ залу и оттуда слушали, что́ будетъ дальше.

— Что́ такъ? съ изумленіемъ и высокомѣрно спросилъ Тычковъ, нахмуривъ брови. — Почему?

— А потому что вы сейчасъ оскорбили женщину.

— Слышите, Татьяна Марковна!

— Борюшка! Борисъ Павлычъ! унимала она.

— Эту.... эту старую модницу, прельстительницу, вѣтренницу.... говорилъ Нилъ Андреичъ.

— Что вамъ за дѣло до нея, и кто вамъ далъ право быть судьей чужихъ пороковъ?

— А вы, молодой человѣкъ, по какому праву смѣете мнѣ дѣлать выговоры? Вы знаете-ли, что я пятьдесятъ лѣтъ на службѣ и ни одинъ министръ не сдѣлалъ мнѣ ни малѣйшаго замѣчанія?...

— По какому праву? А по такому, что вы оскорбили женщину въ моемъ домѣ, и еслибъ я допустилъ это, то былъ бы жалкая дрянь. Вы этого не понимаете, тѣмъ хуже для васъ....

— Если вы принимаете у себя такую женщину, про которую

Digitized by Google

весь городъ знаетъ, что она легкомысленна, вѣтренна, не по лѣтамъ молодится, не исполняетъ обязанностей въ отношеніи къ семейству...

— Ну, такъ что же?

— А то, что и вы, вотъ и Татьяна Марковна, стоите того, чтобъ пожурить васъ обоихъ. Да, да, давно я хотѣлъ сказать вамъ, матушка.... вы ее принимаете у себя....

— Ну, вѣтренность, легкомысліе, кокетство — еще не важныя преступленія, — сказалъ Райскій: — а вотъ про васъ тоже весь городъ знаетъ, что вы взятками награбили кучу денегъ, да обобрали и заперли въ сумасшедшій домъ родную племянницу,— однакоже, и бабушка, и я пустили васъ, а вѣдь это важнѣе кокетства! Вотъ за это пожурите насъ!

Сцена невообразимаго ужаса между присутствующими. Дамы встали и кучей направились въ залу, не простясь съ Татьяной Марковной; за ними толпой, какъ овцы, бросились дѣвицы, и всѣ уѣхали. Бабушка указала Марѳинькѣ и Вѣрѣ дверь. Марѳинька ушла, а Вѣра осталась.

Нилъ Андреичъ поблѣднѣлъ.

— Кто, кто передалъ *тебѣ* эти слухи, говори! Этотъ разбойникъ Маркъ! Сейчасъ ѣду къ губернатору! Татьяна Марковна, или мы не знакомы съ вами, или чтобъ нога этого молодца (онъ указалъ на Райскаго) у васъ въ домѣ никогда не была! Не то я упеку и его, и весь домъ, и васъ, въ двадцать четыре часа, куда воронъ костей не занашивалъ....

Тычковъ задыхался отъ злости и не зналъ самъ, что̀ говорилъ.

— Кто, кто ему это сказалъ—я хочу знать, кто.... говори!... хрипѣлъ онъ.

Татьяна Марковна вдругъ встала съ мѣста.

— Полно тебѣ вздоръ молоть, Нилъ Андреичъ! Смотри, ты багровый совсѣмъ сталъ: того и гляди, лопнешь отъ злости. Выпей лучше воды! Какой секретъ: кто сказалъ! Да я сказала, и сказала правду! прибавила она.—Весь городъ это знаетъ!

— Татьяна Марковна! какъ!... заревѣлъ-было Нилъ Андреичъ.

— Меня шестьдесятъ-пять лѣтъ Татьяной Марковной зовутъ. Ну, что̀—«какъ!» И по дѣломъ тебѣ! Что ты лаешься на всѣхъ: напалъ, въ самомъ дѣлѣ, въ чужомъ домѣ на женщину— хозяинъ остановилъ тебя — не по-дворянски поступаешь....

— Да какъ вы мнѣ смѣете это говорить! заревѣлъ опять Тычковъ.

Райскій бросился-было къ нему, но бабушка остановила его

Digitized by Google

такимъ повелительнымъ жестомъ, что онъ окаменѣлъ и ждалъ, что̀ будетъ. Она вдругъ выпрямилась, надѣла чепецъ и, завернувшись въ шаль, подступила къ Нилу Андреичу. Райскій съ удивленіемъ глядѣлъ на бабушку. Она, а не Нилъ Андреичъ, приковала его вниманіе къ себѣ. Она вдругъ выросла въ фигуру, полную величія, такъ что даже и на него напала робость.

— Ты кто? сказала она: ничтожный приказный, parvenu — и ты смѣешь кричать на женщину, и еще на столбовую дворянку! Зазнался: урока хочешь! Я дамъ тебѣ одинъ разъ навсегда: будешь помнить! Ты забылъ, что, бывало, въ молодости, когда ты приносилъ бумаги изъ Палаты къ моему отцу, ты при мнѣ сѣсть не смѣлъ и по праздникамъ получалъ не разъ изъ моихъ рукъ подарки. Да еслибъ ты еще былъ честенъ, такъ никто бы тебя и не корилъ этимъ, а ты наворовалъ денегъ — внукъ мой правду сказалъ — и тутъ, по слабости, терпѣли тебя, и молчать бы тебѣ, да каяться подъ конецъ за темную жизнь. А ты не унимаешься: раздулся отъ гордости, а гордость — пьяный порокъ, наводитъ забвеніе. Отрезвись же, встань и поклонись: передъ тобой стоитъ Татьяна Марковна Бережкова! Вотъ, видишь, здѣсь мой внукъ, Борисъ Павлычъ Райскій: не удержи я его, онъ бы сбросилъ тебя съ крыльца, но я не хочу, чтобъ онъ маралъ о тебя руки — съ тебя довольно и лакеевъ. У меня есть защитникъ, а найди ты себѣ! «Люди!» крикнула она, хлопнувъ въ ладони, выпрямившись во весь ростъ и сверкая глазами. Она походила на портретъ одной изъ величавыхъ женщинъ въ ея родѣ, висѣвшій тутъ же на стѣнѣ.

Тычковъ ворочалъ одурѣлыми глазами.

— Я въ Петербургъ напишу — городъ въ опасности! торопливо говорилъ онъ, поспѣшно уходя и сгорбившись подъ ея сверкающимъ взглядомъ, не смѣя оглянуться назадъ.

Онъ ушелъ, а Татьяна Марковна все еще стояла въ своей позѣ, съ глазами, сверкающими гнѣвомъ, передергивая на себѣ, отъ волненія, шаль. Райскій очнулся отъ изумленія и робко подошелъ къ ней, какъ-будто не узнавая ее, видя въ ней не бабушку, а другую, незнакомую ему до тѣхъ поръ женщину.

— Напрасно вы требовали должной вамъ дани, поклона, отъ этого пня, сказалъ онъ: онъ не понялъ вашего величія. Примите отъ меня этотъ поклонъ, не какъ бабушка отъ внука, а какъ женщина отъ мужчины. Я удивляюсь Татьянѣ Марковнѣ, лучшей изъ женщинъ, и кланяюсь ея женскому достоинству.

Онъ поцѣловалъ у ней руку.

— Принимаю, Борисъ Павлычъ, твой поклонъ, какъ большую честь — и не даромъ принимаю — я его заслуживаю. А вотъ

Digitized by Google

и тебѣ, за твой честный поступокъ, мой поцѣлуй — не отъ бабушки, а отъ женщины....

Она поцѣловала въ щеку.

Въ эту же минуту кто-то поцѣловалъ его въ другую щеку.

— А это отъ другой женщины, тихо сказала Вѣра, цѣлуя его, и быстро ускользнула въ дверь.

«Ахъ!» страстно сдѣлалъ Райскій, протягивая вслѣдъ ей руку.

— Мы съ ней не сговаривались, а обѣ поняли тебя. Мы съ ней мало говоримъ, а похожи другъ на друга! сказала Татьяна Марковна.

— Бабушка! вы необыкновенная женщина! сказалъ Райскій, глядя на нее съ восторгомъ, какъ-будто въ первый только разъ увидѣлъ ее.

— А ты уродъ, только хорошій уродъ! сказала она, сильно трепля его по плечу.—Поди же, съѣзди къ губернатору и разскажи по правдѣ, какъ было дѣло, чтобъ тотъ не наплелъ вздору, а я поѣду къ Полинѣ Карповнѣ и попрошу у ней извиненія.

III.

Нила Андреевича почти сняли съ дрожекъ, когда онъ воротился домой. Экономка его терла ему виски уксусомъ, на животъ поставила горчишники и «ругательски ругала» Татьяну Марковну.

Но домашнія средства не успокоили старика. Онъ ждалъ, что завтра завернетъ къ нему губернаторъ узнать, какъ было дѣло, и выразитъ участіе, а онъ предложитъ ему выслать Райскаго изъ города, какъ безпокойнаго человѣка, а Бережкову обязать подпиской не принимать у себя Волохова. Но прошло три дня: ни губернаторъ, ни вице-губернаторъ, ни совѣтники не завернули къ нему. Начать жалобу самому, раскапывать старыя воспоминанія—онъ почему-то не счелъ удобнымъ. Прежній губернаторъ, старикъ Пафнутьевъ, при которомъ даже дамы не садились въ гостяхъ, прежде нежели онъ не сядетъ самъ, взыскалъ бы съ виновныхъ за одно неуваженіе къ рангу; но нынѣшній губернаторъ къ этому равнодушенъ. Онъ даже не замѣчаетъ, какъ одѣваются у него чиновники, самъ ходитъ въ старомъ сюртукѣ и заботится только, чтобъ «въ Петербургъ никакихъ исторій не доходило».

Ждалъ Нилъ Андреевичъ Тычковъ, что зайдетъ кто-нибудь изъ его бывшихъ подчиненныхъ, молодыхъ чиновниковъ, чтобъ разспросить, что дѣлается въ непріятельскомъ лагерѣ. Но

Digitized by Google

никто не являлся. Онъ снизошелъ до того, что самъ, будто гуляя, зашелъ дома въ два и получилъ отказъ. Лакеи смотрѣли на него какъ-то любопытно. «Плохо дѣло», думалъ онъ и засѣлъ дома. Въ воскресенье онъ послалъ за докторомъ, который лечилъ и въ губернаторскомъ домѣ и въ Малиновкѣ. Докторъ старался не смотрѣть на Нила Андреевича, а если смотрѣлъ, то также, какъ и лакеи, «любопытно». Онъ торопился, и когда Тычковъ предложилъ ему позавтракать, онъ сказалъ, что званъ на «фриштикъ» къ Бережковой, у которой будетъ и его превосходительство, и всѣ, и что онъ видѣлъ, какъ архіерей прямо изъ собора уже поѣхалъ къ ней, и потому спѣшитъ.... И уѣхалъ, прописавъ Нилу Андреичу діэту и покой.

«Суета суетъ!» произнесъ, вздохнувъ всѣмъ животомъ своимъ, Тычковъ и поникнулъ головой. Онъ понялъ, что авторитетъ его провалился навсегда, что онъ былъ послѣдній могиканъ, послѣдній изъ генераловъ Тычковыхъ!

И другіе, прежніе подчиненные его, еще недавно облизывавшіеся отъ его похвалы, вдругъ будто прозрѣли и поняли «правду» въ поступкѣ Райскаго, краснѣя за напрасность своего долговременнаго поклоненія фальшивому пугалѣ-авторитету. Они всѣ перебывали съ визитомъ у Райскаго.

Въ краткомъ очеркѣ изобразилъ его и Райскій въ программѣ своего романа, и самъ не зналъ, зачѣмъ. «Подъ руку попался, какъ Опенкинъ», говорилъ онъ, дописывая послѣднюю строку и не предвидя ему болѣе роли между своими героями.

Райскій дня три былъ подъ вліяніемъ воскреснаго завтрака. Внезапное превращеніе Татьяны Марковны изъ бабушки и гостепріимной хозяйки въ львицу поразило его. Ея сверкающіе глаза, гордая поза, честность, прямота, здравый смыслъ, вдругъ прорвавшіеся сквозь предразсудки и лѣнивыя привычки — не выходили у него изъ головы. Онъ натянулъ холстъ и сдѣлалъ удачный очеркъ ея фигуры, съ намѣреніемъ уловить на полотно ея позу, гнѣвъ, величавость, и поставить въ галлерею фамильныхъ портретовъ.

Онъ, если можно, полюбилъ ее еще больше. Она тоже еще ласковѣе прежняго поглядывала на него, хотя видно было, что внутренно она не мало озабочена была сама своей «прытью», какъ говорила она, и старалась молча переработать въ себѣ это «противорѣчіе съ собой», какъ называлъ Райскій. Уважать человѣка сорокъ лѣтъ, называть его «серьезнымъ», «почтеннымъ», побаиваться его суда, пугать имъ другихъ — и вдругъ въ одну минуту выгнать его вонъ! Она не раскаявалась въ своемъ поступкѣ, находя его справедливымъ, но задумывалась прежде всего о томъ, что сорокъ лѣтъ она добровольно терпѣла ложь, и что внукъ

Digitized by Google

ей.... былъ.... правъ. Этого она ни за что не скажетъ ему: молодъ онъ, пожалуй, зазнается, а она покажетъ ему вниманіе иначе, по своему, не ставя себя въ затруднительное положеніе передъ внукомъ и не давая ему торжества. Вотъ отчего она исподволь смотрѣла на Райскаго и про себя уважала его больше прежняго.

Но все же ей было неловко—не отъ одного только внутренняго «противорѣчія съ собой», а просто отъ того, что вышла исторія у ней въ домѣ, что выгнала человѣка стараго, «почтен... нѣтъ, «серьезнаго», со «звѣздой»...

Она вздыхала, но воротить прежняго не желала, а хотѣла бы только, чтобъ это событіе отодвинулось лѣтъ за десять назадъ, превратилось бы какимъ-нибудь чудомъ въ давно-прошедшее и забылось совсѣмъ.

Внезапный поцѣлуй Вѣры взволновалъ Райскаго больше всего. Онъ чуть не заплакалъ отъ умиленія и основалъ-было на немъ дальнія надежды, полагая, что простой случай, неприготовленная сцена, гдѣ онъ нечаянно высказался просто, со стороны честности и приличія, повели къ тому, чего онъ добивался медленнымъ и труднымъ путемъ: къ сближенію. Но онъ ошибся. Поцѣлуй не повелъ ни къ какому сближенію. Это была такая же неожиданная искра сочувствія Вѣры къ его поступку, какъ неожиданъ былъ самъ поступокъ. Блеснула какая-то молнія въ ней и погасла. Конечно, молнію эту вызвала хорошая черта, но она и не сомнѣвалась въ достоинствѣ его характера, она только не хотѣла сближенія тѣснѣе, какъ онъ желалъ, и не давала ему никакихъ другихъ, кромѣ самыхъ ограниченныхъ правъ на свое вниманіе.

Онъ держалъ крѣпко слово: не ходилъ къ ней; видѣлся съ ней только за обѣдомъ, мало говорилъ и вовсе не преслѣдовалъ. «Поговорю съ ней раза два, окончательно разрѣшу себѣ задачу, какъ было и съ Бѣловодовой, и съ Марѳинькой, и по обыкновенію разочаруюсь—потомъ уѣду»! рѣшилъ онъ.

— Егоръ! сказалъ онъ: ты осмотри чемоданъ, цѣлъ ли замокъ и ремни — я недолго здѣсь останусь.

Въ домѣ было тихо, вотъ ужъ и двѣ недѣли прошли со времени пари съ Маркомъ, а Борисъ Павлычъ не влюбленъ, не бѣснуется, не дѣлаетъ глупостей, и въ теченіи дня рѣшительно забываетъ о Вѣрѣ, только вечеромъ и утромъ она является въ головѣ, какъ по зову. Онъ старался, и успѣвалъ, не показывать ей, что еще занятъ ею. Ему даже хотѣлось бы стереть и память объ увлеченіи, которое онъ неосторожно и смѣшно высказалъ. «Вотъ ужъ до чего я дошелъ? стыжусь своего идола — значитъ побѣда

Digitized by Google

близка!» радовался онъ про себя, хотя ловилъ и уличалъ себя въ томъ, что припоминаетъ малѣйшую подробность о ней: видитъ, не глядя, какъ она войдетъ, что̀ скажетъ, почему молчитъ, какъ взглянетъ. «Все это пустое, миражъ, миражъ! говорилъ онъ: анализъ коснулся впечатлѣнія — и его нѣтъ!»

Онъ занялся портретомъ Татьяны Марковны и программой романа, которая приняла значительный объемъ. Онъ набросалъ первую встрѣчу съ Вѣрой, свое впечатлѣніе, вставилъ туда, въ видѣ аксессуаровъ, всѣ лица, пейзажи Волги, фотографію съ своего имѣнія — и мало по малу оживлялся. Его «миражъ» сталъ облекаться въ плоть. Передъ нимъ носилась тайна созданія. Онъ сталъ веселъ, развязенъ, и раза два гулялъ съ Вѣрой, какъ съ посторонней, милой, умной собесѣдницей, и сыпалъ передъ ней, безъ умысла и желанія добиваться чего-нибудь, весь свой запасъ мыслей, знаній, анекдотовъ, бурно игралъ фантазіей, разливался въ шуткахъ, или въ задумчивыхъ догадкахъ развивалъ свое міросозерцаніе, — словомъ, жилъ тихою, но пріятною жизнью, ничего не требуя, ничего ей не навязывая. Онъ съ удовольствіемъ примѣтилъ, что она перестала бояться его, довѣрялась ему, не запиралась отъ него на ключъ, не уходила изъ сада, видя, что онъ, пробывъ съ ней нѣсколько минутъ, уходилъ самъ; просила смѣло у него книгъ, и даже приходила за ними сама къ нему въ комнату, а онъ, давая требуемую книгу, не удерживалъ ее, не напрашивался въ «руководители мысли», не спрашивалъ о прочитанномъ, а она сама иногда говорила ему о своемъ впечатлѣніи. Они послѣобѣденные часы нерѣдко просиживали вдвоемъ у бабушки — и Вѣра не скучала, слушая его, даже иногда улыбалась его шуткамъ. А иногда случалось, что она, вдругъ не дослушавъ конца страницы, не кончивъ разговора, слегка извинялась и уходила — неизвѣстно куда, и возвращалась черезъ часъ, черезъ два, или вовсе не возвращалась къ нему — онъ не спрашивалъ. Его отвлекали, кромѣ его труда, нѣкоторыя знакомства въ городѣ, которыя онъ успѣлъ сдѣлать. Иногда онъ обѣдывалъ у губернатора, даже былъ съ Марѳинькой и съ Вѣрой на загородномъ лѣтнемъ праздникѣ у откупщика, но къ сожалѣнію Татьяны Марковны, не плѣнился его дочерью, сухо отвѣтивъ на ея вопросы о ней, что она «барышня».

Вѣра была невозмутимо равнодушна къ нему: вотъ въ чемъ онъ убѣдился и чему покорялся, по необходимости. Хотя онъ сдѣлалъ успѣхи въ ея довѣріи и дружбѣ, но эта дружба была еще отрицательная, и довѣріе ея состояло только въ томъ, что она не боялась больше неприличнаго шпіонства его за собой.

Digitized by Google

У ней сильно задрожалъ отъ улыбки подбородокъ, когда онъ самъ остроумно сравнилъ себя съ выздоровѣвшимъ съумасшедшимъ, котораго уже не боятся оставлять одного, не запираютъ оконъ въ его комнатѣ, даютъ ему ножъ и вилку за обѣдомъ, даже позволяютъ самому бриться—но все еще у всѣхъ въ домѣ памятны недавнія сцены неистовства, и потому внутренно никто не поручится, что въ одно прекрасное утро онъ не выскочитъ изъ окна, или не перерѣжетъ себѣ горла.

Дружба ея не дошла еще до того, чтобъ она повѣрила ему что-нибудь, если не тайны свои, такъ хоть обратилась бы къ его мнѣнію, къ авторитету его опытности въ чемъ-нибудь, къ его дружбѣ, наконецъ сказала бы ему, что ее занимаетъ, кто ей нравится, кто нѣтъ. Никакой искренней своей мысли не высказала она, не обнаружила желанія, кромѣ одного, которое высказала категорически — это быть свободной, т. е. чтобы ее оставляли самой себѣ, не замѣчали за ней, забыли бы о ея существованіи. «Ну, вотъ—это исполнено теперь: что-жъ дальше? уже-ли такъ все и будетъ?» говорилъ онъ. «Надо поосторожнѣе справиться!..» Онъ добился, что она стала звать его братомъ, а не кузеномъ, но на *ты* не переходила, говоря, что *ты*, само по себѣ, безъ всякихъ правъ, уполномочиваетъ на многое, чего той или другой сторонѣ иногда не хочется, порождаетъ короткость, даже иногда стѣсняетъ ненужной, и часто нераздѣленной, другой стороной, дружбой.

— Ну, довольна ты мной? сказалъ онъ однажды послѣ чаю, когда они остались одни.

— Что такое, чѣмъ? спросила она, взглянувъ на него съ любопытствомъ.

— Какъ чѣмъ? съ изумленіемъ повторилъ онъ: а перемѣной во мнѣ?

— Перемѣной?

— Да! Прошу покорно! Я работалъ, смирялъ свои взгляды, желанія, молчалъ, не замѣчалъ тебя: чего мнѣ это стоило! А она и не замѣтила! Вѣдь я испытываю себя, а она... Вотъ и награда!

— Я думала, вы и забыли объ этомъ! сказала она равнодушно.

— А ты забыла?

— Да, и это награда и есть.

Онъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Хороша награда! сказалъ онъ: забыла!

— Да, я забыла, что вы мнѣ надоѣдали и вижу въ васъ теперь то, чѣмъ вамъ слѣдовало быть сначала, какъ вы пріѣхали.

Digitized by Google

— И только?

— Чего-же вы хотите?

— А дружба?

— Это дружба и есть. Я очень дружна съ вами...

«Э! такъ нельзя, нѣтъ!..» горячился онъ про себя — и тутъ-же самъ себя внутренно уличилъ, что онъ проситъ у Вѣры «на водку» за то, что поступалъ «справедливо».

— Хороша дружба: я ничего не знаю о тебѣ,—ты ничего мнѣ не повѣряешь, никакой сообщительности — какъ чужая... замѣтилъ онъ.

— Я ничего никому не говорю: ни бабушкѣ, ни Марѳинькѣ....

— Это правда: бабушка, Марѳинька — милыя, добрыя существа, но между ними и тобой цѣлая бездна... а между мною и тобой много общаго...

— Да, я забыла, что я «мудрая», сказала она насмѣшливо.

— Ты развитая: у тебя не молчитъ умъ, и если сердце еще не заговорило, то ужъ трепещетъ ожиданіемъ... Я это вижу...

— Что же вы видите?

— Что ты будто прячешься и прячешь что-то... Богъ тебя знаетъ!

— Пусть же Онъ одинъ и знаетъ, что у меня!

— Ты — характеръ, Вѣра!

— Что-жъ, это порокъ?

— Рѣдкое достоинство — если характеръ, а не претензія на него.

Она слегка пожала плечами, какъ бы не удостоивая отвѣчать.

— И у тебя нѣтъ потребности высказаться передъ кѣмъ-нибудь, раздѣлить свою мысль, провѣрить чужимъ умомъ или опытомъ какое-нибудь темное пятно въ жизни, туманное явленіе, загадку? А вѣдь для тебя много новаго...

— Нѣтъ, братъ, пока нѣтъ желанія, а если будетъ, можетъ быть, я тогда и приду къ вамъ...

— Помни же, Вѣра, что у тебя есть братъ, другъ, который готовъ все для тебя сдѣлать, даже принести жертвы....

— За что вы будете приносить ихъ?

— За то, что — ты такъ.... «прекрасна» хотѣлось сказать, но она смотрѣла на него строго. — За то, что ты такъ... умна, своеобразна.... и притомъ мнѣ такъ хочется, договорилъ онъ.

— А если мнѣ не хочется?

— Ну, значитъ, нѣтъ дружбы.

— Да неужели дружба такое корыстное чувство, и другъ

Digitized by Google

только цѣнится потому, что сдѣлалъ то или другое? Развѣ нельзя такъ любить другъ друга: за характеръ, за умъ? Еслибъ я любила кого-нибудь, я бы даже избѣгала одолжать его или одолжаться....

— Отъ чего?

— Я ужъ сказала однажды, отъ чего: чтобъ не испортить дружбы. Равенства не будетъ, друзья связаны будутъ не чувствомъ, а одолженіемъ, оно вмѣшается—и одинъ станетъ выше, другой ниже: гдѣ же свобода?

— Какая ты красная, Вѣра: вездѣ свобода! Кто это нажужжалъ тебѣ про эту свободу?... Это видно какой-то диллетантъ свободы! Этакъ нельзя попросить другъ у друга сигары, или поднять тебѣ вотъ этотъ платокъ, что̀ ты уронила подъ ноги, не сдѣлавшись крѣпостнымъ рабомъ! Берегись: отъ свободы до рабства, какъ отъ разумнаго до нелѣпаго—одинъ шагъ! Кто это внушилъ тебѣ?

— Никто, сказала она зѣвая и вставая съ мѣста.

— Я не надоѣлъ тебѣ, Вѣра? спросилъ онъ торопливо: пожалуйста не прими этого за допытыванье, за допросъ; не ставь всякаго лыка въ строку. Это простой разговоръ....

— Я настолько «мудра», братъ, чтобъ отличить бѣлое отъ чернаго: и я съ удовольствіемъ говорю съ вами, и если вамъ не скучно, приходите сегодня вечеромъ опять ко мнѣ, или въ садъ: мы будемъ продолжать....

Онъ чуть не вспрыгнулъ отъ радости.

— Милая Вѣра! сказалъ онъ.

— Только, я боюсь, что не умѣю занять васъ: я все молчу, вамъ приходится говорить одному.

— Нѣтъ, нѣтъ—будь такою, какая ты есть и какою хочешь быть....

— Вы позволяете, братецъ?

— Не смѣйся, ейбогу, я не шучу....

— Ну, и побожились еще, какъ Викентьевъ.... теперь ужъ надо помнить слово—«До вечера».

IV.

И вечеромъ ничего больше не добился Райскій. Онъ говорилъ, мечталъ, вспыхивалъ въ одно мгновеніе отъ ея бархатныхъ, темнокарихъ глазъ и тотчасъ же угасалъ отъ равнодушнаго взгляда ихъ. Передъ нимъ было прекрасное явленіе, съ задатками такого сильнаго, мечтательнаго, безумнаго сча-

Digitized by Google

стья, но оно было недоступно ему: онъ лишенъ былъ права, не только выражать желанія, даже глядѣть на нее иначе, какъ на сестру, или какъ глядятъ на чужую, незнакомую женщину. Оно такъ и должно быть: онъ уже согласился съ этимъ. Еслибъ это отчужденіе налагалось на него только чистотой дѣвической скромности, безсознательно, невѣдающею зла невинностью, какъ было съ Марѳинькой, онъ бы скорѣе успокоился, уваживъ безусловно святость невѣдѣнія. Но у Вѣры нѣтъ этой безсознательности: въ ней проглядываетъ и проговаривается, если не опытъ (и конечно не опытъ: онъ былъ убѣжденъ въ этомъ), если не знаніе, то явное предчувствіе опыта и знанія, и она—не невѣдѣніемъ, а гордостью отразила его нескромный взглядъ и желаніе нравиться ей. Стало быть она уже знаетъ, что̀ значитъ страстный взглядъ, влеченіе къ красотѣ, къ чему это ведетъ, и когда, и почему поклоненіе можетъ быть оскорбительно. Она какъ-нибудь угадала или услѣдила перспективу впечатлѣній, борьбу чувствъ и предузнаетъ ходъ и, можетъ быть, драму страсти, и понимаетъ, какъ глубоко входитъ эта драма въ жизнь женщины.

Эта преждевременная чуткость не есть непремѣнно плодъ опытности. Предвидѣнія и предчувствія будущихъ шаговъ жизни даются острымъ и наблюдательнымъ умамъ вообще, женскимъ въ особенности, часто безъ опыта, предтечей которому у тонкихъ натуръ служитъ инстинктъ. Онъ готовитъ ихъ къ опыту по какимъ-то намекамъ, непонятнымъ для наивныхъ натуръ, но явнымъ для открытыхъ, острыхъ глазъ, которые способны, при блескѣ молніи, разрѣзавшей тучи, схватить весь рисунокъ освѣщенной мѣстности и удержать въ памяти. А у Вѣры именно такіе глаза: она броситъ всего одинъ взглядъ на толпу, въ церкви, на улицѣ, и сейчасъ увидитъ, кого ей нужно, также однимъ взглядомъ и на Волгѣ она замѣтитъ, и судно, и лодку въ другомъ мѣстѣ, и пасущихся лошадей на островѣ, и бурлаковъ на баркѣ, и чайку, и дымокъ изъ трубы въ дальней деревушкѣ. И умъ, кажется, у ней былъ такой же быстрый, ничего не пропускающій, какъ глаза. Не все, конечно, знаетъ Вѣра въ игрѣ или борьбѣ сердечныхъ движеній, но однако же она, какъ по всему видно, понимаетъ, что тамъ таится цѣлая область радостей, горя, что умъ, самолюбіе, стыдливость, нѣга участвуютъ въ этомъ вихрѣ и волнуютъ человѣка. Инстинктъ у ней шелъ далеко впередъ опыта. Вотъ объ этомъ и хотѣлось бы поговорить Райскому съ ней, допытаться, почему ей этотъ міръ волненій какъ будто знакомъ, отъ чего она такъ сознательно гордо и упрямо отвергаетъ его поклоненіе. Но она и вида не пока-

Digitized by Google

зываетъ, что замѣчаетъ его желаніе проникнуть ея тайны, и если у него вырвется намекъ—она молчитъ, если въ книгѣ идетъ рѣчь объ этомъ, она слушаетъ равнодушно, какъ Райскій голосомъ ни напираетъ на томъ мѣстѣ.

У него, отъ напряженныхъ усилій разгадать и обратить Вѣру къ жизни («а не отъ любви» думалъ онъ), накипало на сердцѣ, нервы раздражались опять, онъ становился ѣдокъ и золъ. Тогда пропадала веселость, надоѣдалъ трудъ, не помогали развлеченія. «Это не опытъ, а пытка!» говорилъ онъ въ такіе мрачные дни и боязливо спрашивалъ себя, къ чему ведетъ вся эта тактика и откуда она у него проистекаетъ? И совѣстно было ему по временамъ, когда онъ трезво оглядывался вокругъ, какъ это онъ довелъ себя до такой подчиненной роли передъ дѣвочкой, которая мудритъ надъ нимъ, какъ надъ школьникомъ, подсмѣивается и платитъ за всю его дружбу безнадежнымъ равнодушіемъ? Онъ опять подкарауливалъ въ себѣ подозрительные взгляды, которые бросалъ на Вѣру, разъ или два онъ спрашивалъ у Марины, дома ли барышня, и однажды, не заставши ее въ домѣ, полдня просидѣлъ у обрыва и, не дождавшись, пошелъ къ ней и спросилъ, гдѣ она была, стараясь сдѣлать вопросъ небрежно. «Была тамъ, на берегу, на Волгѣ», еще небрежнѣе отвѣчала она. Онъ только хотѣлъ уличить ее, что онъ тамъ караулилъ и что ея не было, но удержался, за то у него вырвался взглядъ изумленія и былъ ею замѣченъ. Но она даже не дала себѣ труда объясниться, отъ чего вышло противорѣчіе и какимъ путемъ она воротилась съ берега. Но она была тамъ, или гдѣ-нибудь далеко, потому что была немного утомлена, надѣла, воротясь, вмѣсто ботинокъ, туфли, вмѣсто платья, блузу, и руки у ней были нѣсколько горячи.

Онъ однако продолжалъ работать надъ собой, чтобы окончательно завоевать спокойствіе, опять ѣздилъ по городу, опять заговаривалъ съ смотрительской дочерью и предавался необузданному веселью отъ ея отвѣтовъ. Даже иногда вновь пытался возбудить въ Марѳинькѣ какую-нибудь искру поэтическаго, нѣсколько мечтательнаго, нѣсколько бурнаго чувства, не къ себѣ, нѣтъ, а только повѣять на нее какимъ-нибудь свѣжимъ и новымъ воздухомъ жизни, но все отскакивало отъ этой ясной, чистой и тихой натуры. Иногда онъ какъ будто и расшевелитъ ее, она согласится съ нимъ, выслушаетъ задумчиво, если онъ скажетъ ей что-нибудь «умное или мудреное», а черезъ пять минутъ слышишь ея голосъ гдѣ-нибудь вверху уже поетъ: «Не наглядный ты мой, какъ люблю я тебя», или рисуетъ она букетъ цвѣтовъ, семейство голубей, портретъ съ своего кота, а не то,

Digitized by Google

примолкнетъ, сидя гдѣ-нибудь, и читаетъ книжку «съ веселымъ окончаніемъ», или же болтаетъ неумолкаемо и споритъ съ Викентьевымъ.

Протянулась еще недѣля, и скоро долженъ исполниться мѣсяцъ глупому предсказанію Марка, а Райскій чувствовалъ себя свободнымъ «отъ любви». Въ любовь свою онъ не вѣрилъ и относилъ все къ раздраженію воображенія и любопытства. Случалось даже, что по нѣскольку дней не бывало и раздраженія, и Вѣра являлась ему безразлично съ Марѳинькой: обѣ казались парой прелестныхъ институтокъ на выпускѣ, съ институтскими тайнами, обожаніемъ, со всею мечтательною теоріею и взглядами на жизнь, какія только устанавливаются въ головѣ институтки — впредь до опыта, который и перевернетъ все вверхъ дномъ. Вѣра приходила, уходила, онъ замѣчалъ это, но не вздрагивалъ, не волновался, не добивался ея взгляда, слова, и, вставши однажды утромъ, почувствовалъ себя совершенно твердымъ, т. е. равнодушнымъ и свободнымъ, не только отъ желанія добиваться чего-нибудь отъ Вѣры, даже отъ желанія пріобрѣтать ея дружбу. «Я совсѣмъ теперь холоденъ и покоенъ, и могу, по уговору, объявить наконецъ ей, что я готовъ, опытъ конченъ — я ей другъ, такой, какихъ множество у всѣхъ. А на дняхъ и уѣду. Да: надо еще повидаться съ «Варравой» и стащить съ него послѣдніе панталоны: «не держи пари!»

Онъ мимоходомъ подтвердилъ Егоркѣ, чтобы тотъ принесъ чемоданъ съ чердака и приготовилъ къ отъѣзду.

Онъ пошелъ къ Леонтью справиться, гдѣ въ настоящую минуту витаетъ Маркъ, и засталъ ихъ обоихъ за завтракомъ.

— Знаете что, сказалъ Маркъ, глядя на него: — вы могли бы сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ, еслибъ были посмѣлѣе.

— То-есть, еслибъ у меня хватило смѣлости подстрѣлить кого-нибудь, или разбить ночью трактиръ, отвѣчалъ Райскій.

— Ну, гдѣ вамъ разбить ночью трактиръ! Да и не нужно — у бабушки вѣчный трактиръ. Нѣтъ, спасибо и на томъ, что выгнали изъ дома старую свинью. Говорятъ, вдвоемъ съ бабушкой: молодцы!

— Почемъ вы знаете?

— Весь городъ говоритъ! Хорошо! Я ужъ хотѣлъ къ вамъ съ почтеніемъ идти, да вдругъ, слышу, вы съ губернаторомъ связались, зазвали къ себѣ и ходили передъ нимъ съ той же бабушкой на заднихъ лапахъ! Вотъ это скверно! А я было думалъ, что вы и его затѣмъ позвали, чтобъ спихнуть съ крыльца!

— Это называется, кажется, «гражданское мужество»? сказалъ Райскій.

Digitized by Google

— Да ужъ не знаю, какое, а только я вамъ какъ-нибудь покажу образчикъ этого мужества. Вотъ тутъ что-то часто сталъ ѣздить мимо нашихъ огородовъ полиціймейстеръ: это, должно быть, его превосходительство изволитъ безпокоиться и подсылаетъ узнавать о моемъ здоровьи, о моихъ удовольствіяхъ: ну, хорошо же!.. Теперь я воспитываю пару бульдоговъ: еще недѣли не прошло, какъ они у меня, а ужъ на огородахъ у насъ ни одной кошки не осталось.... Я ихъ посажу теперь на чердакъ, въ темноту, а когда полковникъ, или его свита, изволятъ пожаловать, такъ мои птенцы и вырвутся... нечаянно, конечно...

— Ну, я пришелъ съ вами проститься — скоро ѣду! сказалъ Райскій.

— Вы, ѣдете? съ изумленіемъ спросилъ Маркъ.

— А что?

— Мнѣ нужно бы сказать вамъ нѣсколько словъ... тихо и серьезно сказалъ онъ.

Райскій въ свою очередь съ удивленіемъ поглядѣлъ на него.

— Что̀ вамъ: говорите! сказалъ онъ: — не денегъ ли опять?

— Пожалуй, и денегъ опять — да теперь не о деньгахъ рѣчь: послѣ, я къ вамъ зайду, теперь нельзя...

Онъ кивнулъ на жену Козлова, сидѣвшую тутъ, давая знать, что при ней не хочетъ говорить.

Леонтій всплеснулъ руками, услыхавъ объ отъѣздѣ Райскаго; жена его надулась.

— Какъ же, кто васъ пуститъ? шептала она: — хороши: такъ-то помните свою Улиньку? Ни разу безъ мужа не пришли ко мнѣ... Она взяла его за руку и долго держала, глядя на него съ печальной насмѣшкой.

— А деньги принесли? спросилъ Маркъ: — триста рублей пари?

Райскій иронически поглядывалъ на него.

— Ну, что же, панталоны гдѣ? сказалъ онъ.

— Я не шучу, давайте триста рублей.

— За что? Я не влюбленъ, какъ видите.

— Нѣтъ, я вижу, что вы по уши влюблены.

— Какъ же это вы видите?

— Да такъ: по рожѣ.

— Смотрите же: мѣсяцъ прошелъ — и пари кончено. Мнѣ вашихъ панталонъ не нужно — я ихъ вамъ дарю, въ придачу къ пальто.

— Какъ-же это ты... ѣдешь!.. съ горестью говорилъ Козловъ: — а книги?

— Какія книги?

Digitized by Google

— А эти, твои, — вотъ онѣ, всѣ цѣлы, вотъ по каталогу, въ порядкѣ...

— Вѣдь я тебѣ подарилъ ихъ.

— Да полно шутить, скажи, куда ихъ?..

— Прощайте, мнѣ некогда, съ книгами не приставай, сожгу, сказалъ Райскій. — Ну, мудрецъ, по рожамъ узнающій влюбленныхъ — прощайте! Не знаю, встрѣтимся ли опять...

— Деньги подайте — это безчестно не отдавать, говорилъ Маркъ: — я вижу любовь: она, какъ корь, еще не вышла наружу, но скоро высыпитъ... Вонъ, лице ужъ красное! Какая досада, что я срокъ назначилъ! Отъ собственной глупости потерялъ триста рублей!

— Прощайте!

— Вы не уѣдете, сказалъ Маркъ.

— Я еще зайду къ тебѣ, Козловъ... я на той недѣлѣ ѣду, обратился Райскій къ Леонтью.

— Ну, такъ не уѣдете, повторилъ Маркъ.

— А что-жъ твой романъ? спросилъ Леонтій: — вѣдь ты хотѣлъ его кончить здѣсь.

— Я ужъ у конца — только привести въ порядокъ, въ Петербургѣ займусь.

— И романа не кончите, ни живого, ни бумажнаго! замѣтилъ Маркъ.

Райскій живо обернулся къ нему, хотѣлъ что-то сказать, но отвернулся съ досадой и ушелъ.

— Отчего жъ ты думаешь, что романа не кончитъ? спросилъ Леонтій Марка.

— Гдѣ ему! съ язвительнымъ смѣхомъ отвѣчалъ Маркъ: — онъ неудачникъ!

V.

Райскій пошелъ домой, чтобъ поскорѣе объясниться съ Вѣрой, но не въ томъ уже смыслѣ, какъ было положено между ними. Побѣда надъ собой была до того вѣрна, что онъ стыдился прошедшей слабости и ему хотѣлось немного отомстить Вѣрѣ за то, что она поставила его въ это положеніе. Онъ дорогой придумалъ до десяти редакцій послѣдняго разговора съ ней: и тутъ опять воображеніе стало рисовать ему, какъ онъ явится ей въ новомъ, неожиданномъ образѣ, смѣлый, насмѣшливый, свободный отъ всякихъ надеждъ, нечувствительный къ ея красотѣ, какъ она удивится, можетъ быть... опечалится! Нако-

Digitized by Google

нецъ, онъ остановился на одной редакціи разговора, дружеской, но учтиво-покровительственной и, въ результатѣ, совершенно равнодушной. У него даже мелькнула мысль передать ей, конечно, въ приличной и доступной ей степени и формѣ, всю длинную исповѣдь своихъ увлеченій, поставить на невѣдомую ей высоту Бѣловодову, облить ее блескомъ красоты, женскаго достоинства, такъ, чтобы бѣдная Вѣра почувствовала себя просто Сандрильоной передъ ней, и потомъ повѣдать о томъ, какъ и эта красота жила только недѣлю въ его воображеніи. Онъ хотѣлъ осыпать жаркими похвалами Марѳиньку и въ заключеніе упомянуть вскользь и о Вѣрѣ, благосклонно отозваться о ея красотѣ, о своемъ легкомъ увлеченіи, и всѣхъ ихъ поставить на одну доску, выдвинувъ напередъ другихъ, а Вѣру оставивъ въ тѣни, на заднемъ планѣ. Онъ трепеталъ отъ радости, создавъ въ воображеніи цѣлую картину — сцену ея и своего положенія, ея смущенія, сожалѣній, которыя, можетъ быть, онъ забросилъ ей въ сердце и которыхъ она еще теперь не сознаетъ, но сознаетъ, когда его не будетъ около. Онъ такъ цѣликомъ и хотѣлъ внести эту картину-сцену въ свой проектъ и ею закончить романъ, набросивъ на свои отношенія съ Вѣрой таинственный полу-покровъ: онъ уѣзжаетъ непонятый, неоцѣненный ею, съ презрѣніемъ къ любви и ко всему тому, что нагромоздили на это простое и несложное дѣло люди, а она останется съ жаломъ — не любви, а предчувствія ея въ будущемъ, и съ сожалѣніемъ объ утратѣ, съ туманными тревогами сердца, со слезами, и потомъ вѣчной, тихой тоской до замужества — съ совѣтникомъ палаты! Оно не совсѣмъ такъ, но вѣдь романъ — не дѣйствительность, и эти отступленія отъ истины онъ называлъ «литературными пріемами». У него даже духъ занимался отъ предчувствія, какъ это будетъ эффектно, и въ дѣйствительности, и въ романѣ.

Онъ сдѣлалъ гримасу, встрѣтивши бабушку, уже слышавшую отъ Егорки, что баринъ велѣлъ осмотрѣть чемоданъ и приготовить къ слѣдующей недѣлѣ бѣлье и платье. Новость облетѣла весь домъ. Всѣ видѣли, какъ Егорка потащилъ чемоданъ въ сарай смести съ него пыль и паутину, но дорогой предварительно успѣлъ надѣть его на голову мимошедшей Анюткѣ, отчего та уронила кастрюльку со сливками, а онъ захихикалъ и скрылся. Бабушка была поражена неожиданною вѣстью.

— Это ты что затѣялъ, Борюшка? приступила-было она къ нему и осыпала его упреками, закидала вопросами — но онъ отдѣлался отъ нея и пошелъ къ Вѣрѣ.

Digitized by Google

Тихо, съ замирающимъ отъ нетерпѣнія сердцемъ предстать въ новомъ видѣ, пробрался онъ до ея комнаты, неслышно дошелъ по ковру къ ней. Она сидѣла за столомъ, опершись на него локтями и разбирая какое-то письмо, на простой синей бумагѣ, написанное, какъ онъ мелькомъ замѣтилъ, безпорядочными строками, и запечатанное бурымъ сургучемъ.

— Вѣра! сказалъ онъ тихо.

Она вздрогнула отъ испуга такъ, что и онъ задрожалъ. Въ это же мгновеніе рука ея съ письмомъ быстро опустилась въ карманъ.

Оба они неподвижно глядѣли другъ на друга.

— Извини, ты занята? сказалъ онъ, пятясь отъ нея, но не уходя.

Она молчала и мало по малу приходила отъ испуга въ себя, не спуская съ него глазъ и все стоя, какъ встала съ мѣста, не вынимая руки изъ кармана.

— Письмо? говорилъ онъ, глядя на карманъ. Она глубже опустила туда руку. У него въ одну минуту возникли подозрѣнія на счетъ Вѣры, мелькнуло въ головѣ и то, какъ она недавно обманула его, сказавъ, что была на Волгѣ, а сама очевидно тамъ не была. «Что это такое!» со страхомъ подумалъ онъ.

— Должно быть интересное письмо и большой секретъ! съ принужденной улыбкой сказалъ онъ.—Ты такъ быстро спрятала.

Она сѣла на диванъ и продолжала глядѣть на него уже равнодушно.

«Нѣтъ, ужъ теперь не надуешь этимъ равнодушіемъ!» подумалъ онъ.

— Покажи письмо... сказалъ онъ шутливо, не твердымъ отъ волненія голосомъ.

Она съ удивленіемъ взглянула на него и плотнѣе прижала руку къ карману.

— Не покажешь?

Она покачала головой.—Зачѣмъ? спросила потомъ.

— Разумѣется, мнѣ не нужно: что интереснаго въ чужомъ письмѣ? Но докажи, что ты довѣряешь мнѣ и что въ самомъ дѣлѣ дружна со мной. Ты видишь, я равнодушенъ къ тебѣ. Я шелъ успокоить тебя, посмѣяться надъ твоей осторожностью и надъ своимъ увлеченіемъ. Погляди на меня: таковъ-ли я, какъ былъ?... («ахъ, чортъ возьми, это письмо изъ головы нейдетъ!» думалъ между тѣмъ самъ.)

Она поглядѣла на него, точно ли онъ равнодушенъ. Лицо, пожалуй, и равнодушно, но голосомъ онъ какъ будто проситъ милостыню.

Digitized by Google

— Не покажешь? Ну, Богъ съ тобой! полупечально сказалъ онъ. — Я пойду.

Онъ обернулся къ дверямъ.

— Постойте, сказала она. Потомъ пошарила немного рукой въ карманѣ, вынула письмо и подала ему. Онъ поглядѣлъ на обѣ стороны и взглянулъ на подпись: Pauline Kritzki.

— Это не то письмо, сказалъ онъ, подавая его назадъ.

— А развѣ вы видѣли другое? спросила она сухо.

Онъ боялся признаться, что видѣлъ, чтобъ опять не уличила она его въ шпіонствѣ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ.

— Ну, такъ читайте.

«Ma belle, charmante, divine Вѣра Васильевна!» начиналось письмо: «я въ восторгѣ, становлюсь на колѣна передъ вашимъ милымъ, благороднымъ, прекраснымъ братомъ! Онъ отмстилъ за меня, я торжествую и плачу отъ радости. Онъ былъ великъ! Скажите ему, что онъ мой рыцарь навсегда, что я его вѣчная, послушная раба! Ахъ, какъ я его уважаю.... сказала бы.... слово вертится на языкѣ, — но не смѣю.... Почему не смѣть? Да, я его люблю, нѣтъ, боготворю! — Всѣ мужчины должны пасть на колѣни передъ нимъ!!....»

Райскій отдалъ-было письмо назадъ.

— Нѣтъ, продолжайте, сказала Вѣра: тамъ есть просьба до васъ.

Райскій пропустилъ нѣсколько строкъ и читалъ дальше.

«Упросите, умолите вашего брата — онъ васъ обожаетъ, о не защищайтесь — я замѣтила его страстные взгляды.... Боже, зачѣмъ я не на вашемъ мѣстѣ!... Упросите его, душечка Вѣра Васильевна, сдѣлать мой портретъ — онъ обѣщалъ: Богъ съ нимъ съ портретомъ, но чтобъ мнѣ быть только съ артистомъ, видѣть его, любоваться имъ, говорить, дышать съ нимъ однимъ воздухомъ! Я чувствую, ахъ, я чувствую... Ma pauvre tête, je deviens folle! Je compte sur vous, ma belle et bonne amie, et j'attends la réponse...»

— Что-жъ отвѣчать ей? спросила Вѣра, когда Райскій положилъ письмо на столъ. Онъ молчалъ, не слыхавъ вопроса, все думая, отъ кого другое письмо и отъ чего она его прячетъ?

— Написать, что вы согласны? спросила опять Вѣра.

— Боже, сохрани — ни зачто! опомнившись съ досадой сказалъ Райскій.

— Какъ же быть: она хочетъ «дышать съ вами однимъ воздухомъ...» — У ней задрожалъ подбородокъ.

— Чортъ съ ней, я задохнусь въ этомъ воздухѣ.

Digitized by Google

— А еслибъ я васъ попросила? сказала она грудным шепотомъ, кокетливо поглядѣвъ на него.

Сердце у него перевернулось.

— Ты? зачѣмъ тебѣ это нужно? спросилъ онъ.

— Такъ, мнѣ хочется сдѣлать ей что-нибудь пріятное... сказала она, но не прибавила, что она хваталась за это средство, чтобъ хоть немного отучить Райскаго отъ себя. Она знала, что Полина Карповна вцѣпится въ него и не скоро выпуститъ его изъ рукъ.

— Ты примешь за знакъ дружбы, если я исполню это?

Она кивнула головой.

— Но вѣдь это жертва?

— Вы напрашивались на нихъ: вотъ одна....

— Ты требуешь? сказалъ онъ, наступая на нее.

— Не надо, не надо, я ничего не требую—торопливо прибавила она, испугавшись и отступая.

— Вотъ ужъ и испугалась моей жертвы! Хорошо, изволь: принеси и ты двѣ маленькія жертвы, чтобъ не обязываться мной. Вѣдь ты не допускаешь въ дружбѣ одолженій: видишь, я вхожу въ твою теорію, мы будемъ квиты.

Она вопросительно глядѣла на него.

— Первое, будь при сеансахъ и ты: а то я съ перваго же раза убѣгу отъ нея: согласна?

Она, нехотя, задумчиво кивнула головой. Ей ужъ не хотѣлось отъ него этого одолженія, когда хитрость ея не удалась и ей самой приходилось сидѣть вмѣстѣ съ ними.

— Во-вторыхъ.... сказалъ онъ и остановился, а она ждала съ любопытствомъ... Покажи другое письмо?

— Какое?

— Что быстро спрятала въ карманъ.

— Тамъ нѣтъ.

— Есть: вонъ, я вижу, оно оттопыривается!

Она опять опустила руку въ карманъ.

— Вы сказали, что не видали другого письма: я вамъ показала одно.—Чего вамъ еще?

— Этого письма ты не спрятала бы съ такимъ испугомъ. Покажешь?

— Вы опять за свое: сказала она съ упрекомъ, перебирая рукой въ карманѣ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ шумѣла бумага.

— Ну, не надо—я пошутилъ: только, ради Бога, не принимай этого за деспотизмъ, за шпіонство, а просто за любопытство. А впрочемъ, Богъ съ тобой и съ твоими секретами! сказалъ онъ, вставая, чтобъ уйти.

Digitized by Google

— Никакихъ секретовъ нѣтъ, сухо отвѣчала она.

— Знаешь ли, что я ѣду скоро? вдругъ сказалъ онъ.

— Знаю, слышала—только правда-ли?

— Почему-жъ ты сомнѣваешься?

Она молчала, опустивъ глаза.

— Ты довольна? спросилъ онъ.

— Да, отвѣчала она тихо.

— Отъ чего-же? съ унынiемъ спросилъ онъ и подошелъ къ ней.

— Отъ чего?

Она подумала, подумала, потомъ опустила руку въ карманъ, достала и другое письмо, пробѣжала его глазами, взяла перо, тщательно вымарала нѣкоторыя слова и строки въ разныхъ мѣстахъ и подала ему: «Я ужъ вамъ говорила — отъ чего: вотъ еще — прочтите! сказала она и опустила руку опять въ карманъ.

Онъ погрузился въ чтенiе. А она стала смотрѣть въ окно.

Письмо было написано мелкимъ женскимъ почеркомъ. Райскiй читалъ: «Я кругомъ виновата, милая Наташа....

— Кто это Наташа?

— Жена священника, моя подруга по пансiону.

— А, попадья!—Такъ это ты пишешь: ахъ, это любопытно! сказалъ Райскiй, и даже потеръ колѣнки одна о другую отъ предстоящаго удовольствiя, и погрузился въ чтенiе.

«Я кругомъ виновата, милая Наташа, что не писала къ тебѣ по возвращенiи домой: по обыкновенiю, лѣнилась, а кромѣ того были и другiя причины, о которыхъ ты сейчасъ узнаешь. Главную изъ нихъ ты знаешь — это.... (тутъ три слова были зачеркнуты)... и что иногда не на шутку тревожитъ меня. Но объ этомъ наговоримся при свиданiи. Другая причина — пріѣздъ нашего родственника, Бориса Павловича Райскаго. Онъ живетъ теперь съ нами, и на бѣду мою, почти не выходитъ изъ дома, такъ что я недѣли двѣ только и дѣлала, что пряталась отъ него. Какую бездну ума, разныхъ знанiй, блеска, талантовъ, и вмѣстѣ шума, или «жизни», какъ говоритъ онъ, привезъ онъ съ собой, и всѣмъ этимъ взбударажилъ весь домъ, начиная съ насъ, т. е. бабушки, Марѳиньки, меня—и до Марѳинькиныхъ птицъ! Можетъ быть, это заняло бы и меня прежде, а теперь, ты знаешь, какъ это для меня неловко, несносно... А онъ, пріѣхавши въ свое помѣстье, вообразилъ, что не только оно, но и все, что въ немъ живетъ — его собственность. На правахъ какого-то родства, котораго и назвать даже нельзя, и еще потому, что онъ видѣлъ насъ маленькихъ, онъ поступаетъ съ нами, какъ съ дѣтьми, или какъ съ пансiонерками. Я прячусь, прячусь, и едва достигла

Digitized by Google

того, что онъ не видитъ, какъ я сплю, о чемъ мечтаю, чего надѣюсь и жду. Я отъ этого преслѣдованія чуть не захворала, не видалась *ни съ кѣмъ*, не писала *ни къ кому*, и даже къ тебѣ, и чувствовала себя точно въ тюрьмѣ. Онъ какъ будто играетъ, можетъ быть, даже нехотя, со мной. Сегодня холоденъ, равнодушенъ, а завтра опять глаза у него блестятъ, и я его боюсь, какъ боятся сумасшедшихъ. Хуже всего то, что онъ самъ не знаетъ себя, и потому нельзя положиться на его намѣренія и обѣщанія: сегодня рѣшится на одно, а завтра сдѣлаетъ другое. Онъ «нервозенъ, впечатлителенъ и страстенъ»: такъ онъ говоритъ про себя — и — это, кажется, вѣрно. Онъ не актеръ, не притворяется: для этого онъ слишкомъ уменъ и образованъ, и при томъ честенъ. «Такая натура!» оправдывается онъ. Онъ какой-то артистъ: все рисуетъ, пишетъ, фантазируетъ на фортепіано (и очень мило), бредитъ искуствомъ, но, кажется, какъ и мы грѣшные, ничего не дѣлаетъ и чуть ли не всю жизнь проводитъ въ томъ, что «поклоняется красотѣ,» какъ онъ говоритъ: просто влюбчивъ по нашему, какъ, помнишь, Дашенька Сѣмечкина, которая была однажды заочно влюблена въ испанскаго принца, увидѣвши портретъ его въ нѣмецкомъ календарѣ, и не пропускала никого, даже настройщика Киша? Но у него есть доброта, благородство, справедливость, веселость, свобода мыслей: только все это выражается порывами, и отъ того не знаешь, какъ съ нимъ держать себя. Теперь онъ ищетъ моей дружбы, но я дружбы его боюсь, боюсь всего отъ него, боюсь, боюсь..... (тутъ было зачеркнуто цѣлыхъ три строки). Ахъ, еслибъ онъ уѣхалъ отсюда! Страшно и подумать, если онъ когда-нибудь..... (опять зачеркнуто нѣсколько словъ). А мнѣ одно нужно: покой! И докторъ говоритъ, что я нервная, что меня надо беречь, не раздражать, и слава Богу, что онъ натвердилъ это бабушкѣ: меня оставляютъ въ покоѣ. Мнѣ не хотѣлось бы выходить изъ моего круга, который я очертила около себя: никто не переходитъ за эту черту, я такъ поставила себя, и въ этомъ весь мой покой, все мое счастіе. Если Райскій какъ нибудь перешагнетъ эту черту, тогда мнѣ останется одно: бѣжать отсюда! Легко сказать— бѣжать, а куда! Мнѣ вмѣстѣ и совѣстно: онъ такъ милъ, добръ ко мнѣ, къ сестрѣ — осыпаетъ насъ дружбой, ласками, и еще хочетъ подарить этотъ уголокъ..... этотъ рай, гдѣ я узнала, что живу, не прозябаю... Совѣстно, зачѣмъ онъ расточаетъ эти незаслуженныя ласки, зачѣмъ такъ старается блистать передо мною и хлопочетъ возбудить во мнѣ нѣжное чувство, хотя я лишила его всякой надежды на это. Ахъ, еслибъ онъ зналъ, какъ напрасно все!...

Digitized by Google

«Ну, теперь скажу тебѣ кое-что о томъ...»

Письмо оканчивалось этой строкой. Райскій дочиталъ и все глядѣлъ на строки, чего-то ожидая еще, стараясь прочесть за строками. Въ письмѣ о самой Вѣрѣ не было почти ничего: она оставалась въ тѣни, а освѣщенъ одинъ онъ — и какъ ярко! Онъ все думалъ надъ письмомъ, оглядывая его со всѣхъ четырехъ сторонъ. Потомъ вдругъ очнулся.

— Это опять не то письмо: то на синей бумагѣ написано! — рѣзко сказалъ онъ, обращаясь къ Вѣрѣ:—а это на бѣлой...

Но Вѣры ужъ не было въ комнатѣ.

VI.

Райскій пришелъ къ себѣ и началъ съ того, что списалъ письмо Вѣры слово въ слово въ свою программу, какъ матеріалъ для ея характеристики. Потомъ онъ погрузился въ глубокое раздумье, не о томъ, что она писала о немъ самомъ: онъ не обидѣлся ея строгими отзывами и сравненіемъ его съ какой-то влюбчивой Дашенькой («что она смыслитъ въ художественной натурѣ!» подумалъ онъ). Его поглотили соображенія о томъ, что письмо это было отвѣтомъ на его вопросъ: рада ли она его отъѣзду? Ему теперь дѣла не было, будетъ ли отъ этого хорошо Вѣрѣ, или нѣтъ, что онъ уѣдетъ, и ему не хотѣлось уже приносить этой жертвы. Лишь только червь сомнѣнія вползъ къ нему въ душу, имъ овладѣлъ грубый эгоизмъ: *я* выступило впередъ и требовало жертвъ себѣ. И все раздумывалъ онъ: отъ кого другое письмо? Онъ задумчиво ходилъ цѣлый день, машинально обѣдалъ, не говорилъ съ бабушкой и Марѳинькой, ушелъ отъ ея гостей, не сказавши ни слова, велѣлъ Егоркѣ вынести чемоданъ опять на чердакъ и ничего не дѣлалъ. Съ мыслью о письмѣ и сама Вѣра засіяла опять и приняла въ его воображеніи образъ какого-то таинственнаго, могучаго, облеченнаго въ красоту зла, и тѣмъ еще сильнѣе и язвительнѣе казалась эта красота. Онъ сталъ чувствовать въ себѣ припадки ревности, перебиралъ всѣхъ, кто былъ вхожъ въ домъ, освѣдомлялся осторожно у Марѳиньки и бабушки, къ кому всѣ онѣ пишутъ и кто пишетъ къ нимъ. «Да кто пишетъ: ко мнѣ никто, — сказала бабушка, — а къ Марѳинькѣ недавно изъ лавки купецъ письмо прислалъ...»

— Это, бабушка, не письмо, а счетъ за шерсть, за узоры: я забирала у него.

— *А* къ Вѣрочкѣ купецъ не присылалъ?—спросилъ Райскій.

— *И* къ ней присылалъ: она для попадьи забирала...

Digitized by Google

— Не на синей ли бумагѣ?

— Да, на синей: вы почемъ знаете? Онъ все на синей бумагѣ пишетъ.

Онъ не отвѣчалъ. Ему стало было легче.

«А зачѣмъ же прятать его?» вдругъ шевельнулась опять и опять пошла на цѣлый день грызть забота. «Да что мнѣ за дѣло, чортъ возьми, вѣдь не влюбленъ же я въ эту статую!»—думалъ онъ, вдругъ останавливаясь на дорожкѣ и ворочая одурѣлыми глазами вокругъ. «Вонъ гдѣ гнѣздится змѣя!»—думалъ опять, глядя злобно на ея окно съ отдувающейся занавѣской. «Пойду прочь, а то еще подумаетъ, что занимаюсь ею... дрянь!»—ворчалъ онъ вслухъ, а ноги сами направлялись уже къ ея крыльцу. Но не хватило духу отворить дверь, и онъ торопливо вернулся къ себѣ, облокотился на столъ локтями и просидѣлъ такъ до вечера. «Что я теперь буду дѣлать съ романомъ?— размышлялъ онъ;—хотѣлъ закончить, а вотъ теперь въ сторону бросило, и опять не видать конца!» Онъ швырнулъ тетради въ уголъ. Все прочее вылетѣло опять изъ головы: бабушкины гости, Маркъ, Леонтій, окружающая идиллія—пропали изъ глазъ; одна Вѣра стояла на пьедесталѣ, освѣщаемая блескомъ солнца и сіяющая въ мраморномъ равнодушіи, повелительнымъ жестомъ запрещающая ему приближаться, и онъ закрывалъ глаза передъ ней, клонилъ голову и мысленно говорилъ: «Вѣра, Вѣра, пощади меня, смотри я убитъ твоей ядовитой красотой: никто никогда не язвилъ меня...» и т. д. То являлась она въ полумракѣ, какъ настоящая Ночь, съ звѣзднымъ блескомъ, съ злой улыбкой, съ таинственнымъ, нѣжнымъ шепотомъ къ кому-то и съ насмѣшливой угрозой ему, блещущая и исчезающая, то трепетная, робкая, то смѣлая и злая!

Ночью онъ не спалъ, днемъ ни съ кѣмъ не говорилъ, мало ѣлъ, и даже похудѣлъ немного — и все отъ такихъ пустяковъ, отъ ничтожнаго вопроса: отъ кого письмо?

Скажи она, вотъ отъ такого-то, или отъ такой-то, и кончено дѣло, онъ и спокоенъ. Стало быть, въ немъ теперь возилось неугомонное, раздраженное любопытство — и больше ничего. Удовлетвори она этому любопытству, тревога и пройдетъ. Въ этомъ и вся тайна.

«Надо узнать отъ кого письмо, во что бы то ни стало,—рѣшилъ онъ, а то меня лихорадка бьетъ. Только лишь узнаю, какъ успокоюсь и уѣду!» сказалъ онъ и пошелъ къ ней тотчасъ послѣ чаю. Ея не было дома. Марина сказала, что барышня надѣла шляпку, мантилью, взяла зонтикъ и ушла. «Куда?» «Богъ ихъ знаетъ,—отвѣчала та: гуляютъ гдѣ нибудь, вѣдь онѣ

Digitized by Google

не говорятъ, куда идутъ.» «Никогда?» — «Никогда, и спрашивать не велятъ: гнѣваются!»

И за обѣдомъ ея не было. Новый ужасъ.

— Гдѣ Вѣра? — спросилъ Райскій у бабушки.

Бабушка только нахмурилась, но ничего не сказала. Онъ къ Марѳинькѣ.

— Не знаю, братецъ: я видѣла давича изъ окна, что она въ деревню пошла.

— Гдѣ же она обѣдаетъ?

— Молока у мужиковъ спроситъ, или послѣ придетъ, у Марины чего-нибудь спроситъ поѣсть.

— Все не по-людски — ворчала про себя бабушка! своенравная — въ мать! Дались имъ какіе-то нервы! И докторъ тоже все о нервахъ твердитъ. «Не трогайте, не перечьте, берегите!» А онѣ отъ нервъ и куролесятъ!

— Что же вы не спросите, куда она ходитъ одна? — спросилъ Райскій.

— Какъ можно спросить: прогнѣваются! — иронически замѣтила Татьяна Марковна, — на три дня запрутся у себя. Бабушка не смѣй рта разинуть!

— Куда-жъ это она одна?.. тихо говорилъ Райскій.

— Она у насъ все одна ходитъ, — отвѣчала Марѳинька.

— А ты?

— Какъ можно: я боюсь.

— Чего?

— Мало ли чего: змѣй, лягушекъ, собакъ, большихъ свиней, воровъ, мертвецовъ... Арины боюсь.

— Какой Арины?

— Дурочка у насъ есть.

— А Вѣра?

— Ничего не боится: даже въ церковь на ночь заприте ее, и то не боится.

— А ты бы спросила ее завтра, Марѳинька, гдѣ она была.

— Разсердится!

— Всѣ боятся, прошу покорно!

На другой день опять она ушла съ утра и вернулась вечеромъ. Райскій просто не зналъ, что дѣлать отъ тоски и неизвѣстности. Онъ караулилъ ее въ саду, въ полѣ, ходилъ по деревнѣ, спрашивалъ даже у мужиковъ, не видали ли ее, заглядывалъ къ нимъ въ избы, забывъ объ уговорѣ не слѣдить за ней.

Уже становилось темно, когда онъ, блуждая между деревьями, вдругъ увидѣлъ ее пробирающеюся сквозь чащу кустовъ и де-

Digitized by Google

ревьевъ росшихъ по обрыву. Онъ весь задрожалъ и бросился къ ней, такъ что и она вздрогнула и остановилась.

— Кто тутъ? — спросила она.

— Это... ты... Вѣра?...

— Да, я: а что?

— А тебя по всему дому искали, не знали, куда ты дѣлась?

— Кто? — нахмурившись спросила она.

— Бабушка и Марѳинька очень безпокоились.

— Что это имъ вздумалось: никогда не безпокоились, а сегодня?.. Вы бы имъ сказали, что напрасно, что я никого не прошу безпокоиться обо мнѣ.

— И... я тоже самъ...

— Вы? покорно благодарю: зачѣмъ?

— Но вѣдь легко можетъ случиться что нибудь...

— Напримѣръ?

— Напримѣръ... бѣда какая нибудь: мало ли случаевъ. Пьяный народъ шатается, змѣи, воры, собаки, свиньи, мертвецы... шутливо прибавилъ Райскій, припомнивъ всѣ страхи Марѳиньки: —могутъ испугать...

— Вотъ я только васъ и испугалась теперь, — сказала она: а тамъ ни воровъ, ни мертвецовъ нѣтъ...

Она указала на обрывъ.

— До бѣды недалеко, иногда такъ легко погибнуть человѣку... замѣтилъ онъ.

— Ну, когда я стану погибать, такъ передъ тѣмъ попрошу у васъ или у бабушки позволенія, — сказала она и пошла.

«Гордое твореніе»!—прошепталъ онъ.—На одну минуту, Вѣра, въ слухъ прибавилъ потомъ:—я виноватъ, не возвратилъ тебѣ письма къ попадьѣ. Вотъ оно. Все хотѣлъ самъ отдать, да тебя не было.

Она взяла письмо и положила въ карманъ.

— А то, другое, которое тамъ? — ласково, но съ дрожью въ голосѣ, спросилъ онъ, наклоняясь къ ней.

— Какое то и гдѣ тамъ?

— Другое, синее письмо: въ карманѣ?

У него сердце замирало, онъ ждалъ отвѣта.

Она вывернула на изнанку карманъ.

— Ахъ, ужъ нѣтъ! — сказалъ Райскій: отъ кого бы оно могло быть?

— То?... А отъ попадьи ко мнѣ — сказала она помолчавъ. — Я на него и отвѣчала.

— Отъ попадьи! — почти закричалъ онъ на весь садъ.

— Да, конечно! — подтвердила она равнодушно и ушла.

Digitized by Google

— Отъ попадьи! — повторилъ онъ, и у него гора съ плечъ свалилась.—А я бился, бился, а ларчикъ открывался просто! Отъ попадьи! Въ самомъ дѣлѣ: въ одномъ карманѣ и письмо и отвѣтъ на него! это ясно! Не показывала она мнѣ: тоже понятно: кто покажетъ чужое письмо, съ чужими секретами?... Разумѣется, разумѣется! И давно бы сказала: охота мучить! Какой мгновенный переходъ однако отъ этой глупой тоски, отъ раздраженія къ спокойствію! Вотъ и опять тишина во всемъ организмѣ, — гармонія! Боже, какой чудный вечеръ! Какое блестящее небо — какъ воздухъ тепелъ, какъ хорошо! Какъ я здоровъ и глубоко покоенъ! Теперь все узналъ, нечего мнѣ больше дѣлать: черезъ два дня уѣду! Егоръ! — закричалъ онъ по двору.

— Чего изволите? — изъ окна людской спросилъ голосъ.

— Завтра пораньше принеси чемоданъ съ чердака!

— Слушаю-съ.

Онъ мгновенно сталъ здоровъ, веселъ, побѣжалъ въ домъ, попросилъ ѣсть, наговорилъ бабушкѣ съ три короба, разсмѣшилъ пять разъ Марѳиньку и обрадовалъ бабушку, наѣвшись за три дня.

— Ну, вотъ слава Богу! три дня ходилъ, какъ убитый, а теперь опять дымъ коромысломъ пошелъ!... А что Вѣра: видѣлъ ты ее? спросила Татьяна Марковна.

— Письмо отъ попадьи! — вдругъ брякнулъ Райскій.

— Какое письмо? — сказали обѣ, Марѳинька и бабушка.

— А то, что на синей бумагѣ, о которомъ я недавно спрашивалъ.

Онъ выспался за всѣ три ночи, удивляясь, какъ просто было подобрать этотъ ключъ, а онъ бился трое сутокъ! «Да вѣдь всѣ простыя догадки даются съ трудомъ: вонъ и Колумбъ просто открылъ Америку»... И остановился, самъ дивясь своему сравненію.

Утромъ онъ всталъ бодрый, веселый, трепещущій силой, нѣгой, надеждами—и отъ чего все это? Отъ того, что письмо было отъ попадьи! Онъ проворно сѣлъ за свои тетради, набросалъ свои мученія, сомнѣнія, и какъ они разрѣшились. У него лились замѣтки, эскизы, сцены, рѣчи. Онъ вспомнилъ о письмѣ Вѣры, хотѣлъ прочесть опять, что она писала о немъ къ попадьѣ, и схватилъ снятую имъ копію съ ея письма.

Онъ жадно пробѣгалъ его, съ улыбкой задумался надъ нелъстивымъ, крупнымъ очеркомъ подъ перомъ Вѣры самаго себя, съ легкимъ вздохомъ перечелъ ту строку, гдѣ говорилось, что нѣтъ ему надежды на ея нѣжное чувство, съ печалью читалъ о своей докучливости, но на сердцѣ у него было покойно: тогда

Digitized by Google

какъ вчера—Боже мой! Какая тревога! «Что-жъ, уѣду, — сказалъ онъ: дамъ ей покой, свободу. Это гордое, непобѣдимое сердце—и мнѣ дѣлать тутъ нечего: мы оба другъ къ другу равнодушны!» Онъ опять пробѣгалъ разсѣянно строки, и вдругъ глаза у него раскрылись широко, онъ поблѣднѣлъ, перечитавъ:

«Не видалась *ни съ кѣмъ* и не писала *ни къ кому*, даже въ тебѣ»...

— *Ни съ кѣмъ* и *ни къ кому* — подчеркнуто! шепталъ онъ, ворочая глазами вокругъ, губы у него задрожали: «тутъ есть *кто-то*, съ *кѣмъ* она видится, къ *кому* пишетъ! Боже мой! Письмо на синей бумагѣ было — не отъ попадьи!» сказалъ онъ въ ужасѣ. Судорога опять прошла внутри его, онъ легъ на диванъ, хватаясь за голову.

VII.

На другой день, часовъ въ десять утра, кто-то постучалъ къ нему въ комнату. Онъ, блѣдный, угрюмый, отворилъ дверь и остолбенѣлъ. Передъ нимъ стояли Вѣра и Полина Карповна, послѣдняя въ палевомъ газовомъ платьѣ, точно въ туманѣ, съ полуоткрытою грудью, съ короткими рукавами, вся въ цвѣтахъ, въ лентахъ, въ кудряхъ: она походила на тѣхъ бѣленькихъ, мелкихъ пудельковъ, которыхъ стригутъ, завиваютъ и убираютъ въ ленточки, ошейники и бантики, ихъ нѣжныя хозяйки, или собачьи фокусники.

Райскій съ ужасомъ поглядѣлъ на нее, потомъ мрачно взглянулъ на Вѣру, потомъ опять на нее. А Крицкая, съ нѣжными до влажности губами, глядѣла на него молча, впустивъ въ него глубокій взглядъ, и отъ переполнявшаго ее экстаза, а также отчасти отъ жара, оттаяла немного, какъ конфетка, называемая «помадой».

Всѣ молчали.

— Я у ногъ вашихъ, сказала наконецъ сдержаннымъ шепотомъ Крицкая.

— Что̀ вамъ угодно? спросилъ онъ свирѣпо.

— У ногъ вашихъ! повторяла она:—вашъ рыцарскій поступокъ... Я не могу вспомнить, не могу выразить...

Она поднесла платокъ къ глазамъ.

— Вѣра, что̀ это значитъ? съ нетерпѣніемъ спросилъ онъ.

Вѣра — ни слова, только подбородокъ у ней дрожалъ.

— Ничего, ничего—простите, торопливо заговорила Полина Карповна: vos moments sont précieux: я готова.

Digitized by Google

— Я писала къ Полинѣ Карповнѣ, что вы согласны сдѣлать ея портретъ, сказала наконецъ Вѣра.

— Ахъ! вырвалось у Райскаго. Онъ сильно потеръ лобъ. «До того-ли мнѣ!» проскрежеталъ онъ про себя.—Пойдемте, сейчасъ начну! рѣшительно сказалъ потомъ: тамъ въ залѣ подождите меня!

— Хорошо, хорошо, прикажите и мы... Allons, chère Вѣра Васильевна! торопливо говорила Крицкая, уводя Вѣру.

Онъ бы безъ церемоніи отдѣлался отъ Полины Карповны, еслибъ при сеансахъ не присутствовала Вѣра. Въ этомъ тотчасъ же сознался себѣ Райскій, какъ только онѣ ушли. Онъ хотя и былъ возмущенъ недовѣріемъ Вѣры, почти ея враждой къ себѣ, взволнованъ загадочнымъ письмомъ, опять будто ненавидѣлъ ее; между тѣмъ дорожилъ всякими пятью минутами, чтобы быть съ ней. Теперь еще его жгло желаніе добиться, отъ кого письмо. Онъ досталъ изъ угла натянутый на рамку холстъ, который готовилъ давно для портрета Вѣры, взялъ краски, палитру. Молча пришелъ онъ въ залу, угрюмо, односложными словами, велѣлъ Василисѣ дать какихъ-нибудь занавѣсокъ, чтобъ закрыть окна, и оставилъ только одно; мелькомъ изъ-подлобья взглянулъ раза два на Крицкую, поставилъ ей кресло и сѣлъ самъ.

— Скажите, какъ мнѣ сѣсть, посадите меня!.. говорила она съ покорной нѣжностью.

— Какъ хотите, только сидите смирно, не говорите ничего, мѣшать будете! отрывисто отвѣчалъ онъ.

— Не дышу!... шепотомъ сказала она и склонила голову нѣжно на бокъ, полузакрыла глаза и сдѣлала сладкую улыбку.

«У, какая противная рожа! шевельнулось у Райскаго въ душѣ: вотъ постой, я тебя изображу!»

Онъ безъ церемоніи почти вывелъ бабушку и Марѳиньку, которыя пришли было поглядѣть. Егорка, видя, что баринъ началъ писать «патретъ», пришелъ было спросить, не отнести-ли чемоданъ опять на чердакъ. Райскій, молча, показалъ ему кулакъ.

Борисъ началъ чертить мѣломъ контуръ головы, все злобнѣе и злобнѣе глядя на «противную рожу», и такъ крѣпко нажималъ мѣлъ, что куски его летѣли въ стороны. Вѣра сидѣла у двери, тыкала иглой лоскутокъ какого-то кружева и частенько зѣвала, только когда взглядывала на лице Полины Карповны, у ней дрожалъ подбородокъ и шевелились губы, чтобы сдержать улыбку.

— Suis-je bien comme-ça? шепотомъ спросила Крицкая у Вѣры.

— Oh, oui, tout-à-fait bien! сказала Вѣра.

Digitized by Google

Райскій сдѣлалъ движеніе досады.

— Не дышу! пролепетала съ испугомъ Полина Карповна и замерла въ своей позѣ.

Райскій сдѣлалъ контуръ, взялъ палитру. и косясь непріязненно на Крицкую, началъ подмалевывать глаза, носъ...

«Всѣ забыли твою красоту, черномазая старуха, думалъ онъ, кромѣ тебя: и въ этомъ твоя мука!»

Она, замѣтивъ, что онъ смотритъ на нее, старалась слаще улыбнуться.

Минутъ черезъ двадцать, отъ напряженія сидѣть смирно и не дышать, что она почти буквально исполняла, у ней на лбу выступили крупныя капли, какъ бѣлая смородина, и на вискахъ кудри немного подмокли.

— Жарко! шепнула она. Но Райскій неумолимо мазалъ кистью, строго взглядывая на нее. Прошло еще четверть часа.

— Un verre d'eau! шептала Крицкая едва слышно.

— Погодите, нельзя! строго замѣтилъ Райскій:—вотъ губы кончу.

Полина Карповна перемогла себя, услыхавъ, что рисуютъ ея улыбку. Она, періодически, отрывисто и тяжело дышала, такъ что и грудь увлажилась у ней, а пошевельнуться она боялась. А Райскій мазалъ, да мазалъ, какъ будто не замѣчалъ.

— Полина Карповна устала, замѣтила Вѣра. Райскій молчалъ. У Крицкой одна губа подалась немного внизъ, какъ она ни старалась удержать ее на мѣстѣ. Изъ груди сталъ исходить легкій свистъ.

Райскій только знаетъ, что мажетъ. Она ужъ раза два пошамкала губами и двѣ-три капли со лба у ней упали на руки.

— Погодите еще немного, сказалъ Райскій.

— Не дышу! почти свистнула Полина Карповна.

Райскій самъ усталъ, но его терзала злоба и онъ не чувствовалъ ни усталости, ни состраданія къ своей жертвѣ. Прошло пять минутъ.

— Охъ, охъ—je n'en puis plus—охъ, охъ! начала Крицкая, падая со стула. Райскій и Вѣра бросились къ ней и посадили ее на диванъ. Принесли воды, вѣеръ, одеколону—и Вѣра помогала ей оправиться. Крицкая вышла въ садъ, а Райскій остался съ Вѣрой. Онъ быстро и злобно взглянулъ на нее.

— Письмо не отъ попадьи! прошипѣлъ онъ. Вѣра отвѣчала ему тоже взглядомъ быстрымъ, какъ молнія, потомъ остановила на немъ глаза, и взглядъ измѣнился, сталъ прозрачный, точно стеклянный, «русалочный...»

Digitized by Google

— Вѣра, Вѣра! сказалъ онъ тихо, съ сухими губами, взявъ ее за руки — у тебя нѣтъ довѣрія ко мнѣ!

— Ахъ, пустите меня! съ нетерпѣніемъ сказала она, отнимая руки: какое довѣріе, въ чемъ и за чѣмъ оно вамъ! — Она пошла къ Полинѣ Карповнѣ.

«Да — она права: за чѣмъ ей довѣрять мнѣ? А мнѣ-то какъ оно нужно, Боже мой! чтобъ унять раздраженіе, узнать тайну (а тайна есть!) и уѣхать! Не узнавши кто она, что̀ она — не могу уѣхать!»

— Егоръ! сказалъ онъ вышедши въ переднюю: отнеси пока чемоданъ опять на чердакъ.

Онъ порисовалъ еще съ полчаса Крицкую, потомъ назначилъ слѣдующій сеансъ черезъ день и предался съ прежнимъ жаромъ неотвязному вопросу все объ одномъ: отъ кого письмо? Узнать и уѣхать — вотъ все, чего онъ добивался. Тутъ хуже всего тайна: отъ нея вся боль!

Онъ подозрительно смотрѣлъ на бабушку, на Марѳиньку, на Тита Никоныча, на Марину, пуще всего на Марину, какъ на повѣренную и ближайшую фрейлину Вѣры, но та пресмыкалась по двору взадъ и впередъ, какъ ящерица, скользя бедромъ, то съ юбками и утюгомъ, то спасалась отъ побоевъ Савелья — съ воемъ, или съ внезапной, широкой улыбкой во все лицо, и какъ избѣгала брошеннаго мужемъ въ слѣдъ ей кирпича или полѣна, такъ избѣгала и вопросовъ Райскаго. Она воротила лицо въ сторону, завидя его, потупляла свои желтые, безстыжіе глаза и смотрѣла, какъ бы шмыгнуть мимо его въ сторону. «Должно быть, эта бестія все знаетъ!» думалъ онъ, но распросамъ боялся давать ходъ: гадко это ему самому было, и остерегался упрека въ «шпіонствѣ».

Онъ далъ слово такъ торжественно работать надъ собой, быть другомъ въ простомъ смыслѣ слова. Взялъ двѣ недѣли сроку! Боже! что̀ дѣлать! какую глупую муку нажилъ, безъ любви, безъ страсти: только одни какія-то добровольныя страданія, безъ наслажденій! И вдругъ окажется, что онъ, небрежный, свободный и гордый (онъ думалъ, что онъ гордый!) любитъ ее, что даже у него это и «по рожѣ видно», какъ, по своему, цинически замѣтилъ эта проницательная шельма, Маркъ!

И въ то же время, среди этой борьбы, сердце у него замирало отъ предчувствія страсти: онъ вздрагивалъ отъ роскоши грядущихъ ощущеній, съ любовью прислушивался къ отдаленному рокотанью грома и все думалъ, какъ бы хорошо разыгралась страсть въ душѣ, какимъ бы огнемъ очистила застой жизни и какимъ благотворнымъ дождемъ напоила бы это засохшее поле, все это быліе, которымъ

Digitized by Google

поросло его существованіе. Что̀ искуство, что̀ самая слава передъ этими сладкими бурями! Что̀ всѣ эти дымно-горькіе удушливые газы политическихъ и соціальныхъ бурь, гдѣ бродятъ однѣ идеи, за которыми жадно гонится молодая толпа, укладывая туда силы, безъ огня, безъ трепета нервъ? Это головныя страсти — игра холодныхъ самолюбій, идеи безъ красоты, безъ палящихъ наслажденій, безъ мукъ... часто не свои, а вычитанныя, скопированныя! «Нѣтъ, я хочу обыкновенной, жизненной и животной страсти, со всей ея классической грозой. Да, страсти, страсти»!... оралъ онъ, несясь по саду и впивая свѣжій воздухъ. Но Вѣра не даетъ ее ему: это не льститъ даже ея самолюбію!

Надежда быть близкимъ къ Вѣрѣ питалась въ немъ не однимъ только самолюбіемъ: у него не было пахальной претензіи насильно втереться въ сердце, какъ бываетъ у многихъ писанныхъ красавцевъ и крѣпкихъ, тупоголовыхъ мужчинъ — и чѣмъ бы ни было — добиться успѣха. Была робкая, слѣпая надежда, что онъ можетъ сдѣлать на нее впечатлѣніе, и пропала. Но когда онъ прочиталъ письмо Вѣры къ пріятельницѣ, у него, невидимо и незамѣтно даже для него самого, подогрѣлась эта надежда. Она тамъ сознавалась, что въ немъ, въ Райскомъ, было что-то (и умъ, и много талантовъ, блеска, шума или «жизни»), «что̀, *можетъ быть*, въ другое время заняло бы ее, а не теперь...» Вотъ это *можетъ быть*, никогда и ни въ какомъ отчаянномъ положеніи насъ не оставляющее, и ввергнуло Райскаго, если еще не въ самую тучу страсти, то уже въ ея жаркую атмосферу, изъ которой счастливо спасаются только сильные, и въ самомъ дѣлѣ «гордые» характеры.

Да, надежда въ немъ была, надежда на взаимность, на сближеніе, на что̀-нибудь, чего еще онъ самъ не зналъ хорошенько, но уже чувствовалъ, какъ съ каждымъ днемъ ему все труднѣе становится вырваться изъ этой жаркой и обаятельной атмосферы. Не недѣлю, а мѣсяцъ назадъ, или передъ пріѣздомъ Вѣры, или тотчасъ послѣ перваго свиданія съ ней, надо было спасаться ему, уѣхать, а теперь, ужъ едва-ли прійдется Егоркѣ стаскивать опять чемоданъ съ чердака!

«Или страсть подай мнѣ, вопилъ онъ безсонный, ворочаясь въ мягкихъ пуховикахъ бабушки въ жаркія лѣтнія ночи: — страсть полную, въ которой я могъ бы погибнуть:—я готовъ— но съ тѣмъ, чтобы упиться и захлебнуться ею, или скажи рѣшительно, отъ кого письмо и кого ты любишь, давно-ли любишь, невозвратно-ли любишь—тогда я и успокоюсь, и вылечусь. Вылечиваетъ безнадежность»!

А пока глупая надежда слѣпо шепчетъ: «не отчаявайся, не

Digitized by Google

бойся ея суровости: она молода; если бы кто-нибудь и успѣлъ предупредить тебя, то развѣ недавно — чувство не могло упрочиться здѣсь, въ домѣ, подъ десятками наблюдающихъ за ней глазъ, при этихъ наростахъ предразсудковъ, страховъ, старой бабушкиной морали. Погоди, ты вытѣснишь впечатлѣніе, и тогда...» и т. д. — до тѣхъ поръ недугъ не пройдетъ!

«Пойду къ ней, не могу больше!» рѣшилъ онъ однажды въ сумерки. «Скажу ей все, все... и что̀ скажетъ она—такъ пусть и будетъ. Или вылечусь, или... погибну»!

VIII.

На этотъ разъ онъ постучался къ ней въ дверь.

— Кто тамъ? спросила она.

— Это я, говорилъ онъ робко, просовывая голову въ дверь: можно войти?

Она сидѣла у окна съ книгой, но книга, повидимому, мало занимала ее: она была разсѣянна, или задумчива. Вмѣсто отвѣта, она подвинула Райскому другой стулъ.

— Сегодня не такъ жарко, хорошо! сказалъ онъ.

— Да, я ходила на Волгу: тамъ даже свѣжо, замѣтила она. — Видно погода хочетъ измѣниться. — И замолчали.

— Что это такъ трезвонили сегодня у Спаса? спросилъ онъ: — праздникъ, что-ли, завтра?

— Не знаю, а что?

— Такъ: звонъ не далъ мнѣ спать, и мухи тоже. Какая ихъ пропасть у бабушки въ домѣ: отъ чего это?

— Я думаю отъ того, что варенье варятъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ! То-то я все замѣчаю, что Пашутка поминутно бѣгаетъ куда-то и облизывается... Да и у всѣхъ въ дѣвичьей, и у Марѳиньки тоже, рты черные... Ты не любишь варенья, Вѣра?

Она покачала головой.

— Вчера Егоръ отнесъ вашъ чемоданъ на чердакъ, я видѣла, сказала она, помолчавъ.

— Да, а что?

— Такъ...

— Ты хочешь спросить, ѣду-ли я и скоро-ли...

— Нѣтъ, я такъ только...

— Не запирайся, Вѣра, чтожъ, это естественно. На этотъ вопросъ я скажу тебѣ, что это отъ тебя зависитъ.

— Опять отъ меня?

Digitized by Google

— Да, отъ тебя: и ты это знаешь.

Она глядѣла равнодушно въ окно.

— Вы мнѣ приписываете много значенія, сказала она.

— Ну, а если это такъ, что̀ бы ты сдѣлала?

— Для меня собственно—я бы ничего не сдѣлала, а еслибъ это нужно было для васъ, я бы сдѣлала такъ, какъ вамъ счастливѣе, удобнѣе, покойнѣе, веселѣе...

— Постой, ты смѣшиваешь понятія; надо раздѣлить по родамъ и категоріямъ: «удобнѣе и покойнѣе» съ одной стороны и «веселѣе и счастливѣе» съ другой. Теперь и рѣшай.

— Вамъ надо рѣшать, что̀ вамъ больше нравится.

— Я замѣтилъ, что ты уклончива, никогда съ разу не высказешь мысли или желанія, а сначала обойдешь кругомъ. Я не воленъ въ выборѣ, Вѣра, ты рѣши за меня, и что̀ ты дашь, то и возьму. Обо мнѣ забудь, говори только за себя и для себя.

— Вы не послушаетесь: поэтому нечего и говорить.

— Почему ты такъ думаешь?

— Въ который разъ Егорка таскаетъ чемоданъ съ чердака внизъ и обратно? спросила она вмѣсто отвѣта.

— Ну, такъ ты рѣшительно хочешь, чтобъ я уѣхалъ?

Она молчала.

— Скажи—да, и я завтра уѣду.

Она посмотрѣла на него, потомъ отвернулась къ окну.

— Я не вѣрю вамъ, сказала она.

— Попробуй, скажи—и можетъ быть, увѣруешь.

— Ну, если такъ, уѣзжайте! вдругъ выговорила она.

— Изволь... подавляя вздохъ, проговорилъ онъ. — Мнѣ тяжело, почти невозможно уѣхать, но такъ какъ тебѣ тяжело, что я здѣсь... («можетъ быть она скажетъ: *нѣтъ, не тяжело*», думалъ онъ и медлилъ), то...

— То и уѣзжайте! повторила она, вставъ съ мѣста и подойдя къ окну.

— Уѣду, не гони, съ принужденной улыбкой сказалъ онъ:— но ты можешь облегчить мнѣ тяжесть, и даже ускорить этотъ отъѣздъ...

— Какъ?

— Это отъ тебя зависитъ, повторяю опять.

— Говорите, что надо дѣлать: «жертвы» приносить? Я даже готова сама принести вашъ чемоданъ съ чердака.

Онъ не отвѣчалъ на ея насмѣшку.

— Что же?

— Скажи, во-первыхъ, любишь ли ты кого-нибудь?..

Digitized by Google

Она живо обернулась къ нему и съ изумленіемъ взглянула на него.

— И отъ кого, во-вторыхъ, было письмо на синей бумагѣ: оно не отъ пападьи! поспѣшилъ онъ договорить.

— Зачѣмъ это вамъ нужно знать для вашего отъѣзда? спросила она, дѣлая большіе глаза.

— Я объясню тебѣ, Вѣра: но чтобъ понять мое объясненіе, не надо такъ удивляться, а терпѣливо выслушать и потомъ призвать весь твой умъ...

— Это что-нибудь очень умное, мудреное?

— Нужна доброта, участіе, дружба, которою было ты такъ польстила мнѣ и которую опять за что-то отняла...

— Я плачу дружбой за дружбу, братъ, сказала она мягче.

— А развѣ у меня нѣтъ дружбы къ тебѣ?

Она отрицательно покачала головой.

— Что же такое во мнѣ: ты видишь, что я тебѣ не чужой, не по одному родству...

— Это не дружба...

— Ну, такъ любовь!

— Мнѣ ея не надо: я не раздѣляю ее...

— Знаю—и вотъ я и хочу объяснить, какъ ты одна можешь сдѣлать, чтобъ ея не было и во мнѣ!

— Кажется, я все для этого сдѣлала...

— На оборотъ: ты не могла сдѣлать лучше, еслибъ хотѣла любви отъ меня. Ты гордо оттолкнула меня и этимъ раздражила самолюбіе, потомъ окружила себя тайнами и раздражила любопытство. Красота твоя, умъ, характеръ сдѣлали остальное — и вотъ передъ тобой влюбленный въ тебя до безумія! Я бы съ наслажденіемъ бросился въ пучину страсти и отдался бы потоку: я искалъ этого, мечталъ о страсти и заплатилъ бы за нее остальною жизнью, но ты не хотѣла, не хочешь... да?

Онъ съ боку заглядывалъ ей въ лицо..

— Не хочу, сказала она покойно и рѣшительно.

— Ну, я боролся что было силъ во мнѣ,—ты сама видѣла—хватался за всякое средство, чтобъ переработать эту любовь въ дружбу, но лишь пуще увѣровалъ въ невозможность дружбы къ молодой, прекрасной женщинѣ—и теперь только вижу два выхода изъ этого положенія...

Онъ остановился на минуту.

— Одинъ ты заперла мнѣ: это взаимность, продолжалъ онъ.— Страсть разрѣшается путемъ уступокъ, счастья, и обращается тамъ, смотря по обстоятельствамъ, во что хочешь: въ дружбу, пожалуй, въ глубокую, святую, неизмѣнную любовь — я ей не

Digitized by Google

вѣрю — но во что̀ бы ни было, во всякомъ случаѣ, въ удовлетвореніе, въ покой... Ты отнимаешь у меня всякую надежду... на это счастье... да?

Онъ опять подвинулся къ ея лицу, глядя ей пытливо въ глаза. Она утвердительно кивнула головой.

— Да, всякую, повторила она.

— Ну... сказалъ онъ—чтобъ вынуть боль безнадежности, или убить совсѣмъ надежду, надо...

— Что?

— Сдѣлать то̀, что̀ я сказалъ сейчасъ, т. е. признаться, что ты любишь, и сказать, отъ кого письмо на синей бумагѣ!

— А если я не сдѣлаю ни того, ни другого? спросила она гордо, обернувшись къ нему отъ окна.

— Пуще всего—безъ гордости, безъ пренебреженія—съ живостью прибавилъ онъ: это все противорѣчія, которыя только раздражаютъ страсть, а я пришелъ къ тебѣ съ надеждой, что если ты не можешь раздѣлить моей сумасшедшей мечты, такъ по крайней мѣрѣ не откажешь мнѣ въ простомъ дружескомъ участіи, даже поможешь мнѣ. Но я съ ужасомъ замѣчаю, что ты зла, Вѣра...

— А вы эгоистъ, Борисъ Павловичъ! у васъ вдругъ родилась какая-то фантазія — и я должна дѣлить ее, лечить, облегчать:—да что̀ мнѣ за дѣло до васъ, какъ вамъ до меня? Я требую у васъ одного—покоя—я имѣю на него право—я свободна, какъ вѣтеръ, никому не принадлежу, никого не боюсь...

— И я былъ свободенъ и гордъ еще недѣли двѣ назадъ — а вотъ теперь и не гордъ, и не свободенъ, и боюсь тебя.

Она съ пренебреженіемъ взглянула на него и слегка пожала плечами.

— Погоди казнить меня этими взглядами—не случилось бы съ тобой того же! говорилъ онъ почти про себя.

— Я не боюсь, не случится!

— И дѣти тоже не боятся, и на угрозы няньки «волкомъ», храбро лепечутъ: «а я его убью»! И ты, какъ дитя храбра, и какъ дитя же, будешь безпомощна, когда придетъ твой часъ....

— Никого не боюсь, повторила она,—и этого вашего волка—страсти, тоже! Не стращайте напрасно: вы напустили на себя, и мнѣ даже васъ не жаль!

— Ты злая! А еслибъ я сдѣлался боленъ горячкой? Бабушка и Марѳинька пришли бы ко мнѣ, ходили бы за мной, старались бы облегчить. Ужели бы ты осталась равнодушной и не заглянула бы ко мнѣ, не спросила бы....

— Это другое дѣло: больной....

Digitized by Google

— А я развѣ здоровъ? развѣ я не боленъ, и боленъ еще тобой....

— Виновата ли я въ этомъ?

— Ты тоже бы не виновата была, еслибъ меня прохватилъ холодный вѣтеръ на Волгѣ и я бы слегъ въ горячкѣ?

— Тамъ есть средства, лекарства....

— И тутъ есть: я тебѣ указываю одно вѣрное. Я не шучу: только безнадежность можетъ задушить зародышъ страсти....

— Развѣ я не отнимаю у васъ всякую надежду? Я васъ никогда не буду любить, я вамъ сказала.

— Можетъ быть, но дѣло въ томъ, что я не вѣрю тебѣ: или если и повѣрю, такъ на одинъ день, а тамъ опять родятся надежды. Страсть умретъ, когда самый предметъ ея умретъ т. е. перестанетъ раздражать....

— Не могу же я принести вамъ этой «жертвы», братъ: умереть!

— И не надо: ты скажи, любишь ли ты и отъ кого письмо: это будетъ все равно, что ты умерла для меня.

Онъ говорилъ горячо и серьезно. Она задумалась и боролась повидимому съ собой, оборачиваясь къ окну и обратно отъ окна къ нему.

— Хорошо, сказала она понижая голосъ и медлила. — Я.... люблю.... другого....

— Кого? вдругъ вскрикнулъ онъ, вскочивъ со стула.

— Что же вы испугались? Вы сами этого хотѣли: успокойтесь и уѣзжайте: теперь вы знаете.

— Кого? повторилъ онъ, не слушая ее.

— Что за дѣло до имени!

— Имя, имя? Кто писалъ письмо? говорилъ онъ съ дрожью въ голосѣ.

— Никто! Я выдумала, я никого не люблю, письмо отъ попадьи! равнодушно сказала она, глядя на него, какъ онъ въ волненіи глядѣлъ на нее воспаленными глазами, и ея глаза мало по малу теряли свой темный бархатный отливъ, свѣтлѣли и наконецъ стали прозрачны. Изъ нихъ пропала мысль, все что въ ней происходило, и прочесть въ нихъ было нечего.

— Говори, ради Бога, не оставляй меня на этомъ обрывѣ: правду, одну правду—и я выкарабкаюсь, малѣйшая ложь—и я упаду.

— Послушайте, братъ: не играете ли вы со мной въ какую-то тонкую игру?...

— Ей-богу, не знаю: если это игра, такъ она похожа на ту, когда человѣкъ ставитъ послѣдній грошъ на карту, а другой ру-

Digitized by Google

кой щупаетъ пистолетъ въ карманѣ. Дай руку, пощупай сердце, пульсъ, и скажи, какъ называется эта игра? Хочешь прекратить пытку: скажи всю правду — и страсти нѣтъ, я покоенъ, буду самъ смѣяться съ тобой и уѣзжаю завтра же. Я шелъ, чтобъ сказать тебѣ это....

— Вы не только эгоистъ, но вы и деспотъ, братъ: я лишь открыла ротъ, сказала, что люблю—чтобъ испытать васъ, а вы— посмотрите, что̀ съ вами сдѣлалось: грозно сдвинули брови и приступили къ допросу. Вы, развитой умъ, homme blasé, grand coeur, рыцарь свободы—стыдитесь! Нѣтъ, я вижу, вы не годитесь и въ друзья. Ну, если я люблю: — рѣшительно прибавила она, понижая голосъ и закрывая окно — тогда что́?

— Ничего! сказалъ онъ покойнымъ голосомъ.

Она глядѣла на него съ удивленіемъ: въ самомъ дѣлѣ—ничего.

— Ты видишь дѣйствіе довѣрія, сказалъ онъ: я покоенъ, во мнѣ все молчитъ, надежды всѣ, какъ мухи, умираютъ....

— Ну, положимъ, я.... люблю, — понизивъ еще голосъ, начала она.

— Возьми свое *положимъ* назадъ: подъ нимъ кроется сомнѣніе, а подъ сомнѣніемъ опять надежда.

— Ну, хорошо, я люблю....

— Кого? сильнымъ шопотомъ спросилъ онъ.

— Опять имя!

— Да, нужно имя — и тогда только я успокоюсь и уѣду. Иначе я не повѣрю, до тѣхъ поръ не повѣрю, пока будетъ тайна....

— Марѳинька все пересказала мнѣ, какъ вы проповѣдывали ей свободу любви, совѣтовали не слушаться бабушки, а теперь сами хуже бабушки. Требуете чужихъ тайнъ....

— Я ничего не требую, Вѣра: я прошу только дать мнѣ уѣхать спокойно: вотъ все! Будь проклятъ, кто стѣснитъ твою свободу....

— Сами себя проклинаете: зачѣмъ вамъ имя? Еслибъ бабушка стала безпокоиться объ этомъ, это понятно: она боялась бы, чтобъ я не полюбила какого-нибудь «недостойнаго», по ея мнѣнію, человѣка. А вы — проповѣдникъ!...

— Развѣ я запретилъ бы тебѣ любить кого-нибудь: еслибъ ты выбрала хоть.... Нила Андреевича: — мнѣ все равно! Мнѣ нужно имя, чтобъ только убѣдиться въ истинѣ и охладѣть. Я знаю, мнѣ сейчасъ сдѣлается скучно и я уѣду....

Она глубоко задумалась.

Digitized by Google

— Развѣ страсть оправдываетъ всякій выборъ?... тихо сказала она.

— Всякій, Вѣра. И тебѣ повторю тоже, что̀ сказалъ Марфинькѣ: люби, не спрашиваясь ни кого, достоинъ ли онъ, нѣтъ ли—и смѣло иди....

— А недавно еще въ саду вы остерегали меня отъ гибели!...

— Отъ воровъ и отъ собакъ,—а не отъ страсти.

— И я могу любить, кого хочу? будто шутя говорила она:— не спрашиваясь....

— Ни бабушки, ни общественнаго мнѣнія....

— Ни васъ?...

— Меня меньше всего: я готовъ способствовать, раздувать твою страсть.... Видишь, ты ждала моего великодушія: вотъ оно! Выбери меня своимъ повѣреннымъ — и я толкну тебя самъ въ этотъ огонь....

Она украдкой взглянула на него.

— Имя, Вѣра—того счастливца?...

— Хорошо, хорошо—послѣ когда-нибудь, когда....

— Когда уѣду? Ахъ, еслибъ мнѣ страсть! сказалъ онъ, глядя жаркими глазами на Вѣру и взявъ ее за руки. У него опять зашумѣло въ головѣ, какъ у пьянаго.—Послушай Вѣра, есть еще выходъ изъ моего положенія, заговорилъ онъ горячо:—я боялся намекнуть на него — ты такъ строга: дай мнѣ страсть! ты можешь это сдѣлать. Забудь свою любовь.... если она еще новая, недавняя любовь—и... Нѣтъ, нѣтъ, не качай головой—это вздоръ, знаю. Ну, просто, не гони меня, дай мнѣ иногда быть съ тобой, слышать тебя, наслаждаться и мучиться, лишь бы не спать, а жить, я точно деревянный теперь! Вездѣ сонъ, тупая тоска, цѣли нѣтъ, искусство не дается мнѣ, я ничего для него не дѣлаю. Всякое, такъ-называемое, «серьезное дѣло», мнѣ кажется до крайности пошло и мелко. Я бы хотѣлъ разыграть остальную жизнь во что̀-нибудь, въ какой-нибудь необыкновенный громадный трудъ, но я на это не способенъ,—не приготовленъ: нѣтъ у насъ дѣла! Или, чтобъ она разлетѣлась фейерверкомъ, страстью! Въ тебѣ все есть, чтобъ зажечь бурю, ты ужъ зажгла ее: еще одна искра, признакъ кокетства, обманъ и.... я начну жить....

— А я что̀ же буду дѣлать, сказала она: любоваться на эту горячку, не раздѣляя ее? Вы бредите, Борисъ Павлычъ.

— Что тебѣ за дѣло, Вѣра, не отвѣчай мнѣ, но и не отталкивай, оставь меня. Я чувствую, что не только при взглядѣ твоемъ, но лишь — кто-нибудь случайно назоветъ тебя — меня бросаетъ въ жаръ и холодъ....

— Чѣмъ же это кончится? не безъ любопытства спросила она.

Digitized by Google

— Не знаю. Можетъ быть, съ ума сойду, брошусь въ Волгу, или умру.... Нѣтъ, я живучъ — ничего не будетъ, но пройдетъ полгода, можетъ быть, годъ—и я буду жить.... Дай, Вѣра, дай мнѣ страсть.... дай это счастье!...—У него даже губы и языкъ пересохли.

— Странная просьба, братъ, дать горячку! Я не вѣрю страсти—что́ такое страсть? Счастье, говорятъ, въ глубокой, сильной любви....

— Ложь, ложь! перебилъ онъ.

— Любовь—ложь?

— Да, эта «святая, глубокая, возвышенная любовь»—ложь! Это сочиненный, придуманный призракъ, который возникаетъ на могилѣ страсти. Это люди придумали, какъ они придумали казенную палату, питейныя конторы, моды, карточную игру, балы! Возвышенная любовь—это мундиръ, въ который хотятъ нарядить страсть, но она безпрестанно лѣзетъ вонъ и рветъ его. Природа вложила только страсть въ живые организмы, другого она ничего не даетъ. Любовь—одна, нѣтъ двухъ любвей! Возьми самое вялое созданье, студень какую-нибудь, вонъ купчиху изъ слободы, вонъ самаго благонамѣреннаго и приличнаго чиновника, предсѣдателя,—кого хочешь: всѣ непремѣнно чувствовали, кто разъ, кто больше,—смотря по темпераменту, кто тонко, кто грубо, животно—смотря по воспитанію, но всѣ испытали раздраженіе страсти въ жизни, судорогу, ея муки и боли, это самозабвеніе, эту другую жизнь среди жизни, эту хмѣльную игру силъ.... это блаженство!...

Онъ остановился.

— Ну? съ нетерпѣніемъ сдѣлала она.

— Ну, продолжалъ онъ бурно, едва успѣвая говорить:—на остывшій слѣдъ этой огненной полосы, этой молніи жизни, ложится потомъ покой, улыбка отдыха отъ сладкой бури, благодарное воспоминаніе къ прошлому, тишина! И эту-то тишину, этотъ слѣдъ люди и назвали—святой, возвышенной любовью, когда страсть сгорѣла и потухла.... Видишь ли, Вѣра, какъ прекрасна страсть, что даже одинъ слѣдъ ея кладетъ яркую печать на всю жизнь, и люди не рѣшаются сознаться въ правдѣ—т. е. что любви уже нѣтъ, что они были въ чаду, не замѣтили, прозѣвали ее, упиваясь, и что потомъ вся жизнь ихъ окрашена въ тѣ великолѣпные цвѣта, которыми горѣла страсть.... Эта окраска—и есть и любовь, и дружба, и та крѣпкая связь, которая держитъ людей вмѣстѣ иногда всю жизнь.... Нѣтъ, ничто въ жизни не даетъ такого блаженства, никакая слава, никакое щекотанье самолюбія, никакія богатства Шехерезады, ни даже творческая сила, ни-

Digitized by Google

что.... одна страсть! Хотѣла ли бы ты испытать такую страсть, Вѣра?

Она задумчиво слушала его.

— Да, если она такова, какъ вы ее описываете, если столько счастья въ ней....

Она вздрогнула и быстро отворила окно.

— Страсть — это постоянный хмѣль, безъ грубой тяжести опьяненія — продолжалъ онъ: это вѣчные цвѣты подъ ногами. Передъ тобой — идолъ, которому хочется молиться, умирать за него. Тебѣ на голову валятся каменья, а ты въ страсти думаешь, что летятъ розы на тебя, скрежетъ зубовъ будешь принимать за музыку, удары отъ дорогой руки покажутся нѣжнѣе ласкъ матери. Заботы, дрязги жизни, все исчезнетъ — одно безконечное торжество наполняетъ тебя — одно счастье глядѣть вотъ такъ.... на тебя.... (Онъ подошелъ къ ней) — взять за руку (онъ взялъ за руку) и чувствовать огонь и силу, трепетъ въ организмѣ....

Она опять вздрогнула и онъ тоже.

— Вѣра, мнѣ не далеко отъ этого состоянія: еще одинъ ласковый взглядъ, пожатіе руки — и я живу, блаженствую.... Скажи, что мнѣ дѣлать?

Она молчала.

— Вѣра!

Она медленно опомнилась отъ задумчивости, съ которою слушала его, обернулась къ нему, ласково, почти нѣжно взяла его за руку и грудным шепотомъ, съ мольбой, сказала:

— Уѣзжайте отсюда!

Онъ всталъ, какъ раненый.

— Ты злая, Вѣра. Хорошо—такъ скажи имя?

— Имя? Какое? съ удивленіемъ, совсѣмъ очнувшись, повторила она.

— И отъ кого письмо на синей бумагѣ? прибавилъ онъ.

Она оглядѣла его насмѣшливо съ ногъ до головы.

— Я никого не люблю, сказала она громко, я выдумала— такъ, отъ скуки....

— А письмо?

— Отъ попадьи, — проговорила она съ ироніей.

— И больше ничего не скажешь?

— Скажу все тоже.

— Что?

— Уѣзжайте!

— Такъ не уѣду же, — холодно сказалъ онъ.

Она продолжительно поглядѣла на него.

— Ваша воля: вы у себя! отвѣчала она и съ покорной ироніей

Digitized by Google

склонила голову. — А теперь, извините меня, мнѣ хочется пораньше встать, — ласково, почти съ улыбкой, прибавила она.

«Гонитъ!» съ горечью подумалъ онъ и не зналъ, что сказать, какъ вдругъ кто-то взялся за ручку замка снаружи.

IX.

— Кто тамъ? — спросили оба.

Дверь отворилась и показалось задумчивое лицо Василисы.

— Это я, — тихо сказала она: вы здѣсь, Борисъ Павловичъ? Васъ спрашиваютъ, пожалуйте поскорѣй, людей въ прихожей никого нѣтъ. Яковъ ко всенощной пошелъ, а Егорку за рыбой на Волгу послали... Я одна тамъ съ Пашуткой.

— Кто меня спрашиваетъ?

— Жандаръ отъ губернатора: проситъ губернаторъ пожаловать, если можно, теперь къ нему, а если нельзя, такъ завтра пораньше: нужно, говоритъ, очень...

— Что такое тамъ? — съ удивленіемъ сказалъ Райскій, — ну, хорошо, скажи — буду...

— Пожалуйте поскорѣе, — упрашивала Василиса: тамъ еще вотъ этотъ гость пришелъ...

— Кто еще?

— Да вотъ... взлызастый такой...

— Какой «взлызастый»?

— Вотъ что, слышь, плетьми будутъ сѣчь.... Въ залѣ разсѣлся, ждетъ васъ, а барыня съ Марѳой Васильевной еще не воротились изъ города....

— Что это, Василиса, ты не спросила, какъ его зовутъ...

— Сказывалъ онъ, да забыла.

Райскій и Вѣра съ недоумѣніемъ поглядѣли другъ на друга.

— Чортъ знаетъ, какой-нибудь гость изъ города — какая тоска!

— Нѣтъ, это вотъ этотъ, что ночевалъ пьяный у васъ...

— Маркъ Волоховъ, что ли?

Вѣра сдѣлала какое-то движеніе.

— Подите скорѣй — узнайте зачѣмъ онъ? — торопливо сказала она.

— Чего ты испугалась? — замѣтилъ Райскій: вѣдь онъ не собака, не мертвецъ, не воръ, а такъ, безпутный бродяга...

— Идите, идите, — въ тревогѣ говорила Вѣра, не слушая его. — Это любопытно....

Digitized by Google

— Скорѣе, Борисъ Павлычъ, пожалуйте, — торопила и Васлиса: — мы съ Пашуткой заперлись отъ него на ключъ.

— Это зачѣмъ?

— Боимся.

— Чего?

— Такъ, боимся. Я ужъ изъ окна выглѣзла на дворикъ и перелѣзла сюда. Какъ бы онъ тамъ не стянулъ чего-нибудь!

Райскій засмѣялся и пошелъ съ ней. Онъ отпустилъ жандарма, сказавши, что пріѣдетъ черезъ часъ, потомъ пошелъ къ Марку и привелъ его въ свою комнату.

— Что, ночевать пришли?—спросилъ онъ Волохова. Онъ ужъ съ нимъ говорилъ не иначе, какъ иронически. Но на этотъ разъ у Марка было озабоченное лицо. Однако, когда принесли свѣчи, и онъ взглянулъ на взволнованное лицо Райскаго, то засмѣялся, по своему, съ холодной злостью.

— Ну, вотъ, а я думалъ, что вы ужъ уѣхали! — сказалъ онъ насмѣшливо.

— Еще успѣю, — небрежно замѣтилъ Райскій.

— Нѣтъ, ужъ теперь поздно: вонъ какіе у васъ глаза!

— А что глаза, ничего? — говорилъ Райскій, глядясь въ зеркало.

— И похудѣли — корь ужъ выступаетъ.

— Полноте вздоръ говорить, — отвѣчалъ Райскій, стараясь не глядѣть на него:—скажите лучше, зачѣмъ вы пришли опять въ ночи?

— Вѣдь я ночная птица: днемъ за мной ужъ очень ухаживаютъ. Меньше позора на домъ бабушки. Славная старуха — вигнала Тычкова!

Онъ опять вдругъ сдѣлался серьезенъ.

— Я къ вамъ за дѣломъ, — сказалъ онъ.

— У васъ дѣло? — замѣтилъ Райскій: это любопытно.

— Да, больше, нежели у васъ. Вотъ видите: я былъ нынче въ полиціи, т. е. не самъ конечно, съ визитомъ, частный приставъ пригласилъ, и даже подвезъ на парѣ сѣрыхъ лошадей.

— Это зачѣмъ: случилось что-нибудь?

— Пустяки: я тутъ кое-кому книги раздавалъ.

— Какія книги? Мои, что у Леонтья брали?

— И ихъ, и другія еще — вотъ тутъ написано, какія.

Онъ подалъ ему бумажку.

— Кому же вы раздавали?

— Всѣмъ: больше всего молодежи: изъ семинаріи брали, въ гимназіи — учитель одинъ...

— Развѣ у нихъ нечего читать?

Digitized by Google

— Какъ нечего: вонъ Козловъ читаетъ пятый годъ Саллюстія, Ксенофонта, Гомера—одинъ годъ съ начала до конца, а другой отъ конца до начала — всѣ прокисли было здѣсь... Въ гимназіи плѣсень завелась.

— Развѣ новыхъ книгъ нѣтъ у нихъ?

— Есть: вонъ другой оселъ, словесникъ, угощаетъ ихъ, то Карамзинымъ, то Пушкинымъ: мозги-то у нихъ у всѣхъ прѣсные.

— Такъ вы посолить захотѣли — чѣмъ же, посмотримъ!

— Охъ, какъ важно произнесли: «посмотримъ»! живой Нилъ Андреичъ: зачѣмъ вы его прогнали?

Райскій пробѣжалъ бумажку и уставилъ на Марка глаза.

— Ну, что вы выпучили на меня глаза?

— Вы имъ давали эти книги?

— Да, а что?

Райскій продолжалъ съ изумленіемъ глядѣть на Марка.

— Эти книги молодымъ людямъ! прошепталъ онъ.

— Да вы, кажется, въ Бога вѣруете? спросилъ Маркъ.

Райскій все глядѣлъ на него.

— Не были ли вы сегодня у всенощной? спросилъ опять лодно Маркъ.

— А если былъ?

— Ну, такъ немудрено, что вы можете влюбиться и плакать... Плакали, или нѣтъ еще?

— Я не спрашиваю васъ, вѣруете ли вы: если вы ужъ не увѣровали въ полковаго командира въ полку, въ ректора въ университетѣ, а теперь отрицаете губернатора и полицію — такія очевидности, то гдѣ вамъ увѣровать въ Бога!—сказалъ Райскій.— Обратимся къ предмету вашего посѣщенія: какое вы дѣло имѣете до меня?

— Вотъ видите: одинъ мальчишка, стряпчаго сынъ, не понялъ чего-то по-французски въ одной книгѣ и показалъ матери, та отцу, а отецъ къ прокурору. Тотъ слыхалъ имя автора и поднялъ бунтъ — донесъ губернатору. Мальчишка было заперся, его выпороли — онъ подъ розгой и сказалъ, что книгу взялъ у меня. Ну, меня сегодня къ допросу....

— Что же вы?

— Что я?—сказалъ онъ, съ улыбкой глядя на Райскаго.— Меня спросили, чьи книги, откуда я взялъ...

— Ну?

— Ну, я сказалъ, что.... у васъ, что однѣ вы привезли съ собой, а другія я нашелъ въ вашей библіотекѣ—вонъ Вольтера...

— Покорно благодарю: зачѣмъ же вы мнѣ сдѣлали эту честь?

Digitized by Google

— Потому что съ тѣхъ поръ, какъ вы вытолкали Тычкова, я считаю васъ не совсѣмъ пропащимъ человѣкомъ.

— Вы бы прежде спросили, позволю ли я — и честно ли это?

— Я — безъ позволенія. А честно ли это, или нѣтъ — объ этомъ послѣ. Что̀ такое честность, по вашему? — спросилъ онъ, нахмурившись.

— Объ этомъ тоже — послѣ, а только я не позволю этого.

— Это ни честно, ни нечестно, а полезно для меня...

— И вредно мнѣ — славная логика!

— Вотъ я до логики-то и добираюсь, — сказалъ Маркъ — только боюсь: не двѣ ли логики у насъ?...

— И не двѣ ли честности? — прибавилъ Райскій.

— Вамъ ничего не сдѣлаютъ: вы въ милости у его превосходительства, — продолжалъ Маркъ, да и притомъ не высланы сюда на житье. А меня за это упекутъ куда-нибудь въ третье мѣсто: въ двухъ ужъ я былъ. Мнѣ бы все равно въ другое время, а теперь... задумчиво прибавилъ онъ — мнѣ бы хотѣлось остаться здѣсь... на неопредѣленное время...

— Ну-съ? — холодно сдѣлалъ Райскій. — Еще что?

— Еще ничего. Я хотѣлъ только разсказать вамъ, что̀ я сдѣлалъ, и спросить, хотите взять на себя, или нѣтъ?

— А если не хочу? и не хочу!

— Ну, нечего дѣлать: скажу на Козлова. Онъ совсѣмъ запьеснѣвѣлъ: пусть посидитъ на гауптвахтѣ, а потомъ опять примется за грековъ...

— Нѣтъ, ужъ не примется, когда лишатъ мѣста и куска хлѣба.

— Пожалуй что и такъ... не логично! Такъ ужъ лучше скажите вы на себя.

— Во имя чего вы требуете отъ меня этой услуги? Что̀ вы мнѣ?

— Во имя того же, во имя чего занялъ у васъ деньги, т. е. мнѣ нужны онѣ, а у васъ есть. И тутъ тоже: вы возьмете на себя, вамъ ничего не сдѣлаютъ, а меня упекутъ — надѣюсь, это логика.

— А если на меня упадетъ непріятность?

— Какая? Нилъ Андреичъ разбойникомъ назоветъ, губернаторъ донесетъ и васъ возьмутъ на замѣчаніе... Перестанемте холопствовать: пока будемъ бояться, до тѣхъ поръ не вразумимъ губернаторовъ...

— Однако сами боитесь сказать на себя.

— Не боюсь, а теперь не хочу уѣхать отсюда.

Digitized by Google

— Отъ чего?

— Ну такъ, не хочу. Послѣ я пойду самъ и скажу, что книги мои. Если потомъ вы какое-нибудь преступленіе сдѣлаете, скажите на меня: я возьму на себя...

— Какъ же это брать на себя: странной услуги требуете вы! говорилъ Райскій въ раздумьѣ.

— А вы вотъ что: попробуйте. Если дѣло приметъ очень серьезный оборотъ, чего, сознайтесь сами, быть не можетъ, тогда ужъ нечего дѣлать — скажите на меня. Экая досада! — ворчалъ Маркъ. — Этотъ мальчишка все испортитъ. А ужъ тутъ было принялись шевелиться...

— Я сейчасъ къ губернатору ѣду, — сказалъ Райскій: онъ присылалъ. Прощайте.

— А! присылалъ!

— Что же мнѣ дѣлать, что говорить?

— Губернаторъ замнетъ исторію, если вы назоветесь героемъ: онъ не любитъ ничего доводить до Петербурга. А со мной нельзя: я подъ надзоромъ, и онъ обязанъ каждый мѣсяцъ доносить туда, здоровъ ли я и каково поживаю? А впрочемъ дѣлайте, какъ хотите! равнодушно заключилъ Маркъ. — Пойдемте, и мнѣ пора!

— Куда же вы — вотъ двери...

— Нѣтъ, дойдемте до вашего сада, я тамъ по горѣ сойду, мнѣ надо туда... Я подожду на островѣ у рыбака, чѣмъ это кончится.

У обрыва Маркъ исчезъ въ кустахъ, а Райскій поѣхалъ къ губернатору и воротился отъ него часу во второмъ ночи. Хотя онъ поздно легъ, но всталъ рано, чтобы передать Вѣрѣ о случившемся. Окна ея были плотно закрыты занавѣсками. «Спитъ» — подумалъ онъ и пошелъ въ садъ. Онъ цѣлый часъ ходилъ взадъ и впередъ по дорожкѣ, ожидая, когда отдернется лиловая занавѣска. Но прошло полчаса, часъ, а занавѣска не отдергивалась. Онъ ждалъ, не пройдетъ ли Марина по двору, но и Марины не видать. Вскорѣ у бабушки въ спальнѣ поднялась стора, зашипѣлъ въ сѣняхъ самоваръ, голуби и воробьи начали слетаться къ тому мѣсту, гдѣ привыкли получать отъ Марѳиньки кормъ. Захлопали двери, пошли по двору кучера, лакеи, а занавѣска все не шевелилась. Наконецъ Улита показалась въ подвалахъ, бабы и дѣвки поползли по двору, только Марины нѣтъ. Блѣдный и мрачный Савелій показался на порогѣ своей коморки и тупо смотрѣлъ на дворъ.

— Савелій! — кликнулъ Райскій.

Савелій разстановистыми шагами подошелъ къ нему.

Digitized by Google

— Скажи Маринѣ, чтобъ она сейчасъ дала мнѣ знать, когда встанетъ и одѣнется Вѣра Васильевна.

— Марины нѣтъ! — нѣсколько поживѣе обыкновеннаго сказалъ Савелій.

— Какъ нѣтъ, гдѣ она?

— Уѣхала еще на зарѣ проводить барышню за Волгу, къ попадьѣ.

— Какую барышню: Вѣру Васильевну?

— Точно такъ.

Онъ остолбенѣлъ и почти съ ужасомъ глядѣлъ на Савелья.

— На чемъ же онѣ поѣхали, съ кѣмъ? — спросилъ онъ, помолчавъ.

— Прохоръ ихъ завсегда возитъ въ бричкѣ, на буланой лошади.

Райскій молчалъ.

— Къ вечеру вернутся, прибавилъ Савелій.

— Вернутся, ты думаешь, сегодня? — живо спросилъ Райскій.

— Точно такъ-съ, Прохоръ съ лошадью, и Марина тоже. Они проводятъ барышню, а сами въ тотъ же день назадъ.

Райскій смотрѣлъ во всѣ глаза на Савелья и не видалъ его. Долго еще стояли они другъ противъ друга.

— Еще ничего не прикажете? — медленно спросилъ Савелій.

— А? что? да: очнулся Райскій — ты... тоже ждешь Марину?

— Сгинуть бы ей, проклятой! мрачно сказалъ Савелій.

— Зачѣмъ ты бьешь ее? Я давно хотѣлъ посовѣтовать, чтобъ ты пересталъ, Савелій.

— Я не бью теперь больше.

— Давно-ли?

— Вотъ теперь, какъ смирно эту недѣлю живетъ, такъ и....

Складки стали прилежно работать у него на лбу, помогая мысли.

— Ступай — мнѣ больше ничего не надо — только не бей, пожалуйста, Марину — дай ей полную свободу: и тебѣ, и ей лучше будетъ.... сказалъ Райскій.

Онъ пошелъ съ поникшей головой домой, съ тоской глядя на окна Вѣры, а Савелій потупился, не надѣвая шапку, дивясь послѣднимъ словамъ Райскаго.

«Тоже страсть»! думалъ Райскій. «Бѣдный Савелій! бѣдный— и я!»

Digitized by Google

X.

Съ отъѣздомъ Вѣры, Райскаго охватилъ ужасъ одиночества. Онъ чувствовалъ себя сиротой, какъ будто цѣлый міръ опустѣлъ и онъ очутился въ какой-то безплодной пустынѣ, не замѣчая, что эта пустыня вся въ зелени, цвѣтахъ, не чувствуя, что его лелѣетъ и грѣетъ природа, блистающая лучшей, жаркой порой лѣта. Домовитость Татьяны Марковны и порханье Марфиньки, ея пѣніе, живая болтовня съ веселымъ, бодрымъ, скачущимъ Викентьевымъ, иногда пріѣздъ гостей, появленіе карикатурной Полины Карповны, бурливаго Опенкина, визиты хорошо одѣтыхъ и причесанныхъ барынь, молодыхъ щеголей—онъ не замѣчалъ ничего. Ни весело, ни скучно, ни тепло, ни холодно ему было отъ всѣхъ этихъ лицъ и явленій. Онъ видѣлъ только одно, что лиловая занавѣска не колышется, что сторы спущены въ окнахъ, что любимая скамья стоитъ пустая, что нѣтъ Вѣры — и какъ будто ничего и никого нѣтъ: точно весь домъ, вся окрестность вымерли. Онъ не хотѣлъ любить Вѣру, да и нельзя, еслибъ хотѣлъ: у него отняты всѣ права, всѣ надежды. Ея нѣжнѣйшая мольба, обращенная къ нему — была — «уѣхать поскорѣй» — а онъ былъ занятъ, полонъ ею, одною ею, и ничѣмъ больше.

Даже красота ея, кажется, потеряла свою силу надъ нимъ; его влекла къ ней какая-то другая сила. Онъ чувствовалъ, что связанъ съ ней, не теплыми и много-обѣщающими надеждами, не трепетомъ нервъ, а какою-то враждебною, разжигающею мозгъ болью, какими-то посторонними, даже противорѣчащими любви связями. Его мучила теперь тайна: какъ она, пропадая куда-то на глазахъ у всѣхъ, въ виду, изъ дома, изъ сада, потомъ появляется вновь, будто со дна Волги вынырнувшей русалкой, съ свѣтлыми, прозрачными глазами, съ печатью непроницаемости и обмана на лицѣ, съ ложью на языкѣ, чуть не въ вѣнкѣ изъ водяныхъ порослей на головѣ, какъ настоящая русалка. И какой опасной, безотрадной красотой блеститъ тогда ему въ глаза эта сіяющая, таинственная ночь!

Но еслибъ еще только одно это: а она въ половину открыла ему, что любитъ, что есть кто-то тутъ около, кѣмъ полна ея жизнь, и этотъ уголокъ, и прекрасны эти деревья, это небо, эта Волга. Но открывъ на минуту завѣтную дверь, она вдругъ своенравно захлопнула ее и неожиданно исчезла, увезя съ собой ключи отъ всѣхъ тайнъ: и отъ своего характера, и отъ своей любви, и всей сферы своихъ понятій, чувствъ, всей жизни, которою живетъ—все увезла! Передъ нимъ опять одна замкнутая дверь!

Digitized by Google

— Всѣ ключи увезла! съ досадой сказалъ онъ въ разговорѣ о Вѣрѣ съ бабушкой про себя. Но Татьяна Марковна услыхала и вся встрепенулась.

— Какіе ключи увезла? въ тревогѣ спросила она.

Онъ молчалъ.

— Говори: приставала она и начала шарить въ карманахъ у себя, потомъ въ шкатулкѣ. — Какіе такіе ключи: кажется, у меня всѣ! Марѳинька, поди сюда: какіе ключи изволила увезти съ собой Вѣра Васильевна?

— Я не знаю, бабушка: она никакихъ никогда не увозитъ, развѣ отъ своего письменнаго стола.

— Вотъ Борюшка говоритъ, что увезла. Посмотри-ка у себя и у Василисы спроси: всѣ-ли ключи дома: не захватили-ли какъ-нибудь съ той вертушкой, Мариной, отъ которой-нибудь кладовой—поди скорѣй! Да что ты таишься, Борисъ Павловичъ, говори, какіе ключи увезла она: видѣлъ, что-ли, ты ихъ?

— Да, съ злостью сказалъ онъ: видѣлъ: показала, да и спрятала опять....

— Да какіе они: съ бородкой, или вотъ этакіе.... Она показала ему ключъ.

— Ключи отъ своего ума, сердца, характера, отъ мыслей и тайнъ — вотъ какіе!

У бабушки отлегло отъ сердца.

— Вонъ онъ что! сказала бабушка и задумалась, потомъ вздохнула.—Да, въ этой твоей аллегоріи есть и правда. Этихъ ключей она не оставляетъ никому. А лучше, еслибъ и они висѣли на поясѣ у бабушки!

— А что?

— Да такъ.

— Скажите мнѣ, бабушка, что такое Вѣра? вдругъ спросилъ Райскій, подсѣвши къ Татьянѣ Марковнѣ.

— Ты самъ видишь: что тебѣ еще говорить? Что видишь, то и есть.

— Да я ничего не вижу.

— И никто не видитъ: свой умъ, видишь ли, и своя воля выше всего. И бабушка не смѣй спросить ни о чемъ: «нѣтъ да нѣтъ ничего, не знаю, да не вѣдаю». На рукахъ у меня родилась, вѣкъ со мной, а я не знаю, что у ней на умѣ, что она любитъ, что нѣтъ. Если и больна, такъ не узнаешь ее: ни пожалуется, ни лекарства не спроситъ, а только пуще молчитъ. Не лѣнива, а ничего не дѣлаетъ: ни сшить, ни по канвѣ, ни музыки не любитъ, ни въ гости не ѣздитъ — такъ, уродилась такая! Я не видала, чтобы она засмѣялась отъ души, или заплакала бы.

Digitized by Google

Если и разсмѣется, такъ прячетъ улыбку, точно грѣхъ какой. А чуть что́ не по ней, разстроена чѣмъ-нибудь, сейчасъ въ свою башню спрячется и переживетъ тамъ и горе, и радость — одна. Вотъ что!

— Что-жъ, это хорошо: свой характеръ, своя воля — это самостоятельность. Дай Богъ!

— Вотъ, «дай Богъ!» дѣвушкѣ—своя воля! Ты не натолкуй ей еще этого, Борисъ Павлычъ, серьезно прошу тебя! Уменъ ты, и добрый, и честный: ты дѣвочкамъ, конечно, желаешь добра, а иногда брякнешь вдругъ—Богъ тебя вѣдаетъ что̀!

— Что-же такое и кому я брякалъ, бабушка?

— Какъ кому: Марѳинькѣ совѣтовалъ любить, не спросясь бабушки: самъ посуди, хорошо ли это? Я даже не ожидала отъ тебя! Если ты самъ вышелъ изъ повиновенія у меня, зачѣмъ же смущать бѣдную дѣвушку?

— Ахъ, бабушка, какая вы самовластная женщина! Все свое: мало ли я споримъ съ вами о томъ, что любить по приказу нельзя...

— Вотъ, Борюшка, мы выгнали Нила Андреича, а онъ бы тебѣ на это отвѣчалъ, какъ слѣдуетъ. Я не съумѣю. Я знаю только, что ты дичь городишь, да: не погнѣвайся! Это новыя правила, что-ли?

— Да, бабушка, новыя: старый вѣкъ проходитъ. Нельзя ему длиться два вѣка. Нужно же и новому придти!

— Да все ли хорошо въ твоемъ новомъ вѣкѣ?

— Вы разсудите, бабушка: разъ въ жизни дѣвушки разцвѣтаетъ весна — и эта весна — любовь. И вдругъ не дать свободы ей разцвѣсть: заглушить, отнять свѣжій воздухъ, оборвать цвѣты... За что же и по какому праву вы хотите заставить, напримѣръ, Марѳиньку быть счастливой по вашей мудрости, а не по ея склонности и влеченіямъ?

— А ты спроси Марѳиньку, будетъ ли она счастлива и захочетъ ли счастья, если бабушка не благословитъ ее на него?

— Я ужъ спрашивалъ.

— Ну, что же?

— Безъ васъ, говоритъ, ни шагу.

— Вотъ видишь!

— Да развѣ это разумно: гдѣ же свобода, гдѣ права? Вѣдь она мыслящее существо, человѣкъ: зачѣмъ же навязывать ей свою волю и свое счастье?...

— Кто навязывалъ: спроси ее? Еслибъ онѣ у меня были запуганныя или забитыя, какія-нибудь несчастныя: а ты видишь, что онѣ живутъ у меня, какъ птички: дѣлаютъ что́ хотятъ....

Digitized by Google

— Да, это правда, бабушка: — чистосердечно сказалъ Райскій:—въ этомъ вы правы. Васъ связываетъ съ ними не страхъ, не цѣпи, не молотъ авторитета, а нѣжность голубинаго гнѣзда.... Онѣ обожаютъ васъ—такъ!... Но вѣдь все дѣло въ воспитаніи: зачѣмъ наматывать имъ старыя понятія, воспитывать по птичьи? Дайте имъ самимъ извлечь немного соку изъ жизни..... Птицу запрутъ въ клѣтку, и когда она отвыкнетъ отъ воли, послѣ отворяй двери настежъ — не летитъ вонъ! Я это и нашей кузинѣ Бѣловодовой говорилъ: тамъ одна неволя, здѣсь другая...

— Ничего я, ни Марѳинькѣ, ни Вѣрочкѣ не наматывала: о любви и не заикалась никогда, — боюсь и пикнуть, а вижу и знаю, что Марѳинька, безъ моего совѣта и благословенія, не полюбила бы никого.

— Пожалуй, что и такъ, задумчиво сказалъ Райскій.

— И что, еслибъ ты, или другой, успѣли натолковать ей про эту твою свободу, и она бы послушала, такъ....

— Была бы несчастнѣйшее созданіе — вѣрю, бабушка — и потому, если Марѳинька пересказала вамъ мой разговоръ, то она должна была также сказать, что я понялъ ее и что послѣдній мой совѣтъ былъ — не выходить изъ вашей воли и слушаться отца Василья.

— Знаю и это: все вывѣдала, и вижу, что ты ей хочешь добра. Оставь же, не трогай ее: а то выйдетъ, что не я, а ты навязываешь ей счастье, котораго она сама не хочетъ: значитъ ты самъ и будешь виноватъ въ томъ, въ чемъ упрекалъ меня: въ деспотизмѣ.—Ты какъ понимаешь бабушку, помолчавъ начала она:—еслибъ богачъ посватался за Марѳиньку, съ породой, съ именемъ, съ заслугами, да не понравился ей—я бы стала уговаривать ее?

— Хорошо, бабушка: я уступаю вамъ Марѳиньку, но не трогайте Вѣру: Марѳинька одно, а Вѣра другое. Если съ Вѣрой примете ту же систему, то сдѣлаете ее несчастной!

— Кто, я? спросила бабушка.—Пусть бы она оставила свою гордость и довѣрилась бабушкѣ: можетъ быть, хватило бы ума и на другую систему.

— Не стѣсняйте только ее, дайте волю. Однѣ птицы родились для клѣтки, а другія для свободы... Она съумѣетъ управить своей судьбой одна...

— А развѣ я мѣшаю ей? стѣсняю ее? Она не довѣряется мнѣ, прячется, молчитъ, живетъ своимъ умомъ: я даже не прошу у ней «ключей», а вотъ ты, кажется, безпокоишься!

Она пристально взглянула на него.

Райскій покраснѣлъ, когда бабушка вдругъ такъ ясно и

Digitized by Google

просто доказала ему, что весь ея «деспотизмъ» построенъ на почвѣ нѣжнѣйшей материнской симпатіи и неутомимаго попеченія о счастьѣ любимыхъ ею сиротъ.

— Я только, какъ полицмейстеръ, смотрю, чтобъ снаружи все шло своимъ порядкомъ, а въ дома не вхожу, пока не позовутъ, прибавила Татьяна Марковна.

— Каково: это идеалъ, вѣнецъ свободы! Бабушка! Татьяна Марковна! Вы стоите на вершинахъ развитія умственнаго, нравственнаго и соціальнаго! Вы совсѣмъ готовый, выработанный человѣкъ! И какъ это вамъ далось даромъ, когда мы хлопочемъ, хлопочемъ! Я кланялся вамъ разъ, какъ женщинѣ, кланяюсь опять и горжусь вами: вы велики!

Оба замолчали.

— Скажите, бабушка, что̀ это за попадья и что̀ за связь у нихъ съ Вѣрой? спросилъ Райскій.

— Наталья Ивановна, жена священника: она училась вмѣстѣ съ Вѣрой въ пансіонѣ, тамъ и подружились. Она часто гоститъ у насъ. Она добрая, хорошая женщина, скромная такая...

— За что же любитъ ее Вѣра: она умная, замѣчательная женщина, съ характеромъ должна быть?

— И! нѣтъ: какой характеръ! Не глупа, училась хорошо, читаетъ много книгъ и пріодѣться любитъ. Попъ-то не бѣдный: своя земля есть — Михайло Иванычъ, помѣщикъ, любитъ его— у него тамъ полная чаша! Хлѣба, всякаго добра — въ волю; лошадей ему подарилъ, экипажъ, даже деревьями изъ оранжерей комнаты у него убираетъ. Попъ умный, изъ молодыхъ — только ужъ очень по-свѣтски ведетъ себя: привыкъ тамъ въ помѣщичьемъ кругу. Даже французскія книжки читаетъ и покуриваетъ—это ужъ и не пристало бы къ рясѣ...

— Ну, а попадья что̀? Скажите мнѣ про нее: за что̀ любитъ ее Вѣра, если у ней, какъ вы говорите, даже характера нѣтъ?

— А за то и любитъ, что характера нѣтъ.

— Какъ за то любитъ? Да развѣ это можно?

— И очень. А еще учить собирался меня, а не замѣтилъ, что иначе-то и не бываетъ....

— Какъ такъ?

— Да такъ: сильный сильнаго никогда не полюбитъ—такіе, какъ козлы, лишь сойдутся, сейчасъ и бодаться начнутъ! А сильный и слабый—только и ладятъ. Одинъ любитъ другого за силу, а тотъ....

— За слабость, что-ли?

Digitized by Google

— Да, за гибкость, за податливость, за то, что тотъ не выходитъ изъ его воли.

— Вѣдь это вѣрно, бабушка: вы мудрецъ. Да здѣсь, я вижу, — непочатой уголъ мудрости! Бабушка, я отказываюсь перевоспитывать васъ и отнынѣ вашъ послушный ученикъ, только прошу объ одномъ—не жените меня. Во всемъ остальномъ буду слушаться васъ. Ну, такъ что же попадья?

— Ну, попадья — добрая, смирная курица: лепечетъ безъ умолку, поетъ, охотница шептаться, особенно съ Вѣрой: такъ и щебечетъ, и все на ухо: а та только слушаетъ да молчитъ, рѣдко кивнетъ головой, или скажетъ слово. Вѣрочкинъ взглядъ, даже капризъ — для нея святы. Что та сказала, то только и умно, и хорошо. Ну, Вѣрѣ этого и надо: ей не другъ нуженъ, а послушная раба. Вотъ она и есть: отъ этого она такъ и любитъ ее. За то какъ и струситъ Наталья Ивановна, чуть что-нибудь не угодитъ: «прости меня, душечка, милая», начнетъ цѣловать глаза, шею — и та ничего.

«Такъ вотъ что! сказалъ Райскій про себя:—гордый и независимый характеръ—рабовъ любитъ! А все твердитъ о свободѣ, и моего поклоненія не удостоила принять. Погоди же ты!»

— А вѣдь она любитъ васъ, бабушка, Вѣра-то? спросилъ Райскій, желая узнать, любитъ ли она кого-нибудь еще, кромѣ Натальи Ивановны.

— Любитъ! съ увѣренностью отвѣчала бабушка: только по-своему. Никогда не показываетъ и не покажетъ! А любитъ — пожалуй, хоть умереть готова.

«А что: можетъ быть, она и меня любитъ, да только не показываетъ», утѣшилъ-было себя Райскій, но самъ же и разрушилъ эту надежду, какъ несбыточную.

— Почему же вы знаете, если она не показываетъ?

— Не знаю и сама почему, а только любитъ.

— А вы ее?

— Люблю, вполголоса сказала бабушка: охъ, какъ люблю!— прибавила она со вздохомъ, и даже слезы-было показались у нее — она и не знаетъ: авось, узнаетъ когда-нибудь....

— А замѣтили ли вы, что Вѣра съ нѣкоторыхъ поръ какъ-будто.... задумчива? нерѣшительно спросилъ Райскій, въ надеждѣ, не допытается-ли какъ-нибудь отъ бабушки разрѣшенія своего мучительнаго «вопроса» о синемъ письмѣ.

— А ты замѣтилъ?

— Нѣтъ.... такъ.... она что-то.... Вѣдь я не знаю, какая она вообще: только какъ-будто того....

— Что-жъ это за любовь, еслибъ я не замѣтила! Ужъ не

Digitized by Google

одну ночь не спала я и думаю, отчего она съ весны такая странная стала? То повеселѣетъ, то задумается; часто капризничаетъ, иногда вспылитъ. Замужъ пора ей—вотъ что! — почти про себя прибавила Татьяна Марковна.—Я спрашивала доктора: тотъ все на нервы: дались имъ эти нервы—и что это за нервы такіе? Бывало и докторà никакихъ нервъ не знали. Поясница—такъ и говорили, что поясница болитъ, или подъ ложечкой: отъ этого и лечили. А теперь все пошли нервы! Вонъ, бывало, кто съума сойдетъ: спятилъ, говорятъ, сердечный—съ горя, что ли, или изъ ума выжилъ, или спился, а нынче говорятъ: мозги какъ-то размягчились...

— Не влюблена ли? вполголоса сказалъ Райскій и раскаялся: хотѣлось бы назадъ взять слово, да поздно. Въ бабушку точно камнемъ попало.

— Господи спаси и помилуй! сказала она, перекрестившись, точно молнія блеснула передъ ней: — этого горя только не доставало!

— Вотъ нашли горе: ей счастье, а вамъ горе!

— Не шути этимъ, Бòрюшка, самъ сказалъ сейчасъ, что она не Марѳинька! Пока Вѣра капризничаетъ безъ причины, молчитъ, мечтаетъ одна — Богъ съ ней! А какъ эта змѣя, любовь, заберется въ нее, тогда съ ней не сладишь! Этого «рожна» я и тебѣ, не только дѣвочкамъ моимъ, не пожелаю. Да ты это съ чего взялъ: говорилъ, что ли, съ ней, замѣтилъ что-нибудь? Ты скажи мнѣ, родной, всю правду! умоляющимъ голосомъ прибавила она, положивъ ему на плечо руку.

— Ничего, бабушка, Богъ съ вами, успокойтесь: я такъ, просто «брякнулъ», какъ вы говорите, а вы ужъ и встревожились, какъ давича о ключахъ....

— Да, «ключи»: вдругъ ухватилась за слово бабушка и даже измѣнилась въ лицѣ:—эта аллегорія—чтò она значитъ? Ты проговорился про какой-то ключъ отъ сердца: чтò это такое, Борисъ Павлычъ—ты не мути моего покоя, скажи, какъ на духу, если знаешь что-нибудь?

Райскому досадно стало на себя и онъ всѣми силами старался успокоить бабушку, и отчасти успѣлъ.

— Я замѣтилъ тó же, что и вы, говорилъ онъ, не больше. Ну скажетъ ли она мнѣ, если отъ всѣхъ васъ таится? Я даже, видите, не зналъ, куда она ѣздитъ, что это за попадья такая—спрашивалъ, спрашивалъ — ни слова! Вы же мнѣ разсказали.

— Да, да, не скажетъ, это правда—отъ нея не добьешься! прибавила успокоенная бабушка:—не скажетъ! Вотъ та шептунья, попадья, все знаетъ, чтò у ней на умѣ: да и та скорѣй умретъ,

Digitized by Google

а не скажетъ ея секретовъ. Свои сейчасъ разроняетъ, только подбирай, а ея — Боже сохрани!

Оба замолчали.

— Да и въ кого бы тутъ влюбиться? разсуждала бабушка про себя, — не въ кого.

— Не въ кого? живо спросилъ Райскій.—Никого нѣтъ такого?...

Татьяна Марковна покачала головой.

— Развѣ лѣсничій, сказала она задумчиво, — хорошій человѣкъ. Онъ, кажется, не прочь, я замѣчаю.... Славная бы партія Вѣрѣ.... да....

— Да что?

— Да она-то мудреная такая — Богъ знаетъ — какъ приступиться къ ней, какъ посватается! А славный, солидный, и богатый: одного лѣсу будетъ тысячъ....

— Лѣсничій! повторилъ Райскій: какой лѣсничій? что онъ за человѣкъ? молодой, образованный, замѣчательный?...

Вошла Василиса и доложила, что Полина Карповна пріѣхала и спрашиваетъ, расположенъ ли Борисъ Павловичъ рисовать ея портретъ.

— И поговорить не дастъ—принесла нелегкая! ворчала бабушка. — Проси, да завтракъ чтобъ былъ готовъ.

— Откажите, бабушка, зачѣмъ: потрудись, Василиса, сказать, что я до пріѣзда Вѣры Васильевны портрета писать не стану.

Василиса пошла и воротилась.

— Требуетъ васъ туда: нейдетъ изъ коляски, сказала она.

XI.

Неизвѣстно, что̀ говорила Райскому Полина Карповна, но черезъ пять минутъ, онъ взялъ шляпу, тросточку, и Крицкая, глядя торжественно по сторонамъ, помчала его, сначала по главнымъ улицамъ, гордясь своей побѣдой, и потомъ, какъ военную добычу, привезла домой.

Райскій съ любопытствомъ шелъ за Полиной Карповной въ комнаты, любезно отвѣчалъ на ея нѣжный шепотъ, страстные взгляды. Она молила его признаться, что онъ не равнодушенъ къ ней, на что́ онъ въ ту же минуту согласился, и съ любопытствомъ ждалъ, что изъ этого будетъ. «О, я знала, я знала— видите! Не я ли предсказывала?» ликуя, говорила она. Она на-

Digitized by Google

чала съ того, что сейчасъ опустила сторы, сдѣлала полумракъ въ комнатѣ и полу-сѣла или полу-легла на кушеткѣ, къ свѣту спиной.

— Да, я знала это: о, съ первой минуты я видѣла, que nous nous convenons — да, cher M-r Boris — не правда ли?

Она пришла въ экстазъ, не знала, гдѣ его посадить, велѣла подать прекрасный завтракъ, холоднаго шампанскаго, узнавши, что Райскій съ удовольствіемъ выпиваль два, три бокала, чокалась съ нимъ и сама цѣдила по каплѣ въ ротъ вино, вздыхала, отдувалась, обмахивалась вѣеромъ. Потомъ позвала горничную и хвастливо сказала, что она никого не принимаетъ; вошелъ человѣкъ въ комнату, она повторила тоже и велѣла опустить сторы даже въ залѣ. Она сидѣла въ своей красивой позѣ, напротивъ большого зеркала, и молча улыбалась своему гостю, млѣя отъ удовольствія. Она не старалась, ни приблизиться, ни взять Райскаго за руку, не приглашала сѣсть ближе, а только играла и блистала передъ нимъ своей интересной особой, нечаянно показывала «ножки» и съ улыбкой смотрѣла, какъ дѣйствуютъ на него эти маневры. Если онъ подходилъ къ ней, она прилично отодвигалась и давала ему подлѣ себя мѣсто. Онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на нее и хотѣлъ окончательно рѣшить, что она такое. Онъ-было испугался приготовленій, какими она обстановила его посѣщеніе, но съ каждымъ ея движеніемъ опасенія его разсѣявались. Повидимому, добродѣтели его не угрожала никакая опасность. «Чего же она хочетъ отъ меня?» догадывался онъ, глядя на нее съ любопытствомъ.

— Скажите мнѣ что-нибудь про Петербургъ, про ваши побѣды: о, ихъ много у васъ? да? Скажите, что тамошнія женщины — лучше здѣшнихъ? (она взглянула на себя въ зеркало) одѣваются съ бо̀льшимъ вкусомъ? (и обдернула на себѣ платье и сбросила съ плеча кружевную мантилью).

А плечи у ней были бѣлы и круглы, такъ что Райскій находилъ ихъ не совсѣмъ недостойными кисти.

— Что-жъ вы молчите? Скажите что-нибудь? продолжала она, дрыгнувъ не безъ пріятности «ножкой» и спрятавъ ее подъ платье. Потомъ плутовски взглянула на него, наблюдая, дѣйствуетъ ли?

«Что-жъ она такое: постой, сейчасъ скажется!..» подумалъ онъ.

— Я все сказалъ! съ комическимъ экстазомъ произнесъ онъ: мнѣ остается только... поцѣловать, васъ!—Онъ всталъ съ своего мѣста и подошелъ къ ней рѣшительно.

Digitized by Google

— M-r Boris! de grâce — oh! oh! съ натянутымъ смущеніемъ сказала она: — que voulez-vous — нѣтъ, ради Бога, нѣтъ, пощадите, пощадите!

Онъ наклонился къ ней и, повидимому, хотѣлъ привести свое намѣреніе въ исполненіе. Она замахала руками въ непритворномъ страхѣ, встала съ кушетки, подняла стору, оправилась и сѣла прямо, но лицо у ней горѣло лучами торжества. Она была озарена какимъ-то блескомъ — и опустивъ томно голову на плечо, шептала сладостно.

— Pitié, pitié!

— Grâ-ce, grâ-ce! запѣлъ Райскій, едва сдерживая смѣхъ.

— Я пошутилъ: не бойтесь, Полина Карповна — вы безопасны, клянусь вамъ...

— О, не клянитесь! вдругъ вставъ съ мѣста, сказала она съ паѳосомъ и зажмуриваясь: — есть минуты, страшныя въ жизни женщины... Но вы великодушны!.. прибавила, опять томно млѣя и клоня голову на сторону: — вы не погубите меня...

— Нѣтъ, нѣтъ, говорилъ онъ, наслаждаясь этой сценой: — какъ можно губить мать семейства!... Вѣдь у васъ есть дѣти — а гдѣ ваши дѣти? спросилъ онъ оглядываясь вокругъ. — Что вы мнѣ не покажете ихъ?

Она сейчасъ же отрезвилась.

— Ихъ нѣтъ... они... заговорила она.

— Познакомьте меня съ ними: я такъ люблю малютокъ...

— Нѣтъ, pardon, M-r Boris, — ихъ въ городѣ нѣтъ...

— Гдѣ же они?

— Они... гостятъ въ деревнѣ у знакомыхъ.

Дѣло въ томъ, что одному «малюткѣ» было шестнадцать, а другому четырнадцать лѣтъ, и Крицкая отправила ихъ къ дядѣ на воспитаніе, подальше отъ себя, чтобъ они возрастомъ своимъ не обличали ея лѣтъ.

Райскому стало скучно и онъ собрался домой. Полина Карповна, не только не удерживала его, но повидимому была довольна, что онъ уходитъ. Она велѣла подавать коляску и непремѣнно хотѣла ѣхать съ нимъ.

— И прекрасно, сказалъ Райскій: — завезите меня въ одно мѣсто.

Полина Карповна обрадовалась и они покатили опять по улицамъ.

Къ вечеру весь городъ зналъ, что Райскій провелъ утро наединѣ съ Полиной Карповной, что, не только сторы были опущены, даже ставни закрыты, что онъ объяснился въ любви, умолялъ о поцѣлуѣ, плакалъ — и теперь страдаетъ муками любви.

Digitized by Google

Долго кружили по городу Райскій и Полина Карповна. Она старалась провезти его мимо всѣхъ знакомыхъ, наконецъ онъ указалъ одинъ переулокъ и велѣлъ остановиться у квартиры Козлова. Крицкая увидѣла у окна жену Леонтья, которая дѣлала знаки Райскому. Полина Карповна пришла въ ужасъ.

— Вы ѣздите къ этой женщинѣ — возможно ли? Я компрометирована! сказала она.—Что скажутъ, когда узнаютъ, что я завезла васъ сюда? Allons, de grâce, montez vite et partons! Cette femme: quelle horreur!

Но Райскій махнулъ рукой и вошелъ въ домъ.

«Вотъ сучокъ замѣтила въ чужомъ глазу!» думалъ онъ.

XII.

Свиданіе наединѣ съ Крицкой напомнило ему о его «обязанности къ другу», на которую онъ такъ торжественно готовился недавно и отъ которой отвлекла его Вѣра. У него даже забилось сердце, когда онъ оживилъ въ памяти свои намѣренія оградить домашнее счастье этого друга.

Леонтья не было дома и Ульяна Андреевна встрѣтила Райскаго съ распростертыми объятіями, отъ которыхъ онъ сухо уклонился. Она называла его старымъ другомъ, шалуномъ, слегка взяла его за ухо, посадила на диванъ, сѣла къ нему близко, держа его за руку. Райскій едва терпѣлъ эту прямую атаку и растерялся въ первую минуту отъ быстраго и неожиданнаго натиска, который вдругъ перенесъ его въ эпоху стараго знакомства съ Ульяной Андреевной и студенческихъ шалостей: но это было такъ давно.

— Что вы, Ульяна Андреевна, опомнитесь — я не студентъ, а вы не дѣвочка... упрекнулъ онъ ее.

— Для меня вы все тотъ же милый студентъ, шалунъ, а я для васъ также послушная дѣвочка...

Она вскочила съ мѣста, схватила его за руки и три раза повернулась съ нимъ по комнатѣ, какъ въ вальсѣ.

— А кто мнѣ платье разорвалъ, помните?...

Онъ смотрѣлъ на нее, стараясь вспомнить.

— Забыли, какъ ловили за талію, когда я хотѣла уйти!... Кто на колѣняхъ стоялъ? Кто ручки цѣловалъ! На-те, поцѣлуйте, неблагодарный! А я для васъ все та же Улинька!

— Жаль! сказалъ онъ со вздохомъ: — ужели вы не забыли старыя шалости?

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ — все помню, все помню! — И вертѣла его за руки по комнатѣ.

Ему легче казалось сносить тупое, безплодное и каррикатурное кокетничанье сѣдѣющей Калипсо, все ищущей своего Телемака, нежели этой простодушной нимфы, ищущей встрѣчи съ сатиромъ.

А она, съ блескомъ на рыжеватой маковкѣ и бровяхъ, съ отчистымъ румянцемъ, ярко проступавшимъ сквозь веснушки, смотрѣла ему прямо въ лицо лучистыми, горячими глазами, съ безпечной радостью, отважной рѣшимостью и затаеннымъ смѣхомъ. Онъ отворачивался отъ нея, старался заговорить о Леонтьѣ, о его занятіяхъ, ходилъ изъ угла въ уголъ и десять разъ подходилъ къ двери, чтобъ уйти, но чувствовалъ, что это не легко сдѣлать. Онъ попалъ будто въ клѣтку тигрицы, которая, сидя въ углу, слѣдитъ за своей жертвой: и только онъ брался за ручку двери, она уже стояла передъ нимъ, прижавшись спиной къ замку, и глядя на него своимъ смѣющимся взглядомъ, безъ улыбки. Куда онъ ни оборачивался, онъ чувствовалъ, что не могъ уйти изъ-подъ этого взгляда, который, какъ взглядъ портретовъ, всюду слѣдилъ за нимъ.

Онъ сѣлъ и погрузился въ свою задачу о долгѣ, думалъ, съ чего начать. Онъ видѣлъ, что мягкость тутъ не поможетъ: надо бросить «громъ» на эту, играющую позоромъ женщину, назвать по имени стыдъ, который она такъ щедро льетъ на голову его друга. Онъ молча, холодно осматривалъ ее съ ногъ до головы, даже позволилъ себѣ легкую улыбку презрѣнія. А она, отворотясь отъ этого сухого взгляда, обойдетъ сзади стула и вдругъ нагнется къ нему и близко взглянетъ ему въ лицо, положитъ на плечо руки, или нѣжно щипнетъ его за ухо — и вдругъ остановится на мѣстѣ, оцѣпенѣетъ, смотритъ въ сторону глубоко-задумчиво, или въ землю, точно перемогаетъ себя, или — можетъ быть — вспоминаетъ лучшіе дни, Райскаго-юношу, потомъ вздохнетъ, очнется — и опять къ нему... Онъ зорко наблюдалъ ее.

— Что вы такъ смотрите на меня, не по прежнему, старый другъ? говорила она тихо, точно пѣла: — развѣ ничего не осталось на мою долю въ этомъ сердцѣ? А помните, когда липы цвѣли?

— Я ничего не помню, сухо говорилъ онъ: — все забылъ!

— Неблагодарный! шептала она и прикладывала руку къ его сердцу, потомъ щипала опять за ухо, или за щеку, и быстро переходила на другую сторону.

— Развѣ все отдали Вѣрѣ: да? шептала она.

— Вѣрѣ? вдругъ спросилъ онъ, отталкивая ее.

Digitized by Google

— Тс — тс — все знаю — молчите. Забудьте на минуту свою милую...

«Нѣтъ, думалъ онъ, въ другой разъ, когда Леонтій будетъ дома, я гдѣ-нибудь въ углу, въ саду, дамъ ей урокъ, назову ее по имени, и ея поведеніе, а теперь...» Онъ всталъ.

— Пустите, Ульяна Андреевна: я въ другой разъ приду, когда Леонтій будетъ дома, сухо сказалъ онъ, стараясь отстранить ее отъ двери.

— А вотъ этого я и не хочу, отвѣчала она: — очень мнѣ весело, что вы придете при немъ — я хочу видѣть васъ одного: хоть на часъ будьте мой — весь мой, чтобъ никому ничего не досталось! И я хочу быть — вся ваша... вся! страстно шепнула она, кладя голову ему на грудь. — Я ждала этого, видѣла васъ во снѣ, бредила вами, не знала, какъ заманить. Случай помогъ мнѣ — вы мой, мой, мой! говорила она, охватывая его руками за шею и цѣлуя воздухъ.

— Ну, это — не Полина Карповна: съ ней надо принять рѣшительныя мѣры, подумалъ Райскій и энергически, обнявъ за талію, отвелъ ее въ сторону и отворилъ дверь.

— Прощайте, сказалъ онъ, махнувъ шляпой, — до свиданія — я завтра...

Шляпа очутилась у ней въ рукѣ — и она, нагнувъ голову, подняла шляпу вверхъ и насмѣшливо махала ею надъ головой. Онъ хотѣлъ схватить шляпу, но Ульяна Андреевна была уже въ другой комнатѣ и протягивала шляпу къ нему, маня за собой. — Возьмите! дразнила она.

Онъ молча наблюдалъ ее.

— Дайте шляпу! сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Возьмите.

— Отдайте.

— Вотъ она.

— Поставьте на полъ.

Она поставила и отошла къ окну. Онъ вошелъ къ ней въ комнату и бросился къ шляпѣ, а она бросилась къ двери, заперла и положила ключъ въ карманъ.

Они смотрѣли другъ на друга: Райскій — съ холоднымъ любопытствомъ, она — съ дерзкимъ торжествомъ, сверкая смѣющимися глазами. Онъ молча дивился красотѣ ея римскаго профиля.

«Да, Леонтій правъ: это — камея — какой профиль, какая строгая, чистая линія затылка, шеи! И эти волосы также густы, какъ бывало...»

Онъ вдругъ вспомнилъ, зачѣмъ пришелъ, и сдѣлалъ строгое лицо.

Digitized by Google

— Понимаете ли вы сами, какую сцену играете? съ холодной важностью произнесъ онъ.

— Милый Борисъ! нѣжно говорила она, протягивая руки и маня къ себѣ: — помните садъ и бесѣдку? Развѣ эта сцена — новость для васъ? Подите сюда! прибавила скороговоркой, шепотомъ, садясь на диванъ и указывая ему мѣсто возлѣ себя.

— А мужъ? вдругъ сказалъ онъ.

— Что мужъ? все такой же дуракъ, какъ и былъ.

— Дуракъ! съ упрекомъ, возвысивъ голосъ, повторилъ онъ.— И вы такъ платите ему за его доброту, за довѣріе!..

— Да развѣ его можно любить?

— Отчего же не любить?

— Такихъ не любятъ... Подите сюда!... шептала опять.

— Но вы любили же когда-нибудь?

Она отрицательно покачала головой.

— Зачѣмъ же вы шли замужъ?

— Это совсѣмъ другое дѣло: онъ взялъ, я и вышла. Куда жъ мнѣ было дѣться!

— И обманываете цѣлую жизнь, каждый день, увѣряете его въ любви...

— Никогда не увѣряю, да онъ и не спрашиваетъ. Видите, и не обманываю!

— Но помилуйте, что̀ вы дѣлаете! говорилъ онъ, стараясь придать ужасъ голосу.

Она, съ затаеннымъ смѣхомъ, отважно смотрѣла на него; глаза у ней искрились.

— Что̀ я дѣлаю!!! съ комическимъ ужасомъ передразнила она: — все люблю васъ, неблагодарный, все вѣрна милому студенту Райскому... Подите сюда!

— Еслибъ онъ зналъ! говорилъ Райскій, боязливо ворочая глазами вокругъ и останавливая ихъ на ея профилѣ.

— Не узнаетъ, а еслибъ и узналъ — такъ ничего. Онъ дуракъ!

— Нѣтъ, не дуракъ, а слабый, любящій до слѣпоты. И вотъ— его семейное счастье!

— А чѣмъ онъ несчастливъ? вспыхнувъ сказала Ульяна Андреевна: — поищите ему другую такую жену. Если не посмотрѣть за нимъ, онъ мимо рта ложку пронесетъ. Онъ одѣтъ, обутъ, ѣстъ вкусно, спитъ покойно, знаетъ свою латынь: чего ему еще больше? И будетъ съ него! А любовь не про такихъ!

— Про какихъ же?

— Про такихъ, какъ вы... Подите сюда!

— Но онъ вамъ вѣритъ, онъ поклоняется вамъ...

Digitized by Google

— Я ему не мѣшаю: онъ мужъ—чего жъ ему еще?

— Ваша ласка, попеченія—все это должно принадлежать ему!

— Все и принадлежитъ—развѣ его не ласкаютъ, противнаго урода этакаго! Попробовали бы вы...

— Зачѣмъ же эта распущенность: этотъ Шарль!..

Она опять вспыхнула.

— Какой вздоръ — Шарль! кто это вамъ напѣлъ? противная бабушка ваша—вздоръ, вздоръ!

— Я самъ слышалъ...

— Что́ вы слышали?

— Въ саду, какъ вы шептались, какъ...

— Это все пустое, вамъ померещилось. М-г Шарль придетъ, спроситъ сухарь, стаканъ краснаго вина — выпьетъ и уйдетъ.

Она отошла къ окну и въ досадѣ начала ощипывать листья и цвѣты въ горшкахъ. И у ней лицо стало, какъ маска, и глаза перестали искриться, а сдѣлались прозрачны, безцвѣтны — «какъ у Вѣры тогда...» думалъ онъ: «Да, да—вотъ онъ, этотъ взглядъ, одинъ и тотъ же у всѣхъ женщинъ, когда онѣ лгутъ, обманываютъ, таятся... русалки!»

— Ваше сердце, Ульяна Андреевна, ваше внутреннее чувство... говорилъ онъ.

— Еще что̀?

— Словомъ—совѣсть не угрызаетъ васъ, не шепчетъ вамъ, какъ глубоко оскорбляете вы бѣднаго моего друга...

— Какой вздоръ вы говорите—тошно слушать—сказала она, вдругъ обернувшись къ нему и взявъ его за руки. — Ну, кто его оскорбляетъ! что вы мнѣ мораль читаете! Леонтій не жалуется, ничего не говоритъ... Я ему отдала всю жизнь, пожертвовала собой: ему покойно, больше ничего не надо, а мнѣ-то каково безъ любви! Какая бы другая связалась съ нимъ?..

— Онъ такъ васъ любитъ!

— Куда ему? умѣетъ онъ любить! Онъ даже и слова о любви не умѣетъ сказать: выпучитъ глаза на меня — вотъ и вся любовь! точно пень! Дались ему книги, уткнетъ носъ въ нихъ и возится съ ними. Пусть же онѣ и любятъ его! Я буду для него—исправной женой, а любовницей—(она сильно потрясла головой) никогда!

— Да вы новѣйшій философъ, весело замѣтилъ Райскій: не смѣшиваете любви съ бракомъ: мужу....

— Мужу—щи, чистую рубашку, мягкую подушку и покой...

— А любовь?

— А любовь... вотъ кому! сказала она—и вдругъ обвилась руками около шеи Райскаго, затворила ему ротъ крѣпкимъ и про-

Digitized by Google

должительнымъ поцѣлуемъ. Онъ остолбенѣлъ, и даже зашатался на мѣстѣ. А она не выпускала его шеи изъ объятій, обдавала жаромъ глазъ, любуясь дѣйствіемъ поцѣлуя.

— Постойте... постойте — говорилъ онъ озадаченный, вспомните, я другъ Леонтья, моя обязанность...

Она затворила ему ротъ маленькой рукой — и онъ... поцѣловалъ руку.

«Нѣтъ, говорилъ онъ, стараясь не глядѣть на ея профиль и жмурясь отъ ея искристыхъ, широко открытыхъ глазъ: моментъ насталъ, брошу камень въ эту холодную, безсердечную статую...» Онъ освободился отъ ея объятій, поправилъ смятые волосы, отступилъ на шагъ и выпрямился.

— А стыдъ — куда вы дѣли его, Ульяна Андреевна? сказалъ онъ рѣзко.

— Стыдъ... стыдъ... шептала она, обливаясь румянцемъ и пряча голову на его груди — стыдъ я топлю въ поцѣлуяхъ...

Она опять прильнула къ его щекѣ губами.

— Опомнитесь и оставьте меня — строго сказалъ онъ: если въ домѣ моего друга поселился демонъ, я хочу быть ангеломъ-хранителемъ его покоя...

— Не говорите, ахъ, не говорите мнѣ страшныхъ словъ... почти простонала она. — Вамъ ли стыдить меня? Я постыдилась бы другого... А вы! Помните... Мнѣ страшно, больно, я захвораю, умру... Мнѣ тошно жить, здѣсь такая скука...

— Оправьтесь, встаньте, вспомните, что вы женщина... говорилъ онъ.

Она судорожно, еще сильнѣе прижалась къ нему, пряча голову у него на груди.

— Ахъ — сказала она, за чѣмъ, за чѣмъ вы... это говорите... Борисъ—милый Борисъ... вы ли это?..

— Пустите меня: я задыхаюсь въ вашихъ объятіяхъ! сказалъ онъ: я измѣняю самому святому чувству—довѣрію друга... Стыдъ да падетъ на вашу голову!...

Она вздрогнула, руки у ней упали неподвижно, она взглянула на Райскаго мутно, сильно оттолкнула его, повела глазами вокругъ себя, схватила себя обѣими руками за голову — и испустила крикъ, такъ-что Райскій испугался и не радъ былъ, что вздумалъ будить женское заснувшее чувство.

— Ульяна Андреевна! опомнитесь, придите въ себя! говорилъ онъ, стараясь удержать ее за руки. — Я нарочно, пошутилъ, виноватъ!..—Но она не слушала, качала въ отчаяніи головой, рвала волосы, сжимала руки, вонзая ногти въ ладони, и рыдала безъ слезъ.

Digitized by Google

— Что́ я, гдѣ я? говорила она, ворочая вокругъ себя, изумленными глазами. — Стыдъ, стыдъ, отрывисто вскрикивала она — Боже мой—стыдъ, да, жжетъ — вотъ здѣсь! — Она рвала манишку на себѣ.

Онъ разстегнулъ, или скорѣе разорвалъ ей платье и положилъ ее на диванъ. Она металась, какъ въ горячкѣ, испуская вопли, такъ что слышно было на улицѣ.

— Ульяна Андреевна, опомнитесь! говорилъ онъ, ставши на колѣни, цѣлуя ей руки, лобъ, глаза. Она взглядывала мелькомъ на него, дѣлая большіе глаза, какъ будто удивляясь, что онъ тутъ, потомъ вдругъ судорожно прижимала его къ груди и опять отталкивала, твердя: «стыдъ! стыдъ! жжетъ, вотъ, здѣсь... душно».

Онъ понялъ въ ту минуту, что будить давно уснувшій стыдъ слѣдовало исподоволь, съ пощадой, если онъ не умеръ совсѣмъ, а только заглохъ, «все равно, подумалъ онъ, какъ пьяницу нельзя вдругъ оторвать отъ чарки—горячка будетъ!»

Онъ не зналъ, что дѣлать, бросился въ столовую, забѣжалъ съ отчаянія въ какой-то темный уголъ, выбѣжалъ въ садъ—чтобъ позвать кухарку, зашелъ въ кухню, хлопая дверьми—нигдѣ ни души. Онъ захватилъ ковшъ воды, прибѣжалъ назадъ: одну минуту колебался, не уйти ли ему, но оставить ее одну въ этомъ положеніи,—казалось ему жестокостью.

Она все металась и стонала, волосы у ней густой косой разсыпалась по плечамъ и груди. Онъ сталъ на колѣни, поцѣлуями зажималъ ей ротъ, унималъ стоны, цѣловалъ руки, глаза. Мало по малу она ослабѣла, потомъ оставалась минутъ пять въ забытьи, наконецъ пришла въ себя, остановила на немъ томный взглядъ и — вдругъ дико, бѣшено стиснула его руками за шею, прижала къ груди и прошептала: «Вы мой... мой!.. не говорите мнѣ страшныхъ словъ... „*Оставь угрозы, свою Тамару не брани*“ — повторила она Лермонтовскій стихъ — съ томною улыбкою.

«Господи! застонало внутри его — что мнѣ дѣлать!» — «Не станете?» шепотомъ прибавила она, крѣпко держа его за голову: «вы мой?»

Райскій не могъ въ ея рукахъ повернуть головы, онъ поддерживалъ ея затылокъ и шею: римская камея лежала у него на ладони во всей прелести этихъ молящихъ глазъ, полуоткрытыхъ, горячихъ губъ... Онъ не отводилъ глазъ отъ ея профиля, у него закружилась голова... Румяныя и жаркія щеки ея запылали ярче и жгли ему лицо. Она поцѣловала его: онъ отдалъ поцѣлуй. Она прижала его крѣпче, прошептала чуть слышно:

Digitized by Google

«ы мой теперь: никому не отдамъ васъ!...» Онъ не бранилъ, не сказалъ больше ни одного «страшнаго» слова... «Громы» умолкли...

XIII.

Исполнивъ «дружескую обязанность», Райскій медленно, почти безсознательно шелъ по переулку, поднимаясь въ гору и тупо глядя на крапиву въ канавѣ, на пасущуюся корову на пригоркѣ, на роющуюся около плетня свинью, на пустой, длинный заборъ. Оборотившись назадъ, къ домику Козлова, онъ увидѣлъ, что Ульяна Андреевна стоитъ еще у окна и машетъ ему платкомъ. «Я сдѣлалъ все, что могъ, все!» говорилъ онъ, отворачиваясь отъ окна съ содроганіемъ и прибавилъ шагу. Взойдя на гору, онъ остановился и въ непритворномъ ужасѣ произнесъ — «Боже, Боже мой!» Гамлетъ и Офелія! вдругъ пришло ему въ голову, и онъ закатился смѣхомъ отъ этого сравненія, такъ что даже ухватился за рѣшетку церковной ограды. Ульяна Андреевна—Офелія! Надъ сравненіемъ себя съ Гамлетомъ онъ не смѣялся: «всякій, казалось ему, бываетъ Гамлетомъ иногда!» Такъ называемая «воля» подшучиваетъ надъ всѣми! «Нѣтъ воли у человѣка—говорилъ онъ—«а есть параличъ воли: это къ его услугамъ! А то, что называютъ волей — эту мнимую силу, такъ она вовсе не въ распоряженіи своего господина, «царя природы», а подлежитъ какимъ-то постороннимъ законамъ и дѣйствуетъ по нимъ, не спрашивая его согласія. Она, какъ совѣсть, только и напоминаетъ о себѣ, когда человѣкъ уже сдѣлалъ не то, что надо, или если онъ и бываетъ твердъ волей, такъ развѣ случайно, или тамъ, гдѣ онъ равнодушенъ. «Леонтій! вдругъ произнесъ онъ, хватаясь за голову: въ какихъ рукахъ его счастье! какими глазами взгляну я на него! А какъ тверда была моя воля!» Какъ онъ искренно готовился къ своей благородной роли, какъ улыбалась ему идея долга, какую награду нашелъ бы онъ въ своемъ сознаніи, еслибъ... «А что было мнѣ дѣлать? заключилъ онъ вопросомъ и мало-по-малу поднималъ голову, выпрямлялся, морщины разглаживались, лицо становилось покойнѣе. «Я сдѣлалъ все, что могъ, все что могъ!» твердилъ онъ: «но вышло не то что нужно...» шепнулъ онъ со вздохомъ. И съ этимъ *но* и съ этимъ вздохомъ пришелъ къ себѣ домой, мало по малу оправданный въ собственныхъ глазахъ, и, къ большому удовольствію бабушки, весело и съ аппетитомъ пообѣдалъ съ нею и съ Марѳинькой.

«Эту главу въ романѣ надо выпустить...» подумалъ онъ, при-

Digitized by Google

нимаясь вечеромъ за тетради, чтобы дополнить очеркъ Ульяны Андреевны... «А за чѣмъ: лгать, притворяться, становиться на ходули? Не хочу, оставлю, какъ есть: смягчу только это свиданіе... прикрою нимфу и сатира гирляндой...»

Райскій прилежно углубился въ свой романъ. Передъ нимъ какъ будто проходила его собственная жизнь, разорванная на какіе-то клочки. «Но вѣдь иной недогадливый читатель подумаетъ, что я самъ такой, и только такой, сказалъ онъ, перебирая свои тетради: онъ не сообразитъ, что это не я, не Карпъ, не Сидоръ, а типъ, что въ организмѣ художника совмѣщаются многія эпохи, многія разнородныя лица... Что я стану дѣлать съ ними: куда дѣну еще десять, двадцать типовъ?.. «Надо также выдѣлить изъ себя и слѣпить и тѣ десять, двадцать типовъ», шепнулъ кто-то внутри его — «это и есть задача художника», его «дѣло», а не «миражъ!» Онъ вздохнулъ. «Гдѣ мнѣ, неудачнику!» подумалъ онъ уныло.

Прошло нѣсколько дней послѣ свиданія съ Ульяной Андреевной. Однажды къ вечеру собралась гроза, за Волгой небо обложилось черными тучами, на дворѣ парило, какъ въ банѣ; по полю и по дорогѣ кое-гдѣ вихрь крутилъ пыль.

Все примолкло. Татьяна Марковна подняла на ноги весь домъ. Вездѣ закрывались трубы, окна, двери. Она не только сама боялась грозы, но даже не жаловала тѣхъ, кто ея не боялся, считая это за вольнодумство. Всѣ набожно крестились въ домѣ при блескѣ молніи, а кто не перекрестится, того называла «пнемъ». Егорку выгоняла изъ передней въ людскую, потому что онъ не переставалъ хихикать съ горничными и въ грозу.

Гроза приближалась величественно: издали доносился глухой рокотъ грома, пыль неслась столбомъ. Вдругъ блеснула молнія и надъ деревней раздался рѣзкій ударъ грома. Райскій схватилъ фуражку, зонтикъ, и пошелъ проворно въ садъ, съ тѣмъ, чтобъ поближе наблюдать картину, помѣститься самому въ нее, списать детали и наблюдать свои ощущенія. Татьяна Марковна увидѣла его изъ окна и постучала ему въ стекло.

— Куда это ты, Борисъ Павловичъ? спросила она, подозвавъ его къ окну.

— На Волгу, бабушка, грозу посмотрѣть.

— Въ умѣ ли ты: воротись!

— Нѣтъ, я пойду...

— Говорятъ, не ходи! повелительно прибавила она...

Опять блеснула молнія и раздался продолжительный раскатъ грома. Бабушка въ испугѣ спряталась, а Райскій сошелъ съ об-

Digitized by Google

рыва, пошелъ между кустовъ едва замѣтной извилистой тропинкой. Дождь пошелъ, какъ изъ ведра, молнія сверкала за молніей, громъ ревѣлъ. И сумерки, и тучи погрузили все въ глубокій мракъ. Райскій сталъ раскаяваться въ своемъ артистическомъ намѣреніи посмотрѣть грозу, потому что отъ ливня намокшій зонтикъ пропускалъ воду ему на лицо и на платье, ноги вязли въ мокрой глинѣ, и онъ, забывши подробности мѣстности, безпрестанно натыкался въ рощѣ на бугры, на пни, или скакалъ въ ямы. Онъ поминутно останавливался, и только при блескѣ молніи дѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Онъ зналъ, что тутъ была гдѣ-то, на днѣ обрыва, бесѣдка, когда еще кусты и деревья, росшіе по обрыву, составляя часть сада. Недавно еще пробираясь къ берегу Волги, мимоходомъ онъ видѣлъ ее въ чащѣ, но теперь не зналъ, какъ пройти къ ней, чтобы укрыться тамъ и оттуда, пожалуй, наблюдать грозу. Назадъ идти опять между сплошныхъ кустовъ, по кочкамъ и ямамъ подниматься вверхъ, онъ тоже не хотѣлъ, и потому рѣшилъ протащиться еще нѣсколько десятковъ саженъ до проѣзжей горы, перелѣзть тамъ черезъ плетень и добраться по дорогѣ до деревни. Сапоги у него размокли совсѣмъ: онъ едва вытаскивалъ ноги изъ грязи и разросшагося лопуха и крапивы, и кромѣ того, не совсѣмъ равнодушенъ былъ къ этому нестернимому блеску молніи и треску грома надъ головой.

«Можно бы любоваться грозой изъ комнаты!» сознавался онъ про себя.

Наконецъ онъ уткнулся въ плетень, ощупалъ его рукой, хотѣлъ поставить ногу на траву, — поскользнулся и провалился въ канаву. Съ большимъ трудомъ выкарабкался онъ изъ нея, перелѣзъ черезъ плетень и вышелъ на дорогу. По этой крутой и опасной горѣ ѣздили мало, больше мужики, порожнякомъ, чтобы не дѣлать большого объѣзда, въ телѣгахъ, на своихъ смирныхъ, запаленныхъ маленькихъ лошадяхъ, въ одиночку.

Райскій, мокрый, свернувъ зонтикъ подъ мышкой, какъ безполезное орудіе, жмурясь отъ ослѣпительной молніи, медленно и тяжело шелъ въ гору по скользкой грязи, безпрестанно останавливаясь, какъ вдругъ послышался ему стукъ колесъ. Онъ прислушался — шумъ опять раздался не вдалекѣ. Онъ остановился, стукъ все ближе и ближе, слышалось торопливое и напряженное шаганье конскихъ копытъ въ гору, фырканье лошадей и понукающій окрикъ человѣка. Молнія блистала уже порѣже, и потому, при блескѣ ея, Райскій не могъ еще различить экипажа. Онъ только посторонился съ дороги и уцѣпился за плетень, чтобъ дать экипажу проѣхать, когда онъ поровняется, такъ какъ дорожка была узка. Наконецъ молнія блеснула ярко и освѣ-

Digitized by Google

тила экипажъ, въ родѣ крытой линейки или шарабана, запряженнаго парой сытыхъ, и какъ кажется, отличныхъ коней, и группу людей въ шарабанѣ. Опять молнія — и Райскій остолбенѣлъ, узнавши въ этой группѣ — Вѣру.

— Вѣра! закричалъ онъ во весь голосъ.

Экипажъ остановился.

— Кто тутъ? спросилъ ея голосъ.

— Я.

— Братъ! что вы тутъ дѣлаете? съ изумленіемъ спросила она.

— А ты что?

— Я возвращаюсь домой.

— И я тоже.

— Вы откуда?

— Да вотъ тутъ бродилъ въ обрывѣ и потерялъ дорогу въ кустахъ. Иду по горѣ. А ты какъ это рѣшилась по такой крутизнѣ? Съ кѣмъ ты? Чьи это лошади? Нельзя ли меня довезти?

— Прошу покорно — мѣста много, дайте руку, я помогу вамъ влѣзть, сказалъ мужской голосъ.

Райскій протянулъ руку, и кто-то сильно втащилъ его подъ навѣсъ шарабана. Тамъ, кромѣ Вѣры, онъ нашелъ еще Марину: обѣ онѣ, какъ мокрыя курицы, жались другъ къ другу, стараясь защититься кожанымъ фартукомъ отъ хлеставшаго съ боку ливня.

— Кто это съ тобой? чьи лошади, кто правитъ ими? спрашивалъ тихо Райскій у Вѣры.

— Иванъ Иванычъ.

— Какой Иванъ Иванычъ?

— Лѣсничій! тихо шепнула она въ отвѣтъ.

— Лѣсничій! заговорилъ Райскій, но Вѣра слегка толкнула его въ бокъ, чтобы онъ молчалъ, потому что голова и уши лѣсничаго были у нихъ подъ носомъ. «Послѣ!» шепнула она.

«Лѣсничій!» думалъ Райскій и припомнилъ разговоръ съ бабушкой, ея похвалы, намеки на «славную партію».

«Такъ вотъ кто герой романа — лѣсничій — лѣсничій!» не помня себя, твердилъ Райскій.

Онъ старался взглянуть на лѣсничаго. Но передъ носомъ у него тряслась только низенькая шляпа съ большими круглыми полями, да широкія плеча рослаго человѣка, покрытыя мекинтошемъ. Съ боку онъ видѣлъ лишь силуэтъ носа и—какъ казалось ему, бороду. Лѣсничій ловко правилъ лошадьми, карабкавшимися на крутую гору, подстегивалъ то ту, то другую, посвистывалъ,

Digitized by Google

забиралъ круто возжи, когда онѣ вдругъ вздрагивали отъ блеска молніи, и потомъ оборачивался къ сидящимъ подъ навѣсомъ.

— Что, Вѣра Васильевна! каково вамъ: не озябли ли, не промокли ли вы? освѣдомлялся онъ заботливо.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ хорошо, Иванъ Ивановичъ — дождь не достаетъ до меня.

— Взяли бы вы мой мекинтошъ... предлагалъ Иванъ Ивановичъ — Боже сохрани, простудитесь: вѣкъ себѣ не прощу, что взялся везти васъ...

— Ахъ, какіе вы — надоѣли! съ дружеской досадой сказала Вѣра: знайте свое дѣло, правьте лошадьми!

— Какъ угодно! съ торопливой покорностью говорилъ Иванъ Ивановичъ и обращался къ лошадямъ. Но посвиставъ и покричавъ на нихъ, онъ по временамъ, будто украдкой, оборачивался къ Вѣрѣ посмотрѣть, что́ она. Объѣхавши Малиновку, они подъѣхали къ воротамъ дома Татьяны Марковны. Лѣсничій соскочилъ и началъ стучать рукояткой бича въ ворота. У крыльца онъ предоставилъ лошадей на попеченіе подоспѣвшимъ Прохору, Тараскѣ, Егоркѣ, а самъ бросился къ Вѣрѣ, всталъ на подножку экипажа, взялъ ее на руки и, какъ драгоцѣнную ношу, бережно и почтительно внесъ на крыльцо, прошелъ мимо лакеевъ и дѣвокъ, со свѣчами вышедшихъ на встрѣчу и выпучившихъ на нихъ глаза, донесъ до дивана въ залѣ и тихо посадилъ ее. Райскій, мокрый, какъ былъ въ грязи, бросился за ними и не пропустилъ ни одного его движенія, ни ея взгляда. Потомъ лѣсничій воротился въ переднюю, снялъ съ себя всю мокрую аммуницію, длинные охотничьи сапоги, оправился, отряхнулся, всѣми пятью пальцами руки, какъ граблями, провелъ по густымъ волосамъ и спросилъ у людей вѣничка или щетку. Бабушка, между тѣмъ, здоровалась съ Вѣрой и вмѣстѣ осыпала ее упреками, что она пускается на такія страсти, въ такую ночь, по такой горѣ, не бережетъ себя, не жалѣетъ ея, бабушки, не дорожитъ ничьимъ покоемъ, и что когда-нибудь она этакъ «уложитъ ее въ гробъ.» За этимъ, разумѣется, послѣдовало приказаніе поскорѣй перемѣнить платье и бѣлье, обсушиться, обогрѣться, подавать самоваръ, собирать ужинъ.

— Ахъ, бабушка, какъ мнѣ всего хочется, — говорила Вѣра, ласкаясь, какъ кошка, около бабушки: и чаю, и супу, и жаркого и вина. И Ивану Иванычу тоже. Скорѣе, милая бабушка!

Она знала, чѣмъ бабушку успокоить.

— Сейчасъ, сейчасъ — вотъ и прекрасно: все, все—будетъ! А гдѣ-жъ Иванъ Иванычъ? — Иванъ Иванычъ, обратилась ба-

Digitized by Google

бушка къ лѣсничему — подите сюда, что вы тамъ дѣлаете? — Марѳинька, гдѣ Марѳинька? Что она забилась тамъ къ себѣ?

— Вотъ сейчасъ оправлюсь, да почищусь, Татьяна Марковна, говорилъ голосъ изъ передней. Егоръ, Яковъ, Степанъ чистили, терли, чуть не скребли лѣсничаго въ передней, какъ добраго коня.

Онъ вошелъ въ комнату, почтительно поцѣловалъ руку у бабушки и у Марѳиньки, которая теперь только рѣшилась освободить свою голову изъ-подъ подушки и вылѣзть изъ постели, куда запряталась отъ грозы.

Райскій, мокрый, стоя у окна, устремилъ на гостя жадный взглядъ. Иванъ Ивановичъ Тушинъ былъ молодецъ собой. Высокій, плечистый, хорошо сложенный мужчина, лѣтъ тридцати осьми, съ темными густыми волосами, съ крупными чертами лица, съ большими сѣрыми глазами, простымъ и скромнымъ, даже немного застѣнчивымъ взглядомъ, и съ густой темной бородой. У него были большія загорѣлыя руки, пропорціональныя росту, съ широкими ногтями. Одѣтъ онъ былъ въ сѣрое пальто, съ глухимъ жилетомъ, изъ за котораго на галстухъ падалъ широкій отложной воротникъ рубашки домашняго полотна. Перчатки бѣлыя замшевыя, въ рукахъ длинный бичъ, съ серебряной рукояткой.

«Молодецъ, красивый мужчина: но какая простота... чтобъ не сказать больше... во взглядѣ, въ манерахъ! Ужели онъ герой Вѣры?..» думалъ Райскій, глядя на него и съ любопытствомъ ожидая, что покажетъ дальнѣйшее наблюденіе. «А почему-жъ нѣтъ? ревниво думалъ опять: женщины любятъ эти рослыя фигуры, эти открытыя лица, большія здоровыя руки — всю эту рабочую силу мышцъ... Но ужели Вѣра?...»

— Ты, мой батюшка, что! вдругъ всплеснувъ руками, сказала бабушка, теперь только замѣтивъ Райскаго.—Въ какомъ видѣ! люди, Егорка!—да какъ это вы угораздились сойтись? Изъ какой тьмы кромѣшной! Посмотри, съ тебя течетъ: лужа на полу! Борюшка! вѣдь ты уходишь себя! Они домой ѣхали, а тебя кто толкалъ изъ дома? Вотъ—«охота пуще неволи»! Поди, поди переодѣнься — да рому къ чаю! — Иванъ Иванычъ! — вотъ и вы пошли бы съ нимъ... Да знакомы ли вы? Внукъ мой, Борисъ Павлычъ Райскій! — Иванъ Иванычъ Тушинъ...

— Мы ужъ познакомились, сказалъ, кланяясь, Тушинъ— на дорогѣ подобрали вашего внука и вмѣстѣ пріѣхали. Благодарю покорно, мнѣ ничего не нужно. А вотъ вы, Борисъ Павлычъ, переодѣлись бы: у васъ ноги мокрыя!

— Вы ужъ меня извините, старуху, а вы всѣ, кажется, по-

Digitized by Google

лоумные — заговорила бабушка: въ такую грозу и звѣрь не выползетъ изъ своей берлоги... Вонъ, Господи, какъ сверкаетъ еще до сихъ поръ! Яковъ, притвори поди ставню поплотнѣе. А вы— въ такой вечеръ черезъ Волгу!

— Вѣдь у меня свой крѣпкій паромъ, сказалъ Тушинъ, съ крытой бесѣдкой: Вѣра Васильевна были тамъ, какъ въ своей комнатѣ: — ни капли дождя не упало на нихъ!

— Да страсть-то, какая гроза!

— Что-жъ, гроза: помилуйте, это только старымъ бабамъ...

— Покорно благодарю: а я-то кто же? вдругъ сказала бабушка.

Тушинъ переконфузился.

— Извините, я не нарочно: я про простыхъ бабъ...

— Ну, Богъ васъ проститъ! смѣясь сказала бабушка. — Вамъ—ничего, я знаю. Вонъ васъ какимъ Господь создалъ—да Вѣра-то: какъ на нее нѣтъ страха! Ты что у меня за богатырь такой!

— Съ Иваномъ Ивановичемъ какъ-то не страшно, бабушка.

— Иванъ Иванычъ медвѣдей бьетъ,—и ты бы пошла?..

— Пошла бы, бабушка, посмотрѣть. Возьмите меня когда-нибудь, Иванъ Иванычъ.... Это очень интересно....

— Я съ удовольствіемъ.... Вѣра Васильевна: вотъ зимой, какъ соберусь—прикажите только.... Это заманчиво!

— Видите, какая!—сказала Татьяна Марковна. — А до бабушки тебѣ дѣла нѣтъ?...

— Я пошутила, бабушка.

— Ты готова, я знаю! И какъ это тебѣ не совѣстно было безпокоить Ивана Ивановича? Такую даль — провожать тебя!

— Это ужъ не онѣ, а я виноватъ — сказалъ Тушинъ: я только лишь узналъ отъ Натальи Ивановны, что Вѣра Васильевна собираются домой, такъ и сталъ просить сдѣлать мнѣ это счастье....

Онъ скромно, съ примѣсью почти благоговѣнія, взглянулъ на Вѣру.

— Хорошо счастье—въ этакую грозу....

— Ничего, свѣтлѣе ѣхать.... И Вѣра Васильевна не боялись....

— А что Анна Ивановна, здорова ли?

— Слава Богу, кланяется вамъ — прислала вамъ отъ своихъ плодовъ: персиковъ изъ оранжереи, ягодъ, грибовъ — тамъ въ шарабанѣ....

— На что это: своихъ много! вотъ за персики большое спасибо—у насъ нѣтъ, сказала бабушка.—А я ей какого чаю приготовила: — Борюшка привезъ—я удѣлила и ей.

Digitized by Google

— Покорно благодарю!

— И какъ это въ этакую темнять по Заиконоспасской горѣ на вашихъ лошадяхъ взбираться: какъ васъ Богъ помиловалъ! опять заговорила Татьяна Марковна.—Испугались бы грозы, да понесли—Боже сохрани!

— Мои лошади—какъ собаки—слушаются меня.... сказалъ Тушинъ.—Повезъ ли бы я Вѣру Васильевну, еслибъ предвидѣлъ опасность?

— Вы надежный другъ, сказала она:—за то какъ я и полагаюсь на васъ, и даже на вашихъ лошадей....

Въ это время вошелъ Райскій, въ изящномъ неглиже, совсѣмъ оправившійся отъ прогулки. Онъ видѣлъ взглядъ Вѣры, обращенный къ Тушину и слышалъ ея послѣднія слова.

«Полагаюсь на васъ и на лошадей! повторилъ онъ про себя: вотъ-какъ: рядомъ!»

— Покорно васъ благодарю, Вѣра Васильевна, отвѣчалъ Тушинъ.—Не забудьте же, что́ сказали теперь. Если понадобится что-нибудь, когда....

— Когда опять загремитъ вотъ этакій громъ.... сказала бабушка.

— Всякій! — перебилъ онъ.

— Да, бываютъ и не этакія гро́зы въ жизни... съ старческимъ вздохомъ замѣтила бабушка.

— Какія бы ни были,—сказалъ Тушинъ:—когда у васъ загремитъ гроза, Вѣра Васильевна—спасайтесь за Волгу, въ лѣсъ, тамъ живетъ медвѣдь, который вамъ послужитъ.... какъ въ сказкахъ сказываютъ.

— Хорошо: буду помнить! смѣясь отвѣчала Вѣра, и когда меня, какъ въ сказкѣ, будетъ уносить какой-нибудь колдунъ—я сейчасъ за вами!

XIV.

Райскій видѣлъ этотъ постоянный взглядъ глубокаго умиленія и почтительной сдержанности, эти тихія, съ примѣсью невольно прорывавшейся нѣжности, рѣчи Тушина, обращаемыя къ Вѣрѣ. Когда она была тутъ, и взглядъ и слова его, какъ магнитъ къ полюсу, обращены были въ ту сторону, гдѣ она. И не одному только ревниво-наблюдательному взгляду Райскаго, не одному только заботливому вниманію бабушки, но и равнодушному свидѣтелю нельзя было не замѣтить, что и лицо, и фигура, и движенія «лѣсничаго» были исполнены глубокой симпа-

Digitized by Google

тіи къ Вѣрѣ, сдерживаемой какимъ-то трогательнымъ уваженіемъ. Этотъ атлетъ по росту и силѣ, повидимому, невѣдающій никакихъ страховъ и опасностей здоровякъ, съеживался передъ красивой, слабой дѣвочкой, жался отъ ея взглядовъ въ уголъ, взвѣшивалъ свои слова при ней, очевидно сдерживалъ движенія, караулилъ ея взглядъ, не прочтетъ ли въ немъ какого-нибудь желанія, боялся не сказать бы чего-нибудь не ловко, не промахнуться, не показаться неуклюжимъ. «И это, должно быть, тоже рабъ»! подумалъ Райскій и слѣдилъ за ней, что̀ она. Онъ думалъ, что она тоже выкажетъ смущеніе, не съумѣетъ укрыть отъ многихъ глазъ своего сочувствія къ этому герою; онъ уже рѣшилъ навѣрное, что лѣсничій — герой ея романа и той тайны, которую Вѣра укрывала. «И кому, какъ не ему, писать на синей бумагѣ!» думалъ онъ. Ему любопытно было наблюдать, какъ она скажется: трепетомъ, мерцаніемъ взгляда, или окаменѣлымъ безмолвіемъ.

А ничего не было: Вѣра явилась тутъ еще въ новомъ свѣтѣ. Въ каждомъ ея взглядѣ и словѣ, обращенномъ къ Тушину, Райскій замѣтилъ прежде всего простоту, довѣріе, ласку, теплоту, какой онъ не замѣтилъ у ней въ обращеніи ни съ кѣмъ, даже съ бабушкой и Марѳинькой. Бабушки она какъ будто остерегалась, Марѳинькой немного пренебрегала, а когда глядѣла на Тушина, говорила съ нимъ, подавала руку — видно было, что они друзья. Въ ней открыто высказывалась та дружба, на которую намекала она и ему, Райскому, и которой онъ добивался и не успѣлъ добиться. Чѣмъ же добился ея этотъ лѣсничій, что̀ ихъ связываетъ другъ съ другомъ? Какъ они сошлись? Сознательно ли, т. е. отыскавъ и полюбивъ одинъ въ другомъ извѣстную сумму пріятныхъ каждому свойствъ, или просто угадали взаимно характеры, и безсознательно, безъ всякаго анализа, привязались одинъ къ другому?

Три дня прожилъ лѣсничій по дѣламъ въ городѣ и въ домѣ Татьяны Марковны, и три дня Райскій прилежно искалъ ключа къ этому новому характеру, къ его положенію въ жизни и къ его роли въ сердцѣ Вѣры.

Ивана Ивановича «лѣсничимъ» прозвали потому, что онъ жилъ въ самой чащѣ лѣса, въ собственной усадьбѣ, самъ занимался съ любовью этимъ лѣсомъ, ростилъ, холилъ, берегъ его съ одной стороны, а съ другой рубилъ, продавалъ и сплавлялъ по Волгѣ. Лѣсу было нѣсколько тысячъ десятинъ, и лѣсное хозяйство устроено и ведено было съ рѣдкою аккуратностью; у него одного въ той сторонѣ устроенъ былъ паровой пильный заводъ, и всѣмъ завѣдывалъ, надъ всѣмъ наблюдалъ самъ Тушинъ.

Digitized by Google

Въ промежуткахъ онъ ходилъ на охоту, удилъ рыбу, съ удовольствіемъ посѣщалъ холостыхъ сосѣдей, принималъ иногда у себя и любилъ изрѣдка покутить, т. е. заложить нѣсколько троекъ, большею частію горячихъ лошадей, понестись съ ватагой пріятелей верстъ за сорокъ къ дальнему сосѣду и тамъ пропировать сутокъ трое, а потомъ съ ними вернуться къ себѣ, или поѣхать въ городъ, возмутить тишину соннаго города такой громадной пирушкой, что дрогнетъ все въ городѣ, потомъ пропасть мѣсяца на три у себя, такъ что о немъ ни слуху, ни духу. Тамъ онъ опять рубитъ и сплавляетъ лѣсъ, или съ двумя егерями разрѣзываетъ его вдоль и поперегъ, не то объѣзжаетъ тройки купленныхъ на ярмаркѣ новыхъ лошадей, или залѣзетъ зимой въ трущобу лѣса и выжидаетъ медвѣдя, колотитъ волковъ. Не разъ отъ этихъ потѣхъ Тушинъ недѣли по три лежалъ съ завязанной рукой, съ попорченнымъ ухарской тройкой плечомъ, а иногда съ исцарапаннымъ медвѣжьей лапой лбомъ.

Но ему правилась эта жизнь и онъ не покидалъ ее. Дома онъ читалъ увражи по агрономической, и вообще по хозяйственной части, держалъ свѣдущаго нѣмца спеціалиста по лѣсному хозяйству, но не отдавался ему въ опеку, требовалъ его совѣтовъ, а распоряжался самъ, съ помощью двухъ прикащиковъ и артелью своихъ и нанятыхъ рабочихъ. Въ свободное время онъ любилъ читать французскіе романы: это былъ единственный оттѣнокъ изнѣженности въ этой, впрочемъ обыкновенной жизни многихъ обитателей нашихъ отдаленныхъ угловъ.

Райскій узналъ, что Тушинъ встрѣчалъ Вѣру у священника, и даже пріѣзжалъ всякій разъ нарочно туда, когда узнавалъ, что Вѣра гоститъ у попадьи. Это сама Вѣра сказывала ему. И Вѣра съ попадьей бывали у него въ усадьбѣ, прозванной *Дымокъ*, потому что издали, съ горы, въ чащѣ лѣса, она только и подавала знакъ своего существованія, выходившимъ изъ трубъ дымомъ. Тушинъ жилъ съ сестрой, старой дѣвушкой, Анной Ивановной—и къ ней ѣздили Вѣра съ попадьей. Эту же Анну Ивановну любила и бабушка; и когда она являлась въ городъ, то Татьяна Марковна была счастлива. Ни съ кѣмъ она такъ охотно не пила кофе, ни съ кѣмъ не говорила такъ охотно секретовъ, находя, можетъ быть, въ Аннѣ Ивановнѣ сходство съ собой въ склонности къ хозяйству, а больше всего глубокое уваженіе къ своей особѣ, къ своему роду, фамильнымъ преданіямъ.

О Тушинѣ съ перваго раза нечего больше сказать. Эта простая фигура какъ будто сразу вылилась въ свою форму и такъ и осталась цѣльною, съ крупными чертами лица, какъ и характера, съ неразбавленнымъ на тонкіе оттѣнки складомъ

Digitized by Google

ума, чувствъ. Въ немъ все открыто, все съ разу видно для простого наблюдателя, все слишкомъ просто, не заманчиво, не таинственно, не романтично. Про него нельзя было сказать «умный человѣкъ» въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно говорятъ о людяхъ, замѣчательно надѣленныхъ этою силою; ни остроуміемъ, ни находчивостью его тоже упрекнуть было нельзя. У него былъ тотъ умъ, который дается иногда одинаково, какъ тонко развитому, такъ и мужику, умъ, который, не тратясь на роскошь, прямо обращается въ житейскую потребность. Это больше, нежели здравый смыслъ, который иногда не мѣшаетъ хозяину его, мысля здраво, уклоняться отъ здравыхъ путей жизни. Это умъ — не одной головы, но и сердца, и воли. Такіе люди не видны въ толпѣ, они рѣдко бываютъ на первомъ планѣ. Острые и тонкіе умы, съ бойкимъ словомъ, часто затмѣваютъ блескомъ такія личности, но эти личности, большею частію, бываютъ невидимыми вождями, или регуляторами дѣятельности, и вообще жизни цѣлаго круга, въ который поставитъ ихъ судьба.

Въ обхожденіи его съ Вѣрой, Райскій замѣтилъ уже постоянное монотонное обожаніе, высказывавшееся во взглядахъ, словахъ, даже до робости, а съ ея стороны — монотонное довѣріе, открытое, теплое обращеніе. И только. Какъ ни ловилъ онъ какой-нибудь знакъ, какой-нибудь намёкъ, знаменательное слово, обмѣненный особый взглядъ — ничего! Таже простота, свобода и довѣренность съ ея стороны, тоже проникнутое нѣжностью уваженіе, и готовность послужить ей «какъ медвѣдь» — съ его: и больше ничего!

Опять не онъ! Отъ кого же письмо на синей бумагѣ?

— Что это за лѣсничій? спросилъ на другой же день Райскій, забравшись пораньше къ Вѣрѣ: и что онъ тебѣ?

— Другъ—отвѣчала Вѣра.

— Это слишкомъ общее, родовое понятіе;—въ какомъ смыслѣ—другъ?

— Въ лучшемъ и тѣсномъ смыслѣ.

— Вотъ какъ! Не тотъ ли это счастливецъ, на котораго ты намекала и котораго имя обѣщала сказать?

— Когда?

— А до твоего отъѣзда?

— Что-то не помню: какой другъ, какое имя? Что я обѣщала?

— Какая же у тебя дурная память! Ты забыла и письмо на синей бумагѣ?

— Да, да, помню. Нѣтъ, братъ, память у меня не дурна, я помню всякую мелочь, если она касается или занимаетъ меня.

Digitized by Google

Но, признаюсь вамъ, что на этотъ разъ я ни о чемъ этомъ не думала, мнѣ въ голову не приходилъ, ни разговоръ нашъ, ни письмо на синей бумагѣ....

— Ни я самъ, можетъ быть?

Она улыбнулась и кивнула въ знакъ согласія головой.

— Весело же, должно быть, тебѣ тамъ....

— Да, мнѣ тамъ было хорошо, сказала она, глядя въ сторону разсѣянно: никто меня не допрашивалъ, не подозрѣвалъ.... такъ тихо, покойно....

— И притомъ другъ былъ подлѣ.

Она опять кивнула утвердительно головой.

— Да, онъ, этотъ лѣсничій? скороговоркой спросилъ Райскій и поглядѣлъ на Вѣру.

Она не слушала его.

За ея обыкновенной, вседневной миной, крылась другая: она усиливалась, и притомъ, съ трудомъ, скрадывать какое-то ликованіе, будто прятала блиставшую въ глазахъ, въ улыбкѣ зарю внутренняго удовлетворенія, которымъ, повидимому, не хотѣла дѣлиться ни съ кѣмъ. Трепетъ и мерцаніе проявлялись рѣже, недовѣрчивыхъ и недовольныхъ взглядовъ незамѣтно, а въ лицѣ, во всей ея фигурѣ была тишина, невозмутимый покой, въ глазахъ появлялся иногда лучъ экстаза, будто она черпнула счастья. Райскій замѣтилъ это.

«Что это за счастье, какое и откуда? Ужели отъ этого лѣсного «друга»? терялся онъ въ догадкахъ. «Но она не прячется, сама трубитъ объ этой дружбѣ—гдѣ же тайна»?

— Ты счастлива, Вѣра? сказалъ онъ.

— Чѣмъ? спросила она.

— Не знаю: но какъ ты ни прячешь свое счастье, а оно выглядываетъ изъ твоихъ глазъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? съ улыбкой спросила она и съ улыбкой глядѣла на Райскаго и все задумчиво молчала. Ей не хотѣлось говорить. Онъ взялъ ее за руку и пожалъ, она отвѣчала на пожатіе, онъ поцѣловалъ ее въ щеку, она обернулась къ нему, губы ихъ встрѣтились и она поцѣловала его — и все не выходя изъ задумчивости. И этотъ, такъ долго ожидаемый поцѣлуй не обрадовалъ его. Она дала его машинально.

— Вѣра! ты подъ наитіемъ какого-то счастливаго чувства, ты въ экстазѣ!... сказалъ онъ.

— А что? — вдругъ спросила она, очнувшись отъ разсѣянности.

— Ничего, но ты будто... одолѣла какое-то препятствіе: — не то побѣдила, не то отдалась побѣдѣ сама, и этимъ счаст-

Digitized by Google

лива... Не знаю что: но ты торжествуешь! Ты, должно быть, вступила въ самый счастливый моментъ...

— Ахъ, какъ еще далеко до него! прошептала она про себя.— Нѣтъ, ничего особеннаго не случилось! прибавила она вслухъ, разсѣянно, стараясь казаться беззаботной и смотрѣла на него ласково, дружески.

— Такъ ты очень любишь этого...

— Лѣсничаго? да, очень! сказала она: — такихъ людей не много: онъ изъ лучшихъ, даже лучшій здѣсь.

Опять ревность укусила Райскаго.

— То-есть, лучшій мужчина: рослый, здоровый, буря ему ни по чемъ, медвѣдей бьетъ, лошадьми правитъ, какъ самъ Фебъ — и красота — красота!

— Гадко, Борисъ Павловичъ!

— Тебѣ досадно, что низводятъ съ пьедестала любимаго человѣка?

— Какого любимаго человѣка?

— Вѣдь онъ — герой тайны и синяго письма? Скажи — ты обѣщала...

— Обѣщала? Ахъ, да — да, вы все о томъ... Да, онъ: такѣ что же?

— Ничего! — сильно покраснѣвши сказалъ Райскій, не ожидавшій такого скораго сюрприза. — Сила-то, мышцы-то, ростъ!.. говорилъ онъ.

— А вы сказали, что страсть все оправдываетъ...

— Я и ничего! — съ судорогой въ плечахъ произнесъ Райскій — видишь, покоенъ! Ты выйдешь за него замужъ?

— Можетъ быть.

— У него, говорятъ, лѣсу на сколько-то тысячъ...

— Гадко, Борисъ Павловичъ!

— Ну, теперь я могу и уѣхать.

Онъ высунулся изъ окна, кликнулъ какую-то бабу и велѣлъ вызвать Егорку. «Принеси чемоданъ съ чердака ко мнѣ въ комнату: я завтра ѣду!» сказалъ онъ, не замѣчая улыбки Вѣры.

— Что-жъ, я очень радъ, — злымъ голосомъ говорилъ онъ; стараясь не глядѣть на нее. — Теперь у тебя есть защитникъ, настоящій герой, съ ногъ до головы!...

— Человѣкъ съ ногъ до головы! повторила Вѣра, а не герой романа!

— Да вяжутся ли у него человѣческія идеи въ головѣ? Нимвродъ, этотъ прототипъ всѣхъ спортсменовъ, и Гумбольдтъ: оба — люди... но между ними...

— Богъ знаетъ,—сказала она: я не знаю, какіе они были люди.

Digitized by Google

А Иванъ Ивановичъ — человѣкъ, какими должны быть всѣ и всегда. Онъ что̀ скажетъ, что́ задумаетъ, то́ и исполнитъ. У него мысли вѣрныя, сердце твердое — и есть характеръ. Я довѣряюсь ему во всемъ, съ нимъ не страшно ничто, даже сама жизнь!

— Вотъ какъ! особенно въ грозу «и съ его лошадьми!» насмѣшливо сказалъ Райскій. И весело съ нимъ?

— Да, и весело: у него много природнаго ума, и юморъ есть — только онъ не блеститъ, не соритъ этимъ вездѣ...

— Словомъ, молодецъ-мужчина! Ну, что-же, поздравляю Вѣра — и затѣмъ, прощай!

— Куда вы?

— Я завтра рано уѣду, и не зайду проститься съ тобой.

— Почему же?

— Ты знаешь почему: не могу же я быть равнодушенъ — я не дерево...

Она положила свою руку ему на руку, и какъ кошечка, лукаво, съ дрожащимъ отъ смѣха подбородкомъ, взглянула ему въ глаза.

— А если я не хочу, чтобъ вы уѣзжали?

— Ты?

— Да, я.

— Зачѣмъ?

Онъ жаднымъ взглядомъ ждалъ объясненія.

— Угадайте!

— Что же ты хочешь: чтобъ я на свадьбѣ твоей былъ?

Она все глядѣла на него съ улыбкой и не снимая съ его руки своей.

— Хочу — сказала она.

— А когда это будетъ? — сухо спросилъ онъ.

Она молчала.

— Вѣра?

Вдругъ она громко засмѣялась. Онъ взглянулъ на нее: она, противъ обыкновенія, почти хохочетъ.

«Не онъ, не онъ, не лѣсничій — ея герой! Тайна осталась въ синемъ письмѣ»! — заключилъ онъ.

У него отлегло отъ сердца. Онъ сталъ веселъ, запѣлъ, заговорилъ, посыпалась соль, послышался смѣхъ...

— Велите же Егору убрать чемоданъ, сказала она.

— Зачѣмъ ты остановила меня, Вѣра? — спросилъ онъ. Скажи правду. Помни, что я покоряюсь всему...

— Всему?

— Да, безусловно. Чтобы ты ни сдѣлала со мной, какую бы

Digitized by Google

роль ни дала мнѣ — только не гони съ глазъ — я все принимаю...

— Все?

— Все! подтвердилъ онъ въ слѣпомъ увлеченіи.

— Смотрите, братъ, теперь и вы въ экстазѣ: не раскайтесь послѣ, если я приму...

— Клянусь тебѣ, Вѣра — началъ онъ, вскочивъ: нѣтъ желанія, нѣтъ каприза, нѣтъ униженія, котораго бы я не принялъ и не выпилъ до капли, если оно можетъ хоть одну минуту...

— Довольно. Я принимаю — и вы теперь...

— Твой рабъ? Да, скажи, скажи...

— Хорошо, сказала она, поглядѣвъ на него «русалочнымъ» взглядомъ.

— Такъ мнѣ остаться?...

— Оставайтесь...

— Что за перемѣна — говорилъ онъ ликуя:— зачѣмъ вдругъ ты захотѣла этого: скажешь?

— Зачѣмъ?... Она глядѣла на него, а онъ упивался этимъ бархатнымъ, неторопливо смотрѣвшимъ въ его глаза взглядомъ, полнымъ какого-то непонятнаго ему значенія.

— Затѣмъ... чтобы... вамъ завтра не совѣстно было самимъ велѣть убрать чемоданъ на чердакъ — скороговоркой добавила она.—Вѣдь вы бы не уѣхали!

— Нѣтъ, уѣхалъ бы.

Она отрицательно покачала головой.

— Даю тебѣ слово...

— Не уѣхали бы.

— Отъ чего такъ?

— Отъ того, что я не хочу.

— Ты, ты, ты — Вѣра! хорошо ли я слышу, не ошибаюсь ли я?

— Нѣтъ.

— Повтори еще.

— Я не хочу, чтобъ вы уѣхали — и вы останетесь...

— Зачѣмъ? — страстнымъ шепотомъ спросилъ онъ.

— Хочу! — повелительнымъ шепотомъ подтвердила она.

— Вѣра — молчи, ни слова больше! Если ты мнѣ скажешь теперь, что ты любишь меня, что я твой идолъ, твой богъ, что ты умираешь, сходишь съ ума по мнѣ — я всему повѣрю, всему — и тогда...

— Что тогда?

— Тогда не будетъ въ мірѣ дурака глупѣе меня... Я наплюю тебѣ жестоко.

Digitized by Google

— Нужды нѣтъ, я не боюсь.

— Ты... ты сама позволяешь мнѣ любить тебя? — блаженствовать, безумствовать, жить — Вѣра, Вѣра!

Онъ поцѣловалъ у ней руку.

— Вы этого хотѣли, просили сами: я и сжалилась! съ улыбкой сказала она.

— Съ тобой случилось что-нибудь, ты счастлива и захотѣла брызнуть счастьемъ на другого: — чтобы ни было за этимъ, я все принимаю, все вынесу—но только позволь мнѣ быть съ тобой, не гони, дай остаться...

— Останьтесь, повелѣваю! сказала она съ ласковой иронiей.

Счастье — какъ думалъ онъ, вдругъ упало на него.

«Правду бабушка говоритъ, радовался онъ про себя: когда меньше всего ждешь, оно и дается! «За смиренiе», утверждаетъ она: и я отказался совсѣмъ отъ него, смирился — и вотъ! О благодѣтельная судьба!»

Онъ вышелъ отъ Вѣры опьянѣвшiй, въ сѣняхъ встрѣтилъ Егорку съ чемоданомъ: «назадъ, назадъ неси»: — сказалъ онъ, прибѣжалъ въ свою комнату, легъ на постель и въ нервныхъ слезахъ растопилъ внезапный порывъ волненiя.

«Это она — страсть, страсть»! шепталъ онъ, рыдая.

Лѣсничiй уѣхалъ, все пришло въ порядокъ. Райскiй сталъ глубоко счастливъ; его страсть обратилась почти въ такое же безмолвное и почтительное обожанiе, какъ у лѣсничаго. Онъ также боязливо караулилъ взглядъ Вѣры, сталъ бояться ея голоса, заслышавъ ея шаги, начиналъ оправляться, перемѣнялъ двѣ-три позы, и въ разговорѣ взвѣшивалъ слова, соображая, понравится ей то, другое, или нѣтъ.

Она была тоже въ какомъ-то ненарушимо-тихомъ торжественномъ покоѣ счастья или удовлетворенiя, молча чѣмъ-то наслаждалась, была добра, ласкова съ бабушкой и Марѳинькой, и только въ нѣкоторые дни приходила въ безпокойство, уходила къ себѣ, или въ садъ, или съ обрыва въ рощу, и тогда лишь нахмуривалась, когда Райскiй, или Марѳинька, тревожили ея уединенiе въ старомъ домѣ, или напрашивались ей въ товарищи въ прогулкѣ. А потомъ опять была ровна, покойна, за обѣдомъ и по вечерамъ была сообщительна, входила даже въ мелочи хозяйства, разбирала съ Марѳинькой узоры, прибирала цвѣта шерсти, повѣряла нѣкоторые счеты бабушки, наконецъ поѣхала съ визитами къ городскимъ дамамъ. Съ Райскимъ говорила о литературѣ: онъ замѣтилъ изъ ея разговоровъ, что она должна была много читать, сталъ завлекать ее дальше въ разговоръ, они читали нѣкоторыя книги вмѣстѣ, но непостоянно. Она часто от-

Digitized by Google

влекалась, то въ ту, то въ другую сторону. Въ ней даже вспыхивалъ минутами, не только экстазъ, но какой-то хмѣль порывистаго веселья. Когда она, въ одинъ вечеръ, въ такомъ настроеніи исчезла изъ комнаты, Татьяна Марковна и Райскій устремили другъ на друга вопросительный и продолжительный взглядъ.

— Что это съ Вѣрой? спросила бабушка: кажется, выздоровѣла!

— Боюсь, бабушка, не пуще ли захворала....

— Что ты, Борюшка: видишь, какъ она весела, совсѣмъ другая стала: живая, говорливая, ласковая...

— Да прежняя ли, такая ли она, какъ всегда была?... Я боюсь, что это не веселье, а раздраженіе, хмѣль...

— Правда, она никогда такой не была — а что?

— Она въ экстазѣ: развѣ не видите?

— Въ экстазѣ! со страхомъ повторила Татьяна Марковна. — Зачѣмъ ты мнѣ на ночь говоришь: я не усну, это бѣда — экстазъ въ дѣвушкѣ! Да не ты ли чего-нибудь нагородилъ ей: отъ чего ей приходить въ экстазъ? Что же дѣлать?

— Поглядимъ, что дальше будетъ!

Бабушка поглядѣла на Райскаго тревожными глазами: онъ засмѣялся.

— Тебѣ все смѣшно! сказала она: послушай, строго прибавила потомъ: ты тамъ съ Савельемъ и съ Мариной, съ Полиной Карповной, или съ Ульяной Андреевной, сочиняй какіе хочешь стихи, или комедіи, а съ ней не смѣй! Тебѣ — комедія, а мнѣ трагедія!

XV.

Не только Райскій, но и сама бабушка вышла изъ своей пассивной роли и стала изъ-подтишка пристально слѣдить за Вѣрой. Она задумывалась не на шутку, бросила почти хозяйство, забывала всякіе ключи на столахъ, не толковала съ Савельемъ, не сводила счетовъ и не выѣзжала въ поле. Пашутка не спускала съ нея, по обыкновенію, глазъ, а на вопросъ Василисы, что дѣлаетъ барыня, отвѣчала: «шепчетъ».

Татьяна Марковна печально поникала головой и не знала, чѣмъ и какъ вызвать Вѣру на откровенность. Сознавши, что это почти невозможно, она ломала голову, какъ бы хоть стороной узнать и отвратить бѣду. «Влюблена! въ экстазѣ»! Это казалось страшнѣе всякой оспы, кори, лихорадки, и даже горячки. И въ кого бы это было: дай Богъ, чтобъ въ Ивана Ива-

592564

Digitized by Google

новича! Она умерла бы покойно, еслибъ Вѣра вышла за него за мужъ. Но бабушка, по-женски, проникла въ секретъ ихъ взаимныхъ отношеній и со вздохомъ заключила, что если тутъ и есть что-нибудь, то съ одной только стороны, т. е. со стороны лѣсничаго, а Вѣрочка платила ему просто дружбой, или благодарностью, какъ еще вѣрнѣе догадалась Татьяна Марковна, за «баловство». «Обожаетъ ее, говорила она, а это всегда нравится». Кто же, кто? Изъ окрестныхъ помѣщиковъ, кромѣ Тушина, никого нѣтъ — съ кѣмъ бы она видалась, говорила. Съ городскими молодыми людьми она видится только на балѣ у откупщика, у вице-губернатора, раза два въ зиму, и они мало посѣщаютъ домъ. Офицеры, совѣтники — давно потеряли надежду понравиться ей, и она съ ними почти никогда не говоритъ. «Не въ попа же влюбилась! Ахъ! ты Боже мой, какое горе!» заключила она.

Такъ она волновалась, смотрѣла пристально и подозрительно на Вѣру, когда та приходила къ обѣду и къ чаю, пробовала было послѣдить за ней по-саду, но та, замѣтивъ бабушку издали, прибавляла шагу и была такова. «Вотъ такъ въ глазахъ исчезла, какъ духъ!» пересказывала она Райскому: «хотѣла было за ней, да куда съ старыми ногами! Она, какъ птица, въ рощу, и точно упала съ обрыва въ кусты». Райскій пошелъ послѣ этого разсказа въ рощу, прошелъ ее насквозь, выбрался до деревни и встрѣтивъ Якова, спросилъ, не видалъ ли онъ барышню?

— Вонъ онѣ тамъ у часовни, сію минуту видѣлъ, сказалъ Яковъ.

— Что она тамъ дѣлаетъ?

— Молятся Богу.

Райскій пошелъ къ часовнѣ.

«Молиться начала!» въ раздумьѣ шепталъ онъ.

Между рощей и проѣзжей дорогой стояла въ сторонѣ, на лугу, уединенная деревянная часовня, почернѣвшая и полуразвалившаяся, съ образомъ Спасителя, византійской живописи, въ бронзовой оправѣ. Икона почернѣла отъ времени, краски мѣстами облупились; едва можно было разсмотрѣть черты Христа: только вѣки были полуоткрыты и изъ подъ нихъ задумчиво глядѣли глаза на молящагося, да видны были сложенные въ благословеніе персты.

Райскій подошелъ по травѣ къ часовнѣ. Вѣра не слыхала. Она стояла къ нему спиной, устремивъ сосредоточенный и глубокій взглядъ на образъ. На травѣ у часовни лежала соломенная шляпа и зонтикъ. Ни креста не слагали пальцы ея, ни мо-

Digitized by Google

литвы не шептали губы, но вся фигура ея, сжавшаяся неподвижно, затаенное дыханіе и немигающій устремленный на образъ взглядъ — все было молитва. Райскій боялся дохнуть. «О чемъ молится?» думалъ онъ въ страхѣ. «Просить радости, или слагаетъ горе у креста, или внезапно застигъ ее тутъ порывъ безкорыстнаго изліянія души передъ всеутѣшительнымъ духомъ? Но какія изліянія? Души, испытующей силы въ борьбѣ, или благодарной, плачущей за лучъ счастья!..»

Вѣра вдругъ будто проснулась отъ молитвы. Она оглянулась и вздрогнула, замѣтивъ Райскаго.

— Что вы здѣсь дѣлаете? спросила она строго.

— Ничего; я встрѣтилъ Якова: онъ сказалъ, что ты здѣсь, я пришелъ... Бабушка...

— Кстати о бабушкѣ — перебила она:—я замѣчаю, что она съ нѣкоторыхъ поръ начала слѣдить за мною: не знаете ли, что этому за причина?

Она зорко глядѣла на него. Онъ покраснѣлъ. Они шли въ это время къ рощѣ, черезъ лугъ.

— Я думаю, она всегда... началъ онъ.

— Нѣтъ, не всегда. Ей и въ голову не пришло бы слѣдить. Послушайте, «рабъ мой», полунасмѣшливо продолжала она: безъ всякихъ увертокъ скажите, вы сообщили ей ваши догадки обо мнѣ, т. е. о любви, о синемъ письмѣ?...

— Нѣтъ, о синемъ письмѣ, кажется, ничего не говорилъ...

— Стало быть только о любви. Что же сказали вы ей?

Онъ молчалъ, и даже началъ поглядывать къ лѣсу.

— Мнѣ нужно это знать — и потому говорите! настаивала она. — Вы вѣдь обѣщали исполнять даже капризы, а это не капризъ. Вы сказали ей? Да? Конечно, вы не скажете «нѣтъ»...

— Зачѣмъ столько словъ: прикажи — и я выдамъ тебѣ всѣ тайны. Былъ разговоръ о тебѣ. Бабушка стала догадываться, отъ чего ты была задумчива, а потомъ стала вдругъ весела...

— Ну?

— Ну, я и сказалъ только... «не влюблена ли, молъ, она...» Это ужъ давно.

— Что же бабушка?

— Испугалась!

— Чего?

— Экстаза больше всего.

— А вы и объ экстазѣ сказали?

— Она сама замѣтила, что ты стала очень весела, и даже обрадовалась было этому...

— А вы испугали ее!

Digitized by Google

— Нѣтъ — я только назвалъ по имени твое состояніе, она испугалась слова «экстазъ».

— Послушайте, сказала она серьезно: покой бабушки мнѣ дорогъ: дороже, нежели, можетъ быть, она думаетъ...

— Нѣтъ, живо перебилъ Райскій: бабушка вѣритъ въ твою безграничную къ ней любовь, только сама не знаетъ почему. Она мнѣ это говорила.

— Слава Богу! благодарю васъ, что вы мнѣ это передали! Теперь послушайте, что я вамъ скажу, и исполните слѣпо. Подите къ ней и разрушьте въ ней всякія догадки о любви, объ экстазѣ, все, все. Вамъ это не трудно сдѣлать—и вы сдѣлаете, если... любите меня.

— Чего бы я не сдѣлалъ, чтобъ доказать это! Я ужо̀ вечеромъ....

— Нѣтъ, сію минуту. Когда я ворочусь къ обѣду, чтобъ глаза ея смотрѣли на меня, какъ прежде... Слышите?

— Хорошо, я пойду... говорилъ Райскій, не двигаясь съ мѣста.

— Бѣгите, сію минуту!

— А ты... домой?

Она указала ему почти повелительно рукой къ дому, чтобъ онъ шелъ.

— Еще одно слово — остановила она: никогда съ бабушкой не говорите обо мнѣ — слышите?

— Слушаю, сестрица, сказалъ онъ и засмѣялся.

— Честное слово?

Онъ замялся.

— А если она станетъ.... возразилъ было онъ.

— Вы только молчите — честное слово?

— Хорошо.

— Mercі, и бѣгите теперь къ ней.

— Хорошо, бѣгу... сказалъ онъ и еле-еле шелъ, оглядываясь. Она махала ему, чтобы шелъ скорѣе, и ждала на мѣстѣ, слѣдя, идетъ ли онъ. А когда онъ повернулъ за-уголъ аллеи и потомъ проворно вернулся назадъ, чтобы еще сказать ей что̀-то, ея уже не было. «Да, правду бабушка говоритъ: какъ «духъ» пропала!» шепнулъ онъ. Въ эту минуту вдали, внизу обрыва, раздался выстрѣлъ.

«Это кто забавляется?» спрашивалъ себя Райскій, идучи къ дому.

Вѣра явилась своевременно къ обѣду, и какъ ни вонзались въ нее пытливые взгляды Райскаго, — никакой перемѣны въ ней не было. Ни экстаза, ни задумчивости. Она была такою

Digitized by Google

какою была всегда. Бабушка раза два покосилась на нее, но не замѣтивъ ничего особеннаго, повидимому, успокоилась. Райскій исполнилъ порученіе Вѣры и разсѣялъ ея живыя опасенія, но искоренить подозрѣнія не могъ. И всѣ трое, поговоривъ о неважныхъ предметахъ, погрузились въ задумчивость. Вѣра даже взяла какую-то работу, на которую и устремила вниманіе: но бабушка замѣчала, что она продѣваетъ только взадъ и впередъ шелковинку, а отъ Райскаго не укрылось, что она въ иныя минуты вздрагиваетъ, или боязливо поводитъ глазами вокругъ себя, поглядывая въ свою очередь подозрительно на каждаго.

Но черезъ день, черезъ два, прошло и это, и когда Вѣра являлась къ бабушкѣ, она была равнодушна, даже умѣренно весела, только чаще прежняго запиралась у себя и долѣе обыкновеннаго горѣлъ у ней огонь въ комнатѣ по ночамъ. «Что она дѣлаетъ? вертѣлось у бабушки въ головѣ: читать не читаетъ— у ней тамъ нѣтъ книгъ (бабушка это уже знала), развѣ пишетъ: бумага и чернильница есть.»

Всего обиднѣе и грустнѣе для Татьяны Марковны была таинственность: «тайкомъ, отъ нея дѣвушка переписывается, можетъ быть, переглядывается съ какимъ-нибудь вертопрахомъ изъ окна — и кто же? внучка, дочь ея, ея милое дитя, ввѣренное ей матерью: ужасъ, ужасъ! Даже руки и ноги холодѣютъ»... шептала она, не подозрѣвая, что это отъ нервъ, въ которые она не вѣрила.

Она ждала, не откроетъ ли чего-нибудь случай, не проговорится ли Марина? Не проболтается ли Райскій? Нѣтъ. Какъ ни ходила она по ночамъ, какъ ни подозрительно оглядывала и опрашивала Марину, какъ ни подсылала Марѳиньку спросить, что дѣлаетъ Вѣра: ничего изъ этого не выходило.

Вдругъ у бабушки мелькнула счастливая мысль — довѣдаться о томъ, что такъ ее безпокоило, попытать вывести на свѣжую воду внучку—стороной, или «аллегоріей»—какъ она выразилась Райскому, т. е. примѣромъ. Она вспомнила, что у ней гдѣ-то есть нравоучительный романъ, который еще она сама въ молодости читывала, и даже плакала надъ нимъ. Тема его состояла въ изображеніи гибельныхъ послѣдствій страсти и неповиновенія родителямъ. Молодой человѣкъ и дѣвушка любили другъ друга, но, разлученные родителями, видѣлись съ балкона издали, перешептывались, переписывались. Сношенія эти были замѣчены посторонними, дѣвушка потеряла репутацію и должна была идти въ монастырь, а молодой человѣкъ посланъ отцемъ въ изгнаніе, куда-то въ Америку. Татьяна Марковна раздѣляла со многими другими вѣру въ печатное слово вообще,

Digitized by Google

когда это слово было назидательно, а на этотъ разъ, въ столь близкомъ ея сердцу дѣлѣ, она поддалась и нѣкоторой суевѣрной надеждѣ на книгу, какъ на какую-нибудь ладонку или нашептыванье.

Она вытащила изъ сундука изъ-подъ хлама книгу и положила у себя на столѣ, подлѣ рабочаго ящика. За обѣдомъ она изъявила обѣимъ сестрамъ желаніе, чтобъ онѣ читали ей вслухъ попеременно, по вечерамъ, особенно въ дурную погоду, что глаза у ней плохи и сама она читать не можетъ. Это случалось иногда, что Марѳинька прочтетъ ей что-нибудь: но бабушка къ литературѣ была довольно холодна, и только охотно слушала, когда Титъ Никонычъ приносилъ что-нибудь любопытное по части хозяйства, какихъ-нибудь событій, въ родѣ убійствъ, большихъ пожаровъ, или гигіеническихъ наставленій. Вѣра ничего не сказала въ отвѣтъ на предложеніе Татьяны Марковны, а Марѳинька спросила:

— А конецъ счастливый, бабушка?

— Дойдешь до конца, такъ узнаешь — отвѣчала та.

— Что это за книга? спросилъ Райскій вечеромъ. Потомъ взялъ, посмотрѣлъ и засмѣялся.

— Вы лучше *Сонникъ* купите, да читайте! Какую старину выкопали! Это вы, бабушка, должно быть читали, когда были влюблены въ Тита Никоныча....

Бабушка покраснѣла и разсердилась.

— Оставь глупыя шутки, Борисъ Павловичъ! сказала она: я тебя не приглашаю читать, а имъ не мѣшай.

— Да это допотопное сочиненіе....

— Ну, ты послѣ потопа родился и сочиняй свои драмы и романы, а намъ не мѣшай! Начни ты, Марѳинька, а ты Вѣра, послушай! Потомъ, когда Марѳинька устанетъ, ты почитай. Книга хорошая, занимательная.

Вѣра равнодушно покорилась, а Марѳинька старалась заглянуть на послѣднюю страницу, не говорится ли тамъ о свадьбѣ. Но бабушка не дала ей. — «Читай сначала — дойдешь: какая нетерпѣливая!» сказала она. Райскій ушелъ, и бабушкина комната обратилась въ кабинетъ чтенія. Вѣрѣ было невыносимо скучно, но она никогда не протестовала, когда бабушка выражала ей положительно свою волю.

Началось длинное описаніе, сначала родителей молодого человѣка, потомъ родителей дѣвицы, потомъ исторія раздора двухъ фамилій, въ родѣ Монтекки и Капулетти, потомъ наружности и свойствъ молодыхъ людей, давно росшихъ и воспитанныхъ вмѣстѣ, а потомъ разлученныхъ. Вечера черезъ три, четыре

Digitized by Google

терпѣливаго чтенія, дошли наконецъ до взаимныхъ чувствъ молодыхъ людей, до объясненій ихъ, до перваго свиданія наединѣ. Вся эта исторія была безукоризненно нравственна, чиста и до нестерпимости скучна. Вѣра задумывалась. А бабушка, при каждомъ словѣ о любви, изъ-подтишка глядѣла на нее — что̀ она: волнуется, краснѣетъ, блѣднѣетъ? Нѣтъ: вонъ зѣвнула. А потомъ прилежно отмахивается отъ назойливой мухи и слѣдитъ, куда та полетѣла. Опять зѣвнула до слезъ.

На третій день Вѣра совсѣмъ не пришла къ чаю, а потребовала его къ себѣ. Когда же бабушка прислала за ней «послушать книжку», Вѣры не было дома: она ушла гулять.

Вѣра думала, что отдѣлалась отъ книжки, но неумолимая бабушка безъ нея не велѣла читать дальше и сказала, что на другой день вечеромъ чтеніе должно быть возобновлено. Вѣра съ тоской взглянула на Райскаго. Онъ понялъ ея взглядъ и предложилъ лучше погулять. «А послѣ прогулки почитаемъ», — сказала Татьяна Марковна, подозрительно поглядѣвъ на Вѣру, потому что замѣтила ея тоскливый взглядъ.

Нечего дѣлать: Вѣра покорилась вполнѣ. Ни усталости, ни скуки она уже не обнаруживала, а мужественно и сосредоточенно слушала вялый разсказъ. Райскій послушалъ, послушалъ и ушелъ: «точно мочалку во снѣ жуетъ,» сказалъ онъ, уходя, про автора, и разсмѣшилъ надолго Марѳиньку. Вѣра не зѣвала, не слѣдила за полетомъ мухъ, сидѣла, не разжимая губъ, и сама читала внятно, когда приходила ея очередь читать. Бабушка радовалась ея вниманію. «Слава Богу: вслушивается, замѣчаетъ, мотаетъ на усъ: авось».... думала она.

Длинный разсказъ все тянулся о томъ, какъ разгарались чувства молодой четы и какъ родители усугубляли надъ ними надзоръ, придумывали нравственныя истязанія, чтобъ разлучить ихъ. У Марѳиньки навертывались слезы, а Вѣра улыбалась изрѣдка, а иногда и задумывалась, или хмурилась. — «Забираетъ за живое, думала Татьяна Марковна. Слава тебѣ Господи»!

Наконецъ — всему бываетъ конецъ. Въ книгѣ оставалось нѣсколько главъ; насталъ послѣдній вечеръ. И Райскій не ушелъ къ себѣ, когда убрали чай и усѣлись около стола оканчивать чтеніе. Тутъ былъ и Викентьевъ. Ему не сидѣлось на мѣстѣ, онъ вскакивалъ, подбѣгалъ къ Марѳинькѣ, просилъ дать и ему почитать вслухъ, а когда ему давали, то онъ вставлялъ въ романъ отъ себя цѣлыя тирады, или читалъ разными голосами: когда говорила угнетенная героиня, онъ читалъ тоненькимъ, жалобнымъ голосомъ, а за героя читалъ своимъ голосомъ, обращаясь къ Марѳинькѣ, отчего та поминутно краснѣла и дѣлала

Digitized by Google

ему сердитое лице. Въ лицѣ грознаго родителя, Викентьевъ представлялъ Нила Андреича. У него отняли книгу и велѣли сидѣть смирно: тогда онъ, за спиной бабушки, сопровождалъ чтеніе одной Марѳинькѣ видимой мимикой. Марѳинька предательски указала на него тихонько бабушкѣ. Татьяна Марковна выпроводила его въ садъ погулять до ужина—и чтеніе продолжалось. Марѳинька огорчалась тѣмъ, что книги осталось немного, а все еще разсказывается «жалкое» и свадьбы не предвидится.

— Что тебѣ за дѣло, спросилъ Райскій—какъ бы ни кончилось: счастливо, или несчастливо»....

— Ахъ, какъ это можно: я плакать буду, не усну! сказала она.

Драма гоненій была въ полномъ разгарѣ, родительскія увѣщанія, въ длиннѣйшихъ и нестерпимо скучныхъ сентенціяхъ, гремѣли надъ головой любящихся.

«Замѣчай за Вѣрой: шепнула бабушка Райскому: какъ она слушаетъ! Исторія попадаетъ—не въ бровь, а прямо въ глазъ. Смотри, морщится, поджимаетъ губы!...»

Дошли до катастрофы: любящихся застали въ саду. Герой свилъ изъ полотенецъ и носовыхъ платковъ лѣстницу, героиня сошла по ней къ нему. Они плакали въ объятіяхъ другъ друга, какъ вдругъ ихъ освѣтили факелы гонителей, крики ужаса, негодованія, проклятія отца! Героиня въ обморокѣ, герой на колѣняхъ передъ безжалостнымъ отцемъ. Потомъ заточеніе. Любящимся не дали проститься, взглянуть другъ на друга. Черезъ мѣсяцъ печальный колоколъ возвѣщалъ обрядъ постриженія въ монастырѣ, а героя мчалъ корабль изъ Гамбурга въ Америку. Родители остались одни, и потомъ, скукой и одиночествомъ, всю жизнь платили за свое жестокосердіе. Послѣднее слово было прочтено, книга закрыта, и между слушателями водворилось глубокое молчаніе.

— Экая дичь! сказалъ Райскій, немного погодя.

Марѳинька утирала слезы.

— А ты что́ скажешь, Вѣрочка? спросила бабушка.

Та молчала.

— Гадкая книга, бабушка — сказала Марѳинька: что́ они вытерпѣли, бѣдные!...

— А чтожъ дѣлать? Вотъ, чтобъ этого не терпѣть,—говорила бабушка, стороной глядя на Вѣру,—и надо бы было этой Кунигундѣ спроситься у тѣхъ, кто уже пожилъ и знаетъ, что значатъ страсти.

Райскій насмѣшливо кивнулъ ей съ одобреніемъ головой.

— А то вотъ и довели себя до добра, продолжала бабушка

Digitized by Google

еслибъ она спросила отца или матери, такъ до этого бы не дошло. Ты что скажешь, Вѣрочка?

Вѣра пошла вонъ, но на порогѣ остановилась.

— Бабушка! за что вы мучили меня цѣлую недѣлю, заставивши слушать такую глупую книгу? спросила она, держась за дверь, и не дождавшись отвѣта, шагнула, какъ кошка, вонъ. Бабушка воротила ее.

— Какъ—за что? сказала она.—Я хотѣла тебѣ удовольствіе сдѣлать...

— Нѣтъ, вы хотѣли за что-то наказать меня. Если я провинюсь въ чемъ-нибудь, вы впередъ лучше посадите меня на недѣлю на хлѣбъ и на воду.

Она оперлась колѣномъ на скамеечку, у ногъ бабушки.—Прощайте бабушка, покойной ночи! сказала она.

Татьяна Марковна нагнулась поцѣловать ее и шепнула на ухо:

«Не наказать, а остеречь хотѣла я тебя, чтобъ ты... не провинилась когда-нибудь...

— А еслибъ я провинилась... шептала въ отвѣтъ Вѣра: вы заперли бы меня въ монастырь, какъ Кунигунду?

— Развѣ я звѣрь — обидчиво отвѣчала Татьяна Марковна: такая-же какъ эти злые родители, изверги?... Грѣхъ, Вѣра, думать это о бабушкѣ...

— Знаю, бабушка, что грѣхъ, и не думаю... Такъ зачѣмъ же глупой книгой остерегать?

— Чѣмъ же я остерегу, уберегу, укрою тебя, дитя мое?... Скажи, успокой!..

Вѣра хотѣла что-то отвѣтить, но остановилась и поглядѣла съ минуту въ сторону.

«Перекрестите меня!» сказала потомъ, и когда бабушка перекрестила ее, она поцѣловала у ней руку и ушла.

Райскій взялъ книгу со стола.

— Мудрая книга: что-жъ, какъ подѣйствовала прекрасная Кунигунда? спросилъ онъ съ улыбкой.

Бабушка болѣзненно вздохнула въ отвѣтъ. Ей было не до шутокъ. Она взяла у него книгу, велѣла Пашуткѣ отдать въ людскую.

— Ну, бабушка, замѣтилъ Райскій:—Вѣру вы уже наставили на путь. Теперь если Егорка съ Мариной прочитаютъ — тогда отъ добродѣтели некуда будетъ дѣваться въ домѣ!

Digitized by Google

XVI.

Викентьевъ вызвалъ Марѳиньку въ садъ, Райскій ушелъ къ себѣ, а бабушка долго молча сидѣла на своемъ канапе, погруженная въ задумчивость. Уже книга не занимала ее: она отрезвилась отъ печатной морали и сама внутренно стыдила себя за пошлое средство. Взглядъ ея смотрѣлъ уже умнѣе и сознательнѣе. Она что-то обдумывала, можетъ быть перебирала старыя, уснувшія воспоминанія; на лицѣ ея появлялось, для тѣхъ, кто умѣетъ читать лица, и проницательная догадка, и умиленіе, и страхъ, и жалость.

Между тѣмъ Марина, Яковъ, и Василиса по очереди приходили напоминать ей, что ужинъ поданъ. «Не хочу!» отвѣчала она задумчиво. Марина пошла звать къ ужину барышень: «Не хочу!» сказала и Вѣра. «Не хочу!» сказала, къ изумленію ея, и Марѳинька, никогда безъ ужина не ложившаяся. — «Я въ постель подамъ!» предложила она.—«Не хочу!» былъ отвѣтъ.—«Что за чудо! Этого никогда не бывало! Надо барынѣ доложить», сказала Марина.

Но къ изумленію ея, Татьяна Марковна не удивилась и въ отвѣтъ сказала только: «убирайте!»

Марина ушла, а Василиса молча стала дѣлать барынѣ постель.

Пока Марина ходила спрашивать, что̀ дѣлать съ ужиномъ, Егорка, узнавъ, что никто ужинать не будетъ, открылъ крышку соусника, понюхалъ и пальцами вытащилъ какую-то «штучку»—«попробовать», какъ объяснилъ онъ заставшему его Якову, котораго также пригласилъ отвѣдать. Яковъ покачалъ головой, однако перекрестился, по обыкновенію, и тоже пальцами вытащилъ «штучку» и сталъ медленно жевать пробуя: «тутъ должно быть есть лавровый листъ», говорилъ онъ. «А вотъ отвѣдайте этого, Яковъ Петровичъ», говорилъ Егорка, запуская пальцы въ заливныхъ стерлядей. «Смотри, какъ бы барыня не спросила!» говорилъ Яковъ, вытаскивая другую стерлядь—и когда Марина вошла, они уже доѣдали цыпленка. «Слопали!» съ изумленіемъ произнесла она, ударивъ себя по бедрамъ и глядя, какъ проворно уходили Яковъ и Егорка, оглядываясь на нее, какъ волки.

И постель сдѣлана, все затихло въ домѣ, Татьяна Марковна наконецъ очнулась отъ задумчивости, взглянула на образъ и не стала, какъ всегда, на колѣни передъ нимъ, и не молилась, а только перекрестилась. Тревога превозмогала молитву. Она сѣла на постель и опять задумалась. «Какъ остеречь тебя? «Перекре-

Digitized by Google

стите», говорить! вспоминала она со страхомъ свой шепотъ съ Вѣрой. «Какъ узнать, что у ней въ душѣ? Утро вечера мудренѣе: а теперь лягу...» подумала потомъ.

Но ей не суждено было уснуть въ ту ночь. Только что она хотѣла лечь, какъ кто-то поцарапался къ ней въ дверь.

— Кто тамъ? спросила она съ испугомъ.

— Я, бабушка — отворите! говорилъ голосъ Марѳиньки. Татьяна Марковна отворила.

— Что ты, дитя мое? Проститься пришла—Богъ благословитъ тебя! Отчего ты не ужинала? Гдѣ Николай Андреичъ? сказала она. Но взглянувъ на Марѳиньку, испугалась.

— Что ты, Марѳинька? Что случилось? На тебѣ лица нѣтъ: вся дрожишь? Здорова ли? Испугалась чего-нибудь? посыпались вопросы.

— Нѣтъ, нѣтъ, бабушка, ничего, ничего... я пришла... Мнѣ нужно сказать вамъ... говорила она, прижимаясь къ бабушкѣ въ страхѣ.

— Сядь, сядь... на кресло.

— Нѣтъ, бабушка — я сяду къ вамъ, а вы лягте: я все и разскажу — и свѣчку потушите...

— Да что случилось — ты меня пугаешь...

— Ничего, бабушка — ляжемъ поскорѣй: я все вамъ на ушко разскажу.

Бабушка поспѣшила исполнить ея требованіе, и Марѳинька разсказала ей, что случилось съ ней, послѣ чтенія, въ саду. А случилось вотъ что.

Когда Викентьевъ, послѣ чтенія, вызвалъ Марѳиньку въ садъ— между ними нечаянно произошла слѣдующая сцена. Онъ звалъ ее въ рощу слушать соловья.

— Пока вы тамъ читали — я все слушалъ: ахъ, какъ поетъ, какъ поетъ — пойдемте! говорилъ онъ.

— Теперь темно, Николай Андреевичъ, сказала она.

— Развѣ вы боитесь?

— Одна боюсь, а съ вами нѣтъ.

— Такъ пойдемте: а какъ хорошо поетъ — слышите, слышите: отсюда слышно! Тутъ филинъ было въ дуплѣ началъ кричать — и тотъ замолчалъ. Пойдемте.

Она стояла на крыльцѣ и сошла въ аллею нерѣшительно: онъ подалъ ей руку. Она шла медленно, будто нехотя.

— Какая темнота: дальше не пойду, не трогайте меня за руку! почти сердито говорила она, а сама все подвигалась невольно, какъ будто ее вели насильно, хотя Викентьевъ выпустилъ ея руку.

Digitized by Google

— Поближе, сюда, шепталъ онъ. Она дѣлала два шага, точно ощупью, и останавливалась. — Еще, еще, не бойтесь! — Она подвигалась еще шагъ: сердце у ней билось, и отъ темноты, и отъ страха.

— Темно, я боюсь... говорила она.

— Да полноте, чего бояться — здѣсь никого нѣтъ. Вотъ сюда, еще: смотрите, здѣсь канава, обопритесь на меня — вотъ такъ.

— Что вы, оставьте, я сама... говорила она въ испугѣ, но не успѣла договорить, какъ онъ, обнявъ ее за талію, перенесъ черезъ канаву. Они вошли въ рощу.

— Я дальше не пойду ни шагу... А сама понемногу подвигалась, пугаясь треска сучьевъ подъ ногой.

— Вотъ станемте здѣсь — тише... шепталъ онъ: — слышите?

Соловей лилъ свои трели. Марѳиньку обняло обаяніе теплой ночи. Мгла, легкій шелестъ листьевъ и щелканье соловья наводили на нее дрожь. Она оцѣпенѣла въ молчаніи и по временамъ отъ страха ловила руку Викентьева. А когда онъ самъ бралъ ее за руку, она ее отдергивала.

— Какъ хорошо, Марѳа Васильевна, какая ночь! говорилъ онъ.

Она махнула ему рукой, чтобъ онъ не мѣшалъ слушать. Въ ней только-что начинала разыгрываться сладость нервнаго раздраженія.

— Марѳа Васильевна! шепталъ онъ чуть слышно: со мной дѣлается что-то такое хорошее, такое пріятное, чего я никогда не испытывалъ... точно все шевелится во мнѣ...

Она молчала.

— Я теперь вскочилъ бы на лошадь и поскакалъ бы во всю мочь, чтобъ духъ захватывало... Или бросился бы въ Волгу и переплылъ на ту сторону... А съ вами, ничего?

Она вздрогнула.

— Что вы, испугались?

— Уйдемте отсюда: послушали и довольно, а то бабушка разсердится... сказала она.

— Ахъ, нѣтъ — еще минуту, ради Бога... умолялъ онъ. Она остановилась, какъ вкопанная. Соловей все заливался.

— О чемъ онъ поетъ? спросилъ онъ.

— Не знаю! сказала она.

— А вѣдь что-нибудь да высказываетъ: не на вѣтеръ же онъ свищетъ! Кто-нибудь его слушаетъ...

— Мы — слушаемъ... шепнула Марѳинька — и слушала.

— Боже мой, какая прелесть!.. Марѳа Васильевна... шепнулъ Викентьевъ и задумался.

Digitized by Google

— Гдѣ вы, Николай Андреичъ? спросила она. — Что вы молчите? Точно васъ нѣтъ: тутъ-ли вы?

— Я думаю, соловей поетъ то самое, что во мнѣ дѣлается, что мнѣ хотѣлось бы сказать теперь, да не умѣю...

— Ну, говорите по соловьиному... сказала она, смѣясь.—Почемъ вы знаете, что онъ поетъ.

— Знаю.

— Ну, говорите.

— Онъ поетъ о любви.

— О какой любви? Кого ему любить?

— Онъ поетъ о моей любви... къ вамъ.

Онъ и самъ было испугался своихъ словъ, но вдругъ прижалъ ея руку къ губамъ и осыпалъ ее поцѣлуями. Въ одну минуту она вырвала руку, бросилась опрометью назадъ, сама перескочила канаву и едва дыша пробѣжала аллею сада, взбѣжала на ступени крыльца и остановилась на минуту перевести духъ. Онъ бросился за ней.

— Ни шагу дальше — не смѣйте! сказала она, едва переводя духъ и держась за ручку двери. — Идите домой!

— Марѳа Васильевна! Ангелъ! другъ...

— Какъ вы смѣете меня такъ называть: что я — сестра вамъ, или кузина!

— Ангелъ! прелесть... вы все для меня! Ейбогу...

— Я закричу, Николай Андреичъ. Подите домой! повелительно прибавила она, не переставая дрожать.

— Послушайте, скажите, отчего вы стали не такія... съ нѣкоторыхъ поръ дичитесь меня, не ходите однѣ со мной?...

— Мы не дѣти: пора перестать шалить, говорила она: — и то бабушка...

— Что бабушка?

— Ничего. Вы слышали, что сейчасъ читали въ книгѣ о Ричардѣ и Кунигундѣ: что имъ за это было?... Какъ же вы позволили себѣ...

— Этого ничего не было — Марѳа Васильевна: эту книгу сочинилъ, должно быть, Нилъ Андреичъ...

— Идите домой! Богъ знаетъ, что люди говорятъ о насъ...

— Вы разлюбили меня, Марѳа Васильевна! уныло сказалъ онъ, и даже не поерошилъ, противъ обыкновенія, волосы.

— А развѣ я васъ любила? съ безсознательнымъ кокетствомъ спросила она. — Кто вамъ сказалъ: какія глупости! Съ чего вы взяли, я вотъ бабушкѣ скажу!

— Я и самъ скажу!

— Что вы скажете: ничего вы не можете сказать про меня,

Digitized by Google

задорно, и отчасти съ безпокойствомъ, говорила она. — Что вы это сегодня выдумали! Нашло на васъ?...

— Да, нашло. Выслушайте меня, ангелъ Марѳа Васильевна... На колѣняхъ прошу... Онъ всталъ на колѣни.

— Уйду, если станете говорить. Дайте мнѣ только оправиться: а то я перепугаю всѣхъ; я вся дрожу... Сейчасъ же къ бабушкѣ!

Онъ всталъ, рѣшительно подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и почти насильно увелъ въ аллею.

— Я не хочу, не пойду... вы дерзкій! забываетесь... говорила она, стараясь нейти за нимъ и вырывая у него руку, и противъ воли шла.—Что вы дѣлаете, какъ смѣете! Пустите, я закричу!... Не хочу слушать вашего соловья!

— Не соловья, а меня слушайте, сказалъ онъ нѣжно, но рѣшительно. — Я не мальчикъ теперь — я тоже взрослый: выслушайте меня, Марѳа Васильевна!

Она вдругъ перестала вырываться, оставила ему свою руку, которую онъ продолжалъ держать, и съ бьющимся сердцемъ и напряженнымъ любопытствомъ послушно окаменѣла на мѣстѣ.

— Вы, или бабушка, правду сказали: мы были дѣти, и я виноватъ только тѣмъ, что не хотѣлъ замѣчать этого, хоть сердце мое давно замѣтило, что вы не дитя...

Она было рванула опять свою руку, но онъ съ тихой силой удержалъ ее.

— Вы взрослая, и потому не бойтесь выслушать меня: я говорю не ребенку. Вы были такъ рѣзвы, молоды, такъ милы, что я забывалъ съ вами мои лѣта и думалъ, что еще мнѣ рано — да мнѣ, по лѣтамъ, можетъ быть, рано говорить, что я...

— Я уйду: вы что-то опять страшное хотите сказать — какъ въ рощѣ... Пустите! говорила шепотомъ Марѳинька и дрожала, и рука ея дрожала. — Уйду, не стану слушать, я скажу бабушкѣ все...

— Непремѣнно, Марѳа Васильевна, и сегодня же вечеромъ. Поэтому не бойтесь выслушать меня. Я такъ сроднился, сблизился съ вами, что если насъ вдругъ разлучить теперь... Вы хотите этого, скажите?

Она молчала.

— Марѳа Васильевна, хотите разстаться?

Она молчала, только сдѣлала какое-то движеніе въ темнотѣ.

— Если хотите, разстанемтесь, вотъ теперь же... уныло говорилъ онъ. — Я не знаю, что будетъ со мной: я попрошусь куда-нибудь въ другое мѣсто, уѣду въ Петербургъ, на край свѣта, если мнѣ скажутъ это—не Татьяна Марковна, не маменька моя,—

Digitized by Google

онѣ, пожалуй, наскажутъ, но я ихъ не послушаю,—а если скажете вы—я сейчасъ же съ этого мѣста уйду, и никогда не ворочусь сюда! Я знаю, что ужъ любить больше въ жизни никогда не буду... ейбогу, не буду... Марѳа Васильевна!

Она молчала.

— Вы скажите только слово, можно мнѣ любить васъ? Если нѣтъ — я уѣду — вотъ прямо изъ сада и никогда....

Вдругъ Марѳинька заплакала на-взрыдъ и крѣпко схватила его за руку, когда онъ сдѣлалъ шагъ отъ нея.

— Видите, видите! сказалъ онъ, торжествуя:—развѣ вы не ангелъ! Не правду я говорилъ, что вы любите меня? Да, любите, любите, любите! кричалъ онъ, ликуя, только не такъ, какъ я васъ.... нѣтъ!

— Какъ вы смѣете говорить мнѣ это? сказала она, обливаясь слезами:—это ничего, что я плачу. Я и о котенкѣ плачу, и о птичкѣ плачу. Теперь плачу отъ соловья: онъ растревожилъ меня, да темнота. При свѣчкѣ, или днемъ—я умерла бы, а не заплакала бы. Я васъ любила, можетъ быть, да не знала этого....

— И я почти не зналъ, что люблю васъ.... Все соловей надѣлалъ: онъ открылъ нашъ секретъ. Мы такъ и скажемъ на него, Марѳа Васильевна.... И я бы днемъ ни за какія сокровища не сказалъ вамъ.... ейбогу — не сказалъ бы....

— А теперь я васъ ненавижу, презираю, сказала она.—Вы противный, вы заставили меня плакать, а сами рады, что я плачу: вамъ весело....

— Весело: и вамъ весело, ейбогу весело — вы такъ только... Дай Богъ здоровья соловью!

— Вы гадкій, нечестный!

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ онъ и торопливо поерошилъ голову:—не говорите этого. Лучше назовите меня дуракомъ, но я честный, честный, честный! — Я никому не позволю усомниться.... Никто не смѣетъ!

— А я смѣю! задорно сказала Марѳинька.—Вы нечестный: вы заставили бѣдную дѣвушку высказать поневолѣ, чего она никому, даже Богу, отцу Василью, не высказала бы.... А теперь, Боже мой, какой срамъ!

И этотъ «божій младенецъ», по выраженію Татьяны Марковны, опять залился искренними слезами раскаянія.

— Не честно, не честно! говорила она:—я васъ уже теперь не люблю. Что скажутъ, что подумаютъ обо мнѣ? я пропала....

— Другъ мой, ангелъ!... твердилъ онъ.

— Опять вы за свое? съ дѣтскимъ гнѣвомъ сказала она.

Digitized by Google

— Вспомните, что вы не дитя, говорилъ опять Викентьевъ.

— Какъ вы странно говорите, вдругъ остановила она его, переставъ плакать:—вы никогда не были такимъ, я васъ никогда такимъ не видала! Развѣ вы такой, какъ давича были, когда съ головой ушли въ рожь, перепела передразнивали, а вчера за моимъ котенкомъ на крышу лазили? Давно ли на мельницѣ нарочно выпачкались въ мукѣ, чтобъ разсмѣшить меня?... Отчего вы вдругъ не такой стали?

— Какой же я сталъ, Марѳа Васитьевна?

— Дерзкій — смѣете говорить мнѣ такія глупости въ глаза...

— А вы сами развѣ такая, какія были недавно, еще сегодня вечеромъ? Развѣ вамъ приходило въ голову стыдиться, или бояться меня? приходили вамъ на языкъ такія слова, какъ теперь? И вы тоже измѣнились!

— Отчего же это вдругъ случилось?

— Соловей все объяснилъ намъ: мы оба выросли и созрѣли сію минуту, вотъ тамъ, въ рощѣ.... Мы ужъ не дѣти....

— Отъ того и нечѣстно было говорить мнѣ, что́ вы сказали: вы поступили, какъ вѣтренникъ — не честно дразнить дѣвушку, вырвать у ней секретъ....

— Не вѣкъ же ему оставаться секретомъ: когда-нибудь и кому-нибудь высказали бы его.... Такъ ли?

Она подумала.

— Да, сказала бы: бабушкѣ на ушко и потомъ спрятала бы голову подъ подушку на цѣлый день. А здѣсь.... одни — Боже мой! досказала она, кидая взглядъ ужаса на небо.—Я боюсь теперь показаться въ комнату: какое у меня лицо — бабушка сейчасъ замѣтитъ....

— Ангелъ! прелесть! говорилъ онъ, нагибаясь къ ея рукѣ:— да будетъ благословенна темнота, роща и соловей!

— Прочь, прочь! повторила она, убѣгая опять на крыльцо, вы опять за дерзости! А я думала, что честнѣе и скромнѣе васъ нѣтъ въ свѣтѣ, и бабушка думала тоже. А вы....

— Какъ же было честно поступить мнѣ? Кому мнѣ сказать свой секретъ?

— На другое ушко бабушкѣ, и у ней спросить, люблю ли я васъ.

— Вы ей нынѣче все скажете.

— Это все не то будетъ: я ужъ виновата передъ ней, что слушала васъ, расплакалась. Она огорчится, не проститъ мнѣ никогда, — а все вы!...

— Проститъ, Марѳа Васильевна! обоихъ проститъ. Она любитъ меня....

Digitized by Google

— Вамъ кажется, что всѣ васъ любятъ: какое сокровище!

— Она даже говоритъ, что любитъ меня, какъ сына....

— Это она такъ, оттого, что вы кушаете много, а она всѣхъ такихъ любитъ, даже и Опенкина.

— Нѣтъ, я знаю, что она меня любитъ—и если только проститъ мнѣ мою молодость, такъ позволитъ намъ жениться!...

— Какой ужасъ! До чего вы договорились!—Она хотѣла уйти.

— Марѳа Васильевна! сойдите сюда, не бойтесь меня, я буду, какъ статуя....

Она медлила, потомъ вдругъ сама сошла къ нему со ступенекъ крыльца, взяла его за руку и поглядѣла ему въ лицо съ строгой важностью.

— Ваша маменька знаетъ о томъ, что́ вы мнѣ говорите теперь здѣсь? спросила она, — а? знаетъ? — говорите, да, или нѣтъ?

— Нѣтъ еще... тихо сказалъ онъ.

— Нѣтъ! со страхомъ повторила она.

Нѣсколько минутъ они молчали.

— Какъ же вы смѣли говорить мнѣ это? спросила она потомъ.—Даже до свадьбы договорились, а maman ваша не знаетъ! честно ли это, сами скажите!

— Узнаетъ завтра.

— А если не благословитъ?

— Я не послушаюсь!

— А я послушаюсь—и безъ ея согласія не сдѣлаю ни шагу, какъ безъ согласія бабушки. И если не будетъ этого согласія, ваша нога не будетъ въ домѣ здѣсь, помните это, М-г Вилентьевъ — вотъ что!

Она быстро отвернулась отъ него плечомъ и пошла прочь.

— Я увѣренъ въ ней, какъ въ себѣ.... въ ея согласіи.

— И надо было послѣ ея согласія заставить меня плакать.

— Ужели вы такъ уйдете, не простите меня за это увлеченіе....

— Мы не дѣти, чтобъ увлекаться и прощать. Грѣхъ сдѣлать....

— Всѣ грѣшны: простите—сегодня въ ночь я буду въ Колчинѣ, а къ обѣду завтра здѣсь — и съ согласіемъ. Простите.... дайте руку!

— Тогда.... можетъ быть, сказала она, подумавши, потомъ поглядѣла на него и подала-было руку. И только онъ потянулся къ ней, она въ ужасѣ отдернула.

— Боже мой! Что́ еще скажетъ бабушка! Ступайте прочь, прочь—и помните, что если maman ваша будетъ васъ бранить,

Digitized by Google

а меня бабушка не проститъ, вы и глазъ не кажите — я умру со стыда, а вы на всю жизнь останетесь нечестны.

Она ушла, и онъ проворно бросился вонъ изъ сада.

«Господи! Господи! что́ скажетъ бабушка!» думала Марѳинька, запершись въ своей комнатѣ и трясясь, какъ въ лихорадкѣ. «Что́ мы надѣлали!» мучилась она мысленно. «И какъ я перескажу.... что́ мнѣ будетъ за это.... Не сказать ли прежде Вѣрочкѣ.... Нѣтъ, нѣтъ — бабушкѣ! Кто тамъ теперь у ней....»

Она волновалась, крестилась, глядя на образъ, пока Яковъ пришелъ звать ее къ ужину. «Не хочу!» сказала она изъ-за двери. Марина пришла: «Не хочу!» съ тоской повторила она. «Что бабушка дѣлаетъ?»

— Барыня не ужинали, спать ложатся, сказала Марина.

Марѳинька едва дождалась, пока затихло все въ домѣ и, какъ мышь, прокралась къ бабушкѣ.

Долго шептали онѣ, много разъ бабушка крестила и цѣловала Марѳиньку, пока наконецъ та заснула на ея плечѣ. Бабушка тихо сложила ея голову на подушку, потомъ уже встала и молилась въ слезахъ, призывая благословеніе на новое счастье и новую жизнь своей внучки. Но еще жарче молилась она о Вѣрѣ: съ мыслью о ней, она по долгу склоняла сѣдую голову къ подножію креста и шептала горячую молитву.

Ложась осторожно подлѣ спящей Марѳиньки, бабушка перекрестила ее опять, а сама подумала: «Добро бы Вѣра, а то— Марѳинька, какъ Кунигунда... тоже въ саду!... Точно на смѣхъ вышло: это «судьба» забавляется!....»

XVII.

Викентьевъ сдержалъ слово. На другой день онъ привезъ къ Татьянѣ Марковнѣ свою мать и впустивъ ее въ двери, самъ «далъ стречка», какъ онъ говорилъ, не зная, что́ будетъ, и сидѣлъ, какъ на иголкахъ, въ канцеляріи. Мать его, еще почти молодая женщина, лѣтъ сорока съ небольшимъ, была такая же живая и веселая, какъ онъ, но съ большимъ запасомъ практическаго смысла. Между ею и сыномъ была вѣчная комическая война на словахъ. Они спорили на каждомъ шагу, за всякіе пустяки, — и только за пустяки. А когда доходило до серьезнаго дѣла, она другимъ голосомъ и другими глазами, нежели какъ обыкновенно, предъявляла свой авторитетъ, — и онъ хотя сначала протестовалъ, но потомъ сдавался, если требованіе ея было благоразумно. Между ними происходилъ видимый разладъ и

Digitized by Google

существовала невидимая гармонія. Таковъ былъ наружный образъ ихъ отношеній. «Надѣнь это», скажетъ Марья Егоровна. «Какъ это можно — лучше это», переговоритъ онъ. «Съѣзди къ Михайлу Андреичу». «Помилуйте, maman, у него непроходимая скука» отвѣчалъ онъ. «Вздоръ, ты поѣдешь». «Нѣтъ, maman, ни зачто, хоть убейте!» «Николка, будешь ты слушаться?» «Всегда, maman, только не теперь». Но однако, если ей въ самомъ дѣлѣ захочется, онъ поѣдетъ съ упреками, жалобами и протестами до тѣхъ поръ, пока потеряется изъ вида.

Этотъ вѣчный споръ шелъ съ утра до вечера между ними, съ промежутками громкаго смѣха. А когда они были ужъ очень дружны, то молчали какъ убитые, пока тотъ или другой не прерветъ молчанія какимъ-нибудь замѣчаніемъ, вызывающимъ непремѣнно противорѣчіе съ другой стороны. И пошло опять. Любовь его къ матери наружно выражалась также бурно и неистово, до экстаза. Въ припадкѣ нѣжности, онъ вдругъ бросится къ ней, обѣими руками обовьетъ шею и облѣпитъ горячими поцѣлуями: тутъ уже между ними произойдетъ буквально драка. Она ловитъ его за уши, деретъ, щиплетъ за щеки, отталкиваетъ, наконецъ кликнетъ толсторукую и толстобедрую ключницу Мавру и велитъ оттащить прочь «волченка».

Послѣ разговора съ Марѳинькой, Викентьевъ въ туже ночь укатилъ за Волгу, и ворвавшись къ матери, бросился обнимать и цѣловать ее по своему, потомъ, когда она, собравъ всѣ силы, оттолкнула его прочь, онъ сталъ передъ ней на колѣни и торжественно произнесъ.

— Мать! Бей, но выслушай: рѣшительная минута жизни настала—я....

— Съ ума сошелъ! досказала она.—Откуда взялся, точно съ цѣпи сорвался! Какъ смѣлъ безъ спросу пріѣхать? Испугалъ меня, взбударажилъ весь домъ: что съ тобой? спрашивала она, оглядывая его съ изумленіемъ съ ногъ до головы и оправляя растрепанные имъ волосы.

— Не угадываешь, мать? спрашивалъ онъ, не безъ внутренняго страха отъ какихъ-нибудь, еще невѣдомыхъ ему препятствій и опроверженій.

— Напроказничалъ что-нибудь: вѣрно опять подъ арестъ хотятъ посадить? говорила она, зорко глядя ему въ глаза.

Онъ покачалъ отрицательно головой.

— За сто верстъ—не отгадала.

— Ну, говори!

— Скажу, только противорѣчить не моги!

Digitized by Google

Она съ недоумѣніемъ, и тоже не безъ страха, глядѣла на него, стараясь угадать.

— Задолжалъ?

Онъ качалъ головой.

— Опять не въ гусары ли затѣялъ пойти?

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Почемъ я знаю, какая блажь забралась въ тебя: отъ тебя все станется! Говори—что?

— Не станешь спорить?

— Стану: потому что вѣрно вздоръ затѣялъ. Сейчасъ говори.

— Жениться хочу! чуть слышно сказалъ онъ.

— Что? спросила она, не вслушавшись.

— Жениться хочу!

Она взглянула на него быстро.

— Мавра, Антонъ, Иванъ, Кузьма! закричала она: — всѣ идите скорѣй сюда—скорѣй!

Мавра одна пришла.

— Зови всѣхъ людей: Николай Андреевичъ помѣшался!

— Христосъ съ нимъ—что вы, матушка: испужали до смерти! говорила Мавра, тыча рукой въ воздухъ.

Викентьевъ махнулъ Маврѣ, чтобъ шла вонъ.

— Я не шучу, мать! сказалъ онъ, удерживая ее за руку, когда она встала.

— Поди прочь, не трогай! сердито перебила она и начала въ волненіи ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Я не шучу! сказалъ онъ ей рѣзко: — завтра я долженъ отвѣтъ дать. Что ты скажешь?

— Велю запереть тебя... знаешь куда! шепнула она, видимо озабоченная.

Онъ вскочилъ, и между ними начался одинъ изъ самыхъ бурныхъ разговоровъ. Долго ночью слышали люди горячій споръ, до крика, почти до визга, по временамъ смѣхъ, скаканье его, потомъ поцѣлуи, гнѣвный крикъ барыни, веселый отвѣтъ его— и потомъ гробовое молчаніе, признакъ совершенной гармоніи.

Викентьевъ одержалъ, повидимому, побѣду — впрочемъ уже подготовленную. Если обманывались на счетъ своихъ чувствъ Марѳинька и Викентьевъ, то бабушка и Марья Егоровна давно поняли, къ чему это ведетъ, но вида другъ другу и имъ не показывали, а сами молча, каждая про себя, давно все обдумали, взвѣсили, разсчитали—и рѣшили, что эта свадьба — дѣло подходящее. Но Марья Егоровна, по свойству своихъ отношеній къ сыну, не могла, какъ и онъ, съ своей стороны, тоже уступить,

Digitized by Google

а онъ взять ея согласіе иначе, какъ съ бою, и притомъ самаго упорнаго и горячаго. «Еще что Татьяна Марковна скажетъ!» говорила раздражительно, какъ будто съ досадой уступая Марья Егоровна, когда уже лошади были поданы, чтобы ѣхать въ городъ. «Если она не согласится, я тебѣ никогда не прощу этого срама! Слышишь?»

— Не безпокойся: она любитъ меня больше родной матери!

— Я вовсе тебя не люблю: отстань, волченокъ! крикнула она, съ боку посмотрѣвъ на него.

Онъ хотѣлъ было загрести ее за шею рукой и обнять, но она грозно замахнулась на него зонтикомъ.

— Только смѣй! Если изомнешь шляпку, я не поѣду! прибавила она. Онъ присмирѣлъ отъ этой угрозы.

— Туда же: съ этихъ поръ жениться! ворчала она.

Онъ, не слушая ее, перелѣзъ изъ коляски на козлы и отнявъ у кучера возжи, погналъ, что есть мочи, лошадей.

XVIII.

Марья Егоровна разрядилась въ шелковое платье, въ кружевную мантилью, надѣла желтыя перчатки, взяла вѣеръ — и такъ кокетливо и хорошо одѣлась, что сама смотрѣла невѣстой.

Лишь только Татьянѣ Марковнѣ доложили о пріѣздѣ Викентьевой, старуха, принимавшая ее всегда за просто, радушно-дружески, тутъ вдругъ, догадываясь конечно, послѣ признанія Марѳиньки, зачѣмъ она пріѣхала, приняла другой тонъ и манеры. Она велѣла просить ее подождать въ гостиной, а сама бросилась одѣваться, приказавъ Василисѣ посмотрѣть въ щелочку и сказать ей, какъ одѣта гостья. И Татьяна Марковна надѣла шумящее шелковое съ серебристымъ отливомъ платье, турецкую шаль, пробовала было надѣть массивныя брильянтовыя серьги, но съ досадой бросила ихъ. «Нейдутъ, уши заросли!» сказала она. Велѣла одѣваться Марѳинькѣ, Вѣрочкѣ, и приказала мимоходомъ Василисѣ достать парадное столовое бѣлье, старинное серебро и хрусталь къ завтраку и обѣду. Повару, кромѣ множества блюдъ, велѣла еще варить шеколадъ, послала за конфектами, за шампанскимъ.

Одѣвшись, сложивъ руки на руки, украшенныя на этотъ разъ старыми, дорогими перстнями, торжественной поступью вошла она въ гостиную и обрадовавшись, что увидѣла любимое лице доброй гостьи, чуть не испортила своей важности, но тотчасъ оправи-

Digitized by Google

лась и стала серьезна. Та тоже обрадовалась и проворно встала со стула и пошла ей навстрѣчу.

— А мой-то сумасшедшій, что̀ затѣялъ!... начала она и остановилась, поглядѣвъ на Бережкову, оробѣла и стояла въ недоумѣніи. Обѣ онѣ церемонно раскланялись, и Татьяна Марковна посадила гостью на диванъ и сѣла подлѣ нея.

— Какова нынѣче погода? спросила Татьяна Марковна, поджимая губы: на Волгѣ нѣтъ вѣтру?

— Нѣтъ, тихо.

— Вы на паромѣ?

— Нѣтъ, въ лодкѣ съ гребцами, а коляска на паромѣ.

— Да, кстати: Яковъ, Егорка, Петрушка: кто тамъ? Что это васъ не дозовешься? сказала Бережкова, когда всѣ трое взошли.— Велите отложить лошадей изъ коляски Марьи Егоровны, дать имъ овса и накормить кучера.

Всѣ бросились исполнять приказаніе, хотя и безъ того коляска была уже отложена, пока Татьяна Марковна наряжалась, подвезена подъ сарай, а кучеръ балагурилъ въ людской за бутылкой пива.

— Нѣтъ, нѣтъ, Татьяна Марковна, говорила гостья, я на полчаса: ради Бога, не удерживайте меня: я за дѣломъ....

— Кто-жъ васъ пуститъ? сказала Татьяна Марковна голосомъ, не требующимъ возраженія. — Еслибъ вы были здѣшняя, другое дѣло, а то изъ-за Волги! Что̀ мы, первый годъ знакомы съ вами?... Или обидѣть меня хотите?...

— Ахъ, Татьяна Марковна: я вамъ такъ благодарна, такъ благодарна! Вы лучше родной — и Николая моего избаловали, до того, что этотъ поросенокъ сегодня мнѣ вдругъ дорòгой слилъ пулю: Татьяна Марковна, говоритъ, любитъ меня больше родной матери. Хотѣла я ему уши надрать, да на козлы ушелъ отъ меня и такъ гналъ лошадей, что я всю дорогу дрожала отъ страху.

У Татьяны Марковны вся важность опять сбѣжала съ лица.

— А вѣдь онъ чуть-чуть не правду сказалъ — начала она: вѣдь онъ у меня какъ свой! Наградилъ Богъ васъ сынкомъ....

— Помилуйте: онъ мнѣ житья не даетъ: ни шагу безъ спора и безъ ссоры не ступитъ....

— Милые бранятся, только тѣшатся!

— Вотъ вы его избаловали, Татьяна Марковна, онъ и забралъ себѣ въ голову....

Марья Егоровна замялась и начала топать ботинкой объ полъ, оглядывать и обдергивать на себѣ мантилью. Татьяна Марковна вдругъ выпрямилась и опять напустила на себя важность.

Digitized by Google

— Что такое? освѣдомилась она съ притворнымъ равнодушіемъ.

— Жениться вздумалъ: чуть не убилъ меня до смерти вчера! Валяется по ковру, хватаетъ за ноги. Я браниться, а онъ поцѣлуями зажимаетъ ротъ, и смѣется, и плачетъ....

— Въ чемъ же дѣло? спросила Бережкова церемонно, едва выслушавъ эти подробности.

— Просить, молить поѣхать къ вамъ, просить руки Марѳы Васильевны.... конфузливо досказала Марья Егоровна.

Татьяна Марковна, съ несвойственнымъ ей жеманствомъ, слегка поклонилась. — Что̀ я ему скажу теперь? добавила Викентьева.

— Это такое важное дѣло, Марья Егоровна, подумавши, съ достоинствомъ сказала Татьяна Марковна, потупивъ глаза въ полъ, что вдругъ рѣшить я ничего не могу: надо подумать и поговорить тоже съ Марѳинькой. Хотя дѣвочки мои изъ повиновенія моего не выходятъ, но все я принуждать ихъ не могу....

— Марѳа Васильевна согласна: она любитъ Николеньку....

Марья Егоровна чуть не погубила дѣло своего сына.

— А почемъ онъ это знаетъ? вдругъ, вспыхнувъ, сказала Татьяна Марковна. — Кто ему сказалъ?

— Кажется, онъ объяснился съ Марѳой Васильевной... пробормотала сконфуженная барыня.

— За то, что Марѳинька отвѣчала на его объясненіе, она сидитъ теперь въ заперти въ своей комнатѣ въ одной юбкѣ, безъ башмаковъ! солгала бабушка для пущей важности.—А чтобъ вашъ сынъ не смущалъ бѣдную дѣвушку, я не велѣла принимать его въ домъ! опять солгала она для окончательной важности, и съ достоинствомъ поглядѣла на гостью, откинувшись къ спинкѣ дивана.

Та тоже вспыхнула.

— Еслибъ я предвидѣла, сказала она глубоко обиженнымъ голосомъ, что онъ впутаетъ меня въ непріятное дѣло, я бы отвѣчала вчера ему иначе. Но онъ такъ увѣрилъ меня, да и я сама до этой минуты была увѣрена—въ вашемъ добромъ расположеніи къ нему и ко мнѣ! Извините Татьяна Марковна, и поспѣшите освободить изъ заключенія Марѳу Васильевну... Виноватъ во всемъ *мой*: онъ и долженъ быть наказанъ... А теперь прощайте, и опять прошу извинить меня... Прикажите человѣку подавать коляску!...

Она даже потянулась къ звонку. Но Татьяна Марковна остановила ее за руку.

— Коляска ваша отложена, кучера, я думаю, мои люди на-

Digitized by Google

поили пьянымъ, и вы, милая Марья Егоровна, останетесь у меня и сегодня, и завтра, и цѣлую недѣлю...

— Помилуйте, послѣ того, что̀ вы сказали, послѣ гнѣва вашего на Марѳу Васильевну и на моего Колю? Онъ дѣйствительно заслуживаетъ наказанія... Я понимаю...

У Татьяны Марковны пропала вся важность. Морщины разгладились и радость засіяла въ глазахъ. Она сбросила на диванъ шалъ и чепчикъ.

— Мочи нѣтъ — жарко! Извините, душечка, скиньте мантилью — вотъ такъ, и шляпку тоже. Видите, какая жара! Ну... мы ихъ накажемъ вмѣстѣ, Марья Егоровна: женимъ — у меня будетъ еще внукъ, а у васъ дочь. Обнимите меня, душенька! Вѣдь я только старый обычай хотѣла поддержать. Да видно не вездѣ пригожи они, эти старые обычаи! Вонъ я хотѣла остеречь ихъ моралью — и даже нравоучительную книгу въ подмогу взяла: цѣлую недѣлю читали - читали, и только кончили, а они въ туже минуту почти все это и продѣлали въ саду, что̀ въ книгѣ написано!... Вотъ вамъ и мораль! Какое сватовство и церемонія между нами! Обѣ мы знали, къ чему дѣло идетъ, и еслибъ не хотѣли этого — такъ не допустили бы ихъ слушать соловья.

— Ахъ, какъ вы напугали меня, Татьяна Марковна: не грѣхъ ли вамъ? сказала гостья, обнимая старушку.

— Не васъ бы слѣдовало, а его напугать! замѣтила Татьяна Марковна: вы ужъ не погнѣвайтесь, а я пожурю Николая Андреича. Послушайте, помолчите — я его постращаю: каковъ затѣйникъ!

— Какъ я вамъ буду благодарна! Вѣдь я бы не поѣхала ни за что къ вамъ такъ скоро, еслибъ онъ не напугалъ меня вчера тѣмъ, что ужъ говорилъ съ Марѳой Васильевной. Я знаю, какъ она васъ любитъ и слушается, и притомъ она дитя. Сердце мое чуяло бѣду. «Что онъ ей тамъ наговорилъ»? думала я всю ночь — и со страху не спала, не знала, какъ показаться къ вамъ на глаза: отъ него не добьешься ничего. Скачетъ, прыгаетъ, какъ ртуть, по комнатѣ. Я признаюсь, и согласилась больше для того, чтобъ онъ отсталъ, не мучилъ меня; думаю, послѣ дамъ ему нагоняй и назадъ возьму слово. Даже хотѣла подъучить васъ отказать, что будто не я, а вы... Не повѣрите, всю истрепалъ, измялъ! крику что у насъ было, шуму — ахъ, ты Господи, какое наказаніе съ нимъ!

— И я не спала. Моя-то смиренница ночью приползла ко мнѣ, вся дрожитъ, лепечетъ: «что̀ я надѣлала, бабушка, простите, простите, бѣда вышла!» Я испугалась, не знала, что̀ и подумать...

Digitized by Google

На силу она могла пересказать: разъ пять принималась, пока кончила.

— Что же у нихъ было? что́ ей *мой* наговорилъ?

Татьяна Марковна съ усмѣшкой махнула рукой.

— Ужъ и не знаю: кто изъ нихъ лучше — онъ или она? Какъ голуби!

Татьяна Марковна пересказала сцену, переданную Марѳинькой съ стенографической вѣрностью. И обѣ засмѣялись сквозь слезы.

— Давно я думаю, что они—пара, Марья Егоровна,—говорила Бережкова: боялась только, что молоды ужъ очень оба. А какъ погляжу на нихъ, да подумаю, такъ вижу, что они никогда старше и не будутъ.

— Съ лѣтами придетъ и умъ, будутъ заботы—и созрѣютъ, договорила Марья Егоровна.—Оба они росли у насъ на глазахъ: гдѣ имъ было занимать мудрости, вѣдь не жили совсѣмъ!

Викентьевъ пришелъ, но не въ комнату, а въ садъ, и выжидалъ, не выглянетъ ли изъ окна его мать. Самъ онъ выглядывалъ изъ-за кустовъ. Но въ домѣ — тишина. Мать его и бабушка ужъ ускакали въ это время за сто верстъ впередъ. Онѣ слегка и прежде всего порѣшили вопросъ о приданомъ, потомъ перешли къ участи дѣтей, гдѣ и какъ имъ жить; служить ли молодому человѣку, и зимой жить въ городѣ, а лѣтомъ въ деревнѣ— такъ настаивала Татьяна Марковна и ни за что не соглашалась на предложеніе Марьи Егоровны—отпустить дѣтей въ Москву, въ Петербургъ, и даже за границу. «Испортить хотите ихъ, говорила она: чтобъ они наглядѣлись тамъ «всякаго новаго распутства», нѣтъ, дайте мнѣ прежде умереть. Я не пущу Марѳиньку, пока она не пріучится быть хозяйкой и матерью!» И разсуждая такъ, онѣ дошли чуть не до третьяго ребенка, когда вдругъ Марья Егоровна увидѣла, что изъ-за куста, то высунется, то спрячется, чья-то голова. Она узнала сына и указала Татьянѣ Марковнѣ. Обѣ позвали его и онъ рѣшился войдти, но прежде долго возился въ передней, будто чистился, оправлялся.

— Милости просимъ, Николай Андреичъ! ядовито поздоровалась съ нимъ Татьяна Марковна, а мать смотрѣла на него иронически. Онъ быстро взглядывалъ, то на ту, то на другую, и ерошилъ голову.

— Здравствуйте, Татьяна Марковна, сунулся онъ поцѣловать у ней руку: я вамъ привезъ *концерты* въ *билетъ*... началъ онъ скороговоркой.

— Что ты мелешь, опомнись... остановила его мать.

— Охъ: билеты въ концертъ, благотворительный: я взялъ и

Digitized by Google

вамъ, маменька, и Вѣрѣ Васильевнѣ, и Марѳѣ Васильевнѣ, и Борису Павлычу... Отличный концертъ: первая пѣвица изъ Москвы...

— Зачѣмъ намъ въ концертъ? сказала бабушка, глядя на него искоса: у насъ соловьи въ рощѣ хорошо поютъ. Вотъ ужо пойдемъ ихъ слушать даромъ.

Марья Егоровна закусила отъ смѣха губу. Викентьевъ сконфузился, потомъ засмѣялся, потомъ вскочилъ.

— Я въ канцелярію теперь пойду, сказалъ онъ. Но Татьяна Марковна удержала его.

— Сядьте, Николай Андреичъ, да послушайте, что я вамъ скажу—серьезно заговорила она.

Онъ видѣлъ, что собирается гроза, и началъ метаться въ безпокойствѣ, не зная, чѣмъ отвратить ее. Онъ поджималъ подъ себя ноги и клалъ церемонно шляпу на колѣни, или вдругъ вскакивалъ, подходилъ къ окну и высовывался изъ него почти до колѣнъ.

— Сиди же смирно, когда Татьяна Марковна съ тобою говорить хочетъ — сказала мать.

— Что ваша совѣсть говоритъ вамъ? начала пилить Бережкова: какъ вы оправдали мое довѣріе? А еще говорите, что любите меня и что я люблю васъ—какъ сына: а развѣ добрые дѣти такъ поступаютъ? Я считала васъ скромнымъ, послушнымъ, думала, что вы сбивать съ толку бѣдную дѣвочку не станете, пустяковъ ей не будете болтать... Она—остановилась. Онъ мрачно посмотрѣлъ на мать.

— Что! сказала она: по дѣломъ тебѣ!

— Татьяна Марковна, я не успѣлъ нынче позавтракать: нѣтъ ли чего? вдругъ попросилъ онъ: я голоденъ...

— Видите, какой хитрый! сказала Бережкова, обращаясь къ его матери.—Онъ знаетъ мою слабость, а мы думали, что онъ дитя! Не поддѣли, не удалось: хоть и проситесь въ женихи!

Викентьевъ обернулъ шляпу вверхъ дномъ и забарабанилъ по ней пальцами.

— Не треплите шляпу: она не виновата, а лучше скажите, съ чего это вы вздумали, что за васъ отдадутъ Марѳиньку?

Вдругъ у него краска сбѣжала съ лица—онъ съ горестнымъ изумленіемъ взглянулъ на Татьяну Марковну, потомъ на мать.

— Послушайте, не шутите со мной, сказалъ онъ въ тревогѣ; если это шутка, такъ она жестока. Шутите вы, Татьяна Марковна, или нѣтъ?

— А вы какъ думаете?

— Думаю, что шутите: вы добрая, не то что...

Digitized by Google

Онъ поглядѣлъ на мать.

— Каковъ волченокъ, Татьяна Марковна!

— Нѣтъ: не шутя скажу, что не хорошо сдѣлалъ, батюшка, что заговорилъ съ Марѳинькой, а не со мной. Она дитя, какъ бываютъ дѣти, и безъ моего согласія ничего бы не сказала. Ну, а еслибъ я не согласилась?

— Такъ вы согласились! вдругъ вспрыгнувъ, сказалъ онъ.

— Погоди, погоди—сядь, сядь! обѣ закричали на него.

— Съ другой бы, можетъ быть, такъ и надо сдѣлать, а не съ ней, продолжала Татьяна Марковна.—Тебѣ, сударь, надо было тихонько сказать мнѣ, а я бы съумѣла, лучше тебя, допытаться у нея, любитъ она или нѣтъ? А ты самъ вздумалъ....

— Ейбогу, нечаянно... Татьяна Марковна...

— Да не божитесь: даже слушать тошно...

— Все проклятый соловей надѣлалъ...

— Вотъ теперь «проклятый», а вчера такъ не зналъ цѣны ему.

— Я и не думалъ, и въ голову не приходило—ейбогу... Однако позвольте доложить, въ свое оправданіе, вотъ что: торопился высказать Викентьевъ и ерошилъ голову, и смѣло смотрѣлъ въ глаза имъ обѣимъ.

— Вы хотите, чтобъ я поступилъ, какъ послушный, благонравный мальчикъ, т. е. съѣздилъ бы къ тебѣ, маменька, и спросилъ твоего благословенія, потомъ обратился бы къ вамъ, Татьяна Марковна, и просилъ бы быть истолкователь ницей моихъ чувствъ, потомъ черезъ васъ получилъ бы *да* и при свидѣтеляхъ выслушалъ бы признаніе невѣсты, съ глупой рожей поцѣловалъ бы у ней руку, и оба, не смѣя взглянуть другъ на друга, играли бы комедію, любя съ позволенія старшихъ... Развѣ это счастье?

— А по твоему лучше: ночью въ саду нашептывать дѣвушкѣ... перебила мать.

— Лучше, maman: вспомни себя...

— Каковъ, ахъ ты! обѣ закричали на него: — откуда это у него берется? Соловей что ли, сказалъ тебѣ?

— Да, соловей, онъ пѣлъ, а мы росли: онъ намъ все разсказалъ, и пока мы съ Марѳой Васильевной будемъ живы — мы забудемъ многое, все, но этого соловья, этого вечера, шепота въ саду и ея слезъ никогда не забудемъ. Это-то счастье и есть, первый и лучшій шагъ его—и я благодарю Бога за него и благодарю васъ обѣихъ, тебя, мать, и васъ, бабушка, что вы обѣ благословили насъ... Вы это сами думаете, да только такъ, изъ упрямства, не хотите сознаться: это не честно...

Digitized by Google

У него даже навернулись слезы.

— Еслибъ надо было опять начать, я опять вызвалъ бы Марѳиньку въ садъ... добавилъ онъ.

Татьяна Марковна въ умиленіи обняла его.

— Богъ тебя проститъ, добрый, милый внучекъ! Такъ, такъ: ты правъ, съ тобой, а не съ другимъ, Марѳинька только и могла слушать соловья...

Викентьевъ бросился на колѣни.

— Бабушка, бабушка! говорилъ онъ.

— Вотъ ужъ и бабушка: не рано ли сталъ величать? Да и къ лицу ли тебѣ жениться? погоди года два, три — созрѣй.

— Поумнѣй! подсказала мать: перестань повѣсничать...

— Если бъ вы обѣ не согласились, сказалъ онъ: я бы...

— Что?

— Уѣхалъ бы сегодня же отсюда: и въ гусары пошелъ бы, и долговъ надѣлалъ бы, совсѣмъ пропалъ бы!

— Еще грозитъ! сказала Татьяна Марковна: я вольничать въ домѣ не дамъ — сударь!

— Отдайте мнѣ только Марѳу Васильевну и я буду тише воды, ниже травы: буду слушаться, даже ничего.... не съѣмъ безъ вашего спроса...

— Полно, такъ ли?

— Такъ, такъ—ейбогу....

— Еще отстаньте отъ божбы, а то...

Онъ бросился цѣловать руки Бережковой.

— А кушать все хочется? спросила Татьяна Марковна.

— Нѣтъ, ужъ мнѣ теперь не до ѣды.

— Что жъ: ужъ не отдать ли за него Марѳиньку, Марья Егоровна?

— Не стоитъ, Татьяна Марковна: да и рано. Пусть бы года два...

Онъ налетѣлъ на мать и поцѣлуемъ залѣпилъ ей ротъ.

— Видите, какого сорванца вы пускаете въ домъ? говорила мать, оттолкнувъ его прочь.

— Со мной не смѣетъ, я его уйму—подойди-ка сюда...

Онъ подошелъ къ Татьянѣ Марковнѣ: она его перекрестила и поцѣловала въ лобъ.

— Ухъ! сказалъ онъ, садясь: мучительницы обѣ: зачѣмъ такъ терзали — силъ нѣтъ!

— Впередъ будь умнѣе!

— Гдѣ же Марѳа Васильевна?... я побѣгу....

— Погоди, имѣй терпѣнье... онѣ у меня не такія верченыя! сказала бабушка.

Digitized by Google

— Опять терпѣніе!

— Теперь оно и начинается: полно скакать и бѣгать, ты не мальчикъ, да и она не дитя. Вѣдь самъ говоришь, что соловей вамъ растолковалъ обоимъ, что вы «созрѣли» — ну, такъ и остепенись!

Онъ немного смутился отъ этого справедливаго замѣчанія и скромно остался въ гостиной, пока пошли за Марѳинькой.

— Ни за что не пойду! И сохрани Господи! отвѣчала она и Маринѣ и Василисѣ. Наконецъ, сама бабушка съ Марьей Егоровной отыскали ее за занавѣсками постели, въ углу, подъ образами, и вывели ее оттуда, раскраснѣвшуюся, не одѣтую, старающуюся закрыть лице руками. Обѣ принялись цѣловать ее и успокоивать. Но она на отрѣзъ отказалась идти къ обѣду и къ завтраку, пока всѣ не перебывали у ней въ комнатѣ и не поздравили по очереди.

Точно также она убѣгала и отъ каждаго гостя, который пріѣзжалъ поздравлять, когда вѣсть пронеслась по городу.

Вѣра съ покойной радостью услыхала, когда бабушка сказала ей объ этомъ: «я давно ждала этого» — сказала она.

— Теперь, еслибъ Богъ далъ пристроить тебя... начала было Татьяна Марковна со вздохомъ, но Вѣра остановила ее.

— Бабушка! сказала она съ торопливымъ трепетомъ: ради Бога, если любите меня, какъ я васъ люблю... то обратите всѣ попеченія на Марѳиньку. Обо мнѣ не заботьтесь...

— Развѣ я тебя меньше люблю? Можетъ быть, у меня сердце больше болитъ по тебѣ...

— Знаю, и это мучаетъ меня.... Бабушка! почти съ отчаяніемъ молила Вѣра — вы убьете меня, если у васъ сердце будетъ болѣть обо мнѣ....

— Что ты говоришь, Вѣрочка? опомнись....

— Это убьетъ меня, я говорю не шутя, бабушка.

— Да чѣмъ, чѣмъ: что у тебя на умѣ, что на сердцѣ? говорила тоже почти съ отчаяніемъ бабушка: развѣ не станетъ разумѣнія моего, или сердца у меня нѣтъ, что твое счастье или несчастье... чужое мнѣ?..

— Бабушка! у меня другое счастье и другое несчастье, нежели у Марѳиньки. Вы добры, вы умны, дайте мнѣ свободу...

— Ты успокой меня: скажи только, что съ тобой?..

— Ничего, бабушка, нѣтъ: только не старайтесь пристроивать меня...

— Ты горда, Вѣра! съ горечью сказала старушка.

— Да, бабушка — можетъ быть: что же мнѣ дѣлать?

— Не Богъ вложилъ въ тебя эту гордость!

Digitized by Google

Вѣра не отвѣчала, но страдала невыразимо отъ того, что бабушка не понимала ее, что она не могла растолковать себя ей. Она металась въ тоскѣ.

— Открой мнѣ душу: я пойму, можетъ быть, съумѣю облегчить горе, если есть...

— Когда оно настанетъ—и я не справлюсь одна.... тогда я приду къ вамъ—и ни къ кому больше, да къ Богу! Не мучьте меня теперь и не мучьтесь сами.... Не ходите, не смотрите за мной....

— Не поздно ли будетъ тогда, когда горе придетъ?.. прошептала бабушка. — Хорошо, прибавила она вслухъ: успокойся, дитя мое! я знаю, что ты не Марѳинька, и тревожить тебя не стану.

Она поцѣловала ее со вздохомъ и ушла скорыми шагами, понуривъ голову. Это было единственное темное облачко, помрачавшее ея радость: и она усердно молилась, чтобы оно пронеслось, не сгустившись въ тучу.

Вѣра долго ходила взволнованная по саду и мало по малу успокоилась. Въ бесѣдкѣ она увидѣла Марѳиньку и Викентьева и быстро пошла къ нимъ. Она еще не сказала ни слова Марѳинькѣ послѣ новости, которую узнала утромъ.

Она подошла къ ней, пристально и ласково поглядѣла ей въ глаза, потомъ долго цѣловала ей глаза, губы, щеки. Положивъ ея голову, какъ ребенка, на руку себѣ, она любовалась ея чистой, младенческой красотой, и крѣпко сжала въ объятіяхъ.

— Ты должна быть счастлива! сказала она.

— И будетъ! подсказалъ Викентьевъ.

— Ты, Вѣрочка, будешь еще счастливѣе меня! отвѣчала Марѳинька, краснѣя.—Посмотри, какая ты красавица, какая умная—мы съ тобой—какъ будто не сестры! здѣсь нѣтъ тебѣ жениха. Правда, Николай Андреевичъ?

Вѣра ничего не отвѣчала и пожала ей руку.

— Николай Андреевичъ, знаете ли, кто она? спросила Вѣра, указывая на Марѳиньку.

— Ангелъ! отвѣчалъ онъ безъ запинки, какъ солдатъ на перекличкѣ.

— Ангелъ! съ улыбкой передразнила она его.

— Вонъ она кто, сказала она, указывая на кружившуюся около цвѣтка бабочку: троньте неосторожно, цвѣтъ крыльевъ пропадетъ, пожалуй, и совсѣмъ крыло оборвете. Смотрите же, балуйте, любите, ласкайте ее, но Боже сохрани—огорчить! Когда придетъ охота обрывать крылья, такъ идите ко мнѣ: я васъ тогда!.. заключила она, ласково погрозивъ ему.

Digitized by Google

XIX.

Черезъ недѣлю послѣ радостнаго событія, все въ домѣ пришло въ прежній порядокъ. Мать Викентьева уѣхала къ себѣ, Викентьевъ сдѣлался ежедневнымъ гостемъ и почти членомъ семьи. И онъ, и Марѳинька, не скакали уже: оба были сдержаннѣе, и только иногда живо спорили, или пѣли, или читали вдвоемъ.

Но между ними не было мечтательнаго, поэтическаго размѣна чувствъ, ни оборота тонкихъ, изысканныхъ мыслей, съ безконечными оттѣнками ихъ, съ роскошнымъ узоромъ фантазіи — всей этой игрой, этихъ изящныхъ и неистощимыхъ наслажденій развитыхъ умовъ. Духъ анализа тоже не касался ихъ, и пищею обмѣна ихъ мыслей была прочитанная повѣсть, доходившія изъ столицы новости, да поверхностныя впечатлѣнія окружающей природы и быта. Поэзія, чистая, свѣжая, природная, всѣмъ ясная и открытая, билась живымъ родникомъ— въ ихъ здоровьи, молодости, открытыхъ, неиспорченныхъ сердцахъ. Ихъ не манила даль къ себѣ; у нихъ не было никакого тумана, никакихъ гаданій. Перспектива была ясна, проста, и обоимъ имъ одинаково открыта. Горизонтъ наблюденій и чувствъ ихъ былъ тѣсенъ. Марѳинька зажимала уши, или уходила вонъ, лишь только онъ, въ объясненіяхъ своихъ, выйдетъ изъ предѣловъ обыкновенныхъ выраженій, и заговоритъ о любви къ ней языкомъ романа или повѣсти. Ихъ сближеніе было просто и естественно, какъ указывала натура, сдержанная чистой нравственностью и облагороженная моралью бабушки. Марѳинька до свадьбы не дала ему ни одного поцѣлуя, никакой почти лишней противъ прежняго ласки—и на украденный имъ поцѣлуй продолжала смотрѣть, какъ на дерзость, и грозила уйдти, или пожаловаться бабушкѣ. Но неумышленно, когда онъ не дѣлалъ никакихъ любовныхъ прелюдій, а просто бралъ ее за руку, она давала ему руку, брала сама его руку, опиралась ему довѣрчиво на плечо, позволяла переносить себя черезъ лужи, и даже, шаля, ерошила ему волосы, или напротивъ возьметъ гребенку, щетку, близко подойдетъ къ нему, такъ-что головы ихъ касались, причешетъ его, сдѣлаетъ проборъ и пожалуй напомадитъ голову. Но если онъ возьметъ ее въ это время за талію, или поцѣлуетъ, она покраснѣетъ, броситъ въ него гребенку и уйдетъ прочь.

Свадьба была отложена до осени по какимъ-то хозяйственнымъ соображеніямъ Татьяны Марковны — и въ домѣ постепенно готовили приданое. Изъ кладовыхъ вынуты были старинныя кружева, отобрано было родовое серебро, золото, раз-

Digitized by Google

дѣлены на двѣ равныя половины посуда, бѣлье, мѣха, разныя вещи, жемчугъ, брильянты. Татьяна Марковна, съ аккуратностью жида, пускалась опредѣлять золотники, караты, взвѣшивала жемчугъ, призывала ювелировъ, золотыхъ и другихъ дѣлъ мастеровъ.

— Вотъ, смотри, Вѣрочка, это твое, а это Марѳинькино — ни одной нитки жемчугу, ни одного лишняго лота, ни та, ни другая, не получитъ. Смотрите обѣ!

Но Вѣра не смотрѣла. Она отодвигала кучу жемчуга и брильянты, смѣшивала ихъ съ Марѳинькиными и объявила, что ей немного надо. Бабушка сердилась и опять принималась разбирать и дѣлить на двѣ половины. Райскій выписалъ отъ опекуна еще свои фамильные брильянты и серебро, доставшееся ему послѣ матери и подарилъ ихъ обѣимъ сестрамъ. Но бабушка погребла ихъ въ глубину своихъ сундуковъ, до поры до времени: «понадобятся и самому», говорила она: «вздумаешь жениться.» Онъ закрѣпилъ и домъ съ землей и деревней за обѣими сестрами, за что́ обѣ онѣ опять по своему благодарили его. Бабушка хмурилась, косилась, ворчала, потомъ не выдержала и обняла его. «Совсѣмъ необыкновенный ты, Борюшка: сказала она — какой-то хорошій уродъ! Богъ тебя вѣдаетъ, кто ты есть!»

Въ домѣ, въ дѣвичьей, въ кабинетѣ бабушки, даже въ гостиной, и еще двухъ комнатахъ, разставлялись столы съ шитьемъ бѣлья. Готовили парадную постель, кружевныя подушки, одѣяло. По утрамъ ходили портнихи, швеи. Викентьевъ выпросился въ Москву заказывать гардеробъ, экипажи — и тутъ только проговорилось чувство Марѳиньки: она залилась обильными слезами, отъ которыхъ у ней распухли носъ и глаза. Глядя на нее заплакалъ и Викентьевъ, не отъ горя, а потому, объяснилъ онъ, что не можетъ не заплакать, когда плачутъ другіе, и не смѣяться тоже не можетъ, когда смѣются около него. Марѳинька поглядѣла на него, сквозь слезы, и вдругъ перестала плакать. «Я не пойду за него — бабушка: посмотрите, онъ и плакать-то не умѣетъ путемъ! У людей слезы по щекамъ текутъ, а у него по носу: вонъ какая слеза, съ горошину, повисла на самомъ концѣ!»... Онъ поспѣшно утеръ слезу. «У меня, видите, такой желобокъ есть прямо къ носу»... сказалъ онъ и сунулся было поцѣловать у невѣсты руку, но она не дала. Черезъ часъ послѣ его отъѣзда она, по прежнему, уже пѣла: *Ненаглядный ты мой, какъ люблю я тебя!* На дворъ приводили лошадей, за которыми Викентьевъ ѣздилъ куда-то на заводъ. Словомъ, домъ кипѣлъ веселою дѣятельностью, которой не замѣчали только Райскій и Вѣра.

Digitized by Google

Райскій ничего впрочемъ не замѣчалъ, кромѣ ея. Онъ старался развлекаться, ѣздилъ верхомъ по полямъ, дѣлалъ даже визиты.

У губернатора встрѣчалъ нѣсколько совѣтниковъ, какого-нибудь крупнаго помѣщика, посланнаго изъ Петербурга адъютанта; разговоры шли о томъ, что̀ дѣлается въ Петербургскомъ мірѣ, или о деревенскомъ хозяйствѣ, объ откупахъ. Но все это мало развлекало его. Онъ, между прочимъ, нехотя, но исполнилъ просьбу Марка и сказалъ губернатору, что книги привезъ онъ и далъ кое-кому изъ знакомыхъ, а тѣ ужъ передали въ гимназію. Книги отобрали и сожгли. Губернаторъ посовѣтовалъ Райскому быть осторожнѣе, но въ Петербургъ не донесъ, чтобъ «не возбуждать тамъ вопроса».

Маркъ, по своему, опять ночью, пробрался къ нему черезъ садъ, чтобъ узнать, чѣмъ кончилось дѣло. Онъ и не думалъ благодарить за эту услугу Райскаго, а только сказалъ, что такъ и слѣдовало сдѣлать, и что онъ ему, Райскому, уже тѣмъ однимъ много сдѣлалъ чести, что ожидалъ отъ него такого простого поступка, потому что поступить иначе, значило бы быть «доносчикомъ и шпіономъ.»

Леонтья Райскій видалъ рѣдко и въ домъ къ нему избѣгалъ ходить. Тамъ, страстными взглядами и съ затаеннымъ смѣхомъ въ неподвижныхъ чертахъ, встрѣчала его внутренно торжествующая Ульяна Андреевна. А его угрызало воспоминаніе о томъ, какъ онъ великодушно исполнилъ свой «долгъ». Онъ хмурился и спѣшилъ вонъ. Она употребила другой маневръ: сказала мужу, что другъ его знать ее не хочетъ, не замѣчаетъ, какъ будто она была мебель въ домѣ, пренебрегаетъ ею, что это ей очень обидно и что виноватъ во всемъ мужъ, который не умѣетъ привлечь въ домъ порядочныхъ людей и заставить уважать жену.

— Поговори хоть ты, жаловалась она: отложи свои книги, займись мною!

Козловъ въ тотъ же вечеръ буквально исполнилъ порученіе жены, когда Райскій остановился у его окна.

— Зайди, Борисъ Павловичъ: ты совсѣмъ меня забылъ, сказалъ онъ: вонъ и жена жалуется.....

— А она на что жалуется? спросилъ Райскій, входя въ комнату.

— Да думаетъ, что ты пренебрегаешь ею. Я говорю ей, вздоръ: онъ не гордъ совсѣмъ—вѣдь ты не гордъ? да? Но онъ, говорю, поэтъ: у него свои идеалы — до тебя ли, рыжей, ему? Ты бы ее побаловалъ, Борисъ Павловичъ: зашелъ бы къ ней когда-нибудь безъ меня, когда я въ гимназіи.

Digitized by Google

Райскій, отворотясь отъ него, смотрѣлъ въ окно.

— Или еще лучше: приходи по четвергамъ, да по субботамъ вечеромъ: въ эти дни я въ трехъ домахъ уроки даю. Почти въ полночь прихожу домой. Вотъ ты и пожертвуй вечеръ: поволочись немного, пококетничай! Вѣдь ты любишь болтать съ бабами! А она только тобой и бредитъ....

Райскій сталъ глядѣть въ другое окно.

— Самъ я не умѣю, продолжалъ Леонтій: извѣстно, мужъ— она любитъ, я люблю — мы любимъ... Это спряженіе мнѣ и въ гимназіи надоѣло. Вся ея любовь — всѣ ея заботы, жизнь — все мое.....

Райскій кашлянулъ. «Хоть бы намекнуть какъ-нибудь ему!» подумалъ онъ.

— Полно — такъ-ли, Леонтій? сказалъ онъ.

— А какъ же?

— «Вся любовь», говоришь ты?

— Да, конечно. Она даже ревнуетъ меня къ моимъ грекамъ и римлянамъ. Она ихъ терпѣть не можетъ: живыхъ людей любитъ, добродушно смѣясь заключилъ Козловъ.—Эти женщины, право, однѣ и тѣже во всѣ времена, продолжалъ онъ.—Вонъ у римскихъ матронъ, даже у женъ кесарей, консуловъ, патриціевъ — всегда хвостъ цѣлый..... Мнѣ—Богъ съ ней: мнѣ не до нея, это домашнее дѣло. У меня есть занятіе. Заботлива, вѣрна— и я иногда, признаюсь, шепотомъ прибавилъ онъ: измѣняю ей, забываю, есть-ли она въ домѣ, нѣтъ ли.....

— Напрасно! сказалъ Райскій.

— Нѣкогда: вотъ въ прошломъ мѣсяцѣ попались мнѣ два нѣмецкихъ тома — Оукидидъ и Тацитъ. Нѣмцы и того и другого чуть наизнанку не выворотили. Знаешь, и у меня терпѣнія не хватило услѣдить за мелочью. Я зарылся,—а ей, говоритъ она, «тошно смотрѣть на меня!» Вотъ хоть ты бы зашелъ. Спасибо еще французъ Шарль не забываетъ... Болтунъ веселый — ей и не скучно!

— Прощай, Леонтій, сказалъ Райскій. — Напрасно ты пускаешь этого Шарля!....

— А что? не будь его, вѣдь она бы мнѣ покоя не дала. Отъ чего не пускать?

— А чтобъ не было «хвоста», какъ у римскихъ матронъ.

— Къ моей Улинькѣ, какъ къ женѣ кесаря, не смѣетъ коснуться и подозрѣніе!.. съ юморомъ замѣтилъ Козловъ.—Приходи же — я ей скажу.....

— Нѣтъ, не говори, да не пускай и Шарля! сказалъ Райскій, уходя проворно вонъ.

Digitized by Google

Къ Полинѣ Карповнѣ Райскій не показывался, но она показывалась къ нему въ домъ, надоѣдая, то ему — своими прѣсными нѣжностями, то бабушкѣ — непрошенными совѣтами на счетъ свадебныхъ приготовленій, и особенно — размышленіями о томъ, что «бракъ есть могила любви», что избранныя сердца, не смотря на всѣ препятствія, встрѣчаются и внѣ брака, при чемъ нѣжно поглядывала на Райскаго. Онъ раза два еще писалъ ея портретъ и все не кончалъ, говоря, что не придумалъ, во что̀ ее одѣть и какой цвѣтокъ нарисовать на груди. «Желтая далія мнѣ будетъ къ лицу — я брюнетка!» совѣтовала она. «Хорошо, послѣ, послѣ!» отдѣлывался онъ.

Титъ Никонычъ являлся всегда одинакій, вѣжливый, любезный, подходящій къ ручкѣ бабушки и подносящій ей цвѣтокъ, или рѣдкій фруктъ. Опенкинъ, всегда рѣчистый, неугомонный, подъ конецъ пьяный, — барыни и барышни, являвшіяся теперь потанцовать къ невѣстѣ, и молодые люди, — все это надоѣдало Райскому и Вѣрѣ — и оба они искали, онъ — ее, а она — уединенія, и были только счастливы, онъ — съ нею, а она — одна, когда ее никто не видитъ, не замѣчаетъ, когда она пропадаетъ «какъ духъ» въ деревню, съ обрыва въ рощу, или за Волгу, къ своей попадьѣ.

XX.

«Вотъ страсти хотѣлъ, — размышлялъ Райскій: напрашивался на нее, а не знаю, страсть-ли это! Я ощупываю себя, есть ли страсть, какъ будто хочу узнать, цѣлы-ли у меня ребра, или нѣтъ-ли какого-нибудь вывиха? Вонъ и сердце не стучитъ! Видно я самъ неспособенъ испытывать страсть!»

Между тѣмъ Вѣра не шла у него съ ума. «Если она не любитъ меня, какъ говоритъ и какъ видно по всему, то зачѣмъ удержала меня? зачѣмъ позволила любить? Кокетство, капризъ, или... Надо бы допытаться...» шепталъ онъ.

Онъ искалъ глазами ее въ саду и замѣтилъ у окна ея комнаты.

Онъ подошелъ къ ея окну.

— Вѣра! Можно придти къ тебѣ? спросилъ онъ.

— Можно, только не надолго.

— Вотъ ужъ и не надолго. Лучше бы не предупреждала, а когда нужно — и прогнала бы, — сказалъ онъ, войдя и садясь напротивъ. — Отчего же не надолго?

Digitized by Google

— Оттого, что я скоро уѣду на островъ. Туда пріѣдетъ Натали и Иванъ Ивановичъ, и Николай Ивановичъ...

— Это священникъ?

— Да: онъ рыбу ловить собирается, а Иванъ Ивановичъ зайцевъ стрѣлять.

— Вотъ и я бы пришелъ.

Она молчала.

— Или не надо?

— Лучше не надо, а то вы разстроите нашъ кружокъ. Священникъ начнетъ умныя вещи говорить, Натали будетъ дичиться, а Иванъ Ивановичъ промолчитъ все время.

— Ну, не приду, сказалъ онъ, и положивъ подбородокъ на руки, сталъ смотрѣть на нее. Она оставалась нѣсколько времени безъ дѣла, потомъ вынула изъ стола портфѣль, сняла съ шеи маленькій ключикъ и отперла, приготовляясь писать.

— Что это, не письма ли?

— Да, двѣ записки, одну въ отвѣтъ на приглашеніе Натальи Ивановны. Кучеръ ждетъ.

Она написала нѣсколько словъ и запечатала.

— Послушайте, братъ — закричите кого-нибудь въ окно. — Онъ исполнилъ ея желаніе, Марина пришла и получила приказаніе отдать записку кучеру Василью. Потомъ Вѣра сложила руки.

— А другую записку? спросилъ Райскій.

— Еще успѣю.

— А! Значитъ секретъ!

— Можетъ быть!

— Долго ли, Вѣра, у тебя будутъ секреты отъ меня?

— Если будутъ, такъ будутъ всегда.

— Еслибъ ты знала меня короче — ты бы ихъ всѣ ввѣрила мнѣ, сколько ихъ ни есть...

— Зачѣмъ?

— Такъ нужно — я люблю тебя.

— А мнѣ не нужно...

— Но вѣдь это единственный способъ отдѣлаться отъ меня, если я тебѣ несносенъ.

— Нѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ вы нѣсколько измѣнились, я не хочу отдѣлываться отъ васъ.

— И даже позволила любить себя.

— Я пробовала запретить — что же вышло?

— И ты рѣшилась махнуть рукой?

— Да, оставить вамъ на волю: думала, лучше пройдетъ, нежели когда мѣшаешь. Кажется, такъ и вышло... Вы же сами учили, что «противорѣчія только раздражаютъ страсть...»

Digitized by Google

— Какая однако ты хитрая! сказалъ онъ, глядя на нее лукаво. — А зачѣмъ остановила меня, когда я хотѣлъ уѣхать?

— Не уѣхали бы: исторія съ чемоданомъ мнѣ все разсказала.

— Такъ ты думаешь, страсть прошла?

— Никакой страсти не было: самолюбіе, воображеніе. Вы артистъ: влюбляетесь во всякую красоту...

— Пожалуй, въ красоту болѣе или менѣе, но ты — красота красотъ, всяческая красота! Ты — бездна, въ которую меня влечетъ невольно: голова кружится, сердце замираетъ — хочется счастья — пожалуй, вмѣстѣ съ гибелью. И въ гибели есть какое-то обаяніе...

— Это вы уже все говорили — и это нехорошо.

— Отчего нехорошо?

— Нехорошо.

— Да почему?

— Потому что... преувеличенно... слѣдовательно — ложь.

— А если правда, если я искренен?

— Еще хуже.

— Почему?

— Потому что безнравственно.

— Вотъ тебѣ разъ! Вѣра!... Помилуй! Ты точно бабушка!

— Да, на этотъ разъ я на ея сторонѣ.

— Безнравственно!

— Безнравственно: вы идете по слѣдамъ Донъ-Жуана: но вѣдь и тотъ гадокъ...

— Говори мнѣ, что я гадокъ, если я гадокъ, Вѣра, а не бросай камень въ то, чего не понимаешь. Искренній Донъ-Жуанъ чистъ и прекрасенъ: онъ гуманный, тонкій артистъ, типъ — chef-d'oeuvre между человѣками. Такихъ конечно немного. Я увѣренъ, что въ байроновскомъ Донъ-Жуанѣ пропадалъ художникъ. Это влеченіе къ всякой видимой красотѣ, всего болѣе къ красотѣ женщины, какъ лучшаго созданія природы, обличаетъ высшіе человѣческіе инстинкты, влеченіе и къ другой красотѣ, невидимой, къ идеаламъ добра, изящества души, къ красотѣ жизни! Наконецъ, подъ этими нѣжными инстинктами, у тонкихъ натуръ кроется потребность всеобъемлющей любви! Въ толпѣ, въ грязи, въ тѣснотѣ, грубѣютъ эти тонкіе инстинкты природы... Во мнѣ есть немного этого чистаго огня: и если онъ не остался до конца чистымъ, то виноваты... многіе... и даже сами женщины...

— Можетъ быть, братъ, я не понимаю Донъ-Жуана; я готова вѣрить вамъ... Но зачѣмъ вы выражаете страсть ко мнѣ, когда знаете, что я не раздѣляю ее?

Digitized by Google

— Нѣтъ, не знаю.

— Ахъ, вы все еще надѣетесь! сказала она съ удивленіемъ.

— Я тебѣ сказалъ, что во мнѣ не можетъ умереть надежда, пока я не узнаю, что ты не свободна, любишь кого-нибудь...

— Хорошо, братъ: положимъ, что я могла бы раздѣлить вашу страсть — тогда что?

— Какъ что? Обоюдное счастье!

— Вы увѣрены, что могли бы дать его мнѣ?

— Я — о Боже, Боже! съ пылающими глазами началъ онъ:— да я всю жизнь отдалъ бы — мы поѣхали бы въ Италію — ты бы была моей женой...

Она поглядѣла на него нѣсколько времени.

— Сколько разъ вы предлагали женщинамъ такое счастье? спросила она.

— Бывали, конечно, встрѣчи, но такого сильнаго впечатлѣнія никогда...

— Скажите еще: сколько разъ говорили вы вотъ эти самыя слова: не каждой ли женщинѣ при каждой встрѣчѣ?

— Что ты хочешь сказать этими вопросами, Вѣра? Можетъ быть, я говорилъ и многимъ, но никогда такъ искренно.

Она глядѣла на него, а онъ на нее.

— Кто тебя развилъ такъ, Вѣра? спросилъ онъ.

— Довольно, перебила она. — Вы высказались въ короткихъ словахъ. Видите ли, вы дали бы мнѣ счастье на полгода, на годъ, можетъ быть больше, словомъ до новой встрѣчи, когда красота, новѣе и сильнѣе, поразила бы васъ и вы увлеклись бы за нею, а я потомъ — какъ себѣ хочу! Сознайтесь, что такъ?

— Почему ты знаешь это? Зачѣмъ такъ судишь меня легко? Откуда у тебя эти мысли, какъ ты узнала ходъ страстей?..

— Я хода страстей не знаю, но узнала немного васъ — вотъ и все.

— Что-жъ ты узнала и отъ кого?

— Отъ васъ самихъ.

— Отъ меня? Когда?

— Какая же у васъ слабая память! Не вы ли разсказывали, какъ васъ тронула красота Бѣловодовой и какъ напрасно вы бились пробудить въ ней... лучь... или ключъ... или... ужь не помню, какъ вы говорили, только очень поэтически...

— Бѣловодова! Это — статуя, прекрасная, но холодная, и безъ души. Ее могъ бы полюбить развѣ Пигмаліонъ...

— А Наташа?

— Наташа! Развѣ я тебѣ говорилъ о Наташѣ?

— Забыли!

Digitized by Google

— Наташа была хорошенькая, но безцвѣтная, робкая натура. Она жила, пока грѣли лучи солнца, пока любовь обдавала ее тепломъ, а при первой невзгодѣ она надломилась и зачахла. Она родилась, чтобъ какъ можно скорѣе умереть.

— А о Марѳинькѣ что говорили? Чуть не влюбились.

— Это все такъ, легкія впечатлѣнія: на одинъ, на два дня... Все равно, какъ бы я любовался картиной... Развѣ это преступленіе — почувствовать прелесть красоты, какъ теплоты солнечныхъ лучей, подчиниться на недѣлю-другую впечатлѣнію, не давая ему серьезнаго хода?...

— А самое сильное впечатлѣніе на полгода? Такъ?

— Нѣтъ, не такъ. Еслибъ, напримѣръ, ты раздѣлила мою страсть, мое впечатлѣніе упрочилось бы навсегда, мы бы женились.... Стало быть на всю жизнь. Идеалъ полнаго счастья у меня неразлученъ съ идеаломъ семьи...

— Послушайте, братъ. Вспомните самое сильное изъ вашихъ прежнихъ впечатлѣній и представьте, что та женщина, которая его на васъ сдѣлала, была бы теперь вашей женой...

— Кто тебя развиваетъ, ты вотъ что скажи, а ты все уклоняешься отъ отвѣта!

— Да вы сами. Я все изъ вашихъ разговоровъ почерпаю.

— Ты прелесть, Вѣра: ты наслажденіе: у тебя столько же красоты въ умѣ, сколько въ глазахъ! Ты вся — поэзія, грація, тончайшее произведеніе природы! — Ты, и идея красоты, и воплощеніе идеи — и не умирать отъ любви къ тебѣ! Да развѣ я дерево! Вонъ Тушинъ, и тотъ таетъ...

Она сдѣлала движеніе.

— Оставимъ это: ты меня не любишь, еще немного времени, впечатлѣніе мое поблѣднѣетъ, я уѣду и ты никогда не услышишь обо мнѣ. Дай мнѣ руку, скажи дружески, кто училъ тебя, Вѣра — кто этотъ цивилизаторъ? Не тотъ ли, что письма пишетъ на синей бумагѣ...

— Можетъ быть — и онъ. Прощайте, братъ, вы кстати напомнили. Мнѣ надо писать...

— И вотъ счастье гдѣ: и «возможно» и «близко», а не дается! говорилъ онъ.

— Вы можете быть по своему счастливы и безъ меня, съ другой...

— Съ кѣмъ, скажи! Гдѣ онѣ, эти женщины?..

— А тѣ, кто отдаетъ въ наймы сердце на мѣсяцъ, на полгода, на годъ, — а не со мной! прибавила она.

— И ты не вѣришь мнѣ, и ты не понимаешь. Кто же повѣритъ и пойметъ!

Digitized by Google

Онъ задумался, а она взяла бумагу, опять написала карандашемъ нѣсколько словъ и свернула записку.

— Не позвать ли Марину? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не надо.

Она спрятала записку за платье на грудь, взяла зонтикъ, кивнула ему и ушла.

Райскій, не сказавши никому ни слова въ домѣ, ушелъ послѣ обѣда на Волгу, подумывая незамѣтно пробраться на островъ и высматривалъ мѣсто поудобнѣе, чтобы переправиться черезъ рукавъ Волги. Переправы тутъ не было, и онъ глядѣлъ вокругъ, не увидитъ ли какого-нибудь рыбака. Онъ прошелъ берегомъ съ полверсты, и наконецъ набрелъ на мальчишекъ, которые въ полусгнившей, наполненной до половины водой лодкѣ, удили рыбу. Они за гривенникъ съ радостью взялись перевезти его и сбѣгали въ хижину отца за веслами. «Куда везти?» спросили они. «Все равно, причаливайте, гдѣ хотите». «Вонъ тамъ можно выйти», указывалъ одинъ. «Вонъ-вось гдѣ: тутъ баринъ съ барыней недавно вылазили....» «Какой баринъ?» «Кто ихъ знаетъ! Съ горы какіе-то».

Райскій вышелъ изъ лодки и сталъ смотрѣть: «не Вѣра ли?» думалъ онъ. Если она—онъ сейчасъ узнаетъ ея тайну... У него забилось сердце. Онъ шелъ въ осокѣ тихо, осторожно, боясь кашлянуть. Вдругъ онъ услышалъ плескъ воды, тихо раздвинулъ осоку и увидѣлъ.... Ульяну Андреевну.

Она, закрытая совсѣмъ кустами, сидѣла на берегу, съ обнаженными ногами, опустивъ ихъ въ воду, распустивъ волосы, и какъ русалка, мочила ихъ, нагнувшись съ берега. Райскій саженъ сто прошелъ дальше, обогнулъ утесъ и тамъ, стоя по горло въ водѣ, купался М-г Шарль. Райскій, незамѣченный имъ, ушелъ и сталъ пробираться, между шиповника, къ небольшимъ озерамъ, полагая, что общество вѣрно расположилось тамъ. Вскорѣ онъ услышалъ еще шаги неподалеку отъ себя и притаился. Мимо его прошелъ Маркъ. Райскій окликнулъ его.

— А, здравствуйте, сказалъ Волоховъ, — отъ кого вы тутъ прячетесь?

— Я не прячусь.... иначе бы не остановилъ васъ.

— Да вы не отъ меня прячетесь, а отъ кого-нибудь другого. Признайтесь, вы ищете вашу красавицу-сестру. Нехорошо, нечестно: проиграли пари и не платите....

— Вы почемъ знаете, что она здѣсь?

— Я пошелъ-было утокъ стрѣлять на озеро, а они всѣ тамъ сидятъ. И попъ тамъ, и Тушинъ, и попадья, и... ваша Вѣра, съ насмѣшкой сказалъ онъ. — Подите, подите туда.

Digitized by Google

— Я не хочу, я не туда шелъ.

— Не стыдитесь меня, я все вижу. Вы хотѣли робко посмотрѣть на нее издали—да? Вамъ скучно, постыло въ домѣ, когда ея нѣтъ тамъ.

— Какой вздоръ! я просто гулялъ.

— Давайте триста рублей!

Райскій пошелъ опять туда, гдѣ оставилъ мальчишекъ. За нимъ шелъ и Маркъ. Они прошли мимо того мѣста, гдѣ купался Шарль. Райскій хотѣлъ-было пройти мимо, но изъ кустовъ, навстрѣчу имъ, вышелъ французъ, а съ другой стороны, по тропинкѣ, приближалась Ульяна Андреевна, съ распущенными, мокрыми волосами.

Оба хотѣли спрятаться, но Маркъ закричалъ имъ.

— Charmé de vous voir tous le deux! честь имѣю рекомендоваться!

М-г Шарль вышелъ изъ-за кустовъ.

— М-г Райскій, М-г Шарль! представлялъ насмѣшливо ихъ Маркъ другъ другу.

— Ульяна Андреевна! пожалуйте сюда, не прячьтесь: вѣдь видѣли: все свои лица, не бойтесь!

— Никто не боится! сказала она, выходя нѐ-хотя и стараясь не глядѣть на Райскаго.

— И оба мокрые! сказалъ Волоховъ.

— Самый непріятный мужчина въ цѣломъ свѣтѣ! съ крѣпкой досадой шепнула Ульяна Андреевна Райскому про Марка.

— Ну, прощайте, я пойду, сказалъ Маркъ. — А что Козловъ дѣлаетъ? Отчего не взяли его съ собой провѣтрить? Вѣдь и при немъ можно.... купаться—онъ не увидитъ. Вонъ бы тутъ подъ деревомъ изъ Гомера декламировалъ, заключилъ онъ, и поглядѣвши дерзко на Ульяну Андреевну и на М-г Шарля, ушелъ.

— Il faut que je donne une bonne leçon à ce mauvais drôle! хвастливо сказалъ М-г Шарль, когда Маркъ скрылся изъ вида.

Потомъ всѣ трое воротились домой.

— Ну, вотъ, я тебѣ очень благодаренъ, говорилъ Козловъ Райскому, что ты прогулялся съ женой....

— На этотъ разъ благодари вотъ М-г Шарля, сказалъ Райскій.

— Mercі, mercі, M-r Charles!

— Bien, très-bien, cher collègue, отвѣчалъ Шарль, трепля его по плечу.

Digitized by Google

XXI.

Райскій пришелъ домой злой, не ужиналъ, не пошутилъ съ Марѳинькой, не подразнилъ бабушку и ушелъ къ себѣ. И на другой день онъ сошелъ такой же мрачный и недовольный. Погода была еще мрачнѣе. Шелъ мелкій, непрерывный дождь. Небо покрыто было не тучами, а какимъ-то паромъ. На окрестности лежалъ туманъ. Вѣра была тоже не весела. Она закутана была въ большой платокъ, и на вопросъ бабушки, что съ ней, отвѣчала, что у ней былъ ночью ознобъ. Посыпались разспросы, упреки, что не разбудила, предложенія — напиться липоваго цвѣта и поставить горчишники. Вѣра рѣшительно отказалась, сказавъ, что чувствуетъ себя теперь совсѣмъ здоровою.

Всѣ трое сидѣли молча, зѣвали, или перекидывались изрѣдка вопросомъ и отвѣтомъ.

— Вы были тоже на островѣ? спросила Вѣра Райскаго.

— Да, сказалъ онъ: — ты почемъ знаешь?

— Я слышала, какъ Егоръ жаловался кому-то на дворѣ, что платье все въ глинѣ да въ тинѣ у васъ — насилу отчистилъ: «должно быть, на островѣ былъ» говорилъ онъ.

— Ты все слышишь, замѣтилъ онъ. — Я былъ не одинъ: Маркъ былъ, еще жена Козлова....

— Вотъ нашелъ съ кѣмъ гулять: у ней есть провожатый, сказала бабушка, — М-г Шарль.

— И онъ былъ!

Опять замолчали, и уже собрались разойтись, какъ вдругъ явилась Марѳинька.

— Ахъ, бабушка, какъ я испугалась: страшный сонъ видѣла! сказала она, еще не поздоровавшись.—Какъ бы не забыть!

— Какой такой, разскажи. Что это ты блѣдна сегодня?

— Разсказывай скорѣй! говорилъ Райскій. — Давайте сны разсказывать, кто какой видѣлъ. И я вспомнилъ свой сонъ: странный такой! Начинай, Марѳинька! Сегодня скука, слякоть — хоть сказки давайте сказывать!

— Сейчасъ, сейчасъ, погодите: черезъ пять минутъ пріѣдетъ Николай Андреичъ, я при немъ разскажу.

— Ужъ и черезъ пять минутъ! сказала бабушка: — почемъ ты знаешь? Дожидайся: онъ еще спитъ!

— Нѣтъ, пріѣдетъ — я ему велѣла! кокетливо сказала Марѳинька.—Нынче крестятъ дѣвочку въ деревнѣ, у Ѳомы: я обѣщала придти, а онъ меня проводитъ.

— Такъ ты для деревенскихъ крестинъ новое барежевое

Digitized by Google

платье надѣла, да еще въ этакій дождь! Кто тебя пуститъ, — скинь, скинь, сударыня! повелительно сказала Татьяна Марковна.

— Скину, бабушка, я надѣла только примѣрять.

— Вѣдь ужъ примѣривали.

— Оставьте ее, бабушка, она жениху хочетъ показаться въ новомъ платьѣ.

Марѳинька покраснѣла.

— Вотъ вы какіе: я совсѣмъ не для того! съ досадой сказала она, что угадали: — пойду, сейчасъ скину!

Райскій удержалъ ее за руку; она вырвалась, и только отворила дверь, какъ на встрѣчу ей явился Викентьевъ и распростеръ руки, чтобъ не пустить ее.

— Придите скорѣй — зачѣмъ опоздали? говорила она, краснѣя отъ радости и отбиваясь, когда онъ хотѣлъ непремѣнно поцѣловать у ней руку.

— Что это у васъ за гадкая привычка цѣловать въ ладонь? говорила она, отнимая у него руки: — всю руку изломаете.

— Ладонь такая тепленькая у васъ, душистая, позвольте....

— Подите прочь: вы еще съ бабушкой не поздоровались!

Онъ поцѣловалъ у бабушки руку, потомъ комически раскланялся съ Райскимъ и съ Вѣрой.

— Разсказывайте, что̀ видѣли во снѣ, сказалъ ему Райскій: — скорѣе, скорѣе!

— Нѣтъ, я прежде разскажу, перебила Марѳинька.

— Ахъ, нѣтъ, позвольте — я видѣлъ отличный сонъ, торопился сказать Викентьевъ, — будто я....

— Нѣтъ, дайте мнѣ разсказать, говорила Марѳинька.

— Позвольте, Марѳа Васильевна, а то забуду, силился онъ переговорить ее: — ейбогу, я-было и забылъ совсѣмъ: будто я иду....

Она зажала ему ротъ рукой.

— По порядку, по порядку! командовалъ Райскій, — слово за Марѳинькой: Марѳа Васильевна, извольте!

— Я, будто, бабушка.... Послушай, Вѣрочка, какой сонъ! Слушайте, слушайте, говорятъ вамъ. Николай Андреичъ, что вы не посидите.... На дворѣ будто ночь лунная, свѣтлая, такъ пахнетъ цвѣтами, птицы поютъ....

— Ночью? сказалъ Викентьевъ.

— Соловьи все ночью поютъ, замѣтила бабушка, взглянувъ на нихъ обоихъ.

Марѳинька покраснѣла.

— Вотъ теперь сбили съ толку — я и не стану разсказывать! говорила она.

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ, говори, говорите! сказали всѣ, кромѣ Вѣры.

— Ну, вотъ птицы....

— Птицы не поютъ ночью....

— Опять вы, Николай Андреичъ: не стану—вамъ говорятъ! А вотъ онъ ночью, бабушка, живо заговорила она, указывая на Викентьева, — храпитъ....

— Ты почемъ знаешь?

— Марина сказывала — она отъ Семена слышала...

— Это отъ золотухи: надо пить аверину траву, замѣтила Татьяна Марковна.

— Я боюсь, кто храпитъ: еслибъ знала прежде, такъ бы... Она вдругъ замолчала.

— Чтожъ ты остановилась? спросилъ Райскій: можно свадьбу разстроить. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ тебѣ будетъ мѣшать спать по ночамъ....

Марѳинька покраснѣла, какъ вишня, и бросилась вонъ.

— Полно тебѣ, Борюшка! видишь, она договорилась до чего, да и сама не рада.

Викентьевъ догналъ Марѳиньку и привелъ назадъ.

— Я буду на ночь носъ ватой затыкать, Марѳа Васильевна, сказалъ онъ.

Марѳиньку усадили и заставили разсказывать сонъ.

— Вотъ, будто, я тихонько вошла въ графскій домъ, начала она: прямо въ галлерею, гдѣ тамъ статуи стоятъ. Вошла я и притаилась, и смотрю, какъ мѣсяцъ освѣщалъ ихъ всѣ, а я стою въ темномъ углу: меня не видать, а я ихъ всѣхъ вижу. Только я стою, не дышу, все смотрю на нихъ. Всѣ переглядѣла—и Геркулеса съ палицей, и Діану, и потомъ Венеру, и еще эту съ совой, Минерву.... И старика, котораго змѣи сжимаютъ.... какъ бишь его зовутъ.... Только вдругъ!... (Марѳинька сдѣлала испуганное лицо и оглядывалась по сторонамъ) — и теперь даже страшно — такъ живо представилось....

— Ну, что вдругъ? спросила бабушка.

— Страшно, бабушка. Вдругъ, будто, статуи начали шевелиться. Сначала одна тихо, тихо повернула голову и посмотрѣла на другую, а та тоже тихо разогнула и, не спѣша, протянула къ ней руку, — это Діана съ Минервой. Потомъ медленно приподнялась Венера — и не шагая.... какой ужасъ!... подвинулась, какъ мертвецъ, плавно къ Марсу, въ каскѣ.... Потомъ змѣи, какъ живыя, поползли около старика: онъ перегнулъ голову назадъ, у него лицо стали дергать судорги, какъ у живого, я думала, сейчасъ закричитъ. И другія всѣ плавно стали двигаться другъ къ другу, нѣкоторыя подошли къ окну и смотрѣли на мѣсяцъ...

Digitized by Google

Глаза у всѣхъ каменныя, зрачковъ нѣтъ... Ухъ! — Она вздрогнула.

— Да это поэтическій сонъ—я его запишу! сказалъ Райскій.

— Побѣжали дѣти въ разныя стороны, продолжала Марѳинька — и все тихо, не перебирая ногами... Статуи какъ будто совѣтовались другъ съ другомъ, наклоняли головы, шептались неслышно; нимфы взялись за руки и кружились глядя на мѣсяцъ... — Я вся тряслась отъ страха. — Сова встрепенулась крыльями и носомъ почесала себѣ грудь... Марсъ обнялъ Венеру, она положила ему голову на плечо, они стояли... Всѣ другіе ходили, или сидѣли группами. Только Геркулесъ не двигался. Вдругъ и онъ поднялъ голову, потомъ началъ тихо выпрямляться, плавно подниматься съ своего мѣста. Большой такой, до потолка! Онъ обвелъ всѣхъ глазами, потомъ взглянулъ на мой уголъ... и вдругъ задрожалъ, выпрямился, поднялъ руку: всѣ въ одинъ разъ взглянули туда же, на меня — на минуту остолбенѣли, потомъ всѣ кучей бросились прямо ко мнѣ...

— Ну, что же вы, Марѳа Васильевна? спросилъ Викентьевъ.

— Какъ я закричу!

— Ну?

— Ну, и проснулась — и съ полчаса все тряслась, хотѣла закричать Ѳедосью, да боялась пошевелиться — такъ до утра и не спала. Ужъ нробыло семь, какъ я заснула.

— Прелесть — сонъ, Марѳинька! сказалъ Райскій.—Какой граціозный, поэтическій! Ты ничего не прибавила?

— Ахъ, братецъ, да гдѣ же мнѣ все это выдумать! Я такъ все вижу и теперь, что нарисовала бы, еслибъ умѣла...

— Надо морковнаго соку выпить, замѣтила бабушка: это кровь очищаетъ.

— Ну, теперь позвольте мнѣ... началъ Викентьевъ торопливо: я будто иду по горѣ, къ собору, а на встрѣчу мнѣ будто Нилъ Андреичъ, на четверенькахъ, голый...

— Полно тебѣ, что это, сударь: при невѣстѣ!.. остановила его Татьяна Марковна.

— Ейбогу, правда...

— Это нехорошо, не къ добру...

— Говорите, говорите, одобрялъ Райскій.

— А верхомъ на немъ будто Полина Карповна, тоже...

— Перестанешь-ли молоть? сказала Татьяна Марковна, едва удерживаясь отъ смѣху.

— Сейчасъ кончу: — сзади будто Маркъ Ивановичъ погоняетъ Тычкова полѣномъ, а впереди Опенкинъ, со свѣчей, и музыка...

Digitized by Google

Всѣ захохотали.

— Все сочинилъ, бабушка, сейчасъ сочинилъ: не вѣрьте ему! сказала Марѳинька.

— Ейбогу, нѣтъ: и всѣ будто, завидя меня, бросились, какъ ваши статуи, ко мнѣ, я отъ нихъ: кричалъ, кричалъ, даже Семенъ пришелъ будить меня — ейбогу правда, спросите Семена!...

— Ну, тебѣ, батюшка, ужò на ночь дамъ ревеню, или постнаго масла съ сѣрой: у тебя глисты должны быть. И ужинать не надо.

— Я напомню, ужò бабушка: вотъ вамъ! сказала Марѳинька Викентьеву.

— Ну, Вѣра, скажи свой сонъ — твоя очередь, обратился Райскій къ Вѣрѣ.

— Что такое я видѣла? старалась она припомнить: да, молнію, громъ гремѣлъ — и кажется, всякій ударъ падалъ въ одно мѣсто....

— Какая страсть! сказала Марѳинька: я бы закричала.

— Я была гдѣ-то на берегу — продолжала Вѣра, у моря: передо мной какой-то мостъ, въ море. Я побѣжала по мосту,— добѣжала до половины: смотрю, другой половины нѣтъ, ее унесла буря...

— Все? спросилъ Райскій.

— Все.

— И этотъ сонъ хорошъ: и тутъ поэзія!

— Я не вижу обыкновенно сновъ, или забываю ихъ, сказала она; а сегодня у меня былъ ознобъ: вотъ вамъ и поэзія!

— Да вѣдь все дѣло въ ознобѣ и жарѣ: худо когда ни того, ни другого нѣтъ.

— А вы, братецъ? теперь вамъ говорить! напомнила ему Марѳинька.

— Вообразите: я всю ночь леталъ.

— Какъ летали?

— Такъ: будто крылья явились.

— Это бываетъ къ росту, сказала бабушка: — кажется, тебѣ ужъ не кстати бы...

— Я сначала попробовалъ полетѣть по комнатѣ—продолжалъ онъ: отлично! Вы всѣ сидите въ залѣ, на стульяхъ, а я, какъ муха, подъ потолокъ залетѣлъ. Вы на меня кричать, пуще всѣхъ бабушка. Она даже велѣла Якову ткнуть меня половой щеткой, но я пробилъ головой окно, вылетѣлъ и взвился надъ рощей... Какая прелесть, какое новое, чудесное ощущеніе! Сердце бьется, кровь замираетъ, глаза видятъ далеко. Я, то поднимусь, то опущусь—

Digitized by Google

и когда однажды поднялся очень высоко, вдругъ вижу, изъ-за куста, въ меня цѣлится изъ ружья Маркъ...

— Этотъ всѣмъ снится: вотъ сокровище далось — какъ пугало! сказала Татьяна Марковна.

— Я его вчера видѣлъ съ ружьемъ—на островѣ: онъ и приснился. Я ему сталъ кричать изо-всей мочи, во снѣ, продолжалъ Райскій, а онъ будто не слышитъ, все цѣлится... наконецъ...

— Ну, братецъ, — ахъ, это интересно...

— Ну, я и — проснулся!

— Только, ахъ, какъ жаль! сказала Марѳинька.

— А тебѣ хотѣлось, чтобъ онъ меня застрѣлилъ?

— Чего добраго: отъ него станется и на яву, ворчала бабушка. — А что онъ, отдалъ тебѣ восемдесятъ рублей?

— Нѣтъ, бабушка: — я и не спрашивалъ.

— Всѣ вы мало Богу молитесь, ложась спать, сказала она: вотъ что! А какъ погляжу, такъ всѣмъ надо горькой соли дать, чтобъ чепуха не лѣзла въ голову.

— А вы, бабушка, видѣли какой-нибудь сонъ: разскажите. Теперь ваша очередь! обратился къ ней Райскій.

— Стану я пустяки болтать!

— Разскажите, бабушка! пристала и Марѳинька.

— Бабушка, позвольте, я разскажу за васъ, что̀ вы видѣли, вызвался Викентьевъ.

— А ты почемъ знаешь бабушкины сны?

— Я угадаю.

— Ну, угадывай.

— Вамъ снилось,—началъ онъ,—что мужики отвезли хлѣбъ на базаръ, продали и пропили деньги. Это во-первыхъ...

Всѣ засмѣялись.

— Какой отгадчикъ! сказала бабушка.

— Во-вторыхъ, что Яковъ, Егоръ, Прохоръ и Мотька, пьяные, забрались на сѣновалъ, закурили трубки и надѣлали пожаръ...

— Типунъ тебѣ, право — болтунъ этакій? Поди, я уши надеру!..

— Въ третьихъ, что всѣ дѣвки и бабы, въ одинъ вечеръ, съѣли все варенье, яблоки, растаскали сахаръ, кофе...

Опять смѣхъ.

— Что Савелій до смерти убилъ Марину...

— Полно, тебѣ! говорятъ... унимала сердито Татьяна Марковна.

— И наконецъ,—торопливо досказывалъ онъ, такъ что на зу-

Digitized by Google

бахъ вскочилъ пузырь,—что земская полиція въ деревнѣ велѣла дѣлать мостовую и тротуары, а въ домѣ поставили роту солдатъ...

— Вотъ я-же тебя, я же тебя — на, на, на! говорила бабушка, вставъ съ мѣста и поймавъ Викентьева за ухо.—А еще женихъ — болтаетъ вздоръ какой!

— А ловко, мастерски подобралъ! поощрялъ Райскій. Марѳинька смѣялась до слезъ! и даже Вѣра улыбалась. Бабушка сѣла опять.

— Это вамъ только лѣзетъ въ голову такая безтолочь! сказала она.

— Видите же и вы какіе-нибудь сны бабушка? замѣтилъ Райскій.

— Вижу, да не такіе безобразные и страшные, какъ вы всѣ.

— Ну, что, напримѣръ, видѣли сегодня?

Бабушка стала припоминать.

— Видѣла что-то: постойте... Да: поле видѣла, на немъ будто лежитъ... снѣгъ.

— А еще? спросилъ Райскій.

— А на снѣгу щепка...

— И все?

— Чего-жъ еще? И слава Богу: кричать и метаться не нужно!

XXII.

Весь день всѣ просидѣли, какъ мокрыя куры, рано разошлись и легли спать. Въ десять часовъ вечера все умолкло въ домѣ. Между тѣмъ дождь пересталъ, Райскій, надѣвъ пальто, пошелъ пройтись около дома. Ворота были заперты, на улицѣ стояла непроходимая грязь, и Райскій пошелъ въ садъ. Было тихо, кусты и деревья едва шевелились, съ нихъ капалъ дождь. Райскій обошелъ раза три садъ и прошелъ чрезъ огородъ, чтобъ посмотрѣть, что дѣлается въ полѣ и на Волгѣ. Темнота: на горизонтѣ скопились удалявшіяся облака и только высоко надъ головой слабо мерцали кое-гдѣ звѣзды. Онъ вслушивался въ эту тишину и всматривался въ темноту, ничего не слыша и не видя. На право туманъ, лѣвѣе чернымъ пятномъ лежала деревня, дальше безразличной массой стлались поля. Онъ вдохнулъ въ себя раза два сырого воздуха и чихнулъ. Вдругъ онъ услышалъ, что въ старомъ домѣ отворяется окно. Онъ взглянулъ вверхъ, но окно, которое отворилось, выходило не къ саду, а въ поле, и онъ

Digitized by Google

поспѣшилъ въ бесѣдку изъ акацій, перепрыгнулъ черезъ заборъ и попалъ въ лужу, но остался на мѣстѣ, не шевелясь.

«Это вы?» спросилъ шепотомъ кто-то изъ окна нижняго этажа, — конечно Вѣра, потому что въ старомъ домѣ никого, кромѣ ея, не было. У Райскаго затряслись колѣни, однако онъ невнятнымъ шепотомъ отвѣчалъ: «я.»

«Сегодня я не могла выдти — дождикъ шелъ цѣлый день: завтра приходите туда-же въ десять часовъ... Уйдите скорѣе, кто-то идетъ!»

Окно тихо затворилось. Райскій все стоялъ.

«Куда «туда-же?» спрашивалъ онъ мучительно себя, проклиная чьи-то шаги, помѣшавшіе услышать продолженіе разговора. «Боже! такъ это правда:—тайна есть (а онъ все не вѣрилъ)— письмо на синей бумагѣ —не сонъ! Свиданія! Вотъ она, таинственная ночь! А мнѣ утромъ проповѣдывала о нравственности!»

Онъ пошелъ на встрѣчу шагамъ. — Кто тутъ! — громко закричалъ голосъ, и съ этимъ вопросомъ идущій на встрѣчу началъ колотить что есть мочи въ доску.

— Ну, тебя къ чорту! — съ досадой сказалъ Райскій, отталкивая Савелья, который торопливо подошелъ къ нему.—Давно ли ты сталъ домъ стеречь?

— Барыня приказали, — отвѣчалъ Савелій:—мошенники въ оныхъ мѣстахъ есть... бѣглые... тоже изъ бурлаковъ ходятъ шалить...

— Врешь все! — съ досадой продолжалъ Райскій: ты подглядываешь за Мариной: это... скверно, — хотѣлъ онъ сказать, но не договорилъ и пошелъ.

— Позвольте о Маринѣ слово молвить! — остановилъ его Савелій.

— Ну?

— Нельзя ли ее въ полицію отправить?

— Ты съ ума сошелъ, — сказалъ Райскій, уходя. Савелій за нимъ.

— Сдѣлайте божескую милость, — говорилъ онъ — хоть въ Сибирь сошлите ее.

Райскій погруженъ былъ въ свой новый «вопросъ,» о разговорѣ Вѣры изъ окна, и продолжалъ идти.

— Или хоша въ рабочій домъ — на всю жисть... говорилъ Савелій, не отставая отъ него.

— За что? — спросилъ вдругъ Райскій, остановившись.

— Да опять того... почтальонъ ходитъ все... Плетьми бы приказали ее высѣчь...

Digitized by Google

— Тебя, — сказалъ Райскій, чтобъ ты не дрался...

— Воля ваша!

— Да не подсматривалъ: это... скверно — сквозь зубы проговорилъ онъ, взглянувъ на окно Вѣры.

Онъ ушелъ, а Савелій неистово застучалъ въ доску.

Райскій почти не спалъ цѣлую ночь и на другой день явился въ кабинетъ бабушки съ сухими и горячими глазами. День былъ ясный. Всѣ собрались къ чаю. Вѣра весело поздоровалась съ нимъ. Онъ лихорадочно пожалъ ей руку и пристально поглядѣлъ ей въ глаза. Она — ничего, ясна и покойна.

— Какъ ты кокетливо одѣта, сегодня! — сказалъ онъ.

— Вы находите простенькую палевую блузу кокетливой?

— А пунцовая лента, а прическа, съ длинной, небрежно брошенной прядью волосъ на плечо, а поясъ съ этимъ изящнымъ бантомъ, ботинки, прошитыя пунцовымъ шелкомъ! У тебя бездна вкуса, Вѣра: я восхищаюсь!

— Очень рада, что нравлюсь вамъ, — кокетливо сказала она: только вы какъ-то странно восхищаетесь. Скажите, отъ чего?

— Хорошо, скажу: пойдемъ гулять.

— Когда?

— Въ десять часовъ.—Она быстро и подозрительно взглянула на него. Онъ замѣтилъ этотъ взглядъ.

«Напрасно я сказалъ такъ опредѣлительно — въ *десять часовъ* — подумалъ онъ: надо бы было сказать *часовъ въ десять*.... Она догадалась...»

— Хорошо, пойдемте,—согласилась она подумавши:—теперь еще рано, нѣтъ десяти часовъ.

Она сѣла въ уголъ и молчала, избѣгая его взглядовъ и не отвѣчая на вопросы. Въ исходѣ десятаго она взяла рабочую корзинку, зонтикъ, и сдѣлала ему знакъ идти за собой.

Они шли молча по аллеѣ отъ дома, свернули въ другую, прошли садъ, наконецъ остановились у обрыва. Тутъ была лавка. Они сѣли.

— Вѣра! — началъ онъ, едва превозмогая смущеніе: — я нечаянно, кажется, узналъ часть твоего секрета...

— Да, кажется! — холодно сказала она — вчера вы подслушали мои слова...

— Нечаянно, клянусь тебѣ честью...

— Вѣрю, — перебила она, взглянувъ на него мелькомъ: ну что же?

— Ничего... И такъ! ты любишь кого-то! Сомнѣнія исчезли и... Но кто же онъ?

— Не скажу — не спрашивайте! сухо сказала она.

Digitized by Google

Онъ вздохнулъ.

— Самъ знаю, что глупо спрашивать, а хочется знать. Кажется, я бы... Ахъ, Вѣра, Вѣра — кто же дастъ тебѣ больше счастья, нежели я? Почему же ты *ему* вѣришь, а мнѣ нѣтъ? Ты меня судила такъ холодно, такъ строго: а кто тебѣ сказалъ, что тотъ, кого ты любишь, дастъ тебѣ счастья больше, нежели на полгода? — Почему ты вѣришь?

— Потому что люблю!

— Любишь! — съ жалостью сказалъ онъ — Боже мой, какой счастливецъ! И чѣмъ онъ заплатитъ тебѣ за громадность счастья, которое ты даешь? Ты любишь, другъ мой, будь осторожна: кому ты вѣришь?..

— Пока еще самой себѣ...

— Кого ты любишь?

— Кого?... повторила она, глядя на него пристально безцвѣтнымъ, загадочнымъ, «русалочнымъ» взглядомъ. — Да васъ...

У него захватило-было духъ.

Внизу въ рощѣ раздался въ это время выстрѣлъ. Она быстро встала со скамьи.

— А это что: это.... онъ? спросилъ Райскій, мѣняясь въ лицѣ.

— Мнѣ пора — десять часовъ! — сказала она, видимо встревоженная, стараясь не глядѣть на Райскаго. Она подошла къ обрыву, онъ ступилъ шагъ за ней. Она сдѣлала ему знакъ рукой, чтобъ онъ остался.

— Что значитъ этотъ выстрѣлъ? спросилъ онъ съ испугомъ.

— Меня зоветъ...

— Кто?

— Авторъ синяго письма. Ни шагу за мной! шепнула она ему сильно: если не хотите, чтобъ я...

— Вѣра!

— Ни шагу — никогда! повторила она, спускаясь съ обрыва: или я оставлю домъ навсегда! — Она скользнула въ кусты.

— Вѣра, Вѣра! Берегись! кричалъ онъ въ отчаяніи и сталъ слушать. Онъ слышалъ только, какъ раза два подъ ея торопливыми шагами затрещали сухія вѣтки, потомъ настала тишина. «Боже мой!» въ отчаянной зависти вскрикнулъ онъ. «Кто онъ, кто этотъ счастливецъ?...»

«Люблю васъ!» говоритъ она. Меня! Что, если правда.... А выстрѣлъ? шепталъ онъ въ ужасѣ: — а авторъ синяго письма? Что за тайна: кто это?»

Digitized by Google

XXIII.

А никто другой, какъ Маркъ Волоховъ, эта парія, циникъ, ведущій бродячую, цыганскую жизнь, занимающій деньги, стрѣляющій въ живыхъ людей, объявившій, какъ Карлъ Моръ, по словамъ Райскаго, войну обществу, живущій подъ присмотромъ полиціи, словомъ отверженецъ, «Варрава!»

И какъ Вѣра, это изящное созданіе, взлелѣянное подъ крыломъ бабушки въ уютномъ, какъ ласточкино гнѣздо, уголкѣ, этотъ перлъ, по красотѣ, всего края, на которую робко обращались взгляды лучшихъ жениховъ, передъ которой робѣли смѣлые мужчины, не смѣя бросить на нее нескромнаго взгляда, рискнуть любезностью или комплиментомъ,—Вѣра, покорившая даже самовластную бабушку, Вѣра, на которую вѣтерокъ не дохнулъ—вдругъ идетъ тайкомъ на свиданіе съ опаснымъ, подозрительнымъ человѣкомъ! Гдѣ она сошлась и познакомилась съ нимъ, когда ему загражденъ доступъ во всѣ дома?

Очень просто и случайно. Въ концѣ прошлаго лѣта, передъ осенью, когда поспѣли яблоки и пришла пора собирать ихъ, Вѣра сидѣла однажды вечеромъ въ маленькой бесѣдкѣ изъ акацій, устроенной надъ заборомъ, близъ стараго дома, и глядѣла равнодушно въ поле, потомъ вдаль на Волгу, на горы: вдругъ она замѣтила, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, въ фруктовомъ саду, вѣтви одной яблони нагибаются черезъ заборъ. Она наклонилась и увидѣла покойно сидящаго на заборѣ человѣка, судя по платью и по лицу, не простолюдина, не лакея, а по лѣтамъ — не школьника. Онъ держалъ въ рукахъ нѣсколько яблокъ и готовился спрыгнуть.

— Что вы тутъ дѣлаете?—вдругъ спросила она.

Онъ поглядѣлъ на нее съ минуту.

— Вы видите, лакомлюсь.—Онъ закусилъ одно яблоко:—не хотите ли? говорилъ онъ, подвигаясь къ ней по забору и предлагая ей другое.

Она отступила отъ забора на шагъ и глядѣла на него издали, съ любопытствомъ, но безъ страха.

— Кто вы такой? сказала она строго,—и зачѣмъ лазите по чужимъ заборамъ?

— Кто я такой—до того вамъ нужды нѣтъ. А зачѣмъ лазаю по заборамъ—я ужъ вамъ сказалъ: за яблоками.

— И вамъ не совѣстно: вы, кажется, не мальчикъ?

— Чего совѣститься?

Онъ усмѣхнулся.

Digitized by Google

— Брать тихонько чужія яблоки! упрекнула она.

— Они мои, а не чужія — *вы* воруете ихъ у меня!

Она молчала, продолжая смотрѣть на него съ любопытствомъ.

— Вы вѣрно не читали Прудона,—сказалъ онъ и взглянулъ на нее пристально.—Да какая вы красавица! вдругъ прибавилъ потомъ, какъ въ скобкахъ.

— Что Прудонъ говоритъ: не знаете?

— La propriété — c'est le vol, — сказала она.

— Читали! съ удивленіемъ произнесъ онъ, глядя на нее во всѣ глаза.

Она отрицательно покачала головой.

— Ну, слышали: эта божественная истина обходитъ весь міръ. Хотите, принесу Прудона, онъ у меня есть?

— Вы не мальчикъ, — повторила она, а воруете чужія яблоки и вѣрите, что это не воровство, потому что г. Прудонъ сказалъ....

Онъ быстро взглянулъ на нее.

— Вы вѣрите же тому, что вамъ сказали въ пансіонѣ или институтѣ... или... Да скажите: вы кто? Это садъ Бережковой— вы не внучка ли ея? Мнѣ говорили, что у ней есть двѣ внучки, красавицы...

— Что вамъ за дѣло, кто я, и я скажу?

— Ну, такъ вы вѣрите же въ тѣ истины, что преподала вамъ бабушка...

— Я вѣрю тому, что меня убѣждаетъ.

Онъ снялъ фуражку и поклонился.

— И я тоже. Такъ вы считаете преступнымъ, что я беру эти яблоки...

— Неприличнымъ.

— И убѣждены въ этомъ?

— Да.

— Я хоть не убѣжденъ, но уступаю вамъ: возьмите остальныя четыре яблока, — сказалъ онъ, подавая ихъ ей.

— Я ихъ дарю вамъ.

Онъ опять снялъ фуражку, иронически поклонился ей и закусилъ другое яблоко.

— Вы красавица, — повторилъ онъ — вдвойнѣ красавица. И хороши собой, и умны. Жаль, если украсите собой существованіе какого-нибудь идіота. Васъ отдадутъ, бѣдную...

— Пожалуста, безъ сожалѣній! Не отдадутъ: я — не яблоко...

— Кстати о яблокахъ: въ благодарность за подарокъ, я вамъ принесу книгъ: вы любите читать?

Digitized by Google

— Прудона?

— Да, — съ братіей. У меня все новое есть. Только вы не показывайте тамъ бабушкѣ, или тупоумнымъ вашимъ гостямъ. Я хоть и не знаю васъ, а вѣрю, что вы не связываетесь съ ними...

— Почему вы знаете: вы пять минутъ видите меня?..

— Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Съ разу видно — свободный умъ — стало быть вы живая, а не мертвая: это главное. А остальное все придетъ, нуженъ случай. Хотите, я...

— Ничего не хочу: — «свободный умъ» сами говорите, а ужъ хотите завладѣть имъ. Кто вы и съ чего взяли учить?

Онъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на нее.

— Ни книгъ не носите, ни сами больше не ходите сюда, — сказала она, отходя отъ забора. — Здѣсь сторожъ есть: онъ поймаетъ васъ — нехорошо!

— Вотъ опять понесло отъ васъ бабушкой, городомъ и постнымъ масломъ! А я думалъ, что вы любите поле и свободу. Вы не боитесь ли меня? Кто я такой, какъ вы думаете?

— Не знаю: семинаристъ, должно быть — сказала она небрежно.

Онъ засмѣялся.

— Почему вы думаете?

— Они неопрятны, бѣдно одѣты, всегда голодны... Подите на кухню: я велю васъ накормить.

— Покорно благодарю. Кромѣ этого, вы ничего другого въ семинаристахъ не замѣтили?

— Я ни съ однимъ не знакома и мало видѣла ихъ. Они такіе неотесанные, говорятъ смѣшно...

— Это наши настоящіе миссіонеры, нужды нѣтъ, что говорятъ смѣшно. «Немощные и худородные» — именно тѣ, кого нужно. Они пока со слѣпа лѣзутъ на огонь, да усердно...

— На какой огонь?

— На свѣтъ: къ новой наукѣ, къ новой жизни... Развѣ вы ничего не знаете, не слыхали? Какая же вы...

— Что же семинаристы?

— Ихъ держатъ въ потемкахъ, умы питаютъ мертвечиной и въ добавокъ порютъ нещадно: вотъ кто позадорнѣе изъ нихъ, да еще изъ кадетъ—этихъ вовсе не питаютъ, а только порютъ—и падки на новое, рвутся изъ всѣхъ силъ — изъ потемокъ къ свѣту... Народъ молодой, здоровый, свѣжій, проситъ воздуха и пищи, а намъ такихъ и надо...

— Кому *намъ?*

— Кому? сказать? Новой, грядущей силѣ...

Digitized by Google

— Такъ вы — «новая, грядущая сила»? — спросила она, глядя на него съ любопытствомъ и ироніей.

— Да, *мы*...

— И много васъ такихъ?

— Легіонъ.

— Съ семинаристами?

— Нѣтъ, съ ними тьма темъ.

— Да кто вы такой? Или имя ваше — тайна?

— Имя? Вы не испугаетесь?

— Не знаю: можетъ быть, говорите.

— Маркъ Волоховъ. Вѣдь это все равно здѣсь, въ этомъ промзгломъ углу, что Пугачевъ или Стенька Разинъ.

Она опять съ любопытствомъ поглядѣла на него.

— Вотъ вы кто! сказала она.—Вы, кажется, хвастаетесь своимъ громкимъ именемъ! Я слышала ужъ о васъ. Вы стрѣляли въ Нила Андреича и травили одну даму собакой... Это «новая сила»? Уходите — да больше не являйтесь сюда...

— А то бабушкѣ пожалуетесь?

— Непремѣнно. Прощайте!

Она сошла съ бесѣдки и не слыхала его послѣднихъ словъ. А онъ жадно слѣдилъ за ней глазами.

«Вотъ еслибъ это яблоко украсть!» — проговорилъ онъ, прыгая на землю.

Однако она бабушкѣ не сказала ни слова, а разсказала только своей пріятельницѣ, Натальѣ Ивановнѣ, обязавъ ее тоже никому не говорить.

И. Гончаровъ.

Digitized by Google

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ

РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1787—1795.

IV *).

Избраніе Станислава Понятовскаго. — Диссидентское дѣло. — Барская конфедерація. — Покушеніе на короля. — Первый раздѣлъ Польши.

По смерти Августа III, по поводу выбора новаго короля, въ Польшѣ возникли обычныя смуты. Двѣ партіи, Чарторыскихъ и Огинскихъ, стали враждебно одна противъ другой. Обѣ заискивали помощи у Россіи. Сильная партія Чарторыскихъ, во главѣ которой стояли два брата—канцлеръ Михаилъ и русскій воевода Августъ, отправила въ Петербургъ племянника по сестрѣ этихъ братьевъ, Станислава Понятовскаго, сына умершаго мазовецкаго воеводы.

Это, можно сказать, былъ типъ поляка XVIII вѣка, соединявшій въ себѣ коренныя свойства національнаго характера со свойствами европейской знатной особы своего времени.

Отъ природы онъ получилъ счастливую память, живое воображеніе, блестящій, но никакъ не глубокій умъ, способенъ былъ на остроумныя выходки, бѣгло и складно говорилъ, особенно въ томъ кругу, гдѣ ему вѣрили и цѣнили его слова, — въ совершенствѣ владѣлъ нѣсколькими европейскими языками, читалъ и просматривалъ много книгъ, много видалъ во время своего пу-

*) См. выше февр. стр. 685—758.

Digitized by Google

тешествія по Европѣ, посѣщалъ общества тогдашнихъ европейскихъ знаменитостей, и потому въ высокой степени набрался того лоску (poloru), за которымъ польскіе паны ѣздили по Европѣ. Поэтическаго уклада въ его натурѣ не было; но онъ любилъ до страсти искусства и зналъ въ нихъ толкъ, насколько наслышался и начитался о нихъ; еще болѣе онъ былъ любитель и цѣнитель прекраснаго пола и въ отношеніи къ нему отличался чрезмѣрнымъ непостоянствомъ и вѣтренностію. До сихъ поръ въ Лазенковскомъ дворцѣ, имъ построенномъ, показываютъ цѣлую стѣну портретовъ любовницъ послѣдняго польскаго короля. Перемѣняя ихъ какъ наряды, онъ былъ, однако, внимателенъ къ ихъ услугамъ, и, уволивъ ихъ отъ своего сердца, давалъ имъ большіе пенсіоны и тѣмъ увеличивалъ свои расходы и долги. Вообще въ немъ не было ни тѣни скупости; щедрый для другихъ и расточительный для себя, онъ любилъ самъ пожить въ свое удовольствіе, любилъ и вокругъ себя видѣть веселыя и довольныя лица.

Нравомъ онъ былъ мягокъ и кротокъ; не видно въ немъ было того самодурства, которымъ такъ часто отличались и даже чванились польскіе паны, избалованные своимъ богатствомъ и раболѣпствомъ предъ собою другихъ: воспитанный до шестнадцатилѣтняго возраста подъ надзоромъ матери, онъ носилъ на себѣ тотъ отпечатокъ женственности, который часто остается на тѣхъ, которые въ отрочествѣ испытывали сильное вліяніе матушекъ и тетушекъ; притомъ же европейскія привычки, усвоенныя въ путешествіи, не дозволяли въ немъ укорениться полуазіатскимъ признакамъ польской мужественности. Въ обращеніи онъ былъ до того любезенъ, что принцъ де-Линь призналъ его любезнѣйшимъ паче всѣхъ государей своего времени. Эта любезность не мѣшала ему въ тоже время быть двоедушнымъ, хитрымъ, недовѣрчивымъ; за то въ затруднительныхъ положеніяхъ для своего ума и воли онъ былъ даже черезъ-чуръ довѣрчивъ. Обладая свойствомъ обворожать и привлекать къ себѣ людей, онъ не умѣлъ привязывать ихъ, не въ силахъ былъ возбуждать ихъ и управлять ими, напротивъ, самъ подчинялся нравственному могуществу другихъ и всегда почти зависѣлъ отъ окружающей его среды. Никогда не показывалъ онъ ни запальчивости, ни злобы, не терпѣлъ ссоръ и всегда старался примирять другихъ и улаживать недоразумѣнія и борьбу страстей, выдумывая какую-нибудь середину на половинѣ. Чувство мщенія ему было незнакомо; его иногда обижали такъ, что доводили до слезъ; все сносилъ онъ и готовъ былъ первый протянуть руку заклятому врагу. Онъ не могъ ни къ чему глубоко и сильно привязаться; поверх-

Digitized by Google

ностность, лживость и слабодушіе—обычныя качества охотниковъ до женскаго естества, отражались въ его поступкахъ; свои убѣжденія онъ мѣнялъ почти также какъ любовницъ, и съ трудомъ могъ возвыситься до общей идеи, подъ которую подходили бы его понятія и поступки; у него всегда на первомъ планѣ были частныя отношенія: его занимали желанія и планы удовлетворить ту или другую сторону, поставить себя въ извѣстное положеніе къ такимъ-то лицамъ, узнать: какъ думаютъ тотъ или другой, и въ какихъ отношеніяхъ находятся они между собою. Дѣятельность его была чрезвычайная, но почти всегда обращалась на второстепенные предметы, и въ ней недоставало крѣпкой нити, связующей ея направленія. Въ своихъ сужденіяхъ онъ нерѣдко отличался здравымъ взглядомъ и находчивостію, когда предметъ обсужденія не требовалъ особенной дальнозоркости и глубокомыслія, но всегда высказывался съ нѣкоторымъ колебаніемъ и часто подчинялся мнѣнію другихъ, когда видѣлъ противъ себя упорство. Онъ склоненъ былъ приставать къ смѣлымъ и отважнымъ предпріятіямъ, но безъ увлеченія, и менѣе чѣмъ кто-нибудь способенъ былъ геройски противостать обстоятельствамъ и легко склонялся подъ ихъ гнетомъ; за то былъ хвастливъ, приписывалъ себѣ вчинаніе такого дѣла, въ которомъ онъ слѣдовалъ за другими, такія мысли, которыя онъ заимствовалъ отъ другихъ, и величался такими доблестями, какихъ у него не было. Таковъ былъ этотъ послѣдній польскій король, поставленный Екатериною съ тѣмъ, чтобъ служить ей послушнымъ орудіемъ.

Владѣя изумительною способностію узнавать людей, Екатерина не обманывалась въ немъ никогда, и дѣлая его королемъ, не надѣялась отъ него твердой и незыблемой преданности; она, безъ сомнѣнія, предвидѣла его двоедушіе и коварство въ отношеніи къ ней, но это не мѣшало ея планамъ, напротивъ, скорѣе вело къ цѣли. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать изъ того, что, впослѣдствіи, императрица нѣсколько разъ внушала своимъ министрамъ въ Польшѣ не полагаться на постоянство короля, нравъ котораго, какъ она писала, ей давно извѣстенъ.

Русская императрица составляла по характеру діаметральную противоположность съ польскимъ королемъ, ея подручникомъ. Насколько онъ былъ мало способенъ сосредоточить себя всего для идеи, настолько она только и существовала для сознанной и предвзятой идеи. Правда, и въ ней можно было замѣтить пороки вѣка, которыми заражена была бо̀льшая часть вѣнчанныхъ особъ: чувственность и нѣкоторая суетность и ей были нечужды, но за то въ ней былъ геніальный умъ и геніальная воля. Нѣмка по происхожденію, призванная судьбою на престолъ русскаго госу-

Digitized by Google

дарства, она охватила во всей цѣльности его историческое значеніе, усвоила его прошлыя завѣтныя преданія, глубоко и разносторонно постигла его тогдашнее положеніе, предвидѣла и устроивала его будущее. Величіе и благосостояніе Россіи было ея идеаломъ; она хотѣла сдѣлать Россію сильнѣйшею державою въ свѣтѣ, а потому поставить Польшу въ вѣчную зависимость отъ Россіи, а, если будетъ нужно, и уничтожить ее; она думала ниспровергнуть турецкую имперію, освободить славянъ и грековъ, ослабить Швецію, привязать Австрію и Пруссію и поставить ихъ въ необходимость быть, такъ сказать, на буксирѣ у Россіи, и въ тоже время создать изъ Россіи внутри благоустроенное государство, развить промышленность, торговлю, благосостояніе и просвѣщеніе. Въ ней было столько же твердости и послѣдовательности, сколько въ Станиславѣ-Августѣ мягкости и слабодушія, но въ то же время въ ней не было увлеченія; она боролась съ препятствіями только до тѣхъ поръ, пока несомнѣненъ былъ успѣхъ; ея смѣлыя и широкія предпріятія сдерживались благоразуміемъ и осторожностью; она умѣла остановиться на полдорогѣ, чтобы выждать время и при удобномъ случаѣ начать снова прерванный путь; за то, когда была надежда на успѣхъ дѣла, ее уже не останавливали никакія частныя отношенія, никакіе посторонніе виды, ни кровь, ни бѣдствія поколѣній не принимались у ней въ разсчетъ, когда нужно было достигнуть цѣли — черта общая истиннымъ людямъ идеи. Она умѣла привлекать къ себѣ людей, не такъ, какъ польскій король, который выигрывалъ только то, что его называли любезнымъ; она привязывала ихъ такъ, что они дѣлались ея орудіями и служили, часто даже невольно, ея видамъ. Политика ея была нерѣдко двоедушна и коварна, но это было не то легкое двоедушіе, которое почти никогда не покидало польскаго короля. Екатерина прибѣгала къ нему только тогда, когда оно было необходимо для ея цѣлей и преимущественно тогда, когда приходилось бороться съ врагомъ его же оружіемъ; безъ нужды она была пряма и искренна.

Она не прощала зла и измѣны такъ любовно, какъ Станиславъ Понятовскій; она или презирала ихъ вовсе, когда не считала важными, или же мстила безъ послабленія, когда они ей мѣшали. Понятно, что съ такою покровительницею Польшѣ было плохо: у поляковъ не было ни самостоятельности, ни силы, ни государственнаго благоразумія настолько, чтобы Екатерина могла ихъ уважать; но они неспособны были предаться ей искренно и безусловно, чтобы она могла ихъ полюбить: она ихъ презирала, и этимъ презрѣніемъ запечатлѣны всѣ ея дѣйствія до самаго конца.

Digitized by Google

Избраніе Понятовскаго не обошлось безъ сильныхъ смутъ. Но русскія войска разогнали всѣхъ его противниковъ. Составился конфедераціонный сеймъ. Дядя Понятовскаго, Августъ Чарторыскій, сдѣланъ былъ его маршаломъ. Предводители противной партіи, старый гетманъ Браницкій и Карлъ Радзивиллъ бѣжали изъ Польши со своими единомышленниками. Станиславъ-Августъ былъ избранъ 7 сентября 1764 года.

Чарторыскіе, овладѣвъ дѣлами, старались произвести въ Польшѣ нѣкоторыя реформы и ввести новыя учрежденія, которыя, по ихъ соображеніямъ, могли обновить Польшу. Шляхта упорно стояла противъ всякихъ перемѣнъ, но Чарторыскіе нашли себѣ лазейку: покровительствуемые силою русскаго оружія, они успѣли устроить сеймъ въ образѣ конфедераціи: по обычаямъ конфедераціи, законъ принимался не единогласіемъ, а большинствомъ голосовъ, и такого сейма уже нельзя было сорвать; затѣмъ они склонили значительное число голосовъ подкупомъ и страхомъ. Такимъ образомъ, имъ удалось ограничить власть гетмана и подскарбія: до сихъ поръ эти важные сановники не отдавали никому отчета кромѣ сейма, который обыкновенно никогда не кончался; теперь устроили четыре коммисіи: войсковую, скарбовую (финансовъ), полиціи и судопроизводства. Положили увеличить войско и доходы; сдѣлано было нѣсколько распоряженій относительно городовъ, пришедшихъ въ упадокъ, въ особенности оттого, что на городскихъ земляхъ помѣщались дома шляхетства, духовенства и монастырей, не подчинявшихся городскимъ повинностямъ; постановлено, чтобы сеймики отправлялись большинствомъ голосовъ, — установлены таможенныя пошлины, которыхъ въ Польшѣ не было. Эти распоряженія сдѣланы были на сеймѣ, предшествовавшемъ избранію, и должны были утвердиться избраннымъ королемъ. Станиславъ-Августъ горячо поддерживалъ ихъ: они обратились въ законъ къ большой досадѣ многихъ. Хотѣли даже уничтожить вовсе liberum veto, но этотъ проектъ никакъ не могъ быть принятъ: польское шляхетство привыкло называть liberum veto зеницею шляхетской вольности; притомъ русскій и прусскій посланники заявили неудовольствіе насчетъ перемѣнъ коренныхъ постановленій Рѣчи-Посполитой. Прусскій король всѣми силами не допускалъ въ Польшѣ коренныхъ реформъ, которыя бы утвердили въ ней монархическую власть. Въ его видахъ было поддерживать анархію, слабость, истощеніе, однимъ словомъ, все то, что, впрочемъ, и безъ него не могло измѣниться въ Польшѣ. Фридрихъ II уже предположилъ расширить свою территорію насчетъ Польши, а потому побуждалъ и убѣждалъ Екатерину держаться той же системы.

Digitized by Google

Также не былъ принятъ проектъ объ увеличеніи податей и умноженіи войска; шляхетство издавна не любило, чтобы объ этомъ даже говорили. Россія тогда не показывала намѣренія мѣшать ни что бы то ни стало такимъ улучшеніямъ въ Польшѣ. Проектъ Чарторыскихъ о реформѣ былъ прежде предъявленъ русскимъ посланникамъ, Кейзерлингу и Рѣпнину; Россія только хотѣла, при этомъ соблюсти свои интересы и свою безопасность. Посланникъ императрицы объявилъ, что Россія соглашается на увеличеніе войска до 50,000, но только съ тѣмъ, чтобы Польша съ Россіею заключила тѣснѣйшій союзъ. Поляки стали упираться противъ союза; даже самые Чарторыскіе, до сихъ поръ дѣйствовавшіе подъ покровительствомъ Россіи, боялись, что, такимъ образомъ, Польша подпадетъ въ бо́льшую зависимость отъ Россіи. Русскій посланникъ Рѣпнинъ получилъ приказаніе не входить въ сношеніе съ поляками объ ихъ перемѣнахъ, безъ заключенія союза съ Россіею, и подалъ ноту, гдѣ императрица требовала даровать гражданскія права въ Польшѣ не-католикамъ — православнымъ и диссидентамъ. То же требованіе заявлялъ Польшѣ, съ своей стороны, прусскій король. Но послы, воспитанные въ фанатизмѣ, отвергли это требованіе съ шумомъ и волненіемъ. Такимъ образомъ, поляки, при самомъ воцареніи короля, поставленнаго Россіею, раздражали противъ себя Россію и Пруссію, двѣ сильныя сосѣднія державы, съ которыми они, по своей слабости, бороться были не въ состояніи.

Русскія войска тотчасъ расположились въ королевскихъ имѣніяхъ. Король, слыша около себя ропотъ, хотѣлъ угодить полякамъ и показать, что онъ не намѣренъ быть орудіемъ Екатерины, а желаетъ царствовать самостоятельно; онъ вступилъ въ тайное сношеніе съ Турціей, жаловался на Россію, что она поступаетъ съ Польшею, какъ съ подвластною страною, располагаетъ свои войска на польскихъ земляхъ безъ воли націи, хочетъ, какъ видно, держать въ Польшѣ постоянный гарнизонъ. Турціи, ненавидѣвшей Россію, ничего не стоило изъявить сочувствіе къ Польшѣ, но она ничѣмъ ей не помогла, а между тѣмъ Екатеринѣ стали извѣстны сношенія короля съ Турціею, она испытала слишкомъ скоро коварство своей креатуры; ясно стало, что русская императрица не можетъ имѣть къ польскому королю довѣріе.

Дѣло о не-католикахъ въ Польшѣ было не таково, чтобъ русская императрица могла бросить его. Православные уже много вѣковъ обращались къ Россіи. Еще Иванъ III ссорился за нихъ съ зятемъ своимъ Александромъ. Алексѣй Михайловичъ велъ за нихъ кровопролитную и разорительную войну. Въ статьяхъ мирнаго до-

Digitized by Google

говора 1686 г., польскій король обязывался съ своей стороны содержать православныхъ по давнимъ правамъ и во всякихъ свободахъ. Со временъ этого договора, когда Кіевъ навсегда отошелъ къ Россіи, православное духовенство продолжало получать рукоположенія отъ кіевскаго митрополита, а потомъ, по основаніи святѣйшаго синода, обращались къ нему какъ къ верховному учрежденію своей вѣры. Поляки, по отношенію къ православнымъ жителямъ Рѣчи-Посполитой, не соблюдали договора съ Россіею, заключеннаго въ 1686 году; униженіе православной религіи, принужденія къ уніи, неистовства, которыя позволяли себѣ дѣлать надъ православными своевольные фанатики, были обыкновенными явленіями; православные безпрестанно обращались къ Россіи и просили ходатайства за нихъ; всѣ русскіе государи по этимъ просьбамъ вели сношенія съ Польшею. Петръ много разъ обращался къ своему союзнику Августу II, послѣ того, какъ къ нему приходили жалобы отъ православныхъ съ длинными реестрами разныхъ оскорбленій, нанесенныхъ католиками. Эти неоднократныя требованія оставались всегда безъ удовлетворенія, такъ что русскій государь, наконецъ, сталъ грозить и въ 1722 году выразился такъ: «Если, паче чаянія, по этому нашему представленію и прошенію, удовлетворенія, по силѣ договора, не воспослѣдуетъ, то мы будемъ принуждены сами искать себѣ удовлетворенія». Короткое царствованіе Екатерины I не обошлось безъ просьбъ, полученныхъ въ синодѣ изъ Бѣлорусской епархіи и безъ ходатайства за православныхъ со стороны Россіи. При Аннѣ православные обращались съ жалобами къ россійскимъ посланникамъ и резидентамъ въ Варшавѣ и императрица вмѣняла послѣднимъ въ обязанность домогаться, «чтобъ православные люди греческаго исповѣданія въ безпрепятственномъ пользованіи принадлежащихъ имъ вольностей безъ малѣйшаго утѣсненія оставлены были». Трудно было такимъ домогательствамъ и представленіямъ имѣть въ Польшѣ силу, когда тамъ и сеймы не кончались и короля не слушали.

Елисавета энергически и, подобно своему родителю, съ угрозами, заступалась за православныхъ: «чтобъ вельможи (писала она) предписали кому слѣдуетъ крѣпкими указами, чтобы по трактату и привилегіямъ королевскимъ въ прежней свободности и безъ всякаго препятствія и насилія, какъ въ совѣсти, такъ и въ строеніи и поправленіи церквей безъ помѣшательства благочестивые въ покоѣ оставлены были. Въ противномъ случаѣ, таковой неправедной и безотвѣтной съ польской стороны поступокъ уничтоженія и презрѣнія нашего на толь многихъ безпрекословныхъ правахъ основаннаго участія въ ихъ жалобахъ не иначе, какъ явно показуемое намъ самимъ озлобленіе призна-

Digitized by Google

вать можемъ и за упомянутыхъ утѣсняемыхъ людей вступаться и имъ вспомоществовать всемѣрно обязанными себя признаваемъ, и при дальнѣйшемъ безплодствіи и презрѣніи дружескихъ представленій и домогательствъ, иные сильнѣйшіе и важнѣйшіе способы употреблять напослѣдокъ принуждены будемъ, имѣя паче надежду на другія державы, которыя для своихъ подъ именемъ диссидентовъ въ Польшѣ и Литвѣ разумѣющихся единовѣрцевъ и ради утѣсненія оныхъ въ томъ общія съ нами обязательства имѣютъ къ нашимъ мѣрамъ къ тому приступить и общее дѣло съ нами чинить весьма готовы». Съ тѣхъ поръ каждый годъ, а иногда и не одинъ разъ въ годъ, русскіе министры въ Варшавѣ дѣлали представленія о православныхъ, но эти представленія напоминаютъ басню о Поварѣ и Котѣ, потому что вслѣдъ за ними, святѣйшій синодъ заваливался новыми жалобами православныхъ, присылаемыми изъ владѣній Рѣчи-Посполитой. Даже и шестимѣсячное правленіе Петра III не обошлось безъ обычнаго представленія польскому правительству о судьбѣ православныхъ. Екатерина, въ своихъ домогательствахъ въ пользу православныхъ, не показала ничего новаго, необычнаго; она шла по слѣдамъ прежнихъ государей, но она выше ихъ была по уму и дѣятельности: естественно, что при ней дѣло пошло иначе, не такъ какъ шло оно при ея предшественницахъ.

Поляки, въ 1764 г., отвѣчали на домогательства Россіи въ томъ же смыслѣ, въ какомъ привыкли отвѣчать прежнимъ русскимъ государямъ, даже еще рѣзче и неуважительнѣе, чѣмъ бывало прежде. Но скоро они увидали, что этого имъ не простятъ. Въ слѣдующемъ 1765 году, по желанію Екатерины, бѣлорусскій архіепископъ Георгій Конисскій отправился въ Варшаву и тамъ, передъ королемъ, произнесъ рѣчь, ссылался въ ней на привилегіи, данныя православнымъ прежними королями, жаловался на утѣсненія и оскорбленія, просилъ возвратить православнымъ первобытную свободу, а вмѣстѣ съ тѣмъ не забылъ объяснить, что прошеніе его поручила ему принести всероссійская императрица, «яко особливая вѣры нашей заступница».

Въ Варшавѣ, возненавидѣвъ Конисскаго, начали умышленно тянуть его дѣло; стали, по его жалобамъ, наводить справки, а онъ, между тѣмъ, въ ожиданіи, безъ нужды проживался въ столицѣ. Узнала объ этомъ императрица и приказала своему министру, Рѣпнину, устроить такъ, чтобы на будущемъ сеймѣ 1766 года, дѣло о православныхъ и диссидентахъ было непремѣнно рѣшено въ ихъ пользу. Екатерина не домогалась, чтобъ ихъ допускали въ сенатъ и къ высшимъ мѣстамъ, но хотѣла, чтобъ они были допущены къ выборамъ въ трибуналы, могли получать

Digitized by Google

провинціальныя должности, и чтобы въ число членовъ сейма, изъ каждаго воеводства, при двухъ католикахъ помѣщался третій — не-католикъ. Черезъ-чуръ трудно было согласить поляковъ на установленіе такихъ законовъ; они отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ получили убѣжденія, что, кромѣ католика, всѣ иновѣрцы — еретики, проклятые Богомъ, и ихъ ни въ чемъ нельзя поставить на одну доску съ католиками. Это заранѣе предвидѣла Екатерина и предписала Рѣпнину, въ случаѣ когда сеймъ не согласится даровать не-католикамъ права, собрать православныхъ и диссидентовъ и составить конфедерацію, которая бы просила помощи у Россіи; тогда предполагалось, какъ будто уступая ея просьбамъ, послать въ Польшу русскія войска и провести дѣло силою. «Пусть поляки знаютъ и удостовѣрятся — писала она — что мы не допустимъ успокоить это дѣло по ихъ единовидным желаніямъ, а поведемъ оное лучше до самой крайности?»

Король Станиславъ-Августъ говорилъ, что это требованіе — громовый ударъ для него и для всей страны, писалъ къ императрицѣ, умолялъ ее оставить это дѣло, сообщалъ, что на прошломъ сеймѣ, когда онъ заговорилъ объ этомъ, то поднялся страшный крикъ и шумъ, и чуть было не умертвили примаса въ присутствіи короля. Самъ Рѣпнинъ, видя безпредѣльный фанатизмъ въ Польшѣ, пытался отклонить государыню отъ ея намѣренія; но Екатерина была не податлива, твердо рѣшившись такъ или иначе довершить то, что́ ея предшественники начинали и покидали.

Большая сумятица была тогда въ Польшѣ. Король былъ уже въ разладѣ со своими дядями Чарторыскими, которые признали его королемъ только въ надеждѣ держать его подъ своею опекою. Короля тяготила эта опека. Чарторыскіе хотѣли сохранить созданную ими конфедерацію, чтобъ, посредствомъ ея, властвовать надъ Польшею; король, напротивъ, хотѣлъ ее уничтожить. Но это не умножило его друзей. Противники Чарторыскихъ, которыхъ было много, ненавидѣли *фамилію*, какъ называли тогда Чарторыскихъ и всю ихъ партію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не любили короля, возведеннаго на престолъ съ чужою помощію. Послѣднія измѣненія на сеймѣ произвели ропотъ въ Польшѣ. Учрежденіе коммиссій возбудило неудовольствіе безотчетныхъ до того времени министровъ и подчиненныхъ имъ должностныхъ лицъ, которые пользовались выгодами при прежнемъ управленіи; учрежденіе таможенныхъ пошлинъ, увеличивъ дороговизну, вооружило противъ короля обывателей и купцовъ. Приморскій городъ Гданскъ, снабжавшій Польшу привозными товарами, былъ особенно недоволенъ. И безъ того король прусскій въ Маріенвердерѣ бралъ пош-

Digitized by Google

лины съ плывущихъ по Вислѣ польскихъ судовъ; теперь, съ прибавкою польскихъ пошлинъ товары значительно вздорожали. Но болѣе всего приводилъ въ ужасъ поляковъ вопросъ о допущеніи къ правамъ не-католиковъ. Епископы, краковскій Солтыкъ, каменецкій Красицкій, виленскій Масальскій (будущій приверженецъ Россіи), распустили по приходамъ пастырскія посланія: предписывали священникамъ молиться въ костёлахъ объ отвращеніи бѣды, грозящей римско-католической религіи и древнимъ постановленіямъ Рѣчи-Посполитой, вопіяли противъ общенія съ еретиками и схизматиками, противъ введенія пагубныхъ новшествъ. Кармелитъ, по имени Марко, исцѣлявшій больныхъ наложеніемъ рукъ и сообщавшій водѣ цѣлительное свойство, ходилъ между народомъ и призывалъ защищать св. вѣру. Съ каѳедръ въ костёлахъ загремѣли огненныя проповѣди противъ вѣротерпимости. Вѣрная шляхта приглашалась не допускать во что-бы то ни стало обращенія въ законъ ужаснаго проекта.

Когда приближалось время сейма, Рѣпнинъ объявилъ, что если не захотятъ даровать православнымъ и диссидентамъ правъ, то сорокъ тысячъ русскаго войска войдутъ въ предѣлы Рѣчи-Посполитой. Такой рѣшительный тонъ еще сильнѣе взволновалъ поляковъ. Съ религіознымъ фанатизмомъ зашевелилось оскорбленное національное самолюбіе: поляки тяжело почувствовали, какъ низко упали они въ государственной жизни. Епископы повторили свои воззванія на зло русскому послу. Король говорилъ, что готовъ умереть за вѣру и свободу. А между тѣмъ этотъ фанатизмъ вооружалъ противъ Польши половину Европы. Требованіе о дарованіи правъ послѣдовало не отъ одной Россіи, а также и отъ Пруссіи; въ видѣ добраго совѣта ходатайствовали о томъ же Данія и Англія.

Собрался сеймъ. Королю прежде всего хотѣлось установить законъ, чтобы, при обсужденіи дѣлъ, касавшихся войска и финансовъ, принималось рѣшеніе большинствомъ голосовъ, а не единогласіемъ. Въ виду у него было умноженіе войска и податей; онъ считалъ это первою необходимостію для возрожденія отечества. Но какъ только онъ сказалъ о своемъ намѣреніи нѣкоторымъ панамъ и посламъ, — они оказались противниками такихъ нововведеній, поспѣшили сообщить объ этомъ Рѣпнину и представить ему, что король затѣваетъ противное націи. Разнеслась о желаніи короля вѣсть между другими прибывшими въ столицу сеймовыми послами и встрѣтила всеобщее неодобреніе. Подозрѣвали, какъ это уже часто случалось при прежнихъ королях, что король имѣетъ замыселъ усилить монархическую власть и ограничить золотую шляхетскую вольность. Рѣпнинъ и

Digitized by Google

прусскій посланникъ Бенуа явились къ нему и объявили, что дворы ихъ не допустятъ въ Польшѣ дѣлать того, что̀ противно желаніямъ націи, а потому они протестуютъ противъ намѣренія увеличить число войска и размѣръ податей. Король упалъ духомъ и горько заплакалъ. Оказалось, что если нація дѣйствительно огорчена и раздражена противъ Россіи за покровительство не-католикамъ, то таже нація была противна всякимъ преобразованіямъ болѣе, чѣмъ сама Россія, которая, какъ выше было сказано, была готова содѣйствовать полезнымъ преобразованіямъ въ Польшѣ, но только заручившись, для своей безопасности, крѣпкимъ и твердымъ союзомъ съ нею.

Чарторыскіе, какъ увидѣли, что преобразованія, которымъ они сами же положили починъ, не удаются, тотчасъ стали опять сближаться съ Рѣпнинымъ, заискивать черезъ него милостей императрицы и вооружали пословъ сеймовыхъ. Это еще болѣе убивало Станислава-Августа. Самъ ярый епископъ Солтыкъ, ненавидѣвшій и короля, и Чарторыскихъ, и русскихъ, сближался съ Рѣпнинымъ черезъ референдарія Подосскаго и льстилъ его согласіемъ съ своей стороны на компромиссъ по дѣлу о диссидентахъ. Но то была только интрига. Епископъ заискивалъ у русскаго министра для того, чтобъ надѣлать непріятностей королю и, въ особенности, мѣшать проекту о большинствѣ голосовъ. Когда онъ увидалъ, что и безъ того всѣ противъ этого проекта и онъ пройти ни въ какомъ случаѣ не можетъ,—тотчасъ перемѣнилъ тонъ.

Въ засѣданіи 11-го ноября на сеймѣ заговорили о дѣлѣ не-католиковъ; поднялся страшный шумъ; большинство пословъ въ одинъ голосъ вопило, что ни за что̀ не допустятъ нарушить права религіи. Одинъ изъ пословъ, Гуровскій, сталъ было говорить за свободу не-католиковъ, но ему угрожали саблями, кричали на короля за его планы ввести рѣшеніе посредствомъ большинства голосовъ. «Ни за что не позволю большинства—кричалъ посолъ Чацкій,—съ большинствомъ, пожалуй, допустятъ мѣщанъ къ сейму, и хлоповъ нашихъ уволятъ отъ подданства!» Король ушелъ. Послы кричали, ругались, потомъ разошлись. Конфедерація, устроенная Чарторыскими, уничтожилась.

Послѣ этого, оставалось прибѣгнуть къ средству рѣшительному, которое заранѣе государыня приказала употребить въ случаѣ крайности — составить другую конфедерацію въ пользу не-католиковъ. На Рѣпнина возложено было это трудное порученіе. Оно казалось даже почти невозможнымъ. Поляки-католики были очень фанатичны и если въ чемъ-нибудь непродажны, такъ именно въ дѣлѣ вѣры; не-католики были не многочисленны въ высшемъ

Digitized by Google

классѣ: охотниковъ до такой конфедераціи могло найтись мало, а вѣдь только о высшемъ классѣ могла идти рѣчь, когда шло дѣло о дарованіи политическихъ правъ. Но въ такомъ разлагающемся обществѣ, каково было польское, убѣжденія были второстепенными двигателями событій; главное мѣсто занимали личные интересы. Шляхту всегда можно было взволновать: не нужно было говорить за что или противъ чего надобно подниматься, а стоило указать ей только лица или фамиліи, за которыхъ или противъ которыхъ приходилось постоять, да главное, нужно посулить при этомъ ей выгоды. У Чарторыскихъ недруговъ было много; ихъ сила возбуждала зависть и соревнованіе. У знатныхъ пановъ, стоявшихъ къ нимъ непріязненно, были сторонники—обыватели и шляхта. Короля не любили, и думали, что онъ все еще за одно съ Чарторыскими, хоть онъ и поссорился съ ними. Паны надѣялись его низложить; были такіе, что подумывали сѣсть сами на его мѣсто; другіе надѣялись выбрать болѣе подходящаго для себя и держать его въ рукахъ. Собрать все недовольное Чарторыскими и королемъ, поманить обѣщаніями и привязать къ этому дѣло, о свободѣ не-католиковъ — такой планъ замыслилъ референдарь Подосскій, сообщивъ его Рѣпнину, и самъ взялся работать. Подосскій былъ давній врагъ короля; по смерти Августа III, онъ уговаривалъ поляковъ избрать сына покойнаго польскаго короля. Это не удалось. Екатерина посадила Станислава-Августа, — Подосскій сталъ врагомъ Россіи; теперь же, когда уже Россія стала недовольна посаженнымъ королемъ и Рѣпнинъ намекалъ на возможность низложить его, Подосскій сдѣлался вѣрнымъ орудіемъ Россіи. Рѣпнинъ обѣщалъ ему доставить мѣсто примаса. Съ Чарторыскими не считали нужнымъ церемониться; они увивались около Рѣпнина, кричали передъ нимъ противъ короля и противъ уничтоженія liberum veto, которое уничтожить прежде сами хотѣли; имъ не вѣрили, потому что они ничего не дѣлали въ угоду Россіи для дѣла не-католиковъ. Ихъ двуличность была очевидна.

Поляковъ только дурачили, говоря имъ о низложеніи короля. Екатерина не хотѣла его низлагать, а разсчитывала наказать его за то, что, во время прошлаго сейма, онъ не только не старался дѣлать угодное императрицѣ, а еще угождалъ епископамъ и самъ подавалъ полякамъ примѣръ упрямства. Подосскій началъ собирать враговъ короля и фамиліи (Чарторыскихъ), Рѣпнинъ издалъ декларацію, гдѣ объяснялъ, что императрица желаетъ полякамъ добра и спокойствія, и поэтому вынуждена послать во владѣнія Рѣчи-Посполитой войско для защиты слабыхъ противъ могущественныхъ. При этомъ, именемъ своей государыни онъ ручался за цѣлость и нераздѣлимость Польши. Къ декларацiи

Digitized by Google

прилагалось письмо Панина, завѣдывавшаго въ Россіи иностранными дѣлами: оно приглашало поляковъ соединиться дружно за свою свободу и права. Декларація съ письмомъ была разослана по всей Польшѣ на разныхъ языкахъ. Въ тоже время болѣе тридцати тысячъ русскаго войска вошло въ Польшу. Былъ планъ устроить разомъ на различныхъ концахъ Польши и Литвы конфедераціи, а потомъ соединить ихъ въ одну, и маршаломъ этой конфедераціи учинить Карла Радзивила (Panie kochanku), бѣжавшаго послѣ неудачнаго сопротивленія при избраніи въ короли Понятовскаго, за границу. Онъ проживалъ въ Дрезденѣ, и находился разомъ подъ опалою русской императрицы и польскаго короля.

Подосскій пригласилъ въ Варшаву знатнѣйшихъ пановъ: тутъ были кіевскій воевода Салерій Потоцкій, другой Потоцкій, крайчій, надворный маршалъ Мнишекъ, великій коронный подскарбій Вессель, великій коронный кухмистръ Вельогурскій, литовскій стражникъ Поцѣй, Оссолинскій, Тарло и другіе, все непріятели Чарторыскихъ. Старый гетманъ Браницкій самъ не пріѣхалъ, а прислалъ уполномоченнаго; здѣсь были даже главные и упорнѣйшіе враги вѣротерпимости—епископы Красинскій и Солтыкъ. На общемъ совѣщаніи, 10-го мая 1767, Рѣпнинъ предложилъ устроить конфедерацію и изложить требованія и мнѣнія для водворенія и обезпеченія порядка. Ненависть къ королю и Чарторыскимъ, боязнь за свои права и вольности, на которыя король и Чарторыскіе посягали своими реформами, заставили забыть другіе виды на время. Надѣялись низвергнуть короля. Рѣпнинъ не обѣщалъ имъ этого прямо, а говорилъ двусмысленными выраженіями: «конфедерованная нація получитъ все, чего захочетъ отъ императрицы». Паны разумѣли подъ этимъ обѣщаніе избавить ихъ отъ Понятовскаго, и этого было довольно; съ своей стороны всѣ обѣщали содѣйствовать общему дѣлу и разъѣхались. И вслѣдъ за тѣмъ, по всей Польшѣ и Литвѣ, возникли конфедераціи.

Кіевскій воевода сконфедеровалъ русскія провинціи Волынь и Подоль; Мнишекъ Великую Польшу; Красинскій воеводство Равское, Мазовецкое и Лэнчицкое; Вессель Краковское; Тарло Люблинское; Оссолинскій Сендомирское; Браницкій Подлясье. Собственно диссидентскія конфедераціи составились въ Торунѣ и Слуцкѣ; къ послѣдней примкнули православные и въ ихъ числѣ архіепископъ Конисскій, которому обѣщано мѣсто въ сенатѣ: это было только возвращеніе прежняго права; русскіе добились этого права еще въ XVII вѣкѣ, но поляки его нарушили. Когда диссидентская конфедерація прислала своихъ депутатовъ къ ко-

Digitized by Google

ролю, Станиславъ-Августъ не хотѣлъ принимать ихъ; онъ боялся этимъ самымъ узаконить требованія конфедераціи. Рѣпнинъ настоялъ, чтобъ онъ ихъ принялъ. Король покорился и оставилъ за собою такую уловку, будто онъ принимаетъ этихъ господъ не такъ, какъ полномочныхъ отъ конфедераціи, а какъ простое собраніе людей, пришедшихъ къ нему за совѣтомъ.

Въ Польшѣ и Литвѣ состоялось тогда сто-семьдесятъ-восемь собраній, и на нихъ подписалось восемьдесять-тысячъ особъ; и все это сдѣлалось въ теченіи мая 1767, въ продолженіи какихъ-нибудь восьми или десяти дней. Такая быстрота объясняется тѣмъ, что въ Польшѣ издавна обыватели и шляхта привыкли слушаться знатныхъ пановъ; во всякомъ околодкѣ былъ свой королекъ; къ нему тянуло шляхетство, ему угождало; и теперь стоило этимъ королькамъ скликать въ назначенное мѣсто обывателей и шляхту и предложить, что́ угодно. Такъ вездѣ и сталось. Повсюду громада шляхты приступала къ конфедераціи въ пьяномъ видѣ, послѣ пирушки, которую ей устраивалъ королекъ; никто не думалъ о вѣротерпимости, напротивъ, всѣ были воспитаны и укрѣплены въ исключительномъ фанатизмѣ и ужаснулись бы, еслибъ тогда же узнали, что дѣло идетъ о дарованіи правъ схизматикамъ и еретикамъ; имъ выставлялось, что король и Чарторыскіе хотятъ нарушить древнія шляхетскія вольности, а русская императрица ихъ защищаетъ. Отъ разныхъ конфедерацій присланы были въ Варшаву, по заданному заранѣе плану, къ Рѣпнину одинакія заявленія: уничтожить недавно учрежденныя коммиссіи, отнюдь не допускать рѣшенія дѣлъ на сеймѣ большинствомъ голосовъ, сохранить зеницу шляхетской вольности liberum veto, не дозволять умноженія податей и увеличенія войска и просить императрицу принять на себя гарантію ненарушимости польскаго правленія.

Между тѣмъ Рѣпнинъ снесся съ Радзивилломъ. Ему, отъ имени императрицы, обѣщано примиреніе и забвеніе прошлаго, возвращеніе всѣхъ правъ, снятіе секвестра съ имѣній, все это съ тѣмъ, чтобъ онъ принялъ на себя званіе маршала общей конфедераціи, заявилъ себя защитникомъ свободы совѣсти, не притѣснялъ бы въ своихъ имѣніяхъ православныхъ и диссидентовъ, возвратилъ бы имъ церкви и позволилъ строить новыя. Ему внушали, что защищая разновѣрцевъ, онъ ничего не сдѣлаетъ преступнаго противъ собственной римско-католической религіи, которая остается по прежнему господствующею въ государствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ него, въ числѣ условій, потребовали, чтобъ онъ впередъ велъ себя скромно и благообразно. Такое условіе было необходимо, потому что Panie kochanku былъ большой руки самодуръ. Легкомысленный,

Digitized by Google

расточительный до безразсудства, вѣчно веселый и вѣчно пьяный, равно добродушный и буйный, этотъ панъ-забулдыга, по ограниченности ума, былъ всегда склоненъ къ тому, чтобъ его водили за носъ, но всегда былъ увѣренъ, что дѣлаетъ такъ, какъ самому хочется, и ему казалось, что все кругомъ его слушается. Партія его въ Литвѣ была чрезвычайно велика; никто щедрѣе его не кормилъ и не поилъ братью-шляхту, никто не способенъ былъ дороже купить ее для своихъ прихотей. Радзивиллъ передъ тѣмъ, въ видахъ низложенія Екатерины, покровительствовалъ самозванкѣ Таракановой, но, получивъ дружелюбныя предложенія отъ Россіи, оставилъ претендентку и прибылъ въ Литву.

3-го іюня 1767 онъ вступилъ въ Вильну. Духовенство, городской магистратъ, нѣсколько тысячъ прибывшей нарочно шляхты встрѣчали его съ радостными восклицаніями; съ нимъ былъ не покидавшій его русскій полковникъ Карръ. Русскія войска будто для почета провожали его. Выстрѣлы русскихъ пушекъ раздавались во славу его возвращенія вмѣстѣ съ гуломъ виленскихъ колоколовъ. «Да будетъ благословенъ возвратъ твой — кричала шляхта—ты приносишь намъ свободу и миръ»! Радзивиллъ подписалъ свой акцессъ къ общей конфедераціи. Дѣло конфедераціи съ этой минуты въ Литвѣ стало твердо: куда Радзивиллъ, туда и большая половина Литвы.

Изъ Вильны Радзивиллъ поѣхалъ въ Бѣлостокъ, гдѣ засталъ стараго гетмана Браницкаго, короля и Чарторыскихъ. Гетманъ очень ненавидѣлъ, но, въ тоже время, боялся Россіи и потому колебался. Пріѣздъ Радзивилла придалъ ему твердости. Онъ поѣхалъ въ Варшаву и былъ обласканъ Рѣпнинымъ. Онъ надѣялся авось-либо, по низложеніи короля Станислава-Августа, корона достанется его сѣдой головѣ.

Радзивиллъ отправился къ сопровожденіи русскихъ войскъ въ Радомъ. Тамъ Рѣпнинъ назначилъ сборное мѣсто для соединенія всѣхъ конфедерацій, которыя туда выслали своихъ совѣтниковъ. Русскій посланникъ сообразилъ, что если оставить поляковъ на свободѣ бесѣдовать о своихъ дѣлахъ, то они перепьются, передерутся и ничего не постановятъ, а потому приказалъ полковнику Игельстрому окружить Радомъ русскимъ войскомъ. Когда эти мѣры были приняты, полковникъ Карръ, сопровождавшій Радзивилла, словно дядька, потребовалъ, чтобъ всѣ единогласно порѣшили собрать чрезвычайный сеймъ и на немъ узаконить допущеніе къ правамъ православныхъ и диссидентовъ и принять отъ Россіи гарантію правленія Рѣчи-Посполитой. Это значило, иными словами, поступить законно подъ зависимость отъ Россіи. Поляки протрезвились. Въ собраніи поднялся ропотъ. Изъ вось-

Digitized by Google

мидесяти восьми членовъ, присланныхъ представителями разныхъ конфедерацій, только шесть безпрекословно пристали къ требованію Карра. Всѣ прочіе шумѣли; но Карръ хладнокровно объявилъ имъ, что всякій свободенъ противиться какъ ему угодно; пусть только, при этомъ, знаетъ, что императрица поступитъ съ тѣмъ, какъ съ своимъ врагомъ и съ возмутителемъ общественнаго спокойствія въ его собственномъ отечествѣ. Нельзя было вести много разговоровъ въ такой обстановкѣ, въ какой находилась конфедерація. Поневолѣ всѣ должны были согласиться въ виду окружавшаго ихъ русскаго войска. Каменецкій епископъ Красинскій, сильнѣйшій противникъ вѣротерпимости, далъ такой многознаменательный іезуитскій совѣтъ: «Если хотите выпутаться изъ бѣды, то будьте во всемъ послушны и подписывайте. Чѣмъ больше зла намъ сдѣлаютъ, тѣмъ бо́льше способовъ у насъ будетъ». О низложеніи короля нельзя было толковать. Впрочемъ, самъ Радзивилъ былъ противъ этого и изъявилъ желаніе признать его королемъ, когда уже случилось такъ, что онъ избранъ и коронованъ. «Насъ подманили словно пташекъ на клей — говорили послѣ спохватившіеся поляки — обольстили, ослѣпили отдаленными надеждами на перемѣну главы государства. Хотѣли мы оборонять свою вольность, а стали невольниками, хотѣли охранить св. вѣру, и нарушаемъ ее. Такая подлость у насъ господствуетъ: хоть и видимъ, что всѣ наши поступки несомнѣнно пагубны, однако, не стыдимся самымъ гнуснѣйшимъ образомъ привыкать къ рабству».

Король въ Варшавѣ, между тѣмъ, сошелся съ русскимъ посломъ. Рѣпнинъ представилъ ему, что восемьдесятъ тысячъ подписей ясно показываютъ, какъ не твердо онъ сидитъ на своемъ престолѣ, и какъ легко дѣлать съ поляками такія вещи, которыя съ перваго вида казались невозможными. Станиславъ-Августъ сообразилъ, что его судьба въ рукахъ Россіи, и согласился на все. «Хотя бы всѣ ваши партизаны были у васъ отняты — сказалъ онъ Рѣпнину — а я буду держаться съ вами и безъ изъятія стану дѣлать все, чего потребуетъ отъ меня государыня по дѣлу о диссидентахъ и о гарантіи». Это говорилъ онъ вовсе не искренно, но, тѣмъ не менѣе, Россія не находила нужнымъ потакать врагамъ его болѣе. Рѣпнинъ теперь явно и открыто сталъ всѣмъ говорить, что императрица отнюдь не дозволитъ лишить короны Станислава-Августа. Онъ даже не велѣлъ перемѣнять обычныхъ судовъ и административныхъ мѣстъ, какъ случалось въ Полыпѣ, во время конфедерацій. За то и король, въ угодность Рѣпнину, не противорѣчилъ назначенію примасомъ Подосскаго. Высокая награда, которую этотъ человѣкъ получилъ за преданность Россіи, должна была и другихъ ободрять къ вѣрности и доброжелательству Рос-

Digitized by Google

сіи. Употребляя въ дѣло враговъ Чарторыскихъ, Рѣпнинъ относился ласково къ самымъ Чарторыскимъ.—«Вы, господа—говорилъ онъ Августу Чарторыскому—можете приставать и не приставать къ конфедераціи: какъ вамъ угодно; только въ послѣднемъ случаѣ извольте оставаться нейтральными. Императрица никого не принуждаетъ, но будетъ почитать за злодѣевъ тѣхъ, которые противъ нея дѣйствовать будутъ». Въ хорошихъ отношеніяхъ Рѣпнинъ былъ съ сыномъ Августа, княземъ Адамомъ, но еще въ лучшихъ съ его женою, Изабеллою, урожденной Флемингъ. Современники говорятъ, что и въ пользу короля лично настроила Рѣпнина эта госпожа, бывшая недавно въ нѣжной связи съ королемъ, а теперь перешедшая въ объятія русскаго посланника. Рѣпнинъ, большой любитель прекраснаго пола и свѣтскихъ удовольствій, легко сживался съ поляками и усвоивалъ польскіе взгляды на человѣческія отношенія. Это не мѣшало ему, однако, оставаться русскимъ человѣкомъ въ томъ смыслѣ, что онъ исполнялъ вѣрно и точно повелѣнія своего верховнаго правительства и дѣйствовалъ съ равною энергіею и тогда, когда требованія правительства расходились съ его сочувствіями, какъ и тогда, когда они съ ними совпадали. Когда приходилось дѣлать, Рѣпнинъ дѣлалъ и ни передъ чѣмъ не останавливался. Рѣпнинъ былъ хотя и православный, но безъ сердечности относился къ православному народу; онъ былъ баринъ по своимъ понятіямъ и сочувствіямъ: православная вѣра въ Рѣчи-Посполитой была почти исключительно достояніемъ простого народа; по его личному воззрѣнію не стоило вовсе и хлопотать о томъ, что̀ годится только для черни. Рѣпнинъ не видалъ православныхъ между знатными, родовитыми и богатыми господами. Въ своихъ мнѣніяхъ, посылаемыхъ въ Петербургъ, Рѣпнинъ постоянно выражалъ желаніе, чтобы домогательства правъ для не-унитовъ и диссидентовъ не нарушали преимуществъ господствующей римско-католической религіи, чтобъ не показалось, что Россія желаетъ распространенія православія. Для Рѣпнина лично какъ будто не существовало того важнаго обстоятельства, что въ русскихъ краяхъ Рѣчи-Посполитой католичество и унія распространялись съ насиліями, что утѣсняемый и насилуемый народъ долго отстаивалъ свою вѣру, проливалъ за нее кровь и, изнемогая въ многовѣковой борьбѣ, обращался съ надеждами и моленіями къ Россіи, что на Россіи лежала историческая обязанность, усвоенная прежними вѣками — поддерживать своихъ единовѣрцевъ и пользоваться для этой цѣли всѣми благопріятными обстоятельствами. Когда Россія требовала, чтобы православные епископы засѣдали въ польскомъ сенатѣ, ея посланникъ ходатайствовалъ

Digitized by Google

передъ русскимъ правительствомъ не за православныхъ, а за уніатовъ: онъ даже изъявлялъ боязнь, чтобъ, даруя православнымъ больше правъ, чѣмъ имѣютъ уніаты, не побуждать уніатовъ возвращаться къ православію. Такъ-то русскіе бары, вмѣстѣ съ прадѣдовскими кафтанами и бородами, теряли и завѣтныя преданія своихъ предковъ. Краковскій епископъ приступилъ также къ конфедераціи, но имѣлъ осторожность оговориться, что приступаетъ съ условіемъ неприкосновенности правъ и цѣльности отечества и съ тѣмъ, чтобъ не допускать диссидентовъ до излишнихъ желаній. Послѣ того, какъ совершилось засѣданіе Радомской конфедераціи подъ русскимъ оружіемъ, онъ услышалъ отъ Рѣпнина, что права, для не-католиковъ, требуемыя императрицею, состоятъ именно въ томъ, чтобы православный архіерей засѣдалъ въ сенатѣ, а православные люди и диссиденты имѣли съ католиками равное гражданское значеніе. Тогда онъ засадилъ пятнадцать секретарей и заставилъ ихъ день и ночь писать списки пастырскаго посланія къ правовѣрнымъ католикамъ: онъ приглашалъ вѣрныхъ дѣтей церкви молиться, чтобъ на нихъ низошелъ святой Духъ, и далъ имъ силу бороться съ невѣрными схизматиками и диссидентами.

Уже и безъ того, послѣ Радомской конфедераціи, по всей Польшѣ кричали, что Россія обманываетъ поляковъ, что ихъ насильно заставили подписать противное святой вѣрѣ. Посланіе Солтыка должно было подлить масла въ огонь. Напрасно Рѣпнинъ, черезъ примаса Подосскаго, старался укротить краковскаго архипастыря.—«Скорѣе тѣло свое отдамъ на разсѣченіе, чѣмъ соглашусь на уравненіе правъ не-унитовъ и диссидентовъ съ католиками»—говорилъ Солтыкъ. Рѣпнинъ предвидѣлъ, что этотъ человѣкъ и другіе заклятые фанатики надѣлаютъ шуму на сеймѣ и станутъ мѣшать устроенному Россіею дѣлу. Онъ истребовалъ отъ императрицы разрѣшеніе арестовать тѣхъ, кого найдетъ нужнымъ.

Стали собираться сеймики. Посланіе Солтыка и наущенія фанатиковъ дали такое направленіе шляхетству, что на сеймикахъ слѣдовало ожидать большихъ бурь. Въ этихъ видахъ Рѣпнинъ размѣстилъ русскія войска на тѣхъ пунктахъ, гдѣ надѣялся больше шума, и навязывалъ сеймикамъ проектъ инструкціи, гдѣ было показано, чего должны домогаться на будущемъ сеймѣ послы, по волѣ своихъ избирателей: они должны были требовать удовлетворенія желаній не-католиковъ и гарантіи установленныхъ въ Польшѣ законовъ со стороны Россіи. Были напередъ посланы даже имена тѣхъ, кого Рѣпнину хотѣлось имѣть послами. Король приложилъ къ этому дѣлу руку.

Digitized by Google

Такъ какъ вездѣ на виду были русскія ружья и штыки, то поневолѣ въ невоинственной Польшѣ сеймики составили такія инструкціи, какія имъ велѣли составить, и выбирали пословъ, какихъ хотѣлось русскимъ. Проскакивало кое-гдѣ сопротивленіе, но было усмирено. На одномъ сеймикѣ былъ арестованъ обыватель Чацкій за смѣлыя рѣчи. Въ Каменцѣ, гдѣ чувствовалось вліяніе епископа Красинскаго, два русскіе офицера, прибывшіе съ инструкціями были прогнаны и самый привезенный ими проектъ изрѣзанъ саблями. По закрытіи сеймиковъ, кое-гдѣ написаны были протесты и занесены въ градскія книги, но Рѣпнинъ приказалъ ихъ вырѣзывать оттуда и уничтожать.

Чтобы однимъ разомъ не дать силы и значенія подобнымъ протестаціямъ, Рѣпнинъ, передъ открытіемъ сейма, потребовалъ отъ конфедераціи постановленія объ уничтоженіи всѣхъ такихъ протестовъ. Тогда поднялся противъ этого одинъ изъ членовъ конфедераціи, Кожуховскій. Рѣпнинъ тотчасъ велѣлъ его арестовать. Конфедераты зашумѣли сильнѣе. Папскій нунцій возбуждалъ поляковъ именемъ вѣры, хотя въ своихъ донесеніяхъ отзывался о нихъ съ крайнимъ презрѣніемъ и называлъ развращенною и глупою націею (la traviata ed imbecile nazione). Конфедераты сошлись у Радзивилла, кричали, что всѣ готовы на мученичество за святую вѣру. Рѣпнинъ внезапно явился къ нимъ, и обращался съ ними, словно учитель съ буйными школьниками; онъ говорилъ имъ: «Перестаньте шумѣть, а не то, какъ я заведу шумъ, такъ мой будетъ посильнѣе вашего». — «Освободить Кожуховскаго», кричали конфедераты. — «Крикомъ у меня ничего не возьмете — сказалъ Рѣпнинъ, — будете шумѣть — ничего не сдѣлаю; а попросите тихо и учтиво, такъ можетъ быть и сдѣлаю вамъ удовольствіе». Тогда Радзивиллъ подошелъ къ нему, и попросилъ его учтиво, отпустить Кожуховскаго. Рѣпнинъ тотчасъ исполнилъ его просьбу. Зная, что всякому упорству виною Солтыкъ, Рѣпнинъ послалъ военную экзекуцію въ имѣніе краковскаго епископа; солдаты разоряли магазины, забирали и истребляли всякую движимость, принадлежавшую епископу. Приблизился сеймъ. — Солтыкъ зналъ, или, можетъ быть, догадывался, что у Рѣпнина насчетъ его есть рѣшительныя приказанія. Онъ составилъ завѣщаніе, въ надеждѣ быть высланнымъ, какъ онъ думалъ, въ Сибирь, и установилъ викаріевъ на мѣсто себя для управленія епархіею.

Сеймъ открылся (23 сентября) 4 октября. Порядокъ, выдуманный Рѣпнинымъ, былъ таковъ: сеймъ долженъ былъ выбрать изъ своей среды делегацію, уполномочить ее согласиться на все, чего требуетъ русскій посланникъ, и тѣмъ покончить все дѣло.

Digitized by Google

Въ такомъ смыслѣ долженъ былъ податься проектъ на первомъ засѣданіи.

Солтыкъ не допустилъ чтенія этого проекта на первомъ засѣданіи. «Послы—говорилъ онъ—будучи сами выбранными, не имѣютъ права устраивать делегаціи и передавать ей одной власть, принадлежавшую имъ всѣмъ. Съ россійскимъ посланникомъ вовсе нѣтъ нужды вести трактаты. Обыкновенно трактаты ведутся по поводу заключенія мира послѣ войны, или по поводу союзнаго договора. Но императрица объявляетъ, что она желаетъ, чтобы оказано было правосудіе не-католикамъ, обратившимся къ ней съ жалобой; намъ, поэтому, предстоитъ прямой легальный путь, назначить коммисію для изслѣдованія: справедливы ли жалобы тѣхъ, которые обращались къ императрицѣ»? Обратившись къ королю, Солтыкъ сказалъ: «Ваше величество обѣщались и обязались проливать свою кровь за вѣру; вотъ теперь пришло время дать намъ доказательство искренности вашихъ чувствованій и показать собою примѣръ всему народу».

За нимъ говорилъ старый Вацлавъ Ржевускій, краковскій воевода, человѣкъ стараго времени, строгій консерваторъ, ненавистникъ всякихъ реформъ и нововведеній, откуда бы они ни исходили. Онъ, прежде всего, распространился въ похвалахъ своимъ предкамъ и совѣтывалъ поступать по ихъ примѣру. «Проектъ, о которомъ идетъ рѣчь—сказалъ онъ,—такого рода, что отъ него произойдетъ, или свобода, или зависимость Польши. Наши предки установили законъ не иначе принимать важные проекты, какъ обсудивши ихъ. Нельзя принимать такого проекта необдуманно: это значитъ самому голову въ ярмо вкладывать. О насъ скажутъ: вотъ дѣти недостойные отцевъ своихъ; это уже не поляки».

Послѣ этой рѣчи король закрылъ засѣданіе, а Рѣпнинъ на другой же день отправилъ военную экзекуцію въ имѣніе краковскаго воеводы.

На слѣдующій день, въ засѣданіи, выступилъ кіевскій епископъ Іосифъ Залусскій, знаменитый собиратель рукописей и книгъ, основатель публичной библіотеки. У него въ рукахъ были два папскія бреве, взывающія къ католикамъ, чтобы они не поддавались внушеніямъ, противнымъ вѣрѣ. Чтеніе ихъ произвело поражающее впечатлѣніе.

Выступилъ сынъ Вацлава Ржевускаго, молодой Северинъ, посолъ подольскій. «Я, сказалъ онъ:—выбранъ свободно; доказательствомъ служитъ мое постоянное сопротивленіе и чувства свободныхъ обывателей, именемъ которыхъ я обязанъ произнести слово; я, поэтому, готовъ терпѣть всякаго рода притѣсненія и

Digitized by Google

самую смерть. Многіе изъ пословъ, напротивъ, выбраны русскими. Обольщенные, они сдѣлались врагами свободы. Ихъ не ужасаетъ то, что всѣ провинціи терпятъ безмѣрныя утѣсненія; до ушей короля не доходятъ вопли народа».

Король, чтобы остановить дальнѣйшую тревогу, возбужденную на сеймѣ этой рѣчью, опять закрылъ засѣданіе.

По желанію Рѣпнина, слѣдующее засѣданіе отложено на шесть дней. Рѣпнинъ поджидалъ еще одного заклятаго противника, каменецкаго епископа Красинскаго. Послѣ радомскаго совѣщанія, онъ уѣхалъ въ свои имѣнія, лежавшія на турецкой границѣ. Знакомый лично съ хотинскимъ пашею, онъ спряталъ у него свои сокровища и отправилъ въ Константинополь каноника армянина Анкевича съ извѣщеніемъ, что русская императрица возбуждаетъ грековъ и черногорцевъ къ мятежу противъ Турціи; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ изложилъ жалобы на самовольства, какія позволяетъ Россія въ Польшѣ. Скоро онъ получилъ отвѣтъ, чрезвычайно лестный: его извѣщали, что турки готовы объявить войну Россіи за Польшу, лишь бы Австрія не мѣшала, и кромѣ того обѣщаютъ дать полякамъ взаймы денегъ. Красинскій былъ въ восторгѣ и поѣхалъ въ Варшаву съ великими надеждами. Онъ не зналъ того, что Рѣпнину были извѣстны его сношенія. Его-то Рѣпнинъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ, чтобы взять вмѣстѣ съ другими и отправить, куда слѣдуетъ, подалѣе.

Услышавъ, что онъ ѣдетъ въ Варшаву, Рѣпнинъ послалъ ему на встрѣчу конвой провожать его до столицы, какъ будто для почета. Но Красинскій догадался въ чемъ дѣло, и за нѣсколько верстъ отъ Варшавы переодѣлся стрѣлкомъ, бросилъ свой экипажъ и убѣжалъ. Онъ пробрался между русскими войсками, которые окружали тогда всю Варшаву, прибылъ въ Прагу и тайно послалъ къ Солтыку совѣтъ, чтобы онъ не противился, не подвергалъ себя напрасно опасности; лучше пусть ожидаетъ благопріятнаго времени; есть большія надежды на турокъ. «Не бѣда, если и весь сеймъ уступитъ императрицѣ: пусть только одинъ смѣлый посолъ найдется, чтобы протестъ записать; а потомъ мы составимъ конфедерацію. Пусть послы сдѣлаютъ все угодное силѣ, а потомъ идутъ въ конфедерацію, только тайно до поры до времени; пусть каждый дастъ клятву не разглашать этого, а въ свое время защищать вѣру и свободу, жертвуя за нихъ жизнью».

Солтыкъ послалъ къ нему Іосифа Пулавскаго, похвалилъ его предпріятіе и велѣлъ сказать: «Каждый изъ насъ пусть ищетъ средствъ къ спасенію отечества, сообразно своему характеру. Я съ своей стороны желаю принудить москалей поступить со мной

Digitized by Google

явно потирански. Зло, которое они мнѣ сдѣлаютъ, принесетъ пользу отечеству».

И дѣйствительно, Солтыкъ принялъ намѣреніе дразнить Рѣпнина и доводить его до крайнихъ поступковъ. Послѣ открытія засѣданій, онъ предложилъ Избѣ потребовать отъ Рѣпнина объясненія: на какихъ основаніяхъ онъ себѣ позволяетъ брать подъ арестъ обывателей, разорять имѣнія, насиловать убѣжденія и предписывать законы полякамъ?

Это произвело одобреніе. Король сейчасъ закрылъ засѣданіе.

У Солтыка въ домѣ происходило совѣщаніе. Тамъ даже поговаривали: нельзя ли устроить надъ не-католиками чего-нибудь въ родѣ Сицилійскихъ вечерень, или Варѳоломеевской ночи. Рѣпнина объ этомъ тайно извѣстили. Тогда Рѣпнинъ рѣшился успокоить неугомоннаго епископа и его горячихъ товарищей по оппозиціи.

Въ ночь съ 13-го на 14-е октября, полковникъ Игельстромъ арестовалъ Солтыка въ домѣ великаго короннаго маршалка Мнишка, гдѣ краковскій епископъ ужиналъ.—Знаете ли, что я князь, сенаторъ и духовное лицо», сказалъ епископъ.—Васъ-то и приказано арестовать, сказалъ Игельстромъ. «Я думалъ — сказалъ Солтыкъ — что меня арестуютъ въ моемъ домѣ и нарочно оставилъ золотую табакерку въ подарокъ тому, кому поручатъ такую комисію».

Залускаго взяли въ то время, когда онъ стоялъ на молитвѣ и держалъ въ рукѣ распятіе. При видѣ русскихъ, онъ гласно возопилъ къ Богу о прощеніи тѣмъ, которые его оскорбляютъ.

Арестовали Ржевускихъ, отца и сына. За конвоемъ, состоящимъ изъ 200 конныхъ, ихъ всѣхъ отправили въ Калугу.

Три сенатора, отъ имени короля, пріѣхали требовать у Рѣпнина объясненія. Онъ отвѣчалъ: «Я обязанъ объяснять свои поступки только своей государынѣ. Арестованные не будутъ освобождены до тѣхъ поръ, пока не будетъ все сдѣлано, согласно волѣ императрицы.»

Послѣ такихъ энергическихъ поступковъ, все пошло какъ по маслу. Назначили делегацію изъ шестидесяти пословъ, а изъ нихъ выбрали четырнадцать человѣкъ и положили рѣшить дѣло большинствомъ голосовъ. Такимъ образомъ, судьба Рѣчи-Посполитой отдавалась восьми лицамъ. Совѣщанія происходили въ присутствіи русскаго посланника и министровъ Пруссіи, Англіи, Швеціи и Даніи. Поодаль сидѣлъ бѣлорусскій архіепископъ Конисскій. Очень много разсуждать и разглагольствовать нельзя было. — «Я требую не толковъ, не объясненій—говорилъ Рѣпнинъ—а послушанія.» — 19 ноября рѣшено допустить православ-

Digitized by Google

ныхъ и диссидентовъ ко всѣмъ должностямъ, исключая королевскаго достоинства. Римско-католическая религія все-таки осталась господствующею, а при смѣшанныхъ бракахъ дѣти должны были исповѣдывать религію того изъ родителей, къ полу котораго сами принадлежали.

При всей рѣзкости своего обращенія, происходившей по предписанію своей власти, Рѣпнинъ не только, не былъ врагомъ Польши, но ходатайствовалъ за нее передъ императрицею. Госпожа, владѣвшая его сердцемъ, настраивала его: онъ хвалилъ своей государынѣ Станислава-Августа, увѣрялъ въ его преданности Россіи и доказывалъ, что Россія должна безкорыстно помогать Польшѣ устроить у себя порядокъ, а не поддерживать въ ней анархіи, и потому допустить уничтожить liberum veto. По увѣренію Рѣпнина, всѣ благомыслящіе люди въ Польшѣ этого хотѣли. Императрица отвѣчала, что нѣтъ необходимости не дозволять сосѣдямъ пользоваться «индифферентнымъ и спокойнымъ порядкомъ, тѣмъ болѣе, когда такой порядокъ можно обратить на пользу Россіи. Политика Екатерины не направлялась умышленно къ тому, чтобы препятствовать благоустройству Польши, но настолько, насколько можно было заручиться увѣренностію, что благоустройство не мѣшаетъ Россіи». Такъ, на сеймѣ 1768 г. (продолженномъ съ 1767 г.), постановлено было, съ благословенія Россіи, чтобъ въ теченіи времени, когда сеймъ бываетъ въ сборѣ, первыя три недѣли онъ занимался экономическими дѣлами, и эти дѣла должны были рѣшаться большинствомъ голосовъ, а другія двѣ государственными, и по дѣламъ этого рода рѣшеніе должно происходить посредствомъ единогласія. Екатерина находила несвоевременнымъ допустить господство большинства голосовъ во всѣхъ дѣлахъ. Пользуясь давнею привычкою шляхты угождать панамъ, какой-нибудь знатный панъ могъ собрать значительную партію, добыть себѣ большинство и такимъ образомъ проводить замыслы безпокоить Россію и вредить ей. Да и безотносительно къ Россіи уничтоженіе liberum veto не водворило бы въ Польшѣ благоустройства, а скорѣе усилило бы въ ней анархію. Если оно до тѣхъ поръ препятствовало хорошимъ замысламъ, то препятствовало также и худымъ. Легко было предвидѣть, что могло явиться съ его уничтоженіемъ въ такомъ продажномъ и деморализованномъ обществѣ, какимъ было польское. Знатный и богатый панъ, за одно съ своею роднею и пріятелями, пригонитъ на разные сеймики подпоенную и подкупленную шляхту, выберетъ въ послы своихъ подручниковъ, составитъ себѣ большинство голосовъ, постановитъ такіе законы, какіе ему угодно, и захватитъ власть, раздѣливъ ее съ своею партіею. Про-

Digitized by Google

тивъ него поднимется другой панъ, также съ своими близкими, разсыплетъ еще болѣе червонцевъ между шляхтою и напоитъ ее еще усерднѣе чѣмъ первый, и большинство перейдетъ на его сторону. Страсти, разумѣется, усилились бы и ожесточились кровопролитія, опустошенія страны были бы неминуемыми послѣдствіями такой перемѣны. Въ Польшѣ существовали уже образцы устройства съ большинствомъ голосовъ — это конфедераціи, всегда производившія тревогу и перетасовку общественныхъ отношеній, всегда почти сопровождаемыя междоусобіями и кровопролитіемъ. Допустить большинство голосовъ, значило устроить Польшу такъ, чтобы въ ней не переставали конфедераціи, чтобы вѣчно новая ниспровергала старую, а иногда, появлялось бы разомъ нѣсколько конфедерацій, противныхъ другъ другу. Ошибались тѣ, которые, видя дурныя стороны liberum veto, думали, что уничтоженіе этого закона принесло бы отечеству счастіе, силу и спокойствіе: оно бы, напротивъ, ввергнуло его еще глубже въ омутъ безурядицы.

Кромѣ закона о голосахъ, на этомъ сеймѣ, подъ вліяніемъ Россіи, издано было нѣсколько законовъ, дѣйствительно показывавшихъ стремленіе къ улучшенію и возрожденію. Такимъ образомъ, отнято было у пановъ право жизни и смерти надъ своими хлопами, и послѣдніе судились уже общимъ для всѣхъ судомъ, а не доминіальнымъ судомъ своего господина. Этимъ возвращалась имъ хоть часть человѣческаго достоинства. За убійство хлопа, господинъ отвѣчалъ передъ правосудіемъ, какъ за свободнаго человѣка; положили ввести въ войскѣ строжайшую дисциплину; запрещалось панамъ дѣлать наѣзды другъ на друга; виновнымъ въ этомъ угрожала кара. Этихъ полезныхъ учрежденій не дозволила бы ввести шляхта; только желѣзной рукѣ русскаго посланника они были обязаны своимъ введеніемъ въ законъ; впрочемъ, эта желѣзная рука нужна была и для того, чтобъ новыя установленія принялись въ жизни, а не оставались на бумагѣ.

Вѣчная гарантія Россіи была утверждена этимъ сеймомъ и получила значеніе основного закона. Польша уже не только фактически, но и легально поступила въ зависимость отъ Россіи. Гарантія эта казалась оскорбительною для патріотическаго чувства поляковъ; но, въ сущности, ихъ щекотало болѣе слово, чѣмъ смыслъ дѣла; Польша и безъ того зависѣла прежде и отъ Россіи и отъ каждаго сильнаго сосѣда, и собственными усиліями не могла сдѣлаться независимою. Ея ровному и спокойному перевоспитанію и развитію могла содѣйствовать правильная и законная зависимость отъ какой-нибудь внѣшней силы, которая бы

Digitized by Google

сдерживала сколько-нибудь и успокоивала внутреннія стихіи разрушенія. Только такая внѣшняя сила, какою была для Польши Россія, и могла обуздывать самоуправство и безпорядокъ. Безъ этого условія не предвидѣлось никакихъ средствъ къ скорому и успѣшному перерожденію націи. Какія бы усилія внутри страны ни предпринимались для этой цѣли, противъ нихъ всегда бы враждебно стояли разрушительныя начала, тѣмъ болѣе страшныя, что опирались на привычку и эгоизмъ — два важнѣйшія препятствія въ исторіи человѣческаго прогресса. Если бы въ Польшѣ въ то время была политическая мудрость, то она бы увидѣла въ такой ужасной для патріотическаго самолюбія гарантіи только средство удобнѣе совершить необходимыя перемѣны и привести Польшу въ такое состояніе, въ которомъ она могла воспитать въ себѣ условія, необходимыя для благоустройства, а слѣдовательно, приблизиться къ возможности быть независимою. Такъ именно и смотрѣлъ Подосскій, который, хотя и имѣлъ въ виду главнымъ образомъ свое собственное возвышеніе, но говорилъ справедливо, что, при всей грубости русскаго вмѣшательства, видитъ въ немъ средство воздвигнуть отечество изъ упадка. Были и другіе, думавшіе также, особенно при дворѣ, но проницательность и разсчетливость не въ духѣ польскаго характера: полякъ всегда предпочиталъ поступать такъ, какъ ему говоритъ сердце, а не разсудокъ.

Каменецкій епископъ, его братъ Михаилъ, Іосифъ Пулавскій съ тремя сыновьями составили въ Барѣ конфедерацію противъ сейма 1768 г., всѣхъ перемѣнъ, узаконенныхъ на немъ и, главное, противъ дарованія правъ не-католикамъ и противъ русской гарантіи. Они отправили своихъ посланцевъ въ Турцію; самъ епископъ поѣхалъ въ Саксонію, Парижъ: вездѣ возбуждалъ сочувствіе къ судьбѣ своего отечества, умолялъ о дарованіи помощи Польшѣ противъ насилія. Составленная конфедерація, между тѣмъ, быстро разрослась. За сборищемъ въ Барѣ въ другихъ мѣстахъ появились такія же сборища. Образовалось военное ополченіе. Русскія войска вступили съ нимъ въ борьбу. Война была партизанскаго характера. Край пришелъ въ смятеніе; торговля останавливалась, мирное сообщеніе задерживалось; вербунки въ войско конфедератовъ, вымогательства припасовъ и денегъ отягощали народъ городской и сельскій.

Тогда фанатическая злоба конфедератовъ обратилась на православныхъ: отъ нихъ сталось униженіе Польшѣ, за нихъ, какъ за единовѣрцевъ, заступалась Екатерина; они вызвали ея вмѣшательство своими безпрестанными жалобами и просьбами въ Петербургъ. Въ Южной Руси, гдѣ вѣками укоренилась вражда

Digitized by Google

къ полякамъ и католичеству, русскій народъ сталъ покидать унію и переходить къ вѣрѣ праотцевъ; приходъ за приходомъ присоединялись къ православію; въ однихъ сами священники подавали примѣръ; въ другихъ прихожане принуждали священниковъ, а тѣхъ, которые не хотѣли, прогоняли и на мѣсто ихъ выбирали другихъ. Центромъ православной пропаганды сдѣлался мотронинскій монастырь, гдѣ игуменствовалъ дѣятельный Мельхиседекъ Значко-Яворскій, напутствуемый въ своихъ подвигахъ переяславскимъ архіереемъ Гервасіемъ[1]). Онъ съѣздилъ въ Петербургъ, исходатайствовалъ у императрицы заступничество и въ Варшавѣ получилъ отъ короля привилегію на неприкосновенность своего монастыря. Своевольный фанатизмъ не хотѣлъ знать никакихъ привилегій. «Мы и тебѣ и королю твоему снесемъ голову, чтобъ онъ не давалъ правъ схизматикамъ, собачьей вѣрѣ!» говорили ему поляки. Особеннымъ фанатизмомъ отличался офиціалъ уніатскаго митрополита Мокрицкій, насильственно обращавшій къ уніи тѣхъ, которые въ послѣднее время возвратились къ православію. Священниковъ для поруганія запрягали въ плуги, били ихъ кіями, сѣкли терновыми розгами, насыпали въ голенища горячихъ углей, забивали въ колоды, морили тюремнымъ заключеніемъ, отнимали у нихъ все достояніе и пускали искалѣченныхъ по-міру. Поймали самого Мельхиседека, ругались надъ нимъ и держали въ тюрьмѣ. Барскіе конфедераты, не въ силахъ будучи ничего подѣлать Россіи, мстили ей на православномъ народѣ, подвластномъ Польшѣ. Отсчитывая усердно удары плетей по плечамъ священниковъ и мірянъ, обратившихся изъ уніи въ православіе, или нехотѣвшихъ принимать унію, они приговаривали: «это тебѣ за государыню, а это за короля, а это за архіерея, а это за вся православные христіаны!» На всю Украину навело тогда страхъ варварское истязаніе мліевскаго ктитора Данила Кушнира за то, что онъ не отдалъ уніатамъ гробницы (плащаницы). Его обвязали паклею, привязали къ дереву и сожгли. Но въ Украинѣ имя Богдана Хмельницкаго было извѣстно и старому и малому, извѣстно не изъ книгъ, а изъ живого преданія, передаваемаго отъ родителей къ дѣтямъ; украинскія матери за панскою пряжею пѣли дѣтямъ пѣсни о томъ, какъ нѣкогда ихъ предки казаки гатили гребли панскими трупами. Тайная надежда на освобожденіе *зъ ляцькои неволі* не покидала русскій народъ, какъ Израиля во дни плѣненія. Онъ искалъ и ждалъ спасенія отъ единовѣрной Россіи, гдѣ плѣняло и ободряло его господство той вѣры, которая въ его отечествѣ нашла названіе собачей.

[1]) О дѣятельности этого лица см. Архивъ Югозапад. Росс. ч. I, т. II, III.

Digitized by Google

Взоры народа устремились на сѣверъ къ великому-свѣту-матушкѣ, какъ называлъ онъ Екатерину. Ему показалось, что пришло время отмщенія за вѣковыя страданія. Онъ поднялся, какъ нѣкогда поднимались его дѣды.

Начало возстанію положилъ Максимъ Залізнякъ, запорожецъ. Онъ оставилъ уже войсковое житье, находился на послушаніи въ монастырѣ и готовился поступить въ иноческій чинъ. Поруганіе православной вѣры, избытокъ людскихъ беззаконій, вызвали его въ міръ. Онъ явился подъ мотронинскимъ монастыремъ и заложилъ станъ на урочищѣ Холодный-Яръ. Онъ огласилъ, что у него есть грамота императрицы, призывающая народъ къ возстанію. Мотронинскіе монахи благословили его предпріятіе. Самъ Мельхиседекъ долго держалъ народъ въ предѣлахъ повиновенія и терпѣнія; теперь же, послѣ испытанныхъ надъ собою поруганій, благословилъ предпріятіе, какъ гласитъ преданіе. Впрочемъ, остается еще нерѣшеннымъ: участвовалъ ли Мельхиседекъ въ этомъ возстаніи?

Народъ со всѣхъ сторонъ сталъ стекаться къ Залізняку. Монахи и изгнанные изъ приходовъ священники, терпѣвшіе отъ уніатовъ истязанія, ходили по селамъ и возбуждали къ возстанію. Разомъ явилось нѣсколько предводителей шаекъ: Неживый, Уласенко, Бондаренко, Шило, Тимченко и другіе. Начали рѣзать панскихъ управителей и жидовъ. Обреченные на смерть народнымъ правосудіемъ бѣжали въ укрѣпленныя мѣста и въ глубину Польши. Отдѣльныя шайки присоединяются къ Залізняку. Разсылается воззваніе къ освобожденію панскихъ хлоповъ. «Коронные обыватели — было сказано въ этомъ воззваніи — живущіе въ панскихъ и духовныхъ имѣніяхъ! Наступило время выбиться изъ неволи, освободиться отъ ярма и тягостей, которыя вы терпѣли до сихъ поръ отъ вашихъ пановъ! Богъ съ высокаго неба воззрѣлъ на вашу недолю, услышалъ рыданія и вопли ваши на сей мірской юдоли и послалъ вамъ охранителей, которые отомстятъ за ваши бѣдствія. Прибывайте къ тѣмъ, которые хотятъ учинить васъ свободными и надѣлить правами и вольностями. Теперь-то пришла пора потребовать отчета отъ вашихъ властей за всѣ кривды, мучительства, за всѣ невыразимыя обдирательства. Посылаемъ къ вамъ предводителей. Вѣрьте имъ и идите за ними съ оружіемъ, съ какимъ кто можетъ! Покидайте домы ваши, женъ и любезныхъ дѣтей. Не будете жалѣть объ этомъ, когда опять съ ними увидитесь! Богъ намъ дастъ побѣду и станете вы всѣ вольными панами, когда выгубите змѣиное отродіе пановъ своихъ, которые до сихъ поръ сосутъ вашу кровь! Вы прежде намъ не вѣрили, когда мы къ вамъ озывались, а теперь

Digitized by Google

можете вѣрить, когда братія ваша на Украинѣ и Подоли счастливо начала выбиваться изъ ярма. Призовите Бога на помощь и прибывайте къ намъ»!

На знакомый украинскому сердцу призывъ поднялись тысячи: Залізнякъ объявлялъ возстановленіе гетманщины, всѣхъ сообщниковъ называлъ казаками. Онъ напалъ на Лисянку: тамъ заперлась шляхта съ жидами. Мѣстечко было хорошо укрѣплено, но русскіе жители его сочувствовали возстанію и потребовали отъ начальника своего, Кучевскаго, сдачи. «Все равно — говорили ему — гетманщина будетъ: не устоишь! Лучше тебѣ добровольно сдаться: живъ останешься!» — Кучевскій отворилъ ворота. Казаки положили ему на спину сѣдло, садились на него верхомъ и заставляли возить себя, а потомъ закололи. Всѣхъ католиковъ и жидовъ, искавшихъ спасенія въ замкѣ и сбѣжавшихся туда изъ околицъ, перебили. Надъ дверьми костела францисканскаго монастыря повѣсили ксендза, жида и собаку, а сверху надписали: «ляхъ, жидъ та собака: усе віра однака!» То была, кажется, не новая выдумка, а подражаніе старинѣ: русскіе этимъ поступкомъ явно мстили за то, что поляки называли православіе песьею вѣрою. Болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь стеклось шляхты и жидовъ въ Умани, принадлежавшемъ кіевскому воеводѣ Потоцкому. Залізнякъ направился туда. Управляющимъ или *губернаторомъ* въ Умани отъ Потоцкаго, былъ Рафаилъ Младановичъ. Въ городѣ была панская надворная команда изъ казаковъ, подъ начальствомъ Обуха, а отъ него зависѣли сотники; въ числѣ ихъ былъ нѣкто по фамиліи Гонта: онъ пользовался милостями пана владѣтеля Умани. Младановичъ отправилъ этихъ воиновъ противъ возстанія, но Гонта передался къ Залізняку, а по его примѣру и другіе казаки.

Въ Умани, народу было биткомъ-набито, а воды не было; приходилось утолять жажду вишневкою да медомъ, и потому всѣ перепились и стали неспособны къ оборонѣ. Младановичъ былъ не храбраго десятка и потерялъ духъ. Ксендзы приготовляли всѣхъ къ смерти. Гонта вызвалъ Младановича на разговоръ, объявилъ, что идетъ съ товарищами по приказанію Екатерины и ея именемъ требовалъ покорности.

Одинъ изъ товарищей Младановича, Ленартъ, сказалъ: прòсимо на хлібъ-на-сіль! Но другой, Рогашевскій, закричалъ: стрѣлять шельму! Младановичъ не дозволилъ стрѣлять и самъ въ страхѣ убѣжалъ въ костелъ. Гайдамаки ворвались въ городъ и вторгнулись въ костелъ, куда, вслѣдъ за Младановичемъ, вбѣжала шляхта толпою искать спасенія въ молитвѣ. Увидя входящихъ казаковъ, поляки падали на землю и просили пощады и милосердія. «Гарненько ляшеньки просяться: треба перепустити!»

Digitized by Google

сказалъ одинъ казакъ. «А що зъ тобою буде, якъ имъ перепустимо!» отвѣчалъ Гонта. Разъяренная толпа бросилась убивать и мучить всѣхъ: ихъ кололи копьями, рѣзали ножами, рубили саблями и топорами, не разбирая ни пола, ни возраста. Инымъ обрубливали ноги и руки и оставляли мучиться, не внимая ихъ моленіямъ докончить ихъ. Прокалывали насквозь дѣтей и подымали вверхъ на копьяхъ. Ксендзовъ запрягали въ ярма, гоняли по улицамъ, уложеннымъ трупами, потомъ приводили въ церковь, заставляли читать «вѣрую» и за чтеніемъ били по щекамъ, а потомъ выводили изъ церкви и убивали. Перерѣзали въ базиліанскомъ монастырѣ духовныхъ и учениковъ находившейся тамъ школы. Изъ сосѣднихъ селъ сбѣжались хлопы и потѣшались надъ муками и гибелью ляховъ. Ругались надъ римско-католическою святынею, одѣвались въ богослужебныя одежды и передразнивали богослуженіе, плевали на распятія и образа, разсыпали изъ ковчега и топтали ногами св. дары, приговаривая: «ото Богъ ляцькій!» Немногихъ, въ томъ числѣ дѣтей, пощадили, но заставили принять православіе и совершали надъ ними обрядъ крещенія, какъ бы непризнавая римско-католической вѣры за христіанскую. Тѣла убитыхъ свалили въ одинъ глубокій колодецъ. Поляки увѣряютъ, будто ихъ погибло въ Умани до двадцати тысячъ, число, безъ сомнѣнія, чрезвычайно преувеличенное, можетъ быть въ десять разъ.

Послѣ такой расправы, провозгласили возстановленіе гетманщины. Залізнякъ назвался гетманомъ, Гонта уманскимъ полковникомъ. Но русскій генералъ Кречетниковъ, узнавъ, что̀ творилось въ Умани, послалъ къ новообразованной гетманщинѣ русскаго офицера съ отрядомъ донскихъ казаковъ. Офицеръ, по прозванію Кривой, пригласилъ ихъ вмѣстѣ съ русскими войсками воевать противъ барскихъ конфедератовъ, а набившуюся въ Умань толпу просилъ распустить. Залізнякъ и Гонта довѣрились и согласились. Тогда Кривой предложилъ имъ, передъ выходомъ изъ Умани, сдѣлать прощальную пирушку, и когда они перепились, приказалъ ихъ перевязать и доставить въ русскій лагерь. Оттуда Залізняка отправили въ Сибирь, наказавъ, какъ говорятъ, кнутомъ, а Гонту съ другими товарищами выдали польскимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ за одно съ русскими противъ конфедератовъ. Въ мѣстечкѣ Сербахъ, по распоряженію регимента Ксаверія Браницкаго, съ Гонты сняли со спины двѣнадцать полосъ кожи. Испытывая такую казнь, Гонта говорилъ: «отъ казали: буде болiти, а воно ні кришки не болить, такъ наче блохи кусають!» Въ заключеніе его четвертовали.

Другія гайдамацкія шайки свирѣпствовали въ разныхъ мѣ-

Digitized by Google

стахъ, въ одно время съ Гонтою и Залізнякомъ. Событія, подобныя уманскимъ совершались въ Дашовѣ, Грановѣ, Гайсинѣ, Монастырищѣ, Босовкѣ, Ладыжинѣ и другихъ мѣстахъ. Но послѣ взятія Залізняка и Гонты, убѣдившись, что императрица совсѣмъ не благословляетъ возстанія, народъ утишился. Послѣ того, ограждаемые отъ мести русскаго народа русскою государынею, поляки думали навести страхъ на русскій народъ и учредили военный судъ подъ названіемъ: Judicium statarium. Предсѣдательствовалъ на этомъ судѣ полковникъ Стемпковскій, получившій отъ короля неограниченное право меча (jus gladii), право казнить и искоренять мятежъ. Мѣстопребываніе этого суда было въ мѣстечкѣ Коднѣ. Туда приводили подозрительныхъ по доносамъ. Чуть-кто неосторожно подастъ на себя подозрѣніе въ буйномъ духѣ, того сейчасъ и тащутъ въ Кодню, а изъ Кодни никто не ворочался здоровымъ: иныхъ вѣшали, другихъ четвертовали, а менѣе виновнымъ обрубливали руки или ноги и пускали скитаться и ползать по міру, чтобъ своимъ видомъ внушать русскому народу страхъ и повиновеніе. Еще въ концѣ XVIII вѣка можно было видѣть калѣкъ, просившихъ милостыни стариковъ, носившихъ на себѣ слѣды посѣщенія Кодни. Въ Украинѣ долго оставалась поговорка: «а щобъ тебе святая Кодня не минула!» Такъ говорили, разсердясь другъ на друга.

Гайдамацкое возстаніе подало случайно поводъ къ важнымъ переворотамъ въ политическихъ дѣлахъ. Одинъ изъ гайдамацкихъ начальниковъ, Шило, преслѣдовалъ поляковъ до мѣстечка Балты, лежавшаго на тогдашней турецкой границѣ. Поляки убѣжали за рѣку Кодыму въ турецкія владѣнія. Шило погнался за ними; турки стали ихъ защищать; Шило разбилъ турокъ, напалъ на татарское селеніе Балту и перебилъ скрывавшихся въ ней поляковъ.

Туркамъ въ это время нуженъ былъ только поводъ, чтобъ придраться къ Россіи. Конфедерація давно уже умоляла ихъ о помощи; Турція только манила ихъ сочувствіемъ до тѣхъ поръ, пока, потерпѣвши отъ русскаго оружія, конфедераты не подали Турціи надежды пріобрѣсти отъ Польши Подоль съ Каменцемъ и Волынь, въ благодарность за объявленіе войны Россіи. И вотъ нападеніе гайдамаковъ дало ей предлогъ къ этому. Напрасно Россія объясняла, что нападеніе на турецкія владѣнія сдѣлано не русскими войсками, а своевольными шайками гайдамаковъ, польскихъ подданныхъ. Турція изъявляла притязанія, зачѣмъ Россія вводитъ войска свои въ Польшу и распоряжается ея внутренними дѣлами. Турція объявила Россіи войну, начавъ не-

Digitized by Google

пріязненныя дѣйствія заключеніемъ въ Семибашенный замокъ русскаго посланника Обрѣзкова.

Война эта, какъ извѣстно, прославила русское оружіе блистательными побѣдами, открыла Россіи путь къ обладанію Чернымъ моремъ, ослабила Турцію, заронила въ восточныхъ христіанахъ надежду на свободу. Но для Польши она не принесла пользы; напротивъ, заступничество Турціи надѣлало ей одного вреда и приблизило къ гибели. Конфедераты терпѣли пораженія за пораженіями. Русскій полковникъ Древичъ, отличавшійся въ войнѣ лютостью и свирѣпостью, взялъ Баръ; до тысячи двухъ сотъ плѣнныхъ было отправлено въ глубину Россіи: въ ихъ числѣ былъ кармелитъ Марко, чудотворъ, воспламенявшій поляковъ своимъ даромъ. Казиміръ Пулавскій былъ стѣсненъ въ бердичевскомъ монастырѣ и сдался на капитуляцію, обѣщавъ отстать отъ конфедераціи, а потомъ убѣжалъ въ Турцію. Въ Литвѣ Радзивиллъ присталъ къ конфедераціи, но русскіе прогнали его и взяли его укрѣпленный Несвижъ. Литовская конфедерація поступила подъ маршальство Паца.

Но въ нѣдрѣ конфедераціи происходили раздоры. Потоцкій вошелъ въ непримиримую вражду съ старымъ Іосифомъ Пулавскимъ. Первый держался Турціи и на ея вмѣшательство полагалъ всѣ надежды, будучи увѣренъ заранѣе въ ея блестящихъ побѣдахъ надъ москалями, а Пулавскій обращался къ Австріи и думалъ расположить къ Польшѣ императора Іосифа. Потоцкій оговорилъ Пулавскаго передъ турецкимъ правительствомъ; по этому оговору послѣдняго взяли въ Константинополь и тамъ онъ умеръ въ тюрьмѣ. По примѣру главныхъ начальниковъ второстепенные также ссорились между собою, одинъ подъ другимъ подрывался. Безпрестанно появлялись отдѣльныя конфедераціи, и бывало такъ, что на званіе маршалка такой-то конфедераціи является двое претендентовъ, и они спорятъ между собою до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не схватитъ другого не засадитъ въ тюрьму, или даже не убьетъ.

Отъ турокъ конфедераты не увидали себѣ великаго уваженія. Когда турки замѣтили, что между конфедератами нѣтъ ни лада, ни порядка, то стали обращаться съ ними презрительно, и въ присутствіи начальниковъ визирь насмѣхался надъ поляками. — «Знаете-ли, говорилъ онъ своимъ пашамъ: — что такое польская вольность? У нихъ въ томъ вольность состоитъ, чтобъ не знать надъ собою никакого закона.» Недовольные Турціею конфедераты перебрались въ Венгрію, а потомъ въ Силезію, подъ защиту Австріи, которая дозволила имъ на своихъ земляхъ содержать генеральное управленіе и тѣмъ дѣлала угрожающую

Digitized by Google

демонстрацію Россіи, но въ самомъ дѣлѣ уже составляла планъ воспользоваться на счетъ падающей Польши. Оттуда конфедераты врывались въ Польшу и Литву, давали движеніе и ободреніе мелкимъ конфедератамъ, которые безпрестанно появлялись тамъ-и-сямъ. Составлялись шайки, избирали предводителей или маршалковъ, нападали на русскихъ; когда одну такую шайку разобьютъ, ея остатки бѣгутъ къ другой и вновь появляются въ полѣ. Разсчитывали всегда напасть на русскихъ въ расплохъ. Иногда дѣйствуя такимъ образомъ имѣли успѣхъ. Казиміръ Пулавскій подъ Брестомъ-Литовскимъ разбилъ русскій отрядъ; но потомъ снова былъ самъ разбитъ на-голову и потерялъ въ бою брата своего Франциска. Отважнѣе, удалѣе, смышленнѣе другихъ предводителей конфедерацій оказывался Шимонъ Коссаковскій. Онъ съ необычайною быстротою леталъ съ одного края въ другой, пробѣгалъ большія пространства въ короткое время, преодолѣвая утомленіе и неудобства дорогъ и непогоды, нападалъ на русскихъ неожиданно, когда никто не воображалъ, чтобъ онъ былъ близко, отнималъ у нихъ запасы. Кромѣ его славились своими партизанскими нападеніями Моравскій, Заремба, Сава. Но при ихъ раздорахъ между собою они не могли имѣть важныхъ успѣховъ. Заремба былъ во враждѣ съ Пулавскимъ, считая себя выше его чиномъ, не хотѣлъ повиноваться ему и дѣйствовалъ врозь. Конфедераты, разбитые, давали на себя такъ-называемые реверсы, то-есть отреченіе отъ конфедераціи, но потомъ не считали безчестнымъ нарушать данное обѣщаніе. Ксендзы имъ это разрѣшали; война для нихъ была святая, потому что шла за нетерпимость. Самъ Пулавскій показалъ на себѣ примѣръ такого нарушенія реверса, продолжая участвовать въ конфедераціи, послѣ того, какъ въ Бердичевѣ обязался не участвовать въ ней. Эти поступки раздражали русскихъ и оттого-то нѣкоторые позволяли себѣ жестокости. Такими были полковникъ Ренъ и упомянутый выше майоръ Древичъ. Послѣдній обрубливалъ руки и ноги такимъ конфедератамъ, которые, нарушивъ данное отреченіе, попадались въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Король и окружавшіе его паны колебались и виляли между Россіею и конфедераціею, выжидая, какая сторона возьметъ верхъ, чтобы къ той пристать въ свое время. Россія, казалось, дѣлалась мягче и уступчивѣе. Вмѣсто энергическаго и рѣзкаго Рѣпнина, прислали въ Варшаву князя Волконскаго—человѣка умнаго, но мягкаго и кроткаго. Онъ давалъ знать панамъ, что, для сохраненія тишины въ Польшѣ, Россія не прочь сдѣлать нѣкоторыя уступки относительно диссидентовъ, но только тогда, когда сами диссиденты обратятся къ ней и заявятъ желаніе отказаться

Digitized by Google

отъ нѣкоторыхъ своихъ правъ. Пытаясь подвинуть Польшу къ войнѣ противъ Турціи, Волконскій обѣщалъ Польшѣ Молдавію и Бессарабію. Такія рѣчи, при чрезвычайно почтительномъ обращеніи, возгордили короля; паны также подняли голову, воображали, что Россія уже ослабла, боится Европы и заискиваетъ расположенія Польши; выводили изъ этого, что вѣрно въ Европѣ есть намѣреніе заступиться за Польшу. Около короля составился совѣтъ: въ немъ были великій канцлеръ Млодзіевскій, бравшій отъ Россіи пенсію, готовый брать ее отъ кого угодно и за что бы то ни было, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не считавшій дурнымъ дѣломъ интриговать противъ тѣхъ, съ кого бралъ деньги, вице-канцлеръ Боркъ, вице-канцлеръ литовскій Пржездзѣцкій, коронный маршалъ Любомирскій, Андрей Замойскій, Ходкѣвичъ, Хребтовичъ. Главными заправщиками были Чарторыскіе, опять получившіе власть надъ племянникомъ, королемъ. Чарторыскіе ненавидѣли Россію, увѣрившись, что Россія не слишкомъ намѣрена помогать ихъ планамъ устроенія Польши и сама болѣе всего заботится о собственныхъ видахъ. Они старались сохранить съ Россіею наружно, доброе согласіе, а тайно дѣйствовали противъ нея. Въ составившемся около короля сенатскомъ совѣтѣ затѣвали отправить въ разныя страны Европы—въ Англію, Голландію, Францію посольства съ жалобами на Россію, а въ Петербургъ послать литовскаго гетмана Огинскаго съ требованіемъ уничтожить трактатъ 1768 года, то-есть, расширеніе правъ диссидентовъ и россійскую гарантію. Король осмѣливался заявлять объ этомъ желаніи русскому послу. Волконскій, исполняя полученныя свыше предписанія, перемѣнилъ тонъ, сталъ говорить рѣзче и напоминалъ королю, что на престолъ возвела его императрица и онъ можетъ удержаться на немъ только при ея содѣйствіи и благосклонности къ нему, упрекалъ его въ коварствѣ за то, что онъ тайно хочетъ сноситься съ Франціею и мировлитъ конфедераціи. Въ самомъ дѣлѣ, король, соображая, что конфедерація, разрастаясь, можетъ взять верхъ, заранѣе какъ будто подготовлялъ себѣ возможность сблизиться съ нею и давалъ регименгарю Браницкому тайныя приказанія не дѣйствовать противъ конфедератовъ. Но Браницкій, человѣкъ случая, служилъ болѣе Россіи чѣмъ королю. Волконскій началъ требовать отъ короля, чтобъ онъ удалилъ отъ себя Чарторыскихъ и прочихъ совѣтниковъ: епископъ виленскій Масальскій составлялъ планъ образовать реконфедерацію, и предложилъ этотъ планъ русскому посланнику. Волконскій старался привлечь къ ней Мнишка и другихъ пановъ, непріязненныхъ Станиславу-Августу. Онъ не успѣлъ въ этомъ дѣлѣ и былъ отозванъ.

Digitized by Google

Мѣсто его, временно, занималъ генералъ Веймарнъ, а въ 1771 году присланъ въ Варшаву посланникомъ Сальдернъ, человѣкъ энергическій, но до крайности раздражительный. Планъ реконфедераціи развивался. Виленскій епископъ Масальскій, первый подавшій мысль о ней, былъ хотя человѣкъ хитрый, но обленившійся сибаритъ, любившій прежде всего весело проводить обыденную жизнь и до страсти преданный игрѣ въ карты; энергичнѣе его былъ приставшій къ плану примасъ Подосскій, состоявшій у Россіи на пенсіи, изворотливый и пронырливый; сообщниками ихъ стали: калишскій воевода Твардовскій, Подляшскій, Годскій, великій кухмистръ Понинскій,—люди продажные, перемѣнчивые и лукавые, бравшіе отъ Россіи пенсіоны и готовые при случаѣ обмануть ее; къ нимъ присоединились: поморскій воевода Флеммингъ, Рогалинскій и два брата Островскіе—епископы куявскій и познанскій,—этотъ кружокъ пытался было, при помощи Россіи, низвергнуть Станислава-Августа и дать корону саксонскому принцу.

Но такая перемѣна совсѣмъ была не въ видахъ Екатерины; она хотѣла поддержать того короля, кого сама поставила; да еслибы пришлось посадить на престолъ другого, Екатерина никогда ни дозволила бы отдавать короны какому бы то ни было чужому принцу: это значило отдать Польшу иностранному вліянію, и выпустить ее изъ-подъ своей власти. Намѣренія патріотической уніи, раболѣпствовавшей передъ Россіею, въ сущности, сходились съ духомъ конфедераціи. Конфедераты въ это время заручились покровительствомъ Франціи. Управлявшій дѣлами во Франціи герцогъ Шуазёль прислалъ имъ генерала Дюмурье и съ нимъ хорошихъ инженеровъ и офицеровъ. Находясь въ Бѣльскѣ, въ Силезіи, конфедерація объявила короля Станислава-Августа измѣнникомъ, а тронъ его вакантнымъ и уничтожала постановленія предшествовавшаго сейма. Послѣ этого королю не оставалось ничего болѣе, какъ тѣснѣе примкнуть къ Россіи, и онъ далъ письменное обязательство дѣйствовать во всемъ согласно волѣ императрицы, никого не награждать, не наказывать безъ ея одобренія, не раздавать безъ ея согласія никакихъ должностей и вообще находиться у ней въ зависимости. Заручившись такимъ образомъ покорностью короля, Сальдернъ покончилъ съ патріотическою уніею; онъ обличалъ ее въ двоедушіи, напалъ больше всего на Подосскаго, укорялъ въ передѣлкѣ составленной русскимъ посланникомъ декларации, и рѣзкимъ обращеніемъ довелъ до того, что Подосскій уѣхалъ изъ Варшавы въ свои имѣнія; но Сальдернъ приказалъ привести его назадъ за конвоемъ и приставилъ къ нему стражу въ его домѣ. Онъ освободилъ его

Digitized by Google

только тогда, когда императрица это приказала, давши за то выговоръ своему посланнику. Поступокъ этотъ возбудилъ ропотъ, но и навелъ страхъ; всѣ затѣи патріотической уніи рушились и сама она исчезла.

20 іюня 1771 года, Сальдернъ издалъ грозную декларацію, въ которой объявилъ всѣхъ конфедератовъ разбойниками, и объявлялъ, что впередъ русскія войска не будутъ считать ихъ военно-плѣнными, а станутъ взятыхъ въ плѣнъ вѣшать. Самъ Веймарнъ, главнокомандующій русскими войсками въ Польшѣ, устрашился энергіи Сальдерна и попросилъ увольненія. На его мѣсто назначенъ генералъ Бибиковъ. Грозный посланникъ былъ имъ также недоволенъ; онъ находилъ его черезчуръ мягкимъ и притомъ легко поддающимся вліянію женщинъ, а этимъ, надобно сознаться, страдали русскіе начальники и посланники въ Польшѣ: угрюмый Сальдернъ, какъ и впослѣдствіи Суворовъ, былъ безчувственъ къ обаянію прекраснаго пола.

Поправленная Дюмурье конфедерація начала было дѣлать успѣхи и захватила въ свои руки крѣпости, лежавшія около Кракова: Тынецъ, Боброкъ, Ландскорону. Успѣхи ея оживили духъ возстанія повсюду, но противъ нея сталъ лицомъ къ лицу великій Суворовъ, только что начавшій свое блистательное поприще полководца. Находясь въ чинѣ генералъ-маіора и квартируя въ Люблинѣ, въ апрѣлѣ 1771 года, онъ вышелъ изъ этого города и подъ Уржендовымъ разбилъ конфедератовъ подъ начальствомъ казака Савы. Этотъ Сава, по прозванію Цалинскій, былъ сынъ запорожца, который передался полякамъ и за то былъ убитъ запорожцами. Воспитанный въ уніи, преданный Польшѣ, Сава былъ одинъ изъ замѣчательныхъ предводителей конфедератскихъ отрядовъ. Послѣ пораженія Суворовымъ, русскіе преслѣдовали его по пятамъ, догнали подъ Шренскомъ на прусской границѣ, разбили и взяли въ плѣнъ. Несмотря на ласковый пріемъ русскихъ, на заботы о его здоровьи, на уваженіе, которое побѣдители оказывали къ его храбрости, Сава не принималъ никакой помощи, ни лекарствъ и умеръ.

Поразивши Саву, Суворовъ двинулся по направленію къ Волыни, разбилъ партію Новицкаго, потомъ повернулъ въ противоположную сторону къ Кракову, подъ Ландскороною разбилъ самого Дюмурье, а потомъ повернулъ къ Замостью, разбилъ Казимира Пулавскаго и отнялъ у него всѣ орудія. Дюмурье, негодуя на конфедератовъ за то, что у нихъ не было ни согласія, ни послушанія, оставилъ поляковъ, о которыхъ получилъ самое дурное мнѣніе.

Суворовъ, сдѣлавъ свое дѣло подъ Краковымъ, прибылъ

Digitized by Google

обратно въ Люблинъ. Въ это время возстаніе въ Литвѣ приняло широкіе размѣры. Великій гетманъ литовскій Огинскій до тѣхъ поръ хотя и мирволилъ конфедераціи, но не участвовалъ въ ней открыто. Понадѣявшись на ея успѣхи и не зная, что съ нею уже расправился Суворовъ, онъ объявилъ себя на сторонѣ конфедераціи и сталъ предводительствовать войскомъ противъ русскихъ. Сначала ему повезло. Онъ разбилъ нѣсколько небольшихъ русскихъ отрядовъ. Дошло это до Суворова. Онъ просилъ главнокомандующаго позволить ему идти на Огинскаго. Бывшій тогда главнокомандующимъ Веймарнъ строго запретилъ ему. Суворовъ не послушался своего начальника, написалъ ему: «пушки впередъ, и Суворовъ за ними», и только съ тысячью человѣкъ бросился изъ Люблина. Онъ шелъ такъ быстро, что прошелъ 200 верстъ въ теченіи четырехъ дней, и нагналъ Огинскаго за Слонимомъ въ Столовицахъ, ночью 11-го (22-го) сентября 1771 года. Огинскій, старый сибаритъ, проводилъ ночь съ какой-то француженкою и, при внезапной тревогѣ, едва успѣлъ сѣсть на коня и убѣжать. Его казна, имущество, гетманская булава достались русскимъ. Генералъ Бѣлякъ вздумалъ было остановить Суворова, сражался храбро, но принужденъ былъ уступить. Огинскій со срамомъ убѣжалъ въ Кролевецъ (Кёнигсбергъ). Суворовъ былъ подвергнутъ суду за непослушаніе, но императрица освободила его: побѣдителя нельзя было судить.

Конфедерація, потерпѣвъ пораженія, одно за другимъ, рѣшилась прибѣгнуть къ отчаянному средству — овладѣть королемъ, котораго объявила лишеннымъ короны. Порученіе это взялъ на себя нѣкто Стравинскій. Пулавскій дозволилъ ему сдѣлать это съ тѣмъ условіемъ, чтобы короля привели къ нему живымъ. Стравинскій подобралъ себѣ товарищей: Луковскаго, Козьму Косинскаго и тридцать конфедератовъ. Они отправились въ Варшаву подъ видомъ мужиковъ, доставляющихъ сѣно въ доминиканскій монастырь. Ксендзы были съ ними въ согласіи. За городомъ приготовили карету, куда слѣдовало посадить плѣннаго короля. Выбрали темную ночь съ 3-го на 4-е ноября н. с. Король посѣщалъ тогда своего дядю, канцлера Чарторыскаго. Онъ возвращался отъ него ночью въ каретѣ, въ сопровожденіи сидѣвшаго съ нимъ адъютанта, двухъ гайдуковъ и нѣсколькихъ человѣкъ придворной прислуги. Заговорщики условились говорить между собою по-русски, чтобы мимоходящіе принимали ихъ за русскихъ. На Медовой улицѣ напали они на королевскую карету, дали нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ, одного гайдука убили, другого ранили; служители разбѣжались. Короля вытащили изъ кареты за ноги, били его, нанесли легкую рану

Digitized by Google

саблею по головѣ и потащили съ собою по грязи, такъ что онъ находился въ срединѣ, а впереди, сзади и по бокамъ шли толпою заговорщики и громко говорили между собою по-русски. Жители домовъ, услышавшіе выстрѣлы, отворяли окна, и спрашивали: что̀ тамъ такое, а заговорщики по-русски отвѣчали имъ, что они русскіе солдаты, поймали бѣглаго и ведутъ. Потомъ, короля посадили верхомъ на лошадь и повезли за городъ. Но въ Маримонтѣ, подъ Варшавою, его конь упалъ въ ровъ и сломилъ себѣ ногу. Король завязъ въ грязи; пока его вытаскивали, нашли другую лошадь и сажали его на нее, бо̀льшая часть заговорщиковъ успѣла отъѣхать отъ него впередъ. Близъ короля остался только Косинскій съ шестью конфедератами. Они повезли короля далѣе, но въ темнотѣ сбились съ дороги и попали въ болото; тутъ имъ показалось, что идутъ русскіе, и всѣ разбѣжались, исключая Косинскаго. Король обратился къ нему, и сталъ краснорѣчиво умолять спасти его. Косинскій такъ тронулся, что бросился къ ногамъ короля, и сталъ просить, чтобы ему даровали впослѣдствіи прощеніе. Король обѣщалъ. Тогда Косинскій привезъ его на хуторъ какого-то нѣмца; оттуда дали знать въ Варшаву. За королемъ пріѣхала карета и отвезла обратно во дворецъ

Пулавскій, между тѣмъ, изъ Ченстохова приближался къ Варшавѣ, во-первыхъ для того, чтобы выманить оттуда русское войско и облегчить заговорщикамъ взятіе короля, во-вторыхъ, чтобы принять плѣнника, когда заговорщикамъ удастся добыть его. Первое ему удалось: русскія войска вышли, оставивъ въ городѣ только двѣсти человѣкъ, но короля не пришлось ему увидѣть.

Такой поступокъ сильно возмутилъ противъ конфедератовъ сосѣднія державы. Императрица Марія-Терезія, король прусскій Фридрихъ II, императрица Екатерина прислали къ нему свои дружескія поздравленія. Тогда-то данъ былъ благовидный предлогъ, какъ бы, въ наказаніе полякамъ, обрѣзать ихъ государство.

Самъ король Станиславъ-Августъ съ этихъ поръ всецѣло, хотя все-таки не искренно, отдался Россіи. Онъ увидалъ, что не только его корона, но и безопасность жизни зависитъ отъ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ это происшествіе охладило его къ католичеству. Обстоятельства его похищенія тому содѣйствовали. Провожавшіе его гайдуки были протестанты. Хозяинъ-нѣмецъ, къ которому привезли его въ Маримонтѣ, былъ также протестантъ. Напротивъ, ксендзы участвовали въ заговорѣ и благословляли покушеніе. Оно казалось плодомъ того же фанатизма, который нѣкогда руководилъ кинжаломъ Равальяка. При свиданіи съ папскимъ нунціемъ, Станиславъ-Августъ не утерпѣлъ, чтобы не ска-

Digitized by Google

ать ему: «Вотъ слѣдствія благословенія, которое вы дали Пулавскому.»

Весною слѣдующаго 1772 года, Суворовъ доканалъ конфедерацію. Преемникъ Дюмурье, прибывшій изъ Франціи съ французами, Віомениль успѣлъ овладѣть Краковомъ очень хитро и искусно: французы пробрались черезъ подземную трубу, устроенную для стока нечистотъ. Неосторожный русскій комендантъ Штакельбергъ, позволившій водить себя за носъ какой-то полькѣ, былъ захваченъ въ расплохъ. Но недолго утвердились тамъ французы. Явился Суворовъ и обложилъ Краковъ. Коссаковскій прибѣжалъ было на выручку, но Суворовъ разбилъ его «черныхъ витязей» въ пухъ. Лишенный продовольствія, Краковъ сдался. Французы со своимъ предводителемъ взяты военноплѣнными. Этимъ окончилась конфедерація.

Вслѣдъ за тѣмъ наступилъ такъ-называемый *первый раздѣлъ Польши*, т. е. отторженіе нѣсколькихъ воеводствъ, прилегавшихъ къ Пруссіи, Австріи и Россіи. Мысль обрѣзать Польшу была подана прусскимъ королемъ. Россіи эта мысль совсѣмъ была кстати; Польша все болѣе и болѣе подчинялась ея власти, и русская политика могла предвидѣть, что, при такомъ ходѣ обстоятельствъ, вся Польша соединится съ Россіею въ одно политическое тѣло. Но это предвидѣлъ и прусскій король, и для пользы своего государства рѣшился, во что бы то ни стало, воспрепятствовать этому. Еще въ 1770 году, Фридрихъ II пригласилъ на свиданіе въ Нейштадтъ австрійскаго императора. Совѣщаніе происходило 3-го сентября. На этомъ засѣданіи былъ и австрійскій министръ Кауницъ. Монархи порѣшили, что ихъ собственная безопасность и равновѣсіе Европы требуютъ принять мѣры, чтобы остановить чрезмѣрное расширеніе и усиленіе Россіи, которая уже наложила желѣзную руку на Польшу, и замышляетъ въ тоже время разрушить Турцію. Положили не допустить Россіи одной овладѣть слабою сосѣдкою, а если Польша оказывается неспособною быть самостоятельнымъ государствомъ, то пусть, по крайней мѣрѣ, обогатитъ и усилитъ собою не одно государство. Вслѣдъ затѣмъ, прусскій король занялъ прилегавшее къ Пруссіи Вармійское епископство, а Австрія Списскую землю, которая въ 1412 году подарена была Польшѣ Людовикомъ Венгерскимъ. Теперь Австрія требовала ее назадъ къ Венгріи съ прибавкою. Кордонъ, который отмѣрила себѣ Австрія, включалъ до 500 селъ и, кромѣ того, богатыя соляныя копи Бохни и Велички.

Надобно было склонить Россію. Пруссія и Австрія воспользовались тѣмъ обстоятельствомъ, что Россія вела войну съ Турціею; отъ нея требовали мира и отреченія отъ Молдавіи и Ва-

Digitized by Google

лахіи, завоеванныхъ русскимъ оружіемъ, а въ вознагражденіе военныхъ издержекъ предлагали ей взять на свою долю часть Польши. Съ 1769 по осень 1772, русскій кабинетъ отдѣлывался отъ настойчивыхъ проектовъ Пруссіи, которые были сообщаемы съ разными видоизмѣненіями черезъ королевскаго брата, принца Генриха, нарочно пріѣзжавшаго въ Петербургъ, и чрезъ прусскаго посланника при петербургскомъ дворѣ Сольмса. Въ сентябрѣ 1771 года, прусскій король сообщалъ Россіи, что Австрія рѣшительно пристанетъ къ союзу съ Турціей, что за Турцію Франція, и поэтому, если Россія станетъ продолжать войну съ Турціею, то встрѣтится съ двумя стами тысячъ европейскихъ союзниковъ Турціи; Россія не будетъ въ состояніи сладить съ такою коалиціею и потеряетъ свои пріобрѣтенія въ Турціи, а потому ей благоразумнѣе будетъ, по крайней мѣрѣ, заранѣе вознаградить себя насчетъ Польши, тѣмъ болѣе, что самая война съ Турціею возникла по поводу Польши. Такъ представлялъ дѣло прусскій король, прикидываясь другомъ и союзникомъ Россіи.

Въ тоже время Австрія, не разрывая наружно дружественныхъ отношеній къ Россіи, дѣйствительно заключила тайный договоръ съ Турціею, по которому получала отъ Турціи значительную сумму (22 милліона гульденовъ), часть Валахіи и выгодныя торговыя условія, а за то обѣщала содѣйствовать возвращенію земель, завоеванныхъ Россіею у Турціи. Такимъ образомъ, Россія очутилась въ такомъ положеніи, что ей по неволѣ приходилось согласиться на предлагаемый обрѣзъ Польши, иначе она могла опасаться воевать съ нѣсколькими врагами разомъ, или должна была заключить съ Турціею крайне невыгодный миръ. Австріи, однако, въ тоже время хотѣлось, въ глазахъ поляковъ и цѣлаго свѣта, свалить съ себя всю нравственную тягость этого дѣла на Пруссію и Россію и показать видъ, будто она приступила къ нему не-хотя, и какъ будто по необходимости. Императрица Марія-Терезія вздыхала надъ судьбою Польши, вопіяла противъ беззаконія, съ какимъ поступаютъ съ бѣдной страною и, какъ будто послѣ долгаго упорства, исполнила желаніе сына Іосифа и министра Кауница и дала свое согласіе. За это соболѣзнованіе къ Польшѣ, Австрія наградила себя лучшими и плодороднѣйшими землями польскими. Прусскій король выдумывалъ причины для оправданія своего поступка: онъ объяснялъ полякамъ, будто польскіе короли овладѣли землями, принадлежавшими поморскимъ князьямъ, а онъ за собою считалъ право наслѣдства послѣ давно угасшихъ поморскихъ князей. Ему хотѣлось включить въ отбираемыя владѣнія важнѣйшіе торговые города: Гданскъ (Данцигъ) и Торунь (Торнъ); но русскій министръ Панинъ, въ

Digitized by Google

переговорахъ объ этомъ съ Сольмсомъ, упорно настоялъ оставить за Польшею эти города, представляя, что отдача ихъ прусскому королю стѣснитъ и убьетъ польскую торговлю и приведетъ Польшу къ крайнему упадку и разоренію. Россія должна была удовольствоваться пріобрѣтеніемъ того, что замѣняло ей потерю Молдавіи. Страннымъ должно показаться, что, повидимому, въ веденіи этого дѣла забыты были тѣ притязанія на всѣ коренныя русскія земли, которыя Московское государство всегда постоянно предъявляло, изъ-за которыхъ, въ теченіи вѣковъ, не хотѣло мириться съ поляками. Россія заняла Бѣлоруссію, пространство заключавшее 2200 кв. миль и до полутора милліона жителей: то была самая худшая часть всего польскаго государства, какъ по отношенію къ природнымъ достоинствамъ почвы, такъ и по отношенію къ обработкѣ и устройству; Пруссія взяла 700 кв. миль съ 900,000 жителей—восточную Пруссію. Австрія взяла 1,600 кв. миль и 2,500,000 жителей — Галицію. Австріи достался самый лакомый кусокъ.

Всему этому нужно было придать видъ добровольнаго согласія со стороны Польши. Слѣдовало собрать сеймъ; этотъ сеймъ долженъ назначить, изъ среды себя, уполномоченную делегацію, а послѣдняя вступитъ въ переговоры съ представителями трехъ державъ и подпишетъ уступку польскихъ земель. Это не трудно было устроить, такъ какъ между польскими панами большинство было такихъ, что готовы были продать свое отечество за выгоды, за пенсіоны и даже просто изъ трусости. Въ этомъ случаѣ, самымъ щекотливымъ дѣломъ было принять на себя должность маршалка, или руководителя такого сейма. Жребій этотъ принялъ на себя князь Адамъ Понинскій: ему дали по 3,000 червонцевъ въ мѣсяцъ. Онъ долженъ былъ убѣждать и настраивать пословъ къ уступкѣ земель; у него былъ одинъ аргументъ: невозможно противиться силѣ и потому остается только ей повиноваться. Званіе это онъ принялъ по желанію тогдашняго русскаго посланника Штакельберга, замѣнившаго Сальдерна, и черезъ то навлекъ на себя всеобщее омерзѣніе, а впослѣдствіи, какъ увидимъ, и поплатился за это. Литовскимъ маршаломъ на сеймѣ былъ Михаилъ Радзивиллъ.

Большая часть пословъ была подкуплена; жалованье имъ было разное: за то, чтобъ молчать, платили отъ 200 до 300 червонцевъ въ мѣсяцъ, а тѣмъ, которые должны были отличаться краснорѣчіемъ, поболѣе. Многіе послы, взявши деньги, уклонились вовсе отъ присутствія на этомъ сеймѣ, такъ что подаваемыхъ голосовъ было только 33 сенаторскихъ и 96 посольскихъ, тогда какъ всѣхъ по комплекту было болѣе трехсотъ.

Digitized by Google

Такъ какъ обычный сеймъ отправлялся съ единогласіемъ и не было естественной возможности провести проектъ объ уступкѣ земель безъ того, чтобы кто-нибудь не закричалъ veto, то рѣшили конфедеровать сеймъ и отправлять дѣла большинствомъ голосовъ. Два посла Рейтанъ и Корсакъ стали было кричать противъ конфедераціи, но ихъ исключили изъ числа пословъ и отдали подъ судъ.

Король долженъ былъ добровольно признать конфедерацію, послѣ того, какъ Штакельбергъ объявилъ ему, что если онъ не признаетъ ее, то 50,000 русскаго войска войдетъ въ Польшу. Было рѣшено, что этотъ сеймъ не долженъ прекратиться и по прошествіи опредѣленнаго срока, но можетъ оставаться въ видѣ конфедераціи до тѣхъ поръ, пока не покончитъ внутренняго устройства Польши. На делегацію, которой предоставлялось право уступки земель, возлагалось и устроеніе правительства, порядка и благоустройства Польши, съ тѣмъ, что все составленное ею будетъ отдано на утвержденіе полнаго сейма. Такое полномочіе очень безпокоило короля и людей его партіи. Они чувствовали, что делегація потребуетъ такихъ формъ и учрежденій, которыя, сколько возможно, стѣснятъ королевскую власть и предадутъ судьбу Рѣчи-Посполитой въ руки чужимъ властямъ. Король и преданные ему паны стали было противиться, но русскій посланникъ сталъ стращать ихъ введеніемъ войска, не только въ Польшу, но въ самую столицу. Когда на эти угрозы, со стороны поляковъ, послѣдовали отговорки и уловки, Штакельбергъ далъ приказаніе войску входить въ Варшаву и занимать всѣ дворы, не исключая и дворовъ королевскихъ родственниковъ. Этимъ онъ припугнулъ сенаторовъ и пословъ; они знали, что если допустить солдатамъ хоть на день размѣститься въ городскихъ домахъ, то оттого произойдутъ громадные убытки; солдатчина все перебьетъ, перепортитъ и жителямъ надѣлаетъ оскорбленій и насилій, тѣмъ болѣе, что, введя войско въ столицу съ цѣлью принудить сеймъ къ уступкамъ, русскій посланникъ, ужъ конечно, не сталъ бы принимать мѣръ къ спокойствію горожанъ; напротивъ, чѣмъ нахальнѣе и оскорбительнѣе поступали бы солдаты въ Варшавѣ, тѣмъ это было полезнѣе для видовъ трехъ державъ. Итакъ, не смотря на всѣ усилія короля, сеймъ 17-го мая 1773 года назначилъ делегацію, и Штакельбергъ приказалъ войску тотчасъ отступить отъ города.

Выбравши делегацію, сеймъ временно закрылся до 15-го сентября.

Делегаціи нечего было долго разсуждать объ уступкѣ земель; нужно было только согласиться на то, что̀ велятъ. Поэтому, трак-

Digitized by Google

татъ о раздѣлѣ безъ затрудненій былъ составленъ и поданъ на утвержденіе сейму въ сентябрѣ. Но затѣмъ оставалось еще устройство правленія и порядка, и по этому вопросу, сеймъ не закрывался цѣлыхъ два съ половиною года. Делегація нарочно медлила: главные заправщики извлекали себѣ личныя выгоды изъ того, чтобы это дѣло какъ можно долѣе тянулось. По польскимъ обычаямъ, когда въ краѣ объявлялась конфедерація, тогда временно закрывались всѣ обычные суды, и судопроизводство поручалось коммиссіямъ, зависящимъ отъ конфедераціи. Понинскому, великому канцлеру Млодзѣевскому, и ихъ товарищамъ это было подъ-руку. Они назначали въ судьи кого хотѣли и выигрывали въ судахъ, что̀ угодно. Кромѣ того, въ то время, папа Климентъ XIV уничтожилъ іезуитскій орденъ. Богатыя и многочисленныя имѣнія іезуитовъ въ Польшѣ и Литвѣ обращались на фондъ, предназначенный для воспитанія юношества. Но способъ пріобрѣтенія доходовъ съ этого фонда лежалъ на делегаціи, которой сеймъ передалъ свою власть. Положили сдѣлать всѣмъ поіезуитскимъ имѣніямъ люстрацію, т. е. описать ихъ состояніе и доходы, и на этомъ основаніи отдать за плату въ наслѣдственное пользованіе желающимъ. Король хотѣлъ, напротивъ, чтобы ихъ отдавали въ наслѣдственное пользованіе безъ люстраціи, просто съ торговъ, потому что это избавило бы отъ лишнихъ расходовъ и принесло бы гораздо болѣе дохода. Но король въ этомъ случаѣ ничего не могъ подѣлать съ делегатами, увидѣвшими для себя возможность обогатиться; король уступилъ, но съ тѣмъ, чтобы раздача имѣній происходила не черезъ коммиссію, а черезъ посредство королевскихъ привилегій. Делегація постаралась найти для люстраціи преданныхъ себѣ особъ, которыя оцѣнили доходы съ этихъ имѣній сколько возможно дешевле (по свидѣтельству саксонскаго министра, въ 300,000 злотыхъ, тогда какъ при іезуитахъ они давали до полутора милліона), и по этому можно было получить ихъ чрезвычайно выгодно за малую плату въ казну. Понятно, что делегаты старались, чтобы эти имѣнія, такимъ образомъ, доставались имъ, или тѣмъ, которымъ они покровительствовали. Кромѣ того, Понинскій и Млодзѣевскій съ братіею постарались тогда захватить въ свои руки на значительныя суммы серебра, золота и вообще движимаго имущества іезуитовъ. Наконецъ, для бо̀льшаго обогащенія себя, они назначили себѣ пенсіоны. Постановлено также всѣ староства, послѣ кончины тогдашнихъ владѣльцевъ, отдать на 50 лѣтъ въ пользованіе на основаніи эмфитеутическаго права: такъ называлось право получать казенное имущество на извѣстный срокъ, для приведенія въ устройство. Делегаты постара-

Digitized by Google

лись захватить въ свои руки нѣсколько староствъ. Короля сперва возмущало это безправіе, но его успокоили. Ему дали четыре староства и тѣмъ увеличили его доходы, да сверхъ того, дали пять староствъ для раздачи тѣмъ, кому онъ пожелаетъ: изъ нихъ два, Бѣлоцерковское и Богуславское, онъ отдалъ Ксаверію Бранецкому, перемѣнившему свою фамилію въ Браницкаго. Этотъ человѣкъ нѣкогда оказалъ Станиславу-Августу большую услугу въ Петербургѣ. Во время барской конфедераціи онъ находился при русскихъ войскахъ, дѣйствовалъ противъ конфедератовъ и заслужилъ благосклонность Екатерины. Но больше всего возвысило его то, что онъ женился на племянницѣ Потемкина, дѣвицѣ Энгельгардтъ, и черезъ то постоянно пользовался сильнымъ покровительствомъ Потемкина: онъ получилъ санъ великаго коронаго гетмана. Другія староства король отдалъ своимъ племянникамъ. Во вниманіе къ тому, что король потерялъ столовыя имѣнія въ земляхъ, отошедшихъ по раздѣлу къ сосѣдямъ, королю назначено четыре милліона злотыхъ въ годъ, кромѣ доходовъ отъ оставшихся за нимъ столовыхъ имѣній, приносившихъ въ годъ до трехъ милліоновъ, и не считая вновь данныхъ четырехъ староствъ. Этимъ-то успокоили короля. Онъ надѣялся, что послѣ всѣхъ уступокъ ему останутся незагражденными пути ко введенію полезныхъ учрежденій и къ осуществленію его любимѣйшей мысли—утвердить и расширить воспитаніе народа.

Делегація, сообразно желанію посланниковъ, особенно русскаго, Штакельберга, начертала образъ правленія для Польши. Рѣчь-Посполитая оставалась по прежнему съ избирательнымъ правленіемъ, съ liberum veto, съ сенатомъ и сеймомъ. Постановлено, чтобъ только природный полякъ изъ рода Пястовъ, имѣющій шляхетское достоинство и владѣющій въ Польшѣ недвижимыми имѣніями, могъ быть избранъ въ короли; дѣти и внуки бывшаго короля не могли быть тотчасъ послѣ него выбираемыми. Это правило включено въ число коренныхъ или, такъ-называемыхъ, кардинальныхъ законовъ: они состояли изъ прежнихъ съ прибавкою новыхъ, каковы напримѣръ, признаніе свободы и правъ православныхъ и диссидентовъ. Шляхтичъ, убившій или ранившій хлопа долженъ былъ быть судимъ въ судѣ, какъ и за шляхетнаго человѣка, и за убійство подвергаться смертной казни, а помѣщикъ лишался права судить и наказывать своихъ крестьянъ, но долженъ былъ отдавать ихъ суду. Около короля установленъ совѣтъ, называемый постояннымъ (conseil permanent, nieustająca rada). Онъ состоялъ изъ тридцати шести членовъ: изъ нихъ восемнадцать выбирались изъ сенаторовъ, но въ число ихъ входили министры, безъ выбора, по своимъ должностямъ принадле-

Digitized by Google

жавшіе къ этому совѣту, а восемнадцать изъ шляхетства. Выборы производились въ сеймѣ секретными голосами. Этотъ совѣтъ, вмѣстѣ съ королемъ, имѣлъ значеніе верховнаго правительства. Король предсѣдательствовалъ въ этомъ совѣтѣ, но не могъ поступать противъ воли большинства голосовъ. Король не могъ самовольно назначать епископовъ, воеводъ, кастеляновъ и коммиссаровъ въ правительственныхъ коммиссіяхъ, но за нимъ оставалось право назначать въ другія должности по прежнему. Постоянный совѣтъ наблюдалъ за всѣмъ механизмомъ внутренняго управленія, правосудіемъ, военною силой и велъ сношенія съ иностранными державами. Вслѣдствіе этого онъ раздѣлялся на пять департаментовъ: 1) иностранныхъ дѣлъ, 2) полиціи, 3) правосудія, 4) скарбовый (казначейство), 5) войсковый. Подъ вѣдомствомъ этихъ департаментовъ были коммиссіи, завѣдывавшія, ближайшимъ образомъ, соотвѣтствующими ближайшими вѣтвями управленія; войсковая, скарбовая, маршалковская (полицейская), ассесорская (надъ городами). Но однимъ изъ важнѣйшихъ учрежденій этого времени была эдукаціонная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ виленскаго епископа Масальскаго: она должна была завѣдывать ходомъ просвѣщенія и всѣми учебными заведеніями въ Рѣчи-Посполитой. Только съ этихъ поръ воспитаніе, находившееся въ рукахъ монаховъ и духовенства, зависящаго отъ папы, получило правильный ходъ и надзоръ со стороны правительства и могло сдѣлаться національнымъ. Число войска положено увеличить до тридцати тысячъ. Установлены правила о военной дисциплинѣ, обращено вниманіе на то, чтобы солдатъ не допускать до своевольства надъ жителями. Положено увеличить государственные доходы до тридцати милліоновъ злотыхъ и съ этой цѣлью установлена генеральная классификація подымнаго, собираемаго въ городахъ, сообразно значенію городовъ и по качеству облагаемыхъ податью домовъ, а также чоповаго и шеленжнаго съ производства горячихъ напитковъ. Установлена подать съ гербовой бумаги. Установлены покровительственныя правила для производства отечественныхъ мануфактуръ и съ этою цѣлью уволены отъ пошлинъ матеріалы, привозимые изъ-за границы для фабрикъ; поручено королю выдавать привилегіи и льготы обывателямъ и компаніямъ, учреждающимъ фабрики, а скарбовой коммиссіи вмѣнено въ обязанность поощрять составленіе компаній для отысканія металловъ и другихъ земляныхъ богатствъ. Были покушенія вообще облегчить судьбу простого народа. Одинъ изъ пословъ, Орачевскій, говорилъ за простой народъ такую рѣчь: «Обратите вниманіе на тѣхъ несчастныхъ дѣтей отечества, которые доставляютъ вамъ обиліе и благополучіе;

Digitized by Google

допустите въ ожесточенныя сердца ваши мысль, что вашъ убогій работникъ не получаетъ никакой награды за свой трудъ, кромѣ новаго труда для себя; ему суждено трудиться для пользы рода человѣческаго и не думать о своемъ собственномъ улучшеніи; онъ работникъ на васъ съ дѣтства, и въ молодости, и въ зрѣломъ возрастѣ, и въ старости, пока у него силъ стаетъ, и за все это въ дряхлости онъ часто долженъ питаться отъ милосердія другихъ, и нерѣдко, не находя состраданія, мерзнетъ и голодаетъ, и все-таки жалуется не на васъ, а на горькую судьбу свою». Но эта рѣчь осталась только памятникомъ краснорѣчія и благородства оратора. Для простого народа не сдѣлано ничего болѣе, кромѣ того, что̀ еще прежде вынуждено было Россіею. Обыватели раздражались при одной мысли о стѣсненіи своихъ правъ надъ хлопами. Возстановлены были трибуналы и суды, закрытые во время конфедераціи; установленъ сеймовый судъ изъ членовъ сената, не находящихся въ постоянномъ совѣтѣ и пятидесяти четырехъ членовъ изъ шляхетства—высшая инстанція. Изданы нѣкоторыя полезныя узаконенія по гражданскимъ дѣламъ, напримѣръ, о заведеніи книгъ для долговъ въ градскихъ судахъ, объ отчетахъ опекуновъ надъ имѣніями малолѣтныхъ; установлены болѣе строгія правила относительно взысканія долговъ, введено вексельное право и производство по векселямъ и т. д. Ни одинъ сеймъ не оставилъ послѣ себя такихъ важныхъ перемѣнъ и учрежденій; никогда въ Польшѣ не было такой дѣятельности, клонившейся къ улучшеніямъ и благоустройству, какъ въ это время непосредственнаго давленія русской власти. Наконецъ, принята гарантія трехъ державъ. Утвержденный на сеймѣ порядокъ со всѣми учрежденіями охранять приняла на себя одна Россія; другія двѣ державы только гарантировали цѣлость государства. Такимъ образомъ, Россія приняла на себя обязанность надзора и наблюденія за внутреннимъ составомъ и теченіемъ дѣлъ въ Польшѣ. Сеймъ окончилъ свои работы и закрылся въ мартѣ 1775 года.

Digitized by Google

V.

Польша подъ верховнымъ надзоромъ Россіи. — Ходъ воспитанія. — Неудачный проектъ Андрея Замойскаго. — Оппозиція противъ короля.

Съ этихъ поръ русскій посланникъ, которымъ до 1791 года былъ Штакельбергъ, являлся въ Польшѣ представителемъ той верховной власти, которая находилась въ Петербургѣ. Независимость Польши исчезла. Рѣчь-Посполитая фактически уже принадлежала Россіи и время должно было сдѣлать эту принадлежность опредѣленнѣе и тѣснѣе. Одинъ изъ современниковъ [1]) такъ описываетъ тогдашнее состояніе Рѣчи-Посполитой: «Россійскій посланникъ сталъ вице-королемъ Польши; его креатуры наполняли постоянный совѣтъ. Рѣчь-Посполитая сдѣлалась для русскихъ войскъ какъ бы своимъ краемъ. Король, казалось, имѣлъ особенное право по отношенію къ посланнику, но это было только обольщеніе. Правда, Россія наблюдала, чтобъ королю было хорошо подъ ея властью, но въ то же время она хотѣла, чтобы, какъ король, такъ и магнаты, нуждались въ протекціи отъ Россіи. Россійскій посланникъ употреблялъ довѣріе къ себѣ магнатовъ противъ короля, а довѣріе короля противъ магнатовъ, дабы, ссоря ихъ безпрестанно, становить въ необходимость искать у него покровительства», и пр. Изъ министерскихъ бумагъ не видно, чтобы такой планъ умышленно веденъ былъ Россіею, да и не было необходимости. Факты происходили сами собою. Россіи не нужно было заводить и интригъ; оставалось только пользоваться тѣмъ, что̀ поляки дѣлали сами, по своей давней безурядицѣ. Далѣе тотъ же современникъ говоритъ: «Смѣшно подумать, что ни одно значительное дѣло въ градскихъ и земскихъ судахъ, трибуналахъ, коммиссіяхъ, консисторіяхъ (особенно въ дѣлахъ по разводамъ) не обходилось безъ того, чтобы россійскій посланникъ не давалъ протекціи; не было провинціи, гдѣ бы онъ не указывалъ кандидатовъ въ послы и не поддерживалъ ихъ на сеймикахъ, и гдѣ бы не исключали тѣхъ, которые были ему неугодны. Послѣ каждаго сейма, путемъ аппеляціи шли жалобы въ Петербургъ на россійскаго посланника, что онъ не умѣлъ угодить тому или другому магнату, что слишкомъ мирволитъ королю, что поддерживаетъ не надлежащее дѣло и т. п. Дошло до того, что Петербургъ сдѣлался нашею столицею, а Варшава стала главнымъ городомъ губерніи, принадлежавшей Россіи, гдѣ

[1]) Pam. XVIII. W. VII, 85.

Digitized by Google

вѣжливымъ образомъ, но всѣмъ распоряжалась Москва: губернаторъ этой губерніи назывался посланникъ; московское правительство — гарантіею, губернскій совѣтъ — постояннымъ совѣтомъ, а предсѣдатель этого совѣта — королемъ; и въ этомъ совѣтѣ изъ тридцати шести членовъ большинствомъ голосовъ приводилось въ исполненіе то, что̀ приказывалъ посланникъ. Императрица была неограниченная повелительница и принимала на себя всѣ сношенія Польши съ иностранными державами. Никакому государству нельзя было входить съ нами въ переговоры, иначе какъ при посредствѣ Россіи; нельзя было подать ноты иностранному министру, не спросясь у русскаго посланника. Такимъ образомъ, въ Польшѣ настало великое затишье: честные обыватели молчали и запрятались въ домахъ, а все, что̀ было знатнаго и сильнаго, лѣзло въ Петербургъ; тамъ было можно увидѣть и министровъ, и сенаторовъ, и должностныхъ лицъ, и даже дамъ; все это считало нужнымъ побывать при своемъ петербургскомъ дворѣ». Все это было такъ, но за все это нечего было оскорбляться національному самолюбію, когда польское государство, въ прошедшіе вѣка, если не вслѣдствіе своей исторической мудрости, то вслѣдствіе стеченія обстоятельствъ, играло важнѣйшую роль на сѣверѣ Европы, имѣло всѣ данныя, чтобы удержать это значеніе и, только по причинѣ своей деморализаціи, сдѣлалось къ этому неспособнымъ и подпало подъ власть того государства, которое за два вѣка передъ тѣмъ Польша топтала побѣдоносною ногою. Но это былъ въ то же время наилучшій исходъ для Польши. Польша только при давленіи отъ Россіи и могла сколько-нибудь устроиться, сдѣлавшись окончательно неспособною къ самобытной политической жизни. Сами поляки сознавали это, хотя изъ патріотическаго самолюбія стыдно имъ было сознаваться въ этомъ. Біографъ Томаса Островскаго, авторъ въ высшей степени непріязненной къ Россіи книги, сознается, однако, что въ этотъ періодъ подчиненія Польши Россіи, неурядицы и анархическія затѣи уничтожались въ зародышѣ, сеймы проходили спокойнѣе, чѣмъ прежде. Liberum veto не было употреблено ни разу. «Со стыдомъ приходится сознаться, но сообразно съ историческою правдою, что присутствіе россійскаго посланника, который для политики своего двора не нуждался тогда въ смутахъ, наиболѣе способствовало удержанію въ границахъ общественнаго порядка» [1]).

[1]) Wstyd wyznać, co jednak przyznać prawda historyczna nakazuje, że przytomność w stolicy ambassadora Rossyi, który pod ten czas nie potrzebował dla swego dworu polityki zamieszania w Polsce najwięcej przyczyniało do utrzymania w karbach porządku publicznego, etc.

Digitized by Google

Причины очевидны. Въ видахъ русскаго правительства отнюдь не было производить смутъ въ Польшѣ и держать ее въ анархическомъ состояніи, какъ поляки воображали и въ чемъ хотѣли увѣрить всю Европу. Но иное дѣло — сильное государство, а иное — благоустроенная страна. Конечно, Россія не расположена была тянуть, такъ сказать, Польшу за уши и творить изъ нея сильное государство, во вредъ самой себѣ; политика Россіи всегда препятствовала бы ея политическому усиленію, но Польша и безъ того никакъ не могла сама собою сдѣлаться сильнымъ государствомъ, а сдѣлаться благоустроенной страною могла только подъ иностранною верховною властію. Россія не мѣшала ни благоустройству, ни возвышенію экономическихъ силъ, ни просвѣщенію въ Польшѣ, а напротивъ, даже содѣйствовала этому. Собственно, Россія остерегалась не Польши самой по себѣ, а сосѣднихъ государствъ, которыя могли воспользоваться положеніемъ дѣлъ въ Польшѣ и обращать ее орудіемъ своей политики противъ Россіи. Россія поэтому не препятствовала Польшѣ получить лучшее внутреннее устройство, но только съ тѣмъ, чтобъ Польша оставалась въ подчиненіи у Россіи, а не у кого-нибудь другого.

Періодъ отъ перваго раздѣла до четырехлѣтняго сейма былъ временемъ составленія полезныхъ проектовъ, изданія хорошихъ законовъ, а всего болѣе благихъ желаній и порывовъ. Со стороны Россіи оказывалось желаніе умиротворить неурядицу, мѣшавшую приведенію въ исполненіе добрыхъ намѣреній. Въ 1776 году, составилась противъ короля партія, главою ея сталъ гетманъ Браницкій. Оба дяди короля, послѣ раздѣла, умерли. Главою партіи Чарторыскихъ сталъ князь Адамъ, человѣкъ тщеславный и недалекій, но умѣвшій ослѣплять глаза панскимъ блескомъ и патріотизмомъ. Съ нимъ за одно былъ молодой племянникъ Браницкаго, Сапѣга и братья Потоцкіе, Игнатій и Станиславъ. Они примкнули къ Браницкому. Партія эта надѣялась на Потемкина по родству его съ Браницкимъ и задумывала было устроивать конфедерацію противъ короля; но Штакельбергъ, опиравшійся при своемъ дворѣ на значеніе Панина, прекратилъ всѣ эти затѣи, пославши русское войско разогнать начинавшуюся конфедерацію. Толпа подкупленныхъ Чарторыскимъ и Браницкимъословъ явилась на сеймъ, но король, съ помощью Штакельберга, конфедеровалъ сеймъ, и всѣ послы, приведенные оппозиціею, были исключены. Сеймовымъ маршаломъ выбранъ Мокроновскій, человѣкъ нелюбившій Россіи. На этомъ сеймѣ уничтожена раздавательная коммисія поіезуитскихъ имѣній, прекращены злоупотребленія, которыя она себѣ дозволила, расширена власть короля надъ арміею, и ограниченъ произволъ гетмановъ надъ войскомъ.

Digitized by Google

Андрею Замойскому поручено составить кодексъ законовъ и представить на разсмотрѣніе будущему сейму. Чтобы умиротворить партіи, Штакельбергъ постарался ввести въ постоянный совѣтъ Чарторыскихъ, Игнатія Потоцкаго и другихъ пановъ ихъ партіи.

Главнымъ двигателемъ возрожденія Польши было воспитаніе. Злоупотребленія, допущенныя при раздачѣ поіезуитскихъ имѣній, дѣлали недостаточными средства эдукаціонной коммиссіи. Въ 1780 году, постоянный совѣтъ назначилъ визитацію, которая открыла большія упущенія. Предсѣдатель коммиссіи, Масальскій, заимообразно бралъ изъ кассъ коммиссіи деньги, и проигрывалъ ихъ. Ему за это не сдѣлали ничего, какъ всегда въ Польшѣ злоупотребленія магнатовъ оставались безъ наказанія; назначены только надежные кассиры и доходы коммиссіи, приведенные въ порядокъ, возвысились до 2.311,000 злотыхъ. Коммиссія раздѣлена была на отдѣлы: Великопольскій, Малопольскій, Мазовецкій, Полѣсскій, Литовскій, Украинскій, Волынскій, Жмудскій и Піарскій. Въ распоряженіи послѣдняго были школы піарскаго ордена, а первые восемь отдѣловъ завѣдывали устройствомъ и содержаніемъ школъ, каждый въ отведенномъ ему участкѣ страны. Ксендзъ Гугонъ Коллонтай получилъ порученіе преобразовать краковскую академію; онъ перемѣнилъ многихъ профессоровъ, замѣстилъ устарѣлыхъ молодыми и болѣе знакомыми съ ходомъ наукъ въ Европѣ, усилилъ преподаваніе математики, указалъ, чтобы преподаваніе физики примѣнялось къ пользамъ жизни, а въ естествознаніи обращено было особое вниманіе на предметы, производимые природою Польши; установилъ, чтобы профессора составляли программы своего преподаванія и подавали деканамъ, указалъ на новѣйшихъ авторовъ для руководства при изложеніи наукъ, учредилъ для студентовъ экзамены съ тою цѣлью, чтобы не дать имъ лѣниться, и опредѣлилъ посылать достойнѣйшихъ за границу, для усовершенствованія въ наукахъ. Въ виленской академіи ввели медицину и усилили естественныя науки, въ томъ числѣ астрономію, для которой былъ тогда въ Вильнѣ знаменитый ученый Почобутъ. При академіяхъ устроили учительскія семинаріи для наполненія учительскихъ мѣстъ въ среднихъ заведеніяхъ. Курсъ ихъ былъ трехгодичный. Академіи были не только высшими училищами, но и начальственными мѣстами надъ школами, которыя были подчинены академическимъ совѣтамъ. Послѣдніе наблюдали надъ системой правильнаго преподаванія и посылали визитаторовъ по школамъ. Вообще въ школахъ введено и усилено преподаваніе исторіи, естественнаго права, географіи, математики, физики и естественныхъ наукъ. Вмѣсто латинскаго языка предписали преподавать науки на польскомъ и внушать

Digitized by Google

дѣтямъ любовь къ своему родному слову. Направленіе новаго ученія клонилось къ тому, чтобы оно непосредственно и прямо приносило пользу въ жизни. Такимъ образомъ, положили ввести въ школы преподаваніе сельскаго хозяйства, чтобъ дѣти получали понятіе о землѣ, ея свойствахъ, разныхъ видахъ сельской производительности и о полезныхъ изобрѣтеніяхъ, которыя могли быть въ свое время введены для умноженія сельскаго дохода. Въ разныхъ мѣстахъ предполагали основать спеціальныя заведенія механики и архитектуры. Наконецъ, положено было завести школы для простого народа, по приходамъ. Такъ какъ былъ ощутителенъ крайній недостатокъ учебныхъ книгъ, то въ Варшавѣ образовалось общество для изданія элементарныхъ учебныхъ руководствъ и назначены для того преміи. Скоро начали появляться опыты разныхъ учебниковъ. Въ составленіи этихъ проектовъ принималъ особенно дѣятельное участіе Іоакимъ Хребтовичъ, одинъ изъ умнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей въ Польшѣ.

Реформы коснулись и духовныхъ училищъ; между прочимъ, опредѣлили ввести преподаваніе церковной исторіи.

Но величайшій недостатокъ эдукаціонной коммиссіи состоялъ въ томъ, что она оставила воспитаніе женщинъ въ пренебреженіи; не сдѣлано было никакихъ распоряженій о заведеніи женскихъ школъ и о способѣ въ нихъ ученія. Женщины, по прежнему, должны были получать воспитаніе у визитокъ или сакраментокъ, или въ своихъ семьяхъ отъ иностранныхъ гувернантокъ. Безъ этого, великая цѣль перевоспитанія народа не могла быть достигнута: образованіе половъ шло въ разрѣзъ одно съ другимъ. Это въ особенности чувствовалось въ Польшѣ, гдѣ женщина во всѣхъ видахъ имѣла сильное вліяніе на мужчину, а нерѣдко и власть надъ нимъ.

Блистательнѣе всего въ Польшѣ казалось воспитаніе въ корпусѣ кадетъ, гдѣ было около восьмидесяти учениковъ. Директоромъ его былъ князь Адамъ Чарторыскій, содержавшій нѣкоторыхъ учениковъ на свой счетъ. Здѣсь хорошо преподавались точныя науки, отечественный языкъ и новые языки. Здѣсь обращалось вниманіе на выработку въ юношествѣ патріотическихъ чувствъ и честныхъ побужденій. Изъ этого-то заведенія вышли Костюшко, Нѣмцевичъ и вообще кружокъ людей, отличавшихся въ послѣдней борьбѣ за существованіе Польши. Вмѣсто прежняго монашескаго, рабскаго, эгоистическаго направленія, юношамъ внушали гражданское мужество, отвагу свободной мысли и готовность на самоотверженіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ вовсе не внушали благоразумной осторожности и сдержанности. Имъ толковали, что ихъ отечество лишено самостоятельности,

Digitized by Google

подпало подъ чужое ярмо, что долгъ молодого поколѣнія побѣдить и изгнать завоевателей; но имъ мало объясняли ту горькую истину, что ихъ отечество отъ вѣковой гнили сдѣлалось неспособнымъ къ самостоятельности и нуждается въ нравственномъ пересозданіи, которое могло совершиться только вѣками. Юноши привыкали видѣть причину печальной судьбы своей родины только во внѣшнихъ ударахъ, и воображали, что стоитъ только пышными фразами пробудить въ своихъ соотечественникахъ временно-усыпленныя благородныя побужденія, и поляки покажутъ свѣту величайшія доблести, тогда какъ то, что они считали только усыпленнымъ, на самомъ дѣлѣ было мертво; полякамъ нужно было не пробужденіе, а воскрешеніе: нужно было иныхъ поколѣній, иного времени. Такимъ образомъ, воспитаніе въ этой такъ-называемой рыцарской школѣ страдало кореннымъ недостаткомъ польскаго характера: воспитанниковъ пріучали смотрѣть на дѣло отечества сердцемъ, а не умомъ. Хорошихъ послѣдствій отъ такого рода воспитанія не могло быть. Перевоспитаніе польской націи въ томъ и должно было состоять, чтобы пріучить новое поколѣніе смотрѣть на вещи болѣе умомъ, чѣмъ сердцемъ, подчинять горячность сердечныхъ побужденій холоду разсудка. А такъ какъ этого не было, то получившіе воспитаніе въ рыцарской школѣ бросались на смѣлыя предпріятія, съ увѣренностью, что вся Польша раздѣляетъ ихъ увлеченія и готова всѣмъ жертвовать для великихъ дѣлъ; этого на самомъ дѣлѣ не оказывалось. Они думали спасти Польшу революціями, а революціи могли приводить ее къ окончательной гибели, что и сталось; ей нужны были не агитаторы, а учители, не борцы съ внѣшними завоевателями, а скромные, трудолюбивые дѣятели, устроители внутренняго порядка, проповѣдники правды собственными поступками въ гражданской обыденной жизни, предпріимчивые промышленники, заботливые сельскіе хозяева, разумно-честные собиратели капиталовъ; ей нужно было сознаніе первыхъ правъ человѣка, свобода крестьянина, его прочное благосостояніе и просвѣщеніе, — а прежде всего и паче всего полякамъ нужно было поменьше пить и плясать, а побольше работать. Ко всему этому могло привести одно только благоразумное воспитаніе, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, безъ всякихъ политическихъ увлеченій.

Но вообще воспитаніе, такъ красиво начертанное въ уставѣ эдукаціонной коммиссіи, не такъ-то легко осуществлялось на дѣлѣ Преподаватели въ училищахъ не легко отставали отъ прежней рутины. Пока могли воспитаться и подготовиться молодые наставники, ихъ мѣсто занимали старые, болѣе всего ксендзы и

Digitized by Google

эксъ-іезуиты. Введеніе польскаго языка казалось польскому обществу униженіемъ науки. Отцы скорбѣли о томъ, что дѣти теперь будутъ хуже знать латынь, и слѣдовательно, хуже будутъ обучены: закоренѣлымъ въ старыхъ предразсудкахъ латынь казалась альфою и омегою человѣческой мудрости. Сама коммиссія должна была дѣлать уступки и допустить преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ по-латыни. Введеніе естественныхъ наукъ казалось польской публикѣ чѣмъ-то страннымъ. Надъ нимъ отпускали глупыя и невѣжественныя насмѣшки. «Вотъ—говорили—учатъ нашихъ дѣтей, что коня ведутъ за поводъ спереди, а не за хвостъ сзади; да это всякій пастухъ знаетъ»! Не смотря на строгія приказанія коммиссіи, отнюдь не употреблять варварскихъ наказаній, розги и нагайки медленно выводились изъ школъ. Дѣдовскія привычки вездѣ брали верхъ. Монахи и ксендзы настраивали общество противъ новаго воспитанія, жаловались на упадокъ благочестія; большинство вздыхало объ іезуитахъ, желало и требовало ихъ возвращенія, находило, что, съ прекращеніемъ господства монашескаго воспитанія въ Польшѣ, наступило невѣжество и нечестіе. Многіе обыватели не хотѣли отдавать дѣтей въ школы, боясь, что они тамъ потеряютъ благочестіе, и воспитывали ихъ дома, или у монаховъ. Понятно, что такая важная реформа, какую предначертала эдукаціонная коммиссія, не могла совершиться въ какія-нибудь двадцать лѣтъ.

Во всякомъ случаѣ, поляки, учившіеся въ школахъ, устроенныхъ на новый ладъ, все-таки выходили съ бо́льшимъ запасомъ полезныхъ знаній и съ лучшими нравственными задатками, чѣмъ ихъ отцы и дѣды. Въ нѣкоторыхъ школахъ и дѣтей били меньше; отъ этого молодымъ паничамъ, по возвращеніи домой, не казалось совершенно хорошимъ дѣломъ безчеловѣчное битье хлоповъ, и несчастные рабы начинали уже находить себѣ въ этихъ паничахъ ходатаевъ и защитниковъ передъ грубыми отцами.

Обращено вниманіе на искусства. Основана въ Варшавѣ школа живописи, и Польша скоро имѣла замѣчательнаго своего художника Шмуглевича. Заведена также школа музыки. Молодые люди посылались за границу для усовершенствованія въ изящныхъ искусствахъ. Основанъ публичный театръ въ Варшавѣ, и поляки показали, что природа одарила ихъ способностями къ этому роду искусства. Варшавская сцена заблистала истинными талантами, каковы были: Богуславскій, Витковскій, Овсинскій, Свѣжавскій, Трускуловская и пр. Въ драматической отечественной поэзіи отличались писатели: Красицкій, Дроздовскій, Адамъ Чарторыскій, Юліанъ Нѣмцевичъ, актеръ Богуславскій. Вообще отечественная поэзія всѣхъ родовъ украсилась произведеніями Игна-

Digitized by Google

тія Красицкаго, писателя талантливаго и разнообразнаго, остроумнаго сатирика, автора, между прочимъ, нравоописательнаго романа «ПанъПодстоличъ»,—неглубокаго, но даровитаго и игриваго лирика Трембецкаго, Княжнина, сатирика Венгерскаго, Шимановскаго, Карпинскаго, Езерскаго. Въ разработкѣ отечественной исторіи отличались: Нарушевичъ—авторъ «Исторіи польскаго народа», Альбертранди, Китовичъ, оставившій драгоцѣннѣйшее описаніе обычаевъ и быта въ восемнадцатомъ вѣкѣ, Когновицкій, написавшій біографію Сапѣгъ, Ѳедоръ Островскій, оставившій капитальный трудъ по исторіи польской церкви, Самуилъ Бантке, только-что начавшій свое учено-литературное поприще. По естественнымъ наукамъ поляки могутъ съ честью указать на Клюка, Юндзилла, химика Андрея Снядецкаго, Губе, Рогалинскаго; астрономовъ Почобута и Яна Снядецкаго, геолога Сташица, бывшаго также публицистомъ. Словомъ, по всѣмъ отраслямъ знанія являлись у поляковъ писатели. Но кругъ интересовавшихся успѣхами отечественной литературы былъ не великъ; большинство польской публики оставалось ей чуждымъ; аристократія предпочитала читать французскія книги; обыватели почти ничего не читали: въ любомъ гостепріимномъ и открытомъ обывательскомъ домѣ, гдѣ сходились сотни гостей, имена всѣхъ этихъ писателей были почти никому неизвѣстны.

Канцлеръ Андрей Замойскій, которому сеймъ поручилъ составить кодексъ законовъ, внесъ въ него проектъ въ пользу крестьянъ. Онъ не рѣшался тотчасъ освободить ихъ отъ власти пановъ, а хотѣлъ доставить имъ свободу постепенно, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, и для этого, во-первыхъ, обязывалъ владѣльцевъ заводить въ своихъ селахъ для крестьянъ школы, а во-вторыхъ, непремѣнно дозволять изъ каждой крестьянской семьи увольнять мальчиковъ въ ученіе, за исключеніемъ двухъ, которые должны оставаться при землѣ. Проектъ Замойскаго оканчивался такими словами: «Хлопство наше живетъ въ грубой простотѣ, не имѣетъ никакихъ понятій объ обязанностяхъ къ Богу, къ себѣ самому и ближнему: они всѣ плохіе христіане и нерачительные хозяева; религія и общественное благо требуютъ не оставлять народъ въ такомъ невѣжествѣ». Сверхъ того, объявлялись лично свободными тѣ крестьяне, о которыхъ законно могло быть извѣстно, что они нѣкогда поселились на владѣльческихъ земляхъ на условіяхъ: они могли уходить отъ помѣщика, исполнивши эти условія. Какъ ни малы были льготы, предоставленныя крестьянамъ этимъ проектомъ, но шляхетство увидало въ немъ посягательство на свои права и тайное намѣреніе лишить его власти надъ крестьянами, если не тотчасъ, то въ будущее время.

Digitized by Google

Сначала проектъ, представленный на сеймѣ 1778 года, былъ отложенъ до будущаго сейма въ 1780 году. Замойскій на этотъ послѣдній сеймъ представилъ свой проектъ снова, и негодованіе противъ него доходило до того, что составителя открыто называли измѣнникомъ отечества. Кодексъ, составленный Замойскимъ, былъ отвергнутъ цѣликомъ, ради того, чтобъ удалить вопросъ о крестьянствѣ. Для соблюденія приличія, Замойскаго, однако, поблагодарили за трудъ, но нашли его неудобнымъ къ принятію. Семидесятилѣтній канцлеръ удалился отъ дѣлъ въ свои имѣнія. Занимавшійся при немъ, въ качествѣ секратаря, Выбицкій разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что когда онъ самъ послѣ того пріѣхалъ въ Великую Польшу, то его жизнь была въ опасности. «Они—кричала шляхта—хотѣли у насъ отнять хлоповъ, обратить шляхту въ хлоповъ, а хлоповъ въ шляхту». Достойно замѣчанія, что подобныя остроты отпускали поляки при Владиславѣ IV, передъ возстаніемъ Хмельницкаго, обвиняя своего короля въ намѣреніи присвоить самодержавную власть, опираясь на хлоповъ.

Вліянію русскаго посланника никакъ нельзя приписать неудачъ на этомъ сеймѣ. Штакельбергъ именно въ то время вовсе не мѣшался въ дѣла, и Россія какъ будто предоставила полякамъ полную свободу. Даже русскія войска были выведены изъ Польши. Штакельбергъ получалъ инструкціи, которыя заставляли его оставаться непричастнымъ: происходило-ли это, какъ думаютъ, иностранцы, оттого, что при петербургскомъ дворѣ ослабѣло вліяніе Панина и взялъ верхъ Потемкинъ, или же оттого, что сама Екатерина сочла нужнымъ, въ видахъ своей политики, не налегать слишкомъ на Польшу и предоставить полякамъ самимъ устраиваться — пусть рѣшаютъ другіе, а для насъ несомнѣнно то обстоятельство, что въ это время полякамъ никто не мѣшалъ, и они показали свою несостоятельность въ дѣлѣ реформы. На этомъ же сеймѣ, когда конченъ былъ отчетъ объ устройствѣ арсенала и литейнаго завода, то по скупости, съ какою поляки открывали свои карманы для общихъ нуждъ, король изъ собственныхъ суммъ выдалъ 701,491 злотыхъ. «Этотъ сеймъ—говоритъ саксонскій министръ Эссенъ—доказалъ, что громада поляковъ питаетъ отъявленное отвращеніе ко всему, что только отзывается улучшеніемъ и правосудіемъ».

Жалуясь на политическую тираннію Россіи надъ собою, поляки хотѣли быть у себя дѣйствительными тиранами. Тѣмъ не менѣе духъ времени невольно бралъ свое. Нѣкоторые паны, проникнутые свободомысліемъ вѣка, дѣлали въ своихъ имѣніяхъ облегченія для своихъ крестьянъ, и учреждали новые порядки. Андрей Замойскій, племянникъ короля Станислава Понятовскій,

Digitized by Google

Чарторыскіе увольняли своихъ крестьянъ отъ панщины и замѣняли эту повинность денежнымъ оброкомъ. Это былъ уже прогрессъ въ крестьянскомъ дѣлѣ. Оригинальнѣе поступилъ Іоакимъ Хребтовичъ: онъ приказалъ всѣ свои пахатные грунты порѣзать на четвероугольники, вмѣщавшіе каждый по волокѣ, и подѣлилъ ихъ по достоинству на три рода. Каждый четвероугольникъ составлялъ отдѣльный участокъ; всѣ ихъ отдалъ онъ крестьянамъ, предоставивъ на выборъ платить за нихъ работою, или натуральными произведеніями. На этихъ участкахъ приказано крестьянамъ поселиться, такъ что все имѣніе Хребтовича представляло видъ шахматницы. Нельзя не замѣтить здѣсь того духа реформъ XVIII вѣка, которымъ проникались тогда многіе, думавшіе, что можно устроивать счастіе людей теоріями и распоряженіями, не спрашиваясь съ теоріями и пріемами текущей жизни. Прелатъ Бржостовскій сдѣлалъ въ своемъ имѣніи подобіе Рѣчи-Посполитой; онъ даровалъ подданнымъ привилегіи, подобно тому, какъ давали короли городамъ, устроилъ суды съ присяжными и, вдобавокъ, ввелъ военныя упражненія, а самъ величался, какъ бы въ санѣ короля, надъ созданной имъ республикой. Безъ всякихъ подобныхъ затѣй и выходокъ, отличался гуманностью обращенія съ крестьянами и заботливостью о ихъ благѣ панъ, который впослѣдствіи навлекъ на себя, болѣе чѣмъ кто-нибудь, проклятія прогрессивной польской партіи—то былъ Щенсный Потоцкій, владѣтель неизмѣримыхъ пространствъ въ Украинѣ. Онъ былъ постоянный приверженецъ старо-шляхетской вольности и безправія. Съ одной стороны, онъ не обладалъ выходящимъ изъ обычнаго уровня умомъ и не получилъ хорошаго образованія, которое могло бы освѣжить въ немъ прадѣдовскую затхлость, съ другой, былъ слишкомъ пански себялюбивъ, честолюбивъ и избалованъ, чтобъ пожертвовать завѣтными предразсудками; за то отъ природы былъ очень добраго сердца и поэтическаго воображенія. Въ молодости онъ самъ перенесъ страшный ударъ отъ панскаго самодурнаго деспотизма своихъ родителей. Сынъ высокомѣрнаго магната, кіевскаго воеводы Салерія Потоцкаго, онъ страстно полюбилъ дѣвицу Гертруду Комаровскую, дочь сосѣда обывателя, хотя не послѣдняго по происхожденію, но въ глазахъ Потоцкаго никакъ недостойнаго чести породниться съ знатными родами. Молодой Щененый женился тайно, и до поры до времени оставлялъ жену въ домѣ ея родителей. Вдругъ узнали объ этомъ отецъ и мать и послали довѣренныхъ схватить ее: у стараго воеводы была мысль засадить ее въ монастырь, и при помощи своей панской силы вытребовать разводъ. Довѣренные схватили молодую Потоцкую,

Digitized by Google

повезли ее по осенней колоти, ночью встрѣтили обозъ чумаковъ и чтобъ жертва не закричала и не завопила о помощи, стали ее душить подушками и задушили, а потомъ бросили трупъ ея въ прудъ, откуда, впослѣдствіи, случайно вытащилъ ее мельникъ. Молодой Потоцкій былъ въ отчаяніи, хотѣлъ лишить себя жизни, но потомъ предался волѣ родителей и вступилъ въ бракъ съ дѣвицею изъ фамиліи Мнишковъ. Эта была женщина пустая, тщеславная, болтливая и вѣтренная; Потоцкій не любилъ ее, но, по мягкосердію, нерѣдко находился подъ ея вліяніемъ. Потоцкій принадлежалъ къ такимъ натурамъ, которыя не ищутъ развлеченій въ перемѣнныхъ сношеніяхъ съ прекраснымъ поломъ, но для которыхъ необходима всегда женская опека. Онъ никогда не могъ забыть первой любви; на груди у себя носилъ онъ изображеніе своей первой жены, и на всемъ характерѣ его остались до гроба слѣды глубокой меланхоліи. Неразговорчивый, задумчивый, онъ не раздѣлялъ общей всѣмъ панамъ страсти къ шумнымъ пирамъ и кутежамъ. Высокомѣрный съ равными, онъ былъ добродушенъ и привѣтливъ съ низшими и подвластными. По свидѣтельству знавшихъ его, печальная катастрофа въ молодости содѣйствовала этой чертѣ его характера [1]). Обыкновенно паны раздавали свои имѣнія въ поссессіи, мало обращая вниманія на то, кто ихъ бралъ и наблюдали свои выгоды болѣе чѣмъ благосостояніе крестьянъ. Потоцкій выгналъ изъ своихъ имѣній всѣхъ поссессоровъ и коммиссаровъ, на которыхъ къ нему поступали жалобы отъ народа; половину своихъ мѣстностей роздалъ въ поссессіи такимъ лицамъ, на которыхъ вполнѣ надѣялся, а другую принялъ въ собственное управленіе, раздѣлилъ ихъ на фольварки или округи, заключавшіе по нѣскольку селъ, ввелъ между крестьянами громадское управленіе, не требовалъ отъ нихъ повинностей, кромѣ одного дня панщины въ мѣсяцъ, двѣнадцати дней такъ-называемаго шарварка и двѣнадцати-лѣтнихъ дней покоса и жатвы, разводилъ и побуждалъ крестьянъ разводить лучшіе роды хлѣбнаго зерна, выписалъ лучшую породу рогатаго скота изъ Венгріи и Италіи и поправилъ домашній рогатый скотъ, первый завелъ въ Украинѣ мериносовъ, насаживалъ сады и огороды. Доступный своимъ подданнымъ, внимательный къ ихъ нуждамъ, онъ не думалъ просвѣщать крестьянъ, но не мѣшалъ ихъ благоденствію въ той сферѣ, въ какой они находились; его села блистали бѣлыми хатами посреди роскошныхъ садовъ, окруженные изобиліемъ скирдъ хлѣба, стоговъ сѣна, воловъ, овецъ,

[1]) Мы распространяемся объ этомъ лицѣ потому, что оно играетъ очень важную роль въ исторіи этого времени.

Digitized by Google

пчелъ и пр. У него не слышно было о нищетѣ; крестьяне его не знали европейскихъ одеждъ, за то не было у нихъ недостатка въ произведеніяхъ домашней мануфактуры, потому что женщины, необремененныя панскою работою, имѣли время прясть, ткать и шить для себя и своихъ семей. Вездѣ было довольство и веселіе, вездѣ жили по старинѣ. Щенсный терпѣть не могъ перемѣны обычаевъ, какъ въ своихъ имѣніяхъ, такъ и въ Рѣчи-Посполитой. Впрочемъ, возможность такого управленія зависѣла отъ того, что Потоцкій былъ чрезмѣрно богатъ и получалъ до 80,000 червонцевъ въ годъ. Но онъ не могъ служить образцемъ для всѣхъ, ни даже для своихъ собственныхъ дѣтей и наслѣдниковъ. Притомъ, въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя не состояли подъ его непосредственнымъ управленіемъ, а отданы были въ поссессіи, положеніе крестьянъ было хуже. Вообще же возстаніе Гонты и Залізняка мало вразумило поляковъ.

Современникъ-полякъ, писавшій въ 1790 году, представляетъ южно-русскій народъ страдающимъ подъ страшнымъ произволомъ необузданнаго деспотизма поссессоровъ и коммиссаровъ. Крестьянъ изнуряли произвольною работою; съ нихъ брали тяжелыя подати; оффиціантъ производилъ экзекуціи, ѣздилъ съ казаками и гайдуками съ нагайками въ рукахъ, мучилъ безъ состраданія и обиралъ хлоповъ: такъ, напримѣръ, нужно съ крестьянина получить корецъ жита (въ четыре четверика), а онъ беретъ съ него шесть четвериковъ и, такимъ образомъ, вмѣсто трехъ сотъ корцевъ, слѣдуемыхъ пану или поссессору, получаетъ до четырехъ сотъ и болѣе. И лишнее обращается, разумѣется, въ его пользу. Случится неурожай — крестьянину нѣтъ льготы; онъ сбываетъ жиду за безцѣнокъ вола, овецъ, продаетъ свою послѣднюю ветошь, чтобы купить и везти овесъ или рожь въ панскіе магазины. «Мы несчастные», вопили хлопы, «работаемъ, не переводя духъ; не даютъ намъ собрать собственнаго хлѣба; гніемъ въ дыбахъ (колодахъ), умираемъ подъ канчуками». Украинскіе хлопы, не смотря на неудачу возстанія, все еще продолжали надѣяться на Россію. По извѣстію одного поляка (Bunty ukraińskie), матери, сидя за пряжею, пѣли своимъ дѣтямъ завѣтныя пѣсни о временахъ Хмельницкаго, а при случаѣ украинскій хлопъ, подпивши, осмѣливался сказать ляху: «о, мы и не такихъ різали»; на это полякъ отвѣчалъ ему: «а мы и не такихъ вішали». Хотя въ послѣднее время законъ запрещалъ помѣщику убивать крестьянъ, но такого рода своевольства продолжались по прежнему; нужно было, чтобы убійца при свидѣтеляхъ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія; судьи всегда были готовы защищать обывателя, чтобы не дать потачки по-

Digitized by Google

сятельству на шляхетскія права. Ограниченіе работъ не имѣло силы; очень часто помѣщикъ, или поссессоръ, по старинѣ томилъ крестьянъ панщиною цѣлую недѣлю, оставляя для крестьянской работы одно воскресенье; крестьянинъ не имѣлъ права ничего купить и продавать иначе, какъ жиду-арендатору, и вообще въ это время крестьянинъ у большинства пановъ продолжалъ имѣть значеніе вещи. За то вездѣ, исключая Украины, гдѣ вѣялъ казацкій духъ, польскій крестьянинъ былъ такъ забитъ, что и не помышлялъ о возможности свободы. Крестьяне въ староствахъ имѣли право жаловаться на злоупотребленія старостъ, но не пользовались этимъ правомъ, потому что было напрасно искать его: старосты всегда умѣли остаться правыми. Въ имѣніяхъ духовныхъ состояніе хлоповъ ничуть было не легче. Они всѣ почти были отданы въ поссессіи и находились въ крайнемъ угнѣтеніи.

Являлись попытки къ водворенію фабричной и заводской промышленности. Въ этомъ отличился особенно Тизенгаузъ, получившій въ управленіе столовыя королевскія имѣнія близъ Гродны. Онъ устроилъ тамъ нѣсколько фабрикъ, обращая однако вниманіе на предметы роскоши, проводилъ черезъ дикіе лѣса дороги, но забылъ интересы сосѣднихъ обывателей, и раздражилъ ихъ своимъ обращеніемъ: самъ онъ былъ человѣкъ пьяный, буйный и своевольный; поднялись противъ него жалобы, а между тѣмъ, при дворѣ старались ему вредить другіе паны, между прочимъ Радзивиллъ и Чарторыскіе. Онъ не умѣлъ также поладить и со Штакельбергомъ. Король отнялъ у него управленіе столовыми имѣніями и поручилъ Ржевускому. Затѣи Тизенгауза остались безъ послѣдствій. Въ другихъ мѣстахъ, однако, также проявлялись признаки фабричной дѣятельности. Въ Корцѣ дѣлали фарфоръ, въ Ловичѣ полотна, въ Слуцкѣ пояса. Нѣсколько позже въ русскихъ земляхъ отличался Протъ Потоцкій: въ Махновкѣ основалъ у себя разныя заведенія и скупалъ крестьянскія произведенія, черезъ то возвышалось благосостояніе сельскаго класса въ Польшѣ и Литвѣ.

Торговля въ Польшѣ и Литвѣ должна была подняться послѣ открытыхъ двухъ каналовъ: Огинскаго между Припетью и Нѣманомъ, и Мухавецкаго между Припетью и Бугомъ. Но торговля не могла идти хорошо: прусскій король стѣснялъ торговый путь по Вислѣ, взималъ большія пошлины и задерживалъ польскія суда; эти распоряженія совпадали съ постояннымъ намѣреніемъ Пруссіи не допускать Польшѣ приходить къ благоустройству и благосостоянію. Кромѣ того, успѣхамъ торговли мѣшало отсутствіе честности въ исполненіи договоровъ. «Ни купецъ, ни дворянинъ — писалъ саксонскій министръ Эссенъ — не въ силахъ

Digitized by Google

истребовать отъ польскаго магната денежной уплаты; суды отказывали въ экзекуціи. У поляковъ, хотя и введено вексельное право, но польскій дворянинъ разрываетъ вексель, представленный ему купцомъ для уплаты, а правосудіе не преслѣдуетъ такихъ должниковъ и не заботится о тѣхъ, которыхъ они разоряютъ. Несмотря на мѣры къ искорененію корыстолюбія и неправды, установленныя предшествовавшими сеймами, все обращается къ прежнему варварству».

Въ 1784 г., этотъ саксонскій министръ изобразилъ черными красками нравственный уровень поляковъ высшаго класса. По его наблюденіямъ, Польша, при Станиславѣ-Августѣ, вмѣсто того, чтобы поправиться, еще болѣе впадала въ деморализацію. «Двадцатилѣтнее царствованіе короля (говоритъ онъ), оказывающаго примѣрное равнодушіе ко всему, что честно, прилично и уважительно, произвело такую распущенность, какой не представляетъ Европа нигдѣ. Поступки, за которые въ другихъ странахъ подвергаютъ тѣлесному наказанію, совершаются здѣсь высшими сановниками, и нѣтъ имъ за то наказанія. Они живутъ въ Варшавѣ, близъ короля, нри его дворѣ, состоя въ своихъ должностяхъ. Хотите подробностей? Не угодно ли узнать воеводу, который укралъ перстень, или графа, мальтійскаго кавалера, которому, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, жена русскаго воеводы сказала: «вы у меня украли часы; небольшой вамъ отъ этого выигрышъ: они стоятъ всего восемдесятъ червонцевъ». А вотъ кавалеръ синей ленты (Бѣлаго Орла). Онъ приказалъ украсть свои заемныя обязательства у адвоката, которому его заимодавцы дали ихъ для взысканія по нимъ денегъ. Этотъ фактъ случился всего двѣ недѣли назадъ (писано 1 мая 1784 г.). Есть въ республикѣ министръ, который съ своимъ камердинеромъ пошлетъ въ залогъ свое серебро, и прикажетъ отправить это серебро въ свое имѣніе, а потомъ начинаетъ процессъ противъ тѣхъ, которые ему дали денегъ подъ серебро впередъ, не получивши еще залога, требуетъ обратно серебра, не платитъ денегъ, подъ предлогомъ, что камердинеръ укралъ серебро, а камердинеръ черезъ полгода опять у него служитъ. А вотъ другой министръ — несправедливо захватилъ имѣніе у сосѣда. Трибунальскій декретъ далъ послѣднему право вступить во владѣніе своею собственностію. Министръ подалъ апелляцію въ постоянный совѣтъ, гдѣ самъ засѣдаетъ. При явной подачѣ голосовъ онъ выигрываетъ, при тайной проигрываетъ. Тогда онъ поручаетъ своему сыну, полковнику, съ вооруженною силою захватить имѣніе. Послѣ сраженія между солдатами и крестьянами, на которомъ пало тридцать четыре человѣка солдатъ, полковникъ убѣжалъ. Одного вое-

Digitized by Google

воду потянули къ суду за составленіе фальшивыхъ векселей, другой въ судѣ отрекался отъ собственноручной подписи, третій держалъ у себя въ домѣ фальшивыя карты и обыгрывалъ молодыхъ людей: такую непріятность испыталъ и королевскій племянникъ. Четвертый продавалъ имѣніе, которое ему не принадлежало, такъ что покупщикъ, пріѣхавши въ купленное имѣніе, нашелъ тамъ иного собственника, который принялъ его за съумасшедшаго. Пятый, чтобъ сдѣлать себя ложнымъ банкротомъ, выдумалъ на свое имѣніе залоги и собиралъ спокойно съ нихъ доходы подъ чужимъ именемъ, а заимодавцамъ своимъ не платилъ. Шестой разорвалъ вексель передъ глазами своего заимодавца и приказалъ послѣдняго крѣпко отколотить. Седьмого стращаетъ императорско-королевскій чиновникъ обѣщаніемъ опубликовать его имя въ газетахъ, за то, что отрекается въ займѣ денегъ у вѣнскаго гражданина, который выручилъ его отъ заимодавцевъ. Осьмой — коронный офицеръ, заманилъ къ себѣ молодую даму, приказалъ своимъ слугамъ придержать ее и изнасиловалъ. Девятый взялъ у иностранца-врача на сохраненіе вещи, цѣною на три тысячи червонцевъ, и потомъ отрекся отъ своего долга. Я упоминалъ только о такихъ поступкахъ, которые въ высшей степени преступны и совершены въ послѣднее время лицами высшаго общества, занимающими притомъ важныя мѣста въ государствѣ, устраиваютъ у себя блестящія собранія, о которыхъ никто не скажетъ дурного слова, хотя знаютъ всѣ, что за ними водится. Стало быть саксонскій маршалъ (Marechal de Saxe — извѣстный Морицъ, побочный сынъ Августа II, знаменитый полководецъ) не былъ не правъ, сказавши, что полунегодяй (demi-coquin) въ Германіи будетъ въ Польшѣ честнѣйшимъ человѣкомъ... Еслибъ курфирсту понадобилось, чтобъ я указалъ ему три честныя и прямыя личности въ Польшѣ, я бы не могъ указать ни единой. Государи, говорятъ поляки, ничего не дѣлаютъ безъ собственныхъ выгодъ; мы республиканцы и государи; мы готовы служить чужимъ государямъ, насколько они намъ дѣлаютъ. И вотъ Россія, великая и страшная держава, истрачиваетъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ червонцевъ въ годъ на пенсіоны для того, чтобы въ постоянномъ совѣтѣ, въ скарбовой коммиссіи и въ другихъ учрежденіяхъ держать служащихъ ей людей, а все-таки, несмотря на повелѣнія и письма императрицы, русскіе подданные постоянно проигрываютъ процессы. Такое состояніе дѣлъ, достойное удивленія, до того взволновало одного изъ здѣшнихъ иностранныхъ министровъ, что онъ съ каждою почтою проситъ увольненія изъ этой страны, гдѣ онъ живетъ только два года. Онъ говоритъ, что если его не отзовутъ, то онъ возьметъ от-

Digitized by Google

ставку отъ службы вовсе, потому что честному человѣку унизительно занимать здѣсь должность министра. Это былъ англійскій министръ, лордъ Dalrymple [1]).»

Нельзя не замѣтить въ этомъ письмѣ, какъ вообще въ письмахъ Эссена, того предубѣжденія, какое почти всегда и вездѣ питаетъ нѣмецъ къ славянамъ; кромѣ того, саксонскій министръ хочетъ видимо представить кругъ, въ которомъ находится, въ возможно-грязномъ свѣтѣ, для того, чтобъ возвысить цѣну своихъ трудовъ и безпокойствъ по занимаемой должности, и тѣмъ самымъ показать, что за это онъ достоинъ особой милости и вниманія своего князя-избирателя. Такія происшествія, какъ оспариваніе подлинности и законности векселей, отреченіе отъ собственной подписи, бываютъ вездѣ и могутъ быть слѣдствіемъ недоразумѣній; чтобы обвинить за это кого-нибудь, нужно выслушать съ его стороны доказательства. Но за то другіе признаки, какъ напр. наѣзды на имѣнія, карточныя продѣлки, продажа небывалаго имѣнія — все это факты, о которыхъ мы узнаемъ и изъ польскихъ источниковъ того времени, и это только даетъ правоописанію Эссена достоинство достовѣрности, несмотря на его пристрастный тонъ. Самый горячій патріотъ того времени, Коллонтай, въ своихъ письмахъ говоритъ: «Всеобщій безпорядокъ въ домахъ, злонравіе и развратъ въ семействахъ, несправедливость въ судахъ, безнравственность и невѣжество духовенства, негодность войска, неповиновеніе закону и властямъ, все это привело насъ къ тому презрѣнному и подлому состоянію, которое даетъ нашимъ сосѣдямъ противъ насъ смѣлость». Но, слѣдуетъ замѣтить, однако, что въ тотъ вѣкъ много можно найти примѣровъ безнравственности въ аристократическихъ обществахъ другихъ странъ Европы, а потому было бы несправедливо взваливать на поляковъ исключительно тѣ пороки, какіе болѣе или менѣе встрѣчались вездѣ. Для насъ важно не столько то, что за поляками водились дурныя дѣла, и Польша изобиловала темными сторонами, какія можно было видѣть въ другихъ странахъ, сколько то, что у поляковъ почти не видно было тѣхъ свѣтлыхъ сторонъ, которыми, при всѣхъ порокахъ своихъ высшихъ сферъ, обладали другія націи.

---

[1]) Hermann. VI, Anhang. III, 190.

Digitized by Google

VI.

Оппозиція противъ короля. — Процессъ Угромовой. — Сеймъ 1786 года.

Съ 1780 г. до четырехлѣтняго сейма (1788 г.) король боролся съ внутренними противниками, которыхъ соединяли противъ него разнородныя побужденія. Оппозиція эта вначалѣ, какъ было сказано, вертѣлась около личности Адама Чарторыскаго. Къ нему примкнули два брата Потоцкіе, Игнатій и Станиславъ, хотѣвшіе играть роль реформаторовъ и передовыхъ вожаковъ своей націи. Оба воспитывались сначала въ конвиктѣ піаровъ, потомъ получили образованіе за границей, усвоили новыя европейскія понятія о перестройкѣ обществъ и хотѣли примѣнить ихъ въ Польшѣ, задавались мыслью о возрожденіи своего отечества, о прогрессѣ воспитанія, о равноправности гражданъ, о внутренней силѣ и внѣшней независимости своей страны. Игнатій прежде готовился къ духовному званію, и для этой цѣли получилъ высшее образованіе въ Римѣ, а въ Польшу воротился въ видѣ моднаго аббата того вѣка, но потомъ раздумалъ и оставилъ это поприще. Оба брата женились на родныхъ сестрахъ, дочеряхъ богатаго короннаго маршала, князя Любомирскаго, находившагося подъ вліяніемъ жены своей, урожденной Чарторыской, которая, по своимъ огромнымъ средствамъ и по умѣнію держать себя съ пышностью, пользовалась во всей Рѣчи-Посполитой большимъ значеніемъ. Игнатій былъ человѣкъ даровитый, обладалъ превосходною памятью, много читалъ, но блисталъ болѣе краснорѣчіемъ, остроуміемъ и свѣтскимъ лоскомъ, чѣмъ глубокомысліемъ и основательностью, не чуждъ былъ склонности къ интригамъ и думалъ быть великимъ политикомъ, хотя постоянно въ этомъ дѣлалъ промахи. Станиславъ былъ основательнѣе своего брата, ослѣплялъ поляковъ своимъ краснорѣчіемъ, но былъ очень заносчивъ. Современники находили въ Станиславѣ болѣе эгоизма; Игнатій былъ его задушевнѣе и безкорыстнѣе любилъ родину; его замашка хитрить и интриговать болѣе происходила отъ воспитанія и обстоятельствъ, чѣмъ отъ характера. Они склонялись къ демократическимъ идеямъ, хотя не смѣли еще выявлять ихъ рѣзко, но въ то же время задушевнымъ желаніемъ обоихъ было — возвышеніе и блескъ своей фамиліи. Около нихъ собирались люди съ меньшимъ значеніемъ по роду и богатству, также знакомые съ европейскими современными идеями, пропитанные мыслью о поднятіи своего отечества. Къ нимъ стали склоняться и сердца молодежи, получавшей воспитаніе въ кор-

Digitized by Google

пусѣ кадетъ. Эта прогрессивная партія была въ то время во враждѣ съ королемъ и это обстоятельство соединило ее съ гетманомъ Браницкимъ; и онъ также кричалъ о возрожденіи отечества, вопіялъ противъ короля, указывалъ на него, какъ на причину, замедлявшую въ Польшѣ улучшенія. По происхожденію своему отъ предковъ онъ былъ казакъ и по характеру подходилъ къ типу тѣхъ ошляхтѣвшихъ малороссовъ, въ родѣ Выговскихъ, Бруховецкихъ, Мазепъ, которые полвѣка волновали Малороссію, съ любовью къ смутамъ, интригамъ и безурядицѣ. Веселаго нрава, разгульный, буйный, щедрый, съ воинственными замашками — онъ имѣлъ много такого, что̀ могло привязать къ нему толпу шляхты: съ виду казался открытымъ и прямымъ, въ самомъ дѣлѣ былъ хитеръ и двоедушенъ. Это былъ эгоистъ, думавшій только о себѣ, безъ чести, безъ вѣры, безъ убѣжденій, мстительный, самолюбивый, не терпѣлъ короля и Штакельберга, и куролесилъ противъ нихъ, надѣясь на протекцію Потемкина, дяди жены своей. Онъ всегда былъ покоренъ Екатеринѣ, но не по истинной привязанности къ Россіи, напротивъ, не терпѣлъ *москалей*, а держался ихъ потому, что видѣлъ въ этомъ свою силу и свои выгоды. Его огромныя имѣнія лежали въ Украинѣ, и въ случаѣ непокорности Россіи, могли быть тотчасъ захвачены. Екатерина знала это, понимала его, ласкала и берегла на случай, потому что онъ былъ способенъ сдѣлаться для нея какимъ угодно орудіемъ, когда окажется крайность употребить его въ дѣло. Съ нимъ былъ заодно племянникъ его, Казимиръ-Несторъ Сапѣга, сынъ бывшей любовницы короля, женщины нѣкогда веселаго поведенія, а потомъ ханжи и отъявленной интригантки: она любила дѣлать разныя каверзы и козни на сеймикахъ и трибуналахъ, подкупала судей для рѣшенія несправедливыхъ тяжбъ, въ Варшавѣ устраивала великолѣпные балы и домашніе театры, но для этого занимала деньги и безстыдно ихъ не платила: въ числѣ ея заимодавцевъ была одна французская принцесса, у которой она заняла пять тысячъ червонцевъ и не хотѣла платить; тогда графъ Вержень говорилъ, что нужно издать королевскій ордонансъ, запрещающій французамъ давать въ долгъ деньги полякамъ. Сынъ ея, находившійся долго подъ ея вліяніемъ, былъ повѣса, кутила, забіяка, самолюбивый и пустой, корчившій изъ себя оратора и гражданина и безпрестанно рисовавшійся. Къ нимъ присталъ Северинъ Ржевускій, польный гетманъ, сынъ того, который былъ сосланъ Рѣпнинымъ въ Калугу, товарищъ отцовскаго изгнанія; это былъ человѣкъ до безумія самолюбивый, высокомѣрный, взбалмошный, горячій, о которомъ даже близкіе его говорили подчасъ, что у него мозгъ не въ по-

Digitized by Google

рядкѣ. Съ ними сошелся Вельгорскій, большой любитель всего французскаго, щеголявшій сладкими манерами, гордившійся личнымъ знакомствомъ съ Жанъ-Жакомъ Руссо, любовникъ жены Станислава Потоцкаго. Къ этому кружку принадлежали и даже управляли имъ знатныя женщины. Первая изъ нихъ была гетманша Огинская (урожденная Чарторыская), богатая и чрезвычайно гостепріимная госпожа, умѣвшая соединять около себя общество; это была, такъ сказать, вѣщая жена оппозиціи. Другая была Изабелла Чарторыская, жена Адама, урожденная Флемингъ; прежде она была любовницею короля, потомъ находилась въ связи съ Рѣпнинымъ и такъ обирала его, что русскій посланникъ былъ весь въ долгу, и Екатерина должна была выручать его; перебывавши со многими въ короткихъ отношеніяхъ, она расточала свои ласки Ржевускому. Патріоты, плѣняемые широкимъ гостепріимствомъ въ ихъ домѣ, смотрѣли на нее, какъ на божество. Дочь ея была отдана за принца Виртембергскаго и мать замышляла, вмѣсто Понятовскаго, посадить на тронъ своего зятя, тогда какъ Огинская замышляла то же для своего мужа. Третья была княгиня Любомирская, также бывшая нѣкогда любовницею короля, женщина властолюбивая и чрезвычайно богатая; ея зятья, Потоцкіе, зависѣли отъ нея и пользовались ея благодѣяніями, потому что состояніе Потоцкихъ, хотя немалое, было недостаточно для такой открытой жизни, какую надо было вести въ Польшѣ, для того, чтобы имѣть вліяніе. Любомирская была большая непріятельница короля, но не покровительствовала новымъ идеямъ и была сторонницею прежняго шляхетскаго порядка, тогда какъ Чарторыская, вмѣстѣ съ мужемъ, возбуждали свое общество къ новизнѣ и реформамъ. Четвертая была княгиня Сапѣга, мать Казимира-Нестора; она въ то время дышала свирѣпою ненавистью противъ короля. Пятая была Коссаковская, каштеляниа каминская, большая интригантка. Бывшія любовницы короля и покинутыя имъ, теперь сходились вмѣстѣ, чтобы мстить за свои женскія оскорбленія. Въ Польшѣ все зависѣло отъ знатныхъ домовъ, гдѣ можно было ѣсть, пить и плясать; эти женщины, устраивая у себя веселыя сборища, двигали всѣмъ дѣломъ и давали направленіе всей Польшѣ; у каждой изъ нихъ были родные, пріятели, поклонники, секретари, пленипотенты, резиденты и, наконецъ, такъ-называемые гермки, слуги изъ шляхты: всѣ эти люди, по иниціативѣ госпожъ, кричали противъ короля, возбуждали къ нему неудовольствіе.

Между всѣми важными лицами оппозиціи было мало общаго въ основаніяхъ. Теперь ихъ соединяла непріязнь къ королю, но когда обозначились политическія стремленія, то многіе изъ этихъ

Digitized by Google

лицъ стали враждебно другъ къ другу. Теперь, пока они были между собой согласны и за каждымъ изъ нихъ была толпа обывателей и шляхты: оппозиція представляла единство и силу. Они дѣйствовали обычнымъ въ Польшѣ порядкомъ, т. е. подпаивали шляхту на сеймикахъ и выбирали такихъ пословъ, которые за полученныя деньги или обѣщанія, кричали и поступали на сеймахъ такъ, какъ имъ велѣли господа.

На сеймѣ 1782 года эта оппозиція стала перечить во всемъ королю. Вражда открылась по поводу дѣла объ арестованіи краковскаго епископа Солтыка, котораго умственныя способности пришли въ разстройство; король отдавалъ доходы епископства плоцкому епископу, своему брату; и хотя братъ короля былъ такъ остороженъ, что отказывался отъ этихъ доходовъ, но оппозиціи нуженъ былъ предлогъ. Въ засѣданіи сейма Браницкій кричалъ, что король хочетъ присвоить абсолютную власть, роптalъ на деспотизмъ и говорилъ, что шляхтѣ приходится работать уже не языкомъ, а саблею. Ржевускій дошелъ до того, что сказалъ: «Польская шляхта не нѣмецкая, и если польскій король хочетъ сообразить, до чего можетъ дойти польскій народъ, защищая свою вольность, то пусть припомнитъ судьбу англійскаго короля Карла I». Шумъ и безурядица на сеймѣ достигли того, что скоро пошли бы въ дѣло сабли; но этому положилъ предѣлъ Штакельбергъ. Онъ объявилъ: «Ея величество императрица вовсе не желаетъ, чтобы Польшу волновали партіи; она будетъ поддерживать порядокъ и законныя формы существующаго въ Польшѣ правленія; конечно, никому не запрещается говорить о сохраненіи своихъ правъ и привилегій; но я желаю, чтобъ несогласія ваши были принесены въ жертву нуждамъ отечества, чтобъ предложенія отъ трона были подвергаемы надлежащему и спокойному обсужденію». Это заявленіе успокоило сеймъ. Крики перестали, но сеймъ, составленный изъ подкупленной толпы, ничего не сдѣлалъ важнаго.

Король, послѣ этого, прильнулъ тѣснѣе къ Россіи и просилъ императрицу, черезъ своего посланника въ Петербургѣ, устроить между Польшею и Россіею тѣснѣйшій дружественный союзъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, находясь въ долгахъ, просилъ поручиться за него въ новомъ займѣ. Императрица благодарила за желаніе союза и заявила, что когда будетъ нужда, тогда пусть Польша покажетъ свою дружбу къ Россіи; что-же касается до займа, то императрица напомнила королю, что еще прежде занятыя суммы подъ доходъ съ королевскихъ экономій, за поручительствомъ Россіи, не выплачены, и потому она не приметъ на себя гарантіи въ новомъ займѣ, а прикажетъ своему пос-

Digitized by Google

ланнику, чтобы, на предстоящемъ сеймѣ, были приняты мѣры къ уплатѣ королевскихъ долговъ. Требовать этой уплаты отъ сейма казалось тѣмъ законнѣе, что король тратилъ занятыя суммы на общественныя постройки и на предметы государственныхъ нуждъ.

Слѣдующій сеймъ отправлялся въ Гродно въ 1784 году необыкновенно спокойно. Императрица приказала посланнику внушить Браницкому, чтобы онъ велъ себя благоразумнѣе и не буянилъ на сеймѣ, а лучше пусть не является туда вовсе. Браницкій повиновался. Съ другой стороны, княгиня Любомирская, которая въ это время склонялась къ покою, не пустила туда своего зятя Ржевускаго, злѣйшаго крикуна, и даже, какъ говорятъ, обѣщала ему за то семь тысячъ червонцевъ. Сеймъ состоялъ изъ пословъ, преимущественно подобранныхъ сторонниками Штакельберга—Рачинскимъ въ Великой Польшѣ и Радзивилломъ въ Литвѣ. Король, передъ созваніемъ сейма, съѣздилъ самъ лично въ Нѣсвижъ. Panie Kochanku видѣлъ, что самолюбіе его удовлетворилось, принялъ короля съ большими почестями, и съ тѣхъ поръ сдѣлался его приверженцемъ. Стоило одного слова этого магната, чтобы вся литовская шляхта была за короля. На сеймѣ положили принять въ уплату королевскій долгъ—семь милліоновъ, разложили его на десять лѣтъ, со взносомъ ежегодно по семисотъ тысячъ. Но королю не удалось склонить пословъ увеличить налоги и, тѣмъ самымъ, дать средства къ умноженію военныхъ силъ. Поляки, по слѣдамъ отцовъ своихъ и дѣдовъ, не любили давать денегъ на общественныя нужды.

Вслѣдъ за сеймомъ 1784 г., произошло событіе, связанное съ оппозиціею. Какая-то Угромова, англичанка, жена русскаго офицера, сперва доносила, черезъ посредство королевскаго камердинера Рикса и генерала Комаржевскаго, будто Чарторыскіе и Тизенгаузъ подкупали ее отравить короля, повторяла этотъ доносъ трижды, и была отвергаема, наконецъ, король запретилъ принимать отъ нея доносы. Тогда она явилась къ Чарторыскому и объявила, что королевскій камердинеръ Риксъ уговаривалъ ее отравить Чарторыскаго. Послѣдній сообщилъ объ этомъ своей сестрѣ Любомирской, а та поручила приняться за это дѣло зятьямъ своимъ Потоцкимъ. Станиславъ, вмѣстѣ съ Тэйлоромъ, обанкрутившимся купцомъ, схватилъ Рикса въ квартирѣ Угромовой и привезъ къ Любомирской. Игнатій составилъ оффиціальный искъ. Показывали, будто слышали, какъ Риксъ предлагалъ Угромовой пять тысячъ червонцевъ за поручительствомъ Комаржевскаго.

Началось дѣло въ маршалковскомъ судѣ. Король приказалъ вести его какъ можно открытѣе и публичнѣе и допустилъ истцовъ выбрать съ своей стороны ассессоровъ, которые бы сидѣли въ

Digitized by Google

судѣ и участвовали въ сужденіи. Къ удивленію многихъ, такимъ ассессоромъ былъ Игнатій Потоцкій, одинъ изъ истцовъ. Процессъ возбуждалъ вниманіе всей Польши. Повсюду въ домахъ нѣсколько времени только и рѣчей было, что объ удивительномъ дѣлѣ; многіе нарочно пріѣхали изъ имѣній въ столицу слѣдить за процессомъ. Враги силились опозорить короля и его придворную партію. Любомирская, Чарторыскій, Огинская, Браницкій потратили большія суммы, разсыпали ихъ не только въ Варшавѣ, но въ Петербургѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Берлинѣ, чтобъ задобрить въ свою пользу иностранные дворы и найти пути къ благосклонности государей. Императора Іосифа удалось имъ такъ заинтересовать, что, по выраженію его министра въ Варшавѣ, онъ столь горячо принималъ къ сердцу это дѣло, какъ будто бы шло о пріобрѣтеніи новыхъ областей. Но Екатерина и Фридрихъ II сразу поняли, что́ все это значитъ, и называли поднятую въ Варшавѣ кутерьму интригою оппозиціи противъ короля. Дѣло Угромовой окончилось въ пользу короля. Оппозиція, просадивши огромныя суммы, осталась побѣжденною и осрамленною. Угромова была присуждена къ позорному столбу, а потомъ къ тюремному заключенію въ исправительномъ домѣ. Замѣчательно, что Тэйлоръ потерпѣлъ шестимѣсячное заключеніе за оскорбленіе Рикса, но зато потомъ награжденъ былъ отъ Любомирской имѣніемъ; Потоцкіе же не потерпѣли наказанія за оскорбленіе Рикса. Адамъ Чарторыскій, за ложный доносъ, подвергся кондемнатѣ, т. е. лишенію чести и изгнанію, но это замѣнено денежною пенею. Впрочемъ, безъ этого, явное безчестіе падало, въ глазахъ всей Европы, какъ на Чарторыскаго, такъ и на братьевъ Потоцкихъ. Съ ихъ ли наущенія стала Угромова доносить о намѣреніи отравить Чарторыскаго, или они только воспользовались этимъ случаемъ—несомнѣнно то, что они хотѣли обратить этотъ случай во вредъ королю нечестными средствами. Другіе корифеи оппозиціи—Браницкій, Вельогорскій, Ржевускій, поддерживали ихъ. Королевская партія твердила, что Угромова была только жалкое орудіе заранѣе придуманной интриги.

Чтобъ очистить себя отъ понесеннаго срама, оппозиція хотѣла, во что́бы то ни стало, торжествовать на будущемъ сеймѣ. Ей необходимо было устроить такой составъ сеймовой Избы, который бы всецѣло находился у нея во власти и безусловно служилъ ея видамъ. И вотъ, оппозиціонные паны стали дѣлать у себя многочисленныя сборища, привлекать всѣми мѣрами обывателей и настраивать общественное мнѣніе противъ короля жалобами на упадокъ отечества. Съ враждою къ королю сливалось патріотическое стремленіе къ возрожденію отечества

Digitized by Google

Дѣло принимало видъ политическаго заговора. Главныя сборища были у княгини Огинской: въ ея имѣніи Сельцахъ, въ теченіи мѣсяца каждый день обѣдали человѣкъ двѣсти и больше. Два брата Потоцкіе, Браницкій, Сапѣга, Чарторыскій были двигателями на этихъ собраніяхъ. Къ нимъ присталъ тогда и Щенсный-Потоцкій, богатый и потому сильный. Тогда поляки надѣялись, что имъ придетъ спасеніе изъ Австріи: тамъ надобно было искать нѣжнѣйшаго участія и безкорыстной помощи; восхваляли милосердіе и справедливость Іосифа II; прославляли величіе и могущество его державы. Въ Сельцахъ, подъ вліяніемъ хлѣбосольства, обыватели усвоивали враждебное настроеніе противъ короля и разъѣзжались домой, готовые поддерживать, на сколько могли и умѣли, дѣло оппозиціи; коноводы поспѣшили въ разные края подготовлять подпоемъ и подкупомъ сеймики. Браницкій и Сапѣга взяли на себя подготовку Великой Польши, да сверхъ того Сапѣга еще и Бреста-Литовскаго: Браницкій хвалился, что уже заплатилъ подымное за три тысячи шляхты. Чарторыскій взялъ на себя Подоль и Холмъ, Пнинскій и Липскій — Люблинъ, Огинскіе Литву, Щенсный-Потоцкій Украину; на Волынѣ принялись работать Сангушко, Чапскій и другіе.

Паны, по обычаю, повезли шляхту на сеймики. Трата денегъ и вина была чрезмѣрная. Два сеймика, говорятъ, стоили Чарторыскому сто тридцать тысячъ червонцевъ. Не обходилось безъ кровавыхъ сценъ. Современникъ Нѣмцевичъ, приживалецъ Чарторыскихъ, разсказываетъ, что въ Каменцѣ, противодѣйствуя Чарторыскимъ, собиралъ въ доминиканскомъ монастырѣ шляхту князь Нассау-Зигенъ, нѣмецъ, получившій право шляхетства (индигенатъ) въ Польшѣ. Взяла верхъ большинствомъ партія Чарторыскихъ, и шляхта этой партіи напала на пьяную, лежавшую безъ чувствъ на валу крѣпости, шляхту противной партіи. Загнувъ лежавшимъ полы кунтушей и жупановъ кверху, надѣлали имъ саблями насѣчки на заднихъ мягкихъ частяхъ тѣла. Чарторыскій, узнавъ объ этомъ, по своему великодушію, послалъ на свой счетъ жидовъ-цирюльниковъ зашивать дратвою израненныхъ противниковъ. Это была милая шутка онаго времени.

Но король также не остался безъ дѣла. Расположенные къ нему паны работали на сеймикахъ и, по ихъ наущенію, выбирались такіе послы, которые шли съ тѣмъ, чтобъ защищать короля. Притомъ оппозиція ошиблась въ разсчетѣ: нѣкоторые изъ тѣхъ пословъ, которые были ею выбраны и на которыхъ она надѣялась, не рѣшались стоять за нее, когда Штакельбергъ началъ склонять ихъ къ смиренію. Только Чарторыскому удалось привести на сеймъ человѣкъ шестьдесятъ задорныхъ, тогда, когда

Digitized by Google

всѣхъ пословъ было сто восемьдесятъ, а съ принадлежащими къ сенаторской Избѣ всего 338. Изъ остальныхъ пословъ, хотя значительная часть были согнана на сеймъ оппозиціею, но они тотчасъ готовы были отступить изъ страха.

Сеймъ открылся. Браницкій, въ посольской Избѣ, первый поднялъ противъ короля голосъ. Онъ не обратилъ вниманія на предостереженія Штакельберга и даже не счелъ нужнымъ, по отношенію къ нему, исполнить долгъ вѣжливости и отвѣчать на письмо его. За Браницкимъ заговорилъ Чарторыскій; за нимъ заорала толпа подкупленныхъ пословъ. Но приверженцы короля, также подговоренные и подкупленные его партіею, силились перекричать противниковъ. Тутъ потушили свѣчи. Сенаторы и министры бѣжали, послы стали между собой ругаться и схватились за сабли. Сеймовая Изба, говорятъ современники, стала похожа на жидовскую корчму. Но король поспѣшилъ окружить ее гвардіею, а Штакельбергъ объявилъ Браницкому, что если онъ сдѣлаетъ малѣйшее поползновеніе къ ниспроверженію гарантированнаго императрицею порядка, то посланникъ императрицы приметъ рѣшительныя мѣры. Это внушеніе прохолодило и Браницкаго и его соумышленниковъ.

На другой день, по вліянію Штакельберга, большинство исключило изъ своей среды толпу пословъ, неправильно выбранныхъ и навезенныхъ Чарторыскимъ; такимъ образомъ, сто тридцать тысячъ червонцевъ ушли изъ его кармана понапрасну.

На этомъ сеймѣ, по протекціи Потемкина, русскій посланникъ долженъ былъ объявить желаніе императрицы, чтобъ имя Браницкаго было вычеркнуто изъ процесса Угромовой. По ходатайству императора Іосифа, Екатерина желала, чтобъ и Чарторыскій былъ освобожденъ отъ приговора. Король съ своей стороны также заявилъ желаніе, чтобъ Чарторыскій и всѣ замѣшанные въ этотъ процессъ были очищены отъ безчестія. Это великодушіе, однако, не помѣшало ему наслушаться отъ Ржевускаго такихъ оскорбленій, послѣ которыхъ послѣдняго заставили у короля просить прощенія. Сеймъ этотъ, не сдѣлавши ничего важнаго, разошелся.

Чарторыскій, нѣсколько разъ осрамленный, удалился въ свое имѣніе, Пулавы, и тамъ зажилъ роскошно, въ качествѣ покровителя искусствъ, литературы и патріотическихъ стремленій. Такъ какъ затѣи его не удавались, главнымъ образомъ, отъ Россіи, то онъ сдѣлался отъявленнымъ врагомъ ея и распространялъ вражду къ ней между своими гостьми и блюдолизами. Сестра его, Любомирская, съ досады уѣхала изъ Польши и проживала въ Парижѣ, а потомъ въ Вѣнѣ.

Digitized by Google

Итакъ, во все время отъ перваго раздѣла, поляки, кричавшіе о возрожденіи отечества, не сдѣлали почти ничего для этой великой цѣли. Впослѣдствіи, они говорили, что виною этому была Россія, умышленно поддерживавшая духъ раздоровъ и мѣшавшая водворенію благоустройства. Мысль исторически невѣрная. Польское войско не простиралось болѣе 18,000, а на дѣлѣ было его меньше, тогда какъ Россія не только не препятствовала его увеличенію, но побуждала увеличить его до тридцати тысячъ. Поляки не только не старались объ усиленіи его, но даже портили то, что прежде у нихъ было хорошаго; напр., король приглашалъ въ польское войско иностранцевъ, опытныхъ въ военномъ искусствѣ; оппозиція, чтобъ только досадить королю, провела на сеймѣ 1786 года законъ о предоставленіи доступа къ высшимъ военнымъ чинамъ однимъ лицамъ шляхетскаго происхожденія. Такимъ образомъ, Польша оставалась съ ограниченнымъ числомъ войска, въ то время, когда ея опасная сосѣдка, Пруссія, нѣкогда зависимая отъ Польши, имѣла до 200,000 войска. Доходы Польши не возвышались до 18-ти милліоновъ злотыхъ или 3 милліоновъ талеровъ, тогда какъ доходы той же Пруссіи, которая все еще была гораздо меньше Польши, простирались до 28 милліоновъ талеровъ. Этому причиною отнюдь была не Россія. Со стороны императрицы не видно никакихъ дѣйствій, клонившихся къ тому, чтобы не допустить Польшу до увеличенія налоговъ. Императрица, мы видѣли, даже облегчила полякамъ занятія по этому предмету, допустивъ рѣшеніе экономическихъ дѣлъ большинствомъ голосовъ, вмѣсто единогласія. Причина недостатка финансовъ въ Польшѣ была одна и таже, что и въ былыя времена. Поляку казалось удобнѣе пропить или проиграть деньги, чѣмъ внести на предметъ государственной пользы. Судопроизводство не улучшалось—та же путаница, то же кривосудіе, то же угодничество силѣ господствовало въ судахъ, какъ и прежде; сеймики представляли по прежнему безобразное зрѣлище пьянства, подкупа и дракъ, а сеймы, если не срывались, то, единственно, благодаря русскому посланнику. Положеніе хлоповъ улучшалось только у немногихъ пановъ; не смотря на законныя воспрещенія, обыватели, также какъ и прежде, судили ихъ и тиранили. Богатые паны также, какъ и прежде, держали у себя вооруженные отряды; повсюду происходили по прежнему своеволіе и самоуправство. Безнравственность, пьянство, продажничество, бездѣльничество не только не уменьшались, но увеличивались. Законъ 1775 года, дозволивъ въ городахъ каждому заводить шинки, усилилъ пьянство въ народѣ. Польза, которую принесла эдукаціонная коммиссія, по наружности казалась важнѣе, чѣмъ была

Digitized by Google

на самомъ дѣлѣ. Люди новаго воспитанія были очень немногочисленны въ сравненіи съ громадою шляхетства, коснѣвшаго въ прежнихъ предразсудкахъ, съ прежнимъ невѣдѣніемъ и непониманіемъ потребностей вѣка, съ прежнею умственною лѣнью и съ неизбѣжнымъ колебаніемъ при столкновеніи съ современными вопросами. Самые люди новаго воспитанія отличались легкомысліемъ, увлекались французскими идеями, непереваренными и непережеванными и мало приложимыми къ польской общественной почвѣ. Были въ Польшѣ люди, по легкомыслію не вѣрившіе въ Бога, кощунствовавшіе надъ религіей, которой однако основательно не знали, и несравненно болѣе было людей, вздыхавшихъ также легкомысленно объ іезуитахъ, вѣрившихъ въ приходящихъ изъ чистилища мертвецовъ и считавшихъ схизматика хуже собаки. Небреженіе къ воспитанію женскаго пола приводило къ тому, что люди, хлебнувшіе новаго ученія, легко теряли и хорошіе плоды его въ сообществѣ своихъ женъ, любовницъ, сестеръ. Величайшая ошибка образованныхъ людей тогдашней Польши въ дѣлѣ возрожденія своего отечества была та, что у нихъ въ мысляхъ на первомъ планѣ было не внутреннее благоустройство, не нравственное и умственное улучшеніе, а политическая сила государства: все прочее въ ихъ глазахъ было только средство къ этой цѣли; иными словами, они хотѣли не того, надъ чѣмъ можно было потрудиться хотя долго, но все-таки съ успѣхомъ, а того, что̀, при всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствахъ, было рѣшительно недостижимо. По ихъ соображеніямъ, важнѣйшее зло для Польши было избирательное правленіе, и, поэтому, возникло въ Польшѣ желаніе ввести правленіе наслѣдственное. Но такъ какъ Польша не могла уже двинуться сама собою, безъ опоры со стороны внѣшнихъ силъ, то имъ пришлось метаться то въ ту, то въ другую сторону, просить покровительства то у той, то у другой державы. Россія стала имъ ненавистна—это понятно: судьба склонила слабую Польшу подъ зависимость всего болѣе этой державы; естественно надо было искать защиты у другихъ державъ, которыя могли бы оборонить Польшу отъ Россіи. И вотъ патріоты стали искать спасенія сперва у Австріи, потомъ у Пруссіи. «Я предвижу,—писалъ саксонскій министръ Эссенъ,—что сеймъ 1786 года сдѣлается зародышемъ великаго броженія—эпохою, съ которой начнется сильное разстройство Польши, по мѣрѣ того, какъ въ Петербургѣ будутъ созрѣвать проекты противъ Турціи. Оппозиціонная партія образовалась вполнѣ; видимо составилась факція, которая будетъ слѣдовать за иностранными внушеніями.»

Н. Костомаровъ.

Digitized by Google

ДАЧА НА РЕЙНѢ

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

КНИГА ПЯТАЯ.

ГЛАВА I*).

НА ВЕРХУ.

Въ теченіе весенней ночи въ саду распустились розы, а въ душѣ юноши расцвѣла радость.

Роландъ съ восторгомъ привѣтствовалъ вступленіе въ домъ его родителей Эриха, котораго онъ могъ по справедливости считать своимъ завоеваніемъ. Бодро и весело побѣжалъ онъ къ матери, но та еще не успѣла оправиться отъ испуга предъидущей ночи, и мальчика къ ней не допустили. Тогда онъ, забывъ свою обычную сдержанность въ отношеніи къ фрейленъ Пэрини, радостно объявилъ ей, что Эрихъ здѣсь и останется у нихъ навсегда. Онъ попросилъ ее также передать эту новость матери.

— А о кавалерѣ вы и не спрашиваете?

— Нѣтъ; я знаю, что онъ уѣхалъ. Но и прежде онъ для меня не существовалъ... Ахъ, виноватъ, я не знаю, что́ говорю! Зачѣмъ это весь свѣтъ не можетъ радоваться вмѣстѣ со мной.

Но фрейленъ Пэрини не замедлила умѣрить восторгъ Роланда, сказавъ, что еще не извѣстно, какія послѣдствія можетъ

*) См. въ 1868 г.: сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595; и въ 1869 г.: янв. 244; февр. 820 стр.

Digitized by Google

имѣть для его матери тревога, испытанная ею по случаю его бѣгства. Роландъ присмирѣлъ, но не на долго: ему казалось, что теперь ничто въ мірѣ не можетъ идти дурно, и всѣ люди непремѣнно должны быть здоровы и веселы.

На дворѣ онъ встрѣтилъ Іозефа и разсказалъ ему о своей поѣздкѣ на его родину. Мальчикъ дружески кивалъ головой всѣмъ слугамъ и съ веселой улыбкой смотрѣлъ на лошадей, на деревья, на собакъ. Всѣ должны были знать, что Эрихъ здѣсь и радоваться его присутствію. Слуги съ любопытствомъ поглядывали на Роланда, и кучеръ Бертрамъ, расчесывая пальцами длинныя пряди своей бороды, замѣтилъ:

— У молодого барина за эти два дня голосъ сдѣлался, какъ у взрослаго.

Іозефъ съ улыбкой отвѣчалъ:

— И впрямъ: одинъ день, проведенный имъ въ сосѣдствѣ съ университетомъ, сдѣлалъ изъ него совсѣмъ другого человѣка, да еще какого!

Дѣйствительно, въ Роландѣ произошла большая перемѣна. Онъ точно вернулся изъ продолжительнаго странствія за дальнія моря и явился домой почти какъ изъ другого міра. Все вокругъ него казалось измѣнившимся и представлялось ему въ совершенно новомъ свѣтѣ. Онъ побылъ наединѣ съ самимъ собою, и одинъ, безъ посторонней помощи, одержалъ важную побѣду.

Эрихъ рѣшительно отказался самъ себѣ назначить вознагражденіе, и Зонненкампъ, усмѣхаясь, сказалъ маіору:

— А надо-таки отдать справедливость господамъ идеалистамъ: они скрываютъ въ себѣ порядочную долю житейской мудрости. Этотъ Дорнэ поступаетъ, какъ гость, который, будучи приглашенъ на обѣдъ, предоставляетъ хозяину или хозяйкѣ дома положить ему на тарелку любимаго кушанья, и такимъ образомъ получаетъ гораздо больше, чѣмъ если бы самъ взялъ.

Эрихъ требовалъ только одного, а именно, чтобъ ему, вмѣстѣ съ Роландомъ, отвели уединенныя комнаты въ башнѣ, откуда разстилался обширный видъ. Желаніе его было исполнено, и ему легко и свободно дышалось на этой высотѣ, гдѣ онъ могъ любоваться рѣкой и далекимъ ландшафтомъ.

Ему припомнилось, какъ сжато было его существованіе въ маленькой комнаткѣ университетскаго города, но и тамъ тѣснота жилища не мѣшала духу его уноситься въ безконечное пространство. А здѣсь эти ковры, это благоустроенное хозяйство, безъ сомнѣнія, тоже въ скоромъ времени обратятся у него въ привычку, и онъ сдѣлается къ нимъ равнодушенъ, равно какъ и къ живописной мѣстности передъ его глазами. Но пока онъ чув-

Digitized by Google

ствовалъ себя въ высшей степени бодрымъ, веселымъ и сильнымъ, и невольно усмѣхнулся, когда въ умѣ его промелькнуло сравненіе себя съ всадникомъ, который живетъ верхомъ на лошади. Пріятно странствовать по горамъ и долинамъ съ посохомъ въ рукахъ, мчаться на конѣ, составлять одно съ чуждой себѣ силой, чувствовать, какъ вслѣдствіе этого растетъ и крѣпнетъ собственная мощь, сознавать, что находишься выше уровня обыденныхъ явленій жизни — это наслажденіе, которому мало подобныхъ.

Вскорѣ пришелъ Роландъ. Эрихъ не могъ удержаться, чтобъ не выразить удовольствія, какое въ немъ возбуждалъ видъ, открывавшійся изъ оконъ тихаго уголка, въ которомъ имъ обоимъ предстояло жить.

Но Роландъ перебилъ его словами.

— Прикажи мнѣ что-нибудь дѣлать. Задай мнѣ какую-нибудь очень трудную работу.

Эрихъ хорошо понималъ возбужденное состояніе, въ какомъ находился мальчикъ. Онъ усадилъ его около себя, и взявъ его за руку, принялся очень спокойно объяснять ему, что жизнь весьма рѣдко возлагаетъ на человѣка одну какую-нибудь обязанность, одно дѣло, на которое ему приходится устремлять всѣ силы своихъ способностей и воли. Что до нихъ касается, то имъ должно спокойно, но неусыпно трудиться и взаимно содѣйствовать усовершенствованію одинъ другого. Мальчикъ, повидимому, былъ удовлетворенъ. Онъ долго и пристально смотрѣлъ на Эриха, точно стараясь поглубже напечатлѣть его образъ въ своемъ сердцѣ, а въ заключеніе коснулся плеча молодого человѣка, какъ бы желая окончательно убѣдиться въ его присутствіи.

Затѣмъ они принялись устраивать свое новое жилище, и Роландъ былъ счастливъ тѣмъ, что Эрихъ позволилъ ему себѣ помогать. Эрихъ былъ такъ быстро и неожиданно перенесенъ въ совершенно новую для него среду, что не могъ еще придти въ себя и только съ трудомъ сдерживалъ свои ощущенія. Ему еще многое оставалось объяснить матери и рѣшить, какія вещи взять съ собой, какія оставить дома. Теперь все это должно было предоставить перепискѣ.

Когда комната была до нѣкоторой степени приведена въ порядокъ, Эрихъ согласился пойти съ Роландомъ на платформу башни. Тамъ они долго сидѣли и молча смотрѣли вдаль. Вдругъ у Эриха, какъ бы невольно, вырвалось замѣчаніе на счетъ того, какъ все прекрасно казалось ему въ жизни. Въ былое время, говорилъ онъ, люди строили на холмахъ крѣпости, другъ съ другомъ воевали и грабили проѣзжихъ, путь которыхъ лежалъ мимо

Digitized by Google

нихъ. Мы же нынѣ боремся съ силами природы, ищемъ богатствъ и, когда пріобрѣтаемъ ихъ, воздвигаемъ себѣ жилища на тѣхъ же самыхъ холмахъ или въ цвѣтущихъ долинахъ и стремимся только наслаждаться вѣчной красотой, у которой никто ничего не можетъ отнять. Быстрая рѣка превращается въ улицу, вдоль которой тянутся жилища трудолюбивыхъ и благородныхъ гражданъ. Будущія поколѣнія станутъ говорить о насъ, что между нами впервые возникло поклоненіе природѣ, чему тщетно было бы искать примѣра во всей предъидущей исторіи человѣчества. Это своего рода религія, хотя у ней еще нѣтъ и можетъ быть никогда не будетъ ни формъ, ни обрядовъ.

— Пожалуйста продолжай, не останавливайся! сказалъ Роландъ, наклоняясь къ Эриху. Онъ былъ бы радъ его вѣчно слушать, но не умѣлъ этого выразить. — Пожалуйста продолжай! повторилъ онъ, закрывая глаза.

Эрихъ разсказалъ какъ онъ, въ первый разъ стоя на вершинѣ Риги въ Швейцаріи и любуясь заходящимъ солнцемъ, думалъ, не могутъ ли со временемъ возникнуть учрежденія, установиться формы, съ помощію которыхъ благоговѣйное чувство людей къ природѣ нашло бы себѣ исходъ и выраженіе. Теперь онъ убѣдился въ томъ, что это невозможно, да врядъ ли и нужно. Радости, возбуждаемыя природой, составляютъ достояніе отдѣльныхъ личностей и не имѣютъ никакой связи съ общественной жизнью. Затѣмъ Эрихъ перешелъ къ описанію счастья, какимъ наслаждаются тѣ, которые здѣсь, въ собственномъ домѣ, на высотѣ ими самими воздвигнутой башни, могутъ любоваться міромъ и испытывать на себѣ вліяніе красоты природы. Богатство, стремленіе къ нему и владѣніе имъ обѣщаютъ, такимъ образомъ, сдѣлаться высокими нравственными началами. Богатство, продолжалъ онъ пояснять, есть не что иное, какъ слѣдствіе свободы и ничѣмъ нестѣсняемой дѣятельности различныхъ силъ. Оно должно въ свою очередь тоже служить источникомъ свободы.

Роландъ былъ счастливъ. Онъ не все понималъ, что́ говорилъ Эрихъ, но на него пріятно подѣйствовало то, что въ его присутствіи въ первый разъ отзывались о богатствѣ спокойно, безъ пренебреженія, но и безъ преувеличеннаго уваженія. До сихъ поръ всѣ наставники Роланда старались внушить ему, что богатству не слѣдуетъ придавать никакой цѣны, или же, напротивъ, учили его гордиться имъ.

Немного спустя пришелъ Іозефъ и спросилъ, не хотятъ ли они обѣдать у себя въ комнатѣ? Ему отвѣчали утвердительно. Эрихъ и Роландъ оба чувствовали себя вполнѣ счастливыми.

— Мы здѣсь точно на островѣ, говорилъ Роландъ. — Когда

Digitized by Google

я поселюсь въ замкѣ, который теперь перестраиваютъ, ты тоже будешь тамъ со мной жить. Но знаешь ли, чего бы я еще желалъ?

— Какъ! у тебя есть еще желаніе?

— Да; я хотѣлъ бы, чтобъ Манна была съ нами. Не кажется ли тебѣ, что она тоже теперь о насъ думаетъ?

— Только ужъ никакъ не обо мнѣ.

— Отчего же? Я ей о тебѣ писалъ и сегодня вечеромъ опять буду писать и разскажу ей все.

Эрихъ съ минуту колебался, спрашивая себя, не долженъ ли онъ удержать мальчика и запретить ему писать о себѣ его сестрѣ. Но къ этому не было достаточныхъ причинъ, и кромѣ того, онъ боялся смутить Роланда и пробудить въ его душѣ сомнѣнія.

ГЛАВА II.

НОЧНЫЕ ГОЛОСА.

Роландъ, сидя у себя въ комнатѣ, писалъ и по временамъ громко произносилъ то или другое слово изъ своего письма. Эрихъ сидѣлъ молча, устремивъ глаза на лампу. Имъ овладѣло раздумье. Онъ всталъ и подошелъ къ книгамъ, которыя вынулъ изъ чемодана. Ихъ было немного. За четверть часа до своего отъѣзда, онъ еще разъ навѣстилъ кабинетъ отца, заперъ оставшіяся тамъ бумаги и бросивъ взглядъ на библіотеку, вынулъ изъ нея одну книгу. То былъ первый томъ сочиненій Веньямина Франклина, прекраснаго изданія Шпарка. Томъ этотъ заключалъ въ себѣ автобіографію съ ея продолженіемъ, и въ него было вложено нѣсколько листковъ бумаги, исписанныхъ рукой отца Эриха.

Теперь, въ первую ночь, которую онъ проводилъ въ чужомъ домѣ въ новомъ званіи наставника, Эрихъ прочелъ слѣдующія слова отца:

«Смотрите! Вотъ настоящій человѣкъ — геній здраваго смысла и твердой воли. Электричество постоянно присутствуетъ въ воздухѣ, но не всегда скопляется, чтобъ производить молнію, очищающую атмосферу. Геній есть не что иное, какъ скопленіе электричества въ сферахъ ума.

«Человѣкъ, заброшенный на необитаемый островъ, съ этой книгой въ рукахъ, не былъ бы одинокимъ, но жилъ бы посреди міра.

«Ни философъ, ни поэтъ, ни государственный мужъ, ни ремесленникъ, ни ученый по профессіи, Франклинъ однако былъ

Digitized by Google

всѣмъ этимъ. Сынъ матери природы, вскормленный опытомъ, онъ безъ помощи науки самъ отыскивалъ въ дикомъ лѣсу цѣлебныя травы.

«Еслибъ мнѣ предстояло воспитать юношу, не предназначаемаго ни къ какому особенному званію, но единственно съ цѣлью сдѣлать изъ него настоящаго человѣка и хорошаго гражданина, я, возложивъ ему на голову руки, сказалъ бы ему: «Сынъ мой, будь тѣмъ, чѣмъ былъ Веньяминъ Франклинъ... или нѣтъ, не такъ: будь, подобно Веньямину Франклину, самимъ собой!»

Эрихъ, опустивъ голову на руку, смотрѣлъ въ темную ночь.

«Что это? Или въ жизни дѣйствительно совершаются чудеса?» — Онъ оглянулся направо и налѣво, какъ бы ожидая услышать голосъ отца, говорящій: сынъ мой, будь тѣмъ, чѣмъ былъ Веньяминъ Франклинъ!

Эрихъ принудилъ себя читать далѣе:

«Хорошо, что мы воспитываемся по образцу людей древняго міра: то было время творческаго, элементнаго бытія. Библейскіе образы и тѣ, которые мы находимъ у Гомера, не были созданы какимъ-либо однимъ вдохновеннымъ умомъ, но сложились подъ вліяніемъ національнаго духа въ промежутокъ времени гораздо болѣе длинный, чѣмъ жизнь одного человѣка.

«Пусть меня поймутъ какъ слѣдуетъ. Я хочу сказать, что во всей новѣйшей исторіи не знаю другого человѣка, кромѣ Веньямина Франклина, жизнь и образъ мыслей котораго могли бы служить образцемъ для людей нашего времени.

«А Вашингтонъ, эта великая и чистая личность?

«Вашингтонъ былъ солдатъ и государственный мужъ, но онъ не выработалъ внутри себя своихъ взглядовъ на жизнь. Его дѣятельность состояла въ подчиненіи себѣ другихъ и въ управленіи ими, — дѣятельность Франклина проявилась въ управленіи самимъ собой.

«Когда настанетъ время, — а оно непремѣнно настанетъ, — въ которое будутъ говорить о войнѣ, какъ нынѣ говорятъ о людоѣдахъ, — когда добросовѣстный трудъ, основанный на любви къ людямъ, образуетъ настоящую исторію человѣчества, тогда Франклинъ вступитъ въ свои права.

«Мнѣ хотѣлось бы избѣжать нравоучительнаго тона, который есть остатокъ теологическаго краснорѣчія, но мы невольно впадаемъ въ него всякій разъ, что касаемся предметовъ высшихъ и вѣчныхъ. А между тѣмъ, нашъ тонъ долженъ быть совершенно иной, чѣмъ тотъ, какой свойственъ людямъ, возвѣщающимъ, что они говорятъ не отъ себя, а отъ имени духовной силы, внѣ ихъ пребывающей.

Digitized by Google

«Моисею, Іисусу, Магомету, Богъ являлся въ уединеніи пустыни; Спинозѣ въ уединеніи его кабинета; Франклину въ уединеніи океана. (Эта послѣдняя фраза была зачеркнута и снова возстановлена.) Франклинъ человѣкъ здраваго разсудка, который чуждъ всякой мечтательности.

«Въ мірѣ было бы меньше красоты, еслибъ всѣ люди походили на Франклина. Ему недоставало, такъ сказать, аромата романтизма. (Здѣсь на поляхъ было замѣчено: это слѣдуетъ иначе выразить.) Но за то на землѣ господствовали бы: правда, справедливость, трудъ, и всякій стремился бы другъ другу помогать. Теперь вы толкуете о любви и не нарадуетесь на ваши прекрасныя чувства, но вы вправѣ говорить о любви только въ томъ случаѣ, если подвизаетесь въ вышеупомянутыхъ добродѣтеляхъ. (Послѣдняя фраза была подчеркнута краснымъ.)

«Во Франклинѣ есть нѣчто сократовское. У него между прочимъ порядочный запасъ юмора. Онъ возбуждаетъ въ насъ здоровый смѣхъ.

«Франклинъ — это олицетворенная проза: въ немъ умъ, простота и стойкость.

«Мы не геніевъ воспитываемъ. Геній самъ себя образуетъ и не можетъ имѣть никакого другого наставника. Наше дѣло воспитывать хорошихъ, полезныхъ гражданъ. А затѣмъ, что бы ты ни производилъ — подковы или мраморныя статуи, — это твое, а не мое дѣло.

«Мы никогда не съумѣемъ быть справедливыми къ міру, если не будемъ вѣрить въ чистоту и въ благородныя побужденія, и внутренній человѣкъ навсегда останется для насъ тайной. Лучшее оружіе противъ соблазна — это вѣра въ добро, творимое другими и въ то, которое намъ самимъ предназначено совершить. Отъ этого душа какъ бы наполняется музыкой, подъ звуки которой легко и бодро совершается жизненный путь.

«Самое замѣчательное въ жизни Франклина, это именно то, что онъ первый selfmade man, — первый самъ себя создавшій человѣкъ. Онъ самоучка и самъ собой открывалъ сокровища въ наукѣ и силы въ природѣ. Онъ представитель тѣхъ, которые, будучи пересажены изъ Европы въ Америку, подвергались опасности засохнуть и совсѣмъ погибнуть, но вмѣсто того достигли совершенно новаго развитія.

«Еслибъ мы, по примѣру древнихъ, захотѣли олицетворить въ образѣ одного человѣка новый міръ, называемый Америкой, который взялъ изъ Европы своихъ боговъ, то-есть историческія идеи, но жизнь котораго тѣмъ не менѣе сложилась вполнѣ своеобразно, — мы избрали бы для этого Веньямина Франклина.

Digitized by Google

Онъ обладалъ большими свѣдѣніями, а между тѣмъ его никто не училъ; онъ былъ преисполненъ религіи, но не принадлежалъ ни къ какой церкви; онъ былъ другъ людей и въ тоже время хорошо зналъ, какъ много въ нихъ скрывается зла.

«Онъ умѣлъ управлять не только той молніей, которая вылетаетъ изъ облаковъ, но и той, которая происходитъ отъ столкновенія человѣческихъ страстей. Онъ вполнѣ усвоилъ себѣ правила благоразумія, которыя ограждаютъ отъ ошибокъ и дѣлаютъ человѣка способнымъ къ самоуправленію.

«Причина, побуждающая меня избрать Франклина за образецъ и за руководителя въ дѣлѣ воспитанія, слѣдующая: онъ представитель здраваго смысла въ политикѣ, въ наукѣ, въ нравственности. Въ немъ ничего геніальнаго, ничего поразительнаго,—онъ простъ, но проченъ, и спокойно, но неуклонно идетъ къ добру.

«Лютеръ покорилъ себѣ Средніе вѣка,—Франклинъ былъ первый самъ себя создавшій человѣкъ новѣйшаго времени. Новѣйшій человѣкъ не мученикъ, Лютеръ уже не былъ имъ, а Франклинъ еще менѣе. Не надо болѣе мученичества!

«Франклинъ не внесъ въ міръ никакихъ новыхъ началъ, но отчетливо выработалъ въ себѣ все, что честный человѣкъ можетъ найдти въ самомъ себѣ.

«Въ томъ, что онъ намъ даетъ, нѣтъ ничего возбуждающаго, таинственнаго, блестящаго. Онъ предлагаетъ такъ-сказать воду жизни, въ которой нуждается все живущее. (Тутъ на поляхъ была замѣтка: это слѣдуетъ обдумать и разъяснить.) Человѣкъ прошлаго столѣтія не былъ, да и не могъ быть проникнутъ духомъ національности. То былъ періодъ движенія и напора свободныхъ мыслей, которыя въ исходѣ столѣтія разразились революціей.

«Всякій, стремящійся создавать что-либо новое, всегда враждебно относится къ прошлому или по крайней мѣрѣ чуждается его и старается быть отъ него независимымъ. Франклинъ—сынъ XVIII вѣка, и признаетъ въ человѣкѣ однѣ только природныя силы, отвергая наслѣдственныя. (Въ это слѣдуетъ глубже вникнуть.)»

Далѣе и повидимому гораздо позже было написано блѣдными чернилами:

«Нельзя считать за простую случайность того, что этотъ первый, не только свободно-мыслящій — такими были многіе философы — но и свободно-дѣйствующій человѣкъ, былъ типографщикомъ.

«Въ книжномъ дѣлѣ ничего героическаго (времена процвѣ-

Digitized by Google

танія геровъ, я полагаю, миновали), но въ немъ улеглось все человѣчество.

«Мы дѣйствуемъ на міръ посредствомъ книгъ и потому самому явленіе героя, дѣйствующаго непосредственно своей личностью, становится въ настоящее время невозможнымъ. (Здѣсь два вопросительные и два восклицательные знака и замѣчаніе: лучше выразить.)»

Затѣмъ слѣдовало латинскимъ шрифтомъ и синими чернилами:

«Отвлеченныя правила не образуютъ людей и не создаютъ произведеній искусства. Живой человѣкъ и организованное произведеніе искусства содержатъ въ себѣ всѣ правила, подобно тому, какъ языкъ заключаетъ въ себѣ всю грамматику. Но это-то именно и прекрасно.

«Кто настолько ознакомился съ истинными людьми, до него жившими, что они въ немъ какъ бы оживаютъ, — тотъ самъ вступаетъ въ число ихъ. Онъ идетъ по пути просвѣтленнаго бытія, который былъ освященъ его предшественниками.»

Съ боку было приписано, какъ видно, дрожащей рукой:

«Кто принимаетъ участіе въ современныхъ ему государственныхъ дѣлахъ, издаетъ законы для современнаго общества и вращается въ области современной науки, тотъ становится устарѣлымъ для новаго образованія, которое за нимъ слѣдуетъ, и потому самому не можетъ служить образцемъ для будущаго времени. Это послѣднее выпадаетъ на долю только тѣхъ, которые, изучая законы человѣческаго духа, единственно пребывающіе вѣчно неизмѣнными, бросаютъ на нихъ новый свѣтъ и упрочиваютъ ихъ господство. Вслѣдствіе всего этого, мы видимъ во Франклинѣ не столько *образецъ*, сколько *методу*.»

Въ заключеніи были слова дважды подчеркнутыя:

«Еще одно слово: органическая жизнь, отвлеченные законы! Изъ хлѣба выгоняютъ водку, но изъ водки нельзя сдѣлать хлѣба. Кто это понимаетъ, тому извѣстно все, что я въ состояніи сказать.»

Эрихъ откинулся на спинку стула и сталъ вдумываться въ прочитанное и въ мысли отца, который не рѣдко ихъ только на половину высказывалъ. Ему казалось, что онъ бродитъ по вершинѣ горы, окутанной туманомъ, сквозь который однако видитъ и дорогу и цѣль. Онъ положилъ руку на исписанные листки, и лице его освѣтилось улыбкой. Затѣмъ онъ всталъ и почти громко засмѣялся: ему пришли на память слова, которыми его встрѣтилъ архитекторъ: «мы его нашли!»

«Да! подумалъ онъ: Я тоже нашелъ источникъ, изъ котораго я и Роландъ будемъ черпать чистую, свѣжую воду!»

Digitized by Google

Онъ въ волненіи приблизился къ окну, открылъ его и выглянулъ въ темную ночь. Воздухъ былъ пропитанъ ароматомъ розъ, небо сверкало звѣздами, изрѣдка щелкали и опять умолкали соловьи, а въ дали, за плотиной, у Рейна, квакали лягушки. Вдругъ до слуха Эриха долетѣлъ звукъ человѣческихъ голосовъ... да, это Пранкенъ говоритъ внизу на балконѣ:

— Мы придаемъ всему этому слишкомъ много значенія. Въ сущности, такому домашнему учителю слѣдовало бы носить ливрею: это было бы самое лучшее.

— Вы сегодня очень забавны, возразилъ Зонненкампъ.

— Напротивъ, я говорю какъ нельзя серьезнѣе. Освященный временемъ порядокъ вещей, безъ котораго не могутъ существовать ни общество, ни государство, поддерживается именно тѣмъ, что соблюдается строгое различіе между сословіями. Зависимость...

Въ кустахъ щелкалъ соловей, въ болотѣ квакали лягушки. Всякій поетъ на свой ладъ, подумалъ Эрихъ, размышляя о только-что прочитанной рукописи отца и о словахъ молодого барона.

ГЛАВА III.

ПРЕЖНІЕ ЛЮДИ ВЪ НОВОМЪ ВИДѢ.

На слѣдующее утро, Роландъ прежде всего хотѣлъ заняться верховой ѣздой. Но Эрихъ принялъ за правило освящать всякій наступающій день серьезнымъ дѣломъ, которое приносило бы пользу душѣ, и заставилъ мальчика прочесть первую главу изъ жизни Веньямина Франклина. Это было въ тоже время освященіемъ ихъ новой дѣятельности, и когда ихъ позвали къ завтраку, они явились въ столовую бодрые и веселые. Оба могли бы похвастаться такимъ же точно спокойствіемъ духа, какъ фрейленъ Пэрини и Пранкенъ, которые только-что вернулись отъ обѣдни.

Эрихъ не ошибся: Пранкенъ былъ тутъ. Молодой баронъ поклонился ему съ изысканной вѣжливостью, а вслѣдъ затѣмъ, какъ бы спѣша исполнить долгъ, предписываемый честностью, онъ смѣло, какъ человѣкъ, которому нечего скрывать, сознался, что до сихъ поръ считалъ за лучшее, еслибъ Эриху не удалось занять мѣсто наставника Роланда. Но, прибавилъ онъ, въ душѣ человѣка происходятъ странныя вещи, силу которыхъ ему только остается со смиреніемъ признать. Въ поступкѣ Роланда онъ видѣлъ руку судьбы, которая предписывала Эриху и всѣмъ имъ покориться.

Digitized by Google

Эрихъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на Пранкена. Онъ въ немъ ошибся. Пранкенъ старался объяснять себѣ причины различныхъ дѣйствій и явленій; въ немъ было больше смысла, чѣмъ предполагалъ Эрихъ.

Завтракъ прошелъ очень весело, чему не мало способствовалъ маіоръ, который, впрочемъ, за нимъ не присутствовалъ. Онъ уже успѣлъ разсказать Пранкену объ ужасахъ ѣзды на экстренномъ поѣздѣ, а Пранкенъ теперь, ко всеобщему удовольствію, повторилъ его разсказъ. Онъ очень забавно подражалъ манерѣ говорить маіора, его неясному произношенію, а когда къ слову приходилось назвать фрейленъ Милькъ, то онъ всякій разъ упоминалъ и о ея черныхъ глазахъ и бѣломъ чепцѣ.

Послѣ завтрака, Эрихъ обратился къ Зонненкампу съ просьбой, впередъ освободить его и Роланда отъ завтрака за общимъ столомъ и вообще оставлять ихъ однихъ до самаго обѣда. Зонненкампъ съ удивленіемъ на него посмотрѣлъ, а Эрихъ прибавилъ, что онъ считаетъ лучшимъ съ перваго же дня заявить свое требованіе, пока привычки ихъ еще не установились. Роланда необходимо поддерживать въ одномъ извѣстномъ настроеніи духа, а этого можно достигнуть только въ такомъ случаѣ, если имъ предоставятъ полную свободу и не будутъ ихъ тревожить въ теченіи цѣлаго утра. Зонненкампъ согласился, пожимая плечами.

За завтракомъ, между прочимъ, разговоръ коснулся Беллы и Клодвига, и кто-то сказалъ, что ихъ ожидаютъ сегодня къ обѣду. Эрихъ немедленно увидѣлъ всю трудность своего новаго положенія: ему предстояло бороться съ развлеченіями и по возможности не допускать ихъ мѣшать его занятіямъ. Онъ мысленно старался провести черту, за которую не долженъ былъ переступать въ своихъ сношеніяхъ со всѣми домашними, и въ особенности съ Зонненкампомъ. Но гдѣ эта черта,—трудно было опредѣлить, да и строго держаться въ предписанныхъ границахъ тоже оказывалось не легко, тѣмъ болѣе, что Эрихъ вообще не былъ скупъ на слова и любилъ пускаться въ разсужденія. Впрочемъ, въ немъ было что-то такое, изъ чего всякій заключалъ, что его нельзя заставить говорить болѣе, чѣмъ онъ самъ того пожелаетъ.

Приступивъ къ занятіямъ съ Роландомъ, онъ вскорѣ увидалъ, чему тотъ уже успѣлъ научиться, гдѣ у него были пробѣлы въ знаніи, а гдѣ и полное его отсутствіе.

Во дворъ въѣхала карета. Мальчикъ взглянулъ на Эриха, но тотъ сдѣлалъ видъ, будто вовсе не слышалъ стука колесъ.

— Твои друзья пріѣхали, замѣтилъ тогда Роландъ. Онъ со-

Digitized by Google

вѣстился сказать, съ какимъ нетерпѣніемъ самъ желалъ скорѣй увидать Клодвига и Беллу и услышать похвалы, которыми они, подъ видомъ укоровъ, безъ сомнѣнія, не замедлятъ осыпать его за совершенный имъ отважный поступокъ. Но Эрихъ рѣшительнымъ тономъ объявилъ, что у нихъ теперь не должно быть никакихъ друзей, кромѣ долга. Пока они заняты, для нихъ никто и ничто не существуетъ. Роландъ крѣпко сжалъ руки подъ столомъ и принудилъ себя сидѣть смирно.

Но вдругъ, посреди математической задачи, онъ снова заговорилъ:

— Извини пожалуйста, Грейфъ лаетъ, его посадили на цѣпь. Это не годится и можетъ его испортить.

— Оставь Грейфа и все такое, стоялъ Эрихъ на своемъ.

Роландъ метался какъ молодой конь, впервые почувствовавшій узду и шпоры наѣздника.

Вскорѣ Эрихъ самъ позвалъ Роланда на дворъ. Послѣдній былъ правъ: Грейфъ дѣйствительно сидѣлъ на цѣпи. Онъ освободилъ его, и собака и мальчикъ принялись радостно бѣгать и скакать.

Белла между тѣмъ была у Цереры. Пришелъ слуга и доложилъ Эриху, что графъ желаетъ его видѣть. Клодвигъ весьма дружески привѣтствовалъ молодого человѣка, назвалъ его своимъ сосѣдомъ и не могъ удержаться, чтобъ не похвалить мальчика за его смѣлый поступокъ.

— Въ древнія времена, прибавилъ онъ, ему за это дали бы какое-нибудь почетное прозвище.

За обѣдомъ Эрихъ слышалъ, какъ Белла шутила съ Роландомъ. Лицо мальчика сіяло удовольствіемъ, между тѣмъ, какъ графиня разсказывала ему о подвигахъ героя Роланда.

Белла встрѣтила Эриха любезно, но сдержанно. Она называла его не иначе, какъ сосѣдомъ и вообще была очень оживлена. Усилія ея—не допустить Эриха поселиться на виллѣ, казались ей теперь смѣшными, педантическими. И съ чего она взяла, будто молодой человѣкъ произвелъ на нее впечатлѣніе! Все это вздоръ, ошибка.

Эрихъ не безъ страха ожидалъ этого перваго свиданія, но теперь тоже внутренно бранилъ себя за тщеславныя мысли.

— Намѣрены вы перевезти сюда библіотеку вашего отца? спросилъ Клодвигъ.

Эрихъ отвѣчалъ утвердительно. Белла пристально на него посмотрѣла, и ему стало ясно, почему она такъ небрежно съ нимъ обошлась: онъ взялъ денегъ у ея мужа, и она вслѣдствіе этого стала иначе на него смотрѣть.

Digitized by Google

Здѣсь же, въ столовой, онъ въ первый разъ опять увидѣлъ Цереру и подошелъ къ ней. Она ему шепнула: благодарю васъ!— и только—но этого было вполнѣ достаточно.

За обѣдомъ всѣ казались очень веселыми и толковали о какой-то поѣздкѣ, которая должна была принести пользу Церерѣ и доказать, можетъ ли она вынести болѣе далекое путешествіе на воды. Спорили о томъ, какой день назначить для поѣздки.

Эрихъ не понималъ въ чемъ дѣло. Роландъ замѣтилъ вопросъ въ его глазахъ и шепнулъ ему:

— Мы всѣ ѣдемъ въ монастырь за Манной, а потомъ вмѣстѣ съ ней отправляемся на воды. Это будетъ очень весело!

Эриху снова представились всѣ трудности его положенія. Въ этомъ богатомъ домѣ, посреди существованія, чуждаго всякой серьезной цѣли, всѣ, а мальчикъ можетъ быть болѣе всѣхъ, жили одними развлеченіями или надеждой на нихъ. Эрихъ рѣшился спокойно ждать и молчать, пока не спросятъ его мнѣнія, а тогда смѣло объявить о своемъ намѣреніи остаться дома.

Послѣ обѣда Белла, какъ бы случайно, очутилась возлѣ Эриха и пошла рядомъ съ нимъ. Сначала она все говорила о Клодвигѣ и о томъ, какъ онъ счастливъ тѣмъ, что Эрихъ остается въ ихъ сосѣдствѣ, потомъ вдругъ остановилась и устремивъ на него пытливый взоръ, сказала:

— Вы скоро опять увидитесь съ фрейленъ Зонненкампъ!

— Я?

— Да. Вѣдь вы съ нами ѣдете?

— Это еще не рѣшено.

Белла улыбнулась.

— Но вы безъ сомнѣнія рады будете опять съ ней встрѣтиться?

— Когда я ее видѣлъ въ первый разъ, то не зналъ, что это она.

Белла снова улыбнулась и прибавила:

— Я настолько видѣла свѣтъ, чтобъ не имѣть болѣе предразсудковъ. Дочь нашихъ хозяевъ и мой братъ Отто.... но вы, конечно, знаете, что я хочу сказать.

— Нисколько. Вы мнѣ приписываете болѣе, чѣмъ я знаю.

— Вы бы меня сильно огорчили, еслибъ вздумали со мной скрытничать, тогда какъ со всѣми другими вы такъ просты и дружелюбны. Служанка маіора хвастается тѣмъ, что вы ея любимецъ, а вы хотите меня увѣрить, будто до сихъ поръ ничего не знаете о помолвкѣ!

— До этой минуты я дѣйствительно ничего о ней не зналъ.

Digitized by Google

Но теперь поздравляю васъ и горжусь довѣріемъ, какое вы мнѣ оказываете, посвящая меня въ ваши семейныя дѣла.

— Знаете ли, быстро заговорила Белла: — я многаго отъ васъ ожидаю.

— Отъ меня? Чѣмъ могу я вамъ служить?

— Не въ службѣ дѣло. Я много о васъ думала. Вы натура увлекающаяся, но все еще остаетесь для меня загадкой. Надѣюсь, что и я со своей стороны тоже еще не вполнѣ вами понята.

— Я до сихъ поръ себѣ не позволялъ....

— Я вамъ позволяю себѣ позволить. Итакъ, капитанъ, или докторъ, или господинъ Дорнэ, или лучше всего просто сосѣдъ, мы заключимъ съ вами договоръ. Я буду стараться себѣ разъяснить противорѣчія и странности, проглядывающія въ васъ, и предоставляю вамъ такое же точно право въ отношеніи къ моей особѣ. Не правда ли, какое интересное занятіе?

— Оно интересно, но въ тоже время и опасно...

Белла гордо выпрямилась, а Эрихъ продолжалъ:

— Опасно для меня. Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстны слова Гамлета: «Кто можетъ безнаказанно желать—вполнѣ быть узнаннымъ?»

— Мнѣ пріятно видѣть, что вы не считаете необходимою учтивость, но вамъ слѣдовало бы также отдѣлаться и отъ излишней скромности.

— Я говорю, что это опасно для меня, а не для васъ, графиня.

— Гордость не позволяетъ мнѣ говорить комплиментовъ, — очень рада, что и вы точно также горды. А теперь разскажите мнѣ, пожалуйста, о вашей встрѣчѣ съ Манной и о томъ, какое она на васъ произвела впечатлѣніе.

Эрихъ разсказалъ, какъ она ему внезапно явилась въ монастырѣ и прибавилъ, что впервые услышалъ ея имя отъ дочери мирового судьи.

— Вотъ какъ, Лина! воскликнула Белла, и пальцы ея быстро зашевелились, точно она заиграла на фортепіано. Она сдѣлала пріятное открытіе и собиралась наблюдать надъ игрою чувствъ. Лина имѣла склонность къ Отто и, не смотря на свою наивность, знала, что онъ, въ свою очередь, былъ расположенъ къ Маннѣ. И вотъ она довольно хитро придумала сблизить Манну съ такимъ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, какъ Эрихъ.

Между тѣмъ, какъ Белла прогуливалась съ Эрихомъ, Пранкенъ, дружески взявъ за руку Роланда, отправился съ нимъ въ

Digitized by Google

собакамъ и въ конюшни. Потомъ онъ увелъ его въ отдаленную часть парка, прилегавшую къ большой дорогѣ. Разговоръ вскорѣ, какъ бы невзначай, коснулся Эриха, и Роландъ восторженно распространился о его неисчерпаемой добротѣ и всевѣдѣніи. Пранкенъ наставительно замѣтилъ, что такихъ словъ не слѣдуетъ употреблять въ примѣненіи къ людямъ. Онъ, Роландъ, конечно можетъ научиться у этого человѣка многому полезному для обихода въ свѣтѣ, но есть другая, высшая наука, въ которой Дорнэ ни подъ какимъ видомъ не долженъ быть его руководителемъ.

Потомъ онъ заговорилъ о Маннѣ, тономъ, въ которомъ звучало глубокое, благоговѣйное чувство. Онъ досталъ книгу, лежавшую у него на сердцѣ, и указалъ Роланду, какое мѣсто читаетъ въ ней сегодня Манна. Роландъ, вслѣдствіе своего бѣгства, пропустилъ нѣсколько дней, и теперь ему слѣдовало постараться догнать сестру. Но онъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ говорить объ этомъ капитану Дорнэ, которому, какъ человѣку другого вѣроисповѣданія, не слѣдуетъ позволять становиться между Роландомъ и его Богомъ.

Пранкенъ сѣлъ подъ орѣховымъ деревомъ, на краю дороги, посадилъ около себя Роланда и началъ читать ему нѣкоторыя, особенно знаменательныя, мѣста изъ Ѳомы Кемпійскаго. Мальчикъ въ недоумѣніи на него смотрѣлъ. Мимо проѣхалъ «кавалеръ бутылки» и окликнулъ Пранкена. Тотъ, не переставая читать, отвѣчалъ ему дружескимъ движеніемъ руки.

Роландъ вздохнулъ свободнѣе, увидя Эриха и Беллу, которые весело смѣялись и шутили. Онъ позвалъ ихъ, и они всѣ вмѣстѣ пошли далѣе, Роландъ рядомъ съ Эрихомъ, а Белла съ братомъ, который въ раздумьи подергивалъ себя за бороду и пристально смотрѣлъ на кончики своихъ щегольскихъ сапоговъ. Наконецъ, онъ рѣшился заговорить, и ни съ того, ни съ сего сталъ упрекать Беллу за ея кокетство и болтовню съ молодымъ человѣкомъ. Белла остановилась: она не знала, поднять ли ей брата на смѣхъ или, съ своей стороны, сдѣлать ему строгій выговоръ. Рѣшившись на первое, она безжалостно начала смѣяться надъ новообращеннымъ.

— Ага! воскликнула она, ты, видно, все-таки побаиваешься, чтобъ этотъ Дорнэ не приглянулся твоей святой Маннѣ, да и на мой счетъ не спокоенъ. А надо сказать правду, въ капитанѣ есть что-то въ высшей степени привлекательное для насъ, женщинъ, — связаны ли мы брачными цѣпями, или живемъ въ монастырскихъ стѣнахъ.

Но Пранкенъ стоялъ на своемъ. Всякая шутка, говорилъ онъ, всякая легкомысленная игра граничатъ съ грѣхомъ и ча-

Digitized by Google

сто незамѣтно въ него вовлекаютъ. Онъ до того увлекся, что даже вынулъ изъ бокового кармана книгу и прочелъ изъ нея Беллѣ нѣсколько строкъ. Та смотрѣла на него широко-раскрытыми глазами, не понимая, откуда взялась у Отто такая благочестивая книга. Затѣмъ она принялась увѣрять его, что ему нечего бояться за ея добродѣтель. Она просто хотѣла дать урокъ самонадѣянному молодому человѣку. Что же касается до Отто, то онъ долженъ быть ей благодаренъ за ея мнимое сближеніе съ Эрихомъ. Она увѣрена въ самой себѣ, не боится толковъ и готова, ради брата, продолжать игру, которая должна избавить его отъ опаснаго соперника.

— А теперь, прибавила она, серьезно спрашиваю у тебя. Неужели честные люди должны себѣ отказывать въ пріятномъ обществѣ и въ невинномъ удовольствіи потому только, что дурные люди часто подъ обманчивой наружностью дѣйствительно скрываютъ злое дѣло? Это значило бы перевернуть свѣтъ на изнанку и поработить честныхъ людей дурнымъ.

Белла не замѣчала или не хотѣла замѣтить, что щеголяла мнѣніемъ и словами мужа. Пранкенъ на нее съ удивленіемъ посмотрѣлъ. Находился ли онъ дѣйствительно подъ вліяніемъ вновь пробудившагося въ немъ рвенія къ религіи, или только прятался за мнимую добродѣтель,—какъ бы то ни было, но онъ не нашелся что отвѣчать на насмѣшливо-игривую, но въ тоже время льстивую и увертливую рѣчь сестры.

ГЛАВА IV.

НЕУДАВШЕЕСЯ ПРЕДПРІЯТІЕ.

Эриху не малаго труда стоило опять усадить за дѣло своего воспитанника, который ни о чемъ болѣе не думалъ, какъ о предстоящей поѣздкѣ.

День, назначенный для посѣщенія монастыря, насталъ. Погода была ясная и теплая. Эрихъ просилъ позволенія остаться дома. Зонненкампъ охотно согласился и добродушно замѣтилъ, что Эриху конечно пріятно будетъ провести нѣсколько дней въ тишинѣ и уединеніи. Эрихъ поспѣшилъ отплатить за привѣтливое слово той же монетой и высказалъ свое намѣреніе, ни подъ какимъ видомъ не отчуждать Роланда отъ его семьи.

Вскорѣ явился Пранкенъ съ сестрой. Белла сказала Эриху, что Клодвигъ велѣлъ просить его пріѣхать къ нему въ Вольфсгартенъ. Тогда только Эриху стало ясно, что никто и не ожи-

Digitized by Google

далъ, чтобъ онъ принялъ участіе въ поѣздкѣ въ монастырь. Онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ разомъ уничтожить въ себѣ всякое поползновеніе къ обидчивости. Но Роландъ настойчиво просилъ Эриха съ ними ѣхать.

— Манна будетъ очень сердиться, если ты не поѣдешь, сказалъ онъ,—ей тоже надо тебя видѣть.

На губахъ Зонненкампа мелькнула странная улыбка, а Пранкенъ отвернулся, чтобъ скрыть выраженіе своего лица.

Роландъ на прощаньи горячо обнялъ Эриха. Онъ до сихъ поръ не разставался съ нимъ не только на цѣлые сутки, но даже и на нѣсколько часовъ. Онъ еще и еще обѣщался много о немъ говорить съ Манной. Въ душѣ мальчика, должно быть, таились смутныя опасенія. Онъ напослѣдокъ сказалъ Эриху:

— Ты останешься здѣсь, не правда ли?

Эрихъ крѣпко пожалъ ему руку.

Общество въ трехъ каретахъ отправилось на пароходную пристань. Въ одной помѣстились Пранкенъ съ Церерой, въ другой Зонненкампъ съ фрейленъ Пэрини и съ Беллой, а въ третьей Роландъ и слуги.

Пристань находилась на нѣкоторомъ разстояніи вверхъ по теченію рѣки, и когда пароходъ, отчаливъ отъ нея, быстро скользилъ мимо виллы, Эрихъ стоялъ на вершинѣ тѣнистаго холма, любуясь на горы, которыя въ этомъ мѣстѣ внезапно раздвигались, какъ бы предоставляя рѣкѣ безпрепятственно стремиться къ морю. Роландъ, стоя на палубѣ, кланялся и махалъ шляпой. Эрихъ отвѣчалъ мальчику тѣмъ же, приговаривая:

— Счастливаго пути, дружокъ!

Кому случалось, провожая въ дорогу близкихъ, посылать имъ вслѣдъ прощальное слово, котораго они уже не могутъ разслышать, тотъ пойметъ настроеніе духа, въ какомъ находился Эрихъ.

Пароходъ промчался, а волны съ минуту продолжали еще съ силой ударять о берегъ и качать прицѣпленную къ нему красивую лодку.

Общество на пароходѣ было въ веселомъ расположеніи духа. Пранкенъ съ большой предупредительностью хлопоталъ около Цереры, устраивая ее на палубѣ и укутывая роскошной шалью. Роландъ получилъ позволеніе взять съ собой Грейфа. Всѣ глаза на пароходѣ были устремлены на красиваго мальчика, а нѣкоторые пассажиры даже громко выражали свой восторгъ.

Тутъ между прочимъ были «винный графъ» и его сынъ, извѣстный подъ названіемъ «кавалера бутылки». Отецъ, высокаго роста, пожилой мужчина, поражалъ своимъ важнымъ видомъ, у него въ петличкѣ виднѣлась красная ленточка. Сынъ очень

Digitized by Google

обрадовался встрѣчѣ съ Пранкеномъ и въ особенности тому, что могъ засвидѣтельствовать свое почтеніе графинѣ Беллѣ. Какъ старикъ, такъ и молодой человѣкъ, всегда очень сдержанно вели себя въ отношеніи къ Зонненкампу и къ его семейству. Но на этотъ разъ они, забывъ свою обычную холодность, видимо искали съ ними сблизиться. Однако Зонненкампъ не поддавался на ихъ любезную предупредительность и продолжалъ держать себя въ сторонѣ. Онъ не хотѣлъ сближаться съ людьми, которые теперь выражали къ этому желаніе потому только, что видѣли его въ такомъ хорошемъ обществѣ. Къ немалому его облегченію «винный графъ» и сынъ его на второй же станціи вышли на берегъ въ мѣстечкѣ, гдѣ находилось заведеніе минеральныхъ водъ. На пристани ихъ встрѣтилъ гофмаршалъ съ своимъ больнымъ сыномъ. Белла получила отъ важнаго сановника любезный поклонъ и сказала Зонненкампу, что между дочерью богатаго виноторговца и больнымъ сыномъ гофмаршала устраивается бракъ.

День былъ солнечный, едва замѣтный вѣтерокъ игралъ вокругъ быстро мчавшагося парохода. Для общества Зонненкамповъ накрыли особенный столъ, который, по распоряженію Іозефа, украсили цвѣтами и сверкающими вазами со льдомъ для вина. До слуха Роланда нѣсколько разъ долетало, какъ на вопросы вновь прибывавшихъ пассажировъ вполголоса отвѣчали: — «Это богатый американецъ, владѣтель десяти милліоновъ».

Итакъ, общество Зонненкамповъ размѣстилось обѣдать за особеннымъ столомъ, накрытымъ на палубѣ. Имъ прислуживали лакеи въ ливреяхъ кофейнаго цвѣта.

— Папенька, вдругъ спросилъ Роландъ: правда ли, что у тебя десять милліоновъ?

— Моихъ денегъ никто не считалъ, возразилъ Зонненкампъ и улыбнулся: — во всякомъ случаѣ, у тебя ихъ всегда хватитъ на то, чтобъ заказать себѣ обѣдъ, подобный сегодняшнему.

Мальчикъ, повидимому, не былъ доволенъ отвѣтомъ, а Зонненкампъ прибавилъ:

— Да къ тому же, сынъ мой, люди бываютъ только относительно богаты.

— Замѣтьте себѣ: люди бываютъ относительно богаты, повторилъ Пранкенъ. — Это мудрое изрѣченіе: оно, такъ-сказать, уравновѣшиваетъ положеніе вещей.

Зонненкампъ улыбнулся. Онъ любилъ, когда его словамъ придавали особенный смыслъ.

— Ахъ, какъ весело путешествовать! воскликнулъ Роландъ. — Жаль только, что Эриха нѣтъ съ нами!

Никто не отвѣчалъ. Мальчикъ былъ необыкновенно разго-

Digitized by Google

ворчивъ. Когда подали шампанское и Белла провозгласила тостъ за здоровье Манны, Роландъ, обратясь къ Пранкену, сказалъ:

— Ты женишься на Маннѣ?

Дамы украдкой взглянули на мужчинъ. Откуда это Роландъ узналъ о томъ, что составляло тайное желаніе всѣхъ здѣсь присутствовавшихъ? Разговоръ вертѣлся исключительно около мальчика. Онъ становился все живѣе и живѣе, шутилъ, смѣялся, безъ умолку болталъ и согласился, по просьбѣ Пранкена, представить кандидата Кнопфа. Онъ откинулъ назадъ волосы, сложилъ лѣвую руку въ видѣ табакерки и безпрестанно по ней похлопывалъ. Измѣнивъ голосъ и лицо, онъ однообразнымъ рѣзкимъ тономъ спрягалъ глаголы, изъяснялъ Пиѳагорову теорему и выкидывалъ еще разныя штуки.

— А съумѣешь ли ты передразнить капитана Дорнэ? спросилъ Пранкенъ.

Роландъ вдругъ замолчалъ. По лицу его пробѣжала тѣнь, какъ будто онъ увидѣлъ вдали что-то страшное; имъ мгновенно овладѣло уныніе, и онъ взглянулъ на Пранкена, точно сбираясь его уничтожить.

— Я въ жизнь больше не стану передразнивать кандидата Кнопфа! воскликнулъ онъ: клянусь въ этомъ!

Мальчикъ, возбужденный виномъ и веселымъ разговоромъ, внезапно присмирѣлъ и исчезъ, такъ что слуги принуждены были его искать и наконецъ нашли вмѣстѣ съ собакой въ углу на передней части палубы. Въ глазахъ у него стояли слезы. Онъ спокойно вернулся къ своимъ, но уже, не смотря ни на что, оставался задумчивъ и молчаливъ.

Пароходъ между тѣмъ быстро мчался впередъ. Виноградныя горы сіяли, облитыя полуденнымъ солнцемъ. Вскорѣ кто-то сказалъ: «Еще двѣ станціи, а тамъ и монастырь». Роландъ опять пошелъ къ своей собакѣ.

— Грейфъ! воскликнулъ онъ:—мы скоро увидимъ Манну. Радуйся, камрадъ!

Было еще совсѣмъ свѣтло, когда они вышли на берегъ, окаймленный плакучими ивами, и углубились въ тѣнистый паркъ, посреди котораго стоялъ монастырь. Слуги остались на противоположномъ берегу въ гостинницѣ.

На пристани никто не встрѣтилъ путешественниковъ, хотя они и предупредили о своемъ пріѣздѣ.

— Манна не пришла! воскликнулъ Зонненкампъ, выскакивая на берегъ и лицо его омрачилось, а въ глазахъ сверкнуло злобное выраженіе, которое онъ былъ не въ силахъ скрыть. Но Церера

Digitized by Google

медленно къ нему обернулась и спокойно на него взглянула. Гнѣвъ его мгновенно упалъ, и Зонненкампъ сдѣлался кротокъ.

— Лишь бы она, милое дитя, была здорова, сказалъ онъ, голосомъ кающагося пустынника.

Они пришли къ монастырю. Ворота его оказались запертыми, но церковь была отворена. У входа въ нее все играло и сверкало на солнечномъ свѣтѣ, а внутри стояла молящаяся фигура монахини съ закрытымъ лицомъ. Путешественники осторожно вышли и позвонили у воротъ монастыря. Привратница не замедлила имъ отворить.

Зонненкампъ спросилъ, здорова ли фрейленъ Германна Зонненкампъ? Привратница отвѣчала утвердительно и прибавила, что если они родители молодой дѣвушки, то настоятельница приглашаетъ ихъ къ себѣ въ пріемную. Зонненкампъ попросилъ Беллу, Пранкена и фрейленъ Пэрини погулять пока въ саду. Онъ хотѣлъ и Роланда оставить съ ними, но тотъ воспротивился этому и сказалъ:

— Нѣтъ, я хочу идти съ вами!

Мать его, до сихъ поръ непроизнесшая ни одного слова, взяла его за руку и сказала:

— Хорошо, я возьму тебя съ собой.

Грейфъ, конечно, остался въ паркѣ. Зонненкампъ съ женой и сыномъ вошли къ настоятельницѣ, которая съ достоинствомъ, но въ тоже время очень любезно ихъ приняла. Она приказала находившейся при ней монахинѣ удалиться и затѣмъ пригласила гостей сѣсть. Въ большой пріемной вѣяло прохладой. По стѣнамъ ея на золотистомъ полѣ висѣли лики святыхъ.

— Что случилось съ нашей дочерью? спросилъ Зонненкампъ, съ трудомъ переводя духъ.

— Ваша дочь, которую мы осмѣливаемся называть также и нашей, потому что любимъ ее не меньше васъ, — совсѣмъ здорова. Она обыкновенно бываетъ очень тиха и покорна, но по временамъ на нее находитъ какое-то непонятное упорство.

— Глаза Зонненкампа сверкнули молніей по направленію къ женѣ. Она спокойно на него взглянула, и только верхняя ея губа слегка дрогнула. Настоятельница ничего не замѣтила, такъ какъ имѣла привычку говорить съ опущенными глазами. Она спокойно продолжала:

— Наша милая Манна согласна видѣть своихъ родителей только въ такомъ случаѣ, если они позволятъ ей остаться въ монастырѣ еще и слѣдующую зиму. Она говоритъ, что не чувствуетъ себя достаточно сильной для того, чтобъ теперь же вступить въ свѣтъ.

Digitized by Google

— И она предлагаетъ намъ это условіе съ вашего разрѣшенія? спросилъ Зонненкампъ, дергая себя за бѣлый галстукъ.

— Мы не можемъ ничего ни разрѣшать, ни позволять. Вы родители и имѣете безграничную власть надъ вашей дочерью.

— Конечно, началъ Зонненкампъ: конечно, если внушаютъ мысли... Но извините, я кажется васъ перебилъ.

— Нисколько, я кончила. Ваше дѣло рѣшить, принимаете вы ея условіе, или нѣтъ: родительская власть даетъ вамъ на то полное право. Я сейчасъ позову одну изъ сестеръ, и она васъ проводитъ въ келью Манны: дверь ея не заперта. Я только передала вамъ порученіе молодой дѣвушки, а теперь дѣйствуйте, какъ вы найдете лучшимъ.

— Я такъ и сдѣлаю, и говорю, что она больше ни часу здѣсь не останется!

— Если матери также будетъ дозволено сказать свое слово... начала Церера. Зонненкампъ взглянулъ на нее, какъ будто она была вещью, лишенной дара слова, а теперь вдругъ заговорила. Но Церера продолжала, обращаясь къ настоятельницѣ:

— Я въ качествѣ матери объявляю, что мы ее не станемъ ни къ чему принуждать. Я согласна на ея условіе.

Зонненкампъ быстро всталъ и схватился за спинку кресла. Въ немъ происходило что-то страшное, но онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и сказалъ очень спокойно:

— Роландъ, пойди въ садъ къ барону Пранкену.

Роландъ долженъ былъ уйдти. Тамъ въ монастырѣ находится его сестра — что съ ней будетъ? Отчего не пускаютъ его къ ней и не позволяютъ ему ее обнять, поцѣловать и, какъ въ прежнее время, поиграть ея черными локонами? Онъ вышелъ въ садъ, но вмѣсто того, чтобъ идти отыскивать Пранкена, направился къ церкви. Тамъ онъ опустился на колѣни и началъ горячо молиться. О чемъ была его молитва — онъ и самъ бы не съумѣлъ сказать. Онъ просилъ у Бога спокойствія, счастія и еще многаго другого. Взоръ его случайно обратился къ верху, и мальчикъ вздрогнулъ.

Передъ нимъ висѣло изображеніе св. Антонія Падуанскаго. Странно! образъ этотъ имѣлъ поразительное сходство съ Эрикомъ, у котораго было точно такое же прекрасное, благородное лицо. Роландъ долго, пристально смотрѣлъ на ликъ святого, потомъ голова его медленно склонилась на руки, и онъ, — счастливая юность! — заснулъ.

Digitized by Google

ГЛАВА V.

ТАИНСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ.

Родители между тѣмъ вошли въ келью Манны. Молодая дѣвушка встрѣтила ихъ словами:

«Привѣтствую васъ именемъ Божіимъ.»

Она протянула отцу руку, которая слегка дрогнула, коснувшись кольца на его указательномъ пальцѣ. Затѣмъ она бросилась на шею къ матери и горячо ее поцѣловала.

— Простите меня! воскликнула она: — простите! Не думайте, чтобъ у меня не было сердца, но я должна... нѣтъ, я хочу... Благодарю васъ, что вы согласились исполнить мое желаніе.

— Да, да, мы ни въ чемъ не будемъ тебя стѣснять, сказала мать и Зонненкампъ, который до сихъ поръ сопротивлялся, но принужденъ былъ сдаться. Лицо Манны мгновенно просіяло. Она выразила свою радость по поводу того, что видитъ родителей здоровыми, сказала, что каждый день молится о нихъ, и Богъ не оставляетъ ея молитву безъ вниманія. Въ голосѣ Манны звучали сдерживаемыя слезы. Зонненкампъ, казалось, былъ глубоко тронутъ. Онъ приложилъ руку къ сердцу, и вся фигура его имѣла выраженіе человѣка, который мысленно даетъ тяжкій обѣтъ.

Когда Манна освѣдомилась о Роландѣ, онъ отвѣчалъ ей тономъ, какимъ говорятъ съ больными. Роландъ въ паркѣ, сказалъ онъ, и Манна должна пойдти туда же, чтобъ привѣтствовать дамъ и барона Пранкена. Легкая судорога скользнула по лицу Манны, когда отецъ произнесъ это послѣднее имя, но она мгновенно оправилась и сказала:

— Я не хочу видѣть никого, кромѣ васъ и Роланда.

Позвали монахиню изъ служанокъ и послали ее за Роландомъ. Манна между тѣмъ объявила, что она, согласно монастырскому постановленію, еще на годъ вернется въ свѣтъ, а затѣмъ, — она на мгновеніе пріостановилась, — а затѣмъ, если рѣшимость ея не измѣнится, она произнесетъ вѣчный обѣтъ.

— И ты мнѣ никогда, никогда не скажешь, какимъ образомъ зародилась въ тебѣ эта мысль? съ мольбой въ голосѣ произнесъ Зонненкампъ.

— Скажу — но не прежде какъ все будетъ кончено.

— Я ничего, рѣшительно ничего во всемъ этомъ не понимаю! громко воскликнулъ Зонненкампъ. Манна движеніемъ руки

Digitized by Google

поспѣшила успокоить отца, давая знать, что въ монастырѣ не слѣдуетъ такъ громко говорить.

Роланда долго искали, пока наконецъ нашли его спящимъ въ церкви. Мальчикъ въ испугѣ вскочилъ, увидя передъ собой черную фигуру монахини. Его привели къ Маннѣ. Онъ бросился къ ней на шею, восклицая:

— Милая ты моя, недобрая!

И отъ волненія не могъ больше ничего сказать.

— Тише, тише, успокоивала его молодая дѣвушка. Какой ты сдѣлался сильный!

— А ты какъ выросла! Въ тебѣ тоже есть сходство съ Эрихомъ, только онъ еще прекраснѣе тебя. Нѣтъ, ты не смѣйся!— Неправда-ли, маменька? Неправда-ли, папенька? Ахъ, какъ онъ будетъ радъ, когда ты пріѣдешь домой; а ты тоже, безъ сомнѣнія, его полюбишь!

И Роландъ принялся съ увлеченіемъ восхвалять своего учителя и друга и разсказывать о его необыкновенномъ сходствѣ со св. Антоніемъ. Манна поспѣшила объявить ему, что вернется домой только слѣдующей весной, на что Роландъ возразилъ:

— Но ты все-таки можешь получить понятіе объ Эрихѣ. Взгляни только, когда будешь въ церкви, на образъ св. Антонія: онъ точь-въ-точь на него похожъ и не менѣе его добръ. Но онъ при случаѣ умѣетъ быть и строгимъ. Онъ прежде былъ артилерійскимъ офицеромъ.

Отецъ еще разъ попытался уговорить Манну поѣхать съ ними на воды, обѣщаясь не препятствовать потомъ ея возвращенію въ монастырь. На этотъ разъ и мать присоединила свои просьбы къ его. Но Манна рѣшительно сказала, что ни подъ какимъ видомъ не можетъ прервать своихъ занятій.

Чарующіе звуки ея голоса проникали въ самую душу, когда она говорила о своихъ надеждахъ уяснить себѣ жизнь и стать въ ней твердою ногой. У матери навернулись на глазахъ слезы, но взглядъ отца оставался сухъ и неподвиженъ: онъ едва видѣлъ дочь, едва сознавалъ, гдѣ находится. Онъ слышалъ голосъ, который когда-то, — неужели онъ тотъ же самый человѣкъ?— давно, много, много лѣтъ тому назадъ уже касался его слуха. Дочь, окружающіе ея предметы, — все исчезло, — онъ былъ одинъ и стоялъ надъ убогой могилой на кладбищѣ бѣдной польской деревеньки. Онъ провелъ широкой ладонью по лицу и очнувшись, услышалъ, какъ дочь повторяла: «Я встану въ жизни твердою ногой.»

Онъ слышалъ все, что здѣсь говорилось, и въ тоже время

Digitized by Google

духъ его носился гдѣ-то далеко отсюда. Онъ въ эту минуту жилъ какой-то двойною, едва понятной жизнью.

Зонненкампъ снова повторилъ свою просьбу, чтобъ Манна вышла въ паркъ къ его друзьямъ, которыхъ ей не слѣдовало обижать отказомъ. Но Манна продолжала утверждать, что она не можетъ исполнить его желанія.

Немного погодя, молодая дѣвушка попросила одну изъ монахинь привести къ ней ребенка, прозваннаго сверчкомъ. Ребенокъ пришелъ и застѣнчиво поглядывалъ на незнакомыхъ ему людей. Манна сказала, что это ея родители.

— А это, прибавила она, указывая на Роланда.

— Мой братъ, о которомъ, помнишь, я тебѣ говорила.

Ребенокъ, едва взглянувшій на родителей Манны, подошелъ къ Роланду и, ласкаясь къ нему, сказалъ:

— Ты мнѣ нравишься.

И ребенокъ такъ довѣрчиво началъ съ нимъ болтать, какъ будто зналъ его всю жизнь.

— Хочешь ли ты быть также и моимъ братомъ? спросила его между прочимъ малютка.

Манна при этомъ высказала всю радость, какую ей доставляла возможность быть полезной милому ребенку.

— Да, да, проворчалъ Зонненкампъ. Сама еще дитя, а ужъ ухаживаетъ за чужимъ ребенкомъ. Однако пора.

И онъ быстро всталъ. Родители и Роландъ вышли изъ кельи, оставивъ Манну одну съ малюткой.

Спускаясь съ лѣстницы, Зонненкампъ сказалъ женѣ:

— Все это твое дѣло! Дочь избѣгаетъ меня, ты отвратила отъ меня ея сердце, ты ей сказала...

Церера засмѣялась какимъ-то страннымъ, неестественнымъ, точно не своимъ, а какъ будто чужимъ смѣхомъ. Роландъ съ удивленіемъ на нее поглядѣлъ: вокругъ него что-то происходило, чего онъ не могъ себѣ объяснить.

Родители съ мальчикомъ вышли въ садъ. Зонненкампъ весьма спокойно объявилъ, ожидавшимъ его друзьямъ, что онъ позволилъ дочери остаться въ монастырѣ до Пасхи, и прибавилъ, что вполнѣ раздѣляетъ ея мнѣніе на счетъ того, что ея теперешнихъ занятій не слѣдуетъ нарушать никакимъ постороннимъ впечатлѣніемъ. Пранкенъ пытливо посмотрѣлъ на Зонненкампа, но вслухъ поспѣшилъ выразить свое удивленіе разумной предусмотрительности, съ какой тотъ устроивалъ дѣла всѣхъ ему близкихъ. Белла и фрейленъ Пэрини отправились гулять по острову. Ихъ долго не могли найдти, наконецъ, онѣ вышли изъ комнатъ настоятельницы.

Digitized by Google

Между тѣмъ насталъ вечеръ. Когда они садились въ лодку, Роландъ закричалъ по направленію къ монастырю.

— Спокойной ночи, Манна!

Манна услышала его крикъ. Она бродила по парку, издали наблюдая за отъѣзжающими, потомъ медленно направилась къ церкви.

Когда лодка причалила къ противоположному берегу, съ острова послышалось хоровое пѣніе женскихъ молодыхъ голосовъ.

«Эти звуки могутъ быть пріятны для тѣхъ, у кого тамъ нѣтъ дочерей», подумалъ Зонненкампъ.

Въ гостинницѣ всѣ хлопотали и суетились, точно ожидая прибытія герцога со свитой. Зонненкампъ любилъ-таки похвастаться своимъ богатствомъ. На этотъ разъ садъ при гостинницѣ былъ освѣщенъ по праздничному, вся прислуга служила исключительно ему, едва обращая вниманіе на другихъ путешественниковъ, которымъ случилось заѣхать сюда въ этотъ вечеръ.

Когда все погрузилось въ сонъ и молчаніе, отъ берега отчалила лодка и поплыла къ монастырю. Въ лодкѣ сидѣлъ Пранкенъ.

Достигнувъ острова, онъ услыхалъ звуки арфы, выходившіе изъ открытаго окна. Онъ зналъ, что то играла Манна. Стоя у самаго монастыря, онъ видѣлъ въ одной изъ келій огонекъ. Вдругъ открылось нѣсколько оконъ, въ нихъ показались дѣвичьи головки и выглянули въ темную ночь. Черезъ минуту окна опять закрылись, огонь потухъ, и игра на арфѣ прекратилась.

Церковь была отворена. Пранкенъ въ нее вошелъ, сталъ на колѣни и погрузился въ молитву. Вдругъ послышались чьи-то мелкіе шаги и Пранкену показалось, что кто-то опустился на колѣни передъ алтаремъ. Онъ вздрогнулъ. Слабый свѣтъ вѣчной лампады, одной горѣвшей въ это время въ церкви, не позволялъ ему разсмотрѣть, кто это былъ. Немного спустя, таинственная фигура поднялась и направилась къ выходу. Мѣсяцъ бросалъ широкую полосу свѣта на самую середину церкви. Пранкенъ быстро послѣдовалъ за фигурой и, стоя въ дверяхъ церкви, сказалъ:

— Фрейленъ Манна, не бойтесь, я другъ. Передъ вами человѣкъ, который, благодаря вамъ, испыталъ великое счастье. Не думайте, чтобъ я пришелъ сюда съ цѣлью поколебать вашу святую рѣшимость.... Я хочу только сказать тебѣ, что ты изъ меня сдѣлала. Нѣтъ, я не могу этого сказать.... Знай только, что когда ты произнесешь монашескій обѣтъ, то и я тоже пойду въ монастырь, и мы будемъ вдали другъ отъ друга, насколько хва-

Digitized by Google

тить у насъ жизни, возноситься къ небу.... Прости же, чистая.. святая.... Прости!

Молодые люди стояли и смотрѣли одинъ на другого, как будто въ нихъ не оставалось ничего земного и они уже отре лись отъ міра. Манна не могла произнести ни слова. Она толь зачерпнула святой воды и трижды окропила ею Пранкена.

Быстрыми шагами направился Пранкенъ къ берегу. Манн стояла неподвижно, приложивъ руку ко лбу. Она не знал была ли это дѣйствительность или игра ея фантазіи. Но вдал раздался плескъ воды отъ ударявшихъ по ней веселъ и муж скій голосъ еще разъ произнесъ: «чистая.... святая!... прости! Потомъ все смолкло.

Немного спустя на противоположномъ берегу брякнула цѣп которой прикрѣпляли лодку къ пристани. Вокругъ все спало однѣ волны въ рѣкѣ нарушали ночное безмолвіе тихимъ плес комъ, который днемъ обыкновенно остается незамѣченнымъ Маннѣ казалось, что она слышитъ также, какъ кровь прили ваетъ у ней къ сердцу, — а на сердцѣ у нея было въ одно тоже время такъ тоскливо и такъ хорошо.

ГЛАВА VI.

ДЕНЬ ВЕЗЪ ЗАНЯТІЙ.

Эрихъ долго стоялъ на берегу и смотрѣлъ вслѣдъ паро ходу, съ котораго еще развѣвался вдали бѣлый платокъ Ро ланда. Провожая взоромъ корабль, уносящій у васъ близко вамъ существо, вамъ кажется, какъ будто вы любите птицу которая внезапно распустила крылья и мгновенно улетѣла, вамъ ее болѣе во вѣки не поймать. Но нѣтъ, это не одно тоже. Любовь невидимо связываетъ людей и въ разлукѣ цѣпью служащей доказательствомъ общности въ нихъ мыслей, ощуще ній и стремленій, которыя не подвержены вліянію ни времени ни пространства.

Пароходъ скрылся изъ глазъ, оставивъ позади себя облак дыма, которое прозрачной пеленой ложилось на виноградны горы и постепенно исчезало въ воздухѣ. Эрихъ все еще стоял на холмѣ и, подобно тому, какъ надъ нимъ въ вышинѣ плыли легкія облачка, такъ въ мысляхъ его носились послѣднія слова Роланда: «ты останешься здѣсь, — не правда ли»?

Какъ все волнуется, кипитъ въ молодой душѣ и рвется изъ нея наружу! Но и въ замкнутомъ, тщательно скрываемомъ чув

Digitized by Google

свѣ таится не менѣе красоты и искренности, только оно не всегда бываетъ видимо и не съ такой силой поражаетъ своимъ цвѣтомъ и благоуханіемъ. Подобныя этимъ мысли толпились въ головѣ Эриха, когда онъ стоялъ, любуясь деревомъ акаціи, до того облитымъ цвѣтомъ, что на немъ едва можно было кое-гдѣ различить зеленый листокъ.

Эрихъ остался совершенно одинъ на виллѣ. Онъ полною грудью вдыхалъ въ себя свѣжій воздухъ и былъ несказанно счастливъ своимъ уединеніемъ и отсутствіемъ всякаго шума и суеты. Ему казалось, будто онъ нѣсколько дней и ночей проѣхалъ, стоя на локомотивѣ и слушая его оглушающій грохотъ,— а теперь внезапно очутился въ лѣсу, гдѣ вѣяло прохладой или на днѣ рѣки, гдѣ надъ нимъ, тихо журча и освѣжая его, струились волны. Онъ не хотѣлъ ни читать, ни писать, но весь отдался охватившему его чувству безграничнаго покоя.

Онъ отложилъ до слѣдующаго дня посѣщеніе Клодвига, который приглашалъ его къ себѣ. Эрихъ далеко не былъ эгоистомъ; но возможность провести цѣлый день въ совершенномъ молчаніи и уединеніи казалась ему слишкомъ привлекательной, обольщала его и оживляла, какъ будто ему послѣ долгой неволи наконецъ возвратили право располагать самимъ собою. «Но Клодвигъ меня ждетъ», думалъ онъ, и тутъ же вслухъ произносилъ: «Я не могу!—Я не смѣю»! Ему хотѣлось хоть въ теченіи одного дня пожить своей собственной жизнью, не слышать ничьего голоса, ни съ кѣмъ не говорить — однимъ словомъ, быть вполнѣ одинокимъ, безмолвнымъ, независимымъ и свободнымъ.

Онъ вспомнилъ о матери и хотѣлъ пойдти написать ей письмо, но минуту спустя оставилъ и это намѣреніе. Нѣтъ, сегодня никто отъ него ничего не получитъ,— это день, въ который онъ желаетъ принадлежать исключительно себѣ. Его постоянная мысль о благѣ другихъ, его стремленіе и любовь къ близкимъ людямъ развились въ немъ до степени болѣзни, но теперь душа его просила покоя и уединенія. Да, онъ проведетъ настоящій день эгоистомъ и посвятитъ его полнѣйшему отдохновенію: ни книги, ни общественныя отношенія и требованія, никакія стремленія не должны возмущать его одиночества.

Вилла эта называется Эдемомъ: онъ будетъ въ немъ сегодня первымъ и единственнымъ человѣкомъ. Вблизи стояло дерево; взоръ его случайно на немъ остановился: также неподвижно и сосредоточенно, какъ оно, проживетъ онъ весь нынѣшній день.

Эрихъ углубился въ паркъ, бросился на траву подъ высокимъ букомъ и погрузился въ мечты. У людей бываютъ иногда минуты тихаго блаженства, когда жизнь въ нихъ медленно

Digitized by Google

струится, а въ душѣ ни одно ощущеніе не принимаетъ опредѣленной формы мысли или желанія. Такое состояніе имѣетъ особенную прелесть для тѣхъ, которые привыкли много думать, и у кого много заботъ. Эрихъ лежалъ такимъ образомъ, полной грудью вдыхая въ себя воздухъ и чувствуя себя вполнѣ довольнымъ и счастливымъ. Скрипучій звукъ шаговъ по песку сосѣдней аллеи пробудилъ его точно отъ сна. Это былъ садовникъ, который началъ скрести и расчищать дорожку, при чемъ производилъ рѣзкій, непріятный шумъ. Эрихъ хотѣлъ было отослать его прочь, но остановился и съ улыбкой подумалъ про себя: — «Вѣдь и я точно также расчищаю дорогу.»

Онъ взглянулъ въ вѣтви дерева: въ нихъ изъ стороны въ сторону тихо носился вѣтерокъ. Такъ точно и мысли его безцѣли бродили туда и сюда, а онъ лежалъ, ничего не желая, счастливый единственно тѣмъ, что живетъ. Какъ часто, думалъ онъ, все глядя вверхъ, въ теченіи лѣта колышетъ вѣтеръ эти листья, начиная съ той минуты, какъ они распустятся и до тѣхъ поръ, пока они не опадутъ, а потомъ — что̀ потомъ?

Улыбка мелькнула у него на губахъ.

Ему припомнилось преданіе о героѣ, который всякій разъ, что касался земли, почерпалъ въ этомъ прикосновеніи новыя силы. Уединеніе, думалъ Эрихъ, равняется отдохновенію на матери-землѣ. Главное несчастіе богачей, проклятіе, закрывающее имъ входъ въ царствіе небесное, заключается именно въ томъ, что они не умѣютъ обновлять своихъ силъ. Они владѣютъ всѣмъ, исключая способностью отдѣляться отъ міра и углубляться въ самихъ себя. — «У нихъ грузъ слишкомъ великъ», пришли ему на умъ слова доктора. «Грузъ, грузъ!» звучало у него въ ушахъ и вторило однообразному крику зяблика надъ его головой.

Наконецъ, Эрихъ, посреди этихъ размышленій, заснулъ. Сонъ его въ высшей степени подкрѣпилъ и освѣжилъ. Проснувшись онъ, въ первый разъ послѣ продолжительнаго періода времени почувствовалъ себя вполнѣ самимъ собой. Адамъ, думалъ онъ съ улыбкой, тоже заснулъ въ раю и проснувшись увидѣлъ передъ собой жену и узналъ, что міръ принадлежитъ ему и ещё другому существу, которое составитъ съ нимъ одно.

То былъ день и часъ, въ которые все, что̀ случилось въ прошломъ, что̀ существуетъ въ настоящемъ, все, о чемъ люди когда-либо мечтали и что̀ они себѣ добыли тяжкимъ трудомъ внезапно освѣщается новымъ свѣтомъ и преображенное стоитъ передъ глазами. Загадки сами собой разрѣшаются, повсюду царствуютъ миръ, прочность и единство. Такого рода ощущені

Digitized by Google

должны испытывать люди, воображая себя пробуждающимися отъ смерти, и стоя на порогѣ вѣчности.

Значитъ, и впереди стоило еще бороться и стремиться къ завоеванію себѣ права на существованіе.

Эрихъ обошелъ паркъ и домъ, привѣтствуя всѣ предметы, какъ новые. Онъ точно успѣлъ ихъ забыть; они какъ будто все это время оставались далеко позади его, и теперь онъ смотрѣлъ на нихъ иными глазами и чувствовалъ себя вполнѣ окрѣпшимъ человѣкомъ.

Хорошо, что міръ пребываетъ неизмѣннымъ и всегда готовымъ принять насъ, когда мы возвращаемся къ нему, пробуждаясь отъ самозабвенія.

Такимъ образомъ, прошелъ цѣлый день, и въ теченіи его Эрихъ не прочелъ ни одной строки, не написалъ ни одной буквы.

На слѣдующее утро онъ приказалъ осѣдлать лошадь и отправился навѣстить Клодвига. Но едва успѣлъ онъ выѣхать изъ дому, какъ его окликнулъ мальчикъ и вручилъ ему записку. Эрихъ прочелъ ее, кивнулъ мальчику головой и повернулъ лошадь по направленію къ деревнѣ.

ГЛАВА VII.

НАШЪ ДРУГЪ КНОПФЪ.

Весело ѣхать въ ясный, лѣтній день по берегу большой рѣки, когда все вокругъ ликуетъ и сверкаетъ, облитое солнечнымъ блескомъ. Въ такой день какъ-то трудно вѣрится, чтобы горе, трудъ, страхъ и заботы могли въ такомъ количествѣ тѣсниться въ разбросанныхъ здѣсь хижинахъ. На вершинѣ горы стоитъ деревня, которая, если смотрѣть на нее съ рѣки, поражаетъ своей живописностью. Изъ нея раздается и разносится по всей окрестности колокольный звонъ. Изъ церкви выходитъ и идетъ по направленію къ училищу школьный учитель. На лицѣ у него лежитъ тяжелая дума, которая однако мгновенно разсѣивается при видѣ стоящаго у школы и дружески протягивающаго ему руку человѣка.

— Какъ, вы здѣсь, господинъ Кнопфъ! восклицаетъ школьный учитель.

— Свободная республика Соединенныхъ-Штатовъ подарила мнѣ сегодняшній день. Итакъ, ты видишь передъ собой человѣка независимаго. Ахъ, любезный другъ, я наконецъ сдѣлался воспитателемъ молоденькихъ дѣвушекъ, и говорю тебѣ, что онѣ до

Digitized by Google

перваго бала, который играетъ для нихъ роль всемірнаго потопа, прелестнѣйшіе цвѣтки, какіе только производитъ наша планета.

И Кнопфъ разсказалъ своему товарищу о выпавшемъ на его долю счастьи. Его пригласили въ качествѣ учителя къ молоденькой, необыкновенно способной и живой американкѣ. Пока онъ говорилъ, некрасивое лицо его точно преобразилось.

Кнопфъ былъ очень дуренъ собой. Все въ его наружности отличалось крайней угловатостью. Носъ, ротъ, лобъ, даже самыя брови, которыя, особенно, когда онъ, какъ теперь, снималъ очки, поражали тѣмъ, что необыкновенно далеко отстояли отъ его мутныхъ голубыхъ глазъ, всѣ черты лица его казались неуклюже вылѣпленными изъ тѣста. Но когда онъ заговорилъ о своей воспитанницѣ, лицо его, въ полномъ смыслѣ слова, просіяло.

Онъ сказалъ, что пришелъ сюда съ цѣлью повидаться съ теперешнимъ учителемъ Роланда, сдѣлать ему нѣкоторыя замѣчанія на счетъ характера его воспитанника, и передать свое мнѣніе на счетъ дальнѣйшаго хода ихъ занятій. Вставъ до солнечнаго восхода, онъ немедленно отправился въ путь и нашелъ, что прогулка его какъ нельзя болѣе освѣжила. Но теперь казалось неудобнымъ идти на виллу, и онъ рѣшился пригласить новаго учителя сюда. Онъ попросилъ позволенія отправить къ нему съ запиской одного изъ мальчиковъ.

Между тѣмъ, въ школу со всѣхъ сторонъ начали стекаться дѣти. Они уже давно были знакомы съ Кнопфомъ и теперь весело ему кланялись. Одинъ курчавый мальчикъ очень обрадовался, когда его вмѣсто класса послали отнести записку на виллу Эдемъ.

За деревней на самой верхушкѣ горы возвышалась тѣнистая липа. Кнопфъ отправился туда, легъ на траву и устремилъ восторженный взоръ на разстилавшійся передъ нимъ прелестный ландшафтъ.

«Въ травѣ, въ цвѣтахъ люблю лежать я и слушать издали звукъ флейты», произнесъ онъ. Но въ наше время свистъ и шипѣнье паровыхъ машинъ замѣняютъ звуки флейты, и потомъ Кнопфъ вывинтилъ изъ своей палки искусно скрытую въ ней флейту и самъ принялся наигрывать на ней одну изъ Уландовыхъ мелодій: «Крестоносецъ Конрадинъ». Его радовала не столько сама игра, сколько то, что ее слышатъ прохожіе въ долинѣ.

Внизъ и вверхъ по рѣкѣ безпрестанно сновали суда, и онъ каждому изъ нихъ махалъ бѣлымъ платкомъ. Что за дѣло, что на нихъ чужіе, незнакомые ему люди? Онъ сверху даетъ имъ знать о своемъ счастливомъ настроеніи духа и желаетъ имъ внизу испытывать такое же точно довольство.

Digitized by Google

Кнопфъ вполнѣ заслуживаетъ болѣе близкаго знакомства. Сынъ бѣднаго школьнаго учителя, онъ могъ только съ большимъ трудомъ поступить въ университетъ. По окончаніи курса, онъ выдержалъ экзаменъ, и съ этихъ поръ начались его бѣдствія. Съ перваго же дня, какъ онъ началъ читать мальчикамъ пробныя лекціи, тѣ подняли страшный шумъ, и чѣмъ болѣе онъ ихъ просилъ не шумѣть, тѣмъ они становились неукротимѣе, а когда онъ начиналъ сердиться, то они принимались дерзко надъ нимъ смѣяться и безжалостно его дразнили. Къ нему на помощь иногда являлся директоръ, но, лишь только тотъ выходилъ изъ класса, шумъ и гамъ возобновлялись. Было рѣшено, что Кнопфъ проведетъ годъ, назначенный для его испытанія, въ отдаленномъ провинціальномъ городкѣ, но какая-то невѣдомая сила вѣроятно уже и тамъ успѣла распустить слухъ о его неудачной попыткѣ въ столицѣ, и онъ на первыхъ же порахъ былъ встрѣченъ точно такимъ же шумомъ. Тогда онъ рѣшился отказаться отъ преподаванія въ общественныхъ заведеніяхъ.

Возвратясь въ столицу Кнопфъ занялся воспитаніемъ дѣвочекъ и пріобрѣлъ всеобщее расположеніе. Матери, вслѣдствіе его баснословнаго безобразія, не боялись поручать ему своихъ дочерей на возрастѣ, зная, что тѣ въ него не влюбятся. Къ тому же онъ обладалъ большими свѣдѣніями и отличался крайней добросовѣстностью. Но все это рѣшительно ни къ чему не повело. Во всѣхъ домахъ, гдѣ онъ преподавалъ, его очень любили, но ни въ одномъ изъ нихъ не хотѣли имѣть его постояннымъ учителемъ: его всегда приглашали только въ извѣстныхъ случаяхъ и на время. Ни у одного учителя не было столько умершихъ учениковъ, такъ какъ онъ со многими начиналъ заниматься, когда они уже были больны.

Кнопфъ еще очень много ѣздилъ по водамъ. Родители, которые по какимъ-нибудь причинамъ не могли сопровождать своихъ дѣтей къ цѣлебнымъ источникамъ, поручали ихъ Кнопфу, и тотъ одновременно бывалъ ихъ учителемъ и нянькой. Затѣмъ, онъ короткое время пробылъ въ заведеніи для идіотовъ, и совѣсть не переставала упрекать его за то, что онъ не могъ тамъ долѣе выдержать. Но онъ говорилъ себѣ въ извиненіе, что слишкомъ привыкъ къ красотѣ. Послѣ этого онъ сталъ изучать, въ какомъ видѣ существовали благотворительныя заведенія у грековъ и римлянъ, и ему пришлось убѣдиться, что у нихъ было гораздо менѣе, какъ нравственно, такъ и физически испорченныхъ дѣтей. Онъ составилъ планъ, по которому намѣревался устроить при одномъ изъ соляныхъ источниковъ заведеніе для больныхъ дѣтей. Іодъ считается лучшимъ средствомъ для исцѣ-

Digitized by Google

ленія страждущихъ нечистотой крови, чему почти исключител
подверженъ богатый классъ людей. Кнопфъ все надѣялся вст
тить подругу, которая согласилась бы сопровождать его къ
лебнымъ источникамъ, а пока все по прежнему оставался в
менным учителемъ, преимущественно дѣвочекъ.

Греческая и римская миѳологія занимали главное мѣсто
его преподаваніи, и онъ находилъ весьма важнымъ, чтобъ мо
дая дѣвушка образованнаго круга знала ее безошибочно. Но л
бимымъ его занятіемъ было толкованіе поэтовъ, особенно рома
тической школы. Само собой разумѣется, что онъ тоже бы
поэтомъ, но въ высшей степени скромнымъ. Въ столицѣ бо
шая часть альбомовъ, — всѣ молодыя дѣвушки любятъ заводи
альбомы, которые онѣ, впрочемъ, очень скоро забрасываютъ, -
была украшена сонетами, написанными красивымъ почеркомъ,
еще чаще тріолетами, которые Эмиль Кнопфъ посвящалъ т
или другой изъ своихъ любезныхъ воспитанницъ. Онъ зналъ м
зыку настолько, чтобъ помогать своимъ ученицамъ въ пригото
вленіи ихъ уроковъ на фортепіано. Въ живописи онъ тоже имѣл
кое-какія свѣдѣнія и съ особенной любовью рисовалъ цвѣты.

Если случалось одной изъ воспитанницъ Кнопфа выходи
замужъ, никто лучше его не умѣлъ устраивать игръ и увесели
ній для дѣвичника. Онъ съ особеннымъ искусствомъ приготовлял
аллегорическія сцены изъ говорящихъ цвѣтовъ, при чемъ каж
дая дѣвушка выбираетъ какой-нибудь цвѣтокъ и объявляетъ: «
роза», или «я фіалка». Кромѣ того, онъ придумывалъ разны
шутки и смѣшныя забавы. Пока на сценѣ актеры въ разноо
разныхъ костюмахъ декламировали и составляли прелестны
группы, Кнопфъ засѣдалъ въ суфлерской будкѣ и подсказывал
имъ, что говорить. На такого рода празднествахъ онъ всегд
бывалъ очень веселъ и добродушно кивалъ головой, когда тот
или другой изъ присутствующихъ наизусть или по запискѣ им
же, Кнопфомъ, составленной, провозглашали тосты.

Эмиль Кнопфъ былъ однимъ изъ способнѣйшихъ людей в
мірѣ. Онъ гордился тѣмъ, что никогда не предлагалъ своих
услугъ печатно черезъ газеты, но рекомендація о немъ перехо
дила постоянно изъ устъ въ уста и даже не иначе, какъ из
прекрасныхъ устъ въ другія, столь же прекрасныя. Матери на
перерывъ хвалили его, а отцы съ улыбкой приговаривали: «да
Кнопфъ весьма свѣдущій учитель». Если ему случалось попадат
въ домъ, гдѣ не любили сигаръ, онъ вмѣсто того, чтобъ курит
съ такимъ же точно удовольствіемъ жевалъ зернышки жаренаг
кофе. Онъ нюхалъ табакъ, но въ тихомолку, когда бывалъ одинъ
и всегда носилъ при себѣ два носовые платка, одинъ пестрый

Digitized by Google

с другой — бѣлый, для того, чтобъ никто не замѣтилъ его слабости. Но была у него одна и такая привычка, отъ которой онъ никакъ не могъ отдѣлаться, а именно, онъ то и дѣло потягивалъ къ верху свои панталоны, какъ будто они ежеминутно готовились у него свалиться.

Но все это еще не доказываетъ, будто судьба предназначала Кнопфа исключительно къ тому, чтобъ онъ былъ постоянно только временнымъ учителемъ или чѣмъ-то въ родѣ педагогической няньки. Пока въ домѣ нужда или болѣзнь, туда непремѣнно приглашаютъ Кнопфа, но лишь все окончится, придетъ въ порядокъ, его тотчасъ же отпускаютъ, правда съ ласковыми, задушевными словами, но тѣмъ не менѣе отпускаютъ.

Четырнадцать семестровъ, — Кнопфъ считаетъ время не иначе, какъ семестрами, — провелъ онъ въ столицѣ, и въ теченіи этого времени постоянно собирался купить въ большомъ количествѣ сигаръ, которыя приходились бы ему по вкусу, но никогда не могъ на это рѣшиться. Въ продолженіи четырнадцати семестровъ, онъ недѣлю за недѣлей все курилъ пробныя сигары, освѣдомлялся, что̀ стоитъ тысяча, но ни разу не купилъ ихъ столько.

Кнопфъ былъ отъ природы очень неловокъ, но посредствомъ упражненія достигъ того, что выучился отлично плавать и сдѣлался отличнымъ гимнастомъ. Онъ даже одно время занималъ должность помощника учителя гимнастики. Пребываніе его на двухъ мѣстахъ за городомъ, гдѣ такъ трудно бываетъ достать настройщика, побудило его выучиться самому настраивать фортепіано. Но онъ это дѣлалъ обыкновенно только въ томъ домѣ, гдѣ жилъ. Многіе утверждали, будто онъ умѣетъ также вязать чулки и шить бѣлье, но это чистая клевета. За то онъ мастерски штопалъ чулки, хотя никто никогда не видалъ его за этимъ дѣломъ, такъ какъ онъ занимался имъ исключительно для себя и втайнѣ.

Къ Зонненкампу Кнопфъ поступилъ тоже въ качествѣ временного учителя, хотя сначала все и обѣщало ему здѣсь болѣе продолжительное пребываніе и обезпеченную будущность. Онъ страстно привязался къ Роланду, и хотя тотъ ничему у него не учился, онъ часто говаривалъ школьному учителю Фасбендеру, съ которымъ успѣлъ подружиться:

— Боги тоже ничему не учились, но все умѣли. Кто можетъ назвать учителя музыки Аполлона, у какого оберъ-кельнера бралъ уроки Ганимедъ? Талантливыя натуры все находятъ въ самихъ себѣ и не имѣютъ нужды чему-либо учиться. Мы, со всѣмъ нашимъ знаніемъ, уроды, и подчиняемся тиранніи четырехъ факультетовъ, но жизнь вѣдь не квадратъ.

Digitized by Google

Таковъ «нашъ другъ Кнопфъ», и этимъ именемъ называю
его во всѣхъ лучшихъ домахъ здѣшней мѣстности.

Кнопфъ пересталъ, наконецъ, играть на флейтѣ. Онъ сидѣлъ
листкомъ пергамента на колѣняхъ и, то смотрѣлъ на растилавшій
передъ нимъ ландшафтъ, то поспѣшно писалъ нѣсколько слов
и опять, взявъ карандашъ въ зубы, погружался въ размышлені
отыскивая новый оборотъ рѣчи.

Съ горы виднѣлась дорога, которая изъ деревни вела через
виллу въ сосѣднее мѣстечко. Вдругъ на ней показался всадникъ
Кнопфъ быстро спряталъ флейту въ палку, сунулъ въ карман
записную книжку и поспѣшно началъ спускаться съ виноградно
горы на большую дорогу.

— Кто такимъ молодцомъ сидитъ на лошади, тотъ и ест
настоящій для него наставникъ, сказалъ Кнопфъ и снялъ шляпу
Всадникъ въ отвѣтъ на его поклонъ кивнулъ ему головой.

ГЛАВА VIII.

ПРОГУЛКА НА СВОБОДѢ.

Всадникъ быстро приближался и вскорѣ остановился близ
Кнопфа. Тотъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на изящнаго молодог
человѣка и былъ до такой степени пораженъ его наружностью
что не могъ произнести ни слова. Эрихъ первый заговорилъ:

— Я имѣю честь видѣть передъ собой моего коллегу, гос
подина Кнопфа?

— Точно такъ.

Эрихъ быстро соскочилъ съ лошади и подалъ Кнопфу руку

— Я вамъ очень благодаренъ, началъ снова Эрихъ, и съ каж
дымъ словомъ, что онъ произносилъ, съ каждымъ новымъ зву
комъ его голоса, лице Кнопфа становилось все болѣе и болѣ
сіяющимъ, а углубленія и выпуклости на немъ дѣлались еще за
мѣтнѣе.

— Я самъ, продолжалъ Эрихъ: — намѣревался васъ въ ско
ромъ времени посѣтить, но выжидалъ только, чтобъ созрѣли мои
собственныя наблюденія.

— Весьма справедливо, одобрилъ Кнопфъ: — всякое чужо
мнѣніе невольно порождаетъ предубѣжденіе.

Кнопфъ все съ возрастающимъ изумленіемъ смотрѣлъ на
Эриха и наконецъ сказалъ такимъ тономъ, какъ будто призна
вался въ любви:

— Я очень радъ видѣть васъ такимъ молодцемъ. Не смѣй

Digitized by Google

тесь, и онъ покачалъ головой: — это весьма важная заслуга въ глазахъ ихъ всѣхъ, а въ особенности Роланда. Спартанцы придерживались мудраго, хотя и жестокаго правила: они не позволяли жить безобразнымъ дѣтямъ. И дѣйствительно, всѣ люди должны бы быть красивыми.

Эрихъ положилъ Кнопфу на плечо руку. Въ немъ боролось удивленіе съ желаніемъ смѣяться, но первое было сильнѣе и одержало верхъ. Человѣкъ, до такой степени некрасивый какъ Кнопфъ, долженъ былъ многое въ себѣ переработать, чтобъ быть въ состояніи произносить такія рѣчи. Идя рядомъ съ нимъ по дорогѣ въ деревню, Эрихъ замѣтилъ Кнопфу, что онъ напрасно не рѣшался придти къ нему на виллу. Онъ засталъ бы его тамъ совершенно одного, такъ какъ все семейство вмѣстѣ съ Пранкеномъ уѣхало въ монастырь за Манной.

— Бѣдная дѣвушка! воскликнулъ Кнопфъ. — Знаете ли, я на своемъ вѣку переучилъ болѣе пятидесяти молодыхъ дѣвушекъ. Всѣ они были очень милыя и красивыя созданья, и что же: едва ли половина... да нѣтъ, куда половина, развѣ третья часть изъ нихъ вышла замужъ такъ, какъ бы я могъ того пожелать. Могу сказать, по совѣсти, что я никогда ничего слышаннаго и видѣннаго въ одномъ домѣ не переносилъ въ другой. А не легко мнѣ это иногда бывало! Матери всегда желаютъ знать, что̀ тамъ-то и тамъ-то дѣлается, но я имъ никогда ничего не разсказывалъ. «Что ко мнѣ принесешь, то опять съ собой унесешь», говаривала моя матушка. Я тоже усвоилъ себѣ ея правило и не могу сказать, чтобъ мнѣ отъ этого бывало дурно.

Эрихъ находилъ искреннее удовольствіе въ бесѣдѣ съ этимъ простодушнымъ человѣкомъ и поспѣшилъ прогнать отъ себя мысль о Пранкенѣ и объ его богатой невѣстѣ. Что̀ ему за дѣло до этой молодой дѣвушки?

Онъ оставилъ лошадь въ деревенскомъ трактирѣ и послѣдовалъ за Кнопфомъ на вершину горы, подъ тѣнистую липу, гдѣ тотъ намѣревался высказать ему свое мнѣніе о Роландѣ.

— Прежде всего, началъ Кнопфъ, я хочу, какъ ребенокъ, разсказать вамъ о моемъ послѣднемъ опытѣ и о моемъ послѣднемъ горѣ. Вѣдь вы не спѣшите, у васъ есть время? Признаюсь, ничто меня такъ не сердитъ въ людяхъ нашего времени, какъ ихъ постоянная торопливость.

Эрихъ его успокоилъ, сказавъ, что можетъ располагать всѣмъ днемъ.

— Итакъ, разсказывайте, прибавилъ онъ.

— Я испыталъ мое послѣднее горе сегодня, во время прогулки на горѣ, близъ лѣсной часовни. Было свѣжо, на травѣ

Digitized by Google

еще не высохла роса, птицы пѣли, не пугаясь шума, долетавшаго туда со станціи желѣзной дороги, расположенной внизу. Природа замкнута въ самой себѣ, и во время весны, этой поры любви, остается особенно равнодушной ко всему, что̀ не она сама. Но я не объ этомъ хотѣлъ съ вами говорить, — перебилъ онъ самъ себя, и положилъ руку на записную книжку, въ которой заключалось стихотвореніе такого точно содержанія.—Итакъ, къ дѣлу. Гуляя около часовни, я услышалъ дѣтскіе голоса, свѣжіе и звонкіе, между которыми особенно выдавался одинъ необыкновенно-мягкій и нѣжный. Вскорѣ на скатѣ горы показалась прелестная дѣвушка.... извините, я послѣ узналъ, что она хороша собой, но въ ту минуту не могъ этого видѣть, потому что во время ходьбы снялъ очки. Когда я ихъ надѣлъ, мнѣ прежде всего бросились въ глаза бѣлыя, круглыя руки. Молодая дѣвушка меня замѣтила и, повидимому, испугалась, такъ какъ схватила за руку своего старшаго брата, мальчика лѣтъ тринадцати. Другіе два, поменьше, шли около нея. Проходя мимо, я поклонился, дѣвушка мнѣ отвѣчала чуть слышно, но мальчики громко произнесли: «Добраго утра». Я долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ, потомъ вернулся къ часовнѣ. Тишина и порядокъ, царствующіе въ этомъ уединеніи, эти сосуды, образа, свѣтильники, этотъ почтеннаго вида священнодѣйствующій, — все вызываетъ въ васъ чувство глубокаго благоговѣнія. Невозможно, чтобъ человѣкъ, который такимъ образомъ преклоняетъ колѣни и воздѣваетъ руки къ небу, притворялся бы и рѣшительно ничего не ощущалъ въ сердцѣ. Онъ былъ бы тогда хуже всякаго преступника, содержимаго въ тюрьмѣ. Отъ проповѣди здѣсь, конечно, нечего было ожидать, но — повѣрите ли? — я хотѣлъ только одного: еще разъ взглянуть на молодую дѣвушку. Впрочемъ, я тутъ же устыдился самого себя и на цыпочкахъ вышелъ изъ часовни. Вслѣдъ за тѣмъ во мнѣ умерло всякое личное ощущеніе, и тогда-то меня посѣтило большое горе.

— Какое?

— Горе, происходящее отъ нашей свободы. Дѣвушка, едва покинувшая школьную скамью, съ тремя младшими братьями идетъ въ лѣсную часовню, куда ее призываетъ звонъ колокола. Представьте себѣ, что̀, еслибъ эти четверо людей не имѣли такой прекрасной, опредѣленной цѣли для своей утренней прогулки? То была бы просто прогулка безъ всякаго смысла и значенія, безъ всякихъ послѣдствій. Но молодые люди входятъ въ храмъ, гдѣ звучитъ органъ, ихъ голоса сливаются въ священныхъ гимнахъ, на душѣ у нихъ становится легко и отрадно, и они возвращаются домой освѣженные и укрѣпленные духомъ

Digitized by Google

Съ другой стороны, тамъ, наверху, совершается богослуженіе, независимо отъ того, явится кто-нибудь его слушать, или нѣтъ. Здѣсь — ничего похожаго на приходъ, ничего, что̀ свидѣтельствовало бы о степени развитія паствы или говорило о характерѣ человѣка, стоящаго во главѣ ея. Богослуженіе идетъ своимъ порядкомъ и, подобно вѣчной природѣ, не заботится о томъ, на кого какое оно произведетъ впечатлѣніе. Всякій пришедшій безразлично можетъ въ немъ участвовать, и никто не спрашиваетъ у другого, откуда онъ? Еслибъ я могъ вдругъ увѣровать, то непремѣнно принялъ бы или католическую, или древнюю іудейскую вѣру. Что такое въ сущности жизнь подобныхъ намъ? Прогулка на свободѣ, безъ препятствій, но и безъ опредѣленной цѣли. Вамъ должно быть понятно, почему это меня печалитъ: я не могу ни измѣниться, ни принудить себя быть болѣе положительнымъ. Подобно мнѣ, не можетъ этого достигнуть и все современное мнѣ поколѣніе. А между тѣмъ, надо же и намъ до чего-нибудь дойти. Жизнь наша не можетъ быть простой прогулкой; она непремѣнно должна привести насъ къ какой-нибудь вѣрной, родной, для всѣхъ людей одинаковой нравственной цѣли. Ахъ, еслибъ я могъ ее уразумѣть и найти ей имя, а вмѣстѣ со мной и милліоны томящихся жаждой истины душъ! И знаете ли, сказалъ въ заключеніе Кнопфъ, — я все время думалъ о васъ и о Роландѣ. Вѣдь вы меня понимаете, не правда ли?

— Еще не вполнѣ.

— И не мудрено: я слишкомъ удалился отъ предмета. Постараюсь говорить проще и короче. Вотъ въ чемъ заключается моя мысль: куда вы думаете вести Роланда? — Къ свободѣ? Но что̀ онъ съ ней сдѣлаетъ? Что̀ онъ въ ней найдетъ, что̀ отъ нея получитъ? Что̀ его будетъ связывать и манить въ жизни? А въ этомъ-то и состоитъ вся трудность задачи. Религія, та крѣпость, въ которую намъ предстоитъ ввести богатаго юношу, не имѣетъ ни крыши, ни стѣнъ, ни образовъ, ни пѣнія.... вотъ въ чемъ дѣло! Понимаете ли вы меня теперь?

— Какъ нельзя лучше, сказалъ Эрихъ и взялъ Кнопфа за руку.—Вы точно вынимаете у меня изъ глубины души мои собственныя мысли. Но я надѣюсь, что намъ удастся выработать въ человѣкѣ, воспитаніемъ котораго мы займемся, стойкость, независимую отъ опоры, какую предлагаетъ религія. Мы съ вами развѣ не имѣемъ этой стойкости?

— Я думаю.... нѣтъ, я знаю, что имѣемъ. Благодарю васъ, вы дѣлаете меня вполнѣ счастливымъ! воскликнулъ Кнопфъ. Ахъ, какъ чудесно устроенъ міръ! Вотъ мы съ вами сидимъ на горѣ и смотримъ вдаль, ожидая знаменія, слова, которое обно-

Digitized by Google

вило бы наше бытіе, — и что же? Оно является, но не извнѣ, а изъ насъ самихъ. Что же касается до Роланда, то у него прекрасная натура, не смотря на то, что ее всячески старались испортить; въ немъ странное соединеніе смѣлости и упорства съ необыкновенной мягкостью. У него много хорошихъ побужденій, но молодость не умѣетъ отдавать себѣ отчета въ своихъ чувствованіяхъ, — да въ противномъ случаѣ она и не была бы молодостью. Въ Роландѣ много самыхъ разнообразныхъ элементовъ, но мы, взрослые, не понимаемъ дѣтскаго сердца. Вспомнивъ наше собственное дѣтство, мы увидимъ, что никогда не были вполнѣ поняты даже лучшими изъ людей. Но вамъ это удастся, вы къ этому призваны.

— Я?

— Да, вы. Міръ управляется и связывается въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ по обширному, непостижимому плану. Въ жизни существуетъ чудесный законъ, — назовите его Провидѣніемъ или судьбой, — въ силу котораго человѣкъ, подобный вамъ, проходитъ чрезъ различныя званія и положенія въ свѣтѣ, вооружается опытомъ и знаніемъ — и все это единственно затѣмъ, чтобы явиться сюда въ полномъ величіи и блескѣ красоты. Не качайте головой и не мѣшайте мнѣ говорить. Отрадно думать, что таинственная сила, называемая нами Богомъ, привела васъ сюда для того, чтобъ воспитать человѣка, одареннаго красотой Аполлона, и вся задача въ жизни котораго должна состоять исключительно въ томъ, чтобъ быть красивымъ и изящно мыслить и чувствовать. Я дурно велъ Роланда, потому что началъ сѣять, не освѣдомясь прежде, вспахана ли земля. Сегодня утромъ, увидя человѣка, взрывавшаго въ виноградникѣ землю, я подумалъ: это Коперникъ.

— Коперникъ? съ удивленіемъ спросилъ Эрихъ.

— Поймите меня, какъ слѣдуетъ. Кто, остроконечной палкой выкапывая изъ земли кости и камни, чтобъ потомъ бросать въ нее сѣмена, первый началъ ворочать землю, — тотъ былъ отцемъ нашей культуры, подобно Копернику, который первый нашелъ, что вся наша планета вертится.

— Но что, по вашему мнѣнію, слѣдуетъ сдѣлать изъ Роланда? спросилъ Эрихъ, стараясь вернуть Кнопфа къ главному предмету ихъ разговора.

— Что изъ него сдѣлать? Изящнаго человѣка. Я считаю ложной систему, которая, стремясь развить въ людяхъ добрыя чувствованія, постоянно указываетъ имъ на различнаго рода бѣдствія и страданія. Это дѣлаетъ ихъ сантиментальными, слабыми, склонными къ мечтательности. Греки держались иной

Digitized by Google

системы, находя, что энергія, веселость и увѣренность въ самомъ себѣ составляютъ настоящую силу. Наша теперешняя добродѣтель болѣе не сила, а какое-то разслабленное состояніе, не что иное, какъ постоянное щипанье корпіи. Знаете ли, продолжалъ Кнопфъ,—по моему, только тотъ настоящій человѣкъ, кто никогда не держалъ экзамена. У насъ, въ Европѣ, подобный родъ людей совсѣмъ вывелся. Мы всѣ родимся для экзамена. Величіе грековъ въ томъ и состояло, что у нихъ не было экзаменаторскихъ коммиссій. Платонъ не получилъ ни одной ученой степени. Нынѣче въ Америкѣ оживаетъ древняя Греція: тамъ тоже нѣтъ экзаменовъ.

— Не вездѣ, перебилъ его Эрихъ.

— Да, продолжалъ Кнопфъ, Роландъ будетъ неэкзаменованнымъ человѣкомъ. Онъ ничему не долженъ учиться съ тѣмъ, чтобъ послѣ его объ этомъ спрашивали. Почему новѣйшій человѣкъ непремѣнно долженъ быть чѣмъ-нибудь? Civis romanus sum — этого достаточно для всѣхъ вообще.

Эрихъ снова попытался вернуться къ главному предмету.

— Не можете ли вы мнѣ сказать, какое званіе годилось бы для Роланда? спросилъ онъ.

— Званіе! званіе! Лучшее, чему человѣкъ можетъ научиться, не входитъ въ составъ уроковъ, распредѣляемыхъ по часамъ, и за это лучшее не платятъ денегъ въ школы. Распредѣленіе людей по званіямъ, которыми мы такъ гордимся, въ сущности — филистерское тиранство, добродѣтель, порожденная нуждой. Натуры низшаго разряда платятъ тѣмъ, что онѣ дѣлаютъ, — болѣе высокія тѣмъ, что въ нихъ есть. Прекрасный, свободно-живущій человѣкъ украшаетъ человѣчество и тѣмъ самымъ оказываетъ ему добро. Я всячески старался сохранить въ Роландѣ наивность богатства. Мы не для того здѣсь живемъ, чтобъ исключительно заниматься дѣлами милосердія. Не всѣ обязаны служить: заботиться о собственномъ усовершенствованіи тоже своего рода — и высокое назначеніе. Я весьма уважаю изрѣченіе Цицерона, которое гласитъ: «Кто ничего не дѣлаетъ, тотъ свободный человѣкъ». Свободный человѣкъ — это человѣкъ праздный.

Къ удивленію Кнопфа оказалось, что Эрихъ тоже былъ хорошо знакомъ съ этимъ мѣстомъ изъ Цицерона. Онъ сталъ оспаривать мнѣніе Кнопфа, доказывая, будто Цицеронъ имѣлъ въ виду сказать только, что тотъ не свободный человѣкъ, кто не въ состояніи иногда ничего не дѣлать: non aliquando nihil agit. Далѣе, приведя слова нѣмецкаго поэта о возможности прекраснаго существованія безъ дѣла и труда, Эрихъ замѣтилъ, что поэтъ, по его мнѣнію, заблуждается. Между тѣмъ ему очень

Digitized by Google

хотѣлось выдти изъ круга этихъ общихъ разсужденій. Какое значеніе могли имѣть такого рода толки о судьбѣ человѣчества въ устахъ двухъ людей, которые впервые сошлись на вершинѣ горы?

Кнопфъ тоже спохватился, что слишкомъ далеко зашелъ въ своихъ мудрствованіяхъ и поспѣшилъ сказать:

— Вамъ бы слѣдовало удалить Роланда изъ дому.

— Это дѣйствительно было бы всего лучше, но вамъ извѣстно, что это невозможно.

— Такъ, такъ. Знаете ли, какой еще вопросъ меня мучилъ: нельзя ли заставить Роланда думать, что онъ бѣденъ,—но (если допустить, что отрицаніе можетъ имѣть сравнительную степень) это оказалось еще невозможнѣе. Я читалъ «Эмиля» Жанъ-Жака Руссо и пришелъ къ убѣжденію, что въ немъ много дѣльнаго. Изучалъ я также приписываемое Платону сочиненіе о богатствѣ и кромѣ того нашелъ у Аристофана мудрыя замѣчанія о бѣдности и о богатствѣ. Если вы когда-нибудь меня навѣстите въ Маттенгеймѣ, то я вамъ все это подробнѣе изложу.

Эрихъ старался угадать причину, по которой Кнопфъ оставилъ домъ Зонненкампа. Самъ Кнопфъ, не распространяясь объ этомъ много, только далъ ему понять, что Роланда вовлекъ въ какой-то проступокъ французскій камердинеръ Арманъ, вслѣдствіе чего тотъ и былъ немедленно удаленъ изъ дому. Затѣмъ Кнопфъ еще разсказалъ, какъ онъ хотѣлъ, но долго не рѣшался повидаться съ Эрихомъ. Наконецъ ужъ Вейдеманъ угадалъ въ немъ это желаніе по глазамъ и посовѣтовалъ ему его исполнить. Эрихъ съ своей стороны обѣщался въ скоромъ времени побывать въ Маттенгеймѣ, а пока Кнопфъ въ восторгѣ слушалъ разсказы о прилежаніи Роланда и о его привязанности къ своему новому наставнику. Эрихъ между прочимъ упомянулъ и о томъ, какъ онъ намѣревался дѣйствовать на мальчика посредствомъ чтенія біографіи Франклина. Такимъ образомъ, говорилъ онъ, Роландъ не только пріобрѣтетъ себѣ идеалъ въ жизни, но еще, слѣдя за постепеннымъ ходомъ развитія Франклина, долженъ будетъ сознать все собственное несовершенство, какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ, а затѣмъ у него, конечно, явится и желаніе пополнить всѣ пробѣлы, какіе онъ въ себѣ замѣтитъ.

— Знаете ли, воскликнулъ Кнопфъ вскакивая: — знаете ли, что̀ можетъ сдѣлать человѣка еще счастливѣе, чѣмъ когда онъ бываетъ въ состояніи, подобно Архимеду, воскликнуть: «Я нашелъ»? Это возможность сказать: «ты нашелъ»! Да, вы нашли! говорилъ Кнопфъ, немилосердо дергая себя за панталоны. Ему хотѣлось обнять Эриха, но онъ не смѣлъ.

Когда же Эрихъ разсказалъ ему, какъ его навели на эту

Digitized by Google

мысль замѣтки, сдѣланныя на книгѣ его отцемъ, восторгу Кнопфа не было границъ.

— Да будетъ благословенъ твой отецъ! воскликнулъ онъ:— Слава вѣчному духу! О міръ, какъ ты великъ и прекрасенъ! Теперь мы знаемъ, куда идетъ гуляющій по свѣту человѣкъ. Онъ стремится сдѣлаться свободнымъ, какъ Веньяминъ Франклинъ. Здѣсь, на берегахъ Рейна, два человѣка съ горной вершины привѣтствуютъ тебя въ вѣчности!.... Ахъ, простите, сказалъ онъ потомъ: и не думайте, чтобъ я часто приходилъ въ такой экстазъ. Но, капитанъ, если вы когда-нибудь пожелаете, чтобъ я совершилъ какое-нибудь очень трудное дѣло, — напомните мнѣ объ этомъ часѣ, и вы увидите, на что́ я способенъ!

Эриху пришла счастливая мысль попросить Кнопфа, чтобъ онъ ему разсказалъ о своей ученицѣ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, началъ Кнопфъ:—родители дѣвочки прислали ее въ Германію потому, что ей тамъ, въ странѣ свободы, угрожала опасность утратить свою нравственную независимость. Докторъ Фрицъ и его жена отличаются свободнымъ образомъ мыслей въ вопросахъ, касающихся религіи, но въ тоже время они слывутъ образцемъ честности и благородства. Они отдали свою дочь учиться въ англійскую школу. Не прошло и полугода, какъ дѣвочка начала уговаривать родителей вернуться въ лоно церкви и выражать свое намѣреніе сдѣлаться пресвитеріанкой. Она плакала и грустила, говоря, что ее несказанно тревожитъ мысль о невѣріи родителей. Не правда-ли, какое странное явленіе? Вотъ родители и вздумали отправить дѣвочку въ Германію, гдѣ и помѣстили ее въ самый лучшій домъ, какой только могли найти.

Кнопфъ вынулъ изъ кармана письмо отъ доктора Фрица, который, въ качествѣ представителя нѣмецкой честности и гуманности въ Новомъ-Свѣтѣ, усердно трудился надъ искорененіемъ зла, постыднымъ пятномъ лежащемъ на человѣчествѣ,—а именно надъ уничтоженіемъ невольничества. Докторъ Фрицъ прислалъ наставнику своей дочери подробную и въ высшей степени безпристрастную характеристику маленькой дѣвочки. Онъ между прочимъ дѣлалъ нѣкоторыя указанія на счетъ того, какъ, по его мнѣнію, слѣдовало ее вести. Къ письму была приложена фотографическая карточка доктора Фрица. Она изображала человѣка плотнаго сложенія, съ курчавыми бѣлокурыми волосами и густой бородой. Лице его поражало своей моложавостью и какимъ-то идеальнымъ, какъ-бы вдохновеннымъ выраженіемъ.

Кнопфъ подъ большимъ секретомъ сообщилъ Эриху еще одно обстоятельство. Дѣвочка, во время своего пребыванія въ Новомъ-

Digitized by Google

Свѣтѣ, постоянно жила въ заколдованномъ кругу сказочнаго міра Гримма. Во время ея путешествія съ ней случилось что-то странное, чего онъ, Кнопфъ, не умѣлъ себѣ объяснить, не зная, было ли то дѣйствительное происшествіе или ничто иное, какъ игра ея фантазіи.

— Дѣвочку зовутъ Лиліаной, говорилъ Кнопфъ: а вы знаете, что по-англійски ландышъ называютъ лиліей долины—the lily of the valley. Оказывается, что дѣвочка имѣла какое-то видѣніе въ лѣсу, которое, не зная ея имени, подарило ей цвѣтокъ ландыша. Въ ея бѣлокурой головкѣ возникла по этому поводу чудесная сказка: она не перестаетъ съ тѣхъ поръ увѣрять, что видѣла лѣсного принца.

— Вы должно быть сами поэтъ, сказалъ Эрихъ, и Кнопфъ невольно сунулъ руку въ боковой карманъ, какъ бы опасаясь, что у него похитили его записную книжку.

— Я себѣ дѣйствительно иногда позволяю писать стихи, отвѣчалъ Кнопфъ. — Но, будьте спокойны, я ими до сихъ поръ еще не терзалъ ничьего слуха.

Эрихъ отъ души полюбилъ этого съ виду холодного и сухого, но на дѣлѣ въ высшей степени мечтательнаго человѣка.

Въ деревнѣ ударилъ колоколъ, и Эрихъ сказалъ:

— Теперь пойдемте и познакомьте меня съ школьнымъ учителемъ.

ГЛАВА IX.

АНТОНІЙ.

Школьный учитель былъ человѣкъ чопорный, строго державшійся формальностей. Посѣщеніе капитана онъ счелъ за большую для себя честь. Немного спустя, всѣ трое сидѣли въ деревенской гостинницѣ, и учитель разсказывалъ исторію своей жизни.

Ему было уже шестьдесятъ четыре года, но видъ онъ имѣлъ еще свѣжій и бодрый. Къ сожалѣнію, столь распространенное между сельскими учителями недовольство своей судьбой, въ его жизни, имѣло еще особенное основаніе. Со смѣсью гордости и горечи говорилъ онъ, что у него есть сынъ, занимающійся на цементной фабрикѣ молодого Вейдемана, гдѣ онъ, не смотря на то, что ему всего двадцать одинъ годъ, получаетъ двойное содержаніе противъ того, какимъ пользуется его отецъ послѣ тридцатилѣтней службы. Всѣхъ сыновей у школьнаго учителя было

Digitized by Google

четыре, но онъ не хотѣлъ, чтобы хотя одинъ изъ нихъ шелъ по его стопамъ. Второй его сынъ занимался торговлей, а старшій предпринималъ различныя постройки въ Америкѣ.

— Да, воскликнулъ онъ: быть сельскихъ учителей не улучшится, доколѣ они не согласятся на стачку и не прекратятъ всѣ разомъ своихъ занятій.

— Остались ли бы вы школьнымъ учителемъ, спросилъ Эрихъ, еслибъ у васъ безъ того были средства къ существованію?

— Нѣтъ.

— И никогда бы не взяли на себя этой должности?

— Я думаю, что нѣтъ.

— Бѣда въ томъ, замѣтилъ Кнопфъ: что богатство постоянно и не безъ основанія ссылается на то, что не имѣетъ права искоренять бѣдности, чрезъ которую родится и процвѣтаетъ въ мірѣ прекрасное и великое. Нужда заставляетъ людей стремиться къ идеалу и къ добродѣтели. Видите ли, капитанъ и мой коллега, Зонненкампъ, человѣкъ съ широкимъ взглядомъ на вещи, а и тотъ говоритъ: «Я не могу принимать участія во всѣхъ существованіяхъ, группирующихся вокругъ меня, и не хочу, чтобъ Роландъ о нихъ много думалъ, иначе его собственная жизнь пропадетъ даромъ. Онъ не будетъ тогда въ состояніи выѣхать на прогулку безъ того, чтобъ не имѣть постоянно въ мысляхъ того или другого изъ бѣдствій, разсѣянныхъ въ мірѣ». Вотъ тутъ опять выступаетъ на сцену наша загадка. Какъ можетъ человѣкъ въ одно и тоже время быть богатымъ и имѣть идеальный взглядъ на вещи? Мы, учителя—хранители идеализма. Смотрите, здѣсь, надъ всѣми этими деревнями высятся двѣ башни,—одна видимая, а другая невидимая: вторую именно и составляетъ идеализмъ сельскаго учителя, который сидитъ въ кругу дѣтей. Я васъ уважаю за то, что вы тоже сдѣлались учителемъ.

Эрихъ былъ непріятно пораженъ. Въ глубинѣ души его таилось самолюбіе, которое страдало отъ того, что его ставили на одну ногу съ школьнымъ учителемъ. Однако онъ поспѣшилъ подавить въ себѣ это чувство и остался доволенъ тѣмъ, что ему удалось его скрыть. Онъ попросилъ сельскаго учителя продолжать разсказъ о его прошлой жизни.

Учитель былъ хорошій математикъ и когда-то, давно, служилъ въ таможнѣ, но по заключеніи таможеннаго союза лишился мѣста. Года два онъ кое-какъ перебивался, а затѣмъ рѣшился сдѣлаться школьнымъ учителемъ и вскорѣ удачно женился, то-есть взялъ за женой приданое, которое и дало ему возможность хорошо воспитать сыновей.

Между тѣмъ насталъ вечеръ. Эрихъ, прощаясь съ учителемъ,

Digitized by Google

обѣщался ему употребить его въ дѣло при воспитаніи Роланда. Кнопфъ проводилъ Эриха часть дороги, а тамъ уговорилъ его сѣсть на лошадь. Самъ онъ еще долго смотрѣлъ вслѣдъ уѣзжающему, пока тотъ не скрылся за поворотомъ дороги, а его толстыя губы все время не переставали что-то шептать.

На возвратномъ пути Эрихъ, къ собственному своему удивленію, думалъ не столько о Роландѣ, сколько о Маннѣ, которая должна была въ тотъ же вечеръ пріѣхать. Его неотступно преслѣдовала повѣсть о домашнемъ учителѣ, который влюбляется въ богатую хозяйскую дочь. Жестокосердый богатый отецъ выгоняетъ его изъ дому. Онъ стоитъ передъ ярко-освѣщенными окнами, слышитъ музыку: то празднуется свадьба его возлюбленной съ однимъ очень знатнымъ негодяемъ. Вдругъ раздается пистолетный выстрѣлъ.... нѣтъ, надо избрать другой болѣе практическій родъ смерти. Тутъ Эрихъ поспѣшилъ прогнать отъ себя подобнаго рода мысли и принялъ твердую рѣшимость держаться на далекомъ и почтительномъ разстояніи отъ хозяйской дочери.

Когда Эрихъ вернулся на виллу, тамъ уже стояли экипажи. Зонненкампъ сдѣлалъ ему выговоръ за то, что у него не хватило любезности посидѣть дома и подождать ихъ возвращенія, или по крайней мѣрѣ замѣтить часъ, въ который они намѣревались вернуться. Послѣ всего передуманнаго и переговореннаго съ Кнопфомъ, сознаніе собственнаго зависимаго положенія охватило Эриха съ новой силой. Но, подумалъ онъ, цѣль этого пріема можетъ быть только дать мнѣ урокъ на счетъ того, какъ я долженъ держать себя въ отношеніи къ Маннѣ. Выговоръ Зонненкампа онъ оставилъ безъ возраженія и пошелъ къ Роланду, который бросился къ нему на шею, восклицая:

— Ахъ, съ тобой только и хорошо, всѣ другіе....

— Не говори о другихъ, остановилъ его Эрихъ. Но онъ не могъ его вполнѣ удержать, и мальчикъ распространился о дурномъ расположеніи духа его родителей по случаю того, что Манна отказалась съ ними вернуться домой. Эрихъ вздохнулъ свободнѣе. Роландъ между тѣмъ разсказалъ еще, что Белла на возвратномъ пути разсталась съ ними въ мѣстечкѣ, гдѣ находится заведеніе минеральныхъ водъ. Она получила отъ графа Клодвига депешу, которою тотъ увѣдомлялъ, что будетъ ее тамъ ожидать.

— Но что намъ за дѣло до другихъ! вдругъ воскликнулъ Роландъ. — Знаешь ли, ты тоже находишься въ монастырѣ, я это и Маннѣ сказалъ. Ты какъ двѣ капли воды похожъ на св. Антонія въ монастырской церкви. Нѣтъ, ты не смѣйся! Еслибъ онъ могъ смѣяться, то непремѣнно смѣялся бы такъ какъ ты,

Digitized by Google

а смотритъ онъ точь-въ-точь, какъ теперь ты на меня. Манна разсказала мнѣ легенду о святомъ Антоніѣ. Онъ однажды усердно молился въ пустынѣ, и вдругъ у него на рукахъ очутился младенецъ Іисусъ. Съ какою любовію и благоговѣніемъ онъ на него смотритъ!

Эрихъ вздрогнулъ. Ему также въ руки была отдана жизнь чистаго ребенка: достоинъ ли онъ его принять и можетъ ли онъ устремить на него столь же чистый взоръ?

Оба долго сидѣли погруженные въ молчаніе, наконецъ Роландъ воскликнулъ:

— Мы никогда, никогда болѣе не будемъ съ тобой разлучаться! Сегодня, когда я сидѣлъ на палубѣ, мнѣ показалось.... не думай, чтобъ я заснулъ, нѣтъ, я вовсе не спалъ.... мнѣ показалось, что ты подошелъ ко мнѣ и взялъ меня на руки!

Лицо Роланда горѣло, и Эриху стоило не малаго труда его успокоить и вывести изъ этого возбужденнаго состоянія. Но то что было трудно для Эриха, оказалось весьма легкимъ для собакъ. Роландъ мгновенно снова превратился въ беззаботнаго ребенка, лишь только увидалъ собакъ, которые въ теченіи его кратковременнаго отсутствія необыкновенно развились.

Пранкенъ тоже очень ласково обошелся съ Эрихомъ и между прочимъ сказалъ, что удивляется тому, какъ скоро онъ уже успѣлъ пробудить въ своемъ воспитанникѣ его нравственныя силы. Роландъ выказалъ въ эти дни столько живости ума и такую способность глубоко и разнообразно чувствовать, какой въ немъ до сихъ поръ никто и не подозрѣвалъ.

Говори что хочешь, безпристрастный читатель! Но вотъ, напримѣръ, человѣкъ, сужденія котораго вчера, или можетъ быть всего за часъ времени, казались тебѣ не стоющими вниманія. Человѣка этого ты считалъ ограниченнымъ и ясно видѣлъ всѣ его умственные недостатки. Вдругъ этотъ человѣкъ признаетъ твои собственныя достоинства, отзывается о тебѣ съ похвалой, и взглядъ твой, незамѣтно для тебя самого, мгновенно измѣняется. Ты уже иначе на него смотришь, забываешь, что еще такъ недавно находилъ его ограниченнымъ и односторонним. И этотъ переходъ особенно легко совершается, если ты принадлежишь къ разряду людей, которые, сами себя образуя, находятся въ постоянной съ собою борьбѣ и томятся сомнѣніями.

Тоже самое случилось и съ Эрихомъ. Пранкенъ внезапно показался ему способнымъ произносить здравыя сужденія. Мало того, онъ даже нашелъ его очень пріятнымъ и со своей стороны высказалъ, какъ ему отрадно видѣть, что друзья дома стараются

Digitized by Google

его ободрить и поддержать въ исполненіи его трудныхъ обязанностей.

Пранкенъ былъ доволенъ. Эрихъ открыто признавалъ свое положеніе въ домѣ. Отказавшись участвовать въ поѣздкѣ, онъ доказалъ, что не намѣренъ навязываться семьѣ. Если даже допустить, что имъ при этомъ руководила гордость, и онъ не поѣхалъ въ монастырь единственно изъ-за того, чтобъ не находиться въ свитѣ Зонненкампа, — то все же ему нельзя было отказать въ тактѣ. И обращеніе Пранкена изъ оборонительно-покровительственнаго перешло въ дружеское и довѣрчивое.

ГЛАВА X.

РОЛАНДА МАНИТЪ ВДАЛЬ.

Эрихъ и Роландъ жили у себя въ башнѣ, какъ въ отдѣльномъ мірѣ, совсѣмъ одни. Никакой шумъ извнѣ не долеталъ туда до нихъ, исключая пѣнія птицъ и звука колокола изъ сельской церкви на горѣ. Они вошли въ колею постоянной, регулярной дѣятельности и до обѣда вовсе не знали, что дѣлается въ домѣ. Роландъ весь погрузился въ мысль о Веньяминѣ Франклинѣ.

Ему безпрестанно представлялись новые предметы для размышленій, и для него, богатаго американскаго юноши, который никогда не терпѣлъ нужды, было въ высшей степени полезно уже одно то, что передъ нимъ развертывалась жизнь, исполненная лишеній. Роландъ только и думалъ о Франклинѣ. Во время обѣда онъ постоянно о немъ говорилъ, какъ будто бы Веньяминъ Франклинъ только теперь недавно родился и невидимо присутствовалъ за однимъ съ нимъ столомъ и участвовалъ въ однихъ съ нимъ разговорахъ. Роландъ хотѣлъ, подобно Франклину, учредить надъ собой родъ суда изъ собственной совѣсти, но Эрихъ не одобрилъ его плана, зная, что онъ неисполнимъ, такъ какъ у мальчика было слишкомъ мало выдержки. Къ тому же подобная система годится только для человѣка, который стоитъ одиноко и самъ себѣ пролагаетъ путь. А Роландъ съ той самой минуты, какъ открывалъ глаза и до тѣхъ поръ пока не ложился въ постель, постоянно находился въ обществѣ Эриха. Они на практикѣ изучали открытія Франклина въ области физики, вдумывались въ его разсказы, и Роландъ часто въ различныхъ обстоятельствахъ спрашивалъ: — А что сказалъ бы на это Франклинъ?

Digitized by Google

Эрихъ не зналъ, сообщить ли Роланду о своемъ свиданіи съ Кнопфомъ, или нѣтъ. Наконецъ, онъ рѣшился подождать удобнаго случая, находя, что теперь лучше ничѣмъ не нарушать установившагося въ ихъ занятіяхъ порядка.

На виллѣ между тѣмъ все было въ движеніи и хлопотахъ. Изъ теплицъ выносили растенія и разставляли ихъ въ паркѣ, такъ что вскорѣ въ саду образовался еще другой, новый садъ. Роландъ и Эрихъ увидѣли это, когда уже все было готово.

Пранкенъ являлся почти каждый день, но на короткое время. Когда же онъ оставался обѣдать, то у него только и было рѣчи, что о «князѣ церкви». Онъ иначе не называлъ епископа, какъ «княземъ церкви». Передъ нимъ точно раскрылась новая придворная жизнь съ дворомъ, на которомъ какъ бы лежалъ отпечатокъ святости, и гдѣ порядокъ поддерживался самъ собой, такъ, что тамъ не нуждались въ гофмаршалѣ. Зонненкампъ съ большимъ интересомъ распрашивалъ о нравахъ и обычаяхъ епископскаго двора. За то Церера относилась ко всему этому вполнѣ безучастно, особенно съ тѣхъ поръ, какъ узнала, что епископъ не даетъ баловъ и что при дворѣ его не бываютъ женщины, исключая развѣ немногихъ заслуженныхъ монахинь. Церера терпѣть не могла монахинь, преимущественно потому, что у нихъ у всѣхъ большія ноги и онѣ носятъ грубую обувь и шерстяныя перчатки. Послѣднія особенно возмущали Цереру, и она утверждала, что съ ней уже при одной мысли о нихъ дѣлалась нервная дрожь.

Между тѣмъ время шло своимъ чередомъ, южныя растенія зеленѣли и цвѣли за одно съ туземными, какъ вдругъ спокойное теченіе дней было нарушено сборами въ дорогу. Въ домѣ началась упаковка, настало царство Лутца, и на сцену явились огромные сундуки.

Было пасмурное, дождливое утро. Эрихъ и Роландъ сидѣли за чтеніемъ жизнеописанія Франклина. Мальчикъ казался разсѣяннымъ и часто поглядывалъ на дверь. Вдругъ кто-то постучался, и въ комнату вошелъ Зонненкампъ, до сихъ поръ ни разу не приходившій нарушать порядка ихъ утреннихъ занятій. Сказавъ, какъ ему пріятно видѣть, что въ урокахъ сына наконецъ установилась такая строгая послѣдовательность, онъ выразилъ надежду, что предстоящее путешествіе произведетъ въ нихъ только самый коротенькій перерывъ, такъ какъ съ пріѣздомъ въ Виши, конечно, все пойдетъ по старому.

Эрихъ съ удивленіемъ спросилъ, что общаго между ихъ занятіями и Виши. Ему отвѣчали, что все семейство въ сопровожденіи мужской и женской прислуги, Роланда и Эриха, отправ-

Digitized by Google

ляется на воды въ Виши, а затѣмъ на морское купанье въ Біаррицъ.

Борьба настала скорѣй чѣмъ Эрихъ ожидалъ. Онъ собрался съ духомъ и очень спокойно замѣтилъ, что мнѣніе Роланда на счетъ этого ему извѣстно, но, что до него самаго касается, то онъ рѣшительно не можетъ ѣхать на воды.

— Вы не можете ѣхать съ нами? Почему?

— Мнѣ очень жаль, что я долженъ объясниться съ вами въ присутствіи Роланда. Впрочемъ, я полагаю, мальчикъ его лѣтъ въ состояніи понять эти вещи. Я думаю.... я убѣжденъ, что серьезное занятіе невозможно ни на модныхъ водахъ, ни въ Біаррицѣ. Могу ли я давать урокъ мальчику, который уже съ ранняго утра наслушается всякого рода музыки? Тамъ ни одинъ человѣкъ не въ состояніи сосредоточиться и о чемъ-нибудь серьезно думать. Но повторяю: Роландъ уже въ возрастѣ, когда можетъ самъ за себя рѣшать. Я же, если вы желаете, останусь на виллѣ, и дождусь вашего возвращенія.»

Зонненкампъ смотрѣлъ на Эриха съ удивленіемъ, а Роландъ съ мольбой въ глазахъ. Зонненкампъ, какъ видно, не полагался на свое самообладаніе и боялся, что не сможетъ въ настоящую минуту съ достоинствомъ отвѣчать учителю. Онъ поспѣшилъ, впрочемъ очень спокойно, сказать, что вечеромъ еще будетъ время обсудить этотъ вопросъ. Затѣмъ онъ насмѣшливо извинился передъ Эрихомъ, что еще въ университетскомъ городѣ не сообщилъ ему о томъ, гдѣ намѣревался провести лѣто, и ушелъ.

Эрихъ и Роландъ остались одни. Мальчикъ молчалъ и упорно смотрѣлъ въ землю. Эрихъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ его не тревожилъ, но все время думалъ: «теперь настала рѣшительная минута, что скажетъ первый опытъ?»

— Понимаешь ли ты, спросилъ онъ наконецъ: какія причины удерживаютъ меня перенести нашу жизнь вдвоемъ и наши занятія—на воды, гдѣ такъ много всякаго рода развлеченій?

— Нѣтъ, не понимаю, угрюмо отвѣчалъ мальчикъ.

— Хочешь я тебѣ ихъ объясню?

— Не надо.

Эрихъ замолчалъ. Мальчикъ точно вдумывался въ свое положеніе. Въ душѣ его происходила борьба; онъ, безъ сомнѣнія, возмущался мыслью о необходимости покориться.

— Мнѣ казалось, проговорилъ онъ наконецъ:—что я былъ довольно послушенъ и прилеженъ.

— Да, ты велъ себя, какъ слѣдуетъ.

— Развѣ я не заслуживаю имѣть удовольствіе?

Digitized by Google

— Нѣтъ. Исполненіе обязанностей не должно награждаться, а тѣмъ болѣе удовольствіемъ.

Опять настало молчаніе. Мальчикъ загибалъ уголки въ біографіи Франклина, которую только-что читалъ. Эрихъ, не говоря ни слова, взялъ у него книгу и придвинулъ ее къ себѣ.

— Какъ ты думаешь, спросилъ онъ, не снимая руки съ переплета: — чтобы тебѣ теперь сказалъ Франклинъ?

— Почемъ я знаю!

— Ты знаешь, но не хочешь сказать.

— Нѣтъ, не знаю! воскликнулъ мальчикъ и съ досады топнулъ ногой. Въ голосѣ его звучали слезы.

— Я лучшаго о тебѣ мнѣнія, чѣмъ ты самъ, сказалъ Эрихъ и взялъ мальчика за подбородокъ. — Подними глаза, не смотри въ землю и перестань сердиться.

Лицо Роланда оставалось неподвижно и въ глазахъ его по прежнему стояли слезы. Эрихъ продолжалъ:

— Есть ли въ мірѣ сокровище, котораго бы я тебѣ не отдалъ?

— Да, но...

— Что «но»? — продолжай.

— Ахъ, я и самъ не знаю! Только... только... сдѣлай мнѣ удовольствіе и поѣзжай съ нами! Мнѣ безъ тебя и радость не въ радость! Какъ же это, я буду тамъ, а ты здѣсь одинъ?

— Такъ ты поѣхалъ бы безъ меня?

— Нѣтъ, я не хочу... Ты долженъ съ нами поѣхать! — И мальчикъ, вскочивъ съ мѣста, бросился обнимать Эриха.

— Объявляю тебѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что я съ вами не поѣду.

Руки Роланда опустились, но Эрихъ удержалъ ихъ въ своихъ.

— Послушай, началъ онъ: — вѣдь я могу обратить вопросъ и въ свою очередь сказать тебѣ: останься здѣсь, ради меня! — Но я этого не хочу. Нѣтъ, ты лучше самъ разсуди и подумай, что было бы, еслибъ мы остались здѣсь съ тобой вдвоемъ. Твои родители уѣдутъ на воды, мы, въ ожиданіи ихъ возвращенія, чѣмъ-нибудь серьезно займемся и намъ здѣсь будетъ веселѣе, чѣмъ на гуляньѣ, гдѣ играетъ музыка, или чѣмъ на берегу морскомъ. Знаешь ли, Роландъ, я никогда не былъ во Франціи, еще ни разу не видѣлъ моря, но отказываю себѣ въ этомъ удовольствіи ради долга. А понимаешь ли ты, въ чемъ заключается этотъ долгъ?

— Но вѣдь и долгъ можетъ вмѣстѣ съ нами поѣхать! воскликнулъ мальчикъ и улыбнулся сквозь слезы. Эрихъ тоже не могъ удержаться отъ улыбки, но тѣмъ не менѣе продолжалъ:

Digitized by Google

— Нѣтъ, этотъ долгъ не можетъ съ нами ѣхать. Ты въ теченіи твоей жизни имѣлъ уже много развлеченій. Послушайся меня, мой милый товарищъ и другъ, и довѣрься мнѣ въ томъ, что для тебя еще не совсѣмъ ясно!

— Я тебѣ вполнѣ довѣряю, но путешествовать такъ пріятно, — ты себѣ представить не можешь, какъ пріятно! И я бы тебѣ все показывалъ.

Роланду казалось, что его подхватилъ бурный вихрь, который кидалъ его изъ стороны въ сторону. Какъ, онъ принудилъ Эриха у нихъ поселиться, заставилъ отца дать его ему въ наставники и теперь самъ добровольно его покинетъ! Но съ другой стороны, его манили вдаль разнаго рода удовольствія, музыка, прекрасныя дамы, которыя его ласкали, рѣзвыя дѣвушки, которыя съ нимъ играли! Мальчикъ колебался, не зная на что̀ ему рѣшиться, что̀ выбрать. Вдругъ онъ воскликнулъ: «Эрихъ, твоя мать!» Ему внезапно пришли на память прощальныя слова профессорши: «Старайся заслужить, чтобъ Эрихъ никогда тебя не покинулъ». Съ одной стороны въ немъ говорило это воспоминаніе, а съ другой — воображеніе рисовало блестящіе экипажи и веселыя кавалькады, въ которыхъ онъ самъ скакалъ на лошади. Будетъ ли въ состояніи его удержать престарѣлая, одиноко стоящая на дорогѣ женщина въ траурѣ. Мальчикъ находился въ какомъ-то лихорадочномъ бреду.

— Эрихъ! Твоя мать! повторилъ онъ и бросился на шею къ молодому человѣку.

— Эрихъ! воскликалъ онъ, обнимая его: — я останусь съ тобой! Ты долженъ помочь мнѣ и не допустить ихъ увезти меня насильно одного!

— Никогда не слѣдуетъ выходить изъ повиновенія родителямъ, сказалъ Эрихъ. — Но теперь у тебя есть также обязанности и въ отношеніи меня. Если я тебя не покидаю, то и ты не долженъ меня оставлять.

Не малаго труда стоило уговорить родителей оставить Эриха и Роланда однихъ на виллѣ. Церера еще скорѣй согласилась, но Зонненкампъ сильно противился, и Роландъ ходилъ какъ потерянный. Но въ тоже время въ немъ пробудилась и надежда, что отецъ останется непреклоннымъ, а Эрихъ наконецъ сдастся на его просьбы.

Эрихъ отвелъ въ сторону Зонненкампа и сказалъ ему, что если онъ не желаетъ въ конецъ испортить мальчика, то не долженъ теперь, когда тотъ добровольно вступилъ на хорошую дорогу, сворачивать его съ нея. Роландъ до сихъ поръ страдалъ отъ избытка развлеченій, которыя не давали ему углубиться въ

Digitized by Google

себя. Что же касается до него самого, то онъ, какъ это ему ни больно, съ отъѣздомъ мальчика на воды, принужденъ будетъ оставить виллу. Роланду онъ объ этомъ еще не говорилъ, такъ какъ не хотѣлъ наводить его на мысль о возможности между ними разрыва. Затѣмъ Эрихъ посовѣтовалъ Зонненкампу прибѣгнуть къ маленькой хитрости, которую онъ считалъ вполнѣ позволительной. Пусть, говорилъ онъ, отецъ скажетъ Роланду, что только хотѣлъ испытать его, но въ сущности даже надѣялся на его предложеніе остаться съ Эрихомъ. Онъ очень доволенъ тѣмъ, что сынъ его вышелъ изъ испытанія побѣдителемъ и охотно соглашается на его желаніе.

Зонненкампъ, внутренно досадуя, принялъ предложеніе Эриха, и Роландъ вдругъ увидѣлъ себя, съ одной стороны — покинутымъ, а съ другой — связаннымъ.

Родители уѣхали на слѣдующій день. Эрихъ и Роландъ проводили ихъ на станцію желѣзной дороги. Когда вдали показался поѣздъ, съ которымъ имъ надлежало отправиться въ путь, Зонненкампъ отвелъ сына въ сторону и сказалъ ему:

— Послушай, если тебѣ тяжело остаться здѣсь, то прыгни за нами въ вагонъ и оставь доктора одного. Вѣрь мнѣ, онъ отъ тебя не уйдетъ. У насъ съ тобой есть золотая флейта, подъ звуки которой всѣ охотно пляшутъ. Ну, рѣшайся скорѣй.

— Что это, папенька, продолженіе испытанія?

— Ты храбрый мальчикъ, возразилъ Зонненкампъ, пораженный и глубоко тронутый.

Поѣздъ пріѣхалъ. Множество черныхъ сундуковъ, съ желтыми гвоздями, было сдано въ багажъ. Іозефъ и Лутцъ распоряжались всѣмъ, какъ опытные путешественники. Сундучки, мѣшки, картоны, коробки, бутылки, узлы были безъ числа напиханы въ вагонъ перваго класса, гдѣ помѣстились Зонненкампъ, Церера и фрейленъ Пэрини. Роланда еще разъ нѣжно обняли, при чемъ Зонненкампъ что-то шепнулъ ему на ухо. Поѣздъ умчался, Эрихъ и Роландъ остались одни на платформѣ.

Грустно и въ молчаніи вернулись они на виллу. Роландъ былъ очень блѣденъ, въ лицѣ его не виднѣлось ни кровинки. Домъ стоялъ пустой и погруженный въ безмолвіе. Выйдя изъ экипажа, Роландъ взялъ Эриха за руку и сказалъ:

— Теперь мы съ тобой одни въ цѣломъ мірѣ.

Какое занятіе возможно при такихъ условіяхъ и въ такомъ настроеніи духа?

Между тѣмъ въ паркѣ пронесся сильный порывъ вѣтра, деревья закачались, въ воздухѣ завертѣлись лепестки цвѣтовъ, на рѣкѣ поднялись волны. Вдали собиралась гроза. Эрихъ прика-

Digitized by Google

залъ заложить карету и поѣхалъ съ Роландомъ — куда? Эрихъ сказалъ мальчику, что хочетъ показать ему чудо. Они быстро ѣхали вдоль дороги, по окраинамъ которой вѣтеръ со свистомъ качалъ орѣховыя деревья. Молнія то и дѣло сверкала, и одинъ раскатъ грома смѣнялся другимъ.

— Куда мы ѣдемъ? вторично спросилъ Роландъ.

— Къ Франклину въ школу. Я хочу тебѣ показать, какъ ловятъ молнію. — И они еще быстрѣе поскакали по направленію къ станціи желѣзной дороги.

Тамъ Эриха очень дружески встрѣтилъ телеграфный смотритель и провелъ его въ контору, гдѣ въ это время дѣйствовалъ телеграфъ. Эрихъ показалъ Роланду въ маленькомъ красивомъ стеклянномъ ящичкѣ синеватый огонекъ, который туда и сюда прыгалъ, потомъ быстро скользнулъ въ проходъ, находящійся въ соединеніи съ проволокой, и исчезъ. Каждая молнія производила трескъ въ проходной трубѣ, а вслѣдъ затѣмъ мгновенно появлялся и исчезалъ синеватый огонекъ.

Эрихъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что могъ показать это своему воспитаннику, а телеграфный чиновникъ разсказалъ имъ нѣсколько весьма интересныхъ подробностей. Онъ говорилъ между прочимъ о невольномъ страхѣ, какой испытывается здѣсь при отправленіи своихъ обязанностей во время грозы. Его самого разъ отбросило молніей къ самой печкѣ. Онъ показалъ имъ также электрическія дощечки, служащія для отвода молніи, которая часто въ нихъ ударяетъ и какъ тонкой, острой пилой разрѣзаетъ проводныя трубки. Изъ комнаты вынесли огонь, чтобъ въ темнотѣ яснѣе были видны синія искры. Роландъ любовался ими съ дѣтскимъ восторгомъ. При всемъ этомъ не трудно было объяснить ему устройство электро-магнитнаго телеграфа. Мальчикъ внимательно слушалъ, потомъ сказалъ:

— Если Франклинъ и не думалъ ни о чемъ подобномъ, то все же онъ первый поймалъ молнію.

— А ты полагаешь, онъ могъ знать, что̀ выйдетъ изъ его открытія?

Эрихъ старался объяснить Роланду, что всякое дѣяніе, изслѣдованіе и открытіе составляетъ только одно большое данное, которое уже впослѣдствіи служитъ поводомъ ко многимъ новымъ открытіямъ. Здѣсь, въ мракѣ этой комнаты, гдѣ только время отъ времени сверкали синеватые огоньки, посреди водворившагося внезапно молчанія, въ душу юноши проникло чувство глубокаго благоговѣнія, которое изгладило въ немъ всѣ предъидущія впечатлѣнія. Разлука съ родителями, стремленіе къ удовольствіямъ,

Digitized by Google

все это отошло на задній планъ, и ему казалось, что онъ живетъ не на землѣ, а на какой-то другой планетѣ.

Гроза между тѣмъ унялась, и проливной дождь прекратился. Въ комнатѣ отворили окно. Роландъ выглянулъ изъ него и, взявъ Эриха за руку, тихо сказалъ:

— Нельзя ли предположить, что душа въ человѣческомъ тѣлѣ движется также точно, какъ электрическая искра на проволокѣ?

Эрихъ ничего не отвѣчалъ. Онъ видѣлъ, что въ умѣ мальчика возникъ великій, жизненный вопросъ и предоставилъ ему самому его въ себѣ выработать, не осмѣливаясь въ настоящую минуту оказать ему какую-либо помощь. Но слова мальчика служили доказательствомъ того, что онъ былъ способенъ жить высшею духовною жизнью. Онъ побѣдилъ въ себѣ жажду къ развлеченіямъ и отдался впечатлѣнію, которое должно было возвысить его въ собственныхъ глазахъ.

Телеграфный смотритель разсказалъ, между прочимъ, какъ онъ былъ напуганъ видомъ и обращеніемъ Зонненкампа въ вечеръ, послѣ исчезновенія Роланда. Понизивъ голосъ, онъ сообщилъ Эриху, что Зонненкампъ предлагалъ ему большую сумму денегъ, если онъ не прекратитъ на ночь дѣйствія телеграфа, но онъ отговорился тѣмъ, что не можетъ этого сдѣлать безъ разрѣшенія начальства. Зонненкампъ въ тотъ вечеръ былъ такъ страшенъ, прибавилъ смотритель, что я ни за какія деньги въ мірѣ не рѣшился бы съ нимъ остаться на единѣ.

Эрихъ замѣтилъ, что Роландъ, хотя смотритель и старался говорить тихо, слышалъ его послѣднія слова. Онъ шутливо замѣтилъ, что человѣкъ, который постоянно имѣетъ дѣло съ нервной сѣтью, раскинутой подъ землею, невольно самъ дѣлается раздражительнымъ и нервнымъ. Смотритель съ этимъ согласился и пустился въ новые разсказы о видѣнныхъ имъ чудесахъ.

Немного спустя они вышли въ залу, и Эрихъ былъ удивленъ способностью Роланда подмѣчать въ людяхъ ихъ смѣшныя и слабыя стороны. Онъ ловко схватилъ всѣ особенности и привычки смотрителя и съ неподражаемымъ искусствомъ его передразнивалъ. Эрихъ мягко остановилъ своего воспитанника и постарался ему объяснить, что люди, профессія которыхъ занимаетъ середину между ремесломъ и наукой, каковы аптекаря, хирурги, литографы, фотографы и телеграфисты, легко пріобрѣтаютъ въ своемъ образѣ мыслей и дѣйствій какую-то двойственность. Занятія при телеграфѣ къ тому же повергаютъ человѣка въ возбужденное состояніе вслѣдствіе напряженія, какого они отъ него постоянно требуютъ. Эрихъ старался все это внушить своему воспитаннику, а затѣмъ опять вернулся къ чудесному явленію, котораго они только-что

Digitized by Google

были свидѣтелями. Онъ хотѣлъ, чтобъ оно поглубже врѣзалось въ душу Роланда, и желаніе его исполнилось.

Звѣзды ярко сіяли въ небѣ, освѣщая ихъ возвратный путь. Имъ удалось заглянуть въ таинственную первобытную силу природы.

Эрихъ, подъ вліяніемъ возбужденной фантазіи, пытался изобразить передъ Роландомъ ощущенія, какія долженъ былъ испытывать странствовавшій въ пустынѣ народъ подъ вечеръ того дня, когда ему въ громѣ и молніи на вершинѣ Синая явилось Божество. Эти тысячи людей безъ сомнѣнія смотрѣли на міръ, какъ будто онъ былъ вновь созданъ.

Эрихъ самъ не вполнѣ сознавалъ, о чемъ онъ говорилъ во время этой вечерней поѣздки подъ усѣяннымъ звѣздами небомъ. Но какъ онъ, такъ и мальчикъ, были оба проникнуты чувствомъ невыразимаго благоговѣнія. По возвращеніи на виллу, ни тотъ ни другой не хотѣли болѣе говорить и скоро пожелали одинъ другому спокойной ночи. Но Эрихъ еще долго не могъ заснуть. Свѣтъ, горящій въ душѣ человѣка, думалъ онъ, не есть ли тоже своего рода электрическая искра, которая сверкаетъ и рвется наружу, слагаясь въ намѣренія и поступки? Пока въ небѣ спокойно и гроза далеко, мы свободно, по произволу заставляемъ эту искру гулять по туго-натянутой проволокѣ. Но зашумятъ вокругъ насъ вѣчныя, непоборимыя стихіи—человѣческое слово становится безсильнымъ, и искры сами собой начинаютъ сновать туда и сюда вдоль проволоки. Хаосъ говоритъ о необъятномъ.

«Настанетъ время—думалъ Эрихъ—и я утрачу свое вліяніе надъ духомъ тщательно взлелѣяннаго мною воспитанника. На него вдругъ со всѣхъ сторонъ устремятся свободно гуляющія въ мірѣ первобытныя силы.... — что тогда? Никого нельзя на всю жизнь застраховать отъ вліянія внѣшнихъ силъ, а потому достаточно для насъ — спокойно и строго исполнять обязанности каждаго дня».

Б. Ауэрбахъ.

(Окончаніе пятой книги слѣдуетъ.)

Digitized by Google

ЭПИДЕМІЯ ПЬЯНСТВА

И

БОРЬБА СЪ НЕЮ ВЪ АМЕРИКѢ И ВЪ ЕВРОПѢ.

De l'abus des boissons enivrantes. Renseignements déposés à la Chambre des Représentants, par M. Frère-Orban, ministre des finances. Bruxelles, 1868.

Вопросъ о тѣхъ условіяхъ законодательства, которыя могутъ входить элементами въ увеличеніе потребленія опьяняющихъ напитковъ въ странѣ, или благопріятствовать ненормальному, неправильному распредѣленію потребляемаго количества—результатомъ чего является такъ-называемое «безобразное пьянство»—возбуждается не у насъ впервые.

Весьма кстати именно теперь, когда вниманіе нашего общества и правительства обращено на этотъ предметъ, познакомиться въ краткихъ чертахъ съ исторіею отношенія общества и законодательной власти въ разныхъ странахъ къ этому вопросу. Чтобы представить такую картину, мы воспользуемся послѣдними по времени данными, которыя представлены въ этомъ отношеніи въ Западной Европѣ оффиціальнымъ путемъ, именно свѣдѣніями, сообщенными бельгійской палатѣ въ минувшемъ году министромъ финансовъ.

Въ этомъ blue-book приведены справки о томъ, что было сдѣлано для противодѣйствія пьянства въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ общественное вниманіе было наиболѣе обращено на этотъ вопросъ. Какъ справочныя свѣдѣнія, они и намъ годятся,

Digitized by Google

особенно въ настоящій моментъ, когда въ общественномъ мнѣніи возникли опасенія на счетъ условій нынѣшней акцизной системы, и когда правительство приступило къ спеціальному изученію этого дѣла.

На улицѣ, въ собраніяхъ, пьянство поражаетъ насъ только однимъ внѣшнимъ безобразіемъ, опасностью, какою оно иногда грозитъ намъ лично; мы не въ состояніи еще, по отдѣльнымъ примѣрамъ, судить объ объемѣ народнаго бѣдствія, которое влечетъ за собою винная эпидемія. Мы пришли бы въ настоящій ужасъ отъ пьянства, если бы обратились къ статистическимъ наблюденіямъ и познакомились съ ихъ результатами.

По свѣдѣніямъ бельгійской книги, изъ статистическихъ данныхъ собранныхъ въ Англіи, оказывается, что пьянству принадлежитъ слѣдующее грозное участіе въ бѣдствіяхъ человѣчества: 0,9 пауперизма порождены имъ; 0,75 часть числа преступленій происходятъ отъ него; 0,5 болѣзней имъ причиняются; 0,33 часть случаевъ помѣшательства относится къ злоупотребленію спиртныхъ напитковъ; отъ пьянства же происходитъ: 0,33 самоубійствъ, 0,75 развращенія малолѣтныхъ и несовершеннолѣтныхъ, и 0,33 крушеній судовъ [1]).

Нѣкоторые медики причисляютъ алькоголь прямо къ ядамъ. Во всякомъ случаѣ, большинство согласно въ томъ, что постоянное употребленіе спиртныхъ напитковъ не только несообразно съ діэтою, въ какомъ бы то ни было климатѣ, но положительно—вредно. Въ «Temperance Magazine», за февраль 1834 года, явилось объявленіе, подписанное двумя тысячами медиковъ англійскихъ и американскихъ, которые объявляли, что употребленіе крѣпкихъ напитковъ *никогда не бываетъ полезно* для здоровыхъ, а между тѣмъ часто причиняетъ болѣзни и даже смерть. Извѣстно, что всѣ эпидеміи дѣйствуютъ гораздо сильнѣе именно на людей, употребляющихъ спиртные напитки. Вотъ, между прочимъ, фактъ, свидѣтельствующій объ этомъ: во время первой холеры въ Альбани (штатъ Нью-Йоркъ), на населеніе въ 26 тысячъ душъ, умерло 336 чел. и въ томъ числѣ только *двое* членовъ мѣстнаго общества трезвости, состоявшаго изъ 5000 членовъ.

Пасторъ Бэтхеръ, на франкфуртскомъ конгрессѣ 1857 года упомянулъ объ объявленіи 12-ти тысячъ нѣмецкихъ врачей, что алькогольные напитки вовсе не имѣютъ тѣхъ полезныхъ качествъ,

---

[1]) Любопытенъ фактъ, выясненный многоразличными наблюденіями, что очень значительная часть крушеній на морѣ зависитъ просто отъ пьянства экипажей, вслѣдствіе чего американскія общества страхованія дѣлаютъ большую сбавку въ страховой преміи для тѣхъ судовъ, на которыхъ спиртныхъ напитковъ нѣтъ.

Digitized by Google

которые имъ приписываются предразсудкомъ, что рабочіе люди могутъ не употреблять ихъ вовсе, безъ малѣйшаго для себя неудобства, и что ежедневное употребленіе ихъ влечетъ за собою послѣдствія бѣдственныя и въ нравственномъ, и въ гигіеническомъ смыслѣ.

Всѣ статистики согласны въ томъ, что пьянство играетъ едва ли не главную роль въ нищетѣ, обращенной въ хроническое и даже наслѣдственное состояніе, то-есть въ пауперизмѣ.

Вліяніе пьянства на преступленія всякаго рода не подлежитъ сомнѣнію. Проповѣди знаменитаго патера Мэтью въ Ирландіи уменьшили употребленіе спиртныхъ напитковъ на половину. Вотъ цифры важныхъ преступленій, которыя соотвѣтствовали въ Ирландіи пятилѣтнему періоду *до* проповѣдей Мэтью, и пятилѣтнему періоду *послѣ* нихъ: 64,520 — за первый періодъ, съ 59 казнями по нимъ; 47,027 — за второй періодъ, съ 21 казнью.

Вопросъ о пьянствѣ подалъ нашей прессѣ разныхъ оттѣнковъ поводъ къ агитаціи различной, смотря по цѣли, и сходной, смотря по пріемамъ; но вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ нигдѣ сообразно съ требованіями дѣйствительности, доколѣ его будутъ ставить на почвѣ политической и смотрѣть на него сквозь призму политическихъ убѣжденій и цѣлей. Только на почвѣ безпристрастно-экономической, вопросъ этотъ можетъ быть разсматриваемъ съ пользою.

Одно правительство, конечно, могло посмотрѣть на вопросъ именно только такъ, развѣ быть можетъ съ примѣсью нѣкоторыхъ воззрѣній чисто-камеральныхъ, которыя не могутъ не интересовать его, такъ какъ доходъ съ употребленія спиртныхъ напитковъ у насъ есть главный доходъ государственнаго казначейства, что̀ и составляетъ отличительную черту нашей системы доходовъ передъ европейскими.

Но обратимся къ опыту другихъ странъ, и посмотримъ, какова была тамъ сила этой эпидеміи и къ какимъ результатамъ приводили разнообразныя мѣры, предпринимаемыя противъ нея.

Въ Соединенныхъ-Штатахъ уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія развитіе пьянства обратило на себя серьезное вниманіе общественнаго мнѣнія. Въ 1813 году, въ Бостонѣ основалось первое общество трезвости, подъ названіемъ «Массачусетскаго общества». Оно предположило себѣ цѣлью не искорененіе привычки къ спиртнымъ напиткамъ, а только отвращеніе злоупотребленія въ этомъ смыслѣ, ограниченіе пьянства, установленіе

Digitized by Google

умѣреннаго потребленія крѣпкихъ напитковъ. Къ этой цѣли оно стремилось посредствомъ раздачи брошюръ, трактовавшихъ о вредѣ пьянства. Общество это, хотя современемъ и распространило свою пропаганду въ странѣ, однако замѣтнаго вліянія на нравы не произвело. Въ 1826 году, образовалось новое общество трезвости — «American Temperance Society», которое въ основу своей пропаганды положило мысль о *совершенномъ* воздержаніи отъ спиртныхъ напитковъ. Общество это стало устраивать митинги, учреждать мѣстныя ассоціяціи, разсылать особыхъ агентовъ для вербовки членовъ по странѣ. Члены его, при вступленіи, принимали обязательство совсѣмъ не употреблять спиртныхъ напитковъ, за исключеніемъ только одного дня въ году, именно праздника національной независимости, 4 іюля. Эта пропаганда произвела значительные результаты.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ за 1828 годъ, спиртныхъ напитковъ потреблялось въ Соединенныхъ-Штатахъ, втеченіи года около 72 милліоновъ галлоновъ [1]), что, по тогдашней цифрѣ населенія въ 16 милліоновъ душъ, даетъ 6 галлоновъ на душу (27 литровъ); а если исключить женщинъ и малолѣтныхъ, т. е. $^2/_3$ населенія, то оказывается ежегодно потребляемое количество спиртныхъ напитковъ на каждаго мущину около 81 литровъ на человѣка.

«American Temperance Society», втеченіи четырехъ первыхъ лѣтъ существованія, т. е. въ 1830 г., пріобрѣло въ 13 штатахъ около 200 тысячъ членовъ, составлявшихъ 1605 мѣстныхъ комитетовъ или ассоціяцій трезвости. Сбытъ спиртныхъ напитковъ замѣтно уменьшался и, по свѣдѣніямъ отчетовъ самого общества, болѣе 500 водочныхъ заводчиковъ и винныхъ торговцовъ прекратили свою дѣятельность. Въ числѣ членовъ общества ровно 10% отказались совершенно отъ употребленія даже какихъ бы то ни было опьяняющихъ напитковъ.

Чтобы показать размѣры пропаганды «Американскаго общества» — приводится, что на собраніе его, бывшее въ Филадельфіи въ 1834 году, явилось болѣе *четырехъ тысячъ* уполномоченныхъ отъ ассоціяцій трезвости, учрежденныхъ въ 21 штатѣ Союза. Общество нашло дѣятельную поддержку въ духовенствѣ, пасторы болѣе 6000 церквей объявили всенародно, что «торговля спиртными напитками нравственно-преступна.» Пропаганда «Американскаго общества» приняла размѣры національнаго дѣла, и тысячи обществъ ежегодно праздновали церковными об

---

[1]) 1 ведро = 2,7070 галлоновъ = 0,1230 гектолитра.

Digitized by Google

рядами «освобожденіе свое отъ пьянства», наравнѣ съ освобожденіемъ отъ политическаго ига Великобританіи.

Правительство также приняло участіе въ этомъ дѣлѣ. Оно начало съ замѣны винной порціи, полагавшейся матросамъ, денежною выдачею (6 центовъ [1]) въ день), вслучаѣ согласія людей; эта мѣра имѣла успѣхъ; такъ на американской эскадрѣ въ Средиземномъ морѣ, изъ 1000 матросовъ, 819 отказались отъ грога. Въ томъ же (1832) году, военное министерство отмѣнило выдачу чарки вина, не назначая и денежнаго вознагражденія за нее, и строго воспретило ввозъ водки въ мѣста военнаго расположенія войскъ. Прежнюю законную чарку водки военное начальство замѣнило въ войскахъ порціею кофе и сахара [2]).

Мало того, президентъ Союза, генералъ Джексонъ, въ 1834 году, счелъ нужнымъ сдѣлать торжественное заявленіе въ смыслѣ возникшей въ народѣ агитаціи. Онъ соединился съ двумя своими предшественниками по должности, Мадисономъ и Адамсомъ, и втроемъ они обнародовали слѣдующее заявленіе: «Наблюденіе и опытъ, равно и показаніе просвѣщеннѣйшихъ врачей убѣждаютъ насъ, что употребленіе крѣпкихъ напитковъ не только не полезно, но положительно вредно, и что уничтоженіе вредной привычки къ нему должно несомнѣнно содѣйствовать здоровью, нравственности и благосостоянію общества; вслѣдствіе того, почитаемъ долгомъ выразить твердое убѣжденіе наше, что граждане Соединенныхъ-Штатовъ, въ особенности же молодые люди, отказавшись отъ употребленія такихъ напитковъ, тѣмъ самымъ сдѣлали бы много, какъ для собственнаго благополучія, такъ и для блага своего отечества и всего свѣта.»

Промышленныя компаніи приняли также участіе въ агитаціи въ пользу трезвости, воспрещая продажу и употребленіе спиртныхъ напитковъ въ районахъ своихъ заведеній.

По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, пропаганда въ короткое время имѣла такой успѣхъ, что средняя годовая цифра потребленія спиртныхъ напитковъ, съ 1828 года къ началу сороковыхъ годовъ уменьшилась на цѣлыя двѣ трети.

Когда общественная пропаганда оказала такіе результаты, то въ нѣсколькихъ штатахъ возникло стремленіе облечь ее въ форму законодательную, поддержать трезвость законами.

Въ 1837 году, законодательное собраніе штата Массачусетса приняло законъ, воспрещающій продажу спиртныхъ напитковъ по воскресеньямъ, а въ 1838 году, воспретило вовсе продавать

---

[1]) Долларъ = 100 центовъ = 1 р. 25 к.

[2]) По 8 фунтовъ сахара и по 4 фунта кофе, на сто порцій.

Digitized by Google

такіе напитки въ количествахъ меньшихъ 15 галлоновъ въ одинъ разъ. Эта мѣра имѣла непосредственнымъ послѣдствіемъ немедленное, одновременное закрытіе всѣхъ кабаковъ въ штатѣ Массачусетсѣ. Подобная же мѣра была принята впослѣдствіи штатомъ Теннесси.

Но горячіе приверженцы агитаціи въ пользу трезвости не удовлетворялись и этими косвенными, хотя весьма существенными законодательными мѣрами предупрежденія. Они требовали рѣшительнаго и безусловнаго запрещенія выдѣлки и продажи спиртныхъ напитковъ. Въ 1851 году, законодательное собраніе штата Мэна установило, наконецъ, такой радикальный законъ. Мы приведемъ главныя его постановленія по тому значенію, какой пріобрѣлъ примѣръ штата Мэнъ не только въ Соединенныхъ Штатахъ, но и въ Англіи, гдѣ есть партія стремящихся къ введенію такого же радикальнаго предупрежденія пьянства.

Вотъ содержаніе мэнскаго закона: 1) фабрикація, продажа и поставка опьяняющихъ напитковъ воспрещается, за исключеніемъ спеціальнаго назначенія на цѣли лекарственныя, ученыя или церковныя; 2) для продажи алькогольныхъ жидкостей съ такою спеціальною цѣлью можетъ быть допускаемъ въ каждомъ городѣ только одинъ агентъ, которому притомъ воспрещается содержать какое-либо увеселительное заведеніе. Этотъ агентъ получаетъ опредѣленное жалованье, назначается городскимъ управленіемъ и сборъ отъ продажи вноситъ въ городскую казну, съ него требуется залогъ въ 600 долларовъ; 3) всякая незаконная продажа опьяняющихъ напитковъ наказывается штрафомъ въ 10 долларовъ или заключеніемъ до внесенія штрафа. За вторичное нарушеніе закона штрафъ удвоивается, а за послѣдующія — кромѣ платежа 20 долларовъ, виновный подвергается еще заключенію на 3—6 мѣсяцевъ; 4) выдѣлка спиртныхъ напитковъ наказывается штрафомъ въ 100 долларовъ или двухмѣсячнымъ заключеніемъ; за вторичное нарушеніе закона въ этомъ отношеніи—штрафъ двойной или четырехмѣсячное заключеніе; въ послѣдующіе разы 200 долларовъ штрафу съ заключеніемъ на мѣсяца; 5) властямъ предоставляется право дѣлать обыски въ тѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ онѣ подозрѣваютъ присутствіе этихъ напитковъ, при чемъ всякое количество ихъ, оказавшееся на лицо и не оправданное относительно законности пріобрѣтенія его, немедленно секвеструется и подвергается уничтоженію; 6) всякія обязательства по продажѣ незаконныхъ напитковъ признаются ничтожными; 7) лица, найденныя въ состояніи опьяненія, арестуются и подвергаются задержанію до тѣхъ поръ, пока не покажутъ, откуда ими полученъ былъ опьяняющій напитокъ.

Digitized by Google

Главная заслуга въ установленіи этого закона принадлежала портлендскому мэру Нилю Доу (Neal Dow). Законъ этотъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ подъ именемъ Maine liquor Law, былъ примѣненъ въ первый разъ, въ смыслѣ карательномъ, 4-го іюля 1852 года, въ день празднованія національной независимости, захватомъ и уничтоженіемъ спиртныхъ напитковъ въ Бангорѣ. Подъ дѣйствіемъ этого закона, гражданамъ, желающимъ продолжать употребленіе спиртныхъ напитковъ, остается только два средства: покупать ихъ оптомъ внѣ предѣловъ штата или приготовлять ихъ дома.

Въ лѣтописи законодательныхъ усилій противъ пьянства, мэнскому закону принадлежитъ по справедливости самое почетное мѣсто. Послѣ 1851 года, акты прямо скопированные съ него или подобные ему установлены въ слѣдующихъ штатахъ Сѣверо-американскаго Союза: Родъ-Эйлендѣ, Массачусетсѣ, Вермонтѣ, Мичиганѣ, Коннектикотѣ, Дилауорѣ, Айовѣ и Нью-Гампширѣ. Но и внѣ территоріи Союза отразились дѣйствія мэнскаго закона. Въ англійской Америкѣ возникла сильная агитація въ пользу введенія этой мѣры, и въ Новомъ-Брауншвейгѣ она была уже установлена, но отмѣнена, однако полагаютъ, что будетъ возстановлена; въ Канадѣ предложеніе ввесть мэнскій законъ было отвергнуто въ парламентѣ, въ 1856 году, большинствомъ только 4-хъ голосовъ. На Сандвичевыхъ островахъ и на Мадагаскарѣ безусловное запрещеніе спиртныхъ напитковъ внесено въ конституціи. Подобный законъ былъ введенъ и въ республикѣ Либеріи, но продержался недолго. Въ австралійскихъ рудникахъ, англійское правительство ввело въ дѣйствіе мэнскій законъ. Наконецъ, въ самой Великобританіи и Ирландіи, какъ увидимъ дальше, существуетъ агитація въ пользу введенія этого закона.

Однако въ самомъ штатѣ Мэнѣ законъ этотъ удержался не безъ сильнаго сопротивленія. Самъ Доу, послѣ вторичнаго избранія своего въ должность мэра въ Портлендѣ, былъ оклеветанъ въ спекуляціи на спиртные напитки, подъ предлогомъ закупки ихъ для снабженія спеціальныхъ агентовъ, о которыхъ сказано выше. Судъ оправдалъ Доу. Но толпа, собравшаяся при этомъ случаѣ передъ городскою ратушею, произвела безпорядки, съ цѣлью захватить спиртные напитки, сложенные въ домѣ ратуши. Милиціи пришлось употребить оружіе. По этому поводу было опять слѣдствіе и затѣмъ новый судъ надъ Доу; результатомъ всего было вторичное его оправданіе. Законъ его былъ отмѣненъ въ 1856 году, но въ 1858 году возстановленъ.

Мэнскій законъ въ нѣкоторыхъ штатахъ былъ введенъ, но не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ судебныя власти при-

Digitized by Google

знали его неконституціоннымъ, потому что для проведенія его не обращались ко всенародному голосованію или не были соблюдены законныя формальности. Такъ было въ территоріи Миннесотѣ, въ штатахъ Индіянѣ, Нью-Іоркѣ, Иллинойсѣ.

Въ штатѣ Нью-Іоркѣ установленъ, въ 1857 году, новый законъ трезвости, послѣ отмѣны здѣсь мэнскаго закона. Продажа спиртныхъ напитковъ дозволена, но съ разными ограниченіями и подъ контролемъ. Выдача патентовъ (билетовъ на право продажи) зависитъ отъ особаго акцизнаго комитета; цѣна патентовъ различна: 30—100 долларовъ въ селеніяхъ и мѣстечкахъ, 50—300 долл. въ городахъ. Патентъ можетъ быть выданъ одному лицу только на одно заведеніе. Законъ запрещаетъ, подъ опасеніемъ штрафовъ, продавать горячительные напитки несовершеннолѣтнымъ (моложе 18 л.), слугамъ, индіянцамъ, наконецъ пьянымъ. Достаточно одной жалобы жены на мужа или мужа на жену относительно пьянства, чтобы судья огласилъ имя обвиненнаго, съ запрещеніемъ кабатчикамъ продавать обвиненному напитки втеченіи шести мѣсяцевъ, подъ опасеніемъ штрафа въ 50 долларовъ. Управленія желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и всякаго судоходства обязаны не терпѣть въ своей службѣ людей, предающихся пьянству, и отвѣчаютъ за всѣ послѣдствія пьянства своихъ служащихъ. Этотъ законъ, введенный въ нью-іоркскомъ штатѣ въ 1857 году, и нѣкоторыя измѣненія введенныя въ 1860 году, въ прежній воспретительный законъ, въ штатѣ Айовѣ,— вотъ послѣднія законодательныя мѣры принятыя противъ пьянства въ Соединенныхъ-Штатахъ.

На примѣрѣ этой страны мы остановились дольше именно потому, что употребленныя въ ней мѣры были самыя радикальныя и въ первое время, то-есть, когда онѣ исполнялись со всею строгостію, произвели замѣчательные результаты, если только вѣрить цифрамъ, какія собраны обществомъ трезвости. Но въ томъ-то и дѣло, что мѣры эти впослѣдствіи далеко не строго и не одинаково исполняются. Напр., въ большихъ городахъ штатовъ Коннектикота и Нью-Гампширѣ, мэнскій законъ, хотя и остается закономъ, но почти уже не примѣняется. Вообще же результаты, оставшіеся нынѣ отъ великой кампаніи предпринятой въ Америкѣ для истребленія пьянства, не особенно осязательны.

Вотъ оффиціальное сообщеніе по этому предмету бельгійскаго посланника въ Уашингтонѣ, отъ 17 декабря 1867 года: «Что касается результатовъ запрещенія продажи напитковъ, то мнѣнія различны, смотря по партіямъ. Демократы утверждаютъ, что запрещеніе розничной продажи только заставляетъ рабочихъ покупать спиртные напитки въ большихъ количествахъ, запасами

Digitized by Google

и тѣмъ самымъ увеличиваетъ употребленіе ихъ во зло, потому что увеличиваетъ и приближаетъ соблазнъ. Напротивъ, республиканцы и члены общества трезвости твердятъ, что дѣло идетъ иначе. Я полагалъ, что судя безпристрастно, можно признать, что дѣйствіе этихъ мѣръ было, въ конечномъ результатѣ, ничтожно (imperceptible) и что злоупотребленіе спиртными напитками нынѣ процвѣтаетъ также, какъ и прежде». Вотъ еще выписка изъ донесенія бельгійскаго посланника, 5 января 1868 года, относительно разговора, который онъ имѣлъ по этому предмету съ однимъ республиканскимъ сенаторомъ: «Мы были безумны — сказалъ тотъ, — предпринявъ дѣйствовать тутъ законами. Законами нельзя отвратить пьянство, особенно въ странахъ сѣверныхъ. Чѣмъ больше мы дѣлали законовъ, и чѣмъ строже были законы, тѣмъ больше пили. Мы сдѣлали неловкость, и партія наша потеряла на выборахъ цѣлые штаты изъ-за этихъ безразсудныхъ и безполезныхъ законодательныхъ мѣръ».

Послѣдній изъ приведенныхъ отзывовъ, очевидно, внушенъ соображеніями или сожалѣніями относящимися не къ нравственности, а къ политикѣ. Если статистическія данныя, которыя собраны относительно примѣра Соединенныхъ-Штатовъ тамошними и англійскими обществами трезвости, не совершенно невѣрны, то изъ примѣра этого логически истекаетъ слѣдующее поученіе: дѣйствовать съ успѣхомъ противъ пьянства можно только мѣрами *радикальными*, то-есть запрещеніями выдѣлки и продажи крѣпкихъ напитковъ, неисключая и виноградныхъ винъ; но дѣйствіе этихъ мѣръ не можетъ быть прочно иначе какъ тогда, когда въ обществѣ прочно установится сознаніе громаднаго вреда отъ пьянства и безполезности для противодѣйствія ему какихъ бы то ни было предупредительныхъ *полумѣръ*, или же однихъ мѣръ преслѣдующихъ злоупотребленіе.

Обзоръ мѣръ, которыя были приняты противъ пьянства въ разныхъ странахъ Европы подтвердитъ именно этотъ выводъ: безполезность полумѣръ предупредительныхъ и одного преслѣдованія злоупотребленій.

Въ Англіи, еще революція 1688 года отмѣнила всѣ прежнія ограниченія продажи водокъ и проч. Сильное развитіе пьянства заставило, въ 1735 году, воспретить продажу спиртныхъ напитковъ въ количествѣ менѣе 10 галлоновъ за разъ и установить патентъ въ 50 фунтовъ стерл., и акцизный сборъ съ продажи въ 1 ф. съ галлона. Тогда въ огромныхъ размѣрахъ развились тайные шинки, и уже въ 1743 году постановленія были значительно смягчены, какъ напр., съ 50 ф. за патентъ на 1 фунтъ. За то положенъ былъ акцизъ на куреніе. Естественнымъ послѣд-

Digitized by Google

ствіемъ было то, что число тайныхъ шинковъ уменьшилось, но зато развилось контрабандное куреніе или незаконный перекуръ. Въ особенности въ Шотландіи и Ирландіи процвѣтало тайное куреніе, и напитки оттуда тайно провозились въ Англію.

Въ 1821 году была назначена парламентская коммиссія для изслѣдованія этихъ и подобныхъ злоупотребленій. На основаніи ея заключеній, акцизная система была преобразована для облегченія заводчиковъ. Пониженіе сбора съ выкуреннаго количества увеличило доходъ казны, и мѣра эта была, въ 1825 году, примѣнена и къ Англіи. Тогда вдругъ вмѣсто 9 милліоновъ галлоновъ законно выкуриваемыхъ въ года предшествовавшіе 1820 году, производство крѣпкихъ напитковъ составило 20 милліоновъ галлоновъ. Понятно, что это почти внезапное удвоеніе цифры вина, подлежавшаго акцизному сбору, не могло произойти отъ удвоенія потребленія, и зависѣло именно отъ громадныхъ размѣровъ прежней, незаконной выдѣлки спирта.

Въ 1828 году введена, съ цѣлью ограниченія пьянства, новая система выдачи патентовъ и правъ ими предоставляемыхъ. Но уже въ 1830 году оказалось, что пьянство продолжало развиваться и что надо было обратиться къ другимъ мѣрамъ противъ него. Тогда въ парламентѣ возникла мысль, которую впослѣдствіи стали повторять всегда, какъ только зайдетъ рѣчь о противодѣйствіи пьянству, именно—объ ограниченіи потребленія спиртныхъ напитковъ, а стало быть и пьянства, посредствомъ развитія *потребленія пива*. Основываясь на этой мысли, законъ 1830 года освободилъ портерныя и пивныя лавки отъ формальностей, связанныхъ съ пріобрѣтеніемъ патентовъ на продажу отъ судебныхъ мѣстъ (т. е. *актовымъ* порядкомъ), и разрѣшилъ имъ торговать по простымъ свидѣтельствамъ отъ акцизнаго управленія, съ платою за право розничной продажи пива всего 2 фунтовъ 2 шиллинговъ [1]).

Но опытъ послѣдующихъ лѣтъ показалъ, что законъ 1830 года, основанный на мысли о конкуренціи пива спиртнымъ напиткомъ, нисколько не остановилъ развитія пьянства. Пива стали пить больше, но спиртныхъ напитковъ продолжали потреблять также съ каждымъ годомъ больше. Число пивныхъ продажъ втеченіи первыхъ пяти лѣтъ послѣ изданія этого закона, увеличилось на 80%; количество потребленнаго пива возросло на 25% а между тѣмъ число кабаковъ и потребленіе спиртныхъ напит

[1]) Пошлина эта была возвышена сперва въ 1834 г., потомъ въ 1840 г., до 6½ фунт. стерл.

Digitized by Google

въ продолжали увеличиваться по мѣрѣ увеличенія населенія [1]). Результатъ опыта, произведеннаго въ этомъ отношеніи въ Англіи, въ нашей книгѣ формулируется такъ: «Съ облегченіемъ потребленія пива, его будутъ пить больше, но водки станутъ пить не меньше прежняго».

Не смотря на то, что впослѣдствіи коммиссіи, назначенныя для изслѣдованія этого вопроса въ обѣихъ палатахъ парламента, изучили самый принципъ закона 1830 года, однако онъ не отмѣненъ до сихъ поръ, именно потому, что тому препятствуютъ интересы сильно развившагося подъ его вліяніемъ пивоваренія.

Парламентская коммиссія, назначенная въ 1834 году для изслѣдованія вопроса о пьянствѣ, представила пространный докладъ, предлагающій нѣкоторыя частныя мѣры относительно ограниченія производства, ввоза и продажи спиртныхъ напитковъ, и постановляющій принципъ, что пьянство есть зло общественное, а потому законодательная власть должна принимать противъ него мѣры. (Дѣло въ томъ, что въ Англіи и Бельгіи многіе держатся мнѣнія, что власть не имѣетъ права вмѣшиваться въ частное поведеніе или нравственность гражданъ). Но докладъ этотъ остался безъ послѣдствій, исключая установленнаго чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого изслѣдованія, собственно въ одномъ Лондонѣ запрещенія открывать питейныя заведенія по воскресеньямъ ранѣе часа пополудни, и продавать водку дѣтямъ и молодымъ людямъ примѣрно моложе 16 лѣтъ.

Новое изслѣдованіе вопроса о питейныхъ заведеніяхъ было сдѣлано по порученію парламента въ 1854 году. Цѣль этого изслѣдованія была не столько нравственная, сколько фискальная. По вопросу собственно о пьянствѣ, мы находимъ въ докладѣ коммиссіи, между прочимъ, слѣдующія положенія: система поощренія отдѣльныхъ пивныхъ продажъ не достигла своей цѣли; слѣдуетъ возвысить пѣну патентовъ; большое число питейныхъ заведеній, распространяя соблазнъ, содѣйствуетъ увеличенію пьянства; пьютъ всего больше въ субботу вечеромъ и въ воскресенье, въ тѣ часы, когда питейныя заведенія открыты».

На основаніи этого послѣдняго указанія, въ 1854 году утвержденъ былъ законъ, извѣстный подъ именемъ Wilson Pat-

[1]) За пятилѣтній періодъ до 1830 года, среднія годовыя цифры были: смѣшанныхъ продажъ (пива и водокъ) около 50 тысячъ; водочныхъ продажъ 43 тысячи; количества, объявленнаго заводами для варки: солода слишкомъ 27 милл. бушелей, водки болѣе $6\frac{1}{2}$ милл. галлоновъ. За пятилѣтній періодъ послѣ 1830 года, соотвѣтствующія цифры были: смѣшанныхъ продажъ 53 т., однѣхъ пивныхъ (beershops) 35 т., водочныхъ—болѣе $47\frac{1}{2}$ т. Объявленное количество солода слишкомъ $33\frac{1}{2}$ милл. бушелей, водки почти $7\frac{1}{2}$ милліоновъ галлоновъ.

Digitized by Google

ten's Act, которымъ, вдобавокъ къ запрещенію открывать кабаки утромъ по воскресеньямъ, въ Лондонѣ, запрещеніе это распространено было еще на время $2\frac{1}{2}$—6 часовъ по полудни и послѣ 10 вечера — по воскресеньямъ. Но эта мѣра вызвала сильное неудовольствіе въ рабочемъ населеніи Лондона, и вслѣдствіе новаго, подробнѣйшаго изслѣдованія законъ Вильсона Паттена былъ замѣненъ въ 1855 году закономъ Бэркли (Berkeley's beer Act), которымъ предписывается, что распивочныя продажи запираются по праздникамъ и воскресеньямъ только 3—5 часовъ по полудни и послѣ 11 часовъ вечера. Этотъ законъ и дѣйствуетъ до сихъ поръ.

Выше уже было сказано, что въ Англіи есть агитація въ пользу введенія радикальнѣйшей мѣры противъ пьянства, именно мэнскаго закона, совсѣмъ запрещающаго розничную продажу и приготовленіе спиртныхъ напитковъ. Въ Великобританіи и Ирландіи не мало обществъ основанныхъ съ цѣлью противодѣйствовать пьянству. Самое значительное изъ нихъ—мэнчестерское Alliance of the United Kingdom, учрежденное въ 1853 году. Вотъ цѣль и средства, какія имѣетъ въ виду это, могущественное по числу членовъ, общество: «требуется не актъ о немедленномъ и повсемѣстномъ воспрещеніи во всемъ королевствѣ торговли опьяняющими напитками, а предоставленіе общественному мнѣнію рѣшать этотъ вопросъ; такъ чтобы такой законъ не вступалъ въ силу въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя не захотятъ имъ пользоваться, а получалъ силу только послѣ утвердительнаго рѣшенія большинства.»

Совѣтъ общества составилъ проектъ билля, въ которомъ установляется, что сословію платящихъ подати въ городахъ, мѣстечкахъ, приходахъ и пригородныхъ округахъ предоставляется право воспрещать продажу опьяняющихъ напитковъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе просьбы какого-нибудь округа, лица принадлежащія въ немъ къ сословію платящихъ подати призываются къ подачѣ голосовъ по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли примѣнить къ этой мѣстности постановленія акта, при чемъ для рѣшенія утвердительнаго требуется minimum $\frac{2}{3}$ голосовъ. Когда такое рѣшеніе состоялось, то въ округѣ продажа опьяняющихъ напитковъ для обыкновеннаго вида потребленія совсѣмъ запрещается, а судьямъ предоставляется назначить спеціальнаго агента для продажи спиртныхъ напитковъ для особыхъ цѣлей. Однимъ словомъ—постановленія мэнскаго закона.

Мэнчестерское Alliance черезъ три года по основаніи имѣло уже болѣе 30 тысячъ платящихъ членовъ и ежегодный балансъ его превосходилъ 50 т. рублей. Теперь членовъ (подписчиковъ)—

Digitized by Google

70 тысячъ, и ежегодный доходъ—около 80 тысячъ рублей. Оно устраиваетъ митинги и публичныя чтенія, издаетъ журналъ «The Alliance Weekly News» и множество брошюръ. Впрочемъ, до сихъ поръ, вліяніе этого общества на законодательную власть выразилось только въ многократномъ возбужденіи въ парламентѣ вопроса о противодѣйствіи пьянству.

Въ Шотландіи, эдинбургскому обществу трезвости удалось провесть законодательную мѣру, такъ-называемый Forbes'-Mackenzie Act, въ 1853 году, возстановившій одинъ изъ древнихъ шотландскихъ законовъ. Этотъ актъ, сверхъ обыкновенныхъ ограничительныхъ мѣръ, принимаемыхъ относительно питейныхъ заведеній, какъ-то запрещенія продавать вмѣстѣ пиво и водку, держать водку въ мелочныхъ лавкахъ, обязательности патента, штрафовъ за допущеніе безпорядковъ и т. д., — запрещаетъ открывать кабаки втеченіи всего воскресенья. Въ Шотландіи держатся мнѣнія, что послѣдствіемъ этого акта было значительное уменьшеніе пьянства. Этотъ актъ съ измѣненіями, какія въ немъ были произведены въ 1862 году, дѣйствуетъ до сихъ поръ. Изъ числа этихъ измѣненій упомянемъ постановленіе, которымъ лица, встрѣченныя въ состояніи такого опьяненія, что они не могутъ заботиться сами о себѣ, по задержаніи полиціею, призываются въ мировой судъ и по доказанію такого ихъ состоянія, приговариваются къ уплатѣ 5 шиллинговъ или заключенію на время до однихъ сутокъ.

При помощи этихъ законовъ, которые исполняются очень строго, а главное—при помощи многочисленныхъ обществъ трезвости и развитія образованія въ шотландскомъ народѣ, противодѣйствіе пьянству въ Шотландіи вообще идетъ успѣшно.

Какъ въ Шотландіи, какъ и въ Ирландіи, въ прежнее время было сильно развито тайное куреніе спирта. Оно уменьшилось вслѣдствіе пониженія акцизныхъ пошлинъ въ двадцатыхъ годахъ.

Въ Ирландіи общества трезвости возникли также въ двадцатыхъ годахъ. Но пьянство не уменьшилось, ни вслѣдствіе ихъ усилій, ни вслѣдствіе указанныхъ выше общихъ законодательныхъ мѣръ для обоихъ королевствъ, напротивъ того, оно увеличивалось. Такъ, потребленіе спиртныхъ напитковъ, составлявшее послѣ уменьшенія акцизныхъ пошлинъ въ двадцатыхъ годахъ до 9 милл. галлоновъ въ годъ, въ 1839 году дошло до 11—12 милл. галлоновъ.

Тогда-то за дѣло противодѣйствія пьянству взялся краснорѣчивый проповѣдникъ, патеръ Мэтью. Онъ представилъ невиданный нигдѣ доселѣ примѣръ огромнаго вліянія слова одного человѣка на исправленіе народа. Проповѣдническая дѣятельность патера Мэтью продолжалась 1839—1845 гг., и результатомъ ея

Digitized by Google

было то, что потребленіе спиртныхъ напитковъ *уменьшилось на половину;* съ 11—12 милл. галлоновъ оно упало до 5—6 милл. галлоновъ, и держалось на этой цифрѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Примѣръ патера Мэтью, также какъ примѣръ духовныхъ лицъ въ Сѣверной Америкѣ, только еще болѣе краснорѣчиво доказываетъ, какъ много пользы могутъ принесть для обузданія наиболѣе сильнаго въ народѣ порока просвѣщенныя и энергическія усилія духовенства [1]). Правда, не вездѣ можно ожидать такихъ непосредственныхъ и блестящихъ результатовъ, какихъ достигъ патеръ Мэтью («апостолъ трезвости», какъ его называли) въ Ирландіи. Это зависитъ и отъ большого вліянія духовенства на ирландцевъ и отъ пламеннаго характера ирландскаго народа. Но хотя бы результаты и не были такъ блестящи, они все-таки могутъ быть весьма существенны вездѣ, гдѣ только духовенство съумѣетъ взяться за это дѣло, и само не заражено этимъ порокомъ.

Что уменьшеніе пьянства въ Ирландіи, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, на половину, въ сравненіи съ прежнимъ, зависѣло непосредственно отъ вдохновеннаго слова проповѣдника доказывается и тѣмъ фактомъ, что какъ только онъ пересталъ проповѣдывать, количество потребляемыхъ ежегодно спиртныхъ напитковъ тотчасъ возросло до 7 милл. галлоновъ и оставалось на этой цифрѣ въ теченіи 1847, 1848 и до 1849 года, когда бѣдственные неурожаи и громадные размѣры эмиграціи уменьшили населеніе Ирландіи на цѣлую четверть.

Однакоже дѣйствіе проповѣдей Мэтью все-таки не совсѣмъ изгладилось. Послѣ нихъ, потребленіе спиртныхъ напитковъ въ Ирландіи уже ни разу не превышало средней годовой цифры по 1 галлону на 1 жителя, между тѣмъ, какъ прежде она была выше $1^1/_2$ галлона на человѣка. Правда, акцизная пошлина возвышена съ тѣхъ поръ: въ 1839 году, она была въ Ирландіи 2 шиллинга 4 пенса съ галлона, а теперь одинакова съ положенною въ Англіи, именно 10 шилл. съ галлона, но полагаютъ, что тайное куреніе, при нынѣшней бдительности и строгости, слишкомъ незначительно, чтобы дѣйствительное количество потребляемыхъ въ Ирландіи спиртныхъ напитковъ могло бы сколько-нибудь значительно превышать 1 галлонъ на человѣка, въ годъ. Мѣры противъ пьянства, установленныя въ Ирландіи, именно:

---

[1]) Изъ недавно напечатаннаго отчета г. оберъ-прокурора синода за 1867 годъ, видно, что духовное начальство предписало сельскому духовенству дѣйствовать съ особымъ прилежаніемъ пастырскою проповѣдью противъ пьянства. Надобно думать, что эта проповѣдь найдетъ себѣ сильную поддержку въ собственномъ примѣрѣ.

Digitized by Google

задержаніе пьяныхъ и штрафованіе ихъ 5-ю шиллингами примѣняются строго.

Изъ статистическихъ данныхъ о потребленіи спиртныхъ напитковъ въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи съ 1740 года до 1866 года обнаруживается любопытный фактъ: десять лѣтъ тому назадъ, потребленіе этихъ напитковъ, по сравненію съ числомъ населенія, было почти равно тому, какое показано за сто лѣтъ, именно: въ періодъ 1740—1749 г. приходилось по 0,809 галлона на душу, а въ 1857—1859 годахъ—0,804. Съ 1860 года количество, объявляемое заводчиками, уменьшилось вслѣдствіе допущенія спиртныхъ напитковъ привозныхъ, по пошлинѣ уравнительной съ внутреннею акцизною. Въ періодъ 1864—1866 г. отношеніе между количествомъ объявленнымъ заводчиками и числомъ населенія выражалось цифрою — 0,686 галлона на душу.

Во Франціи, потребленіе спиртныхъ напитковъ всегда было гораздо менѣе значительно; въ настоящее время его исчисляютъ въ 600—700 т. гектолитровъ въ годъ, т. е. примѣрно по 2 литра (около $1^1/_2$ штофа) на человѣка. Но это еще не даетъ цифры хмѣльного потребленія, такъ какъ во Франціи тутъ важную роль играетъ вино. Злоупотребленіе же собственно спиртными напитками развито во Франціи только въ большихъ городахъ, мануфактурныхъ центрахъ, въ Альзасѣ и на сѣверѣ. Такъ, въ Парижѣ среднее потребленіе спиртныхъ напитковъ — 5 литровъ на человѣка. Въ Сѣверномъ департаментѣ пьянство вообще развито, въ особенности въ мануфактурныхъ городахъ. Префектъ Сѣвернаго департамента отзывается, что въ Лиллѣ рабочіе нерѣдко работаютъ только три дня въ недѣлю, а остальные четыре дня проводятъ въ кабакѣ. Относительно Альзаса, вотъ что говоритъ г. Нейреманъ, президентъ альткирхскаго суда (Haut-Rhin): «Пьянство особенно процвѣтаетъ въ Альзасѣ, провинціи нѣкогда бывшей нѣмецкою и сохранившею до сихъ поръ въ этомъ только отношеніи извѣстные привычки своего прежняго отечества [1]); о ней можно сказать, какъ и объ Англіи, что пьянство — ея злой геній».

Законодательныя мѣры противъ пьянства начались во Франціи чуть не со временъ Карла Великаго. Нынѣшнее положеніе опредѣлено декретомъ 23 декабря 1851 года. Въ силу этого декрета, кажется, кабаки и всѣ распивочныя заведенія подчинены административной власти и могутъ быть открываемы не иначе, какъ по испрошеніи разрѣшенія; за открытіе питейнаго

[1]) Boire comme un allemand — старая французская поговорка; но столь же употребительны были и boire comme un anglais, boire comme un suisse.

Digitized by Google

заведенія безъ предварительнаго разрѣшенія, виновные подвергаются 25—50 франкамъ штрафа и аресту отъ 6 дней до 6 мѣсяцевъ, съ закрытіемъ самаго заведенія. Впрочемъ, префекту дана власть во всякое время закрывать питейныя заведенія (débits de boissons).

Цѣлью этого декрета — какъ и всѣхъ декретовъ 1851 года — было охраненіе не столько нравственности, сколько общественной безопасности. Косвеннымъ образомъ, онъ могъ способствовать однако и уменьшенію пьянства, ограничивая число кабаковъ.

По показанію префекта Сѣвернаго департамента (1859 г.), дѣйствіе декрета 1851 года было благодѣтельно для общественнаго спокойствія. Число питейныхъ заведеній съ 17.860 (въ департаментѣ) пало до 14,371 — т. е. закрыто 3,481. «Но привычка къ невоздержности уменьшилась немного», прибавляетъ префектъ. По показанію префекта Соммы (1859 г.), въ этомъ департаментѣ, вслѣдствіе декрета 1851 года, число кабаковъ съ 931 упало до 806 (замѣчателенъ фактъ, что стало быть въ департаментѣ Соммы кабаковъ вчетверо меньше, чѣмъ въ д-тѣ Сѣверномъ). «Желалъ бы я — примѣчаетъ префектъ Соммы — имѣть возможность прибавить, что и число пьяницъ уменьшилось въ равной пропорціи. Но, къ сожалѣнію, я прихожу къ убѣжденію, что этого не случилось и что привычка къ невоздержности въ рабочемъ классѣ осталась почти въ такой же степени, какъ то было и до изданія помянутаго декрета».

Итакъ, общихъ законодательныхъ мѣръ противъ пьянства во Франціи нынѣ не существуетъ, а контроль надъ питейными заведеніями безусловно переданъ въ руки префектовъ. Префекты, въ разныхъ мѣстностяхъ, придумали разныя мѣры, которыя, впрочемъ, всѣ относятся, конечно, только къ условіямъ открытія и, такъ сказать, къ дисциплинѣ кабаковъ. Г. Нейреманъ, альзасскій судья, упомянутый выше, въ своемъ сочиненіи по этому предмету, находитъ всѣ эти мѣры недостаточными, и требуетъ общей законодательной мѣры, которая поставила бы пьянство въ разрядъ наказуемыхъ проступковъ. Но г. Лабуръ, въ своемъ сочиненіи о пьянствѣ и средствахъ къ его ограниченію, далеко не раздѣляетъ этого мнѣнія. Онъ указываетъ на законъ 1814 года, который не исполнялся потому, что шелъ наперекоръ нравамъ, такъ точно, какъ не исполнялись прежніе законы противъ дуэлей, противъ святотатства и т. д. Единственное средство, которое можетъ оказаться дѣйствительнымъ противъ пьянства, во Франціи, по его мнѣнію — *убѣжденіе*, и потому онъ всю надежду полагаетъ въ этомъ отношеніи на общества трезвости.

Общество трезвости было основано въ Аміенѣ, въ 1835

Digitized by Google

году, но по показанію соммскаго префекта, 1859 года, это общество просуществовало только короткое время, и отъ него осталось слѣдомъ только одна брошюрка, изданная еще въ 1835 году, которой даже нельзя достать. Г. Вилльермѐ, тоже авторъ сочиненія о пьянствѣ, писалъ въ 1840 году, что никто во Франціи не ждетъ успѣха отъ основанія обществъ трезвости. Г. Нейреманъ (въ 1858 году) высказываетъ рѣшительное мнѣніе, что общества трезвости во Франціи никакого успѣха имѣть не могутъ. Какъ отражаются черты національныхъ характеровъ въ этихъ различіяхъ при употребленіи одного и того же средства въ разныхъ странахъ! То, что оказывалось самымъ вѣрнымъ средствомъ въ Англіи и Соединенныхъ-Штатахъ, для Франціи оказывается вовсе непригоднымъ. Тѣмъ не менѣе, во Франціи и безъ обществъ трезвости пьютъ несравненно меньше, чѣмъ въ приведенныхъ странахъ, населенныхъ англо-саксонскою расою.

Въ Нидерландахъ, до сихъ поръ законодательство еще не считаетъ возможнымъ вмѣшиваться въ вопросъ объ ограниченіи пьянства. Въ 1856 году, палата назначила коммиссію для изслѣдованія этого вопроса. Коммиссія представила въ 1857 году докладъ, въ которомъ обращала вниманіе на необходимость слѣдить за фальсификаціею напитковъ и пользу дѣйствовать противъ пьянства въ арміи, флотѣ, мастерскихъ и вообще заведеніяхъ зависящихъ отъ правительства, но не предложила никакихъ законодательныхъ мѣръ. Главное препятствіе здѣсь было именно опасеніе коснуться личной свободы гражданъ.

Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ многочисленныхъ прошеній, требовавшихъ мѣръ противъ пьянства, вопросъ этотъ снова нѣсколько разъ былъ возбуждаемъ въ нидерландской палатѣ, но остался безъ разрѣшенія. Въ 1865 году, министръ внутреннихъ дѣлъ Торбеки высказалъ мысль, что противодѣйствіе злоупотребленію спиртныхъ напитковъ должно лежать скорѣе на обязанности мѣстныхъ управленій, чѣмъ центральнаго правительства.

Въ Ганноверѣ дѣйствуетъ законъ 1841 года, ограничивающій число кабаковъ и запрещающій продавать водку лицамъ моложе 16 лѣтъ и пьяницамъ. Есть еще законъ 1847 года, устанавливающій наказаніе за пьянство соединенное съ буйствомъ или общественнымъ соблазномъ. Общества трезвости основались, сперва въ Оснабрюкѣ, потомъ и въ другихъ городахъ, по иниціативѣ пастора Бэтхера и капеллана Зелинга, котораго называютъ германскимъ патеромъ Мэтью. Впрочемъ, дѣйствіе этихъ обществъ незамѣтно.

Въ Саксоніи совсѣмъ нѣтъ законовъ или полицейскихъ постановленій, которыя бы прямо наказывали или ограничивали

Digitized by Google

пьянство. Впрочемъ для открытія питейнаго заведенія требуется разрѣшеніе.

Въ Швеціи пьянство всегда было развито въ сильной степени. По оффиціальному свѣдѣнію, потребленіе спиртныхъ напитковъ, до 1855 года, представляло въ годъ пропорцію 23 литра на душу (т. е. слишкомъ въ десять разъ болѣе, чѣмъ во Франціи!). Въ 1813 году изданъ былъ строгій законъ противъ пьянства; въ силу его, пьяный подвергался штрафу и позорной выставкѣ передъ церковью на слѣдующее воскресенье [1]). Это послѣднее правило было отмѣнено въ 1841. Законъ 1841 года подвергаетъ штрафу около 1 р. 75 коп. съ человѣка, задержаннаго въ пьяномъ видѣ. Штрафъ за повторенія одинаковъ, но за пьянство въ общественномъ собраніи удвоивается. Пьяница, сверхъ того, за 4-й разъ лишается политическихъ правъ. Пьянство, однако, было чрезвычайно развито въ Швеціи до 1855 года. Несмотря на то, что винокуреніе составляло привилегію помѣщиковъ, число заводовъ въ 1855 году составляло: 700 большихъ, 35,100 малыхъ (хозяйственныхъ, вѣроятно?). Въ 1843 году общества трезвости въ Швеціи имѣли уже 83,000 членовъ и подъ ихъ-то вліяніемъ, сеймъ 1853 года принялъ законъ (изданъ въ 1855 году), который болѣе чѣмъ удесятерилъ прежнюю акцизную пошлину и установилъ обязательныя количества производства, съ которыхъ взимается пошлина (наша система — подражаніе). Новый законъ, 1857 года, возвысилъ эту пошлину, — а закономъ 1867 года, она была еще возвышена, вслѣдствіе чего винокуреніе упало сперва на цѣлыя двѣ трети, а потомъ поднялось, но нынѣ не превосходитъ половины прежняго (до 1855 года). Вслѣдствіе принятыхъ въ послѣднее десятилѣтіе мѣръ значительно уменьшилось и число питейныхъ заведеній, такъ что во многихъ деревняхъ ихъ вовсе нѣтъ. Результатомъ всего этого (а также — и можетъ быть въ особенности — распространенія въ народѣ образованія) было значительное уменьшеніе пьянства въ Швеціи за послѣдніе 15 лѣтъ.

Въ Швейцаріи нѣтъ пошлины съ выдѣлки спиртныхъ напитковъ, а потому нѣтъ и свѣдѣній ни о количествѣ производства, ни о количествѣ потребленія ихъ. Жители долинъ вообще отличаются трезвостью, а примѣры неумѣреннаго употребленія напитковъ замѣчаются только въ горахъ. Правительства союзовъ и кантоновъ никакихъ мѣръ противъ пьянства не принимаютъ, и оно подчинено единственно дѣйствію полицейскихъ постано-

[1]) Обычай этотъ до сихъ поръ существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Финляндіи.

Digitized by Google

вленій, которыя предписываютъ закрывать питейныя заведенія въ 11 часовъ вечера, не открывать ихъ во время богослуженія, не продавать водки лицамъ моложе 16 лѣтъ, а также лицамъ состоящимъ на попеченіи общественной благотворительности (въ Швейцаріи, какъ извѣстно, нѣтъ нищенства въ прямомъ смыслѣ слова).

Вопросъ объ ограниченіи пьянства — вопросъ сложный. Онъ касается очень многихъ сторонъ общественной жизни, и многое, что представляется въ теоріи легкимъ, на практикѣ оказывается или неудобоисполнимымъ или обѣщающимъ только призрачные результаты въ хорошемъ смыслѣ. Слѣдуя указаніямъ книги, представленной бельгійской палатѣ представителей, представимъ теперь обозрѣніе главнѣйшихъ мѣръ предположенныхъ для стѣсненія и ограниченія этой общественной язвы посредствомъ мѣръ государственныхъ и общественныхъ властей.

Прежде всего человѣку, обдумывающему средства противодѣйствія злу представляются, конечно, мѣры репрессивныя, самыя простыя изъ всѣхъ. Изложимъ тѣ мѣры, которыя были предложены въ этомъ отношеніи въ разныхъ странахъ и результаты нѣкоторыхъ опытовъ, по примѣненію каждой изъ нихъ.

Прежде всего представляется самая, повидимому, энергическая мѣра, къ какой можетъ прибѣгнуть законодательство, именно: поставленіе пьянства въ разрядъ предвидѣнныхъ и наказуемыхъ закономъ проступковъ. Понятно, что злоупотребленія въ домашнемъ обиходѣ, во всякомъ случаѣ, не могутъ подлежать карательному законодательству, которое простираетъ свое дѣйствіе только на публичныя проявленія порока.

Мы видѣли выше, что законодательство разныхъ странъ уже очень давно, тысячелѣтіе тому назадъ, озабочивалось репрессіею пьянства, какъ порока ослабляющаго общество—этотъ матеріалъ, обработываемый государствомъ. Мы видѣли причины непосредственныхъ каръ и пеней за пьянство. Само собою разумѣется, что предупредительнаго дѣйствія подобныхъ постановленій нельзя вычислить въ цифрахъ, но вообще должно быть признано, что непосредственно-репрессивныя мѣры, если, быть можетъ, и уменьшали собственно публичное безобразіе, происходящее отъ пьянства — во всякомъ случаѣ не имѣли пропорціональнаго вліянія на количество выпиваемыхъ, въ теченіи опредѣленнаго періода, спиртныхъ напитковъ.

Изъ всѣхъ употреблявшихся доселѣ видовъ подобныхъ наказаній, непосредственно относящихся къ виновнымъ въ пьянствѣ,

Digitized by Google

оказало несомнѣнно нѣкоторую пользу, употребительное въ иныхъ странахъ, преданіе гласности судебныхъ приговоровъ, состоявшихся противъ пьяницъ. Въ числѣ подобныхъ непосредственныхъ карательныхъ мѣръ, упомянемъ: лишеніе человѣка, замѣченнаго въ пьянствѣ, нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ политическихъ и гражданскихъ, избирательнаго права, права занимать общественныя должности, права на пособіе какого бы то ни было рода отъ благотворительныхъ учрежденій; наказаніе, въ видѣ тюремнаго заключенія или пени, за подговоръ къ пьянству (съ отягощающими условіями, если жертвою подговора является несовершеннолѣтній или правительственный чиновникъ [1]); исключеніе пьянства изъ числа обстоятельствъ, облегчающихъ какую-либо вину, на судѣ, и напротивъ, вмѣненіе состоянія опьяненія въ отягощающее обстоятельство преступнику [2]); наконецъ — дисциплинарныя наказанія противъ всякаго должностного лица, государственной или общественной службы, уличеннаго въ пьянствѣ. Косвенною карательною мѣрою мы назовемъ постановленія, угрожающія карою закона всѣмъ содержателямъ торговыхъ заведеній, въ которыхъ продаются хмѣльные напитки, за неисполненіе законовъ направленныхъ къ ограниченію пьянства, какъ, напримѣръ, за продажу такихъ напитковъ людямъ уже находящимся въ состояніи опьяненія или несовершеннолѣтнимъ и т. д. [3]).

Мѣры предупредительныя относятся къ приготовленію и продажѣ спиртныхъ напитковъ. Радикальная предупредительная мѣра, какъ мы сказали выше, была установлена въ американскомъ штатѣ Мэнъ и потомъ—съ разными видоизмѣненіями—въ другихъ штатахъ Сѣверо-Американскаго союза. Она совершенно воспрещала и приготовленіе и продажу спиртныхъ напитковъ, иначе какъ для лекарственныхъ или промышленныхъ потребностей. Мѣра эта и въ Англіи, парламентскимъ рѣшеніемъ 1834 года, признана «цѣлью, къ которой должны стремиться истинные противники порока». Но примѣненіе этой мѣры не принесло бы равной пользы въ тѣхъ странахъ, которыя производятъ виноградное вино; распространить же запрещеніе и на вино виноградное въ этихъ странахъ едва-ли возможно, тѣмъ болѣе, что южныя, виноградныя страны Европы населены народами, которые до сихъ поръ обнаружили мало способности къ обще-

[1]) Въ швейцарскихъ кантонахъ Ури и Унтервальденѣ подговоръ къ пьянству наказывается пенею въ 25 гульденовъ, и въ 50, если виновенъ въ этомъ хозяинъ трактирнаго заведенія.

[2]) Въ бельгійскомъ военномъ законѣ; у насъ см. указъ Петра I.

[3]) Подобныя постановленія существуютъ въ большей части европейскихъ законодательствъ.

Digitized by Google

ственной самодѣятельности путемъ ассоціацій, и что духовенство въ этихъ странахъ смотритъ на свое призваніе, какъ на нѣчто высшее земныхъ общественныхъ интересовъ, то-есть выдѣляетъ дѣло вѣры изъ дѣла улучшенія нравовъ.

За упомянутою сейчасъ коренною мѣрою, слѣдуетъ ограниченіе винной торговли вообще постановленіями относительно дней и часовъ, въ которые она не дозволяется. Въ Англіи, какъ мы видѣли выше, запрещеніе винной торговли въ теченіи извѣстныхъ часовъ, въ праздничные дни, произвело результаты благопріятные. Но въ докладѣ, представленномъ правительствомъ Нидерландовъ палатѣ этой страны, высказано было мнѣніе, что подобныя постановленія не искореняютъ и даже не уменьшаютъ пьянства, а только измѣняютъ народныя привычки, такъ что питейныя заведенія наполняются не въ праздники, а въ дни за ними слѣдующіе и т. п.

Въ большинствѣ европейскихъ государствъ, какъ и у насъ, запрещена винная продажа *въ разносъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что разрѣшеніе продажи спиртныхъ напитковъ разнощиками, тамъ гдѣ его не было, неминуемо повлекло бы за собою весьма значительное увеличеніе пьянства. Но тамъ, гдѣ подобная продажа уже существовала, не видно, чтобы воспрещеніе остановило его. Иногда судебная власть признавала даже (въ Антверпенѣ) такую мѣру неосновательною на законахъ.

Во многихъ странахъ дозволеніе торговать виномъ обусловливается разными формальностями, установленными именно съ цѣлью ограниченія пьянства. Для открытія питейнаго заведенія требуется предварительное разрѣшеніе, которое дается условно, то-есть подъ обязательствомъ исполнять разныя полицейскія правила и подъ страхомъ лишенія права торговли, вслѣдствіе хотя бы одного судебнаго приговора, за нарушеніе этихъ правилъ. Иногда предоставляется администраціи отбирать у хозяина питейнаго заведенія его патентъ, за несоблюденіе инструкцій администраціи. Что касается этого послѣдняго средства, то оно непримѣнимо въ странахъ, окончательно отрѣшившихся отъ системы административнаго, полицейскаго всемогущества.

Въ Бельгіи, въ 1858 году, одинъ бывшій министръ предложилъ подобную мѣру, но былъ принужденъ взять свой проектъ назадъ, какъ несогласный съ духомъ учрежденій этой страны. Что же касается вообще до ограничительныхъ формальностей при выдачѣ патентовъ на продажу горячихъ напитковъ, то надо имѣть въ виду, что формальности эти не должны быть слишкомъ строги; иначе онѣ поведутъ неизбѣжно къ размноженію тайныхъ шинковъ, какъ то было въ Шотландіи, когда установленныя фор-

Digitized by Google

мальности были слишкомъ сложны и въ Англіи до 1743 года, когда цѣны патентовъ были слишкомъ высоки.

Ограниченіе числа питейныхъ продажъ — вотъ одна изъ предупредительныхъ мѣръ противъ пьянства. У насъ недавно была проведена въ печати мысль, что степень развитія пьянства вовсе не зависитъ отъ числа имѣющихся кабаковъ. Мысль эта была подкрѣплена статистическими данными. Между тѣмъ, знаменитое мэнчестерское общество трезвости, Alliance, во всей своей дѣятельности исходитъ прямо изъ того факта, что развитіе пьянства находится въ прямомъ отношеніи къ числу существующихъ питейныхъ продажъ. Фактъ этотъ выясненъ тоже статистическими данными, собранными въ большомъ числѣ докторомъ Лиссомъ, секретаремъ Alliance [1]). Напомнимъ также, что законъ, съ такимъ успѣхомъ примѣненный въ штатѣ Мэнъ для уничтоженія пьянства, призналъ нужнымъ именно уничтожить винныя продажи. Ограниченіе числа кабаковъ «дѣйствительною потребностью» также съ успѣхомъ было примѣнено въ Швеціи. Едва ли можно сомнѣваться, что ограниченіе числа кабаковъ должно имѣть прямое вліяніе на пьянство. Въ развитіи пороковъ, среди общественнаго организма, соблазнъ, доступность, возможность легкаго удовлетворенія играетъ если и не главную, то во всякомъ случаѣ очень значительную роль: этого не опровергнутъ даже и статистическія данныя. Д-ръ Лисъ приводитъ въ своемъ сочиненіи много убѣдительныхъ примѣровъ зависимости пьянства отъ числа разрѣшеній продажи крѣпкихъ напитковъ. Общественную задачу по отношенію къ этому пороку онъ называетъ the social lock и разрѣшеніе ея находитъ въ томъ, чтобы взять въ руки the tavernkey. Приведенный выше примѣръ Швеціи въ этомъ отношеніи поучителенъ.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, въ числѣ второстепенныхъ мѣръ, употребленныхъ для ограниченія пьянства, заключаются: запрещеніе соединять распивочную торговлю спиртными напитками съ какою бы то ни было иною отраслью торговли, а также запрещеніе всякихъ особыхъ вывѣсокъ, украшеній, иллюминацій и т. п. распивочныхъ продажъ.

Увеличеніе акцизной пошлины съ выдѣлки спиртныхъ напитковъ представляется сперва, какъ самое простое и естественное средство ограничить развитіе пьянства, возвысивъ цѣну предмета потребленія. Статистическія данныя, дѣйствительно, сви-

[1]) Указываемъ со словъ бельгійской записки на сочиненіе д-ра Лиса (Lees): An argument for the legislative prohibition of the liquor trafic, и на доклады, читанные въ засѣданіяхъ филантропическихъ конгрессовъ въ Брюсселѣ и Франкфуртѣ, въ 1856 и 1857 годахъ.

Digitized by Google

дѣтельствуютъ, что вездѣ за возвышеніемъ акцизнаго сбора слѣдовало уменьшеніе количества приготовленія спиртныхъ напитковъ. Но статистика здѣсь основывается только на оффиціальныхъ данныхъ, а они, въ этомъ именно случаѣ, не могутъ быть достовѣрны. Увеличеніе акциза увеличиваетъ тайное куреніе. Это доказывается приведеннымъ выше примѣромъ Англіи, гдѣ вслѣдствіе пониженія акцизной пошлины количество *объявленнаго* приготовленія въ короткое время удвоилось.

Возвышеніе акцизной пошлины не можетъ имѣть прямого вліянія на уменьшеніе пьянства въ большей части случаевъ уже потому, что акцизная пошлина все-таки составляла малую часть цѣны предмета потребленія. Возвышеніе акцизной пошлины съ цѣны ведра водки все-таки отзовется только незначительнымъ возвышеніемъ въ цѣнѣ нѣсколькихъ лишнихъ стакановъ, которые въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и причиняютъ пьянство. Это справедливо и у насъ, хотя у насъ акцизная пошлина входитъ, какъ главный элементъ, въ цѣну ведра хлѣбнаго вина; но никто, когда пьетъ лишній стаканъ, не думаетъ о цѣнѣ ведра.

Что касается западныхъ государствъ, то система значительнаго возвышенія акциза не мыслима тамъ уже потому, что она потребовала бы, для успѣшнаго примѣненія, отяготительной для заводчиковъ системы контроля, чему противится на западѣ общій духъ законодательствъ.

Уменьшеніе пошлинъ на чай, кофе, и цѣны патентовъ на выдѣлку и продажу пива, по мнѣнію бельгійской Bluebook, оказываются безполезными. Впрочемъ, для доказательства въ ней приведенъ только примѣръ облегченія торговли пивомъ въ Англіи, о которомъ упомянуто выше. Что касается до теоретическаго соображенія, приведеннаго въ ней въ подкрѣпленіе этого мнѣнія, именно, что для людей, привыкшихъ къ опьяненію, спиртные напитки могутъ быть замѣнены только иными средствами опьяненія, то противъ этого слѣдуетъ возразить, что именно для распространенія полнаго воздержанія отъ опьяняющихъ напитковъ было бы очень важно сдѣлать доступнѣе для классовъ бѣдныхъ другіе, безвредные напитки, которые могли бы быть употребляемы, согласно обычаю, въ гостяхъ, въ собраніяхъ и т. д.

Возвышеніе цѣны патентовъ распивочныхъ заведеній имѣетъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ уменьшеніе ихъ числа, а потому должно быть признано полезнымъ. Правда, и эта мѣра отчасти парализируется появленіемъ тайныхъ шинковъ. Это возраженіе останавливаетъ бельгійское правительство отъ предложенія мѣры въ этомъ родѣ, такъ какъ, по словамъ доклада, «нравственность

Digitized by Google

ни чуть не выиграла бы отъ мѣры, за которою слѣдуетъ увеличеніе обмана». Но нельзя не напомнить, что хотя изъ приведенныхъ выше опытовъ, примѣръ Франціи, по показаніямъ префектовъ, не говоритъ въ пользу такой мѣры, за то примѣры Шотландіи и Швеціи положительно свидѣтельствуютъ въ ея пользу.

Переходя къ мѣрамъ, зависящимъ не отъ законодательной и правительственной властей, а отъ частной и общественной самодѣятельности, на первомъ планѣ, конечно, слѣдуетъ поставить образованіе обществъ трезвости. *Администрація во всѣхъ странахъ не только не препятствовала ихъ развитію*, но напротивъ, всячески ему благопріятствовала. Наше положеніе, въ этомъ отношеніи, едва ли можетъ быть признано исключительнымъ, хотя винно-акцизный доходъ и составляетъ у насъ главный доходъ государства. Дѣло въ томъ, что если мы представимъ себѣ всю Россію рѣшительно непьющею, то выгоды всякаго рода, усиленіе труда и здоровья, накопленіе сбереженій, безъ сомнѣнія, составили бы въ годъ капиталъ, далеко превышающій сумму акцизнаго дохода, получаемаго государствомъ, потому именно, что этотъ доходъ представляетъ только часть того громаднаго капитала, который ежегодно пропивается въ предѣлахъ Россіи, и во всякомъ случаѣ часть, даже незначительную, той суммы невыгодъ всякаго рода, потери времени и здоровья, разстройства дѣлъ, накопленіе недоимокъ и т. д., — которыя отсюда возникаютъ. Образованію и возможному распространенію обществъ трезвости, которыя у насъ-было уже стали возникать, слѣдуетъ, съ точки зрѣнія государственной пользы, оказывать всякое поощреніе. Если общее благосостояніе народа увеличится, то не трудно недоборъ въ одномъ доходѣ вознаградить новымъ налогомъ, потому что *будетъ съ чего взимать*. Но плохо то хозяйство, которое настаивало бы на охраненіи сегодняшняго рубля дохода, если этотъ рубль изсушаетъ самый источникъ дохода, т. е. благосостояніе страны. Это—старая басня о курицѣ и золотыхъ яйцахъ.

Относительно программъ дѣйствій обществъ трезвости, если-бы они снова образовались у насъ, необходимо настаивать на мысли *полнаго* воздержанія, какъ основы ихъ пропаганды. *Умѣренность* въ потребленіи, какъ показалъ опытъ,—мысль неосуществимая въ массахъ.

Замѣтимъ здѣсь, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ дешево виноградное вино, едва ли возможно осуществить теорію полнаго воздержанія отъ опьяняющихъ напитковъ. Но за то тамъ и пьянство, вообще, гораздо менѣе развито, вслѣдствіе климатическихъ условій. Общества трезвости съ особеннымъ успѣхомъ

Digitized by Google

могутъ дѣйствовать въ сѣверныхъ странахъ, потому что здѣсь пристрастіе къ опьяненію распространено и въ высшихъ классахъ, чего на югѣ вовсе нѣтъ. Во Франціи, напримѣръ, общества трезвости, еслибы они существовали, были бы лишены участія классовъ наиболѣе вліятельныхъ, которыхъ этотъ вопросъ не близко касается. Другое дѣло, напримѣръ, въ Англіи: въ Лондонѣ, на 300-хъ человѣкъ, поднятыхъ полиціею въ состояніи полнаго опьяненія, впродолженіи всего пяти ночей, найдено было денегъ 627 фунтовъ (слишкомъ 4 тысячи рублей).

Само собою разумѣется, что немаловажное вліяніе на отвращеніе народа отъ пьянства окажутъ не только успѣхи образованія, но и заботливость правительствъ, мѣстныхъ управленій и частныхъ обществъ о доставленіи народу средствъ проводить свободное время гдѣ-либо кромѣ кабаковъ: какъ-то, устройство дешевыхъ театровъ, постоянныхъ гимнастическихъ игръ, садовъ и т. д. Сверхъ того, противодѣйствіе пьянства въ западныхъ государствахъ вызвало уже цѣлую популярную литературу, объясняющую вредъ употребленія хлѣбныхъ напитковъ. У насъ же ничего подобнаго еще и не начато.

Книга, внесенная бельгійскимъ министромъ въ парламентъ, не приходитъ ни къ какимъ мѣрамъ, которыя можно было бы примѣнить собственно въ Бельгіи. Правда, часть общества требуетъ ограничительныхъ мѣръ, но министръ напоминаетъ, что такія мѣры могутъ принесть пользу только тогда, когда ихъ требуетъ большинство націи; дѣйствіе ихъ можетъ быть прочно только тогда, когда онѣ требуются общимъ сознаніемъ народа и только тогда онѣ могутъ одержать верхъ надъ частными, нарушенными интересами. Другими словами, непосредственныя мѣры противъ пьянства—могутъ хорошо удасться только въ такомъ обществѣ, которое собственно не нуждается ни въ какихъ мѣрахъ. Отъ правительства же можно ожидать съ пользою однѣхъ отрицательныхъ мѣръ: не содѣйствовать удобствамъ напиваться на каждомъ шагу массѣ, уже зараженной этою печальною эпидеміею, и не связывать никакихъ частныхъ начинаній, направленныхъ къ истребленію порока пьянства.

Л. А—въ.

Digitized by Google

НЕРОНЪ

ТРАГИКОМЕДІЯ.

(К. Гуцкова.)

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Предлагая читателямъ переводъ одного изъ замѣчательныхъ произведеній писателя, пользующагося большою извѣстностію въ Германіи и между тѣмъ почти незнакомаго русской публикѣ, мы считаемъ не лишнимъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни и литературной дѣятельности, въ историческомъ отношеніи имѣющей значительный интересъ.

Карлъ-Фердинандъ Гуцковъ родился въ Берлинѣ въ 1811 году. Начавъ свое образованіе въ одной изъ гимназій, онъ поступилъ затѣмъ въ берлинскій университетъ (находившійся въ то время въ апогеѣ своей славы, и гдѣ, между прочими знаменитыми профессорами, читали Фихте и потомъ Гегель); тамъ онъ окончилъ курсъ, получивъ званіе доктора философіи. Не смотря на то, что молодому Гуцкову представлялась возможность остаться при университетѣ и составить себѣ карьеру, онъ предпочелъ послѣдней болѣе независимую литературную дѣятельность, къ которой влекло его дарованіе. Первые литературные опыты Гуцкова появились въ „Берлинскомъ обозрѣніи“, и въ нихъ онъ сразу выступилъ на тотъ путь, по которому впослѣдствіи шелъ неуклонно.—Время начала литературной дѣятельности Гуцкова было для Германіи временемъ надеждъ и ожиданій. Іюльская революція отозвалась за Рейномъ весьма живымъ

Digitized by Google

впечатлѣніемъ. Скромные нѣмцы начали питать сознаніе, что ихъ національныя стремленія къ единству и свободѣ, подавленныя заботливою опекою „отцовъ отечества“, могутъ получить дѣйствительное осуществленіе. Подъ вліяніемъ исходившихъ изъ Франціи гуманныхъ теорій, основанныхъ на идеи всеобщей соціальной реформы и международнаго братства, исчезла старинная вражда нѣмецкихъ патріотовъ къ за-рейнскимъ сосѣдямъ. Франція въ то время сдѣлалась для Германіи образцомъ, какъ въ политической, такъ и умственной сферѣ. Идеи французскихъ писателей господствовали въ литературѣ въ весьма значительной степени. Безъ всякаго сомнѣнія, Гуцковъ, серьезно проникнутый „вѣяніями“ времени, не могъ относиться иначе какъ съ презрѣніемъ къ тому жалкому политическому и соціальному положенію, въ которомъ находилась тогда оффиціальная Германія. Его первыя произведенія были проникнуты горькой и безпощадной критикой. Менцель, въ то время считавшійся однимъ изъ замѣчательныхъ критиковъ и еще не стяжавшій позорной репутаціи, пріобрѣтенной имъ впослѣдствіи, обратилъ вниманіе на начинавшаго автора и пригласилъ его сотрудничать въ своей газетѣ, издававшейся въ Штутгартѣ. Впрочемъ это сотрудничество не было продолжительно. Стремленія Гуцкова оказались слишкомъ различными съ стремленіями его редактора, и онъ принужденъ былъ разорвать свои сношенія съ Менцелемъ и его газетою. Гуцковъ освободилъ себя отъ сотрудничества въ листкѣ почтеннаго „французоѣда“ тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, что послѣдній простиралъ свое редакторское попечительство надъ молодымъ писателемъ до степени деспотизма. Въ 1832 году, Гуцковъ издалъ въ Гамбургѣ свои знаменитыя „Письма дурака къ дурѣ“, надѣлавшія большого шума, не смотря на то, что имя ихъ автора оставалось неизвѣстнымъ, и за тѣмъ романъ „Мага Гуру“, съ фантастической формой соединявшій критическія тенденціи. Въ тоже время Гуцковъ, воспользовавшись пребываніемъ на югѣ Германіи, пополнилъ свое научное образованіе, прослушавъ курсы права и политической экономіи въ гейдельбергскомъ университетѣ.

Въ 1835 году появились трагикомедія „Неронъ“ и романъ „Валли“ — произведенія, упрочившія литературную извѣстность Гуцкова и вполнѣ опредѣлившія его стремленія. Подвергая все критикѣ сомнѣвающагося духа, Гуцковъ видитъ смѣшеніе добра и зла всюду, во всѣхъ явленіяхъ жизни и выработанныхъ ею истинахъ, къ какой-бы категоріи они ни принадлежали, и, руководимый своимъ безотраднымъ воззрѣніемъ, приходитъ къ сознанію безсилія, испытанному въ ту эпоху лучшими людьми, которое слышится и въ энергическомъ отчаяніи Байрона, и въ скорбныхъ жалобахъ и фривольномъ отрицаніи Альфреда Мюссе, и въ горькой иронiи Гейне. Подобное направленіе въ литературѣ было въ то время господствующимъ, и на ряду съ Гуцковымъ другіе замѣчательные герман-

Digitized by Google

скіе писатели, каковъ Винборгъ, Кюнъ, Мундтъ и Лаубе проводили его въ своихъ сочиненіяхъ съ энергіею и замѣчательнымъ талантомъ. Въ нѣмецкомъ обществѣ это направленіе имѣло большой успѣхъ, и писатели „молодой Германіи", какъ называлась тогда литературная партія Гуцкова и его сотоварищей, получили значеніе въ политическомъ смыслѣ весьма серьезное. Разумѣется, подобное значеніе не могло не обратить на себя вниманія властей, не могло не навлечь на себя подозрѣнія самаго опаснаго свойства. Если-бы „всемірная скорбь" (Weltschmerz), выражавшаяся въ сочиненіяхъ писателей „юной Германіи", касалась какихъ-либо заоблачныхъ предметовъ, если-бы она выражалась въ безплодной разслабленности тоскующей мысли, и находила для себя удовлетвореніе въ абстрактныхъ, фантастическихъ блужданіяхъ духа, какъ находила она его у поэтовъ романтической школы, то, быть можетъ, Германскій Сеймъ посмотрѣлъ-бы сквозь пальцы на литературныя произведенія новаго направленія. Но это не было такъ, и потому преслѣдованія не замедлили обрушиться на нихъ. Особенно тяжело обрушились эти преслѣдованія на Гуцкова. Тотъ самый Менцель, сотрудникомъ котораго былъ Гуцковъ, теперь сдѣлался главнѣйшимъ поборникомъ реакціонной партіи и доносчикомъ на молодыхъ писателей. Менцель указалъ на „ужасное" значеніе романа „Валли", стяжавшаго большой успѣхъ въ публикѣ, и благодаря его доносу Гуцковъ очутился на скамьѣ подсудимыхъ. Обвиненный въ томъ, что онъ въ своихъ сочиненіяхъ стремится поколебать историческія основы христіанства, Гуцковъ былъ присужденъ мангеймскимъ судомъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію. Гоненіе постигло не одного Гуцкова. Почти въ то же самое время франкфуртскій сеймъ принялъ энергическія мѣры относительно новой школы, и тридцать правительствъ соединилось противъ пяти юныхъ писателей, изъ которыхъ самому старшему не было тридцати лѣтъ. Ихъ сочиненія были запрещены огуломъ, и не только написанныя, но даже и тѣ, которыя они имѣли еще написать въ будущемъ. Журналъ, который намѣревался издавать Гуцковъ вмѣстѣ съ Винборгомъ, былъ уничтоженъ въ самомъ началѣ. Даже въ Пруссіи было тогда запрещено читать, издавать и продавать все, что уже написано Гуцковымъ, и все, что онъ напишетъ современемъ. Однимъ словомъ, противъ писателей „молодой Германіи" были въ то время приняты такія мѣры, которыя едва-ли нынѣ принимаются правительствами противъ эпидемій.

Но, какъ это всегда бываетъ, энергическія мѣропріятія и воспрещенія не только не парализовали вліяніе новой школы въ обществѣ, но напротивъ еще болѣе усилили симпатію къ ней. Если что особенно способствовало огромной популярности Гуцкова какъ драматическаго писателя, такъ это именно преслѣдованія и предосторожности, принятыя противъ его сочиненій. Громкая репутація, которую онъ пріобрѣлъ тогда

Digitized by Google

ь Германіи, осталась за нимъ навсегда, и Гуцковъ до сихъ поръ счи-
ится въ числѣ наиболѣе любимыхъ писателей. Но хотя въ нравствен-
ыхъ отношеніи преслѣдованія благопріятствовали литературной каррьерѣ
Гуцкова, тѣмъ не менѣе въ матеріальномъ они отразились на немъ
ильно. Его положеніе, какъ запрещеннаго писателя и какъ человѣка,
ставленнаго, такъ сказать, внѣ общественныхъ законовъ, было крайне
ятко. Скрываясь подъ псевдонимомъ или анонимомъ, онъ долженъ былъ
осить ущербъ своей литературной репутаціи, или сбыту своихъ книгъ;
между тѣмъ полиціи было дано право перехватывать даже тѣ изъ
го произведеній, которыя были-бы пропущены цензурой по незнанію
ени ихъ автора. Мало того, полиція могла выслать его изъ мѣста жи-
льства по своему усмотрѣнію. При такихъ исключительныхъ условіяхъ
легко было существовать Гуцкову, не имѣвшему никакого матеріаль-
аго обезпеченія, кромѣ литературнаго труда, и притомъ въ то время
вшаго уже женатымъ. Не смотря однако же на всю тягость своего
оложенія, Гуцковъ съумѣлъ преодолѣть ее. Поддержка общественнаго
нѣнія, въ цивилизованныхъ странахъ почти всегда оппозирующаго слиш-
омъ сильному разгулу реакціи, и разладица, господствовавшая тогда
ъ нѣмецкихъ государствахъ, помогли ему продолжать свою дѣятель-
ость.

Во время своего заключенія въ Мангеймѣ Гуцковъ написалъ трак-
атъ „О философіи исторіи“, въ которомъ выступилъ противъ ученія
егеля. Трудъ этотъ былъ изданъ въ Гамбургѣ, гдѣ печать пользова-
ась достаточной свободой, и гдѣ запрещенные писатели „молодой Гер-
ніи“, и въ томъ числѣ Гейне, издавали свои сочиненія. Въ Гамбургъ-же
Гуцковъ перенесъ свое обозрѣніе „Телеграфъ“, запрещенное цензурою.

Разсказавъ начало литературной каррьеры Гуцкова, мы не будемъ
лаваться въ подробное разсмотрѣніе ея послѣдующихъ фазъ и обри-
емъ ее только въ общихъ чертахъ. Гуцковъ работалъ на литератур-
омъ поприщѣ, какъ критикъ и какъ драматургъ. И въ той и въ дру-
ой сферѣ онъ высказалъ себя горячимъ пропагандистомъ идей незави-
имости и въ равной мѣрѣ ревностнымъ поборникомъ широкихъ тре-
ованій искусства и соціальныхъ стремленій и вопросовъ времени.
Извѣстныя сочиненія „Гете на рубежѣ двухъ вѣковъ“ и „Жизнь Берне“
огутъ служить памятниками смѣлости и честности убѣжденій и харак-
ера Гуцкова. Въ первые годы своей литературной дѣятельности, Гуц-
овъ, подъ вліяніемъ Менцеля, смотрѣвшаго на Гете съ точки зрѣнія
оверхностнаго узкаго либерализма, высказывался противъ великаго
оэта и признавалъ не особенно большое значеніе за нимъ. Съ го-
ами, уразумѣвъ лучше реальное міросозерцаніе и умственную мощь
ймарскаго генія, Гуцковъ поправилъ свое заблужденіе, чистосердечно
знавшись въ немъ и уяснивъ настоящее значеніе Гете съ необыкно-

Digitized by Google

венной глубиною. Онъ указалъ на художественное единство кажущихся противорѣчій необычайнаго ума творца „Фауста“ и на высокое значеніе этого мыслителя, который, анализируя идеи прошлаго вѣка, умѣлъ начертить программу новыхъ идей. Относительно Берне, Гуцковъ поступилъ, какъ энергическій и честный защитникъ одного изъ доблестнѣйшихъ гражданъ и лучшихъ умовъ своего отечества. Извѣстно, что Гейне увлеченный враждою къ Берне, выставилъ личность послѣдняго не въ особенно благопріятномъ свѣтѣ и даже унизился до злословія и клеветы на германскаго патріота. Не смотря на то, что сарказмовъ Гейне трепетали многіе писатели (и дѣйствительно трепетать было отъ чего) Гуцковъ поднялъ перчатку за Берне, смѣло протестовалъ противъ злостныхъ нападокъ на него и возстановилъ его благородную память во всей чистотѣ. Прямодушный и честный протестъ Гуцкова, какъ видно, не остался безъ вліянія на Гейне. Издавая свою книгу о Берне, впослѣдствіи, онъ исключилъ изъ нея тѣ мѣста, въ которыхъ личныя увлеченія довели его до забвенія даже литературныхъ приличій.

Сознавая, что одной критики недостаточно для противодѣйствія различнымъ темнымъ силамъ, борьба противъ которыхъ была цѣлію его литературной дѣятельности, Гуцковъ обратился къ театру. Имъ онъ думалъ дѣйствовать на умы современниковъ въ извѣстномъ протестующемъ направленіи. Задавшись этой идеей, Гуцковъ, съ 1840 по 1848 годъ, работалъ исключительно для театра, оставивъ даже для этого журнальную дѣятельность. Какъ драматическій писатель онъ стяжалъ себѣ огромный успѣхъ и, безъ всякаго сомнѣнія, въ числѣ новѣйшихъ драматурговъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ Гуцковъ является, по преимуществу поэтомъ тенденціознымъ: съ энергіей проводитъ въ нихъ систематическую оппозицію, противъ дряхлой организаціи стараго нѣмецкаго порядка, руководившую имъ во всѣхъ фазисахъ и во всѣхъ родахъ его литературной дѣятельности. Политическое возрожденіе Германіи, свобода религіи и мысли, эмансипація женщины,—вотъ тѣ элементы, которыя лежатъ въ основаніи драмъ Гуцкова. Не перечисляя всѣхъ драматическихъ произведеній Гуцкова, мы назовемъ изъ нихъ только наиболѣе выдающіяся, каковы: «Uriel Acosta,» «Patkul» «Das Urbild des Tartüffe,» «Werner» и проч. [1]).

Революція сорокъ восьмого года совершенно измѣнила положеніе Гуц

---

[1]) Въ числѣ драмъ Гуцкова, особенное вниманіе *русскихъ* читателей заслуживает «Пугачевъ.» Конечно, въ этомъ произведеніи Гуцковъ погрѣшилъ относительно истор ческой правды лицъ и характеровъ, противъ мѣстнаго колорита и т. д.; но тѣмъ менѣе въ ней есть сцены превосходныя, и многое въ кровавомъ событіи прошлаг вѣка понято и воспроизведено глубоко и вѣрно. Если будетъ возможно, мы современемъ предложимъ читателямъ «Вѣстн. Европы» нѣкоторыя отдѣльныя сцены и «Пугачева.» Въ цѣломъ переводъ драмы немыслимъ, по многимъ обстоятельствамъ

Digitized by Google

кова. Онъ почувствовалъ себя побѣдителемъ въ борьбѣ, которую поддерживалъ двадцать лѣтъ. Его злѣйшій врагъ — цензура исчезла, и обсужденіе общественныхъ вопросовъ печатью и трибунами, до этихъ поръ строго сдерживаемое, получило права гражданства. Идеи свободы и національной независимости, воспрещавшіяся дотолѣ полиціей, внезапно сдѣлались убѣжденіями каждаго и слышались особенно изъ устъ владѣтельныхъ особъ. Хотя эти идеи и не нашли тогда дѣятельнаго примѣненія, но вопросъ уже былъ не о томъ, допускать-ли ихъ, или нѣтъ, а только о томъ, какъ ихъ слѣдуетъ понимать. Масса такъ свыклась съ ними, что если-бы правительству вздумалось вернуться къ политикѣ 1835 г., то пришлось-бы посадить въ тюрьму уже не одну „молодую Германію," какъ это было прежде, а всю націю. Рано или поздно должна была начаться послѣдняя борьба, которая удовлетворила-бы желанію націи соединиться въ одно конституціонное, или республиканское государство. Поэтому не слѣдуетъ удивляться, что участіе Гуцкова въ волненіяхъ 1848 и 1849 годовъ было очень слабо. Увѣренный въ благихъ послѣдствіяхъ своихъ прежнихъ усилій, онъ не сомнѣвался больше въ будущемъ, и его мѣсто въ борьбѣ, хотя и не занятое имъ, не оставалось пустымъ. Гуцковъ не старался попасть ни въ франкфуртскій парламентъ, ни въ прусское учредительное собраніе. Онъ довольствовался тѣмъ, что проповѣдывалъ объ общемъ союзѣ въ своемъ „Адрессѣ къ народу" и въ сочиненіи „Германія наканунѣ своего паденія или величія"; но его голосъ былъ въ то время почти не слышенъ. Живя то во Франкфуртѣ, то въ Дрезденѣ, Гуцковъ окончилъ въ это время полное изданіе своихъ сочиненій. Въ 1852 году, Гуцковъ напечаталъ автобіографію и основалъ народное обозрѣніе „Домашній очагъ", имѣвшее значительный успѣхъ. Но всю силу своего таланта онъ сосредоточилъ въ нѣсколькихъ большихъ романахъ: „die Ritter vom Geiste", „der Zauberer von Rom" и «Hohenschwangau". Послѣдній появился два года назадъ и встрѣченъ былъ германскою критикой съ большими похвалами.

Лишившись первой жены въ 1848 г., Гуцковъ женился во второй разъ въ 1854. Въ 1860 г. онъ былъ сдѣланъ секретаремъ „Шиллеровскаго фонда" (нѣчто въ родѣ общества для пособія бѣднымъ литераторамъ). Поселившись въ Веймарѣ, гдѣ находилось правленіе этого общества, Гуцковъ съ жаромъ предался исполненію трудной и неблагодарной обязанности, доставшейся ему, и въ продолженіи пяти лѣтъ добросовѣстно выполнялъ ее. Многія неудобства заставили его желать, чтобы правленіе перемѣнило свое мѣстопребываніе, но большинство членовъ общества высказалось противъ этого желанія. Въ тоже самое время Гуцковъ былъ огорченъ тѣмъ, что одинъ изъ его сыновей поступилъ на сцену противъ воли отца. Совпаденіе этихъ непріятностей было причиной нравственнаго потрясенія Гуцкова. Преслѣдуемый мрачными мыслями,

Digitized by Google

онъ вообразилъ, что его окружаютъ враги, что его качества, какъ чел
вѣка и какъ писателя, остались непризнанными, что весь свѣтъ согл
сился его преслѣдовать. Катастрофа при такомъ настроеніи сдѣлалас
неизбѣжной, и дѣйствительно, въ январѣ 1865 года, въ припадкѣ поме
шательства, Гуцковъ нанесъ себѣ нѣсколько ранъ, по счастію неопасных
Но сильное нравственное возбужденіе продолжалось и послѣ этого, та
что принуждены были отправить его въ одно изъ помѣщеній для ум
лишенныхъ. Гуцковъ оставался тамъ менѣе года и вышелъ совершен
излечившимся.

Между тѣмъ обстоятельства, какъ бы нарочно, сложились таким
образомъ, чтобъ доказать Гуцкову всю неосновательность его подозрѣн
относительно существованія повсюду враговъ. Какъ только распростр
нился слухъ о его болѣзни, заявленія участія посыпались со всѣхъ ст
ронъ. Полагая, что продолжительная болѣзнь и трудное выздоровлен
потребуютъ значительныхъ расходовъ, собрали нужную сумму для Гу
кова. Дависонъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ нѣмецкихъ артистовъ, п
спѣшилъ принять участіе въ спектаклѣ въ пользу Гуцкова и игралъ в
извѣстной драмѣ его ,,Лейтенантъ Короля.“ Мѣста на этотъ спектакл
разбирались на-расхватъ, за нихъ платили вдесятеро, чтобы толь
имѣть возможность присутствовать на представленіи. Приведенные дв
факта сочувствія германскаго общества къ Гуцкову могутъ, до нѣкото
рой степени, послужить доказательствомъ того уваженія и любви, каки
пользуется между современниками этотъ талантливый писатель, въ про
долженіи своей долговременной литературной дѣятельности неустанн
боровшійся за свободу и единство своего отечества.

Предлагаемая въ нашемъ переводѣ трагикомедія ,,Неронъ“, как
мы говорили уже, принадлежитъ къ числу первыхъ произведеній Гуц
кова и считается однимъ изъ наиболѣе характеристическихъ памятни
ковъ направленія ,,молодой Германіи.“ Не смотря на нѣкоторую стран
ность общаго строя и отсутствіе въ цѣломъ драматическаго движенія
трагикомедія исполнена оригинальности и силы, въ иныхъ сценахъ, п
истинѣ поразительной. Читателя не должны смущать тѣ анахронизмы
которые разсыпаны Гуцковымъ повсюду. Эти анахронизмы съ одно
стороны вытекаютъ изъ намѣреннаго презрѣнія автора къ общепринятым
требованіямъ эстетики, изъ стремленія къ тому геніальничанью, которо
подвержены всѣ молодые писатели, и въ особенности писатели германскіе
съ другой стороны, они обусловливаются основнымъ строемъ драмы
направленіемъ школы. Не трудно понять, что подъ весьма прозрачным

Digitized by Google

покровомъ историческихъ лицъ и классической обстановки, драма рѣшаетъ задачи современной Германіи и преслѣдуетъ политическія и философскія тенденціи тридцатыхъ годовъ. Иногда, и притомъ весьма часто, Гуцковъ совершенно сбрасываетъ этотъ покровъ и выступаетъ съ своими идеями, ни мало не стѣсняясь ихъ противорѣчіемъ съ внѣшней обстановкой драмы, мѣсто дѣйствія которой, по его выраженію, Римъ, а время — всѣ. Какъ на особенно рѣзкія въ этомъ отношеніи сцены, укажемъ на четвертую картину, гдѣ подъ ученіями академическихъ философовъ тонко осмѣиваются современныя Гуцкову философскія теоріи въ области эстетики, религіи, права и морали; на шестую картину, гдѣ капитанъ, придворные, поэты, юмористъ и проч. носятъ на себѣ явные слѣды — если позволено будетъ такъ выразиться—самаго голаго модернизма. Не считая нужнымъ указывать читателямъ подробно на черты драмы, выражающія ея „прикосновенность“ къ эпохѣ, въ которую она была написана, такъ какъ эти черты и безъ того ясны для каждаго, мы приведемъ мнѣніе самого Гуцкова объ общемъ направленіи его произведенія и основной его идеѣ. „Здѣсь въ драматическихъ картинахъ, говоритъ Гуцковъ, выражены тѣ идеи, которыя преслѣдуетъ уже издавна моя писательская дѣятельность. Я старался примирить противоположности, и крайности соединить въ высшемъ. Въ этомъ драматическомъ очеркѣ крайность, какъ сказалъ бы Гейне, распущеннаго понятія прекраснаго, конечно, доведена до послѣдней степени. Тѣмъ не менѣе все-таки, развѣ современная дѣйствительность не подходитъ къ дѣйствительности временъ Нерона? Прикрытыя цвѣтами, умѣренныя, усмиренныя въ своихъ проявленіяхъ цивилизаціею и христіанствомъ, тайныя наслажденія двойственной человѣческой природы не измѣнились. Строгой гражданской добродѣтели Катона, въ случаѣ, если она не сопровождается успѣхомъ, все также угрожаетъ опасность стоять одиноко въ сторонѣ. Цѣль всемірной исторіи съ тѣхъ поръ, какъ въ нее вошла идея гуманности, заключается въ томъ, чтобы свобода не выражала ничего абсолютнаго, чтобы она присоединяла къ себѣ прекрасное, человѣчное, свободно мыслящее, творческое искусство индивидуальнаго генія. Это и составляетъ тему настоящаго сочиненія“.

Указывая читателямъ на тенденціозную сторону драмы, мы не можемъ не обратить хотя вскользь ихъ вниманія и на сторону чисто художественную. По нашему мнѣнію, лицо Нерона, въ произведеніи Гуцкова, создано въ художественномъ отношеніи если не геніально, то во всякомъ случаѣ съ замѣчательною глубиною и творческою силою. Переберите всѣхъ драматурговъ отъ Шекспира и до нашихъ дней, и ни у одного изъ нихъ вы не найдете характера, типа однороднаго съ этимъ образомъ ужаснаго деспотизма, вытекающаго изъ двойственныхъ стремленій человѣческой природы и живущаго ужасомъ дѣйствительности и наслажденіемъ призрачнаго міра. Оригинальность и глубина творчества,—это, безъ

всякаго сомнѣнія, критеріумъ силы дарованія; а Гуцковъ въ соз
Нерона выказываетъ много глубины и оригинальности. — Харак
другого героя драмы, Юлія Виндекса, мало выдержанъ, и лицо это
ставляетъ какъ бы ходячую тенденцію автора. Тѣмъ не менѣе, въ
которыхъ монологахъ Виндекса, Гуцковъ высказывается съ истинно
тическою энергіей.

Въ заключеніе, два слова о переводѣ. Мѣстами переводчикъ дер
по возможности вѣрно текста подлинника; мѣстами-же онъ позво
себѣ измѣненія, сокращенія или дополненія. Поступая такимъ обра
онъ руководился слѣдующими соображеніями: пьеса Гуцкова по
сущности пьеса философская. Въ нѣкоторыхъ монологахъ Гуцковъ,
каясь философскимъ настроеніемъ своего духа, впадаетъ въ отвл
ности, которыя для пониманія нѣмецкой публики разумѣется не пред
ляютъ затрудненія, но русскому читателю могли-бы показаться слиш
темными. Въ такихъ мѣстахъ переводчикъ отступалъ отъ текста
линника и придерживался только его общей мысли. Въ одной кар
переводчикъ принужденъ былъ выпустить цѣлый монологъ по рѣши
ному неудобству его для перевода; затѣмъ, онъ измѣнялъ текстъ въ
мѣстахъ, которыя были невозможны для вѣрнаго перевода вслѣд
непереводимой игры словъ, и позволялъ себѣ замѣну нѣкоторых
временныхъ намековъ автора другими, болѣе понятными для русскаго
тателя. Опущенъ также прологъ, въ которомъ авторъ устами Лок
выясняетъ философскую и политическую идею драмы въ прекрасн
но къ сожалѣнію, чрезвычайно трудныхъ для перевода стихахъ.

В. Б.

Digitized by Google

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

ЦАРЬ НЕРОНЪ.	Дріадъ
ППЕЯ, его любовница.	Наядъ
НЕКА, придворный философъ.	Ореадъ — Хоры.
НА Сенеки.	Корибантовъ
ЛІЙ ВИНДЕКСЪ.	ЦИБЕЛЛА.
РНЕЛІЙ ТАЦИТЪ, историкъ, жи-	Хоръ менадъ.
й пустынникомъ.	Хоръ придворныхъ поэтовъ.
ТИЛЛИНЪ, мавръ.	Три поэта.
БИНЪ КАССІЙ, трибунъ, отрек-	Книгопродавецъ.
ся отъ своихъ убѣжденій.	Юмористъ.
ТАРЫЙ СЦЕВИНЪ, заговорщикъ	Капитанъ.
ивъ воли.	Пять вѣстниковъ.
ЕЛИХЪ, рабъ Сцевина, родомъ нѣ-	Молодой человѣкъ.
ь, называвшійся Михель.	Другой молодой человѣкъ.
ЕРЕАЛИСЪ АНИЦІЙ, величайшій	Палачи.
къ въ Римѣ и составитель благодар-	Три солдата.
ныхъ адресовъ императору.	Раненый рекрутъ.
АОНЪ, отпущенникъ.	Два враждующіе брата.
ри служителя при Академіи.	Двѣ дѣвушки.
есять академическихъ учителей съ сво-	Два гражданина.
ми учениками.	Отецъ.
Риторъ, профессоръ лести.	Мать.
Гражданинъ, дочь его и сосѣдъ.	Носильщики.
Сатировъ — Хоры.	Сенаторы, трибуны, ученики и проч.
Нимфъ — Хоры.	Земля.

Мѣсто дѣйствія — Римъ. Время — всякое.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Площадь въ Римѣ.

Входитъ ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Привѣтствую тебя, мой домъ родной,
Гдѣ, наконецъ, я отдохну усталый!
На мой поклонъ съ любовію бывалой
Киваешь ты сѣдою головой.
Здѣсь время замерло въ своемъ полетѣ скоромъ:
Вонъ мхомъ и зеленью заросшая стѣна —

Digitized by Google

На ней минувшее могу читать я взоромъ
Какъ будто старой книги письмена;
Вонъ тамъ лоза, покорна тяжкимъ гроздамъ,
Склоняетъ стволъ: въ младенческіе дни
Я отдыхалъ не разъ въ ея тѣни;
Вонъ подъ окномъ, прильнувъ къ воздушнымъ гнѣздамъ
Щебечутъ ласточки, что въ даль чужихъ сторонъ
Быть можетъ нѣкогда меня сопровождали;
Вонъ ключъ — его струи не замолчали,
И пѣсню старую поетъ, какъ прежде, онъ;
Какъ прежде, дверь не замкнута запоромъ,
И вѣтеръ издаетъ печальный стонъ,
Ударивши по бронзовымъ притворамъ,
И мчится въ высь, играя сѣтью травъ,
Опутавшихъ нависшій архитравъ...
Мнѣ чудится, вотъ, у окошка, вѣтки
Лозы тѣнистой отстранитъ слегка,
Какъ мраморъ, бѣлая рука,
И заблестятъ глаза молоденькой сосѣдки,
И голосокъ ея раздастся въ тишинѣ
Привѣтомъ сладкимъ... Что-то скажутъ мнѣ
Отецъ и мать? Я нынѣ воротился
Совсѣмъ инымъ отъ головы до ногъ!
Отъ юной грусти и пустыхъ тревогъ
Я опыта лекарствомъ исцѣлился.
Безумства дней былыхъ схоронены:
Мечтой безцѣльною не увлекусь теперь я,
Къ великимъ подвигамъ порывы мнѣ смѣшны,
И къ силамъ собственнымъ мнѣ чуждо недовѣрье!
Я не рисуюсь, мраченъ и унылъ,
Передъ толпой величьемъ затаеннымъ,
Не мню, что я Тезей или Ахиллъ,
Что я рожденъ Сократомъ, иль Платономъ;
Нѣтъ, на себя смотрю иначе я:
Я бодръ и крѣпокъ; свѣжая струя
Кавказскихъ бурь провѣяла мнѣ душу;
И не вотще черезъ моря и сушу
Скитался я отъ родины въ дали:
Немало средь различныхъ странъ земли
Житейской твердости успѣлъ себѣ добыть я...
Пусть говорятъ, что мрачныя событья
Теперь переживаетъ Римъ,
Рукою самовластія томимъ, —

Digitized by Google

Что мнѣ до этого? Я презираю вздоры
Ничтожныхъ политическихъ заботъ!
Кому тяжелъ правленья гнетъ,
Пусть тотъ свой путь направитъ въ горы,
Чтобъ закалить души свободу тамъ,
Бродя по дикимъ высотамъ,
Гдѣ въ нѣдрахъ скалъ, угрюмо спящихъ
Подъ пологомъ грозовыхъ облаковъ,
Страшится встрѣтить звѣроловъ
Волшебныхъ грифовъ, золото хранящихъ.
Кто, бросивши, какъ я, семью,
Блуждалъ въ Колхидѣ отдаленной,
Горячимъ солнцемъ опаленный;
Кто черезъ Понтъ стремилъ ладью,
Когда порывъ грозы свирѣпой,
Вздувая валъ подъ небеса,
Дробилъ вершину мачты въ щепы
И рвалъ на клочья паруса,
Тотъ не дрогнетъ испытанной душою
Предъ ужасами Рима, если ихъ
Дѣйствительность не создана молвою...

Подходитъ къ дверямъ своего дома. Четыре носильщика выходятъ изъ дому съ гробомъ.

Что это? гробъ!? Иль тайну думъ моихъ
Подслушалъ рокъ и надо мной смѣется?
О горе! Ради неба мнѣ скажите,
Кого несете вы въ гробу?

ОДИНЪ ИЗЪ НОСИЛЬЩИКОВЪ.

Бѣги
Отсюда, юноша! здѣсь домъ несчастья:
Нашъ старый господинъ погибъ сейчасъ —
И вотъ Корнелія, его супруга,
Ему предшествуетъ въ могилу.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Мать!
Корнелія! О стойте, стойте!
Скажите мнѣ... они уходятъ... Боги!
Какъ будто подъ дыханіемъ чумы
Погасли юности моей надежды,
Путь жизни озарявшія свѣтло!

Digitized by Google

Иль это правда, что могильный голосъ
Я слышалъ здѣсь, и мой отецъ —

Изъ дома выносятъ другой гробъ.

О ужасъ!
Вотъ гробъ еще! Ужели въ этомъ гробѣ
Мой взоръ увидитъ все, что̀ называлъ я
Любовію моихъ цвѣтущихъ дней?
Остановитесь! это мой отецъ!
О, люди, слышите ли вы — я сынъ,
Сынъ человѣка этого!... Уходятъ —
И я стою какъ бы къ землѣ прикованъ!
Ихъ путь печальный кровь обозначаетъ:
Она изъ гроба льется и течетъ
По плитамъ мостовой... Убійство
Свершилось здѣсь! И нѣту никого,
Никто не откликается на зовъ мой!
Иль вымеръ Римъ? скажите мнѣ? Услышьте
Мои мольбы и вопли! Нѣтъ отвѣта!
Всѣ запираютъ двери, оставляя
Сосѣда защищаться одного
Противу ужасовъ, достойныхъ ада!
Гдѣ-жъ нашихъ слугъ несмѣтное число?
Иль разбѣжалися они?...

Изъ дому выходитъ САБИНЪ КАССІЙ, окруженный солдатами.

Постой!
Я вижу—сталь твоя еще дымится,
Тобой пролитой, благородной кровью —
Прими же кару мщенья за убійство!

Нападаетъ на Кассія; солдаты становятся между ними.

САБИНЪ КАССІЙ.

Не отнимайте у него оружья!
Пусть мечъ его вонзится мнѣ въ гортань:
Я самъ себѣ кажусь презрѣнной тварью,
Свершивъ такое дѣло. Отойдите —
Пусть на меня падутъ его удары!

Бьются; С. Кассій падаетъ.

А — такъ! Ударъ хорошъ... Сквозь ребра
Прошелъ твой мечъ глубоко и меня
Освобождаетъ отъ проклятой жизни.
Я душу ослѣпилъ свою, свершивъ
По приказанью Цезаря такое

Digitized by Google

Позорное, жестокое убійство...
Здѣсь я умру, гдѣ, дружбою презрѣвши,
Я сдѣлался прислужникомъ тиранства...
О время золъ! кто не имѣлъ врага,
Тотъ гибнетъ жертвою измѣны другу...
Я измѣнилъ любви, воспоминаньямъ
Младенчества, которое прошло
Въ стѣнахъ мной окровавленнаго дома.
Темнѣетъ взоръ мой... Но свѣтлѣй смотрю
Я предъ собой духовными очами
И узнаю въ предсмертный мигъ того,
Чей мечъ мнѣ отомстилъ за преступленье:
Прощай — я шлю тебѣ привѣтъ послѣдній,
Мой лучшій другъ, мой благородный Юлій!..

Умираетъ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

О Кассій, другъ минувшихъ дней!
Такъ вотъ зачѣмъ мы встрѣтились съ тобою!
Товарищъ дѣтскихъ игръ, ты былъ въ семьѣ моей,
Моихъ родителей воспитанъ добротою;
Ты выросъ здѣсь, средь этихъ старыхъ стѣнъ,
Заботливо хранимъ святой любовью —
И вотъ, за ласки стариковъ взамѣнъ,
Ты обагрилъ родной порогъ ихъ кровью!..

Трупъ Сабина Кассія уносятъ.

Прощай мой сонъ, прекрасно лживый сонъ!
Ты полонъ былъ грезъ юности отрадной,
И свѣтлый рой ихъ разомъ разнесенъ
Дѣйствительности бурей безпощадной?
Проклятіе тебѣ, чужбины даль,
Навѣявшая мнѣ покой на вѣжды!
Въ моей душѣ изсякъ родникъ надежды
И жгучее отчаянье, печаль,
Всѣ ужасы растерзаннаго духа
Съ мученьемъ пробудились въ ней,
И голосъ мщенья, съ юныхъ дней
Роптавшій въ этомъ сердцѣ глухо,
Вновь отзывается больнѣй!
Прочь ласки лѣни равнодушной!
И мужества и чести зовъ
Я позабылъ, душой послушной

Digitized by Google

Неволѣ сладкихъ ихъ оковъ.
Любуясь сводомъ неба, полнымъ
Звѣздъ, улыбавшихся свѣтло,
Иль взоры устремляя къ волнамъ,
Гдѣ чайки бѣлое крыло
Мелькало вслѣдъ за быстрымъ челномъ —
Я думалъ въ грезахъ: сталь копья
Дана рукѣ лишь для забавы
Охоты мирной... Сонъ лукавый!
Какъ страшно пробудился я!
Открылась дней минувшихъ рана —
И вновь кипитъ душа моя
Кровавой злобой на тирана,
Чья длань сдавила нашу грудь
Такъ крѣпко, что нѣтъ силъ вздохнуть!..
Вотъ я стою на полѣ битвы
Любви погибнувшей моей,
И слышу, сонмъ родныхъ тѣней
Возноситъ скорбныя молитвы
Кровавымъ мщенья божествамъ!
Но живы-ль въ небѣ боги сами?
Не овладѣлъ-ли небесами
Неронъ, какъ Римомъ, здѣсь и тамъ
Грозя убійствами? Кто знаетъ,
Быть можетъ цезаря приказъ
Готовъ уже — и близокъ часъ
Какъ надо мною засверкаетъ
Трибуна грозный мечъ?...
Войду
Я въ отчій домъ. Тамъ, гдѣ убиты
Отецъ и мать, челомъ на плиты
У ногъ пенатовъ припаду;
Потомъ, съ меча не вытирая
Дымящійся отмщенья слѣдъ,
Пойду искать людей... О, нѣтъ!
Еще надежда есть святая:
Поппея! я отъ дѣтскихъ лѣтъ
Тебя любилъ; я вновь съ тобою
Увижусь и на грудь твою
Склонюсь несчастной головою
И муки сердца изолью
Потокомъ слезъ...

Digitized by Google

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Въ домѣ Поппеи.

Ночь. Передняя часть открытой террасы. Луна за тучами.

Неронъ и Поппея лежатъ на ложѣ. Неронъ говоритъ мечтательно и медленно.

НЕРОНЪ.

Который часъ теперь?

ПОППЕЯ.

Пѣтухъ
Кричалъ недавно.

НЕРОНЪ.

Ночи духъ,
Онъ людямъ вѣсть даетъ о томъ,
Что воръ крадется тайно въ домъ.
У молчаливой тьмы нѣтъ глазъ,
Но чутокъ слухъ... Засыпаетъ и просыпается снова.

* * *

Который часъ?

ПОППЕЯ.

Часъ по полуночи.

НЕРОНЪ.

Вонъ кротъ —
Ты слышишь? — роетъ и скребетъ;
Онъ слѣпъ, но тайны тьмы ночной
Онъ ловитъ ухомъ подъ землей... Вторично засыпаетъ и просыпается.

* * *

Который часъ?

ПОППЕЯ.

Ужъ два часа
Прошло съ полночи.

Digitized by Google

НЕРОНЪ

Небеса
Спятъ безмятежно, но земли
Бѣжитъ покой и сонъ. Внемли,
Какой тамъ ярый смѣхъ и гулъ!
Какъ будто вѣтеръ всколыхнулъ
Морскія волны — сонмъ людей
Встаетъ, и копій и мечей
Сверкаетъ цѣлый лѣсъ, булатъ
Звенитъ о мѣдь щитовъ и латъ!
Они идутъ, чтобы въ ночи
Вонзить мнѣ въ грудь свои мечи!...
Они идутъ... спасенья нѣтъ!...
Въ тревогѣ вскакиваетъ съ ложа.
Такъ это грезъ мятежный бредъ?
Все спитъ кругомъ меня; разсвѣтъ
Еще далекъ, и ночи мгла,
Какъ смерть, надъ міромъ налегла!...
Міръ! говорятъ, что сотворенъ
Богами ты, что ихъ законъ
Царитъ межъ насъ, карая зло
И добродѣтели чело
Вѣнчая въ свѣтлый ореолъ;
Богамъ потребенъ скорбный долъ,
Чтобъ власть свою являть на немъ —
И вотъ мы дышемъ, мы живемъ,
Хотя никто изъ насъ о томъ
Не хлопоталъ и не просилъ
Ни горнихъ, ни подземныхъ силъ!...
Возвращается на ложе.
Напрасно счастьемъ жизнь зовутъ:
Жизнь ремесло, жизнь тяжкій трудъ
Съ уплатой скудною; и тотъ,
Кто полонъ на землѣ заботъ
О томъ, чтобъ водворить скорѣй
Добро и правду межъ людей,
Кто міръ лишаетъ зла оковъ —
Тотъ поощряетъ лѣнь боговъ!...
Смотритъ на Поппею.
И какъ я могъ мечтой увлечься ложной,
Что свѣтлое предчувствіе любви
Переживетъ ничтожное мгновенье

Digitized by Google

Порывовъ обладанья красотою?
Меня томило сладкое желанье
И уносило отъ земной юдоли,
И каждый сердца пылкаго ударъ
Былъ колесницей, въ облака стремившей
Любовью очарованную душу!
Безумецъ обольщавшійся! Размысли,
Что значитъ здѣсь существованье наше?
Затлѣлась искра малая пожаромъ,
Земля дрожитъ, и огненный потокъ
Струитъ гора въ цвѣтущую долину,
Гдѣ подъ лучемъ ласкающаго солнца
Съ безпечной трелью жаворонокъ вьется,
Не чувствуя, что пламенный Везувій
Себѣ ужасный пролагаетъ путь!...
Подумай о страданьяхъ, о заразахъ,
О бѣдствіяхъ, о смерти наконецъ,
О страшной смерти! Человѣкъ простертъ,
Привязанный руками и ногами
Къ колесамъ, запряженнымъ лошадьми,
Летящими на западъ и востокъ
На югъ и сѣверъ; промелькнетъ мгновенье —
И только пять кусковъ окровавленныхъ
Останется отъ жизни человѣка!
Да, свой конецъ должны мы ждать всечасно,
Какъ будто на верху высокой башни
Насъ держитъ рокъ, считая хладнокровно:
Разъ, два — и внизъ мы падаемъ при трехъ!...
И что еще извѣдать можно въ мірѣ,
Чтобъ не было извѣдано и скорбно
Оплакано, чего-бъ въ грядущемъ внуки
Не оросили горькими слезами?
И вы, о люди, въ этомъ жалкомъ мірѣ
Существованье жалкое влача,
Гоняетесь за призракомъ отличій,
За пылью яркой крыльевъ мотылька,
Въ мечтахъ лелѣете аркадскія блаженства,
Стремитесь къ добродѣтели, надѣясь
Стяжать за то награду въ небесахъ;
Различіе между добромъ и зломъ
Находите, и съ вѣрою молитвы
Возносите богамъ, хранящимъ міръ!
Пускай они его хранятъ для васъ —

Digitized by Google

Не для меня! Смѣюся я надъ небомъ,
Смѣюся надъ судомъ и управленьемъ
И глупою опекою боговъ!
Надъ сказками о ихъ державной власти
Съ фиглярской обстановкой жертвъ и храмовъ,
Съ вѣсами, мѣрой, мщеньемъ и наградой!

Бормочетъ колыбельную пѣсню и засыпаетъ.

ПОППЕЯ — освобождаясь мало по малу отъ него приподнимается.

Ужасный ликъ! Во снѣ страшнѣй онъ смотритъ,
Чѣмъ свѣтлымъ днемъ, когда кругомъ себя
Онъ взоры ярые гіенны мечетъ!
И я, несчастная, въ своихъ рукахъ
Держу проклятье міра! О, Поппея!
Иль загражденъ тебѣ отсюда путь?
Иль навсегда къ свободѣ запертъ выходъ,
Съ тѣхъ поръ какъ ты подругой тигра стала?
Какъ тяжело онъ дышетъ! грудь его
Готова разорваться отъ видѣній,
Что̀ извиваются, какъ будто змѣи,
Подъ вѣками его замкнутыхъ глазъ!
О горе! близъ дрожащихъ этихъ устъ,
Исполненныхъ дыханіемъ заразы,
Мертвящей человѣческую жизнь,
Близъ сердца, полнаго безумной злобой,
Должна я жить, въ готовности всегдашней
Смирять души своей негодованье
И чашу крови подносить къ устамъ
Съ улыбкой, будто влагу винограда!
И если бы еще онъ человѣкомъ былъ!
И если бы еще свои мученья
Несла я въ жертву мужеству! Что̀ любитъ
Въ мужчинѣ женщина? не доброту —
Нѣтъ, только мужество его и силу.
Жена, любовью связанная съ мужемъ,
И съ преступленьемъ связана его.
Когда въ ночи, какъ будто привидѣнье,
Безъ сна онъ бродитъ — вмѣстѣ съ нимъ она
Льетъ слезы горькія; за нимъ повсюду
Она идетъ, и тамъ, гдѣ онъ страшится,
Она блѣднѣетъ — вотъ любовь!
А здѣсь?
Здѣсь ненависть! Позоръ тебѣ, Поппея!

Digitized by Google

Ужели ты упала такъ глубоко,
Ты, жившая въ быломъ иною жизнью?
О Юлій, мой незамѣнимый другъ!
Не бьется больше счастьемъ это сердце
И ничего, ни даже слезъ, тебѣ
Я не могу принесть въ воспоминанье!...

Шумъ на терассѣ.

Чу? Что за шумъ? Меня зовутъ?

ГОЛОСЪ — за сценой.

Поппея!

ПОППЕЯ.

Иль это ночь со мною говоритъ?

ГОЛОСЪ — за сценой.

Предчувствуешь ли ты, Поппея, чье дыханье
Вокругъ колоннъ портала льетъ любовь?
Забыла-ль ты любви воспоминанья,
Когда тебѣ я приношу ихъ вновь?
Я вижу бѣлый парусъ покрывала:
Скорѣй его къ моимъ устамъ причаль,
Скорѣй узнай, кого тебѣ примчала
Въ тьмѣ лѣтней ночи странъ безвѣстныхъ даль!

Входитъ ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

ПОППЕЯ.

О боги вѣчные! Ты-ль это, Юлій?

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Прими лобзаніе любви въ привѣтъ,
Прими объятья вѣрности священной,
Прими опять съ минуты этой все,
Чѣмъ сердце жило и живетъ донынѣ!
Пусть за оградой взора твоего,
Меня во дни былые охранявшей,
Я скроюсь вновь отъ горькихъ бѣдствій жизни!

ПОППЕЯ — про себя.

Онъ моего не вѣдаетъ позора!

Вслухъ.

Въ какой землѣ ты долго такъ скитался?

Digitized by Google

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Спроси объ этомъ моря шумный валъ,
Колхиды скалы, берега Британіи!
Я былъ задержанъ бурей-непогодой
Затѣмъ, чтобъ, вытерпѣвъ ея удары,
Вернуться къ счастію любви твоей!
Какъ разцвѣла ты пышно и прелестно!
Нѣтъ, никогда не думалъ я, что встрѣчу
Тебя такой, какъ ты стоишь теперь
Въ кудряхъ, разбросанныхъ по плечамъ дивнымъ!

Хочетъ ее обнять.

ПОППЕЯ.

Остановись! я замужемъ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Такъ мнѣ
Не солгала молва? О нѣтъ, ты хочешь
Меня, несчастнаго, обманомъ испытать?

ПОППЕЯ.

Увы, мои слова такая-жъ правда
Какъ-то, что тѣхъ, кого похоронилъ ты,
Назадъ могилы бездна не отдастъ.

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Поппея! какъ? такъ стало быть разсвѣтомъ
Обманчиво меня дразнила ночь?
Такъ стало быть могилы зѣвъ повсюду
Я встрѣчу въ Римѣ? О, Поппея, нѣтъ —
Не вѣрю я! холодный этотъ взглядъ,
На мѣсто ласкъ привѣта, и улыбка
Въ отвѣтъ моимъ мученіямъ смертельнымъ?

ПОППЕЯ.

Не вѣришь ты, что времени полетъ
Все увлекающей, струею свѣжей
Моей любви неясный призракъ свѣялъ,
Что ты его ловить приходишь поздно?

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

И можешь ты такъ горько издѣваться?

Digitized by Google

ПОППЕЯ.

Вини природу, что она вложила
Въ грудь женщины безумье роковое!
Когда ее волнуетъ страсти хмѣль,
Когда дыханіемъ весеннихъ чаръ
Любовь ея обвѣиваетъ душу,
Тогда единый мигъ самозабвенья —
И падаетъ она невозвратимо!

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

О горе, горе! на твоихъ устахъ
Змѣю коварства вижу я! Сирены
Людей прельщали сладостною пѣсней;
Но я внимаю ей и слышу только
Безстыдные и дьявольскіе звуки!
Иль въ прахъ повергла ты свою невинность
И вмѣстѣ съ ней любовь и добродѣтель?
Гдѣ робость та, съ которой ты когда-то
Мнѣ дозволяла съ устъ твоихъ прекрасныхъ
Лобзаній первыхъ похищать добычу?

Увидѣвъ Нерона.

О боги! я своимъ глазамъ не вѣрю:
Тотъ, кто лежитъ тамъ на подушкахъ — Цезарь?
Дыханье замерло во мнѣ! Поппея,
Я въ логовищѣ тигра?!

ПОППЕЯ.

О, бѣги!
Онъ просыпается... Бѣги скорѣе, Юлій!
Сокройся въ тьмѣ ночей! Еще мгновенье —
И нашей смерти неизбѣженъ часъ!
Бѣги, мой милый, дорогой мой другъ!..

НЕРОНЪ — быстро поднимаясь.

Что́ посылаетъ мнѣ Морфей въ ночи?
Что́ поднялось изъ пестрой чашки мака?
Проснулся я... Въ счастливомъ сновидѣньи
Мнѣ чудилось, что я — Эндиміонъ.
Кому дары фантазіи пріятны,
Тотъ и при свѣтѣ солнечномъ умѣетъ
Дѣйствительность въ сонъ чудный превращать...

Digitized by Google

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ — въ сторону.

Я скованъ ужасомъ! Его глаза открыты,
Меня онъ видитъ — и межъ тѣмъ ему
Я представляюся видѣньемъ соннымъ!

НЕРОНЪ.

Быть мертвымъ — худо; но подобье смерти
Извѣдать — въ этомъ есть своя отрада!
Кто не желалъ бы нѣкогда себя
Почувствовать, лежащимъ въ тьмѣ могилы?
Кто не желалъ бы разгадать, что́ значитъ
Ничто, отсутствіе существованья?
Кто не желалъ бы въ смертный мигъ постигнуть,
Какъ чувства, умирая, убѣгаютъ,
Узнать какъ тамъ, за гранью бытія,
Безъ чувствъ мы чувствуемъ и понимаемъ?
Кто не желалъ бы видѣть переходъ
Невѣдомый изъ одного въ другое?
Я наслажаюсь тѣнію блаженства
Такого вѣдѣнья: я сплю, межъ тѣмъ,
Какъ бодрствующій, мѣряю пространство,
И вижу я два образа живые,
Которые однако лишь во снѣ
Одинъ съ другимъ сошлися.

ПОППЕЯ.

Уходи,
Пока его ночная мгла морочитъ!

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Я остаюсь. Умри тиранъ!..

ПОППЕЯ.

О, Юлій,
Ты самъ погибнешь и меня погубишь!

НЕРОНЪ.

Какъ ясно эти тѣни говорятъ!
Ты хочешь мстить мнѣ, мальчикъ блѣднолицый?

Digitized by Google

Но я вѣдь духъ такой же, какъ и ты;
Я самъ живу въ волшебномъ вашемъ царствѣ
И на землѣ одно мое лишь тѣло.
Я вамъ служу, хоть, къ сожалѣнью, я
Во всемогуществѣ еще не равенъ съ вами!

ЮЛІЙ ВИНДЕКСЪ.

Онъ бредитъ! сердце покорю я страху
И убѣгу... Уходитъ.

НЕРОНЪ — возвращаясь на ложе.

Останься тѣнь, останься!..
О золотое облако, куда
Ты уплываешь?.. возвратись ко мнѣ!..
Оно все дальше, дальше улетаетъ...
Подпираетъ рукой голову.

ПОППЕЯ.

Такъ сотни дней считаетъ онъ себя
Во снѣ не спящимъ, и убійцы руку,
Простертую надъ черепомъ его,
Встрѣчаетъ онъ улыбкою, мечтая
Въ убійцѣ видѣть чувствъ своихъ обманъ!

НЕРОНЪ.

Безумецъ, въ страшныхъ судоргахъ метаясь,
Проклятье неба несъ. И вотъ однажды
Глубокій сонъ его глаза обвѣялъ
И грезилось ему, что вновь разсудокъ
Къ нему вернулся, что съ его очей
Снялся покровъ печальный заблужденья;
Что вновь онъ можетъ ясно понимать,
Обдумывать, что́ было, есть и будетъ.
Какъ ликовалъ онъ воскрешеннымъ сердцемъ,
Какъ взоръ его сіялъ, стремясь на небо,
Какъ жарко онъ благодарилъ боговъ:
«Безсмертные! святое милосердье
Вы наконецъ мнѣ снова возвратили!
Съ моей души упали тьмы покровы,
Я возрождаюсь вновь вторымъ рожденьемъ,
Мой разумъ вправился въ свои границы!

Digitized by Google

О, солнце, воздухъ, жизнь, земля и небо —
Весь міръ мнѣ снова вами подаренъ!»
И онъ во снѣ отъ счастья плакалъ. Вдругъ
Порывомъ вѣтра отворилась дверь
Печальной кельи — и безумецъ бѣдный
Отъ краткаго блаженства пробудился.
Подъ свѣтомъ солнца мечется онъ дико
И укрощаютъ сторожа его;
Все глупо вновь звучитъ въ его ушахъ:
Безумье воротилося, и бредитъ
Несчастный сумасбродъ, во снѣ лишь только
Отъ тяжкаго недуга исцѣленный!

Входитъ ТИГИЛЛИНЪ МАВРЪ.

ТИГИЛЛИНЪ.

Ваше величество!
Колесница стоитъ
Передъ дверями:
Било четыре часа.

НЕРОНЪ.

Сопровождай меня! — Поппея! слушай
Слова Нерона: въ Золотой дворецъ
Я ухожу, искать себѣ покоя.
Не позволяй себѣ, чтобъ въ снахъ моихъ
Являлась ты такой, какъ нынче ночью!
Сны не всегда обманчивы. Должна ты
Быть вѣрною въ моихъ мечтаньяхъ даже,
Какъ и въ своихъ. Прощай, покойной ночи. Уходитъ.

ПОППЕЯ.

О боги вѣчные! какое шутовство!
Куда ведетъ двойная эта жизнь?
Съ безумьемъ, разумъ съ разумомъ безумство
Мѣшаются въ его мозгу всечасно.
Считаетъ сны дѣйствительностью онъ,
Дѣйствительность же снами называетъ.
Онъ могъ казаться бы смѣшнымъ фигляромъ,
Когда бы чуть не полвселенной грани,
Не царство римское ему служило
Подмостками для шутовскихъ кривляній,

Digitized by Google

Когда бы скоморошествомъ своимъ
Не привлекалъ онъ взоры милліоновъ!
Въ то время какъ одно онъ ищетъ слово
И гонитъ прочь другое — въ этотъ мигъ
Воздвигнуться перуновъ могутъ горы,
И громы ихъ послужатъ остановкой,
Для декламаціи безумной сумасброда—
Не болѣе! какъ жизнью комара
Онъ дорожитъ людей существованьемъ!...
О, Юлій, твой отецъ въ могилу легъ
За то, что благодарность пріобрѣлъ онъ
Сабина Кассія. Но «благодарность»
Смягчаетъ полицейскія сердца,
И Кассій совершилъ его убійство.
И ты вослѣдъ отцу пойти желаешь?
Нѣтъ, Юлій, пусть я сдѣлалась рабыней,
Наложницей Нерона — но клянусь я
Хранить твою, мнѣ дорогую, жизнь!...
Но время дорого: бѣгутъ мгновенья...
Когда жъ примусь за дѣло я свое?
Ужъ близко утро; завтрашнюю ночь
Римъ императоромъ на праздникъ созванъ;
Охотно-бъ я покинула его.
Но для тебя я буду тамъ, мой милый.
Я заманю тебя въ нашъ хороводъ
Подъ сѣнь зеленыхъ миртъ и олеандровъ...
Начнемъ же; надобно послать гонцовъ
Ему во слѣдъ: пускай они его
Оберегаютъ до того мгновенья,
Когда я снова повстрѣчаюсь съ нимъ
И предъ разлукой выскажу ему
Моей души, тоской убитой, пѣни
И на судьбу свою, и на страданья!

Digitized by Google

ЗАДАЧИ

ИСТОРИКА ЦИВИЛИЗАЦІИ.

Гюнеперъ. Исторія культуры девятнадцатаго вѣка. Томъ первый. Время первой имперіи. Спб. 1869. (Переводъ съ нѣмецкаго).

«Исторія культуры» или исторія цивилизаціи есть совсѣмъ новая наука. Она считаетъ себѣ едва нѣсколько десятилѣтій, но уже теперь заняла важное мѣсто въ исторической наукѣ и литературѣ, не только по значенію своей задачи, но и по степени интереса, какой встрѣчаетъ она въ читающей публикѣ. Литература «культурной исторіи» размножается теперь съ каждымъ годомъ, и рѣдкая книга, обнимающая нѣсколько обширный періодъ всеобщей или частной національной исторіи, не принимаетъ въ извѣстной степени ея программы и пріемовъ. Первое возбужденіе къ разработкѣ этой новой исторической области принадлежитъ еще прошлому столѣтію, въ которомъ вообще коренится ближайшимъ образомъ столько умственныхъ и политическихъ движеній и вопросовъ нашего времени. Въ то время ученые и философы въ первый разъ съ особеннымъ интересомъ обратились къ вопросу о человѣческомъ обществѣ, его свойствахъ и несовершенствахъ, объ его первобытномъ состояніи, происхожденіи различныхъ его учрежденій и о развитіи цивилизаціи до ея настоящихъ формъ. Правда, первыя рѣшенія были вообще неудачны; они слишкомъ отзывались апріористическимъ характеромъ; но тѣмъ не менѣе новые интересы стали иначе направлять историческое изслѣдованіе, открывать новыя перспективы и наблюде-

Digitized by Google

нія, которыя мало по малу потомъ расширились до горизонта исторической науки нашего времени. Уже съ этого времени исторія переставала быть только исторіей государей, войнъ или церкви, исторіей привилегированныхъ сословій, и начала обращаться также и къ другимъ сторонамъ жизни и къ другимъ сословіямъ и народнымъ массамъ. «Нравы», «учрежденія», «науки и искусства» начинаютъ входить въ кругъ изслѣдованія, которое уже вскорѣ пытается ставить и общіе вопросы о человѣческомъ развитіи. Когда Вольтеръ писалъ свой опытъ «о нравахъ и о духѣ народовъ», или Гердеръ свои «идеи о философіи исторіи», то въ основной мысли этихъ трудовъ былъ уже зародышъ той науки, которая усердно строится теперь подъ названіемъ исторіи культуры или цивилизаціи, то-есть такой исторіи, которая стремится представить картину не только политической и религіозной, но и умственной, общественной, бытовой жизни націй, изобразить внутреннее развитіе и движеніе націй въ ихъ цѣломъ составѣ, а не въ предѣлахъ одной политической привилегированной ихъ части.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи исторіографія расширилась до такихъ размѣровъ, какъ никогда прежде, и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Исторія политическихъ учрежденій, права, религіи; изслѣдованія археологическія; изысканія, начатыя въ области языкознанія, народныхъ преданій, миѳологіи, обычаевъ; наконецъ, даже геологическія изслѣдованія, открывавшія существованіе человѣка въ такіе отдаленные періоды, о которыхъ до тѣхъ поръ ученые не имѣли и помышленія,—все это чрезвычайно обогатило науку исторіи новыми наблюденіями и открывало неожиданные результаты. Рядомъ съ этимъ, умозрительная философія начала нынѣшняго столѣтія пыталась уже построить на метафизическихъ основаніяхъ систему историческаго развитія человѣчества, и хотя эти «философіи исторіи» не достигли своей цѣли, хотя ихъ скоро потомъ опередило движеніе положительной науки и онѣ остались только воспоминаніемъ науки, но и имъ принадлежитъ своя большая часть содѣйствія успѣхамъ историческаго знанія: онѣ были замѣчательной попыткой обобщенія, — представляя человѣчество однимъ громаднымъ организмомъ, или представляя его развитіе строгимъ выполненіемъ одной, хотя бы чисто метафизической идеи, онѣ помогли установленію того цѣльнаго пониманія всемірной исторіи, которое начинаетъ образовываться теперь на болѣе надежныхъ данныхъ положительнаго знанія.

Было бы очень долго говорить о томъ, какую великую перемѣну, можно сказать цѣлый переворотъ, произвело въ исторіо-

Digitized by Google

графіи развитіе упомянутыхъ наукъ, результатами которыхъ исторіографія стала пользоваться. Геологическія изслѣдованія, отодвинувъ на необозримые періоды времени первую эпоху самой природы, отодвинули далеко назадъ и первую пору человѣческой цивилизаціи, и поставили для исторіи совсѣмъ иной исходный пунктъ, отправляясь отъ котораго наука должна идти путемъ, дотолѣ ей неизвѣстнымъ. Началомъ исторіи становится «естественная исторія человѣка»... Съ другой стороны, сравнительное языкознаніе открыло опять совершенно новый источникъ историческихъ свѣдѣній; эта наука, созданная почти въ одно поколѣніе рядомъ геніальныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, нашла въ фактахъ языка возможность заключеній о такихъ періодахъ жизни націй, отъ которыхъ не осталось никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ, и по старымъ и еще живымъ народнымъ сказаньямъ стремится возстановить процессъ развитія народныхъ понятій и поэзіи. Этимъ путемъ историческое наблюденіе проникаетъ въ глубину внутренней жизни народовъ, какъ это было бы невозможно безъ новой науки. Обширныя этнографическія изысканія новѣйшаго времени принесли опять богатую долю матеріала для историческихъ выводовъ о различныхъ формахъ и ступеняхъ цивилизаціи, существующихъ въ разныхъ странахъ міра; и, напримѣръ, наблюденія надъ бытомъ современныхъ дикарей бросаютъ большой свѣтъ на первобытную культуру, потому что въ быту этихъ дикарей еще можно было встрѣтить живыми такіе обычаи и миѳологическія представленія, какіе существовали нѣкогда и у народовъ европейскихъ, и объясненіе которыхъ безъ этихъ живыхъ аналогій было бы не по силамъ миѳологіи и археологіи. Не говоря о множествѣ другихъ частныхъ изученій, которыя подобнымъ же образомъ расширяли и углубляли историческое изслѣдованіе, новую силу далъ ему успѣхъ естественныхъ и экономическихъ наукъ, изученіемъ природныхъ условій человѣческаго быта и ихъ вліянія на природу человѣческихъ обществъ. Изслѣдованіе вліяній климата, мѣстности, произведеній природы, особенностей племенъ, жизненныхъ условій человѣческаго общества, матеріальныхъ и экономическихъ, въ первый разъ стремились дать исторіи то широкое основаніе, которое одно можетъ сдѣлать ее истиннымъ и всестороннимъ изображеніемъ судьбы человѣческаго развитія и цивилизаціи. Это чрезвычайное расширеніе наблюденій и изслѣдованій приводило конечно и къ постепенному расширенію самой программы науки. Для исторіи представлялась новая идеальная цѣль: пріобрѣтая столько новыхъ пособій въ наукахъ, основанныхъ на положительномъ опытѣ и наблюденіи, исторія не хочетъ уже оставаться, какъ прежде, однимъ изложе-

Digitized by Google

ніемъ событій, которое освѣщалось только болѣе или менѣе случайными и произвольными общими положеніями, и готовится вступить на новый путь—на путь положительнаго изученія, принадлежащаго точнымъ наукамъ. Когда она дѣйствительно вступитъ на этотъ путь и насколько способна будетъ къ точнымъ выводамъ, это конечно вопросъ далекаго будущаго; — но нѣтъ сомнѣнія, что нынѣшнія попытки историческаго изученія именно стремятся дать историческому знанію эту положительность основаній и выводовъ.

Новое пониманіе цѣлей и метода исторіи отразилось и въ характерѣ самыхъ историческихъ трудовъ. Въ нихъ все больше и больше мѣста начинаетъ занимать именно исторія цивилизаціи, того внутренняго процесса, которымъ человѣчество и отдѣльныя націи изъ своего первоначально грубаго состоянія дошли до нынѣшнихъ формъ жизни, болѣе сложныхъ и совершенныхъ. Элементъ культуры не только вошелъ необходимой составной частью въ изложенія всемірной исторіи, но въ послѣднее время все больше начинаетъ сосредоточивать на себѣ историческій интересъ, и изслѣдованія все больше и больше направляются на тотъ внутренній органическій процессъ, которымъ объясняются внѣшнія явленія общественной и государственной жизни. Историческіе труды, начатые въ этомъ направленіи, восходятъ, какъ мы сказали, еще къ прошлому столѣтію,—когда съ одной стороны начинается собираніе культурно-историческаго матеріала, съ другой стремленіе освѣтить историческое движеніе человѣчества одной основной идеей. «Новая Наука» Вико, получившая бо́льшую извѣстность только въ новѣйшее время—появилась еще въ первой половинѣ XVIII-го вѣка; въ 1750-хъ годахъ вышли книги Вольтера — «Сокращеніе всемірной исторіи» и «Опытъ общей исторіи нравовъ и духа народовъ». Съ этихъ поръ идетъ длинный рядъ попытокъ культурной исторіи, сдѣланныхъ съ различными цѣлями и съ различныхъ точекъ зрѣнія, — въ особенности съ точки зрѣнія просвѣтительныхъ идей второй половины этого столѣтія. Эти попытки дѣлались одинаково и почти одновременно въ нѣмецкой, французской и англійской литературахъ; мы находимъ многочисленные, и нерѣдко весьма любопытные и замѣчательные опыты культурной исторіи, подъ заглавіями «исторіи человѣчества», «исторіи человѣческаго прогресса»,—«общества», «человѣческаго совершенствованія» и т. п. Таковы напр. труды Изелина (1764), «Идеи для философіи исторіи человѣческаго рода» Гердера (1785), «Очеркъ исторіи человѣчества» Мейнерса (1786; ему принадлежитъ также замѣчательная для того времени книга по исторіи русскихъ нравовъ), «Исторія совершенствованія

Digitized by Google

человѣческаго рода» Адама Вейсгаупта (1788), подобныя книги Эггерса, Каруса. Въ англійской литературѣ «Опытъ о гражданскомъ обществѣ» Фергюсона, написанный въ томъ же смыслѣ, относится еще къ 1766 году; во французской, сочиненіе Кондорсе, «Tableau historique des progrès de l'esprit humain», къ 1795, и др. Точка зрѣнія всѣхъ этихъ трудовъ настолько не соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ взглядамъ, насколько вообще научная точка зрѣнія того времени не удовлетворяетъ современнымъ критическимъ требованіямъ и запасу фактическихъ свѣдѣній; тѣмъ не менѣе, этимъ трудамъ невозможно отказать въ той заслугѣ, что они безъ сомнѣнія не мало способствовали послѣдующему разъясненію задачи и программы всемірной исторіи. Къ этимъ вопросамъ обращался и Лессингъ въ своей знаменитой статьѣ «О воспитаніи человѣческаго рода» (1785); Кантъ ставилъ его, съ точки зрѣнія своей философіи, въ своихъ «Идеяхъ для всеобщей исторіи съ космополитической точки зрѣнія» (Ideen zu einer allg. Geschichte in weltbürgerlichen Absicht, 1784, и также въ Erneuerte Frage, ob das Menschengeschlecht in beständ. Fortschreiten zum bessern sei? 1798).

Въ тоже время въ обыкновенную политическую исторію стало входить все больше подробностей о внутреннемъ состояніи государствъ, о нравахъ, управленіи, о положеніи образованности и т. д. Стали появляться исторіи отдѣльныхъ отраслей жизни народовъ, какъ напр. въ знаменитой книгѣ Геерена о торговыхъ сношеніяхъ въ древнемъ мірѣ, «Исторія торговли» Фишера, «Исторія городской жизни въ средніе вѣка» Гюлльмана. Съ точки зрѣнія главнымъ образомъ политическаго развитія надолго пріобрѣли славу книги Гизо «Исторія цивилизаціи Европы» (1828) и его же «Исторія цивилизаціи во Франціи». Вильгельмъ Вакcмутъ, въ «Исторіи европейскихъ нравовъ» (1831) и затѣмъ во «Всеобщей Исторіи культуры» (1850—52) собралъ огромный матеріалъ для исторіи политическихъ учрежденій, быта, нравовъ, образованности у народовъ Востока и Европы съ древнѣйшихъ и до новѣйшихъ временъ, — хотя послѣдняя книга Вакcмута не всегда включаетъ новѣйшія изслѣдованія и хотя масса частностей дѣлаетъ книгу скорѣе указателемъ или подробной программой, чѣмъ настоящимъ изложеніемъ предмета. Совершенно въ другомъ родѣ «Всеобщая культурная исторія человѣчества» многотомный трудъ Густава Клемма (1847). Во владѣніи Клемма былъ въ Дрезденѣ богатый музей, состоявшій изъ всевозможныхъ произведеній культуры отъ низшихъ до высшихъ ея степеней, изъ разныхъ странъ и различныхъ національностей; этотъ этнографическій музей, одна изъ достопримѣчательностей Дрездена,

Digitized by Google

собранъ былъ Клеммомъ въ теченіи многихъ десятилѣтій и его «Культурная исторія» отразила на себѣ это направленіе его коллекторской дѣятельности. Онъ обращаетъ особенное вниманіе на внѣшнія произведенія и явленія цивилизаціи, и между прочимъ въ особенности останавливается на низшихъ явленіяхъ цивилизаціи у дикихъ и полудикихъ народовъ.

Бытъ дикихъ народовъ сталъ привлекать вниманіе изслѣдователей уже давно, и еще въ прошломъ столѣтіи нравы дикарей давали поводъ къ вопросамъ объ исторіи цивилизаціи (книги Крафта, Штейба, 1766, 1792): въ ихъ настоящемъ состояніи уже тогда думали видѣть первобытныя эпохи всей человѣческой цивилизаціи, — какъ въ этомъ и дѣйствительно убѣждаютъ новѣйшія болѣе отчетливыя и подробныя изысканія: потому что живые обычаи дикарей нерѣдко доставляютъ несомнѣнныя аналогіи для тѣхъ пріемовъ быта и понятій, какія надобно предполагать по древнѣйшимъ миѳамъ народовъ индоевропейской культуры. Таковы напр. первые способы добыванія огня и связанныя съ ними легенды и миѳы. Громадный запасъ матеріала этого рода доставленъ именно путешественниками, и въ наше время этотъ матеріалъ подвергается уже любопытной ученой обработкѣ, напр. въ трудахъ нѣмецкихъ миѳологовъ, въ книгѣ Тайлора (недавно переведенной на русскій языкъ), въ сочиненіи Лоббока о древнѣйшей цивилизаціи, и въ особенности въ замѣчательной «Антропологіи народовъ живущихъ естественною жизнью» (Anthropologie der Naturvölker) Вайца,—начало которой также появилось на русскомъ языкѣ,—и проч. Въ книгѣ Вайца, какъ видимъ по самому ея заглавію, изслѣдованіе низшихъ степеней цивилизаціи становится прямо вопросомъ антропологіи,—которая связываетъ исторію цивилизаціи съ «естественной исторіей» человѣка, которая послѣ старыхъ изслѣдованій Блуменбаха и проч. о человѣческихъ расахъ, въ особенности развилась въ новѣйшее время, благодаря замѣчательнымъ открытіямъ въ геологіи, археологіи и естественныхъ наукахъ. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ пользовались большой извѣстностью труды Эдвардса, Причарда; въ настоящее время многочисленныя и замѣчательныя изслѣдованія объ ископаемыхъ древностяхъ, о такъ-называемомъ каменномъ и бронзовомъ вѣкѣ, о свайныхъ постройкахъ и т. д. (Лайэль, К. Фогтъ, Ворсо, Пикте, Тройонъ, Нильсонъ и проч.) сдѣлали вопросъ о древности человѣка однимъ изъ самыхъ любопытныхъ вопросовъ человѣческаго знанія.

Изслѣдованія филологическія, начавшіяся главнымъ образомъ въ нынѣшнемъ столѣтіи и въ особенности трудами нѣмецкихъ ученыхъ, — какъ мы замѣтили, — имѣли то громадное значеніе

Digitized by Google

для исторической науки, что путемъ строгой критики онѣ возстановляли процессъ развитія языка, и вмѣстѣ съ тѣмъ понятій и миѳовъ, и тѣмъ добывали историческіе факты для такихъ далекихъ (хотя и очень неопредѣленно-далекихъ) эпохъ, до которыхъ не достигаютъ никакія письменныя свидѣтельства. Наука языкознанія уже теперь, начавшись такъ недавно, наполняетъ много историческихъ пробѣловъ, которые были бы необъяснимы безъ ея помощи. Она основана была рядомъ великихъ ученыхъ, какъ Гриммъ, Поттъ, Боппъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, и теперь продолжается почти еще вторымъ только поколѣніемъ, ими воспитаннымъ, какъ Максъ Мюллеръ, Кунъ, Штейнталь, Шлейхеръ (недавно умершій) и др. Путемъ изслѣдованій, касавшихся черезъ посредство языка, до миѳологіи, обычаевъ и вообще древняго міровоззрѣнія народовъ, наука языкознанія уже намѣчаетъ себѣ свои дальнѣйшія высшія цѣли: данныя языка, доставляя матеріалъ для изученія поэтическаго и умственнаго развитія народовъ, въ связи съ другими данными доставляютъ и матеріалъ для изученія народныхъ характеровъ, и въ новой филологической школѣ начались изслѣдованія для новой науки — «психологіи народовъ», которая должна имѣть руководящее значеніе въ объясненіи исторической судьбы народовъ.

Мы привели немного примѣровъ настоящаго расширенія историческаго изслѣдованія, но изъ нихъ уже очевидно, какой громадный горизонтъ раскидывается передъ наблюдателемъ всемірнаго историческаго движенія. Понятно само по себѣ, что для ученыхъ нашего времени, современниковъ этого обширнаго размноженія историческаго анализа, трудно, даже невозможно обнять всѣ предметы, затронутые этимъ анализомъ, въ какую-нибудь полную картину или систему, тѣмъ больше, что новыя изученія большей частью только впервые открываютъ свою дѣятельность и еще не успѣли придти къ какимъ-нибудь строго положительнымъ выводамъ. Между тѣмъ, при всей неполнотѣ этихъ новыхъ разнообразныхъ изученій, является неизбѣжная потребность въ синтезѣ и обобщеніи, которые необходимы для самаго успѣха разработки частностей, какъ точка опоры и руководство. Понятно также, что эти обобщенія по необходимости будутъ неполны и несовершенны. Тѣмъ не менѣе европейская литература представляетъ въ этомъ отношеніи замѣчательные опыты, которые не безслѣдно пройдутъ для цѣлаго историческаго знанія. Такова была въ особенности грандіозная задача Бокля въ «Исторіи цивилизаціи Англіи», для которой два тома, изданные авторомъ, должны были служить только введеніемъ. «Исторія умственнаго развитія Европы» Дрэпера, «Человѣкъ въ исторіи» Бастіана, «Исторія раціо-

Digitized by Google

нализма» Леки и др. представляютъ попытки подобныхъ обобщеній, съ разныхъ точекъ зрѣнія, для болѣе или менѣе обширныхъ историческихъ періодовъ и явленій. Сюда же принадлежитъ начавшееся недавно изданіе «Культурной исторіи человѣчества» (1868) извѣстнаго статистика Кольба (кажется переработка его прежняго сочиненія, 1843 года). Насколько подвинулось впередъ цѣлое историческое изученіе въ послѣднія десятилѣтія, можно наглядно видѣть, сравнивъ новую книгу Кольба съ названной выше книгой Ваксмута: онѣ очень непохожи одна на другую, и не только какъ книги писанныя съ разныхъ точекъ зрѣнія, а какъ книги, писанныя на разныхъ уровняхъ историческаго знанія...

Въ заглавіи своей книги, Кольбъ даетъ ей и другое названіе: «всеобщая исторія по потребностямъ нынѣшняго времени» (eine allgem. Weltgeschichte nach den Bedürfnissen des Jetztzeit). И дѣйствительно «всеобщая исторія» теперь больше и больше начинаетъ пониматься какъ исторія цивилизаціи, — которая, не останавливаясь на однихъ внѣшнихъ явленіяхъ и результатахъ политической жизни, старается разъяснить внутреннія условія, управлявшія исторической дѣятельностью народовъ и дававшія національной жизни ея разнообразные оттѣнки въ бытовыхъ формахъ и учрежденіяхъ, умственномъ содержаніи и въ практическихъ созданіяхъ народа.

Частная исторія отдѣльныхъ націй также болѣе и болѣе принимаетъ характеръ культурной исторіи. Интересъ чисто внѣшняго политическаго развитія перестаетъ быть исключительнымъ; и тѣ предметы культуры, которые еще съ конца XVIII вѣка историки начали прибавлять къ чистой политической исторіи, напр., характеръ учрежденій, нравы, образованность, литература, промышленныя и экономическія явленія, привлекаютъ на себя особенное вниманіе, тѣмъ болѣе еще, что самое пониманіе всѣхъ этихъ предметовъ въ современной наукѣ гораздо глубже и богаче результатами, чѣмъ было когда-либо прежде. Эта исторія хочетъ говорить не объ однихъ вершинахъ государственнаго зданія, а о цѣлой массѣ націи, или почти даже главнымъ образомъ объ этой массѣ, въ которой видитъ существенное основаніе историческихъ явленій. Въ исторической наукѣ отразился тотъ же интересъ къ бытовымъ явленіямъ народной жизни, который въ современной литературѣ и общественной жизни развился въ особенное ревностное стремленіе къ «народности». Здѣсь отразились и тѣ крайности, къ какимъ приходило это стремленіе у нѣкоторыхъ прозелитовъ, которые начинали искать послѣднихъ предѣловъ развитія «народности» преимущественно или даже исклю-

Digitized by Google

чительно въ простыхъ классахъ народа и въ его самыхъ непосредственныхъ, «коренныхъ» представленіяхъ. Въ этомъ смыслѣ «народность» и въ западной Европѣ и у насъ была наконецъ употребляема какъ щитъ для реакціонныхъ тенденцій, какъ это напр. можно встрѣтить въ культурно-историческихъ книгахъ пресловутаго Риля.

Въ тѣхъ трудахъ, которые до сихъ поръ посвящены были исторіи культуры, задача такой исторіи понималась весьма различно, и предметы ея получали въ этихъ трудахъ весьма различное значеніе и важность. Эта неясность формальныхъ границъ была весьма естественна въ наукѣ, только что принимавшей въ свое разсмотрѣніе это множество новыхъ предметовъ: самое понятіе «культуры» обнимало слишкомъ разнообразныя вещи, и исторія ея въ обширномъ смыслѣ легко могла включать въ себѣ всѣ частныя исторіи, между прочимъ и политическую. Въ такомъ широкомъ смыслѣ это понятіе было принято, напр. Боклемъ, у котораго цѣлью, средствомъ и мѣриломъ человѣческой цивилизаціи принимается умственное развитіе, судьба котораго и является существеннымъ содержаніемъ исторіи, которому всѣ остальные предметы историческаго изслѣдованія подчиняются какъ второстепенныя частности,—напр. какъ политическія учрежденія, религія, литература и т. д. Понятіе «цивилизаціи» является господствующимъ. У историковъ прежней школы дѣло ставилось, какъ извѣстно, иначе. Вся жизнь націй сводилась къ судьбѣ государства; государство, принимаемое какъ Selbstzweck, поглощало все вниманіе историка, и за исторіей политическаго развитія становились на задній планъ всѣ другія стороны жизни и дѣятельности націй. Въ такомъ смыслѣ опредѣляетъ исторію культуры Ваксмутъ. Она составляетъ для него только дополненіе къ всеобщей (политической) исторіи,—дополненіе, которое дѣлается въ отдѣльномъ изложеніи только по чисто внѣшнимъ соображеніямъ: исторія культуры отдѣляется для лучшаго обозрѣнія матеріала, и для простого удобства — чтобы не слишкомъ размножать число томовъ самой всемірной исторіи. Такое мнѣніе выразилъ недавно и г. Соловьевъ, относительно трудовъ по русской исторіи съ «культурной» или «народной» точки зрѣнія: ему кажется, что люди, толкующіе объ исторіи цивилизаціи, разводящіе народъ съ государствомъ, и т. п. во вкусѣ Бокля, грубо заблуждаются, потому что не имѣютъ правильнаго понятія о сущности государства, какъ завершающаго явленія національной жизни,—и объ его исторіи, включающей въ себѣ всю эту новоизобрѣтенную исторію культуры: потому что исторія государства также

Digitized by Google

должна и не можетъ не входить въ оцѣнку быта, нравовъ, образованности и т. д. [1]).

Мы думаемъ однако, что едва-ли заблуждаются тѣ, на кого нападаетъ г. Соловьевъ. Что государство, форма политической жизни, есть моментъ великой важности въ исторіи народа, это едвали отвергали наши историки, на которыхъ намекаетъ г. Соловьевъ; они говорили только, что прежняя государственная исторія не объясняла всѣхъ явленій народной жизни, подлежащихъ историческому изученію и имѣющихъ въ этомъ смыслѣ великій интересъ. «Государство» есть конечно очень обширное, но не всеобъемлющее понятіе. Въ обыкновенномъ употребленіи слово «государство» имѣетъ свой опредѣленный смыслъ, и мы очень привыкли различать напр. дѣятельность государства и дѣятельность «общества», различать государство и «народъ» и т. п., и это различеніе имѣетъ свои достаточныя и понятныя основанія. Въ такомъ обыкновенномъ употребленіи принимали это слово и упомянутые историки. Въ болѣе обширномъ и отвлеченномъ смыслѣ можно конечно распространить понятіе государства и на весь объемъ народной цивилизаціи, которая будетъ находить въ «государствѣ» свое необходимое внѣшнее выраженіе,—и тогда конечно споръ о государственной или культурной исторіи былъ бы споромъ о словахъ, и послѣдняя не имѣла бы смысла. Но на дѣлѣ такое обобщеніе этого понятія оказывается неудобоисполнимымъ, и сводится опять къ тому же обычному употребленію этого слова, историкъ государства становится именно историкомъ одной спеціальной дѣятельности націи, и недоразумѣніе обнаруживается весьма скоро. Въ этомъ именно смыслѣ и могло происходить то разногласіе, какое дѣйствительно существуетъ въ пониманіи историческихъ явленій двумя школами: когда одна школа, съ точки зрѣнія «государства» признавала цѣлыя явленія въ народной жизни «противу-государственными» и тѣмъ бросала на нихъ бо́льшую или меньшую тѣнь осужденія; другая школа признавала эти явленія «народными» и тѣмъ брала ихъ подъ свою защиту. Примѣры этого въ нашей литературѣ, вѣроятно, знакомы занимающимся русскою исторіей, и въ нихъ выражается отчасти различіе двухъ историческихъ точекъ зрѣнія. И послѣдняя изъ нихъ, нисколько не отрицая значенія государства и государственной формы, имѣющихъ слишкомъ сильное вліяніе и на все развитіе націи, и на судьбу каждой отдѣльной личности, — хочетъ только сказать, что государство, въ *данныхъ* своихъ формахъ, можетъ далеко не представлять внутренняго содержанія на-

[1]) См. Вѣст. Евр. 1868, декабрь, стр. 681, 686.

Digitized by Google

рода: такъ данныя формы государственныхъ учрежденій проходятъ нерѣдко не касаясь народныхъ представленій, живущихъ своей собственной жизнью; такъ эти формы остаются иногда чуждыми интеллектуальному развитію въ образованной части общества, такъ какъ это развитіе можетъ совершаться не только внѣ государственныхъ формъ, но даже наперекоръ имъ, когда онѣ бываютъ для него неблагопріятны и т. д. и т. д. Замѣтимъ, наконецъ, что новые пріемы историческаго изысканія, на которые намекаетъ г. Соловьевъ, не были также и нововведеніемъ недавняго времени; напротивъ того, первые признаки ихъ или первая въ нихъ потребность является уже очень давно. «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина, такъ исключительно написанная съ точки зрѣнія государственной исторіи, при первомъ появленіи своемъ вызвала возраженія, которыя весьма ясно указывали исключительность и односторонность этой точки зрѣнія, и необходимость другой исторіи, съ иной точки зрѣнія. Этой потребности и думалъ нѣкогда удовлетворить Полевой, затѣвая свою «Исторію русскаго *народа*». Опытъ былъ неудаченъ, потому что для такого предпріятія у Полеваго не только не было нужныхъ личныхъ условій, но и не было никакихъ средствъ во всемъ содержаніи тогдашней нашей литературы, — но въ той мысли, которою онъ руководился, былъ очень вѣрный инстинктъ. Съ тѣхъ поръ и до настоящей минуты эта «исторія народа» стала предметомъ изученія и разработки для цѣлаго ряда изслѣдователей, и теперь она представляетъ уже гораздо больше возможности исполненія....

Но, если собственно политическая исторія, въ обыкновенномъ смыслѣ, не удовлетворяетъ теперь историческимъ интересамъ и читающей публики, и самихъ изслѣдователей, то съ другой стороны значеніе «культурной исторіи» не ограничивается однимъ внѣшнимъ сопоставленіемъ политической исторіи съ отрывочными свѣдѣніями о различныхъ предметахъ общественной жизни націи,—хотя уже одно введеніе этихъ предметовъ даетъ историческому изложенію такую широту, какой оно прежде не имѣло и которая гораздо больше соотвѣтствуетъ задачѣ и достоинству историческаго знанія. Итакъ, въ чемъ же собственно состоитъ смыслъ этой исторіи, въ ея отдѣльности отъ чисто политической государственной и отъ различныхъ частныхъ исторій?

Для отвѣта на этотъ вопросъ, мы воспользуемся словами одного изъ наиболѣе компетентныхъ современныхъ писателей въ области культурной исторіи, Бидермана, который, кажется намъ, довольно вѣрно указываетъ одну изъ самыхъ существен-

Digitized by Google

ныхъ сторонъ этого новаго направленія исторической науки [1]). Онъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ вопросъ о томъ, въ чемъ собственно состоитъ задача культурной исторіи, ея мѣсто въ наукѣ и роль между факторами общественнаго развитія.

«Этотъ вопросъ,—говоритъ онъ,—быть можетъ, легче будетъ рѣшить, если мы обратимъ вниманіе на то, какого рода была та развившаяся исторически потребность, которая создала эту новую науку и даетъ ей все бо́льшее и бо́льшее распространеніе. Первое, на чемъ мы здѣсь останавливаемся, это — политическая сторона дѣла. Въ теченіе долгаго времени исторія занималась только дѣлами властителей, дворовъ и кабинетовъ. Сами народы являлись въ этой исторіи развѣ только какъ страдательный матеріалъ, которому приходилось или расплачиваться за неразуміе своихъ повелителей, или служить орудіемъ для ихъ цѣлей.

«Эта точка зрѣнія исторіографіи соотвѣтствовала господствовавшей тогда системѣ абсолютнаго владычества властителей, и абсолютной покорности и пассивности народовъ. Это былъ самый ограниченный методъ писанія исторіи, и сравнительно съ нимъ было уже многозначительнымъ успѣхомъ то, когда писатели, рядомъ съ личной исторіей правителей и рядомъ съ разсказами о войнахъ, сраженіяхъ, договорахъ и дипломатическихъ интригахъ, стали также заниматься внутренней жизнью государства, исторіей государственнаго устройства, управленія и законодательства. Это доказывало, что теперь придавали уже извѣстное самостоятельное значеніе если не народу, то, по крайней мѣрѣ, государству, какъ юридическому учрежденію, что теперь уже не хотѣли больше сливать всего государства съ личностью правителей, какъ во времена Людовика XIV. Мало по малу сдѣланъ былъ еще одинъ шагъ. Народы не довольствовались больше тѣмъ, чтобы оставаться объектами властительскаго управленія, хотя бы и объектами, возбуждающими внимательную заботу и до извѣстной степени защищаемыми закономъ; они сами выступили дѣйствующими лицами на сцену обществен-

---

[1]) Въ русской литературѣ Карлъ Бидерманъ извѣстенъ сочиненіемъ о «Представительныхъ учрежденіяхъ съ народными выборами». Это историческое обозрѣніе есть одна изъ лучшихъ статей въ сборникѣ Гакстгаузена: «Конституціонное начало» (пер. Б. Утина и К. Кавелина. Спб. 1866). Бидерманъ занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ ряду нѣмецкихъ публицистовъ и историковъ; изъ его историческихъ трудовъ особенно извѣстны: «Нѣмецкая философія со временъ Канта» (2 т.), и, начатый въ обширныхъ размѣрахъ трудъ по культурной исторіи: «Германія въ XVIII вѣкѣ» — лучшее сочиненіе подобнаго рода въ нѣмецкой литературѣ, впрочемъ, еще не конченное.

Digitized by Google

ной жизни. При этомъ, конституціонныя границы не только больше чѣмъ когда-нибудь стѣснили непосредственное вмѣшательство властителя и его ближайшей обстановки; но и все могущество самаго государства съ его централизаторскими и нивеллирующими стремленіями, должно было шагъ за шагомъ отступать въ болѣе тѣсныя границы передъ пробуждающейся самодѣятельностью народа. Этотъ переворотъ былъ въ особенности громадный въ области матеріальной дѣятельности. Самыя разнообразныя стороны экономической дѣятельности, сельское хозяйство, промышленность, торговля, и вмѣстѣ связанныя съ ними общія отношенія промысловаго труда, продовольствія, населенія,—которыя прежде были только одной, и нерѣдко очень слегка третируемой частью государственной и финансовой науки,—теперь возвысились до самостоятельнаго и даже первостепеннаго значенія, какъ движущій и основной элементъ въ государственной и общественной жизни. Политическая экономія и статистика стали теперь такими же важными науками, какъ политика государственнаго устройства и управленія. Нѣтъ ничего удивительнаго, если исторія послѣдовала также этому влеченію времени и начала стараться о томъ, чтобы изслѣдовать успѣхи народовъ во всѣхъ областяхъ матеріальной и духовной дѣятельности съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ прежде она собирала дѣянія и судьбы властителей и ихъ дворовъ».

«Такое же обобщеніе наукъ, а съ ними вмѣстѣ и исторіи, произошло и съ другой стороны,—продолжаетъ Бидерманъ. Въ европейскихъ обществахъ вся масса народа дѣлилась на двѣ, рѣзко отдѣленныя одна отъ другой группы, ученыхъ и неученыхъ; пропорція между этими группами была различна въ разныхъ странахъ, но рѣзкое дѣленіе было вездѣ. Вся духовная жизнь европейскихъ народовъ, вслѣдствіе того, носила на себѣ отпечатокъ этого дѣленія [1]). Наука, искусство, литература приняли особый спеціальный характеръ, такъ какъ предназначались только для одного разряда націи. Ученые думали и писали только для себя самихъ и имъ подобныхъ людей: непосвященные, т. е. громадное большинство націи, должны были обходиться и безъ правильнаго пониманія, и безъ самостоятельнаго сужденія о произведеніяхъ литературы.

«Теперь и это стало иначе. Какъ прежде ученые ставили свою гордость въ томъ, чтобы неученая толпа не могла разу-

[1]) Приводимый нами авторъ говоритъ собственно о Германіи; но очевидно, что указываемыя имъ явленія прилагаются столь же вѣрно и къ другимъ „образованнымъ народамъ“ Европы, и мы поэтому позволяемъ себѣ обобщить его сужденія.

Digitized by Google

мѣтъ ихъ, такъ теперь они наперерывъ стремятся къ общепонятности и популярности. Тогда какъ прежде наукой занимались большей частью только для науки и только въ этомъ смыслѣ цѣнили ее, и каждая наука считалась однимъ отдѣльнымъ законченнымъ цѣлымъ,—теперь мы видимъ совершенно иное: всѣ науки, не исключая даже самыхъ отвлеченныхъ, вступаютъ въ союзъ между собою, и всѣ вмѣстѣ вступаютъ въ союзъ съ жизнью, съ дѣйствительностью, съ общимъ образованіемъ и національными интересами.

«Естественно, что историческое пониманіе различныхъ наукъ не могло остаться нетронутымъ этой перемѣной. Стала сказываться потребность разсматривать состояніе и успѣхи, достоинства и задачи каждаго отдѣльнаго научнаго направленія уже не на основаніи одного только отвлеченнаго понятія и не съ одной только изолированной, спеціально-научной точки зрѣнія, но напротивъ разсматривать ихъ по ихъ положенію въ жизни и ихъ связямъ съ жизнью, и принимая въ разсчетъ содѣйствовавшіе ихъ развитію факторы всеобщаго культурнаго прогресса.

«Въ этомъ смыслѣ, въ новѣйшее время дѣйствительно сдѣланы были разнообразныя попытки превратить прежнее спеціальное представленіе духовныхъ дѣятельностей, искусства и науки, въ иное преимущественно культурно-историческое представленіе [1])...

«Духъ новаго времени содѣйствовалъ развитію науки культурной исторіи еще въ третьемъ отношеніи, — именно тѣмъ возвысившимся значеніемъ, которое больше и больше стала пріобрѣтать собственно народная жизнь (употребляя здѣсь это слово въ соціальномъ, общественномъ, а не политическомъ смыслѣ), съ ея интересами и особенностями. Тотъ же потокъ идей, который въ области политико-соціальныхъ теорій поднялъ «четвертое сословіе», сдѣлавъ его предметомъ культа (иногда даже преувеличеннаго и аффектированнаго), который въ изящной литературѣ далъ, въ разсказахъ «изъ народнаго быта», такое просторное мѣсто изображенію народнаго, провинціальнаго и мѣстнаго, и приготовилъ этимъ разсказамъ такой блестящій успѣхъ,— этотъ же потокъ идей принесъ и историческому изслѣдованію и исторіографіи массу плодотворнѣйшаго, хотя до тѣхъ поръ большей частью остававшагося безъ всякаго употребленія, забытаго или мало цѣнимаго матеріала.

---

[1]) Авторъ приводитъ въ примѣръ „Исторію нѣмецкой поэзіи“ Гервинуса, „Исторію новѣйшей теологіи“ Шварца, труды по исторіи педагогіи — К. Раумера, книгу о Гегелѣ — Гайма, и другихъ.

Digitized by Google

«Наша литература (продолжаетъ Бидерманъ, указывая черты нѣмецкой литературы, которыя мы можемъ указать и въ русской — конечно, только въ миньятюрѣ) вообще слишкомъ долго занималась только жизнью болѣе знатныхъ классовъ, — включая сюда развѣ только ученое сословіе, — слѣдовательно аристократіей, въ которой общій типъ беретъ верхъ надъ индивидуальнымъ разнообразіемъ, и условное беретъ верхъ надъ природнымъ и своеобразнымъ. Преувеличенный идеализмъ въ искусствѣ и наукѣ съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ отворачивался отъ жесткой дѣйствительности такъ-называемой «обыденной жизни» (къ которой нерѣдко причисляемъ былъ весь кругъ гражданскихъ и домашнихъ интересовъ), и считалъ достойнымъ своего вниманія почти только кружки, владѣвшіе высшимъ общественнымъ и эстетическимъ образованіемъ. Какъ естественная реакція противъ него, въ послѣднее время, и въ жизни, какъ въ наукѣ и даже въ искусствѣ, пріобрѣтаетъ господство реализмъ, который начинаетъ свое наблюденіе и изображеніе народной и общественной жизни не съ самаго верхняго слоя или съ вершины пирамиды, какъ дѣлалъ это идеализмъ, а съ ея широкаго основанія, съ тѣхъ простѣйшихъ и какъ бы самыхъ осязательныхъ отношеній, которыя до извѣстной степени составляютъ для народа переходъ отъ его природной жизни къ его жизни культурной.

«Такимъ образомъ, культурная исторія нашего времени есть результатъ потребности, выросшей изъ самой жизни, и вмѣстѣ изъ хода науки, потребности въ болѣе широкомъ и свободномъ пониманіи всего даннаго историческаго матеріала, — и отсюда этой новой наукѣ представляется троякая задача.

«Во-первыхъ, къ изображенію внѣшней жизни государствъ и народовъ, какъ она выражается особенно въ исторіи правителей, дворовъ, дипломатическихъ переговоровъ, войнъ, завоеваній, культурная исторія должна прибавить изображеніе внутренней государственной и народной жизни, и притомъ въ самомъ обширномъ смыслѣ, слѣдовательно, не только изображеніе органическихъ, политическихъ и административныхъ учрежденій государствъ, но въ особенности самостоятельной и свободной дѣятельности народовъ въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи, въ земледѣліи, въ ремеслахъ и торговлѣ, въ искусствѣ и наукѣ, въ общежитіи и нравахъ, въ проявленіяхъ религіознаго и нравственнаго чувства Съ этой стороны культурная исторія, собственно говоря, есть только послѣдовательное усовершенствованіе прежней политической исторіи, соотвѣтственно бо̀льшему развитію самой общественной жизни, нашего знанія объ ней и нашего къ ней интереса. Какъ прежнее монархическо-феодальное

Digitized by Google

государство расширилось и развилось въ юридическое и народное государство, какъ оно сдѣлалось (или дѣлается) истиннымъ обществомъ и всестороннимъ воплощеніемъ всей народной жизни, такъ и прежняя исторія, говорившая объ однихъ правителяхъ, кабинетахъ, дипломатахъ и войнахъ, должна все больше и больше расширяться, и дѣйствительно расширится въ *настоящую всеобщую, органическую народную исторію:* въ значительной степени она уже и сдѣлала это. Съ этой стороны понятіе культурной исторіи и не имѣетъ иного значенія.

«Это же самое понятіе органической, народной или культурной исторіи, требуетъ также и съ другой стороны слитія, ассимилированія и извѣстнаго преобразованія отдѣльныхъ спеціальныхъ исторій, шедшихъ до сихъ поръ своими особыми одна отъ другой путями, слитія ихъ подъ одну высшую, общую точку зрѣнія культурной исторіи. Подъ этимъ надо разумѣть не простое, такъ-называемое «популяризированіе» этихъ отдѣльныхъ спеціальныхъ наукъ и ихъ исторіи; напротивъ, требованіе состоитъ въ томъ, чтобы для каждой отдѣльной науки или искусства и ихъ историческаго развитія показать, какимъ образомъ они связываются въ данное время съ общимъ движеніемъ и явленіями народной жизни, какимъ образомъ эта послѣдняя дѣйствовала на нихъ, и какъ онѣ въ свою очередь дѣйствовали на нее.

«Наконецъ, въ-третьихъ, культурная исторія должна изобразить и оцѣнить и такія направленія народной жизни, которыя, до сихъ поръ, или по незнанію, или изъ фальшиваго ученаго или эстетическаго высокомнѣнія, совершенно упускались изъ виду, въ особенности жизнь и бытъ, мысли и чувства низшихъ классовъ, или собственно «народа», простонародья, слѣдовательно то, что поэтому и называется собственно «народнымъ». На мѣсто слишкомъ отвлеченнаго понятія «націи» или «народа» въ цѣломъ, понятія, изъ котораго слишкомъ часто исходили въ особенности политики въ своихъ экспериментахъ съ государственными теоріями, но также и историки и даже романисты въ своихъ картинахъ извѣстныхъ періодовъ времени,—на мѣсто этого понятія должна быть пріобрѣтена сколько возможно всесторонняя, живая, ярко оттѣненная картина народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, картина, въ которой не должны быть опущены черты поселянина, какъ и городского жителя, пролетаріата и знатныхъ классовъ или зажиточнаго средняго сословія, выросшаго среди природы жителя замкнутыхъ горныхъ долинъ или далекихъ отъ путей сообщеній низменностей, и высоко образован-

Digitized by Google

наго, даже черезъ мѣру образованнаго обитателя большихъ центровъ міровыхъ сношеній и цивилизаціи».

Въ этихъ словахъ достаточно ясно указанъ смыслъ новаго направленія исторіографіи, которое, какъ мы замѣчали выше, проникло и въ разработку русской исторіи. Что эти новыя потребности и наклонности русскихъ историковъ совершенно естественнымъ образомъ вытекали изъ всего хода нашей общественной жизни, въ этомъ едва ли можно усумниться, сопоставивъ ихъ съ другими явленіями литературы и стремленіями общества: тѣ признаки, съ которыми Бидерманъ связываетъ появленіе этой формы исторіографіи, несомнѣнно повторяются и въ нашей жизни, — хотя, конечно, на русской почвѣ ихъ размѣры значительно съуживаются. Г. Соловьевъ справедливо замѣтилъ, что у нашихъ историковъ наклонность къ этому нововведенію явилась «раньше Бокля». Дѣйствительно, мы указывали, что первые признаки этой наклонности обнаружились еще во времена появленія первыхъ книгъ «Исторіи» Карамзина. И чѣмъ дальше мы можемъ указать въ нашей литературѣ эту наклонность, и это стремленіе расширить кругъ историческаго наблюденія, тѣмъ больше это стремленіе заслуживало бы вниманія и справедливой оцѣнки: потому что мы должны видѣть въ немъ уже вовсе не какую-нибудь модную тенденцію, а дѣйствительную потребность развивающагося историческаго сознанія. Таково оно и есть на самомъ дѣлѣ.

Переходимъ къ книгѣ Гонеггера, которая дала намъ поводъ говорить объ этомъ предметѣ и которая пытается представить культурную исторію новѣйшаго періода европейской жизни. Попытка эта, къ сожалѣнію, оказывается (по крайней мѣрѣ судя по вышедшему началу этого труда) весьма неудачной, и какъ образчикъ культурной исторіи можетъ быть полезна для нашей литературы развѣ только отрицательнымъ образомъ.

Авторъ сообщаетъ въ предисловіи, что настоящій томъ есть только начало обширнаго труда, выполненіе котораго онъ разсчитываетъ на пять томовъ. Первый томъ заключаетъ въ себѣ время первой имперіи; второй — будетъ обнимать реставрацію; третій и четвертый будутъ посвящены іюльскому королевству и буржуазіи; наконецъ, пятый будетъ заключать «діалектическій очеркъ всего хода культуры нашего столѣтія и его конечные результаты». Авторъ сообщаетъ кромѣ того, что эта книга составляетъ плодъ долголѣтняго изученія, которое авторъ велъ самостоятельно и не жалѣя усилій. Года три тому назадъ Гонеггеръ издалъ родъ короткаго конспекта своей работы, подъ названіемъ:

Digitized by Google

«Очеркъ литературы и культуры девятнадцатаго столѣтія» (который также вышелъ на русскомъ языкѣ). Настоящее изданіе есть полное развитіе этого конспекта.

Въ предисловіи къ своему краткому изложенію темы, Гонеггеръ называлъ свой трудъ «первой, сколько ему извѣстно, попыткой сопоставить въ цѣльной, связанной принципами картинѣ общія отношенія развитія нашего вѣка». Это, конечно, справедливо, потому что, дѣйствительно, не существуетъ книги, которая трактовала бы подробно эту тему какъ цѣлое (или вѣрнѣе сказать, трактовала ее подъ этимъ заглавіемъ), — хотя, съ другой стороны, авторъ могъ имѣть множество важныхъ пособій въ книгахъ, очень близко стоящихъ къ тому самому вопросу, который Гонеггеръ дѣлаетъ предметомъ своего изслѣдованія. Не говоря о безконечномъ множествѣ фактическаго матеріала, который можетъ быть здѣсь въ распоряженіи писателя, самый вопросъ о культурѣ или образованности нынѣшняго столѣтія, ея различныхъ отношеніяхъ и связи ея явленій между собою множество разъ былъ обсуждаемъ со всевозможныхъ точекъ зрѣнія, такъ что здѣсь писатель не можетъ пожаловаться на отсутствіе приготовительныхъ работъ. Такими ближайшими пособіями могли служить напр., во-первыхъ, многіе замѣчательные труды по исторіи литературы въ ея связи съ современнымъ положеніемъ и настроеніемъ общества, — во-вторыхъ, многіе столько же замѣчательные труды по исторіи общественныхъ учрежденій, въ ихъ соотношеніи съ народной жизнью, — въ-третьихъ, и въ особенности, обширная разработка экономическаго положенія современныхъ обществъ, и т. д. и т. д. Однимъ словомъ, писатель о культурѣ XIX-го столѣтія не стоитъ здѣсь въ положеніи изслѣдователя, которому впервые приходится, если не собирать, то группировать и связывать явленія, подводить ихъ подъ общія точки зрѣнія, открывать ихъ взаимную зависимость и вліяніе. Достаточно назвать одинъ трудъ Гервинуса, чтобы показать, какія важныя пособія можетъ найти историкъ цивилизаціи XIX-го вѣка для самой трудной части своего дѣла, т. е. для опредѣленія цѣлаго историческаго хода явленій и ихъ внутренней связи между собою. Писатель, съ самостоятельнымъ взглядомъ на вещи, не можетъ, конечно, обойтись безъ личнаго изученія предмета; но, въ подобной темѣ его основная работа должна была бы состоять, кажется, не въ мелочномъ подборѣ частныхъ подробностей, а напротивъ, именно въ отысканіи ихъ соподчиненности и въ опредѣленіи основныхъ руководящихъ силъ, создававшихъ, своимъ сліяніемъ и столкновеніемъ, все это разнообразіе частныхъ явленій.

Digitized by Google

Писатель, изображающій «культуру XIX вѣка», можетъ напр. спокойно предоставить политической исторіи подробности различныхъ колебаній во внѣшней судьбѣ государствъ, — исторіи литературы можетъ предоставить эстетическую оцѣнку стихотвореній второстепеннаго поэта, — исторіи науки предоставить подробное перечисленіе сдѣланныхъ въ ней открытій и изобрѣтеній, и т. п. Передъ нимъ лежитъ гораздо труднѣйшая задача — опредѣлить внутреннюю связь, очень часто совершенно скрытую отъ самихъ современниковъ и дѣятелей политики, литературы и науки, связь между этими и безчисленными другими проявленіями времени, и найти въ ихъ безконечномъ разнообразіи основную идею и силу.

Въ разрѣшеніи этого разнообразія на основныя силы именно и заключается трудъ раціональной исторіи, — и исторіи культуры въ особенности. Только на этомъ условіи, событія и факты могутъ быть представлены въ ихъ истинномъ размѣрѣ и правильномъ освѣщеніи. Политическія учрежденія и литература, промышленность и церковь, національный характеръ и случайныя событія или личности, экономическое развитіе, нравы и т. д., все это можетъ отражаться на извѣстномъ явленіи и дѣлаетъ объясненіе его весьма сложнымъ, потому что въ произведеніи одного результата участвуютъ много различныхъ причинъ, также какъ и одна причина можетъ производить въ жизни весьма разнородныя послѣдствія. Понятно, что если историкъ берется за «цѣльную, связанную принципами, картину» культурной жизни, онъ не можетъ обойти этого обширнаго и труднаго, но необходимаго анализа. Онъ можетъ, до извѣстной степени, обойтись безъ него, когда ограничивается одной описательной задачей, — но это есть уже совсѣмъ иная задача.

Гонеггеръ имѣлъ въ виду именно цѣль перваго рода. Какъ онъ исполнитъ ее, это опредѣлится повидимому только въ послѣднемъ томѣ его книги, который будетъ посвященъ, какъ выше замѣчено, «діалектическому очерку хода повѣйшей культуры и ея конечнымъ результатамъ». Но если судить по первому вышедшему тому, авторъ едва ли стоитъ на уровнѣ задачи; первой книгой своего труда Гонеггеръ оставляетъ очень смутное впечатлѣніе: это скорѣе наборъ множества фактовъ, разложенныхъ подъ разныя рубрики, чѣмъ исторія.

Не объясняя своего плана и точки зрѣнія, авторъ прямо дѣлитъ книгу на десять отдѣловъ: консульство и имперія; отдѣльныя государства: внутренняя политика и измѣненіе областей; соціальныя черты; изобрѣтенія, техника и постройки; путешествія, открытія и колонизація; наука и ученыя изысканія; современная исторія и политика, мемуары, журналистика; образо-

Digitized by Google

вательныя искусства; театръ и музыка; изящная литература. Эти отдѣлы поставлены рядомъ почти совершенно механически, и авторъ только рѣдко указываетъ взаимодѣйствіе общественныхъ силъ и явленій. Въ изложеніи политической исторіи и литературы онъ чаще, конечно, обращается къ внутреннему смыслу событій, къ связи умственнаго настроенія обществъ съ внѣшними фактами, вообще къ историческому анализу; но и здѣсь его критическія объясненія ограничиваются всего чаще отдѣльными, такъ-называемыми aperçus, которыя потомъ опять теряются во множествѣ подробностей, утомляющихъ вниманіе читателя. Авторъ, кажется, особенно старался объ этомъ наборѣ подробностей, масса которыхъ должна свидѣтельствовать объ обширности его эрудиціи; этихъ подробностей дѣйствительно собрано множество, и это вѣроятно внушило автору и его особый способъ изложенія, чрезвычайно сжатый и лаконическій, такъ что книга читается вообще съ трудомъ. Это — постоянная номенклатура фактовъ, лицъ, событій, значительная часть которыхъ могла бы быть къ пользѣ дѣла опущена, потому что изъ-за деталей теряется цѣлое;—постоянный рядъ аористическихъ замѣчаній, относящихся иногда къ такимъ мелочамъ, о которыхъ читателю приходится наводить особыя справки. Въ этихъ деталяхъ видно конечно изученіе, о продолжительности и внимательности котораго Гонеггеръ предупреждаетъ читателя въ предисловіи; но онъ, кажется, совершенно напрасно старался доказывать это изученіе въ книгѣ мелочами, совершенно неважными въ цѣломъ. Въ исторіи «культуры» вообще не должны имѣть мѣста предметы, умѣстные только въ спеціальной исторіи, а Гонеггеръ какъ будто нарочно старается ввести ихъ сколько можно больше, чтобы высказать о нихъ свое мнѣніе и придать похвальный или непохвальный эпитетъ. Въ главѣ о политической исторіи онъ сосчитываетъ, по скольку квадратныхъ миль теряла или выигрывала Австрія по разнымъ мирнымъ трактатамъ — но не сосчитываетъ, сколько теряли или выигрывали другія государства; находитъ нужнымъ поименовать Александра Августа Абендрота, гамбургскаго мера, который «дѣлаетъ очень много хорошаго» въ городѣ Гамбургѣ, но чего «хорошаго» — не говоритъ. Въ главѣ объ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, эти изобрѣтенія и открытія пересчитываются голословно на манеръ календарей, въ родѣ оглавленія. Въ главѣ о литературѣ разбираются стихотворенія весьма второстепенныхъ поэтовъ и указывается, которое лучше и которое хуже... Между тѣмъ исторія «культуры» только безполезно загружается всѣми этими мелочами. Въ результатѣ выходитъ, что о романтическихъ стихотвореніяхъ

Digitized by Google

Клемента Брентано говорится больше, чѣмъ напр. о Гумбольдтѣ и Бентамѣ вмѣстѣ.

Наконецъ, изложеніе или стиль Гонеггера, краткій и отрывочный, страдаетъ еще крайней манерностью; ему хочется быть яркимъ и живописнымъ, выходитъ онъ тяжелъ и натянутъ.

Если мы не ошибаемся, что въ послѣднемъ томѣ своей книги Гонеггеръ намѣревается собрать свои критико-синтетическіе выводы о движеніи новѣйшей культуры,—читателю предстоитъ еще большая работа надъ слѣдующими томами его книги, которые вѣроятно будутъ похожи на первый. Для тѣхъ, кто рѣшится читать Гонеггера, можно бы по крайней мѣрѣ посовѣтовать взять, въ качествѣ Аріадниной нити, его краткій конспектъ,—въ конспектѣ читатель, быть можетъ, хоть нѣсколько уразумѣетъ планъ, принятый авторомъ.

Книга Гонеггера переведена и па русскій языкъ... Настоящее изданіе г. Н. Ламанскаго сдѣлано съ нѣкоторой аккуратностью, которой обыкновенно его изданія похвалиться не могутъ,—хотя впрочемъ и на этотъ разъ въ книгѣ нѣтъ недостатка въ небрежности.

Переводы книгъ подобнаго рода, безъ сомнѣнія, очень полезны: сама русская литература такъ небогата силами и имѣетъ такой стѣсненный кругъ дѣятельности, что для читателя, который бы искалъ себѣ серьезнаго чтенія, по многимъ отраслямъ знанія пока нѣтъ другого исхода, какъ обращаться къ переводнымъ сочиненіямъ,—когда таковыя появляются. Но переводъ Гонеггера способенъ возбудить нѣкоторое сомнѣніе: сдѣлаетъ ли наша литература особенно полезное пріобрѣтеніе въ книгѣ, которая получила бы свой смыслъ развѣ только съ окончаніемъ всего изданія если въ этомъ окончаніи (какъ мы предполагаемъ) будетъ заключаться разъясненіе того сухого набора фактовъ, какой мы видимъ въ первомъ томѣ, — когда притомъ книга, задуманная конечно добросовѣстно, написана крайне тяжело.

Но если уже издатель рѣшилъ сдѣлать и напечатать русскій переводъ книги, ему надо было бы подумать о слѣдующемъ обстоятельствѣ. Нѣмецкій авторъ, между прочимъ, касается Россіи. Довольно естественно было ожидать, что, во-первыхъ, Россія займетъ очень мало мѣста въ его книгѣ, и во-вторыхъ, что при этомъ нѣмецкій писатель надѣлаетъ порядочно много ошибокъ въ изложеніи русскихъ предметовъ. Но Гонеггеръ даже превысилъ наше ожиданіе; кромѣ полуторы страницы о состояніи Россіи въ первую половину царствованія имп. Александра I, въ книгѣ находятся еще три строчки о русской литературѣ

Digitized by Google

(поставленной въ числѣ литературъ «низшаго разряда»). Эти строки слѣдующія:

«Для разработки русскаго языка и литературы составились общества, напримѣръ въ Москвѣ. Шишковъ пишетъ о національной оригинальности въ русскомъ языкѣ и противъ новаго вліянія французскаго вкуса». (стр. 202). — И больше ни слова.

Намъ кажется, что если издатель не былъ въ состояніи оговорить эти несчастныя строки для русскаго читателя, или замѣнить ихъ какимъ-нибудь указаніемъ фактовъ того рода, какіе собираетъ авторъ; то онъ лучше бы сдѣлалъ, еслибы совсѣмъ выбросилъ изъ книги эти строки, и избавилъ читателя отъ непріятнаго впечатлѣнія видѣть ихъ въ книгѣ, напечатанной на русскомъ языкѣ.

Въ полутора страницахъ о Россіи при имп. Александрѣ, находится характеристика императора, затѣмъ упомянуто о нѣкоторыхъ политическихъ обстоятельствахъ, пріобрѣтеніи новыхъ областей, названы Аракчеевъ и Сперанскій; а относительно хода образованія и внутренняго развитія опять только слѣдующія двѣ строки: «Тургеневъ (?) улучшаетъ школы, желаетъ перевести библію на всѣ славянскія нарѣчія (?) и подготовляетъ (?) уничтоженіе крѣпостного права, примѣръ чего онъ самъ даетъ въ своихъ имѣніяхъ» (стр. 35 — 36). Не легко собрать въ столь немногихъ словахъ такое количество недоразумѣній, — но если при общемъ незнаніи Россіи въ европейской литературѣ, можно бы было нѣсколько извинить нѣмецкаго писателя (да и то нельзя, потому что въ европейской литературѣ Гонеггеръ могъ бы найти свѣдѣнія, болѣе обстоятельныя, чѣмъ написанный имъ вздоръ), то намъ совершенно непонятно, по какимъ соображеніямъ русскій издатель считалъ нужнымъ сохранить этотъ вздоръ неприкосновеннымъ.

Справедливость требуетъ сказать, что при всей неуклюжести книги въ ней нерѣдко встрѣчаются вѣрныя отдѣльныя замѣчанія и характеристики, но въ цѣломъ эта книга едвали можетъ разсчитывать на интересъ, какой обѣщаетъ ея названіе.

А. Н—въ.

Digitized by Google

ДЕКАБРЬСКІЙ ПЕРЕВОРОТЪ

ВО

ФРАНЦІИ.

E. Ténot. — Paris en Décembre 1851. Étude historique sur le Coup d'État. 1868.
E. Ténot. — La Province en Décembre 1851. Étude historique. 1865, 1868.
Le Coup d'État du 2 Décembre 1851, par les Auteurs du Dictionnaire de la Révolution française. Décembre-Alonier. 1868.
Ch. Dunoyer. — Le Second Empire et une nouvelle Restauration. 2 vols. *Londres.* 1864.
Al. Kinglake. — L'Invasion de la Crimée. trad. par T. Karcher. t. 1. Bruxelles. 1864.
L. Véron. — Mémoires d'un Bourgeois de Paris. T. 6-me. Paris. 1855.
Granier de Cassagnac. — Récit complet et authentique des événements de Décembre 1851. Paris. 1851.
L. Blanc. — Révélations historiques. 2 vols. Bruxelles. 1859.
J. P. Proudhon. — Mélanges. Articles de journaux (1848 — 1852). t. XVII. P. 1868.

I *).

Никогда, быть можетъ, въ цѣлые долгіе годы, не сказывалась столь явная связь, столь очевидное взаимодѣйствіе литературы на жизнь и жизни на литературу, какъ въ послѣдніе мѣсяцы прошедшаго года во Франціи. Главнымъ толчкомъ, главнымъ поводомъ, если не источникомъ для всей прошедшей агитаціи— послужило появленіе въ свѣтъ сочиненія Тено о переворотѣ 2-го

*) Мы просимъ извиненія у автора, что такъ поздно помѣщаемъ его трудъ, доставленный въ редакцію еще въ концѣ прошедшаго года. Обширность начатыхъ уже статей не позволяла намъ приступить ранѣе къ печатанію настоящаго изслѣдованія. *Ред.*

Digitized by Google

декабря. Въ небольшомъ сжатомъ объемѣ авторъ изложилъ всѣ кровавыя событія декабрьскихъ дней 1851 года, происшедшія въ Парижѣ; онъ не счелъ нужнымъ разбавлять или приправлять факты своими соображеніями, своими обвинительными рѣчами и выраженіемъ своего негодованія. Онъ предоставилъ рѣчь самимъ фактамъ, и при томъ фактамъ, почерпнутымъ какъ изъ оффиціальныхъ документовъ, такъ и изъ свѣдѣній, сообщенныхъ самыми вѣрными приверженцами переворота. Этотъ пріемъ оказался въ высшей степени благопріятенъ для оппозиціоннаго бонапартизму лагеря: съ одной стороны, голое изложеніе фактовъ лишило правительство возможности преслѣдованія и конфискованія; съ другой стороны весь процессъ по-неволѣ, ipso facto, ограничивается только выслушаніемъ одной стороны, безъ возможности апелляціи, безъ всякаго права возраженія, именно потому, что эта одна сторона, т. е. оппозиціонная, не говоритъ ничего своего, личнаго, ничего могущаго быть подверженнымъ оспариванію; она только собираетъ всѣ факты вмѣстѣ, всѣ тѣ факты, которые въ теченіи 17-ти лѣтъ признавались справедливыми самими виновниками переворота.

Самое положеніе автора и мѣсто, въ которомъ появляется эта книга, этотъ обвинительный актъ, придало ей еще больше значенія и вѣсу. О 2-мъ декабря уже не разъ говорили и писали. Викторъ Гюго, Шельхеръ, Рибейроль, Дюнойе и другіе французскіе публицисты описывали 2-ое декабря въ яркихъ краскахъ, точно также какъ англичанинъ Кинглекъ и даже покойный русскій ex-князь эмигрантъ Петръ Долгоруковъ, но то были или эмигранты, которые поэтому могли быть заподозрѣны въ отсутствіи безпристрастности, а чрезъ то не могли возбудить къ себѣ достаточнаго довѣрія; или же то были иностранцы, очевидно завидующіе французской славѣ и оттого поносящіе воцареніе Наполеона. Тено не только не эмигрантъ, пострадавшій отъ бонапартистской мстительности, но даже и вовсе не политическій дѣятель, даже и не особенно извѣстный публицистъ, и притомъ публицистъ такого двусмысленнаго журнала, какъ Siècle. Очевидно, что къ его спокойному фактическому разсказу нечего относиться съ подозрѣніемъ въ завзятой враждебности. Вмѣстѣ съ этимъ, глядя на гигантскій успѣхъ книги Тено, должно предположить, что самое мѣсто появленія, т. е. въ Парижѣ, въ центрѣ самой Франціи, а не гдѣ-либо за границей, не въ Лондонѣ, не въ Швейцаріи и даже не въ Брюсселѣ, имѣетъ большое значеніе на такое распространеніе, котораго никогда не могло достигнуть ни одно изъ заграничныхъ изданій.

При такихъ условіяхъ сочиненіе Тено, предложенное фран-

Digitized by Google

цузской публикѣ, быстро пробудило въ ней заснувшую память о прошломъ, ясно изобразило предъ ней весь скользкій извилистый путь, которымъ бонапартизмъ цѣлые годы шелъ къ своему кровавому торжеству, живо воспроизвело всю ужасающую картину Парижа, осажденнаго исполнительною властью послѣ плѣненія ею власти законодательной. Но, если съ одной стороны, самый сюжетъ сочиненія могъ пробудить въ обществѣ такой повсемѣстно распространившійся интересъ, то съ другой стороны, самая сила интереса вызвана въ значительной степени тѣмъ моментомъ, когда сочиненіе появляется, т. е. когда всеобщее недовольство натянутымъ, полнымъ противорѣчія, капризнымъ, позорнымъ положеніемъ цѣлаго народа, не разъ знавшаго свободу, когда это недовольство подходитъ къ тому такъ сказать кульминаціонному пункту, при которомъ роли должны измѣниться, когда противъ авторитета-покорителя, какъ въ данномъ случаѣ Наполеона III-го, побѣжденные, подчинившіеся и даже привѣтствовавшіе его, готовы направить все оружіе, лишь бы подорвать и сбить его съ пьедестала. Вліяніе самаго момента появленія на успѣхъ книги представляется вполнѣ безспорнымъ, если вспомнить пріемъ оказанный книгѣ того же самаго Тено, которую онъ издалъ осенью 1865-го г., книгѣ, ни чуть не уступающей въ интересѣ нынѣ вышедшей, а напротивъ полной гораздо бо́льшаго значенія и по новизнѣ и по своей неожиданной поучительности: та книга трактовала объ отношеніи провинцій, т. е. всей Франціи, за исключеніемъ Парижа, къ декабрьскому перевороту; въ ней въ первый и единственный разъ было разсказано, съ тѣмъ же самымъ пріемомъ, — т. е. съ изложеніемъ голыхъ, оффиціальныхъ фактовъ безъ всякихъ личныхъ поясненій,—вся повсемѣстная борьба, которая возгорѣлась въ провинціяхъ при извѣстіи о переворотѣ въ Парижѣ. Статистическими опредѣленіями и цифрами, Тено ясно обличалъ 15-ти-лѣтнее увѣреніе бонапартизма въ безграничномъ сочувствіи къ нему народа по всей Франціи. Оказалось, что переворотъ вызвалъ энергическую, даже отчаянную борьбу за свободу, за республику, борьбу, которая во многихъ мѣстахъ быстро перешла въ гражданскую войну двухъ давно уже враждовавшихъ партій,—партіи народа и партіи порядка, тамъ гдѣ эта послѣдняя являлась сподручницей переворота, гдѣ она сама не вставала на битву противъ представителей вѣроломной исполнительной власти и ея войска. Три года тому назадъ это, по истинѣ грозное, обличеніе бонапартизма осталось безъ всякаго вниманія; книга Тено не разошлась даже однимъ изданіемъ; почти ни одинъ журналъ не упомянулъ о ней, между тѣмъ, какъ теперь, въ одинъ мѣсяцъ она достигла 4-го изданія. Къ сожа-

Digitized by Google

лѣнію, Тено выпустилъ въ нынѣшнихъ изданіяхъ предисловіе, помѣщенное въ изданіи 1865-го года, къ сожалѣнію — потому, что въ немъ было нѣсколько строкъ, весьма наглядно выражавшихъ всю перемѣну, происходившую въ общественномъ положеніи въ эти три года: «Моментъ, въ который мы пишемъ (говорилъ онъ въ 1865 году) представляется намъ чрезвычайно благопріятнымъ для этого отчета, спокойнаго и безпристрастнаго.... Страсти уже утихли.... вотъ уже шесть лѣтъ, какъ амнистія сгладила слѣды гражданскихъ распрей; партіи, побѣжденныя въ декабрѣ, сходятся теперь на конституціонной почвѣ.... Въ такое время спокойствія и умиренія прилично предъявлять требованіе священныхъ правъ исторической истины, относительно событій, обезображенныхъ страстью.»

Время спокойствія и умиренія оказалось только миражемъ, всѣ надежды и иллюзіи бонапартистовъ и мирныхъ гражданъ на окончательное установленіе мирной имперіи убиты садовскими игольчатыми ружьями и ментанскими Шаспо; побѣжденныя партіи сошлись отчасти на конституціонной почвѣ только для того, повидимому, чтобъ снова начать вѣчную игру старыхъ партій съ судьбою Франціи, игру минутнаго союза другъ съ другомъ для дружнаго совокупнаго нападенія на одного общаго властвующаго врага [1]), конечно съ затаенною надеждой каждой изъ нихъ воспользоваться общею побѣдой только для своей исключительной выгоды. Но рядомъ съ игрой этихъ партій является теперь на сцену новый элементъ, о которомъ министръ Руэръ счелъ нужнымъ не такъ давно заявлять съ трибуны законодательнаго корпуса; это тѣ новыя поколѣнія, которыя наросли въ 17-ти-лѣтній періодъ и которыя теперь вошли въ составъ избирателей; ихъ мнѣніе, ихъ отношеніе къ императорскому правительству,—сознавался Руэръ,—чрезвычайно важно. Тено какъ будто намѣренно отвѣчаетъ на вызовъ Руэра ознакомить новыя поколѣнія съ императорскимъ режимомъ: «Годы проходятъ — говоритъ онъ въ началѣ своего новаго сочиненія — скоро минетъ 17 лѣтъ со времени 2-го декабря: цѣлое поколѣніе выросло, которое не знаетъ, которое не можетъ знать какъ совершился знаменитый государственный переворотъ, породившій тотъ порядокъ, при которомъ оно живетъ. Гдѣ станетъ оно черпать точное знаніе фактовъ? Гдѣ книга, *честно* написанная, которая излагаетъ событія? Нѣсколько разсказовъ, опубликованныхъ во Франціи по

[1]) Sans doute le ressentiment de ces violences ne pourra manquer tôt ou tard, de les unir contre l'oppresseur commun. Такъ пророчитъ Dunoyer въ своей книгѣ. Томъ I, стр. 143.

Digitized by Google

этому предмету, въ первые мѣсяцы 1852 г., ужасаютъ своимъ пристрастіемъ. Въ нихъ факты потоплены въ грязной кучѣ лжи, клеветъ, исковерканныхъ случаевъ и искаженныхъ документовъ.»

Объяснивъ такимъ образомъ свое побужденіе къ составленію изданной книги, Тено категорически объявляетъ: «Я излагаю факты; я не подвергаю ихъ оцѣнкѣ и не сужу ихъ». Давая отчетъ объ этомъ столь прославившемся явленіи французской политической публицистики, мы не послѣдуемъ вполнѣ за авторомъ. Съ одной стороны, мы не обязаны излагать въ такой подробности и съ такими оффиціальными подтвержденіями всѣ заговорныя и воинственныя продѣлки бонапартизма, какъ на пути къ перевороту, такъ и въ самые дни его. Читатель повѣритъ, что мы, будучи совершенно не заинтересованнымъ въ дѣлѣ критикомъ, соблюдемъ въ нашемъ сжатомъ изображеніи точную и полную правдивость, и мы вполнѣ достигнемъ своей цѣли, если съумѣемъ ознакомить своимъ очеркомъ русскаго читателя съ исторіей происхожденія бонапартистскаго режима. Съ другой стороны, намъ нѣтъ никакой надобности держаться метода г. Тено, и мы смѣло можемъ позволить себѣ подѣлиться съ читателями тѣми общими взглядами, которые слагаются относительно современной исторіи Франціи, подъ вліяніемъ подробнаго разсмотрѣнія, съ точки зрѣнія всѣхъ партій, всей цѣпи событій того темнаго періода. Нами руководитъ при этомъ не одна архивная любовь къ историческимъ соображеніямъ; мы полагаемъ, что отъ болѣе или менѣе вѣрнаго отношенія къ событіямъ того періода, отъ болѣе или менѣе правильнаго взгляда на разные элементы общества, бросившіеся въ то время въ отчаянную схватку, можетъ зависѣть болѣе или менѣе ясное пониманіе и того пробившагося наружу безпокойнаго состоянія всѣхъ снова бродящихъ элементовъ, которое можетъ повести къ новымъ катастрофамъ и, во всякомъ случаѣ, къ концу существующаго во Франціи режима.

II.

Для того, чтобъ вѣрно судить о характерѣ Наполеона III, о его послѣдовательности и выдержкѣ, о его энергіи и искусствѣ, для того, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть право или произнести надъ нимъ однимъ историческій приговоръ въ кровопролитіи, обагрившемъ Францію въ 1851 году, или же распространить отвѣтственность и на другихъ дѣятелей, въ руки которыхъ ввѣрена была народомъ судьба Франціи,—для этого слѣдуетъ вспом-

Digitized by Google

нить, какимъ являлся Наполеонъ III, не только ранѣе переворота 2 декабря и не только ранѣе выбора его 10 декабря 1848 г. въ президенты республики, но даже ранѣе самой февральской революціи. Какимъ образомъ знакома съ нимъ была Франція? Чѣмъ искалъ онъ ея вниманія и популярности? Что было въ его жизни, предшествовавшей президентскому избранію, говорившее за довѣріе къ нему или противъ него? Какое ручательство представлялъ онъ въ преданности республикѣ, почтившей его назначеніемъ въ свои президенты, — или, наоборотъ, какіе поступки и проявленія его императорскихъ стремленій должны были предостеречь и внушить опасенія за его притязанія всѣмъ честнымъ патріотамъ? Все это, конечно, не лишено значенія въ томъ процессѣ, который французская пресса затѣяла теперь съ Наполеономъ III, возвратившись, для его обвиненія предъ мнѣніемъ Франціи, за 17 лѣтъ назадъ, къ днямъ самаго происхожденія его абсолютной власти. Политическая дѣятельность Луи-Наполеона начинается въ 30-хъ годахъ, въ Италіи. Вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Наполеономъ-Луи, нынѣшній императоръ вступаетъ въ тайныя италіянскія общества и клянется, гдѣ бы и когда бы онъ ни былъ, въ какія бы обстоятельства онъ ни былъ поставленъ—служить всѣми силами своими освобожденію и единству Италіи. Въ 1831 году, оба брата дѣйствительно принимаютъ дѣятельное участіе въ возстаніи заговорщиковъ противъ папы Григорія XVI. Въ то время, какъ старшій братъ умеръ отъ кори, младшій спѣшилъ спастись отъ австрійцевъ и укрылся съ своей матерью, Гортензіей, во Францію, гдѣ доброта Луи-Филиппа дозволила имъ оставаться, не смотря на законъ, воспрещавшій Бонапартамъ пребываніе во Франціи. Скоро, однако, принцъ долженъ былъ покинуть ее, заподозрѣнный въ агитаціонныхъ замыслахъ.

Чрезъ пять лѣтъ, въ 1836 году, онъ является уже публично на политическую сцену. Ему было 28 лѣтъ, и постоянно преслѣдовавшая его мысль—возвратить себѣ утраченный престолъ дяди, котораго онъ являлся законнымъ наслѣдникомъ, въ силу сенатскаго постановленія 1804 года, — эта мысль созрѣла теперь въ немъ настолько, что онъ рѣшился привести ее въ исполненіе. 30 октября, въ историческомъ костюмѣ генерала временъ Аустерлица, съ лентою ордена Почетнаго Легіона, со всевозможными украшеніями, явился онъ въ Страсбургъ и отправился въ казарму къ солдатамъ одного изъ линейныхъ полковъ, которые должны были быть приготовлены къ торжественной встрѣчѣ. Преданный принцу артиллерійскій полковникъ заранѣе уже пустилъ въ ходъ утку, будто произошла въ Парижѣ рево-

Digitized by Google

люція, свергнувшая короля, и на эту штуку поймалъ артиллеристовъ, рѣшившихся признать принца Луи-Наполеона своимъ императоромъ. Тѣмъ не менѣе, солдаты пришли въ недоумѣніе, когда представилась передъ ними неожиданная фигура; скоро, однако, они были выведены изъ недоумѣнія своимъ появившимся полковникомъ, Таландье, который, разгнѣванный на дерзкое вторженіе незнакомца въ казармы, обошелся съ наряженнымъ въ генералы принцемъ весьма неучтиво: сорвалъ съ него или заставилъ самихъ солдатъ сорвать съ него всѣ знаки отличія и эполеты, взялъ у него изъ рукъ саблю, которую, совершенно смущенный, уничтоженный такимъ пріемомъ, принцъ отдалъ безъ малѣйшаго упорства, не смотря на совѣтъ нѣкоторыхъ друзей доблестно сопротивляться. Принцъ и нѣкоторые сообщники его были арестованы; другіе, въ томъ числѣ Фіаленъ, извѣстный теперь де-Персиньи, успѣли бѣжать въ Германію.

Наказаніе принца Луи-Филиппомъ было весьма попечительное и отеческое, въ хорошемъ смыслѣ слова: король далъ юношѣ пятнадцать тысячъ франковъ съ тѣмъ, чтобъ онъ отправился въ Америку. Но республиканскія добродѣтели американскихъ учрежденій и самая жизнь въ Америкѣ не съумѣли прельстить молодого искателя коронованныхъ приключеній; болѣзнь притязанія на французскій престолъ оказалась неизлечимою. Принцъ Луи-Наполеонъ возвратился въ Европу и поселился у своей матери въ Швейцаріи, въ замкѣ Арененбергѣ, у Констанцкаго озера. Повидимому, однако, онъ поселился здѣсь вовсе не въ качествѣ туриста и не для созерцанія швейцарской природы, ибо правительство Луи-Филиппа сочло для себя опаснымъ пребываніе принца въ близкомъ сосѣдствѣ, и послѣ цѣлой шумной исторіи, въ которой швейцарское центральное правительство вело себя съ большимъ достоинствомъ, принцъ Наполеонъ самъ рѣшился оставить Швейцарію, не находя возможнымъ подвергать всю страну опасности войны изъ-за своего пребыванія. Онъ простился съ матерью и отправился въ Англію. О жизни его здѣсь остались самыя разнообразныя воспоминанія, начиная съ тѣхъ, которыя относятся къ его любезности и галантности, и кончая тѣми, которыя въ столь комичномъ видѣ выставилъ Рошфоръ въ одномъ изъ нумеровъ своего «Фонаря». Какъ бы то ни было, такая то бѣдная, то разгульная жизнь во всякихъ слояхъ англійскаго общества не мѣшала принцу помышлять о болѣе удачномъ возобновленіи своей попытки для овладѣнія французскимъ тропомъ.

Въ 1840 году, въ самый разгаръ патріотической бури во Франціи, въ то время, какъ іюльская монархія была жестоко оскорблена Англіей заключеніемъ ею іюльскаго трактата по во-

Digitized by Google

сточному вопросу вмѣстѣ съ Россіей, Австріей и Пруссіей и совершенно безъ вѣдома Франціи; въ то время, какъ въ театрахъ и актеры и зрители въ воинственномъ азартѣ на «новую коалицію», т. е. на враждебные замыслы державъ, оскорбившихъ Францію, распѣвали Марсельезу; въ то время, какъ самъ миролюбивый Луи-Филиппъ готовъ былъ потрясть мечемъ Франціи и увеличивалъ армію и флотъ, какъ бы серьезно готовясь къ отмщенію врагамъ, Луи-Наполеонъ Бонапартъ, въ свою очередь, рѣшилъ, что наступилъ, наконецъ, самый благопріятный моментъ для возвращенія Франціи прежняго побѣдоноснаго величія имперіи. Онъ разсчиталъ, что такъ какъ воинскій геній снова, повидимому, пробудился, то Франція приметъ наслѣдника славной традиціи съ распростертыми объятіями. Вновь задуманное «возвращеніе съ острова Эльбы» было предпринято съ новыми мундирами и съ новыми орденами — говоритъ Кинглекъ—и «до тѣхъ поръ, пока онъ заготовлялъ фальшивыя знамена, фальшивыхъ генераловъ и фальшивыхъ солдатъ, до тѣхъ поръ, пока онъ пріучалъ одного несчастнаго орла, залетѣвшаго въ Лондонъ, къ роли благого провозвѣстника судебъ Франціи, онъ дѣйствительно оказывался весьма свѣдущимъ въ этомъ родѣ политическаго искусства. Въ сочиненіи декретовъ и прокламацій, составлявшихъ значительную часть его клади, онъ доходилъ до совершенства» [1]).

Долгоруковъ прибавляетъ къ этимъ свѣдѣніямъ о приготовленіяхъ еще другія, заимствованныя изъ французскихъ и англійскихъ источниковъ. Главное и дѣйствительно интересное свѣдѣніе заключается въ томъ, что приведеніе въ исполненіе задуманной кампаніи требовало значительныхъ суммъ; способъ, къ которому, по сказаніямъ французскихъ эмигрантовъ и англійскихъ газетъ, прибѣгнулъ принцъ Луи-Наполеонъ для пріобрѣтенія средствъ былъ, конечно, весьма рискованный; онъ обнаружился позже, когда одинъ изъ главныхъ чиновниковъ финансоваго министерства былъ осужденъ на ссылку въ австралійскія колоніи за дѣло, равнявшееся дѣланію фальшивыхъ бумагъ: за двойной выпускъ однихъ и тѣхъ же нумеровъ банковыхъ билетовъ. Чиновникъ Бьюмонтъ Смитъ указывалъ на Ринало, какъ на понудившаго его къ такому преступленію и преимущественно пользовавшагося фальшивыми билетами; а Ринало былъ однимъ изъ участниковъ булонской экспедиціи и занимался снаряженіемъ и отправкой пороха. Мы не беремся судить, насколько всѣ эти показанія точны. Мы, конечно, не

[1]) *Kinglake*. Т. I, стр. 186.

Digitized by Google

рѣшимся обвинять самого принца Луи-Наполеона въ причастности къ такому преступленію, но мы не можемъ не пожалѣть, что подобныя обвиненія не разъ повторялись и до сихъ поръ остались неразъясненными.

Такимъ образомъ, на эти ли или на другія деньги снарядилъ принцъ Наполеонъ пароходъ, отправившійся 6 августа утромъ изъ Грэвсенда къ Булони, положительно извѣстно лишь то, что когда пароходъ отошелъ отъ берега, то принцъ явился на палубу снова во всеоружіи императорскаго наслѣдника, и, вслѣдъ за провозглашеніемъ передъ присутствующими настоящей цѣли экспедиціи, сталъ щедро раздавать деньги, вмѣстѣ съ раздачей оружія и костюмовъ, поддѣланныхъ подъ форму одного изъ полковъ, стоявшихъ въ булонскомъ гарнизонѣ. Весь экспедиціонный корпусъ, весьма, конечно, малочисленный, нарядился въ свой костюмъ, и пуговицы съ 42-мъ нумеромъ (нумеръ булонскаго полка), поддѣланныя нарочно для экспедиціи въ Бирмингамѣ, блестѣли ни чуть не менѣе, если не болѣе пуговицъ настоящаго полка; каждому былъ назначенъ особый чинъ и извѣстная роль. Здѣсь были и главные адъютанты принца, и генералъ-маіоры, и командующіе авангардомъ кавалеріи, и командующіе центромъ артиллеріи, и хирурги, и провіантмейстеры, и лейтенанты, и главные казначеи—однимъ словомъ, всѣ рѣшительно должности, которыя должны быть представлены во всякой хорошо организованной арміи. Не доставало только для полноты картины именно самой арміи, самихъ солдатъ. Но это не считалось важнымъ; солдаты должны были встрѣтить своего новаго императорскаго полководца въ Булони, и оттуда уже начать тріумфальный маршъ на Парижъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ «Revue moderne», въ любопытныхъ мемуарахъ графа д'Альтона Ше (d'Alton Shée) приведенъ текстъ изъ приговора, произнесеннаго пе́рами Франціи надъ принцемъ; въ немъ въ немногихъ строкахъ изображено поведеніе принца при неудачномъ приключеніи въ Булони[1]).

Заговорщики высадились на берегъ за четыре километра отъ Булони, гдѣ и были встрѣчены четырьмя соучастниками, среди которыхъ находился лейтенантъ 42-го полка Аладенизъ. Отрядъ заговорщиковъ, предводительствуемый Луи-Бонапартомъ, двинулся по направленію къ казармѣ 42-го полка; предъ ними

---

[1]) *Revue moderne*, 25 octobre 1868. Печатаніе этой части мемуаровъ встрѣтилось съ однимъ неудобствомъ, указывающимъ на грустное положеніе французской прессы: типографщикъ, отвѣтственный предъ судомъ, долго не рѣшался печатать журналъ о процессѣ Луи-Наполеона по поводу булонской экспедиціи, боясь взысканія.

Digitized by Google

развѣвалось трехцвѣтное знамя съ орломъ и надписью великихъ побѣдъ имперіи. Въ пять часовъ утра они подошли къ казармѣ. Аладенизъ разбудилъ солдатъ, приказалъ имъ вооружиться и, спустившись во дворъ, построиться въ порядкѣ. За тѣмъ опять послѣдовало, тоже какъ и въ Страсбургѣ, объявленіе о низверженіи въ Парижѣ Луи-Филиппа и то же приглашеніе провозгласить племянника императоромъ и идти съ нимъ на Парижъ. На этотъ разъ Луи-Наполеонъ былъ краснорѣчивѣе, и въ отвѣтъ на привѣтствующій его знамя барабанъ, отвѣчалъ солдатамъ обѣщаніемъ повышеній и орденовъ! Но и на этотъ разъ на бѣду его нашелся непрошенный обличитель, въ лицѣ капитана Пюижелье (Puygellier). Со всею рьяностью человѣка, взбѣшеннаго неожиданнымъ предательскимъ вторженіемъ, капитанъ бросается къ своимъ солдатамъ, не смотря на усилія нѣкоторыхъ загородить ему дорогу и остановить его; нѣсколько человѣкъ уже схватили его, овладѣли его вооруженной рукой; но онъ продолжалъ сопротивляться и бороться съ ними. «Капитанъ—уговаривали его—здѣсь принцъ Луи, будьте съ нами, и ваша карьера сдѣлана»!—«Васъ обманываютъ—кричалъ онъ изо всей силы въ отвѣтъ на такія увѣщанія, — знайте, что васъ прельщаютъ на измѣну!» Голосъ его заглушенъ кликами: «Да здравствуетъ принцъ Наполеонъ!»—«Гдѣ же онъ наконецъ?» спрашиваетъ изумленный капитанъ, и въ отвѣтъ на это предъ нимъ является небольшой человѣчекъ, который торжественно произноситъ: «Капитанъ, вотъ я! Я принцъ Луи; будьте изъ *нашихъ* и вы получите все что захотите».—«Принцъ ли вы Луи или нѣтъ, прерываетъ капитанъ, я не знаю васъ; я вижу въ васъ только заговорщика....» И онъ продолжалъ свои усилія, чтобы высвободиться отъ задерживавшихъ его и преграждавшихъ дорогу къ казармамъ. Находясь въ невозможности пробиться къ своимъ солдатамъ, онъ кричалъ въ отчаяніи: «Убейте меня, или я исполню свой долгъ».... «Не стрѣляйте въ него—закричалъ подоспѣвшій къ мѣсту этой сцены Аладенизъ, — не стрѣляйте, оставьте капитана, я отвѣчаю за его дни».

Изъ этого увѣщанія, приведеннаго въ процессѣ, очевидно, что на вѣрнаго королю капитана были уже направлены ружья или заговорщиковъ или приставшихъ къ нимъ солдатъ гарнизона. Графъ д'Альтонъ-Ше выводитъ отсюда также и то, что два отряда солдатъ, призванныхъ къ признанію принца дѣйствительно послушались Аладениза (естественно, что докладъ, представленный пѣрамъ могъ пожелать скрыть это, не желая обнаруживать невѣрность королевскаго войска), и что это могло повести къ началу успѣха, еслибъ самъ же Аладенизъ не оста-

Digitized by Google

новилъ успѣха дѣла великодушнымъ порывомъ гуманности, т. е. еслибъ заговорщики окончательно подавили энергическую инициативу сопротивленія въ лицѣ капитана.

«Эта часть разсказа—замѣчаетъ графъ д'Альтонъ-Ше—возбуждаетъ строгія размышленія».... «Надо признать, что за исключеніемъ случая, гдѣ совершается право кары противъ тирана, нарушившаго божескіе и человѣческіе законы,—конспираторъ долженъ обречь себя на преступленіе: въ исполненіи его плановъ ассасинатъ всегда подразумѣвается, поспѣшный, быстрый, безпощадный—какъ необходимый элементъ успѣха». Эти нѣсколько словъ автора могутъ послужить страшнымъ приговоромъ Наполеону III, не только за его булонское покушеніе, но и за послѣдовавшее чрезъ цѣлыя одиннадцать лѣтъ послѣ того покушеніе парижское, которое точно также неизбѣжно обрекло заговорщика на обращеніе за успѣхомъ къ ассасинату, въ самомъ обширномъ, въ небываломъ его примѣненіи къ населенію цѣлыхъ городовъ и селъ.

Порывъ Аладениза остановилъ убійство капитана, и дѣло повернулось окончательно не въ пользу Бонапарта: унтеръ-офицеры подоспѣли на помощь капитану и помогли ему освободиться отъ заговорщиковъ, которые отступили на минуту назадъ, но вслѣдъ за тѣмъ снова, сомкнутымъ строемъ съ принцемъ Бонапартомъ во главѣ, двинулись на отрядъ капитана Пюижелье. Капитанъ въ свою очередь захотѣлъ отплатить великодушіемъ, и предупредилъ принца, что будетъ стрѣлять по немъ, увѣщевая его удалиться. «Вмѣсто всякаго отвѣта, когда онъ обернулся къ своему войску, то услышалъ выстрѣлъ пистолета, который Луи-Бонапартъ держалъ въ рукахъ, и пуля котораго ударилась въ лице одного гренадера». Въ этомъ выстрѣлѣ довольно наглядно сказался характеръ принца Луи-Наполеона: нерѣшительный, какъ всегда, весьма сообразительный въ своемъ кабинетѣ и совершенно растеривающійся при первомъ столкновеніи лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, заранѣе увѣренный въ полномъ успѣхѣ всякаго своего предпріятія, къ которому онъ долго и упорно стремился, и тотчасъ же поспѣшно бросающій свое предпріятіе и предоставляющій его произволу случая, какъ только встрѣтится съ практическимъ, неожиданнымъ препятствіемъ. Ниже мы увидимъ, по одной изъ послѣднихъ, меткихъ характеристикъ Наполеона III, насколько такія черты теперь измѣнились или сохранились въ немъ. Относительно же того поступка въ 1840 году, собственное признаніе принца подтверждаетъ опредѣленіе качествъ выставленныхъ нами. Въ отвѣтъ на обвиненія палаты перовъ въ выстрѣлѣ, который ранилъ солдата,

Digitized by Google

вовсе не стоявшаго противъ него, онъ указывалъ на свое умственное и моральное состояніе, на то, что нервная агитація заставила его невольно выстрѣлить совершенно противъ собственнаго намѣренія!

Финалъ булонской экспедиціи былъ и комиченъ и печаленъ. Заговорщики были скоро выгнаны изъ казармы; они бросились было на рынокъ, къ городскому замку, но встрѣтивъ вмѣсто народнаго энтузіазма только отрядъ гарнизона, вышедшаго изъ казармы, ударились въ бѣгство. Принцъ Луи-Наполеонъ бѣжалъ вслѣдъ за Персиньи и нѣсколькими другими сообщниками къ морю, чтобъ поспѣть ранѣе погони на пароходъ; онъ дѣйствительно такъ энергично бѣжалъ, что успѣлъ попасть въ лодку съ нѣкоторыми бѣглецами. Подоспѣвшій гарнизонъ предупредилъ и сѣвшихъ въ лодку и еще оставшихся на берегу, что по нимъ будутъ стрѣлять; дѣйствительно, одного убили, другого ранили. Эти выстрѣлы вызвали въ Персиньи такое рвеніе и такое усердіе попасть скорѣе въ лодку, что онъ быстро бросился въ нее, и дѣйствительно попалъ въ нее, но на бѣду шлепнулся на ея дно и произвелъ такой толчекъ, что лодка почти перевернулась; одинъ изъ сидѣвшихъ въ ней потонулъ, другіе попали на грязный морской берегъ, въ томъ числѣ и принцъ Наполеонъ. Ихъ подобрали и повели какъ плѣнниковъ по городу, не смотря на то, что мундиръ принца и самъ онъ былъ выпачканъ въ грязи.

III.

Разгульная жизнь Лондона смѣнилась, по приговору суда, затворническимъ пребываніемъ въ фортѣ Гамъ. Принца проводили въ заключеніе негодованіе и еще болѣе насмѣшки всей Франціи и едвали не всей Европы. Самыя ярые партизаны его осмѣивали покушеніе маленькаго, буйнаго претендента вмѣстѣ со всѣми другими партіями, съ легитимистами, орлеанистами и небольшой группой существовавшихъ тогда республиканцевъ. Страннымъ образомъ, въ то время, какъ главный бонапартистскій органъ въ Парижѣ, «le Capitole», счелъ за благо прекратиться, самый крайній органъ республиканскихъ мнѣній почувствовалъ влеченіе, если не къ защитѣ, то къ состраданію несчастному затворнику. Это состраданіе было высказано молодымъ въ то время публицистомъ, Луи-Бланомъ, въ одной статьѣ въ *Revue du Progrès* (1-е сентября 1840 года). Статья обратила на себя естественное вниманіе арестанта, и Луи-Бонапартъ, бла-

Digitized by Google

годаря въ письмѣ Луи-Блана за то, что онъ, вопреки всѣмъ другимъ журналистамъ, не захотѣлъ бить лежачаго, выразилъ вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе лично повидаться съ авторомъ. Луи-Бланъ самъ разсказываетъ о своемъ посѣщеніи Луи-Бонапарта въ фортѣ Гамъ. Чтеніе разсказа, писаннаго цѣлые годы послѣ катастрофы, производитъ странное, далеко не лишенное поучительности, впечатлѣніе, и трудно рѣшить, чей характеръ болѣе рисуется въ разсказѣ: кто изъ двухъ героевъ драмы февральской рефолюціи болѣе обнажается для критики? Всей катастрофы, всего мрачнаго, полнаго интригъ и продѣлокъ поведенія бонапартистовъ, всего кроваваго декабрьскаго переворота не достаточно было, чтобъ путемъ аналогіи заставить историка смотрѣть болѣе трезво и на первую имперію, чтобъ разбить въ революціонерѣ-соціалистѣ его фантазію о міровомъ предназначеніи основателя бонапартовской династіи, Наполеона I-го, о его роли, какъ «продолжателя дѣла революціи», о «принятіи имъ революціоннаго наслѣдства», и тому подобныя шовинистскія риторическія построенія о какой-то исторической фатальности! — Естественно, извѣстная восторженность, съ какой относился Луи-Бланъ къ первому Наполеону, невольно переносилась въ отношенія къ затворнику, являвшемуся въ качествѣ наслѣдника бонапартовской идеи. Луи-Бланъ смотрѣлъ на Луи-Бонапарта иначе, чѣмъ на простого смертнаго; Луи-Бланъ считалъ, очевидно, Луи-Бонапарта призваннымъ играть важную роль, ибо въ противномъ случаѣ онъ не видѣлъ бы особеннаго интереса въ посѣщеніи человѣка, выразившаго своимъ поведеніемъ преданность вовсе не его республиканскимъ идеямъ, а только одной тщеславной, властолюбивой фантазіи — овладѣть Франціей по праву родства съ человѣкомъ, захватившимъ въ свои руки правленіе страной за пятьдесятъ лѣтъ предъ тѣмъ.

Нельзя не настаивать на справедливости такого взгляда на отношеніе Луи-Блана къ Луи-Бонапарту, потому что уже здѣсь крылось въ своемъ зародышѣ все то опрометчивое поведеніе и Луи-Блана и многихъ другихъ крайнихъ республиканцевъ, которое въ большей или меньшей степени содѣйствовало допущенію принца къ возвращенію во Францію и къ подготовленію всѣхъ дальнѣйшихъ узурпаторскихъ замысловъ чрезъ пріемъ въ національное собраніе. Правда, мы увидимъ ниже, что дѣйствительные республиканцы хватились позже за умъ, и прямо стали противъ Бонапарта, но ихъ проницательность явилась слишкомъ поздно и была немощна уже остановить совращенный съ прямой дороги ходъ вещей. Поэтому логика и исторія должны признать ихъ одинаково повинными и причастными ко всей той путаницѣ,

Digitized by Google

въ которую всѣ партіи, какъ бы нарочно, стремились ввергнуть Францію во время второй республики.

Самыя подробности свиданія Луи-Блана съ Луи-Бонапартомъ еще въ 1840 году, какъ нельзя болѣе подтверждаютъ сужденіе о непроницательности и опрометчивости сентиментальныхъ шовинистовъ, призванныхъ впослѣдствіи имѣть столь сильное вліяніе на судьбу французскаго народа. Въ данномъ случаѣ, сравнивая собесѣдниковъ, мы едва ли можемъ не отдать преимущества Луи-Бонапарту; онъ былъ искренен, онъ прямо говорилъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло передовая партія, чего должна она ждать отъ него.

Луи-Бланъ разсказываетъ свое свиданіе весьма обстоятельно, припоминая даже внѣшнюю обстановку затворника. Относительно Бонапарта великодушіе Луи-Филиппа не разъ уже вызывало и не можетъ не вызывать достойной ему похвалы: Луи-Филиппъ не мстилъ своему врагу всевозможными гнусными притѣсненіями, какъ то дѣлали многіе изъ властителей съ попавшимися въ ихъ сѣти противниками, и это тѣмъ бо̀льшую получаетъ цѣну въ глазахъ французской публики, чѣмъ неблагодарнѣе было позднѣйшее отношеніе Наполеона III къ представителямъ Орлеанскаго дома, у которыхъ онъ не поцеремонился конфисковать все, что̀ только могъ. Луи-Филиппъ былъ настолько любезенъ, что даже позволилъ одному изъ участниковъ булонской экспедиціи, близкому человѣку къ Луи-Наполеону, его доктору Конѐ, приговоренному тоже къ тюрьмѣ, раздѣлять заключеніе императорскаго претендента. Кромѣ Конѐ возлѣ Луи-Наполеона находился аптекарь, Акаръ, который первый встрѣтилъ Луи-Блана. Свиданію Луи-Блана Акаръ придавалъ повидимому большое значеніе, потому что съ первыхъ словъ сталъ поспѣшно объяснять Луи-Блану положеніе и обстановку принца.

«Вы должны быть нашимъ помощникомъ и, я надѣюсь, что мы восторжествуемъ надъ Луи-Бонапартомъ», говорилъ Акаръ, увѣдомляя Луи-Блана, что возлѣ принца стоятъ такіе значительные изувѣрные имперіалисты, какъ Персиньи и такіе искренніе, преданные республиканцы, какъ онъ самъ, Акаръ, и нѣкоторые другіе; что принцъ колеблется между этими вліяніями, что онъ человѣкъ съ прямыми, честными намѣреніями, но можетъ по нерѣшительности характера запутаться и впасть въ ошибку, если только имперіалистамъ удастся подчинить его своему вліянію, почему и слѣдуетъ принять всѣ мѣры къ огражденію его отъ нихъ.

Послѣ высказаннаго нами выше взгляда на отношеніе Луи-Блана къ принцу Бонапарту, весьма наивной представляется слѣдующая чистосердечная замѣтка Луи-Блана при разсказѣ объ

Digitized by Google

Акарѣ: «Пока онъ говорилъ, я смотрѣлъ на него съ крайнимъ изумленіемъ, не будучи въ состояніи понять въ чемъ основаніе республики можетъ зависѣть отъ приверженности къ ней, или наоборотъ, отъ непріязни къ ней Луи-Бонапарта»! Очень вѣроятно, что еслибъ Акаръ могъ заподозрить такое размышленіе въ Луи-Бланѣ, то въ свою очередь смотрѣлъ бы на него съ неменьшимъ изумленіемъ, не понимая, съ какой стати явился бы такой публицистъ къ плѣннику, еслибъ не считалъ то или другое участіе, ту или другую роль его могущими быть важными для Франціи. Но еще вѣроятнѣе, что размышленіе, выраженное въ приведенныхъ строкахъ, явилось у Луи-Блана гораздо позже, вслѣдствіе позднѣйшихъ событій, а во время посѣщенія онъ былъ послѣдовательнѣе, и идя на свиданіе, конечно, надѣялся на привлеченіе принца на сторону своихъ идей. Дальнѣйшая бесѣда съ самимъ принцемъ подтверждаетъ такое предположеніе.

Луи-Бланъ вошелъ въ квартиру плѣнника и увидѣлъ его, окруженнаго всѣмъ комфортомъ и удобствами, въ креслѣ, возлѣ камина, у стола, съ кипою бумагъ и книгъ. Принцъ всталъ и протянулъ посѣтителю руку любезно, но сдержанно; повидимому, онъ хотѣлъ принять извѣстный величественный видъ и тонъ, но это ему не удалось, или онъ раздумалъ, и потому они заговорили просто и довольно непринужденно. Луи-Блана однако съ перваго взгляда и съ первыхъ словъ поразило то, что въ фигурѣ принца «не было ничего изъ наполеоновскаго типа», что въ его произношеніи было что-то странное, и что онъ выражался съ большимъ затрудненіемъ.

Разговоръ начался, по обыкновенію всѣхъ политическихъ людей, съ критики существовавшаго порядка, и собесѣдникамъ не трудно было оказаться согласными: они оба рѣшили, что правительство, которое дѣйствуетъ подкупами внутри, и которое подвергаетъ извнѣ страну *«національному униженію»*, не можетъ долго существовать. Но далѣе пошли разсужденія о *«будущемъ»*, и различіе взглядовъ не замедлило обнаружиться. Принцъ Наполеонъ говорилъ о suffrage universel, какъ объ основѣ истиннаго демократическаго устройства; Луи-Бланъ ставилъ ему на видъ невѣжество крестьянъ и экономическую зависимость многочисленной массы народа отъ другихъ въ настоящемъ соціальномъ порядкѣ. Принцъ продолжалъ говорить о необходимости сообразоваться съ волей націи, съ желаніемъ большинства. Луи-Бланъ возражалъ, что недостаточно провозглашать теоретически верховную волю народа, надо вообще имѣть опредѣленную profession de foi, свое политическое *credo*. Принцъ понялъ вызовъ и не задумался искренно объявить свою вѣчную, свою единую

Digitized by Google

мысль: «Мое *credo*, сказалъ онъ, — это имперія. Развѣ имперія не возвысила Францію до вершины величія. Развѣ она не возвратила ей порядка? развѣ она не дала ей славы? Что до меня касается, *то я убѣжденъ, что воля націи заключается въ геніи имперіи*».— «Но имперія—это наслѣдственное начало», воскликнулъ Луи-Бланъ, полагая сразить этимъ неугомоннаго претендента. А претендентъ отвѣчалъ ему спокойно и сознательно: «безъ сомнѣнія».

Луи-Бланъ сталъ ратовать противъ наслѣдственнаго начала, силился доказать принцу противорѣчіе между верховной волей народа и наслѣдственнымъ принципомъ, заговорилъ даже о покушеніи чрезъ наслѣдственное начало на права несчастнаго потомства. Луи-Наполеонъ на это все отвѣчалъ только нѣсколькими словами: «Въ сущности важность состоитъ только въ томъ, чтобы правительство, какое бы оно ни было, заботилось о благѣ народа».

Бесѣда пошла гораздо оживленнѣе, когда они, оставивъ политическія формы, заговорили о соціальныхъ реформахъ. Принцъ самъ началъ разговоръ о необходимости соціальныхъ измѣненій, очень хорошо зная, насколько этотъ предметъ дорогъ его собесѣднику. «Его взгляды въ этомъ отношеніи повидимому мало разнились отъ моихъ». Это значитъ, что принцъ Луи-Бонапартъ являлся передъ Луи-Бланомъ въ частной бесѣдѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ своей юности, энергическимъ соціалистомъ.

Исторіи приходится на каждомъ шагу обличать извѣстныхъ дѣятелей въ непослѣдовательностяхъ и противорѣчіяхъ; цѣлыя теоріи часто создаются повидимому только для того, чтобы вызывать противорѣчія себѣ на практикѣ. Въ примѣрѣ Луи-Наполеона интересно было бы только рѣшить, вытекали ли его теоріи изъ праздной фантазіи или изъ добросовѣстнаго изученія, или же тѣ теоріи были приняты принцемъ въ его сочиненіяхъ только какъ стратегическое орудіе для критики іюльской монархіи и для привлеченія къ себѣ сочувствія приверженцевъ соціалистическихъ ученій.

Какъ бы то ни было, онъ не остался вѣренъ своимъ теоріямъ; напротивъ, для своей цѣли, т. е. для овладѣнія французскимъ престоломъ, — при перемѣнѣ обстоятельствъ, онъ даже счелъ нужнымъ стать ярымъ врагомъ соціалистовъ и явиться спасителемъ страны отъ «новыхъ Гракховъ». Вся дальнѣйшая исторія, все публичное поведеніе Луи-Наполеона противорѣчило его печатнымъ воззрѣніямъ, и его фраза о благѣ народа должна была бы быть повернута немного иначе: въ сущности, для него

Digitized by Google

оказывалось все равно—приносится ли благо народу или нѣтъ, лишь бы только правительство принадлежало ему самому и только ему. Это было его цѣлью, единою и неуклонною цѣлью; и она-то вела его къ тѣмъ противорѣчіямъ дѣла съ словами, которыя проявлялись столько же въ крупныхъ и серьёзныхъ фактахъ, сколько и въ такъ-называемыхъ мелочахъ, которыя однако отзываются на народѣ вовсе не шуточно. Такъ, при томъ же свиданіи съ Луи-Бланомъ, во время прогулки по крѣпостному валу, среди оживленнаго разговора Луи-Наполеонъ вдругъ прервалъ Луи-Блана предостереженіемъ: «говорите тихо»! и показалъ ему на фигуру, которая слѣдила за ними въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія. Это замѣчаніе повело къ тому, что Луи-Наполеонъ съ горечью и отвращеніемъ сталъ говорить «о низости тѣхъ правительствъ (т. е. правительства Луи-Филиппа), которымъ нужна цѣлая черная армія шпіоновъ, и которыя, ища своей силы въ самыхъ нечистыхъ складкахъ человѣческой природы, пользуются даже извращенностью своихъ агентовъ. А чрезъ десять лѣтъ послѣ такой филиппики цѣломудренный ораторъ создавалъ въ той же Франціи такую «черную армію», что невольно вспомнишь и захочешь примѣнить къ нему извѣстный стихъ:

А примешься за дѣло самъ,
Такъ вдвое хуже напроказишь!

Цѣлые три дня бесѣдовали Луи-Бланъ и Луи-Бонапартъ. Уѣзжая, Луи-Бланъ счелъ нужнымъ еще разъ наставить провинившагося претендента на истинный путь: «Повѣрьте мнѣ, единая вещь, дѣйствительно возможная во Франціи, есть республика, республика вѣрная своему началу, ибо полвѣка революцій неразрывно связали Францію съ ученіемъ о равенствѣ. Оставьте же эту роль претендента, для которой у васъ нѣтъ сцены. Довѣрьте своему безкорыстію заботу о вашей судьбѣ. Имѣйте смѣлость стать и провозгласить себя республиканцемъ». Бонапартъ, прибавляетъ Луи-Бланъ, былъ видимо тронутъ и при прощаньи его глаза были влажны. Это уже второй разъ въ три дня являлись у него слезы. Въ первый разъ при разсказѣ о булонской экспедиціи его голосъ внезапно порвался, онъ хотѣлъ переселить себя, и вдругъ залился слезами...

Они простились и каждый снова пошелъ своей дорогой. Луи-Бланъ продолжалъ работать въ прессѣ и излагать свои мысли о соціальномъ положеніи рабочихъ; извѣстность, пріобрѣтенная имъ на этомъ пути, довела его черезъ восемь лѣтъ послѣ свиданія, до временного правительства второй республики, а козни и заговоры противъ него враговъ довели его вскорѣ за тѣмъ до из-

Digitized by Google

гнанія изъ Франціи. Луи-Наполеонъ сталъ обдумывать, какъ освободиться, и снова приняться за свое трудное, конспираторское дѣло, которое должно было довести его и довело до президента республики и до основателя второй имперіи.

Люди эти, — теперь заклятые враги; но прежде, чѣмъ переворотъ 2 декабря раздѣлилъ ихъ цѣлымъ непроходимымъ кровавымъ рвомъ, имъ суждено было встрѣтиться еще разъ въ 49 году, — когда они обмѣнялись ролями, когда Луи-Бланъ долженъ былъ обречь себя почти на затворничество въ Англіи, а Луи-Бонапартъ возвращался въ Парижъ [1]).

Первая задача Луи-Наполеона, т. е. освобожденіе изъ плѣна, была достигнута имъ въ 1846 году. Король и Гизо предлагали принцу полную свободу, если онъ откажется отъ всѣхъ своихъ притязаній, но принцъ не захотѣлъ продать ни за какую свободу того, что́ считалъ своимъ неотъемлемымъ правомъ, т. е. обладаніе французскимъ престоломъ. Да и не къ чему было соглашаться на сдѣлку, когда можно было избавиться отъ тюрьмы бѣгствомъ. При помощи своего вѣрнаго доктора Конò, принцъ воспользовался присутствіемъ въ замкѣ Гамъ рабочихъ; одинъ изъ нихъ, Баденге, согласился дать свою одежду; принцъ сказался больнымъ, переодѣлся и вышелъ изъ тюрьмы. Когда на другое утро комендантъ заглянулъ въ окошечко, чтобъ посмотрѣть, что́ дѣлаетъ больной, то дѣйствительно увидѣлъ спящаго и закутаннаго больного, и успокоившись тѣмъ, что больной заснулъ, ушелъ къ себѣ. А на другой день успокоился и принцъ, ибо, въ то время, какъ по мнѣнію коменданта, принцъ лежалъ въ постели, онъ спѣшилъ въ Брюссель, а изъ Брюсселя въ Лондонъ. А въ постели дѣйствительно лежалъ, только не больной и не принцъ — а докторъ Конò, нарочно закутанный для скрытія обмана, чтобы дать время принцу уйти безъ погони до безопаснаго пристанища.

IV.

Въ то время, когда «баррикадный король» Луи-Филиппъ оказался дѣйствительно *баррикадным* королемъ, т. е. по остроумному замѣчанію прусскаго короля, возведенный на тронъ баррикадами, ими же былъ и сброшенъ съ него; — въ то время, какъ члены Орлеанской фамиліи спѣшили удалиться изъ Франціи, члены бонапартовскаго дома спѣшили воспользоваться изгна-

[1]) См. *Louis Blanc.* Révélations historiques. Конецъ главы Visite au fort de Ham.

Digitized by Google

ніемъ Орлеановъ для того, чтобы покончить свое собственное изгнаніе и принесть свои посильныя услуги дорогой Франціи.

«Нація — писалъ Жеромъ Бонапартъ (отецъ нынѣшняго принца Наполеона, извѣстнаго подъ именемъ Plon-Plon) — нація разорвала трактаты 1815 года. Старый солдатъ Ватерлоо, послѣдній братъ Наполеона, вступаетъ въ этотъ моментъ въ среду великой семьи. *Время династій* прошло теперь для Франціи. Законъ изгнанія, направленный противъ меня, падаетъ съ послѣдними Бурбонами. Я прошу, чтобъ республиканское правительство объявило, что мое изгнаніе было позоромъ для Франціи и уничтожилось вмѣстѣ со всѣмъ, что̀ было наложено на насъ чужеземцемъ».

Другой представитель бонапартовской династіи, уже знакомый намъ, принцъ Луи-Наполеонъ, тоже находился въ Парижѣ на другой день революціи, 25 февраля, и какъ бы забывая, или желая, чтобъ другіе забыли про его императорскія притязанія, торжественно извѣщалъ временное правительство о своей преданности: «Въ самый моментъ побѣды народа, я явился въ городскую думу. Долгъ всѣхъ добрыхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы соединиться вокругъ временного правительства республики, и я хочу одинъ изъ первыхъ исполнить этотъ долгъ; я буду счастливъ, если мой патріотизмъ можетъ быть полезно употребленъ».

Временное правительство нашло, что наиболѣе полезное употребленіе патріотизма принца будетъ состоять въ немедленномъ удаленіи его изъ Франціи, что̀ и потребовало отъ него. Дѣлать было нечего, ему пришлось подчиниться, но уѣзжая, онъ выразилъ правительству надежду на скорую возможность своего возвращенія: «Послѣ тридцати трехъ лѣтъ изгнанія и преслѣдованій, я думалъ, что пріобрѣлъ право очага на *родной землѣ*. Вы думаете, что мое присутствіе *теперь* въ Парижѣ представляетъ затрудненія, и поэтому я удаляюсь *на время*. Вы увидите въ этой жертвѣ чистоту моихъ чувствъ, моихъ намѣреній, залогъ моего патріотизма». (29-го февраля 1848 года).

Можетъ быть, временное правительство, отказывая Наполеону Бонапарту въ правѣ оставаться во Франціи, оказывало ему тѣмъ самымъ большую услугу, гораздо бо̀льшую, чѣмъ кто-либо могъ предположить. «Неожиданная» февральская республика шла быстрымъ скользкимъ путемъ къ своей гибели, — ее вели по этому пути тѣ же люди, тѣ же страсти, тѣ же партіи, которыя подкопали и іюльскую монархію. Легитимисты обочлись въ разсчетѣ, который велъ ихъ на борьбу противъ Луи-Филиппа; они воображали, что возвратятъ французскій тронъ его «законному» на-

Digitized by Google

слѣднику, т. е. Генриху V, изъ старшей линіи Бурбоновъ; вмѣсто того оказалось, что некому было возвращать тронъ, ибо самый тронъ былъ уничтоженъ провозглашеніемъ республики. Орлеанисты, которые воображали, что реформенная оппозиція заставитъ только смѣнить одно отверженное министерство другимъ, точно также, какъ и тѣ, болѣе крайніе либералы, которые воображали, что въ случаѣ опасности имъ стоитъ только замѣнить Луи-Филиппа регентствомъ герцогини Орлеанской, всѣ эти люди— растерявшіеся въ первую минуту и, затѣмъ, тотчасъ же сообразившіе необходимость *маскарада*, необходимость прикрыть свои настоящія воззрѣнія игрою въ республиканство, — въ сущности никогда не думали отнестись къ *республикѣ серьезно*, и поэтому, не теряя времени, стали стремиться къ тому, чтобы довести республику, т. е. «анархію», по ихъ крайнему разумѣнію, до невозможности, до полнѣйшаго разстройства. Тогда они явились бы спасителями страны, они починили бы подломленный тронъ Луи-Филиппа, и прерванная ненадолго орлеанская монархія снова надѣлила бы Францію благоденствіемъ! Понятно, что благородные участники такого благоденствія не остались бы съ пустыми руками: въ ихъ рукахъ сосредоточилось бы снова все управленіе страною и распоряженіе всѣмъ ея богатствомъ, помимо никому не нужной народной воли. Тѣ и другіе, легитимисты и орлеанисты, одинаково стремились занять въ презрѣнной республикѣ *легальныя* мѣста, и поэтому одинаково старались попасть въ національное собраніе. Дѣйствительно, изъ девятисотъ членовъ національнаго собранія, триста оказалось явными орлеанистами и сто пятьдесятъ извѣстными легитимистами.

Какимъ образомъ, во имя чего народъ при выборахъ давалъ свои голоса людямъ, которые были прямыми приверженцами низвергнутыхъ правительствъ? Потому ли, что они ловко прикрывались маскою? Потому ли, что народъ, въ первый разъ получившій право голоса, не зналъ этихъ людей ранѣе, ибо не могъ знать и слѣдить за политикой, остававшейся въ сферѣ высокаго ценза? Потому ли наконецъ, просто, что не понималъ еще важности и значенія выборовъ и закупался звучными фразами? Все это — вопросы, обсужденіе которыхъ отвело бы насъ, къ сожалѣнію, слишкомъ далеко отъ нашего предмета. Оставляя ихъ въ сторонѣ, мы только обращаемъ серьезное вниманіе на самый фактъ присутствія многихъ членовъ старыхъ бурбонскихъ партій въ національномъ собраніи второй республики. Этотъ фактъ долженъ послужить ключомъ къ уясненію всего дальнѣйшаго положенія, всѣхъ дальнѣйшихъ непреодолимыхъ трудностей и всѣхъ послѣдующихъ кровавыхъ столкновеній.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, за вычетомъ 450-ти членовъ, другая половина всей численности собранія оставалась на долю республиканцевъ и бонапартистовъ. Но въ этой половинѣ царствовало не только несогласіе, но и положительная вражда. Между бонапартистами были *чистые* бонапартисты, сначала мечтавшіе, а потомъ съ каждымъ днемъ все опредѣленнѣе шедшіе къ основанію второй имперіи; были и другіе бонапартисты, которые видѣли славу наслѣдника великаго императора въ томъ, чтобы онъ стоялъ во главѣ страны, какъ бы она ни называлась — республикой или имперіей [1]).

Накопецъ, оттѣнкамъ и подраздѣленіямъ между республиканцами не было конца. Были умѣренные республиканцы, которые могли насчитать въ своей средѣ людей понимающихъ республику при такой-то формѣ исполнительной или законодательной власти, и людей, признающихъ республику только при иной формѣ; были ярые красные республиканцы, не будучи въ тоже время соціалистами (представителемъ ихъ былъ Ледрю-Ролленъ); были, наконецъ, республиканцы-соціалисты, которыхъ звали красными, и которые вовсе не были таковыми; были соціалисты по системѣ Луи-Блана, соціалисты-анархисты, какъ Прудонъ, соціалисты-фурьеристы, какъ Консидеранъ, и, вѣроятно, мы могли бы насчитать еще нѣсколько видовъ ихъ. Но и указанныхъ достаточно, чтобы судить, какая путаница, какія смуты должны были происходить при общей враждѣ и взаимныхъ ссорахъ партій. Слѣдуетъ помнить при этомъ, что вражда въ самомъ лагерѣ республиканцевъ шла часто гораздо ожесточеннѣе, нежели борьба двухъ общихъ главныхъ партій — большинства и меньшинства въ національномъ собраніи.

Не трудно себѣ представить, какимъ образомъ должны были

---

[1]) Для читателя не лишено будетъ интереса припомнить, какъ заявляли себя въ 1848 году, при выборахъ, столпы нынѣшняго порядка во Франціи. Представляясь избирателямъ въ качествѣ депутатовъ, искренно преданныхъ республикѣ, гг. Барошъ, Руэръ, Персиньи не находили словъ достаточно энергичныхъ для выраженія своихъ professions de foi: «Я республиканецъ по разсудку, по чувству, по убѣжденіямъ, писалъ Барошъ: — Я вовсе не принимаю республику, какъ необходимость, или какъ временную сдѣлку, а какъ единственную форму правленія, которая можетъ обезпечить величіе и благосостояніе Франціи».

Г. Руэръ требовалъ, въ своемъ посланіи, для совершившейся политической и соціальной революціи полной и совершенной свободы собраній, учрежденія постоянныхъ клубовъ, прогрессивнаго налога, правильной организаціи труда, все для народа и все чрезъ народъ.

Г. Фіалэнъ-де-Персиньи клялся «посвятить начавшейся соціальной революціи всю энергію, дарованную ему Богомъ, все разумѣніе и упорство на освобожденіе народа отъ единаго, тяготѣющаго еще надъ нимъ рабства, отъ рабства нищеты».

Digitized by Google

подѣлиться эти двѣ парламентскія партіи. Съ одной стороны, стали и сплотились дружно заклятые враги, т. е. легитимисты и орлеанисты; съ другой — лѣвую сторону составили республиканцы со всѣми подраздѣленіями. Между ними стояли бонапартисты; они представляли собою пловучій переходящій элементъ, и потому въ сущности часто наиболѣе дѣйствительный и вліятельный изъ всѣхъ: бонапартисты присоединялись то къ одной, то къ другой сторонѣ, соображаясь съ тайными замыслами своихъ вожаковъ; они же, все изъ тѣхъ же тайныхъ видовъ, впослѣдствіи руководились въ своемъ поведеніи только однимъ побужденіемъ — дискредитировать, уронить всякое довѣріе къ собранію въ массахъ народа для того, чтобы ихъ глава, принцъ-претендентъ могъ заразъ убить двухъ зайцевъ, или вѣрнѣе явиться, съ достойной фигурой Януса: т. е. съ одной стороны, спасителемъ общества отъ бѣдствій соціалистической анархіи, съ другой — избавителемъ народа отъ его монархическихъ враговъ, отъ партій, желавшихъ возвращенія стараго порядка.

Но ранѣе, чѣмъ бонапартисты могли получить серьезное значеніе въ собраніи, въ немъ, одинаково въ двухъ его фазахъ и при двухъ выборахъ, — въ учредительномъ, точно также какъ и въ законодательномъ собраніи — дѣйствовала партія большинства, партія монархистовъ, легитимистовъ и орлеанистовъ вмѣстѣ. На этой партіи больше, чѣмъ на комъ бы то ни было лежитъ вся отвѣтственность за ходъ революціи, и потому она справедливо можетъ вызывать за свое поведеніе или осужденіе, или похвалу, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія отнестись къ событію. Видя, что второй разъ уже, т. е. при выборахъ въ законодательное собраніе, suffrage universel остается вѣренъ монархическимъ представителямъ, хотя и посылаетъ изъ Парижа и изъ нѣкоторыхъ провинцій республиканцевъ и даже соціалистовъ, орлеанисты и легитимисты рѣшили, что въ перспективѣ страна должна неизбѣжно придти къ возстановленію королевской власти. Но они сознавали при этомъ, что было еще не время входить въ распрю изъ-за претендента старшей или младшей линіи, и потому какъ бы согласились оставить эту распрю до позднѣйшаго момента; при чемъ, конечно, легитимисты надѣялись, что орлеанисты, помня свое недавнее пораженіе, естественно захотятъ уступить первенство законному наслѣднику изъ старшей линіи; а орлеанисты въ свою очередь считали себя настолько сильными, что всегда надѣялись поглотить своей численностью легитимистовъ и заставить ихъ принять претендента младшей линіи.

Такимъ образомъ, обѣ роялистскія партіи сошлись на общей

Digitized by Google

имъ почвѣ, на употребленіи всѣхъ средствъ и способовъ къ тому, чтобы довести скорѣе республику до паденія и Францію до неизбѣжности признать одного изъ ихъ кандидатовъ. Очевидно было, что для такой цѣли слѣдовало разрушить въ массахъ всякую надежду, а въ буржуазіи (силу которой представляла національная гвардія) возбудить паническій страхъ относительно республиканцевъ-соціалистовъ. Надо было напугать страну разбойническими и грабительскими ужасами, происходящими, конечно, отъ наущеній работниковъ соціалистами «противъ собственности, противъ семьи, противъ общественнаго порядка...!»

Историки безъ преувеличенія свидѣтельствуютъ, что эта внутренняя коалиція старыхъ партій въ 1848-мъ году противъ второй республики была гораздо страшнѣе и убійственнѣе, чѣмъ внѣшняя коалиція 90-ыхъ годовъ, направленная противъ первой республики. У этой внѣшней коалиціи было только одно орудіе — порохъ и желѣзо; она шла открыто на борьбу съ революціей, оповѣщая о себѣ извѣстнымъ манифестомъ Брауншвейга (25-го іюля 92-го года); интриги и продѣлки Пита, занимавшагося наводненіемъ Франціи фальшивыми ассигнаціями, были болѣе страшны въ молвѣ народной, чѣмъ въ сущности. Вторая, *внутренняя* коалиція обладала всевозможными орудіями, пропитанными медленнымъ, но вѣрнымъ ядомъ: она начинала съ интриги, съ клеветы, съ инсинуаціи; она шла черезъ вызванныя ею самой баррикады, съ артиллеріей и бомбардированіемъ; она самовольно провозглашала терроръ и предъявляла себя спасительницей страны; она избавлялась отъ своихъ противниковъ изгнаніемъ, ссылками, депортаціей, огульнымъ разстрѣливаніемъ побѣжденныхъ и облачала свой терроръ въ легальный видъ созданіемъ военно-судныхъ коммиссій.

Внутренняя коалиція обочлась въ своемъ разсчетѣ: она довела республику до гибели, но она не довела своихъ претендентовъ до трона Франціи. При своихъ разсчетахъ она упустила изъ виду одинъ элементъ, бонапартистскій. Она не воображала, что явится еще непрошенный гость оспоривать львиную часть; она была увѣрена, что проведетъ этого новичка своей опытностью, своей парламентской тактикой; она надѣялась воспользоваться его услугами для союзной битвы противъ республиканцевъ и за тѣмъ отстранить его отъ всякаго покушенія на раздѣлъ добычи. Но она обочлась въ мнѣніи о своей силѣ и о немощи соперника; она увлеклась побѣдою Кавеньяковской арміи и фальшивыми докладами своихъ коммиссій. Она, которая считала въ своей средѣ столькихъ извѣстныхъ историковъ и философовъ (Тьеръ, Токвиль, Дювержье-де-Оранъ, Ремюза и пр. и пр.),

Digitized by Google

она забыла, что изъ народнаго кровопролитія никогда не выходятъ чистыми, что кровь побѣжденныхъ рано или поздно снова выступаетъ наружу и подмываетъ всякое зданіе, возводимое на ея почвѣ. Она въ своемъ увлеченіи не разсудила, что ея дѣйствія и поступки могутъ, въ концѣ концовъ, вызвать въ странѣ не сочувствіе, не поддержку, а наоборотъ — недовѣріе и озлобленіе. А между тѣмъ такъ и случилось.

Мы увидимъ ниже, что приверженцы республиканцевъ, какъ умѣренныхъ, такъ и красныхъ, не уменьшались, а значительно увеличивались; мы увидимъ, что это увеличеніе повело коалицію къ необдуманному принятію такой мѣры, которая прямо вызвала ея гибель. Рядомъ съ увеличеніемъ республиканцевъ, увеличивалось и число приверженцевъ бонапартизма, и вотъ гдѣ справедливымъ является наше положеніе, что удаленіе принца Луи-Наполеона изъ Франціи послужило ему въ пользу. Въ то время, какъ коалиція компрометировала себя, роняла себя въ глазахъ народа своимъ поведеніемъ и вызывала осужденіе себѣ, Бонапартъ оставался въ тѣни, въ таинственной неизвѣстности, не принужденный открыто заявлять то или другое свое отношеніе къ разнымъ обстоятельствамъ, сокрушившимъ республику.

Но это нисколько не мѣшало ему дѣйствовать иными, подпольными путями и неотступно вести свои подземныя мины. Среди рабочихъ въ городахъ и между земледѣльцами въ селахъ находились люди, ловкіе, смышленные люди, умѣвшіе красно говорить о бѣдствіяхъ республики, о томъ, какія бѣды уже постигали въ былыя времена несчастную Францію и какъ во время первой революціи удержала Францію на краю бездны могучая рука великаго императора. А у императора остались наслѣдники, но они внѣ Франціи, потому что ихъ осуждаетъ на изгнаніе свободное республиканское правительство, точно также, какъ ихъ осуждала реставрація (1816 г.) и Орлеаны; ихъ не пускаютъ во Францію, потому что знаютъ, что они не потерпѣли бы бѣдствій народа и не дозволили бы старымъ партіямъ обманывать народъ; они снова могли бы вывесть Францію изъ кровавой бѣды, и т. д. и т. д.—Этими розсказнями ловкіе агенты принца Луи-Наполеона дѣйствительно успѣвали настолько, что уже въ маѣ 1848 года, въ публичныхъ демонстраціяхъ стало раздаваться имя Луи-Наполеона.

Коалиція колебалась между двумя соображеніями.— Съ одной стороны, она могла быть довольна тѣмъ, что въ массѣ, повидимому, снова ощущали потребность въ одномъ человѣкѣ, въ спасителѣ и руководителѣ, и это ощущеніе можно было употребить въ дѣло для навязанія ей бурбонскихъ претендентовъ. Съ другой

Digitized by Google

стороны, ей не нравилось и казалось опаснымъ для ея интересовъ то обстоятельство, что «масса», «чернь» и отчасти «буржуазія» обращали свое вниманіе именно на Луи-Наполеона, а не на кого другого. Коалиція подозрѣвала, что вниманіе народа вызывалось въ значительной степени тайными интригами бонапартизма, не смотря на отсутствіе претендента; она думала при этомъ, что его пребываніе въ самой Франціи только увеличило бы возможность прозелитизма въ его пользу. Руководясь такими соображеніями, коалиція въ національномъ собраніи вознамѣрилась удержать въ силѣ законъ 1816 года, объ изгнаніи Бонапартовъ, только въ примѣненіи къ одному изъ ихъ членовъ, — къ принцу Луи-Наполеону. Другіе члены Бонапартовой династіи уже засѣдали въ національномъ собраніи, посланные въ него общими выборами 23-го апрѣля: принцъ Наполеонъ-Бонапартъ [1]), (сынъ короля Жерома), Пьеръ Бонапартъ, (сынъ Люсьена) и Люсьенъ Мюратъ.

Въ письмѣ изъ Лондона, отъ 24 мая 1848 года, обращенномъ къ національному собранію, Луи-Наполеонъ протестовалъ противъ исключенія, направленнаго противъ его одного:

«Я хочу спросить — говорилось въ посланіи — у представителей народа, чѣмъ я могъ заслужить такое наказаніе?... Тѣмъ ли, что желалъ торжества народной верховной воли? (souveraineté nationale). Тѣмъ ли, что я два раза былъ жертвой моей вражды къ правительству, которое вы низвергли? тѣмъ ли, что я согласился изъ почтенія къ временному правительству возвратиться за границу? тѣмъ ли, что, изъ безкорыстія, я отказался отъ предложенныхъ мнѣ кандидатуръ въ собраніи, рѣшившись возвратиться только тогда, когда конституція будетъ утверждена и республика упрочена? Тѣ же самыя причины, которыя заставили меня поднять оружіе противъ правительства Луи-Филиппа, заставили бы меня, *еслибъ потребовали моихъ услугъ*, отдаться защитѣ собранія, явившагося результатомъ всеобщей подачи голосовъ... При королѣ, избранномъ двумя стами депутатовъ я могъ помнить, что я наслѣдникъ имперіи, основанной на согласіи 4-хъ милліоновъ французовъ; при существованіи народной верховной воли, я не могу и не хочу отстаивать ни-

[1]) «Братство, равенство и свобода внутри, священный союзъ народовъ извнѣ— таковы основы, на коихъ мы должны построить республиканское зданіе», такъ говорилъ въ своемъ манифестѣ къ корсиканскимъ избирателямъ принцъ Наполеонъ. Въ этомъ же манифестѣ онъ заявлялъ ту тенденцію, которую не оставлялъ съ того времени и до сихъ поръ: именно стремленіе освободить Италію и Польшу: «Польша и Италія должны устроиться независимо; ихъ свобода нужна для упроченія свободы Европы; ихъ дѣло справедливо: оно есть дѣло нашей демократіи».

Digitized by Google

чего, кромѣ моихъ правъ французскаго гражданина, но этихъ правъ я буду требовать непрестанно съ тою энергіей, которая дается честному сердцу сознаніемъ, что оно никогда не утрачивало права на свое отечество.»

Вскорѣ за тѣмъ Луи-Наполеонъ далъ почувствовать собранію, что онъ можетъ войти во Францію, если не путемъ декрета, то путемъ народной воли. Четыре департамента выбрали его своимъ представителемъ, при дополнительныхъ выборахъ 8 іюня. Въ Сенскомъ департаментѣ, къ общему величайшему изумленію, имя Луи-Наполеона явилось однимъ изъ одиннадцати, и не послѣднимъ изъ одиннадцати: оно шло вслѣдъ за именами Косидьера, Шангарнье, П. Леру, В. Гюго, который получилъ только полторы тысячи голосовъ болѣе, чѣмъ принцъ, между тѣмъ какъ Прудонъ, вышедшій послѣднимъ изъ электоральной урны, получилъ семь съ половиною тысячъ голосовъ менѣе чѣмъ принцъ. Вопросъ о допущеніи Луи-Бонапарта представился собранію невольнымъ, насильственнымъ образомъ. Собраніе не могло уклониться отъ новыхъ дебатовъ, отъ принятія новаго рѣшенія въ виду воли избирателей. Собраніе тѣмъ болѣе было вынуждено снова рѣшать вопросъ о Луи-Наполеонѣ, что въ народѣ парижскомъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой его части, начиналась агитація, ходили разные раздражительные слухи, толпа собиралась нѣсколько дней у дверей національнаго собранія.

13-го іюня 48-го года, открывалось въ собраніи преніе объ избраніи Луи-Наполеона и о допущеніи его не только во Францію, но и въ самое собраніе. Одинъ изъ докладчиковъ, говорившихъ въ пользу допущенія, Ламартинъ предлагалъ вотировать допущеніе единодушнымъ согласіемъ. Л. Бланъ произнесъ цѣлую рѣчь о республиканской справедливости, о томъ, что не слѣдуетъ увеличивать значеніе претендентовъ отдаленіемъ ихъ изъ опасенія, что гораздо удобнѣе слѣдить за ними вблизи, о томъ наконецъ, что «логика республиканская не допускаетъ, чтобъ сынъ былъ наказываемъ за преступленія, въ которыхъ виновенъ отецъ». (Эта *логика* республиканская была не совсѣмъ *логична:* какъ будто Наполеонъ I-ый былъ отецъ Наполеона III-го, и какъ будто посягательство на императорскій тронъ Франціи принадлежало не Луи-Наполеону?) Напрасенъ былъ рапортъ другого докладчика Бюшеза, который требовалъ уничтоженія избранія, на томъ основаніи, что принцъ Луи-Наполеонъ никогда, ни прежде, ни послѣ выборовъ, не призналъ открыто республики [1]). Напрасно тоже Ледрю-Ролленъ весьма сурово ратовалъ противъ

[1]) *L. Veron.* Mémoires d'un Bourgeois de Paris T. VI, стр. 77.

Digitized by Google

допущенія принца Луи-Наполеона и въ собраніе и во Францію, его протестъ остался безсиленъ предъ большинствомъ вотировавшимъ за уничтоженіе закона объ изгнаніи и за утвержденіе принца въ качествѣ избраннаго представителя народа.

Не малое удивленіе произошло, когда узнали отвѣтъ принца на такое великодушное рѣшеніе собранія. Онъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ жаловавшійся на обреченіе его на томительное бездѣйствіе и охотно принявшій избраніе, онъ, въ посланіи отъ 13-го же іюня отказывался отъ своего права возвращенія и предпочиталъ оставаться въ Англіи. Какъ на причины, налагавшія на него долгъ отказаться, принцъ указывалъ на оскорбительныя подозрѣнія, порожденныя выборами, на смуты, которымъ они послужили предлогомъ, на враждебность къ нему исполнительной власти. «*Скоро*, я надѣюсь, тишина возстановится и дозволитъ мнѣ вступить во Францію, какъ самому простому гражданину, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ одному изъ самыхъ преданныхъ спокойствію и благоденствію страны».

Такимъ образомъ, мы не увидимъ принца Луи-Наполеона въ собраніи ранѣе конца сентября. Въ началѣ іюня онъ, по всей вѣроятности, не считалъ еще положеніе республики благопріятнымъ для открытаго дѣйствія и для начала выполненія своихъ плановъ на самомъ мѣстѣ будущаго совершенія ихъ. Выборы показали ему, что у него есть вполнѣ преданные слуги и что отсутствіе не мѣшаетъ рости его популярности, а скорѣе наоборотъ. Какъ бы то ни было, былъ ли у него прямой разсчетъ или различныя частныя обстоятельства помѣшали ему возвратиться въ Парижъ, надо признать, что въ данномъ случаѣ имъ руководила счастливая звѣзда. Онъ остался *почти чистъ* и внѣ народнаго озлобленія, постигшаго большую частью людей, раздѣлявшихъ законодательную и исполнительную власть во время іюньскаго кровопролитія (23—26-го іюня). Мы сказали—*почти чистъ*, потому что въ историческихъ документахъ остались показанія, обличающія его въ тайномъ сѣяніи раздора среди рабочихъ, въ интригахъ бонапартистовъ, готовыхъ толкать рабочихъ на отчаянныя, непосильныя мѣры, для того только, чтобъ позже воспользоваться общественной катастрофой въ своихъ видахъ; документы указываютъ на прямое вербованіе между рабочими приверженцевъ императорскому знамени. Такъ, въ одной изъ прокламацій люксембургскихъ делегатовъ отъ рабочихъ (т. е. делегатовъ собиравшихся въ люксембургскомъ дворцѣ, обыкновенно служащимъ мѣстомъ для сената, а въ 48-мъ году отданномъ Луи-Блану для совѣщаній и для изложенія рабочимъ своихъ идей объ устройствѣ труда) и делегатовъ отъ національныхъ мастерскихъ, рабочіе призывали

Digitized by Google

не довѣряться легкомысленно разнымъ навѣтамъ и наущеніямъ, «не давать своихъ рукъ и своего сердца для поддержанія партизановъ трона, который они (рабочіе) сожгли»... и за тѣмъ въ заключеніе еще разъ остерегали рабочихъ отъ *императорскихъ* покушеній: «Исторія послѣдняго царствованія ужасна; не будемъ продолжать ее. Намъ столько же не надо *императора*, какъ и короля. Ничего другого, какъ свободы, равенства и братства». Луи-Бланъ въ главѣ «Возстаніе голода» приводитъ точныя подтвержденія и доказательства тайныхъ дѣйствій бонапартизма, много способствовавшихъ къ іюньской катастрофѣ.

Когда чрезъ три мѣсяца послѣ того, снова происходили мѣстные выборы, 17-го сентября, то Луи-Наполеонъ былъ выбранъ уже пятью департаментами, и на этотъ разъ побѣда была блистательная: въ самомъ Парижѣ принцъ-изгнанникъ получилъ 110,752 на 247,242 вотировавшихъ голоса и прошелъ первымъ на листѣ изъ трехъ депутатовъ. Банкиръ Фульдъ получилъ почти 79 тысячъ, соціалистическій кандидатъ Распайль 67 тысячъ. Очевидно было, іюньскіе дни послужили не въ выгоду коалиціонной партіи, и если многіе избиратели не относились съ боязнью къ соціалистамъ, которые, однако, все болѣе выигрывали почву, а не теряли ее, какъ увѣряла коалиція, то большинство избирателей останавливалось на Луи-Бонапартѣ, какъ на кандидатѣ стоявшемъ внѣ двухъ боровшихся лагерей, и потому наиболѣе заслуживавшемъ общее довѣріе.

26-е сентября 1848 года было днемъ торжественнаго появленія принца Луи-Наполеона Бонапарта въ залѣ собранія, въ средѣ представителей народа. Небольшого роста, сутуловатый, трудно, неловко говорившій, съ смущеннымъ выраженіемъ, новый представитель вызывалъ не одну насмѣшку надъ собой, особенно, когда припоминались его страсбургское и булонское похожденія. Въ этой фигурѣ не было ничего величественнаго, ничего, что обнаруживало бы присутствіе смѣлости, энергіи и мудрости, которыя заставляли бы заподозрить въ немъ способность овладѣть правленіемъ Франціи, особенно при столь трудномъ, запутанномъ состояніи страны. Наиболѣе безпристрастные историки, которые могли высказаться откровенно, утверждаютъ, что въ принцѣ Наполеонѣ дѣйствительно не было никакихъ подобныхъ качествъ, но что ими въ большой степени обладали тѣ приближенные друзья и слуги принца, которые играли роль можетъ быть важнѣйшую, чѣмъ самъ принцъ, и о которыхъ поэтому мы еще будемъ говорить. Странность, исключительность положенія, созданная всѣмъ прошлымъ принца и всей борьбой, которую онъ выдержалъ съ своими подозрительными врагами за

Digitized by Google

свое парламентское мѣсто, вели еще къ новой исключительности: принцъ Луи-Наполеонъ не вошелъ въ собраніе молча, по обыкновенію всѣхъ другихъ депутатовъ, онъ счелъ нужнымъ произнести во всеуслышаніе, оповѣстить всю Францію и чрезъ то и на всю Европу *«клятву признательности и преданности республикѣ»*.

«Граждане-представители — говорилъ Луи-Наполеонъ, входя въ первый разъ на трибуну національнаго собранія—мнѣ нельзя хранить молчанія послѣ столькихъ клеветъ, направленныхъ на меня.... Послѣ 33-хъ лѣтъ изгнанія и ссылки, я снова наконецъ обрѣтаю мое отечество и всѣ мои права гражданина! Республика дала мнѣ это счастіе, пусть же республика приметъ мою клятву признательности, мою клятву преданности.... Мое поведеніе, непрестанно внушаемое долгомъ, непрестанно одушевляемое уваженіемъ къ закону, докажетъ вопреки страстямъ, которыя пытались меня очернить для того, чтобъ еще разъ осудить меня на изгнаніе — докажетъ, что *никто здѣсь болѣе меня не обладаетъ готовностью отдаться защитѣ порядка и утвержденію республики»*.

V.

Послѣднія слова первой рѣчи Луи-Наполеона выражали всю дальнѣйшую программу его дѣйствій и все дальнѣйшее отношеніе его къ той пользѣ, которую онъ, по своему мнѣнію, могъ принести Франціи своей дѣятельностью. Онъ прямо говорилъ, что никто болѣе его не готовъ посвятить себя служенію Франціи; это должно было означать, что онъ вовсе не намѣренъ уступить кому бы то ни было право или возможность бо́льшаго, т. е. высшаго служенія странѣ; ясно было, что Луи-Наполеонъ всегда готовъ стремиться къ тому, чтобъ стать во главѣ правленія, — правленія, правда, республиканскаго, за неудобствомъ говорить въ тотъ моментъ о какомъ-либо другомъ. Затѣмъ онъ провозглашалъ своей главной задачей соглашеніе порядка съ существованіемъ республики. Такой постановкой своей программы онъ могъ надѣяться, не раздразнивъ никого, удовольствовать всѣхъ: своимъ приверженцамъ, бонапартистамъ, онъ указывалъ на свое тайное стремленіе, къ «служенію Франціи», т. е. къ своему личному возвышенію; республиканцамъ онъ обѣщалъ утвержденіе республики; реакціонную коалицію онъ привлекалъ заявленіемъ объ огражденіи порядка.

Въ такомъ же смыслѣ, въ такой же *косой*, какъ говорятъ

Digitized by Google

французы (louche), т. е. увертливой или изворотливой редакціи была опубликована въ журналахъ и замѣтка 24-го октября: «Лица, хорошо освѣдомленныя, предупредили представителя Луи-Бонапарта, что безумные люди работаютъ изподтишка и готовятъ мятежъ отъ его имени, съ очевиднымъ намѣреніемъ уронить его въ глазахъ *людей порядка* и *искреннихъ республиканцевъ*; Луи-Бонапартъ счелъ долгомъ своимъ извѣстить объ этихъ слухахъ г. Дюфора, министра внутреннихъ дѣлъ, и прибавить при этомъ, что онъ энергически отвергаетъ всякое участіе въ подобныхъ продѣлкахъ, столь противорѣчащихъ его политическимъ чувствамъ и всему его поведенію, начиная съ 24-го февраля».

Надо отдать справедливость извѣстной выдержанности, если не рѣчи, то молчанія Луи-Наполеона: онъ никогда не говорилъ ничего лишняго, его слова всегда были разсчитаны и соразмѣрены съ надобностью, съ требованіемъ его тайныхъ плановъ. Правда, иногда онъ бралъ въ своей рѣчи ноту, которая была какъ будто преждевременной или какъ бы невольно выдавала его замыслы; тогда появлялись въ газетахъ замѣтки съ поясненіемъ, а иногда просто въ напечатанной рѣчи были выпущены слишкомъ «значительныя» выраженія; но и такія поправки вовсе не обличали Луи-Наполеона въ поспѣшности или безтактности. Мы можемъ не безъ основанія думать, что «значительныя» выраженія всегда были произнесены обдуманно, они могли быть выпущены послѣ, но впечатлѣніе, эффектъ, произведенный ими, оставался, молва разносила ихъ, судила и рядила о нихъ, и тамъ, гдѣ нужно было, куда они направлены были, тамъ ихъ дѣйствіе не проходило безслѣдно. Эту черту сохранилъ онъ, ставъ императоромъ Наполеономъ III, и только въ послѣдніе года два, когда вмѣстѣ съ 60-тилѣтнею старостью и цѣлымъ рядомъ пораженій бонапартистской политики должна была пошатнуться у самого Наполеона вѣра въ свою наполеоновскую звѣзду,—его стала покидать и эта черта выдержанности въ молчаніи, и дѣйствительно стали приключаться неудобныя обмолвки и излишнія раздражительныя или недовѣрчивыя изліянія.

Глядя такимъ образомъ на рѣчи Луи-Наполеона, мы будемъ знать, что каждая изъ его рѣчей, съ 48 до 52 года—т. е. въ періодъ разбираемый нами, — представляетъ собою историческій документъ, служитъ, такъ сказать, мѣркою или маякомъ, освѣщающимъ для лѣтописца то или другое положеніе его надеждъ или колебаній, его успѣха, его шансовъ на пути къ своей опредѣленной цѣли—стать властелиномъ Франціи. Въ каждой рѣчи его или нарочно затемняется его полутайное еще стремленіе, или наоборотъ, умышленно приготовляется общество къ возмож-

Digitized by Google

ности бонапартовской «реставраціи», или же наконецъ намѣренно испытывается, насколько общество уже расположено къ наполеоновскимъ идеямъ.

Такимъ образомъ и замѣтка 24-го октября имѣла свое особое значеніе: она напоминала людямъ о присутствіи Луи-Наполеона, и въ то же время поясняла, что имя Луи-Наполеона настолько извѣстно, что имъ можетъ быть произведено смятеніе, что значитъ найдутся люди, готовые встать за него. Что бы ни говорили, какъ бы ни говорили о замыслахъ Луи-Наполеона, лишь бы говорили и чрезъ то выдѣляли его изъ общей группы представителей, — въ этомъ, казалось, состояла задача прозелитовъ бонапартизма, и это было особенно важно въ концѣ октября, потому что не болѣе, какъ чрезъ десять дней должна была быть вотирована конституція, а съ нею связаны новые выборы, и уже не въ національное собраніе, а гораздо выше.

4-го ноября 48-го года собраніе утвердило новую конституцію, обнародованную 12-го ноября. «Основной законъ республики,—говоритъ Тено (стр. 2)—окончательно провозглашенный учредительнымъ собраніемъ, 4-го ноября 1848 года, былъ сдѣлкою между демократическимъ влеченіемъ Франціи и ея монархическими традиціями. Ловко воспользовавшись впечатлѣніемъ, произведеннымъ злополучными іюньскими днями, реакціонеры собранія успѣли ввести какъ можно больше монархическаго элемента въ конституцію республики.... Эта конституція сохранила нетронутымъ весь деспотическій организмъ, введенный первымъ Бонапартомъ послѣ 18-го брюмера.... Учрежденіе наиболѣе несовмѣстное съ существованіемъ свободной республики, постоянная армія, набираемая конскрипціей, была сохранена.... Это не все еще. Конституція 1848 года отдавала всецѣлостно исполнительную власть одному президенту, назначенному всеобщею подачею голосовъ (suffrage universel). Она надѣляла его правами весьма широкими, даже превосходившими, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, тѣ, которыми располагаютъ государи во многихъ парламентарныхъ монархіяхъ. Президентъ имѣлъ въ своихъ рукахъ высшую власть надъ двумя великими организованными силами, посредствомъ которыхъ господствуютъ надъ Франціей, надъ арміей административной и арміей въ собственномъ смыслѣ слова, надъ пятью стами тысячъ чиновниковъ и надъ пятью стами тысячъ солдатъ. Въ самомъ своемъ происхожденіи президентъ почерпалъ значительное вліяніе и авторитетъ: только одинъ президентъ былъ избранникомъ большинства народа. Въ то время, какъ каждый членъ собранія представлялъ въ сущности только нѣсколько

Digitized by Google

тысячъ избирателей, назначавшихъ его, президентъ получалъ свое званіе отъ милліоновъ гражданъ».

Къ этой характеристикѣ назначенія президента слѣдуетъ добавить нѣкоторые пункты изъ самой конституціи и за тѣмъ уже разъяснить себѣ вопросъ — чѣмъ было вызвано самое созданіе президентской власти? какія причины заставляли, съ одной стороны, такъ возвеличивать президента, съ другой, стараться такъ тщательно оградить прежде всего собраніе отъ какихъ-то покушеній президента?

Страннымъ образомъ, при исключеніи республиканскимъ правленіемъ присяги изъ всѣхъ должностей, она была возобновлена (§ 49) только для одного президента, предъ лицомъ національнаго собранія, между тѣмъ какъ члены этого собранія не приносили никакой клятвы, ни присяги. Президентъ избирался на четыре года (§ 48), члены собранія на три (§ 31); но вмѣстѣ съ тѣмъ, члены удерживали за собой право вторичнаго избиранія, а президентъ не имѣлъ права быть выбраннымъ иначе, какъ по истеченіи четырехъ-лѣтняго срока. Президентъ располагалъ военной силою и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ лишенъ власти личнаго предводительства надъ ней (§ 50). Президентъ заключалъ и ратифировалъ договоры съ иностранными державами, но ни одинъ договоръ не могъ стать окончательнымъ безъ одобренія національнаго собранія (§ 53). Президентъ печется о защитѣ государства, но онъ не можетъ предпринять войны безъ согласія собранія (§ 54). Въ §§ 57 и 58 устанавлялось отношеніе между исполнительною и законодательною властью, между президентомъ и національнымъ собраніемъ, касательно исполненія воли собранія: президентъ могъ предложить собранію еще разъ обсудить свои постановленія, но, по вторичномъ обсужденіи, обязанъ былъ привести въ исполненіе декреты собранія. Въ случаѣ же сопротивленія съ его стороны (§ 59) и непровозглашенія декретовъ въ извѣстный срокъ, исполненіе ихъ возлагается на президента національнаго собранія. — Наконецъ, въ § 68 установлялась отвѣтственность президента и та кара, которую онъ навлекалъ на себя въ случаѣ нарушенія конституціоннаго обязательства по отношенію къ національному собранію: «Президентъ республики, министры, агенты и чиновники общественной власти отвѣтственны каждый по своему вѣдомству во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства и администраціи. — Всякая мѣра, которою президентъ республики распускаетъ національное собраніе, или же ставитъ препятствія исполненію его обязанностей, есть преступленіе государственной измѣны. Самымъ таковымъ поступкомъ президентъ низ-

Digitized by Google

лагается и отрѣшается отъ своей должности, и граждане обязуются не оказывать ему повиновенія; исполнительная власть переходитъ по прямому праву къ національному собранію; судьи верховнаго суда немедленно собираются подъ страхомъ преступленія; они созываютъ присяжныхъ въ мѣстѣ, которое назначаютъ для суда надъ президентомъ и его сообщниками, а сами назначаютъ магистратовъ для прокурорской обязанности.»

Приведенныхъ здѣсь параграфовъ достаточно, чтобъ судить о взаимныхъ отношеніяхъ, съ одной стороны той власти, которая уже существовала, съ другой — той, которая создавалась, и создавалась никѣмъ инымъ, какъ самой же существовавшей властью, т. е. національнымъ собраніемъ. Этихъ параграфовъ достаточно также для того, чтобъ ясно увидѣть антагонизмъ, носящій уже въ своемъ зародышѣ, прежде даже появленія исполнительной власти, а только при опредѣленіи ея на бумагѣ, всѣ данныя недовѣрія и вражды двухъ установлявшихся властей. Какимъ же образомъ, спрашивается, создался этотъ антагонизмъ? откуда явилась его потребность, и неужели не было возможности не породить его? Какъ будто созданіе, начертаніе конституціи и устройство правительственныхъ органовъ и государственныхъ институтовъ не зависѣло отъ тѣхъ людей, которые взялись за конституцію, отъ членовъ учредительнаго собранія 48-го года!

Въ каждомъ параграфѣ опредѣленій власти президента республики вы наталкиваетесь, прежде всего, на ограниченіе каждаго изъ правъ президента, на угрозу за нарушеніе такого и такого-то права, за превышеніе, за неисполненіе воли національнаго собранія. Но не трудно замѣтить, что въ то время, какъ права президентской власти, ея аттрибуты и преимущества чрезвычайно дѣйствительны и могучи, огражденіе ихъ и кара за нарушеніе обязанностей — относятся болѣе къ области метафизической и едва-ли могли казаться исполнимыми на практикѣ. Въ рукахъ президента находилась армія; онъ же могъ обладать, при надобности большими денежными средствами; на его сторонѣ находилось преимущество всенароднаго избранника Франціи, и такимъ образомъ, рядомъ съ матеріальной стороной шла въ его пользу и нравственная сторона въ глазахъ массъ. Ему грозили низложеніемъ въ случаѣ нарушенія имъ предписанныхъ въ конституціи гарантій законодательной власти, ему грозили судомъ за государственную измѣну, въ случаѣ посягательства на законодательное собраніе; но законодатели забывали при этомъ, что самое нарушеніе имъ конституціи, самое посягательство на законодательную власть равнялись, по своему значенію и смыслу

Digitized by Google

прямому низложенію самого собранія, и не только суду надъ собраніемъ, но и приговору надъ нимъ въ одно и тоже время. Мы заранѣе знаемъ, что такъ и случилось при переворотѣ 2 декабря.

Законодатели обязывали президента клятвою, присягою; но такая присяга дѣйствительна только для искренняго, совѣстливаго государственнаго дѣятеля, а такой дѣятель и безъ присяги останется честнымъ, и не захочетъ быть вѣроломнымъ. Законодатели должны были бы вспомнить то, что происходило въ знаменитомъ конвентѣ 92 года. Когда въ первомъ засѣданіи конвента, 21 сентября 92 года, была предложена однимъ изъ ставшихъ позже террористомъ, Кутономъ, клятва въ вѣрности народной верховной волѣ, то одинъ изъ монтаньяровъ, Базиръ, произнесъ слѣдующее грустное замѣчаніе: «Уже столько клятвъ было нарушено въ продолженіи четырехъ лѣтъ, что подобныя повторенія нисколько не могутъ внушать довѣрія народу.» Сколько нарушенныхъ клятвъ—прибавимъ мы отъ себя—пришлось бы еще прибавить къ тѣмъ, про которыя говорилъ Базиръ, еслибъ счесть всѣ покушенія, измѣны и забвенія клятвъ, которыми преисполнена исторія Франціи за послѣднія 80 лѣтъ! Въ тотъ періодъ, который мы разсматриваемъ, въ 1848 году, такія нарушенія клятвъ должны были быть слишкомъ живы въ памяти законодателей: въ то время многіе еще были въ живыхъ изъ тѣхъ, которые клялись въ вѣрности и верховной волѣ народа и Наполеону I, которымъ это не помѣшало привѣтствовать Лудовика XVIII, не помѣшало служить вѣрой и правдой Карлу X и потомъ съ той же вѣрой и правдой гнать его изъ Франціи; люди клялись Луи-Филиппу и, достигнувъ его паденія, объявили себя республиканцами, ненавидя республику; люди являлись предъ народомъ на выборахъ въ качествѣ лучшихъ и вѣрнѣйшихъ представителей интересовъ новой республики, и вступали въ республиканское учредительное собраніе, съ единственною цѣлью ниспровергнуть республику. Мы не станемъ забѣгать впередъ и разсказывать, какъ люди, клявшіеся служить Луи-Филиппу и являвшіеся позже представителями республики, измѣнили еще позже и ему и ей, и принесли клятву на служеніе Наполеону III.

Остановимся на 48-мъ годѣ, и скажемъ, что у этихъ людей, повидимому, хватило смѣлости прямо указать на неудобства для нихъ самихъ новой клятвы, когда они рѣшились уклониться отъ такой клятвы для членовъ собранія, но у нихъ не хватило искренности и смысла, чтобы видѣть, что никакая формальная клятва нисколько не свяжетъ президента. А между тѣмъ, это только и служитъ главнымъ и, въ сущности, единственнымъ оплотомъ

Digitized by Google

противъ посягательства президента. Какимъ же образомъ создали законодатели такую власть, всегда грозящую, всегда могущую уничтожить мечемъ то, что̀ такъ краснорѣчиво повелѣвало ему перо? Воспоминаніе о конвентѣ, приведенное выше, наводитъ насъ на другое гораздо болѣе трагическое сравненіе. Уже не разъ справедливо попрекали дѣятелей 48-го года въ томъ, что они стремились подражать, копировать, такъ-сказать, революціонеровъ великой революціи: не одинъ изъ героевъ 48-го года мечталъ разыгрывать роль Робеспьера, Дантона, Мирабо, Лафайета; явилась «гора», монтаньяры, явились роялисты, явились конституціоналисты; выросли, словно изъ-подъ земли, клубы, снова раскинулась сѣть сношеній Парижа съ провинціями, даже появились комисары новаго Дантона, Ледрю-Роллена, въ провинціяхъ. Но наиболѣе печальныя копированія, наиболѣе грустнаго сходства не замѣтили повидимому даже сами виновники его: оно заключалось въ той запутанности отношеній между исполнительной и законодательной властью, которая повторилась почти съ буквальной точностью въ конституціи 4 ноября 1848 года, какъ бы въ подражаніе конституціи 3 сентября 1791 года. Поразительная аналогія оказывается и въ побужденіи, изъ котораго вытекала запутанность: она заключалась, съ одной стороны, въ *недовѣріи* къ тѣмъ лицамъ, которымъ суждено было сосредоточивать въ своихъ рукахъ исполнительную власть; съ другой стороны, въ тайныхъ *надеждахъ* извѣстныхъ партій обратить запутанность въ пользу своихъ началъ и довести положеніе дѣлъ до необходимости коренного измѣненія.

Въ 1791 году, полное недовѣріе господствовало среди членовъ конституанты по отношенію къ Людовику XVI, и эти члены старались всѣми способами оградить конституцію и новыя учрежденія отъ возможности покушеній со стороны короля, власть котораго являлась только исполнительною. Запутанность отношеній между королевской исполнительной властью и національной законодательной властью, внесенная въ самыя постановленія конституціи, происходила также отъ того, что ее *преднамѣренно* желали, съ одной стороны — ультра-роялисты, *надѣявшіеся*, что туманностью и запутанностью можно будетъ двору легко воспользоваться для овладѣнія снова въ полной силѣ браздами правленія, для уничтоженія самого національнаго собранія; съ другой стороны, партія республиканцевъ, которая надѣялась, что въ силу запутанности отношеній, королевская власть будетъ приведена къ нарушеніямъ, и тогда ее можно низвергнуть, провозгласить ея низложеніе за преступленіе противъ конституціи и довести народъ до республики.

Digitized by Google

Въ 1848 году, кандидатовъ на исполнительную власть, т. е. на президентство республики было много; и если въ 1791 году недовѣріе сосредоточивалось на Людовикѣ XVI и его дворѣ, то въ 1848 недовѣріе было повсемѣстное и взаимное: каждая партія, даже оттѣнки партій, имѣли своихъ кандидатовъ и вслѣдствіе этого относились озлобленно и недовѣрчиво къ остальнымъ кандидатамъ всѣхъ другихъ партій. Очевидно было для всѣхъ, что кандидатами на президентство могутъ являться люди, какъ Каваньякъ, противъ котораго злоба народа и соціалистической партіи была сильна; Луи-Бонапартъ, къ которому недовѣріе во всѣхъ партіяхъ, кромѣ бонапартистской, было не малое; Ледрю-Ролленъ, котораго столько же ненавидѣли либералы, сколько не жаловали соціалисты-республиканцы, не прощая ему его демократическую-соціальную республику внѣ соціализма; поэтому соціалисты могли выставить тоже своего кандидата, къ которому всѣ партіи относились бы съ злобою и съ боязнью. Но если недовѣріе дробилось и множилось, въ сравненіи съ 1791 годомъ, переходя теперь отъ одного лица на многихъ, за то *надежда* не была двоякая, а могла быть только единственная, т. е. только съ единственной стороны: надежда на то, что созданіе президентской власти, не смотря на всю запутанность, вызванную недовѣріемъ къ различнымъ кандидатамъ, приведетъ или пріучитъ скоро народъ снова къ олицетворенію исполнительной власти въ одномъ исключительномъ лицѣ, т. е. въ новомъ монархѣ.

Изъ этого послѣдняго положенія самъ собою вытекаетъ отвѣтъ на вопросъ, почему же законодатели вздумали создать такую запутанность, къ чему вообще изобрѣли они президента, поставленнаго съ одной стороны въ такое стѣсненіе, съ другой, въ такое исключительное положеніе народнаго избранника? — Потому, что прежде всего реакціонная коалиція смотрѣла на президента, какъ на переходный мостъ отъ республики къ монархіи; она до того не стѣснялась въ высказываніи своихъ видовъ, что въ 1851 году, при вопросѣ о новомъ избраніи президента, вздумала ставить такую кандидатуру на президентство, какъ сына Луи-Филиппа, принца Жуанвиля; и при этомъ легитимисты, не довѣряя и принцу Жуанвилю, очень ясно обнаружили свои отношенія къ президентству: «Мы не хотимъ принца Жуанвиля, потому что онъ овладѣетъ престоломъ Франціи, а онъ не законный наслѣдникъ, у насъ есть нашъ Генрихъ V!» Таково было ихъ искреннее отношеніе къ президентству, но они высказывали его только между собой, и даже предъ орлеанистами выражали свои опасенія совершенно въ иной формѣ: они приходили въ негодованіе будто оттого, что принцу Жуанвиль-

Digitized by Google

скому *непристойно* становиться республиканцемъ и клясться въ вѣрности республикѣ.

Такая постановка вопроса была для легитимистовъ и для исторіи чрезвычайно удачна, потому что она заставляла высказаться орлеанистовъ. Орлеанисты возвышались, такъ сказать, до небывалаго философскаго анализа и во имя его объясняли, что, «разъ, что уже поставлена конституція 48 года, то клятвою вѣрности республикѣ вовсе еще не значитъ провозглашать себя республиканцемъ; такая клятва вовсе не заключаетъ въ себѣ обязательства противодѣйствія всякой попыткѣ измѣнить *конституціоннымъ путемъ* существующія учрежденія. Развѣ конституція *по закону* неизмѣняема? Обязанность всякаго новаго представителя исполнительной власти, при принятіи должности президента, состояла въ обѣщаніи уважать и заставлять другихъ уважать установленные законы: но развѣ, принимая такое обязательство, принцъ Жуанвильскій лишилъ бы себя свободы своего личнаго мнѣнія? Развѣ, клянясь уважать законы, онъ утратилъ бы право судить о нихъ, и право присоединять свои усилія къ усиліямъ людей, которые хотѣли воспользоваться самыми положеніями основного закона для того, чтобъ идти къ достиженію перемѣнъ посредствомъ *правильныхъ путей*, посредствомъ *честнаго* и мирнаго обсужденія?... Еслибъ нація сочла нужнымъ призвать принца Жуанвиля на президентство, то своей клятвой онъ клялся бы не въ принятіи республики и, въ особенности, не въ одобреніи способа, которымъ она была установлена, но только въ томъ, чтобъ добросовѣстно (loyalement) принимать ее въ уваженіе *до тѣхъ поръ, пока она существовала бы*, и блюсти надъ тѣмъ, чтобъ старались о *реформѣ республики* не иначе, какъ подчиняясь правиламъ, начертаннымъ конституціей!» [1])

Мы сказали уже, что кандидатура принца Жуанвиля относится къ позднѣйшему періоду, къ 1851 году, но мы, тѣмъ не менѣе, привели здѣсь тѣ разсужденія конституціонной партіи, которыя высказывались по поводу ея, потому что они наиболѣе наглядным образомъ рисуютъ и отношенія коалиціи къ президентству и побужденія ея къ принятію такого учрежденія, и, наконецъ, ея воззрѣніе на *добросовѣстное* исполненіе президентской обязанности, на самое назначеніе президента для того, чтобъ заботиться о *реформѣ* республики, т. е., говоря простымъ языкомъ, объ уничтоженіи республики — путемъ конституціоннымъ. Замѣтимъ здѣсь кстати, что такая постановка вопроса

[1]) См. Ch. Dunoyer. Т. I, стр. 99 и слѣд.

Digitized by Google

впередъ уже значительно уменьшала вину Луи-Наполеона, за уничтоженіе имъ республиканскаго режима, и впередъ должна была обрекать реакціонную коалицію на молчаніе, а не на осужденіе Луи-Наполеона: онъ виноватъ былъ только тѣмъ, что предвосхитилъ ихъ намѣренія и, вмѣсто того, чтобъ предоставить произвести переворотъ союзу легитимистовъ и орлеанистовъ, произвелъ его самъ въ свою пользу. Изъ строкъ, приведенныхъ нами изъ Дюнойе, ясно, что даже обвиненіе въ нарушеніи клятвы не имѣетъ основанія со стороны легитимистовъ и орлеанистовъ, такъ какъ они сами хотѣли идти на прямое нарушеніе клятвы, крючкотворнымъ, риторическимъ истолкованіемъ ея. Все это важно для историческаго сужденія о томъ запутанномъ и, мы можемъ смѣло сказать, никогда еще добросовѣстно, сообразно съ одними фактами, неразобранномъ періодѣ; важно такое выясненіе намѣреній и взглядовъ коалиціи, потому что она составляла значительное большинство въ собраніи и согласно съ ея требованіями составлена конституція.

Рядомъ съ общими *государственными* побужденіями коалиціи къ учрежденію президентства, шли часто личныя побужденія отдѣльныхъ людей; господа, какъ Тьеръ, Ламартинъ, Каваньякъ, стояли за президентство потому, что считали себя заранѣе призванными народомъ къ этому великому сану [1]). Ламартинъ и Каваньякъ считались, однако, въ то время республиканцами; но дѣло въ томъ, что и въ лагерѣ болѣе истыхъ республиканцевъ нашлась тоже сильная поддержка учрежденію президентства.

Многіе изъ республиканцевъ были увлечены подражаніемъ Америкѣ, желаніемъ сравнять свою республику съ республикой Соединенныхъ-Штатовъ. Но въ этомъ желаніи не знаешь чему болѣе удивляться: наивности или незнанію. Французскіе республиканцы не знали или забыли, что между Франціей и Америкой коренная, не допускающая даже намека на сравненіе, разница шла во всѣхъ рѣшительно областяхъ, и государственнаго устройства, и народной жизни. Общественные обычаи и нравы столь же различны въ двухъ странахъ, сколь различна и исторія Франціи и Америки. Французскіе республиканцы забывали, что та централизація, которая приковываетъ всю Францію къ диктаторскому рѣшенію Парижа, не существуетъ въ Америкѣ; что вмѣсто Парижа въ Америкѣ стоитъ Вашингтонъ, нарочно по-

[1]) Chacun on le voit prêcha pour son saint, chacun se croyait adoré, l'idole du peuple, — замѣчаетъ г. Вейль въ своей курьезной, но вовсе не серьезной книгѣ: Dix mois de Révolution, par Al. Weill. P. 1869.

Digitized by Google

строенный для федеральнаго управленія, съ лишеніемъ всякой возможности вліять на судьбы федеральной республики, на рѣшенія и законодательной и исполнительной властей; что самое главное орудіе всѣхъ личныхъ, корыстныхъ замысловъ честолюбивыхъ искателей приключеній, — армія, солдатчина, столь всосавшаяся въ кровь и плоть французскаго государства, не существуетъ въ Америкѣ. Различные, противуположные нравы, понятія и привычки странъ дѣлаютъ то, что въ то время, какъ во Франціи будутъ умиляться предъ безкорыстіемъ генерала, имѣвшаго въ своихъ рукахъ диктаторскую власть хоть нѣсколько дней и не воспользовавшагося ею для насильственнаго переворота, для разогнанія національнаго собранія, — въ Америкѣ, хотя бы президентъ былъ окруженъ величіемъ и могуществомъ китайскаго богдыхана, онъ все же останется простымъ, отвѣтственнымъ за каждый свой поступокъ, гражданиномъ, и не только не разгонитъ никогда національнаго собранія, т. е. федеральныхъ палатъ, конгресса и сената, но и самъ явится на скамью обвиненнаго, по требованію народнаго представительства. При этомъ же, въ то время, какъ одна мысль объ обвиненіи, не только президента, но даже министровъ, ведетъ во Франціи къ переворотамъ (такъ было съ паденіемъ Луи-Филиппа, вслѣдствіе обвиненія противъ министра Гизо; и такое обвиненіе считалось во Франціи столь опаснымъ, что Наполеонъ III освободилъ министровъ своею конституціей отъ всякой отвѣтственности, и чрезъ то отъ всякой возможности обвиненія); въ Америкѣ весь процессъ, весь судъ законодательной власти надъ исполнительною совершается безъ малѣйшаго смятенія.

Но даже и при такихъ, самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, изъ среды республиканской партіи въ Америкѣ раздались въ послѣднее время голоса въ пользу преобразованія президентской власти, въ смыслѣ швейцарской федеральной конституціи, въ пользу замѣна единичной президентской власти федеральнымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ семи лицъ. Прибавимъ къ этому, по поводу швейцарской конституціи, что вопросъ о способѣ избранія президента республики — прямо ли народомъ или же посредствомъ законодательнаго собранія и изъ его среды — этотъ вопросъ, столь волновавшій французовъ въ 1848 году, былъ поставленъ на очередь женевскими радикалами и нѣкоторыми другими при ревизіи федеральной конституціи въ 1866 году, предлагавшими избирать президента республики прямо народнымъ выборомъ, а не самимъ федеральнымъ собраніемъ и изъ своей же среды. Такая постановка была отвергнута почти единодушно

Digitized by Google

федеральнымъ собраніемъ, т. е. національнымъ и государственнымъ совѣтомъ.

Такимъ образомъ большая часть французскихъ республиканцевъ, не отличаясь глубокомысліемъ и серьезнымъ изученіемъ различныхъ учрежденій, мечтая только въ тщеславіи своемъ объ уподобленіи Франціи Америкѣ, — стояла въ этомъ вопросѣ заодно съ коалиціей легитимистовъ и орлеанистовъ, съ той только разницей, что за послѣдними было преимущество послѣдовательности, которымъ никакъ не могли похвастаться республиканцы. Только нѣкоторые извѣстные дѣятели предостерегали французскій народъ отъ катастрофъ, къ которымъ можетъ повести президентство и прямое народное избраніе президента. Феликсъ Піа, нынѣшній изгнанникъ и одинъ изъ злѣйшихъ враговъ Наполеона III, представлялъ неминуемую опасность президентскаго выбора народомъ, и въ его доводахъ впередъ и совершенно вѣрно отразилось позднѣйшее развитіе французской конституціонной жизни.

«Президентъ — писалъ Феликсъ Піа — избранный большинствомъ голосовъ націи, будетъ имѣть огромную, почти непреодолимую силу.... И какъ понимать отвѣтственность этого президента, который не зависитъ отъ національнаго собранія, тогда какъ всѣ его агенты подчинены авторитету того собранія? Нѣтъ отвѣтственности безъ свободы. А этотъ президентъ, происшедшій не изъ національнаго собранія, не свободенъ, долженъ брать своихъ министровъ и управлять по волѣ національнаго собранія, и быть отвѣтственнымъ за дѣйствія министровъ и правительства, которыхъ онъ не хотѣлъ, отвѣтственнымъ за людей и за вещи, которыхъ ему навязали. Это не имѣетъ смысла. Одно изъ двухъ: или президентъ не зависитъ отъ національнаго собранія и безотвѣтственъ какъ король, или же онъ зависитъ и отвѣтственъ за правительственныя дѣйствія, и тогда онъ долженъ быть выбираемъ національнымъ собраніемъ. *Внѣ этого единства будетъ только тайная или явная борьба, подчиненіе національнаго собранія или устраненіе президента*».

Къ этому же вопросу относилось пророчество Л. Блана, появившееся немного позже, но все же задолго до переворота. Превратность судьбы, необходимость обречь себя на изгнаніе изъ республики, столь долго имъ желанной и столь энергически званной, между тѣмъ какъ сверженная іюльская монархія оставляла его спокойно на свободѣ, научили Л. Блана относиться къ событіямъ подозрительнѣе и безъ увлеченій. Въ своей газетѣ «le Nouveau Monde», отъ 15-го іюля 49-го года, изъ Лондона, онъ напоминалъ тѣ мысли о президентствѣ, которыя намѣревался

Digitized by Google

развить при обсужденіи конституціи, еслибъ его не постигло какъ разъ въ то время изгнаніе. Онъ доказывалъ, что избраніе президента республики народомъ наноситъ ударъ всеобщей подачѣ голосовъ, ставя ее въ противорѣчіе съ самой собою; что президентство опирающееся на suffrage universel можетъ довести верховное правительство до анархіи; что, наконецъ, президентство есть учрежденіе, которое можетъ привести къ болѣе гибельнымъ послѣдствіямъ, чѣмъ бывшая монархія. «Невозможно—пророчилъ Л. Бланъ—чтобъ рано или поздно не завязалась борьба между двумя великими властями одинаковаго происхожденія и различнаго свойства.... Когда *власть колеблется на авось между однимъ человѣкомъ и собраніемъ, можно считать за вѣрное то, что такое собраніе носитъ въ себѣ 10-е августа (низверженіе Людовика XVI съ трона), и что такой человѣкъ несетъ за собою 18-й брюмеръ (переворотъ Наполеона I).*

Но всѣхъ краснорѣчивѣе, всѣхъ энергичнѣе выступилъ въ этой критикѣ самого учрежденія президентства — Прудонъ:

«Ты сказалъ Кавеньякъ, и я слышалъ это моими ушами: Франція докажетъ выборомъ своего президента, республиканская ли она или нѣтъ... а я вамъ говорю: вашъ президентъ будетъ король или не будетъ вовсе ничѣмъ! и я докажу вамъ это.... Іюльская монархія опять у нашихъ дверей!... Народу мало дѣла, повѣрьте мнѣ, до вашего различія законодательной и исполнительной власти. Для него все заключается въ исполнительной власти.... Онъ смѣется и надъ вашими различіями, вашъ президентъ будетъ всесиленъ, этого достаточно. Мало того, онъ будетъ изъ «благородныхъ»; не забудьте, что президентъ республики есть прежде всего мужъ [1]) республики: все остальное достанется ему отъ брака.... Президентство—это мистификація народа; это борьба между властями, это гражданская война».

«Вы воображаете ослабить вашего президента, потому что ставите ему преграды. А я говорю вамъ, что вы только будете раздражать этимъ его порывы и пылъ, и не съумѣете ничѣмъ сдержать его. Развѣ я не слышалъ отъ васъ всѣхъ, по поводу президентства, тоже самое, что говорилось прежде о конституціонной монархіи, — что президентъ, всесильный для блага, будетъ немощенъ покуситься на зло? Какъ будто въ дѣлахъ правленія человѣкъ можетъ впередъ отвѣчать за свои дѣянія»!

Такъ ратовалъ Прудонъ противъ президентства въ своемъ

---

[1]) Можетъ быть Наполеонъ III вспомнилъ это изрѣченіе Прудона, когда лѣтомъ 1867 года въ одной рѣчи въ Лиллѣ заговорилъ о своемъ *бракѣ* съ Франціей

Digitized by Google

журналѣ «le Peuple»[1]). Впослѣдствіи, наканунѣ выборовъ, этотъ органъ соціальной демократіи выставилъ своимъ кандидатомъ на президентство доктора Распайля, «какъ живой протестъ противъ самаго принципа президентства». Другая партія республиканцевъ, и болѣе многочисленная, которой органомъ являлся журналъ «La Révolution démocratique et sociale», издававшійся подъ редакціей Делеклюза (того самаго, о которомъ мы говорили въ началѣ статьи, и который замѣшанъ теперь въ процессѣ прессы, какъ редакторъ новаго журнала «Le Réveil») — выставила своимъ кандидатомъ на президентство *Ледрю-Роллена*. Изъ-за этихъ двухъ кандидатуръ завязалась самая ярая борьба, самая озлобленная перепалка между двумя лагерями республиканцевъ. Перепалка продолжалась съ ожесточеніемъ даже и тогда, когда «гора родила мышь», т. е. когда и кандидатъ *горы* Ледрю-Ролленъ провалился всего съ 370-ю тысячами голосовъ, и когда та же участь постигла Распайля, получившаго голосовъ ровно въ десять разъ менѣе, чѣмъ даже Ледрю-Ролленъ, т. е. всего 37 тысячъ. Ссора и брань главныхъ двухъ органовъ дошла до того, что въ концѣ декабря, Делеклюзъ вздумалъ вызвать Прудона на дуэль, отъ которой Прудонъ конечно отказался, будучи выходцемъ изъ простого народа и не обладая рыцарскимъ чутьемъ и рыцарскимъ понятіемъ о чести.

VI.

Иного рода борьба готовилась за президентство между двумя главными кандидатами, наиболѣе имѣвшими шансовъ на успѣхъ: между Кавеньякомъ и принцемъ Луи-Наполеономъ.

Прудонъ съумѣлъ весьма мѣтко очертить въ нѣсколькихъ строкахъ роли и значеніе обоихъ кандидатовъ: «Генералъ Кавеньякъ не можетъ разсчитывать на голоса рабочаго класса. Мы не обвиняемъ его, конечно, но іюньскіе дни принесли ему несчастіе, подобно тому, какъ побіеніе народа на Марсовомъ полѣ (27 іюля 1790 года) принесло несчастье Байльи и Лафайету. Пусть же буржуазія соединится для избранія генерала Каваньяка: она обязана въ этомъ по самому священному долгу, по долгу признательности».

Что касается до принца Наполеона, то Прудонъ, подобно всѣмъ другимъ, относясь сначала къ его кандидатурѣ весьма не-

[1]) См. извлеченіе изъ него въ вышедшемъ теперь XVIII томѣ сочиненій: Mélanges. Articles de journaux (passim.).

Digitized by Google

брежно, понялъ вскорѣ послѣ того, что у принца является серьезная возможность попасть въ президенты, и поэтому заговорилъ о немъ иначе: «Надъ Луи-Бонапартомъ смѣются и потѣшаются на всѣ лады; нѣкоторые уже доходятъ до негодованія. Что касается до меня, то, раздумавъ о немъ, я согласенъ съ мнѣніемъ самого принца: я нахожу, что его настоящее право, его основательное притязаніе на президентство состоитъ именно въ томъ, что онъ не представляетъ собою ничего такого, что̀ требуютъ отъ него его завистники; онъ ни человѣкъ войны, ни человѣкъ дѣла, ни государственный человѣкъ. Его право состоитъ въ томъ, что онъ Наполеонъ. Франція, монархическая до мозга костей, не требуетъ ничего болѣе».

Такимъ образомъ, партизаны двухъ главныхъ партій готовились на борьбу въ день избранія президента, 10 декабря (1848 г.). Естественно, обѣими партіями пущены были въ ходъ всѣ средства, позволительныя и, можетъ быть, непозволительныя. Началась дѣятельная агитація путемъ прессы,—журналовъ, брошюръ и памфлетовъ; путемъ усиленной, энергической пропаганды прозелитовъ, взаимно сѣявшихъ въ массахъ всевозможные навѣты на одного и обѣщанія во имя другого. Старый журналъ умѣренной республиканской партіи, «le National», былъ защитникомъ и опорою Кавеньяка; принцъ Луи-Наполеонъ нашелъ себѣ дѣятельныхъ слугъ въ редакторѣ «Presse'ы», Эмилѣ Жирарденѣ, который руководствовался преимущественно своей личной враждой къ Кавеньяку, и въ редакторѣ «Constitutionel'я», извѣстномъ докторѣ Веронѣ.

Докторъ Веронъ очень характеристично разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ [1]) о томъ, какъ Кавеньякъ искалъ поддержки въ журналахъ, какъ Тьеръ сначала, повидимому, тоже мечталъ о своемъ призваніи управлять судьбами Франціи, по народному избранію, и какъ, вскорѣ затѣмъ, оставивъ свои иллюзіи о президентствѣ, Тьеръ,—тотъ самый Тьеръ, который громитъ теперь въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ вторую имперію,—сталъ горячимъ партизаномъ кандидатуры принца Луи-Наполеона. Правда, нѣсколькими страницами дальше, неутомимый разсказчикъ всѣхъ закулисныхъ тайнъ, Веронъ объясняетъ читателю причину такого обращенія Тьера въ бонапартисты: оказывается, что видя невозможность стоять самолично во главѣ Франціи, Тьеръ обрекалъ себя на скромную роль управлять Франціей во имя президента Луи-Наполеона, во главѣ его министерскаго кабинета!

---

[1]) Mémoires d'un Bourgeois de Paris par le docteur L. Véron, 1855, т. VI, стр. 83—93.

Digitized by Google

Рядомъ съ прессой дѣйствовали въ пользу той или другой кандидатуры многочисленные, въ то время повсюду появившіеся, *клубы*. Въ Palais Royal'ѣ, обратившемся въ Palais National, въ ноябрѣ 1848 года образовывается *демократическая ассоціація друзей конституціи* (l'Association démocratique des amis de la Constitution) и зоветъ себя *cercle-club*. Цѣль ея основанія и существованія—провести успѣшно кандидатуру Кавеньяка на президентство. *Демократическій* клубъ, однако, вовсе не означалъ демократической бѣдности или скромности; члены его должны были внести 30 франковъ въ кассу ассоціаціи для поддержанія расходовъ, шедшихъ на агитацію въ пользу Кавеньяка; 30 франковъ нашлись, повидимому, у весьма многихъ, сочувствовавшихъ Кавеньяку, потому что печатные призывы, циркуляры, инструкціи, біографіи, каррикатуры, памфлеты на врага (Луи-Наполеона) и панегирики африканскому генералу, спасителю въ іюньскіе дни, распространились не только въ Парижѣ, но и по всей Франціи, въ громадномъ количествѣ.

Не менѣе дѣятеленъ былъ клубъ бонапартистовъ, тоже основанный въ ноябрѣ 1848 г., для торжественнаго избранія принца Бонапарта, подъ названіемъ: *Центральный выборный комитетъ* (Comité central électoral), и помѣщавшійся на Монмартрскомъ бульварѣ. Основанъ онъ былъ людьми, ждавшими наградъ и чиновъ, въ случаѣ торжества принца; дѣйствительно, за нѣсколько дней до выборовъ, принцъ самъ принималъ своихъ дѣятельныхъ партизановъ, учредителей комитета, въ особой аудіенціи, и они ушли отъ него съ самымъ горячимъ усердіемъ къ его дѣлу, потому что имъ были обѣщаны всевозможныя великолѣпныя мѣста и званія, которыхъ, однако, они и близко не видѣли впослѣдствіи, когда надобность въ нихъ окончилась. Комитетъ созывалъ собранія не только въ своемъ главномъ мѣстѣ, но и въ разныхъ, наиболѣе населенныхъ пунктахъ Парижа. Долго сохранялось у парижскихъ весельчаковъ воспоминаніе о президентѣ комитета, Паторни (Patorni, ancien consul général de la République); вмѣсто всякихъ рѣчей и призывовъ, онъ предпочиталъ, взойдя на трибуну, пѣть романсъ Беранже «les Souvenirs du Peuple», и традиціонный энтузіазмъ въ простомъ народѣ въ такой степени переносился съ «великаго дяди» на «маленькаго племянника», что вмѣсто насмѣшекъ и гнилыхъ яблоковъ, оратора-пѣвца осыпали аплодисментами и привѣтствіями въ честь кандидата въ президенты. Помимо пѣсенъ президента, комитетъ, въ своихъ прокламаціяхъ, воспѣвалъ заслуги, добродѣтели и величіе будущаго президента. Первый манифестъ этого комитета явился съ девизомъ: «Слава обязываетъ». Обѣщанія всѣмъ, отъ

Digitized by Google

мала до велика, блага и довольства шли въ немъ рядомъ съ шовинистскимъ щекотаніемъ французскаго тщеславія. «Мы знаемъ — говорилось въ манифестѣ — чего хочетъ Франція.... Она хочетъ полнаго и искренняго удовлетворенія интересамъ всѣхъ; она хочетъ идти *впередъ* подъ *покровительствомъ порядка;* она хочетъ, чтобъ *права работниковъ* были законно опредѣлены; она хочетъ, чтобъ страданія были облегчены; она хочетъ, наконецъ, чтобъ *нищета, которая вторгается во всѣ классы, была преодолѣна и побѣждена*.... Гражданинъ Луи-Бонапартъ добивается славы полезной (gloire utile!): *исторія его имени* представляетъ ему для того торжественныя поученія.... Луи-Наполеонъ-Бонапартъ вручитъ себя великому принципу suffrage universel'я.... Въ увѣренности, что существуетъ полнѣйшее согласіе между волею Франціи и желаніемъ Луи-Наполеона-Бонапарта, мы соединились для того, чтобы дать этому кандидату, призываемому столь великими и торжественными воспоминаніями, наше содѣйствіе, наши усилія, нашу опору.... То, что происходитъ въ Европѣ, подтверждаетъ, что Франція дѣйствительно есть свѣтило европейской политики; нашъ кандидатъ докажетъ, что Франція стоитъ во главѣ цивилизаціи міра!»

Наканунѣ избранія, 9 декабря 1848 года, центральный избирательный комитетъ обращался къ избирателямъ уже съ полной увѣренностью въ торжество своего кандидата: «Еще нѣсколько часовъ, и Луи-Наполеонъ избранъ президентомъ республики! Своимъ голосованіемъ народъ произнесетъ приговоръ надъ всѣми клеветами, надъ всѣми оскорбленіями, надъ всѣми несправедливостями.... Онъ произнесетъ свой приговоръ надъ наглыми хвальбами, надъ *кровавыми* лаврами, даруемыми Евг. Кавеньяку.... Граждане, еще нѣсколько часовъ!... имѣйте искреннюю вѣру *въ возвращеніе этого имени*, связаннаго съ девизомъ: «Богъ хранитъ Францію!»

Увѣренность въ успѣхъ дошла до того, что комитетъ не боялся, какъ видимъ, прямо указывать на цѣль племянника императора. Остается прибавить, для характеристики дѣятельности комитета, что за нѣсколько дней до избранія, распустили слухъ, будто Кавеньякъ хочетъ похитить Луи-Бонапарта для того, чтобъ уничтожить въ немъ своего соперника; комитетъ немедленно воспользовался этимъ, чтобъ отрядить изъ своей среды охранную стражу, которая и находилась на часахъ день и ночь около Hôtel du Rhin, на Вандомской площади, гдѣ жилъ принцъ. Этимъ подвигомъ оканчивается дѣятельность комитета. Позже, предъ болѣе критическимъ и важнымъ моментомъ, предъ де-

Digitized by Google

кабрьскимъ переворотомъ мы встрѣтимся съ тѣми же самыми элементами, организованными въ «Общество Десятаго Декабря».

«Нѣсколько часовъ» прошло и дѣйствительно, 10-го декабря 1848-го года, Луи-Наполеонъ Бонапартъ былъ избранъ народомъ въ президенты республики. Изъ 7,327,345, Наполеонъ-Бонапартъ получилъ 5,434,226 въ то время, какъ Кавеньякъ потерпѣлъ пораженіе съ 1,448,107 голосовъ.

Какимъ же образомъ смотрѣлъ самъ Луи-Бонапартъ на свое назначеніе? Какъ намѣревался самъ онъ относиться къ своей роли? Отвѣтъ на эти крайне важные вопросы мы должны искать въ его собственныхъ признаніяхъ, въ его собственныхъ рѣчахъ, которыя позже необходимо будетъ провѣрить столько же его оффиціальными распоряженіями, сколько и его личными, интимными поступками. И при этомъ, въ нашемъ историческомъ сужденіи о значеніи и качествахъ принца Наполеона-Бонапарта какъ правителя и какъ человѣка, мы будемъ имѣть въ виду двѣ стороны: первую, насколько человѣкъ умѣлъ и хотѣлъ сохранять свои обязательства, неразлучно связанныя съ самымъ понятіемъ о достоинствѣ человѣческой личности? Вторую — насколько дѣйствія и поступки правителя были полезны для избравшей его страны, насколько безкорыстно служили они общественнымъ интересамъ Франціи? Если мы съумѣемъ рѣшить эти вопросы, то мы разрѣшимъ тѣмъ самымъ и вопросы о пользѣ или ущербѣ для Франціи, а чрезъ нея и для всей Европы, — отъ этого 20-тилѣтняго періода наполеоновскаго режима, точно также какъ и о неосновательности или неизбѣжности всѣхъ обвиненій, подрывающихъ все болѣе и болѣе вторую имперію, раздающимся все громче и озлобленнѣе и пророчащихъ новыя катастрофы разсчета, и новыя бури долго сдавленнаго общественнаго движенія. Такой постановкой, такимъ обсужденіемъ и разъясненіемъ мы выполнимъ въ данномъ случаѣ задачу исторической критики: чрезъ уясненіе прошлаго дѣлать понятнымъ будущее.

Уже въ своемъ избирательномъ манифестѣ Луи-Наполеонъ высказывалъ взглядъ на свое назначеніе спасителя: «мое имя является какъ символъ порядка и безопасности».... Онъ успокоивалъ общество, обѣщая охранять его отъ покушеній враговъ (т. е., конечно отъ ярыхъ республиканцевъ и соціалистовъ): «Я пойду на всякую опасность для защиты общества отъ дерзкихъ нападеній враговъ». Онъ завѣрялъ Францію, что создастъ въ ней царство свободы и славы: «Я безъ всякихъ корыстныхъ видовъ всецѣло отдамся своему долгу—упрочить республику, мудрую въ своихъ законахъ, честную въ своемъ образѣ мыслей, великую и сильную въ своихъ дѣйствіяхъ». Вмѣстѣ съ Франціей онъ за-

Digitized by Google

ранѣе сулилъ Европѣ эру вожделѣннаго мира: «При войнѣ невозможно никакое уменьшеніе нашихъ бѣдствій; Францію теперь никто не вызываетъ, она употребитъ поэтому всѣ свои средства на мирное совершенствованіе». Это не мѣшало однако польстить тщеславію Франціи и обнадежить ее, что она станетъ первенствующею державою, что ея слово будетъ всемогуще въ судьбахъ міра: «*Великая нація должна молчать и никогда не терять словъ напрасно.* Заботиться о національномъ достоинствѣ значитъ заботиться объ арміи, благородной и самоотверженной, любви которой къ отечеству не всегда отдавали справедливость». Наконецъ на праздникѣ мира и благоденствія всѣмъ обѣщалось мѣсто, всѣ призывались на него отовсюду и никто не былъ обреченъ на исключеніе: «Я, испытавшій изгнаніе, заключеніе, *всѣмъ своимъ желаніемъ призываю день, когда отечество безъ всякой опасности возъимѣетъ возможность прекратить всякія изгнанія изъ страны* и уничтожитъ послѣдніе слѣды нашихъ гражданскихъ раздоровъ». Увы! еслибъ эти обѣщанія припомнились Наполеону III-му послѣ декабрьскаго переворота, послѣ тысячныхъ депортацій и изгнаній навѣчно, потому что ссылки въ Кайенну вели за собою смерть, послѣ всѣхъ 20-ти-лѣтнихъ войнъ и человѣческихъ боенъ,—какимъ бы страннымъ анахронизмомъ прозвучали они въ ушахъ человѣка, произносившаго ихъ въ торжественный моментъ своего избранія, выражавшаго полное довѣріе къ нему, драгоцѣнную надежду па него народа Франціи....

Не менѣе торжественны были обѣщанія произнесенныя въ день присяги... 20-го декабря, послѣ единогласнаго принятія національнымъ собраніемъ заключеній коммиссіи по выборамъ, президентъ Арманъ Марра (Marrast) произнесъ окончательно утвержденіе: «Такъ какъ по выборамъ, произведеннымъ на всемъ пространствѣ французской территоріи для избранія президента, гражданинъ Шарль-Луи-Наполеонъ Бонапартъ получилъ абсолютное большинство голосовъ; то въ силу § 47 и 48 конституціи, національное собраніе провозглашаетъ его президентомъ республики отъ сего дня, до второго воскресенія мѣсяца мая 1852-го года. По постановленію декрета, я приглашаю гражданина-президента республики потрудиться войти на трибуну для принесенія клятвы.»

(Гражданинъ Шарль-Луи-Наполеонъ Бонапартъ, президентъ республики, входитъ на трибуну).

Гражданинъ-президентъ собранія: Я прочту формулу клятвы: «предъ Богомъ и предъ народомъ французскимъ, который представленъ національнымъ собраніемъ, я клянусь пребывать вѣрнымъ республикѣ демократической, единой и нераздѣльной, и исполнять обязанности, возлагаемыя на меня конституціей.»

Digitized by Google

Гражданинъ-президентъ республики, поднимая руку: — Я клянусь въ этомъ!

Гражданинъ-президентъ собранія. Мы призываемъ Бога и людей въ свидѣтели произнесенной клятвы; національное собраніе свидѣтельствуетъ о ней, повелѣваетъ, чтобы она была внесена въ протоколъ, помѣщена въ Монитёръ, обнародована и оповѣщена въ формѣ законодательныхъ актовъ.

Гражданинъ-президентъ республики.—Я прошу слова.

Гражданинъ-президентъ собранія. Я даю вамъ слово. (Общее вниманіе).

Гражданинъ-президентъ республики.—Голосъ націи и клятва произнесенная мною повелѣваютъ моимъ будущимъ поведеніемъ. Мой долгъ начертанъ; я буду *исполнять его какъ человѣкъ чести* (un homme d'honneur). Я буду видѣть враговъ отечества во всѣхъ тѣхъ, которые вздумали бы пытаться измѣнить *незаконными путями* то, что Франція постановила. (Очень хорошо, очень хорошо!) Между вами и мною, граждане-представители, не должно быть серьезныхъ разногласій; наша воля одна и таже.—Я хочу, также какъ и вы, снова утвердить общество въ его основахъ, укрѣпить демократическія учрежденія и изыскать всѣ средства, пригодныя для облегченія бѣдствій этого великодушнаго и мудраго народа, который даетъ *мнѣ* столь блестящее доказательство *своего довѣрія* (Очень хорошо, очень хорошо!). Большинство голосовъ, которое я получилъ, не только проникаетъ меня признательностью, *но оно даетъ новому правительству нравственную силу, безъ которой власть немыслима*..... Мы должны, граждане-представители, исполнить великое назначеніе: основать *республику* въ интересѣ всѣхъ и *справедливое*, твердое правительство, которое было бы одушевлено искренней любовью прогресса, не будучи ни реакціоннымъ, ни утопическимъ (Очень хорошо!). Будемте людьми страны, а не людьми партіи, и, съ Божіей помощью, мы покрайней мѣрѣ будемъ дѣлать добро, если не можемъ совершать великихъ дѣлъ». Когда президентъ республики, Наполеонъ-Бонапартъ, окончилъ свою рѣчь, все собраніе поднялось съ мѣста и раздался многократный кликъ: «да здравствуетъ республика!»

И. Н.

Digitized by Google

НАШИ ГИМНАЗІИ

и

ИХЪ ДВОЙНОЙ КЛАССИЦИЗМЪ *).

(Изъ Харькова.)

Въ концѣ прошедшаго года, харьковская губернская управа, въ докладѣ своемъ, объяснила собранію мѣры, принятыя земскими учрежденіями Харьковской губерніи для поддержанія народныхъ школъ.

Мѣры эти вызваны не только указомъ 6-го марта 1867 года, но и сознаніемъ тѣхъ интересовъ земства, которые открылись съ преобразованіями нашего хозяйства, суда и общественнаго быта. Нашему сельскому сословію предоставлено быть самостоятельнымъ хозяиномъ своей общины; въ дѣлахъ земскихъ и въ устройствѣ мировыхъ учрежденій, оно принимаетъ участіе съ другими сословіями, съ тѣми же правами, съ тѣмъ же и, можетъ быть, еще болѣе сильнымъ голосомъ. Мы не намѣрены оспоривать этихъ правъ у народа и не считаемъ ихъ преждевременными, но скажемъ съ сожалѣніемъ, что онъ невполнѣ можетъ, за недостаткомъ образованія, пользоваться орудіями ему предоставленными для лучшаго устройства его быта и для защиты собственныхъ интересовъ—ему нужна грамота, нужны школы.

---

*) Мы помѣстили въ январьской книгѣ одинъ изъ многочисленныхъ голосовъ, раздающихся нынѣ въ Англіи, противъ классицизма, какъ *исключительной* основы общественнаго образованія. «Московскія Вѣдомости» въ передовой статьѣ, въ концѣ января, прибѣгли къ недостойнымъ средствамъ, чтобы возражать мнѣнію противниковъ. Мы помѣщаемъ ниже отвѣтъ г-на *А* «Московскимъ Вѣдомостямъ», а теперь представляемъ имъ въ настоящей статьѣ новый случай для знакомаго имъ упражненія въ ругательствахъ и заклинаніяхъ, позорящихъ не того, къ кому они обращаются, а тѣхъ, которые по личнымъ счетамъ или по безсильной злобѣ прибѣгаютъ къ средствамъ, болѣе или менѣе предосудительнымъ. — *Ред.*

Digitized by Google

Отчеты земскихъ управъ Харьковской губерніи и труды земскихъ собраній ясно свидѣтельствуютъ, какъ народное образованіе принимается земствомъ близко къ сердцу. Земство занесло въ свои смѣты значительныя суммы на этотъ предметъ. Сами крестьяне изъ своего тощаго кармана и приходскія попечительства, изъ ихъ среды избранныя, жертвуютъ на школы. Въ земскую управу Харьковскаго уѣзда поступили значительныя приношенія со стороны университета и частныхъ лицъ; составился проектъ общества грамотности, представленный на утвержденіе высшаго начальства. Общество это обѣщаетъ помочь нашему дѣлу своимъ трудомъ и матеріальными средствами.

Земское собраніе въ настоящее время разсматриваетъ отчетъ о школахъ и дѣлаетъ свое о нихъ постановленіе; но не однѣ народныя школы требуютъ попеченій и поддержки отъ земства. Учебное вѣдомство, общество и правительство указываютъ намъ на гимназическое воспитаніе; нужды гимназій слишкомъ велики и настоятельны, и мы не можемъ и не должны уклоняться отъ пріема участія въ ихъ положеніи. Въ Харьковѣ есть университетъ и три гимназіи; наши дѣти тамъ воспитываются — слѣдовательно заведенія эти намъ близки и дороги. Какъ родители или какъ члены земства мы не можемъ быть равнодушны къ участи этихъ заведеній, отъ которыхъ зависитъ будущность нашихъ дѣтей. Конечно, было бы безсмысленно, если бы каждому родителю предоставить право указывать учебному заведенію, чему и какъ должно учить его сына, какъ долженъ преподаваться тотъ или другой предметъ, но мы желаемъ сказать, что система образованія не должна исключительно зависѣть отъ приговора педагоговъ или усмотрѣнія учебнаго вѣдомства.

Въ дѣлѣ образованія, кромѣ нуждъ и цѣлей государственныхъ, должны быть приняты во вниманіе нужды народа общественныя, промысловыя и, конечно, педагоги не могутъ быть здѣсь лучшими истолкователями и лучшими судьями. Въ этомъ отношеніи совершенно справедливы слова министерства народнаго просвѣщенія: «школа не есть установленіе, которое можно создавать и совершенствовать произвольно усиліями правительства или частныхъ лицъ; она, напротивъ того, составляетъ одинъ изъ жизненныхъ элементовъ великаго и цѣлостнаго организма, образуемаго народомъ и сама по себѣ составляетъ также живой организмъ, находящійся въ непосредственной жизненной связи съ семействомъ, обществомъ, церковью и государствомъ».

Мы не касаемся законовъ педагогики, но желаемъ воспользоваться правомъ, предоставленнымъ нашему земскому обществу разсуждать о своихъ пользахъ и нуждахъ мѣстныхъ и, конечно, воспитаніе дѣтей есть нужда самая настоятельная. Право наше въ этомъ отношеніи вполнѣ законно, неотъемлемо и естественно.

Итакъ, намъ позволительно судить о дѣлѣ народнаго образованія

Digitized by Google

со стороны общественныхъ интересовъ. Наши заявленія преимущественно касаются гимназій и мы судимъ о нихъ по оффиціальнымъ отчетамъ, по правиламъ, начертаннымъ въ уставѣ гимназій и прогимназій и, наконецъ, по тѣмъ результатамъ обученія, какіе мы видимъ на дѣтяхъ нашихъ.

Параграфомъ 49-мъ новаго гимназическаго устава опредѣлено число учениковъ въ каждомъ классѣ. Оно не должно превышать 40, слѣдовательно въ семи классахъ гимназіи должно быть не болѣе 280 учащихся; только при подобномъ ограниченіи наставники могутъ слѣдить за обученіемъ своихъ учениковъ, но изъ отчета о числѣ учащихся въ нашихъ гимназіяхъ съ 1857 по 1866 годъ, напечатаннаго въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія видно, что изъ 53 гимназій въ 37 оказывается число ихъ выше опредѣленнаго уставомъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (кіевская 2-я) среднимъ числомъ доходитъ до 733 учениковъ. Въ нашихъ харьковскихъ гимназіяхъ среднимъ числомъ за 10 лѣтъ обучалось: въ 1-й—417, во 2-й—301, въ 3-й за 6 лѣтъ по 274. Въ настоящее время считается въ 1-й гимназіи 327, во 2-й—374, а въ 3-й—331. Итакъ, въ классахъ нашихъ гимназій помѣщается столько учениковъ, что учителю трудно внимательно слѣдить за ихъ успѣхами и, какъ выражено въ отчетѣ 3-й харьковской гимназіи, за послѣдній годъ воспитанники, помѣщенные тѣсно въ классахъ, терпятъ отъ спертаго воздуха, вредно дѣйствующаго на ихъ здоровье и успѣхи. Гимназіи наши переполнены и за недостаткомъ помѣщенія отказываютъ многимъ въ пріемѣ.

Вотъ таблица, означающая число желавшихъ поступить въ наши гимназіи, но получившихъ отказъ за недостаткомъ помѣщенія въ теченіи 4-хъ послѣднихъ годовъ:

	въ $18^{65}/_{66}$ г.	въ $18^{66}/_{67}$ г.	въ $18^{67}/_{68}$ г.	въ $18^{68}/_{69}$ г.
Въ 1-й гимназіи . . .	49	61	64	64
Во 2-й гимназіи . . .	29	42	62	80
Въ 3-й гимназіи . . .	54	31	89	119
Итого . . .	132	134	215	263

Изъ этой таблицы видно, что число тѣхъ юношей, которымъ отказываютъ, съ каждымъ годомъ возрастаетъ; въ четыре года оно увеличилось вдвое. 3-я гимназія по этому случаю въ своемъ отчетѣ выразилась такъ: «Мы не могли быть равнодушными къ неотступнымъ просьбамъ, часто слезамъ родителей; на увѣреніе наше, что мальчика

Digitized by Google

посадить негдѣ, намъ отвѣчали: «Пусть стоитъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ, да только учится».

Куда же должны обратиться тѣ несчастные, предъ которыми запираются двери гимназіи? Терпящіе отъ голода, обращаются къ людской благотворительности, испрашивая кусокъ хлѣба — но нуждающіеся въ умственной пищѣ не найдутъ ее на улицахъ, развѣ будутъ возстановлены для нихъ классическія школы древней Греціи подъ открытымъ небомъ; но нашъ суровый климатъ и этого не дозволитъ.

Можно думать, что родители, умоляющіе о пріемѣ ихъ дѣтей найдутъ тамъ истинное для нихъ благо, когда слезныя ихъ просьбы будутъ услышаны. Посмотримъ, какимъ счастіемъ пользуются наши гимназисты, каковы успѣхи ихъ, чему и какъ ихъ учатъ: изъ свѣдѣній министерскихъ видно, что въ пяти учебныхъ округахъ окончившіе курсъ гимназисты составляютъ едва 4,2% всего числа учащихся; такой же процентъ кончающихъ курсъ съ аттестатомъ оказывается и въ трехъ нашихъ харьковскихъ гимназіяхъ: изъ поступившихъ въ наши гимназіи учениковъ едва половина достигаетъ 5-го класса. Въ сосѣдней намъ курской гимназіи на 100 учащихся оканчиваютъ курсъ только два ученика.

Уставомъ опредѣлена цѣль гимназій, именно доставить воспитывающемуся въ нихъ юношеству общее образованіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ они должны быть приготовительными заведеніями для поступленія въ университетъ и другія высшія спеціальныя училища; но приведенныя выше числа показываютъ, что наибольшая часть учениковъ оставляютъ гимназію не кончивши курса, слѣдовательно немногіе изъ нихъ получаютъ общее образованіе вполнѣ. Каждая изъ трехъ нашихъ гимназій выдаетъ своимъ воспитанникамъ отъ 10 до 15 аттестатовъ, дающихъ право быть принятыми въ университетѣ. Если бы гимназіи имѣли единственною цѣлью приготовлять юношество къ поступленію въ университетъ, то каждый гимназическій аттестатъ стоилъ бы казнѣ не менѣе 1000 руб. (на содержаніе гимназій по новому штату отпускается до 15 т. рублей въ годъ); въ курской гимназіи, гдѣ оканчиваютъ курсъ, среднимъ числомъ, только 4 ученика, каждый аттестатъ стоилъ бы до 4000 руб. Что же касается приготовленія воспитанниковъ для поступленія въ высшія спеціальныя училища, то назначеніе это, по крайней мѣрѣ относительно харьковскихъ гимназій, оказывается излишнимъ; почти никто изъ окончившихъ курсъ въ нашихъ гимназіяхъ не избираетъ себѣ этой дороги для дальнѣйшаго образованія.

Итакъ, гимназіи не достигаютъ цѣли, уставомъ для нихъ предназначенной. Мы видимъ здѣсь весьма неудовлетворительные результаты гимназическаго ученія и, раскрывая причины, мы не позволяемъ себѣ обвинять то или другое учебное заведеніе: одни и тѣже явленія повторяются не только въ харьковскихъ, но и въ другихъ гимназіяхъ внѣ

Digitized by Google

Харькова, и мы можемъ только хвалить усердіе преподавателей, одушевленныхъ наилучшими намѣреніями. Истинныя причины, по нашему мнѣнію, заключаются въ слѣдующемъ: гимназическій курсъ слишкомъ многосложенъ и самый трудный изъ всѣхъ учебныхъ курсовъ имперіи. Въ этомъ убѣждаютъ насъ свидѣтельства наставниковъ и лицъ поставленныхъ во главѣ просвѣщенія. Трудность ученія доказывается еще тѣмъ, что многіе, желающіе получить гимназическій аттестатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ право на поступленіе въ университетъ, оставляютъ гимназію и, занимаясь частно, приготовляются къ окончательному гимназическому экзамену. Такъ, изъ воспитанниковъ VII класса 3-й гимназіи, экзаменовались на полученіе аттестатовъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ (съ 1864 по 1867) только 43; постороннихъ же молодыхъ людей, приготовлявшихся внѣ гимназіи 131.

Учебный курсъ классическихъ гимназій составляютъ слѣдующіе предметы: 1) законъ Божій, 2) русскій языкъ съ церковнославянскимъ и словесность, 3) латинскій языкъ, 4) греческій языкъ, 5) математика, 6) физика, 7) космографія, 8) исторія, 9) географія, 10) естественная исторія, 11, 12) нѣмецкій и французскій языки, 13) рисованіе и черченіе.

Кромѣ этого перечня, надобно видѣть программы преподавателей и учебники, чтобы точнѣе понять, въ какомъ размѣрѣ преподаются предметы. Исчисляя ихъ, мы только замѣтимъ, что гимназистамъ приходится изучать пять языковъ, что имъ преподается отдѣльно естественная исторія, т. е. начала зоологіи, минералогіи и ботаники; изъ разряда естественныхъ наукъ преподается еще физика съ космографіею въ трехъ послѣднихъ классахъ. Конечно, никто не сомнѣвается въ пользѣ изученія поименованныхъ предметовъ, точно также нельзя отрицать и нѣкоторой доли пользы, если бы въ гимназіяхъ преподавали начальныя основанія механики, медицины, или по крайней мѣрѣ гигіены, законовъ гражданскихъ, военныхъ наукъ и сельскаго хозяйства; было же время, когда и эти науки считались нужными для гимназистовъ!

Кромѣ латинскаго, греческаго, французскаго и нѣмецкаго, гимназистъ долженъ изучать русскій языкъ въ связи съ древнимъ церковнымъ, церковно-славянскимъ и древне-русскимъ. (Нужно имѣть особенныя способности, необыкновенную и твердую память, чтобы изучать всѣ 8 языковъ. Заботясь о многоязычіи, мы какъ будто ожидаемъ столпотворенія вавилонскаго или, вѣруя въ воскресеніе нашихъ предковъ, готовимся говорить съ ними на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ).

Такое разнообразіе предметовъ въ гимназіяхъ и особенно изученіе многихъ языковъ заставляетъ гимназистовъ напрягать наиболѣе память, не позволяетъ имъ сосредоточить вниманіе на такіе предметы, которые учащимся болѣе нужны.

Не въ числѣ изучаемыхъ предметовъ и языковъ заключается дос-

Digitized by Google

тоиство гимназическаго курса, но въ самой методѣ преподаванія. Мы не беремся анализировать всего курса гимназическихъ наукъ, но скажемъ нѣсколько словъ о преподаваніи русскаго языка, какъ главнаго предмета. Изученіе его изъ всѣхъ предметовъ оказывается наиболѣе отяготительнымъ и, къ сожалѣнію, наименѣе успѣшнымъ. Это есть общее мнѣніе всѣхъ лицъ, слѣдящихъ за гимназическими курсами. Гимназистовъ заставляютъ изучать родной языкъ исторически, филологически, сравнительно съ древними отраслями славянскаго языка. Грамматика Перевлѣсскаго, принимаемая за руководство во многихъ гимназіяхъ, при всемъ ея научномъ достоинствѣ, оказывается непонятною для дѣтей 11—13 лѣтняго возраста. Мы не знаемъ, какъ опредѣленія ея передаются дѣтямъ и какими пріемами доводятся они до ознакомленія съ правилами грамматическими, слишкомъ учено изложенными, но мы для примѣра беремъ замѣтки одного учителя гимназіи (уже умершаго), продиктованныя имъ гимназистамъ 1-го класса 10-лѣтняго возраста при чтеніи какого-то сочиненія: «*элементомъ* называется часть какого-нибудь предмета; *рѣчь* происходитъ отъ слова *ру*—это на санкритскомъ языкѣ значитъ: плыветъ тихо; слово *облако* происходитъ отъ слова *обволочь*. Прежде писали *оболоко*; *оло* выбрасывается, пишется *обвлако; вла* замѣняетъ *оло*. *Учитель* происходитъ отъ *уж*, *к* переходитъ въ *ч*; *л* означаетъ дѣйствіе какого-нибудь предмета, а *т* прибавка и проч.» Гимназисту остается или затверживать подобные уроки, или оставить гимназію.

Уставомъ назначены два рода гимназій: классическія и реальныя. Первыя даютъ право ученикамъ, окончившимъ курсъ, поступать въ университетъ; вторыя же не имѣютъ этой привилегіи, но воспитанники ихъ могутъ переходить для дальнѣйшаго обученія только въ высшія спеціальныя училища. Многія общества ходатайствовали объ открытіи гимназій съ классическимъ курсомъ; реальныя же гимназіи, еслибы они были открыты въ губерніяхъ, остались бы пусты, исключая столицъ. Изъ этого впрочемъ выводится вовсе несправедливое заключеніе, будто бы общества предпочитаютъ классическіе курсы; реальные же считаются ненужными. Общественное мнѣніе по этому предмету высказывается принужденно по двумъ причинамъ: высшія спеціальныя заведенія у насъ имѣются только въ столицахъ, куда весьма немногіе могутъ посылать своихъ дѣтей, кончившихъ курсъ въ реальной гимназіи, и потому гимназіи эти считаются ненужными. Дѣти родителей изъ многочисленнаго промышленнаго сословія воспитываются большею частію въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ, спеціальнаго же образованія они не получаютъ вовсе. Ученики изъ этого сословія, поступающіе въ классическія гимназіи остаются тамъ недолго. Немногіе изъ нихъ, окончившіе курсъ въ гимназіи и въ университетѣ, переходятъ въ разрядъ чиновниковъ, оставляя родительскій промыселъ.

Digitized by Google

Другая причина предпочтенія классическаго курса заключается въ томъ, что *безъ знанія латинскаго языка и славянскихъ нарѣчій ученики, окончившіе курсъ реальной гимназіи, не принимаются въ университетъ*. Не отвергая пользы въ своемъ мѣстѣ латинскаго языка, мы здѣсь замѣтимъ совершенно справедливо, что если по уставу для поступленія въ университетъ будетъ требоваться знаніе китайскаго языка, то родители, безъ сомнѣнія, будутъ отдавать своихъ дѣтей въ ту гимназію, гдѣ преподается китайскій языкъ.

Новый уставъ, умноживши число преподаваемыхъ предметовъ и число уроковъ, имѣлъ въ виду сообщить молодымъ людямъ болѣе солидное и многостороннее образованіе; для развитія умственныхъ способностей онъ обязываетъ изучать древніе языки и, чтобы усилить умственную гимнастику, подвергаетъ молодой умъ еще другому классицизму—славянскому. Но не помогаетъ намъ и двойной классицизмъ. Въ общемъ итогѣ оказывается, что гимназисты обременены предметами, что чрезъ мѣру напрягаютъ ихъ память заучиваніемъ словъ и правилъ разныхъ языковъ, что трудъ этотъ не по силамъ дѣтей, что обученіе роднаго языка тягостно и безуспѣшно, что нужны особенныя способности, хорошее здоровье и много терпѣнія, чтобы пройдти полный гимназическій курсъ. Это не есть развитіе, но притупленіе умственныхъ способностей. Та вещь, которой даютъ многогранную полировку, быть можетъ получитъ особенный блескъ, но углы у нея выходятъ тупые. Мы не желаемъ, чтобы изъ смѣси многихъ наукъ составлялась умственная пища, въ которой трудно отличить вкусъ, которая не возбудитъ аппетита, не усвоится дѣтскимъ организмомъ, но разстроитъ здоровье молодого поколѣнія. Объяснивши положеніе гимназій, понятнымъ становится сѣтованіе родителей: не находя другого исхода, они со слезами отдаютъ дѣтей своихъ въ гимназію на мученіе. Но слезы родительскія остаются у порога гимназіи, кому же сказать за нихъ слово? кто долженъ ходатайствовать объ ихъ кровной нуждѣ?

По ст. 2 п. X. полож. о земск. учрежд., земству предоставлено право представлять чрезъ губернское начальство высшему правительству свѣдѣнія и заключенія по предметамъ, касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ губерніи и ходатайствовать по симъ предметамъ.

Мы уже указали на предметъ наиболѣе нужный земству, которое, пользуясь правомъ ходатайства, могло бы выразить слѣдующія желанія:

1. Умножить число гимназій въ губерніи и, при недостаткѣ средствъ, учредить по крайней мѣрѣ прогимназіи въ нѣсколькихъ уѣздахъ, какъ-то: въ Изюмѣ, Сумахъ, Ахтыркѣ и Харьковѣ. Съ открытіемъ прогимназій въ уѣздныхъ городахъ уменьшится накопленіе учениковъ въ трехъ харьковскихъ гимназіяхъ, предоставится возможность родителямъ съ ограниченнымъ состояніемъ дать гимназическое образованіе

Digitized by Google

своимъ дѣтямъ, такъ какъ содержаніе ихъ въ уѣздныхъ городахъ обойдется гораздо дешевле и дѣти, въ первые годы ихъ ученія, будутъ подъ ближайшимъ надзоромъ своихъ родителей. Въ видахъ уменьшенія издержекъ на этотъ предметъ можно уѣздныя училища преобразовать въ прогимназіи, прибавивши къ штатной суммѣ не болѣе 4,000 въ годъ, и назначивши извѣстную плату за ученіе.

2. Вмѣсто учрежденія отдѣльныхъ реальныхъ и классическихъ гимназій — открыть въ трехъ послѣднихъ классахъ гимназическихъ реальные курсы, согласно уставу 1828 года, и какъ это дѣлается въ с.-петербургской Анненской школѣ, но съ тѣмъ, чтобы окончившіе реальный курсъ принимаемы были одинаково какъ въ высшія спеціальныя заведенія, такъ и въ университеты.

3. Освободить гимназистовъ отъ изученія многихъ языковъ, удержавши (только въ классическомъ отдѣленіи) латинскій и одинъ изъ новѣйшихъ языковъ; преподавать русскій языкъ безъ филологическихъ объясненій, спутывающихъ только прямое разумѣніе живого языка мертвыми образами рѣчи. Вмѣсто изученія древне-славянскаго и древнерусскаго языка достаточно будетъ вразумительное чтеніе св. писанія.

4. Преподаваніе естественныхъ наукъ отнесть только къ реальному курсу.

5. Ввести во всѣ гимназіи однообразные учебники, примѣненные къ возрасту и понятіямъ учащихся. Предполагая умножить число гимназій и прогимназій, какъ настоятельную потребность, мы обязаны вмѣстѣ съ тѣмъ указать и средства для устройства этихъ учебныхъ заведеній.

Мы припоминаемъ слѣдующія слова министра народнаго просвѣщенія, сказанныя имъ 11 сентября въ варшавской Главной школѣ: «Въ настоящее время, на относительно небольшомъ пространствѣ этой страны (польскія губерніи) находятся 22 гимназіи, 15 прогимназій, 9 женскихъ гимназій и 5 таковыхъ же прогимназій. Если сравнить число учащихся въ этихъ заведеніяхъ съ соотвѣтственными училищами въ остальныхъ губерніяхъ имперіи и расходы на этотъ предметъ государственнаго казначейства, то оказывается, что на нихъ израсходуется почти втрое болѣе, а число учащихся пропорціонально къ населенію почти вчетверо болѣе. Женскія гимназіи во внутреннихъ губерніяхъ почти ничего не стоятъ государственному казначейству, такъ какъ онѣ, по большей части, существуютъ на мѣстныя средства, тогда какъ здѣшнія женскія гимназіи исключительно содержатся на счетъ казны. Мнѣ неизвѣстно другое европейское государство, въ которомъ было бы подобное отношеніе между училищами въ провинціяхъ коренныхъ и присоединенныхъ». — Бюджетъ народнаго просвѣщенія на 70-милліонное населеніе цѣлой Имперіи едва достигаетъ 7 милліон. руб.

Digitized by Google

на учебныя заведенія; 10 небольшихъ привислинскихъ губерній съ 5—мильон. населеніемъ ихъ, истрачиваетъ ежегодно 1,600,000 руб. или 32 коп. на душу; въ остальной же Россіи на 65 милліон. издерживается 5,400,000, т. е. $9^3/_{10}$ коп. на душу; но если вспомнить, что нашъ прибалтійскій край пользуется въ этомъ отношеніи привилегіями присоединенныхъ губерній, то приходится еще 9 коп. значительно сократить для внутреннихъ губерній. Г. министръ народнаго просвѣщенія замѣтилъ, что сравненіе имъ сдѣланное относится не къ тому, чтобы закрывать польскія гимназіи въ видахъ уравненія—и это справедливо, но отсюда выходитъ логическое заключеніе, что государственному казначейству слѣдуетъ увеличить свой расходъ на содержаніе русскихъ гимназій по крайней мѣрѣ до той цифры, какая назначается въ пользу некоренного населенія, чтобы по крайней мѣрѣ уравнять съ нимъ господствующее населеніе въ правѣ на пользованіе суммами государственнаго казначейства; тогда бы у насъ число гимназій учетверилось, и онѣ вполнѣ отвѣчали бы нуждамъ русскаго населенія.

Земство и сословія готовы съ своей стороны приносить жертвы, и уже на ихъ счетъ открыты многія женскія гимназіи и прогимназіи при ничтожномъ пособіи государственнаго казначейства. Земство занесло въ свои смѣты значительныя суммы на народное образованіе. Оно не откажется отъ пожертвованій въ пользу гимназій и прогимназій и только *его удерживаетъ программа гимназическихъ курсовъ*, не отвѣчающая нуждамъ земства и слишкомъ тягостная для учащихся.

Е. Гордѣенко.

Харьковъ.

Digitized by Google

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТЪ

НА 1869 ГОДЪ.

VI *).

Въ предъидущей статьѣ разсматривалась общность нашей государственной росписи и значеніе подведеннаго въ ней баланса. Но государственная роспись представляетъ интересъ не только какъ эскизъ предполагаемаго за данный годъ положенія финансовъ, а также какъ опредѣлительная рамка, можно даже сказать, картина всей административной дѣятельности въ государствѣ; ежегодная роспись доходовъ и расходовъ, это—бюллетень нуждъ и потребностей государства въ данную эпоху, какъ они представляются администраціи, и усилій администраціи къ удовлетворенію этихъ нуждъ и потребностей. Подробное разсмотрѣніе государственной росписи въ этомъ смыслѣ было бы разсмотрѣніе всей дѣятельности администраціи, сообразно съ нуждами страны. Такъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ роспись подвергается дебатамъ, дебаты эти имѣютъ даже по преимуществу характеръ политическій. У насъ существуетъ de facto собраніе, которое подвергаетъ предположеніе министровъ обсужденію съ точки зрѣнія политической, то-есть, входитъ въ разсмотрѣніе представленій министровъ не только въ согласованіи съ собственными ихъ основными предположеніями, но и независимо отъ этихъ отдѣльныхъ предположеній, на основаніи общихъ нуждъ государства, общаго положенія его въ данное время, наконецъ, на основаніи предначертанныхъ общихъ цѣлей. Такое собраніе у насъ—совѣтъ министровъ.

Но подробное разсмотрѣніе смѣтъ, представляемыхъ министерствами, и составляемыхъ для соглашенія ихъ съ финансовыми средствами

---

*) См. выше, февр. 931 стр.

Digitized by Google

государства общихъ предположеній министерства финансовъ, лежитъ у насъ на обязанности, съ одной стороны — государственнаго контроля, съ другой — департамента экономіи, въ государственномъ совѣтѣ. Это разсмотрѣніе характера политическаго не имѣетъ, а ограничивается документальною повѣркою исчисленій, на основаніи предположеній самихъ министерствъ. Само по себѣ и такое разсмотрѣніе смѣтъ, собственно для провѣрки и соглашенія ихъ не только полезно, но и совершенно необходимо, хотя бы уже потому, что оно исправляетъ ошибки, вкрадывающіяся въ смѣты отдѣльныхъ вѣдомствъ, ошибки, которыя могли бы до нѣкоторой степени дѣлать призрачными самые выводы смѣтъ.

Напримѣръ, представимъ себѣ, что министерство финансовъ включило въ свою смѣту на изготовленіе въ нынѣшнемъ году государственныхъ бумагъ сумму 360 тысячъ рублей. Въ нашемъ порядкѣ разсмотрѣнія смѣты будетъ непремѣнно замѣчено, что тутъ должна быть ошибка, такъ какъ 360 т. р. достаточны на заготовленіе цѣлыхъ 36 милліоновъ листовъ билетовъ государственнаго казначейства, на сумму 1 милліярдъ 800 милліоновъ рублей, которыхъ министерство финансовъ не могло же имѣть въ виду выпустить въ теченіи одного года. Итакъ, вмѣсто 360 т. р. будетъ назначено на заготовленіе государственныхъ бумагъ всего 3,600 рублей.

Возьмемъ еще примѣры. Министерство путей сообщенія вовсе исключило изъ смѣты доходовъ и расходовъ Николаевскую дорогу, за передачею ея Главному Обществу, между тѣмъ, какъ на основаніи условій передачи ея, Общество обязано принять на себя уплату процентовъ и погашенія по выпущеннымъ уже правительствомъ облигаціямъ этой дороги, а также и имѣющимъ быть выпущенными отъ имени Общества. При разсмотрѣніи смѣты эта статья дохода, опущенная министерствомъ, будетъ включена въ смѣту. Или военное министерство предположило сумму въ 2½ милліона рублей на уплату казеннымъ оружейнымъ заводамъ по новому наряду, котораго однакоже эти заводы исполнить въ этомъ году не въ состояніи. Суммѣ этой дано будетъ иное назначеніе.

Приведенными примѣрами мы хотѣли пояснить сущность того разсмотрѣнія, какому подвергаются смѣты министерствъ у насъ.

Мы, конечно, не можемъ имѣть притязанія сколько-нибудь восполнить такого рода разсмотрѣніе смѣтъ подробнымъ обсужденіемъ ихъ съ политической точки зрѣнія; такое обсужденіе бюджета занимаетъ важнѣйшую часть парламентскихъ работъ въ цѣлую сессію. Но мы не можемъ ограничиться также представленнымъ въ предшествовавшей статьѣ разсмотрѣніемъ собственно финансовыхъ выводовъ нынѣшней росписи, и считаемъ не лишнимъ представить теперь нѣсколько замѣчаній по нѣкоторымъ пунктамъ смѣтъ отдѣльныхъ министерствъ.

Digitized by Google

Военному вѣдомству принадлежитъ первое мѣсто по значительности бюджета. Изъ росписи, въ которой обыкновенный, чистый государственный доходъ доходитъ только до 373½ милл. рублей, военное министерство беретъ на свою долю 136 милл. 774 т. рублей (при чемъ, впрочемъ, слѣдуетъ исключить доходы военнаго министерства, исчисленные около 8 милл. р.). Бюджетъ французскаго военнаго министерства на 1868 г. исчисленъ былъ въ 348 милл. франковъ. Бюджетъ нашего военнаго министерства, вслѣдствіе разныхъ причинъ, а преимущественно вздорожанія всѣхъ потребностей, значительно возросъ. Военное министерство начало, въ 1853 году, европейскую войну съ гораздо меньшимъ бюджетомъ, чѣмъ нынѣшній, именно съ бюджетомъ всего въ 103½ милл. рублей. А нынѣ, говоря о военномъ бюджетѣ слишкомъ въ 136½ милл. руб., мы имѣемъ въ виду только бюджетъ мирнаго времени. Чтобы судить о томъ, до какой степени можетъ увеличиться этотъ бюджетъ при мобилизаціи арміи и сколько-нибудь серьезной европейской войнѣ, достаточно напомнить, что вслѣдствіе одного польскаго мятежа 1863—1864 гг., который уже, конечно, не могъ идти въ сравненіе съ какой-либо серьёзной войной, бюджетъ военнаго министерства въ одинъ годъ (1863 — 1864) вдругъ увеличился съ 118 до 151½ милліоновъ.

Изъ причинъ значительнаго увеличенія бюджета военнаго министерства за послѣдніе годы, мы назвали одну, главную, именно — общее возвышеніе цѣнъ, которое ни на одномъ вѣдомствѣ не могло отозваться такъ чувствительно, какъ именно на вѣдомствѣ военномъ. Въ числѣ другихъ причинъ, обусловившихъ собственно номинальное увеличеніе бюджета военнаго министерства, назовемъ включеніе въ смѣту новаго расхода по управленію Туркестанскою областью и введеніе общей кассовой системы на Кавказѣ. Прибавленіе расхода по Туркестанской области мы называемъ номинальнымъ потому, что ему соотвѣтствуетъ въ общей росписи и новая статья дохода. Правда, цифра этихъ доходовъ въ бюджетѣ и на этотъ разъ представляетъ одно предположеніе. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что расширеніе нашихъ среднеазіатскихъ владѣній будетъ со-временемъ скорѣе новымъ источникомъ, чѣмъ обремененіемъ для нашихъ финансовъ.

Но сверхъ этихъ причинъ номинальнаго увеличенія военнаго бюджета, есть еще двѣ существенныя причины *дѣйствительнаго*, но положительно-необходимаго увеличенія: мы говоримъ объ улучшеніи содержанія арміи, посредствомъ назначенія добавочныхъ окладовъ и о неизбѣжныхъ издержкахъ по преобразованію нашего оружія.

Исчисленіе суммы на добавочное жалованье нижнимъ чинамъ даетъ въ результатѣ цифру около 1 милліона р. Нельзя при этомъ не замѣтить, что расходы на центральную администрацію вообще возвысились немного, несмотря на то, что она совершенно преобразована со зна-

Digitized by Google

чительнымъ увеличеніемъ окладовъ. Преобразованіе это исполнено въ 1867 году, и результатомъ введенія новыхъ штатовъ оказалось увеличеніе расхода, всего около 20 тысячъ р. Что касается администраціи мѣстной, то увеличеніе здѣсь произошло, главнымъ образомъ, вопервыхъ, отъ введенія новаго военно-суднаго управленія, во-вторыхъ, отъ учрежденія военныхъ округовъ Туркестанской области.

Общая сумма расходовъ по военному министерству въ бюджетѣ 1869 года противъ прошлогодней представляетъ увеличеніе на 5 мил. 245 т. р. Увеличеніе въ нынѣшнемъ году образовалось, главнымъ образомъ, вслѣдствіе расходовъ на преобразованіе оружія. Бюджетъ главнаго артиллерійскаго управленія представляетъ главную часть этого увеличенія, именно болѣе 3 милл. р. На одни расходы по усовершенствованію артиллеріи превышеніе составило гораздо болѣе 1½ милл. рублей. Издержки по этому предмету въ послѣдующіе годы должны значительно сократиться, такъ какъ, сколько извѣстно, преобразованіе собственно нашей артиллеріи ведено очень успѣшно и приближается къ концу.

Нельзя, повидимому, сказать того же о преобразованіи пѣхотнаго вооруженія. Съ ружьями новой системы мы еще далеко не поспѣли. Здѣсь встрѣтились и неисправности заводовъ, и въ послѣднее время даже сомнѣніе, насчетъ вводимой системы, такъ, что теперь еще возбудился (впрочемъ, не со стороны военнаго министерства) вопросъ о преимуществахъ ружей новой, русской системы. Мы не станемъ, конечно, входить здѣсь, при изложеніи главныхъ чертъ нашего финансоваго хозяйства, въ этотъ посторонній, спеціальный вопросъ. Относительно возбужденія теперь вопроса о новыхъ ружьяхъ, скажемъ только, что надо же на чемъ-нибудь остановиться и кажется давно пора. Сошлемся на примѣръ Франціи: тамъ точно также, когда были уже сдѣланы подряды на все нужное количество ружей системы Шасспó, неожиданно возбужденъ былъ вопросъ о преимуществахъ ружей винчестеровой системы и поднялась сильная агитація по этому поводу. Этотъ вопросъ о ружьяхъ именно такой, что его никогда нельзя рѣшить, если допускать перерѣшеніе, потому что новыя системы являются безпрестанно, испытываются онѣ разными лицами, при разныхъ обстоятельствахъ, а всѣмъ имъ недостаетъ существеннаго опыта — который показалъ бы, которая изъ нихъ, въ суммѣ качествъ и недостатковъ — лучшая. Этотъ рѣшительный опытъ можетъ быть данъ только войною, а ружья новой системы должны быть готовы въ достаточномъ количествѣ *до войны;* въ этомъ-то и все дѣло. Во Франціи, правительство не поддалось увѣреніямъ приверженцевъ винчестеровой системы и спокойно продолжало исполненіе своего плана преобразованія; потому-то французская армія уже и вооружена теперь новыми ружьями, а иначе она и теперь продолжала бы дѣлать опыты

Digitized by Google

Мы сказали выше, что снабженіе пѣхоты усовершенствованнымъ оружіемъ идетъ, повидимому, не вполнѣ успѣшно. Новыя скорострѣльныя ружья были заказаны въ Америкѣ, на нѣкоторыхъ русскихъ частныхъ заводахъ (напр. Нобеля) и на казенныхъ заводахъ, состоящихъ на арендѣ. Этимъ послѣднимъ поручена, разумѣется, главная часть всего потребнаго количества, потому что цѣны объявленныя ими дешевле. Въ Америкѣ, сколько намъ извѣстно, было заказано 30 тысячъ ружей системы Бердона, тульскому же заводу было заказано 120 т. новыхъ ружей, да передѣлка 100 т. старыхъ; ижевскому 60 т. новыхъ и передѣлка 200 т. старыхъ [1]). Въ нынѣшнемъ году предположено было приготовить на казенныхъ же заводахъ еще 100 тысячъ скорострѣльныхъ ружей (при чемъ, впрочемъ, еще не былъ опредѣленъ образецъ).

Между тѣмъ, исполненіе уже данныхъ казеннымъ заводамъ нарядовъ подвигалось такъ медленно, что исполненіе ими еще столь значительнаго новаго наряда въ текущемъ году сдѣлалось мало вѣроятнымъ. Такъ, напримѣръ, тульскій заводъ долженъ былъ выдѣлать къ первому января нынѣшняго года, изъ прежнихъ (1867 и 1868) нарядовъ 90 тысячъ ружей, а онъ сдѣлалъ всего около 30 тысячъ; затѣмъ еще оставалось приготовить въ нынѣшнемъ году, изъ прежнихъ нарядовъ, около 57 тысячъ. Если бы на его долю предоставить, положимъ, треть изъ новаго наряда, т. е. около 30 тысячъ ружей, то вышло бы, что на обязанности его лежало бы сдѣлать, въ теченіи нынѣшняго года около 87 тысячъ ружей. Между тѣмъ, тульскій заводъ по средствамъ своимъ не можетъ приготовить въ годъ болѣе 60 тысячъ винтовокъ. Стало быть, если въ теченіи всего нынѣшняго года онъ додѣлаетъ остающееся за нимъ количество изъ прежнихъ нарядовъ, то-есть, опоздаетъ годомъ въ исполненіи ихъ, то все-таки онъ не будетъ имѣть возможности взять на себя часть новаго подряда. Вообще же на трехъ заводахъ (тульскомъ, ижевскомъ и сестрорѣцкомъ) изъ заказанныхъ имъ къ 1 января нынѣшняго года около 150 тысячъ ружей, въ дѣйствительности могло поспѣть къ началу 1869 года только около 90 тысячъ.

Послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ была отмѣна предположенія о заказѣ казеннымъ оружейнымъ заводамъ въ нынѣшнемъ году 100 тысячъ новыхъ скорострѣльныхъ ружей [2]). Однако же сумма около $2\frac{1}{2}$ милл. рублей, которая могла быть исключена изъ смѣты военнаго министерства, вслѣдствіе отмѣны такого новаго наряда казен-

[1]) Приводимыя нами цифры не представляютъ полнаго количества заказанныхъ и готовыхъ ружей, которыхъ нѣтъ надобности приводить. Мы хотимъ только показать наглядно, какъ идетъ это дѣло.

[2]) Образецъ ихъ, какъ сказано выше, не былъ еще опредѣленъ, но требовались ружья малокалиберныя американской системы.

Digitized by Google

нымъ заводамъ, въ конечномъ результатѣ исключена не была, а распредѣлена на разныя потребности, относящіяся къ тому же предмету, именно къ снабженію арміи новыми скорострѣльными ружьями. При этомъ, половина этой суммы обращена теперь на новый, по возможности, заказъ въ Америкѣ ружей той же системы.

Мы остановились преимущественно на издержкахъ по приготовленію новыхъ винтовокъ не для того, конечно, чтобы показывать, какъ онѣ значительны. Имѣть новое оружіе — необходимость, и цѣны, по которымъ его заготовляетъ военное министерство на казенныхъ заводахъ, скорѣе слишкомъ малы [1]), чѣмъ слишкомъ велики.

Издержка эта не только необходима, но и не велика, въ сравненіи съ итогомъ бюджета военнаго министерства, и въ особенности съ неисчислимымъ итогомъ тѣхъ тягостей, какія несетъ страна (Россія болѣе чѣмъ иныя) по исполненію воинской повинности и содержанію войскъ. Много сдѣлано въ послѣднее время для облегченія этихъ тягостей; сокращены сроки службы, въ каждомъ манифестѣ о наборѣ являются новыя облегченія по поставкѣ рекрутъ. Мы идемъ безостановочно къ уничтоженію того порядка, при которомъ, для исполненія набора въ томъ количествѣ, какъ онъ бываетъ нынѣ, то-есть около 90 тысячъ человѣкъ, требовалось сгонять къ рекрутскимъ присутствіямъ тысячъ 200 народу. Улучшено и содержаніе солдата, а въ особенности много сдѣлано для поднятія его нравственнаго уровня отмѣною тѣлесныхъ наказаній, сдачи въ солдаты порочныхъ людей, наконецъ распространеніемъ въ войскахъ грамотности, которое идетъ такъ успѣшно. Но относительно облегченія для народа тяжести рекрутчины и постоя много еще остается сдѣлать.

Переходимъ къ министерству финансовъ. Министерство финансовъ составляетъ государственный бюджетъ, *управляетъ* финансами. Но, само собою разумѣется, что дѣйствительно *управлять* финансами не можетъ никакое административное вѣдомство, какъ бы способенъ ни былъ стоящій во главѣ его финансистъ. Возможная дѣятельность министра финансовъ у насъ — соглашать денежныя требованія другихъ министровъ. Самъ онъ непосредственно не много можетъ имѣть вліянія на уменьшеніе общихъ государственныхъ расходовъ. Займы отъ него зависятъ, но и то только въ извѣстной степени, то-есть отъ него зависитъ, сообразивъ требованія отъ него независящія, сдѣлать выводъ о необходимости прибѣгнуть къ новому займу въ нынѣшнемъ году или только въ слѣдующемъ. Но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что на *причины* всѣхъ займовъ сдѣланныхъ русскимъ правительствомъ за послѣдніе года, внутри или внѣ страны, министры фи-

[1]) Напр. на тульскомъ заводѣ менѣе 16 р. Впрочемъ уже оказалась необходимымъ дополнительная плата этимъ заводамъ.

Digitized by Google

нансовъ не имѣли вліянія, за исключеніемъ развѣ неудачной попытки, сдѣланной въ 1862 году, для возстановленія размѣна, когда было занято на не легкихъ условіяхъ 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ на подкрѣпленіе размѣннаго фонда кредитныхъ билетовъ (седьмой 5% заемъ), съ обязательствомъ не начинать погашенія этого займа до истеченія 20 лѣтъ со времени его заключенія, т. е. съ 14 апрѣля (1 мая) 1862 года. По этому займу мы платимъ 750 т. рублей ежегодно, не приступая къ погашенію, а между тѣмъ самая сумма, вырученная займами, пропала безслѣдно для улучшенія нашего кредита, такъ какъ поддержать размѣна все-таки не удалось, а впослѣдствіи выпущено не мало новыхъ кредитныхъ билетовъ.

Такія операціи, какъ эта, или какъ покупка золота банкомъ, причемъ онъ ассигнаціи принимаетъ отъ публики 17-ю процентами дешевле ихъ нарицательной цѣны, между тѣмъ какъ собственные платежи частнымъ лицамъ производитъ бумажками al pari — вотъ все, что въ дѣйствительности представляетъ самостоятельную дѣятельность министерства финансовъ относительно улучшенія общаго ихъ положенія. Затѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что военное министерство, напримѣръ, распоряжается нашими финансами, въ дѣйствительности, гораздо болѣе, чѣмъ министерство финансовъ. Иначе и быть не можетъ. Дѣло въ томъ, что административное вѣдомство не можетъ ограждать финансовъ; оно можетъ только распредѣлять расходы *требуемые* отъ него по наличнымъ, или имѣющимся въ виду источникамъ, съ большею или меньшею раціональностью, съ большею или меньшею пользою.

Изъ этихъ источниковъ первое мѣсто принадлежитъ, какъ извѣстно, доходу питейному. Питейный доходъ, по бюджету 1869 года, исчисленъ въ 131 м. 276 т. Издержки взиманія здѣсь составляютъ 8 м. 632½ т. р., такъ что чистаго дохода ожидается около 122 м. 643½ рублей. Предвидѣніе это превышаетъ предвидѣніе прошлогодней смѣты на 3 м. 219 т. р. Такое предположеніе составлено на основаніи дѣйствительнаго поступленія «за послѣднее время», какъ выражается докладъ министра финансовъ. На основаніи двухъ послѣдовавшихъ одинъ за другимъ неурожаевъ можно бы ожидать скорѣе уменьшенія суммы этого дохода. Но коль скоро исчисленіе сдѣлано на основаніи дѣйствительнаго поступленія за послѣднее время—цифры, исчисленныя въ бюджетѣ на 1869 г., мы оспаривать не можемъ.

Замѣтимъ, что издержки на взиманіе питейнаго дохода сравнительно съ тѣми же издержками по другимъ государственнымъ доходамъ у насъ не велики: на 131¼ м. р. 8½ м. р. Между тѣмъ, какъ на взиманіе, напримѣръ, таможенныхъ сборовъ около 37 м. требуется гораздо болѣе 4½ м. На взиманіе почтоваго сбора слишкомъ въ 15½ м. требуется издержка почти 12 м., такъ что весь чистый доходъ съ почтъ у насъ составляетъ только 3 м. 885 т. р. Но

Digitized by Google

если сумма издержекъ взиманія по питейному доходу, говоря относительно, не велика, то едва ли не слѣдовало оставить въ силѣ прежній порядокъ вознагражденія акцизныхъ чиновниковъ.

Такъ какъ акцизно-питейный доходъ у насъ—главный доходъ государства, то не мѣшаетъ заботиться о томъ, чтобы онъ не былъ пораженъ въ источникѣ злоупотребленіями. Когда у насъ вводилась новая акцизная система, то на ея долю, какъ извѣстно, выпалъ первый «наборъ» людей вполнѣ благонадежныхъ (въ самомъ существованіи которыхъ у насъ многіе до тѣхъ поръ, сжившись со старой системой, сомнѣвались). Высшее управленіе акцизной частью и выборъ акцизныхъ чиновниковъ были предоставлены человѣку, который въ высокой степени оправдалъ возложенное на него довѣріе. Впослѣдствіи пришли, повидимому, къ заключенію, что и у насъ людей вполнѣ благонадежныхъ вовсе не такъ мало, какъ смиренно думали прежде, и хотя опыты, оказавшіеся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западной окраины государства должны бы, кажется, напротивъ, подтвердить мнѣніе, что находить вполнѣ благонадежныхъ людей у насъ все-таки еще не легко, однако благонадежность акцизныхъ чиновниковъ стали вознаграждать въ размѣрѣ значительно меньшемъ противу прежняго времени. Замѣтимъ, мимоходомъ, что едва ли эта система, хотя бы она и уменьшала издержки взиманія, вполнѣ согласна съ государственнымъ интересомъ; тѣмъ болѣе, что, какъ замѣчено выше, издержки взиманія по акцизной части сравнительно не высоки.

Мы не будемъ входить теперь въ обсужденіе общаго положенія нашихъ финансовъ, которому посвятили первую статью, а перейдемъ прямо къ тѣмъ экстраординарнымъ рессурсамъ и истекающимъ изъ нихъ обязательствамъ, которыя въ смѣтѣ министерства финансовъ отражаются въ ежегодной цифрѣ около 76 милл: рублей, платимыхъ по государственному долгу.

Цифра, внесенная въ роспись 1869 года (76.097.804½ руб.), оказывается на 541 т. р. менѣе противъ бюджета прошлаго года. За исключеніемъ суммы 288 т. р., до-срочно уплаченныхъ государственному банку въ 1868 нѣкоторыхъ долговъ государственнаго казначейства, мы имѣемъ въ приведенной выше цифрѣ уменьшеніе: 100 т. р. происходящіе отъ уменьшенія расхода на уплату разницы въ курсѣ по заграничнымъ платежамъ и 149 т. р., которые представляютъ собственно постепенное уменьшеніе платежа процентовъ и погашеній по нѣкоторымъ займамъ.

Наши государственные долги обращаютъ на себя вниманіе, во-первыхъ, въ смыслѣ исторіи финансовъ, во-вторыхъ, въ смыслѣ практическо-финансовомъ. Въ первомъ смыслѣ не лишне будетъ перечислить здѣсь долги, сдѣланные Россіею за послѣдніе годы; во второмъ смыслѣ, надо показать, сколько, за произведенными уже уплатами, соста-

Digitized by Google

влетъ въ настоящее время итогъ нашихъ государственныхъ долговъ, внутреннихъ и внѣшнихъ.

Послѣдній періодъ нашей финансовой исторіи можно считать съ 1859 года, когда, вслѣдъ за пониженіемъ процента на банковые вклады, послѣдовало преобразованіе кредитныхъ установленій и объявленъ былъ внутренній заемъ четырехъ-процентный, въ непрерывно-доходныхъ билетахъ. Этотъ заемъ составлялъ почти *154 милл.* р. сер., и цифра оставшагося по немъ капитала почти таже и теперь. За нимъ, въ порядкѣ времени, послѣдовалъ 4% же металлическій заемъ (1860, 1863, 1864) на *60 милл.* р., котораго, за произведенными уплатами, остается теперь около 55½ милл. р. Съ 1861 по 1868 г. включительно выпущено билетовъ казначейства (такъ-называемыхъ серій) на *216 милл.* р., которыя и нынѣ составляютъ одинаковую цифру долга, такъ какъ билеты эти выпускаются на 8 лѣтъ. Да и по истеченіи 8 лѣтъ (для билетовъ 1861 года срокъ наступитъ въ нынѣшнемъ году), сумма эта не уменьшится, такъ какъ билеты разряда, которому наступаетъ срокъ, могутъ быть замѣнены билетами новыхъ разрядовъ.

Въ 1862 году сдѣланъ былъ седьмой заграничный заемъ въ 15 м. фунтовъ стерл. на подкрѣпленіе размѣннаго фонда кредитныхъ билетовъ. Сумма его остается та же и нынѣ, такъ какъ онъ—безсрочный. Въ 1863 году выпущено пятипроцентныхъ банковыхъ билетовъ на 10 милл. рублей, которые, за произведенными погашеніями, представляютъ нынѣ невыплаченнаго капитала около 9 м. 750 т. р. Эти билеты были выпущены для подкрѣпленія государственнаго банка.

Остановимся на минуту. Замѣтьте: мы сперва понижаемъ банковый процентъ, такъ что частные вклады уходятъ изъ банка. Затѣмъ, предлагается 4% заемъ въ непрерывно-доходныхъ билетахъ. Хотя это помѣщеніе въ этотъ заемъ вкладовъ было помѣщеніе ихъ à fond perdu, однако заемъ реализировался, благодаря именно предшествовавшему ему пониженію банковаго процента. 4% казались въ то время выгоднымъ процентомъ при ссудахъ правительству. Далѣе является уже рѣшительно болѣе выгодное помѣщеніе — металлическій, хотя и тоже 4% заемъ. Потомъ предлагается заемъ ужъ по 5%. Наконецъ, какъ сейчасъ увидимъ, являются два займа тоже 5%, но уже съ приманкой выигрышей.

Понятно, что изъ такого прогрессивнаго слѣдованія внутреннихъ займовъ должны были проистекать два факта: во-первыхъ, всѣ частные вклады, которые въ прежнемъ банкѣ приносили владѣльцамъ 4% при такомъ условіи, что владѣльцы могли взять ихъ обратно во всякое время, обратились въ безсрочныя и срочныя помѣщенія займовъ, принося владѣльцамъ частью столько же, сколько прежде, частью болѣе. Во-вторыхъ, множество сбереженій, какія могли накопляться въ промышленные капиталы и оживлять, развивать промышленную пред-

Digitized by Google

пріимчивость, поглощались займами, которые приносятъ безъ всякихъ хлопотъ значительный процентъ. Этотъ фактъ самъ по себѣ, конечно, не можетъ быть благопріятенъ для частной предпріимчивости. Когда за 5% займами съ выигрышами въ сторублевыхъ билетахъ послѣдуетъ, какъ о томъ уже былъ слухъ, такой же заемъ въ 50-рублевыхъ билетахъ, то можно будетъ сказать, что сбереженія, даже самыя малыя отвлечены на государственныя цѣли. Въ настоящее время два выигрышные займа, какъ извѣстно, составляютъ наиболѣе популярное помѣщеніе небольшихъ сбереженій; билеты этихъ займовъ находятся въ рукахъ не капиталистовъ, а именно средняго торговаго и служащаго класса.

Въ-третьихъ, наконецъ, предлагая вслѣдъ за однимъ внутреннимъ займомъ другой на болѣе выгодныхъ условіяхъ—нельзя избѣжать естественнаго послѣдствія, что предшествовавшій заемъ падаетъ въ цѣнѣ, т. е. вчерашніе кредиторы теряютъ не только въ сравненіи съ сегодняшними новыми кредиторами, но потеряютъ и безотносительно: цѣнность, за которую они вчера дали государству столько-то рублей, сегодня упала, вслѣдствіе новаго распоряженія государства, ниже того, что они за нее внесли.

Но возвратимся къ исчисленію займовъ за послѣднее десятилѣтіе. Въ апрѣлѣ 1864 года объявленъ англо-голландскій 5% заемъ около 48 милліоновъ гульденовъ, и почти 2 милліона фунт. стерл. Этотъ капиталъ, за произведенными платежами, составляетъ въ настоящее время около 46½ милл. гульденовъ и 1 м. 877 т. фунт. стерл. Мотивированъ онъ былъ просто: «для усиленія средствъ государственнаго казначейства».

Въ ноябрѣ того же года объявленъ первый пятипроцентный, съ выигрышами, внутренній заемъ въ 100 м. рублей. Изъ него, за произведенными тиражами, остается теперь около 98½ м. р.

1865 годъ отличался, какъ и 1867 годъ тѣмъ, что займовъ сдѣлано не было (если не считать выпускъ серій, кредитныхъ билетовъ и заемъ подъ Николаевскую дорогу, о первомъ мы уже упомянули; о кредитныхъ билетахъ мы здѣсь не говоримъ, а упомянемъ ниже общую ихъ сумму; наконецъ, о третьемъ, т. е. о займѣ подъ Николаевскую дорогу мы не упоминаемъ потому, что онъ входитъ въ категорію средствъ спеціальныхъ—на устройство желѣзныхъ дорогъ).

Въ 1866 году было сдѣлано два займа: одинъ внѣшній, другой внутренній. Внѣшній (второй англо-голландскій) былъ сдѣланъ для обезпеченія заграничныхъ платежей государственнаго казначейства на сумму нѣсколько менѣе 31½ м. гульденовъ и 3 м. 343 т. фунт. стерл. Этотъ заемъ тоже пятипроцентный. Изъ него, за произведенными платежами, остается на государственномъ казначействѣ сумма около 31 м. гульденовъ и 3 м. 300 т. фунт. стерл. Внутренній заемъ 1866 года

Digitized by Google

былъ второй выигрышный, пятипроцентный, на сумму 100 м. р., изъ которыхъ остается теперь на государственномъ казначействѣ не много болѣе 99 м. р. Замѣчательно, что этотъ второй выигрышный заемъ въ продажѣ стоитъ постоянно ниже перваго, хотя условія его—тѣже самыя.

Еслибы, опуская займы со спеціальною цѣлью, какъ заемъ подъ Николаевскую дорогу и выпускъ выкупныхъ свидѣтельствъ, мы подвели итогъ подъ займами послѣднихъ 10-ти лѣтъ и сопоставили ее съ суммою дефицитовъ за тотъ же періодъ, то оказалось бы, что цифра займовъ превышаетъ сумму бюджетныхъ дефицитовъ. Она, разумѣется, должна быть равна суммѣ дефицитовъ не бюджетныхъ, а дѣйствительныхъ. Но послѣднихъ мы исчислить не можемъ, такъ какъ отчеты по дѣйствительному исполненію смѣтъ мы имѣемъ только за 1866 и 1867 годы. Современемъ, подобная повѣрка станетъ возможною, за время начиная съ 1866 года.

Обратимся теперь къ тому положенію нашей системы государственнаго кредита, какое произошло вслѣдствіе займовъ, заключенныхъ не только за десятилѣтній періодъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, но въ разныя времена.

Государственные долги у насъ отличаются разнообразіемъ своихъ условій. Такъ, у насъ долги трехпроцентные (1859 г. внѣшній), четырехпроцентные (для примѣра назовемъ еще разъ непрерывно-доходный; но онъ далеко не одинъ: есть пять 4% займовъ, заключенныхъ въ сороковыхъ годахъ); есть долги четырехъ-съ-половиною-процентные (1849, 1860); наконецъ — пятипроцентные. Въ государственной финансовой практикѣ извѣстны средства объединенія долга и конверсіи тѣхъ долговъ, которые, бывъ заключены по сравнительно-высокому проценту, могутъ быть облегчены соотвѣтственно болѣе благопріятному проценту, установившемуся впослѣдствіи. Но эти средства вовсе не идутъ къ нашей системѣ государственнаго кредита, потому что мы занимали всякій разъ по болѣе и болѣе высокой цѣнѣ. Правда, 5½% выкупныя свидѣтельства могли бы быть конвертированы въ 5%. Но это было бы несправедливо сдѣлать до тѣхъ поръ, пока эти бумаги передаются только крѣпостнымъ порядкомъ и пока можно полагать, что они находятся въ рукахъ землевладѣльцевъ, которымъ выданы, какъ вознагражденіе. Сверхъ того, новѣйшіе 5% выигрышные займы способствовали упадку въ цѣнѣ всѣхъ прежнихъ бумагъ и конвертировать такія бумаги, которыя и безъ того стоятъ ниже pari, не представляется возможности.

Между тѣмъ, вотъ неудобство разнообразныхъ условій внутреннихъ государственныхъ обязательствъ: лица, которыя должны казнѣ по прежнимъ залогамъ недвижимыхъ имуществъ, покупаютъ нынѣ 5% и 5½% выкупныя свидѣтельства и платятъ ими свои проценты и капиталъ своего долга, при чемъ казна теряетъ 10—18%.

Digitized by Google

Внѣшніе долги наши раздѣляются на срочные и безсрочные. Срочные были заключены для усиленія средствъ государственнаго казначейства, а также на постройку Николаевской дороги. Они въ настоящее время составляютъ въ сложности: около 102½ милл. голландскихъ гульденовъ, 14½ милл. фунтовъ стерл. и 38 милл. серебряныхъ рублей. Безсрочные были заключаемы съ цѣлью погашенія ассигнацій, усиленія средствъ казначейства и размѣннаго фонда кредитныхъ билетовъ. Сумма ихъ составляетъ около 21½ милл. фунтовъ стерл. и 161 милл. серебряныхъ рублей.

Внутренніе долги раздѣляются на слѣдующія категоріи: 1) государственному банку, по займамъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій; 2) разныхъ учрежденій и лицъ, по займамъ уплачиваемымъ государственному банку изъ государственнаго казначейства, съ возвратомъ отъ этихъ учрежденій и лицъ; 3) разнымъ мѣстамъ и лицамъ (для примѣра упомянемъ о милліонѣ, назначенномъ князю Мингрельскому, за отреченіе отъ владѣльческихъ правъ); 4) четырехпроцентные билеты банка; 5) билеты казначейства (серіи); 6) два выигрышные займа; 7) 5% банковые билеты, 8) 4% облигаціи царства польскаго; 9) долги обыкновенные и неприкосновенные. Это—безсрочные внутренніе долги; они образовались въ 1807 и 1818 годахъ; ихъ остается теперь около 49½ милл. р.; 10) духовенству въ царствѣ польскомъ разныхъ исповѣданій (кромѣ католическаго) и учрежденіямъ (не-духовнымъ) тамъ же; 11) 4% непрерывно-доходные билеты; 12) вѣчные вклады.

Считаемъ излишнимъ приводить въ отдѣльности по каждому долгу цифру первоначальную и нынѣ остающуюся. Ограничимся общимъ выводомъ, что въ настоящее время итогъ нашихъ государственныхъ долговъ составляетъ: 102½ милл. гульденовъ, 36 милл. слишкомъ фунт. стерл. и 937½ милл. серебрян. рубл. Сюда надо причислить безпроцентный долгъ въ кредитныхъ билетахъ, который нынѣ, по отчетамъ государственнаго банка, составляетъ 724½ милл. рублей.

Бюджетъ министерства иностранныхъ дѣлъ представляетъ ту особенность, что цѣлая четверть его предназначена на потребности, обозначенныя общими названіями: «чрезвычайные расходы», «чрезвычайные за границею расходы», «разные расходы» и «случайные расходы». Изъ испрашиваемыхъ по смѣтѣ 2 м. 327 тысячъ р. подъ названныя нами сейчасъ категоріи подходило около 522 т. р. Часть этихъ расходовъ, правда, идетъ на фельдъегерей и курьеровъ, и поѣздки дипломатовъ; но около 200 т. р. показаны на случайные расходы и пособія, а между тѣмъ нѣтъ возможности свесть итога, кромѣ того, какъ мы его сейчасъ представили, именно что ¼ бюджета идетъ на потребности если и на неопредѣленныя (конечно, часть изъ нихъ обусловлена отдѣльными законодательными актами), но во всякомъ случаѣ

Digitized by Google

неизвѣстными даже государственному совѣту, который разсматриваетъ роспись.

Напримѣръ, въ «Almanach de Gotta» на 1869 г. упомянуто, что князь Черногорскій Николай получаетъ отъ русскаго правительства ежегодное пособіе въ 6 тысячъ червонцевъ. Что многіе иностранные принцы получали въ прежнее время пособія отъ нашего правительства—извѣстно, а потому мы не видимъ причины, почему не повѣрятъ показанію «Готскаго альманаха». Почему же сумма эта, если она отпускается, не указана прямо въ смѣтѣ? Это тѣмъ болѣе странно, что если составителямъ «Готскаго альманаха» она извѣстна, стало быть иностраннымъ правительствамъ и подавно, то ночему же она не могла быть сдѣлана извѣстною и членамъ русскаго государственнаго совѣта?

Значительныя измѣненія въ нынѣшней смѣтѣ противъ прошлогодней по министерству путей сообщенія происходятъ преимущественно отъ простого перечисленія, какъ-то именно: исключеніе расходовъ по николаевской дорогѣ и т. д. Въ этой смѣтѣ интереснѣе всего цифры ожидаемаго увеличенія дохода отъ правительственныхъ дорогъ московско-курской, по соображенію дѣйствительнаго поступленія за прошлый годъ — на 2 м. р., вслѣдствіе открытія движенія по всей линіи, и отъ дороги одесско-елисаветградской—слишкомъ на милліонъ рубл. вслѣдствіе открытія новаго участка. Московско-курская дорога, по предположенію министерства, въ нынѣшнемъ году принесетъ сбора около $4^3/_4$ м. р., что, за исключеніемъ около 3 м. издержекъ взиманія, дастъ чистаго дохода около $1^3/_4$ м. р.

Отъ дороги одесско-елисаветградской, съ вѣтвями къ Тирасполю и Куяльницкому Лиману ожидается сборъ около $3^3/_4$ м. р., изъ него около 1 м. р. чистаго дохода. Московско-курская дорога имѣетъ протяженія около 500 верстъ. Конечно, если сравнить исчисленные съ нея $4^3/_4$ м. р. сбора со сборомъ съ 600-верстной николаевской дороги, который по смѣтѣ № 68 былъ исчисленъ слишкомъ въ $14^1/_2$ м. р., то доходъ со всей дороги покажется малымъ. Но если сравнить доходъ московско-курской дороги съ тѣмъ, какой давала николаевская въ первые годы послѣ ея открытія, то оказывается, что новая дорога обѣщаетъ быть столь же доходною какъ николаевская (одна изъ самыхъ доходныхъ въ Европѣ дорогъ).

Нельзя не пожалѣть, что въ нынѣшнюю смѣту министерства путей сообщенія еще не могло войти исчисленіе расходовъ по содержанію центральнаго и мѣстнаго управленій на основаніи новыхъ штатовъ. Вознагражденіе служащихъ въ администраціи министерства путей сообщенія крайне недостаточно и его давно слѣдовало возвысить, тѣмъ болѣе, что это вѣдомство едва ли не менѣе всѣхъ другихъ пользовалось какими либо наградами и пособіями. Главное управленіе имъ до настоящаго министра всегда поручалось лицамъ постороннимъ, ко-

Digitized by Google

торые не могли принимать къ сердцу положеніе чиновъ этого управленія (говоримъ собственно о чиновникахъ и инженерахъ, исполнявшихъ бюрократическія должности). Впрочемъ, проектъ новыхъ штатовъ, какъ слышно, готовъ, и ожидалось внесеніе его въ государственный совѣтъ.

Переходя къ смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія, обратимъ вниманіе прежде всего на важнѣйшую потребность, которой оно должно было бы удовлетворять, именно на распространеніе первоначальнаго въ народѣ образованія. Расходъ на народныя училища, то-есть на устройство, содержаніе ихъ, приготовленіе для нихъ учителей и содержаніе дирекцій по министерству народнаго просвѣщенія составляетъ около 363 тысячъ р. по нынѣшней смѣтѣ; постоянный расходъ по этому предмету—около 575 тысячъ р.—тотъ же самый, что и въ прошлогодней; уменьшеніе же итога зависѣло отъ исключенія изъ цифры временнаго расхода 19½ тысячъ р., относимыхъ на счетъ процентнаго сбора съ сѣверозападнаго края. Въ предшествовавшихъ замѣчаніяхъ мы имѣли дѣло все съ милліонами; въ сравненіи съ ними, или хотя бы даже съ тѣмъ полумилліономъ рублей, которые получаетъ министерство иностранныхъ дѣлъ на «чрезвычайные, случайные и разные» расходы, какъ скромна представляется цифра 4.550 рублей. Это—сумма, употребляемая «на пріобрѣтеніе книгъ для складовъ при дирекціяхъ народныхъ училищъ.»

Всѣ вообще цифры на народныя училища съ ихъ дирекціями, представляются ужъ слишкомъ скромными, даже въ сравненіи съ бюджетомъ самого министерства народнаго просвѣщенія, который все-таки составляетъ больше 8¾ мил. рублей. 4550 рублей на книги для народныхъ училищъ по всей Россіи — вѣдь это гораздо меньше, чѣмъ сумма отпускаемая изъ процентнаго сбора по сѣверозападному краю на содержаніе одной редакціи «Виленскаго Вѣстника» (6,000 р). Между тѣмъ, одинъ недавно основанный историко-филологическій институтъ стоитъ казнѣ почти по 100 т. рублей въ годъ. Это новое добавленіе къ издержкамъ на высшія образовательныя заведенія (университеты и лицеи), которое само по себѣ составляетъ болѣе 1 милл. 900 тысячъ въ годъ, было сочтено возможнымъ, а на содержаніе всѣхъ народныхъ училищъ изъ государственнаго казначейства не прибавлено почти ничего послѣ 1864 года. Всѣ ассигнованія по этому предмету изъ государственнаго казначейства послѣдовали между 1862 и 1865 годами. Между тѣмъ, народныя училища—и именно училища состоящія въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія, отъ которыхъ можно ожидать чего либо кромѣ обученія церковному букварю — для Россіи едва ли не важнѣе не только трехъ или десяти историко-филологическихъ институтовъ, но и любого ихъ числа; потому именно, что отъ послѣднихъ, сколько бы ихъ учреждено ни было, мы можемъ

Digitized by Google

ожидать только распространенія «эллинской мудрости» и увеличенія наличнаго числа титулярныхъ совѣтниковъ въ государствѣ, между тѣмъ, какъ отъ народныхъ училищъ мы ожидаемъ обновленія русскаго народа. Доводы въ пользу усиленія классическаго образованія могутъ быть очень хороши, но главный изъ нихъ — поставленіе русскаго народа на степень европейской мысли конечно вѣрнѣе могъ бы быть примѣненъ къ народнымъ училищамъ. Не только классическое, но и всякое высшее образованіе дѣлаетъ *среди* насъ европейцевъ,—это правда; но только народное образованіе можетъ сдѣлать насъ европейцами. Названіе, данное закономъ министерству, о которомъ мы говоримъ, означаетъ не «общественное образованіе» (instruction publique), а именно и буквально—«народное просвѣщеніе.»

Въ сравненіи со скудостью средствъ, какими располагаетъ министерство народнаго просвѣщенія для исполненія этого, важнѣйшаго своего назначенія, нельзя кажется не признать излишнею ежегодную издержку въ 25 тысячъ рублей (!), ассигнуемыхъ по смѣтѣ на редакцію «Журнала» министерства, на основаніи разрѣшенія испрошеннаго въ 1867 году. Ровно половина этой суммы падаетъ на государственное казначейство безвозвратно, такъ какъ подписка на это изданіе даетъ только 12½ тысячъ р. Но сверхъ того, такъ какъ почти всѣ подписчики «Журнала»—обязательные, именно учебныя заведенія того же министерства, то слѣдуетъ признать, что и эти 12½ т. р. ложатся прямо на казенныя же средства, и ложатся самымъ невыгоднымъ образомъ, именно на счетъ и безъ того скудныхъ средствъ учебныхъ заведеній. Было бы раціональнѣе—если уже предстоитъ надобность въ органѣ такому министерству, которое по самому назначенію своему должно быть чуждо всякой тенденціозности, а потому въ особомъ «проводникѣ своихъ идей» должно бы нуждаться менѣе всѣхъ—было бы раціональнѣе, говоримъ, отмѣнить вовсе обязательную подписку на «Журналъ», этотъ прямой налогъ на учебныя заведенія въ пользу ученыхъ вкусовъ, и показывать на «Журналъ» по смѣтѣ расходовъ 25 т. р., а по смѣтѣ доходовъ ничего, или тѣ двѣ, три сотни рублей, какія можетъ дать вольная на него подписка.

Замѣчаніе наше на смѣту министерства народнаго просвѣщенія окончимъ указаніемъ, что содержаніе центральнаго управленія этого министерства, обходящееся слишкомъ въ 184 тысячи рублей, составляетъ почти пятую часть всего бюджета народнаго просвѣщенія.

Л. П.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го марта 1869.

Юбилей петербургскаго университета.—Высочайшій рескриптъ.—Положеніе желѣзнодорожнаго дѣла. — Экономическіе результаты. — Желѣзнодорожная политика. — Элементы стратегическій и экономическій. — Восемь предположенныхъ линій. — Дороги безъ гарантіи. — Новая концессія. — Моршанское дѣло. — Расколъ и школы. — Московское земство и народныя школы. — Вопросъ объ учителяхъ. — Проектъ учительской семинаріи.

Прошлый мѣсяцъ ознаменовался въ Петербургѣ празднованіемъ пятидесятилѣтняго юбилея университета. Петербургскій университетъ былъ основанъ въ такую эпоху, когда наша общественная и государственная жизнь впервые потекла какъ будто спокойно, оставя за собою тѣ внѣшнія потрясенія, которыя колебали самыя основныя ея условія. Петербургскій университетъ былъ основанъ черезъ четыре года по умиротвореніи Европы. Неизбѣжныя, въ полувѣковомъ періодѣ, колебанія и въ общественномъ настроеніи, и въ воззрѣніяхъ правительства едва ли на какомъ-либо изъ нашихъ учрежденій отразились такъ быстро и сильно, какъ на петербургскомъ университетѣ. Бывали для него и тяжелыя эпохи, когда поощреніе смѣнялось недовѣріемъ, и времена испытаній, когда университетъ съ особой живостью стремился сблизиться съ обществомъ, расширить благотворное вліяніе науки на общество, а вмѣстѣ и самому освѣжиться принятіемъ въ себя общественныхъ силъ; но обстоятельства не всегда благопріятствовали, а враги просвѣщенія истолковывали всякій разъ превратно естественное стремленіе науки къ жизни, видя въ этомъ опасность для самихъ себя.

Позднѣйшей исторіи предоставимъ очистить сѣмена отъ плевелъ. Высочайшій рескриптъ петербургскому университету долженъ всѣмъ служить примѣромъ, какъ можно относиться къ прошедшему въ такіе торжественныя минуты, которыя отдѣляютъ одну половину вѣка отъ другой. Рескриптъ обращается ко всѣмъ преподавателямъ и питом-

Digitized by Google

цамъ университета, которые «расширяли своими учеными трудами предѣлы различныхъ отраслей знанія, обширными своими свѣдѣніями содѣйствовали важнымъ частямъ государственнаго управленія и составили себѣ почетное имя въ наукѣ, литературѣ и государственной службѣ». Далеко не такъ отнесся нынѣшній составъ профессоровъ къ исторіи своего университета, если судить по исторической запискѣ, читанной на актѣ, 8-го февраля, г. Андреевскимъ. Она не напечатана, и мы можемъ вспомнить о ней по одному грустному впечатлѣнію, которое она произвела на всѣхъ; но объ этомъ мы поговоримъ подробнѣе, когда записка явится въ печати и сдѣлается литературнымъ фактомъ. Въ эту минуту въ насъ преобладаетъ одно желаніе великихъ успѣховъ университета въ будущемъ, что̀ такъ необходимо при новой эрѣ, въ которую мы вступили въ нынѣшнее царствованіе. Мы понимаемъ всю важность непосредственныхъ заботъ о народномъ образованіи, но это не исключаетъ необходимости процвѣтанія университетовъ: правда, одинъ изъ тысячъ посвящается высшему образованію, но за то этотъ одинъ впослѣдствіи можетъ содѣйствовать просвѣщенію тысячъ и тысячъ.

Мы избѣгаемъ оцѣнки современнаго состоянія университета, оставаясь глубоко убѣжденными въ той простой истинѣ, что кромѣ университетской науки есть еще университетская жизнь; университетская наука можетъ быть представляема въ данное время крайне плохо, но тѣмъ не менѣе поколѣнія вырабатываются университетскою жизнью, преданія такимъ образомъ сохраняются, и явись только на каѳедрѣ талантъ, оживленная любовь къ дѣлу, и университетъ поднимается снова на ноги, какъ будто бы онъ никогда не падалъ, и снова ему отводится почетное мѣсто въ ряду высшихъ сферъ общественной жизни.

Новому положенію нашего общества, призваннаго къ воскрешенію реформами, мы сказали, должно соотвѣтствовать и возрастаніе университетовъ. Уроки исторіи, и исторіи собственной, слишкомъ поучительны, чтобы мы могли бояться роста университетовъ. Петербургскій университетъ родился въ эпоху необыкновеннаго оживленія общественныхъ силъ Россіи: великодушныя стремленія Александра I призывали къ жизни всѣ общественныя отправленія. Университетъ своимъ развитіемъ и шелъ общею дорогою, но въ 20-хъ годахъ поплатился за это развитіе, лишившись лучшихъ своихъ профессоровъ. Магницкіе могли бы, конечно, еслибъ они праздновали первое десятилѣтіе петербургскаго университета, говорить, что университетъ уклонился было отъ прямого пути, что теперь, при нихъ, онъ достигъ необыкновеннаго процвѣтанія; но въ 30-хъ годахъ пустота этого процвѣтанія обнаружилась сама собою, и графу Уварову пришлось выписывать профессоровъ изъ-за границы или на скорую руку высылать молодыхъ

Digitized by Google

людей туда же, чтобы кѣмъ-нибудь наполнить опустѣвшія каѳедры. Итакъ, мы теперь умудрены опытомъ; мы не повѣримъ больше, если кто-нибудь намъ скажетъ что́-нибудь подобное тому, что́ могло бы говориться въ эпоху недостойной памяти Магницкихъ. Вмѣсто того, мы лучше обратимся снова къ рескрипту, гдѣ выражается увѣренность, «что ученое сословіе, проникнутое сознаніемъ своихъ высокихъ обязанностей, будетъ попрежнему утверждать въ многочисленныхъ своихъ слушателяхъ знанія, основанныя на истинѣ и добрѣ, а пользующіеся его научнымъ руководствомъ современемъ сами окажутъ услуги отечественному просвѣщенію, государственной и общественной дѣятельности, и подобно достойнѣйшимъ изъ ихъ предшественниковъ, сослужатъ свою службу Россіи». Итакъ, пусть по прежнему наши профессора утверждаютъ въ своихъ слушателяхъ знанія, основанныя на истинѣ и добрѣ, и тогда не они воздадутъ себѣ хвалу, какъ то было на актѣ, а мы—имъ. Пусть они помнятъ, что слова, которыя признаютъ, что петербургскій университетъ, со времени своего основанія, исполнилъ свой долгъ передъ Россіею и передъ наукою, и вмѣстѣ выражаютъ ожиданіе отъ новыхъ дѣятелей, что они пойдутъ по тому же пути, — что слова эти сказаны наукѣ тою же властью, которая сама избрала себѣ высокую задачу обновленія нашего отечества на просвѣтительныхъ началахъ свободы и гражданской равноправности. Періодъ колебаній заключился, и университетъ могъ праздновать въ день юбилея не только воспоминаніе о своемъ прошедшемъ, но и свѣтлую надежду на будущность свою и Россіи. Верховная власть благоволительно отнеслась ко всему прошедшему періоду исторіи университета, и потому мы считаемъ вычеркнутымъ изъ числа памятниковъ отчетъ, сочиненный г. Григорьевымъ и читанный г. Андреевскимъ.

Государю Императору угодно было ознаменовать юбилей петербургскаго университета пожалованіемъ 20 т. р. для единовременнаго пособія нуждающимся студентамъ, и ежегодно по 30 т. р. на учрежденіе 100 стипендій. Это даръ не одному университету, а и цѣлой Россіи: 30,000 рублей предназначены на то, чтобы обращаться ежегодно въ 100 человѣкъ, въ 100 силъ человѣческаго ума; и эти 100 силъ будутъ уходить ежегодно въ Россію, разнося по ней свѣтъ науки и правды.

Предоставляемъ нашей хроникѣ общественной жизни поговорить о подробностяхъ юбилейнаго торжества, а сами перейдемъ отъ праздника въ честь наукъ къ одному изъ видовъ непрерывнаго торжества науки въ ея служеніи пользамъ человѣческихъ обществъ.

Подчиняя себѣ, своимъ потребностямъ и стремленіямъ, пространство и время, умъ человѣка примѣняетъ и къ этимъ математическимъ

Digitized by Google

данныхъ, которыя являются препятствіями на пути его дѣятельности, условія жизни органической, жизни, которая первымъ закономъ признаетъ законъ усовершенствованія. Въ жизнь государства, которое въ древнія времена представляло совокупность группъ разнородныхъ, отчужденныхъ пространствомъ, отсутствіемъ связей, не имѣющихъ общихъ интересовъ и склонныхъ къ распаденію, новое время внесло сѣти желѣзныхъ дорогъ, то-есть систему венъ, по которымъ быстро струится общая, однородная кровь, и сѣть электрическихъ телеграфовъ — нервную систему, которая удваиваетъ чувствительность центра къ фактамъ происходящимъ на окраинахъ и удесятеряетъ могущество центральнаго узла. Въ наше время, то, что̀ взамѣнъ недѣли времени, въ полчаса узнается центральною властью, можетъ быть, взамѣнъ мѣсяцовъ, въ недѣлю исполнено при помощи желѣзныхъ дорогъ. Желѣзныя дороги и телеграфы ни одному государству не оказали такой услуги въ смыслѣ объединенія его и усиленія средствъ центральной власти, какъ именно Россіи, въ которой органическія государственныя отправленія были слабы по громадности ея, разъединенности ея необозримымъ пространствомъ.

Осужденная, повидимому, потерею вѣковъ въ прошломъ, на отсталость и громадностью своею на застой, Россія имѣетъ въ своемъ народѣ драгоцѣнное качество—энергію. Энергія эта, какую бы отрасль дѣятельности мы ни взяли въ примѣръ, обыкновенно находится долгое время въ состояніи усыпленія, обусловливаемаго прежде всего тѣмъ недовѣріемъ къ себѣ, которое даетъ незнаніе. Но два, три счастливыхъ примѣра, и вотъ возбуждается эта énergie latente великорусской расы, одной изъ энергическихъ, предпріимчивыхъ и смѣлыхъ расъ — что̀ бы ни говорили. Едва ли гдѣ-нибудь бросаются съ такою энергіею на любую новую мысль, когда есть на-лицо два, три факта, свидѣтельствующіе о ея полезности, свидѣтельствующіе противъ коснѣнія, которое у насъ происходитъ единственно отъ незнанія. Русскій человѣкъ способенъ даже вдаться, при новомъ дѣлѣ, въ крайность, и можно сказать, что едва ли у насъ любое новое предпріятіе не было отчасти испорчено массою конкурренціи при своемъ началѣ.

О новой силѣ, какую даютъ центральной власти желѣзныя дороги, и о промышленной энергіи русскаго народа, упрекаемаго отчасти несправедливо въ природной будто бы апатіи и лѣности, нельзя не подумать въ то время, когда, на нашихъ глазахъ, Россія рѣшительно обновляется желѣзными дорогами, и въ ней важныя условія государственнаго и общественнаго быта измѣняются подъ вліяніемъ значительнаго ихъ развитія.

Въ этомъ развитіи, въ самомъ дѣлѣ замѣчательномъ по своей быстротѣ, отразилась пробужденная энергія русскаго племени, которой

Digitized by Google

необходимъ начальный фактъ, примѣръ, но которая за то, послѣ такого примѣра, развивается широко — иногда даже слишкомъ широко. Что касается политической стороны проведенія желѣзныхъ дорогъ,— объединенія государства и усиленія центральной власти, то у насъ— по самому складу государства — эта сторона должна была проявиться и дѣйствительно проявилась особенно наглядно, такъ какъ въ системѣ нашихъ уже построенныхъ и теперь предположенныхъ на первомъ планѣ желѣзныхъ дорогъ преобладаетъ именно мысль политическая, или, употребляя болѣе тѣсный терминъ — стратегическая.

Принявшись всего съ 1859 года усердно за построеніе желѣзныхъ дорогъ, мы имѣемъ ихъ въ настоящее время уже готовыхъ около 6½ тысячъ верстъ, да еще строится ихъ у насъ приблизительно 3½ тысячи верстъ. Если же сюда прибавить тѣ линіи, которыя непремѣнно будутъ осуществлены въ ближайшемъ будущемъ, потому что правительство формально объявило ихъ наиболѣе нужными, а стало быть тѣмъ самымъ какъ бы обѣщало имъ поощреніе своей гарантіи, то у насъ, чрезъ два-три года будетъ желѣзныхъ путей верстъ на 14,000. Одинъ прошлый годъ видѣлъ открытіе рельсовыхъ путей 1,600—1,700 верстъ, и не даромъ прозванъ «желѣзно-дорожнымъ» годомъ. Но и наступившій годъ не уступитъ ему; въ нынѣшнемъ году предполагается открытіе дорогъ даже на болѣе значительное число верстъ.

Въ прошломъ году открыты на всемъ протяженіи казенныя линіи: московско-курская и балтско-елисаветградская и частныя: козловско-воронежская, орловско-витебская, елецко-грязская, шуйско-ивановская, рижско-митавская. Протяженіе всѣхъ этихъ дорогъ въ цѣлости составляетъ болѣе 2,000 верстъ, изъ которыхъ на долю прошлаго года выпало открытіе именно приведеннаго выше количества. Сверхъ того, выдано концессій и разрѣшено дорогъ еще на болѣе 3 тысячъ верстъ, дорогъ, которыхъ постройка потребуетъ около 220 милліоновъ металическихъ рублей. Продолжая такимъ образомъ, мы скоро войдемъ въ систему западно-европейскихъ государствъ и по протяженію нашихъ рельсовыхъ путей, хотя, конечно, десятокъ тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, существующій въ сѣверной Германіи имѣетъ совсѣмъ иное значеніе, сравнительно съ пространствомъ страны, чѣмъ таже цифра можетъ имѣть у насъ.

Теперь спрашивается, ощущается ли уже вліяніе такого развитія желѣзныхъ дорогъ на экономическія условія въ Россіи? Въ этомъ отношеніи результаты еще не достаточно выяснились, чтобы можно было говорить о нихъ съ полной увѣренностью. До сихъ поръ преимущественно ясно — именно политическое значеніе распространенія у насъ желѣзно-дорожной сѣти, да и иначе и быть не могло, такъ какъ при начертаніи ея доселѣ преобладала именно мысль политическая. Наши желѣзныя дороги до сихъ поръ неудовлетворяли даже самой простой

Digitized by Google

и въ буквальномъ смыслѣ насущной экономической задачѣ — соединенію южныхъ, изобилующихъ хлѣбомъ губерній съ губерніями сѣверо-западными и сѣверо-восточными, которыя въ хлѣбѣ постоянно нуждаются: полтавская, харьковская, екатеринославская, херсонская, волынская, подольская губерніи не были соединены рельсами съ псковскою, витебскою, могилевскою, смоленскою губерніями; весь громадный сѣверо-востокъ европейской Россіи не соединенъ съ хлѣбодарною Волгою. Обширная система желѣзныхъ дорогъ приводитъ каждый торговый пунктъ въ соприкосновеніе съ общимъ хлѣбнымъ рынкомъ, а потому первымъ дѣйствіемъ ея бываетъ повсемѣстное уравненіе цѣнъ на хлѣбъ, это правда. Цѣны на хлѣбъ возвышаются въ мѣстностяхъ плодородныхъ, а въ мѣстностяхъ бѣдныхъ падаютъ. Но для этого надобно, чтобы сѣть охватывала, соединяла именно такія разнородныя мѣстности и притомъ соединяла путями въ прямомъ направленіи, такъ, чтобы перевозка хлѣба по желѣзнымъ путямъ была выгодна для промышленниковъ.

Такъ какъ это условіе у насъ еще недостаточно выполнено, то понятно, что и самое дѣйствіе желѣзныхъ дорогъ покамѣстъ проявилось только въ явленіяхъ *мѣстныхъ*, а не въ общемъ смыслѣ. Желѣзныя дороги не помѣшали голодать губерніямъ съ бѣдною землею, но въ тѣхъ пунктахъ, которыхъ сѣть коснулась, явленіе уравненія цѣнъ дѣйствительно сказалось, и сказалось преимущественно именно возвышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ и на землю въ пунктахъ, прилежащихъ къ желѣзнымъ дорогамъ. Что касается мѣстностей голодныхъ, то имъ желѣзныя дороги до сихъ поръ если и принесли пользу, то развѣ въ смыслѣ доставленія работы населенію (какъ въ Финляндіи) и нѣкотораго удобства въ закупкѣ хлѣба для благотворительной цѣли—раздачи его въ голодавшихъ мѣстностяхъ. Фактъ общаго возвышенія цѣнъ на хлѣбъ у насъ дѣйствительно оказался, но едва ли тутъ желѣзныя дороги были главною причиною. Главную причину—не зачѣмъ скрывать ее отъ себя, хотя бы съ самой лучшею политическою цѣлью—составляли все-таки общее уменьшеніе запашки, уменьшеніе скота и истощеніе земли. Мы вѣримъ, что это трудное время, переживаемое нашимъ сельскимъ хозяйствомъ, есть неизбѣжный, но преходящій кризисъ, который пройдетъ, какъ только земледѣльцы мелкіе и крупные успѣютъ, что́ называется, встать на ноги. Но для того, чтобы встать на ноги, чтобы поправиться не случайно, на годъ, а прочно, то-есть увеличить производительность почвы, нужно прежде всего имѣть доступное пропитаніе на сегодня и на завтра. Иначе, невозможно остановиться на томъ роковомъ склонѣ, который характеризуется такъ: уменьшеніе запашки, возвышеніе платежей, недостатокъ дневного пропитанія, продажа скота, истощеніе земли, безсиліе противъ случайнаго неурожая и т. д.

Digitized by Google

Вотъ почему распространеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ по программѣ *преимущественно-экономической*, соединеніе мѣстностей бѣдныхъ съ хлѣбородными, для Россіи теперь вопросъ первостепенной важности, такой вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ будущность хозяйства въ половинѣ ея пространства.

Программа распространенія нашей желѣзнодорожной сѣти въ ближайшемъ будущемъ, недавно опредѣлена. Мы уже говорили о назначеніи особаго комитета желѣзныхъ дорогъ, которому было поручено опредѣлить, какія именно новыя линіи рельсоваго сообщенія заслуживаютъ преимущественно поощренія. Этотъ комитетъ исполнилъ свою задачу, и опредѣленная имъ программа нынѣ утверждена правительствомъ, при чемъ рѣшено: «обратить все стараніе правительства и призвать частную предпріимчивость на постепенное обезпеченіе сихъ важнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ; предположенія же о другихъ желѣзныхъ дорогахъ отложить до того времени, когда исполненіе поименованныхъ линій будетъ обезпечено».

Польза такого опредѣленія и ограниченія несомнѣнна. Мы только-что говорили о русской энергіи, которая, однажды пробужденная, склонна броситься въ крайности. Такъ-называемая желѣзнодорожная лихорадка очень можетъ вести именно къ крайностямъ, потому особенно, что при сооруженіи желѣзныхъ дорогъ выгоды предпринимателей несовсѣмъ солидарны съ выгодами окончательныхъ владѣльцевъ-акціонеровъ, а выгоды строителей и совершенно не зависятъ отъ интересовъ владѣльцовъ акцій. Получить концессію всегда выгодно, хотя дорога можетъ быть совсѣмъ невыгодною. Наконецъ, излишняя конкуренція въ этомъ дѣлѣ вредна потому, что ведетъ къ сооруженію линій параллельныхъ, которыя отнимали бы одна у другой доходъ. Но независимо отъ ограниченія такой чрезмѣрной горячки, было необходимо опредѣлить сѣть предполагаемыхъ дорогъ и для того, чтобы дать развитію желѣзнодорожнаго дѣла у насъ направленіе преимущественно-экономическое. Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ соотвѣтствуетъ этому послѣднему условію утвержденная теперь сѣть предполагаемыхъ въ ближайшемъ будущемъ линій.

Подлежащими разрѣшенію, предпочтительно передъ другими, признаны слѣдующія дороги: отъ станціи Лозовой, на харьково-азовской линіи до севастопольскаго порта, включая сопряженіе съ р. Днѣпромъ, выше и ниже пороговъ; отъ Либавы до одного изъ удобнѣйшихъ пунктовъ ковно-виленской линіи; отъ одного изъ пунктовъ курско-кіевской линіи до Могилева; отъ Могилева, чрезъ Минскъ и Синявку, до Бреста; отъ Борисоглѣбска до Царицына; отъ Воронежа до Грушевки; отъ Самары до Бузулука; отъ одного изъ пунктовъ кіево-балтской дороги къ Бресту.

Итакъ, линіи, которымъ дано предпочтеніе, за исключеніемъ не-

Digitized by Google

большой и совершенно изолированной самарско-бузулукской линіи, всѣ пройдутъ по западному и юговосточному краямъ Россіи. Линіи отъ Могилева, чрезъ Минскъ до Бреста, отъ Бреста до одного изъ пунктовъ кіево-балтской дороги и дорога къ севастопольскому порту имѣютъ опять значеніе преимущественно-стратегическое. Брестъ, стоя во главѣ двухъ линій: бѣлорусской на Минскъ и Могилевъ, и волынской, положимъ на Бердичевъ или Житомиръ будетъ самымъ сильнымъ нашимъ аванпостомъ, въ случаѣ занятія царства польскаго непріятелемъ; севастопольская же дорога предупредитъ возможность сколько-нибудь продолжительной стоянки непріятеля въ Крыму, въ случаѣ новой его тамъ высадки.

Но въ программу включены и такія линіи, которыя очень важны въ смыслѣ именно экономическомъ. Изъ нихъ на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить двѣ западныя линіи: либавско-ковенскую и отъ Могилева къ кіево-курской дорогѣ. О достоинствахъ порта Либавы, о преимуществахъ его передъ портомъ Риги, и о необходимости удержать, посредствомъ соединенія Либавы съ нашимъ югомъ, въ пользу Россіи ту выгоду, какою пользуется теперь восточная Пруссія отъ направленія нашихъ продуктовъ на Кенигсбергъ, было уже говорено въ печати слишкомъ много, и вопросъ этотъ, столь простой и ясный съ самаго начала, если и сдѣлался, и оставался такъ долго вопросомъ, то именно только благодаря преобладанію въ нашей желѣзнодорожной политикѣ мысли стратегической. Нѣтъ сомнѣнія, что со-временемъ и рижско-митавская дорога будетъ продолжена на Либаву, и тогда не только отпускная торговля нашего запада, но и привозная торговля наша, во время замерзанія сѣверныхъ портовъ, въ значительной степени освободятся отъ коммиссіонерства Пруссіи. Не даромъ разнесся недавно слухъ, будто графъ Бисмаркъ дѣлалъ нашему правительству представленія противъ постройки либавской дороги: слухъ этотъ передавалъ фактъ положительно-невозможный въ его прямомъ значеніи, но представлялъ собою вѣрное отраженіе того неудовольствія, какое вызоветъ въ восточной Пруссіи, которой торговля въ значительной степени живетъ именно учетомъ нашихъ выгодъ, соединеніе Либавы съ внутренностью имперіи. Не даромъ «Крестовая Газета», по поводу внесенной въ правительственную программу линіи изъ Бреста къ кіевско-балтской дорогѣ, т. е. на Волынь, рекомендуетъ вниманію нашего правительства преимущественно эту линію, доказывая, что она необходима намъ для защиты противъ Австріи (!), и выражаетъ надежду, что эта именно дорога получитъ предпочтеніе предъ всѣми другими, которыхъ доходность «еще очень сомнительна». Понятно, что нашимъ пріятелямъ-пруссакамъ хотѣлось бы видѣть эту стратегическую дорогу оконченною прежде либавской, которая будетъ имѣть столь важное экономическое значеніе. Соединеніе Могилева съ однимъ изъ пунктовъ

Digitized by Google

кіево-курской дороги, положимъ съ Нѣжинымъ или Борзною, представляетъ необходимѣйшій путь для поправленія экономическаго положенія нѣкоторыхъ сѣверозападныхъ губерній. Мало того, эта же линія послужитъ колѣномъ для соединенія Либавы съ плодороднѣйшими губерніями юга, которыя, вслѣдствіе того, пріобрѣтутъ новый, важный хлѣбный рынокъ. Правда, одесскій портъ, соединенный съ ними кіево-балтскою и балтско-елисаветградскою линіями для нихъ ближе либавскаго, но надо имѣть въ виду, что за то цѣны на хлѣбъ въ портахъ балтійскихъ выше, чѣмъ въ портахъ Чернаго моря.

Въ обоихъ этихъ значеніяхъ могилевско-нѣжинская линія чрезвычайно важна, едва ли даже не важнѣе всѣхъ прочихъ въ экономическомъ отношеніи. Для того, чтобы могилевско-нѣжинская дорога могла соотвѣтствовать второму изъ указанныхъ сейчасъ назначеній, именно дать югу доступъ къ либавскому порту, необходимо только соединить Могилевъ съ Вильною. Часть нужнаго для этого колѣна уже входитъ въ составленную нынѣ программу; это именно одна изъ сторонъ угла, который образуетъ дорога отъ Могилева до Бреста на Минскъ. Затѣмъ, останется только соединить Минскъ съ Вильною и тогда соединеніе Либавы съ Нѣжинымъ готово. Эта соединительная линія между Минскомъ и Вильною необходима для того, чтобы какъ могилевско-нѣжинская, такъ и либавская дороги получили полное свое значеніе. Правда, въ нынѣшней программѣ не значится вѣтви отъ Минска къ Вильнѣ, но необходимость ея въ системѣ линій, предположенныхъ программою, такъ очевидна, что нельзя сомнѣваться, что она была бы разрѣшена правительствомъ. Она именно наиболѣе подходитъ къ категоріи тѣхъ «небольшихъ, питательныхъ линій», въ пользу которыхъ правительственная программа обѣщаетъ исключеніе изъ общаго пріостановленія по разрѣшенію линій, не вошедшихъ въ эту программу.

Но рельсовый путь, съ Либавой во главѣ, доведенный, такимъ образомъ, до одного изъ пунктовъ кіево-курской дороги, Нѣжина и Борзны, едва ли остановится и тутъ, въ черниговской губерніи. Онъ слишкомъ важенъ, чтобы не желать продолженія его еще далѣе къ югу; онъ долженъ будетъ пересѣчь курско-кіевскую дорогу и дойти до южнѣйшей, паралельной ей линіи елисаветградско-харьковской, напримѣръ до Кременчуга, и оттуда можетъ со-временемъ примкнуть къ Днѣпру ниже пороговъ, напримѣръ въ Александровскѣ, гдѣ, по всей вѣроятности, начнется одна изъ вѣтвей предполагаемой севастопольской дороги. Тогда Балтійское море будетъ соединено съ Чернымъ двумя новыми системами желѣзныхъ дорогъ: западною изъ Одессы на Балту, Брестъ, Минскъ, Вильну и Либаву, и среднею: изъ Севастополя, Таганрога и Ростова на Александровскъ, Кременчугъ, Нѣжинъ, Могилевъ, Минскъ, Вильну и Либаву. Посредствующимъ звеномъ, такъ

Digitized by Google

сказать, устьемъ обѣихъ этихъ системъ была бы именно еще непредположенная минско-виленская линія.

Соединеніе Могилева со Смоленскомъ, т. е. системы юго-и сѣверозападныхъ дорогъ съ орловско-витебскою, съ своей стороны упрочитъ снабженіе хлѣбомъ всего бѣлорусскаго края, которому сильнымъ подспорьемъ служитъ съ другой стороны дорога орловско-витебская. Будемъ надѣяться, что въ порядкѣ построенія упомянутыхъ линій первое мѣсто займетъ именно либавско-ковенская и могилевско-нѣжинская, какъ наиболѣе важныя въ экономическомъ отношеніи. Обезпеченіе хлѣбомъ одной изъ наиболѣе нуждающихся мѣстностей Россіи и эмансипація нашей западной заграничной торговли отъ посредства прусскихъ портовъ—это такія полновѣсныя соображенія, что надо кажется отдать имъ преимущество надъ соображеніями стратегическими, которыя преимущественно имѣются въ виду при начертаніи балтско-брестской, а въ особенности—минско-брестской линіи. Нельзя, конечно, отрицать экономическаго значенія и этой послѣдней линіи, а также и линіи лозово-севастопольской; первая изъ нихъ оживитъ Волынь, а вторая со-временемъ произведетъ переворотъ въ направленіи юговосточной отпускной торговли, такъ какъ Севастополь—портъ безспорно лучшій, чѣмъ порты азовскаго моря — но это выгоды болѣе отдаленныя, потребности не столь насущныя.

Относительно севастопольской дороги прибавимъ еще, что она, по всей вѣроятности, потребуетъ вѣтви на Ѳеодосію. Обращаясь затѣмъ къ тремъ линіямъ, предполагаемымъ на юговостокѣ и востокѣ, намъ приходится высказать сожалѣніе, что онѣ получили въ программѣ предпочтеніе передъ какимъ либо соединеніемъ Волги съ сѣверною Двиною. Сѣверовосточный край больше всѣхъ мѣстностей Россіи нуждается въ удешевленіи хлѣба и въ заработкахъ. Правда, край этотъ—малонаселенный и сколько-нибудь значительное развитіе рельсовыхъ сообщеній тамъ принадлежитъ къ области отдаленнаго будущаго. Но американцы и не черезъ такія пустыни пролагаютъ желѣзныя дороги и оживляютъ, населяютъ ими такія мѣстности. Сверхъ того, рельсовое соединеніе Волги съ Сѣверною Двиною, изъ Ярославля, хотя конечно и не можетъ быть однимъ изъ самыхъ выгодныхъ желѣзныхъ путей, но едва ли было бы и совершенно недоходно. Безъ гарантіи правительства здѣсь, разумѣется, немыслимо желѣзнодорожное предпріятіе, но едва ли при выдачѣ гарантіи слѣдуетъ руководствоваться единственно соображеніемъ о доходности концессируемой линіи; вѣдь гарантирована же петербурго-варшавская дорога. Та жертва, какую здѣсь государство принесло на себя съ цѣлью стратегическою, вполнѣ оправдывалась бы тамъ, на сѣверо-востокѣ, необходимостью поднять благосостояніе обширнаго края, который, въ своемъ отчужденіи, предоставленъ на полный произволъ неурожаевъ и недостатка заработковъ.

Digitized by Google

Изъ включенныхъ въ нынѣшнюю программу юговосточныхъ линій легче всего, казалось бы, пожертвовать, въ пользу сѣверовостока, предположенною линіею отъ Борисоглѣбска до Царицына. Линія отъ Воронежа къ Ростову, чрезъ Грушевку, соединяетъ портъ на Азовскомъ морѣ съ рязанско-козловскою дорогою, но въ этомъ отношеніи едва ли можетъ имѣть значеніе, такъ какъ хлѣбная торговля, которой рязанско-козловская дорога служитъ самой живой артеріею, имѣетъ цѣлью срединныя губерніи и сѣверъ. За то эта линія все-таки представляетъ ту пользу, что проходитъ къ порту, по обширному и плодородному краю, который заключается между уже строющимися линіями харьковско-азовскою и тамбовско-саратовскою. Но борисоглѣбская дорога, которая прошла бы между воронежско-ростовскою и тамбовско-саратовскою, почти параллельно съ послѣднею и по направленію къ той же Волгѣ, едва ли принадлежитъ къ числу необходимѣйшихъ. Собственно изъ того обстоятельства, что въ грязе-борисоглѣбской дорогѣ представится уже готовое начало для линіи на Царицынъ, еще не слѣдуетъ, что такая линія настоятельно нужна.

Къ наименѣе настоятельно-нужнымъ, въ экономическомъ отношеніи, конечно, слѣдуетъ причислить и самарско-бузулукскую дорогу, которая представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ маленькаго рельсоваго оазиса среди обширныхъ степей. Понятно, что самарско-бузулукская дорога имѣетъ смыслъ только какъ начало для обширной дороги въ оренбургскій край. Эта послѣдняя дорога, въ свою очередь, имѣла бы пока, конечно, только стратегическое значеніе. Но интересъ въ приближеніи къ Россіи посредствомъ желѣзнаго пути средне-азіатскаго края такъ важенъ, что вполнѣ понятно включеніе, въ число необходимѣйшихъ дорогъ небольшой линіи отъ Волги въ степь, линіи, которая послужитъ началомъ линіи болѣе пространной, но уже и сама по себѣ облегчитъ продовольствованіе оренбургскаго корпуса.

Изъ фактовъ желѣзнодорожной дѣятельности у насъ за послѣдніе мѣсяцы важенъ фактъ концессіи балтійской дороги, въ томъ смыслѣ, что она представляетъ второй примѣръ у насъ частнаго желѣзнодорожнаго предпріятія, безъ всякой гарантіи (если не считать трехъ дорогъ въ окрестностяхъ столицъ). Положеніе акцій рыбинско-осѣченской и балтійской дорогъ обнаруживаетъ, что общество еще далеко не довѣряетъ такимъ желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ, которыя берутъ все дѣло на свой страхъ. При этомъ замѣчательно и то, что акціи балтійской дороги стоятъ нѣсколько выше рыбинско-осѣченской, хотя доходность послѣдней, если она только осуществится, вѣроятнѣе. Самая послѣдняя, по времени, выдача концессіи послѣдовала на линію московско-смоленскую. Въ силу одного изъ условій концессіи, дорога эта должна быть вся открыта для движенія не позже, какъ чрезъ три года.

Digitized by Google

Намъ уже случилось указывать, что по свѣдѣніямъ самого духовнаго вѣдомства, расколъ въ Россіи, несмотря на частныя пораженія, въ общемъ итогѣ скорѣе усиливается, чѣмъ ослабѣваетъ. Мы отнеслись съ сочувствіемъ къ допущенію дѣтей раскольниковъ въ учебныя заведенія, основанныя правительствомъ, безъ принужденія ихъ къ экзамену изъ закона божія и къ обязательному слушанію поученій въ православномъ исповѣданіи. Теперь мы должны возвратиться къ обоимъ этимъ вопросамъ, по поводу фактовъ, изъ которыхъ одинъ свидѣтельствуетъ о силѣ раскола, а другой о нежеланіи раскольниковъ посылать своихъ дѣтей въ общія заведенія даже на основаніи вѣротерпимости.

Моршанское дѣло, въ подробности котораго намъ нѣтъ нужды входить, открываетъ глаза насчетъ той громадной силы, какою обладаетъ расколъ. Казалось бы, въ этомъ именно, противоестественномъ и слишкомъ нелѣпомъ видѣ, онъ всего менѣе могъ бы дѣлать прозелитовъ, всего менѣе собирать средствъ и оказывать вліяніе. Между тѣмъ, оказывается наоборотъ. Дѣло это еще не разъяснено и полагаться на слухи о 30-ти милліонахъ, найденныхъ у Плотицына, и составлявшихъ, будто бы, общественный капиталъ секты, было бы слишкомъ легковѣрно. Важный вопросъ въ этомъ дѣлѣ заключается еще въ томъ, принадлежалъ ли самъ Плотицынъ къ сектѣ, или былъ только покровителемъ ея, какъ сообщаетъ новѣйшій слухъ, упоминающій о преданіи его суду (хотя слѣдствіе едва ли уже кончилось).

Но, оставивъ въ сторонѣ невыясненныя подробности этого дѣла, общее значеніе его только подкрѣпляетъ тотъ фактъ, который у всѣхъ на глазахъ: секта, къ которой принадлежитъ или которой покровительствовалъ М. Плотицынъ, нигдѣ не имѣетъ столь многочисленныхъ адептовъ, какъ въ обѣихъ столицахъ. Здѣсь, у насъ въ Петербургѣ, было нѣкогда нѣчто въ родѣ монастыря этой секты, здѣсь дѣйствовали самые извѣстные пропагандисты. Не странно ли это? Секта строго преслѣдуется закономъ, адепты ея узнаваемы по первому на нихъ взгляду, а между тѣмъ, они дѣйствуютъ свободно, пріобрѣтаютъ капиталы и сосредоточиваются въ силу, постоянно поддерживая секту наборомъ новыхъ прозелитовъ. Кажется, что̀ могло бы быть проще, какъ при встрѣчѣ полиціи съ кѣмъ-либо изъ такихъ людей, немедленно приступать къ составленію акта и затѣмъ къ слѣдствію, съ цѣлью наказывать не жертвъ, а именно варварскихъ пропагандистовъ. Между тѣмъ, этого не дѣлали. Дѣла о подобныхъ сектаторахъ возникали всегда не иначе, какъ по доносамъ, да и то кончались ссылкою двухъ, трехъ личностей, безъ преслѣдованія всей организаціи этого пагубнаго дѣла.

Чѣмъ объяснить такой фактъ, какъ не тѣмъ, что секта эта составляетъ силу, силу основанную, конечно, на деньгахъ. Передъ этимъ

Digitized by Google

неоспоримымъ фактомъ, пожалуй, даже неважетъ тотъ фактъ, сколько именно милліоновъ найдено у Плотицына, и даже вообще найдены ли милліоны именно у него.

Ни одной изъ нашихъ сектъ, кромѣ этой, не удавалось пріобрѣсть такую силу, чтобы рѣшительно обезпечить себѣ безнаказанность. Считая нераціональными мѣры преслѣдованія въ дѣлѣ религіознаго разномыслія, мы, конечно, должны допустить исключеніе въ этомъ случаѣ, потому именно, что совращеніе въ эту секту, какъ дѣло противуестественное, всегда есть дѣло насилія, матеріальнаго или нравственнаго, все равно. А противъ насилія и есть только одно средство въ огражденіе жертвъ — преслѣдованіе тѣхъ, кто употребляетъ и распространяетъ насиліе.

Но самый фактъ, что наибольшую силу, хотя и не наибольшее число приверженцевъ, конечно, получила у насъ самая нелѣпая секта, доказываетъ, что вѣрнѣйшимъ орудіемъ противъ силы раскола вообще, должно быть именно распространеніе въ народѣ и въ средѣ раскольниковъ въ особенности — общечеловѣческаго образованія.

Министерство народнаго просвѣщенія, съ согласія духовной власти, уже допустило дѣтей раскольниковъ въ свои учебныя заведенія. Но эта мѣра еще далеко недостаточна. Доказательствомъ тому служитъ новѣйшее ходатайство московскихъ старовѣровъ о дозволеніи имъ имѣть свои отдѣльныя школы. Пропагандистская мысль, хотя бы самая гуманная по средствамъ, всегда слишкомъ ясна для тѣхъ, на кого она расчитана. Въ силу того самаго соображенія, которое имѣлось въ виду при допущеніи дѣтей раскольниковъ въ православныя школы — съ надеждою косвеннымъ образомъ убѣдить ихъ въ превосходствѣ православнаго ученія — раскольники именно и не пошлютъ своихъ дѣтей въ эти школы, за незначительными исключеніями. Что мы предвидимъ, но считаемъ незамѣтнымъ для другихъ, то эти другіе, навѣрное, замѣтятъ не хуже насъ, если они прямо въ томъ заинтересованы. Кажется, пора уже было бы убѣдиться, что расколъ не поддастся и косвеннымъ мѣрамъ, какъ онъ не поддался въ теченіи вѣковъ мѣрамъ прямымъ самаго энергическаго свойства. Пора бы уже, по крайней мѣрѣ, государству примириться съ существованіемъ тѣхъ, сектъ, которыя не нарушаютъ ни спокойствія государства, ни личной безопасности гражданъ. У насъ есть школы не только для приверженцевъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, но и для евреевъ; есть даже казенныя для нихъ училища. Почему же не допускать школъ старообрядческихъ? Въ этомъ недопущеніи отражается фальшивый и государству собственно чуждый, навязанный ему взглядъ на расколъ, какъ на нѣчто существующее будто бы только такъ, на короткое время: закрыть предъ этимъ фактомъ глаза, пообождать, и онъ будто бы изчезнетъ; только обождать надо. Пора государству признать въ

Digitized by Google

большинствѣ старообрядцовъ вѣрныхъ гражданъ, доказавшихъ фактически ему свою преданность.

Старообрядцы уже нѣсколько разъ ходатайствовали о томъ, о чемъ просятъ теперь снова, и ходатайства ихъ находили защитниковъ въ просвѣщенныхъ государственныхъ людяхъ; но ходатайства эти уважены не были въ силу сліянія принципа духовнаго съ принципомъ государственнымъ. Надо надѣяться, что наступила уже нора для эмансипаціи государственной политики. Съ точки зрѣнія государственной очевидна совершенная необходимость внесть въ среду раскола образованіе; только въ силу образованія могутъ исчезнуть именно тѣ секты, которыя нелѣпы и вредны. Моршанское дѣло представляетъ осязательный примѣръ того, много ли выиграло государство, закрывая глаза предъ фактомъ раскола и смѣшивая всѣхъ раскольниковъ въ одну, непризнаваемую имъ и неизвѣстную ему массу.

Новая газета министерства внутреннихъ дѣлъ — «Правительственный Вѣстникъ», открыла у себя постоянный и обширный отдѣлъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ земскихъ учрежденій. При той, менѣе чѣмъ полугласности, которая окружаетъ у насъ пренія земскихъ собраній, задача, принятая на себя правительственною газетою, вполнѣ раціональна, хотя само собою разумѣется, что правительственная газета органомъ земскихъ учрежденій можетъ быть только до извѣстной степени. Правда, мѣстные органы даютъ отчетъ о дѣятельности своихъ земствъ, но необходимо, чтобы свѣдѣнія эти сосредоточивались въ какомъ-нибудь центральномъ органѣ, дабы вся Россія могла слѣдить за общимъ ходомъ земскаго дѣла.

Изъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», о дѣятельности послѣдняго московскаго губернскаго земскаго собранія, мы остановимся здѣсь на тѣхъ, которые относятся къ происходившимъ въ этомъ собраніи преніямъ по вопросу о народномъ образованіи.

Еще въ январскую сессію прошлаго года, обсуждая этотъ вопросъ, московское земское собраніе признало необходимость раздѣленія, въ дѣлѣ содѣйствія земства народному образованію, труда между губернскимъ и уѣздными земствами, такимъ образомъ, чтобы уѣздныя земства участвовали въ пособіи мѣстнымъ училищамъ, а губернское — въ образованіи для нихъ учителей. Вслѣдствіе того, собраніе поручило особой коммисіи представить докладъ объ учрежденіи учительской школы. Докладъ по этому предмету коммисіи и обсуждался въ декабрьской сессіи губернскаго собранія.

Коммиссія, въ своемъ докладѣ, отправляется съ той фактически-уяснешой точки зрѣнія, что удовлетворительныхъ учителей для народныхъ школъ въ настоящее время нѣтъ, и что педагогическіе курсы,

Digitized by Google

учрежденные съ цѣлью приготовленія ихъ правительствомъ, при духовныхъ семинаріяхъ и уѣздныхъ училищахъ, неудовлетворяютъ этой цѣли, потому именно, что въ нихъ педагогическое образованіе является только какъ предметъ придаточный. Коммиссія убѣдилась въ необходимости спеціальнаго, учебно-воспитательнаго заведенія для приготовленія народныхъ учителей, приняла въ соображеніе положенія и программы учительскихъ семинарій дерптской и молодечнянской, а также существующей въ Москвѣ учительской школы военнаго вѣдомства, предположила сдѣлать предполагаемую школу народныхъ учителей заведеніемъ закрытымъ, и выработала проектъ учрежденія такой школы, приготовленіе для нея учениковъ, пособій ея воспитанникамъ отъ земства, при вступленіи ими въ дѣятельность, льготъ, которыя слѣдовало бы испросить для нихъ, наконецъ, общія смѣтныя основанія по устройству всего этого дѣла.

Докладъ коммисіи представлялъ добросовѣстное и всестороннее изученіе порученнаго ей вопроса и раціональное, практическое рѣшеніе его на основаніи собранныхъ ею данныхъ. Въ этихъ данныхъ и въ выводахъ, извлеченныхъ изъ нихъ коммиссіею, мы находимъ подтвержденіе почти всего, что̀ намъ самимъ случалось высказывать по вопросу о народномъ образованіи въ Россіи. Напрасно обвиняютъ народъ въ несклонности къ заведенію школъ и пожертвованіямъ на нихъ, народъ сознаетъ пользу образованія и готовъ несть жертвы на него, если что̀ его останавливаетъ, такъ это неудовлетворительность, безплодность, мертвенность того ученія, которое онъ видѣлъ до сихъ поръ въ большинствѣ сельскихъ школъ. Такъ, и единственно такъ, мы считали возможнымъ объяснить почти повсемѣстное закрытіе школъ прежнихъ вѣдомствъ государственныхъ имуществъ и удѣльнаго, за отказомъ крестьянъ платить на нихъ добровольно тотъ сборъ, который они прежде несли обязательно. Надо, чтобы школа представляла не потерю времени на церковные и гражданскіе склады, а дѣйствительно обучала бы чтенію, письму, счету, и сообщала другія полезныя свѣдѣнія, развивала, а не забивала ученика: тогда и крестьяне охотно станутъ жертвовать на нее, особенно, если при пособіи земства, окажутся средства достаточныя для того, чтобы устроить и поддерживать школы вполнѣ соотвѣтствующія именно такому назначенію.

Все это подтверждено въ докладѣ коммиссіи, и сверхъ того, въ немъ представленъ фактъ, что ученики для предположенной учительской семинаріи уже имѣются въ виду, именно по полученнымъ коммиссіею свѣдѣніямъ уже нашлись 33 способныхъ мальчика, изъявившіе желаніе поступить въ учительскую школу.

Не входя въ подробности проекта, скажемъ только, что имъ предполагалось допустить въ учительскую школу лицъ всѣхъ сословій, подготовленныхъ для вступленія въ нее, но кромѣ того взять непо-

Digitized by Google

средственно на попеченіе земства нѣкоторое число воспитанниковъ и поручить ихъ приготовленіе въ школу извѣстнымъ лицамъ, съ платою по 60 р. за мальчика, въ годъ, опредѣлить курсъ въ школѣ трехгодичный, съ тѣмъ, чтобы часть курса была посвящена на практическія занятія преподаваніемъ въ образцовой народной школѣ, которая бы состояла при этой учительской школѣ; обязать воспитанниковъ земства, приготовленныхъ въ учителя, прослужить въ этомъ званіи 6 лѣтъ; обезпечить этихъ учителей прибавкою отъ земства къ тому содержанію, какое они могутъ получить отъ крестьянскихъ обществъ и которое принято примѣрно въ 150 рублей, еще въ 100 р. на человѣка, такъ-что считая ежегодный выпускъ учителей изъ школы въ 16 человѣкъ, земству пришлось бы издержать въ первый годъ 1600 рублей, потомъ 3200 р. и т. д. до окончанія шестилѣтняго срока, а потомъ сдѣлать новыя предположенія.

Вотъ сущность подробнаго проекта коммиссіи. На основаніи его, московское земство, въ теченіи девяти лѣтъ, приготовило бы для народныхъ школъ своей губерніи 96 развитыхъ и снабженныхъ раціональною методою преподаваніе учителей.

Можно, конечно, остановиться на проектѣ въ частностяхъ различными отъ того какой выработала коммисія московскаго земства. Но не подлежитъ сомнѣнію, что дѣло народнаго образованія можетъ быть поднято серьезнымъ и раціональнымъ образомъ только посредствомъ приготовленія удовлетворительныхъ учителей, а этого именно нельзя достигнуть, вводя педагогическіе курсы какъ нѣчто придаточное въ такія заведенія, которыя, какъ духовныя семинаріи имѣютъ совсѣмъ иную, спеціяльную цѣль, и воспитанники которыхъ будутъ смотрѣть на должность народныхъ учителей съ 250 рублей жалованья во всякомъ случаѣ только какъ на pis-aller. Между тѣмъ, именно это-то два пункта, т. е. необходимость приготовленія учителей, и притомъ спеціяльнаго ихъ приготовленія, и возбудили въ московскомъ собраніи наиболѣе противорѣчія. Одни говорили, что если сумму, исчисленную по проекту коммиссіи на семинарію, именно 50 тысячъ руб. просто раздать въ видѣ преміи по 100 р. на открытіе новыхъ, народныхъ школъ, то цѣль будетъ достигнута прямѣе, между тѣмъ, какъ весь смыслъ нынѣшняго положенія дѣла народнаго образованія свидѣтельствуетъ, что неудовлетворительныя школы ни къ чему не ведутъ, и что крестьяне, совершенно основательно, жалѣютъ на нихъ и малой издержки. Съ другой стороны—а именно гласнымъ Погодинымъ—заявлена была мысль, что воспитанники духовныхъ семинарій будутъ гораздо благонадежнѣе 20-ти лѣтнихъ учителей, приготовленныхъ спеціяльно учительскою школой, что воспитанники, кончившіе курсъ въ семинаріяхъ, могутъ успѣшно заниматься преподаваніемъ въ народныхъ школахъ, въ ожиданіи *полученія приходовъ*. Возраженія эти

Digitized by Google

можно перевесть такъ: 1) для успѣшнаго устройства врачебной части среди народа, лучше открыть вдругъ побольше аптекъ, какія бы лекарства въ нихъ ни были и кто бы ни лечилъ этими лекарствами, чѣмъ задаваться долговременнымъ дѣломъ приготовленія знающихъ врачей; 2) народное образованіе — дѣло столь легкое, что въ немъ главное условіе со стороны учителей именно—благонадежность, и оно вполнѣ удовлетворялось бы заимствованіемъ учителей для народа исключительно изъ духовныхъ учебныхъ заведеній; затѣмъ, пусть они смотрятъ на учительскую должность хотя бы какъ на постъ въ ожиданіи розговѣнъ и занимаются этимъ дѣломъ, до полученія болѣе подходящаго мѣста, кто по году, кто по два, и хотя учителя въ народныхъ школахъ смѣнятся чаще учениковъ — дѣло все-таки пойдетъ хорошо, потому что будетъ выполнено главное условіе — благонадежность.

Странно видѣть, какъ въ преніяхъ нашихъ собраній вопросъ обыкновенно не проходитъ въ умахъ участниковъ постепенно всѣхъ стадій своего развитія, а все вертится около самой точки отправленія, и даже когда близится, повидимому, къ концу, вдругъ снова срывается и соскакиваетъ на эту исходную точку. Возраженія, изъ которыхъ мы указали главныя, были опровергаемы гласнымъ Васильчиковымъ и Самаринымъ полновѣсными доводами. Тѣмъ не менѣе, и хотя собраніе перешло отъ общихъ преній къ частнымъ, и баллотировало всѣ пункты проекта, ввело въ нихъ даже измѣненія,—результатъ всего этого былъ таковъ: собраніе не утвердило просимаго коммиссіею ассигнованія на учительскую школу 20 тысячъ руб. въ годъ, а положило внесть въ нынѣшнюю смѣту изъ 35 т. р., предположенныхъ на народное образованіе, 30 т. р. въ смѣту 1869 года, какъ спеціяльный по народному образованію капиталъ, «которому земство предоставляетъ себѣ право дать назначеніе впослѣдствіи.» Такимъ образомъ, вопросъ о содѣйствіи московскаго губернскаго земства дѣлу народнаго образованія и на этотъ разъ остался еще неразрѣшеннымъ на практикѣ.

Изъ предложеній коммисіи нельзя не признать особо заслуживающею вниманія мысль объ освобожденіи учителей приготовленныхъ для народныхъ школъ отъ рекрутской повинности и притомъ такимъ образомъ, какъ она была формулирована во время преній, именно, чтобы семейству, къ которому принадлежитъ учитель выдавалась рекрутская квитанція. Если законъ освобождаетъ отъ военной повинности воспитанниковъ казенныхъ сельско-хозяйственныхъ фермъ, то конечно слѣдовало бы дать эту льготу и образованнымъ учителямъ народныхъ школъ, то есть тѣмъ людямъ, въ которыхъ Россія нуждается наиболѣе, и которыхъ въ настоящее время у насъ пожалуй менѣе, чѣмъ концессіонеровъ.

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го марта 1869.

Заключеніе парижской конференціи. — Декларація. — Тяжелое положеніе Греціи. — Торжество Турціи. — Смерть Фуадъ-паши. — Политическая карьера въ Турціи. — Графъ Бисмаркъ и дѣло о конфискаціи имѣній ганноверскаго короля и гессенск. электора. — Пренія французскаго сената, и дѣло о бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ. — Открытіе кортесовъ въ Испаніи и рѣчь маршала Серрано. — Первыя дѣйствія кортесовъ. — Тронная рѣчь англійской королевы и открытіе парламента. — Рѣчь Гладстона объ Ирландіи.

Дипломатія торжествуетъ, она еще разъ одержала побѣду, ей снова удалось уладить распрю, которая могла повести къ крупнымъ политическимъ событіямъ, къ страшнымъ столкновеніемъ, грозившимъ миру цѣлой Европы. Долго ли дипломатія будетъ торжествовать, это совершенно другой вопросъ. Если держаться той теоріи, что всякое промедленіе, всякая отсрочка кризиса есть уже выгода для націй, тогда, разумѣется, парижскую конференцію, собравшуюся, нѣсколько недѣль тому назадъ для улаженія греко - турецкаго столкновенія, можно поздравить съ полнымъ успѣхомъ. Но, соглашаясь на требованія европейской конференціи, греческому правительству приходилось стать въ разрѣзъ съ возбужденнымъ общественнымъ мнѣніемъ Европы; отсюда колебанія и трудность положенія правительства, такъ какъ, собственно говоря, не было другого выхода, какъ согласиться, въ эту минуту, на какія бы то ни было представленія и требованія, давая себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обѣтъ нарушить ихъ при первой возможности.

Общественное мнѣніе было возбуждено до такой степени, что, когда декларація, порицавшая поведеніе греческой націи, явилась въ Аѳины, можно было думать, что развязка возникнувшаго вопроса будетъ нѣсколько иная, чѣмъ та, которую мы видимъ въ дѣйствительности. На улицахъ Аѳинъ постоянно происходили воинственныя демонстраціи. Увлеченіе охватывало не одну массу народа, мало способную въ минуту раздраженія на спокойное обсужденіе дѣла, оно

Digitized by Google

простерлось и на правительственныя сферы, на государственныхъ людей Греціи, которые не желали примириться съ политикою безусловнаго подчиненія. Къ этой партіи, воодушевленной пламеннымъ патріотизмомъ, принадлежало и министерство, поспѣшившее подать въ отставку, какъ только греческій король Георгъ I выразилъ намѣреніе дать свое полное и безусловное соглашеніе на декларацію. Одно лицо за другимъ призывалъ къ себѣ король, прося принять на себя составленіе новаго министерства, но никто не соглашался, никто не хотѣлъ навлечь на себя народное порицаніе. Послѣ долгихъ переговоровъ съ различными государственными людьми Греціи, королю удалось наконецъ найти человѣка, который принялъ на себя составленіе кабинета и согласился на неизбѣжный для этого шагъ — принятіе декларація. Заимисъ, ставшій во главѣ новаго кабинета, имѣетъ репутацію способнаго государственнаго человѣка; сынъ одного изъ главныхъ вождей войны за независимость, онъ рано началъ политическую карьеру и много разъ уже принималъ участіе въ управленіи страною. Во время революціи 1862 года, имѣвшей своимъ результатомъ изгнаніе короля Оттона, Заимисъ занималъ должность министра внутреннихъ дѣлъ. Вслѣдъ за тѣмъ, когда учредительное собраніе выбрало греческимъ королемъ датскаго принца Георга, Заимисъ былъ отправленъ въ Копенгагенъ для предложенія ему короны, и послѣ того два, три раза уже былъ членомъ правительства Георга I. Онъ принадлежитъ къ партіи умѣренныхъ, что, впрочемъ, вовсе не значитъ, чтобы онъ былъ чуждъ тѣхъ національныхъ стремленій, которыя сказались въ послѣднее время съ такою силою. И лучшимъ ручательствомъ того, что министерство Заимиса, принимая декларацію парижской конференціи, нисколько не отказывается отъ осуществленія «великой идеи», можетъ служить тотъ манифестъ, который былъ обнародованъ въ Греціи новымъ министерствомъ. «Принятіе двухъ условій протокола, говоритъ прокламація, безъ сомнѣнія, тяжело для Греціи (обязательство во 1-хъ, недопускать составленія бандъ, рекрутируемыхъ съ цѣлію вторженія въ Турцію, и во 2-хъ, вооруженіе въ греческихъ портахъ кораблей, назначенныхъ подавать помощь всякой попыткѣ возстанія въ Турціи). Но эти два условія, продолжаетъ прокламація, никакъ не могутъ связать Грецію въ будущемъ, или служить препятствіемъ для ея законныхъ національныхъ стремленій.» Трудно сказать яснѣе во всеуслышаніе цѣлой Европы, что если греческое правительство соглашается въ эту минуту подчиниться Европѣ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы при первой возможности, оно не воспользовалось случаемъ снова начать то дѣло, къ которому оно естественно стремится.

Въ нашемъ послѣднемъ иностранномъ обозрѣніи мы уже показали, какъ вели себя англійское и французское правительства по отношенію того самого возстанія, которое они энергически поддерживали

Digitized by Google

при его первой вспышкѣ. Мы осуждали политику этихъ державъ въ непослѣдовательности, безтактности, чтобы не сказать въ недобросовѣстности, и изъ этого осужденія совершенно исключали политику русскаго кабинета, представляемаго на Востокѣ генераломъ Игнатьевымъ, дѣйствовавшимъ совершенно противоположно англійскому представителю Элліоту и французскому послу Бурре. Теперь мы познакомились съ новыми фактами. Если поведеніе французскаго и англійскаго правительства заслуживаетъ порицанія за то, что они измѣнили свою политику по отношенію къ возстанію въ Кандіи, а слѣдовательно и по отношенію къ Греціи, то нельзя не отдать имъ справедливости въ томъ, что они, въ послѣднее время, дѣйствовали очень рѣшительно и прямо противъ всякихъ національныхъ стремленій Греціи и совершенно не питали и не обманывали надеждами на свое сочувствіе и содѣйствіе ея «велнкой идеи». Они быстро сдѣлали volte-face, стали на сторону Турціи, и со всею рѣзкостью обвиняли греческое правительство, что оно нарушаетъ основанія международнаго права. Вотъ отчего поведеніе западныхъ державъ въ послѣдній кризисъ, требованія, формулированныя ими въ декларацін парижской конференціи, совершенно естественны и понятны и никакъ не могли удивить греческій народъ. Онъ не надѣялся на ихъ сочувствіе и не ждалъ отъ нихъ помощи. Нельзя сказать, чтобы мы обнаружили такую же послѣдовательность въ послѣднемъ кризисѣ на Востокѣ. Греческая нація была бы совершенно права, еслибы, обратившись къ намъ, спросила, зачѣмъ все время мы не переставали ей выказывать симпатію, сочувствіе, зачѣмъ вся пресса, какъ официальная такъ и полуофиціальная, не переставала увѣрять, что дѣло Греціи есть правое дѣло, зачѣмъ устраивались среди русскаго общества подписки, балы, спектакли и т. д. и т. д. въ пользу возстанія въ Турціи, если въ послѣднюю и рѣшительную минуту, когда болѣе чѣмъ когда-нибудь нужна была поддержка и помощь, мы вдругъ пристали къ западнымъ державамъ и дали такимъ образомъ достойному поведенію генерала Игнатьева самое полное опроверженіе. Не правы ли будутъ и греческое правительство и вся нація, если они перестанутъ довѣрять нашей политикѣ, и убѣдившись, какъ много во всемъ ея поведеніи словъ и какъ мало отъ нихъ пользы, обратятся къ Западу и только въ немъ будутъ искать себѣ помощи? Европейская пресса не оставила безъ вниманія такую политику Россіи и тотчасъ же поспѣшила обратиться къ Греціи и указать ей, какую цѣну могутъ имѣть тѣ планы, въ которые она до сихъ поръ безъотчетно вѣрила и съ которой стороны она можетъ надѣяться найти болѣе серьезную помощь. «Греки видятъ теперь, говоритъ одинъ изъ самыхъ почтенныхъ органовъ французской прессы, что принесла имъ шумная дружба Россіи. Два года назадъ среди огромной Имперіи только и слышались, что громкія рѣчи

Digitized by Google

въ пользу грековъ; въ церквахъ, театрахъ, салонахъ проповѣдывали, пѣли, танцовали и говорили въ пользу возставшихъ кандіотовъ. Когда же дѣло коснулось того, чтобы поддержать ихъ болѣе серьезнымъ образомъ, Россія благоразумно присоединилась къ мнѣнію западныхъ державъ, и всѣ симпатіи славянскаго міра, на которыя Греція возлагала такія надежды, оказались безсильны въ тотъ день, когда рѣчи должны были уступить мѣсто дѣйствію». Такого рода упреки посыпались на Россію, когда въ Европѣ узналось, что она дѣйствовала за одно съ западною Европою, чтобы заставить Грецію принять только въ нѣсколько болѣе мягкой формѣ турецкій ультиматъ 11-го декабря.

Турецкое правительство можетъ въ настоящемъ дѣлѣ торжествовать, требованія его уважены, и немудрено, если султанъ Абдулъ-Азисъ снова повѣритъ въ ту картину процвѣтанія турецкой имперіи, которую такъ недавно еще рисовалъ ему одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей Турціи—Фуадъ-паша, нѣсколько дней тому назадъ, послѣ продолжительной болѣзни, скончавшійся въ Ниццѣ. Фуадъ-паша игралъ слишкомъ важную роль, онъ имѣлъ слишкомъ большое вліяніе на дѣла Оттоманской Имперіи, чтобы удаленіе его съ политической сцены Европы можно было пройти полнымъ молчаніемъ. Жизнь этого ловкаго государственнаго человѣка, любопытная сама по себѣ, представляетъ много такихъ характеристическихъ чертъ, по которымъ можно судить не только о самомъ человѣкѣ, но и о его родной странѣ, доставившей ему богатое поле для дѣятельности.

Достигнувъ званія великаго визиря, Фуадъ-паша сдѣлался почти полновластнымъ монархомъ, и тутъ уже не останавливался ни передъ какими средствами, чтобы добиться своихъ цѣлей. Онъ опуталъ сѣтями новаго султана Абдулъ-Азиса, и какъ разсказываютъ, имѣлъ самое пагубное на него вліяніе. Въ видахъ личной выгоды, онъ старался отвратить его отъ всѣхъ серьезныхъ реформъ, увѣряя, что страна вовсе не находится въ такомъ печальномъ положеніи, какъ это стараются представить цѣлой Европѣ враги Турціи. При помощи лести, услужливости, всякаго рода увѣреній Абдулъ-Азиса, что онъ величайшій изъ всѣхъ монарховъ и самый замѣчательный изъ преобразователей страны, Фуадъ-паша добился того, что получилъ самое полное довѣріе и безграничную власть надъ всѣми и всѣмъ. Впрочемъ, если Фуадъ-паша увѣрялъ каждый день султана, что все въ его царствѣ обстоитъ благополучно, то можетъ быть въ этомъ онъ былъ болѣе искусенъ, чѣмъ предполагаютъ. «Болѣе пятидесяти лѣтъ, говорилъ онъ въ одномъ разговорѣ, что намъ каждое утро предсказываютъ на вечеръ нашу смерть; приходитъ вечеръ, а мы ложимся спать совершенно живыми. Мы пережили много тѣхъ пророчествъ и еще много переживемъ, потому что мы не мертвецы, не умирающіе, что бы ни утверждали. — По крайней мѣрѣ вы больны.—Да, это говорилъ императоръ Николай; но если вы желаете

Digitized by Google

знать о нашемъ здоровьи, то не съ этимъ докторомъ нужно совѣтоваться. Я знаю Турцію лучше чѣмъ онъ и чѣмъ кто-бы то ни былъ, и результатъ моихъ наблюденій тотъ, что мы представляемъ собою совершенно здоровый организмъ»..... Можетъ быть въ самомъ дѣлѣ таково было мнѣніе Фуадъ-паши, но изъ этого все-таки не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ правъ: самые умные люди склонны питать себя иллюзіями и ошибаться, особенно когда дѣло касается ихъ самихъ. Если Фуадъ-паша и думалъ, что конецъ Турціи еще не близокъ, и что она имѣетъ отличную причину существовать, именно съ необходимостью для самой Европы, то нужно все-таки сказать, что подобное управленіе страною, какъ управленіе Фуадъ-паши можетъ значительно приблизить послѣдній, смертельный часъ.

Рядомъ съ политикою усыпленія и напугиванія всякими ужасами султана, онъ подстрекалъ его къ самой распущенной жизни, къ затратѣ громадныхъ капиталовъ на постройку дворцовъ, содержаніе гаремовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ старался удалять отъ него всѣхъ близкихъ и довѣренныхъ лицъ, если только замѣчалъ, что они сколько-нибудь могутъ противодѣйствовать его вліянію. Своею хитростію онъ умѣлъ даже расторгать родственныя, семейныя связи. Мало-по-малу онъ соединилъ въ своей особѣ всѣ высшія должности, добившись того, чтобы у Мехмедъ-Али, зятя султана, было отнято военное министерство, у Мустафа-паши, брата вице-короля, съ искусствомъ управлявшаго финансами, былъ одинаково отнятъ этотъ важный постъ, и всѣ эти должности слились въ одномъ лицѣ — Фуадъ-паши. Въ одно и тоже время онъ былъ и великимъ визиремъ, и военнымъ министромъ и министромъ двора и т. д. и т. д. Фуадъ-паша пользовался всѣми средствами для поддержанія себя и для того, чтобы держать Абдулъ-Азиса въ полномъ невѣдѣніи истиннаго положенія Турціи. Онъ очень хорошо зналъ, какую роль играетъ при этомъ пресса, и потому милостиво обращался съ тѣми редакторами и журналистами, которые готовы были служить ему, и преслѣдовалъ тѣхъ, которые отказывались быть его орудіемъ. Миллингенъ разсказываетъ, что одинъ изъ редакторовъ ежедневной газеты, Кинази, извѣстный своею ученостью и либеральнымъ образомъ мыслей, никогда не соглашался марать страницъ своего журнала всевозможными низостями и вообще быть орудіемъ вредной для его родины политики. Признанный министерствомъ за вреднаго человѣка, Кинази былъ лишенъ своей должности, подвергся различнымъ преслѣдованіямъ, и наконецъ принужденъ былъ покинуть Турцію и удалиться во Францію. Собственно говоря, поведеніе Фуадъ-паши въ этомъ случаѣ можно еще считать либеральнымъ, такъ какъ онъ имѣлъ полную возможность распорядиться съ нимъ болѣе суровымъ образомъ.

Рядомъ съ обвиненіями, которыя взводятъ на Фуадъ-пашу, даже

Digitized by Google

самые истые враги его не отказываютъ ему въ большомъ умѣ и разностороннихъ талантахъ. Необыкновенная ловкость и умѣнье пользоваться обстоятельствами дѣлали его замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ. Дѣятельность его, породившая множество злоупотребленій, имѣла также и хорошія стороны. Онъ далъ толчокъ народному образованію, улучшилъ положеніе арміи, и если непроизводительно затратилъ большіе капиталы и помогъ разстройству турецкихъ финансовъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ въ финансовомъ отношеніи одно либеральное нововведеніе: онъ сталъ обнародовать государственный бюджетъ. Безъ всякаго сомнѣнія, обнародованіе бюджета имѣетъ мало значенія до тѣхъ поръ, покамѣстъ общество самымъ близкимъ образомъ не участвуетъ въ его составленіи, пока опредѣленіе доходовъ и расходовъ не подлежитъ непосредственному надзору народныхъ представителей, и главнымъ образомъ до тѣхъ поръ, пока власть, его публикующая, вольна дѣлать это или не дѣлать, вольна писать, что́ ей вздумается и дѣлать затраты, какія ей заблагоразсудится; но тѣмъ не менѣе мѣра, введенная Фуадъ-пашой, доказываетъ, что въ правительствѣ страны пробуждается совѣсть и сознаніе, что народъ имѣетъ право знать, на что́ употребляются добытыя его по́томъ деньги. Власть Фуадъ-паши росла и росла, султанъ смотрѣлъ на него какъ на единственную свою опору, какъ на спасеніе Турціи, довѣріе Абдулъ-Азиса къ своему министру дошло до того, что онъ просилъ смотрѣть на него какъ на своего сына и далъ Фуадъ-пашѣ почетный титулъ отца. Ему предложено было пожизненное званіе великаго визиря, помѣщеніе въ императорскомъ дворцѣ, однимъ словомъ онъ дѣлался настоящимъ властелиномъ. Но нигдѣ такъ не превратна судьба, какъ въ деспотическомъ государствѣ: тутъ не нужно ни слѣдствія, ни суда, чтобы лишить человѣка всѣхъ его званій, почестей, титуловъ — довольно одного слова безграничнаго владыки. Какъ ни высоко положеніе человѣка въ такой странѣ, онъ никогда не можетъ быть увѣренъ, что завтра онъ не будетъ сброшенъ съ высоты своего величія при помощи какой-нибудь интриги или придворной кабалы. Такъ случилось и съ Фуадъ-пашой. Цѣлая партія недовольныхъ временщикомъ составила родъ заговора и достигла того, что представила султану всѣ дѣйствія Фуадъ-паши въ самомъ мрачномъ видѣ; Абдулъ-Азисъ внезапно перемѣнилъ свою милость на гнѣвъ, и паденіе Фуада было рѣшено. Чтобы сдѣлать паденіе ему болѣе чувствительнымъ, одинъ изъ участниковъ дворцоваго coup d'état пригласилъ къ себѣ Фуадъ-пашу на пиръ, куда собралась также вся партія недовольныхъ. Все было разсчитано на эффектъ: среди пиршества двери залы открылись, и Фуадъ-пашѣ былъ переданъ публично декретъ объ его отставкѣ, съ требованіемъ немедленно возвратить печать султана—эту эмблему власти. Фуадъ-паша удалился съ пира, а

Digitized by Google

враги его ликовали. Но торжество было непродолжительно. Не прошло и года послѣ паденія Фуадъ-паши, какъ 11 февраля 1867 г. онъ снова призванъ былъ управлять страною, и хотя не сдѣланъ былъ великимъ визиремъ, но въ званіи министра иностранныхъ дѣлъ онъ съумѣлъ возвратить весь свой прежній вѣсъ и свое прежнее вліяніе. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, онъ снова оставилъ министерство, но оставилъ уже вслѣдствіе той болѣзни, которая свела его въ могилу.

Сколько бы грѣховъ ни лежало на душѣ этого замѣчательнаго государственнаго человѣка, нужно сказать, тѣмъ не менѣе, что для Турціи потеря его будетъ крайне чувствительна. Не смотря на недостойные поступки его, какъ напр. въ придунайскихъ княжествахъ, и затѣмъ гораздо позже въ 1860 году въ Сиріи, Фуадъ-паша былъ однимъ изъ самыхъ необходимыхъ людей турецкой имперіи, и такъ какъ прямота и честность не всегда составляютъ необходимыя условія для управленія сложною машиною государства, то, говоря дипломатически, изворотливый умъ Фуадъ-паши былъ какъ нельзя болѣе важенъ, чтобы побѣждать тѣ трудности, которыя каждый день возникаютъ и каждый день снова подымаютъ въ Европѣ вопросъ о самомъ существованіи Турціи. Если бы эта страна находилась въ болѣе нормальномъ положеніи, то такой человѣкъ, какъ Фуадъ-паша, съ его большимъ умомъ, замѣчательнымъ талантомъ, хорошимъ образованіемъ и поставленный на вершину власти, сдѣлалъ бы, безъ сомнѣнія, очень много для развитія силъ своей родины; но положеніе Турціи таково, что самые замѣчательные люди должны разбиваться о тысячи мелкихъ подводныхъ камней, которыми переполнено ея существованіе. Слабый, но капризный абсолютизмъ, попадающій въ сѣти всевозможныхъ интригъ, подчиняющійся самымъ противоположнымъ вліяніямъ— вотъ что̀ неизбѣжно развращаетъ въ Турціи всякаго, попадающаго въ высшую правительственную сферу, какъ бы ни были велики достоинства этого человѣка, и какъ бы ни была велика власть, доставшаяся ему, на часъ или день. Фуадъ-паша подпалъ общему закону, не смотря на всѣ свои личныя качества. Лучше можетъ быть было бы, если бы вмѣсто того, чтобы сдѣлаться визиремъ, онъ оставался въ изгнаніи, какъ его отецъ, можетъ быть Турція обладала бы тогда однимъ замѣчательнымъ поэтомъ и ученымъ больше, такъ какъ Фуадъ-паша, будучи замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ, былъ и замѣчательнымъ поэтомъ и ученымъ. Его поэма «Альхамбра», написанная въ Испаніи, и грамматика турецкаго языка, считаются образцовыми произведеніями въ турецкой литературѣ.

Смерть закрыла глаза Фуадъ-пашѣ, какъ разъ въ ту минуту, когда вопросъ о греко-турецкомъ столкновеніи, къ его удовольствію, былъ окончательно рѣшенъ европейскимъ ареопагомъ, и когда Европа, нѣсколько наскученная Турціею и Греціею, спѣшила обратить свое

Digitized by Google

августѣйшее вниманіе на другія дѣла, другія событія, не заставившія себя, впрочемъ, ждать. Въ общей свалкѣ всевозможныхъ вопросовъ, все такъ перепутано и переплетено, что часто вниманіе общества останавливается съ какимъ-то недоумѣніемъ и робостью передъ мелкими событіями, быстро проходящими и не оставляющими по себѣ никакого слѣда, въ то самое время, когда передъ глазами его совершаются такія событія и разрѣшаются такіе вопросы, которымъ суждено можетъ быть дать другое направленіе жизни цѣлаго народа. Такъ незаслуженно, по нашему мнѣнію, слухъ и зрѣніе европейскаго общества съ напряженнымъ вниманіемъ остановились въ послѣдніе дни на дѣйствіяхъ прусскаго парламента и на рѣчахъ «желѣзнаго человѣка», какъ называютъ иногда графа Бисмарка. Что, въ самомъ дѣлѣ, особенно замѣчательнаго, что наконецъ особенно интересно въ томъ фактѣ, что прусскій министръ нашелъ удобнымъ и выгоднымъ конфисковать имѣнія ех-короля ганноверскаго и ех-электора гессенскаго? Не есть ли это капля въ морѣ, не было ли даже это весьма разумно и логично послѣ того, что совершился самый фактъ. Если можно тутъ чему-нибудь удивляться, такъ только тому, что такой умный человѣкъ, какъ «желѣзный графъ», считаетъ необходимымъ кидать громомъ и молніею по такому ничтожному поводу. Излишняя горячность въ спорѣ всегда выдаетъ слабыя стороны спорящаго, такъ точно и въ рѣчахъ, полныхъ огня, произнесенныхъ графомъ Бисмаркомъ, нельзя не подмѣтить одного больного мѣста, которое, конечно, онъ старается тщательно скрыть отъ взоровъ профановъ. Больное мѣсто—это продолжающееся недовольство жителей Ганновера, которыхъ онъ не можетъ заставить полюбить введенный туда прусскій порядокъ, и нужно полагать, что чѣмъ дальше онъ будетъ тамъ дѣйствовать всякими строгостями, тѣмъ дольше онъ не добьется улыбки на угрюмыхъ лицахъ силою присоединенныхъ ганноверцевъ. Какъ благодѣтельно дѣйствуетъ прусская система въ завоеванныхъ вновь земляхъ, видно изъ того, что даже во владѣніяхъ электора гессенскаго начинаютъ жалѣть о прежнемъ монархѣ, хотя, собственно говоря, жалѣть тутъ уже рѣшительно нечего, потому что едва-ли когда-нибудь на землѣ было что-нибудь хуже того начала, которое, божіею милостію, управляло сотнями тысячъ народа. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что введеніе въ бывшія владѣнія электора прусскаго порядка можетъ считаться истиннымъ благодѣяніемъ для народа, и новой власти не много стоило бы труда, чтобы привязать къ себѣ бывшихъ подданныхъ электора. Его поступки, дѣйствія, получили какой-то баснословный характеръ, его именемъ пугали капризныхъ дѣтей, однимъ словомъ, это былъ послѣдній могиканъ деспотизма, грубаго и свирѣпаго. Дальше его идти было нельзя, сравняться съ нимъ—возможно, но трудно. Въ своемъ владѣніи со всѣми онъ обращался какъ съ рабами, никого не удостоивалъ милостивымъ словомъ или взгля-

Digitized by Google

домъ; онъ всегда говорилъ въ третьемъ лицѣ и въ слѣдующей формѣ: «Можешь идти! Не понять моего приказа! Лучше понять въ другой разъ! Молчать, когда говоритъ электоръ! Конституція, глупости! Лучшая конституція, палка. Понимать это! Выходить теперь». Нужно, въ самомъ дѣлѣ, было много безтактности, чтобы заставить жалѣть такого «гада», какъ назвалъ его графъ Бисмаркъ въ своей рѣчи въ прусскомъ парламентѣ.

Не многимъ болѣе заслуживаетъ вниманія другая рѣчь, произнесенная въ другой странѣ, именно рѣчь Мопà во французскомъ сенатѣ. Если мы упоминаемъ о ней, то только какъ о лишнемъ симптомѣ, прибавившемся ко многимъ другимъ, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить, симптомѣ разложенія, правда, медленнаго, второй имперіи. Мопà — одинъ изъ героевъ 2-го декабря, одинъ изъ создавшихъ настоящій порядокъ, ярый защитникъ абсолютизма, вдругъ, безъ всякаго приготовленія, обрушивается какъ громъ на голову Наполеона III и требуетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ парламентской формы, отнимаетъ свою помощь у личнаго правленія, и хочетъ одной изъ главныхъ основъ парламентаризма — отвѣтственности министровъ. Чѣмъ бы ни прикрывались подобныя требованія со стороны, еще такъ недавно, одного изъ ярыхъ защитниковъ абсолютизма, требованія эти выражены ясно и не могли поэтому не произвести большого впечатлѣнія во Франціи. Если Мопà, тотъ самый Мопà, который былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей во время переворота, измѣняетъ императорскому знамени, которое своимъ девизомъ имѣло до сихъ поръ: «все отъ меня, все черезъ меня», то покачнулся значитъ императорскій тронъ во Франціи. Недобрая улыбка должна была пробѣжать на лицѣ Наполеона III. Бывшій префектъ полиціи, бывшій покорный, и хорошо вознагражденный слуга Мопà отрекается отъ дѣла собственныхъ своихъ рукъ! Да во снѣ это или на яву, могъ спросить себя состарѣвшійся монархъ. Одна бѣда влечетъ за собой другую; не успѣлъ кончить Мопà своей рѣчи, какъ графъ Сартижъ встаетъ съ своего мѣста, и давая свое полное одобреніе требованію Мопà, прибавляетъ отъ себя другое: полную свободу печати. Освободите — говоритъ онъ — печать даже отъ тѣхъ стѣсненій, которыми ее постарались обставить при новомъ законѣ, и онъ призываетъ на помощь Италію, Англію, Швейцарію, гдѣ печать совершенно свободна, и гдѣ отъ нея не происходитъ никакой бѣды. По истинѣ, любопытное зрѣлище. Французскій сенатъ, учрежденіе, до сихъ поръ раболѣпно исполнявшее только всѣ приказанія высшей власти, требуетъ отвѣтственности министровъ, полной свободы печати, полной свободы собраній, недостаетъ только, чтобы онъ потребовалъ удаленія самого Наполеона. О люди, люди, вы изъ камня! можетъ онъ смѣло воскликнуть.

Вѣроятно, пренія во французскомъ сенатѣ долго бы еще занимали

Digitized by Google

собою общественное мнѣніе, если бы не подоспѣло на выручку другое событіе, которое чуть не приняло размѣровъ casus belli, несмотря на то, что въ немъ не было ничего враждебнаго и ничего непріязненнаго по отношенію къ Франціи. Мы говоримъ о бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ и о новомъ законѣ, принятомъ бельгійскимъ парламентомъ, по которому никакая бельгійская компанія не имѣетъ права передать бельгійской линіи желѣзныхъ дорогъ въ руки иностранной компаніи. Какъ только законъ этотъ былъ принятъ, въ нѣсколькихъ французскихъ органахъ, и главнымъ образомъ полуофиціальныхъ, раздался крикъ: предательство! недовѣріе! и т. д. и т. д., какъ-будто бы въ Бельгіи открытъ былъ какой-нибудь заговоръ противъ цѣлой Франціи. Между тѣмъ, весь этотъ вопросъ бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ, успѣвшій надѣлать столько шума, могъ быть устраненъ однимъ простымъ разсужденіемъ. Что бы вы сказали, можно было бы обратиться къ тѣмъ, которые кричали о предательствѣ и измѣнѣ Бельгіи, если бы какая-нибудь французская компанія желѣзныхъ дорогъ передала свои права, однимъ словомъ, продала бы свою линію прусской компаніи, и чтобы пруссаки такимъ образомъ сдѣлались полновластными господами линіи, ведущей напр. отъ Страсбурга до Парижа? Развѣ вы были бы довольны, если бы правительство допустило подобную сдѣлку? Конечно нѣтъ! Зачѣмъ же тогда обвинять бельгійское правительство, если оно дѣлаетъ тоже, чего вы потребовали бы и отъ вашего правительства. Мы упоминаемъ о всѣхъ подобныхъ вспышкахъ потому только, что онѣ какъ нельзя лучше доказываютъ тревожное состояніе общества, его крайнюю раздражительность, которая идетъ все crescendo и crescendo. Что же, можно спросить, станется тогда, когда настоящая огненная искра упадетъ на этотъ такъ легко воспламеняющійся матеріалъ—какой страшный взрывъ потрясетъ тогда всю Европу!

Отъ мелкихъ вопросовъ и мелкихъ событій обратимся теперь къ болѣе важнымъ, и тутъ на первомъ планѣ мы находимъ открытіе кортесовъ въ Испаніи, которое совершилось 11-го февраля, на перекоръ многочисленной толпѣ пессимистовъ, не переставшихъ утверждать, что кортесы никогда не соберутся, что Испанія прежде потонетъ въ потокахъ собственной крови, изъ которой выплывetъ на поверхность какой-нибудь генералъ-диктаторъ, какъ это случалось два раза уже во Франціи. Ничего подобнаго однако здѣсь не произошло. Послѣ того, что выборы были окончены, и окончены съ большимъ спокойствіемъ, не вызвавъ никакихъ безпорядковъ, народные представители Испаніи собрались въ Мадридъ, гдѣ съ большимъ торжествомъ произошло открытіе учредительнаго собранія Испаніи. Первое засѣданіе было посвящено избранію президента и рѣчи маршала Серрано, главы временнаго правительства. Значительнымъ боль-

Digitized by Google

шинствомъ голосовъ, президентомъ избранъ демократъ Риверо, отдѣлившійся отъ партіи демократовъ-республиканцевъ, но только потому, что не считалъ и не считаетъ Испанію достаточно подготовленною къ этой формѣ правленія. Тѣмъ не менѣе выборъ Риверо въ президенты кортесовъ служитъ первымъ залогомъ того, что кортесы не сдѣлаются игрушкою какой-нибудь партіи или, еще хуже, какого-нибудь лица. Предпочтеніе Риверо передъ Олозагой, который оставилъ свой постъ посланника въ Парижѣ и поспѣшилъ въ Мадридъ, увѣренный, что на его долю выпадетъ предсѣдательствовать первыми кортесами, избранными всеобщею подачею голосовъ, доказываетъ большой тактъ народныхъ представителей Испаніи. Они поняли, что возложить такую важную и почетную обязанность, какъ предсѣдательство кортесами, на человѣка, который не вышелъ чистымъ изъ прежняго порядка и значительной массою считается интриганомъ, значило бы съ перваго шага вселить недовѣріе въ собраніи, на отвѣтственности котораго лежитъ будущая судьба испанскаго народа. Рѣчь маршала Серрано была послѣднимъ актомъ временного правительства, которое не замедлило сложить съ себя власть и передать ее въ руки законныхъ представителей страны. Эта рѣчь какъ нельзя лучше можетъ отвѣчать всѣмъ тѣмъ, которые, цѣпляясь за то, что существующій порядокъ всегда самый лучшій, не разъ уже указывали на Испанію съ нѣкоторымъ злорадствомъ. Теперь, когда прошло пять мѣсяцевъ съ той поры, какъ раздался первый крикъ: долой Бурбоновъ, когда окончился періодъ временного правительства, и когда страна получила самое законное изъ правительствъ, благодаря всеобщей подачѣ голосовъ, теперь можно подвести итоги революціи и отвѣтить на вопросъ: принесла ли революція пользу или вредъ Испаніи? Если уничтоженіе вѣкового деспотизма, если введеніе истиннаго народнаго представительства, если провозглашеніе религіозной свободы, свободы совѣсти, свободы слова, свободы печати, свободы народныхъ сборищъ, ассоціацій, свободы обученія, если, однимъ словомъ, провозглашеніе и немедленное примѣненіе къ дѣлу всѣхъ «основныхъ принциповъ самаго радикальнаго либерализма», какъ выразился Серрано, можно назвать вреднымъ, тогда, безъ сомнѣнія, революція оказала Испаніи самый страшный вредъ. Мы не раздѣляемъ нападковъ на временное правительство Испаніи, потому что, если на его душѣ и лежатъ несчастныя и кровавыя событія Кадикса и Малаги, то вспоминая, какою дорогою цѣною досталось другимъ странамъ водвореніе свободы, и какія страшныя бѣды, въ сто разъ бо́льшія, чѣмъ тѣ, которыя выпали на долю Испаніи, порождала слѣпая борьба партій, то мы не можемъ не сказать, что относительно другихъ странъ Испанія купила свободу неслишкомъ еще дорогою цѣною. И притомъ, кто былъ виновникомъ возстанія въ Кадиксѣ и Малагѣ, до сихъ поръ еще не выяснено, но нѣтъ сомнѣнія, что старая

Digitized by Google

сгнившая партія, поддерживавшая Бурбоновъ, не была тутъ безучастна. Серрано прямо указываетъ на «партизановъ уничтоженной династіи», мѣшавшихъ правильному и спокойному развитію революціи. «Правительство побѣдило, говоритъ Серрано, и если въ разгарѣ борьбы оно было слишкомъ сурово и рѣшительно, за то оно съ гордостію можетъ сказать, что послѣ побѣды оно не потерпѣло, чтобы имя хотя одной жертвы увеличило скорбный списокъ, къ несчастію, слишкомъ богатый въ нашихъ старыхъ распряхъ». Въ самомъ дѣлѣ, временному правительству нельзя не отдать чести, что въ самыя критическія для него минуты, оно ни разу не подписало смертнаго приговора и ни разу не потерпѣло его. Оно съумѣло сдержаться даже тогда, когда страшное преступленіе было совершено въ Бургосѣ фанатическими приверженцами рушившагося порядка.

Учредительное собраніе испанскаго народа вознаградило главу временного правительства своимъ полнымъ довѣріемъ и поручило маршалу Серрано верховную исполнительную власть, отнявъ у него впрочемъ возможность что-нибудь сдѣлать безъ согласія кортесовъ. Ей не предоставлено ни право veto, ни права войны и мира; однимъ словомъ, она обстановлена такими условіями, которыя дѣлаютъ ее согласною съ принципомъ верховной власти народа.

Теперь передъ кортесами лежитъ одинъ важный вопросъ: къ какой окончательной формѣ правленія придутъ народные представители, на чемъ остановятся они, чѣмъ подарятъ они страну. Нельзя не признать того факта, что значительное большинство въ кортесахъ принадлежитъ партіи, желающей монархическую форму правленія, но трудность заключается въ выборѣ лица, на главу котораго можно было бы возложить вѣнецъ, съ увѣренностью, что лицо это не отплатитъ за дарованную ему корону черною неблагодарностію. Народные представители Испаніи отлично понимаютъ, какъ осторожно нужно дѣйствовать въ данномъ случаѣ и какъ легко испортить дѣло, столь счастливо начатое. Впрочемъ, еслибы большинство и забыло объ этомъ, то, замѣтимъ, въ кортесахъ существуетъ сильная партія республиканцевъ, составляющая хотя и меньшинство, но тѣмъ не менѣе меньшинство, съ которымъ нужно считаться. Эта партія, которая недавно еще едва существовала, теперь выросла и окрѣпла, будетъ зорко слѣдить за выборомъ конституціоннаго монарха, и если не въ состояніи будетъ удержать кортесы отъ этого шага, то тѣмъ не менѣе окажетъ ту пользу, что выскажетъ все, что̀ можно будетъ только найти *противъ* того или другого кандидата. Кортесы, очевидно, не считаютъ выборъ короля очень спѣшнымъ дѣломъ, потому что они устраиваютъ такъ управленіе страною, чтобы она долго могла обойтись безъ этого дополненія. Конечно, этой осторожности можно только радоваться, потому что въ этомъ дѣлѣ, больше чѣмъ въ какомъ-нибудь

Digitized by Google

другомъ, десять разъ нужно отмѣрить, если уже нельзя не отрѣзать. За отказомъ Фердинанда португальскаго и его сына—царствующаго короля, которые болѣе всѣхъ остальныхъ могли быть полезны Испаніи, остаются еще два кандидата: герцогъ д'Аоста, второй сынъ Виктора-Эммануила и герцогъ Монпансье. Первый едва ли рѣшится оставить Италію, такъ какъ Савойскій домъ не великъ, и за отсутствіемъ дѣтей у его брата онъ самъ можетъ вступить на итальянскій престолъ; второй же..... съ радостію приметъ испанскую корону, если она ему будетъ предложена, но онъ слишкомъ близокъ къ прогнанной династіи, чтобы выборъ его былъ особенно пріятенъ Испаніи.

Вслѣдъ за открытіемъ кортесовъ открылось другое важное собраніе въ Европѣ. Англійскій парламентъ, послѣ чисто формальнаго засѣданія въ декабрѣ прошлаго года, 16 февраля открылся наконецъ дѣйствительнымъ образомъ, т. е. теперь онъ собрался для той бурной дѣятельности, для которой былъ избранъ, для разрѣшенія проведенія капитальной реформы, возложенной на плечи Гладстона и его товарищей по министерству. Важность открытія англійскаго парламента двоякая: во 1-хъ, это первый парламентъ, избранный на основаніи новыхъ законовъ о выборахъ, въ избраніи его приняли участіе новыя силы, до сихъ поръ не участвовавшія въ управленіи страною; а во-2-хъ, на его долю выпала славная задача: уничтожить вѣковую, вопіющую несправедливость, позорившую имя свободной Англіи—угнетеніе Ирландіи. Эти обстоятельства дѣлали то, что дѣйствительное открытіе новаго парламента ожидалось съ большимъ нетерпѣніемъ, и казалось, что тронная рѣчь въ этотъ разъ должна будетъ имѣть болѣе значенія, чѣмъ это обыкновенно бываетъ. Но общее ожиданіе не оправдалось — послѣдняя королевская рѣчь также безцвѣтна, какъ и всѣ предъидущія. Вотъ отчего для насъ гораздо важнѣе и несравненно интереснѣе обратиться къ одному банкету, на которомъ присутствовали Гладстонъ, Брайтъ, Лове и другіе министры, къ банкету, который гораздо болѣе открывалъ парламентскую сессію, чѣмъ тронная рѣчь 16-го февраля.

«Никогда, говорилъ Гладстонъ, общіе выборы такъ ясно не показали мысль общества. Вердиктъ, произнесенный избирателями, рѣшительный; никогда нація такъ ясно не указывала своихъ желаній, никогда она не опредѣляла съ такою энергіею тотъ путь, которому нужно слѣдовать». Путь указанъ, но не указаны тѣ средства, при помощи которыхъ было бы легко пройти его до достиженія цѣли. Гладстонъ сознаетъ, что если имъ не удастся возложенная на нихъ задача, то они понесутъ большую отвѣтственность передъ націею; если же они справятся и выполнятъ съ успѣхомъ свое дѣло, тогда, сказалъ онъ, «никогда государственные люди не были такъ счастливы: такъ хороша задача, возложенная на насъ». Въ самомъ дѣлѣ, что́ можетъ быть лучше,

Digitized by Google

какъ справедливость поставить на мѣсто несправедливости, ненависть замѣнить любовью и изъ враговъ сдѣлать братьевъ! Если счастливы тѣ люди, на долю которыхъ выпадаетъ такая задача, то еще счастливѣе народъ, который даетъ просторъ и возможность дѣйствовать этимъ людямъ.

«Что́ можетъ достойнѣе, говорилъ Гладстонъ, занимать умъ и сердце, какъ предпріятіе, заключающееся въ томъ, чтобы въ обширное государство внести единство чувствъ и интересовъ, которое какъ неполно оно было до сихъ поръ, тѣмъ не менѣе уже составляло нашу силу и нашу славу. Мы хотимъ сдѣлать этотъ союзъ такимъ, чтобы никто изъ гражданъ не вспомнилъ, что онъ шотландецъ, англичанинъ или ирландецъ, когда дѣло коснется общаго интереса отечества». И ни насиліями, ни притѣсненіями, ни искусственными подчиненіями, а уступчивостію и самыми либеральными реформами хотятъ они осуществить этотъ союзъ. Безъ сомнѣнія, не въ одинъ день погаснетъ недоброе чувство, которое вправѣ питать Ирландія къ Англіи, но оно погаснетъ, когда ирландцы убѣдятся, что Англія не хочетъ себѣ никакихъ преимуществъ, что она отказалась отъ религіозной нетерпимости и того привилегированнаго положенія, котораго она держалась въ Великобританіи. «Мы призваны, говорилъ Гладстонъ, чтобы сдѣлать послѣднее усиліе для достиженія братства между тремя королевствами Великобританіи. Это дѣло не одного дня, не одной мѣры»! Гладстонъ понимаетъ, что нужно будетъ много реформъ, чтобы достигнуть этого единства, но онъ понимаетъ также и то, что мѣры, основанныя на справедливости всегда кончаютъ тѣмъ, что порождаютъ любовь между людьми. Что́ станется съ ирландскимъ вопросомъ, какъ будетъ онъ постановленъ, какія мѣры предложены будутъ для уврачеванія этой раны, которая, къ стыду Англіи, до сихъ поръ еще гноится,—все это мы увидимъ въ одномъ изъ слѣдующихъ обозрѣній, когда неминуемо встрѣтимся съ выработаннымъ, конечно, Гладстономъ проектомъ той цѣлой системы законовъ, которые необходимы, чтобы вдохнуть въ Ирландію новую жизнь. Не зная еще проекта, плана, мѣръ, которыя будутъ предложены министерствомъ, мы можемъ пока сказать только одно, что если для этой задачи Англія должна была встрѣтить искренняго, честнаго и вмѣстѣ рѣшительнаго и передового человѣка, то она встрѣтила его, безъ сомнѣнія, въ Гладстонѣ.

Digitized by Google

НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ.

Хроника общественной жизни.

Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus! — дружно раздалось 8-го февраля на обѣдѣ бывшихъ студентовъ петербургскаго университета за истекшее пятидесятилѣтіе, бывшихъ университетскихъ юношей, начиная съ 1823 года по 1868 г. включительно. Въ 50 лѣтъ, изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, входившихъ въ университетскую дверь, другою дверью въ общество вошло, если взять за среднюю цифру около 100 человѣкъ въ годъ, до 5,000 человѣкъ; изъ этихъ 5,000 собралось на обѣдъ около 700 лицъ, представлявшія собою нѣсколько десятковъ ступеней текущаго вѣка. Какъ шли они другъ за другомъ въ жизни, такъ и за столомъ слѣдовали выпускъ за выпускомъ, составляя непрерывную и живую цѣпь, которую можно было бы назвать «танцемъ жизни». Каждый подходилъ къ столу своего года, и предъ нимъ являлись тѣже самыя лица, съ которыми онъ 10, 20, 30 и 40 лѣтъ назадъ сидѣлъ четыре года въ одной и той же аудиторіи, на одной скамьѣ. Многимъ случалось впервые увидѣться за столомъ, послѣ студентскаго прощанья, когда судьба разсѣяла ихъ по лицу земли. Однимъ словомъ, обѣденное зало обратилось на этотъ часъ въ живой отчетъ о дѣятельности университета за полувѣковое его существованіе, которымъ можно было утѣшиться послѣ отчета, прочтеннаго въ этомъ же залѣ, утромъ того же дня, профессоромъ Андреевскимъ. Вообще, празднество юбилея, во всемъ томъ, что̀ совершилось независимо отъ совѣта университета, представляетъ много искренняго, задушевнаго и теплаго, начиная съ самаго рескрипта; все же прочее носило на себѣ печать оффиціальности, натянутости, а что̀ касается до упомянутаго отчета, то, какъ мы увидимъ, всѣ были поражены его тономъ фельетона и безтактностью, чтобъ не сказать чего-нибудь хуже. Конечно, этотъ отчетъ имѣлъ своего сочинителя, но разъ принятый, про-

Digitized by Google

чтенный и одобренный совѣтомъ, онъ можетъ считаться выраженіемъ мысли по крайней мѣрѣ его большинства. Оффиціальность въ празднествѣ была даже не совсѣмъ умѣлою: мы, напримѣръ, не замѣтили, чтобы была выбита медаль въ память этого дня, какъ то водится въ подобныхъ случаяхъ. Нельзя объяснить это скромностью современныхъ намъ профессоровъ, такъ какъ въ финалѣ отчета они превознесли себя до небесъ, а въ газетѣ «Голосъ», передовая статья, весьма похожая на краткое изложеніе того отчета, извѣстила насъ, что нынѣшніе студенты не то, что прежніе, какъ наприм., начала шестидесятыхъ годовъ, и дѣлаютъ такіе успѣхи, подъ руководствомъ нынѣшнихъ профессоровъ, что «студенты второго курса рѣшаютъ вопросы, которые были бы не подъ силу иному западному ученому». Однимъ словомъ, многимъ профессорамъ петербургскаго университета, не рѣшающимъ такихъ вопросовъ, которые были бы не подъ силу западнымъ ученымъ — ничего послѣ этого не остается, какъ уступить свое мѣсто студентамъ второго курса. Вотъ что̀ можно назвать настоящимъ популярничаньемъ! Почтенная редакція «Голоса» не могла воздержаться отъ изумленія, печатая такое извѣстіе, лишенное здраваго смысла, однако напечатала, хотя съ оговоркой. Золотыя и серебряныя медали, розданныя на актѣ, конечно, свидѣтельствуютъ о домашнихъ работахъ студентовъ; на нынѣшнемъ актѣ, два сына профессора Срезневскаго получили каждый по медали, и возбудили тѣмъ изумленіе, но это изумленіе опять относилось вовсе не къ тому, чтобы молодые люди рѣшали такіе вопросы, какихъ не рѣшатъ западные ученые.

Если описывать празднество по порядку, то слѣдуетъ начать съ кануна, съ 7-го февраля, когда былъ совершенъ въ университетѣ религіозный обрядъ, а именно панихида по усопшимъ профессорамъ и студентамъ. Все это въ порядкѣ вещей; но оказалось, что распорядители тѣмъ только и ограничились въ отношеніи усопшихъ, и въ отчетѣ прошли почти молчаніемъ дѣятельность и время такихъ людей, какими были для университета Евг. П. Ковалевскій и П. А. Плетневъ, занимавшій почти 20 лѣтъ сряду постъ ректора университета; въ отсутствіе послѣдняго заграницею, когда за него исправлялъ должность ректора профессоръ Срезневскій, былъ закрытъ университетъ въ 1861 году; П. А. Плетневъ не пережилъ своего университета и вышелъ въ отставку. Послѣ религіознаго обряда, публика могла осматривать помѣщеніе университета, его аудиторій, музеевъ и т. д.; нельзя не поблагодарить распорядителей за эту подробность программы праздника, такъ какъ теперь университетъ закрытъ для публики, а между тѣмъ намъ, бывшимъ студентамъ, пріятно было хоть взглянуть на ту мѣстность, гдѣ протекали лучшіе дни юности; мысленно населяли мы знакомыя аудиторіи своими сверстниками, своими профессорами, вспоминали тѣ годы, когда, наприм., у одного профессора Костома-

Digitized by Google

рова собиралось слушателей столько, сколько теперь студентовъ въ цѣломъ университетѣ. При этомъ внѣшнемъ обзорѣ мы съ удовольствіемъ увидѣли, что университетъ въ послѣдніе годы живетъ не на прежнія скромныя средства: благодаря новымъ штатамъ, утвержденнымъ при бывшемъ министрѣ Головнинѣ, университетъ весьма обогатился своими научными средствами. По поводу юбилея, Государь Императоръ внесъ новое живое богатство открытіемъ 100 щедрыхъ стипендій; при этомъ остается только пожелать, чтобы выборъ молодыхъ людей былъ дѣланъ по всей справедливости, и чтобы городскіе слухи, будто иногда профессора (нынѣшніе профессора пользуются 3,000 руб. содержанія) назначаютъ стипендіатами своихъ сыновей, оказались бы чистою клеветою. Слѣдовало бы даже принять за правило, что стипендіатами можно не назначать тѣхъ, у кого отцы вообще получаютъ до 3,000 рублей, а особенно, если они эту сумму получаютъ отъ этого же самаго университета.

Мы не можемъ, по поводу новыхъ стипендіатовъ, названныхъ императорскими, пройти молчаніемъ тѣхъ мыслей, которыя были возбуждены въ газетѣ «Вѣсть» щедротами монарха. Этотъ органъ явился со внушеніемъ будущимъ стипендіатамъ; а именно, по мнѣнію его, молодые люди, осчастливленные такими стипендіями, должны всегда помнить это и отличаться впослѣдствіи особенною вѣрностью къ Тому, кто ихъ облагодѣтельствовалъ. Мы поняли бы смыслъ этихъ словъ, напримѣръ, во Франціи, гдѣ верховная власть имѣетъ основаніе предполагать въ населеніи массу недовольныхъ, и въ силу того вынуждено прибѣгать къ вербованію приверженцевъ; но у насъ, мораль, проповѣдуемая такимъ образомъ, лишена смысла, и обнаруживаетъ со стороны проповѣдующаго какую-нибудь исключительную потребность поставить на видъ свои намѣренія. Сказать однимъ, что вы должны обнаружить особую привязанность, не значитъ-ли сказать другимъ: а вы отъ этого свободны. Вотъ къ какимъ, по меньшей степени, неловкостямъ приводитъ мораль, когда морализирующій вовсе не имѣетъ въ виду тѣхъ, къ кому она обращена, а желаетъ только указать на себя, быть можетъ, въ видахъ прикрыться и быть свободнѣе въ распространеніи другихъ идей, не соотвѣтствующихъ проповѣдуемой имъ морали.

Второй день празднества былъ проведенъ въ залѣ дворянскаго собранія. Историческая записка объ университетѣ, прочтенная проф. Андреевскимъ, не въ состояніи была омрачить счастливаго настроенія, которое было принесено готовымъ публикою, составленной въ огромномъ большинствѣ изъ «дѣтей» университета. Чтеніе рескрипта, которымъ началось торжество, еще болѣе возвысило то настроеніе. Историческая записка съ напускнымъ восторгомъ, но безъ всякаго такта, утверждала предъ многочисленными депутаціями прочихъ высшихъ спе-

Digitized by Google

ціальныхъ учебныхъ учрежденій, что только университетъ дѣлаетъ насъ людьми, и депутаціямъ предоставлялось самимъ сообразить, чѣмъ дѣлаютъ своихъ питомцевъ ихъ заведенія. Даже самъ читавшій эту записку, и преподающій въ другихъ спеціальныхъ заведеніяхъ, профессоръ Андреевскій, долженъ былъ считать себя оскорбленнымъ, но, вѣрный своей ролѣ, торжественно произносилъ написанное не имъ. Та же записка съ горечью отозвалась о недавней эпохѣ университета, когда, съ новыми реформами нынѣшняго царствованія, университетъ обнаружилъ быстрый ростъ, между тѣмъ какъ юбилей былъ случаемъ возстановить истину во всей ея простотѣ. Но совѣтъ университета поручилъ изложить свою собственную исторію профессору монгольскаго языка г. Григорьеву, какъ будто гуманныя науки въ университетѣ представлены уже такъ дурно, что историка пришлось искать между оріенталистами!

Студентскій обѣдъ въ томъ же залѣ составлялъ самую оживленную, искреннюю и задушевную сторону всего торжества, и это понятно. Мы не поняли только, почему бывшіе студенты не могли найти распорядителей изъ своей среды, и въ концѣ каждаго стола сидѣли нынѣшніе профессора, не бывшіе студентами университета, на томъ мѣстѣ, гдѣ помѣщаютъ въ пансіонахъ гувернеровъ. Послѣ перваго тоста за Государя Императора, бывшій студентъ, а нынѣ профессоръ Андреевскій, произнесъ тостъ за процвѣтаніе университета, предпославъ спичъ, навѣянный очевидно «Исторической запиской», относительно презрѣнія къ питомцамъ другихъ спеціальныхъ заведеній; намекая на благосостояніе другихъ питомцевъ, легко получающихъ мѣста и почетъ, онъ указалъ намъ на тернистый путь, которымъ пробираются университетскіе питомцы. Конечно, профессоръ Андреевскій, говоря такъ, не имѣлъ въ виду себя, но за то онъ на этотъ разъ могъ имѣть увѣренность, что его словъ не слышатъ его же питомцы другихъ спеціальныхъ заведеній, къ которымъ онъ отнесся съ такой отдаленною, но прозрачною ироніею.

Юбилейное торжество заключилось вечеромъ будущихъ «бывшихъ студентовъ» и обѣдомъ на слѣдующій день нынѣшнихъ профессоровъ и депутацій. Вечеръ, какъ и надобно было ожидать, прошелъ съ тѣмъ неподдѣльнымъ весельемъ, какимъ отличается молодежь вообще, а университетская въ особенности. Объ обѣдѣ мы не имѣемъ понятія, а участвовавшіе не сочли нужнымъ послать рефератъ въ газеты, какъ это водится въ другихъ странахъ, гдѣ любятъ, чтобы общество интересовалось всѣмъ, что̀ касается университета.

Отъ исторической записки объ университетѣ легко перейдти къ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ зрѣлищъ современности, какое дала намъ, втеченіи карнавала, полемика между «Московскими Вѣдомостями» и «Вѣстью». Не знаю, быть можетъ, моему читателю нравились больше

Digitized by Google

масляничныя увеселенія. Но мнѣ зрѣлище вышеупомянутой полемики понравилось болѣе всѣхъ пикантныхъ представленій, вѣроятно, потому именно, что представленіе, происходившее въ этомъ театрѣ, было еще болѣе «забирательнаго» свойства. Какія ставки въ этомъ écarté, который разыгрывали двѣ названныя газеты! Какіе козыри тѣ, которыми онѣ пришибаютъ другъ друга!

Газетная и журнальная полемика у насъ издавна процвѣтаетъ. Едва ли есть во всемъ мірѣ другая публицистика, которая бы такъ спеціально занималась самоѣдствомъ, какъ наша. Но доселѣ, въ нашей полемикѣ если употреблялись, въ видѣ орудій, авторитеты, то это были авторитеты свойства необыкновенно-важнаго или же авторитеты иностранные. Такъ, въ нашей полемикѣ употреблялись обыкновенно имена Базарова, Кирсанова, Кукшиной, Литвинова, — имена вымышленныя; или имена самихъ борцовъ, съ разными придуманными характеристичными эпитетами, напримѣръ: «Скарятинъ-Смоленскій», «Катковъ, макающій перо въ разумъ», «Аскоченскій и палка», и тому подобныя забавныя изобрѣтенія фельетонистовъ. Если ссылались на авторитеты, то это были авторитеты иностранные: Милль или Тьеръ какой-нибудь, однимъ словомъ, такіе авторитеты, что противникъ могъ тотчасъ подрѣзать однимъ ихъ неодобрительнымъ словомъ и тѣмъ одержать побѣду.

А тутъ, посмотрите: въ распрѣ между «Московскими Вѣдомостями» и «Вѣстью» съ какихъ картъ ходятъ: «Сошлемся на П. А. Валуева, котораго «Вѣсть» не признаетъ же радикаломъ», говорятъ «Московскія Вѣдомости». — «Укажемъ на Н. А. Милютина, котораго «Московскія Вѣдомости» не причтутъ же къ крѣпостникамъ», — возражаетъ «Вѣсть».

Кромѣ этого, «Московскія Вѣдомости» объявляли, что за «Вѣстью» стоитъ плотно-организованная и дисциплинированная партія, а «Вѣсть», въ свою очередь, утверждала, что за «Московскими Вѣдомостями» стоитъ какой-то «канцелярскій рэндъ»; тѣмъ не менѣе, плотно-организованная партія у «Вѣсти» если и есть, то она, должно быть, находится въ закупоренномъ видѣ, ибо дѣйствій ея никакихъ не видать, и лица, ее составляющія, неизвѣстны.

Точно такъ, «канцелярскій рэндъ», стоящій, по увѣренію «Вѣсти», за «Московскими Вѣдомостями», сохраняетъ полное инкогнито. Имена гг. Валуева и Милютина не бросаютъ никакого свѣта ни на ту, ни на другую изъ этихъ мнимыхъ партій, такъ какъ ни тотъ, ни другой изъ этихъ государственныхъ людей не принимаетъ, въ настоящее время, участія въ управленіи.

Мы упоминаемъ объ этой полемикѣ никакъ не съ тѣмъ, чтобы выводить изъ нея какія-нибудь соображенія о настоящемъ политическомъ положеніи, а тѣмъ менѣе о будущности нашего отечества. По-

Digitized by Google

лемика эта просто—современный курьёзъ и является на нашихъ страницахъ именно только въ этомъ качествѣ. Она, отчасти, похожа на новую оперу, которую мы назовемъ ниже: здѣсь, какъ и тамъ, много старанія и малый результатъ; здѣсь, какъ и тамъ, усердно исполняется поученіе «толцыте», — и однакожъ ровно ничего не «отверзается».

Между тѣмъ какъ органы нашей журналистики борются за принципы, ищутъ разрѣшенія высшихъ вопросовъ внутренней политики, въ дѣйствительной жизни у насъ остаются неразрѣшенными въ сознаніи многихъ самыя простыя вещи, въ родѣ того, имѣетъ ли отецъ право переломать сыну бока, въ видѣ назиданія.... Г. Мѣняевъ того мнѣнія, что сына посѣчь не только можно, но и должно, а то, что г. Мѣняевъ называетъ «посѣчь», другіе называютъ бить сына головой объ столъ, а потомъ поваливъ его, бить ногою. Вотъ какъ разнообразны бываютъ понятія, обозначаемыя однимъ и тѣмъ же словомъ. Въ прекратившейся нынѣ газетѣ «Русскій», М. П. Погодинъ описывалъ однажды, какъ мужикъ просилъ на мірской сходкѣ посѣчь себя, и по окончаніи операціи, когда его спросили: доволенъ-ли?—сказалъ: «дайте еще десятокъ». «Почтенный человѣкъ!» прибавлялъ г. Погодинъ къ этому разсказу. Но если бы этому почтенному человѣку было извѣстно то распространенное толкованіе слова «посѣчь», какое намъ представилъ нынѣ г. Мѣняевъ, то едва-ли бы онъ прибѣгнулъ къ этой мѣрѣ самоисправленія, при помощи міра.

Судья приговорилъ г. Мѣняева къ аресту, и этимъ приговоромъ остались недовольны, кромѣ него, еще многіе. Эти господа утверждаютъ, что въ семейныя дѣла никто, даже судъ, мѣшаться не вправѣ. Они толкуютъ о священномъ характерѣ семейныхъ отношеній. Когда г. Мѣняевъ билъ сына головою объ столъ, то вѣроятно, по ихъ мнѣнію, онъ въ нѣкоторомъ родѣ священнодѣйствовалъ.

Какъ будто есть какая-либо сфера, въ которой вся дикость нравовъ, вся необузданность грубыхъ страстей проявлялась бы такъ часто, а иногда такъ ужасно, какъ именно сфера семейныхъ отношеній, власти родителей надъ дѣтьми, мужа надъ женою. На глухихъ дорогахъ по ночамъ ѣздятъ патрули изъ казаковъ; на лучшихъ улицахъ до сихъ поръ при будкахъ стоятъ сторожевые. Въ семейныя отношенія—дороги самыя глухія, улицы ихъ опасныя. Здѣсь-то болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь нуженъ дозоръ, нужны патрули и часовые. Семья должна быть открыта передъ обществомъ, общество должно контролировать семью, какъ оно контролируетъ всякія отношенія между людьми. Иначе изъ семьи вы сдѣлаете такую тюрьму, какой нѣтъ и для острожниковъ; тюрьму безотвѣтную, тюрьму, изъ которой не только нельзя вырваться, но нельзя и принесть жалобы.

Вотъ къ какимъ выводамъ можно придти, по поводу дѣла г. Мѣ-

Digitized by Google

няева и ему подобныхъ; необходимо, чтобы въ дѣлахъ жестокаго обращенія съ малолѣтными и несовершеннолѣтними право вчинанія дѣла въ судѣ предоставлено было *не только* самимъ жертвамъ, которыя какъ лица, прямо зависящія отъ своихъ мучителей, боятся пользоваться этимъ правомъ, и сверхъ того, по самому возрасту своему не умѣютъ имъ пользоваться, хотя бы и хотѣли, вслѣдствіе чего проступки старшихъ родственниковъ противъ дѣтей почти всегда остаются безъ наказанія. Далѣе, необходимо, чтобы право вчинанія такихъ дѣлъ не было ограничено и ближайшими родственниками, опекунами или попечителями преслѣдуемыхъ дѣтей, потому именно, что самый фактъ жестокаго обращенія почти всегда бываетъ только тамъ, гдѣ у ребенка такихъ естественныхъ заступниковъ нѣтъ. Необходимо это право вчинанія судебныхъ дѣлъ въ защиту малолѣтныхъ предоставить всякому свидѣтелю грубаго насилія. Только такое расширеніе закона можетъ оказать дѣйствительное вліяніе на грубыя нравы огромнаго большинства. Всѣ насилія происходятъ именно на основаніи укоренившагося въ массѣ убѣжденія, что дѣти будто бы находятся въ безотвѣтномъ распоряженіи родителей, составляя ихъ собственность. Между тѣмъ, это убѣжденіе невѣрно не только въ смыслѣ нравственномъ, но и въ смыслѣ положительно-юридическомъ.

Намъ скажутъ, можетъ быть, что главную надежду въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ возлагать на распространеніе въ массѣ образованія. Мы согласны съ этимъ замѣчаніемъ, если оно — только замѣчаніе, а не возраженіе. Въ смыслѣ же возраженія, ссылка на благодѣтельныя послѣдствія отъ успѣховъ въ образованіи, въ этомъ случаѣ, какъ часто и въ иныхъ, излагала бы только нежеланіе что-либо предпринять. Спрашиваемъ, скоро-ли вся масса будетъ по образованію стоять хотя бы на уровнѣ петербургскаго купца Мѣняева?

Въ большинствѣ случаевъ домашней расправы, только признаніе за всѣми права отвращать насиліе и преслѣдовать родственниковъ тиранящихъ дѣтей, преслѣдовать независимо отъ согласія послѣднихъ, дало бы возможность успѣшнаго вмѣшательства, а такое вмѣшательство всегда будетъ: надо только чтобы оно было основано на правѣ, чтобы непризванный заступникъ не получалъ въ единственный отвѣтъ такой резонъ: «а вамъ молъ какое дѣло»?

Какое дѣло! Какое дѣло членамъ общества покровительства животнымъ до участи лошади, къ которой извощикъ примѣняетъ слишкомъ усердно «исправительныя мѣры взысканія»? Тутъ не требуется родства съ жертвою, иначе на истязаніе лошади могли бы жаловаться только ея же сестры; нѣтъ, тутъ каждый свидѣтель имѣетъ право вступиться, а полицейскій имѣетъ даже право задержать и лошадь и хозяина. Имѣютъ ли свидѣтели право преслѣдовать г. Мѣняева? Нѣтъ, не имѣютъ: они въ этомъ случаѣ могутъ дѣйствовать развѣ только

Digitized by Google

увѣщаніями, да потомъ свидѣтельствовать въ судѣ, если малолѣтный сынъ позоветъ ихъ въ свидѣтели, чего не будетъ 99 разъ изъ ста.

Необходимо распространить на малолѣтныхъ ту гарантію общественнаго заступничества, какая уже предоставлена лошадямъ, собакамъ, кошкамъ, даже птицамъ и рыбамъ.

Кстати ужъ о городовыхъ. Мы какъ-то упоминали, что въ Москвѣ будетъ происходить судъ надъ городовымъ «за вымогательство пятачка». Теперь этотъ судъ происходилъ. Оказалось, что за пятачокъ судился не одинъ городовой, а двое: Колосовъ и Сулимовъ. Въ этомъ дѣлѣ есть нѣсколько фактовъ интересныхъ въ разномъ отношеніи. Во-первыхъ, городовой Колосовъ годъ находился подъ судомъ по обвиненію въ «зловредномъ взяточничествѣ въ размѣрѣ пяти копѣекъ», не говоря о дисциплинарномъ наказаніи, которому онъ подвергся по обвиненію въ грубости противъ начальства.

Во-вторыхъ, самый пятачокъ—орудіе преступленія—давно возвращенъ по принадлежности и въ удостовѣреніе этого возвращенія съ получателя взята росписка, съ приложеніемъ къ ней марки въ пять копѣекъ, за засвидѣтельствованіе руки получателя полиціею. Такимъ образомъ, это засвидѣтельствованіе, имѣвшее прямою цѣлью окончательно удостовѣрить фактъ возвращенія собственности цѣнностью въ пять копѣекъ, само разрушило эту собственность.

Судъ призналъ обвиненныхъ невиновными. Но безъ сомнѣнія, дѣло это произведетъ очень благопріятную острастку для крупныхъ взяточниковъ и для банкротовъ; ужъ если изъ-за пятачка судятъ двухъ человѣкъ цѣлый годъ, то какую же кару понесутъ похитители тысячъ рублей? Правда, судъ въ концѣ концовъ оправдалъ-таки городовыхъ; но какъ же было не оправдать ихъ, тѣмъ болѣе, что пятачокъ возвращенъ сполна, между тѣмъ, какъ именно въ Москвѣ такъ нерѣдко возвращеніе пятачка за рубль.

Въ музыкальномъ мірѣ прошедшій мѣсяцъ ознаменовался постановкою на сцену въ Маріинскомъ театрѣ оперы г. Ц. Кюи: «Вильямъ Ратклиффъ». Про партитуру этой оперы можно сказать, что она представляетъ полный контрастъ съ сюжетомъ: тутъ все страстные порывы, доходящіе даже до предѣловъ здраваго смысла и отважно ихъ переступающіе; тамъ — въ партитурѣ — преобладаютъ совсѣмъ иныя свойства, именно усердіе и усидчивость. Тутъ ужъ нѣтъ ничего страстнаго, ни одного порыва звуковъ, который вы могли бы признать за нѣчто органически-живое; во всей оперѣ г. Кюи, состоящей изъ трехъ актовъ, почти нѣтъ даже тѣхъ случайныхъ удачъ, какія иногда выпадаютъ даже на долю мало даровитыхъ композиторовъ: такія музыки, какую написалъ г. Кюи, имѣютъ сходство съ системой фехтованія мольеровскаго M-r Jourdain: онѣ хотятъ нравиться par raison démonstrative. Скучно вамъ отъ этого длиннаго монолога, въ которомъ

Digitized by Google

г. Мельниковъ (Вильямъ Ратклиффъ) осужденъ плаксиво разсказывать самымъ тривіальнымъ образомъ самыя невѣроятныя несчастія—г. Кюи можетъ *доказать* вамъ, что если вы скучаете, такъ это не его вина: онъ сдѣлалъ все что̀ могъ; въ его оркестровкѣ бездна намѣреній: слышите ли, какъ неожиданно является этотъ минорный аккордъ, заимствованный у Берліоза; понимаете ли, какой глубокій смыслъ имѣетъ въ этомъ мѣстѣ унисонъ трубъ, около котораго чирикаютъ по временамъ флейты? Все это недаромъ, все это должно изображать самымъ эффектнымъ и въ то же время самымъ вѣрнымъ образомъ самыя невѣроятныя вещи. Что за дѣло, если г. Мельникову приходится распѣвать какія-то дѣтскія рапсодіи, лишенныя не только какого-либо музыкальнаго достоинства, но даже и музыкальнаго смысла, простое причитываніе, изъ тона въ тонъ, словъ весьма жалкихъ. Что̀ за дѣло—когда оркестръ поясняетъ вамъ все это, говоритъ все то, чего не говоритъ пѣніе г. Мельникова, говоритъ глубокомысленные пустяки самымъ обдуманнымъ и разнообразнымъ образомъ?

Это—музыка par raison démonstrative; вы вольны скучать, но не имѣете права сказать, что музыка не хороша, потому что вамъ тотчасъ можно объяснить, какъ все это обдуманно, и сколько во всемъ этомъ есть смысла. Если жанръ подобный тому, котораго представителемъ является г. Кюи, привьется къ нашей сценѣ, если публика дастъ себя убѣдить, что музыку нужно разбирать, а не слушать, что арія или дуэтъ должны писаться не увлекательно, а *убѣдительно*, какъ хорошая передовая статья въ газетѣ — то для школы такихъ композиторовъ мы впередъ предлагаемъ спеціальное названіе: «мостителей музыкальнаго ада».

Первая попытка молодого, хотя и мало талантливаго композитора, конечно, имѣла бы право на снисхожденіе; слѣдовало бы отнестись съ сочувствіемъ къ этой «безднѣ намѣреній» и поощрить автора къ чему-нибудь болѣе состоятельному. Но мы считаемъ это лишнимъ потому, что въ оба первыя представленія въ театрѣ было нѣсколько усердныхъ хлопальщиковъ, которые уже приняли на себя эту обязанность поощренія. Они регулярно хлопали всему, по окончаніи каждой сцены. Мимоходомъ мы слышали такой разговоръ:

— Въ этой оперѣ слишкомъ много...

— Чего? трубъ? да, есть злоупотребленіе ими.

— Нѣтъ — въ этой оперѣ еще больше чѣмъ трубъ — пріятелей автора.

И г. Сѣровъ слишкомъ увлекается Вагнеромъ, слишкомъ склоненъ стѣснять свой талантъ предвзятою мыслью. Но у г. Сѣрова есть большой талантъ, который не можетъ подчиниться вполнѣ такому неестественному требованію. Самъ Вагнеръ скученъ, но талантъ дѣйствительно могучій выручаетъ его, независимо отъ его воли, нѣсколь-

Digitized by Google

кими чудными мѣстами, въ которыхъ талантъ Вагнера одерживаетъ побѣду надъ самимъ Вагнеромъ, и выкупается тенденціозная скучность остального. Тоже можно сказать и о г. Сѣровѣ.

Но композиторамъ малоталантливымъ не остается такого ресурса. Иди они обыкновеннымъ путемъ, они могли бы достигать умѣреннаго успѣха и разсчитывать хотя бы на мѣста utilité, въ оперномъ репертуарѣ. Но выйдя на ложный путь, они вполнѣ подвергаются всѣмъ его требованіямъ и условіямъ, то-есть производятъ нѣчто совсѣмъ несостоятельное, нѣчто такое, въ чемъ скука цѣлаго не выкупается даже удачными отдѣльными мѣстами.

Что у Глинки, какъ и у другихъ самобытныхъ геніевъ, васъ поражаетъ богатство колорита, изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ, что достаточно натереть на музыкальное полотно всѣ краски, какія только извѣстны въ техникѣ, и будешь Глинкою. При отсутствіи рисунка, при слабости мысли, изъ богатства колорита выйдетъ только аффектація, мѣстами забавная, но по большей части невыразимо скучная.

Такъ, г. Кюи въ своей оперѣ можно сказать поставилъ Пеліонъ на Оссу: уже самый сюжетъ, выбранный имъ, разсчитанъ на внѣшній, насильственный эффектъ. Въ «Ратклиффѣ» Гейне хороши только стихи Гейне, а сама драма представляетъ хаосъ ребяческихъ ужасовъ: призраки, пляшущіе воры, безумная, и обиліе смертей доходящее до того, что покойниковъ набирается къ концу дѣйствія съ полдюжины. Прелесть стиховъ Гейне г. Кюи старался замѣнить всевозможными эффектами музыкальной техники. Остановимся хотя бы на второмъ дѣйствіи. Здѣсь, воры, совершивъ свою пляску, поютъ: «друзья, друзья, давайте снова спать, глаза смыкаются невольно», и вотъ композиторъ считаетъ обязанностью передать оркестровкою эффектъ человѣческаго зѣвка. Мысль переложить зѣвокъ на музыку—всецѣло принадлежитъ г. Кюи; эта заслуга и останется при немъ. Но осуществленіе такой удачной мысли все-таки не ограждаетъ слушателей отъ другихъ зѣвковъ, на музыку не положенныхъ. Затѣмъ—монологъ Ратклиффа «при лунѣ», «у *чернаго* камня», въ присутствіи «туманныхъ призраковъ». Ратклиффъ начинаетъ: «У, свистъ какой!» и вотъ флейты въ самомъ дѣлѣ тотчасъ взвизгиваютъ, такъ что сомнѣваться въ свистѣ не остается возможности. Потомъ, оркестръ изъ себя выходитъ, чтобъ испугать слушателя и привесть его въ требуемое настроеніе таинственнаго ужаса. Но все напрасно, самое чрезмѣрное стараніе оркестра производитъ на слушателя совсѣмъ другое впечатлѣніе, то впечатлѣніе, какое всегда производитъ аффектація. Затѣмъ слѣдуетъ дуэтъ Дугласа съ Ратклиффомъ: хотя бы капля живой страсти, хотя бы одно *живое*, исшедшее изъ души композитора движеніе, ничего: трудъ, и трудъ! Разговоръ Ратклиффа съ Дугласомъ во время поединка представляетъ, и по мысли и по фактурѣ, образецъ тривіальности. Но довольно. Мы

Digitized by Google

распространились о произведеніи г. Кюи потому только, что въ немъ отражается направленіе, которое можетъ повредить успѣхамъ русской музыки; пусть наши начинающіе композиторы воздерживаются отъ штукъ, и не думаютъ замѣнить мысль внѣшними эффектами.

Мы готовы были уже заключить нашу хронику, какъ прочли въ одномъ изъ новыхъ журналовъ «Заря» статью г. О. Миллера: «Ссора Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ», съ «Замѣткой для (?!) Вѣстника Европы». Вѣстникъ Европы, вѣроятно, не найдетъ чѣмъ воспользоваться у г. О. Миллера, и придется мнѣ одному прочесть и написать свою замѣтку для О. Миллера. Читатели будутъ при этомъ довольны по крайней мѣрѣ тѣмъ, что отъ г. О. Миллера они узнаютъ наконецъ, кто это такой —о—, подписывающійся подъ «Хроникою общественной жизни». Новый нашъ Шампольонъ почтилъ меня спеціальнымъ изслѣдованіемъ и рѣшился дешифрировать одну изъ буквъ русскаго алфавита, избранную мною для подписи Хроники. Открывъ азбуку, г. О. Миллеръ узналъ бы просто, что это буква *о;* но изслѣдованіе почтеннаго ученаго имѣло только по внѣшности серьезныя намѣренія открыть имя врага; на дѣлѣ оказалось, что нашъ ученый пустился въ плясъ и оповѣстилъ публику, что это *о* есть не что иное, какъ 0, т. е. *нуль*, и затѣмъ, признавъ самъ остроумною свою находку, онъ продолжалъ далѣе обращаться ко мнѣ, называя по открытому имъ имени, а именно, г-нъ Нуль! Ворамъ даютъ совѣтъ не оставлять рукавицъ, а острякамъ, и притомъ изъ ученыхъ, можно дать совѣтъ брать булавку за головку, а не за остріе. Я также былъ озадаченъ оригинальностью подписи г. *О.* Миллера; что́ означаетъ это *О?* Нѣтъ сомнѣнія, что это тоже нуль, а не буква *о*, а потому нѣтъ сомнѣнія, что и я имѣю дѣло съ г. Нуль-Миллеромъ; итакъ, споръ происходитъ между двумя нулями, съ тою только разницею, что мой нуль пишется не съ лѣвой стороны, а г. Миллеръ является нулемъ, поставленнымъ съ лѣвой, т. е. дѣйствительнымъ нулемъ; мой нуль увеличиваетъ единицу въ 10 разъ, а нуль г. Миллера уменьшаетъ ее въ таковое же количество разъ. Мы признаемъ, что все это наше остроуміе весьма дешево, но г. Нуль-Миллеръ долженъ защитить насъ, такъ какъ мы остримъ по его ученому рецепту.

Впрочемъ, г. Миллеръ самъ не считаетъ себя нулемъ, и храбро отвѣчаетъ на нѣкоторыя выраженныя мною недоумѣнія относительно его взглядовъ и быстроты измѣненій ихъ, на основаніи чего я вспомнилъ исторію личинки и бабочки. «Но мнѣ бы хотѣлось знать, восклицаетъ г. О. Миллеръ, прибѣгнетъ ли къ чему-нибудь подобному И. С. Тургеневъ, когда въ статьѣ, имъ обѣщанной «Вѣстнику Европы», долженъ будетъ говорить о Бѣлинскомъ (куда мѣтитъ г. Миллеръ!) *первыхъ*, и Бѣлинскомъ *послѣднихъ* годовъ?» Намъ пріятно увѣдомить г. Миллера, что статья И. С. Тургенева находится уже въ редакціи

Digitized by Google

и будетъ напечатана въ апрѣльской книгѣ. И. С. Тургеневъ, оказывается, совсѣмъ не предвидѣлъ притязаній г. О. Миллера стать рядомъ съ Бѣлинскимъ; но если бы предвидѣлъ, то отвѣтъ его не подлежитъ никакому сомнѣнію: Quod licet Jovi, non licet bovi!

Вотъ образецъ ученыхъ отвѣтовъ г. Миллера; остальное не заслуживаетъ даже и шутки. Г. Миллеръ принимаетъ на себя еще защиту г. Градовскаго, нападаетъ мимоходомъ на проф. Соловьева за его статьи въ «Вѣстникѣ Европы», и упрекаетъ журналъ въ томъ, что онъ въ 66 году напечаталъ его статью о Ломоносовѣ, слѣдовательно, считалъ г. Миллера на что́-нибудь годнымъ, и т. д. «Вѣстникъ Европы» знаетъ одно, что труды г. Миллера печатать весьма опасно: онъ получилъ степень магистра за диссертацію, а потомъ отказалъ своей диссертаціи въ смыслѣ, удержавъ впрочемъ ученую степень, полученную за нее. Кончая свои шутки съ «Вѣстникомъ Европы», г. Миллеръ пророчитъ превращеніе нашего «историческаго журнала» въ юмористическій. «Будемъ — восклицаетъ онъ — ждать съ любопытствомъ такого еще небывалаго происшествія!» «Вѣстникъ Европы» могъ бы также остаться въ ожиданіи окончательнаго превращенія нашего ученаго въ шуты, но такой надобности, послѣ отвѣта мнѣ со стороны г. Миллера, вовсе не предстоитъ. При всемъ томъ, мы продолжаемъ думать, что г. О. Миллеръ на диспутѣ д-ра Владиславлева поступилъ весьма благородно, не согласившись ограничить его противника, г. Ушинскаго, знаменитыми «пятью минутами».

Намъ пришелъ этотъ диспутъ на память, по поводу напечатаннаго въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» извѣстія, что тотъ параграфъ новаго устава университетовъ, который требуетъ двухъ-третей голосовъ для выбора отслужившихъ профессоровъ на новое пятилѣтіе, можетъ быть отмѣненъ. Что же будетъ тогда съ университетами, когда уничтожатъ эту препону, при помощи «коллегъ», продолжать въ туманную даль не чтеніе лекцій — о нѣтъ! — но полученіе хорошаго оклада. Хорошій профессоръ и теперь найдетъ себѣ не только $^2/_3$ голосовъ, но и больше; а какъ отдѣлаться отъ профессора, пережившаго себя. Петербургскій университетъ теперь богатъ такими докторами, какъ г. Бауэръ, Градовскій, Владиславлевъ; какая же перспектива предстоитъ университету, если современное намъ «similis simili gaudet» продолжится «in perpetuum», и мы получимъ когда-нибудь не «perpetuum mobile», а «perpetuum immobile»? Мы остаемся однако въ надеждѣ, что извѣстный параграфъ о двухъ-третяхъ, служащій залогомъ будущаго успѣха университетовъ, найдетъ себѣ пощаду.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ УСЛОВІЯ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

Новая комедія А. Н. Островскаго: «Горячее сердце».

Мы давно не говорили о русскомъ театрѣ; но говорить о русской сценѣ ради того только, чтобы говорить, мало пользы. Не останавливаться же на такихъ пьесахъ, какъ «Свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ», «Наканунѣ ссылки» и т. п.—только для того, чтобы сказать, что всѣ эти пьесы никуда не годятся. Еслибы еще въ подобныхъ произведеніяхъ рядомъ съ большими недостатками были еще и какія-нибудь достоинства, которыя подсказывали, что авторъ обладаетъ дѣйствительнымъ драматическимъ талантомъ, но только случайно, по неопытности, незнанію сцены, непривычкѣ къ дѣлу, оступился или даже вовсе провалился,— тогда, не обращая вниманія на то, что пьеса упала, мы бы съ радостью занялись ею, стараясь указать на все, что въ ней есть хорошаго и указывая недостатки, отъ которыхъ авторъ впослѣдствіи могъ бы освободиться. Притомъ, одно паденіе пьесы не доказываетъ ровно ничего, и мы не разъ видѣли, что самые талантливые, самые замѣчательные авторы падали, но только для того, чтобы потомъ выше взлетѣть. Мы бы зашли слишкомъ далеко, если бы захотѣли разобрать всѣ причины успѣха или неуспѣха пьесы, что могло бы составить предметъ особой статьи — мы хотимъ только сказать, что въ опредѣленіи достоинствъ или недостоинствъ пьесы мы вовсе не руководствуемся тѣмъ, насколько пьеса имѣла успѣха или насколько не имѣла.

Мы живемъ въ такое странное время, когда «Прекрасная Елена», «Всѣ мы жаждемъ любви», и мн. другое въ этомъ же родѣ, не сходятъ съ афиши, въ то время какъ лучшія произведенія русскаго репертуара, «Горе отъ ума», «Ревизоръ», прежнія произведенія Островскаго, А. Потѣхина, появляются ровно настолько, чтобы не дать имъ быть задавленными цѣлою стѣною пыли. Нечего уже и говорить, что переводныхъ произведеній геніальныхъ драматурговъ Запада мы не видимъ почти никогда. А между тѣмъ не слѣдовало бы, кажется, ими пренебрегать. Если мы не ошибаемся, намъ кажется, что несравненно лучше было бы играть отъ времени до времени Шекспира, Шиллера, поставить нѣкоторыя изъ геніальныхъ драмъ Гёте, и даже нѣкоторыхъ изъ современныхъ иностранныхъ драматурговъ, чѣмъ питать

Digitized by Google

русскую публику французскими оперетками, часто изуродованными русскимъ переводомъ, которыя смѣло можно было предоставить театру Берга и Комп. Разумѣется, намъ отвѣтятъ на это: «театръ полонъ, публика ломится, это нравится, чего же вы хотите»; но этими доводами мы никакъ не убѣдимся, вѣдь и въ кабаки «публика» ломится, вѣдь и въ балаганы, которыя строятся на праздникахъ, публика ломится, вѣдь и..... однимъ словомъ, въ различныя мѣста публика ломится, однако изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы сцену Александринскаго театра превратить въ кабакъ, или заставить ходить на ней по канату, призвать клоуновъ и тому подобное. Мы не возстаемъ противъ всѣхъ подобныхъ удовольствій, мы не пуритане, которые желали бы заставить весь міръ отвернуться отъ подобныхъ зрѣлищъ, но мы только думаемъ, что если театральной дирекціи особенно лежитъ на душѣ знакомить русскую публику съ игривыми произведеніями маленькихъ французскихъ театровъ, то было бы гораздо лучше, еслибы театральная дирекція обратилась къ свободѣ театровъ, вмѣсто того, чтобы отнимать у драматическаго искусства единственную петербургскую сцену—сцену Александринскаго театра. Пусть будутъ сцены, гдѣ давались бы «Прекрасная Елена», «Орфей въ Аду», «Всѣ мы жаждемъ любви» и всевозможныя tutti quanti,—мы противъ этого ничего не имѣемъ, но пусть только будетъ хоть одна сцена, гдѣ можно было бы провести вечеръ тогда, когда человѣкъ не находится въ игривомъ расположеніи духа. Намъ кажется, что требованіе это ужъ не богъ-знаетъ какъ велико!

Но помимо возраженія: «театръ полонъ, сборъ превосходный», театральная дирекція, можетъ быть, скажетъ намъ: «Чего вы хотите! Шиллера, Гёте, Шекспира, Грибоѣдова, Гоголя, да вѣдь для того, чтобы ими можно было дѣлать сборъ, для этого вѣдь нужна труппа, которая съумѣла бы вынести такого рода произведенія, а такой труппы у насъ нѣтъ!» Подобный доводъ одинаково неубѣдителенъ, какъ и первый; это не наша вина, если театральное училище выпускаетъ актеровъ и актрисъ, которые способны разъигрывать оперетки и фарсы и неспособны передать намъ серьезнаго произведенія драматическаго искусства. «Замѣчательные таланты, скажутъ намъ, не дѣлаются,—Тальмы, Кины, Рашели рождаются»; и мы не станемъ спорить противъ этого, мы вовсе и не требуемъ того, мы знаемъ, что театральное училище скорѣе забьетъ, уничтожитъ, чѣмъ разовьетъ талантъ; все что мы хотимъ, что мы имѣемъ право требовать,—чтобы у насъ была «средняя» труппа, которая при помощи труда, нѣкотораго образованія, старанія, могла бы исполнить ровно—не болѣе—хорошую комедію или драму. Какъ ни умѣренно такое желаніе, русская драматическая труппа далека до его осуществленія, за исключеніемъ двухъ, трехъ лицъ, она въ общемъ уровнѣ стоитъ ниже посредственности. Взгляните на мно-

Digitized by Google

численныя сцены Германіи, Англіи, Франціи, Италіи, и вы увидите, что тамъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ талантовъ, тоже не богъ-знаетъ какое исполненіе, взятое конечно само по себѣ или по сравненію ихъ между собою; но сравните съ тѣмъ исполненіемъ, которое мы видимъ на нашей сценѣ, и тогда нельзя не ужаснуться, подумавъ, за какіе грѣхи мы обречены терпѣть это чистое наводненіе бездарностей, и главное бездарностей, испорченныхъ еще какою-то неумѣстною самоувѣренностью и развязностью. Въ любой странѣ западной Европы существуетъ огромное количество театровъ, и на очень многихъ изъ нихъ всегда можно увидѣть хорошее произведеніе драматическаго искусства, разыгранное какъ нельзя болѣе дружно, добросовѣстно, не говоря о тѣхъ случаяхъ, когда вы выносите потрясающее впечатлѣніе отъ игры такихъ замѣчательныхъ талантовъ какъ Росси, Сальвини, Девріентъ и т. д. У насъ существуетъ всего по одному русскому театру въ Петербургѣ и Москвѣ, и то мы не можемъ добиться, чтобы имѣть сносную «среднюю труппу». Мы упомянули Москву, потому что по отзыву самихъ москвичей, понимающихъ въ дѣлѣ сценическаго искусства, московская труппа живетъ только своею прошедшею славою, падая изъ года въ годъ все ниже и ниже.

Гдѣ искать причины такого неотраднаго состоянія сценическаго искусства, въ чемъ должны мы видѣть корень зла? Не нужно очень углубляться, чтобы отыскать эту причину, она лежитъ передъ глазами и поражаетъ своею уродливостью. Театральное училище должно по праву нести отвѣтственность за то, что русская труппа въ общемъ составѣ стоитъ ниже посредственности. Принявъ на себя монополію постановки актеровъ и актрисъ на русскую сцену, оно заслуживаетъ самаго строгаго порицанія въ двухъ отношеніяхъ: во-1-хъ, доказавъ свою полную неспособность къ выработкѣ, повторяемъ еще разъ, не талантовъ, а просто толковыхъ и не портящихъ пьесы исполнителей, какихъ мы находимъ вездѣ на многочисленныхъ европейскихъ сценахъ; и во-2-хъ отталкивая, запирая, за рѣдкими исключеніями, двери театра для всякаго непосвященнаго въ таинства театральнаго училища. Оно и понятно. Какъ ни великъ можетъ быть бюджетъ русскихъ театровъ, но онъ долженъ поглощаться тою массою питомцевъ театральнаго училища, которые входятъ въ составъ русской драматической труппы. Какое дѣло до того, что многіе и многіе изъ этой труппы никогда не появляются на сценѣ, одни по полной неспособности, другіе по другимъ, неизвѣстнымъ намъ причинамъ, они тѣмъ не менѣе продолжаютъ высасывать свои пансіоны, которые съ пользою могли бы быть обращены на другихъ, не-казенныхъ актеровъ, когда, хотя и рѣдко это бываетъ, они предлагаютъ свои услуги дирекціи. Конечно, вольные актеры являются теперь не часто, но иначе

Digitized by Google

и быть не можетъ, такъ какъ кому не извѣстно, что театральная дирекція смотритъ косо, и даже вовсе криво на свободныхъ артистовъ, непрошедшихъ черезъ торную дорогу театральнаго училища. Какая можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, охота принимать въ труппу пришедшихъ съ вольнаго воздуха артистовъ, когда дирекція не знаетъ, что ей дѣлать и со своими. А что до того, что свои могутъ никуда не годиться, посторонніе могутъ быть хороши, это вовсе другой вопросъ, о которомъ повидимому никто особенно не заботится. Такъ и идетъ изо дня въ день, и въ обществѣ утверждается понятіе, что для того, чтобы быть актеромъ нужно непремѣнно съ десяти лѣтъ поступить въ училище, гдѣ васъ будутъ ломать, коверкать, учить ходить, раскланиваться, и гдѣ вы не получите никакого порядочнаго образованія, безъ котораго артистъ, какъ онъ даже ни будетъ талантливъ, теряетъ больше чѣмъ на половину своей силы, а человѣкъ, лишенный большого таланта, становится вовсе неспособнымъ къ пониманію маломальски серьезной роли.

Вотъ слѣдовательно корень зла, и покуда онъ не будетъ совершенно уничтоженъ, покуда не закроется театральное училище, стоющее такихъ суммъ, до тѣхъ поръ положеніе сценическаго искусства все будетъ падать больше и больше, такъ какъ пріобрѣтенія, дѣлаемыя человѣкомъ въ театральномъ училищѣ, остаются тѣже, а требованія отъ актера все болѣе увеличиваются. Впрочемъ, если существованіе театральнаго училища кому-нибудь особенно дорого, то пусть оно остается, но пусть за то будетъ сдѣлана другая реформа, которая одинаково должна будетъ благодѣтельно подѣйствовать на возвышеніе уровня драматической труппы. Пусть будетъ дана свобода театровъ, и тогда рядомъ съ питомцами театральнаго училища явится у насъ значительное количество конкуррентовъ, которые отгоняются теперь отъ русской сцены монополіею театральной дирекціи. Тогда только, когда будетъ предоставлена свобода театровъ, въ дѣятельности русскаго люда явится новая вѣтвь — служеніе сценическому искусству, тогда только люди, чувствующіе въ себѣ призваніе, страсть, священный огонь къ этому дѣлу, не будутъ смотрѣть на свое призваніе какъ на шалость, забаву, а будутъ вполнѣ ему отдаваться и посвящать себя исключительно сценѣ. Конечно, при свободѣ театровъ, цѣна исключительнымъ талантамъ значительно повысится, и такой артистъ безъ сомнѣнія не останется на сценѣ казеннаго театра, если частный директоръ театра предложитъ ему больше, но за то обыкновенные, порядочные актеры, простыя «полезности» перестанутъ прикидываться олимпійцами и диктовать законы, такъ какъ подобныхъ актеровъ явится много, и дирекція получитъ возможность выбора.

Какъ важна свобода театровъ въ дѣлѣ возвышенія уровня драматической труппы, такъ точно важна она и для улучшенія нашего дра-

Digitized by Google

матическаго репертуара. Со всѣхъ сторонъ мы только и слышимъ жалобы на то, что вовсе нѣтъ порядочныхъ пьесъ, и нельзя не сказать, что жалобы эти какъ нельзя болѣе справедливы. Конечно, въ этомъ дѣлѣ одной свободы театровъ еще мало, тутъ есть другія условія, которыя пагубнымъ образомъ дѣйствуютъ на состояніе драматическаго искусства въ Россіи. Мы не станемъ останавливаться на томъ, какія эти условія, онѣ ясны, какъ день, и театральная дирекція въ нихъ неповинна. Мы говоримъ о чрезвычайной строгости цензуры, допускающей пьесы къ представленію или останавливающей ихъ вслѣдствіе своихъ особыхъ соображеній. Положеніе русскаго драматурга несравненно труднѣе, чѣмъ положеніе любого драматурга западной Европы, потому что изъ области русской драматической дѣятельности должны быть исключены очень многіе и очень важные жизненные вопросы, которые послужили темой для столькихъ прекрасныхъ произведеній въ иностранной драматургіи. Стоитъ только взять нѣсколько произведеній драматическаго искусства во Франціи, на которую у насъ сдѣлалось модой накидываться и обвинять въ отсталости и чуть не безвозвратномъ паденіи, чтобы убѣдиться, сколько отличныхъ комедій и драмъ было написано на канву политической, религіозной и соціальной жизни общества, безъ того, чтобы изъ этого произошли какія-нибудь бѣды. Еслибы всѣ эти области были отняты у современныхъ французскихъ драматурговъ, то театръ лишенъ бы былъ такихъ пьесъ, какъ «Les Effrontés», «Les Parisiens», «Séraphine» и многихъ другихъ произведеній Ожье и Сарду, Дюма и Барьера. Чѣмъ шире будетъ область наблюденій, предоставленная русскому драматургу, чѣмъ крупнѣе интересы онъ будетъ затрогивать, тѣмъ выше поднимется русское драматическое искусство, тѣмъ шибче пойдетъ его развитіе. Чѣмъ строже и ревнивѣе будетъ относиться театральная цензура къ драматическимъ произведеніямъ, тѣмъ больше будетъ оно падать, тѣмъ бѣднѣе будетъ становиться нашъ репертуаръ. Тамъ, гдѣ нѣтъ воздуха, тамъ нѣтъ и жизни. Мы смиренно предлагаемъ театральной цензурѣ одинъ вопросъ, въ который, мы отъ души желаемъ, чтобы она вдумалась какъ можно глубже: что считаетъ она болѣе вреднымъ, что больше деморализируетъ массу, что пагубнѣе дѣйствуетъ на нее: «Прекрасная-ли Елена», которая не сходитъ эту зиму съ афиши, или комедія А. Потѣхина «Рыцари нашего времени», недопущенная ею до представленія и появившаяся теперь въ печати. Мы не хотимъ сомнѣваться, чтобы театральная цензура, задавъ себѣ этотъ вопросъ, не пришла бы къ тому же разрѣшенію, какъ и мы.

Но помимо условій, задерживающихъ развитіе русскаго драматическаго искусства, въ которомъ неповинна театральная дирекція, она все-таки вноситъ и свою лепту въ общій тормозъ, представляя изъ себя верховнаго властелина, рѣшающаго участь каждой драмы или

Digitized by Google

комедіи, съ сценической точки зрѣнія. Мы полагаемъ, что театральный комитетъ, черезъ который проходитъ всякая пьеса, не считаетъ себя непогрѣшимымъ, и можетъ быть очень легко, что пьеса, забракованная имъ, имѣла бы тѣмъ неменѣе значительный успѣхъ на сценѣ. При монополіи казенныхъ театровъ, что́ выходитъ? Пьеса представляется въ театральный комитетъ, по какимъ-нибудь причинамъ она не понравилась, комитетъ кладетъ свое veto, и затѣмъ для автора нѣтъ уже никакого выхода, апеллировать ему некуда. Кто знаетъ, не погибло ли такимъ образомъ многое множество пьесъ, которыя имѣли бо́льшія достоинства, чѣмъ произведенія, появившіяся на афишѣ. И мы нисколько не винимъ за это комитетъ, и не желаемъ дѣлать ему какихъ бы то ни было упрековъ. Онъ совершенно неповиненъ; кому не приходилось ошибаться, и комитетъ не претендуетъ, конечно, составить исключеніе изъ общаго правила. Но неповинны, однако, и тѣ, которые написали пьесу, можетъ быть, хорошую, и все-таки должны бросать ее въ свой бумажный хламъ. Виновна одна система театральной монополіи, на которую мы указываемъ, такъ какъ при свободѣ театровъ такіе случаи были бы просто немыслимы. Предполагая, что театральная дирекція казеннаго театра отказываетъ какую-нибудь пьесу, авторъ имѣетъ возможность снести ее къ частному директору, онъ не принялъ, къ другому, и т. д. Нѣтъ никакой вѣроятности, что пьеса, имѣющая дѣйствительныя достоинства, хотя и перемѣшанныя съ недостатками, не попала бы на какую-нибудь сцену, и разыгранная, показала бы, что́ въ ней есть хорошаго, что́ дурного. Развѣ не каждый день мы видимъ въ западной Европѣ подобные случаи, развѣ мы не знаемъ примѣровъ, что комедія приносилась, напр., въ Comédie Française, получала отказъ, переходила къ какому-нибудь директору, снова отказъ, и такъ пространствовавъ изъ одного театра въ другой, изъ Gymnase dramatique въ театръ Vaudeville, отсюда въ театръ Odéon, достигала какого-нибудь маленькаго театра, въ родѣ Cluny, и тутъ, къ досадѣ всѣхъ директоровъ, у которыхъ пьеса была, но которые отказали, имѣла громадный успѣхъ. Такъ случилось въ послѣднее время съ нѣсколькими пьесами въ Парижѣ.

Мы могли бы пойти дальше и показать, въ какихъ еще отношеніяхъ свобода театровъ имѣла бы большое значеніе, но мы остановимся, думая, что достаточно и того, что нами сказано, чтобы убѣдиться, какую важность имѣетъ отмѣна театральной монополіи для дальнѣйшаго развитія драматическаго искусства, а слѣдовательно и для русской жизни. Только при свободѣ театра, онъ займетъ въ этой жизни то мѣсто, которое должно ему принадлежать, только тогда явится онъ какъ одно изъ могущественныхъ средствъ цивилизаціи. До тѣхъ поръ, пока не настанетъ для русскаго театра эта желанная эпоха свободы, до тѣхъ поръ не возвысится и уровень драматической

Digitized by Google

труппы, до тѣхъ поръ не раскинется широко и драматическій репертуаръ, и по прежнему онъ будетъ держаться однимъ или двумя авторами, во всемъ остальномъ представляя крайнюю посредственность; наконецъ, тогда только баснословный успѣхъ «Прекрасной Елены» и тому подобныхъ фарсовъ, въ ущербъ серьезнымъ произведеніямъ не будетъ особенно печалить всякаго, кому дорого русское искусство, потому что только тогда мы будемъ увѣрены, что французскія оперетки не узурпируютъ чужого мѣста. Тогда пусть являются «Елены», «Орфеи», «Всѣ мы жаждемъ любви», пусть тогда они привлекаютъ публику, мы будемъ знать, что рядомъ съ этими сценами для фарсовъ будутъ сцены и для дѣльныхъ комедій, что вкусъ публики не будетъ искуственно развращаться «Еленами» на счетъ серьезнаго репертуара драматическаго искусства.

Мы боимся, чтобы такое явленіе, если бы оно оказалось продолжительнымъ, не свидѣтельствовало о пониженіи уровня въ общественномъ вкусѣ. Успѣхъ однихъ и неуспѣхъ другихъ приводитъ насъ къ тому положенію, изъ котораго мы вышли, что успѣхъ не доказываетъ, чтобы пьеса была хороша, точно также, какъ неуспѣхъ не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы пьеса была дурна. Послѣдняя комедія Островскаго: «Горячее Сердце», какъ нельзя лучше говоритъ въ пользу нашего положенія; если бы мы должны были опредѣлять достоинство пьесы потому, насколько она имѣла успѣха, то про «Горячее Сердце» мы должны были бы сказать, что комедія эта есть очень слабое произведеніе, съ чѣмъ конечно мы далеко не согласны, хотя и должны сознаться, что въ этомъ новомъ произведеніи кроются такіе недостатки, которые объясняютъ болѣе или менѣе тотъ равнодушный пріемъ, который встрѣтила эта комедія на сценѣ Александринскаго театра.

Въ «Горячемъ Сердцѣ» г. Островскій снова вернулся въ міръ самодуровъ, послужившій ему такимъ богатымъ матеріаломъ для прежнихъ его произведеній, ему посвященъ почти весь театръ Островскаго, за исключеніемъ двухъ или трехъ пьесъ. Самодуры въ низшемъ слоѣ общества, въ классѣ мѣщанъ или купцовъ, снова явились передъ нами, тогда, когда мы думали, что, благодаря самому г. Островскому, этотъ міръ исчерпанъ до конца, и что подъ опасностью повторенія, къ нему едва-ли возможно обращаться. Почва обѣднѣла, мы полагали, вслѣдствіе долгой и безостановочной эксплуатаціи, и едва ли мы ошиблись въ нашемъ предположеніи. Какими бы достоинствами ни отличалось произведеніе, написанное на старую, хорошо знакомую намъ тему, оно всегда будетъ терять половину своей силы, если въ каждомъ выведенномъ типѣ мы встрѣчаемъ типъ, много разъ повторенный уже прежде тѣмъ же самымъ авторомъ. Такъ случилось, и съ «Горячимъ Сердцемъ». Читая или слушая на сценѣ новое произведеніе г. Остров-

Digitized by Google

скаго невольно приходитъ на мысль, что слушаешь или читаешь вовсе не новую комедію, что всѣ эти типы, всѣ отношенія ихъ между собою, многія сцены не разъ уже проходили передъ вами, и вы ищете только, въ какой комедіи или драмѣ встрѣчали вы ту или другую фигуру. Быть можетъ, это замѣчаніе приходило и въ голову самому автору въ то время, когда онъ писалъ свою комедію, и чувствуя, что трудно прибавить къ тому, что́ было имъ сдѣлано, что-нибудь новое, онъ постарался придать выведеннымъ въ этой комедіи лицамъ большую рѣзкость, которая подчасъ переходитъ въ каррикатурность, и тѣмъ вредитъ «правдѣ» цѣлаго произведенія. Вотъ общее впечатлѣніе, выносимое изъ новой комедіи, впечатлѣніе, котораго справедливость мы постараемся показать, сдѣлавъ хоть бѣглый разборъ «Горячаго Сердца».

Мы желали бы прежде всего разсказать сюжетъ новой комедіи, передать въ нѣсколькихъ словахъ ея содержаніе, ея интригу, и тутъ встрѣчаемъ значительную трудность, которую едва-ли не слѣдуетъ вмѣнить въ вину г. Островскому. Мы не знаемъ, что слѣдуетъ считать главнымъ сюжетомъ комедіи: отношенія-ли Параши къ Васѣ, отношенія-ли Матрены къ Наркису, кто тутъ занимаетъ главную роль, кто является на второстепенномъ планѣ, все тутъ перемѣшано, перепутано, сцены всѣ скучены, и вы съ трудомъ отыскиваете ту нить, которая связываетъ между собою всѣ выведенныя лица и всѣ намѣченныя сцены. Присутствіе такой нити есть неизбѣжная необходимость въ комедіи или драмѣ, безъ нея можетъ быть рядъ сценъ, изъ которыхъ одна болѣе удачна, чѣмъ другая, но не будетъ цѣльности, безъ которой комедія не комедія, драма не драма. Нить эта должна сплочивать между собою всѣ сцены, всѣ явленія, и тѣ которыя ускользаютъ, не поддаются ей, должны быть считаемы излишними въ драматическомъ произведеніи. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы этой нити вовсе не было въ новой комедіи г. Островскаго, но она двадцать разъ обрывалась у него во время работы, и онъ, не прилагая особеннаго старанія, какъ попалось, связывалъ ее наскоро, вслѣдствіе чего и попадаются болѣе или менѣе неуклюжіе узлы.

У испитаго и заспавшагося купца Курослѣпова есть дочь отъ первой жены, Параша, которую притѣсняетъ мачиха, вторая жена Курослѣпова—Матрена. Послѣдняя обзавелась любовникомъ, который изображенъ запивающимъ и важничающимъ своимъ успѣхомъ Наркисомъ, прикащикомъ Курослѣпова, а первой полюбился купеческій сынъ Вася Шустрый. Матрена воруетъ у мужа деньги, чтобы угодить только алчному Наркису, а Параша выходитъ по вечерамъ на свиданіе съ Васей. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда Вася, потолковавши съ Парашей, и услышавъ шаги Курослѣпова, прячется въ кустахъ, на сцену появляется Курослѣповъ, городничій, Матрена и между прочими дѣлами ведутъ они разговоръ о покражѣ двухъ тысячъ рублей изъ-

Digitized by Google

подъ подушки Курослѣпова. Городничій обѣщаетъ отыскать вора и тутъ же предлагаетъ измѣрить шагами, какъ велико пространство отъ дому до забору. Курослѣповъ и городничій начинаютъ шагать и натыкаются на Васю и Гаврилу (служащаго у Курослѣпова и влюбленнаго въ Парашу). Воры найдены. Васю Шустраго немедленно отправляютъ въ арестантскія роты и тутъ же рѣшаютъ отдать его въ солдаты. Параша узнавъ, что Вася Шустрый, пришедшій къ ней на свиданіе, отправленъ въ арестантскія роты съ тѣмъ, чтобы быть отданнымъ въ солдаты, рѣшается сама бросить родительскій домъ и сдѣлаться солдаткой, выйдя замужъ за Васю. Вася совсѣмъ убитъ горемъ, но къ его счастью на выручку является разжившійся изъ крестьянъ самодуръ Хлыновъ, проводящій всю жизнь въ вѣчномъ пьянствѣ и забавляющій себя всякими забавами. Онъ выкупаетъ Васю, поставляетъ вмѣсто него наемника и опредѣляетъ его къ себѣ въ новые запѣвалы. Деньги все-таки не розыскиваются, а городничему сильно хочется прибрать ихъ къ своимъ рукамъ. Онъ узнаетъ черезъ Силана, дядю Курослѣпова, служащаго у него въ дворникахъ, что жена Курослѣпова живетъ съ Наркисомъ, и рядомъ съ этимъ ему доносятъ и то, что Наркисъ въ пьяномъ видѣ хвастался тѣмъ, что недавно приказалъ хозяйкѣ принести двѣ тысячи рублей, и что та исполнила приказаніе. Позднимъ вечеромъ, когда Матрена пошла во флигель къ Наркису, городничій, Куроспѣловъ и другіе накрываютъ ее, дѣло выясняется, Матрену отсылаютъ въ родительскій домъ, Наркиса въ арестантскія роты. Въ это время Параша, успѣвшая разлюбить Васю, за то, что онъ пошелъ въ паясы къ Хлынову, возвращается домой и выходитъ за мужъ за Гаврилу, который съумѣлъ доказать свою преданность и любовь.

Вотъ въ сущности остовъ новаго произведенія г. Островскаго, изъ котораго авторъ при большемъ трудѣ могъ извлечь гораздо болѣе, нежели онъ это сдѣлалъ. Еслибы всѣ эти основныя положенія комедіи были крѣпко связаны между собою, а не брошены вмѣстѣ какъ попало, часто разрѣшая трудность положенія натянутой сценой сомнительнаго комизма, еслибы всѣ выведенныя тутъ лица были начерчены съ обычнымъ мастерствомъ нашего талантливаго драматурга, а не опредѣлены нѣсколькими штрихами, часто неподходящими другъ къ другу, тогда, несмотря на отсутствіе новизны въ типахъ, «Горячее Сердце» заняло бы несравненно высшее мѣсто въ репертуарѣ Островскаго.

Передавъ, насколько было возможно, общее содержаніе комедіи, остановимся теперь на отдѣльныхъ характерахъ и сценахъ, между которыми мы найдемъ много удачнаго и истинно комичнаго. Фигура самого Курослѣпова, принадлежащаго и тѣломъ и душою къ породѣ самодуровъ, мѣтко очерчена Островскимъ, съ первыхъ словъ, произнесенныхъ «именитымъ купцомъ»: «И съ чего это небо валилось? Такъ

Digitized by Google

вотъ и валится, такъ вотъ и валится. Или это мнѣ во снѣ, что-ль? Вотъ угадай поди, что такое теперь на свѣтѣ, утро или вечеръ?» Послѣ такого вступленія не трудно уже составить себѣ понятіе о характерѣ Курослѣпова, который до того спился и до того заспался, что не умѣетъ различить утро отъ вечера, и все ему представляются какія-то страсти, то, что пятнадцать часовъ бьетъ: «Боже мой! Боже мой! Дожили! Пятнадцать! До чего дожили! Пятнадцать!» То ему кажется, что небо лопнуло, и все въ этомъ родѣ. Съ самаго перваго монолога, который онъ произноситъ, характеръ его уже опредѣленъ Островскимъ, и далѣе изъ его разговоровъ мы ничего особеннаго не узнаемъ. Что же касается его отношенія къ остальнымъ лицамъ комедіи, то отношеніе это не иное какъ и всѣхъ остальныхъ самодуровъ, хорошо намъ извѣстныхъ: оттрепать за волосы, разбить балалайку объ голову, не выносить никакихъ противорѣчій, требовать себѣ подчиненія, и уважать одну только силу, рядомъ съ полнымъ отрицаніемъ всякихъ правъ за другими, и всякихъ обязанностей за собою — все это общія черты самодурства, набросанныя съ обычнымъ мастерствомъ Островскаго, усѣянныя необыкновенно «смѣшными словами», смѣшными выраженіями, которыя не могутъ не вызывать общаго смѣха. Обращеніе Курослѣпова съ своими домочадцами и посторонними такое, какое и полагается имѣть самодуру, и еслибы только не послѣдняя сцена комедіи, тогда характеръ этотъ нельзя было бы обвинить въ нецѣльности. Въ послѣдней сценѣ Курослѣповъ застаетъ жену въ комнатѣ Наркиса, узнаетъ объ ихъ связи, узнаетъ, что никто иной, а она воровала у него деньги, и что́ же дѣлаетъ самодуръ новой комедіи? Мы ждемъ, что онъ по крайней мѣрѣ вцѣпится въ нее, начнетъ бить, издѣваться, разсыпа́ть на нее самую сильную брань, и вмѣсто этого, что́ же мы находимъ: «Ну, какъ же, Матрена Харитовна?» произноситъ онъ совершенно спокойнымъ голосомъ. И на отвѣтъ Матрены, что она не своей волей, а что ее «врагъ попуталъ», Курослѣповъ ограничивается словами, на которыя едва ли былъ бы способенъ въ такую минуту даже иной образованный человѣкъ: «Вы вчера тутъ проповѣдывали, говоритъ онъ, что у тятеньки вамъ не въ примѣръ лучше, что тамъ оченно по васъ убиваются, такъ ужъ вы теперича къ нему поступайте»; и за этимъ ни одного слова брани, ни одного удара, ни одного упрека. О, еслибы всѣ мужья въ ту минуту, когда они узнаютъ объ измѣнѣ жены, могли сдѣлаться самодурами, какое счастливое бы наступило время. Но намъ кажется, и мы увѣрены, что съ нами мало кто станетъ спорить, что подобная черта въ характерѣ самодура Курослѣпова есть чисто фальшивая, неудачно вымышленная г. Островскимъ для того, чтобы испортить типичную, хотя и нѣсколько карикатурную фигуру Курослѣпова.

Если въ характерѣ Курослѣпова попадается только одна черта, ко-

Digitized by Google

торая невольно рѣжетъ глаза своею фальшью, за то характеръ Параши, очевидно героини пьесы, состоитъ весь изъ противорѣчащихъ между собою сторонъ. Изъ разбиравшихъ до насъ «Горячее Сердце», одни находили въ ней сходство съ Катериной, другіе не признавали между этими двумя типами ничего общаго. Намъ кажется, что и тѣ и другіе правы, или и тѣ и другіе неправы. Между Парашей и Катериной въ одномъ только отношеніи нѣтъ ничего общаго, это въ томъ, что Катерина представляетъ собою, правда идеальный, но вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно цѣльный и прекрасно законченный художественный образъ; между тѣмъ, какъ Параша, въ отношеніи цѣльности и законченности, представляетъ нѣчто совершенно противоположное. Въ первомъ дѣйствіи Параша представляется намъ хорошею, простою русскою дѣвушкою, выросшею среди самодуровъ и носящей на себѣ всѣ его слѣды. Она нисколько тутъ не идеализирована, умѣетъ отгрызаться отъ своей мачихи, ей нечего лазить въ карманъ за словомъ, въ ней есть своя воля, есть энергія, есть даже нѣкоторая доза самодурства. Такой типъ, хорошей, простой, не идеализированной дѣвушки Островскій представилъ намъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ созданій, именно въ типѣ Груши въ комедіи: «Не такъ живи какъ хочется», и въ самыхъ удачныхъ мѣстахъ Параша намъ именно напоминаетъ этотъ характеръ. Груша, дѣвушка съ хорошей душою, умѣетъ глубоко чувствовать, безъ словъ она умѣетъ глубоко любить, все въ ней необыкновенно просто, необыкновенно правдиво, вы смотрите на нее и думаете: какая хорошая женщина попадается въ этой грубой средѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, глядя на нее ваше сердце не надрывается, потому что передъ вами женщина, не задавленная, не пришибленная, какъ Катерина, а сжившаяся съ извѣстною средою и съумѣвшая остаться въ ней совершенно свободною, обладающая собственною волею женщина. Вотъ какой типъ напомнила намъ Параша въ первомъ дѣйствіи и въ разговорѣ съ Васей, когда она проситъ его поскорѣй жениться на ней, потому что «терпѣнья моего не хватаетъ». Есть въ ней тутъ вся отвага, вся энергія, она не подчиняется добровольно, она не любитъ боязливо, она требуетъ, чтобы и ей платили тѣмъ же, чтобы и въ человѣкѣ, котораго она любитъ, была таже отвага и энергія. Когда Вася говоритъ ей, чтобы она потерпѣла, что ему нужно дѣлишки устроить, то, да другое, но какъ устроится, такъ и женится, то Параша съ настойчивостью допрашиваетъ его: «Да когда же, когда? День-то скажи! Ужъ я такъ замру до того дня, заморю сердцето, зажму его, руками ухвачу... Какой ты человѣкъ, дрянной ты, что ли? Что слово, что дѣло, говоритъ она, у меня все одно. Ты меня водишь, ты меня водишь — а мнѣ смерть видимая. Мука нестерпимая, часу мнѣ терпѣть больше нельзя, а ты мнѣ: «Когда Богъ дастъ; да въ Москву съѣздить, да долги получить!» Или ты мнѣ не вѣришь,

Digitized by Google

или ты дрянь такая на свѣтъ родился, что глядѣть-то на тебя не стоитъ, не токмо что любить». Тутъ нельзя не чувствовать большой силы, большой энергіи, выросшей на почвѣ самодурщины.

Если бы характеръ Параши былъ до конца выдержанъ въ этомъ тонѣ, мы были бы рады привѣтствовать ее, какъ родную сестру Груши, но, къ сожалѣнію, мы не встрѣчаемъ здѣсь той послѣдовательности, той законченности, той глубокой правды въ цѣломъ характерѣ, всѣхъ тѣхъ чертъ, которыя дѣлаютъ героиню комедіи «Не такъ живи какъ хочется» однимъ изъ лучшихъ и самыхъ симпатичныхъ женскихъ типовъ Островскаго. У Параши точно два лица, однимъ она напоминаетъ Грушу, съ этой стороны она является хорошей, простой, не исключительной дѣвушкой; другимъ, она невольно вызываетъ въ вашей памяти образъ печальной, идеализированной Катерины, и тутъ вы встрѣчаете въ ней какую-то излишнюю нѣжность, переходящую въ сантиментальничанье, мечтательность, дурно вяжущихся съ типомъ Параши, напоминающимъ Грушу. Вотъ отчего и выходитъ, что Параша поминутно бросаетъ васъ изъ одного впечатлѣнія въ другое: то она непріятно поражаетъ васъ своею рѣзкостью, которая, вы не можете не чувствовать, идетъ въ разрѣзъ съ мягкимъ образомъ Параши-Катерины, то вы чувствуете диссонансъ, когда она впадаетъ въ сантиментальничанье, не подходящее къ Парашѣ-Грушѣ. Послѣ первой сцены, въ которой мы видимъ Парашу, бранящуюся съ своей мачихой, сцены, въ которой Параша является намъ какъ характеръ, не чуждый самодурства, послѣ сцены съ Васей, въ которой мы видимъ въ ней энергичную, вполнѣ реальную дѣвушку, которая не хочетъ словъ, которая не желаетъ удовлетворять вздохами любви, которая требуетъ фактовъ, дѣла, которая прямо смотритъ въ глаза жизни, готовая бороться, трудиться, послѣ многихъ другихъ сценъ, какъ прощанье съ домомъ, когда она убѣгаетъ, сцены съ Васей, когда она упрекаетъ его, что онъ сдѣлался паясомъ, мы никакъ не соглашаемся смотрѣть на Парашу, какъ на до-нельзя мягкую, нѣжную, идеализированную натуру. А между тѣмъ, рядомъ со всѣми сценами, о которыхъ мы упомянули, идутъ другія сцены, въ которыхъ Параша является именно такою. Стоитъ припомнить то мѣсто, когда Параша появляется въ началѣ 2-го акта и произноситъ свой небольшой монологъ: «Тихо... Никого... А какъ душа-то поетъ. Васи нѣтъ, должно быть. Не съ кѣмъ часокъ скоротать, не съ кѣмъ сердечко погрѣть. Сяду я да подумаю, какъ люди на волѣ живутъ, счастливые...» и нѣсколько дальше: «Вонъ звѣздочка падаетъ. Куда это она? А гдѣ-то моя звѣздочка, что-то съ ней будетъ?» Вамъ такъ и представляется, что передъ вами сидитъ Катерина. Или, напр., въ третьемъ актѣ, сцена прощанья съ Васей, сцена передъ тюрьмой, гдѣ она между прочимъ говоритъ: «...буду я, Васинька, молиться весь день, весь-то денечекъ, чтобы все, что мы съ

Digitized by Google

тобой задумали, Богъ намъ далъ. Неужели моя грѣшная молитва не дойдетъ! Куда-жъ мнѣ тогда? Люди обижаютъ и... (плачетъ)» и далѣе въ этомъ родѣ. Точно также и въ четвертомъ актѣ мы еще разъ встрѣчаемъ Парашу нѣжною, мягкою, совершенно идущею въ разрѣзъ той Парашѣ, которую мы видѣли въ первомъ дѣйствіи, во 2-мъ, и которую мы встрѣчаемъ опять въ послѣднемъ. Эта двойственность въ характерѣ Параши, напоминающая въ одно время и Катерину и Грушу, какъ нельзя болѣе вредитъ впечатлѣнію, и дѣлаетъ то, что вы дѣлаетесь равнодушны какъ къ ея горю, къ ея жалобамъ, къ ея страданіямъ, такъ и къ ея силѣ и энергіи. Ни то, ни другое болѣе не трогаетъ васъ. Параша, въ которой г. Островскій точно желалъ соединить два лучшихъ созданныхъ имъ типа, цѣлою пропастью отдѣлена, по своему достоинству, отъ того и другого. Противорѣчіе въ характерѣ Параши слишкомъ рѣзко бросается въ глаза; г. Островскій, можетъ быть, и могъ бы, но очевидно, онъ недостаточно потрудился, чтобы слить въ одно цѣлое разнородныя черты, которыя съ одной стороны были подсказаны ему Катериной, съ другой, и еще больше, Грушей. Вотъ отчего мы и считаемъ Парашу далеко неудавшимся типомъ г. Островскаго.

Мы не станемъ долго останавливаться на остальныхъ лицахъ новой комедіи, не станемъ указывать, какіе типы мы уже не разъ встрѣчали въ театрѣ Островскаго и какіе выведены имъ въ первый разъ, не станемъ, по поводу фигуры Матрены Харитоновны, припоминать комедію «На бойкомъ мѣстѣ», по поводу Гаврилы — «Не въ свои сани не садись» и т. д., что завлекло бы насъ дальше, чѣмъ мы предположили, и чѣмъ мы имѣемъ возможность сдѣлать. Не станемъ, впрочемъ, и потому, что во всѣхъ выведенныхъ лицахъ, о которыхъ мы еще не говорили, если нѣтъ особенныхъ недостатковъ, за то нѣтъ и особенныхъ достоинствъ.

Фигурѣ городничаго Градобоева, въ послѣдней комедіи Островскаго, нѣтъ сомнѣнія, слишкомъ мѣшаетъ сосѣдство безсмертнаго городничаго Гоголя. Градобоевъ занимаетъ въ комедіи второстепенное мѣсто, и если онъ набросанъ очень удачными и типичными чертами, то тѣмъ не менѣе онъ только набросанъ. Городничій Градобоевъ можетъ быть отлично охарактеризованъ его же собственными словами, когда онъ говоритъ Курослѣпову: «Вотъ я какой городничій! О туркахъ съ вами разговариваю, водку пью, невѣжество ваше всякое вижу, и мнѣ ничего. Ну не отецъ ли я вамъ, скажи?» И въ самомъ дѣлѣ, Градобоевъ является настоящимъ отцомъ, и главное, отцомъ, который не тужитъ о своихъ дѣтяхъ. Пьянствуетъ онъ вмѣстѣ съ ними, въ невѣжествѣ не уступаетъ имъ и, вдобавокъ, еще пользуется отъ нихъ невиннымъ доходцемъ. Ну не идеалъ ли градоначальника представляетъ изъ себя городничій Градобоевъ? Брать съ

Digitized by Google

своихъ подданныхъ все, что только онъ можетъ брать, ему не токмо законъ, но самъ Богъ повелѣваетъ, а подданнымъ его вмѣняется съ ихъ стороны любить, уважать и повиноваться поставленному свыше властелину. Градобоевъ, съ такимъ сознаніемъ своего права, не хуже всякаго другого, облагаетъ подданныхъ своихъ налогами и выражаетъ это въ самой безцеремонной формѣ. Онъ наткнулся на Ваську, отыскалъ, по ихъ общему рѣшенію, вора, слѣдовательно, ему слѣдуетъ за это «мерси». На вопросъ Курослѣпова: «Какая такая мерси?»—тотъ отвѣчаетъ: «Ты не знаешь? Это—покорно благодарю. Понялъ теперь? Что-жъ я даромъ для тебя пропажу-то искалъ?» — «Да вѣдь не нашелъ.»—«Еще бы найдти! Тогда-бъ я не такъ съ тобой заговорилъ». Можно ужъ догадываться и по тому, какъ бы заговорилъ городничій Градобоевъ съ именитымъ купцомъ Курослѣповымъ, еслибы ему удалось найти украденныя двѣ тысячи. Вотъ эта часть моя, сказалъ бы онъ, за то, что всѣхъ сильнѣе, вотъ эта, и т. д., какъ слѣдуетъ по баснѣ. Но нигдѣ такъ хорошо, такъ рельефно не выступаетъ этотъ представитель власти, какъ въ сценѣ, въ которой Градобоевъ правитъ судъ надъ гражданами. Эта сцена можетъ служить надгробнымъ словомъ отжившему порядку судопроизводства. «До Бога высоко, а до царя далеко. Такъ я говорю?» спрашиваетъ отецъ города. — «Такъ, Серапіонъ Мордарьичъ! Такъ, ваше высокоблагородіе», отвѣчаютъ голоса.— «А я у васъ близко,—значитъ, я вамъ и судья». — «Такъ, ваше высокоблагородіе! Вѣрно, Серапіонъ Мордарьичъ». — «Какъ же мнѣ васъ судить теперь? Ежели мнѣ судить васъ, по законамъ....» — «Нѣтъ ужъ, за что же, Серапіонъ Мордарьичъ».— «Ты говори, отвѣчаетъ Серапіонъ Мордарьичъ, когда тебя спросятъ, а станешь перебивать, такъ я тебя костылемъ. Ежели судить васъ по законамъ, такъ законовъ у насъ много.... Сидоренко, покажи имъ сколько у насъ законовъ....» и такъ далѣе, все въ этомъ родѣ, пока Серапіонъ Мордарьичъ не соглашается судить ихъ по душѣ, какъ Богъ ему «на сердцѣ положитъ.» Эта сцена едва ли не самая типичная въ цѣлой комедіи, и въ мѣтко-наброшенномъ образѣ городничаго нельзя, въ самомъ дѣлѣ, не видѣть плотной канвы, по которой г. Островскій могъ создать, при большей разработкѣ, отдѣлкѣ и развитіи характера, такой типъ, который вошелъ бы въ поговорку, характеризовалъ собою цѣлый порядокъ и смѣло могъ бы стать рядомъ съ городничимъ Гоголя. Тѣмъ болѣе жаль, что г. Островскій не сдѣлалъ этого и не достаточно потрудился надъ нимъ.

Одинаково на второстепенномъ планѣ является фигура купца Хлынова, этого услаждающаго свою жизнь шампанскимъ самодура, который говоритъ: «я все могу»! считаетъ своею обязанностью куражиться: «отчего же мнѣ господинъ Курослѣповъ и не куражиться?» спрашиваетъ онъ. И въ самомъ дѣлѣ ему нѣтъ причины не куражиться. Онъ

Digitized by Google

имѣетъ полное право безобразничать, потому что у него есть куча денегъ, и онъ знаетъ, что ему ничего нестоитъ за всякое свое безобразіе заплатить губернатору нѣсколько тысячъ рублей въ пользу города. Сегодня онъ жертвуетъ на пожарную команду, завтра на перестройку арестантскихъ ротъ, одинъ день богадельню устроитъ, другой на пріютъ пожертвуетъ — и вотъ за эти-то благодѣянія онъ и получаетъ право безобразничать вмѣстѣ съ полученіемъ медалей, орденовъ, наградъ, которыя падаютъ также и на губернатора, неповиннаго въ жертвованіяхъ Хлыновыхъ. Къ сожалѣнію и этой фигурѣ не особенно посчастливилось; г. Островскій придалъ ей излишнюю каррикатурность, онъ ни разу почти не показалъ его трезвымъ, а впрочемъ можетъ быть авторъ «Горячаго сердца» и правъ, можетъ быть такіе люди и не бываютъ никогда трезвы. Но какъ бы то ни было, постоянное кривлянье Хлынова много мѣшаетъ типичности лица, намъ хотѣлось бы хоть на минуту увидѣть Хлынова, неиграющимъ роли не то шута, не то спившагося самодура. Меньше каррикатуры и больше простоты въ Хлыновѣ сдѣлали бы его въ одно и то же время болѣе правдивымъ и болѣе отталкивающимъ. Теперь же на него смотришь какъ на паяса, а не какъ на живое лицо. Въ этой фигурѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ новой комедіи, нельзя не признать хорошо задуманнаго типа, очень удачнаго замысла, къ сожалѣнію только не приведеннаго въ исполненіе, неосуществленнаго и невыработаннаго.

Вася Шустрый это самый обыкновенный человѣкъ въ самодурной средѣ Курослѣповыхъ, Хлыновыхъ, градоначальниковъ Градобоевыхъ; въ немъ нѣтъ никакого понятія о чести, о собственномъ достоинствѣ, онъ всѣмъ бросается въ ноги: кланяйся, говорятъ ему, и онъ кланяется. Параша какъ нельзя вѣрнѣе опредѣлила его, когда въ первомъ же разговорѣ съ нимъ она говоритъ ему: «или это дрянь такая на свѣтъ родится, что глядѣть-то на тебя не стоитъ, не токмо что любить», и въ самомъ дѣлѣ странно, за что она его любитъ, когда сама сознаетъ, что онъ дрянь человѣкъ. Гораздо интереснѣе другой, любящій безъ памяти Парашу, Гаврило; онъ точно также забитъ какъ и Васька, только съ тою разницею, что въ немъ жива осталась струнка человѣческаго достоинства, онъ переноситъ все, что съ нимъ только дѣлаютъ, онъ переноситъ, когда треплютъ за волосы, но онъ не кланяется за это, не кидается въ ноги, а внутренно убивается и жалуется на судьбу. Въ немъ живетъ сознаніе, что человѣкъ имѣетъ извѣстныя права, и что только у него-то ихъ нѣтъ. «Какихъ правъ! говоритъ онъ Матренѣ, раскричавшейся на него, у меня и нѣтъ никакихъ». Гаврило способенъ любить до самопожертвованія, и онъ доказываетъ это своею безнадежною любовью къ Парашѣ. Хотя Гаврило и стоитъ на одномъ изъ заднихъ плановъ, тѣмъ не менѣе это одна изъ самыхъ цѣльныхъ фигуръ новой комедіи Островскаго. Одно только вредитъ

Digitized by Google

Гаврилѣ, именно что онъ слишкомъ напоминаетъ Бородкина въ комедіи «Не въ свои сани не садись. Точно также хорошо набросаны фигуры старика Силана, дяди и вмѣстѣ дворника Курослѣпова, и Наркиса—любовника Матрены, но они имѣютъ слишкомъ мало значенія, чтобы о нихъ стоило говорить.

Обращаясь отъ разбора выведенныхъ характеровъ къ разбору самаго построенія комедіи, движенію пьесы, нѣкоторыхъ сценъ, мы вынуждены сдѣлать г. Островскому еще бо́льшіе упреки. Если первое дѣйствіе мы можемъ только упрекнуть въ растянутости, за то со второго дѣйствія начинаются такіе недостатки, которыхъ г. Островскій могъ смѣло избѣжать, еслибы онъ далъ себѣ нѣсколько болѣе труда. Намъ кажется, что завязывать серьезную комедію, а не водевиль, на такомъ вздорномъ случаѣ, какъ тотъ, что Вася попадается въ кустахъ, пріемъ совершенно неудачный, и которымъ такому опытному драматургу какъ г. Островскій рѣшительно не слѣдовало бы пользоваться. Вѣдь нельзя сказать, чтобы эта сцена была чисто вводная, что приведена она между прочимъ и т. д.; совсѣмъ нѣтъ, изъ этой сцены, изъ того, что вечеромъ безъ всякой надобности и безъ всякаго à propos городничій начинаетъ измѣривать разстояніе отъ дома до забора и попадаетъ на Васю, изъ этого вытекаетъ вся драматическая сторона пьесы, Параша бросаетъ домъ, Васю отдаютъ въ солдаты, однимъ словомъ, на этомъ чисто случайномъ фактѣ держится цѣлая комедія. Главное условіе хорошей комедіи это простота и естественность въ завязкѣ; тутъ же напротивъ, мы натыкаемся на искусственность и натянутость въ самомъ поводѣ къ драматическому положенію пьесы. Рядомъ съ этимъ, во время этой же сцены, мы наталкиваемся на другой недостатокъ, который не можемъ не выставить на видъ, такъ какъ г. Островскій подаетъ дурной примѣръ всѣмъ нашимъ остальнымъ драматургамъ. Къ чему, желали бы мы знать, г. Островскій ввелъ сцену, приводящую въ восторгъ весь раекъ, сцену, въ которой Силанъ схватываетъ въ темнотѣ Курослѣпова, принимая его за одного изъ воровъ, и начинаетъ бить въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ. Неужели въ этомъ заключается комизмъ? Нѣтъ, это чисто внѣшній комизмъ, не вытекающій изъ необходимости положенія, какъ мы это видимъ, напримѣръ, въ подобныхъ же сценахъ у Мольера. Въ комедіи г. Островскаго это избіеніе Курослѣпова приведено только для того, чтобы вызвать смѣхъ въ театрѣ, но талантливый авторъ «Горячаго сердца» можетъ быть въ поспѣшности работы позабылъ, что не всѣ средства для этого хороши, и что смѣхъ, раздающійся въ балаганѣ, не есть еще цѣль, къ которой слѣдовало бы стремиться. Подобный смѣхъ долженъ скорѣе оскорблять, нежели радовать драматурга-художника.

Относительно хода третьяго дѣйствія мы можемъ указать только

Digitized by Google

на то, что лучшая сцена, именно та, о которой мы говорили, сцена суда городничаго вовсе лишняя въ комедіи, что она нисколько не нужна, могла быть вставлена какъ въ одну комедію, такъ и другую, и что «Горячее сердце» могло смѣло обойтись безъ нее. Мы указываемъ на это, потому что, какъ ни хороша сцена, но лишь только она является лишнею, когда она не вызвана необходимостью самого плана комедіи, она непремѣнно задерживаетъ развитіе и останавливаетъ дѣйствіе. Когда же нѣсколько такихъ сценъ закрадываются въ драматическое произведеніе, тогда это доказываетъ то, что у автора не было строгаго, обдуманнаго плана, что онъ писалъ какъ ему приходилось, и что́ не можетъ не отзываться на достоинствѣ комедіи. Къ несчастію эта сцена не одна лишняя, лишнимъ намъ кажется все, что Островскій представилъ намъ во 2-й картинѣ 4-го акта. Ничто по нашему мнѣнію не заслуживаетъ въ этой комедіи такого рѣшительнаго порицанія, какъ неудачная сцена въ лѣсу, гдѣ Хлыновъ съ цѣлой компаніей переодѣты въ разбойниковъ, ради потѣхи пьянаго самодура, но безъ всякаго сомнѣнія въ ущербъ самой пьесы. Что́ хотѣлъ представить въ этой сценѣ авторъ «Горячаго сердца», къ чему онъ допустилъ ее, считалъ ли онъ ее удивительно интересною и забавною или необходимою для развитія комедіи? По нашему мнѣнію, она и не забавна, даже скучна и совершенно ненужная въ пьесѣ. Но что хуже всего, дѣйствующія лица являются въ этой сценѣ какъ куклы, по волѣ автора. Лишь только «баринъ», пріятель Хлынова, достаточно напившись, говоритъ: «хорошо было бы теперь барышню, какую-нибудь воспитанную институтку... я бы сейчасъ палъ на колѣни передъ ней, и сцену изъ трагедіи», и не успѣлъ онъ это произнести, какъ въ лѣсъ является Параша, отправившаяся на богомолье; «баринъ», какъ онъ желалъ, падаетъ передъ ней на колѣни и стрѣляетъ холостымъ зарядомъ въ Гаврилу, сопутствующаго Парашу. Гаврилу схватываютъ и уносятъ люди, а на выручку Параши является ея крестный отецъ Аристархъ. Все это до-нельзя натянуто и неправдоподобно, и неизвѣстно для чего придумано г. Островскимъ? Неужели только для того, чтобы попавшійся сюда Наркисъ проговорился, что двѣ тысячи рублей украдены Матреной у мужа для него? Точно также натянута и та сцена въ 5-мъ актѣ, когда Матрена, одѣвъ на себя платье мужа, отправляется подъ видомъ Курослѣпова къ своему дружку Наркису, вступаетъ на дворѣ въ разговоръ съ Силаномъ, который, разумѣется, узнаетъ ее и предупреждаетъ городничаго. Все это приведено только для того, чтобы закончить пьесу, распутать положеніе, и г. Островскій не задумался передъ средствами, онъ не выбиралъ дороги, не заботился о правдѣ, лишь бы закончить.

Вотъ собственно всѣ слабыя стороны новой комедіи г. Островскаго. Мы болѣе настаивали и указывали на недостатки, чѣмъ на достоинства

Digitized by Google

пьесы, потому что въ комедіи написанной авторомъ «Свои люди сочтемся», «Грозы», «Не такъ живи какъ хочется», не можетъ не быть достоинствъ, и это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Если «Горячее сердце» не лишено многихъ достоинствъ, то мы видѣли также, что эта комедія не лишена и недостатковъ, и главное, недостатковъ самаго опаснаго свойства. Ничто не можетъ быть печальнѣе для автора, какъ повтореніе самого себя, ничто не можетъ быть пагубнѣе для пьесы того, когда планъ, характеры, положенія недостаточно придуманы и выработаны, когда для того, чтобы сдѣлать развязку, авторъ, не находя ее готовою въ самомъ сюжетѣ, прибѣгаетъ къ натянутымъ положеніямъ и сценамъ, лишеннымъ всякой правдоподобности и естественности. Послѣ цѣлаго ряда замѣчательныхъ и рѣзкихъ типовъ, выведенныхъ Островскимъ, характеры, изображенные въ «Горячемъ сердцѣ», кажутся намъ—одни только слабо набросанными образами, другіе лишенными силы, благодаря своей нецѣльности и невыдержанности. Эта комедія, не смотря на то, что она посвящена изображенію уже хорошо знакомой и ярко освѣщенной самимъ авторомъ среды, тѣмъ не менѣе, безъ указанныхъ нами недостатковъ, могла бы быть послѣднимъ, заключительнымъ словомъ г. Островскаго, представляя самодурство, доведенное въ Курослѣповыхъ, Хлыновыхъ и Градобоевыхъ до послѣдней границы. «Горячее сердце» резюмировало бы, такъ сказать, всѣ тѣ прежнія произведенія Островскаго, въ которыхъ онъ съ такимъ мастерствомъ изобразилъ грубость и дикость русской жизни. Онъ не сдѣлалъ того, что мы могли ожидать, и въ этомъ мы конечно обвинимъ не его талантъ, а скорѣе ту небрежность, которая бросается въ глаза зрителямъ послѣдней его комедіи. Мы сознаемся, что намъ было бы гораздо отраднѣе не такъ часто встрѣчаться съ новыми произведеніями г. Островскаго, но за то не имѣть случая указывать ему на такіе промахи, которые подсказываютъ, что авторъ не съ достаточною любовью относится къ своимъ произведеніямъ, а слѣдовательно, и къ тому искусству, которому онъ служитъ, и служитъ такъ долго, и съ такою честью. В. У.

Digitized by Google

ОТВѢТЪ „МОСКОВСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

«Языкъ безъ костей» — это мы всѣ знаемъ, и знаемъ, что́ именно этимъ хочетъ выразить наша поговорка. Намъ слѣдовало бы знать, что у «Московскихъ Вѣдомостей» не одинъ языкъ безъ костей; но если бы мы этого и не знали до сихъ поръ, то ихъ передовая статья, отъ 28 января, легко просвѣтила бы насъ на счетъ нашихъ почтенныхъ противниковъ. Вотъ нашъ отвѣтъ имъ:

Въ передовой статьѣ «Московскихъ Вѣдомостей» помѣщено возраженіе на статью, напечатанную въ «Вѣстникѣ Европы», подъ заглавіемъ: *Вопросъ о классическихъ языкахъ въ Англіи;* эта передовая статья не важна сама по себѣ, но не лишена интереса въ томъ отношеніи, что обличаетъ пріемы, къ какимъ прибѣгаютъ, въ разсчетѣ на невниманіе читателей, противники введенія обще-европейской системы ученія въ русскія школы, повидимому, пламенѣющіе духомъ времени, а на самомъ дѣлѣ являющіе прыть свою только въ извращеніи истины, лжесвидѣтельствахъ и усиліяхъ сбить съ толку общественное мнѣніе...

Читатель, незнакомый съ упомянутой передовой статьей «Московскихъ Вѣдомостей», быть можетъ, оскорбился неприличіемъ нашего тона, грубыми выходками и нашею дурною привычкою немедленно взводить на своего противника различныя уголовныя преступленія, предусмотрѣнныя «Уложеніемъ о наказаніяхъ», какъ напр. лжесвидѣтельство; и читатель совершенно справедливъ. Но дѣло въ томъ, что мы, вмѣсто отвѣта «Московскимъ Вѣдомостямъ» слово-въ-слово перепечатали начало ихъ передовой статьи, поставивъ «Московскія Вѣдомости» тамъ, гдѣ у нихъ былъ названъ Вѣстникъ Европы. Мы могли бы такъ поступить до самаго конца статьи, въ доказательство того, что «Московскія Вѣдомости» не нуждаются даже въ противникѣ или въ фактѣ: у нихъ есть свои окаменѣвшія слова, заранѣе заготовленныя, и въ случаѣ полемики имъ остается дѣлать одни корректурныя поправки. У нихъ, мы подозрѣваемъ, есть алфавитные указатели съ авторитетами и цитатами, которыя они приводятъ при своей аргументаціи. Но пусть они знаютъ, что и ихъ противники могутъ, для потѣхи, составить алфавитные указатели другого рода авторитетовъ и другихъ цитатъ. Такъ, въ поддержку той брани и уголовныхъ обви-

Digitized by Google

неній, съ которыхъ начинается передовая статья, и которыми мы поспѣшили воспользоваться, для начала своего отвѣта, «Вѣдомости» призываютъ на помощь Дюрюи, министра народнаго просвѣщенія во Франціи и заставляютъ его вторично декламировать рѣчь, произнесенную имъ на торжественномъ собраніи въ Сорбоннѣ, въ августѣ 1866 года: «Вѣкъ, въ который мы родились, конечно, не заслужитъ въ исторіи упрека въ неподвижности; но (слушайте!) если многое перемѣнилъ онъ, то одно оставилъ незыблемымъ: и нынѣ, какъ во времена Роллена (мы имѣли бы право сказать: какъ во времена Тредьяковскаго), классическое образованіе считается лучшею умственною дисциплиной (замѣтьте: только дисциплиной) для воспитанія избраннаго (замѣтьте: только избраннаго) юношества. Церковь (т. е. латинская: очень убѣдительно въ Сорбоннѣ, но для насъ — доводъ не особенной важности) сохранила это преданіе, какъ и университеты. Оксфордъ сходится въ этомъ съ Сорбонной, и отъ сѣвера до юга Германіи я не встрѣчалъ ни малѣйшаго разногласія по отношенію къ этому вопросу. И нынѣ, какъ прежде, классическое ученіе считается первымъ, наиболѣе дѣйствительнымъ приготовительнымъ средствомъ, чтобъ образовать людей практическихъ, полезныхъ, ученыхъ гражданъ, искусныхъ въ дѣлахъ.»

Вотъ авангардъ пресловутой передовой статьи: обвиненія въ уголовныхъ преступленіяхъ, какъ напр. лжесвидѣтельство, а затѣмъ авторитетъ. Все это хорошо, но «Московскимъ Вѣдомостямъ» слѣдовало бы освѣжать свой алфавитный указатель съ изрѣченіями авторитетовъ, и не останавливаться только на тѣхъ фразахъ, которыя пригодны имъ. «Московскимъ Вѣдомостямъ» понравилось то изрѣченіе г. Дюрюи, тдѣ онъ приводитъ богословскія причины, побуждающія во Франціи строить все на классицизмѣ; а намъ болѣе нравится циркуляръ г. Дюрюи, публикованный въ апрѣлѣ того же 1866 года, по поводу учрежденія Спеціальной Нормальной Школы: «Время наступило торопиться — говорилъ г. Дюрюи: — въ мирной, но безпощадной борьбѣ, которая завязалась между промышленными народами (да не подумаютъ «Московскія Вѣдомости», что здѣсь дѣло идетъ объ искусствѣ писать греческіе и латинскіе стихи), побѣда предназначена не тому, кто будетъ располагать наибольшимъ числомъ рукъ и капиталовъ (прибавимъ: и кто умѣетъ склонять и спрягать по-латыни), но той націи, среди которой трудящійся классъ будетъ имѣть болѣе благоустройства, смысла и познаній. Наука (конечно, не латинская грамматика) продолжаетъ свои открытія, и каждый день добываетъ новаго агента на службу промышленности; но, чтобы быть хорошо примѣнимыми, эти могущественные агенты желаютъ для себя умѣнья съ ними обращаться. Вотъ почему успѣхъ промышленности тѣсно связанъ съ успѣхомъ школы!»

Идя шагъ за шагомъ, мы могли бы такимъ образомъ написать

Digitized by Google

такую же передовую статью, только въ обратномъ смыслѣ. Но вопросъ о классическихъ языкахъ, благодаря журнальной полемикѣ, сдѣлался пугаломъ для читателей, и потому мы ограничимся отраженіемъ только тѣхъ политическихъ инсинуацій, къ которымъ такъ охотно прибѣгаютъ «Московскія Вѣдомости» по какому вопросу угодно. Почтенная газета намекаетъ на то, что, конечно, есть и на Западѣ люди, сомнѣвающіеся въ заслугахъ классицизма въ наше время; но тамъ есть и соціалисты, и Бабёфы, и Прудоны, которые сомнѣваются въ значеніи собственности; но кто же изъ этого выведетъ,—восклицаютъ «М. В.», что въ западной Европѣ не питаютъ уваженія къ собственности! Въ сущности «М. В.» хотятъ смѣшать въ понятіи читателя Бабёфовъ, Прудоновъ и антиклассиковъ, а остальное—думаютъ «Вѣдомости»—будетъ додѣлано безъ нихъ. Эта уловка слишкомъ стара, чтобы кто-нибудь поддался на нее, и слишкомъ ясна, чтобы серьезно возражать и доказывать, что вопросъ чисто педагогическій не имѣетъ ничего общаго съ теоріею Прудона, и смѣшеніе его можетъ вызвать одну улыбку. «Московскимъ Вѣдомостямъ» хочется дискредитовать антиклассиковъ, и хочется очень — вотъ и все.

Но центръ возраженія «Московскихъ Вѣдомостей» относится къ тому, чтобы доказать, что антиклассики суть тайные враги величія отечества, такъ какъ «они невольно сознаются, что желаютъ для Россіи *низшаго* образованія.» Вотъ рядъ мыслей, на которыхъ построено такое заключеніе: 1) высшее образованіе можно получить только въ университетѣ; 2) въ университетъ могутъ поступать только учившіеся по-латыни и по-гречески, на основаніи самаго Устава; 3) слѣдовательно, тѣ, которые желаютъ, чтобы не учили по-латыни и по-гречески, въ душѣ желаютъ, чтобы никто не могъ поступить въ университетъ. На все это можно отвѣчать анекдотомъ, который ходилъ по поводу вопроса разрѣшенія курить на улицахъ: противникъ этого разрѣшенія сослался на то, что такое разрѣшеніе было бы противно существующимъ законамъ. Но вѣдь дѣло и шло именно объ измѣненіи закона. Не было ли бы лучше и въ нашемъ случаѣ, догадаться «Московскимъ Вѣдомостямъ», что дѣло и идетъ именно о томъ, чтобы измѣнить тотъ параграфъ Устава, гдѣ классицизмъ одинъ отворяетъ двери въ университетъ. «Гимназіи существуютъ для университета» — повторяютъ на разные лады «Вѣдомости»; а общество имъ отвѣчаетъ простымъ фактомъ: изъ 100 человѣкъ, кончающихъ курсъ, въ гимназіяхъ, только 4 человѣка поступаютъ въ университетъ. Остается спросить «Московскія Вѣдомости»: что больше — 4 или 96?

Мы могли бы сдѣлать болѣе серьезное обвиненіе нашимъ противникамъ: не хотятъ ли они своимъ классицизмомъ предать насъ въ руки иностранцевъ, и сдѣлать то, чтобы наши фабрики, заводы и проч. управлялись иностранцами, а мы ограничивались бы при этомъ зна-

Digitized by Google

ніемъ спряженій и склоненій латинскаго и греческаго языка? А этимъ кончится и этимъ до сихъ поръ кончались всѣ наши позывы къ классицизму.

Всѣ остальныя возраженія и обвиненія «Московскихъ Вѣдомостей», какъ-то, въ подлогѣ, умышленно невѣрномъ переводѣ Фоулера и т. д. составляютъ одинъ полемическій пріемъ, и мы не будемъ, ради читателей, разоблачать всю эту махинацію. Приведемъ только для обращика одинъ изъ такихъ пріемовъ: статья Фоулера противъ классицизма, приведенная нами, помѣщена въ англійскомъ журналѣ «Fortnightly Review». «Московскія Вѣдомости», чтобы бить насъ на всѣхъ пунктахъ, обзываютъ этотъ весьма почтенный журналъ — «журнальцемъ». Какъ прикажете на это возражать? Объявить противное — это не будетъ обязательно для редакціи «Московскихъ Вѣдомостей»; потому мы рѣшаемся прикрыться авторитетомъ «Русскаго Вѣстника», редакціи котораго «Московскія Вѣдомости» имѣютъ причину довѣрять. Въ январьской книгѣ «Русскаго Вѣстника», за нынѣшній годъ, вышедшей вскорѣ за январьскою передовою статьей «Московскихъ Вѣдомостей», мы читаемъ совершенно иной отзывъ о томъ же англійскомъ журналѣ: это уже не «журналецъ», а серьезный, «критическій журналъ», авторитетомъ котораго объясняется отчасти, почему было обращено вниманіе на произведеніе англійскаго поэта В. Морриса, поэма котораго переведена въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Вотъ, какимъ образомъ у насъ полемизируютъ: въ январѣ обзовутъ «журнальцемъ», когда нужно ударить противника, а въ февралѣ пожалуютъ въ серьезный «критическій журналъ», если находятъ случай сами воспользоваться имъ! Такіе критики напоминаютъ такъ-называемыхъ «суздальскихъ богомазовъ», пріемы которыхъ выражены въ пословицѣ: «годится — такъ Богу молиться; а не годится — такъ бабамъ горшки покрывать». Кто былъ въ данномъ случаѣ «богомазомъ», редакція ли «Московскихъ Вѣдомостей», или «Русскаго Вѣстника» — не рѣшаемъ, да это и не особенно интересно. А.

Digitized by Google

ПОЧТОВАЯ ЗАМѢТКА.

(Для иногородныхъ подписчиковъ.)

Разсылка январьской книжки вызвала столько жалобъ на несвоевременное полученіе ея, которое, можетъ быть, заключится во многихъ случаяхъ окончательною потерею, что мы считаемъ себя обязанными объяснить иногороднымъ подписчикамъ настоящую причину ихъ справедливаго неудовольствія. Мы препровождали ихъ жалобы въ Газетную Экспедицію и по нѣкоторымъ жалобамъ успѣли получить отъ нея отвѣтъ. Для ясности представимъ въ формѣ таблицы какъ эпоху сдачи январьской книги на почту, такъ и эпоху ея отправки съ почтою. По этимъ отдѣльнымъ случаямъ можно заключить объ остальномъ.

	Когда сдано въ Газ. Эксп.	Когда отправ. изъ Газ. Эксп.	Пролежало въ Газ. Эксп.
Г. Требицкому — на станцію Соловьевъ-перевозъ, Смоленской губ.	10 янв.	30 янв.	20 дней!
Уѣздному Училищу—въ г. Кинешму, Костромской губ.	10 »	25 »	15 »
Губернскому Правленію — въ г. Архангельскъ	16 »	4 фев.	19 »
Г. Киселеву—въ г. Екатеринославъ .	20 »	29 янв.	9 »
Библіотекѣ 30 пѣх. Полтав. полка — въ Замостье	20 »	5 фев.	16 »
Г. Боткину — въ г. Москву . . .	20 »	5 фев.	16 »

Только на эти жалобы мы получили отвѣтъ; другія остались пока безъ отвѣта, но отвѣтъ собственно и излишенъ, такъ какъ по этимъ шести случаямъ легко понять и всѣ остальные. Спрашивается: на какомъ основаніи наши книги, по сдачѣ на почту, хранились въ кладовыхъ Газетной Экспедиціи отъ 9 и до 20 дней, т. е. до трехъ недѣль? Мы не вправѣ требовать отъ Почтамта отвѣта, но увѣрены, что почтовое начальство не оставитъ этого безъ разбора.—Гг. подписчики не совсѣмъ справедливо требуютъ отъ редакціи «принять мѣры» къ ускоренію доставки: редакціи могутъ только принять мѣры къ ускоренію сдачи, но не имѣютъ даже возможности знать, что происходитъ съ книгами, по сдачѣ ихъ на почту, и почему книга должна лежать въ Газетной Экспедиціи до 3-хъ недѣль, изготовляясь въ путешествіе, которое иногда не требуетъ и 2 дней. — Намъ пріятно при этомъ сообщить своимъ читателямъ, что въ теченіе февраля редакторы петербургскихъ журналовъ совѣщались нѣсколько разъ между собою, испросивъ предвари-

Digitized by Google

тельно согласіе г. министра почтъ и телеграфовъ на принятіе отъ нихъ проекта измѣненій и упрощеній въ разсылкѣ. Этотъ проектъ въ настоящую минуту уже представленъ куда слѣдуетъ, и будетъ, надѣемся, вскорѣ разсмотрѣнъ, какъ то было обѣщано намъ, въ Почтовомъ Департаментѣ опытными чиновниками Департамента и Газетной Экспедиціи, при чемъ будутъ приглашены и редакторы, принявшіе участіе въ составленіи проекта. Новая реформа, при всемъ неудовольствіи, которое она вызвала, представляетъ много преимуществъ предъ прежнимъ порядкомъ; но практика показала, что мало положить въ основаніе новой реформы лучшее начало: необходимо еще допустить измѣненія, требуемыя особыми мѣстными условіями, опредѣлить подробности и обставить самое дѣло такими гарантіями, которыя ручались бы, что почтовая операція не пострадаетъ отъ того, что́ мы такъ часто встрѣчаемъ въ нашей общественной и гражданской жизни, а именно: предписывающіе весьма хорошо предписываютъ, а исполняющіе не обращаютъ на то никакого вниманія, отчасти по небрежности и по надеждѣ на безнаказанность, отчасти же и потому, что они иногда поставлены предписывающими въ невозможность исполнить съ точностью ихъ приказанія. Потому въ своемъ проектѣ редакторы обратили особое вниманіе на облегченіе операціи и на легкость контроля. Если Почтовое Вѣдомство приметъ въ уваженіе нашъ проектъ, въ чемъ мы не сомнѣваемся, судя по готовности, съ которою выслушалъ г. министръ почтъ наше словесное заявленіе, то вышеупомянутые факты, какъ-то, «пролежаніе» журнала въ Газетной Экспедиціи до трехъ недѣль, отойдутъ немедленно въ область прошедшаго и будутъ впослѣдствіи считаться вымысломъ и сказкою, а не горькою дѣйствительностью, въ существованіи которой мы имѣемъ подлинныя росписки Газетной Экспедиціи. — Считаемъ долгомъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы выразить нашу искреннюю признательность Казанской Почтовой Конторѣ, которая, въ виду совершающагося, сдѣлала болѣе, нежели сколько предписываютъ ей обязанности ея, а именно составила подробный списокъ всѣхъ дошедшихъ до нея экземпляровъ, и прислала въ редакцію на провѣрку, чтобы успокоить тѣмъ въ одинъ разъ всѣхъ нашихъ казанскихъ подписчиковъ и возстановить порядокъ. Мы отвѣчали Казанской Почтовой Конторѣ съ первою же почтою.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ФЕВРАЛЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ельскомъ бытѣ лифляндскихъ крестьянъ. Статистическое изслѣдованіе *Ф. Юнгъ-Штиллинга*, секретаря лифляндскаго статистическаго комитета. Спб. 1868 г.

Статистическое изслѣдованіе о лифляндскихъ крестьянахъ! Такое явленіе особенно ріятно именно въ наше время, когда русская ечать старается увѣрить русскую публику, акъ прошлымъ, такъ и настоящимъ прибалтійскихъ губерній, что тамошнее положеніе крестьянъ не довольно удовлетворительно. Намъ ают надрывающія сердце картины притѣсненій, экзекуцій, бѣдности; намъ рисуютъ крестьянина-батрака, у котораго ничего нѣтъ, ромѣ одежи и многочисленнаго семейства, оторый питается мякиною или хлѣбомъ, но изко подходящимъ къ мякинѣ, который инужденъ платить помѣщику, если не хочетъ умереть съ голоду, огромныя деньги за лочекъ земли и работать больше вола дляріобрѣтенія мякины; намъ повторяютъ стаую пословицу, что «Лифляндія для дворянъ—ай, для купцовъ — золотое дно, для крестьянъ—адъ». Намъ указываютъ на всю вторую оловину прошлаго года, когда толпы оборанцевъ текли по сушѣ и морямъ, изъ благоловеннаго Богомъ балтійскаго края, въ Пеербургъ, чтобъ тутъ получить разрѣшеніе на выселеніе во внутреннія губерніи Россіи. Газеты разсказывали, что переселенцы одного отряда, отправленные обратно на родину, хотѣли побросаться въ море и что желаніе это съ ихъ стороны было столь сильно, что корабельщикъ счелъ за благо войти въ мирную пристань и высадить безумцевъ на сушу. Вообще въ послѣдніе годы русская печать очень много занималась крестьянскимъ вопросомъ въ Прибалтійскомъ краѣ, не смотря на многія, внѣшнія препятствія, и въ русскомъ обществѣ составилось опредѣленное понятіе о положеніи прибалтійскихъ крестьянъ, къ сожалѣнію, понятіе не очень лестное для землевладѣльцевъ и вообще остзейской интеллигенціи. Г. Юнгъ-Штиллингъ, хорошо сознавая это, предпринялъ трудъ свой для разсѣянія подобнаго предубѣжденія, по крайней мѣрѣ относительно одной лифляндской губерніи. «Положеніе лифляндскихъ крестьянъ, — говоритъ онъ въ предисловіи къ своей брошюрѣ—сдѣлалось предметомъ страстнаго спора партій. На предположеніяхъ дутыхъ строятъ обманчивыя заключенія; умышленныя искаженія или воображаемые факты принимаютъ за основаніе къ самымъ невѣроятнымъ увѣреніямъ; явныя нелѣпости съ горячностью выдаются за непреложныя (то-есть непреложныя) истины. Цѣль моего труда — дать возможность всѣмъ, незна-

Digitized by Google

комымъ изъ личнаго наблюденія съ положеніемъ крестьянъ въ Лифляндіи, составить себѣ самостоятельное и безпристрастное сужденіе о немъ». Конечно, все это не совсѣмъ по-русски сказано, но человѣкъ, желающій найти путеводную нить въ «страстномъ спорѣ партій» не обращаетъ вниманія на такую мелочь, и поспѣшитъ успокоиться на цифрахъ, какъ на такомъ щитѣ, который не разбить сантиментальнымъ и ужасающимъ картинамъ, ибо всѣ эти картины можно отнести отчасти къ плодамъ воображенія и упражненію въ словесности на благодарныя, трогательныя темы, отчасти къ неизбѣжнымъ во всякомъ, даже столь благоустроенномъ обществѣ, какъ прибалтійское, случайностямъ. Къ тому же, рядомъ съ цифрами, г. Юнгъ-Штиллингъ даетъ «вѣрный историческій очеркъ» крестьянскаго вопроса, составленный имъ при содѣйствіи секретаря лифляндской коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, г. Э. фонъ-Мензенкампфа. Итакъ, статистика и исторія идутъ рука объ руку, и два секретаря предлагаютъ себя желающимъ въ проводники по Лифляндіи.

Прежде, чѣмъ мы пойдемъ за ними, необходимо сказать нѣсколько словъ о предисловіи къ брошюрѣ, гдѣ опредѣляется тотъ методъ, котораго держался авторъ въ своемъ изслѣдованіи. Съ первыхъ же строкъ насъ непріятно поражаетъ то обстоятельство, что г. Юнгъ-Штиллингъ «изъ всѣхъ положительныхъ данныхъ выбиралъ только тѣ, которыя по опыту оказались надежными». Какимъ образомъ пришелъ онъ къ этому опыту, что̀ за данныя ненадежныя, хотя и «положительныя», и какъ, наконецъ, произведенъ былъ выборъ? Обо всемъ этомъ авторъ благоразумно умалчиваетъ; онъ не даетъ намъ, хотя бы въ приложеніи къ своему труду, подробнаго необработаннаго статистическаго матеріала, изъ котораго производилъ онъ выборъ; онъ обязываетъ насъ вѣрить ему на слово и считаетъ надежнымъ только то, что считаетъ надежнымъ онъ, не желающій посвящать насъ въ тотъ «опытъ», который научилъ его нѣкоторыя «положительныя данныя» признавать сомнительными, а нѣкоторыя надежными. «Мы воспользовались безъ пропуска всѣмъ, что оказалось надежнымъ, и *безусловно* отбросили все ненадежное». Такъ говоритъ г. Юнгъ-Штиллингъ, и въ рѣшимости характера ему отказать отнюдь нельзя; но можно ли признать за его трудомъ безпристрастіе, вѣрную оцѣнку цифръ, даже вѣрность самыхъ цифръ? По моему, этотъ вопросъ интересуетъ и его самого и онъ спрашиваетъ: «будутъ ли имѣть нижеслѣдующее (ія) числовыя данныя вліяніе на правильный взглядъ общественнаго мнѣнія»? и отвѣчаетъ «мы не знаемъ». Съ своей стороны, мы тоже не знаемъ, но замѣтимъ, что остаемся при томъ убѣжденіи, что безпристрастный изслѣдователь, убѣжденный въ вѣрности и непогрѣшимости своихъ цифръ, съ отмѣннымъ удовольствіемъ, въ особенности въ спорныхъ, жгучихъ вопросахъ, произвелъ бы передъ нами всю сложную статистическую работу, разсказалъ бы, почему онъ одно считаетъ надежнымъ, другое ненадежнымъ и снабдилъ бы свой трудъ многочисленными и подробными приложеніями, которыми недовѣрчивый читатель могъ бы провѣрить «ближайшія, непосредственныя выводы изъ цифръ», какими ограничился г. Юнгъ-Штиллингъ, изложивъ ихъ на великолѣпной бумагѣ, крупнымъ шрифтомъ, съ большими пробѣлами. Если секретарь-статистикъ боялся, что вмѣстѣ съ большимъ объемомъ труда, возвысится его цѣнность и, слѣдовательно, уменьшится обращеніе въ публикѣ, то онъ могъ бы великолѣпную бумагу замѣнить хорошею, и крупный шрифтъ—болѣе сжатымъ, безъ всякаго ущерба для распространенія книги. Теперь же мы принуждены относиться съ крайнею осторожностью къ выводамъ г. Юнгъ-Штиллинга и постоянно спрашивать у себя, не подведены ли искусственно всѣ эти цифры къ тому знаменателю, который выраженъ заключительными словами брошюры: «не только положеніе крестьянскаго населенія лифляндской губерніи хорошо, но и сами крестьяне признаютъ его таковымъ»? Отвѣтъ на этотъ вопросъ читатели найдутъ ниже.

Повѣствованіе свое о благосостояніи крестьянъ, г. Юнгъ-Штиллингъ начинаетъ указаніемъ на тотъ фактъ, что въ лифляндской губерніи не преобладаетъ крупное хозяйство, представителями котораго являются помѣстья: крестьянскихъ участковъ считается 35,699, крупныхъ же хозяйствъ, то есть-мызъ или помѣстій всего 945; сама по себѣ пропорція эта благопріятна, но она выходитъ не совсѣмъ такою, если мы примемъ во вниманіе виды пользованія крестьянскими землями. Изъ всей кре-

Digitized by Google

ьянской земли только 14% находится въ ной собственности крестьянъ, остальные % находятся на денежной, смѣшанной и на ѣльной (барщинной) арендѣ. Да и это от-шеніе существуетъ только съ прошлаго года. ъ 1864 г., больше половины крестьянъ были рщинниками, и только двое изъ ста имѣли бственность. Г-на Юнгъ-Штиллинга восхи-аетъ та постепенность, которая усматри-ется въ положеніи крестьянина: сначала ъ былъ рабомъ, изъ раба сталъ барщин-комъ, то-есть еще бо́льшимъ же рабомъ, къ увидитъ это читатель дальше при обо-рѣніи исторической части брошюры нашего ав-ора, изъ барщинника—арендаторомъ, неувѣ-еннымъ въ своемъ будущемъ, которое часто иситъ не отъ его доброй воли и усилій, и наконецъ собственникомъ, съ великими по-жертвованіями. Необходимость этихъ ступе-ей, благоразумно и благотворно для русскихъ крестьянъ обойденныхъ Положеніемъ 19 фев-аля, г. Юнгъ-Штиллингъ объясняетъ тугимъ развитіемъ круга экономическихъ понятій земледѣльца и его «нелюбовью къ нововведеніямъ», какъ будто остзейское дворянство когда-нибудь спрашивало мнѣнія крестьянъ и какъ будто само оно когда-нибудь отличалось люб-овью къ нововведеніямъ. Такими фальшивыми фразами едва ли кого можно убѣдить, а у на-шего автора они встрѣчаются постоянно. По его увѣренію, барщина существовала не по чему другому, какъ потому, что не было спроса на аренды; какъ скоро явился спросъ, пред-ложенія даже его превысили, и помѣщики от-давали часть своихъ владѣній за низкую плату. Когда же «предложеніе остается твердо, а спросъ постоянно растетъ», арендная плата возвышается. Предвидя, однако, что такое не-хитрое объясненіе можетъ подать поводъ пред-полагать въ будущемъ невѣроятное возвышеніе арендной платы, нашъ авторъ прибавляетъ, что «съ развитіемъ сельскаго хозяйства сами (т. е. самые) доходы съ арендныхъ статей постепенно возвышаются». Мы повѣрили бы секретарю-статистику, еслибъ все это онъ под-твердилъ цифрами; къ сожалѣнію, онъ именно тогда и не представляетъ цифръ, когда онѣ болѣе всего нужны. Напримѣръ, арендная плата во всѣхъ уѣздахъ Лифляндской губерніи, включая рижскаго, удвоилась и даже утро-илась въ промежуткѣ 1854—1868 годовъ; слѣдуя объясненію автора, мы должны предполагать, что и доходы съ арендуемыхъ участковъ удво-ились и утроились; ищемъ въ доказательство цифръ и не находимъ ихъ, за то находимъ голословное увѣреніе автора, что «размѣръ арендной платы теперь сталъ въ прямую за-висимость отъ доходности арендуемой статьи». Мало этого, онъ старается насъ убѣдить, что, въ виду быстро возрастающей арендной платы, не только не предстоитъ надобности, путемъ законодательства, установить норму ея, но что такое вмѣшательство закона въ «свободныя соглашенія» равнялось бы «преміи за тунея-дство». Почему? «Отъ теоретическаго обсуж-денія этого вопроса избавляютъ насъ стати-стическія данныя», скромно отвѣчаетъ нашъ скромный авторъ, и разсказываетъ, что въ казенныхъ имѣніяхъ прибалтійскаго округа государственныхъ имуществъ, аренды значи-тельно ниже, чѣмъ въ частныхъ имѣніяхъ. «Можно было бы ожидать,—говоритъ онъ,—что крестьянинъ-арендаторъ воспользуется вы-годными условіями найма для упроченія сво-его хозяйства, но на дѣлѣ оказывается про-тивное: онъ предпочитаетъ передать участокъ другому крестьянину, который доплачиваетъ ему отступныя деньги въ размѣрѣ разности между низкою казенною арендою и обычною дѣйствительною арендою. Прежній же арен-даторъ перестаетъ заниматься хозяйствомъ и живетъ пріобрѣтенными безъ труда барышами или же обращается къ другому промыслу.... Подобная система, при большемъ распростра-неніи, должна обратиться въ премію за тунея-дство». Читатель видитъ, что тутъ говорится о передачѣ арендъ, какъ о фактѣ повсемѣст-номъ, какъ объ общемъ правилѣ, а не какъ о явленіяхъ исключительныхъ, какъ о постоян-номъ блужданіи крестьянъ съ одного участка на другой. Предпосылая это разсужденіе, г. Юнгъ-Штиллингъ обращается, наконецъ, къ статистическимъ таблицамъ. Вмѣсто «таблицъ» мы встрѣчаемъ таблицу, въ которой указано всего девять случаевъ передачи аренды на 6,000 казенныхъ участковъ, то-есть одинъ случай на 666. Правда, г. Юнгъ-Штиллингъ говоритъ, что «въ дѣлахъ прибалтійской палаты го-сударственныхъ имуществъ, гдѣ свидѣтель-ствуются всѣ контракты, можно найдти *мно-жество* подобныхъ примѣровъ"; но, во-первыхъ, мы имѣемъ дѣло не съ прибалтійской

Digitized by Google

палатой государственныхъ имуществъ; во-вторыхъ, въ такой точной наукѣ, какъ статистика, слово „множество“ не имѣетъ ровно никакого значенія, и ни одинъ добросовѣстный статистикъ его никогда не употреблялъ, какъ аргументъ; въ-третьихъ, авторъ разбираемой нами книжки, и при указанныхъ имъ 9-ти примѣрахъ, не обозначилъ ни того, въ какихъ уѣздахъ передача совершалась, ни того, въ какіе годы, ни того даже, въ какой промежутокъ времени, въ одинъ ли годъ, или въ нѣсколько лѣтъ, то-есть не указалъ именно тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ, хоть по 9-ти ничего незначущимъ примѣрамъ, можно было бы оправдать огульное осужденіе арендной системы въ казенныхъ имѣніяхъ. Представьте себѣ, что не только эти девять примѣровъ, но даже вышеупомянутое неопредѣленное „множество“ ихъ случилось на пространствѣ девяти или множества лѣтъ. Какую же цѣну имѣютъ цифры г. Юнгъ-Штиллинга? Онъ ссылается на самыя ничтожныя, когда это служитъ его цѣлямъ, и не даетъ никакихъ, когда читатель ожидаетъ непремѣнно ихъ встрѣтить. Приведемъ другой примѣръ. Нашъ авторъ указываетъ на незначительную цифру выселенія крестьянъ изъ одной волости въ другую, и изъ Лифляндской губерніи въ губерніи русскія, какъ на несомнѣнное доказательство въ пользу того, что „сами крестьяне признаютъ свое положеніе хорошимъ“. Не касаясь вѣрности приводимыхъ имъ казенныхъ цифръ, если мы докажемъ, что цифры эти ничего не доказываютъ, то тѣмъ самымъ докажемъ ли, что крестьяне не благоденствуютъ? Г. Юнгъ-Штиллингъ иногда выдаетъ себя читателю съ такою безпримѣрною наивностью, что не знаемъ, чѣмъ объяснить ее: увѣренностью ли въ силѣ своихъ аргументовъ, или увѣренностью въ близорукости читателя. Въ настоящемъ примѣрѣ эта наивность особенно ярко бросается. Дѣйствительно, цифры выселенія крестьянъ незначительны, особенно до 1864 года. Но доказываетъ ли это что-нибудь? Не говоря о томъ, что крестьянинъ привязывается къ мѣсту своего жительства, какъ бы оно ни было дурно, привязывается вопреки здравому смыслу и собственной выгодѣ, такъ-что только самая настоятельная крайность можетъ заставить его бродить, въ исторической части брошюры г. Юнгъ-Штиллинга, мы находимъ еще другое объясненіе незначительности эмиграціи., На стр. 82 и 83, онъ излагаетъ правила касательно переселенія, правила до того стѣсняющія свободу крестьянина двинуться съ мѣста, что самъ авторъ говоритъ: «9-го іюля 1863 г. свобода покидать мѣсто жительства, временно или навсегда, была подвержена *множеству стѣсненій*“. Если прибавить къ этому множеству законныхъ стѣсненій множество стѣсненій незаконныхъ, то цифра выселенія отнюдь не можетъ имѣть той цѣны, которую придаетъ ей авторъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ еще то обстоятельство, что когда, въ 1863 г., изданы были новыя, менѣе стѣснительныя правила объ увольненіи членовъ волостныхъ обществъ, то цифра выселенія въ слѣдующемъ же году разомъ *учетверилась*. А что скажетъ г. Юнгъ-Штиллингъ послѣ стремленія крестьянъ къ выселенію, обнаружившемуся въ концѣ прошлаго года и продолжающемуся до настоящаго времени, несмотря на мѣры остановить его?...

Переходя къ исторической части брошюры Юнгъ-Штиллинга, замѣтимъ прежде всего, что самъ авторъ рекомендуетъ эту часть, какъ „сжатую, но вѣрную“. Подобныя рекомендаціи собственной своей особѣ мы считаемъ по меньшей мѣрѣ безтактными, ибо они невольно заставляютъ читателя осторожно относиться къ этой навязчивой вѣрности, точно также, какъ и къ человѣку, который постоянно трубитъ о своей честности. Впрочемъ, первыя двѣ страницы располагаютъ въ пользу автора. Извѣстно, что правительство, въ видахъ бѣдственнаго положенія эстляндскихъ и лифляндскихъ крестьянъ возстановило, въ 1802 — 1804 годахъ, главныя положенія шведскаго законодательства о крестьянахъ, пришедшія въ забвеніе, именно, крестьянамъ предоставлялось неотъемлемое право наслѣдственнаго пользованія землею, всегда носившею названіе крестьянской, и опредѣлялись обязательными правилами виды и размѣръ ихъ повинностей, по количеству и по степени производительности отведенной имъ земли. Положеніе это, закладывавшее прочныя основы крестьянскаго благосостоянія, весьма не понравилось помѣщикамъ трехъ прибалтійскихъ губерній, и они, какъ люди практическіе, круто повернули начатую реформу въ другую сторону, отказавшись отъ крѣпостного права. Въ 1816—1819 годахъ крестьяне трехъ прибалтійскихъ губерній признаны были свободными, и съ того времени нѣмецкая и даже часть русской пе-

Digitized by Google

не переставали возглашать о «великодушіи пожертвованіяхъ дворянства», о «благодѣяніяхъ», оказанныхъ имъ крестьянамъ. Что мы видимъ теперь? Г. Юнгъ-Штиллингъ вынужденъ сознаться, что «законъ 1819 года не только не улучшилъ, но даже *ухудшилъ* матеріальное положеніе крестьянъ», потому что отмѣнилъ положеніе 1802—1804 годовъ, предоставившее исключительно помѣщику право собственности на землю и *неограниченнаго* пользованія ею, и отмѣняя нормы для издѣльной повинности. «Крестьянинъ, исключительно занимающійся земледѣліемъ, стѣсненный, при переходѣ изъ одного общества въ другое, множествомъ формальностей, былъ принужденъ соглашаться на *всякое предложеніе владѣльца, лишь бы оно дало ему возможность прокормиться*". Это говоритъ самъ г. Юнгъ-Штиллингъ, осуждая такъ называемыя «свободныя обоюдныя соглашенія», предписанныя закономъ, какъ такія, которыя ставили крестьянина въ полную зависимость отъ помѣщика. Такимъ образомъ, дворянство, отрѣшившись отъ крѣпостного права въ теоріи, на практикѣ еще болѣе закрѣпостило крестьянина, и нашъ авторъ такое положеніе дѣлъ называетъ «выкупною цѣною свободы крестьянъ». Не напоминаетъ ли вамъ эта фраза другую, болѣе извѣстную о цѣнѣ крови? Какъ бы то ни было, съ настоящаго времени мы можемъ не говорить о «великодушіи остзейскаго дворянства», потому что крестьяне *купили* себѣ свободу дорогою цѣною, десятками лѣтъ невыносимаго гнета, который привелъ ихъ къ волненіямъ сороковыхъ годовъ, когда они предпочитали ссылку въ Сибирь «свободнымъ обоюднымъ соглашеніямъ» съ помѣщиками, систематически отбиравшихъ у крестьянъ лучшія земли и обременявшихъ ихъ невыносимыми повинностями. Чтобъ ослабить произволъ, правительство вернулось отчасти къ шведской системѣ, ограничивъ размѣръ барщины высшею нормою, которую помѣщикъ не въ правѣ былъ переступать. И что же? Помѣщики вдругъ почувствовали такое же влеченіе къ арендѣ, нормы которой не были опредѣлены, какое чувствовали прежде къ барщинѣ безъ опредѣленной нормы. Положеніе 1849 года, составленное самимъ дворянствомъ и утвержденное помимо государственнаго совѣта, рекомендуется г. Юнгъ-Штиллингомъ, какъ вѣнецъ зданія крестьянскаго благосостоянія; оно, по его мнѣнію, вызвало «новый порядокъ вещей, совершенно обратный порядку, созданному закономъ 1819 г.»

Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ это положеніе давало помѣщикамъ право, при регулированіи повинностей (крестьянской) земли, присоединять къ мызнымъ землямъ около трети земли, находившейся до того времени во владѣніи крестьянъ и окончательно отмѣнило опредѣленіе, по поземельной оцѣнкѣ, нормальной мѣры арендной повинности, признанной невозможной, будто бы на основаніи опыта, по необыкновенной *обширности* Лифляндіи и необыкновенному же разнообразію ея почвы. Такимъ образомъ, пресловутый принципъ «свободнаго обоюднаго соглашенія» былъ сохраненъ почти во всей своей неприкосновенности, говоримъ «почти», потому что нѣкоторыя ограниченія произволу помѣщиковъ были положены, однако далеко не въ такой степени, чтобъ отношенія крестьянина къ владѣльцу можно было считать за отношенія сколько-нибудь свободныя, и чтобъ порядокъ, созданный закономъ 1849 г., можно было считать «обратнымъ» порядку, созданному закономъ 1819 года. Принципъ закона 1819 г. былъ сохраненъ, какъ сознается и г. Юнгъ-Штиллингъ, онъ сохраненъ и до настоящаго времени, слѣдовательно и неудобства его сохраняются доселѣ, хоть и въ меньшей степени, благодаря дальнѣйшему законодательству по крестьянскому вопросу. Все же дѣло въ принципѣ, а ограниченія его всегда можно обойдти, какъ они и обходятся. О равновѣсіи между свободнымъ спросомъ и свободнымъ предложеніемъ при наймѣ и покупкѣ земли у помѣщиковъ, нечего и говорить, когда крестьянинъ находится подъ постояннымъ давленіемъ нужды, и когда въ Лифляндіи существуетъ большая несоразмѣрность между числомъ дворовъ и числомъ душъ, вслѣдствіе чего на каждое опроставшееся мѣсто является много охотниковъ, между которыми конкуренція тѣмъ значительнѣе, что лифляндскій крестьянинъ не знаетъ почти никакихъ промысловъ, вѣчно оставаясь или земледѣльцемъ, или сельскимъ батракомъ. Нечего говорить о равновѣсіи между спросомъ и предложеніемъ, когда на сторонѣ помѣщика множество преимуществъ, а на сторонѣ крестьянина множество стѣсненій, заставляющихъ его подчиняться всякимъ требованіямъ, подъ опасеніемъ лишиться куска хлѣба. Нечего объяснять повышеніе арендной платы и большую

Digitized by Google

цѣну земли при покупкѣ крестьянами участковъ, какъ дѣлаетъ это нашъ авторъ, развитіемъ сельскаго хозяйства, когда существуетъ причина болѣе ближайшая, о которой г. Юнгъ-Штиллингъ тщательно умалчиваетъ. Мы говоримъ о драгоцѣнномъ правѣ балтійскаго помѣщика дарить тяглымъ дворамъ своего имѣнія рекрутскія квитанціи. Каждый хозяинъ, снимая въ оброчное содержаніе или покупая тяглый участокъ, освобождается отъ рекрутства, и, конечно, вотчинныя конторы значительно накидываютъ на доходность или стоимость земли, принимая въ соображеніе изъятіе крестьянина отъ самой тягостной изъ всѣхъ государственныхъ повинностей. Это такъ просто, что еслибъ подобная привилегія дарована была русскому помѣщику, то цѣнность земли возрасла бы немедленно даже въ самыхъ неблагопріятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ. Въ концѣ концовъ мы должны сказать, что историческая часть брошюры г. Юнгъ-Штиллинга также односторонняя, какъ и статистическая. Авторъ постоянно оберегаетъ права помѣщиковъ и, анализируя законоположенія, избѣгаетъ говорить о такихъ пунктахъ, которые выставляютъ въ настоящемъ свѣтѣ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Признавая законъ 1849 г. вѣнцомъ зданія, онъ слегка относится къ дальнѣйшему законодательству, считая его либо излишнимъ, «не истекающимъ изъ экономической необходимости», либо «не могущимъ быть оправданнымъ съ точки зрѣнія теоретической», либо «не согласующимся съ полнымъ правомъ собственности помѣщика на повинностную (т. е. крестьянскую) землю».

Если «Окраины Россіи» г. Самарина подвергаются упрекамъ въ односторонности, то еще съ бо́льшимъ правомъ такой упрекъ должно обратить къ г. Юнгъ-Штиллингу. Какъ первый выставлялъ остзейскіе порядки въ черномъ свѣтѣ, такъ второй старается изобразить ихъ непремѣнно въ свѣтломъ. Изслѣдователь безпристрастный долженъ взглянуть на обѣ книги какъ на матеріалы, изъ которыхъ книгѣ г. Самарина, во всякомъ случаѣ, должно быть отдано предпочтеніе, какъ такому труду, который заключаетъ въ себѣ много безспорныхъ офиціальныхъ документовъ и разсматриваетъ остзейскій край, не какъ привилегированныя губерніи, а какъ часть цѣлаго, именующагося Россійской Имперіею.

Безъ вины виноватые. Разсказъ въ двухъ г вахъ. *А. К. Владиміровой.* Спб. 1869.

«Разсказъ въ двухъ главахъ» — довольн объемистый романъ, имѣющій задачею изобр зить судьбу незаконнорожденныхъ. Въ самом дѣлѣ, если есть «безъ вины виноватые», то н званіе это какъ нельзя больше идетъ тѣмъ н счастнымъ, къ которымъ законъ и общество о носятся съ неумолимою суровостью. Что зако не одобряетъ внѣбрачныя связи — понятно, и самаго нехитраго размышленія достаточн чтобъ понять, какъ неосновательна суровост его, карающая слабѣйшаго и притомъ совсѣм непричастнаго къ тому проступку, за которы несетъ онъ наказаніе. Главный виновникъ про исхожденія ребенка, безъ сомнѣнія, мужчин а между тѣмъ въ громадномъ большинствѣ слу чаевъ онъ не несетъ на себѣ никакой отвѣ ственности, очень часто не зная числа своих незаконныхъ дѣтей, а иногда даже хвастая большимъ ихъ количествомъ, какъ нѣкоторы подвигомъ своей жизни.

Дѣтоубійство почти всегда есть слѣдст отчаянія, безвыходнаго положенія рожениц обманутой и оставленной своимъ любовникомъ на произволъ судьбы. Итакъ, первое, что ждет незаконнорожденнаго, существо еще болѣе сл бое, чѣмъ женщина, и совершенно беззащитное, и ждетъ довольно часто — насильственная смерть смерть эта, впрочемъ, во многихъ случаях еще лучшій исходъ, ибо ребенокъ умираетъ безсознательно, не испытавъ еще тѣхъ прел стей жизни, которыя ожидаютъ его. Вѣрны статистическихъ цифръ о такой смертност незаконнорожденныхъ въ Россіи не собран но сочиненіе г. Анучина «Матеріалы для уго ловной статистики Россіи» даетъ намъ цифр сосланныхъ въ Сибирь женщинъ за дѣтоубій ство: съ 1835 по 1843 г. такихъ женщинъ бы 344; цифра эта, даже приблизительно, не можетъ выразить собою число дѣтоубійствъ за этотъ періодъ времени, вѣ чемъ убѣждаетъ насъ как сравнительная статистика, такъ и отчеты, до ставленные врачебными отдѣленіями въ меди цинскій департаментъ министерства внутрен нихъ дѣлъ, изъ которыхъ видно, что число дѣтоубійствъ въ Россіи было въ 1864 г. — 170 въ 1865 — 194, въ 1866 г. — 161, то-есть, за три года 525. А сколько ускользаетъ подобныхъ невольныхъ преступленій не только отъ бди тельности власти, далеко не всегда прозорли

Digitized by Google

ы, во даже отъ бдительности самыхъ близ-
ихъ людей къ преступницѣ, — объ этомъ су-
ить невозможно. Если незаконнорожденный из-
нулъ насильственной смерти въ моментъ сво-
рожденія, то большею частію не избѣгаетъ
, вступивъ въ воспитательный домъ или сдѣ-
вшись подкидышемъ къ чужой, негостепріим-
й семьѣ. Извѣстно, какъ велика цифра смерт-
сти дѣтей въ воспитательныхъ домахъ. Въ
рвые четыре года существованія московскаго
спитательнаго дома (1764 — 1768) поступило
него младенцевъ 3141, умерло 2,588, то-есть
льше 82%; за первые десять лѣтъ процентъ
ертности равняется 81% (изъ 11,735 дѣтей
ерло 10,072); впослѣдствіи смертность умень-
лась, но все-таки была очень значительна.
е недавно, во второй половинѣ 1867 г., мы
ели докладъ санитарной коммиссіи москов-
аго губернскаго собранія о грудныхъ питом-
цъ воспитательнаго дома и довольно много
стныхъ статей, убѣждавшихъ насъ въ ужас-
мъ положеніи дѣтей, оставленныхъ своими
ителями, дѣтей, по большей части, незакон-
ыхъ, сдѣлавшихся предметомъ промысла, пред-
томъ купли и продажи между деревенскими
щанами, бравшими ихъ на воспитаніе. Про-
нтъ смертности такихъ дѣтей въ деревняхъ
ъ громаденъ, что нейдетъ ни въ какое срав-
ніе съ смертностью крестьянскихъ дѣтей.
ъ, въ одной волости родилось въ годъ 117,
ерло на первомъ же году 35; въ туже во-
сть поступило изъ воспитательнаго дома 197
тей и на первомъ году умерло изъ нихъ 135.

Въ немногихъ словахъ трудно представить
изнь незаконнорожденнаго, посланъ ли онъ
ъ воспитательный домъ или выросъ гдѣ-ни-
удь подкидышемъ. Эти люди безъ роду и пле-
ени доставляютъ обыкновенно сильный кон-
ингентъ во всѣхъ преступленіяхъ: будучи
ъ дѣтства измучены преслѣдованіями и оскор-
леніями, озлоблены на общественную несправ-
едливость, не связанные никакими нравствен-
ыми связями, не знавшіе ни ласкъ и любви
атери, ни поддержки отца, они растутъ,
акъ отчужденные, какъ паріи, съ незаслу-
еннымъ клеймомъ на челѣ, и дѣлаются вра-
ами существующаго порядка. Въ деревняхъ
говорятъ имъ: «ну ты, за поганою кадкою те-
я оценили»; прислушайтесь, какъ относятся
ъ незаконнорожденнымъ въ такъ-называемомъ
образованномъ обществѣ: тамъ прямо и откро-
венно ихъ не оскорбляютъ, но даютъ имъ, при всякомъ случаѣ, понять ихъ сиротство, озлобляютъ то пренебреженіемъ, то навязчивымъ сожалѣніемъ, то смѣхомъ и шопотомъ. На воспріимчивую дѣтскую душу все это ложится тяжело, ибо отъ наблюдательнаго взгляда ребенка ничто не ускользаетъ. Прежде чѣмъ онъ выростетъ, прежде чѣмъ закалится презрѣніемъ къ тупоумію однихъ и равнодушіемъ къ традиціоннымъ предразсудкамъ другихъ, онъ вынесетъ слишкомъ много за грѣхи родителей, чтобъ можно было считать его жизнь не отравленной даже при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ его развитія. Общество раскрываетъ свои гостепріимныя объятія только предъ тѣми незаконнорожденными, которые имѣли великую честь родиться отъ отцовъ высокопоставленныхъ. Въ такихъ случаяхъ и мать признается счастливицею, и сынъ можетъ гордиться сходствомъ съ своимъ незаконнымъ отцомъ и даже находитъ себѣ завистниковъ между тѣми, матери которыхъ остались вѣрными своему долгу и своихъ мужей не мѣняли на высокихъ любовниковъ. Измѣрять человѣческую глупость и непослѣдовательность — очень трудно.

Положеніе у насъ незаконнорожденныхъ передъ закономъ лучше, чѣмъ, напр., во Франціи, изъ чего, однако, не слѣдуетъ, что оно хорошо. Незаконнорожденные крестьяне приписываются обыкновенно къ крестьянамъ, лица всѣхъ другихъ сословій къ мѣщанамъ. Отецъ можетъ усыновить свое дѣтище во всякое время; но законъ съ одной стороны какъ будто признаетъ это право за отцомъ, съ другой какъ будто его отрицаетъ. 144-я статья X тома говоритъ: «всѣ воспитанники и незаконнорожденные, сопричтенные къ законнымъ дѣтямъ по особымъ высочайшимъ указамъ, пользуются ненарушимо всѣми правами и преимуществами, силою тѣхъ указовъ имъ предоставленными». Въ примѣчаніи же въ этой статьѣ читаемъ: «высочайшимъ указомъ, объявленнымъ статсъ-секретаремъ у принятія прошеній 29 іюля 1829 г., всѣ приносимыя Е. И. В. прошенія объ узаконеніи незаконнорожденныхъ дѣтей или воспитанниковъ, а также о сопричтеніи къ законнымъ дѣтей, рожденнымъ до брака съ настоящею женою, повелѣно, не внося въ коммиссію прошеній, *оставлять безъ движенія*.» Такимъ образомъ, прошеніе на высочайшее имя можетъ быть подано только по-

Digitized by Google

мимо той инстанціи, которая для этого предназначена, что влечетъ за собою и множество хлопотъ, и зависитъ отъ тысячи случайностей. Размѣры библіографіи не позволяютъ намъ дольше остановиться на вопросѣ о незаконнорожденныхъ, представляющемъ глубокій соціальный интересъ и рекомендующій вѣкъ прогресса съ весьма печальной стороны. Мы хотѣли только намѣтить тѣ черты, которыя могъ бы развить и психологъ, и юристъ, и романистъ, въ поученіе современникамъ.

Произведеніе г-жи Владиміровой уже потому заслуживаетъ вниманія, что старается разработать этотъ вопросъ въ такой формѣ, которая наиболѣе доступна массѣ. Эта писательница, имя которой въ первый разъ встрѣчается въ печати, рисуетъ передъ нами судьбу двухъ незаконнорожденныхъ дѣвочекъ, поставленныхъ, впрочемъ, въ довольно благопріятныя отношенія съ самаго дня ихъ рожденія. Онѣ дочери богатой помѣщицы, которая прижила ихъ, разойдясь съ мужемъ, отъ одного образованнаго, хотя и небогатаго молодого человѣка. Воспитываются онѣ въ роскоши и нѣгѣ незаконною матерью, а незаконный отецъ умѣряетъ эту роскошь и старается дать дѣвочкамъ разумное воспитаніе. Судьба ихъ могла бы быть завидна, еслибъ мать не умерла, а отецъ не увлекся бы какою-то кокеткой, для которой забылъ дѣтей и тратилъ ихъ состояніе. Дѣвочки отданы были въ одинъ московской пансіонъ, и тутъ испытали на себѣ, что значитъ быть незаконнорожденными. Страницы, посвященныя пребыванію дѣвочекъ въ пансіонѣ, самыя интересныя въ романѣ: г-жа Владимірова воспроизводитъ пансіонскую жизнь такими живыми, даже увлекательными чертами, что онѣ поглощаютъ все ваше вниманіе и не даютъ оторваться отъ книги.

Вторая половина романа гораздо слабѣе первой, такъ что интересъ его не возрастаетъ, а уменьшается. Писательница не представила намъ ни одного цѣльнаго характера, даже не исчерпала того положенія, въ которое ставитъ своихъ героинь, такъ что вопросъ о „безвинно виноватыхъ“ разработывается ею по большей части не въ образахъ, не въ драматическихъ положеніяхъ, а въ разговорахъ, часто мало идущихъ къ дѣлу. Непривычная рука видна довольно часто, какъ въ отсутствіи вѣрнаго анализа и оцѣнки поступковъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и въ нѣкоторой водянисти и стр мленіи вложить въ свое произведеніе, безъ вс кой надобности и вопреки всякому интере все то, что знаетъ авторъ изъ разныхъ наук Независимо отъ этихъ недостатковъ, произв деніе г-жи Владиміровой должно быть зам чено по той прекрасной гуманной мысли, к торая его воодушевляетъ, и по тѣмъ страни цамъ, которыя посвящены пансіону благород ныхъ дѣвицъ.

Очерки Японіи. *М. Венюкова.* Съ картою. Спб 1869 г.

Отрывки изъ путешествій по восточнымъ об ластямъ Европейской Турціи. Составилъ *Мосоловъ.* Спб. 1868 г.

Японія очень близка отъ нашей восточн границы, но попасть въ нее, напр., изъ Петер бурга, гораздо труднѣе и утомительнѣе по рус скимъ владѣніямъ, чѣмъ по океану и владѣ ніямъ иностраннымъ и притомъ самымъ отда леннымъ отъ насъ. Изъ Николаевска на Амур до Японіи—рукой подать, но изъ Николаевск отправляются въ японскія воды одинъ, рѣдко два корабля въ годъ, и то военные; можно ѣхать че резъ Кяхту, Пекинъ и Шанхай, но для этого надо имѣть предписаніе изъ Петербурга или изъ Иркутска къ кяхтинскому пограничному ком миссару объ отправленіи изъ Россіи въ Пекин по почтѣ; есть много и другихъ путей, но са мый удобный—почти кругосвѣтный: Германія Франція, Нью-Іоркъ, отсюда черезъ Панам и Санъ-Франциско въ Іокогаму, Осаку и Нан гасаки. Но не думайте, что какъ скоро вы в Японіи, страна эта откроется передъ вами с всѣхъ сторонъ: по договорамъ съ европейцам только политическіе агенты, консулы и послан ники могутъ путешествовать по Японіи в всѣхъ направленіяхъ, но и тутъ обстоятел ства сдѣлали все, чтобъ ограничить число ин кихъ путешествій. Всѣ же прочіе европейц стѣснены предѣлами двадцативерстнаго и ещ меньшаго разстоянія вокругъ тѣхъ городовъ, гдѣ имъ позволено жить. Имѣя намѣреніе от правиться въ Японію, г. Венюковъ сталъ изу чать ее по тѣмъ сочиненіямъ, которыя имѣ лись въ европейской литературѣ; намѣреніе своего ему осуществить не удалось, но резуль татомъ всего прочитаннаго и строго прове реннаго на основаніи позднѣйшихъ путеше ствій въ Японію, явилось настоящее сочин

Digitized by Google

которое даетъ о Японіи весьма удовле-
рительное понятіе.

Извѣстно, насъ никакъ нельзя упрекнуть въ
ом, что мы съ особеннымъ усердіемъ ста-
емся изучать страны къ намъ близкія, а
ду тѣмъ такое изученіе не только интересно,
о даже въ высшей степени поучительно. Намъ
ьше, чѣмъ кому-нибудь, слѣдуетъ кичиться
оимъ образованіемъ и превосходствомъ надъ
ругими народами, ибо повсюду можемъ мы
крыть то, чего у насъ нѣтъ. Смотря на фо-
усы японцевъ, которые пріѣзжали къ намъ
прошломъ году, многіе изъ насъ, конечно,
подозрѣвали, что въ странѣ этихъ дѣтей
льняго Востока опрятность и вѣжливость
изиты въ высшей степени, что женщины у
ихъ на улицахъ пользуются полнымъ уваже-
емъ и что весь народъ грамотенъ. Да, въ
понiи нѣтъ безграмотныхъ и нѣтъ нашей муд-
й пословицы, гласящей, что „корень ученія
рекъ, а плоды его сладки"; тамъ умѣютъ дѣ-
ть такъ, что и корень ученія выходитъ сла-
къ, и наука не представляется ребенку въ
дѣ страшной буки; на этомъ дальнемъ Во-
токѣ съ дѣтьми обращаются до крайности
ерпѣливо, съ любовью, никогда не наказы-
ютъ за медленность успѣховъ, а стараются
звить способности такъ, чтобъ дѣти сами
чали понимать и пользу ученія, и изучаемые
редметы. Оттого японскія дѣти никогда не
ачутъ и учатся охотно, мальчики и дѣвочки
мѣстѣ; дѣти простолюдиновъ обыкновенно
анчиваютъ свое образованіе на чтеніи, письмѣ
основныхъ началахъ счета и японской исто-
іи; люди же зажиточные даютъ своему по-
омству болѣе обширный кругъ свѣдѣній. При
омъ въ дѣтяхъ стараются развить чувство
ружбы и чести и чувство презрѣнія къ жизни,
если она не приносится въ жертву идеямъ о
ихъ. Конечно, японскія иден о чести немножко
ригинальны: такъ, напримѣръ, оскорбленный
ли одураченный сановникъ считаетъ своимъ
непремѣннымъ долгомъ распороть себѣ животъ
въ присутствіи своихъ друзей и домочадцевъ.

«Высшія и среднія учебныя заведенія Япо-
ніи — говоритъ г. Венюковъ — до послѣдняго
времени были преданы схоластической мудро-
сти, и все время пребыванія въ нихъ главнѣй-
ше посвящалось китайскому языку, разнымъ
японскимъ азбукамъ, которыхъ пять, изученію
цвѣтистаго стиля и конфуціевой философіи,
совершенно, какъ въ Европѣ среднихъ вѣковъ
гдѣ господствовала латынь Квинтиліана и Ари
стотель». Совершенно какъ у насъ, можемъ мы
прибавить, если примемъ въ соображеніе, что
китайскій языкъ, китайская схоластика и кон
фуціева философія для японцевъ составляетъ
свой классицизмъ, фундаментъ образованія. Н
дальше мы опять встрѣчаемъ несходства: „еди
японцы увидѣли превосходство надъ собою
европейцевъ, какъ немедленно ввели въ свои
университеты преподаваніе реальныхъ наукъ
и отбросили на второй планъ китайскую грам
матику и риторику".

Въ Японіи молодое поколѣніе, имѣющее
впрочемъ, во всѣхъ странахъ, передъ старымъ
преимущество свѣжести силъ и энергіи, тотъ
часъ послѣ женитьбы получаетъ отъ отца управ
леніе домомъ и даже поземельною собственно
стію. Разумѣется, при этомъ опытность стар
шихъ лѣтами помогаетъ вести дѣла, и уста
навливается такимъ образомъ порядокъ, кото
рый едва ли можно назвать дурнымъ: «когда
старое поколѣніе стоитъ во главѣ обществен
ной или даже только семейной жизни—гово
ритъ г. Венюковъ—послѣднее обыкновенно по
падаетъ въ рутину, и молодое поколѣніе стра
ждетъ отъ недостатка воздуха. Результатомъ
же этихъ страданій, какъ извѣстно, бываетъ
утомленіе, озлобленность и наконецъ нравствен
ное паденіе, т. е. обращеніе къ рутинерству
предпочтеніе преданій и предразсудковъ го
лосу разума. Едва ли не въ этой сторонѣ япон
скаго свѣта можно искать объясненія той изу
мительной быстроты, съ которою японцы ус
пѣли ввести у себя множество европейскихъ
усовершенствованій». Японцы очень любятъ
театральныя представленія: въ Іеддо тридцать
театровъ, то-есть едва ли не больше, чѣмъ
въ Парижѣ. Когда зрители довольны спек-
такленъ, они рукоплещутъ; если онъ имъ не
нравится, то поворачиваются къ сценѣ спи-
ною. Въ послѣднемъ случаѣ занавѣсъ падаетъ,
хотя бы пьеса была неокончена. Лучшихъ ак-
теровъ обдариваютъ, но не букетами и драго-
цѣнными вещами, какъ у насъ, а одеждой, ко-
торую потомъ выкупаютъ у получившаго. Мы
долго не кончили бы, еслибы хотѣли перечи-
слять хорошія стороны японскаго быта. Между
дурными сторонами его можно указать на
страшное развитіе шпіонства. Во времена тай-
куновъ шпіонствомъ рѣшительно наполнена

Digitized by Google

была Японія. Шпіоны дѣлились на нѣсколько разрядовъ: одни оффиціальные, другіе, и конечно важнѣйшіе, совершенно секретные. Въ 1858 г., при переговорахъ съ лордомъ Эльджиномъ, въ числѣ японскихъ уполномоченныхъ былъ одинъ, у котораго на визитной карточкѣ значилось: «императорскій шпіонъ». Быть хорошимъ шпіономъ, находчивымъ, ловкимъ, считалось не послѣдней заслугой, дающей право на видныя отличія. Понятно, что шпіонство главнымъ образомъ имѣло цѣлью служить политическимъ цѣлямъ, то, есть предупрежденію такъ-называемыхъ политическихъ преступленій, причемъ оказалось, что система эта привела къ результатамъ противоположнаго свойства: деморализируя націю, она только подготовляла всякаго рода заговорщиковъ, умѣющихъ ловко дѣйствовать изъ-за угла. Въ послѣдніе четырнадцать лѣтъ, два тайкуна, нѣсколько князей и множество иностранцевъ пали жертвою политическихъ заговоровъ, и шпіоны всегда узнавали объ этомъ послѣ другихъ. Дворецъ самого микадо былъ сожженъ, и шпіоны не предугадывали этого. «Трудно сказать, замѣчаетъ нашъ авторъ, какую участь постигнетъ шпіонство теперь, когда во главѣ Японіи сталъ не тайкунъ, а самъ микадо. Божественная власть его ничѣмъ не оспаривается, ни откуда не угрожается, и вѣроятно онъ безъ труда пойметъ, что достойнѣе его величія опираться на народную любовь и на открыто-вѣрныхъ слугъ отечества, чѣмъ на подпольныхъ агентовъ, всегда склонныхъ къ измѣнѣ, по самому ихъ нравственному характеру». Къ сожалѣнію, опытъ въ дѣлахъ подобнаго рода рѣдко служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ для тѣхъ, которые стоятъ слишкомъ высоко и отдѣлены отъ народа слишкомъ высокою стѣною слугъ сомнительной вѣрности и честности. Отдавая должную справедливость добросовѣстности, сжатости и занимательности труда г. Венюкова, мы никакъ не можемъ понять, почему онъ сдѣлалъ «намѣренный пропускъ одной главы» о правительственномъ устройствѣ современной Японіи.

Трудъ г. Мосолова, составившаго „Отрывки изъ путешествій по восточнымъ областямъ Европейской Турціи“, гораздо проще, чѣмъ трудъ г. Венюкова. Въ то время, какъ послѣдній изучалъ всѣ извѣстныя сочиненія о Японіи и приводилъ ихъ въ довольно стройную систему, г. Мосоловъ просто сдѣлалъ выборку и двухъ европейскихъ путешественниковъ Европейской Турціи а путешествіе третьи перевелъ цѣликомъ. Изъ нихъ самое новое Генриха Барта относится къ 1864 г., два др гія, Буэ и Іохмуса, къ 1853 и 1854 года Всѣ три путешествія имѣютъ характеръ ге графическо-этнографическій, а одно изъ них кромѣ того, маршрутный. Но при бѣдности насъ сочиненій о Европейской Турціи, ко пиляція г. Мосолова можетъ принести сво пользу.

За Байкаломъ и на Амурѣ. Путевыя картин *Д. И. Стахѣева.* 1869.

Драматическія сочиненія *Д. И. Стахѣева.* Сп 1869 г.

Есть не мало русскихъ путешественнико въ родѣ г. Стахѣева, и поэтому его «путев картины» заслуживаютъ того, чтобъ сказа о нихъ нѣсколько словъ. Г. Стахѣевъ не столь интересуется природой края, его торговлею промышленностію, его жителями, сколько слу чайными встрѣчами и своей собственной осо бой. Это, въ самомъ дѣлѣ, гораздо легче. К описанію страны нельзя приступать безъ нѣ которыхъ предварительныхъ знаній, историче скихъ, этнографическихъ, геологическихъ, ста тистическихъ и проч., между тѣмъ какъ опи сывать встрѣчи, гостинницы, разговаривать с солдатомъ и ямщикомъ — на все это хватит всякаго, лишь была бы охота терять на эт время и записывать. Пріѣдетъ г. Стахѣевъ в гостинницу и требуетъ себѣ закусить. Хозяин предлагаетъ ему солонины и огурцовъ—г. Ст хѣевъ не хочетъ; хозяинъ предлагаетъ водки г. Стахѣевъ «молчитъ», хозяинъ предлагает самоваръ,— г. Стахѣевъ говоритъ «пожалуй изъ чего читатель заключаетъ, что г. Стахѣев солонины не ѣстъ и водки не пьетъ, но от самовара, какъ настоящій русскій человѣк не прочь. Идетъ хозяинъ ставить самоваръ, г. Стахѣевъ начинаетъ описывать гостинниц ея стѣны, ея мебель—и все это до малѣйших подробностей; иногда путешественнику прихо дятъ въ это время мысли о суетѣ мірской, он и о суетѣ мірской напишетъ; услышитъ пут шественникъ завываніе вѣтра—и о вѣтрѣ н пишетъ страничку-другую, напишетъ плав и опрятно; взгрустнется ему—онъ и о груст своей сочтетъ долгомъ повѣдать читателю,

Digitized by Google

ть еще поставить нѣсколько точекъ, чтобъ тель зналъ, что путешественникъ еще что-ыль, но писать объ этомъ невозможно. ить г. Стахѣевъ китайцевъ въ Кяхтѣ говорить, такъ, о самихъ пустыхъ пустя- оговоритъ, потому что китайцы плохо усски знаютъ, а г. Стахѣевъ по-китайски ъ не знаетъ, и, однакожъ, разговоръ яетъ. Встрѣтитъ г. Стахѣевъ мужиковъ. ужики ему кланяются и начинаютъ такой говоръ:

«Добро пожаловать, поштенный.» — Откуда ы? спросилъ я. Мужики помолчали и, поче- въ затылки, переспросили: «Кто? мы-то»? — . Откуда, говорю. — «Мы изъ-подъ Хаба- ки-и, отвѣчали они растягивая послѣдній огъ. — Родомъ-то откуда? — «Кто? мы-то?» ять переспросили мужички, переглядываясь жду собой. — Да. Откуда, говорю, родомъ- ? — «Родомъ-то»? — Да. — «Гм.» — Нѣсколько емени прошло въ молчаніи. Я опять спро- хъ. — Откуда же вы, добрые люди? — «Кто? -то»? — Ну, да, конечно вы».

Неправда-ли, какъ все это глубокомысленно, къ характерно, сколько юмору разсыпано образованнымъ писателемъ, чтобъ образован- ый читатель могъ сказать: «Господи! какое урачье эти мужики,— съ г. Стахѣевымъ раз- варивать не могутъ». Читаете дальше, пе- ертываете послѣднюю страницу и въ за- юченіе встрѣчаете философское разсужденіе ого рода: «Тѣ впечатлѣнія, которыя я вы- съ изъ путешествія на палубной баржѣ, по- ужили мнѣ началомъ новыхъ литературныхъ ботъ; но придется ли мнѣ когда нибудь ихъ ончить — я и самъ не знаю, потому что не наю, куда бурная волна жизни унесетъ мой ленькій челнокъ, не знаю, въ какія положенія я уду поставленъ роковою, неотразимою силою нѣшнихъ вліяній, рабомъ которыхъ считаю ждаго человѣка, не признавая за нимъ ой части той самостоятельной воли, которую себѣ приписываетъ; не признаю я этой потому, что образованіе и происхожденіе висятъ опять таки отъ роковой и неот- ой силы внѣшнихъ вліяній»... Не правда разсужденіе хорошее, хотя и напоминаетъ го знакомаго, Павла Ивановича Чичикова, торый постоянно уподоблялъ свою жизнь ку ладьѣ среди волнъ.

Не все же, однако, у путешественниковъ въ родѣ г. Стахѣева, одна болтовня? Конечно не все. Они говорятъ иногда и о дѣлѣ, но немножку, словно боясь утомить читателя. Нѣсколько свѣдѣній болѣе или менѣе интерес ныхъ можно выжать изъ книжки въ 400 стра ницъ, но насколько вѣрны эти свѣдѣнія — в поручиться никакъ не можете, потому что собраны они то отъ ямщиковъ, то отъ сол датъ, то отъ прохожихъ, то Богъ вѣсть от кого. Прохожій сболтнетъ ради краснаго слов путешественникъ запишетъ; иногда прохожі правду скажетъ, путешественникъ не удосу жится записать. Вообще путешественник подобнаго рода, а ихъ — повторяемъ — у нас не мало, играютъ двусмысленную роль болту новъ, наивно воображая, что изучаютъ стран и дѣлаютъ дѣло. Писаніямъ ихъ вѣры нельз давать, и появленіе въ печати ихъ сочинені можно объяснить только или „роковою, не отразимою силою внѣшнихъ вліяній“, ил страстью къ печатанію.

Не смотря на это, мы все-таки предпо читаемъ «путевыя картины» г. Стахѣева ег «драматическимъ сочиненіямъ». Въ первых хоть что-нибудь есть, хоть повтореніе задов или нѣсколько дѣйствительно интересныхъ страницъ о «рысакахъ», т. е. бѣглыхъ въ Си бири, во вторыхъ же ровно ничего нѣтъ, кром того либерализма, который мелко плаваетъ, н много пузырей на водѣ производитъ. Драма тическія сочиненія г. Стахѣева состоятъ из двухъ «драматическихъ комедій», изъ которыхъ одна «Лучъ въ темномъ царствѣ» была играна въ нынѣшнемъ сезонѣ на александринской сцен и не имѣла успѣха; другая, «Знакомыя во лица», появляется въ первый разъ. Обѣ «дра матическія комедіи» изображаютъ купеческі бытъ, въ жалкихъ сколкахъ съ г. Островскаго хоть г. Стахѣевъ, въ предисловіи къ книжк своей, утверждаетъ, что онъ прокладываетъ новый путь. Островскій, по его мнѣнію, «н даетъ намъ почти никакого понятія о купц какъ о человѣкѣ, не заглядываетъ въ его внут ренній, духовный міръ», не показываетъ «ис щенной искры божественнаго огня, котора долго, долго можетъ тлѣть на днѣ его (купца души». «Намѣреніе мое было, продолжаетъ он именно такое, чтобы показать въ человѣкѣ-с модурѣ того внутренняго человѣка, которы не видимъ въ герояхъ Островскаго. Если н удалось мнѣ, то, можетъ быть, явится друго

Digitized by Google

талантъ (г. Стахѣевъ считаетъ себя талантомъ) и работа, начатая мною, найдетъ впослѣдствіи лучшихъ исполнителей». Вотъ какіе странные люди бываютъ: не видятъ они у Островскаго внутренняго человѣка и начинаютъ его отыскивать въ себѣ, отыскивать въ потѣ лица и производятъ внѣшняго человѣка, куклу безъ жизни и движенія, газетныя „отмѣтки“ въ лицахъ, то-есть именно то, чего у Островскаго нѣтъ,—производятъ, и счастливы. Надо имѣть слишкомъ суровое сердце, чтобъ разрушать счастье, купленное столь дорогою цѣной.

Рабочій вопросъ въ его современномъ значеніи и средства къ его разрѣшенію. Сочиненіе *Эрнеста Бехера*. Переводъ (съ нѣмецкаго) подъ редакціею *П. Н. Ткачева*. Съ приложеніемъ уставовъ народнаго банка Прудона и уставовъ международной ассоціаціи рабочихъ. Спб. 1869.

Рабочій вопросъ ярко выдвигается впередъ въ общественной и политической жизни Европы и часто напоминаетъ даже людямъ равнодушнымъ къ соціальному движенію о болѣзни современнаго экономическаго организма. Возникнувъ въ глубокой древности, когда люди только что начали устраиваться въ общества, вопросъ этотъ развивался сначала ничтожно и почти невидимо, только изрѣдка заявляя о себѣ, какъ во время Спартака или въ періодъ реформаціи, весьма рѣшительнымъ образомъ. Въ наше время, когда въ общественное сознаніе болѣе и болѣе начала входить та истина, что съ рабочимъ вопросомъ связанъ весь строй соціальной жизни, онъ обратилъ на себя особенное вниманіе. Русская журналистика очень часто занималась рабочимъ движеніемъ на западѣ, но никогда не трогала его въ своемъ отечествѣ. Существуетъ ли онъ? Изрѣдка мы слышимъ о стачкахъ на нашихъ фабрикахъ, о неудовлетворительномъ положеніи на нихъ рабочихъ, объ учрежденіи артелей, но все это является въ отрывочной, неопредѣленной формѣ, какими-то глухими, отдаленными намеками на значеніе въ будущемъ. Отечественная наука съ большой охотою обращается къ философіи Платона, къ значенію или, правильнѣе, къ ничтожеству какой-нибудь исчезнувшей стихотворной формы у римскихъ поэтовъ и проч., чѣмъ къ той кропотливой, но болѣе полезной работѣ, которая указывается современной дѣйствительностью. Въ этой дѣйствительности нельзя не видѣть, напр., развитія промышленности, образованія капиталовъ и ихъ силу, нельзя не видѣть и того, что при большемъ умственномъ развитіи рабочаго населенія и большей свободѣ, отношенія между капиталомъ и трудомъ подвергнутся критикѣ, и рабочій вопросъ выплыветъ на поверхность общественной жизни и предъявитъ свои права съ тою же неумолимою логикою, съ какимъ явилось право поземельный надѣлъ при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Правда, условія нашей жизни быть можетъ, не совсѣмъ тѣ же, что на западѣ, но не надо забывать, что извѣстныя историческія явленія неизбѣжны во всѣхъ странахъ, претендующихъ на участіе во всемірной цивилизаціи, и что явленія эти, подготовляясь незамѣтно, иногда выростаютъ словно какъ случилось, напр., это въ Австріи въ послѣднее время именно съ рабочимъ вопросомъ. Конечно, въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, мы имѣемъ преимущество передъ западомъ въ томъ отношеніи, что можемъ полагать возможностью выбора между тѣми средствами, не нами выработанными, не нами пожертвованіями возведенными; но чтобъ не ошибиться въ выборѣ, мы должны съ особеннымъ вниманіемъ прислушиваться къ тому, что дѣлается около насъ. Полнѣйшее отдѣленіе капитала отъ труда, вызванное промышленностью и крупнымъ производствомъ, разорвало на западѣ всякія личныя отношенія между капиталами и рабочими, низведя послѣднихъ до степени орудія, на которое обращаютъ вниманіе только до тѣхъ поръ, пока оно къ чему-нибудь годно и лишь настолько, насколько этого требуетъ польза его хозяина.

Вопросъ, такимъ образомъ, сводится или на соціальной революціи въ отдаленномъ будущемъ, конечно, или къ примиренію. Выборъ между этими двумя средствами сдѣланъ какъ сторонами прямо заинтересованными, такъ и представителями соціальной науки, выборъ, конечно, на сторонѣ примиренія. Идея руководитъ и Бехеромъ; основатель изучивъ рабочій вопросъ въ его историческомъ ходѣ и современномъ движеніи, онъ предлагаетъ сжатую, но довольно живую и вѣрную картину, начиная съ древности до нашихъ временъ. Положенію рабочаго класса въ древности и среднія вѣка отведено въ книгѣ всего

Digitized by Google

начительное мѣсто и главное вниманіе авт обращено на XIX вѣкъ, на рабочее движе въ Англіи, Франціи и Германіи. Это лучшая часть книги, хотя не достаточно ная. Такъ, говоря о рабочемъ движеніи Франціи, Бехеръ едва одну страницу по ляетъ соціалистическимъ и коммунистиче имъ теоріямъ Сенъ-Симона, Фурье, Бюшеза, е, и ни слова не говоритъ о ихъ предс ственникахъ, не отрицая, однако же, «ог маго вліянія» всѣхъ этихъ теоретиковъ на вое движеніе. При обзорѣ рабочаго дви нія въ Англіи, онъ едва упоминаетъ о Ро тѣ Оуэнѣ и его практическихъ примѣне ъ къ дѣйствительности своихъ соціалисти ихъ идей. Вообще Бехеръ мало занимается ической частью вопроса и отдается ко практическимъ результатамъ. Какъ нѣ , онъ останавливается преимущественно Германіи, хотя справедливость требовала тить больше мѣста англійскому рабочему женію, гдѣ въ послѣдніе тридцать лѣтъ, по мѣ колоссальная энергія рабочихъ, ихъ ственная инициатива и самодѣятельность, вившаяся при помощи высшихъ обществен ъ слоевъ и правительственной власти, сдѣ ли то, что мирное разрѣшеніе рабочаго во са стало казаться возможнымъ. На такое же рѣшеніе разсчитываетъ Бехеръ и въ Гер ніи, примыкая къ партіи Лассаля, которой ъ придаетъ несравненно большее значеніе, ъ партіи Шульце-Делича. По его совер нно справедливому мнѣнію, шульцеанизмъ жетъ помочь уничтоженію пролетаріата мел ъ предпринимателей, которыми кишитъ рманія; самопомощь, рекомендуемая имъ и добряемая либеральной буржуазіей, выводитъ ъ затрудненія только тѣхъ, кому есть что берегать; массѣ же рабочихъ сберегать не го.

Покончивъ съ исторической частью своей ги, Бехеръ посвящаетъ другую часть сво труда, во-первыхъ, критикѣ нѣкоторыхъ ностей лассалевской программы, критикѣ ьно слабой, и во-вторыхъ, собственнымъ ображеніямъ къ рѣшенію рабочаго вопроса. ральнымъ средствомъ для этого онъ счи ъ, подобно Лассалю, производительную ціацію, которая вноситъ въ современную ономическую систему элементъ, необходимый коренного уничтоженія ея недостатковъ. Соединяя массу рабочихъ въ одно цѣлое и противопоставляя ее единичнымъ предпринимателямъ-капиталистамъ, ассоціація эта даетъ возможность рабочимъ получать весь доходъ съ предпріятія въ свою пользу, способствуетъ увеличенію заработной платы вообще и возвышаетъ уровень матеріальнаго благосостоянія и умственнаго развитія рабочихъ. Но для устройства такой ассоціаціи нужны средства, а у рабочихъ ихъ нѣтъ. Средства должно доставить государство, и именно такое государство, въ которомъ монархическая власть настолько сильна, что стоитъ выше партій и можетъ приняться за разрѣшеніе трудной задачи наперекоръ тѣмъ классамъ населенія, противъ которыхъ главнымъ образомъ и направлено рабочее движеніе. Въ нѣсколькихъ словахъ Бехеръ такъ рекомендуетъ свою программу: «Проходящія передъ нами явленія современной жизни заставляютъ насъ признать въ образованіи—необходимое условіе, въ ассоціаціи—наиболѣе цѣлесообразную форму, въ сознаніи солидарности—прочную основу, въ самодѣятельности—здоровую силу, а въ государственной помощи—возможное средство осуществленія рабочей реформы». Программа эта не заключаетъ въ себѣ ничего особенно новаго, но нѣкоторыя частности ея и пути, которыя она себѣ избираетъ, подлежатъ спору. Намъ остается сказать нѣсколько словъ о редакціи перевода.

Г. Ткачевъ сопроводилъ сочиненіе Бехера своимъ предисловіемъ и нѣсколькими подстрочными примѣчаніями; какъ то, такъ и другія довольно безполезны, ибо написаны кажется съ единственною цѣлью заявить о пылкости своихъ чувствъ и о томъ, что «независящія» отъ г. Ткачева „обстоятельства“ помѣшали ему подробно обсудить нѣкоторыя положенія Бехера, съ которыми онъ не согласенъ. Не понимая, какое можетъ быть дѣло до этого читателю, имѣющему полное основаніе не знать за г. Ткачевымъ никакихъ ученыхъ заслугъ, никакого авторитета даже съ микроскопическимъ значеніемъ, мы думаемъ, что „независящія“ отъ него „обстоятельства“ тутъ ни причемъ тѣмъ болѣе, что книга издана безъ цензуры. Оставляя въ сторонѣ эти „независящія обстоятельства“, съ которыми онъ не однажды фигурируетъ то въ предисловіи, то въ примѣчаніяхъ, мы посовѣтовали бы г. Ткачеву по-

Digitized by Google

больше простой добросовѣстности въ томъ дѣлѣ, за которое онъ взялся. Вотъ довольно яркій примѣръ того невниманія, съ которымъ редактировалъ онъ „Рабочій вопросъ". Бехеръ говоритъ: „Фурье открылъ собою рядъ этихъ теоретиковъ (соціалистовъ), С.-Симонъ явился его оригинальнымъ послѣдователемъ". Фраза эта не отличается точностью, и поправить ее было легко въ самомъ текстѣ; г-нъ же Ткачевъ предпочелъ написать примѣчаніе и въ примѣчаніи излить свое негодованіе, въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ, на нѣмецкаго экономиста, который будто бы совершенно незнакомъ съ исторіей развитія соціальныхъ идей во Франціи, потому что сказалъ, что „Фурье былъ *предшественникомъ* и *послѣдователемъ* С.-Симона", тогда какъ Бехеръ ничего подобнаго не говорилъ. Приписывать ученому то, чего онъ не говорилъ, и затѣмъ опровергать это—довольно счастливая манера для обнаруженія пылкости своихъ чувствъ, но отнюдь не добросовѣстности и знанія. Г. Ткачевъ поступилъ бы цѣлесообразнѣе, еслибъ, при редактированіи сочиненія Бехера, ограничился ролью корректора: быть можетъ тогда Рикардо не былъ бы названъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ Рикордо, Бюшезъ — Бухецомъ, Кабе — Каба, реставрація — рестораціей, палліативъ — полліативомъ, Нью-Ленаркъ — Нью-Ламаркомъ, и проч. и проч.

Русскія сказки *Н. Ахшарумова*, съ рисунками для дѣтей. Спб. 1869.

Новыя сказки *Эдуарда Лабуле*, съ рисунками Жана Д'Аржана. Спб. 1869.

Дѣти капитана Гранта. Кругосвѣтное путешествіе. Соч. *Жюля Верна*. Въ трехъ частяхъ. Со 172 рисунками художника Ріу. Переводъ *Марка Вовчка*. Спб. 1869.

Въ предисловіи къ своимъ сказкамъ г. Ахшарумовъ счелъ нужнымъ поставить вопросъ: полезно или вредно давать дѣтямъ въ руки сказки? Какъ авторъ сказокъ, онъ, конечно, рѣшаетъ вопросъ въ пользу ихъ; мы не станемъ разбирать всѣхъ доводовъ г. Ахшарумова, потому что это заставило бы насъ написать столь же длинное разсужденіе, какъ и само предисловіе. Замѣтимъ только, что г. Ахшарумовъ весьма слабо опровергаетъ два положенія противниковъ сказокъ, какъ воспитательнаго средства: первое, что сказки развиваютъ въ дѣтяхъ суевѣріе, второе, что они заставляя сильно работать воображеніе, развиваютъ эту способность въ болѣзненной уродливой степени, и въ ущербъ разсудку. Мы не принадлежимъ къ числу гонителей сказки изъ воспитанія, мы не думаемъ, что, вмѣсто ребенку непремѣнно надо разсказывать только исторію разныхъ букашекъ и что такія исторіи гораздо поучительнѣе. Мы думаемъ только, что необходимъ чрезвычайно строгій выборъ сказокъ для дѣтей, такой выборъ, чтобы не было никакой «чертовщины», вредно дѣйствующей на нервы, раздражающей ребенка наполняющей его головку страшными грезами. Только та сказка можетъ быть полезна въ воспитательномъ отношеніи, которая проникнута гуманной мыслью и въ поэтическихъ образахъ поясняетъ или явленія природы, или общественныя отношенія. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ лучшаго сказочника, какъ Андерсонъ. Русскія народныя сказки весьма мало пригодны для этого, а передѣлка нѣкоторыхъ изъ нихъ г. Ахшарумовымъ едва ли увеличила ихъ достоинство. Двѣ изъ собственныхъ сказокъ г. Ахшарумова («Вѣтрова хозяюшка» и «Маланьины стрѣлки») написаны для того, чтобъ представить дѣтямъ полезную силу вѣтра въ экономіи природы, промышленности и силу электричества; они сказаны бойко и живо, но лишены поэтическаго колорита.

„Новыя сказки Эдуарда Лабуле" — сказъ нѣкоторыхъ испанскихъ, норвежскихъ и итальянскихъ сказокъ, пересказъ не всегда удачный по формѣ, слишкомъ многорѣчивый, водянистый, но проникнутый по большей части здравыми идеями; нѣкоторыя изъ нихъ совершенно пригодны для дѣтей, напр. „Пеша-Пастухъ"; переводъ ихъ не совсѣмъ удовлетворителенъ, напр.: „отецъ пугался, слушая монахъ, который забылъ обѣдню, перемѣнилъ разговоръ и вынималъ изъ кармана какой-нибудь подарокъ, *имѣя его всегда въ запасѣ*".

„Дѣти капитана Гранта" могутъ быть тоже причислены къ сказкамъ, но къ сказкамъ безспорно полезнымъ, какъ для взрослыхъ, такъ и для дѣтей. Жюль Вернъ составилъ себѣ репутацію необыкновенно занимательнаго разсказчика-популяризатора научныхъ свѣдѣній изъ области географіи, геологіи и астрономіи. Произведенія его по внѣшнему, сказочному интересу, могутъ быть сравнены только съ

Digitized by Google

ными увлекательными романами, а по внутреннему достоинству, то-есть по суммѣ научныхъ знаній, остающихся послѣ такого чтенія, и нравственному впечатлѣнію, къ самымъ занимательнымъ путешествіямъ. Какой-то англійскій лордъ строитъ свой пароходъ и отправляется на немъ прокатиться по морю; мореходы ловятъ рыбу-молотокъ и находятъ въ ея внутренности бутылку съ исписанной бумагой; нѣкоторыя буквы стерты, но все же можно понять, что какой-то бригъ разбился и спасшіеся съ него капитанъ и двое матросовъ просятъ о помощи. По справкамъ оказывается, что разбившійся бригъ — „Британія", а капитаномъ на немъ былъ Грантъ. Лордъ хлопочетъ, чтобъ англійское правительство снарядило экспедицію для отысканія несчастныхъ; получивъ отказъ, онъ вызываетъ къ себѣ дѣтей Гранта, оставшихся въ Лондонѣ, и въ сообществѣ ихъ и нѣсколькихъ отважныхъ путешественниковъ пускается на своихъ пароходахъ отыскивать Гранта. Вотъ канва, которая дала Верну возможность совершить съ своими вымышленными героями кругосвѣтное путешествіе, исполненное самыхъ невѣроятныхъ приключеній. Переводъ не вездѣ гладокъ; нѣкоторыя географическія имена переданы г. Вовчкомъ на французскій ладъ; кое-гдѣ слѣдовало бы сдѣлать сокращеніе въ текстѣ, отчего книга выиграла бы въ интересѣ; рисунки по большей части совсѣмъ безполезные и только дѣлающіе книгу весьма мало доступною по цѣнѣ.

Очеркъ практической педагогіи. Руководство для педагогическихъ курсовъ и учительскихъ семинарій. Сочиненіе д-ра *Ф. Диттеса*, директора учительской семинаріи въ Готѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей *І. Паульсона*. Спб. 1869.

Воспитаніе человѣка многіе сравниваютъ съ воспитаніемъ растенія. Для развитія каждаго растенія необходимы извѣстныя суммы условій, изъ которыхъ одни прилагаются въ видѣ общаго правила; другія видоизмѣняются, смотря по разнообразію растительныхъ группъ; третьи, наконецъ, видоизмѣняются, смотря по разнообразію самыхъ видовъ, составляющихъ группу. Изучить эти условія по указаніямъ опыта и приложить ихъ на практикѣ въ мѣрѣ возможности — значитъ устранить въ такой же мѣрѣ случайность и найдти для развитія извѣстные законы; для человѣческой души нуженъ такой же уходъ, такое же изученіе, которое поставило бы ее въ среду, помогающую ея нормальному развитію. Благородныя усилія лучшихъ людей во всѣ времена были направлены въ эту сторону, и воспитаніе человѣчества пріобрѣтало все болѣе и болѣе прочную почву. Россія почти не принимала участія въ педагогическомъ движеніи; самое слово «педагогика» вошло въ довольно обширное употребленіе только недавно, да и то, большею частію, довольно безсознательно. «Всѣ мы, преподающіе педагогику, смѣло свидѣтельствуетъ г. Паульсонъ, изучали ее на скорую руку, гдѣ-нибудь и какъ-нибудь; а иные и совсѣмъ не изучали, а все-таки преподаютъ». О русской системѣ педагогики, стало быть, говорить нечего, и намъ приходится довольствоваться тѣмъ, что выработано на Западѣ. Г. Паульсонъ переноситъ на нашу почву сочиненіе Диттеса и рекомендуетъ его, какъ полезное руководство для такъ-называемыхъ педагогическихъ курсовъ, спеціально назначенныхъ для приготовленія учителей, и для старшихъ классовъ женскихъ гимназій и институтовъ, гдѣ преподается педагогика.

Мы готовы согласиться, что курсъ этотъ дѣйствительно можетъ принести пользу какъ учащимъ и учащимся, такъ и родителямъ, но польза эта будетъ весьма несовершенною до тѣхъ поръ, пока не примутся за серьезное изученіе педагогики лица, стоящія во главѣ учебнаго вѣдомства. Къ сожалѣнію, этого трудно ожидать, покрайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, а безъ того плоды, приносимые педагогикой, будутъ всегда тощи. Мы говоримъ не шутя, а какъ нельзя болѣе серьезно, и, для наглядности, проведемъ нѣкоторыя параллели. Педагогика научаетъ насъ не обременять дѣтей занятіями, для чего указываетъ minimum и maximum учебныхъ часовъ въ недѣлю; педагогика требуетъ значительнаго отдыха между учебными часами, который полезно посвящается развитію и укрѣпленію тѣла, и проч. и проч. Для чего вы усвоите себѣ эти правила, когда прилагать ихъ къ дѣйствительности вамъ не придется, когда эта дѣйствительность обременяетъ дѣтей и массою учебныхъ предметовъ, и массою учебныхъ часовъ, когда эта дѣйствительность не заботится о развитіи и укрѣпленіи тѣла, и предпочитаетъ все золотушное, но по-

Digitized by Google

глотившее латинскую мудрость, всему тому, что сохранило свѣжесть тѣла и духа, благодаря развитію на другихъ, болѣе раціональныхъ началахъ.... И какое чувство возникаетъ въ молодой дѣвушкѣ или молодомъ человѣкѣ, когда они, пройдя гимназическую мудрость, прочтутъ въ «Очеркѣ практической педагогики» слѣдующія строки:

«Если въ школѣ сообщается большая масса познаній, нежели дѣти въ состояніи преодолѣть, т. е. самостоятельно переработать, то результаты для жизни, даже матеріальные, окажутся гораздо скуднѣе, чѣмъ можно было бы ожидать, судя по количеству употребленныхъ средствъ. И если занятія въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ почти исключительно состоятъ въ изученіи предписанной массы знаній, то нѣтъ ничего удивительнаго, что изъ этихъ заведеній выходитъ, относительно, чрезвычайно мало производительныхъ талантовъ, которые возвышались бы надъ уровнемъ обыкновенной рутины и трудами своими содѣйствовали бы общему успѣху цивилизаціи».

Не блеснетъ ли имъ изъ-за этихъ строкъ тою истиной, которая отдается въ душѣ горькими сожалѣніями о напрасно потерянныхъ силахъ, о лучшихъ годахъ жизни, принесенныхъ въ жертву упорству или капризу какого-нибудь непризнаннаго и невѣжественнаго педагога, выдвинутаго изъ толпы рутинеровъ случаемъ?

А. С.

Опечатка и поправка. — Въ январьской хроникѣ вкралась опечатка; на стр. 979, четвертая строчка снизу, напечатано: 4 страницы — слѣдуетъ: 4 строчки. На той же страницѣ, при разборѣ учебника г. Шуфа, мы замѣтили, что въ его учебникѣ нѣтъ ни слова объ Уложеніи, между тѣмъ, какъ послѣ мы открыли пару словъ объ этомъ предметѣ; но эта находка, впрочемъ, не измѣняетъ сущности нашего взгляда на достоинство самого учебника.

Въ № 43 „Судебнаго Вѣстника“ помѣщена „Замѣтка по поводу мнѣнія „Вѣстника Европы“ объ адвокатурѣ“, которое было высказано нашимъ журналомъ относительно жалобы г. Дмоховскаго на г. Лохвицкаго, за личное оскорбленіе послѣднимъ перваго во время процесса г. Бильбасова (см. февр. 966 стр.). „Судебный Вѣстникъ“, не возражая прямо „Вѣстнику Европы“, ограничивается выводами изъ этого мнѣнія, сдѣланными не „Вѣстникомъ Европы“, а самимъ же „Судебнымъ Вѣстникомъ“, и, пораженный своими же выводами, восклицаетъ: „Все это очень мило и внушительно!“ Намъ нельзя спорить съ „Судебнымъ Вѣстникомъ“, потому что и онъ не споритъ съ нами, а только представляетъ образчикъ логики собственнаго издѣлія. По общечеловѣческой логикѣ, изъ цѣлости мнѣнія „Вѣстника Европы“ можно вывести слѣдующее заключеніе: 1) „Вѣстникъ Европы“ полагаетъ, что адвокатъ долженъ пользоваться въ судѣ свободою слова, и не подлежитъ другой отвѣтственности, кромѣ той власти, которая дана закономъ предсѣдателю суда; 2) что уродованіе дѣла на судѣ не представляетъ опасности, такъ какъ противная сторона имѣетъ своего адвоката, который не допуститъ такого уродованія; и 3) уродованіе же личностей противниковъ навлечетъ на адвоката, помимо власти предсѣдателя, кару общественнаго мнѣнія, а не мирового суда, какъ того хотѣлъ г. Дмоховскій. Итакъ, „Вѣстникъ Европы“ не думалъ считать „совершенно дозволеннымъ и нравственнымъ уродовать дѣло“, точно также, какъ онъ не желалъ бы видѣть свои мнѣнія уродованными логикою „Судебнаго Вѣстника“, которую въ этомъ случаѣ можно назвать логикою ad usum delphini.

М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

КНИЖНАЯ РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. Ѳ. БАЗУНОВА.

На Невскомъ Проспектѣ, № 30.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ КАТАЛОГЪ

РУССКИМЪ КНИГАМЪ,

продающимся въ книжномъ магазинѣ

Александра Ѳедоровича Базунова.

Съ указаніемъ 19,700 критическихъ статей, рецензій и библіографическихъ замѣтокъ, касающихся книгъ, помѣщенныхъ въ каталогѣ и извлеченныхъ изъ всѣхъ періодическихъ изданій и сборниковъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1825 года до 1869 г. а также болѣе 400 указаній переводовъ русскихъ сочиненій на иностранные языки, вышедшихъ отдѣльными изданіями. Въ концѣ книги приложенный алфавитный указатель составилъ *В. Межовъ*. Спб. 1869 г. 8°, болѣе 1000 стр. 64 листа. Первоначальная цѣна каталога предполагалась въ 2 р. за 50 листовъ; но такъ какъ каталогъ распространенъ на 64 листа, то настоящая цѣна его возвышается до 2 р. 25 к. съ пересылкою 2 р. 50 к.

Въ теченіи февраля поступили вновь слѣдующія книги:

ВИЛЕНСКІЙ СБОРНИКЪ. Издалъ В. Кулинъ. I. Вильно. 1869 г. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 30 к.

КОБЗАРЬ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА. Въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Подъ редакціею Н. В. Гербеля. Изд 2-е. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 50 к.

ПОЛЬСКОЕ БЕЗКОРОЛЕВЬЕ по прекращеніи династіи Ягеллоновъ. Историческое изслѣдованіе Александра Трачевскаго. М. 1869 г. Цѣна 3 р. съ пер. 3 р. 40 к.

СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ. А. Н. Баженова. Т. I. М. 1869 г. Цѣна 3 р. съ пер. 3 р. 50 к.

ГРАЖДАНСКАЯ ПРАКТИКА Кассаціоннаго Сената. 1866, 1867, 1868 годы. Составилъ П. Марковъ. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 30 к.

БЕЗЪ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ. Разсказъ въ двухъ главахъ А. К. Владиміровой. С.-Петербургъ. 1869 г. Цѣна 2 р. съ пер. 2 р. 30 к.

Digitized by Google

ОБОЗРѢНІЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ДОХОДОВЪ РОССІИ. А. Заблоцкаго-Десятовскаго. Спб. 1868 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО къ удобренію почвы. Соч. Д-ра Эмиля Вольфа. Переводъ съ нѣмецкаго, профессора Я. Н. Калиновскаго. М. 1869 г. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 30 к.

РУКОВОДСТВО КЪ СОЦІАЛЬНОЙ НАУКѢ. Кэри. Пер. съ Англійскаго кн. А. Н. Шаховской, выпускъ 2-й. Цѣна 2 р. съ пер. 2 р. 30 к.

ОПЫТЪ ХАРАКТЕРИСТИКИ земледѣльческихъ хозяйствъ. Соч. Павла Корсини. Спб. 1869 г. Цѣна 40 к. съ пер. 60 к.

ВИЛЬЯМЪ РАТКЛИФФЪ. Опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ Кюи. Ц. А. Цѣна 35 к. съ пер. 50 к. Спб. 1869 г.

РОМАНЫ И ПОВѢСТИ изъ исторіи французскихъ революцій. Шатріана. Пер. съ французскаго. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.

АРХИВЪ КЛИНИКИ внутреннихъ болѣзней профессора Спб. Медико-Хирургической Академіи С. П. Боткина. Т. I. За 1867 и 1868 г. Спб. 1869 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.

ВОСПОМИНАНІЯ О 1812 ГОДѢ. Князя П. А. Вяземскаго. М. 1869 г. Цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 30 к.

О ПОДРАЖАНІИ ХРИСТУ. Четыре книги Соч. Ѳомы-Кемпійскаго. Новый переводъ съ латинскаго. Н. П. Побѣдоносцева. Спб. 1869 г. Ц. 75 к. съ пер. 1 р.

МОРСКОЙ АЛЬМАНАХЪ на 1869 г. (Памятная книжка). Годъ Пятый. Ц. 50 к. съ пер. 70 к.

МИРОВОЙ СУДЪ въ Москвѣ. Очерки разбирательства у мировыхъ судей. 2 книг. Москва. 1869 г. Цѣна 1 р. 75 к. съ пер. 2 р. с.

ИСТОРІЯ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

И РОССІИ ВЪ ЕГО ВРЕМЯ.

Соч. **М. БОГДАНОВИЧА.**

Четыре тома, съ планами и картами.

(1801 — 1815).

Спб. 1869. Цѣна 10 рублей съ пересылкою.

Остальныя два тома (1815 — 1825) выйдутъ въ теченіе 1871 года.

Digitized by Google

ОБРЫВЪ

РОМАНЪ *).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Вѣра, разставшись съ Райскимъ, еще подождала, чутко вслушиваясь, не слѣдуетъ ли онъ за ней, и вдругъ бросилась въ кусты, раздвигая вѣтви зонтикомъ и скользя, какъ тѣнь, по знакомой ей тропинкѣ. Она пробралась къ развалившейся и полусгнившей бесѣдкѣ въ лѣсу, который когда-то составлялъ часть сада. Крыльцо отдѣлилось отъ нея, ступени разсохлись, полъ въ ней осѣлъ, и нѣкоторыя доски провалились, а другія шевелились подъ ногами. Оставался только покривившійся на бокъ столъ, да двѣ скамьи, когда-то зеленыя, и уцѣлѣла еще крыша, заросшая мхомъ.

Въ бесѣдкѣ сидѣлъ Маркъ. На столѣ лежало ружье и кожаная сумка.

— Онъ подалъ Вѣрѣ руку и почти втащилъ ее въ бесѣдку по сломаннымъ ступенямъ.

— Что такъ поздно?

— Братъ задержалъ, сказала она, поглядѣвъ на часы.—Впрочемъ я только четверть часа опоздала. Ну, что вы: ничего не случилось новаго?

— А что должно случиться? спросилъ онъ: развѣ вы ждали?

*) См. выше, янв. 5; февр. 497; мар. 5—153 стр.

Digitized by Google

— Не посадили ли на гауптвахту опять, или въ полицію? Я каждый день жду.....

— Нѣтъ: я теперь сталъ осторожнѣе, послѣ того, какъ Райскій порисовался и свеликодушничалъ: взялъ на себя исторію о книгахъ...

— Вотъ этого я не люблю въ васъ, Марѣъ...

— Чего «этого?»

— Какой-то сухости, даже злости ко всему, кромѣ себя. Братъ не рисовался совсѣмъ: онъ даже не сказалъ мнѣ. Вы не хотите оцѣнить доброй услуги...

— Я цѣню по своему.

— Какъ волкъ оцѣнилъ услугу журавля: ну, что̀бы сказать ему «спасибо» отъ души, просто, какъ онъ просто сдѣлалъ? Прямой вы волкъ! заключила она замахнувшись ласково зонтикомъ на него.—Все отрицать, порицать, коситься на всѣхъ... Гордость это, или...

— Или что̀?

— То же рисовка, позированье, новый образъ воспитанія «грядущей силы...»

— Ахъ, вы насмѣшница, сказалъ онъ, садясь подлѣ нея:— вы еще молоды, не пожили, не успѣли отравиться всѣми прелестями добраго стараго времени. Когда я научу васъ человѣческой правдѣ?

— А когда я отъучу васъ отъ волчьей лжи?

— За словомъ въ карманъ не хо̀дите: умница! Съ вами не скучно. Еслибъ еще къ этому...

Онъ почесалъ задумчиво голову.

— Въ полицію посадили! договорила она. — Кажется, только этого не достаетъ для вашего счастья.

— Не будь васъ, давно бы куда-нибудь упекли. Вы мѣшаете...

— Вамъ скучно жить мирно: бури хочется! А обѣщали мнѣ, и другую жизнь, и чего-чего не обѣщали! Я была такъ счастлива, что даже дома замѣтили экстазъ. А вы опять за свое!

Онъ взялъ ее за руку.

— Хорошенькая рука: сказалъ онъ, цѣлуя нѣсколько разъ и потянулся поцѣловать ее въ щеку, но она отодвинулась.

— Опять! сказалъ онъ: скоро ли это воздержаніе кончится? Вы, должно быть, боитесь Успенскаго поста? Или бережете ласки для.....

— Не люблю я, когда вы такъ шутите! отдернувъ руку сказала она. — Вы это знаете.

— Тонъ нехорошъ?

— Да, непріятный. Прежде отучитесь отъ него, и вообще

отъ этихъ волчьихъ манеръ: это и будетъ первый шагъ къ человѣческой правдѣ.

— Ахъ вы барышня! дѣвочка! На какой еще азбукѣ сидите вы: на манерахъ да на тонѣ! Какъ медленно развиваетесь вы въ женщину: передъ вами свобода, жизнь, любовь, счастье — а вы разбираете тонъ, манеры! Гдѣ же человѣкъ, гдѣ женщина въ васъ?... Какая тутъ «правда!»

— Вотъ теперь какъ Райскій заговорили....

— А что онъ: — все страстенъ?

— Еще больше. Я не знаю, право, что́ съ нимъ дѣлать.

— Что́? Дурачить, тянуть....

— Гадко, неловко, совѣстно, сказала она, качая головой.—И не умѣю я: это не мое дѣло!

— Совѣстно! Вы думаете, онъ не дурачитъ васъ?

Она покачала съ сомнѣніемъ головой.

— Нѣтъ, онъ, кажется, увлекается...

— Тѣмъ хуже: онъ ухаживаетъ, какъ за своей крѣпостной. Эти стихи, что́ вы мнѣ показывали, отрывки вашихъ разговоровъ— все это ясно, что онъ ищетъ развлеченія. Надо его проучить...

— Лучше все открыть ему — онъ уѣдетъ. Онъ говоритъ, что тайна поддерживаетъ въ немъ раздраженіе и что если онъ узнаетъ все, то успокоится и уѣдетъ...

— Вретъ: не вѣрьте, хитритъ. А лишь узнаетъ, то возненавидитъ васъ, или будетъ читать мораль, еще скажетъ, пожалуй, бабушкѣ.....

— Боже сохрани! перебила Вѣра, вздрогнувъ, — если ей скажетъ кто-нибудь другой, а не мы сами... Ахъ, скорѣе бы! Уѣхать мнѣ развѣ на время?..

— Куда вы уѣдете! Надолго—нельзя и некуда, а не надолго— только раздражите его. Вы уѣзжали: что жъ вышло? Нѣтъ, одно средство: не показывать ему истины, а водить. Пусть поретъ горячку, читаетъ стихи, смотритъ на луну..... Вѣдь онъ неизлечимый романтикъ... Послѣ отрезвится и уѣдетъ...

Она вздохнула въ отвѣтъ. — Онъ не романтикъ, а поэтъ, артистъ. Я начинаю вѣрить въ него. Въ немъ много чувства, правды... Я ничего не скрыла бы отъ него, еслибъ у него у самого не было ко мнѣ того, что́ онъ называетъ страстью. Только чтобъ его немного охладить, я рѣшаюсь на эту глупую, двойную роль... Лишь отрезвится, я сейчасъ ему скажу первая все— и мы будемъ друзья...

— Да ну его! сказалъ Маркъ, взявъ ее опять за руку. — Мы не за тѣмъ сошлись, чтобъ заниматься имъ.

Digitized by Google

Онъ молча цѣловалъ у ней руку. Она задумчиво отдала ее ему на волю.

— Ну—что́ же вы? спросила она, отряхивая задумчивость.

— А что?

— Что̀ дѣлали, съ кѣмъ видѣлись это время? не проговорились ли опять чего-нибудь о «грядущей силѣ», да о «зарѣ будущаго», о «юныхъ надеждахъ?» Я такъ и жду каждый день: иногда отъ страха и тоски не знаю куда дѣться!

— Нѣтъ, нѣтъ, смѣясь сказалъ Маркъ: не бойтесь. Я бросилъ этихъ скотовъ: не стоитъ съ ними связываться.

— Ахъ, дай Богъ: умно бы сдѣлали! Вы хуже Райскаго въ своемъ родѣ: вамъ бы нужнѣе былъ урокъ. Онъ артистъ: рисуетъ, пишетъ повѣсти. Но я за него не боюсь, а за васъ у меня душа не покойна. Вонъ у Лозгиныхъ младшій сынъ, Володя,—ему четырнадцать лѣтъ—и тотъ вдругъ объявилъ матери, что не будетъ ходить къ обѣдни.

— Что же?

— Высѣкли: стали добираться—отчего? На старшаго показалъ. А тотъ забрался въ дѣвичью, да горничнымъ цѣлый вечеръ проповѣдывалъ, что глупо ѣсть постное, что Бога нѣтъ и что замужъ выходить нелѣпо....

— Ахъ! съ ужасомъ произнесъ Маркъ.—Ужели это правда: въ дѣвичьей! А я съ нимъ цѣлый вечеръ, какъ съ путнымъ говорилъ, далъ ему книгъ и.....

— Ужъ онъ въ книжную лавку ходилъ съ ними: «вотъ бы, говоритъ купцамъ, какими книгами торговали!..» Ну, если онъ проговорится, про васъ, Маркъ? съ глубокимъ и нѣжнымъ упрекомъ сказала Вѣра: то ли вы обѣщали мнѣ всякій разъ, когда разставались и просили видѣться опять?

— Все это было давно: теперь я не связываюсь съ ними, послѣ того какъ обѣщалъ вамъ: не браните меня, Вѣра! нахмурясь сказалъ Маркъ.

Онъ тяжело задумался.

— Еслибъ не вы, сказалъ онъ, взявъ ее опять за руку:—завтра бѣжалъ бы отсюда.

— А куда? Вездѣ все тоже: вездѣ есть мальчики, которымъ хочется, чтобъ поскорѣй усы выросли, и дѣвичьи тоже всюду есть... Вѣдь взрослые не станутъ слушать. И вамъ не стыдно своей роли? сказала она, помолчавъ и перебирая рукой его волосы, когда онъ наклонился лицомъ къ ея рукѣ. — Вы вѣрите въ нее, считаете ее не шутя призваніемъ?

Онъ поднялъ голову.

— Роль,—какую роль: вспрыснуть живой водой мозги?

Digitized by Google

— А вы убѣждены, что это живая вода?

— Послушайте, Вѣра: я не Райскій, продолжалъ онъ, вставъ со скамьи. — Вы женщина, и еще не женщина, а почка: васъ еще надо развернуть, обратить въ женщину. Тогда вы и узнаете много тайнъ, которыхъ и не снится дѣвичьимъ головамъ, и которыхъ растолковать нельзя: онѣ доступны только опыту.... Я зову васъ на опытъ, указываю, гдѣ жизнь и въ чемъ жизнь: а вы остановились на порогѣ и уперлись. Обѣщали такъ много, а идете впередъ такъ туго — и еще учить хотите. А главное — не вѣрите!

— Не сердитесь, сказала она груднымъ голосомъ, отъ сердца, искренно: я соглашаюсь съ вами въ томъ, что кажется мнѣ вѣрно и честно, и если нейду рѣшительно на эту вашу жизнь и на опыты, такъ это потому, что хочу сама знать и видѣть, куда иду.

— То-есть хочу разсуждать!

— Чего же вы требуете: чтобъ я не разсуждала?

— Чего, чего! повторилъ онъ: во-первыхъ, я люблю васъ и требую отвѣта полнаго..... А потомъ вѣрьте мнѣ и слушайтесь! Развѣ во мнѣ меньше пылу и страсти, нежели въ вашемъ Райскомъ, съ его поэзіей? Только я не умѣю говорить о ней поэтически, да и не надо. Страсть—не разговорчива... А вы не вѣрите, не слушаетесь!..

— Посмотрите, чего вы хотите, Маркъ, чтобъ я была глупѣе самой себя. Сами проповѣдывали свободу, а теперь хотите быть господиномъ, и топаете ногой, что я не покоряюсь рабски...

— Если у васъ нѣтъ довѣрія ко мнѣ, васъ одолѣваютъ сомнѣнія, оставимъ другъ друга, сказалъ онъ: такъ—наши свиданія продолжаться не могутъ...

— Да, лучше оставимъ, сказала и она рѣшительно, — а я слѣпо никому и ничему не хочу вѣрить, не хочу! Вы уклоняетесь отъ объясненій, тогда какъ я только вижу во снѣ и наяву, чтобъ между нами не было никакого тумана, недоразумѣній, чтобъ мы узнали другъ друга и вѣрили... А я не знаю васъ и... не могу вѣрить!

— Ахъ, Вѣра! сказалъ онъ съ досадой.—Вы все еще, какъ цыпленокъ, прячетесь подъ юбки вашей насѣдки бабушки: у васъ ея понятія о нравственности. Страсть одѣваете въ какой-то фантастическій нарядъ, какъ Райскій... Чѣмъ бы прямо отъ опыта допроситься истины... и тогда повѣрили бы... говорилъ онъ, глядя въ сторону. — Оставимъ всѣ прочіе вопросы—я не трогаю ихъ. Дѣло у насъ прямое и простое: мы любимъ другъ друга... Такъ или нѣтъ?

Digitized by Google

— Что же, Маркъ, изъ этого?

— Ну, если мнѣ не вѣрите, такъ посмотрите кругомъ: весь вѣкъ живете въ полѣ и лѣсу и не видите этихъ опытовъ... Смотрите сюда, смотрите тамъ...

Онъ показалъ ей на кучку кружившихся другъ около друга голубей, потомъ на мелькнувшихъ одна въ догонку другой ласточекъ. Учитесь у нихъ: они не умничаютъ!

— Да, сказала она: смотрите и вы: вонъ, онѣ кружатся около гнѣздъ.

Онъ отвернулся.

— Вонъ одна опять полетѣла, вѣроятно за кормомъ...

— И къ зимѣ всѣ разлетятся! небрежно, глядя въ сторону, говорилъ онъ.

— А къ веснѣ воротятся опять въ тоже гнѣздо, замѣтила она.

— Я вотъ слушаюсь васъ и вѣрю, когда вижу, что вы дѣло говорите, сказалъ онъ.—Васъ смущала рѣзкость во мнѣ,—я сдерживаюсь. Отыскалъ я старыя манеры и скоро буду, какъ Титъ Никонычъ, шаркать ножкой, кланяясь и улыбаться. Не бранюсь, не ссорюсь, меня не слыхать. Пожалуй, скоро ко всенощной пойду... Чего еще!

— Все это шутки: — не того хотѣла я! сказала она, вздохнувъ.

— Чего-же?

— Всего! Если не всего, такъ многаго! И до сихъ поръ не добилась, чтобъ вы поберегли себя... хоть для меня, перестали бы «вспрыскивать мозги» и остались здѣсь, были бы, какъ другіе... тихо добавила она.

— А если я дѣйствую по убѣжденію?

— Чего вы хотите, чего надѣетесь?

— Учу дураковъ!

— Чему? знаете ли сами? Тому-ли, о чемъ мы съ вами годъ здѣсь споримъ? вѣдь жить такъ нельзя, какъ вы говорите. Это все очень ново, смѣло, занимательно...

— Э! мы опять за тоже! опять съ горы потянуло мертвымъ воздухомъ! перебилъ Маркъ.

— Вотъ и весь вашъ отвѣтъ, Маркъ — сказала она кротко: все прочь, все ложь,—а что правда—вы сами не знаете... Отъ того я и недовѣрчива...

— У васъ рефлексія беретъ верхъ надъ природой и страстью, сказалъ онъ: вы барышня, за-мужъ хотите! Это не любовь!... Это скучно: мнѣ надо любви, счастья... твердилъ онъ, качая головой.

Digitized by Google

Вѣра вспыхнула.

— Еслибъ я была барышня и хотѣла только за-мужъ, то, конечно, выбрала бы для этого кого-нибудь другого, Маркъ! сказала она, вставая съ мѣста.

— Простите—я грубъ: извинялся онъ, цѣлуя у ней руку.— Но вы сдерживаете чувство, медлите, чего-то допытываетесь, вмѣсто того, чтобъ наслаждаться...

— Допытываюсь, кто́ и что́ вы, потому что не шучу чувствомъ. А вы на него смотрите легко, какъ на развлеченіе...

— Нѣтъ, какъ на насущную потребность, слѣдовательно тоже не шучу... Какія шутки! Я не сплю по ночамъ, какъ Райскій.— Это пытка! Я никогда не думалъ, чтобъ раздраженіе могло зайти такъ далеко!

Онъ говорилъ почти съ злостью.

— Вы говорите, что любите, видите, что я люблю, я зову васъ къ счастью, а вы его боитесь...

— Нѣтъ, я только не хочу его на мѣсяцъ, на полгода...

— А на цѣлую жизнь и за гробомъ тоже? насмѣшливо спросилъ онъ.

— Да, на цѣлую жизнь: я не хочу предвидѣть ему конца, а вы предвидите и предсказываете: я и не вѣрю и не хочу такого счастья; оно не искренно и не прочно...

— Когда же я предсказывалъ?

— Много разъ: не нарочно, можетъ быть, а я не пропустила. «Что это за заглядыванье въ даль? твердили вы: что за филистерство — непремѣнно отмѣривать себѣ счастье саженями да пудами? Хватай, лови его на лету, и потомъ, послѣ двухъ, трехъ глотковъ, бѣги прочь, чтобъ не опротивѣло, и ищи другого! Не давай яблоку свалиться, рви его скорѣй и завтра рви другое. Не кисни на одномъ мѣстѣ, какъ улитка, и не вѣшайся на одномъ сучкѣ. Виснуть на шеѣ другъ друга, пока виснется, потомъ разойтись»... Это все вы раскидали по своимъ проповѣдямъ. Стало быть, у васъ это сдѣлалось убѣжденіемъ...

— Ну, «стало быть»: такъ что же? Вы видите, что это не притворство! Отъ чего же не вѣрите?

— Отъ того, что вѣрю чему-то другому, лучше, вѣрнѣе, и хочу...

— Обратить меня въ эту вѣру?

— Да! сказала она: хочу—и это одно условіе моего счастья: я другого не знаю и не желаю...

— Прощайте, Вѣра, вы не любите меня: вы слѣдите за мной, какъ шпіонъ, ловите слова, дѣлаете выводы... И вотъ, всякій разъ, какъ мы наединѣ, вы — или спорите, или пытаете

Digitized by Google

меня,—а на пунктѣ счастья мы все тамъ же, гдѣ были... Любите Райскаго: вотъ вамъ задача! Изъ него, какъ изъ куклы, будете дѣлать, что хотите: наряжать во всѣ бабушкины отрепья, или дѣлать изъ него каждый день новаго героя романа, и этому конца не будетъ. А мнѣ некогда, у меня есть дѣла...

— А, видите, дѣла? А любовь, счастье — забава?

— А вы хотѣли бы, по старому, изъ одной любви сдѣлать жизнь, гнѣздо — вонъ такое, какъ у ласточекъ: сидѣть въ немъ и вылетать за кормомъ? Въ этомъ и вся жизнь!

— А вы хотѣли бы на минуту влетѣть въ чужое гнѣздо и потомъ забыть его...

— Да, если оно забудется. А если не забудется — воротиться. Или прикажете принудить себя воротиться, если и не хочется? Это свобода? Вы какъ хотѣли бы?

— Я этого не понимаю—этой птичьей жизни, сказала она.— Вы, конечно, не серьезно указали вокругъ, на природу, на животныхъ...

— А вы — не животное: духъ, ангелъ — безсмертное созданіе? Прощайте Вѣра, мы ошиблись: мнѣ надо не ученицу, а товарища.

— Да, Маркъ, товарища, пылко возразила она: — такого же сильнаго, какъ вы — равнаго вамъ — да, не ученицу, согласна, — но товарища на всю жизнь! Такъ?

Онъ не отвѣчалъ на ея вопросъ, какъ будто не слыхалъ его.—Я думалъ, продолжалъ онъ, что мы скоро сойдемся и потомъ разойдемся или не разойдемся — это зависитъ отъ организмовъ, отъ темпераментовъ, отъ обстоятельствъ. Свобода съ обѣихъ сторонъ — и затѣмъ —что выпадетъ кому изъ насъ на долю: радость ли обоимъ, наслажденіе, счастье, или одному радость, покой, другому мука и тревоги—это уже не наше дѣло. Это указала бы сама жизнь, а мы исполнили бы слѣпо ея назначеніе, подчинились бы ея законамъ. А вы вдались въ анализъ послѣдствій, миновали опыты — и отъ того судите вкривь и вкось, какъ старая дѣва. Вы не отдѣлались отъ бабушки, губернскихъ франтовъ, офицеровъ и тупоумныхъ помѣщиковъ. А гдѣ правда и свѣтъ — еще не прозрѣли! Я ошибся! Спи, дитя! Прощайте! Постараемся не видаться больше...

— Да, постараемся, Маркъ! уныло произнесла она: мы счастливы быть не можемъ... Ужели не можемъ! всплеснувъ руками, сказала она. — Что намъ мѣшаетъ! Послушайте... остановила она его тихо, взявъ за руку. — Объяснимся до конца... Посмотримъ, нельзя ли намъ согласиться?..

Она замолчала и утонула въ задумчивости, какъ убитая.

Digitized by Google

Онъ ничего не отвѣчалъ, встряхнулъ ружье на плечо, вышелъ изъ бесѣдки и пошелъ между кустовъ. Она оставалась неподвижная, будто въ глубокомъ снѣ, потомъ вдругъ очнулась, съ грустью и удивленіемъ глядѣла вслѣдъ ему, не вѣря, чтобы онъ ушелъ.

«Говорятъ: «кто не вѣритъ — тотъ не любитъ», думала она: я не вѣрю ему, стало быть... и я... не люблю его? Отъ чего же мнѣ такъ больно, тяжело... что онъ уходитъ? Хочется упасть и умереть здѣсь!..»

— Маркъ! сказала она тихо. Онъ не оглядывался.

— Маркъ! громче повторила она. Онъ шелъ.

— Маркъ! крикнула она и прислушивалась, не дыша. Маркъ быстро шелъ подъ гору. Она измѣнилась въ лицѣ и минутъ черезъ пять машинально повязала голову косынкой, взяла зонтикъ и медленно, задумчиво, поднялась на верхъ обрыва. «Правда и свѣтъ, сказалъ онъ, думала она, идучи: гдѣ же вы? Тамъ ли, гдѣ онъ говоритъ, куда влечетъ меня... сердце? И сердце ли это? И ужели я резонерка? Или правда здѣсь»?.. говорила она, выходя въ поле и подходя къ часовнѣ. Молча, глубоко глядѣла она въ смотрящій на нее, задумчивый взоръ образа.

«Уже ли *онъ* не пойметъ этого никогда и не воротится—ни сюда... къ этой вѣчной правдѣ... ни ко мнѣ: къ правдѣ моей любви? шептали ея губы: никогда! какое ужасное слово!»

II.

Она бродила дня четыре по рощѣ, ждала въ бесѣдкѣ, но ничего не дождалась. Маркъ туда не приходилъ. «Постараемся не видаться больше»: это были его послѣднія слова. «Нельзя ли намъ согласиться?» отвѣчала она — и онъ не оберпулся на эту надежду, на этотъ зовъ сердца. Отъ Райскаго она не пряталась больше. Онъ слѣдилъ за ней напрасно, ничего не замѣчалъ и впадалъ въ унынie. Она не получала и не писала никакихъ таинственныхъ писемъ, обходилась съ нимъ ласково, но больше была молчалива, даже грустна.

Онъ чаще прежняго заставалъ ее у часовни молящеюся. Она не таилась, и даже однажды приняла его предложеніе проводить ее до деревенской церкви на гору, куда ходила одна, и во время службы и внѣ службы, долго молясь и стоя на колѣняхъ неподвижно; задумчиво, съ поникшей головой. Онъ тихо стоялъ сзади ея, боясь пошевелиться и вызвать ее изъ молитвеннаго сна, и наблюдалъ, онѣмѣвъ въ углу за колонной. По-

Digitized by Google

томъ молча подавалъ ей зонтикъ или мантилью. Она, не глядя на него, принимала его руку и, не говоря ни слова, опираясь иногда ему на плечо, въ усталости шла домой. Она пожимала ему руку и уходила къ себѣ.

А онъ шелъ мучиться сомнѣніями и страдалъ за себя и за нее. Она не подозрѣвала его тайныхъ мукъ, не подозрѣвала и того, какою страстною любовью охваченъ былъ онъ къ ней—какъ къ женщинѣ человѣкъ и какъ къ идеалу художникъ.

Не знала она и того, что рядомъ съ этой страстью, на которую онъ самъ напросился, которую она, по его настоянію, позволила питать, частію затѣмъ, что надѣялась этой уступкой угомонить ее, частію повинуясь совѣту Марка, чтобы отводить его глаза отъ обрыва и вмѣстѣ «проучить», слегка, дружески, добродушно посмѣявшись надъ нимъ,—не знала она, что у него въ душѣ все еще гнѣздилась и надежда на взаимность, на отвѣтъ, если не страсти его, то на чувство женской дружбы, хоть чего-нибудь. И какъ легко вѣрилось ему,—не смотря на очевидность ея постороннихъ мукъ, на таинственныя прогулки на дно обрыва,—потому что хотѣлось вѣрить. Безсознательно онъ даже боялся разувѣряться окончательно въ надеждѣ на взаимность. Вѣрить въ эту надежду было его счастьемъ — и онъ всячески подогрѣвалъ ее въ себѣ. Онъ, иначе, въ свою пользу, старался объяснить загадочность этихъ прогулокъ. «Эти выстрѣлы, думалъ онъ, значатъ, можетъ быть, что-нибудь другое: тутъ не любовь, а иная тайна играетъ роль. Можетъ быть, Вѣра несетъ крестъ какой-нибудь роковой ошибки: кто-нибудь покорилъ ея молодость и неопытность и держитъ ее подъ другимъ злымъ игомъ, а не подъ игомъ любви, что этой послѣдней и нѣтъ у нея, что она просто хочетъ тамъ выпутаться изъ какого-нибудь узла, завязавшагося въ раннюю пору дѣвическаго невѣдѣнія, что всѣ эти прыжки съ обрыва, тайны, синія письма — больше ничего, какъ отступленія — не передъ страстью, а передъ другой темной тюрьмой, куда ее загналъ фальшивый шагъ и откуда она не знаетъ, какъ выбраться... Что въ ней проговаривается любовь... къ нему... къ Райскому. Что она готова броситься къ нему на грудь и на ней искать спасенія...» Ему казалось иногда, что она обращала къ нему нѣмой, молящій взглядъ о помощи, или вопросительно глядѣла на него, какъ будто пытая, силенъ ли и воленъ ли онъ поднять, оправить ее, поставить на ноги, уничтоживъ невидимаго врага и вывести на прямой путь?

Такъ онъ мечталъ, волновался, падалъ въ бездну безнадежности и опять выносила его волна на верхъ — и все отъ одного, небрежно брошеннаго ею слова: «люблю васъ...» Онъ вздраги-

Digitized by Google

алъ отъ счастья, нужды нѣтъ, что слово это сопровождалось
русалочнымъ взглядомъ, что съ этимъ словомъ она исчезла съ
брыва. «Если не правда, зачѣмъ она сказала это: для шутки —
жестокая шутка? Женщина не станетъ шутить надъ любовью къ
себѣ, хотя бы и не раздѣляла ее. Стало быть — не вѣритъ мнѣ..
и тому, что я чувствую къ ней, какъ я терзаюсь!»

Онъ мучился въ трескучемъ пламени этихъ сомнѣній, этой
созданной себѣ пытки, и иногда рыдалъ, не спалъ ночей, глядя
на слабый огонь въ ея окнѣ. «Не подозрѣваетъ, какое злое дѣло
дѣлаетъ она со мной!» «Палачъ въ юбкѣ!» сквозь зубы шипѣлъ
онъ. И вдругъ отрезвлялся, чуялъ ложь этого ея «васъ люблю»,
ложь своей пьяной увѣренности въ ея любви, ложь своего по-
ложенія.

Однажды въ сумерки опять онъ засталъ ее у часовни моля-
щеюся. Она была покойна, смотрѣла свѣтло, съ тихой увѣрен-
ностью на лицѣ, съ какою-то покорностью судьбѣ, какъ будто
примирилась съ тѣмъ, что выстрѣловъ давно не слыхать, что съ
обрыва ходить болѣе не нужно. Такъ и онъ толковалъ это спо-
койствіе, и тутъ же тотчасъ готовъ былъ опять вѣрить своей
мечтѣ о ея любви къ себѣ. Она ласково подала ему руку и
сказала, что рада его видѣть, именно въ эту минуту, когда у ней
покойнѣе на сердцѣ. Она, въ эти дни, послѣ свиданія съ Мар-
комъ, вообще старалась казаться покойной и дома, за обѣдомъ,
къ которому являлась каждый день, она брала надъ собой невѣ-
роятную силу, говорила со всѣми, даже шутила иногда, стара-
лась ѣсть. Бабушка ничего не видала: такъ казалось, по край-
ней мѣрѣ, не слѣдила за ней подозрительно, не кидала косыхъ
взглядовъ.

— Вѣра, ты простишь меня, если я заговорю... началъ робко
райскій у часовни.

— Все прощу, братъ; говорите, кротко отвѣчала она.

— Ты не можешь вообразить себѣ, какъ я счастливъ, что
стала покойнѣе. Посмотри, какимъ міромъ сіяетъ у тебя
лицо: гдѣ ты почерпнула этотъ миръ? Тамъ?—Онъ указалъ на
даль.

— Гдѣ же больше?

— Ты... не ходишь, кажется, больше туда? продолжалъ онъ,
кивая къ обрыву.

Она покачала головой.

— И не пойду, тихо сказала она.

— Слава Богу — какое счастье! Куда ты теперь: домой? Дай
мнѣ. Я провожу тебя.

Онъ взялъ ее подъ руку и они тихо пошли по тропинкѣ луга.

Digitized by Google

— Ты борешься... Вѣра, и отчаянно борешься: этого не скроешь..., шепталъ онъ.

Она шла съ поникшей головой. Это молчаніе дало ему надежду, что она выскажется до конца.

— Когда ты одолѣешь мучительную и опасную страсть... продолжалъ онъ и остановился, ожидая, не подтвердитъ ли она эти его намеки явнымъ сознаніемъ.

— Что же, братъ, тогда? спросила она уныло.

— Ты выйдешь съ громаднымъ опытомъ, закаленная противъ всякихъ другихъ бурь...

— Куда и для чего я выйду?

— Для лучшей доли...

— Какой лучшей доли?

Онъ молчалъ, вспоминая, какую яркую картину страсти чертилъ онъ ей въ первыхъ встрѣчахъ и какъ усердно толкалъ ее подъ ея тучу. А теперь самъ не зналъ, какъ вывести ее изъ-подъ нея.

— Доли трезваго, глубокаго, разумнаго и прочнаго счастья, которое бы протянулось на всю жизнь...

— Я иначе счастья и не разумѣю, задумчиво сказала она и остановясь опустила лобъ на его плечо, какъ будто усталая. Онъ поглядѣлъ ей въ глаза: въ нихъ стояли слезы. Онъ не подозрѣвалъ, что вложилъ палецъ въ рану, коснувшись главнаго пункта ея разлада съ Маркомъ, основной преграды къ «лучшей долѣ!»

— Ты плачешь... Вѣра, другъ мой! сказалъ онъ съ участіемъ.

Въ эту минуту раздался внизу обрыва выстрѣлъ и шипящимъ эхомъ прокатился по горѣ. Вѣра и Райскій оба вздрогнули. Она, какъ будто испугалась, подняла голову и на минуту оцѣпенѣла, все слушая. Глаза у ней смотрѣли широко и неподвижно. Въ нихъ еще стояли слезы. Потомъ отняла съ силой у него руку и рванулась къ обрыву. Онъ за ней. Она остановилась на полудорогѣ, приложивъ руку къ сердцу, и опять слушала.

— Пять минутъ назадъ ты была тверда, Вѣра, говорилъ онъ блѣдный, и тоже не менѣе ея взволнованный выстрѣломъ.

Она поглядѣла машинально на него, не слушая, и сдѣлала шагъ опять къ обрыву, но повернула назадъ и медленно пошла къ часовнѣ. «Да, да, шептала она: — я не пойду. Зачѣмъ онъ зоветъ: ужели въ эти дни совершился переворотъ?... Нѣтъ, нѣ не можетъ быть, чтобы онъ...» Она стала на порогѣ часовни на колѣни, закрыла руками лицо и замерла неподвижно. Райскій тихо подошелъ къ ней сзади.

Digitized by Google

— Не ходи, Вѣра... шепталъ онъ.

Она вздрогнула, но глядѣла напряженно на образъ: глаза его смотрѣли задумчиво, безстрастно. Ни одного луча не свѣтилось въ нихъ, ни призыва, ни надежды, ни опоры. Она съ ужасомъ выпрямилась, медленно вставая съ колѣнъ. Бориса она будто не замѣчала. Раздался другой выстрѣлъ. Она стремительно бросилась по лугу къ обрыву. «Что, ежели онъ возвращается... если моя «правда» взяла верхъ? Иначе, зачѣмъ зоветъ?... О, Боже!» думала она, стремясь на выстрѣлъ.

— Вѣра! Вѣра! въ ужасѣ говорилъ Райскій, протягивая руки, чтобъ ей помѣшать. Она, не глядя на него, своей рукой устранила его руки и, едва касаясь ногами травы, понеслась по лугу, не оглянулась назадъ и скрылась за деревьями сада, въ аллеѣ, ведущей къ обрыву.

Райскій онѣмѣлъ на мѣстѣ. «Что это: тайна роковая, или страсть? спрашивалъ онъ: — или — и то, и другое?»

III.

Вѣра вечеромъ пришла къ ужину, угрюмая, попросила молока, съ жадностью выпила стаканъ и ни съ кѣмъ не сказала ни слова.

— Что ты такая скучная, Вѣрочка, — здорова ли? спросила бабушка сухо.

— Да, я не смѣлъ васъ спросить объ этомъ, вѣжливо вмѣшался Титъ Никонычъ: — но съ нѣкоторыхъ поръ (при этомъ Вѣра сдѣлала движеніе плечами) нельзя не замѣтить, что вы, Вѣра Васильевна, измѣнились... какъ будто похудѣли... и блѣдны немножко... Это къ вамъ очень, очень идетъ, любезно прибавилъ онъ: — но при этомъ надо обращать вниманіе на то: не суть ли это признаки болѣзни?...

— Да, у меня зубы немного болятъ, нехотя отвѣчала Вѣра.— Это скоро пройдетъ...

Бабушка глядѣла въ сторону и грустно молчала. Райскій, держа двумя средними пальцами вилку, задумчиво ударялъ ею по тарелкѣ. Онъ тоже ничего не ѣлъ и угрюмо молчалъ. Только Марѳинька съ Викентьевымъ ѣли все, что подавали, и безъ умолку болтали.

— Что вы этому шарику пожелаете? спрашивала Марѳинька.

— Крысу за пазуху! безъ запинки отвѣчалъ Викентьевъ.

— Что вы это? Я бабушкѣ загадала... — И оба старались за-

Digitized by Google

душить неистовый хохотъ, справившись съ которымъ, Марѳинька разсердилась на своего жениха «за дерзость» противъ бабушки.

— Позвольте посовѣтовать вамъ, Вѣра Васильевна, началъ Титъ Никонычъ, отвѣчая на возраженіе Вѣры: — не пренебрегать здоровьемъ. Теперь августъ: вечера становятся сыры. Вы дѣлаете продолжительныя прогулки — это прекрасно: ничто такъ не поддерживаетъ здоровья, какъ свѣжій воздухъ и моціонъ. Но при этомъ отнюдь не должно позволять себѣ выходить по вечерамъ съ открытой головой, а равно и безъ ботиновъ на толстой подошвѣ. Особенно дамамъ при нѣжной комплексіи... Всего лучше при этомъ брать съ собой косыночку теплую... Я видѣлъ, только что привезли модныя, изъ легкаго козьяго пуха... Я уже пріобрѣлъ три... вамъ, Татьянѣ Марковнѣ и Марѳѣ Васильевнѣ... но безъ вашего позволенія не смѣлъ представить...

Бабушка съ ласковой грустью кивнула ему головой, Вѣра старалась улыбнуться, а Марѳинька безъ церемоніи сказала: «ахъ, какой вы добрый Титъ Никонычъ — послѣ ужина я поцѣлую васъ: вы позволите?»

— Я не позволю, я ревнивъ! сказалъ Викентьевъ.

— Васъ не спросятъ, отвѣчала Марѳинька.

Титъ Никонычъ заливался застѣнчивымъ смѣхомъ.

— Къ вашимъ услугамъ, Марѳа Васильевна... сочту себя счастливымъ... приговаривалъ онъ. «Какая отмѣнная дѣвица!» въ полголоса добавилъ онъ, обращаясь къ Райскому: «это распускающаяся, такъ сказать, роза на стебелькѣ, до коей даже дыханіе вѣтерка не смѣетъ коснуться!»

И чмокнулъ умиленно губами.

«Да, правда, роза въ полномъ блескѣ, подумалъ Райскій со вздохомъ: а та — какъ лилія, «до коей» уже, кажется, касается не вѣтерокъ, а ураганъ».

Онъ глядѣлъ на Вѣру. Она встала, поцѣловала руку у бабушки, вмѣсто поклона взглядомъ простилась съ остальными и вышла.

И другіе встали изъ-за стола. Марѳинька подбѣжала къ Титу Никонычу и исполнила свое намѣреніе.

— Нельзя ли прислать косыночку завтра? шептала она ему: мы утромъ съ Николаемъ Андреичемъ на Волгу уйдемъ... она понадобится....

— Съ полнымъ моимъ удовольствіемъ... говорилъ Титъ Никонычъ, шаркая: самъ завезу...

Она еще поцѣловала его въ лобъ и бросилась къ бабушкѣ.— Ничего, ничего, бабушка, говорила она, заминая вопросъ Татьяны Марковны о томъ, «что она тамъ шепчетъ Титу Никонычу»?

Digitized by Google

Но не замяла. Титъ Никонычъ не могъ солгать Татьянѣ Марковнѣ и смягчая, извиняя всячески просьбу Марѳиньки, передалъ бабушкѣ.

— Попрошайка! упрекнула ее Татьяна Марковна: иди спать— поздно! А вамъ, Николай Андреичъ, домой пора. Съ Богомъ, покойной ночи!

— Я васъ завезу — по обыкновенію: у меня дрожки, сказалъ любезно Титъ Никонычъ.

Едва Вѣра вышла, Райскій ускользнулъ вслѣдъ за ней и тихо шелъ сзади. Она подошла къ рощѣ, постояла надъ обрывомъ, глядя въ темную бездну лѣса, лежащую у ея ногъ, потомъ завернулась въ мантилью и сѣла на свою скамью. Райскій издали далъ знать о себѣ кашлемъ и подошелъ къ ней.

— Я посижу съ тобой, Вѣра, сказалъ онъ: можно?

Она молча отодвинулась, чтобъ дать ему мѣсто.

— Ты очень печальна: ты страдаешь! сказалъ онъ.

— Зубы болятъ, отвѣчала она.

— Нѣтъ, не зубы—ты вся болишь: скажи мнѣ... что у тебя! подѣлись горемъ со мной...

— Зачѣмъ? я съумѣю снести одна. Вѣдь я не жалуюсь.

Онъ вздохнулъ.

— Ты любишь несчастливо — кого? шепнулъ онъ.

— Опять «кого»? Да васъ, Боже мой! сказала она, съ нетерпѣніемъ повернувшись на скамьѣ.

— Къ чему этотъ злой смѣхъ и за что? чѣмъ я заслужилъ его? тѣмъ, что страстно люблю, глупо вѣрю и радъ умереть за тебя...

— Какой смѣхъ! мнѣ не до смѣха! почти съ отчаяніемъ сказала она, встала со скамьи и начала ходить взадъ и впередъ по аллеѣ. Райскій оставался на скамьѣ.

«А я все надѣялась... и надѣюсь еще... безумная! Боже мой! ломая руки, думала она.—Попробую бѣжать на недѣлю, на двѣ: избавиться этой горячки, хоть на время... вздохнуть! силъ нѣтъ»!

Она остановилась передъ Райскимъ.

— Братъ! сказала она: я завтра уѣду за Волгу, — пробуду тамъ, можетъ быть, долѣе обыкновеннаго...

— Этого только не доставало! горестно перебилъ ее Райскій, не давъ договорить.

— Я не простилась съ бабушкой, продолжала она, не обращая вниманія на его слова: она не знаетъ, скажите вы ей, а я уѣду на зарѣ.

Онъ молчалъ, уничтоженный.

— Теперь и я уѣду, вслухъ подумалъ онъ.

Digitized by Google

— Напрасно, погодите... сказала она, съ примѣсью будто искренности: когда я немного успокоюсь... Она на минуту остановилась. — Я, можетъ быть, объясню вамъ... И тогда мы простимся съ вами иначе, лучше, какъ братъ съ сестрой, а теперь... я не могу!... Впрочемъ, нѣтъ! поспѣшно заключила, махнувъ рукой: уѣзжайте! Да окажите дружбу, зайдите въ людскую и скажите Прохору, чтобъ въ пять часовъ готова была бричка, а Марину пошлите ко мнѣ. На случай, если вы уѣдете безъ меня, прибавила она задумчиво, почти съ грустью, — простимтесь теперь. Простите меня за мои странности.... (она вздохнула) и примите поцѣлуй сестры...

Она обѣими руками взяла его голову, поцѣловала въ лобъ и быстро пошла прочь.

— Благодарю васъ за все — сказала она, вдругъ обернувшись, издали:—теперь у меня нѣтъ силъ доказать вамъ, какъ я благодарна вамъ за дружбу... всего болѣе за этотъ уголокъ. Прощайте и простите меня!

Она уходила. Онъ былъ въ оцѣпенѣніи. Для него пустъ былъ цѣлый міръ, кромѣ этого угла, а она посылаетъ его изъ него туда, въ безконечную пустыню! Невозможно за-живо лечь въ могилу!

— Вѣра! крикнулъ онъ, торопливо догнавъ ее. Она остановилась.

— Позволь мнѣ остаться, пока ты тамъ... Мы не будемъ видѣться, я надоѣдать не стану! Но я буду знать, гдѣ ты, буду ждать, пока ты успокоишься и — по обѣщанію — объяснишь... Ты сейчасъ сама сказала... Здѣсь близко: можно перекинуться письмомъ...

Онъ поводилъ языкомъ по горячимъ губамъ и кидалъ эти фразы торопливо и отрывисто, какъ будто боялся, что она уйдетъ сію минуту и пропадетъ для него навсегда.

У него была молящая мина, онъ протянулъ руку къ ней. Она молчала нерѣшительно, тихо подходя къ нему.

— Дай этотъ грошъ нищему... Христа ради! шепталъ онъ страстно, держа ладонь передъ ней: — дай еще этого рая и ада вмѣстѣ, дай жить, не зарывай меня живого въ землю!... едва слышно договаривалъ онъ, глядя на нее съ отчаяніемъ.

Она глядѣла ему во всѣ глаза и сдѣлала движеніе плечами, какъ будто чувствовала ознобъ.

— Чего вы просите! сами не знаете... тихо отвѣчала она.

— Христа ради! повторялъ онъ, не слушая ее и все держа протянутую ладонь. А она задумалась, глядя на него изрѣдка, то съ состраданіемъ, то недовѣрчиво.

Digitized by Google

— Хорошо, оставайтесь! прибавила потомъ рѣшительно—пишите ко мнѣ: только не проклинайте меня, если ваша «страсть»,— съ небрежной ироніей сдѣлала она удареніе на этомъ словѣ — и отъ этого не пройдетъ. «А можетъ быть и пройдетъ... подумала сама, глядя на него: вѣдь это такъ, фантазія!»

— Все вынесу—всѣ казни!... Скорѣе бы не вынесъ счастья: а муки... дай ихъ мнѣ: онѣ — тоже жизнь! Только не гони, не удаляй: поздно!

— Какъ хотите! отвѣчала она разсѣянно, о чемъ-то думая. Онъ ожилъ, у него нервы заиграли. А она думала съ тоской: «зачѣмъ не *онъ* говоритъ это!»

— Хорошо, сказала она: такъ я уѣду не завтра, а послѣ завтра. — И сама будто ожила, и у самой родилась какая-то, не то надежда на что-то, не то замыселъ. Оба стали вдругъ довольны, каждый про себя и другъ другомъ.

— Позовите только Марину ко мнѣ теперь же — и покойной ночи!

Онъ съ жаромъ поцѣловалъ у ней руку, и они разошлись.

IV.

Вѣра, на другой день утромъ рано, дала Маринѣ записку и велѣла отдать кому-то, и принести отвѣтъ. Послѣ отвѣта она стала веселѣе, ходила гулять на берегъ Волги, и вечеромъ, попросившись у бабушки на ту сторону, къ Натальѣ Ивановнѣ, простилась со всѣми, и уѣзжая, улыбнулась Райскому, прибавивъ, что не забудетъ его.

Черезъ день пришелъ съ Волги утромъ рыбакъ и принесъ записку отъ Вѣры, съ нѣсколькими ласковыми словами. Выраженія: «милый братъ», «надежды на лучшее будущее», «рождающаяся искра нѣжности, которой не хотятъ дать ходу» и т. д. обдали Райскаго искрами счастья.

Онъ охмѣлѣлъ отъ письма, вытвердилъ его наизусть — и къ нему воротилась увѣренность къ себѣ, вѣра въ Вѣру, которая являлась ему теперь въ какомъ-то свѣтѣ правды, чистоты, граціи, нѣжности. Онъ забылъ свои сомнѣнія, тревоги, синія письма, обрывъ, бросился къ столу и написалъ коротенькій нѣжный отвѣтъ, отослалъ его къ Вѣрѣ, а самъ погрузился въ какія-то хаотическія ощущенія страсти. Вѣры не было передъ глазами, сосредоточенное, напряженное наблюденіе за ней раздробилось въ мечты, или обращалось къ прошлому, уже испытанному. Онъ—отъ мечтаній бросался къ пытливому исканію «ключей» къ ея тайнамъ.

Digitized by Google

Онъ смотритъ, ищетъ, освѣщаетъ темныя мѣста своего идеала, пытаетъ собственный умъ, совѣсть, сердце, требуя опыта, наставленія — чего хотѣть и просить отъ нея, чего недостаетъ для полной гармоніи красоты? Прислушивался къ своей жизни, припоминалъ все, что оскорбляло его въ его прежнихъ, несостоявшихся идеалахъ. Вся женская грубость и грязь, прикрытая нарядами, золотомъ, брильянтами и румянами, — густыми, грязными волнами опять протекла мимо его. Онъ припомнилъ свои страданія, горькія оскорбленія, вынесенныя имъ въ битвахъ жизни: какъ падали его модели, какъ падалъ онъ самъ вмѣстѣ съ ними, и какъ вставалъ опять, не отчаиваясь и требуя отъ женщинъ человѣчности, гармоніи красоты наружной съ красотой внутренней.

Ему предчувствіе говорило, что это послѣдній опытъ, что въ Вѣрѣ онъ или найдетъ, или потеряетъ уже навсегда свой идеалъ женщины, разобьетъ свою статую въ куски и потушитъ діогеновскій фонарь.

Онъ мучился тѣмъ, что видѣлъ въ ней, среди лучей, туманное пятно — ложь. Отчего эта загадочность, исчезаніе по цѣлымъ днямъ? таинственныя письма? прятанье, умалчиваніе, подъ которымъ ползла, можетъ быть, грубая интрига, или крылась роковая страсть, или какая-то неуловимая тайна — что, наконецъ? «Своя воля, горда», говоритъ бабушка. — «Свободы хочу, независимости», подтверждаетъ она сама, а между тѣмъ, прячется и хитритъ! Гордая воля и независимость никого не боятся и открыто идутъ избраннымъ путемъ, презирая ложь и мышиную бѣготню и вынося мужественно всѣ послѣдствія смѣлыхъ и своевольныхъ шаговъ! «Признайся въ нихъ, не прячься — и я поклонюсь твоей честности!» говорилъ онъ. У своевольныхъ женщинъ — свои понятія о любви, о добродѣтели, о стыдѣ, и онѣ мужественно несутъ тернія своихъ пороковъ. Вѣра проповѣдуетъ своеобразіе понятій, а сама не слѣдуетъ имъ открыто, она скрывается, обманываетъ его, бабушку, весь домъ, весь городъ, цѣлый міръ!

Нѣтъ, это не его женщина! За женщину страшно, за человѣчество страшно, — что женщина можетъ быть честной только случайно, когда любитъ, передъ тѣмъ только, кого любитъ, и только въ ту минуту, когда любитъ, или тогда наконецъ, когда природа отказала ей въ красотѣ, слѣдовательно — когда нѣтъ никакихъ страстей, никакихъ соблазновъ и борьбы, и нѣтъ никому дѣла до ея правды и лжи! «Ложь — это одно изъ проклятій сатаны, брошенное въ міръ....» говорилъ онъ. «Не можетъ быть въ ней лжи....» утѣшался потомъ, задумываясь, и умилялся, припоминая тонкую,

Digitized by Google

умную красоту ея лица, этого отраженія души. Какой правдой дышало оно! «Красота — сама сила: зачѣмъ ей другая, непрочная сила — ложь!» — «Однако!» потомъ съ унынiемъ думалъ онъ, добираясь до правды: отчего вдругъ тутъ же, подъ носомъ, выросло у него это «однако»? Выросло оно изъ опытовъ его жизни, выглянуло изъ многихъ женскихъ знакомыхъ ему портретовъ, почти изъ всѣхъ любвей его.... Любвей!

Онъ залился заревомъ стыда и закрылъ лицо руками.

«Любви! встрѣчи безъ любви!» терзался онъ внутренно, «какое заклятіе лежитъ надъ людскими нравами и понятіями! Мы, сильный полъ, отцы, мужья, братья и дѣти этихъ женщинъ, мы важно осуждаемъ ихъ за то, что сорятъ собой и валяются въ грязи, бѣгаютъ по кровлямъ.... Клянемъ — и развращаемъ въ тоже время! Мы не оглянемся на самихъ себя, снисходительно прощаемъ себѣ.... собачьи встрѣчи!... открыто, всенародно носимъ свой позоръ, свою нетрезвость, казня его въ женщинѣ! Вотъ гдѣ оба пола должны довоспитаться другъ до друга, идти параллельно, не походя, одни — на собакъ, другія — на кошекъ, и оба вмѣстѣ — на обезьянъ. Тогда и кончится этотъ нравственный разладъ между двумя полами, эта путаница понятій, эти взаимные обманы, нареканія, измѣны! А то выдумали двѣ нравственности: одну для себя, другую для женщинъ!»

Онъ погрузился въ собственныя воспоминанія о раннихъ годахъ молодости — и легъ на диванъ. Долго лежалъ онъ, закрывъ лицо, и всталъ блѣдный, истерзанный внутренней мукой. «Какая перспектива грубости, лжи, какая отрава жизни! И цѣлые вѣка проходятъ, цѣлыя поколѣнія идутъ, утопая въ омутѣ нравственнаго и физическаго разврата — и никто, ничто не останавливаетъ этого мутнаго потока слѣпо-распутной жизни! Развратъ выработалъ себѣ свои обычаи, почти принципы, и царствуетъ въ людскомъ обществѣ, среди хаоса понятій и страстей, среди анархіи нравовъ....»

Потомъ опять бросался къ Вѣрѣ, отыскивая тамъ луча чистоты, правды, незараженныхъ понятій, незлоупотребленнаго чувства, красоты души и тѣла, нераздѣльно-истинной красоты.

Онъ перебиралъ каждый ея шагъ, какъ судебный слѣдователь, и то дрожалъ отъ радости, то впадалъ въ унынiе, и выходилъ изъ омута этого анализа ни безнадежнѣе, ни увѣреннѣе, чѣмъ былъ прежде, а все съ той же мучительной неизвѣстностью, какъ купающійся человѣкъ, который, думая, что нырнулъ далеко, выплываетъ опять на прежнемъ мѣстѣ. Онъ старался оправдать ея загадочность поведенія съ нимъ, припоминая свой быстрый натискъ: какъ онъ вдругъ предъявилъ свои права на ея красоту,

Digitized by Google

свое удивленіе послѣдней, поклоненіе, восторги, вспоминалъ, какъ она, сначала небрежно, а потомъ энергически отмахивалась отъ его настояній, какъ явно смѣялась надъ его страстью, не вѣрила и не вѣритъ ей до сихъ поръ, какъ удаляла его отъ себя, отъ этихъ мѣстъ, убѣждала уѣхать, а онъ напросился остаться! «Да, она права, а я виноватъ», думалъ онъ, теряясь въ соображеніяхъ. Потомъ онъ вспомнилъ, какъ онъ хотѣлъ усмирить страсть постепенно, поддаваясь ей, гладя ее по шерсти, какъ гладятъ злую собаку, готовую броситься, чтобъ задобрить ее — и пятясь задомъ, уйти по-добру по-здорову: зачѣмъ она тогда не отѣрыла ему имени своего идола, когда увѣрена была, что это мигомъ отняло бы всѣ надежды у него и страсть остыла бы мгновенно? Чего это ей стоило: ничего! Она знала, что тайна ея останется тайной, а между тѣмъ молчала и какъ-будто умышленно разжигала страсть. Отчего не сказала? Отчего не дала ему уѣхать, а просила остаться, когда даже онъ велѣлъ.... Егоркѣ принести съ чердака чемоданъ? Кокетничала — стало быть, обманывала его! И бабушкѣ не велѣла сказывать, честное слово взяла съ него, — стало быть, обманываетъ и ее и всѣхъ! «Она, она виновата!»

Онъ сталъ писать дневникъ. Полились волны поэзіи, импровизаціи, полныя, то нѣжнаго умиленія и поклоненія, то живой, ревнивой страсти и всѣхъ ея бурныхъ и горячихъ воплей, пѣсенъ, мукъ, счастья.

Самую любовь онъ обставлялъ всей прелестью декорацій, какою обставила ее человѣческая фантазія, осмысливая ее нравственнымъ чувствомъ и полагая въ этомъ чувствѣ, какъ въ разумѣ, «и можетъ быть, тутъ именно болѣе, нежели въ разумѣ», (писалъ онъ) бездну, отдѣлившую человѣка отъ всѣхъ не человѣческихъ организмовъ. «Великая любовь неразлучна съ глубокимъ умомъ: широта ума равняется глубинѣ сердца—отъ того крайнихъ вершинъ гуманности достигаютъ только великія сердца — они же и великіе умы»! проповѣдывалъ онъ. Измѣнялись краски этого волшебнаго узора, который онъ подбиралъ, какъ художникъ и какъ нѣжный влюбленный, измѣнялся безпрестанно онъ самъ, то падая въ прахъ къ ногамъ идола, то вставая и громя хохотомъ свои муки и счастье. Не измѣнялась только нигдѣ его любовь къ добру, его здравый взглядъ на нравственность. «Вѣруй въ Бога, знай, что дважды два четыре, и будь честный человѣкъ, говоритъ гдѣ-то Вольтеръ», писалъ онъ: «а я скажу— люби женщина кого хочешь, люби по земному, но не по кошачьи только и не по расчету, и не обманывай любовью!

«Честная женщина! — писалъ онъ — требовать этого, зна-

Digitized by Google

чить требовать всего, — да, это все! Но не требовать этого, значитъ тоже ничего не требовать: оскорблять женщину, ея человѣческую натуру, творчество Бога, значитъ, прямо и грубо отказывать ей въ правахъ на равенство съ мужчиной, на что́ женщины справедливо жалуются. «Женщина—вѣнецъ созданія,—да, но не Венера только. Кошка коту кажется тоже вѣнцомъ созданія, Венерой кошачьей породы: женщина—Венера, пожалуй, но осмысленная, одухотворенная Венера, сочетаніе красоты формъ съ красотой духа, любящая и честная, т. е. идеалъ женскаго величія, гармонія красоты!»

Все это глубокомысліе сбывалъ Райскій въ дневникъ, съ надеждой прочесть его при свиданіи Вѣрѣ, а съ ней продолжалъ мѣняться коротенькими, дружескими записками.

Отъ пера онъ бросался къ музыкѣ и забывался въ звукахъ, прислушиваясь самъ съ любовью, какъ они пѣли ему его же страсть и гимны красотѣ. Ему хотѣлось бы поймать эти звуки, формулировать въ стройномъ созданіи гармоніи. Изъ этихъ волнъ звуковъ очертывалась у него въ фантазіи какая-то музыкальная поэма: онъ силился уловить тайну созданія и три утра бился, изведя толстую тетрадь нотной бумаги. А когда сыгралъ на четвертое утро написанное, вышла... полька-редова, но такая мрачная и грустная, что онъ самъ разливался въ слезахъ, играя ее. Онъ удивился такому скудному результату своихъ роскошныхъ импровизацій, положенныхъ на бумагу, и со вздохомъ сознался, что одной фантазіей не одолѣешь музыкальной техники. «Что если и съ романомъ выйдетъ у меня тоже самое?..» задумывался онъ. Но теперь еще — не до романа: «это послѣ, послѣ, а теперь — Вѣра на умѣ, страсть, жизнь, не искусственная, а настоящая!»

Онъ ходилъ по дому, по саду, по деревнѣ и полямъ, точно сказочный богатырь, когда былъ въ припадкѣ счастья, и столько силы носилъ въ своей головѣ, сердцѣ, во всей нервной системѣ, что все цвѣло и радовалось въ немъ. Мысль его плодотворна, фантазія производительна, душа открыта для добра, дѣятельности и любви — не къ одной Вѣрѣ, но общей любви ко всякому живому созданію. На все льются лучи его мягкости, ласки, заботы, вниманія. Онъ чутко понимаетъ потребность, не только другого, ближняго, несчастнаго, и спѣшитъ подать руку помощи, утѣшенія, но входитъ даже въ положеніе—вонъ этой ползущей букашки, которую бережно сажаетъ съ дорожки на кустъ, чтобъ уберечь отъ ноги прохожаго. Онъ бы написалъ Рафаэлеву Мадонну въ эти минуты счастья, еслибъ она не была уже написана, изваялъ

Digitized by Google

бы Милосскую Венеру, Аполлона Бельведерскаго, создалъ бы снова храмъ Петра!

Въ моменты мукъ, напротивъ, онъ былъ худъ, блѣденъ, боленъ, не ѣлъ, и ходилъ по полямъ, ничего не видя, забывая дорогу, спрашивая у встрѣчныхъ мужиковъ, гдѣ Малиновка, на право или на лѣво? Тогда онъ былъ сухъ съ бабушкой и Марѳинькой, грубъ съ прислугой, не спалъ до разсвѣта, а если и засыпалъ, то труднымъ, болѣзненнымъ сномъ, продолжая и во снѣ переживать пытку.

Иногда онъ оглядывался вокругъ себя, какъ будто спрашивая глазами у всѣхъ: «гдѣ я и что вы за люди»? Марѳинька немного стала бояться его, онъ, большею частію, запирался у себя на верху, и тамъ — или за дневникомъ, или ходя по комнатѣ, говоря самъ съ собой, или опять за фортепіяно, выбрасывалъ, какъ онъ живописно выражался, «пѣну страсти». Егорка провертѣлъ щель въ деревянной, оклеенной бумагой перегородкѣ, отдѣлявшей кабинетъ Райскаго отъ корридора, и подглядывалъ за нимъ.

— Ну, дѣвки, покажу я вамъ диковину, въ тіатръ не надо ходить! сказалъ онъ, плюнувъ сквозь зубы въ сторону: пойдемте, Пелагея Петровна, къ барину, къ Борису Павловичу, въ щелку посмотрѣть, какъ онъ тамъ «дѣвствуетъ»...

— Некогда мнѣ: гладить надо, сказала та, грѣя утюгъ.

— Ну, вы, Матрена Семеновна?

— А кто-жъ комнату Марѳы Васильевны уберетъ? Ты, что ли?

— Что за чортъ — не дозовешься ни одной! сказалъ съ досадой Егорка, опять плюя сквозь зубы: а я тамъ вертѣлъ, вертѣлъ буравомъ!

— Покажи мнѣ, что тамъ такое! напрашивалась любопытная Наталья, одна изъ плетельщицъ кружевъ у Татьяны Марковны.

— Вы — распрекрасная дѣвица, Наталья Ѳадеевна, сказалъ Егорка нѣжно: словно — барышня! Я бы — не то-что въ щелку далъ вамъ посмотрѣть, руку и сердце предложилъ бы вамъ — только.... рожу бы вамъ другую!...

Прочія дѣвки засмѣялись, а та обидѣлась.

— Ругатель! сказала она, уходя изъ комнаты: право, ругатель!

— А то вы, договаривалъ Егорка ей въ слѣдъ, больно ужъ на тятеньку своего смахиваете съ рыла-то, на Ѳаддея Ильича! — И захихикалъ.

Однако онъ убѣдилъ первыхъ двухъ пойдти и посмотрѣть. Всѣ смотрѣли по очереди въ щель.

Digitized by Google

— Глядите, глядите, какъ заливается: плачетъ никакъ? говорилъ Егорка, толкая то одну, то другую къ щели.

— Взаправду плачетъ, сердечный! сказала жалостно Матрена.

— Да не хохочетъ ли?—И такъ хохочетъ! Смотрите, смотрите!

Всѣ трое присѣли и всѣ захихикали.

— Экъ его разбираетъ! говорилъ Егорка: врѣзамшись, должно быть, въ Вѣру Васильевну....

Пелагея ткнула его кулакомъ въ бокъ.

— Что ты врешь, поганецъ! замѣтила она со страхомъ: ври, да не смѣй трогать барышень! Вотъ узнаетъ барыня.... Пойдемте прочь!...

А Райскій и плакалъ и смѣялся чуть ли не въ одно и тоже время, и все искренно «дѣвствовалъ», т. е. плакалъ и смѣялся больше художникъ, нежели человѣкъ, повинуясь нервамъ. Онъ въ чистыхъ формахъ все выливалъ образъ Вѣры, и чертя его безсознательно и непритворно, чертилъ и образъ своей страсти, отражая въ ней, иногда наивно и смѣшно, и все, что̀ было свѣтлаго, честнаго въ его собственной душѣ, и чего требовала его душа отъ другого человѣка и отъ женщины.

— Что ты все пишешь тамъ? спрашивала Татьяна Марковна: драму или все романъ, что ли?

— Не знаю, бабушка: пишу жизнь—выходитъ романъ; пишу романъ, выходитъ жизнь. А что будетъ окончательно — не знаю.

— «Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, только бы не плакало», замѣтила она, и почти вѣрно опредѣлила этой пословицей значеніе писанья Райскаго. У него уходило время, сила фантазіи разрѣшалась естественнымъ путемъ, и онъ не замѣчалъ жизни, не зналъ скуки, никуда и ничего не хотѣлъ.—Зачѣмъ только ты пишешь все по ночамъ? сказала она.—Смерть—боюсь... Ну, какъ заснешь надъ своей драмой! И шутка ли: до свѣта! вѣдь ты изведешь себя. Посмотри, ты иногда желтъ, какъ переспѣлый огурецъ.....

Онъ смотрѣлся въ зеркало и самъ поражался перемѣной въ себѣ. Желтыя пятна легли на вискахъ и около носа, а въ черныхъ густыхъ волосахъ появились замѣтныя сѣдины.—«Зачѣмъ я брюнетъ, а не блондинъ? ропталъ онъ.—Десятью годами раньше состарѣюсь!»

— Ничего, бабушка, не обращайте вниманія на меня, отвѣчалъ онъ: дайте свободу... Не спится: иногда и радъ бы, да не могу.

— И онъ «свободу», какъ Вѣра!—Она вздохнула.—Далась имъ эта свобода: точно бабушка ихъ въ кандалахъ держитъ! Писалъ

Digitized by Google

бы, да не по ночамъ, прибавила она: а то я не сплю покойно. Въ которомъ часу ни поглядишь, а все огонь у тебя...

— Ручаюсь, бабушка, что пожара не сдѣлаю, хоть самъ сгорю весь...

— О, типунъ тебѣ на языкъ! перебила она сердито, кропая что-то сама иглой надъ приданымъ Марѳиньки, хотя тутъ хлопотали около разложенныхъ столовъ десять швей. Но она не могла видѣть другихъ за работой, чтобъ и самой не пристать тутъ же, какъ Викентьевъ не могъ не засмѣяться и не заплакать, когда смѣялись и плакали другіе.

— Не дразни судьбу, не накликай на себя! прибавила она. Помни: «языкъ мой — врагъ мой!»

Онъ вдругъ вскочилъ съ дивана и бросился къ окну, а потомъ въ дверь и скрылся: «мужикъ идетъ съ письмомъ отъ Вѣры!» сказалъ онъ, уходя.

«Вишь какъ: точно родному отцу обрадовался! А сколько свѣчей изводитъ онъ съ этими романами да драмами: по четыре свѣчки за ночь!» разсуждала экономная бабушка шепотомъ.

V.

Райскій получилъ нѣсколько строкъ отъ Вѣры. Она жаловалась, что скучаетъ тамъ, и дѣйствительно, по нѣкоторымъ фразамъ, видно было, что ее тяготитъ уединеніе. Она писала, что желаетъ видѣть его, что онъ ей нуженъ, и впереди будетъ еще нужнѣе, что «безъ него она жить не можетъ» — и иногда записка разрѣшалась въ какой-то смѣхъ, который, какъ русалочное щекотанье, производилъ въ немъ зудъ и боль.

Но не смотря на этотъ смѣхъ, таинственная фигура Вѣры манила его все въ глубину его фантастической дали. Вѣра шла будто отъ него въ туманѣ покрывала: онъ стремился за ней, касался покрывала, хотѣлъ открыть ея тайны и узнать, что это за Изида передъ нимъ. Онъ только что коснется покрывала, какъ она ускользнетъ, уйдетъ дальше. Онъ блаженствовалъ и мучился двойными радостями и муками, и человѣка, и художника, не зная самъ, гдѣ является одинъ, когда исчезаетъ другой и когда оба смѣшиваются.

Получая изрѣдка ея краткія письма, гдѣ дружескій тонъ смѣшивался съ ядовитымъ смѣхомъ надъ его страстью, надъ стремленіями къ идеаламъ, надъ игрой его фантазіи, которою онъ нерѣдко сверкалъ въ разговорахъ съ ней, онъ самъ заливался ис-

Digitized by Google

кренним смѣхомъ и потомъ почти плакалъ отъ грусти и отъ безсилія разсказать себя, дать ключъ къ своей натурѣ.

«Не понимаетъ, бѣдная, ропталъ онъ, что казнитъ—за фантазію: это все равно, что казнить человѣка за то, что у него тѣнь велика: зачѣмъ покрываетъ цѣлое поле, ростетъ выше зданія! И не вѣритъ страсти! Посмотрѣла бы она, какъ этотъ удавъ тянется передо мной, сверкая изумрудами и золотомъ, когда его грѣетъ и освѣщаетъ солнце, и какъ блѣднѣетъ, ползя во мракѣ, шипя и грозя острыми зубами?» Пусть бы пришли сюда знатоки и толкователи такъ называемыхъ тайнъ сердца и страстей, и выложили бы тутъ свои понятія и философію, добытую съ досокъ Михайловскаго театра. «Нельзя любить, когда оскорблено самолюбіе». — «Любовь — это эгоизмъ à deux» — «любовь проходитъ когда не раздѣлена» и т. п. сыплютъ они свои сентенціи. — «А вотъ она, эта страсть, говорилъ онъ: — не угодно ли попробовать! Меня толкаютъ, смѣются — а я все люблю, и какъ люблю! Не какъ «сорокъ тысячъ братьевъ» — (мало отпустилъ Шекспиръ) а какъ всѣ люди вмѣстѣ! Всѣ образы любви ушли въ эту мою любовь! Я люблю, какъ Леонтій любитъ свою жену, простодушной, чистой, почти пастушеской любовью, люблю сосредоточенной страстью, какъ этотъ серьезный Савелій, люблю какъ Викентьевъ, со всею веселостью и рѣзвостью жизни, люблю, какъ любитъ, можетъ быть, Тушинъ, удивляясь и поклоняясь втайнѣ, и люблю, какъ любитъ бабушка свою Вѣру—и наконецъ еще какъ никто не любитъ, люблю такою любовью, которая дана Творцомъ и которая, какъ океанъ, омываетъ вселенную...» «А если сократить все это въ одно слово, — вдругъ отрезвившись на минуту заключилъ онъ — то выйдетъ: «люблю, какъ художникъ», т. е. всею силою необузданной... или разнузданной фантазіи!» Его увлекалъ процессъ писанья, какъ процессъ неумышленнаго творчества, гдѣ передъ его глазами, пестрымъ узоромъ, неслись его собственныя мысли, ощущенія, образы. Листки эти однако мѣшали ему забывать Вѣру, чего онъ искренно хотѣлъ, и питали страсть, т. е. воображеніе. «А она не пойметъ этого: печально думалъ онъ: — и сочтетъ эти, ею внушенныя и ей посвящаемыя произведенія фантазіи — за любовную чепуху! Ужели и она не пойметъ: женщина! А у ней, кажется, уши такія маленькія, умныя!»

Когда онъ отрывался отъ дневника и трезво жилъ день, другой, Вѣра опять стояла безукоризненна въ его умѣ. Сомнѣнія, подозрѣнія, оскорбленія сами по себѣ были чужды его натурѣ, какъ и доброй, честной натурѣ Отелло. Это были случайныя иска-

Digitized by Google

женія и опустошенія, продукты страсти и неизвѣстности, бросавшей на все ложныя и мрачныя краски.

Однажды въ ея запискѣ, послѣ дружескихъ, нѣжно-насмѣшливыхъ изліяній, была слѣдующая приписка послѣ словъ: «ваша Вѣра»: «Другъ и братъ мой! Вы научили меня любить и страдать. Вы подѣлились со мной силами души своей, вложили, кажется, въ меня и самую вашу нѣжную, любящую душу... И вотъ эта нѣжность ваша внушаетъ мнѣ смѣлость подѣлиться съ вами добрымъ дѣломъ. Здѣсь есть одинъ несчастный, изгнанный изъ родины... На немъ тяготѣетъ подозрѣніе правительства... Ему некуда преклонить голову, всѣ отъ него отступились, одни по равнодушію, другіе по боязни. Вы любите ближняго и не можете быть равнодушны, еще менѣе можете бояться добраго, чистаго, святого дѣла. У него нѣтъ ни гроша денегъ, ни платья, а на дворѣ осень... Я не прибавляю къ этому ничего: здѣсь все правда, каждое слово: ваша Вѣра не солжетъ вамъ. Если сердце ваше, въ чемъ я не сомнѣваюсь, скажетъ вамъ, что̀ надо дѣлать, то пошлите ваше пособіе на имя дьячихи Секлетеи Бурдалаховой, дойдетъ вѣрно: я сама буду наблюдать. Но сдѣлайте такъ, чтобъ бабушка не замѣтила ничего, и никто въ домѣ. Можетъ быть— и весьма естественно — вы затруднитесь, какъ велика должна быть сумма, то рублей трехъ сотъ, даже двухъ сотъ двадцати— будетъ довольно ему на цѣлый годъ. Да еслибъ вы прислали пальто и жилетъ изъ осенняго трико, — (видите, какъ я вѣрю въ нѣжность вашей души вообще, и въ любовь ко мнѣ въ особенности, что я даже и мѣрку прилагаю, которую снялъ съ него деревенскій портной!) то этимъ вы защитите бѣдняка и отъ холода. Затѣмъ я уже не смѣю напоминать о тепломъ одѣялѣ—это бы значило употреблять во зло вашу доброту и слабость ко мнѣ: это до другого раза! Къ зимѣ бѣдный изгнанникъ уйдетъ вѣроятно отсюда, благословляя васъ, а съ вами и... меня немножко. Я бы не тревожила васъ, но вы знаете, всѣ мои деньги у бабушки, а я ей открыться не могу».

«Что такое? Что это такое!» почти закричалъ Райскій отъ изумленія, дочитавъ этотъ post-scriptum, и ворочая глазами вокругъ, мысленно искалъ ключа. «Не она, не она!» вслухъ произнесъ потомъ и вдругъ легъ на диванъ: съ нимъ сдѣлался припадокъ истерическаго смѣха. Это было въ кабинетѣ Татьяны Марковны. Тутъ были Викентьевъ и Марѳинька. Послѣдніе оба сначала заразились смѣхомъ и дружно аккомпанировали ему, потомъ сдержались, начиная пугаться раскатовъ хохота. Особенно Татьяна Марковна испугалась: она даже достала какихъ-то капель и налила на ложечку. Райскій едва унялся.

Digitized by Google

— Выпей капель, Борюшка.

— Нѣтъ, бабушка — дайте мнѣ не капель, а денегъ рублей триста...

И опять закатился смѣхомъ. Бабушка отказала было: — «скажи, зачѣмъ, кому? Не Маркушкѣ ли? Взыщи прежде съ него восемдесятъ рублей» — и пошла, и пошла! Въ другое время онъ бы про себя наслаждался этой экономической чертой бабушки и не преминулъ бы добродушно подразнить ее. Но тутъ его жгли внутренніе огни нетерпѣнія, поглощалъ возрастающій интересъ комедіи. Онъ чуть не въ драку полѣзъ съ нею, и послѣ отчаянной схватки, поторговавшись съ часъ, выручилъ отъ нея двѣсти двадцать рублей, не доторговавшись до трехъ сотъ, лишь бы скорѣе кончить. Онъ запечаталъ ихъ и отослалъ на другой же день. Между тѣмъ отыскалъ портного и торопилъ сшить теплое пальто, жилетъ и купилъ одѣяло. Все это отослано было на пятый день.

«Слезами и сердцемъ, а не перомъ, благодарю васъ, милый, милый, милый братъ», получилъ онъ отвѣтъ съ той стороны: — «не мнѣ награждать за это: небо наградитъ за меня! Моя благодарность — пожатіе руки и долгій, долгій взглядъ признательности! Какъ обрадовался вашимъ подаркамъ бѣдный изгнанникъ: онъ все «смѣется» съ радости и одѣлся въ обновки. А изъ денегъ сейчасъ же заплатилъ за три мѣсяца долгу хозяйкѣ и отдалъ за мѣсяцъ впередъ. И только на три рубля осмѣлился купить сигаръ, которыми не лакомился давно, а это — его страсть... » — «Пошлю завтра ящикъ», думалъ Райскій и послалъ, — между прочимъ потому, что «вѣдь проситъ тотъ, у кого нѣтъ.... говорилъ онъ: — богатый не попросилъ бы». — Ему вдругъ пришло въ голову — послать ловкаго Егорку послѣдить, кто беретъ письма у рыбака, узнать, кто такая Секлетея Бурдалахова. Онъ ужъ позвонилъ, но когда явился Егоръ — онъ помолчалъ, взглянулъ на Егора, покраснѣлъ за свое намѣреніе и махнулъ ему рукой, чтобы онъ шелъ вонъ. «Не могу, не могу!» шепталъ онъ съ непреодолимымъ отвращеніемъ. «Спрошу у ней самой — и посмотрю, какъ и что скажетъ она — и если солжетъ: прощай Вѣра, а съ ней и всякая вѣра въ женщинъ!»

Слѣдя за ходомъ своей собственной страсти, какъ медикъ за болѣзнью, и какъ будто снимая фотографію съ нея, потому что искренно переживалъ ее, онъ здраво заключалъ, что эта страсть — ложь, миражъ, что надо прогнать, разсѣять ее! Но какъ: что надо теперь дѣлать? спрашивалъ онъ, глядя на небо съ облаками, углубляя взглядъ въ землю — что велитъ долгъ? — отвѣчай же уснувшій разумъ, освѣти мнѣ дорогу, дай перепрыгнуть черезъ этотъ

Digitized by Google

пылающій костеръ!» «Бросить все и бѣжать прочь!» отозвался покойно разумъ.—Да, да—брошу и бѣгу, не дождусь ея, рѣшилъ онъ, и тутъ только замѣтилъ приложенный къ ея письму клочокъ бумаги съ припиской Вѣры: «Не пишите больше, я въ четвергъ буду сама домой: меня привезетъ лѣсничій»! Онъ обрадовался.

— А! вотъ и пробный камень. Это сама бабушкина «судьба» вмѣшалась въ дѣло и требуетъ жертвы, подвига — и я его совершу. Черезъ три дня видѣть ее опять здѣсь... О, какая нѣга! Какое солнце взойдетъ надъ Малиновкой! Нѣтъ, убѣгу! Чего мнѣ это стоитъ: никто не знаетъ! И ужели не найду награды: потеряннаго мира? Скорѣй, скорѣй прочь!.. сказалъ онъ рѣшительно и кликнулъ Егора, приказавъ принести чемоданъ.

И надо было бы тотчасъ же бѣжать, т. е. забывать Вѣру. Онъ и исполнилъ часть своей программы. Поѣхалъ въ городъ кое-что купить въ дорогу. На улицѣ онъ встрѣтилъ губернатора. Тотъ упрекнулъ его: что давно не видать? Райскій отозвался нездоровьемъ и сказалъ, что уѣзжаетъ надняхъ. — Куда? спросилъ тотъ.—Да мнѣ все равно, мрачно отвѣтилъ Райскій: здѣсь... я усталъ, хочу развлечься, теперь поѣду въ Петербургъ, а тамъ въ свое имѣніе, въ Р—ую убернію, а можетъ быть и за границу... — Не удивительно, что вы соскучились, замѣтилъ губернаторъ,—сидя на одномъ мѣстѣ, удаляясь отъ общества... Нужно развлеченіе... Вотъ не хотите ли со мной прокатиться: я послѣ завтра отправляюсь осматривать губернію...

«Послѣ завтра будетъ среда, мелькнуло соображеніе въ головѣ у Райскаго: а она возвращается въ четвергъ... Да, да, судьба вытаскиваетъ меня... Не лучше ли бы уѣхать дальше... совсѣмъ отсюда.., для полнаго подвига?»

— Посмотрите мѣстность: продолжалъ губернаторъ, есть красивыя мѣста — вы поэтъ, наберетесь свѣжихъ впечатлѣній... Мы и по Волгѣ верстъ полтораста спустимся...

— А если я приму? отвѣчалъ Райскій, у котораго, рядомъ съ памѣреніемъ бороться со страстью, пріютилась надежда не разставаться вполнѣ хоть съ тѣми мѣстами, гдѣ присутствуетъ *она*, его безподобная, но мучительная красота! «Поѣдемте, я вашъ спутникъ», рѣшилъ онъ окончательно. Губернаторъ ласково хлопнулъ рукой по его ладони и повелъ къ себѣ, показалъ экипажъ, удобный и покойный — сказалъ, что и кухня поѣдетъ за нимъ и карты захватитъ: «въ пикетъ будемъ сражаться! прибавилъ онъ: и мнѣ веселѣе ѣхать, чѣмъ съ однимъ секретаремъ, которому много будетъ дѣла.»

Райскому стало легче уже отъ одного намѣренія перемѣнить мѣсто и обстановку. Что-то постороннее Вѣрѣ, какъ облако, стало

Digitized by Google

между нимъ и ею. Давно бы такъ, и это глупѣйшее состояніе кончилось бы! «Вотъ почти и нѣтъ никакихъ бѣсовъ!» говорилъ онъ, возвращаясь къ себѣ. Онъ подтвердилъ Егоркѣ готовить платье, бѣлье, сказавши, что ѣдетъ съ губернаторомъ.

Намѣренія его преодолѣть страсть были искренни, и онъ подумывалъ уже не возвращаться вовсе, а къ концу губернаторской прогулки вытребовать свои вещи изъ дому и уѣхать, не повидавшись съ Вѣрой. На этомъ бы и остановиться ему, отвернуться отъ Малиновки навсегда, или хоть на долго, и не оглядываться — и все потонуло бы въ пространствѣ, даже не такой дали, какую предполагалъ Райскій между Вѣрой и собой, а двухъ-трехъ сотъ верстъ, и во времени — не годовъ, а пяти-шести недѣль, и осталось бы развѣ смутное воспоминаніе отъ этой трескотни, какъ отъ кошемара. Райскій зналъ это по прежнимъ, хотя и не такимъ сильнымъ опытамъ, но послѣдній опытъ всегда кажется не похожимъ чѣмъ-нибудь на прежніе, и притомъ подъ свѣжей страстью дымится свѣжая рана, а времени ждать долго. Райскій зналъ и это и не лукавилъ даже передъ собой, а хотѣлъ только утомить чѣмъ-нибудь невыносимую боль, т. е. не вдругъ удаляться отъ этихъ мѣстъ и не класть сразу непреодолимой дали между ею и собою, чтобы не вдругъ оборвался этотъ нервъ, которымъ онъ такъ связанъ былъ, и съ живой, полной прелести стройной и нѣжной фигуры Вѣры, и съ воплотившимся въ ней его идеаломъ, живущимъ въ ея образѣ, вопреки таинственности ея поступковъ, вопреки его подозрѣніямъ въ ея страсти къ кому-то, вопреки наконецъ его грубымъ предположеніямъ въ ея женской распущенности; въ ея отношеніяхъ... къ Тушину, въ которомъ онъ болѣе всѣхъ подозрѣвалъ ея героя. «А можетъ быть, и другой, другіе»... злобно думалъ онъ.

Онъ свои художническія требованія переносилъ въ жизнь, мѣшая ихъ съ общечеловѣческими, и писалъ послѣднюю съ натуры, и тутъ же, невольно и безсознательно приводилъ въ исполненіе древнее мудрое правило, «познавалъ самого себя», съ ужасомъ вглядывался и вслушивался въ дикіе порывы животной, слѣпой натуры, самъ писалъ ей казнь и чертилъ новые законы, разрушалъ въ себѣ «ветхаго человѣка» и создавалъ новаго. И если ужасался, глядясь самъ въ подставляемое себѣ безпощадное зеркало зла и темноты, то и неимовѣрно былъ счастливъ, замѣчая, что эта внутренняя работа надъ собой, которой онъ требовалъ отъ Вѣры, отъ живой женщины, какъ человѣкъ, и отъ статуи, какъ художникъ, началась у него самого не съ Вѣры, а давно, прежде когда-то, въ минуты такого же раздвоенія натуры на реальное и фантастическое. Онъ, съ біеніемъ сердца и

Digitized by Google

трепетомъ чистыхъ слезъ, подслушивалъ, среди грязи и шума страстей, подземную тихую работу, въ своемъ человѣческомъ существѣ, какого-то таинственнаго духа, затихавшаго иногда въ трескѣ и дымѣ нечистаго огня, но не умиравшаго и просыпавшагося опять, зовущаго его, сначала тихо, потомъ громче и громче, къ трудной и нескончаемой работѣ надъ собой, надъ своей собственной статуей, надъ идеаломъ человѣка. Радостно трепеталъ онъ, вспоминая, что не жизненныя приманки, не малодушные страхи влекли его къ этой работѣ, а влеченіе искать и создавать красоту въ себѣ самомъ. Духъ манилъ его за собой, въ свѣтлую, таинственную даль, какъ человѣка и какъ художника, къ идеалу чистой человѣческой красоты. Съ тайнымъ, захватывающимъ дыханіе ужасомъ счастья видѣлъ онъ, что работа чистаго генія не рушится отъ пожара страстей, а только останавливается, и когда минуетъ пожаръ, она идетъ впередъ, медленно и туго, но все идетъ — и что въ душѣ человѣка, независимо отъ художественнаго, таится другое творчество, присутствуетъ другая живая жажда, кромѣ животной, другая сила, кромѣ силы мышцъ. Пробѣгая мысленно всю нить своей жизни, онъ припоминалъ, какія нечеловѣческія боли терзали его, когда онъ падалъ, какъ медленно вставалъ опять, какъ тихо чистый духъ будилъ его, звалъ вновь на нескончаемый трудъ, помогая встать, ободряя, утѣшая, возвращая ему вѣру въ красоту правды и добра и силу — подняться, идти дальше, выше.... Онъ благоговѣйно ужасался, чувствуя, какъ приходятъ въ равновѣсіе его силы, и какъ лучшія движенія мысли и воли уходятъ туда, въ это зданіе, какъ ему легче и свободнѣе, когда онъ слышитъ эту тайную работу и когда самъ сдѣлаетъ усиліе, движеніе, подастъ камень, огня и воды.

Отъ этого сознанія творческой работы внутри себя, и теперь пропадала у него изъ памяти страстная, язвительная Вѣра, а если приходила, то затѣмъ только, чтобъ онъ съ мольбой звалъ ее туда же, на эту работу тайнаго духа, показать ей священный огонь внутри себя и пробудить его въ ней, и умолять беречь, лелѣять, питать его въ себѣ самой. Тогда казалось ему, что онъ любилъ Вѣру такой любовью, какою никто другой не любилъ ее, и самъ смѣло требовалъ отъ нея такой же любви и къ себѣ, какой она не могла дать своему идолу, какъ бы страстно ни любила его, если этотъ идолъ не носилъ въ груди такихъ же силъ, такого же огня и, слѣдовательно, такой же любви, какая была заключена въ немъ и рвалась къ ней.

Съ другой, жгучей и разрушительной страстью, онъ искренно и честно продолжалъ бороться, чувствуя, что она не раздѣлена

Digitized by Google

Вѣрою, и слѣдовательно не можетъ разрѣшиться, какъ разрѣшается у двухъ, взаимно любящихъ честныхъ натуръ, въ тихое и покойное теченіе, словомъ, въ счастье, въ которомъ, очистившись отъ животнаго бѣшенства, она превращается въ человѣческую любовь.

Онъ теперь уже не звалъ болѣе страсть къ себѣ, какъ прежде, и проклиналъ свое внутреннее состояніе, мучительную борьбу и написалъ Вѣрѣ, что рѣшился бѣжать ея присутствія. Теперь, когда онъ сталъ уходить отъ нея, она будто пошла за нимъ, все подъ своимъ таинственнымъ покрываломъ, затрогивая, дразня его, будила его сонъ, отнимала книгу изъ рукъ, не давала ѣсть.

Дня черезъ три онъ получилъ коротенькую записку, съ вопросомъ: «Гдѣ онъ? что не возвращается? Отъ чего нѣтъ писемъ?» Какъ будто ей не было дѣла до его намѣренія уѣхать, или она не получила его письма. Она звала его домой, говорила что она воротилась, что «безъ него скучно», Малиновка опустѣла, всѣ повѣсили носъ, что Марѳинька собирается ѣхать гостить за Волгу, къ матери своего жениха, тотчасъ послѣ дня своего рожденія, который будетъ на слѣдующей недѣлѣ, что бабушка останется одна и пропадетъ съ тоски, если онъ не принесетъ этой жертвы... и бабушкѣ, и ей....

«Да, знаю я эту жертву», думалъ онъ злобно и подозрительно: «въ домѣ, безъ меня и безъ Марѳиньки, замѣтнѣе будутъ твои скачки съ обрыва, дикая коза! Надо сидѣть съ бабушкой долѣе, обѣдать не въ своей комнатѣ, а со всѣми—понимаю! Не будетъ же этого! Не дамъ тебѣ торжествовать—довольно! Сброшу съ плечъ эту глупую страсть, и никогда ты не узнаешь своего торжества!»

Онъ написалъ ей отвѣтъ, гдѣ повторилъ о своемъ намѣреніи уѣхать, не повидавшись съ нею, находя, что это единственный способъ исполнить ея давнишнее требованіе—оставить ее въ покоѣ и прекратить свою собственную пытку. Потомъ разорвалъ свой дневникъ и бросилъ по вѣтру клочки, вполнѣ разочарованный въ произведеніяхъ своей фантазіи. Куры бросились со всѣхъ сторонъ къ окну губернаторской квартиры въ уѣздномъ городѣ, принявъ за какую-то куриную манну эти, какъ снѣгъ, посыпавшіеся обрывки бумаги, и потомъ медленно разошлись, тоже розочарованныя, поглядывая вопросительно на окно.

На другой день къ вечеру онъ получилъ коротенькій отвѣтъ отъ Вѣры, гдѣ она успокоивала его, одобряя намѣреніе его уѣхать, не повидавшись съ ней, и изъявила полную готовность помочь ему побѣдить *страсть* (слово было подчеркнуто) и для того она сама, вслѣдъ за отправленіемъ этой записки, уѣз-

Digitized by Google

жаетъ въ тотъ же день, т. е. въ пятницу, опять за Волгу. Ем же совѣтовала пріѣхать проститься съ Татьяной Марковной со всѣмъ домомъ, иначе внезапный отъѣздъ удивилъ бы весь го родъ и огорчилъ бы бабушку.

Райскій почти обрадовался этому отвѣту. У него отлегло от сердца, и онъ на другой день, т. е. въ пятницу послѣ обѣда, легк и весело выпрыгнулъ изъ кареты губернатора, когда они въѣхал въ слободу близъ Малиновки, и поблагодарилъ его превосходи тельство за удовольствіе пріятной прогулки. Онъ, съ дорожным своимъ мѣшкомъ, быстро пробѣжалъ ворота и явился въ домъ.

VI.

Марѳинька первая, Викентьевъ второй, и съ ними дворовы собаки, выскочили встрѣтить его, и всѣ, до Пашутки включительно, обрадовались ему почти до слезъ, такъ что и ему, не смотря на хмѣль страсти, едва не заплакалось отъ этой теплоты сердеч наго пріема. «Ахъ, зачѣмъ мнѣ мало этого счастья — зачѣмъ я не бабушка, не Викентьевъ, не Марѳинька: зачѣмъ я — Вѣра въ своемъ родѣ?» думалъ онъ и боязливо искалъ Вѣру глазами.

— А Вѣра уѣхала вчера! сказала Марѳинька съ особенной живостью, замѣтивъ конечно, что онъ тоскливо оглядывался во кругъ себя.

— Да, Вѣра Васильевна уѣхала, повторилъ и Викентьевъ.

— Барышни нѣтъ! сказали и люди, хотя онъ ихъ и не спра шивалъ. Ему бы радоваться, а у него сердце упало.

«И весело имъ, что уѣхала, улыбаются: имъ это ничего!» думалъ онъ, проходя къ Татьянѣ Марковнѣ въ кабинетъ.

— Какъ я ждала тебя, хотѣла эстафету посылать! сказала она съ тревожнымъ лицомъ, выславъ Пашутку вонъ и затворяя кабинетъ. Онъ испугался, ожидая какой-нибудь вѣсти о Вѣрѣ.

— Что̀ такое случилось?

— Твой другъ, Леонтій Ивановичъ....

— Ну?

— Боленъ.

— Бѣдный! Что̀ съ нимъ? Я сейчасъ поѣду.... Опасно?

— Погоди, я велю лошадь заложить, а пока скажу, отъ чего: въ городѣ ужъ всѣ знаютъ. Я только для Марѳиньки секретничаю. А Вѣра ужъ узнала отъ кого-то...

— Что съ нимъ случилось?

— Жена уѣхала.... шепотомъ сказала Татьяна Марковна,

Digitized by Google

нахмурившись: онъ и слегъ. Кухарка его третьяго дня и вчера два раза прибѣгала за тобой....

— Куда уѣхала?

— Съ французомъ, съ Шарлемъ укатила! Того вдругъ вызвали въ Петербургъ зачѣмъ-то. Ну, вотъ и она.... «Меня, говоритъ, кстати проводитъ до Москвы М-г Charles». И какъ схитрила: «хочу, говоритъ, повидаться съ родными въ Москвѣ», и выманила у мужа видъ для свободнаго проживанія.

— Ну, такъ чтожъ за бѣда? сказалъ Райскій: ея сношенія съ Шарлемъ не секретъ ни для кого, кромѣ мужа: посмѣются еще, а онъ ничего не узнаетъ. Она воротится....

— Ты не дослушалъ. Письмо прислала мужу, гдѣ проситъ забыть ее, говоритъ, чтобъ не ждалъ, не воротится, что не можетъ жить съ нимъ, зачахнетъ здѣсь....

Райскій пожалъ плечами.

— Ахъ, Боже мой! Ахъ, дура! горевалъ онъ. — Бѣдный Леонтій! Мало ей самой было негласнаго скандала — нѣтъ, захотѣла публичнаго!... Сейчасъ поѣду; ахъ, какъ мнѣ жаль его!

— И мнѣ жаль, Борюшка. Я хотѣла сама съѣздить къ нему — у него честная душа, онъ, какъ младенецъ! Богъ далъ ему ученость, да остроты не далъ.... закопался въ свои книги! У кого онъ тамъ на рукахъ?... Да вотъ что: если за нимъ нѣтъ присмотру, перевези его сюда — въ старомъ домѣ пусто, кромѣ Вѣриной комнаты.... Мы его тамъ пока помѣстимъ.... Я на случай велѣла приготовить двѣ комнаты.

— Что вы за женщина, бабушка! я только-что подумалъ, а вы ужъ и велѣли!...

Онъ пошелъ на минуту къ себѣ. Тамъ нашелъ онъ письма изъ Петербурга, между ними одно отъ Аянова, своего пріятеля и партнера Надежды Васильевны и Анны Васильевны Пахотиныхъ, въ отвѣтъ на нѣсколько своихъ писемъ къ нему, въ которыхъ просилъ извѣстій о Софьѣ Бѣловодовой, а потомъ забылъ. Онъ вскрылъ письмо и увидалъ, что Аяновъ пишетъ, между прочимъ, о ней, отвѣчая на его письмо. «Когда опомнился!» подумалъ онъ, «тогда у меня еще было свѣжо воспоминаніе о ней, а теперь я и лицо ея забылъ! Теперь даже Секлетея Бурдалахова интереснѣе для меня, потому только, что напоминаетъ Вѣру».

Онъ не читалъ писемъ, не вскрылъ журналовъ и поѣхалъ къ Козлову. Ставни сѣраго домика были закрыты, и Райскій едва достучался, чтобъ отперли ему двери. Онъ прошелъ прихожую, потомъ залу, и остановился у кабинета, не зная, постучать, или войти прямо. Дверь вдругъ тихо отворилась, передъ нимъ явился Маркъ Волоховъ, въ женскомъ капотѣ и въ туф-

Digitized by Google

лячъ Козлова, нечесаный, съ невыспавшимся лицомъ, блѣдный, худой, съ злыми глазами, какъ будто его всего передернуло.

— Насилу васъ принесла нелегкая! сказалъ онъ съ досадой, вполголоса:—гдѣ вы пропадали? Я другую ночь почти не спю совсѣмъ.... Днемъ тутъ ученики вертѣлись, а по ночамъ онъ одинъ....

— Что съ нимъ?

— Что: развѣ вамъ не сказали? Ушла коза-то! Я обрадовался, когда услыхалъ, шелъ поздравить его, гляжу — а на немъ лица нѣтъ! Глаза помутились, никого не узнаетъ. Чуть горячка не сдѣлалась: теперь, кажется, проходитъ. Чѣмъ бы плакать отъ радости, уродъ убивается горемъ! Я лекаря-было привелъ, онъ прогналъ, а самъ ходитъ, какъ шальной.... Теперь онъ спитъ, не мѣшайте. Я уйду домой, а вы останьтесь, чтобъ онъ чего не натворилъ надъ собой въ припадкѣ тупоумной меланхоліи. Никого не слушаетъ — я ужъ хотѣлъ побить его....

Онъ плюнулъ съ досады.—На кухарку положиться нельзя—она идіотка. Завтра вечеромъ я смѣню васъ.... прибавилъ онъ.

Райскій съ изумленіемъ поглядѣлъ на Марка и подалъ ему руку.

— За что такая милость? спросилъ Маркъ желчно, не давая руки.

— Благодарю, что не кинули моего бѣднаго товарища....

— Ахъ, очень пріятно! сказалъ Маркъ, шаркая обѣими туфлями и крѣпко тряся за руку Райскаго:—я давно искалъ случая услужить вамъ....

— Что это, Волоховъ, вы, какъ клоунъ въ циркѣ, все выворачиваете себя наизнанку!... съ неудовольствіемъ сказалъ Райскій.

— А вы все рисуетесь въ жизни и рисуете жизнь! ядовито отвѣчалъ Волоховъ.—Ну, на кой чортъ мнѣ ваша благодарность? Развѣ я для нея, или для кого-нибудь другого, пришелъ къ Козлову, а не для него самого?

— Ну, хорошо, Маркъ Ивановичъ, сказалъ Райскій:—Богъ съ вами и съ вашими манерами: сила не въ нихъ и не въ моей рисовкѣ! Вы сдѣлали доброе дѣло...

— Опять похвала!

— Опять. Это моя манера говорить—что мнѣ нравится, что нѣтъ. Вы думаете, что быть грубымъ — значитъ быть простымъ и натуральнымъ, а я думаю, чѣмъ мягче человѣкъ, тѣмъ онъ больше человѣкъ. Очень жалѣю, если вамъ не нравится этотъ мой «рисунокъ», но дайте мнѣ свободу рисовать жизнь по своему.

Digitized by Google

— Хорошо, сахарничайте, какъ хотите! сквозь зубы проворчалъ Маркъ.

— Леонтья я перевезу къ себѣ: тамъ онъ будетъ какъ въ своей семьѣ, сказалъ Райскій, и если горе не пройдетъ, то онъ и останется навсегда въ тихомъ углу....

— Вотъ теперь дайте руку, сказалъ Маркъ серьезно, схвативъ его за руку: это дѣло, а не слова! Козловъ разсохнется и служить уже не можетъ. Онъ останется безъ угла и безъ куска... Славная мысль вамъ въ голову пришла!

— Не мнѣ, а женщинѣ пришла эта мысль, и не въ голову, а въ сердце, — сказалъ Райскій, — и потому теперь *я* не приму вашей руки.... Бабушка выдумала это....

— Экая здоровая старуха, эта ваша бабушка! сказалъ Маркъ:—я когда-нибудь къ ней на пирогъ приду. Жаль, что старой дури набито въ ней много!... Ну, я пойду, а вы присматривайте за Козловымъ, — если не сами, такъ посадите кого-нибудь. Вонъ третьяго дня ему мочили голову и велѣли на ночь сырой капустой обложить: я заснулъ нечаянно, а онъ, въ забытьи, всю капусту съ головы потаскалъ да съѣлъ.... Прощайте! я не спалъ и не ѣлъ самъ. Авдотья меня тутъ какой-то бурдой изъ кофе потчивала....

— А вотъ что: не хотите ли подождать? Я сейчасъ кучера пошлю домой за ужиномъ, сказалъ Райскій.

— Нѣтъ, я поужинаю ужо дома.

— Можетъ быть.... у васъ денегъ нѣтъ?... робко предложилъ Райскій и хотѣлъ достать бумажникъ.

Маркъ вдругъ засмѣялся своимъ холоднымъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ — у меня теперь есть деньги.... сказалъ онъ, глядя загадочно на Райскаго. — Да я еще въ баню до ужина пойду. Я весь выпачкался, не одѣвался и не раздѣвался почти. Я, видите ли, живу теперь не у огородника на квартирѣ, а у одной духовной особы: сегодня суббота — тамъ баню топятъ: я схожу въ баню, потомъ поужинаю и лягу ужъ на всю ночь.

— Вы похудѣли—и какъ-будто нездоровы! замѣтилъ Райскій, глаза у васъ....

Маркъ вдругъ нахмурился, и лицо у него сдѣлалось еще злѣе прежняго.

— А вы на мой взглядъ еще нездоровѣе! сказалъ онъ.—Посмотритесь въ зеркало: желтыя пятна, глаза ввалились совсѣмъ...

— У меня разныя безпокойства....

— И у меня тоже, сухо замѣтилъ Волоховъ.—Прощайте.

Онъ ушелъ, а Райскій тихо отворилъ дверь къ Леонтью и подошелъ на цыпочкахъ къ постели.

Digitized by Google

— Кто тутъ? спросилъ слабо Козловъ.

— Здравствуй, Леонтій, — это я! сказалъ Райскій, взявъ за руку Козлова и садясь въ кресло подлѣ постели.

Козловъ долго всматривался, потомъ узналъ Райскаго, проворно спустилъ ноги съ постели и сѣлъ, глядя на него.

— А тотъ ушелъ? спросилъ онъ:—я притворился спящимъ. Тебя давно не видать, заговорилъ Леонтій слабымъ голосомъ, съ промежутками. — А я все ждалъ — не заглянетъ ли, думаю. Лицо стараго товарища, продолжалъ онъ, глядя близко въ глаза Райскому и положивъ свою руку ему на плечо,—теперь только одно не противно мнѣ....

— Меня не было въ городѣ, отвѣчалъ Райскій:—я сейчасъ только воротился и узналъ, что ты боленъ....

— Врутъ, я не боленъ. Я притворился.... тише сказалъ онъ, опуская голову на грудь и замолчалъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ поднялъ голову и разсѣянно глядѣлъ на Райскаго.

— Что, бишь, такое я хотѣлъ сказать тебѣ?...

Онъ всталъ и пошелъ неровными шагами по кабинету.

— Ты бы легъ, Леонтій, замѣтилъ Райскій, — ты боленъ....

— Я не боленъ, почти съ досадой отвѣчалъ Козловъ.—Что это вы всѣ, точно сговорились, наладили: боленъ, да боленъ. А Маркъ и лекаря привелъ и сидитъ тутъ, точно боится, что я кинусь въ окно, или зарѣжусь....

— Ты, однако, слабъ, насилу ходишь — право, лягъ....

— Да, слабъ, это правда, наклонясь черезъ спинку стула къ Райскому и обнявъ его за шею, шепталъ Леонтій. Онъ положилъ ему щеку на голову, и Райскій вдругъ почувствовалъ у себя на лбу и на щекахъ горячія слезы. Леонтій плакалъ. — Это слабость, да.... всхлипывая говорилъ Леонтій, но я не боленъ.... я не въ горячкѣ.... врутъ они.... не понимаютъ.... Я и самъ не понималъ ничего.... Вотъ, какъ увидѣлъ тебя.... такъ слезы льются, сами прорвались.... Не ругай меня, какъ Маркъ, и не смѣйся надо мной, какъ всѣ они смѣются.... Я вижу, у нихъ злой смѣхъ на лицахъ, у этихъ сердобольныхъ посѣтителей!...

Райскаго самого душили слезы, но онъ не далъ имъ воли, чтобъ не растравлять еще больше тоски Леонтья.

— Я понимаю и уважаю твои слезы, Леонтій! сказалъ онъ, насилу одолѣвая себя....

— Ты добрый, старый товарищъ.... ты и въ школѣ не смѣялся надо мной.... Ты знаешь, отъ чего я плачу? Ты ничего не знаешь, что со мной случилось?...

Райскій молчалъ.

Digitized by Google

— Вотъ я тебѣ покажу.... Онъ пошелъ къ бюро, вынулъ изъ ящика письмо и подалъ ему.

Райскій пробѣжалъ глазами письмо отъ Ульяны Андреевны, о которомъ ужъ слышалъ отъ бабушки.

— Уничтожь его, сказалъ онъ:—пока оно цѣло, ты не успокоишься....

— Какъ можно! съ испугомъ сказалъ Леонтій, выхватывая письмо и пряча его опять въ ящикъ. — Вѣдь это единственныя ея строки ко мнѣ, — другихъ у меня нѣтъ.... Это одно только и осталось у меня на память отъ нея.... добавилъ онъ, глотая слезы.

— Да, такое чувство заслуживало лучшей доли... тихо сказалъ Райскій. — Но, другъ Леонтій, прими это, какъ болѣзнь, какъ величайшее горе.... Но все же не поддавайся ему — жизнь еще длинна, ты не старъ...

— Жизнь кончилась, перебилъ Леонтій — если.....

— Если что?

— Если она.... не воротится.... шепнулъ онъ.

— Какъ, ты хотѣлъ бы..... ты принялъ бы ее теперь!...

— Ахъ, Борисъ, и ты не понимаешь! почти съ отчаяніемъ произнесъ Козловъ, хватаясь за голову и ходя по комнатѣ.— Боже мой! Твердятъ, что я боленъ, сострадаютъ мнѣ, водятъ лекарей, сидятъ по ночамъ у постели—и все-таки не угадываютъ моей болѣзни и лекарства, какое нужно, а лекарство одно...

Райскій молчалъ. Козловъ подошелъ къ нему большими шагами, взялъ его за плеча и сильно тряся, шепталъ въ отчаяніи: «Ея нѣтъ—вотъ моя болѣзнь. Я не боленъ, я умеръ: и настоящее мое, и будущее—все умерло, потому что ея нѣтъ! Поди, вороти ее, приведи сюда—и я воскресну!... А онъ спрашиваетъ, принялъ ли бы я ее! Какъ же ты романъ пишешь, а не умѣешь понять такого простого дѣла!..

Райскій видѣлъ, что Козловъ взглянулъ наконецъ и на близкую ему жизнь тѣмъ же сознательнымъ и вѣрнымъ взглядомъ, какимъ глядѣлъ на жизнь древнихъ, и что утѣшить его нечѣмъ.

— Теперь я понимаю, замѣтилъ онъ: но я не зналъ, что ты такъ любилъ ее. Ты самъ шутилъ, бывало: говорилъ, что привыкъ къ ней, что измѣняешь ей для своихъ грековъ и римлянъ...

Козловъ горько улыбнулся.

— Вралъ, хвасталъ, не понималъ ничего, Борисъ! сказалъ онъ:—и не случись этого... я никогда бы и не понялъ. Я думалъ, что я люблю древнихъ людей, древнюю жизнь, а я просто любилъ.... живую женщину, и любилъ и книги, и гимназію, и древнихъ, и новыхъ людей, и своихъ учениковъ.... и тебя са-

Digitized by Google

мого.... и этотъ—городъ, вотъ съ этимъ переулкомъ, заборомъ и съ этими рябинами—потому только—что ее любилъ! А теперь это все опротивѣло: я бы готовъ хоть къ полюсу уѣхать... Да, я это недавно узналъ: вотъ какъ тутъ корчился на полу и читалъ ея письмо....

Райскій вздохнулъ.

— А ты спрашиваешь, принялъ ли бы я ее! Боже мой! Какъ принялъ бы — и какъ любилъ бы — она бы узнала это теперь... сказалъ онъ. У него опять закапали слезы.

— Знаешь что̀, Леонтій: я къ тебѣ съ просьбой отъ Татьяны Марковны, сказалъ Райскій.

Леонтій ходилъ взадъ и впередъ, пошатываясь, шлепая туфлями, съ всклокоченной головой, и не слушалъ его.

— Бабушка проситъ тебя переѣхать къ намъ, продолжалъ Райскій: ты здѣсь одинъ пропадешь съ тоски.

Козловъ услыхалъ и понялъ, но въ отвѣтъ махнулъ только рукой.

— Спасибо ей — она святая женщина! Что̀ я буду такимъ уродомъ носить свое горе по чужимъ угламъ....

— Это не чужой уголъ. Леонтій: мы съ тобой братья. Наше родство сильнѣе родства крови...

— Да, да, виноватъ, горе одолѣло меня! ложась въ постель, говорилъ Козловъ, и взявъ за руку Райскаго: прости за эгоизмъ. Послѣ.... послѣ.... я самъ притащусь, попрошусь смотрѣть за твоей библіотекой... когда ужъ надежды не будетъ....

— А у тебя есть надежда?

— А что́? вдругъ шепотомъ спросилъ Козловъ, быстро садясь на постели и подвигая лицо къ Райскому: ты думаешь, что нѣтъ надежды?...

Райскій молчалъ, не желая ни лишать его этой соломенки, ни манить его ею напрасно.

— Я, право, не знаю, Леонтій, что́ сказать: я такъ мало слѣдилъ за твоей женою, давно не видалъ..... не знаю хорошо ея характера.....

— Да, ты не хотѣлъ немного заняться ею... Я знаю, ты далъ бы ей хорошій урокъ... Можетъ быть, этого бы и не было...

Онъ вздохнулъ глубоко.

— Нѣтъ, ты знаешь ее,—прибавилъ онъ: ты мнѣ намекалъ на француза, да я не понялъ тогда... мнѣ въ голову не приходило... Онъ замолчалъ.—А если онъ броситъ ее? почти съ радостью вдругъ сказалъ онъ немного погодя, и въ глазахъ у него на минуту мелькнулъ какой-то лучъ. — Можетъ быть, она вспомнитъ... можетъ быть.....

Digitized by Google

— Можетъ быть.... нерѣшительно сказалъ Райскій.

— Постой..... что это... Кто-то будто ѣдетъ сюда.... заговорилъ Леонтій, привставая и глядя въ окно. Потомъ опустился и повѣсилъ голову. Мимо оконъ проѣхала телѣга, гдѣ мужикъ, въ чувашской рубашкѣ, съ красными обшивками, стоя махалъ возжей.

— Я все жду.... все думаю, не опомнится ли? мечталъ онъ: и ночью пробовалъ вставать, да этотъ разбойникъ Маркъ, точно желѣзной ручищей, повалитъ меня и велитъ лежать. «Не воротится, говоритъ, лежи смирно!» Боюсь я этого Марка.—Онъ вопросительно поглядывалъ на Райскаго.

— А ты, какъ думаешь, шепталъ онъ: ты лучше знаешь женщинъ—что онъ смыслитъ! Есть надежда.... или.....

— Если и есть, то во всякомъ случаѣ не теперь, сказалъ Райскій: развѣ послѣ когда-нибудь....

Козловъ глубоко вздохнулъ, медленно улегся на постели и положилъ руки съ локтями себѣ на голову.

— Завтра я перевезу тебя къ намъ,—сказалъ ему Райскій,—а теперь прощай. Ужо къ ночи, я, или приду самъ, или пришлю кого-нибудь побыть съ тобой.

Леонтій не смотрѣлъ и не слыхалъ, что Райскій говорилъ и какъ онъ вышелъ.

Райскій воротился домой, отдалъ отчетъ бабушкѣ о Леонтьѣ, сказавши, что опасности нѣтъ, но что никакое утѣшеніе теперь не поможетъ. Оба они рѣшили послать на ночь Якова смотрѣть за Козловымъ, при чемъ бабушка отправила цѣлый ужинъ, чаю, рому, вина — и Богъ знаетъ, чего еще.

— Зачѣмъ это? онъ ничего не ѣстъ, бабушка, сказалъ Райскій.

— А какъ тотъ.... опять придетъ?

— Кто тотъ?

— Ну, кто—Маркушка: я чаю, ѣсть захочетъ. Вѣдь ты говоришь, что засталъ его тамъ....

— Ахъ, бабушка! я сейчасъ поѣду и скажу Марку...

— Сохрани тебя Господи! удержала она его: на смѣхъ подниметъ....

— Нѣтъ—поклонится. Это не Нилъ Андреичъ, онъ понимаетъ васъ.....

— Не надо мнѣ его поклоновъ, а чтобъ былъ сытъ—и Богъ съ нимъ! Онъ пропащій! А что... о восьмидесяти рубляхъ не поминаетъ?

Райскій махнулъ рукой, ушелъ къ себѣ въ комнату и сталъ дочитывать письмо Аянова и другія, полученныя имъ письма изъ Петербурга, вмѣстѣ съ журналами и газетами.

Digitized by Google

VII.

«Что сдѣлалось съ тобой, любезный Борисъ Павловичъ? писалъ Аяновъ: въ какую всероссійскую щель заползъ ты отъ нашего вѣчно-мокраго, но вѣчно-юнаго Петербурга, что отъ тебя два мѣсяца нѣтъ ни строки? Ужъ не женился ли ты тамъ на какой-нибудь стерляди? Забрасывалъ сначала своими повѣстями, т. е. письмами, а тутъ вдругъ и пропалъ, такъ-что я не знаю, не переѣхалъ ли ты изъ своей трущобы — Малиновки, въ какую-нибудь трущобу — Смородиновку, и получишь ли мое письмо?

«Новостей много, слушай только... Поздравь меня: геморрой наконецъ у меня открылся!! Мы съ докторомъ такъ обрадовались, что бросились другъ другу въ объятія и чуть не зарыдали оба. Понимаешь ли ты важность этого исхода: на воды не надо ѣхать! Поясницѣ легче, а къ животу я прикладываю холодные компрессы: у меня, вѣдь ты знаешь — pletora abdominalis.....»

— Вотъ какими новостями занимаетъ! подумалъ Райскій и читалъ дальше.

«Олинька моя хорошѣетъ, преуспѣваетъ въ благочестіи, благонравіи и наукахъ, институтскому начальству покорна, къ отцу почтительна, и всякій четвергъ спрашиваетъ, скоро ли пріѣдетъ другой баловникъ, Райскій, поправлять ея рисунки и совать ей въ другую руку другую, сверхъ-штатную коробку конфектъ.....»

— Вотъ животное: только о себѣ! шепталъ опять Райскій, читая черезъ нѣсколько строкъ ниже.

...«Коко женился наконецъ на своей Eudoxie, за которой чуть не семь лѣтъ, какъ за Рахилью, ухаживалъ, — и уѣхалъ въ свою тьму-тараканскую деревню. Горбуна сбыли за границу, вмѣстѣ съ его вѣдьмой, и теперь въ домѣ стало поживѣе. Стали отворять окна и впускать свѣжій воздухъ и людей,—только кормятъ все еще скверно»...

— Что мнѣ до нихъ за дѣло! съ нетерпѣніемъ ворчалъ Райскій, пробѣгая дальше письмо: о кузинѣ ни слова, а мнѣ и о ней-то не хочется слышать!

«...на его мѣсто,—шепотомъ читалъ онъ дальше,—прочатъ въ министры князя И. В., а товарищемъ И. Б—а... Женщины подняли гвалтъ... П. П. проигралъ семдесятъ тысячъ... Х—іе уѣхали за границу... Тебѣ скучно: вижу, что ты морщишься — спрашиваешь—что Софья Николаевна (началъ живѣе читать Райскій): сейчасъ, сейчасъ, я берегъ вѣсти о ней pour la bonne bouche...»

— На силу добрался, — сказалъ Райскій — ну, что она?

Digitized by Google

«Я старался и безъ тебя, какъ при тебѣ, и служилъ твоему дѣлу вѣрой и правдой, т. е. два раза игралъ съ милыми «барышнями» въ карты, такъ что братецъ ихъ, Николай Васильевичъ, прозвалъ меня женихомъ Анны Васильевны, и такъ разгулялся однажды на счетъ будущей нашей свадьбы, что былъ вытолканъ обѣими сестрицами въ спину и не получилъ ни гроша субсидіи, за которой было явился. Но за то занялъ триста рублей у меня, а я поставилъ эти деньги на твой счетъ, такъ какъ надежды отыграть ихъ у моей нареченной невѣсты уже болѣе нѣтъ. Внемли, блѣднѣй и трепещи!

«Играя съ тетками, я служилъ, говорю, твоему дѣлу, т. е. пробужденію страсти въ твоей мраморной кузинѣ, съ тою только разницею, что безъ тебя это дѣло пошло было въ прокъ. Итальянецъ, графъ Милари, должно быть служитъ по этой же части, т. е. развиваетъ страсти въ женщинахъ, и едва ли не успѣшнѣе тебя. Онъ повадился ѣздить въ тѣ же дни и часы, когда мы играли въ карты, а Николай Васильевичъ не нарадовался, глядя на свое семейное счастье».

«Папашу оставляли въ покоѣ, занимались музыкой, играли, пѣли — даже не брали гулять, потому что (я говорю тебѣ это по секрету, и весь Петербургъ не иначе, какъ на ухо, повторяетъ этотъ секретъ) когда карета твоей кузины являлась на островахъ, являлся тогда и Милари верхомъ, или въ коляскѣ, и ѣхалъ подлѣ кареты. Софья Николаевна еще больше похорошѣла, потомъ стала задумываться, немного вышла изъ своего «олимпійскаго» спокойствія и похудѣла... Она (бери спиртъ и нюхай!) сдѣлала... un faux pas! Я добивался, какой именно, и получалъ такіе отвѣты, даже отъ ея кузины Катринь, изъ которыхъ ничего не сообразишь: все двойки да шестерки, ни одного короля, ни дамы, ни туза, ни даже десятки нѣтъ... все фосски!»

«Я началъ уже самъ сочинять ихъ романъ: думалъ, не застали ли ихъ гдѣ-нибудь уединенно-гуляющихъ, или перехватили письмо, въ коемъ сказано: «люблю-молъ тебя» — или раздался преступный поцѣлуй среди дуэтовъ Россини и Беллини. Нѣтъ, играли, пѣли, мѣшая намъ играть въ карты (мимоходомъ замѣчу, что и безъ нихъ игра вязалась плохо. Вообще, я терпѣть не могу лѣта, потому что лѣтомъ карты сквозятъ), такъ что Надежда Васильевна затыкала даже уши ватой... А въ городѣ и пошло, и пошло! Мезенскіе, Хатьковы, и Мышинскіе, и всѣ, — больше всѣхъ кузина Катринь, тихо, съ сдержанной радостью, шептали: «Sophie a poussé la chose trop loin, sans se rendre compte des suites...» и т. д. Какая это «chose», спрашивалъ я, и на ухо, и въ слухъ, того, другого — и не получая опредѣлитель-

Digitized by Google

наго отвѣта, самъ сталъ шептать, когда зайдетъ рѣчь о ней. «Oui, говорилъ я — elle a poussé la chose trop loin sans se rendre compte... Elle a fait un faux pas...»

«И пожму значительно плечами, когда спросятъ, какой «pas»?

«Такимъ образомъ всплыло на горизонтъ легкое облачко и стало надъ головой твоей кузины. А я все служилъ да служилъ дѣлу, не забывая дружеской обязанности, и все ѣздилъ играть къ теткамъ. Даже сблизился съ Милари и сталъ условливаться съ нимъ, какъ, бывало, съ тобой, приходить въ одни часы, чтобъ обоимъ было удобнѣе...»

— Какой оселъ! — сказалъ съ досадой Райскій, бросивъ письмо: — онъ думалъ, что угождаетъ мнѣ!..

«А ты, за службу и дружбу мою, читалъ дальше Райскій, — пришли, или привези мнѣ къ зимѣ, съ Волги, отличной свѣжей икры боченокъ-другой, да стерлядей въ аршинъ: я подѣлюсь съ его сіятельствомъ, моимъ партнеромъ, министромъ и милостивцемъ...»

Райскій читалъ ниже:

«Такъ мы и переѣхали цѣлой семьей на дачу, на Каменный Островъ, т. е. онѣ заняли весь домъ В., а я двѣ комнаты неподалеку. Николай Васильевичъ поселился въ особомъ павильонѣ...»

«Дѣла шли своимъ чередомъ, какъ вдругъ однажды, передъ началомъ нашей вечерней партіи, когда Надежда Васильевна и Анна Васильевна наряжались къ выходу, а Софья Николаевна поѣхала гулять, взявши съ собой Николая Васильевича, чтобъ завести его тамъ гдѣ-то на дачу, — доложили о пріѣздѣ княгини Олимпіады Измайловны. Обѣ тетки поворчали на это неожиданное разстройство партіи, но однако отпустили меня погулять, наказавши черезъ часъ вернуться, а княгиню приняли. Несчастные мы всѣ трое: ни тетушки твои, ни я — не предчувствовали, что намъ не играть больше! Княгиня встрѣтилась со мной на лѣстницѣ и несла такое торжественное, важное лицо вверхъ, что я даже не осмѣлился освѣдомиться о ея нервахъ. Черезъ часъ я прихожу, меня не принимаютъ. Захожу на другой день — не принимаютъ. Черезъ два, три дня — тоже самое. Обѣ тетки больны, «барыня», т. е. Софья Николаевна нездорова, не выѣзжаетъ и никого не принимаетъ: такіе отвѣты получалъ я отъ слугъ. Я толкнулся во флигель къ Николаю Васильевичу — дома нѣтъ, а между тѣмъ его нигдѣ не видно: ни на pointe, ни у Излера, куда онъ хаживалъ *инкогнито*, какъ онъ говоритъ. Я — въ городъ, въ клубъ — къ Петру Ивановичу. Тотъ ужъ издали, изъ-за газеты, лукаво выглянулъ на меня и улыб-

Digitized by Google

нулся: «знаю, знаю, зачѣмъ, говоритъ: что, дверь захлопнулась, оброкъ прекратился?..» Отъ него я добился только—сначала, что кузина твоя — a poussé la chose trop loin... qu'elle a fait un faux pas... а потомъ — что послѣ визита княгини Олимпіады Измайловны, этой гонительницы женскихъ пороковъ и поборницы добродѣтелей, тетки разомъ слегли, въ окнахъ опустили сторы, Софья Николаевна сидитъ у себя запершись, и всѣ обѣдаютъ по своимъ комнатамъ, и даже не обѣдаютъ, а только блюда приносятся и уносятся нетронутыя, — что трогаетъ ихъ одинъ Николай Васильевичъ, но ему запрещено выходить изъ дома, чтобъ какъ-нибудь не проболтался, что графъ Милари и носа не показываетъ въ домъ, а ѣздитъ старый докторъ Пертовъ, бросившій давно практику и въ молодости лечившій обѣихъ барышень (и бывшій ихъ любовникомъ, по словамъ старой, забытой хроники—прибавлю въ скобкахъ). Наконецъ, Петръ Ивановичъ сказалъ, что весь домъ, кромѣ Николая Васильевича, втайнѣ готовится уѣхать на такія воды, какихъ старики не запомнятъ, и располагаютъ пробыть года три за границей.

«Я однако добился свиданія съ Николаемъ Васильевичемъ: написалъ ему записку и получилъ приглашеніе отобѣдать съ нимъ «вечеромъ» наединѣ. Онъ прежде всего попросилъ быть скромнымъ на счетъ обѣда. Въ домѣ постъ теперь: «on est en pénitence — бульонъ и цыпленка готовятъ на всѣхъ — et ma pauvre Sophie n'ose pas descendre me tenir compagnie»— жалуется онъ горько и жуетъ въ недоумѣніи губами—«et nous sommes enfermés tous les deux... Я велѣлъ для васъ сдѣлать обѣдъ, только не говорите!» прибавилъ онъ боязливо, уплетая перепелокъ, и чуть не плакалъ о своей бѣдной Софьѣ. Наконецъ, я добился, что къ прежнему облачку, къ этому искомому мною *x*—т. е. que Sophie a poussé la chose trop loin, прибавился наконецъ и фактъ—она, о ужасъ! a fait un faux pas, именно—отвѣчала на записку Милари! Пахотинъ показалъ мнѣ эту записку, съ яростью ударяя кулакомъ по столу. «Mais dites donc, dites, qu'est ce qu'il y a là? à propos de quoi—всѣ эти охи, и ахи, и флаконы со спиртомъ, и этотъ отъѣздъ? et tout ce remue-ménage? Voilà ce que c'est que d'être vieilles filles!» Онъ топалъ, бѣгалъ по кабинету и прохлаждалъ себя, макая бисквиты въ шампанское и глотая какія-то дижестивныя пилюли вслѣдъ затѣмъ. «И что всего грустнѣе, говорилъ онъ, что бѣдняжка Sophie убивается сама: «Oui, la faute est à moi, твердитъ она, je me suis compromise: une femme qui se respecte ne doit pas pousser la chose trop loin... se permettre.»—«Mais qu'as tu donc fait, mon enfant?» спрашиваю я—«j'ai fais un faux pas...

Digitized by Google

твердитъ она: — огорчила тетокъ, васъ, папа!..» «Mais pas le moins du monde, говорю я — и все напрасно. Et elle pleure, elle pleure... cette pauvre enfant: Ce billet... Посмотрите эту записку!» А въ запискѣ изображено слѣдующее: Venez, comte, je vous attends entre huit et neuf heures, personne n'y sera et surtout n'oubliez pas votre portefeuille artistique. Je suis etc: S. B. Николай Васильевичъ пораженъ прежде всего въ родительской нѣжности. «Le nuage a grossi grâce à ce billet, потому что... кажется... (на ухо шепнулъ мнѣ Пахотинъ) entre nous soit dit, Sophie... n'était pas tout-à-fait insensible aux hommages du comte, mais c'est un gentilhomme et elle est trop bien eleveé pour pousser les choses... jusqu'à un faux pas...»

«И только, Борисъ Павловичъ! Какъ мнѣ ни грустно это, т. е. что «только» и что я не могу тебѣ сообщить чего-нибудь повеселѣе, какъ напримѣръ, въ родѣ того, что кузина твоя, одѣвшись въ темную мантилью, ушла изъ дома, что на углу ждала ее и умчала куда-то наемная карета, что потомъ видѣли ее съ Милари возвращающуюся блѣдной, а его торжествующимъ, и разстающихся гдѣ-то на перекресткѣ и т. д.»

«Но здѣсь хватаются и за соломенку: всячески раздуваютъ искру — и изъ записки дѣлаютъ слона, вставляютъ туда другія фразы, даже нѣжное *ты*, но это не клеится, и все вертится на одной и той же редакціи; т. е. «que Sophie a poussé la chose trop loin, qu'elle a fait un faux pas»..... Я усердно помогаю дѣлу со своей стороны, лукаво молчу и не обличаю, не говорю, что̀ тамъ написано. За мной ходятъ, видя, что я знаю. К. Р. и жена два раза звали обѣдать, а М. подпаиваетъ меня въ клубѣ, не проговорюсь ли. Мнѣ это весело и я молчу.»

«Черезъ двѣ недѣли онѣ ѣдутъ. И вотъ тебѣ развязка романа твоей кузины! Да, я забылъ главное — слона: Николай Васильевичъ былъ поставленъ сестрицами своими «dans une position très-délicate»: объясниться съ графомъ Милари и выпросить назадъ у него эту роковую записку. Онъ говоритъ, что у него и подагра, и нервы, и тикъ, и ревматизмъ, все поднялось разомъ, когда онъ объяснялся съ графомъ. Тотъ тонко и лукаво улыбался, выслушавъ просьбу отца, и сказалъ, что на другой день удовлетворитъ ее, и сдержалъ слово, прислалъ записку самой Бѣловодовой, съ учтивымъ и почтительнымъ письмомъ. «Mais comme il riait sous cape, ce comte (il est très-fin), quand je lui débitais toutes les sottes réflexions de mes chères soeurs.... vieilles chiennes!».... отвернувшись добавилъ онъ и разбилъ со злости фарфоровую куклу на каминѣ.»

Digitized by Google

«Вотъ тебѣ и драма, любезный Борисъ Павловичъ: годится ли въ твой романъ? Пишешь ли ты его? Если пишешь, то сократи эту драму въ двухъ слѣдующихъ словахъ. Вотъ тебѣ ключъ или «le mot de l'énigme», какъ говорятъ здѣсь русскіе люди, притворяющіеся неумѣющими говорить по-русски и воображающіе, что говорятъ по-французски. Кузина твоя увлеклась по своему, не покидая гостиной, а графъ Милари добивался свести это на большую дорогу—и—говорятъ (это папа разболталъ), что между ними бывали живые споры, что онъ бралъ ее за руку, а она не отнимала, у ней даже глаза туманились слезой, когда онъ, недовольный прогулками верхомъ у кареты и пріемомъ при теткахъ, настаивалъ на бо̀льшей свободѣ,—звалъ въ паркъ вдвоемъ, являлся въ другіе часы, когда тетки спали, или бывали въ церкви, и не успѣвая, не показывалъ глазъ по недѣлѣ. А кузина волновалась, «prenant les choses au sérieux» (я не перевожу тебѣ здѣшняго языка, а передаю въ оригиналѣ, такъ какъ оригиналъ всегда ярче перевода). Между тѣмъ графъ серьезныхъ намѣреній не обнаруживалъ и наконецъ.... наконецъ.... вотъ гдѣ ужасъ: узнали, что онъ изъ «новыхъ» и своимъ прежнимъ правительствомъ былъ—«mal vu», и «эмигровалъ» изъ отечества въ Парижъ, гдѣ и проживалъ, а главное, что у него тамъ, подъ голубыми небесами, во Флоренціи, или въ Миланѣ, есть какая-то нареченная невѣста, тоже кузина.... что вся его фортуна («fortune» — въ оригиналѣ) перейдетъ въ его родъ изъ того рода, также какъ и виды на карьеру. Это провѣдала княгиня черезъ князя Б. П.... И твоя Софья страдаетъ теперь вдвойнѣ: и отъ того, что оскорблена внутренно—гордости ея красоты и гордости рода нанесенъ ударъ—и отъ того, что сдѣлала.... un faux pas, и можетъ быть, также немного и отъ того чувства, которое ты старался пробудить—и успѣлъ, а я, по дружбѣ къ тебѣ, поддержалъ въ ней.... Что̀ будетъ съ ней теперь—не знаю: драма ли, романъ ли—это уже докончи ты на досугѣ, а мнѣ пора на вечеръ къ В. И. Тамъ ожидаетъ меня здоровая и серьезная партія съ серьезными игроками.»

«Прощай—это первое и послѣднее мое письмо, или, пожалуй, глава изъ будущаго твоего романа. Ну, поздравляю тебя, если онъ будетъ весь такой! Бабушкѣ и сестрамъ своимъ кланяйся, нужды нѣтъ, что я не знаю ихъ, а онѣ меня, и скажи имъ, что въ такомъ-то городѣ живетъ твой пріятель, готовый служить, какъ выше показано.» — *И. Аяновъ.*

Digitized by Google

VIII.

Райскій сунулъ письмо въ ящикъ, а самъ, взявъ фуражку, пошелъ въ садъ, внутренно сознаваясь, что онъ идетъ взглянуть на мѣста, гдѣ еще вчера ходила, сидѣла, скользила, можетъ быть, какъ змѣя, съ обрыва внизъ, сверкая красотой, какъ ночь—Вѣра, все она, его мучительница и идолъ, которому онъ еще лихорадочно дочитывалъ про себя—и молитвы, какъ идеалу, и шепталъ проклятія, какъ живой красавицѣ, кидая мысленно въ нее каменья.

Онъ обошелъ весь садъ, взглянулъ на ея закрытыя окна, подошелъ къ обрыву и погрузилъ взглядъ въ лежащую у ногъ его пропасть тихо шумящихъ кустовъ и деревьевъ. Аллеи представлялись темными корридорами, но открытыя мѣста, поблекшій цвѣтникъ, огородъ, все пространство сада, лежащее передъ домомъ, освѣщалось косвенными лучами выплывшей на горизонтъ луны. Звѣзды сильно мерцали. Вечеръ былъ ясенъ и свѣжъ. Райскій посмотрѣлъ съ обрыва на Волгу; она сверкала вдали, какъ сталь. Около него, тихо шелестя, летѣли съ деревьевъ увядшіе листья. «Тамъ она теперь», думалъ онъ, глядя за Волгу:—и ни одного слова не оставила мнѣ! Задушевное, сказанное ею груднымъ шепотомъ «прощай» примирило бы меня со всей этой злостью, которую она такъ щедро излила на мою голову! И уѣхала: ни слѣда, ни воспоминанія!» горевалъ онъ, склонивъ голову, идучи по темной аллеѣ.

Вдругъ въ плечо ему слегка впились чьи-то тонкіе пальцы, какъ когти хищной птицы, и въ ухѣ раздался сдержанный смѣхъ.

— Вѣра! въ радостномъ ужасѣ сказалъ онъ, задрожавъ и хватая ее за руку. У него даже волосы поднялись на головѣ.—Ты здѣсь, не за Волгой!...

— Здѣсь, не за Волгой! повторила она, продолжая смѣяться, и пропустила свою руку ему подъ руку.—Вы думали, что я отпущу васъ, не простясь? Да, думали? Признавайтесь!....

— Ты колдунья, Вѣра. Да, сію минуту я упрекалъ тебя, что ты не оставила даже слова! говорилъ онъ растерянный, и отъ страха, и отъ неожиданной радости, которая вдругъ охватила его.

— Да какъ же это ты?... Въ домѣ всѣ говорили, что ты уѣхала вчера....

Она иронически засмѣялась, стараясь поглядѣть ему въ лицо.

— А вы и повѣрили! Я готовила вамъ сюрпризъ: велѣла сказать, что уѣхала.... Признавайтесь, вы не повѣрили, притворились?...

Digitized by Google

— Ейбогу, нѣтъ.

— Побожитесь еще! говорила она, торжествуя и наслаждаясь его волненіемъ, и опять засмѣялась раздражительнымъ смѣхомъ. — Не оставила двухъ словъ, а осталась сама: что̀ лучше? Говорите же! прибавила она, шаля и заигрывая съ нимъ.

Онъ былъ въ недоумѣніи. Эта живость рѣчи, быстрыя движенія, насмѣшливое кокетство — все казалось ему неестественно въ ней. Сквозь живой тонъ и рѣзвость онъ слышалъ будто усталость, видѣлъ напряженіе скрыть истощеніе силъ. Ему хотѣлось взглянуть ей въ лицо, и когда они подошли къ концу аллеи, онъ вывелъ-было ее на лунный свѣтъ.

— Дай мнѣ взглянуть на тебя: что̀ съ тобой Вѣра? Какая ты рѣзвая, веселая!... замѣтилъ онъ робко.

— Что̀ смотрѣть — нечего! съ нетерпѣніемъ перебила она, стараясь выдернуть свою руку и увлекая его въ темноту. Она встряхивала головой, небрежно поправляя сползавшую съ плечъ мантилью.

— Веселая — отъ того, что вы здѣсь, подлѣ меня....

Она прижалась плечомъ къ его плечу.

— Что̀ съ тобой, Вѣра? въ тебѣ какая-то перемѣна! прошепталъ Райскій подозрительно, не раздѣляя ея бурной веселости.

— Пойдемте, пойдемте, что за смотръ такой — не люблю!.... живо говорила она, едва стоя на мѣстѣ. Онъ чувствовалъ, что руки у ней дрожатъ и что вся она трепещетъ и бьется въ какой-то непонятной для него тревогѣ.

— Да говорите же что̀-нибудь, разсказывайте, гдѣ были, что̀ видѣли, помнили-ли обо мнѣ? А что страсть? все мучаетъ — да? Что это у васъ, точно языкъ отнялся? куда дѣвались эти «волны поэзіи», этотъ «рай и геенна?» давайте мнѣ рая! Я счастья хочу, «жизни»!..

Она говорила бойко, развязно, трогая его за плечо, не стояла на мѣстѣ отъ нетерпѣнія, ускоряла шагъ.

— Да что это вы идете, какъ черепаха! Пойдемте къ обрыву, спустимся къ Волгѣ, возьмемъ лодку, покатаемся!... продолжала она, таща его съ собой, то смѣясь, то вдругъ задумываясь.

— Вѣра, мнѣ страшно съ тобой: ты... не здорова! печально сказалъ онъ.

— А что̀? спросила она вдругъ, останавливаясь.

— Откуда вдругъ у тебя эта развязность, болтливость? ты, такая сдержанная, сосредоточенная!

— Я очень обрадовалась вамъ, братъ: все смотрѣла въ окно, прислушивалась къ стуку экипажей... сказала она, и наклонивъ

Digitized by Google

голову, въ раздумьѣ, тише пошла подлѣ него, все держа свою руку на его плечѣ и по временамъ сжимая сильно, какъ птица когти, свои тонкія пальцы.

Ему отъ чего-то было тяжело. Онъ уже не слушалъ ея раздражительныхъ и кокетливыхъ вызововъ, которымъ въ другое время готовъ былъ вѣрить. Въ немъ въ эту минуту умолкла собственная страсть: онъ болѣлъ духомъ за нее, вслушиваясь въ ея лихорадочный лепетъ, стараясь вглядѣться въ нервную живость движеній и угадать: что̀ значило это волненіе.

— Что вы такъ странно смотрите на меня: я не сумасшедшая! говорила она, отворачиваясь отъ него. На него напалъ ужасъ. «Сумасшедшіе почти всегда такъ говорятъ! подумалъ онъ: спѣшатъ увѣрить всѣхъ, что они не сумасшедшіе!» Онъ самъ испытывалъ нетрезвость страсти — и мучился за себя, но онъ давно зналъ, и страсти, и себя, и то не всегда могъ предвидѣть исходъ. Теперь, видя Вѣру, упившеюся этого недуга, онъ вздрагивалъ за нее. Она какъ будто теряетъ силу, слабѣетъ. Спокойствія въ ней нѣтъ больше: она собираетъ послѣднія силенки, чтобъ замаскироваться, уйти въ себя—это явно: но и въ себѣ ей уже тѣсно—чаша переполняется, и волненіе выступаетъ наружу. «Боже мой, что̀ съ ней будетъ! въ страхѣ думалъ онъ: а у ней нѣтъ довѣрія ко мнѣ. Она не высказывается, хочетъ бороться одна! кто охранитъ ее?...» «Бабушка!» шепнулъ ему какой-то голосъ.

— Вѣра! ты нездорова: ты бы поговорила съ бабушкой... серьезно сказалъ онъ.

— Тише, молчите, помните ваше слово! сильнымъ шепотомъ сказала она.—Прощайте теперь! Завтра пойдемъ съ вами гулять, потомъ въ городъ, за покупками, потомъ туда, на Волгу... всюду! Я жить безъ васъ не могу!.. прибавила она почти грубо, и сильно сжавъ ему плечо пальцами.

— Что̀ съ ней! думалъ онъ. Но послѣднія ея слова, этотъ грубо-кокетливый вызовъ, обращенный прямо къ нему и на него, заставили его подумать и о своей защитѣ, напомнили ему о его собственной борьбѣ и о намѣреніи бѣжать.

— Я уѣду, Вѣра, сказалъ онъ вслухъ: я измученъ, у меня нѣтъ силъ больше, я умру... Прощай! зачѣмъ ты обманула меня? зачѣмъ вызвала? зачѣмъ ты здѣсь? чтобъ наслаждаться моими муками?.. Уѣду, пусти меня!

— Уѣзжайте, сказала она, отойдя отъ него на шагъ.—Егорка еще не успѣлъ унести чемоданъ на чердакъ!..

Онъ быстро пошелъ, ожесточенный этой умышленной пыткой, этимъ издѣваніемъ надъ нимъ и надъ страстью. Потомъ

Digitized by Google

оглянулся. Шагахъ въ десяти отъ него, выступивъ немного на лунный свѣтъ, она, какъ бѣлая статуя въ зелени, стоитъ неподвижно и слѣдитъ за нимъ съ любопытствомъ, уйдетъ онъ, или нѣтъ.

«Что это? что съ ней? съ ужасомъ спрашивалъ онъ: зачѣмъ я ей? Воткнула ножъ, смотритъ, какъ течетъ кровь, какъ бьется жертва! что она за женщина?»

Ему припомнились всѣ жестокія, историческія, женскія личности, жрицы кровавыхъ культовъ, женщины революціи, купавшіяся въ крови, и все жестокое, что совершено женскими руками, съ Юдифи до леди Макбетъ включительно. Онъ пошелъ, и опять обернулся. Она смотритъ неподвижно. Онъ остановился. «Какая красота, какая гармонія во всей этой фигурѣ! Она — страшна, гибельна мнѣ!» думалъ онъ, стоя, какъ вкопаный, и не могъ оторвать глазъ отъ стройной, неподвижной фигуры Вѣры, облитой луннымъ свѣтомъ. Онъ чувствовалъ эту красоту нервами: ему было больно отъ нея. Онъ не-хотя впился въ нее глазами. Она пошевелилась и сдѣлала ему призывный знакъ головой. Проклиная свою слабость, онъ медленно, шагъ за шагомъ, пошелъ къ ней. Она уползла въ темную аллею, лишь только онъ подошелъ, и онъ послѣдовалъ за ней.

— Что тебѣ нужно, Вѣра, зачѣмъ ты не даешь мнѣ покоя? Черезъ часъ я уѣду!.. рѣзко и сухо говорилъ онъ, и самъ нехотя шелъ къ ней.

— Не смѣйте, я не хочу! сильно схвативъ его за руку, говорила она: вы — «рабъ мой», должны мнѣ служить... Вы тоже недавали мнѣ покоя!

Дрожь страсти вдругъ охватила его: онъ чувствовалъ, что колѣни его готовы склониться и голосъ пѣлъ внутри его: «да, рабъ, повелѣвай!..» И онъ хотѣлъ упасть и зарыдать отъ страсти у ея ногъ.

— Вы мнѣ нужны, шептала она: вы, просили мукъ, казни — я дамъ вамъ ихъ! «Это жизнь!» говорили вы:—вотъ она — мучайтесь, и я буду мучаться, будемъ вмѣстѣ мучаться... «Страсть прекрасна: она кладетъ на всю жизнь долгій слѣдъ, и этотъ слѣдъ люди называютъ счастьемъ!..» Кто это проповѣдывалъ? А теперь бѣжать: нѣтъ! оставайтесь, вмѣстѣ кинемся въ ту бездну! «Это жизнь, и только это!» говорили вы — вотъ и давайте жить! Вы меня учили любить, вы преподавали страсть, вы развивали ее...

— Ты гибнешь Вѣра! въ ужасѣ сказалъ онъ, отступая.

— Можетъ быть, говорила она, какъ будто отряхивая хмѣль отъ головы.—Такъ что же? что вамъ? не все ли равно? вы этого

Digitized by Google

хотѣли! «Природа влагаетъ только страсть въ живые организмы», твердили вы: «страсть прекрасна!..» Ну вотъ она—любуйтесь!..

Она забирала сильными глотками свѣжій, вечерній воздухъ.

— Но я же и остерегалъ тебя: я называлъ страсть «волкомъ...» защищался онъ, съ ужасомъ слушая это явное, беззащитное признаніе.

— Нѣтъ, она зрѣе, она—тигръ. Я не вѣрила, теперь вѣрю. Знаете ту картину, въ кабинетѣ стараго дома: тигръ скалитъ зубы на сидящаго на немъ амура. Я не понимала, что это значитъ, безсмыслица — думала, а теперь понимаю. Да — страсть, какъ тигръ, сначала дастъ сѣсть на себя, а потомъ рычитъ и скалитъ зубы...

У Райскаго въ душѣ шевельнулась надежда добраться до таинственнаго имени: кто! Онъ живо ухватился за ея сравненіе страсти съ тигромъ.

— У насъ на сѣверѣ нѣтъ тигровъ, Вѣра, и сравненіе твое невѣрно — сказалъ онъ. — Мое вѣрнѣе: твой идолъ — волкъ!

— Браво, да, да! смѣясь нервически перебила она: настоящій волкъ! какъ ни корми, все къ лѣсу глядитъ!

Потомъ вдругъ смолкла, какъ будто въ отчаяніи.

— Всѣ вы звѣри — прибавила потомъ со вздохомъ: онъ — волкъ...

— Кто онъ? тихо спросилъ Райскій.

— Тушинъ—медвѣдь, продолжала она, не отвѣчая ему: русскій, честный, смышленый медвѣдь...

«А! такъ это не Тушинъ»! подумалъ Райскій.

— Положи руку на его мохнатую голову, говорила она—и спи: не измѣнитъ, не обманетъ... будетъ вѣкъ служить...

— А я кто? вдругъ немного развеселясь спросилъ Райскій.

Она близко и лукаво поглядѣла ему въ глаза и медлила отвѣтомъ.

— Вижу, хочется сказать «оселъ»: скажи Вѣра, не церемонься.

— Вы? оселъ? заговорила она язвительно, ходя медленно вокругъ него и оглядывая его со всѣхъ сторонъ.

— Право оселъ! наивно подтвердилъ Райскій: вижу, какъ ты мудришь надо мной, терплю и хлопаю ушами.

— Какой вы оселъ! Вы—лиса, мягкая, хитрая: заманить въ западню... тихо, умно, изящно... Вотъ я васъ!..

Онъ молчалъ, не понимая ее.

— Да говорите же, что молчите! дергая его за рукавъ сказала она.

— Есть средство противъ этихъ волковъ...

— Какое?

Digitized by Google

— Мнѣ — уѣхать, а тебѣ — не ходить вонъ туда... Онъ показалъ на обрывъ.

— Дайте мнѣ силу не ходить туда! почти крикнула она...— Вотъ вы то же самое теперь испытываете, что̀ я: да? Ну, попробуйте завтра усидѣть въ комнатѣ, когда я буду гулять въ саду одна... Да нѣтъ, вы усидите! Вы сочинили себѣ страсть, вы только умѣете краснорѣчиво говорить о ней, завлекать, играть съ женщиной! Лиса, лиса! вотъ я васъ за это, постойте: еще не то будетъ! съ принужденнымъ смѣхомъ, и будто шутя, но горячо говорила она, впуская опять ему въ плечо свои тонкіе пальцы. Онъ въ страхѣ слушалъ ее.

— Ты за этимъ дождалась меня? помолчавъ спросилъ онъ: чтобъ сказать мнѣ это?..

— Да, за этимъ! Чтобъ вы не шутили впередъ съ страстью, а научили бы, что̀ мнѣ дѣлать теперь — вы, учитель!... А вы подожгли домъ, да и бѣжать! «Страсть прекрасна, люби, Вѣра, не стыдись!» Чья это проповѣдь: отца Василья?

— Я разумѣлъ раздѣленную страсть, тихо оправдывался онъ.— Страсть прекрасна, когда обѣ стороны прекрасны, честны — тогда страсть не зло, а дѣйствительно величайшее счастье на всю жизнь: тамъ нѣтъ и не нужно лжи и обмановъ. Если одна сторона не отвѣчаетъ на страсть, она не будетъ напрасно увлекать другую, или когда наступитъ охлажденіе, она не поползетъ въ темнотѣ, отравляя измѣной жизнь другому, а смѣло откроется и нанесетъ честно, какъ сама судьба, одинъ явный и неизбѣжный ударъ — разлуку.... Тогда бурь нѣтъ, а только живительный огонь...

— Страсти безъ бурь нѣтъ, или это не страсть! сказала она.— А кромѣ честности и нечестности, другого разлада, другихъ пропастей развѣ не бываетъ? спросила она послѣ нѣкотораго молчанія.—Ну вотъ, я люблю, меня любятъ: никто не обманываетъ. А страсть рветъ меня... Научите же теперь, что̀ мнѣ дѣлать?

— Бабушкѣ сказать... говорилъ онъ, блѣдный отъ страха: позволь мнѣ, Вѣра... отдай мое слово назадъ...

— Боже сохрани! молчите и слушайте меня! А! теперь «бабушкѣ сказать!» Стращать, стыдить меня!.. А кто велѣлъ не слушаться ее, не стыдиться? Кто смѣялся надъ ея моралью?

— Ты скажи мнѣ, что̀ съ тобой, Вѣра: ты, то проговариваешься, то опять уходишь въ тайну: я въ потемкахъ, я не знаю ничего... Тогда, можетъ быть, я найду и средство... Я готовъ умереть за тебя, если нужно...

— Вы не знаете, что̀ со мной, вы въ потемкахъ: подите сюда! говорила она, уводя его изъ аллеи, и выйдя изъ нея, оста-

Digitized by Google

повилась. Луна свѣтила ей прямо въ лицо. — Смотрите, что со мной!

У него упало сердце. Онъ не узналъ прежней Вѣры. Лицо блѣдное, исхудалое, глаза блуждали, сверкая злымъ блескомъ, губы сжаты. Съ головы, изъ-подъ косынки, выпадали въ безпорядкѣ на лобъ и виски двѣ-три пряди волосъ, какъ у цыганки, закрывая ей, при быстрыхъ движеніяхъ, глаза и ротъ. На плечи небрежно накинута была атласная, обложенная бѣлымъ пухомъ мантилья, едва державшаяся слабымъ узломъ шелковаго снурка.

— Что? отряхивая волосы отъ лица, говорила она: узнаете вашу Вѣру? гдѣ эта «красота», которой вы пѣли гимны? — Она съ жалостью улыбнулась, закрыла на минуту лицо рукой и вздрогнула плечами.

— Что я могу сдѣлать, Вѣра? говорилъ онъ тихо, вглядываясь въ ея исхудавшее лицо и больной блескъ глазъ. — Скажи мнѣ: умереть....

— Умереть, умереть: за чѣмъ мнѣ это? Помогите мнѣ жить, дайте той прекрасной страсти, отъ которой «тянутся какіе-то лучи на всю жизнь...» Дайте этой жизни... гдѣ она? Я, кромѣ огрызающагося тигра, не вижу ничего... Говорите, научите, или воротите меня назадъ, когда у меня еще была сила! А вы — «бабушкѣ сказать!» уложить ее въ гробъ и меня съ ней!... Это, что-ли, средство? — Или учите не ходить туда, къ обрыву... Поздно!

— Скажи мнѣ, кого ты любишь, всѣ обстоятельства, имя!...

— Кого? — васъ! сказала она съ злобой, отряхивая опять пряди отъ лица и небрежно натягивая мантилью на плеча.

Онъ боялся сказать слово, боялся пошевелиться, стоялъ, сложивъ руки назадъ, прислонясь къ дереву. Она ходила взадъ и впередъ торопливыми, неровными шагами. Потомъ остановилась и перевела духъ.

— Да, она сумасшедшая! шепталъ онъ въ ужасѣ.

Она сѣла на скамью, утихла и задумалась.

— Что это со мной? будто немного опомнившись, про себя сказала она.

— Ты, Вѣра, сама бредила о свободѣ, ты таилась, и отъ меня, и отъ бабушки, хотѣла независимости. Я только подтверждалъ твои мысли: онѣ и мои. За что же обрушиваешь такой тяжелый камень на мою голову? тихо оправдывался онъ. — Не только я, даже бабушка не смѣла приступиться къ тебѣ....

Она молча глубоко вздохнула, потомъ подошла къ нему и прижавшись головой къ его плечу, слабо заговорила.

— Да.... да, не слушайте меня! У меня, просто, нервы раз-

Digitized by Google

строены. Какая страсть: никакой страсти нѣтъ! Я шутила, какъ вы.... со мной...

— Ты все еще думаешь, что я шутилъ! тихо сказалъ онъ.

Она старалась улыбнуться, взяла его за руку.

— Прижмите руку къ моей головѣ: говорила она кротко: видите, какой жаръ..... Не сердитесь на меня, будьте снисходительны къ бѣдной сестрѣ! Это все пройдетъ.... Докторъ говоритъ, что у женщинъ часто бываютъ припадки.... Мнѣ самой гадко и стыдно, что я такъ слаба....

— Что же съ тобой, бѣдная Вѣра? скажи мнѣ.....

— Ничего.... Вы только проводите меня домой, помогите войдти на лѣстницу — я боюсь чего-то... Я лягу.... простите меня: я встревожила васъ напрасно..... вызвала сюда: вы бы уѣхали и забыли меня. У меня, просто, лихорадка..... Вы не сердитесь?... ласково сказала она.

Онъ поспѣшно подалъ ей руку, тихо вывелъ изъ сада, провелъ черезъ дворъ и довелъ до ея комнаты. Тамъ зажегъ ей свѣчу.

— Позовите Марину, или Машу, чтобъ легли спать тутъ въ моей комнатѣ.... Только бабушкѣ ни слова объ этомъ!... Это просто раздраженіе.... Она перепугается.... придетъ....

Онъ боязливо, задумчиво слушалъ ее.

— Что вы все молчите, такъ странно смотрите на меня! говорила она, безпокойно слѣдя за нимъ глазами.—Я, Богъ знаетъ, что наболтала въ бреду.... это чтобъ подразнить васъ.... отмстить за всѣ ваши насмѣшки.... прибавила она, стараясь улыбнуться.— Смотрите же, бабушкѣ ни слова! Скажите, что я легла, чтобъ завтра пораньше встать и попросите ее.... благословить меня заочно.... Слышите?

— Да, да, слышу, разсѣянно отвѣчалъ онъ, пожалъ ей руку и позвалъ къ ней Машу.

IX.

Райскій на другой день съ любопытствомъ ждалъ пробужденія Вѣры. Онъ забылъ о своей собственной страсти, воображеніе робко молчало и ушло все въ наблюденіе за этой ползущей въ его глазахъ, какъ «удавъ», по его выраженію, чужой страстью, выглянувшей изъ Вѣры, съ своими острыми зубами. Онъ былъ задумчивъ, угрюмъ, избѣгалъ вопросительныхъ взглядовъ бабушки, проклиная слово, данное Вѣрѣ не говорить никому, всего меньше Татьянѣ Марковнѣ, чѣмъ и поставленъ былъ въ фальшивое положеніе.

Digitized by Google

А Татьяна Марковна не разъ ужъ заговаривала съ нимъ о ней.

— Что-то съ Вѣрой не ладно! говорила она, качая головой.

— Что такое? спрашивалъ небрежно Райскій, стараясь казаться равнодушнымъ.

— Не хорошо! хуже, нежели намедни; ходитъ хмурая, молчитъ, иногда, кажется, будто слезы у нея на глазахъ. Я съ докторомъ говорила, тотъ опять о нервахъ поетъ. Дѣвичьи припадки, что ли?.... Бабушка не кончала рѣчи и грустно задумывалась.

Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ Вѣры. Наконецъ она пришла. Дѣвушка принесла за ней теплое пальто, шляпку и ботинки на толстой подошвѣ. Она, поздоровавшись съ бабушкой, попросила кофе, съ аппетитомъ съѣла нѣсколько сухарей и напомнила Райскому просьбу свою побывать съ ней въ городѣ, въ лавкахъ, и потомъ погулять вмѣстѣ въ полѣ и въ рощѣ.

Она какъ будто ничего: изъ вчерашняго только замѣтна была несвойственная ей развязность въ движеніяхъ и излишняя торопливость рѣчи, казавшаяся натянутой. Очевидно было, что она крѣпится и маскируетъ разстроенность духа или нервъ. Она даже вдалась въ подробности о нарядахъ съ Полиной Карповной, которая неожиданно явилась въ кабинетъ бабушки, съ какими-то обѣщанными выкройками новаго фасона платья для приданаго Марѳиньки, а въ самомъ дѣлѣ, чтобъ узнать о возвращеніи Бориса Павловича. Она все хотѣла, во чтобы то ни стало, видѣться съ нимъ наединѣ и все выбирала удобную минуту сѣсть подлѣ него, увѣряя всѣхъ, и его самого, что онъ хочетъ что-то сказать ей безъ свидѣтелей. Она дѣлала томные глаза, ловила его взглядъ и раза два начинала тихо: «Je comprends: dites tout! — du courage!

— Ну тебя къ чорту! думалъ онъ, хмурясь и отодвигаясь отъ нея.

Наконецъ Вѣра надѣла пальто, взяла его подъ руку и сказала: «пойдемте!» Крицкая порывалась было идти съ ними, но Вѣра уклонилась, сказавъ: «Мы идемъ пѣшкомъ и на долго съ братомъ, а у васъ, милая Полина Карповна, длинный шлейфъ, и вообще нарядный туалетъ — на дворѣ сыро»....

И ушли. Райскій молчалъ, наблюдая Вѣру, а она старалась казаться въ обыкновенномъ расположеніи духа, дѣлала бѣглыя замѣчанія о погодѣ, о встрѣчавшихся знакомыхъ, о томъ, что вонъ этотъ домъ, еще мѣсяцъ тому назадъ, былъ сѣрый, запущенный, съ обвалившимися карнизами, а теперь вонъ какъ свѣжо смотритъ, когда его оштукатурили и выкрасили въ желтый цвѣтъ. Упомянула, что къ зимѣ за-ново отдѣлаютъ залу собранія, что

Digitized by Google

гостиный дворъ покроютъ желѣзомъ, остановилась посмотрѣть, какъ ровняютъ улицу для бульвара. Она вообще казалась довольной, что идетъ по городу, замѣтивъ, что эта прогулка была необходима и для того, что ее давно не видитъ никто, и Богъ знаетъ, что думаютъ, точно будто она умерла. Райскій—ни слова не отвѣчалъ на весь этотъ развязный лепетъ, подъ которымъ слышались ему совсѣмъ другія рѣчи.

— Можетъ быть, я дурно дѣлаю, что лишаю васъ общества Полины Карповны? замѣтила она, напрасно стараясь вывести его изъ молчанія.

Онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе плечомъ.

— Я шучу, сказала она, мѣняя тонъ на другой, болѣе искренній.—Я хочу, чтобъ вы провели со мной день, и нѣсколько дней до вашего отъѣзда, продолжала она почти съ грустью.—Не оставляйте меня, дайте побыть съ вами.... у меня такая тоска, еслибъ вы знали.... Вы скоро уѣдете — и никого около меня!...

— Я боюсь, Вѣра, что я совершенно безполезенъ тебѣ, именно потому, что ничего не знаю. Вижу только, что у тебя какая-то драма, что наступаетъ или наступила катастрофа....

Она вздрогнула.

— Что ты? заботливо спросилъ онъ.

— Свѣжо на дворѣ, плечи зябнутъ! сказала она, пожимая плечами. — Какая драма! нездорова, не весела, осень на дворѣ, а осенью человѣкъ, какъ всѣ звѣри, будто уходитъ въ себя. Вонъ и птицы уже улетаютъ — посмотрите, какъ журавли летятъ! говорила она, указывая высоко надъ Волгой на кривую линію черныхъ точекъ въ воздухѣ.—Когда кругомъ все дѣлается мрачно, блѣдно, уныло, — и на душѣ становится уныло.... Не правда ли?

Она сама знала, что его не легко было обойдти такимъ объясненіемъ, и говорила такъ, чтобъ не говорить правды. Онъ молчалъ, стараясь отыскать другой, настоящій ключъ.

— Вѣра, я хотѣлъ тебя спросить... началъ онъ.

— Что такое? съ безпокойствомъ перебила она и не дождавшись отвѣта, прибавила: хорошо, спросите, только не сегодня, а погодя нѣсколько дней.... Однако—что такое?

— О письмахъ, которыя ты писала ко мнѣ...

— Да: что же такое?

— Помнишь, ты писала, что раздѣляешь мой взглядъ на честность...

Она подумала и, казалось, старалась вспомнить.

— Да..... да..... какъ же, какъ же.... писала.... такъ что же?

Онъ глядѣлъ на нее пристально.

Digitized by Google

— Ты ли писала это письмо?

— Кто же? вдругъ сказала она съ живостью: конечно я. Послушайте, прибавила она потомъ: оставимъ это объясненіе, какъ я просила, до другого раза. Я больна, слаба... вы видѣли, какой припадокъ былъ у меня вчера. Я теперь даже не могу всего припомнить, что́ я писала, и какъ-нибудь перепутаю.

— Хорошо, пусть до другого раза! со вздохомъ сказалъ онъ.... Скажи, по крайней мѣрѣ, зачѣмъ я тебѣ? Зачѣмъ ты удерживаешь меня? Зачѣмъ хочешь, чтобъ я остался, чтобъ пробылъ съ тобой эти дни?

Она сильно оперлась рукой на его руку и прижалась къ его плечу, умоляя глазами не спрашивать.

— Вѣдь не любишь же ты меня въ самомъ дѣлѣ. Ты знаешь, что я не вѣрю твоей кокетливой игрѣ, — и настолько уважаешь меня, что не станешь увѣрять серьозно.... Я, когда не въ горячкѣ, вижу, что ты издѣваешься надо мной: зачѣмъ и за что?

Она сильно сжала его руку и молила опять глазами не продолжать.

— По крайней мѣрѣ, о себѣ я вправѣ спросить, зачѣмъ я тебѣ? Ты не можешь не видѣть, какъ я весь истерзанъ, и страстью, и этимъ градомъ ударовъ сердцу, самолюбію.....

— Да, самолюбію... повторила она разсѣянно.

— Положимъ, самолюбію: оставимъ споръ о томъ, что̀ такое самолюбіе и что́ — такъ-называемое — сердце: но ты должна сказать, зачѣмъ я тебѣ? Это мое право — спросить, и твой долгъ — отвѣчать прямо и откровенно, если не хочешь, чтобъ я счелъ тебя фальшивой, злой...

Она шла съ поникшей головой, а онъ ждалъ отвѣта.

— Оставимъ теперь это.....

— И это оставимъ? Нѣтъ, не оставлю? съ вспыхнувшей злостью сказалъ онъ, вырвавъ у ней руку: ты, какъ кошка съ мышью, играешь со мной — я больше не позволю, довольно! Ты можешь откладывать свои секреты до удобнаго времени, даже вовсе о нихъ не говорить: — ты вправѣ, а о себѣ я требую немедленнаго отвѣта. Зачѣмъ я тебѣ? Какую ты роль дала мнѣ и зачѣмъ, за что?

— Вы сами выбрали эту роль, братъ, кротко возразила она, склоняя лицо внизъ. — Вы просили не удалять васъ....

Онъ, въ безсильной досадѣ на ея справедливый упрекъ, отшатнулся отъ нея въ сторону и мѣсилъ широкими шагами грязь по улицѣ, а она шла по деревянному тротуару.

— Не сердитесь, братъ, подите сюда! Я не затѣмъ удержала

Digitized by Google

сь, чтобъ оскорблять — нѣтъ! шептала она, призывая его къ себѣ... Подите сюда, ко мнѣ.

Онъ опять подалъ ей руку.

— Я прошу васъ только не говорить мнѣ объ этомъ теперь, не тревожить меня — чтобъ со мной не случилось опять ерашняго припадка... Вы видите: я едва держусь на ногахъ... осмотрите на меня, возьмите мою руку....

Онъ взялъ руку — она была блѣдна, холодна, синія жилки ней видны явственно. И шея, и талія стали у ней тоньше, що потеряло живые цвѣта и сквозилось грустью и слабостью. ъ опять забылъ о себѣ: ему стало жаль только ее.

— Я не хочу, чтобъ дома замѣтили это... Я очень слаба... берегите меня.... молила она, и даже слезы показались въ глазахъ.—Защитите меня... отъ себя самой... Ужо, въ сумерки, часовъ въ шесть послѣ обѣда, зайдите ко мнѣ — я..... скажу вамъ, чѣмъ я васъ удержала....

— Виноватъ, Вѣра: я тоже самъ не свой, говорилъ онъ, глубоко тронутый ея горемъ, пожимая ей руку: — я вижу, что ы мучаешься — не знаю, чѣмъ.... Но — я ничего не спрошу, олженъ бы щадить твое горе—и не умѣю, потому что самъ учаюсь. Я приду ужо: располагай мною....

Она отвѣчала на его пожатіе сильнымъ пожатіемъ руки.

— Скажу, если въ силахъ буду сказать.... прошептала она. У него замерло сердце отъ тоски и предчувствія.

Они прошли по лавкамъ. Вѣра дѣлала покупки для себя и для Марѳиньки, также развязно и словоохотливо разговаривая съ купцами и съ встрѣчными знакомыми. Съ нѣкоторыми даже останавливалась на улицѣ и входила въ мелочныя, будничныя подробности, зашла къ какой-то своей крестницѣ, дочери бѣдной мѣщанки, которой отдала купленнаго на платье ей и малюткѣ ситцу и одѣяло. Потомъ охотно приняла предложеніе Райскаго навѣстить Козлова.

Когда они входили въ ворота, изъ калитки вдругъ вышелъ Маркъ. Увидя ихъ, онъ едва кивнулъ Райскому, не отвѣчая на его вопросъ: «что Леонтій?» и почти не взглянувъ на Вѣру, бросился по переулку скорыми шагами. Вѣра вдругъ будто приросла на минуту къ землѣ, но тотчасъ же оправилась и также скорыми шагами вбѣжала на крыльцо, опередивъ Райскаго.

— Что съ нимъ? спросилъ Райскій, глядя вслѣдъ Марку:— не отвѣчалъ ни слова, и какъ бросился! Да и ты испугалась: не онъ ли ужъ это тамъ стрѣляетъ?... Я видалъ его тамъ съ ружьемъ.... добавилъ онъ шутя.

Digitized by Google

— Онъ самый! сказала Вѣра развязно, не оборачиваясь и входя въ комнату Козлова.

«Нѣтъ, нѣтъ, думалъ Райскій: оборванный, бродящій цыганъ—ея идолъ, нѣтъ, нѣтъ! Впрочемъ почему «нѣтъ»? Страсть жестока и самовластна: она не покоряется человѣческимъ соображеніямъ и уставамъ, а покоряетъ людей своимъ неизвѣданнымъ капризамъ! Но Вѣрѣ негдѣ было сблизиться съ Марком. Она боится его, какъ всѣ здѣсь!»

Козловъ по вчерашнему ходилъ, пошатываясь, какъ пьяный, изъ угла въ уголъ, угрюмо молчалъ съ неблизкими и обнаруживалъ тоску только при Райскомъ, слабѣлъ и падалъ духомъ, жалуясь тихимъ ропотомъ, и все вслушивался въ каждый проѣзжавшій экипажъ по улицѣ, подходилъ къ дверямъ въ волненіи и возвращался въ отчаяніи.

На приглашеніе Райскаго и Вѣры переѣхать къ нимъ, онъ молчалъ, едва вслушиваясь, или скажетъ: «да, да, только послѣ, погодя недѣли двѣ... три...»

— Послѣ свадьбы Марѳиньки, сказала Вѣра.

— Послѣ свадьбы, послѣ свадьбы! подтвердилъ Леонтій.—Да, благодарю, а теперь я поживу здѣсь.... Покорно благодарю....—Онъ вдругъ взглянулъ на Вѣру, и какъ будто удивился, видя ее.—Вѣра Васильевна! сказалъ онъ, глядя на нее въ смущеніи.—Борисъ Павловичъ, началъ онъ, продолжая глядѣть на нее: ты знаешь, кто еще читалъ твои книги и помогалъ мнѣ разбирать ихъ?....

— Кто? спросилъ Райскій.

Но Козловъ уже былъ въ другомъ углу комнаты и прислушивался. Потомъ вдругъ отворилъ форточку и высунулъ голову.—Чей это голосъ?... женщины! говорилъ онъ съ испугомъ, навостривъ уши и открывъ глаза.

«Ни-токъ, нитокъ! холста!» доносился пронзительный женскій крикъ издали. Козловъ съ досадой захлопнулъ форточку.

— Кто же читалъ книги? повторилъ Райскій.

Но Козловъ не слыхалъ вопроса, сѣлъ на постель и повѣсилъ голову. Вѣра шепнула Райскому, что ей тяжело видѣть Леонтья Ивановича, и они простились съ нимъ.

— Я что-то хотѣлъ сказать тебѣ, Борисъ Павловичъ, задумчиво говорилъ Козловъ, да вотъ забылъ.....

— Ты говорилъ, что книги мои читалъ еще кто-то...

— Да вотъ кто! вдругъ сказалъ Леонтій, указывая на Вѣру.

Райскій взглянулъ на Вѣру, но она задумчиво смотрѣла въ окно и тянула его за рукавъ.

— Пойдемте, пойдемте! говорила она, порываясь на улицу.

Digitized by Google

Они воротились домой. Вѣра передала нѣкоторыя покупки бабушкѣ, другія велѣла отнести къ себѣ въ комнату и позвала шать Райскаго гулять по рощѣ, по полю, и спуститься къ Волгѣ, а песокъ. «Пойдемте туда!» говорила она, указывая какой ни-удь бугоръ, и едва доходили они туда, она тащила его въ дру-ое мѣсто — или взглянуть съ какой-нибудь высоты на круто аворотившуюся излучину Волги, или шла по песку, гдѣ вязли оги, чтобъ подойти поближе къ водѣ. Она всматривалась въ даль, казывала Райскому какое-нибудь плывущее судно, иногда шла еровными, слабыми шагами, останавливалась, переводя духъ, и тряхивая пряди волосъ отъ лица.

— Зачѣмъ ты утомляешь себя, ты слаба, Вѣра? сказалъ онъ.

— Мнѣ все будто пить хочется: я воздуха хочу! говорила она, оборачиваясь лицомъ въ ту сторону, откуда былъ вѣтеръ.

«Да, она перемогаетъ себя, собираетъ послѣднія силы!» го-ворилъ онъ, проводивъ ее наконецъ домой, гдѣ ихъ ждали къ обѣду. «Ужо, ужо»! твердилъ онъ и ждалъ шести часовъ вечера, когда стемнѣетъ. Послѣ обѣда онъ уснулъ въ залѣ отъ усталости и проснулся, когда только-что пробило шесть часовъ и стало меркаться. Онъ пошелъ къ Вѣрѣ, но ея не было дома. Марина сказала, что барышня ко всенощной пошла, но только не знала, въ какую церковь, въ слободѣ, или въ деревенскій приходъ, на гору. Въ слободской церкви Райскій пересмотрѣлъ всѣхъ и вы-училъ наизусть физіономію каждой старухи, отыскивая Вѣру. Но ея не было, и онъ отправился на гору.

Тамъ въ церкви толпилось по угламъ и у дверей нѣсколько стариковъ и старухъ. За колонной, въ сумрачномъ углу, уви-дѣлъ онъ Вѣру, стоящую на колѣняхъ, съ наклоненной голо-вой, съ накинутой на лицо вуалью. Онъ сталъ сзади, за другой колонной.

Пока она молилась, онъ стоялъ, погруженный въ мысль о ея положеніи, въ чувство нѣжнаго состраданія къ ней, особенно ко времени его возвращенія, когда въ ней такъ замѣтно выка-залось обезсиленіе въ тяжелой борьбѣ.

Видя это страданіе только-что разцвѣтающей жизни, глядя, какъ мнетъ и жметъ судьба молодое, виноватое только тѣмъ созда-ніе, что оно пожелало счастья, онъ про себя роптalъ на суровые, никого не щадящіе законы бытія, налагающіе тяжесть креста и на плечи злодѣя, и на эту слабую, едва распустившуюся лилію. «Хоть бы красоты ея пожалѣлъ... пожалѣла... пожалѣло... кто? зачѣмъ? за что?» думалъ онъ и невольно поддавался ми-стическому влеченію вѣрить какимъ-то таинственнымъ, подгото-вляемымъ въ человѣческой судьбѣ минутамъ, сближеніямъ, встрѣ-

Digitized by Google

чамъ, наводящимъ человѣка на роковую идею, на мучительное чувство, на преступное желаніе, нужное зачѣмъ-то, для цѣли невѣдомой до поры-до времени самому человѣку, отъ которой только непреклонно требуется борьба. Въ другія, напротивъ, минуты—казалось ему—являются также, невидимо кѣмъ-то подготовляемые случаи, будто нечаянно отводящіе отъ какого-нибудь рокового событія, шага, или увлеченія, перешагнувъ черезъ которые, человѣкъ перешагнулъ глубокую пропасть, замѣтая ее уже тогда, когда она осталась позади.

Вглядываясь въ ткань своей собственной, и всякой другой жизни, глядя теперь въ только-что початую жизнь Вѣры—онъ яснѣе видѣлъ эту игру искусственныхъ случайностей, какіе-то блуждающіе огни злыхъ обмановъ, ослѣпленій, заранѣе разставленныхъ пропастей, съ промахами, ошибками, и рядомъ тоже будто случайные исходы изъ запутанныхъ узловъ...

«Что дѣлать? рваться изъ всѣхъ силъ въ этой борьбѣ съ разставленными капканами, и все стремиться къ чему-то прочному, безмятежно-покойному, къ чему стремятся вонъ и тѣ простыя души?» Онъ оглянулся на молящихся стариковъ и старухъ. «Или безсмысленно купаться въ мутныхъ волнахъ этой, безцѣльно текущей жизни!

«Гдѣ же ключъ къ уразумѣнію сознательнаго пути?»

Онъ взглянулъ на Вѣру — она не шевелилась въ своей молитвѣ и не сводила глазъ съ креста..

«Бѣдная»! съ грустью думалъ онъ, вышелъ и сѣлъ на паперти, въ ожиданіи Вѣры. Она молча подала ему руку. Они пошли съ горы.

— Вы были въ церкви? спросила она.

— Да, былъ, отвѣчалъ онъ.

Они тихо сошли съ горы по деревнѣ и по большой луговинѣ къ саду, Вѣра склоня голову, онъ — думая объ обѣщанномъ объясненіи и ожидая его. Теперь желаніе выдти изъ омута неизвѣстности—для себя, и положить, однимъ прямымъ объясненіемъ, конецъ собственной пыткѣ, — отступило на второй планъ. Онъ чувствовалъ, что на немъ одномъ лежалъ долгъ стать подлѣ нея, освѣтить ея путь, помочь распутать ей самой какой-то роковой узелъ, или перешагнуть пропасть, и отдать ей, если нужно, всю свою опытность, умъ, сердце, всю силу. Она и сама звала его за этимъ, въ чемъ вполовину утромъ созналась, и если не созналась вполнѣ, то конечно отъ свойственной ей осторожности и—можетъ быть, еще остатокъ гордости мѣшалъ ей признать себя побѣжденной. Онъ радъ броситься ей на помощь, но не знаетъ ничего, и даже не имѣетъ права раздѣлить ни съ кѣмъ своихъ опасеній.

Digitized by Google

Но еслибъ даже она и возвратила ему его слово и онъ повѣрилъ бабушкѣ всѣ свои догадки и подозрѣнія на счетъ Вѣры: повело ли бы это къ желаемому исходу? Едва ли: вся практическая, но устарѣвшая мудрость бабушки разбилась бы объ упрямство Вѣры, которой умъ былъ смѣлѣе, воля живѣе, чѣмъ у Татьяны Марковны, и притомъ Вѣра развита. Ей по плечу современныя понятія, пробивающіяся въ общественное сознаніе: очевидно, она черпнула гдѣ-то другихъ идей, даже знаній, и стала неизмѣримо выше круга, гдѣ жила. Какъ ни старалась она таиться, но по временамъ проговаривалась какимъ-нибудь, нечаянно брошеннымъ словомъ, именемъ авторитета въ той или другой сферѣ знанія. И языкъ измѣняетъ ей на каждомъ шагу; самый образъ проявленія самоволія мысли и чувства, — все, что такъ неожиданно поразило его при первой встрѣчѣ съ ней, весь складъ ума, наконецъ, характеръ,—все давало ей такой перевѣсъ надъ бабушкой, что изъ усилія Татьяны Марковны—выручить Вѣру изъ какой-нибудь бѣды, не вышло бы ровно ничего. Бабушка могла предостеречь Вѣру отъ какой-нибудь практической крупной ошибки, защитить ее отъ болѣзни, отъ грубой обиды, вырвать, съ опасностью собственной жизни, изъ огня: но что она сдѣлаетъ въ такой неосязаемой бѣдѣ, какъ страсть, если она есть у Вѣры? Бабушка, безспорно умная женщина, безошибочный знатокъ и судья крупныхъ и общихъ явленій жизни, бойкая хозяйка, отлично управляетъ своимъ маленькимъ царствомъ, знаетъ людскіе нравы, пороки и добродѣтели, какъ они обозначены на скрижаляхъ Моисея и въ Евангеліи, но едва ли она знаетъ ту жизнь, гдѣ игра страстей усложняетъ людскія отношенія въ такую мелкую ткань и окрашиваетъ въ такія цвѣта, какіе и не снятся никому въ мирныхъ деревенскихъ затишьяхъ. Она—дѣвушка! Если въ молодости любовь, страсть, или что-нибудь подобное, и было извѣстно ей, такъ это, конечно—страсть безъ опыта, какая-нибудь нераздѣленная, или заглохшая отъ неудачи подъ гнетомъ, любовь: не драма—любовь, а лирическое чувство, разыгравшееся въ ней одной и въ ней угасшее и погребенное, не оставившее слѣда и не положившее ни одного рубца на ея ясной жизни. Гдѣ же ей знать или вспомнить эту борьбу, подать другому руку, помочь обойти эту пропасть? Она не вполнѣ и повѣрила бы страсти: ей надо факты. Выстрѣлы на днѣ обрыва и прогулки туда Вѣры—конечно факты, но бабушка только противъ этихъ фактовъ и могла бы принять мѣры, т. е. разставила бы домашнюю полицію съ дубинами, подкараулила бы любовника и нанесла бы этимъ еще новый ударъ Вѣрѣ. Не пускать Вѣру изъ дому,—значитъ обречь на заключеніе, т. е. унизить, оскорбить ее, по-

Digitized by Google

сигнувъ на ея свободу. Татьяна Марковна поняла бы, что это морально, да и физически невозможно. Вѣра не вынесла бы грубой неволи и бѣжала бы и отъ бабушки, какъ убѣгала за Волгу отъ него, Райскаго, словомъ — нѣтъ средствъ: Вѣра выросла изъ круга бабушкиной опытности и морали, думалъ онъ, и та только раздражитъ ее своими наставленіями, или, пожалуй, опять заговоритъ о какой-нибудь Кунигундѣ — и насмѣшитъ. А Вѣра потеряетъ и послѣднюю искру довѣрія къ ней. Нѣтъ, отжилъ этотъ авторитетъ: онъ годился для Марфиньки, а не для независимой, умной и развитой Вѣры. Средство или ключъ къ ея горю, если и есть — въ рукахъ самой Вѣры, но она никому не ввѣряетъ его, и едва теперь только, когда силы измѣняютъ, она обронитъ намекъ, слово, и опять въ испугѣ отниметъ и спрячется. Очевидно — она не въ силахъ одна разсѣчь своего гордіева узла, а гордость, или привычка жить своими силами — хоть погибать, да жить ими — мѣшаетъ ей высказаться!

Онъ думалъ все это, идучи молча подлѣ нея и не зная, какъ вызвать ее на полную откровенность — не для себя уже теперь, а для ея спасенія. Наконецъ, онъ рѣшилъ подойдти стороной: нельзя-ли ему самому угадать что-нибудь изъ ея отвѣтовъ на нѣкоторые прежніе свои вопросы, поймать имя, остановить ее на немъ и облегчить ей признаніе, которое самой ей сдѣлать, повидимому, было трудно, хотя и хотѣлось, и даже обѣщала она сдѣлать, да не можетъ, надо помочь ей хитростью. Она теперь разстроена и — можетъ быть — оплошаетъ и обмолвится.

Онъ вспомнилъ, какъ напрасно добивался онъ отъ нея источника ея развитія, распрашивая о ея воспитаніи, о томъ, кто могъ имѣть на нее вліяніе, откуда она почерпнула этотъ смѣлый и свободный образъ мысли, нѣкоторыя знанія, увѣренность въ себѣ, самообладаніе. Не у француженки же въ пансіонѣ! Кто былъ ея руководителемъ, собесѣдникомъ, когда кругомъ никого нѣтъ? — Такъ думалъ онъ подвести ее къ признанію.

— Послушай, Вѣра, я хотѣлъ у тебя кое-что спросить, началъ онъ равнодушнымъ голосомъ: сегодня Леонтій упомянулъ, что ты читала книги въ моей библіотекѣ, а ты никогда ни слова мнѣ о нихъ не говорила. Правда это?

— Да, нѣкоторыя читала: что-же?

— Съ кѣмъ же читала: съ Козловымъ?

— Иныя — да. Онъ объяснялъ мнѣ содержаніе нѣкоторыхъ писателей. Другихъ я читала одна, или со священникомъ, мужемъ Наташи...

— Какія же книги ты читала съ священникомъ?

Digitized by Google

— Теперь я не помню... Св. отцовъ, напримѣръ. Онъ намъ ъ Наташей объяснялъ, и я многимъ ему обязана... прибавила ъ задумчиво. — Спинозу читали съ нимъ... Вольтера...

Райскій засмѣялся.

— Чему вы смѣетесь? спросила она.

— Какой переходъ отъ св. отцовъ къ Спинозѣ и Вольтеру! амъ въ библіотекѣ всѣ энциклопедисты есть. Ужели ты ихъ тала?

— Нѣтъ: куда же всѣхъ! Николай Ивановичъ читалъ кое-о и передавалъ намъ съ Наташей...

— Какъ это вы до Фейербаха съ братіей не дошли... до иціалистовъ и матеріалистовъ?...

— Дошли, съ слабой улыбкой сказала она: опять-таки не ы съ Наташей, а мужъ ея. Онъ просилъ насъ выписывать мѣ-а, отмѣчалъ карандашомъ.

— Зачѣмъ?

— Хотѣлъ, кажется, возражать и напечатать въ журналѣ, не наю...

— Въ библіотекѣ моего отца нѣтъ этихъ новыхъ книгъ: гдѣ е вы взяли ихъ? съ живостью спросилъ Райскій и навострилъ хо.

Она молчала.

— Ужъ не у того ли изгнанника, находящагося подъ при-смотромъ полиціи, которому ты помогала? Помнишь, ты писала о немъ?...

Она, не слушая его, шла и молчала задумчиво.

— Вѣра, ты не слушаешь?

— А? нѣтъ, я слышу... очнувшись, сказала она: гдѣ я брала книги? Тутъ... въ городѣ, то у того, то у другого...

— Волоховъ раздавалъ эти же книги, замѣтилъ онъ.

— Можетъ быть, и онъ... Я у учителей брала....

«Не учитель ли какой-нибудь, въ родѣ Мг-Шарля»? сверк-нуло у него въ умѣ.

— Что же Николай Ивановичъ говоритъ о Спинозѣ и объ этихъ всѣхъ авторахъ?

— Много — всего не припомнишь...

— Напримѣръ? добивался Райскій.

— Онъ говоритъ, что это «попытки гордыхъ умовъ уйти въ сторону отъ истины,» вотъ какъ эти дорожки бѣгутъ въ сторону отъ большой дороги и опять сливаются съ ней же...

— Еще что?

— Еще? — что еще? Теперь забыла. Говоритъ, что всѣ эти «попытки служатъ истинѣ, очищаютъ ее какъ огнемъ, что это не-

Digitized by Google

избѣжная борьба, безъ которой побѣда и царство истины и было бы прочно...» И мало ли что онъ еще говорилъ!..

— А гдѣ «истина»: онъ не отвѣчалъ на этотъ Пилатовъ вопросъ?

— Вонъ тамъ, сказала она, указывая назадъ на церковь:- гдѣ мы сейчасъ были... Я это до него знала...

— Ты думаешь, что онъ правъ?.. спросилъ онъ, стараясь хотя мелькомъ заглянуть ей въ душу.

— Я не думаю, а вѣрю, что онъ правъ. А вы? повернувшись къ нему, спросила она съ живостью.

Онъ утвердительно наклонилъ голову.

— Зачѣмъ же меня спрашиваете?

— Есть невѣрующіе: я хотѣлъ знать твое мнѣніе....

— Я въ этомъ, кажется, не скрывалась отъ васъ: вы часто видите мою молитву....

— Да, но я желалъ бы слышать ее: скажи, о чемъ ты молишься, Вѣра?

— О невѣрующихъ... тихо сказала она.

— А я думалъ — о своей тревогѣ, объ этой бурѣ.... говорилъ онъ, пристально глядя ей въ лицо.

— Да... въ этомъ — и моя тревога, и моя буря!.. шептала она. Онъ не слыхалъ.

Проходя мимо часовни, она на минуту остановилась передъ ней. Тамъ было темно. Она, съ медленнымъ, затаеннымъ вздохомъ, пошла дальше, къ саду, и шла все тише и тише. Дойдя до стараго дома, она остановилась и знакомъ головы подозвала къ себѣ Райскаго.

— Послушайте, что я вамъ скажу.... тихо и нерѣшительно начала она, какъ будто преодолѣвая себя.

— Говори, Вѣра...

— Вы сказали.... еще тише начала она.... что самое вѣрное средство противъ... «бури...» это не ходить туда... Она показала къ обрыву.

— Да: вѣрнѣе этого нѣтъ...

— Я хотѣла просить васъ... Она остановилась, держа его за бортъ пальто.

— Я жду, Вѣра, шепталъ и онъ, съ легкой дрожью нетерпѣнія и, можетъ быть, тяжелаго предчувствія.—Вчера я ждалъ только для себя, чтобъ унять боль: теперь я жду для тебя, чтобъ помочь тебѣ—или снести твою ношу, или распутать какой-то трудный узелъ, можетъ быть спасти тебя....

— Да, помогите.... сказала она, отирая платкомъ выступившія слезы: я такъ слаба... нездорова... силъ у меня нѣтъ...

Digitized by Google

— Не поможетъ ли лучше меня бабушка? Откройся ей, Вѣра: на женщина, и твое горе, можетъ быть знакомо ей...

Вѣра, зажавъ глаза платкомъ, отрицательно качала головой.

— Нѣтъ, она не такая... она ничего этого не знала....

— Что́ же я могу сдѣлать?.. скажи все...

— Не спрашивайте меня, братъ: я не могу сказать всего. Сказала бы все, и бабушкѣ, и вамъ.... и скажу когда-нибудь.... Когда пройдетъ.... а теперь пока не могу...

— Какъ же я могу помочь, когда не знаю, ни твоего горя, ни опасности? Откройся мнѣ, и тогда простой анализъ чужого ума объяснитъ тебѣ твои сомнѣнія, удалитъ, можетъ быть, затрудненія, выведетъ на дорогу.... Иногда довольно взглянуть ясно и трезво на свое положеніе, и уже отъ одного сознанія становится легче. Ты сама не можешь: дай мнѣ взглянуть со стороны. Ты знаешь, два ума лучше одного.

— Никакіе умы, никакой анализъ — не выведутъ на дорогу, слѣдовательно и говорить безполезно! почти съ отчаяніемъ сказала она.

— Какъ же я могу помочь тебѣ?

Она близко глядѣла ему въ глаза глазами, полными слезъ.

— Не покидайте меня, не теряйте изъ вида, шептала она.— Если услышите.... выстрѣлъ оттуда.... (она показала на обрывъ), — будьте подлѣ меня... не пускайте меня — заприте, если нужно, удержите силой... Вотъ до чего я дошла! съ ужасомъ сама прошептала она, закинувъ голову назадъ въ отчаяніи, какъ будто удерживала стонъ, и вдругъ выпрямилась.—Потомъ... тихо начала опять:—никогда объ этомъ никому не поминайте, даже мнѣ самой! Вотъ все, что́ вы можете сдѣлать для меня: съ этимъ я удержала васъ! Я жалкая эгоистка: не дала вамъ уѣхать! Я чувствовала, что слабѣю... У меня никого нѣтъ, бабушка не поняла бы... Вы одинъ... Простите меня!

— Ты хорошо сдѣлала.... съ жаромъ сказалъ онъ. — Ради Бога, располагай мною — я теперь все понялъ и готовъ навсегда здѣсь остаться, лишь бы ты успокоилась....

— Нѣтъ: черезъ недѣлю выстрѣлы прекратятся навсегда... прибавила она, отирая платкомъ слезы.

Она сжала обѣ его руки и, не оглядываясь, ушла къ себѣ, взбираясь на крыльцо тихими, неровными шагами, держась за перилы.

Digitized by Google

X.

Прошло дня два. По утрамъ Райскій не видалъ почти Вѣру наединѣ. Она приходила обѣдать, пила вечеромъ вмѣстѣ со всѣми чай, говорила объ обыкновенныхъ предметахъ, иногда только казалась утомленною.

Райскій по утрамъ опять началъ вносить замѣтки въ программу своего романа, потомъ шелъ навѣщать Козлова, заходилъ на минуту къ губернатору, и еще къ двумъ, тремъ лицамъ въ городѣ, съ которыми успѣлъ покороче познакомиться. А вечеръ проводилъ въ саду, стараясь не терять изъ вида Вѣру, по ея просьбѣ, и прислушиваясь къ каждому звуку въ рощѣ. Онъ сидѣлъ на скамьѣ у обрыва, ходилъ по аллеямъ, и только къ полуночи у него прекращалось напряженное, томительное ожиданіе выстрѣла. Онъ почти желалъ его, надѣясь, что своею помощью сразу навсегда отведетъ Вѣру отъ какой-то бѣды.

Но вотъ два дня прошли тихо: до конца назначеннаго срока, до недѣли, было еще пять дней. Райскій разсчитывалъ, что въ день рожденія Марѳиньки, послѣ завтра, Вѣрѣ неловко будетъ оставить семейный кругъ, а потомъ, когда Марѳинька на другой день уѣдетъ съ женихомъ и съ его матерью за Волгу, въ Колчино, ей опять неловко будетъ оставлять бабушку одну—и такимъ образомъ недѣля пройдетъ, а съ ней минуетъ и туча. Вѣра за обѣдомъ просила его зайти къ ней вечеромъ, сказавши, что дастъ ему порученіе.

Она выходила гулять, когда онъ пришелъ. Глаза у ней были, казалось, заплаканы, нервы видимо упали, движенія были вялы, походка медленна. Онъ взялъ ее подъ руку, и такъ какъ она направлялась изъ сада къ полю, онъ думалъ, что она идетъ къ часовнѣ, повелъ ее по лугу и по дорожкѣ туда. Она молча шла за нимъ, въ глубокой задумчивости, отъ которой очнулась у порога часовни. Она вошла туда и глядѣла на задумчивый ликъ Спасителя.

— Мнѣ кажется, Вѣра, у тебя есть помощь сильнѣе моей, и ты напрасно надѣялась на меня. Ты и безъ меня не пойдешь туда.... тихо говорилъ онъ, стоя на порогѣ часовни.

Она сдѣлала утвердительный знакъ головой, и сама, кажется, во взглядѣ Христа искала силы, участія, опоры, опять призывно взглядъ этотъ, какъ всегда, задумчиво-покойно, какъ будто безучастно смотрѣлъ на ея борьбу, не помогая ей, не удерживая ее... Она вздохнула.

— Не пойду, сказала она тихо, отводя глаза отъ образа.

Digitized by Google

Райскій не прочелъ на ея лицѣ, ни молитвы, ни желанія. Оно было подернуто задумчивымъ выраженіемъ усталости, равнодушія, а можетъ быть, и тихой покорности.

— Пойдемъ домой: ты легко одѣта, сказалъ онъ. Она повиновалась.—А что же порученіе: какое? спросилъ онъ.

— Да, припомнила она и достала изъ кармана портъ-монне.— Возьмите у золотыхъ дѣлъ мастера Шмита porte-bouquet: я еще на той недѣлѣ выбрала подарить Марѳинькѣ въ день рожденія,— сказала она,—только велѣла вставить нѣсколько жемчужинъ, изъ своихъ собственныхъ, и вырѣзать ея имя. Вотъ деньги.

Онъ спряталъ деньги.

— Это не все. Въ самый день ея рожденія, послѣ завтра, пораньше утромъ — вы можете встать часовъ въ восемь?...

— Еще бы: я, пожалуй, и спать не лягу совсѣмъ....

— Зайдите вотъ сюда — знаете большой садъ — въ оранжерею, къ садовнику. Я ужъ говорила ему: выберите понаряднѣе букетъ цвѣтовъ и пришлите мнѣ, пока Марѳинька не проснулась.... Я полагаюсь на вашъ вкусъ....

— Вотъ какъ: я дѣлаю успѣхи въ твоемъ довѣріи, Вѣра! сказалъ, смѣясь, Райскій: вкусу моему вѣришь и честности — даже деньги не боялась отдать....

— Я сдѣлала бы это все сама, да не могу.... силъ нѣтъ.... устаю, прибавила она, стараясь улыбнуться на его шутку.

Онъ на другой день утромъ взялъ у Шмита porte-bouquet и обдумывалъ, изъ какихъ цвѣтовъ долженъ быть составленъ букетъ для Марѳиньки. Однихъ цвѣтовъ нельзя было найти въ позднюю пору, другіе не годились. Потомъ онъ выбралъ дамскіе часы съ эмалевой доской, съ цѣпочкой, подарить отъ себя Марѳинькѣ, и для этого зашелъ къ Титу Никонычу и занялъ у него двѣсти рублей до завтра, чтобы не воевать съ бабушкой, которая безъ боя не дала бы ему промотать столько на подарокъ, и кромѣ того, пожалуй, выдала бы заранѣе его секретъ. У Тита Никоныча онъ увидѣлъ роскошный дамскій туалетъ, обшитый розовой кисеей и кружевами, съ зеркаломъ, увитымъ фарфоровой гирляндой изъ амуровъ и цвѣтовъ, артистической, тонкой работы, съ Севрской фабрики.

— Что это? Гдѣ вы взяли такую драгоцѣнность? говорилъ онъ, разсматривая группы амуровъ, цвѣты, краски,—и не могъ отвести глазъ.—Какая прелесть!

— Марѳѣ Васильевнѣ! любезно улыбаясь, говорилъ Титъ Никонычъ:—я очень счастливъ, что вамъ нравится — вы знатокъ. Вашъ вкусъ мнѣ порукой, что этотъ подарокъ будетъ благосклонно принятъ дорогой новорожденной къ ея свадьбѣ. Какая

Digitized by Google

отмѣнная дѣвица! Поглядите: эти розы, можно сказать, суть ея живое подобіе! Она будетъ видѣть въ зеркалѣ свое плѣнительное личико, а купидоны ей будутъ улыбаться....

— Гдѣ вы достали такую рѣдкость?

— До завтра прошу у васъ секрета отъ Татьяны Марковны и отъ Маріи Васильевны тоже, сказалъ Титъ Никонычъ.

— Вѣдь это больше тысячи рублей надо заплатить! И гдѣ здѣсь достать?...

— Пять тысячъ рублей ассигнаціями мой дѣдъ заплатилъ въ приданое моей родительницѣ. Это хранилось до сихъ поръ въ моей вотчинѣ, въ спальнѣ покойницы. Я въ прошедшемъ мѣсяцѣ подъ секретомъ велѣлъ доставить сюда; на рукахъ несли полтораста верстъ, шесть человѣкъ попеременно, чтобъ не разбилось. Я только новую кисею велѣлъ сдѣлать, а кружева, тоже старинныя: изволите видѣть — пожелтѣли. Это очень цѣнится дамами, тогда какъ.... добавилъ онъ съ усмѣшкой, — въ нашихъ глазахъ не имѣетъ никакой цѣны.

— Что бабушка скажетъ? замѣтилъ Райскій.

— Безъ грозы не обойдется, я сильно тревожусь, сказалъ Титъ Никонычъ:—но можетъ быть, по своей добротѣ, проститъ меня. Позволяю себѣ вамъ открыть, что я люблю обѣихъ дѣвицъ, какъ родныхъ дочерей, прибавилъ онъ нѣжно: обѣихъ на колѣняхъ качалъ, грамотѣ вмѣстѣ съ Татьяной Марковной обучалъ; это — какъ моя семья. Не измѣните мнѣ, шепнулъ онъ: скажу конфиденціяльно, что и Вѣрѣ Васильевнѣ въ одинаковой мѣрѣ взялъ смѣлость изготовить въ свое время, при ея замужествѣ, равный этому подарокъ, который, смѣю думать, она благосклонно приметъ....

Онъ показалъ Райскому массивный серебряный столовый сервизъ на двѣнадцать человѣкъ, старой, и тоже артистической отдѣлки.

— Вамъ, какъ брату и другу ея, открою, шепталъ онъ, что я, вмѣстѣ съ Татьяной Марковной, пламенно желаю ей отличной и богатой партіи, коей она вполнѣ достойна: мы замѣчаемъ,—еще тише зашепталъ онъ,—что достойнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ кавалеръ, Иванъ Ивановичъ Тушинъ — безъ ума отъ нея — какъ и слѣдуетъ быть....

Райскій вздохнулъ и вернулся домой. Онъ нашелъ тамъ Викентьева съ матерью, которая пріѣхала изъ-за Волги ко дню рожденія Маріиньки, Полину Карповну, двухъ, трехъ гостей изъ города и — Опенкина. Послѣдній разливалъ волны семинарскаго краснорѣчія, переходя нерѣдко въ плаксивый тонъ и обращая къ Маріинькѣ пожеланія, по случаю предстоящаго брака. Ба-

Digitized by Google

бушка не рѣшилась оставить его къ обѣду при «хорошихъ гостяхъ» и поручила Викентьеву напоить за завтракомъ, что тотъ и исполнилъ отчетливо, такъ-что къ тремъ часамъ Опенкинъ былъ готовъ совсѣмъ и спалъ крѣпкимъ сномъ въ пустой залѣ стараго дома. Гости часовъ въ семь разъѣхались. Бабушка съ матерью жениха зарылись совсѣмъ въ приданое и вели нескончаемый разговоръ въ кабинетѣ Татьяны Марковны.

А женихъ съ невѣстой, обѣжавъ разъ пять садъ и рощу, ушли въ деревню. Викентьевъ несъ за Марѳинькой цѣлый узелъ, который, пока они шли по полю, онъ кидалъ вверхъ и ловилъ на-лету. Марѳинька обошла каждую избу, прощалась съ бабами, ласкала ребятишекъ, двумъ изъ нихъ вымыла рожицы, нѣкоторымъ матерямъ дала ситцу на рубашенки дѣтямъ, да двумъ дѣвочкамъ постарше, на платья, и двѣ пары башмаковъ, сказавъ, чтобъ не смѣли ходить босоногія по лужамъ. Полоумной Агашкѣ дала какую-то изношенную душегрѣйку, которую выпросила въ дворнѣ у Улиты, обѣщаясь, по возвращеніи, сдѣлать ей новую, на-строго приказавъ Агашкѣ не ходить въ одномъ платьѣ по осеннему холоду и сказала, что пришлетъ «коты» носить въ слякоть. Безногому старику Силычу оставила рубль мѣдными деньгами, которыя тотъ жадно подобралъ, когда Викентьевъ, съ грохотомъ и хохотомъ, выворачивая карманы, выбросилъ ихъ на лавку. Силычъ, дрожащими отъ жадности руками, началъ завертывать ихъ въ какіе-то хлопки и тряпки. Но Марѳинька погрозила, что отниметъ деньги и никогда не придетъ больше, если онъ станетъ прятать ихъ, а выпрашивать луковицу на обѣдъ и просить на паперти милостыню. «Красавица ты наша, Божій ангелъ, награди тебя Господь!» провожали ее бабы съ каждаго двора, когда она прощалась съ ними недѣли на двѣ. А мужики ласково и лукаво улыбались молча: «балуетъ барышня», какъ-будто думали они: «съ ребятишками, да съ бабами возится: ишь какой пустякъ носить имъ! Почто это нашимъ бабамъ и ребятишкамъ?» И небрежно разсматривали ситцевую рубашонку, какой-нибудь поясокъ, или маленькіе башмаки.

XI.

Вечеромъ новый домъ сіялъ огнями. Бабушка не знала, какъ угостить свою гостью и будущую родню. Она воздвигла ей парадную постель въ гостиной, чуть не до потолка, походившую на катафалкъ. Марѳинька, въ своихъ двухъ комнатахъ, цѣлый вечеръ играла, пѣла съ Викентьевымъ — наконецъ они затихли

Digitized by Google

за чтеніемъ какой-то новой повѣсти, безпрестанно прерываемомъ замѣчаніями Викентьева, его шалостями и рѣзвостью.

Только окна Райскаго не были освѣщены: онъ ушелъ тотчасъ послѣ обѣда и не возвращался къ чаю. Луна освѣщала новый домъ, а старый прятался въ тѣни. Въ окнахъ Вѣры, часу въ седьмомъ, едва замѣтно свѣтилъ огонь, но и тотъ погасъ. На дворѣ, въ кухнѣ, въ людскихъ, долѣе обыкновеннаго не ложились спать люди, у которыхъ въ гостяхъ были пріѣхавшіе съ барыней Викентьевой изъ-за Волги, кучеръ и лакей. На кухнѣ долго не гасили огня, готовили ужинъ, и отчасти завтрашній обѣдъ.

Вѣра съ семи часовъ вечера сидѣла въ бездѣйствіи, сначала въ сумеркахъ, потомъ при слабомъ огнѣ одной свѣчи, облокотясь на столъ и положивъ на руку голову, другой рукой она задумчиво перебирала листы лежавшей передъ ней книги, въ которую не смотрѣла. Глаза ея устремлены были куда-то далеко отъ книги. На плеча сверху накинутъ былъ большой шерстяной платокъ, защищавшій ее отъ свѣжаго, осенняго воздуха, который въ открытое окно наполнялъ комнату. Она еще не позволяла вставить у себя рамъ и подолгу оставляла окно открытымъ.

Спустя полчаса, она медленно встала, положила книгу въ столъ, подошла къ окну и оперлась на оба локтя, глядя на небо, на новый, свѣтившійся огнями черезъ всѣ окна, домъ, прислушиваясь къ шагамъ ходившихъ по двору людей, потомъ выпрямилась и вздрогнула плечами отъ холода.

Она стала закрывать окно, и только затворила одну половину, какъ среди тишины раздался подъ горой выстрѣлъ.

Она вздрогнула и быстро опустилась на стулъ и опустила голову. Потомъ встала, глядя вокругъ себя, мѣняясь въ лицѣ, шагнула къ столу, гдѣ стояла свѣча, и опять остановилась. Въ глазахъ былъ испугъ и тревога. Она нѣсколько разъ трогала лобъ рукой и сѣла было къ столу, но въ ту же минуту встала опять, быстро сдернула съ плечъ платокъ и бросила въ уголъ за занавѣсъ, на постель, еще быстрѣе отворила шкафъ, затворила опять, ища чего-то глазами по стульямъ, на диванѣ — и не найдя что̀ ей нужно, сѣла на стулъ, повидимому, въ изнеможеніи. Наконецъ глаза ея остановились на висѣвшей на спинкѣ стула пуховой косынкѣ, подаренной Титомъ Никонычемъ. Она бросилась къ ней, стала торопливо надѣвать одной рукой на голову, другой въ ту же минуту отворяла шкафъ и доставала оттуда съ вѣшалокъ, съ лихорадочной дрожью, то то, то другое пальто. Мелькомъ взглянувъ на пальто, попавшееся ей въ руку, она съ досадой бросала его на полъ и хватала другое, бросала

Digitized by Google

опять попавшееся платье, другое, третье, и искала чего-то, перебирая одно за другимъ все, что̀ висѣло въ шкафѣ, и въ тоже время стараясь рукой завязать косынку на головѣ.

Наконецъ бросилась къ свѣчкѣ, схватила ее и освѣтила шкафъ. Тамъ, съ ожесточеннымъ нетерпѣніемъ, взяла она мантилью на бѣломъ пуху, еще другую, черную, шелковую, накинула первую на себя, а на нее шелковую, отбросивъ пуховую косынку прочь. Не затворивъ шкафа, она перешагнула черезъ кучу брошеннаго на полъ платья, задула свѣчку, и скользнувъ изъ двери, не заперевъ ее, какъ мышь, неслышными шагами спустилась съ лѣстницы. Она прокралась по окраинѣ двора, закрытой тѣнью, и вошла въ темную аллею. Она не шагала, а неслась: едва мелькалъ темный ея силуэтъ, гдѣ нужно было перебѣжать свѣтлое пространство, такъ что луна будто не успѣвала освѣтить ее. Она, миновавъ аллею, умѣрила шагъ, и остановилась на минуту перевести духъ у канавы, отдѣлявшей садъ отъ рощи. Потомъ перешла канаву, вошла въ кусты, мимо своей любимой скамьи, и подошла къ обрыву. Она подобрала обѣими руками платье, чтобъ спуститься... Передъ ней, какъ изъ земли, выросъ Райскій и сталъ между ею и обрывомъ. Она окаменѣла на мѣстѣ.

— Куда, Вѣра? спросилъ онъ.

Она молчала.

— Пойдемъ назадъ! сказалъ онъ, взявъ ее за руку. Она не дала руки и хотѣла миновать его.

— Вѣра: куда, зачѣмъ?

— Туда... въ послѣдній разъ: свиданіе необходимо — проститься... шептала она со стыдомъ и мольбой. — Пустите меня, братъ... Я сейчасъ вернусь, а вы подождите меня... одну минуту... Посидите, вотъ здѣсь, на скамьѣ...

Онъ, молча, крѣпко взялъ ее за руку и не выпускалъ.

— Пустите, мнѣ больно! говорила она, ломая его и свою руку. Онъ не пускалъ. Между ними завязалась борьба.

— Вы не сладите со мной, говорила она, сжимая зубы и съ неестественной силой вырывая руку, наконецъ вырвала и метнулась было въ сторону, мимо его. Онъ удержалъ ее за талію, подвелъ къ скамьѣ, посадилъ и сѣлъ подлѣ нея. — Какъ это грубо, дико! съ тоской и злостью сказала она, отворачиваясь отъ него почти съ отвращеніемъ.

— Не этой силой хотѣлъ бы я удержать тебя, Вѣра, сказалъ онъ.

— Отъ чего удержать? спросила она почти грубо.

— Можетъ быть — отъ гибели...

Digitized by Google

— Развѣ можно погубить меня, если я не хочу?

— Ты не хочешь, а гибнешь...

— А если я хочу гибнуть?

Онъ молчалъ.

— И никакой гибели нѣтъ: мнѣ нужно видѣться, чтобъ... разстаться...

— Чтобъ разстаться — не надо видѣться...

— Надо — и я увижусь, рѣшительно сказала она: — часомъ или днемъ позже — все равно. Всю дворню, весь городъ зовите, хоть роту солдатъ: ничѣмъ не удержите!..

Она откинула черную мантилью съ головы на плечи и судорожно передергивала ее. Выстрѣлъ повторился. Она рванулась, но двѣ сильныя руки за плеча посадили ее на лавку. Она посмотрѣла на Райскаго съ ногъ до головы и тряхнула головой отъ ярости.

— Какой же награды потребуете вы отъ меня за этотъ добродѣтельный подвигъ? шипѣла она. Онъ молчалъ и изъ подлобья стерегъ ея движенія. Она съ злостью засмѣялась.

— Пустите! сказала она мягко, немного погодя. Онъ покачалъ отрицательно головой.

— Братъ! заговорила она черезъ минуту нѣжно, кладя ему руку на плечо: — если когда нибудь вы горѣли, какъ на угольяхъ, умирали сто разъ въ одну минуту отъ страха, отъ нетерпѣнія... когда счастье просится въ руки и ускользаетъ... и ваша душа просится вслѣдъ за нимъ... Припомните, братъ, такую минуту... когда у васъ оставалась одна послѣдняя надежда... искра... вотъ это — моя минута!.. Она пройдетъ — и все пройдетъ съ ней...

— И слава Богу, Вѣра! Опомнись, приди въ себя немного: ты сама не пойдешь! Когда больные горячкой мучатся жаждой и просятъ льду — имъ не даютъ. Вчера, въ трезвый часъ, ты сама предвидѣла это и указала мнѣ простое и самое дѣйствительное средство — не пускать тебя — и я не пущу...

Она стала на колѣни подлѣ него.

— Не заставьте меня проклинать васъ всю жизнь потомъ! умоляла она. — Можетъ быть тамъ меня ждетъ сама судьба...

— Твоя судьба — вонъ тамъ: я видѣлъ, гдѣ ты вчера искала ее, Вѣра. Ты вѣришь въ провидѣніе: другой судьбы нѣтъ...

Она вдругъ смолкла и поникла головой.

— Да, сказала она покорно — да, вы правы: я вѣрю... Но я тамъ допрашивалась искры, чтобъ освѣтить мой путь — и не допросилась. Что мнѣ дѣлать? — я не знаю... Она вздохнула и медленно встала съ колѣнъ.

Digitized by Google

— Не ходи! говорилъ онъ.

— Именемъ той судьбы, въ которую вѣрю, я искала счастья! Можетъ быть, она и посылаетъ меня теперь туда... можетъ быть... я необходима тамъ, продолжала она, выпрямившись и сдѣлавъ шагъ къ обрыву. — Чтобы ни было, не держите меня долѣе, я рѣшилась. Я чувствую, моя слабость миновала. Я владѣю собой, — я опять сильна! Тамъ рѣшится не моя одна судьба, но и другого человѣка: на васъ ляжетъ отвѣтственность за эту пропасть, которую вы роете между нимъ и мною. Я не утѣшусь никогда, буду васъ считать виновникомъ несчастья всей моей жизни... и его жизни! Если вы теперь удержите меня, я буду думать, что мелкая страстишка, самолюбіе безъ правъ, зависть — помѣшали моему счастью и что вы лгали, когда проповѣдывали свободу...

Онъ поколебался и отступилъ отъ нея на шагъ.

— Это голосъ страсти, со всѣми ея софизмами и изворотами! сказалъ онъ вдругъ опомнившись. — Вѣра, ты теперь въ положеніи іезуита. Вспомни, какъ ты просила вчера, послѣ своей молитвы, не пускать тебя... А если ты будешь проклинать меня за то, что я уступилъ тебѣ: на кого тогда падетъ отвѣтственность?

Она опять упала духомъ и уныло склонила голову.

— Кто онъ, скажи? шепнулъ онъ.

— Если скажу — вы не удержите меня? вдругъ спросила она съ живостью, хватаясь за эту, внезапно явившуюся надежду вырваться—и спрашивала его глазами, глядя близко и прямо ему въ глаза.

— Не знаю, можетъ быть...

— Нѣтъ, дайте слово, что не удержите меня — и я назову...

Онъ колебался. Въ эту минуту раздался третій выстрѣлъ. Она рванулась, но онъ успѣлъ удержать ее за руку.

— Пойдемъ, Вѣра, домой, къ бабушкѣ сейчасъ! говорилъ онъ настойчиво, почти повелительно.—Открой ей все...

Но она, вмѣсто отвѣта, начала биться у него въ рукахъ, вырываясь, падая, вставая опять.

— Если... вамъ было когда-нибудь хорошо въ жизни, то пустите!.. Вы говорили: «люби, страсть прекрасна!» задыхаясь отъ волненія, говорила она и порывалась у него изъ рукъ: — вспомните... и дайте мнѣ еще одну такую минуту, одинъ вечеръ... «Христа ради»... шептала она, протягивая руку:—вы тоже просили меня, Христа ради, не удалять васъ... я не отказала... помните? Подайте и мнѣ эту милостыню!.. Я никогда не упрекну васъ... никогда... вы сдѣлали все — мать не могла бы сдѣлать

Digitized by Google

больше — но теперь оставьте меня — я должна быть свободна... И вотъ пусть Тотъ, кому мы молились вчера, будетъ свидѣтелемъ, что это послѣдній вечеръ... послѣдній! Я никогда не пойду съ обрыва больше: вѣрьте мнѣ—я этой клятвы не нарушу! Подождите меня здѣсь, я сейчасъ вернусь, только скажу слово...

Онъ выпустилъ ея руку.

— Что ты говоришь, Вѣра! шепталъ онъ въ ужасѣ:—ты не помнишь себя, куда ты?

— Туда... взглянуть одинъ разъ... на «волка».. проститься.... услышать его... можетъ быть... онъ уступитъ...

Она бросилась къ обрыву, но упала, торопясь уйти, чтобъ онъ не удержалъ ее, хотѣла встать и не могла: привстала и опять упала на колѣни, повторяя: «туда, въ послѣдній разъ...»

Она протягивала руку къ обрыву, дѣлая шагъ, падая и глядя умоляющими глазами на Райскаго.

Онъ собралъ нечеловѣческія силы, задушилъ вопль собственной муки, поднялъ ее на руки: «ты упадешь съ обрыва, тамъ круто... шепнулъ онъ — я тебѣ помогу...»

Онъ почти снесъ ее съ крутизны и поставилъ на отлогомъ мѣстѣ, на дорожкѣ. У него дрожали руки, онъ былъ блѣденъ.

Она быстро обернулась къ нему, обдала его всего широкимъ взглядомъ изступленнаго удивленія, благодарности — вдругъ опустилась на колѣни, схватила его руку и крѣпко прижала къ губамъ... «Братъ! вы великодушны: Вѣра не забудетъ этого!» сказала она, и взвизгнувъ отъ радости, какъ освобожденная изъ клѣтки птица, бросилась въ кусты.

Онъ сѣлъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, и съ ужасомъ слушалъ шумъ раздвигаемыхъ ею вѣтвей и трескъ сухихъ прутьевъ подъ ногами.

XII.

Въ полуразвалившейся бесѣдкѣ ждалъ Маркъ. На столѣ лежало ружье и фуражка. Самъ онъ ходилъ взадъ и впередъ по нѣсколькимъ уцѣлѣвшимъ доскамъ. Когда онъ ступалъ на одинъ конецъ доски, другой привскакивалъ и падалъ со стукомъ. «О, чортова музыка»! съ досадой на этотъ стукъ сказалъ онъ и сѣлъ на одну изъ скамей близъ стола, положилъ локти на столъ и впустилъ обѣ руки въ густые волосы. Онъ курилъ папироску за папироской; зажигая спичку, онъ освѣщалъ себя. Онъ былъ блѣденъ и казался взволнованнымъ, или озлобленнымъ. Послѣ каждаго выстрѣла онъ прислушивался нѣсколько минутъ, потомъ

Digitized by Google

шелъ по тропинкѣ, приглядывался къ кустамъ, повидимому, ожидая Вѣру. И когда ожиданія его не сбывались, онъ возвращался въ бесѣдку и начиналъ ходить подъ «чортову музыку», опять бросался на скамью, впуская пальцы въ волосы, или ложился, на одну изъ скамей, кладя, по-американски, ноги на столъ.

Послѣ третьяго выстрѣла онъ прислушался минутъ семь, но не слыша ничего до того нахмурился, что на минуту какъ будто постарѣлъ, медленно взялъ ружье и нехотя пошелъ по дорожкѣ, повидимому съ намѣреніемъ уйти, но замедлялъ однако шагъ, точно затрудняясь идти въ темнотѣ. Наконецъ пошелъ рѣшительнымъ шагомъ — и вдругъ столкнулся съ Вѣрой. Она остановилась и приложила руку къ сердцу, съ трудомъ переводя духъ.

Онъ взялъ ее за руку — и въ ней тревога мгновенно стихла: она старалась только отдышаться отъ скорой ходьбы и отъ борьбы съ Райскимъ, а онъ, казалось, не могъ одолѣть въ себѣ сильно охватившаго его чувства — радости исполнившагося ожиданія.

— Еще недавно, Вѣра, вы были такъ аккуратны: мнѣ не приходилось тратить пороху на три выстрѣла... сказалъ онъ.

— Упрекъ — вмѣсто радости! отвѣчала она, вырывая у него руку.

— Это я — такъ только, чтобъ начать разговоръ: а самъ одурѣлъ совсѣмъ отъ радости, какъ Райскій...

— Не похоже! Еслибъ было такъ, мы не видѣлись бы украдкой, въ обрывѣ... Боже мой! — Она перевела духъ.

— А сидѣли бы рядкомъ тамъ, у бабушки, за чайнымъ столомъ, и ждали бы, когда насъ обвѣнчаютъ!

— Такъ что же?

— Что напрасно мечтать о томъ, что̀ невозможно: вѣдь бабушка не отдала бы за меня...

— Отдала бы: она сдѣлаетъ, что̀ я хочу. У васъ только это препятствіе?

— Мы опять заводимъ эту нескончаемую полемику, Вѣра? Мы сошлись въ послѣдній разъ сегодня — вы сами говорите. Надо же кончить какъ-нибудь эту томительную пытку и сойти съ горячихъ угольевъ.

— Да, въ послѣдній разъ... Я клятву дала, что больше здѣсь никогда не буду! шептала она чуть слышно.

— Стало быть время дорого. Мы разойдемся навсегда, если... глупость, т. е. бабушкины убѣжденія разведутъ насъ. Я уѣду черезъ недѣлю: разрѣшеніе получено, вы знаете. Или ужъ сойдемся и не разойдемся больше...

Digitized by Google

— Никогда? тихо спросила она. —

Онъ сдѣлалъ движеніе нетерпѣнія.

— Никогда! повторилъ онъ съ досадой: — какая ложь въ этихъ словахъ: «никогда», «всегда»... Конечно «никогда»: годъ, можетъ быть, два... три... Развѣ это не — «никогда?» Вы хотите безсрочнаго чувства? Да развѣ оно есть? Вы пересчитайте всѣхъ вашихъ голубей и голубокъ: вѣдь никто безсрочно не любитъ. Загляните въ ихъ гнѣзда — что тамъ? Сдѣлаютъ свое дѣло, выведутъ дѣтей, а потомъ воротятъ носы въ разныя стороны. А только отъ тупоумія сидятъ вмѣстѣ...

— Довольно, Маркъ: я тоже утомлена этой теоріей о любви на срокъ! съ нетерпѣніемъ перебила она. — Я очень несчастлива: у меня не одна эта туча на душѣ — разлука съ вами! Вотъ ужъ годъ я скрытничаю съ бабушкой — и это убиваетъ меня, и ее еще больше: я вижу это. Я думала, что на дняхъ эта пытка кончится: сегодня, завтра, мы наконецъ выскажемся вполнѣ: искренно объявимъ другъ другу свои мысли, надежды, цѣли... и...

— Что потомъ? спросилъ онъ, слушая внимательно.

— Потомъ я пойду къ бабушкѣ и скажу ей, вотъ кого я выбрала... на всю жизнь. Но... кажется... этого не будетъ... мы напрасно видимся сегодня: мы должны разойтись! — съ глубокимъ унынiемъ, шепотомъ, досказала она и поникла головой.

— Да, если воображать себя ангелами, то, конечно, вы правы, Вѣра: тогда — на всю жизнь. Вонъ и этотъ сѣдой мечтатель, Райскій, думаетъ, что женщины созданы для какой-то высшей цѣли...

— Для семьи созданы онѣ прежде всего. Не ангелы: пусть такъ — но и не звѣри! Я не волчица, а женщина!

— Ну, пусть для семьи: что же? Въ чемъ тутъ помѣха намъ? Надо кормить и воспитать дѣтей? Это уже не любовь, а особая забота, дѣло нянекъ, старыхъ бабъ! Вы хотите драпировки: всѣ эти чувства, симпатіи, и прочее—только драпировка, тѣ листья, которыми, говорятъ, прикрывались люди еще въ раю...

— Да, люди! сказала она.

Онъ усмѣхнулся и пожалъ плечами.

— Пусть драпировка, продолжала Вѣра:—но вѣдь и она, по вашему же ученію, дана природой, а вы хотите ее снять. Если такъ, зачѣмъ вы упорно привязались ко мнѣ, говорите, что любите — вонъ измѣнились, похудѣли?.. Не все ли вамъ равно, съ вашими понятіями о любви, найти себѣ подругу тамъ въ Слободѣ, или за Волгой въ деревнѣ? Что заставляетъ васъ ходить цѣлый годъ сюда, подъ гору?

Digitized by Google

Онъ нахмурился.

— Видите свою ошибку, Вѣра: «съ понятіями о любви», говорите вы: а дѣло въ томъ, что любовь не понятіе, а влеченіе, потребность, оттого она, большею частію, и слѣпа; но я привязанъ къ вамъ не слѣпо: ваша красота, и довольно рѣдкая — въ этомъ Райскій правъ — да умъ, да свобода понятій — и держатъ меня въ плѣну долѣе, нежели со всякой другой!

— Очень лестно! сказала она тихо.

— Эти «понятія» васъ губятъ, Вѣра. Не будь ихъ, мы сошлись бы давно и были бы оба счастливы, продолжалъ онъ.

— На время, а потомъ — явится новое увлеченіе, уступить ему — и такъ далѣе?..

Онъ пожалъ плечами.

— Не мы виноваты въ этомъ, а природа: и хорошо сдѣлала. Иначе, если останавливаться надъ всѣми явленіями жизни подолгу — значитъ надѣвать пуды на ноги... значитъ, жить «понятіями»... замѣтилъ онъ. — Природу не передѣлаешь!

— Понятія эти — правила, спорила она. — У природы есть свои законы: вы же учили: а у людей правила!

— Вотъ гдѣ мертвечина и есть, что изъ природнаго влеченія дѣлаютъ правила и сковываютъ себя по рукамъ и ногамъ. Любовь — счастье, данное человѣку природой... Это мое мнѣніе...

— Счастье это ведетъ за собой долгъ, сказала она, вставъ со скамьи: это мое мнѣніе...

— Это выдумка, сочиненіе, Вѣра: поймите хаосъ вашихъ «правилъ и понятій»! Забудьте эти «долги» и согласитесь, что любовь прежде всего — влеченіе... иногда неодолимое...

Онъ тоже всталъ и обнялъ ее за талію.

— Такъ-ли? Съ этимъ трудно не согласиться — упрямая... красавица, умница... нѣжно шепталъ онъ.

Она тихо освободила талію отъ его рукъ.

— А то выдумали — «долгъ!»

— Долгъ, повторила она настойчиво: — за отданные другъ другу лучшіе годы счастья платить взаимно остальную жизнь...

— Чѣмъ это — позвольте спросить? Варить супъ, ходить другъ за другомъ, сидѣть съ глазу на глазъ, притворяться, вянуть на правилахъ, да на долгѣ около какой-нибудь щедушной, слабонервной подруги, или разбитаго параличомъ старика, когда силы у одного еще крѣпки, жизнь зоветъ, тянетъ дальше!... Такъ, что-ли?

— Да, — удержаться, не смотрѣть туда, куда «тянетъ»! Тогда не надо будетъ и притворяться, а просто воздерживаться, «какъ

Digitized by Google

отъ рюмки», говоритъ бабушка, и это правда... Такъ я понимаю счастье и такъ желаю его!

— Ну, дѣло плохо, когда дошло до цитатъ бабушкиной мудрости. Вы хвастайтесь ей: скажите, какъ крѣпки ея правила въ васъ...

— Нечѣмъ хвастаться! уныло говорила она: — да, сегодня, отсюда, я пойду къ ней и... похвастаюсь!

— Что-же вы ей скажете?

— Все, что было здѣсь... чего она не знаетъ...

Она сѣла на скамью и, облокотившись на столъ, склонила лицо на руки и задумалась.

— Зачѣмъ? спросилъ онъ.

— Вы не поймете зачѣмъ, потому что не допускаете долга... А я давно въ долгу передъ ней...

— Все это мораль, подергивающая жизнь плесенью, скукой!... Вѣра, Вѣра — не любите вы, не умѣете любить...

Она вдругъ подошла къ нему и съ упрекомъ взглянула ему въ лицо.

— Не говорите этого, Маркъ, если не хотите привести меня въ отчаяніе! Я сочту это притворствомъ, желаніемъ увлечь меня безъ любви, обмануть...

И онъ всталъ со скамьи.

— Не говорите и вы этого, Вѣра! Не сталъ бы я тутъ слушать и читать лекціи о любви. И еслибъ хотѣлъ обмануть, то обманулъ бы давно — стало быть не могу...

— Боже мой! Изъ чего вы бьетесь, Маркъ: какъ уродуете свою жизнь! сказала она всплеснувъ руками.

— Послушайте, Вѣра, оставимъ споръ. Вашими устами говоритъ также бабушка, только, конечно, иначе, другимъ языкомъ. Все это годилось прежде, а теперь потекла другая жизнь, гдѣ не авторитеты, не заученныя понятія, а правда пробивается наружу.....

— Правда — гдѣ она? скажите наконецъ!... Не позади ли насъ? Чего вы ищете!

— Счастья! я васъ люблю! Зачѣмъ вы томите меня, зачѣмъ боретесь со мной и съ собой, и дѣлаете двѣ жертвы?

Она пожала плечами.

— Странные упреки! Поглядите на меня хорошенько — мы нѣсколько дней не видѣлись: какова я? сказала она.

— Я вижу, что вы страдаете, и тѣмъ это нелѣпѣе! Теперь и я спрошу: зачѣмъ вы ходили и ходите сюда?

Она почти враждебно посмотрѣла на него.

— За чѣмъ я не раньше почувствовала... ужасъ своего по-

Digitized by Google

ложенія—хотите вы спросить? Да, этотъ вопросъ и упрекъ давно мы должны бы были сдѣлать себѣ оба, и тогда, отвѣтивъ на него искренно другъ другу и самимъ себѣ, не ходили бы больше. Поздно... шептала она задумчиво: впрочемъ, лучше поздно чѣмъ никогда. Мы сегодня должны одинъ другому отвѣтить на вопросъ, чего мы хотѣли и ждали другъ отъ друга...

— Позвольте же мнѣ высказаться рѣшительно, продолжалъ онъ. — Я хочу вашей любви и отдаю вамъ свою, вотъ одно «правило» въ любви: правило свободнаго размѣна, указанное природой. Не насиловать привязанности, а свободно отдаваться впечатлѣнію и наслаждаться взаимнымъ счастьемъ — вотъ «долгъ и законъ», который я признаю — и вотъ мой отвѣтъ на вопросъ, «зачѣмъ я хожу?» Жертвъ надо? И жертвы есть, — по мнѣ это не жертвы, но я назову вашимъ именемъ: я останусь еще въ этомъ болотѣ, не знаю сколько времени, буду тратить силы вотъ тутъ — но не для васъ, а прежде всего для себя, потому что въ настоящее время это стало моей жизнью — и я буду жить, пока буду счастливъ, пока буду любить. А когда охладѣю—я скажу и уйду—куда поведетъ меня жизнь, не унося съ собой никакихъ долговъ, правилъ и обязанностей. Я всѣ ихъ оставлю тутъ, на днѣ обрыва! Видите, я не обманываю васъ: я высказываюсь весь. Скажу и уйду! И вы имѣете право сдѣлать тоже. А вонъ тѣ мертвецы лгутъ себѣ и другимъ — и эту ложь называютъ «правилами». А сами потихоньку дѣлаютъ тоже самое — и еще ухитрились себѣ присвоивать это право, а женщинамъ не давать его! Между нами должно быть равенство. Рѣшите, честно это, или нѣтъ?

Она покачала отрицательно головой.

— Софизмы! Честно взять жизнь у другого и заплатить ему своею: это правило! Вы знаете, Маркъ—и другія мои правила....

— Ну, дошли! теперь пойдетъ! Правило, камнемъ повиснуть на шеѣ другъ друга...

— Нѣтъ, не камнемъ! горячо возразила она. — Любовь налагаетъ долгъ, буду твердить я, какъ жизнь налагаетъ и другіе долги: безъ нихъ жизни нѣтъ. Вы стали бы сидѣть съ дряхлой, слѣпой матерью, водить ее, кормить — за что? Вѣдь это невесело — но честный человѣкъ считаетъ это долгомъ, и даже любитъ его!

— Вы разсуждаете, а не любите, Вѣра!

— А вы увертываетесь отъ моей правды! Разсуждаю, потому что люблю, я женщина, а не животное и не машина!

— У васъ какая-то сочиненная и придуманная любовь...

Digitized by Google

какъ въ романахъ... съ надеждой на безконечность... словомъ— безсрочная! Но честно ли то, что̀ вы требуете отъ меня, Вѣра? Положимъ, я бы не назначалъ любви срока: скача и играя, какъ Викентьевъ, подалъ бы вамъ руку навсегда—чего же хотите вы еще? Чтобъ «Богъ благословилъ союзъ»: говорите вы, т. е. чтобъ пойти въ церковь — да противъ убѣжденія — дать публично исполнить надъ собой обрядъ... А я не вѣрю ему и терпѣть не могу поповъ: логично ли, честно ли я поступлю?..

Она встала и накинула черную мантилью на голову.

— Мы сошлись, чтобъ удалить всѣ препятствія къ счастью,— а вмѣсто того только увеличиваемъ ихъ! Вы грубо касаетесь того, что̀ для меня свято. За чѣмъ вы вызвали меня сюда: я думала, вы уступили старой, испытанной правдѣ и что мы подадимъ другъ другу руки навсегда... Всякій разъ съ этой надеждой сходила я съ обрыва... и всякій разъ ошибалась! Я повторю, что̀ говорила давно: у насъ, Маркъ... (слабымъ голосомъ оканчивала она) и убѣжденія, и чувства разныя! Я думала, что самый умъ вашъ скажетъ вамъ... гдѣ настоящая жизнь — и гдѣ ваша лучшая роль...

— Гдѣ?

— Въ сердцѣ честной женщины, которая любитъ, и что роль друга такой женщины...

Она махнула безотрадно рукой. Ей хлынули слезы въ глаза.

— Живите вашей жизнью Маркъ — я немогу... у ней нѣтъ корня...

— Ваши корни подгнили давно, Вѣра!

— Пусть такъ! болѣе и болѣе слабѣя говорила она, и слезы появились уже въ глазахъ. — Не мнѣ спорить съ вами, опровергать ваши убѣжденія умомъ и своими убѣжденіями нельзя. У меня ни ума, ни силъ не станетъ. У меня оружіе слабо— и только имѣетъ ту цѣну, что оно мое собственное, что я взяла его въ моей тихой жизни, а не изъ книгъ, не по наслышкѣ...

Онъ сдѣлалъ движеніе, но она заговорила опять.—Я думала побѣдить васъ другой силой... Помните, какъ все случилось:— присѣвши на минуту на скамью, говорила она задумчиво:—мнѣ сначала было жалко васъ. Вы здѣсь одни, васъ не понималъ никто, всѣ убѣгали. Участіе привлекло меня на вашу сторону. Я видѣла что-то странное, распущенное. Вы не дорожили ничѣмъ — даже приличіями, были небрежны въ мысляхъ, неосторожны въ разговорахъ, играли жизнью, сорили умомъ, никого и ничего не уважали, ни во что̀ не вѣрили, и учили тому же другихъ, напрашивались на непріятности, хвастались удалью. Я изъ любопытства слѣдила за вами, позволила вамъ приходить

Digitized by Google

къ себѣ, брала у васъ книги, — видѣла умъ, какую-то силу, знанія... Но все это шло стороной отъ жизни... Потомъ... я забрала себѣ въ голову (какъ я каюсь въ этомъ!), что... Я говорила себѣ часто: сдѣлаю, что онъ будетъ дорожить жизнью... сначала для меня, а потомъ и для жизни, будетъ уважать, сначала опять меня, а потомъ и другое въ жизни, будетъ вѣрить... мнѣ, а потомъ... Я хотѣла, чтобъ вы жили, чтобъ стали лучше, выше всѣхъ... ссорилась съ вами за безпорядочную жизнь... — Она вздохнула, какъ будто перебирая въ памяти весь этотъ годъ.— Вы поддавались моему... вліянію... И я тоже поддавалась вашему: ума, смѣлости, захватила было нѣсколько... софизмовъ...

— И на попятный дворъ: бабушки страшно стало! Чтожъ не бросили тогда меня, какъ увидали софизмы? Софизмы!

— Поздно было. Я горячо приняла къ сердцу вашу судьбу... Я страдала не за одинъ этотъ темный образъ жизни, но и за васъ самихъ, упрямо шла за вами, думала, что, ради меня... вы поймете жизнь, не будете блуждать въ одиночку, со вредомъ для себя и безъ всякой пользы для другихъ... думала, что выйдетъ...

— Вице-губернаторъ, или совѣтникъ хорошій...

— Что за дѣло до названія — выйдетъ человѣкъ нужный, сильный...

— Благонамѣренный, всему покорный: еще что?

— Еще — другъ мнѣ на всю жизнь: вотъ что! Я увлекалась своей надеждой... и вотъ куда увлеклась!.. тихо добавила и оглядѣвшись вздрогнула.—И что пріобрѣла этой страшной борьбой? то, что вы теперь бѣжите отъ любви, отъ счастья, отъ жизни... отъ своей Вѣры! сказала она, придвигаясь къ нему и кладя руку на плечо. — Не бѣгите: поглядите мнѣ въ глаза, слышите мой голосъ: въ немъ правда! Не бѣгите, останьтесь, пойдемъ вмѣстѣ туда, на гору, въ садъ... Завтра здѣсь никого не будетъ счастливѣе насъ... Вы меня любите... Маркъ! Маркъ... слышите? посмотрите прямо на меня...'

Она наклонилась къ его лицу и близко поглядѣла ему въ глаза.

Онъ быстро всталъ со скамьи.

— Дальше, Вѣра, отъ меня!.. сказалъ онъ, вырывая руку и тряся головой, какъ косматый звѣрь. Онъ сталъ шагахъ въ трехъ отъ нея. — Мы не договорились до главнаго — и когда договоримся, тогда я не отскочу отъ вашей ласки и не убѣгу изъ этихъ мѣстъ... Я бы не бѣжалъ отъ этой Вѣры, отъ васъ. Но вы навязываете мнѣ другую... Если у меня ее нѣтъ?—что мнѣ дѣлать — рѣшайте, говорите, Вѣра!

Digitized by Google

— А если эта вѣра у меня есть — что мнѣ дѣлать? спросила она.

— Легче разстаться съ какими-то заученными убѣжденіями, чѣмъ пріобрѣсть ихъ, у кого ихъ нѣтъ...

— Эти убѣжденія, — сама жизнь: я уже вамъ говорила, что живу ими и не могу иначе жить... слѣдовательно...

— Слѣдовательно... повторилъ онъ, и оба встали, обоимъ тяжело было договаривать, да и не нужно было.

Она хотѣла опять накинуть шелковую мантилью на голову и не могла: руки съ мантильей упали. Ей оставалось уйти, не оборачиваясь. Она сдѣлала движеніе, шагъ, и опустилась опять на скамью.

«Гдѣ взять силы — нѣтъ ея — ни уйти, ни удержать его: все кончено! думала она. — Еслибъ удержала — что будетъ? не жизнь, а двѣ жизни, какъ двѣ тюрьмы, раздѣленныя вѣчной рѣшеткой...

— Мы оба сильны, Вѣра, и отъ того оба мучаемся, — сказалъ онъ, — отъ того и расходимся...

Она отрицательно покачала головой.

— Еслибъ я была сильна, вы не уходили бы такъ отсюда, — сказала она тихо, — а пошли бы со мной туда, на гору, не украдкой, а смѣло — опираясь на мою руку. — Пойдемте: хотите моего счастья и моей жизни? заговорила она, вдругъ ослѣпившись опять надеждой и подходя къ нему. — Не можетъ быть, чтобъ вы не вѣрили мнѣ: не можетъ быть тоже, чтобъ вы и притворялись — это было бы преступленіе! съ отчаяніемъ договорила она. — Что дѣлать, что дѣлать, Боже мой! Онъ не вѣритъ, нейдетъ! какъ вразумить васъ!

— Для этого нужно, чтобъ вы были сильнѣе меня, а мы равны, — отвѣчалъ онъ упрямо, — отъ того мы и не сходимся, а боремся. Намъ надо разойдтись, не рѣшая боя, или покориться одинъ другому навсегда... Я могъ бы овладѣть вами — и овладѣлъ бы всякой другой, мелкой женщиной, не пощадилъ бы ее. То, что въ другой было бы жеманствомъ, мелкимъ страхомъ, или тупоуміемъ, то въ васъ — сила, женская крѣпость. Теперь тумана нѣтъ между нами: мы объяснились — и я воздамъ вамъ должное. Вы хорошо вооружены природой, Вѣра. Старыя понятія, мораль, долгъ, правила, вѣра — все что для меня не существуетъ, живетъ въ васъ крѣпко. Вы не легки въ вашихъ увлеченіяхъ, вы боретесь отчаянно и соглашаетесь признать себя побѣжденной на условіяхъ, равныхъ для той и для другой стороны. Обмануть васъ — значитъ украсть. Вы отдаете все, и за

Digitized by Google

побѣду надъ вами требуете всего же. А я всего отдать не могу— но я уважаю васъ...

Голова ея приподнялась и по лицу на минуту сверкнулъ лучъ гордости, почти счастья, но въ ту же минуту она опять поникла головой. Сердце билось тоской передъ неизбѣжной разлукой и нервы упали опять. Его слова были прелюдіей прощанія.

— Мы высказались... отдаю рѣшеніе въ ваши руки! проговорилъ глухо Маркъ, отойдя на другую сторону бесѣдки и слѣдя оттуда пристально за нею. — Я васъ не обману даже теперь, въ эту рѣшительную минуту, когда у меня голова идетъ кругомъ... Нѣтъ, не могу—слышите, Вѣра: безсрочной любви не обѣщаю, потому что не вѣрю ей, и не требую ее и отъ васъ, вѣнчаться съ вами не пойду. Но люблю васъ теперь больше всего на свѣтѣ!.. И если вы послѣ всего этого, что говорю вамъ — кинетесь ко мнѣ... значитъ вы любите меня и хотите быть моей...

Она глядѣла на него большими глазами и чувствовала, что дрожитъ. «Что онъ такое: іезуитъ... или въ самомъ дѣлѣ непреклонная честность говоритъ въ немъ теперь и ставитъ ее въ опасное положеніе?» мелькнулъ въ ней лучъ сомнѣнія.

— Навсегда вашей? спросила она тихо — и сама испугалась повисшей надъ ней тучи. Скажи онъ — «да», она забыла бы о непроходимой «разности убѣжденій», дѣлавшихъ изъ этого «навсегда» — только мостикъ на минуту, чтобъ перебѣжать пропасть, и за тѣмъ онъ рухнулъ бы самъ въ туже пропасть. Ей стало страшно съ нимъ. Онъ молчалъ. Потомъ всталъ съ мѣста.—Не знаю! сказалъ онъ съ тоской и досадой:—я знаю только, что буду дѣлать теперь, а не заглядываю за полгода впередъ. Да и вы сами не знаете, что будетъ съ вами. Если вы раздѣлите мою любовь, я останусь здѣсь, буду жить тише воды, ниже травы... дѣлать, что вы хотите... Чего же еще? Или... уѣдемъ вмѣстѣ!.. вдругъ сказалъ онъ, подходя къ ней.

Передъ ней будто сверкнула молнія. И она бросилась къ нему и положила ему руку на плечо.

Ей неожиданно отворились двери въ какой-то рай. Цѣлый міръ улыбнулся ей и звалъ съ собой.... «Съ нимъ, далеко гдѣ нибудь....» думала она. Нѣга страсти стукнулась тихо къ ней въ душу. «Онъ колеблется, не можетъ оторваться: и это теперь.... Когда она будетъ одна съ нимъ... тогда, можетъ быть, онъ и самъ убѣдится, что его жизнь только тамъ, гдѣ она....» Все это пѣлъ ей какой-то тихій голосъ.

— Вы рѣшились бы на это? спросилъ онъ ее серьезно.

Она молчала, опустивъ голову.

— Или боялись бы бабушки?

Digitized by Google

Она очнулась.

— Да, это правда: еслибъ не рѣшилась, то потому только, что боялась бы ее... шептала она.

— Такъ не подходите же ко мнѣ близко, сказалъ онъ, отодвигаясь:—старуха бы не пустила....

— Ахъ, нѣтъ: пустила и благословила бы, а сама бы умерла съ горя! вотъ чего боялась бы я!... Уѣхать съ вами! повторяла она мечтательно, глядя долго и пристально на него: а потомъ?

— А потомъ... не знаю Зачѣмъ это «потомъ»?

— И вдругъ васъ «потянетъ» въ другую сторону, и вы уйдете, оставивъ меня, какъ вещь....

Отчего, какъ «вещь»? Можно разстаться друзьями....

— Разстаться! Разлука стоитъ у васъ рядомъ съ любовью! Она безотрадно вздохнула. — А я думаю, что это крайности, которыя никогда не должны встрѣчаться..... одна смерть должна разлучить.... Прощайте, Маркъ! вдругъ сказала она, блѣдная, почти съ гордостью. — Я рѣшила.... Вы никогда не дадите мнѣ того счастья, какого я хочу. Для счастья не нужно уѣзжать: оно здѣсь.... Дѣло кончено!...

— Да — скорѣе же вонъ отсюда! Прощайте, Вѣра... говорилъ и онъ не своимъ голосомъ.

И оба встали съ мѣста, оба блѣдные, стараясь не глядѣть другъ на друга. Она искала, при слабомъ проницавшемъ сквозь вѣтви лунномъ свѣтѣ, свою мантилью. Руки у ней дрожали и брали не то, что нужно. Она хваталась даже за ружье. Онъ стоялъ, прислонясь спиной къ одному изъ столбовъ бесѣдки, не бралъ ничего и мрачно слѣдилъ за нею. Она наконецъ отыскала бѣлую мантилью и никакъ не могла накинуть ее на другое плечо. Онъ машинально помогъ ей. Она въ темнотѣ искала ступенекъ ногой—онъ шагнулъ изъ бесѣдки прямо на землю, подалъ ей руку и помогъ сойти. Оба пошли молча по дорожкѣ, все замедляя шагъ, какъ-будто чего-то другъ отъ друга ожидая. Обоихъ мучила одна и та же мысленная работа: изобрѣсти предлогъ замедленія.

Оба понимали, что каждый съ своей точки зрѣнія правъ — но оба все-таки безумно втайнѣ надѣялись, онъ — что она перейдетъ на его сторону, а она — что онъ уступитъ, и оба понимали, что надежда была нелѣпа, что никто изъ нихъ не могъ, хотя бы и хотѣлъ, внезапно переродиться, залучить къ себѣ, какъ шапку надѣть, другія убѣжденія, другое міросозерцаніе, раздѣлить вѣру, или отрѣшиться отъ нея. Но ихъ убивало сознаніе, что это послѣднее свиданіе, послѣдній разъ, что черезъ пять минутъ они будутъ чужіе другъ другу навсегда. Имъ хотѣлось

Digitized by Google

задержать эти пять минутъ, уложить въ нихъ все свое прошлое—и—еслибъ можно было—заручиться какой-нибудь надеждой на будущее! Но потомъ оба сознавали, что будущаго нѣтъ, что впереди ждала, неизбѣжная, какъ смерть, одна разлука!

Они долго шли до того мѣста, гдѣ ему надо было перескочить черезъ низенькій плетень на дорогу, а ей взбираться, между кустовъ, по тропинкѣ на гору, въ садъ. Она, наклонивъ голову, стояла у подъема на обрывъ, какъ убитая. Она припоминала всю жизнь и не нашла ни одной такой горькой минуты въ ней. У ней глаза были полны слезъ. Теперь ея единственнымъ счастьемъ на мигъ было бы — обернуться, взглянуть на него хоть разъ и поскорѣе уйти навсегда, но уходя, измѣрить хоть глазами—что она теряла. Ей было жаль этого уносящагося вихря счастья, но она не смѣла обернуться: это было бы все-равно, что сказать *да* на его роковой вопросъ, и она въ тоскѣ сдѣлала шага два на крутизну.

Онъ шелъ къ плетню, тоже не оборачиваясь, злобно, непокорнымъ звѣремъ, уходящимъ отъ добычи. Онъ не лгалъ: онъ уважалъ Вѣру, но уважалъ противъ воли, какъ въ сраженіи уважаютъ непріятеля, который отлично дерется. Онъ проклиналъ «городъ мертвецовъ», «старыя понятія», оковавшія эту живую, свободную душу. Его горе было не трогательное, возбуждающее участіе, а злое, неуступчивое, вызывающее новые удары противника за непокорность. Даже это было не горе, а свирѣпое отчаяніе. Онъ готовъ былъ изломать Вѣру, какъ ломаютъ чужую драгоцѣнность, съ проклятіемъ: «не доставайся никому!» Такъ, по собственному признанію, сдѣланному ей, онъ и поступилъ бы съ другой, но не съ ней. Да она и не далась бы въ ловушку — стало быть, надо бы было прибѣгнуть къ насилію и сдѣлаться въ одну минуту и на одну минуту разбойникомъ. Притомъ, одна матеріяльная побѣда, обладаніе Вѣрой, не доставило бы ему полнаго удовлетворенія, какъ доставило бы надъ всякой другой. Онъ, уходя, злился не за то, что красавица-Вѣра ускользаетъ отъ него, что онъ теряетъ добычу, что онъ тратилъ на нее время, силы, забывалъ «дѣло». Онъ злился отъ гордости и страдалъ сознаніемъ своего безсилія. Онъ одолѣлъ воображеніе, пожалуй—такъ-называемое сердце Вѣры, но не одолѣлъ ея ума и воли. Въ этой области она обнаружила непреклонность, равную его настойчивости. У ней былъ характеръ и она упрямо вырабатывала себѣ изъ старой «мертвой» жизни, крѣпкую, живую жизнь — и была и для него также, какъ для Райскаго, какой-то прекрасной статуей, дышащей самобытною жизнью, живущей своимъ, не заемнымъ умомъ, своей гордой волей. Она была выше другихъ жен-

Digitized by Google

щинъ. Онъ это видѣлъ, гордился своимъ успѣхомъ въ ея любви, и тутъ же падалъ, сознаваясь, что, какъ онъ ни бился развивать Вѣру, давать ей свой свѣтъ, но кто-то другой, ея вѣра, по ея словамъ, да какой-то попъ изъ молодыхъ, да Райскій съ своей поэзіей, да бабушка съ моралью, а еще болѣе—свои глаза, свой слухъ, тонкое чутье и женскіе инстинкты, потомъ воля—поддерживали ея силу и давали ей оружіе противъ него, противъ его правды, и окрашивали старую, обыкновенную жизнь и правду въ такіе здоровые цвѣта, передъ которыми казалась и блѣдна, и пуста, и фальшива, и холодна — та правда и жизнь, какую онъ добывалъ себѣ изъ новыхъ, казалось бы—свѣжихъ источниковъ. Его новыя—правда и жизнь не тянули къ себѣ ея здоровую и сильную натуру; а послужили только къ тому, что она разобрала ихъ по клочкамъ и осталась вѣрнѣе своей истинѣ.

И вотъ она уходитъ, не оставивъ ему никакого залога побѣды, кромѣ минувшихъ свиданій, которыя исчезнутъ, какъ слѣди на пескѣ. Онъ проигрывалъ сраженіе, терялъ ее, и уходя понималъ, что никогда не встрѣтитъ другой, подобной Вѣры. Онъ сравнивалъ ее съ другими, особенно «новыми» женщинами, изъ которыхъ многія такъ любострастно поддавались жизни по новому ученію, какъ Марина своимъ любвямъ—и находилъ, что это—жалкія, пошлыя, и болѣе падшія созданія, нежели всѣ другія падшія женщины, уступавшія воображенію, темпераменту, и даже золоту, а тѣ будто бы принципу, котораго часто не понимали, въ которомъ не убѣдились, повѣривъ на-слово, слѣдовательно уступали чему-нибудь другому, чему простодушно уступала, напримѣръ, жена Козлова, только лицемѣрно или тупо прикрывали это принципомъ. Онъ шелъ медленно, сознавая, что за спиной у себя оставлялъ навсегда то, чего уже никогда не встрѣтитъ впереди. Обмануть ее, увлечь, обѣщать «безсрочную любовь», сидѣть съ ней годы, пожалуй — жениться.... Онъ содрогнулся опять при мысли употребить грубый, площадной обманъ—да и не поддастся она ему теперь. Онъ топнулъ ногой и вскочилъ на плетень, перекинувъ ноги на другую сторону. «Посмотрѣть, что она? Ушла, гордое созданіе! Что жалѣть: она не любила меня, иначе бы не ушла.... Она резонерка....» думалъ онъ, сидя на плетнѣ. «Взглянуть одинъ разъ.... что онъ—и отвернуться навсегда....» колебалась и она, стоя у подъема на крутизну.

Еще прыжокъ: плетень и канава скрыли бы ихъ другъ отъ друга навсегда. За оградой—разсудокъ и воля заговорятъ сильнѣе и одержатъ окончательную побѣду. Онъ обернулся.... Вѣра стоитъ у подъема на крутизну, какъ-будто не можетъ взойти на нее... Наконецъ она сдѣлала, съ очевиднымъ утомленіемъ, два,

Digitized by Google

три шага и остановилась. Потомъ.... тихо обернулась назадъ и вздрогнула. Маркъ сидѣлъ еще на плетнѣ и глядѣлъ на нее....

— Маркъ, прощай! вскрикнула она—и сама испугалась собственнаго голоса: такъ было въ немъ много тоски и отчаянія.

Маркъ быстро перекинулъ ноги назадъ, спрыгнулъ и въ нѣсколько прыжковъ очутился подлѣ нея. «Побѣда! побѣда!» вопило въ немъ. «Она возвращается, уступаетъ!»

— Вѣра! произнесъ и онъ такимъ голосомъ, какъ-будто простоналъ.

— Ты воротился.... навсегда?... Ты понялъ наконецъ.... о, какое счастье!... Боже, прости....

Она не договорила.

Она была у него въ объятіяхъ. Поцѣлуй его зажалъ ея вопль. Онъ поднялъ ее на грудь себѣ, и опять, какъ звѣрь, помчался въ бесѣдку, унося добычу....

Боже, прости ее, что она обернулась!...

XIII.

Райскій сидѣлъ цѣлый часъ, какъ убитый, надъ обрывомъ, на травѣ, положивъ подбородокъ на колѣни и закрывъ голову руками. Все стонало въ немъ: онъ страшной мукой платилъ за свой великодушный порывъ, страдая, сначала за Вѣру, потомъ за себя, кляня себя за великодушіе. Неизвѣстность, ревность, пропавшія надежды на счастье, и впереди все тѣ же боли страсти, среди которой онъ не зналъ ни тихихъ дней, ни ночей, ни одной минуты отдыха! Засыпалъ онъ мучительно, трудно. Сонъ не сходилъ, какъ другъ, къ нему, а являлся, какъ часовой, смѣнить другой мукой муку бдѣнія. Когда онъ открывалъ глаза утромъ, передъ нимъ стоялъ уже призракъ страсти, въ видѣ непреклонной, злой и холодной къ нему Вѣры, отвѣчающей смѣхомъ на его требованіе открыть ему имя, имя—одно, что могло нанести рѣшительный ударъ его горячкѣ, сдѣлать спасительный переломъ въ болѣзни и дать ей легкій исходъ.

«Но что она нейдетъ!» вдругъ, оглянувшись, сказалъ онъ. Онъ посмотрѣлъ на часы. «Она ушла въ девятомъ часу, а теперь скоро одиннадцать! Она велѣла подождать, сказала, что вернется сейчасъ: дологъ этотъ часъ!... Что она? гдѣ она?» въ тревогѣ повторялъ онъ.

Онъ взобрался на верхъ обрыва, сѣлъ на скамью и сталъ прислушиваться, не идетъ ли? Ни звука, ни шороха: только шумѣли падающіе мертвые листья. «Велѣла ждать и забыла, — а

Digitized by Google

я жду!» говорилъ онъ, вставая со скамьи и спускаясь опять шага три съ обрыва и все прислушиваясь. «Боже мой! Ужели она до поздней ночи остается на этихъ свиданіяхъ? Да кто, что она такое, эта моя статуя, прекрасная, гордая Вѣра? Она тамъ, можетъ быть, хохочетъ надо мной, вмѣстѣ съ нимъ.... Кто онъ? Я хочу знать—кто онъ?» въ ярости сказалъ онъ вслухъ. «Имя, имя! Я ей—орудіе, ширма, покрышка страсти.... Какой страсти?»

Имъ овладѣло отчаяніе, тождественное съ отчаяніемъ Марка. Пять мѣсяцевъ женщина таится, то позволяя любить, то отталкивая, смѣется въ лицо... «За что такая казнь за увлеченіе? Что она дѣлаетъ со мной? Не имѣю ли я право, послѣ всѣхъ этихъ продѣловъ, отнять у нея ея секретъ и огласить таинственное имя?»

Онъ быстро сбѣжалъ съ крутизны и остановился у кустовъ, прислушиваясь. Ничего не слышно. «Это, однако... гадко... говорилъ онъ: украсть секретъ...» И самъ вступилъ въ чащу кустовъ: «такъ гадко... что...»

И воротился шага три назадъ. «Воровство»! шепталъ онъ, стоя въ нерѣшимости и отирая потъ платкомъ съ лица. «А завтра опять игра въ загадки, опять русалочные глаза, опять злобно, съ грубымъ смѣхомъ, брошенное мнѣ въ глаза: «васъ люблю». Конецъ пыткѣ — узнаю!» рѣшилъ онъ и бросился въ кусты. Онъ крался, какъ воръ, ощупью, проклиная каждый хрустнувшій сухой прутъ подъ ногой, не чувствуя ударовъ вѣтвей по лицу. Онъ ползъ на удачу, не зная мѣста свиданій. Отъ волненія онъ садился на землю и переводилъ духъ.

Угрызеніе совѣсти на минуту останавливало его: потомъ онъ опять ползъ, разрывая сухіе листья и землю ногтями... Онъ миновалъ бугоръ, насыпанный надъ могилой самоубійцы и направлялся къ бесѣдкѣ, глядя, слушая по сторонамъ, не увидитъ ли ее, не услышитъ-ли голоса.

Между тѣмъ въ домѣ у Татьяны Марковны все шло своимъ порядкомъ. Отужинали и сидѣли въ залѣ, позѣвывая. Ватутинъ разсыпался въ вѣжливостяхъ со всѣми, даже съ Полиной Карповной, и съ матерью Викентьева, шаркая ножкой, любезничая и глядя такъ на каждую женщину, какъ будто готовъ былъ всѣмъ ей пожертвовать. Онъ говорилъ, что дамамъ надо стараться дѣлать «пріятности.» «Гдѣ Мг Борисъ?» спрашивала ужъ въ пятый разъ Полина Карповна, и до ужина, и послѣ ужина, у всѣхъ. Наконецъ обратилась съ этимъ вопросомъ и къ бабушкѣ. «Богъ его знаетъ — бродитъ гдѣ-нибудь: въ гости, въ городъ ушелъ, должно быть; и никогда не скажетъ куда — такая вольница! не знаешь, куда лошадь послать за нимъ!»

Digitized by Google

Яковъ сказалъ, что Борисъ Павловичъ «гуляли въ саду до поздняго вечера».

Про Вѣру сказали тоже, когда послали ее звать къ чаю, что она не придетъ. А ужинать просила оставить ей, говоря, что пришлетъ, если захочетъ ѣсть. Никто не видалъ, какъ она вышла, кромѣ Райскаго.

— Скажи Маринѣ, Яковъ, чтобы барышнѣ, какъ спроситъ, не забыли разогрѣть жаркое, а пирожное отнести на ледникъ, а то распустится,—приказывала бабушка.—А ты, Егорка, какъ Борисъ Павловичъ вернется, не забудь доложить, что ужинъ готовъ, чтобъ онъ не подумалъ, что ему не оставили, да не легъ спать голодный.

— Слушаю-съ, сказали оба.

— Полунощники, право, полунощники! съ досадой и съ тоской про себя замѣтила бабушка: шатаются объ эту пору: холодъ эдакой...

— Я пойду въ садъ, сказала Полина Карповна: можетъ быть Mr Borіs недалеко. Онъ будетъ очень радъ видѣться со мной... Я замѣтила, что онъ хотѣлъ мнѣ кое-что сказать... таинственно прибавила она. — Онъ вѣрно не зналъ, что я здѣсь.

— Зналъ, отъ того и ушелъ, шепнула Мирѳинька Викентьеву.

— Я—вотъ что́ сдѣлаю, Марѳа Васильевна: побѣгу впередъ, сяду за кустъ и объяснюсь съ ней въ любви голосомъ Бориса Павловича... предложилъ было ей, тоже шепотомъ, Викентьевъ.

— Она, пожалуй, испугается и упадетъ въ обморокъ, тогда бабушка дастъ вамъ знать! Что́ выдумали! отвѣчала она, удерживая его за рукавъ.

— Я пойду на минуту, позвольте, я приведу бѣглеца..., настаивала Полина Карповна.

— Идите, Богъ съ вами, сказала Татьяна Марковна — да глазъ не выколите: вонъ темнота какая! хоть Егорку возьмите, онъ проводитъ съ фонаремъ...

— Нѣтъ, я одна: не нужно, чтобъ намъ мѣшали.,

— Напрасно! вѣжливо замѣтилъ Титъ Никонычъ, — въ эти сырые вечера отнюдь не должно позволять себѣ выходить послѣ восьми часовъ вечера...

— Я не боюсь... сказала Крицкая, надѣвая мантилью.

— Я бы не смѣлъ останавливать васъ, замѣтилъ онъ: но одинъ врачъ—онъ живетъ въ Дюссельдорфѣ, что́ близъ Рейна... я забылъ его фамилію—теперь я читаю его книгу и, если угодно, могу доставить вамъ... Онъ предлагаетъ отмѣнныя гигіеническія правила... И онъ совѣтуетъ...

Digitized by Google

Онъ не кончилъ, потому что Полина Карповна ушла, сказавъ ему только, чтобъ онъ подождалъ и отвезъ ее домой.

— Съ полнымъ удовольствіемъ, съ полнымъ удовольствіемъ! говорилъ онъ, кланяясь ей вслѣдъ и затворяя за ней двери во двору и саду.

XIV.

Немного спустя послѣ этого разговора, надъ обрывомъ, въ глубокой темнотѣ, послышался шумъ шаговъ между кустами. Трещали сучья, хлестали сильно задѣваемыя вѣтви, осыпались листы и слышались торопливые, широкіе скачки—взбиравшагося на крутизну, будто раненаго, или испуганнаго звѣря. Шумъ все ближе, ближе, наконецъ изъ кустовъ выскочилъ на площадку передъ обрывомъ Райскій, но болѣе изступленный и дикій, чѣмъ раненый звѣрь. Онъ бросился на скамью, выпрямился и сидѣлъ минуты двѣ неподвижно, потомъ всплеснулъ руками и закрылъ ими глаза.

«Во спѣ это, или на яву! шепталъ онъ точно потерянный. Нѣтъ, я ошибся, не можетъ быть! Мнѣ почудилось!»... Онъ всталъ, опять сѣлъ, какъ будто во что-то вслушиваясь, потомъ положилъ руки на колѣни и разразился нервическимъ хохотомъ.

«Какія тутъ еще сомнѣнія, вопросы, тайны! сказалъ онъ и опять захохоталъ, качаясь отъ смѣха, взадъ и впередъ. «Статуя! чистота! красота души! Вѣра—статуя! А онъ!... И пальто, которое я послалъ «изгнаннику» валяется у бесѣдки! и пари свое онъ взыскалъ съ меня, двѣсти двадцать рублей, да прежнихъ восемьдесятъ... да, да! это триста рублей!.. Секлетея Бурдалахова!»

Онъ захохоталъ снова, какъ будто застоналъ. Потомъ вдругъ замолчалъ и схватился за бокъ. «О, какъ больно здѣсь!» простоналъ онъ. «Вѣра-кошка! Вѣра-тряпка, слабонервная, слабосильная, изъ тѣхъ падшихъ, жалкихъ натуръ, которыхъ поражаетъ пошлая, чувственная страсть — обыкновенно къ какому-нибудь здоровому хаму!..

«Пусть такъ — она свободна, но какъ она смѣла ругаться надъ человѣкомъ, который имѣлъ неосторожность пристраститься къ ней, надъ братомъ, другомъ!.. съ яростью шипѣлъ онъ: о, мщеніе, мщеніе»!

Онъ вскочилъ и въ мучительномъ раздумьѣ стоялъ. Какое мщеніе? Бѣжать къ бабушкѣ, схватить ее и привести сюда, съ

Digitized by Google

толпой людей, съ фонарями, освѣтить позоръ и сказать: «вотъ мѣя, которую вы двадцать три года грѣли на груди!..»

Онъ махнулъ рукой и приложилъ ее къ горячему лбу: «Подло, Борисъ! шепталъ онъ себѣ: и не сдѣлаешь ты этого! это было бы мщеніе не ей, а бабушкѣ, все равно что твоей матери!..»

Онъ уныло опустилъ голову, потомъ вдругъ поднялъ ее и съ бѣшенствомъ прыгнулъ къ обрыву.

«А тамъ совершается торжество этой тряпичной страсти — да, да: эта темная ночь скрыла поэму любви! онъ презрительно засмѣялся.—«Любви»! повторилъ онъ. Маркъ! блудящій, огонь, буянъ, трактирный либералъ! Ахъ! сестрица, сестрица! ужъ лучше бы вы придержались одного своего поклонника, ядовито шепталъ онъ: рослаго и красиваго Тушина! у того—и лѣса, и земли, и воды, и лошадьми править, какъ на олимпійскихъ играхъ, а этотъ!»

Онъ съ трудомъ перевелъ духъ. «Это наша «партія дѣйствія», шепталъ онъ, — да, изъ кармана показываетъ кулакъ полиціймейстеру, проповѣдуетъ горничнымъ да дьячихамъ о нелѣпости брака, съ Фейербахомъ и съ мнимой страстью къ изученію природы, вкрадывается въ довѣренность женщинъ и увлекаетъ вотъ этакихъ слабонервныхъ умницъ... Погибай же ты, бѣдная самка, тутъ на днѣ обрыва, какъ тотъ бѣдный, самоубійца! Вотъ тебѣ мое прощаніе»!...

Онъ хотѣлъ плюнуть съ обрыва — и вдругъ окаменѣлъ на мѣстѣ. Противъ его воли, вопреки ярости, презрѣнія, въ воображеніи — тихо поднимался со дна обрыва и вставалъ передъ нимъ образъ Вѣры, въ такой обольстительной красотѣ, въ какой онъ не видалъ ее никогда! У ней глаза горѣли, какъ звѣзды, страстью. Ничего злого и холоднаго въ нихъ, никакой тревоги, тоски: одно счастье глядѣло лучами яркаго свѣта. Въ груди, въ рукахъ, въ плечахъ, во всей фигурѣ струилась и играла полная, здоровая жизнь и сила. Она примирительно смотрѣла на весь міръ. Она стояла на своемъ пьедесталѣ, но не бѣлой, мраморной статуей, а живою, неотразимо-плѣнительной женщиной, какъ то поэтическое видѣніе, которое снилось ему однажды, когда онъ, подъ обаяніемъ красоты Софьи, шелъ къ себѣ домой и видѣлъ женщину-статую, сначала холодную, непробужденную, потомъ видѣлъ ея пробужденіе, преображеніе изъ статуи въ живое существо, около котораго заиграла и заструилась жизнь, зазелѣнѣли деревья, заблистали цвѣты, разлилась теплота... И вотъ она, эта живая женщина, передъ нимъ! Въ глазахъ его совершился актъ пробужденія Вѣры, его статуи, отъ дѣвическаго сна. Ледъ и огонь холодили и жгли его грудь, онъ надрывался отъ мукъ и—

Digitized by Google

все не могъ оторвать глазъ отъ этого неотступнаго образа красоты, сіяющаго теперь гордостью и смотрящаго съ любовью на весь міръ. и съ дружеской улыбкой протягивающей руку и ему... «Я счастлива!» слышитъ онъ ея шепотъ.

У ногъ ея, какъ отдыхающій левъ, лежалъ безмолвно торжествуя, Маркъ, на головѣ котораго покоилась ея нога... Райскій вздрогнулъ, стараясь отрезвиться.

Его гналъ отъ обрыва ужасъ «паденія» его сестры, его красавицы, подкошеннаго цвѣтка, а ревность, бѣшенство, и болѣе всего — новая, неотразимая красота пробужденной Вѣры, влекли опять къ обрыву, на торжество любви, на этотъ праздникъ, который, кажется, торжествовалъ весь міръ, вся природа. Ему слышались голоса, порханье и пѣнье птицъ, лепетъ любви и громадный, страстный вздохъ, огласившій будто весь садъ и все прибрежье Волги... Онъ въ ужасѣ стоялъ, окаменѣлый, надъ обрывомъ, то вглядываясь мысленно въ новый, пробужденный образъ Вѣры, то терзаясь нечеловѣческими муками, и шепталъ блѣдный: «мщеніе, мщеніе!»

А кругомъ и внизу все было тихо и темно. Вдругъ, въ десяти шагахъ отъ себя, онъ замѣтилъ силуэтъ приближающейся къ нему отъ дома человѣческой фигуры. Онъ сталъ смотрѣть.

— Кто тутъ? съ злостью спросилъ онъ.

— Это я... я...

— Кто? повторилъ онъ еще злѣе.

— Mr. Boris, это я... Pauline.

— Вы! Что вамъ надо здѣсь?

— Я пришла... я знаю... вижу... вы хотите давно сказать... шептала Полина Карповна таинственно: но не рѣшаетесь... Du courage! здѣсь никто не видитъ и не слышитъ... Espérez tout...

— Что сказать — говорите!..

— Que vous m'aimez... о, я давно угадала... n'est-ce pas? Vous m'avez fui... mais la passion vous a ramenée ici...

Онъ схватилъ ее за руку и потащилъ къ обрыву.

— Ah! de grâce! Mais pas si brusquement... qu'est-ce que vous faites... mais laissez donc!... завопила она въ страхѣ и не на шутку испугалась.

Но онъ подтащилъ ее къ крутизнѣ и крѣпко держалъ за руку.

— Любви хочется! говорилъ онъ въ изступленіи: вы слышите, сегодня ночь любви... Слышите вздохи... поцѣлуи? это страсть играетъ, да, страсть, страсть!... Я люблю васъ, люблю, люблю! шепталъ онъ съ яростью, обнявъ и вертя ее, какъ въ вихрѣ, и самъ вертясь съ нею, не помня себя...

Digitized by Google

— Пустите, пустите! пищала она не своимъ голосомъ: я упаду, мнѣ дурно...

Онъ пустилъ ее, руки у него упали, онъ перевелъ духъ. Потомъ взглянулъ на нее пристально, какъ будто только сейчасъ замѣтилъ ее.

— Прочь, гадина! крикнулъ онъ, толкнувъ ее въ плечи. Она упала на траву, а онъ, какъ дикій, бросился бѣжать отъ нея, отъ обрыва, черезъ весь садъ, цвѣтникъ, и выбѣжалъ на дворъ.

На дворѣ онъ остановился и перевелъ духъ, оглядываясь по сторонамъ. Онъ услыхалъ, что кто-то плещется у колодезя: Егорка, должно быть, дѣлалъ ночной туалетъ, полоскалъ себѣ руки и лицо. «Принеси чемоданъ», сказалъ онъ: «завтра уѣзжаю въ Петербургъ». И самъ налилъ себѣ изъ жолоба воды на руки, смочилъ глаза, голову—и скорыми шагами пошелъ домой.

Онъ выбѣгалъ на крыльцо, ходилъ по двору въ одномъ сюртукѣ, глядѣлъ на окна Вѣры и опять уходилъ въ комнату, ожидая ея возвращенія. Но въ темнотѣ видѣть дальше десяти шаговъ ничего было нельзя и онъ избралъ для наблюденія бесѣдку изъ акацій, бѣсясь, что нельзя укрыться и въ ней, потому что листья облетѣли. До свѣта онъ сидѣлъ тамъ, какъ на угольяхъ— не отъ страсти: страсть какъ будто въ воду канула. И какая страсть устояла бы передъ такимъ «препятствіемъ!» Нѣтъ, онъ сталъ неодолимымъ желаніемъ взглянуть Вѣрѣ въ лице, новой Вѣрѣ, и хоть взглядомъ презрѣнія заплатить этой «самкѣ» за ея позоръ, за зло, за оскорбленіе, нанесенное ему, бабушкѣ, всему дому, «цѣлому обществу, наконецъ человѣку, женщинѣ!»

«Люби открыто, не крадь довѣрія, наслаждайся счастьемъ и плати жертвами, не играй уваженіемъ людей, любовью семьи, не лги позорно и не унижай собой женщины!» думалъ онъ. «Да, взглянуть на нее, чтобъ она въ этомъ взглядѣ прочла себѣ приговоръ и казнь — и уѣхать навсегда!» Онъ трясся отъ лихорадки нетерпѣнія, ожидая, когда она воротится. Онъ, какъ барсъ, выскочилъ бы изъ засады, загородилъ ей дорогу и бросилъ бы ей этотъ взглядъ, сказалъ бы одно слово... Какое?

Онъ чесалъ себѣ голову, трогалъ лицо, сжималъ и разжималъ ладони, и корчился въ судорогахъ, въ углу бесѣдки. Вдругъ онъ вскочилъ, отбросилъ отъ себя прочь пледъ, въ который прятался, и лицо его озарилось какою-то злобно-торжественной радостью, мыслью, или намѣреніемъ. «Это сама судьба подсказала», шепталъ онъ и побѣжалъ къ воротамъ. Онѣ были еще заперты: онъ поглядѣлъ кругомъ и замѣтилъ огонекъ лампады въ комнатѣ Савелья. Онъ постучалъ въ окно его, и когда тотъ отворилъ, ве-

Digitized by Google

лѣлъ принести ключъ отъ калитки, выпустить его и не запирать. Но прежде забѣжалъ къ себѣ, взялъ купленный имъ porte-bouquet и бросился въ оранжерею, къ садовнику. Долго стучался онъ, пока тотъ проснулся, и оба вошли въ оранжерею. Начинало разсвѣтать. Онъ окинулъ взглядомъ деревья, и злая улыбка освѣтила его лицо. Онъ указывалъ, какіе цвѣты выбрать для букета Марѳиньки: въ него вошли всѣ, какіе оставались. Садовникъ сдѣлалъ букетъ на славу.

— Мнѣ нуженъ другой букетъ.... сказалъ Райскій нетвердымъ голосомъ.

— Этакій же? спросилъ садовникъ.

— Нѣтъ.... изъ однихъ померанцевыхъ цвѣтовъ.... шепталъ онъ и самъ поблѣднѣлъ.

— Такъ-съ: вѣдь одна барышня-то у Татьяны Марковны невѣста! догадался садовникъ.

— Есть у тебя стаканъ воды... спросилъ Райскій.—Дай пить!

Онъ съ жадностью выпилъ стаканъ, торопя садовника сдѣлать букетъ. Наконецъ тотъ кончилъ. Райскій щедро заплатилъ ему, и завернувъ въ бумагу оба букета, осторожно и торопливо понесъ домой. Нужно было узнать, не вернулась ли Вѣра во время его отлучки. Онъ велѣлъ разбудить и позвать къ себѣ Марину и послалъ ее посмотрѣть, дома ли барышня, или «ужъ вышла гулять». На отвѣтъ, что «вышла», онъ велѣлъ Марѳинькинъ букетъ поставить къ Вѣрѣ на столъ и отворить въ ея комнатѣ окно, сказавши, что она поручила ему еще съ вечера это сдѣлать. Потомъ отослалъ ее, а самъ занялъ свою позицію въ бесѣдкѣ и ждалъ, замирая—отъ удалявшейся, какъ буря страсти, отъ ревности, и будто еще отъ чего-то.... жалости, кажется.... Но пока еще обида, и долго переносимая пытка, заглушали все человѣческое въ немъ. Онъ злобно душилъ голосъ жалости. И «добрый духъ», печально молчалъ въ немъ. Не слышно его голоса: тихая работа его остановилась. Бѣсы вторглись и рвали его внутренность. Райскій положилъ щеку на руку, смотрѣлъ около и ничего не видѣлъ, кромѣ дорожки къ крыльцу Вѣры, чувствовалъ только ядъ лжи, обмана.

«Мнѣ надо застрѣлить эту собаку, Марка, или застрѣлиться самому: да, что-нибудь одно изъ двухъ, но прежде сдѣлаю вотъ это третье».... шепталъ онъ. Онъ, какъ святыню, обѣими руками, держалъ будетъ померанцовыхъ цвѣтовъ, глядя на него съ наслажденіемъ, а самъ все оглядывался черезъ цвѣтникъ—къ темной аллеѣ, а ее все нѣтъ!

Совсѣмъ разсвѣло. Пошелъ мелкій дождь, стало грязно. «Не послать ли имъ два зонтика?» думалъ онъ съ безотрадной улыбкой,

Digitized by Google

ская букетъ и нюхая его.... Вдругъ издали увидѣлъ Вѣру—и до того потерялся, испугался, ослабѣлъ, что не могъ, не только выскочить, «какъ барсъ», изъ засады и заградить ей путь, но долженъ былъ самъ крѣпко держаться за скамью, чтобъ не упасть. Сердце билось у него, колѣнки дрожали, онъ приковалъ взглядъ къ идущей Вѣрѣ и не могъ оторвать его, хотѣлъ встать—и тоже не могъ: ему было больно даже дышать.

Она шла, наклонивъ голову, совсѣмъ закрытую черной мантильей. Видны были только двѣ блѣдныя руки, державшія мантилью на груди. Она шагала не торопливо, не поворачивая головы по сторонамъ, осторожно обходя образовавшіяся небольшія лужи, медленными шагами вошла на крыльцо и скрылась въ сѣняхъ. Съ Райскаго какъ будто сняли кандалы: онъ, блѣдный, выскочилъ изъ засады и спрятался подъ ея окномъ.

Она вошла въ комнату, погруженная точно въ сонъ, не замѣтила, что платье, которое, уходя, разбросала на полу, уже прибрано, не видала ни букета на столѣ, ни отвореннаго окна. Она машинально сбросила съ себя обѣ мантильи на диванъ, сняла грязныя ботинки, ногой достала изъ-подъ постели атласныя туфли и надѣла ихъ. Потомъ, глядя не около себя, а куда-то вдаль, опустилась на диванъ, и въ изнеможеніи, закрывъ глаза, опершись спиной и головой къ подушкѣ дивана и погрузилась будто въ сонъ.

Черезъ минуту ее пробудилъ глухой звукъ чего-то упавшаго на полъ. Она открыла глаза и быстро выпрямилась, глядя вокругъ. На полу лежалъ большой букетъ померанцовыхъ цвѣтовъ, брошенный снаружи въ окно. Она, кинувъ бѣглый взглядъ на него, поблѣднѣла, какъ смерть, и не поднявъ цвѣтовъ, быстро подошла къ окну. Она видѣла уходившаго Райскаго и оцѣпенѣла на минуту отъ изумленія. Онъ обернулся, взгляды ихъ встрѣтились. «Великодушный другъ... «рыцарь»... прошептала она и вздохнула съ трудомъ, какъ отъ боли, и тутъ только замѣтивъ другой букетъ на столѣ, назначенный Марѳинькѣ, взяла его, машинально поднесла къ лицу, но букетъ выпалъ у ней изъ рукъ и она сама упала безъ чувствъ на коверъ.

И. Гончаровъ.

Digitized by Google

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ

РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1787 — 1795.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I*).

Путешествіе Екатерины на югъ. — Свиданіе Станислава Августа съ Екатериною и Іосифомъ. — Проектъ союза Польши съ Россіею.

Въ сосѣдствѣ съ Польшею возникали важные замыслы, происходили приготовленія къ великому перевороту. Екатерина съ большимъ рвеніемъ принялась за свою давнюю мысль освобожденія восточныхъ христіанъ отъ мусульманской власти. Ослабѣло вліяніе Панина, державшагося союза съ Пруссіей; предпріимчивый и смѣлый Потемкинъ поддерживалъ въ императрицѣ намѣреніе рѣшить судьбу Востока. Еще въ 1782 году заключенъ былъ тайный договоръ съ Іосифомъ II о взаимномъ дѣйствіи противъ турокъ. Замышляли уничтожить турецкую имперію. Россія пріобрѣтала себѣ только берега Чернаго моря. Іосифъ II отмежевывалъ себѣ полосу, начиная отъ Хотина, съ маленькою землею для прикрытія Галиціи и Буковины, часть Валахіи по правому берегу Алюты, а отъ устья этой рѣки, противъ Никополиса, по теченію Дуная до Бѣлграда, лѣвый берегъ его, съ пространствомъ въ три мили на правомъ берегу, и слѣдовательно,

*) См. выше, февр. 685; мар. 154—224 стр.

Digitized by Google

города: Виддинъ, Орсову и Бѣлградъ; отъ Бѣлграда, по самой прямой и кратчайшей линіи, до залива Дрины въ Адріатическомъ морѣ; слѣдовательно, часть Сербіи, Босніи и Герцеговину, да еще къ тому и венеціянскія владѣнія въ Далмаціи, съ прилежащими островами. Венецію хотѣли вознаградить Критомъ, Кипромъ и еще кое-чѣмъ изъ Архипелага; вдобавокъ императоръ хотѣлъ пріобрѣсти въ Италіи, по крайней мѣрѣ, хотя одинъ морской портъ; затѣмъ, изъ остальной Валахіи и Молдавіи предполагали составить государство, подъ именемъ Дакіи, для раздѣленія границъ трехъ имперій. Изъ всѣхъ прочихъ турецкихъ владѣній предполагали возстановить греческую имперію и на престолъ ея посадить великаго князя Константина, внука Екатерины. Россія обязывалась оставить новосозданную имперію въ совершенной отъ себя независимости; Константинъ ни въ какомъ случаѣ не могъ получить русской короны, и никогда двѣ имперіи, россійская и греческая, не должны быть соединены подъ единою властью.

Собирали силы. Ожидали удобнаго времени, предоставляя туркамъ самимъ начать непріязненныя дѣйствія. Разрывъ былъ на волоскѣ въ 1787 году, когда императрица предприняла путешествіе въ южную Россію, куда приглашала на свиданіе и союзника своего, Іосифа II.

Это путешествіе совершалось со всѣмъ блескомъ, обычнымъ XVIII вѣку. Императрица ѣхала до Кіева цѣлый мѣсяцъ январь. Каждая перемѣна лошадей требовала ихъ до 500 штукъ подъ экипажи, сопровождавшіе государыню; для этого, изъ отдаленныхъ провинцій Россіи, сгоняли ямщиковъ и лошадей. На тѣхъ станціяхъ, гдѣ разсчитано было останавливаться государынѣ для ночлега, обѣда, или завтрака—построены были дворцы, со всѣми внутренними удобствами, богатою мебелью и коврами по лѣстницамъ. Свита и прислуга императрицы такъ обильно угощалась, что всѣ были постоянно на-веселѣ. Ночью, отъ станціи до станціи, на извѣстныхъ разстояніяхъ, зажигались смоляныя бочки; если же государынѣ приходилось въѣзжать ночью въ какой-нибудь городъ, то народъ становился на протяженіи версты или двухъ по обѣимъ сторонамъ дороги, съ зажженными свѣчами. Городскіе обыватели обязаны были красить крыши и стѣны домовъ, и заборы, и часто терпѣли черезъ то убытки и нужду; иная семья должна была нѣсколько дней голодать, истративъ деньги на покраску и поправку своего дома и заборовъ къ пріѣзду государыни. Въ разныхъ мѣстахъ устраивались тріумфальныя ворота. Дворянство спѣшило представляться государынѣ въ своихъ блестящихъ мундирахъ. Нужно было, чтобы все носило

Digitized by Google

признаки удовольствія, обилія, роскоши; народъ заставляли пѣть пѣсни; только дурно одѣтыхъ, нищихъ и голодныхъ гоняли прочь, чтобы они своимъ видомъ не нарушали общей милой картины; а нищихъ и голодныхъ на Руси въ то время было множество, по причинѣ неурожая. Такъ, шествуя въ торжественномъ величіи, императрица прибыла 29 января въ Кіевъ. Тамъ встрѣтило ее, при звукѣ колоколовъ, духовенство, за отсутствіемъ больного, въ то время, митрополита Самуила, предшествуемое переяславскимъ епископомъ Викторомъ, кіевскій генералъ-губернаторъ, фельдмаршалъ Румянцевъ, множество дворянъ и вся кіевская магдебургія со своими средневѣковыми отличіями. Въ Кіевѣ императрица рѣшилась остаться до весны въ нарочно-устроенномъ для нея деревянномъ дворцѣ. Съ нею были могучій Потемкинъ, тогдашній ея фаворитъ Мамоновъ, вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи Чернышевъ, канцлеръ Безбородко, оберъ-камергеръ Шуваловъ, извѣстный весельчакъ и острякъ своего времени оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, гофмаршалъ князь Барятинскій, генералъ-адъютантъ князь Ангальтъ, генералъ Левашевъ и иностранные посланники, австрійскій — графъ Кобенцель, англійскій — Фицъ-Гербертъ и французскій — графъ Сегюръ. Туда съѣхалось нѣсколько знатныхъ иностранцевъ, искавшихъ расположенія Екатерины и службы у нея: принцъ де-Линь, оставившій записки объ этомъ времени, принцъ Нассау-Зигенъ, славный своими путешествіями по свѣту и приключеніями, испанецъ Миранда и пр. Тихій, уединенный Кіевъ вдругъ зашумѣлъ невиданною жизнью: придворные балы, фейерверки, всевозможныя свѣтскія увеселенія. Туда съѣхались польскіе паны и наперерывъ съ русскими щеголяли великолѣпіемъ, гостепріимствомъ и многочисленностью своей свиты и прислуги. У одного Щенснаго Потоцкаго было въ Кіевѣ болѣе двухсотъ прислуги шляхетскаго происхожденія.

И король Станиславъ-Августъ отправился на свиданіе съ императрицею. Это свиданіе условлено было въ Каневѣ, послѣ открытія плаванія по Днѣпру.

Послѣднія событія должны были внушать королю, что для него и для Польши не было иного пути, кромѣ отдаться всецѣло Россіи и устроить тѣмъ или другимъ способомъ соединеніе съ этой державою. Хотя договоръ Екатерины съ Іосифомъ и заключенъ былъ втайнѣ, но всѣ уже соображали, что между Россіею и Турціею произойдетъ разрывъ скоро. Король и люди его партіи разсчитывали, что если когда, то именно при такихъ обстоятельствахъ, союзъ съ Россіею можетъ быть для Польши полезенъ. Принять участіе въ турецкой войнѣ, помогать Россіи

Digitized by Google

въ ниспроверженіи оттоманской имперіи, вслучаѣ успѣха, значило дать Польшѣ возможность возвратить потерянное къ себѣ уваженіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поставить Россію въ необходимость, ради собственныхъ выгодъ, содѣйствовать укрѣпленію Польши: для Россіи тогда выгодно будетъ, если Польша образуетъ у себя значительное войско; оно послужитъ къ увеличенію ея собственныхъ силъ; равнымъ образомъ, Россія никакъ не станетъ препятствовать внутреннему устроенію Польши, коль скоро поляки подадутъ ей увѣренность въ томъ, что они навсегда примкнутъ къ ней и будутъ съ нею въ союзѣ и соединеніи. Тогда Польша могла бы избавиться отъ притязаній и покушеній со стороны Пруссіи и Австріи: первая не была бы настолько сильна, чтобъ не уважать Россіи и Австріи; вторая, удовольствовавшись пріобрѣтеніями насчетъ Турціи, при помощи Россіи, связанная съ послѣднею взаимными выгодами, едва ли пошла бы наперекоръ своей союзницѣ. Лучше для Польши было зависѣть отъ одной державы, чѣмъ отъ трехъ разомъ. Сама по себѣ война могла быть полезна для Польши; для новообразованнаго войска она была бы школою; король, получивъ начальство надъ войскомъ, имѣлъ бы въ своихъ рукахъ силу для обузданія своевольныхъ магнатовъ и для укрѣпленія власти. Наконецъ, война, оконченная счастливо, могла даровать Польшѣ территоріальныя пріобрѣтенія и загладить потери перваго раздѣла: можно было надѣяться, что Польшѣ возвратится Галиція, если Австрія удовлетворится за нее пріобрѣтеніями отъ Турціи, и заставятъ и Пруссію отдать взятое у Польши, или какимъ-нибудь инымъ способомъ замѣнятся понесенныя Польшею отъ Пруссіи утраты. Такъ помышляли, въ то время, король и его партія. Примкнуть къ Россіи казалось наиболѣе подходящимъ дѣломъ уже и потому, что, по первому раздѣлу, Россіи достались земли, о которыхъ Польша менѣе могла сожалѣть, чѣмъ о тѣхъ, которыя достались Австріи и Пруссіи. Въ то время король и его партія не прочь были, въ крайнемъ случаѣ, не только отъ временнаго союза, но и отъ вѣчнаго соединенія съ Россіею. Они уже опасались, чтобъ Польша, находясь въ неопредѣленной зависимости отъ трехъ державъ, вслучаѣ возникшихъ между ними недоразумѣній, не сдѣлалась примирительною жертвою для водворенія между ними согласія. Если случился одинъ раздѣлъ, то могъ случиться и другой и и третій, пока Польшу не раздерутъ до конца. Въ такомъ случаѣ, значительная часть ея должна была достаться Россіи, и тогда ужъ нельзя будетъ помышлять о какихъ-нибудь договорахъ: надобно будетъ отдаваться на милость побѣдителей; такъ лучше же было предупредить возможность раздѣла и, отрѣзав-

Digitized by Google

шись отъ Пруссіи и Австріи, цѣликомъ отдаться Россіи, улучивъ время, когда Россія могла дорожить дружбою съ Польшею; тогда можно, соединившись съ нею, сохранить государственную цѣлость. Не даромъ Жанъ-Жакъ Руссо, идолъ тогдашнихъ модныхъ мечтателей, за нѣсколько времени предъ тѣмъ говорилъ полякамъ: «Скоро будетъ опять война между Россіею и Турціею; васъ будутъ звать; не колебайтесь: идите смѣло; не упускайте случая сдѣлать улучшенія въ своемъ отечествѣ.»

Подъ такими соображеніями король и его партія склонялись тогда къ союзу и, если неизбѣжно будетъ, къ соединенію съ Россіею; они только этимъ путемъ надѣялись избавиться и отъ ненавистной оппозиціи, которая не переставала строить козни.

Король выѣхалъ изъ Варшавы 28 февраля и останавливался въ разныхъ мѣстахъ. Обыватели являлись къ нему на поклонъ. Не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, онъ прибылъ въ Каневъ и тамъ оставался до мая, ожидая свиданія съ русскою императрицею. Въ маленькомъ Каневѣ у него образовался временно дворъ. Съ нимъ были паны, его сторонники: Мнишекъ съ женою, королевскою племянницею, Дзѣдушицкій, правитель его собственной канцеляріи, Тышкевичъ, женатый на другой его племянницѣ, генералъ Комаржевскій, Плятеръ, польскій посланникъ въ Петербургѣ Деболи и племянники короля—Іосифъ и Станиславъ. Близъ него былъ и Штакельбергъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ окружавшихъ короля пановъ ѣздили въ Кіевъ представляться императрицѣ и опять возвращались къ королю. Король, черезъ Штакельберга, заранѣе сообщилъ императрицѣ на письмѣ свои желанія подъ титуломъ: Souhaits de roi, и ждалъ отвѣта.

Оппозиція успѣла забѣжать впередъ, увивалась около русскаго двора въ Кіевѣ, лѣзла изъ кожи, чтобы пріобрѣсть вниманіе и милость государыни. Кромѣ Браницкаго и Щенснаго Потоцкаго тамъ были Игнатій и Станиславъ Потоцкіе, жившіе у Браницкаго въ домѣ, двое Любомирскихъ—Михаилъ и Іосифъ, Северинъ Потоцкій, Бнинскій, Казимиръ-Несторъ Сапѣга, Мошинскій и другіе. Екатерина была очень милостива къ Браницкому и женѣ его, но не подавала ему надеждъ на свою помощь въ борьбѣ съ королемъ. Самъ Потемкинъ, хотя любилъ Браницкаго до слабости, но вмѣсто того, чтобъ принимать со вниманіемъ и участіемъ его наговоры на короля, дружески совѣтовалъ ему помириться съ Станиславомъ-Августомъ и не раздражать его болѣе. Когда Браницкій вздумалъ было упрямиться, Потемкинъ кричалъ на него и даже махалъ ему подъ носомъ кулакомъ. Въ другой разъ, при Браницкихъ, у Потемкина случился нелюбимый Браницкимъ Штакельбергъ; жена Браницкаго

Digitized by Google

стала съ нимъ обходиться не любезно. Потемкинъ схватилъ свою племянницу за носъ и подвелъ къ Штакельбергу.

Браницкаго хотѣли во что бы то ни стало помирить съ королемъ, дѣлали ему внушенія, нравоученія, а все-таки дорожили имъ и ласкали его; многое прощали ему, потому что вѣрили въ его готовность служить покорно Россіи и берегли его на случай. Но рекомендація и заступничество этого самаго Браницкаго ни къ чему не послужили другимъ членамъ оппозиціи; Игнатій Потоцкій имъ самимъ представленъ былъ императрицѣ: Екатерина отвернулась отъ него и не сказала ему ни одного слова. Такой пріемъ глубоко огорчилъ его самолюбіе. Императрица считала его человѣкомъ пустымъ, безчестнымъ, со зловредными понятіями. Его никуда не приглашали. Также дурно принятъ былъ Сапѣга, хотя Браницкій усильно добивался, чтобъ императрица почтила его вниманіемъ. Императрица возненавидѣла этихъ двухъ господъ. Угождая своей государынѣ, Потемкинъ, когда пріѣзжалъ къ Браницкому обѣдать, то заранѣе объявлялъ, что не хочетъ встрѣчаться съ Потоцкимъ и Сапѣгою. Игнатія онъ называлъ мерзавцемъ (scélérat), а Казимира-Нестора лгунишкою и другимъ нелестнымъ именемъ (ce prince menteur et pisseur). Разсерженный Игнатій обратился къ французскому посланнику Сегюру, поддѣлывался къ нему разными способами и наговаривалъ ему на своего короля: онъ увѣрялъ Сегюра, будто король прибылъ на свиданіе съ императрицею нарочно для того, чтобъ возбуждать ее на Турцію. Эти обстоятельства объясняютъ, почему эти два пана, Потоцкій и Сапѣга, впослѣдствіи дышали такою злобою противъ Россіи. Другіе члены оппозиціи также не удостоились милостей императрицы; Бнинскій думалъ-было выпросить себѣ булаву полнаго гетмана, но на него такъ сурово посмотрѣли, что онъ убѣжалъ изъ Кіева. Только Щенсный Потоцкій, хотя и находился въ оппозиціи, былъ принятъ лучше. Государыня изумительно умѣла узнавать людей, подмѣчать ихъ слабыя стороны, оцѣнивать ихъ способности и умѣнье быть ей полезными. Щенсный понравился Екатеринѣ. Она сразу сообразила, что изъ этой личности, тщеславной и высокомѣрной, но вмѣстѣ прямой и сердечной, бѣдной разсудкомъ и богатой имѣніями и деньгами, можно все сдѣлать, если ее приласкать. Она не только обласкала Щенснаго, но надавала ему двусмысленныхъ надеждъ. «На васъ, не на кого другого, я полагаю упованіе спасенія Польши»—говорила она. У Потоцкаго закружилась голова отъ такого счастья, и онъ былъ долго внѣ себя отъ восторга. Михаилъ Чацкій разсказываетъ, что, впослѣдствіи, вспоминая о свиданіи съ Екатериною, онъ восклицалъ:—«Что за

Digitized by Google

женщина! Боже мой! Что это за женщина! Она осыпала дарами своихъ любимцевъ, а я бы отдалъ половину своего состоянія, чтобъ быть ея любимцемъ!»

Паны королевской партіи, представляясь въ Кіевѣ государынѣ, удостоились отъ нея ласковаго пріема. Епископа Нарушевича, историка, Екатерина особенно полюбила, какъ человѣка ученаго и назначила ему пенсію въ тысячу пять сотъ рублей, отъ которой онъ, впослѣдствіи, какъ говорятъ, отказался. Большое вниманіе было оказано коронному маршалку Мнишку и женѣ его. Императрица пожаловала этой дамѣ орденъ св. Екатерины и, когда пригласила ее вмѣстѣ съ мужемъ къ столу, то приказала Браницкой уступить высшее мѣсто Мнишковой, какъ племянницѣ польскаго короля. Также ласково были приняты племянники короля, Понятовскіе.

Съ Потемкинымъ король видался, еще не доѣхавъ до Канева, въ Хвостовѣ, куда также пріѣзжалъ и Браницкій. Оставшись наединѣ съ Потемкинымъ, Станиславъ-Августъ сталъ ему жаловаться на Браницкаго и на всю оппозицію.—«Вы, конечно, слыхали—говорилъ онъ—что я перенесъ въ послѣдніе годы понапрасну. Я не мстителенъ и не хочу дѣлать вреда никому, но долженъ стараться, чтобъ не дѣлали вреда странѣ моей и не преслѣдовали близкихъ мнѣ людей и вѣрныхъ моихъ слугъ.»

— Я считаю—сказалъ Потемкинъ—надворнаго маршала Игнатія Потоцкаго самымъ негоднѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Русскій воевода Щенсный Потоцкій — подъ властію у жены, а она большая интригантка. Гетманъ же Браницкій, право, добрый человѣкъ, полезный вашему величеству; да вотъ бѣда, что онъ поддается дурнымъ людямъ; хоть онъ и обѣщалъ мнѣ исправиться, однако, я боюсь—онъ опять попадетъ въ сѣти.

— Да—сказалъ король—человѣкъ онъ военный, а выгналъ изъ службы иностранцевъ и старыхъ инвалидовъ, все только для того, чтобы мнѣ досадить и обидѣть тѣхъ, кто мнѣ вѣренъ.

— Правда—сказалъ Потемкинъ—это очень не хорошо; но я его буду отводить отъ дурныхъ связей.

Болѣе нечего было говорить королю. Онъ ясно видѣлъ, что Потемкинъ желаетъ поставить въ границы буйство Браницкаго, но не пожертвуетъ имъ для короля.

Король обратилъ рѣчь на соединеніе съ Россіею и сказалъ:

— Вы пріобрѣтете себѣ вѣковую славу и благодарность потомства, если будете содѣйствовать соединенію въ политическую связь русскихъ и поляковъ, двухъ народовъ и безъ того уже близкихъ между собою по вѣрѣ, языку и коренному происхожденію.

Digitized by Google

Потемкинъ, съ видимымъ сочувствіемъ, слушалъ слова короля и обѣщалъ содѣйствовать его желанію, а вмѣстѣ съ тѣмъ навелъ разговоръ на соединеніе церквей—любимый свой конекъ. Въ молодости, думая вступить въ монашество, и мечтая о достиженіи архіерейскаго сана, Потемкинъ до смерти удержалъ охоту толковать о церковныхъ вопросахъ. Заговоривъ теперь объ уніи, Потемкинъ сказалъ королю:

«О происхожденіи св. Духа никто ничего не понимаетъ; а вотъ, что̀ касается до главенства папы, такъ нужно поболѣе снисходительности со стороны папы. Къ сожалѣнію, нашъ уніатскій архіепископъ Лисовскій просилъ папу дозволить уніатамъ приблизиться своими обрядами къ нашимъ, но папа не соглашался, и сказалъ: надобно поддерживать то средостѣніе, которое насъ отдѣляетъ другъ отъ друга. Папа пѣтушится, выставляется, дурачится, объ существенномъ не помышляетъ.»

Король, какъ правовѣрный католикъ, защищалъ папу и началъ жаловаться на православнаго переяславскаго епископа и слуцкаго архимандрита Садковскаго, называлъ несправедливыми его безпрестанныя жалобы на притѣсненія, оказываемыя православнымъ католиками и уніатами отбираніемъ у нихъ церквей, и просилъ назначить съ обѣихъ сторонъ коммиссаровъ для разсмотрѣнія: къ какому исповѣданію принадлежитъ та или другая церковь? Король показывалъ на Садковскаго, что онъ насильно принуждалъ къ православію поселившихся въ польскихъ владѣніяхъ старообрядцевъ и требовалъ, чтобъ Садковскій произнесъ присягу на вѣрность Рѣчи-Посполитой.

Потемкинъ нашелъ послѣднее требованіе короля справедливымъ.

Браницкій съ досадою увидѣлъ, что тотъ, на кого онъ единственно полагалъ надежды, обходится съ королемъ почтительно. По выраженію короля, онъ сталъ тогда похожъ на мокраго волка. Но Браницкій не думалъ съ королемъ мириться и разсчитывалъ, что рано-ли поздно Станиславъ-Августъ, по своей измѣнчивой натурѣ, доведетъ Россію до того, что она будетъ нуждаться въ Браницкомъ, какъ въ орудіи противъ короля.

Въ Каневѣ къ Станиславу-Августу пріѣзжали русскіе сановники: сынъ фельдмаршала Румянцова, оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, генералы Левашевъ, Шуваловъ и канцлеръ Безбородко. Послѣдняго представилъ королю Штакельбергъ и сказалъ: «рѣдкое событіе: подчиненный представляетъ королю своего начальника, ваше величество!» Король все еще не зналъ, будетъ ли скоро война у Россіи съ Турціею, и спросилъ объ этомъ у Без-

Digitized by Google

бородко. «Не такъ близко къ разрыву, какъ думаютъ»,—сказалъ Безбородко.

«Вамъ—сказалъ король—должны быть извѣстны мои и моего народа желанія приносить пользу Россіи; и теперь заявляю это искреннее желаніе и ожидаю приглашенія и соглашенія».

Канцлеръ отвѣчалъ: «намѣренія вашего величества вполнѣ извѣстны; нужно, однако, болѣе спокойнаго времени привести ихъ въ исполненіе».

Этотъ отвѣтъ привелъ короля въ робость, по собственному его признанію.

Въ его запискѣ, представленной императрицѣ, была просьба о дозволеніи собрать конфедерованный сеймъ для возможности, посредствомъ большинства голосовъ, провести такіе законы и постановленія, которыхъ нельзя провести посредствомъ единогласія ни за что. Король не посмѣлъ тогда распространяться объ этомъ съ Безбородкомъ, а только сказалъ:

— Пока, я буду заботиться только о томъ, чтобъ охранить себя противъ туземной злобы, которая особенно показала себя на двухъ послѣднихъ сеймахъ; при всемъ моимъ искреннѣйшемъ желаніи, я не могу сдѣлать ничего.

Безбородко отвѣчалъ: «Противъ этого уже приняты и впередъ будутъ принимаемы надлежащія мѣры, чтобъ ваше величество не терпѣли подобныхъ непріятностей»!

На другой день король разговаривалъ съ Безбородкомъ при Штакельбергѣ. Штакельбергъ сказалъ ему:

— Императрица велѣла передать вашему величеству: до будущаго сейма еще полтора года; будетъ время подумать! Что же касается до союза съ Россіею, то это такая вещь, которая мнѣ особенно нравится. Надобно это устроить, но только вполнѣ устроить.

— Я съ своей стороны—сказалъ Безбородко—буду совѣтовать государынѣ собрать сконфедерованный сеймъ.

Императрица смотрѣла на конфедерованный сеймъ какъ на обоюду-острое орудіе. Большинство могло послужить и въ пользу и во вредъ ея планамъ, смотря потому, какъ это большинство составится. Притомъ же, прежде чѣмъ допускать конфедерованный сеймъ для устроенія большинства голосовъ, нужно было сообразить и окончательно условиться, для какого рода договора Польши съ Россіею потребуется большинство голосовъ. Станиславу-Августу Екатерина мало довѣряла, полякамъ вообще еще менѣе. У ней на то были важныя основанія. Дѣйствительно, король предлагалъ союзъ съ Россіею, но неопредѣленно, не выяснялъ, какой именно союзъ долженъ заключиться: то казалось,

Digitized by Google

онъ готовъ былъ на вѣчное политическое соединеніе съ Россіею, то какъ будто хотѣлъ съ нею союза только на случай предстоящей войны. Съ русской стороны подозрѣвали, что онъ теперь льнетъ къ Россіи для того, чтобъ получить отъ государыни право расширить свою власть, увеличить войско и взять его подъ свою команду, чтобъ имѣть возможность осуществлять свои планы, которые непремѣнно пошли бы въ разрѣзъ съ видами Россіи.

Станислава-Августа не пустили въ Кіевъ подъ разными предлогами. Въ Кіевѣ, между прочимъ, думали, что онъ подлѣзаетъ къ императрицѣ съ цѣлію упрочить преемничество престола за своимъ племянникомъ. Это также не было въ то время въ видахъ Россіи, по крайней мѣрѣ безусловно.

Вниманіе русскаго двора къ панамъ королевской партіи достаточно показывало, однако, членамъ оппозиціи, что Россія не намѣрена мирволить послѣдней. Это подѣйствовало на Щенснаго Потоцкаго. Онъ явился къ королю, почтительно извинялся передъ нимъ за прошлое и приглашалъ короля къ себѣ въ гости въ Тульчинъ. Король обѣщалъ. Императрица послала Станиславу-Августу письменный отвѣтъ на его Souhaits de roi, но король никому не показывалъ его и держалъ у себя въ шкатулкѣ.

Пробывши полтора мѣсяца въ Каневѣ, Станиславъ-Августъ 8-го мая, наконецъ, дождался Екатерины. Императрица прибыла въ Каневъ, въ великолѣпной галерѣ, въ сопровожденіи другихъ шести галеръ, на которыхъ помѣщались ея сановники и придворные. Безбородко и князь Барятинскій отправились къ королю приглашать его. Съ ближайшими особами своей партіи—Мнишкомъ, Тышкевичемъ, Комаржевскимъ, Нарушевичемъ, Шидловскимъ, Моравскимъ, Бышевскимъ и Киркоромъ и съ двумя иностранными министрами Уйсвортсомъ и Мэсоннэ, король отправился къ государынѣ на десяти-весельномъ суднѣ, при громѣ музыки и пушечныхъ выстрѣловъ.

Свиданіе было не долгое. Король обѣдалъ съ императрицею, потомъ вмѣстѣ съ Потемкинымъ дѣлалъ визиты русскимъ сановникамъ и генераламъ подъ именемъ графа Понятовскаго, вечеромъ воротился къ государынѣ, вмѣстѣ съ ней крестилъ ребенка у графа Тарновскаго, вмѣстѣ съ нею смотрѣлъ, какъ другіе—Штакельбергъ, Мамоновъ и Потемкинъ, играли въ карты, участвовалъ въ веселомъ разговорѣ, слушалъ любезныя остроты принца де-Линь; наконецъ, императрица дала ему почувствовать, что время разставаться. Станиславъ-Августъ шепотомъ сказалъ Потемкину:

— Есть ли надежда, что можно оставаться долѣе?

Потемкинъ отвѣчалъ: «нѣтъ».

Digitized by Google

Вслѣдъ за тѣмъ Потемкинъ ввелъ короля въ особый кабинетъ, и тамъ императрица сказала ему.

— Уже поздно; я знаю, что вы приглашали гостей на ужинъ; плаваніе продолжительно, это вынуждаетъ меня, къ моему сожалѣнію, проститься съ вашимъ величествомъ.

Король выразилъ сожалѣніе, что такъ мало дозволили ему бесѣдовать съ его покровительницею.

— Не допускайте къ себѣ черныхъ мыслей; разсчитывайте на мою дружбу и мои намѣренія, дружелюбныя къ вамъ и къ вашему государству—сказала Екатерина.

Этимъ окончилось свиданіе. Король, во время бесѣды съ императрицею, подалъ ей собственноручно еще одну записку о польскихъ дѣлахъ, но не получилъ отъ нея отвѣта, подъ тѣмъ предлогомъ, что она не успѣла ее прочитать.

Станиславъ-Августъ естественно былъ недоволенъ этимъ свиданіемъ, прождавши семь недѣль въ Каневѣ. Бѣдный король!— замѣчаетъ въ своихъ запискахъ де-Линь — за три мѣсяца онъ истратилъ три милліона злотыхъ, только ради того, чтобы повидать императрицу въ продолженіи трехъ часовъ. Въ утѣшеніе ему, Безбородко, относительно поданной имъ записки, сказалъ: «будьте увѣрены, что все уладится; мы въ принципахъ сходимся, только не нужно разславлять этого, ни собирать экстраординарнаго сейма, чтобъ не возбудить противъ себя сосѣдей».

Поляки приводятъ одну изъ поданныхъ королемъ записокъ императрицѣ въ такомъ видѣ:

«Благодарность короля къ императрицѣ и обязанности его по отношенію къ отечеству, побуждаютъ его представить, какъ важно, чтобы два народа — русскій и польскій — были между собою на вѣки соединены охранительнымъ союзомъ. Пока въ Европѣ господствуетъ миръ, и Россія ни съ кѣмъ не ведетъ войны кромѣ Порты, до тѣхъ поръ настоящее состояніе Польши мало вредитъ Россіи. Но положеніе поляковъ до крайности невыносимо, по причинѣ частыхъ утѣсненій, испытываемыхъ отъ могущественныхъ сосѣдей; а оно тотчасъ измѣнится, какъ только Польша соединится съ Россіею формальнымъ союзомъ. Когда же начнется въ Европѣ война, или Порта получитъ помощь отъ какого-нибудь сосѣда Польши, тогда Россія поздно пожалѣетъ, что не обратила вниманія на представленныя королемъ предложенія. Сосѣдъ Польши, поссорясь съ Россіею, создастъ себѣ въ Польшѣ партію, и эта партія станетъ препятствовать всѣмъ соглашеніямъ, какія бы пожелала Россія учинить съ польскимъ королемъ и народомъ.

«Чтобы предотвратить такого рода печальныя событія, вред-

Digitized by Google

ныя для обоихъ государствъ (тѣмъ болѣе, что Польша въ такомъ случаѣ подверглась бы всѣмъ ужасамъ междоусобной войны) неизбѣжно заключить поскорѣе формальный союзъ и заблаговременно сдѣлать Польшу полезною для Россіи въ каждомъ случаѣ. Для этого необходимо:

«1) Подготовить себѣ вѣрное вліяніе пріобрѣтеніемъ несомнѣннаго большинства. Это намѣреніе требуетъ времени и средствъ, потому что, послѣ раздѣла, каждый изъ сосѣдей сталъ имѣть на нее вліяніе, по мѣрѣ богатства и ловкости особъ, сдѣлавшихся разомъ подданными двухъ государствъ, сопредѣльныхъ между собою, и по мѣрѣ связей, которыя легко могутъ найти для себя подданные этихъ двухъ государствъ. Но такъ какъ Россія можетъ быть по опыту убѣждена въ неизмѣнности правилъ короля, постоянно привязаннаго къ системѣ исканія блага для себя и для своего народа единственно въ союзѣ съ нею, то это государство не должно было бы препятствовать его вліянію на страну, напротивъ, должно допустить, чтобъ нѣкоторыя неумѣстныя учрежденія, производящія гибельную безурядицу, были устранены, а королю возвращено было данное ему, по силѣ условій принятія короны (Pacta conventa), право выбора и назначенія особъ на разныя государственныя должности. Россіи легче будетъ соглашаться съ однимъ королемъ, чѣмъ отдѣльно съ особами, которыя прибѣгаютъ къ ней съ своими заявленіями только для того, чтобъ имѣть за собою ея сильную рекомендацію для достиженія своихъ превратныхъ цѣлей.

«2) Такъ какъ формированіе войска требуетъ времени, то нужно, чтобъ Россія пожелала помочь поставить его на приличную степень. Что касается до числа войска, до управленія имъ и обученія его, то каждая изъ трехъ провинцій: Великая Польша, Малая Польша и Литва могли бы поставить, по крайней мѣрѣ, по двѣнадцати тысячъ, усиливая уже существующіе корпусы и включая сюда королевскіе полки и артиллерію: это увеличило бы количество войска, годнаго къ бою, до тридцати шести тысячъ, исключая батальонъ полиціи, скарбовыхъ, трибунальскихъ компаній и проч., которые всѣ не содержатъ въ себѣ болѣе четырехъ или никакъ не болѣе пяти тысячъ и не могутъ причисляться къ военной силѣ.

«При такомъ положеніи дѣлъ, Польша могла бы обязаться, въ силу своего союза съ Россіею, доставлять двадцать пять или тридцать тысячъ войска на время войны, съ условіями насчетъ жалованья. Фондъ на снаряженіе этого войска и на его содержаніе въ мирное время можетъ быть придуманъ и найденъ въ Польшѣ, еслибъ только Россія позволила искать его на конфе-

Digitized by Google

дерованномъ сеймѣ, потому что на сеймѣ вольномъ никакъ нельзя этого сдѣлать. Хотя трактатомъ 1775 года и дозволяется Польшѣ на вольномъ сеймѣ большинствомъ голосовъ возвысить поборы до суммы 33 милл., однако, опытъ показалъ какъ нельзя лучше, что всѣ усилія къ этому обращаются въ ничто и противъ этого отыскиваютъ тысячи предлоговъ и поводовъ, которые самая форма вольныхъ сеймовъ подаетъ зложелателямъ. Если же выраженное мною и не заслуживаетъ принятія, то пусть, по крайней мѣрѣ, эта записка останется памятникомъ добрыхъ мыслей короля и желанія быть полезнымъ для Россіи сосѣдомъ. Такія чувствованія, кажется, заслуживаютъ того, чтобъ остатокъ дней его былъ избавленъ отъ непріятностей. Это совершенно въ рукахъ императрицы.»

Изъ этой записки, однако, мы узнаемъ не все, что̀ предлагалъ Екатеринѣ Станиславъ-Августъ, заискивая покровительства и союза. Саксонскій министръ доносилъ своему правительству, будто въ Каневѣ были дѣйствительно постановлены условія между королемъ и императрицею, по которымъ Польша заключала съ Россіею наступательный и оборонительный союзъ, обязывалась доставлять, въ случаѣ каждой войны, двѣнадцать тысячъ войска, съ платою со стороны Россіи этому войску жалованья, Россія же обѣщала давать Польшѣ каждогодно сто тысячъ червонцевъ; король, при этомъ, имѣлъ право перемѣнять министровъ, утверждать и не утверждать опредѣленія сеймовъ, могъ увеличить свои доходы на два милліона; его долги должны быть заплачены, а его роднымъ даны староства и пр. Намъ, однако, кажется, что Эссенъ сообщилъ невѣрные слухи; по крайней мѣрѣ, послѣдующія событія ни мало не показываютъ, чтобъ къ Каневѣ заключено было что̀-нибудь подобное. Гельбигъ, саксонскій министръ въ Петербургѣ, увѣряетъ, будто въ Каневѣ король хлопоталъ, чтобы преемникомъ ему былъ племянникъ его Станиславъ. И на это нѣтъ никакихъ подтвержденій. По ходу послѣдующихъ обстоятельствъ кажется, что Станиславъ-Августъ, желая, во что̀ бы то ни стало, пріобрѣсть полное довѣріе императрицы и найти въ ней опору противъ всякихъ враждебныхъ движеній на будущее время, предлагалъ ей тѣснѣйшее соединеніе Польши съ Россіею и соглашался, чтобы, на случай его кончины, Екатерина назначила ему преемникомъ одного изъ своихъ внуковъ. По крайней мѣрѣ, въ 1792 году, когда король открыто просилъ Екатерину дать Польшѣ въ короли великаго князя Константина, онъ, по этому поводу, просилъ также императрицу вспомнить о томъ, что̀ онъ подалъ ей на письмѣ въ Каневѣ на галерѣ. При этомъ, онъ замѣчалъ, что въ то время, когда онъ писалъ это, то-есть

Digitized by Google

въ 1792 году, исполненіе такого плана удобнѣе, чѣмъ было прежде. Къ этому какъ нельзя болѣе подходятъ и загадочныя слова Безбородки о томъ, что не слѣдуетъ, до поры до времени, разглашать какихъ-то намѣреній, чтобъ не возбудить сосѣдей. Была ли приведенная нами записка послана прежде свиданія, или же во время свиданія подана императрицѣ, утвердительно рѣшить нельзя, но только въ это время со стороны Станислава-Августа было предлагаемо не только то, что находится въ этой запискѣ, а еще и другое, что онъ держалъ въ большомъ секретѣ.

Въ томъ положеніи, въ какомъ тогда находились дѣла Россіи, отъ императрицы можно было ожидать только того, что она сдѣлала: она похвалила Станислава Августа за изъявленія дружбы и оставила исполненіе его предположеній до будущаго времени. Еще война съ Турціею не начиналась, а въ видахъ императорскихъ дворовъ не было самимъ дѣлать вызова; дожидались, чтобъ Турція сама начала, формальный же союзъ съ Польшей, съ условіями о войнѣ, былъ бы явною воинственною выходкою противъ Турціи. Еще менѣе императрица расположена была раздражать Европу: преждевременный союзъ съ Польшею встревожилъ бы не только прусскаго короля, но самаго союзника Екатерины, Іосифа II, и вообще скорѣе принесъ бы Россіи вредъ, чѣмъ пользу. Въ искренность короля, какъ выше сказано, императрица не вѣрила, да кромѣ того король, если бы даже поступалъ искренно, то въ этомъ дѣлѣ не значилъ всего. Нужно было еще удостовѣриться въ расположеніи поляковъ; Екатерина же знала, что, по первомъ оглашеніи такого союза, враждебныя Россіи силы тотчасъ возстановятъ противъ нея всю Польшу.

Оставивши Каневъ, Станиславъ-Августъ въ Корсунѣ встрѣтился съ Іосифомъ, путешествовавшимъ подъ именемъ графа Фалькенштейна. Свиданіе происходило на почтовомъ дворѣ. Іосифъ, чрезъ королевскаго племянника Станислава Понятовскаго, далъ знать королю, что желаетъ пріѣхать къ нему. Увидавши въ первый разъ польскаго короля, нѣмецкій императоръ обнялъ его, какъ давняго знакомца. Двери за ними заперли. Іосифъ сѣлъ на канапэ по лѣвую руку отъ Станислава-Августа. Разговоръ продолжался часъ съ четвертью. Польскій король старался наговорить ему какъ можно болѣе любезностей.

— Я бы могъ, говорилъ Іосифъ — воспользоваться моимъ саномъ для того, чтобъ имѣть побольше удовольствій, но я предпочелъ посвятить себя благу моего отечества и потомства. Отъ этого я сталъ нововводителемъ и много предразсудковъ пришлось мнѣ побѣждать. Главное уже сдѣлано, но еще довольно затрудненій предстоитъ мнѣ преодолѣвать.

Digitized by Google

Польскій король при этомъ, по собственному его выраженію, подкадилъ ему.

— И вы также, продолжалъ императоръ — хотѣли тоже дѣлать, положили много хорошихъ началъ, но обстоятельства для васъ были противны и ужасны; меня особенно удивляетъ распространенное опасеніе насчетъ проектовъ, которые вамъ приписываютъ.

— Позвольте мнѣ увѣрить васъ, сказалъ польскій король — что эти опасенія притворны; есть двѣ причины ихъ выдумывать. Первая, чтобъ имѣть благовидный предлогъ оправдывать несправедливую ненависть и козни противъ меня; вторая — нужны видимыя причины всякій разъ, когда обращаются къ вамъ за помощью.

— Я сомнѣвался въ этомъ, сказалъ Іосифъ. — Надобно согласиться, что ходитъ невѣроятное множество лживыхъ слуховъ, опасныхъ потому, что они внушаютъ безпокойство и недовѣріе. Вамъ сообщали объ нихъ, вѣроятно, въ послѣднее время.

— Такъ какъ вы объ этомъ говорите, сказалъ Станиславъ Августъ — то я не отрицаю, мнѣ сообщали много такого, что мнѣ было чувствительно, и только вы можете меня освободить отъ этихъ непріятностей.

Императоръ съ живостію взялъ короля за руку, потрясъ ее и сказалъ:

— Даю вамъ честное слово, и вы можете повторить его цѣлому свѣту: я ничего не хочу отъ Польши; понимаете — ничего, — ни одного деревца. Впрочемъ, императрица должна была уже васъ увѣрить.

Поговоривъ о разныхъ предметахъ, между прочимъ, о воспитаніи женскаго пола, насчетъ чего императоръ обѣщалъ прислать свой уставъ, Іосифъ опять навелъ разговоръ на дѣла Польши.

— Я не хотѣлъ, сказалъ онъ — отнимать у Польши ни одного дюйма земли, но Россія и покойный прусскій король сказали мнѣ: мы рѣшились взять себѣ по куску Польши; предлагаемъ тоже и вамъ, если угодно вамъ сойтись съ нами, а не хотите, такъ мы будемъ воевать съ вами. Нечего дѣлать; надобно было брать нашу долю; и вы бы на моемъ мѣстѣ также поступили.

Польскій король не сталъ ему возражать и промолчалъ.

— Зачинщикъ всему дѣлу прусскій король, продолжалъ императоръ.

Станиславъ-Августъ замѣтилъ, что прусскій король себя выгораживаетъ отъ этого. Разговоръ перешелъ къ другимъ пред-

Digitized by Google

мстамъ. Когда императоръ сѣлъ уже въ карету, Станиславъ-Августъ подбѣжалъ къ ней и закричалъ:

— Дайте мнѣ еще разъ вашу руку.

— Отъ всего сердца! сказалъ Іосифъ и протянулъ ему изъ кареты руку.

Многіе польскіе паны представлялись въ разныхъ мѣстахъ Іосифу. Былъ въ числѣ ихъ и Игнатій Потоцкій. Іосифу онъ не понравился; нѣмецкій императоръ отвернулся отъ него также, какъ и русская императрица, и сказалъ: c'est un brouillon! Отвергнутый, осрамленный двумя монархами, пораженный въ самое сердце, Потоцкій рѣшился всецѣло отдаться третьему, но послѣ того, какъ придется и отъ третьяго испытать еще что-нибудь похуже, чѣмъ отъ двухъ первыхъ, ему ничего не останется, какъ сдѣлаться демократомъ.

Станиславъ-Августъ отправился въ Тульчинъ. Щенсный Потоцкій принялъ короля съ такимъ радушіемъ, что, казалось, миръ между ними водворился. Щенсный сказалъ: «На память радостнаго пріѣзда ко мнѣ короля моего, я увольняю отъ подданства здѣшній городъ и отдаю его въ юрисдикцію ассессорскаго суда». «А я — сказалъ королевскій племянникъ — по этому поводу увольняю не только отъ панщины, но и отъ всякаго оброка двадцать пять новобрачныхъ въ Корсуни».

Король подъ вліяніемъ пріема, оказаннаго ему Щенснымъ Потоцкимъ, писалъ къ своимъ пріятелямъ: «Я всегда былъ того мнѣнія, что русскій воевода добрый человѣкъ, честный и желаетъ добра отечеству; мы съумѣемъ его приголубить къ себѣ».

Въ Тульчинѣ во время пріѣзда короля произнесъ присягу на вѣрность архіерей Викторъ Садковскій.

Послѣ примиренія съ Потоцкимъ оставалось королю примириться съ Чарторыскими; люблинскій подкоморій Длускій хотѣлъ устроить это примиреніе и обратился къ королю. Станиславъ-Августъ сказалъ ему: «Послѣ прошедшаго сейма я принялъ князя Адама любезно; онъ съ своей стороны это понялъ. Но пришла княгиня съ суровымъ видомъ, и я напрасно старался смягчить ее. Я все сдѣлалъ съ моей стороны; теперь спокойно и терпѣливо буду ждать времени, когда они опомнятся и сами поймутъ, что на меня не за что дуться. Но напрашиваться самому — мнѣ неудобно и нѣтъ пользы. Знаю, что князь Адамъ лично не желалъ мнѣ зла, какъ и я ему, но вижу, что ему трудно освободиться изъ сѣтей женскаго пола.» Король жаловался, что Чарторыская оговариваетъ его передъ императоромъ, въ службѣ котораго находился ея мужъ.

Король надѣялся, что уже разувѣрилъ въ свою пользу Іосифа, что Екатерина была къ нему милостива, что, наконецъ, Потем-

Digitized by Google

кинъ, которымъ его стращали, расположенъ къ нему и теперь уже не страшны ему враги. Правда, съ Браницкимъ ему не удалось сойтись: въ Каневѣ король говорилъ съ нимъ очень дружелюбно и пытался возстановить прежнее согласіе, которое когда-то между ними было. «Вы меня знаете тридцать лѣтъ — говорилъ ему Станиславъ-Августъ — я не мстителенъ и не завистливъ; я лучше люблю вспоминать о томъ добрѣ, которое мнѣ когда-то оказывали, чѣмъ о томъ злѣ, которое мнѣ причиняли впослѣдствіи, даже если и не перестаютъ его причинять. Князь Потемкинъ желаетъ, чтобъ вы со мною сблизились, мое сердце не заперто для васъ. Рѣшеніе зависитъ отъ вашего поведенія.» Браницкій отвѣчалъ королю, какъ послѣдній выражался, сеймовымъ слогомъ, запирался во многомъ, что̀ ему король ставилъ въ вину, и сказалъ: въ Польшѣ каждый можетъ имѣть свое мнѣніе и стоять за свободу и справедливость. «Я король,—сказалъ ему Станиславъ-Августъ—я вамъ протянулъ руку, я вамъ отворилъ двери, вы не хотите входить. Теперь мнѣ говорить съ вами нечего болѣе. Пусть вашъ дядя, вашъ отецъ будетъ судьею вашего поведенія.» Обратившись послѣ того къ Потемкину и разсказавши ему о разговорѣ своемъ съ Браницкимъ, король получилъ такой отвѣтъ: — «Я думаю, Потоцкій и Чарторыская его околдовали, онъ ихъ боится и не смѣетъ дѣлать и говорить такъ, какъ слѣдуетъ. Извините, простите, государь, я вамъ обѣщаю, что исправлю его.»

И на этомъ обѣщаніи основывался пока Станиславъ-Августъ.

II

Положеніе и виды Пруссіи.—Партіи въ Польшѣ.—Движеніе умовъ.—Приготовленія къ сейму.—Избраніе маршала [1]).

Лѣтомъ 1787 г., война между Россіею и Турціею вспыхнула. Подстрекаемая французскимъ и прусскимъ послами, Турція объявила ее Россіи и начала свои непріязненныя дѣйствія тѣмъ, что русскаго посланника Булгакова засадила въ Семибашенный замокъ. Іосифъ объявилъ Турціи войну въ февралѣ 1788 года.

Война эта взволновала Европу. Шведскій король Густавъ III объявилъ Россіи войну.

Пруссія заключила союзъ съ Англіею и Голландіею противъ замысловъ Россіи и Австріи. Прусскій главный министръ Герц-

[1]) См. выше, Источники: №№ 12, 18, 36, 81, 109, 96, 100, 58, 80, 118, 23.

Digitized by Google

бергъ, управлявшій, по смерти Фридриха II, дѣлами при слабомъ и женолюбивомъ преемникѣ его Фридрихѣ-Вильгельмѣ II, не имѣлъ намѣренія вводить Пруссію въ дѣйствительную войну съ кѣмъ бы то ни было и предпочиталъ дѣйствовать интригами, пугать Россію и Австрію, но не выступать противъ нихъ рѣшительно и всегда показывать имъ желаніе сойтись, но не иначе, какъ съ особенными выгодами для Пруссіи. Пруссія съ Портою вступала въ союзъ, но не думала ей помогать оружіемъ, а только наблюдала, чтобъ Россія и Австрія не взяли у Турціи слишкомъ много; за уступки, которыя Турція сдѣлаетъ Россіи и Австріи, и вообще за пріобрѣтенія, которыя получатъ какимъ бы то ни было образомъ двѣ послѣднія державы, Пруссія хотѣла захватить что-нибудь для себя. Это желанное пріобрѣтеніе для Пруссіи могло быть только въ Польшѣ. Ближайшіе виды Пруссіи были на Гданскъ и Торунь съ ихъ округами: овладѣвъ этими городами, которые держали въ рукахъ своихъ польскую торговлю, Пруссія соединяла свои владѣнія, раздѣляемыя полосою земли, принадлежавшею Польшѣ. Это было первичное и самое скромное желаніе; даже Пруссія предполагала сдѣлать это пріобрѣтеніе, выговоривши отъ Австріи уступку для Польши отнятой Галиціи. Но при бо́льшихъ успѣхахъ прусская дипломатія имѣла въ виду пріобрѣсть насчетъ Польши и поболѣе. Нужно было только вооружить поляковъ противъ Россіи, и тѣмъ самымъ привязать Польшу къ Пруссіи и отдать ее въ распоряженіе послѣдней. Такимъ образомъ, когда Россія и Австрія искали расширенія своихъ предѣловъ, подвергаясь опасностямъ и непостоянству войны, наживая себѣ новыхъ враговъ, Пруссія составляла планъ получить пріобрѣтенія болѣе мирнымъ и спокойнымъ образомъ: другіе будутъ тратить милліоны и жизнь своихъ подданныхъ,—Пруссія будетъ работать съ малыми издержками. Но императрица русская поняла этотъ разсчетъ и рѣшилась противодѣйствовать прусской дипломатіи въ Польшѣ своею дипломатіею, однако не доходить до открытой вражды съ Пруссіею, и всегда была готова сойтись съ нею на обоюдныхъ условіяхъ, если будетъ необходимо.

Въ то время, когда польскій король, вслѣдствіи каневскаго свиданія, началъ подготовлять своихъ пановъ къ мысли о союзѣ съ Россіею, прусскій министръ въ Польшѣ Бухгольцъ и генералъ Гольцъ стали вооружать поляковъ противъ Россіи и налегли на оппозиціонную партію: это имъ было подручно, послѣ того какъ братья Потоцкіе и Сапѣги кипѣли злобою за оскорбленія, нанесенныя въ Кіевѣ ихъ самолюбію. Екатерина знала все и поняла, что такого рода политика со стороны Пруссіи, впослѣдствіи, принесетъ Россіи, вмѣсто вреда, пользу. Когда министръ Іосифа, Кау-

Digitized by Google

ницъ, предлагалъ Россіи дѣлать въ Польшѣ то же, что̀ дѣлаетъ Пруссія: вооружать поляковъ противъ Пруссіи и обѣщать имъ возвращеніе земель, отнятыхъ Пруссіею по первому раздѣлу, Екатерина не согласилась на это. Король Станиславъ-Августъ, въ виду предстоявшаго сейма, послалъ къ императрицѣ проектъ о главныхъ предметахъ совѣщаній на этомъ сеймѣ, и въ этомъ проектѣ предлагалъ отобрать отъ Пруссіи земли, захваченныя по первому раздѣлу, такъ какъ прусскій король явно намѣревается дѣлать пріобрѣтенія насчетъ Польши. На польскіе совѣты Екатерина еще меньше поддавалась, чѣмъ на австрійскіе. По этому поводу, императрица писала Штакельбергу: «Не надобно отнюдь возбуждать жадности въ другихъ такою же съ своей стороны; не отрицаю: быть можетъ, прусскій король хочетъ еще распространить свои предѣлы насчетъ Польши, но мы не желаемъ заключать съ Польшею договоровъ, предосудительныхъ для прусскаго короля». Отстраняясь отъ возможности поссориться съ Пруссіею изъ-за Польши, императрица, не дозволяла и внутри Польши чего-нибудь такого, что̀ могло ослабить зависимость Польши отъ Россіи. Польскій король, въ томъ же проектѣ, указывалъ на необходимость пересмотра правленія, составленнаго послѣ 1772 года. Императрица, по этому поводу, писала Штакельбергу: «Пусть этотъ сеймъ занимается сперва только дѣлами союза съ Россіею.» Выгоды Россіи требовали допустить въ Польшѣ радикальныя измѣненія только послѣ того, когда можно было увѣриться, что Польша связана съ Россіею настолько, что перемѣны въ ней не повлекутъ за собою возможности сдѣлаться орудіемъ враговъ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ императрица понуждала скорѣе сформировать польское войско, чтобъ послать его дѣйствовать противъ турокъ вмѣстѣ съ русскимъ, и обѣщала на него триста тысячъ червонцевъ, уплачивая эту сумму по пятидесяти тысячъ въ годъ.

По мѣрѣ того, какъ приближалось время открытія сейма, Бухгольцъ усилилъ свою дѣятельность и разжигалъ въ полякахъ вражду къ Россіи: онъ объяснялъ имъ, что союзъ съ Россіею не можетъ состояться и навлечетъ на Польшу бѣду; Пруссія не допуститъ Польшу до этого союза и начнетъ, въ случаѣ упорства поляковъ, дѣйствовать противъ нихъ энергическими мѣрами. Внушенія прусскаго министра поддерживалъ и англійскій Гальсъ. Они оба увѣряли поляковъ, что въ Европѣ уже составился тайный союзъ противъ поползновеній двухъ императорскихъ дворовъ. Англія, Швеція, Голландія, Порта, Пруссія и нѣмецкіе владѣтели образовали этотъ союзъ для поддержанія равновѣсія въ Европѣ. Къ этому союзу слѣдуетъ приступить Польшѣ; теперь-то ей пришла такая пора, какой до сихъ поръ не бывало—

Digitized by Google

вибиться изъ-подъ русской опеки и возвратить себѣ прошлое значеніе и независимость; прусскій король — ближайшій сосѣдъ Польши и искреннѣйшій ея другъ; онъ ей поможетъ; онъ станетъ ее защищать, еслибъ Россія вздумала оказать противъ нея какія-нибудь насильственныя дѣйствія. Обстоятельства давали вѣру прусскимъ внушеніямъ. Поляки соображали, что Россія не выиграетъ въ предпринятой войнѣ: у ней одна только союзница Австрія, а за турокъ, какъ ихъ увѣряли, заступится вся Европа. Уже шведскій король и началъ войну съ Россіей; уже силы Россіи раздѣлены, и она должна вести войну на двухъ противоположныхъ оконечностяхъ своего государства. Уже первыя военныя дѣйствія обоихъ императорскихъ войскъ не представляли много блеска. Іосифъ II, начавши самъ лично воевать противъ турокъ, оказался плохимъ полководцемъ; генералы у него были не превосходные, и войско, сражавшееся на берегахъ Дуная, терпѣло отъ болѣзней и дурныхъ распоряженій. Русскія силы имѣли у себя геніальнаго Суворова, но послѣ блестящей побѣды подъ Кинбурномъ, началась продолжительная и въ высшей степени изнурительная для войска осада Очакова. Все подавало надежду полякамъ, что война съ Турціею не послужитъ къ усиленію Россіи, а потому теперь-то и слѣдуетъ имъ пользоваться тѣмъ. Россія не въ состояніи обратить своего оружія для удержанія Польши въ зависимости; слѣдуетъ не терять удобнаго времени и расположенія Европы, свергнуть съ себя гарантію Россіи, уничтожить постановленія и учрежденія, навязанныя ею, создать военную силу, устроить государственный механизмъ и гражданскій порядокъ, сдѣлать, однимъ словомъ, Польшу благоустроенною державою, которая бы, впослѣдствіи, могла выдержать борьбу за свою независимость противъ покушеній Россіи. Но слабой, истощенной Польшѣ нуженъ союзникъ: этотъ союзникъ, сильный, благородный, великодушный и безкорыстный, явился полякамъ въ особѣ прусскаго короля. Игнатій Потоцкій, братъ его Станиславъ, Чарторыскіе, Сапѣга сдѣлались корифеями партіи, обращавшей взоры упованія на Пруссію. Къ нимъ присталъ старый Станиславъ Малаховскій, человѣкъ очень богатый, не бойкаго разсудка, но добродушный и честный, а послѣднее составляло большую рѣдкость между польскимъ панствомъ. Онъ искренно желалъ добра своему отечеству и былъ готовъ на всякія реформы; не смотря на его старыя лѣта, въ немъ было много юношеской живости; по своей доброй натурѣ, онъ довѣрился всему, что́ слышалъ отъ прусскаго министра и, вслѣдъ за братьями Потоцкими, началъ видѣть въ прусскомъ королѣ спасителя Польши. Передъ тѣмъ онъ, какъ и братъ его, который сдѣлался канцлеромъ,

Digitized by Google

не былъ врагъ Россіи и даже горячо говорилъ за союзъ съ нею, находилъ полезнымъ, еслибъ два близкіе славянскіе народа соединились во-едино; но ему успѣли представить въ черномъ цвѣтѣ деспотизмъ и коварную политику Россіи, которая не допуститъ ни за что́ полезныхъ измѣненій въ Польшѣ: и такъ, онъ склонился на прусскую сторону. Братъ его остался навсегда сторонникомъ Россіи. На Станислава Малаховскаго мѣтили, какъ на будущаго маршала сейма, не только люди расположенные къ Пруссіи, но и пріязненные къ Россіи, даже самъ русскій посланникъ, который долго не зналъ о перемѣнѣ убѣжденій и склонностей Малаховскаго и долго считалъ его преданнымъ человѣкомъ.

Бывшая оппозиція раздѣлилась. Браницкій, Ржевускій, Щенсный Потоцкій не пристали къ прусской партіи. Браницкій кричалъ о возрожденіи отечества, поддѣлывался къ патріотамъ, говорилъ о необходимости произвести радикальныя измѣненія, но держался императрицы, ибо разсчиталъ, что судьба Польши и, слѣдовательно, его собственная, зависитъ отъ нея. У него была большая партія, партія эгоистовъ, подобныхъ ему, у которыхъ первою цѣлію въ жизни было пожить весело, какими бы средствами ни пріобрѣталось такое житье; свои узкіе виды для нихъ были дороже отечества, и потому они льнули туда, гдѣ чуяли силу и гдѣ ожидали для себя выгодъ. Эгоисты часто видятъ вещи прямѣе, чѣмъ тѣ, которые способны увлекаться идеями: эгоисты чуютъ, гдѣ имъ будетъ лакомо и чутьемъ идутъ туда, какъ звѣри на запахъ добычи. Отъ этого люди продажные, преданные себѣ самимъ, склонялись къ Россіи, какъ будто предчувствуя, что такъ ли или иначе поворотятся въ Европѣ обстоятельства, а для Польши сильнѣе Россіи не будетъ державы. Польскіе историки и публицисты называютъ этого рода людей русскою, или какъ они выражаются, московскою партіею. Собственно, партіею назвать ихъ нельзя. Это были люди, думавшіе только о своихъ выгодахъ и готовые служить и Россіи, и Пруссіи и кому угодно, но такихъ въ Польшѣ было безчисленное множество. Изъ нихъ были люди стоявшіе на высокой степени государственнаго сановничества, и они получали отъ Россіи деньги, но также точно готовы были получить ихъ отовсюду.

Щенсный Потоцкій не принадлежалъ къ разряду такихъ людей. Его любящая и поэтическая душа увлеклась величественнымъ образомъ Екатерины; онъ полюбилъ ее и благоговѣлъ предъ нею; онъ вѣрилъ въ нее, въ ея благодушіе, и искренно думалъ, что она только можетъ спасти его отечество. Щенсный желалъ Польшѣ добра, но допускалъ для ея возрожденія только то, что́ сходилось съ его традиціями и предразсудками. Подобно ему, думали

Digitized by Google

обыватели стараго покроя: по ихъ понятіямъ, Рѣчь-Посполитая должна была не вводить что-нибудь новое, а поправлять старое, воскресить забытое; ихъ идеалы были не впереди, а назади; они хотѣли не сотворить изъ Польши европейское государство въ современномъ вкусѣ, а воротить ее къ тому блестящему періоду старинныхъ доблестей и добродѣтелей, которыми, по ихъ лживому мнѣнію, полна была польская исторія. Впрочемъ, кромѣ Щенснаго Потоцкаго, который былъ дѣйствительно человѣкъ убѣжденія, хотя и превратнаго, трудно различить, кто принадлежалъ къ такому разряду консерваторовъ, а кто былъ просто продажнымъ и безчестнымъ эгоистомъ.

Король, его братья, родственники и кружокъ болѣе или менѣе ему преданныхъ людей, составляли въ Польшѣ партію, которую противники окрестили именемъ дворской. Это были люди, которые находили, что вся бѣда Польши происходитъ отъ дурного воспитанія, отъ ослабленія монархической власти и безпорядковъ въ управленіи. Эти люди, поэтому, заботились о воспитаніи, думали усилить королевскую власть, ограничить произволъ пановъ, установить законность, уничтожить liberum veto. Партія эта въ то время разсчитывала, что Польшѣ единый исходъ — быть въ союзѣ съ Россіею, и потому она хотѣла угождать Екатеринѣ съ тѣмъ, чтобъ заслужить съ ея стороны вниманіе и получить отъ нея дозволеніе произвести въ Польшѣ перемѣны. Они думали, что избирательное правленіе для Польши источникъ бѣдствій, хотѣли ввести наслѣдственное, и, чтобъ склонить къ этому Екатерину, готовы были утвердить его за такимъ домомъ, за какимъ угодно будетъ ей. Однимъ словомъ, цѣль ихъ была вести Польшу къ благоустройству въ дружбѣ съ Россіею. Нельзя сказать, чтобъ они въ самомъ дѣлѣ любили Россію и искренно были ей преданы, напротивъ, каждый изъ принадлежавшихъ къ этой партіи всегда готовъ былъ отшатнуться отъ Россіи, еслибъ только предстояла возможность и Россія перестала имъ быть опасною; такъ многіе изъ нихъ и поступили впослѣдствіи. Люди этой партіи, какъ и король самъ, вообще не могли похвалиться твердостію, напротивъ, отличались легкомысліемъ и поверхностною податливостію въ своихъ взглядахъ и дѣйствіяхъ, а кромѣ того всѣ, болѣе или менѣе, соразмѣряли свои политическія убѣжденія съ своими личными выгодами. Между ними по уму, дарованію, отличались Іоакимъ Хребтовичъ, Кицинскій, генералъ Комаржевскій. Два послѣдніе занимали видное мѣсто между людьми этой партіи при дворѣ. Братъ короля, примасъ Михаилъ Понятовскій, по знатности занимаемаго имъ сана, стоялъ виднѣе всѣхъ. Намѣренія этой партіи сходились съ видами прогресси-

Digitized by Google

стовъ, уклонившихся къ Пруссіи, но разница между ними была та, что одни хотѣли опираться на Пруссію, возбуждавшую поляковъ противъ Россіи, а другіе пока до времени держались Россіи.

Въ августѣ 1788 г. разосланы были универсалы на сеймики для выбора пословъ, на предстоящій сеймъ, который заранѣе объявлялся конфедерованнымъ. Императрица, въ видахъ заключенія союза съ Россіею, согласилась, чтобъ онъ былъ конфедерованъ. Король и его партія хотѣли, также какъ и прусская партія, чтобъ маршаломъ предстоящаго сейма былъ Малаховскій. Его считали столько же честнымъ, сколько податливымъ, и чрезъ него надѣялись имѣть вліяніе на сеймъ; сеймовый маршалъ былъ важное лицо: онъ давалъ движеніе работамъ на сеймѣ, направлялъ пренія, соблюдалъ порядокъ, имѣлъ право прекращать засѣданія. Соперникомъ Малаховскаго былъ Щенсный Потоцкій. Уже въ самомъ взглядѣ на конфедерованіе сейма видно было, какъ будетъ вести сеймъ тотъ и другой, сдѣлавшись маршаломъ. Щенсный Потоцкій не хотѣлъ знать никакихъ другихъ формъ, кромѣ тѣхъ, которыя оставили предки; онъ желалъ составленія конфедераціи, такъ какъ она составлялась въ былыя времена, то-есть, составить конфедераціи по воеводствамъ и повѣтамъ и потомъ соединить ихъ въ одну общую. При такомъ устройствѣ конфедераціи, сообразно древнему обычаю, прекратились бы всѣ суды, перемѣнились бы должностныя лица; всѣ должны были произнести присягу конфедераціи. Отъ нея бы зависѣло все управленіе страны, правосудіе, финансы, войско. Противники его замѣчали, что поступить такимъ образомъ—значитъ умышленно возбудить мятежъ и безпорядки. Цѣль конфедераціи была ни болѣе, ни менѣе, какъ только устранить единогласіе и допустить рѣшеніе дѣлъ посредствомъ большинства голосовъ, и поэтому нужно было выбрать обычнымъ образомъ на сеймикахъ пословъ на сеймъ; эти послы съѣдутся въ Варшаву, и тамъ тотчасъ объявятъ сеймъ сконфедерованнымъ, не дѣлая никакихъ перемѣнъ въ ходѣ управленія, оставляя власть по прежнему во всѣхъ текущихъ отправленіяхъ. Малаховскій только съ этимъ условіемъ соглашался принимать званіе сеймоваго маршала. Щенсный Потоцкій говорилъ, что онъ не иначе сдѣлается маршаломъ сейма, какъ тогда, когда избранъ будетъ единогласно. Всѣ партіи, по извѣстному обычаю, принялись дѣйствовать на сеймикахъ и подготовлять себѣ силу на будущемъ сеймѣ. Штакельбергъ узналъ тогда, что Пруссія разослала своихъ агентовъ по Великой Польшѣ для внушенія на сеймикахъ полякамъ мысли о томъ, что теперь пришла пора освободиться отъ московскаго ига, что ни-

Digitized by Google

какъ не слѣдуетъ заключать договора съ Россіею, а надлежитъ заключить союзъ съ прусскимъ королемъ—онъ истинный другъ Польши и защитникъ: нечего полякамъ бояться Москвы; пусть она нападаетъ на Польшу — прусскій король защититъ ее. Императрица писала Штакельбергу: «Берлинскій дворъ составляетъ противъ насъ партію въ Польшѣ; слѣдуетъ и намъ отложить всякое уваженіе и искать утвердить нашу силу въ Польшѣ, воспользоваться тѣмъ расположеніемъ, какое теперь многіе имѣютъ.» Императрица приказывала своему министру увѣрять поляковъ, что Россія хочетъ тѣсной связи съ Польшею, но вмѣстѣ и сохраненія за нею независимости въ дѣлахъ политическихъ и гражданскихъ; Россія не иначе вмѣшается въ польскія дѣла, какъ только тогда, когда Польша сама этого захочетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Штакельбергу поручалось указать полякамъ на непристойность дѣйствій прусскаго короля, увѣрять ихъ, что Пруссія ихъ обманываетъ и хочетъ поссорить Польшу съ Россіею, чтобъ изъ этой ссоры извлечь себѣ выгоды въ ущербъ Польшѣ.

Въ Польшѣ приготовлялись къ сейму съ великими ожиданіями. Небывалое волненіе умовъ сдѣлалось въ польскомъ обществѣ. Одна за другою появлялись книжечки, съ размышленіями, соображеніями и воззваніями о необходимости приступить къ кореннымъ реформамъ, исправить злоупотребленія, отмѣнить устарѣлыя учрежденія и замѣнить ихъ иными, сообразными съ требованіями вѣка; книжечки эти распространялись всѣми способами.

Видное мѣсто между этими книжечками занимало въ свое время напечатанное два года предъ тѣмъ сочиненіе Сташица: «Размышленія о жизни Яна Замойскаго». Авторъ говоритъ менѣе всего о Замойскомъ, но распространяется о воспитаніи, судопроизводствѣ, избраніи королей, сеймахъ, исполнительной власти, о торговлѣ, правахъ сословій, военной силѣ, доходахъ и расходахъ, о системѣ податей, вообще о всѣхъ предметахъ общественнаго устроенія, возбуждавшихъ тогда вопросы и пренія, излагаетъ недостатки и злоупотребленія, бывшія въ Польшѣ по всѣмъ этимъ частямъ, представляетъ планы и соображенія объ ихъ исправленіи. Онъ врагъ избирательнаго правленія. Оно можетъ быть хорошо только у дикихъ и отъ нихъ получило начало; въ наше время, при избирательномъ правленіи короны могутъ быть раздаваемы только деньгами, хитростями и кознями — говоритъ онъ. По его мнѣнію, надобно было ввести въ Польшѣ наслѣдственное правленіе и вручить корону какому-нибудь изъ сильныхъ сосѣдственныхъ царствующихъ домовъ. Если ужъ никакъ нельзя ввести наслѣдственности, то пусть, по крайней мѣрѣ, из-

Digitized by Google

бираютъ въ короли изъ своихъ, а не изъ чужихъ, и въ такомъ случаѣ предлагалъ такой оригинальный способъ: выбирать воеводъ большинствомъ голосовъ, и изъ всѣхъ воеводъ сеймъ пусть большинствомъ выберетъ третью часть въ кандидаты на королевское достоинство, а изъ нихъ, когда умретъ король, выбирается ему преемникъ жребіемъ. Увеличить войско онъ думалъ посредствомъ учрежденія военныхъ поселеній: слѣдовало освободить отъ панщины королевскихъ и панскихъ хлоповъ и надѣлить ихъ землею извѣстной пропорціи, и за эту землю водворенный на ней поселянинъ обязанъ ходить на ученье и втеченіи пятидесяти лѣтъ числиться въ военномъ званіи; вмѣсто прежнихъ подстаростъ, экономовъ и коммиссаровъ управляли бы ими офицеры. Онъ допускалъ мѣщанъ и крестьянъ къ участію въ дѣлахъ государственныхъ и давалъ имъ право посылать пословъ на сеймы и вообще уничтожалъ сословное различіе гражданскихъ правъ. Картину печальнаго состоянія крестьянъ въ то время Сташицъ изображаетъ, заставляя крестьянина разсказывать собственную біографію. Указывая на кучу книгъ, содержащихъ законы Рѣчи-Посполитой, польскій крестьянинъ говоритъ: «Въ этой кучѣ только нѣсколько тысячъ жителей находятъ для себя правосудіе, а нѣсколькимъ милліонамъ нѣтъ въ нихъ спасенія, и я изъ ихъ числа. Я сохранялъ Божіи заповѣди, жилъ по правиламъ религіи, считалъ свою судьбу волею Провидѣнія — меня гоняли на тяжелыя работы, посылали въ путь по дурнымъ дорогамъ, я терялъ свои заработки, и ни на кого не жаловался; никто мнѣ не могъ оказать правосудія, кромѣ моего пана, а я его не видалъ и никто изъ его подданныхъ не зналъ его лично. Мой панъ запутался въ долгахъ и продалъ свое имѣніе шляхтичу. Новый владѣлецъ былъ намъ хуже тираномъ, чѣмъ прежніе экономы; онъ не зналъ надъ собой господина. Было у меня два сына: одинъ получилъ землю, другой безъ земли, безъ хлѣба остался и ушелъ учиться ремеслу. Панъ стращалъ меня суровыми наказаніями и приказывалъ доставить ему моего сына; меня посадили въ тюрьму и не выпускали, пока я не заплатилъ нѣсколько сотъ злотыхъ за моего сына. Меня, по этому, сочли богачемъ, и надѣясь взять съ меня еще болѣе, приказали забить въ колодку и держали до тѣхъ поръ, пока я не доставлю своего сына. Я жаловался на несправедливое обращеніе со мною: это сочли дерзостью, велѣли забрать у меня изъ дома все, мучили меня, ковали въ кандалы и запирали въ хлѣвъ. Я убѣжалъ изъ тюрьмы, но мнѣ нѣтъ правосудія въ здѣшнемъ краѣ: кто меня мучитъ, тотъ же мнѣ единственный судья. Въ вашихъ законахъ человѣкъ моего званія не находитъ обороны болѣе, чѣмъ скотъ.» По отношенію къ сосѣдямъ,

Digitized by Google

Сташицъ благоволитъ къ реформамъ Іосифа II, Россіи предсказываетъ внутреннія потрясенія на томъ основаніи, что тамъ народъ находился почти въ такой же неволѣ, какъ въ Польшѣ, а о бранденбургскомъ домѣ отзывается съ ненавистью: вспоминаетъ козни Фридриха II, впущеніе въ Польшу фальшивой монеты, насилія отъ прусскихъ войскъ и раздѣлъ Польши, котораго главнымъ виновникомъ признаетъ прусскаго короля. Сочиненіе Сташица вызвало противъ себя появленіе толстой книжечки подъ названіемъ «Размышленія надъ размышленіями». Авторъ проводитъ ту мысль, что корень зла надобно искать не въ учрежденіяхъ, а въ деморализаціи, и думаетъ, что многія учрежденія сами по себѣ не дурны и совсѣмъ не были бы вредны, еслибъ исправились нравы. Онъ сторонникъ избирательнаго правленія. «Многіе кричатъ противъ него — говоритъ онъ — толкуютъ о превосходствѣ наслѣдственнаго, а я питаю къ послѣднему прирожденное омерзѣніе; я не хочу считать выше себя того, кто не имѣетъ надо мною ни физическаго, ни нравственнаго превосходства, безгласнаго копронима, обвернутаго въ пурпурныя пеленки. Кому изъ сильныхъ сосѣдственныхъ царственныхъ домовъ отдавать польскую корону, когда они всѣ выродились и испортились? Высокомѣріе, упрямство, нетерпѣливость стали ихъ врожденными качествами; едва ли между ними найдется одна личность, которая бы обладала внутреннимъ сознаніемъ человѣчности. Говорятъ, элекціи нашихъ королей порождали междоусобія, безпорядки, кровопролитія. Но въ другихъ краяхъ споры за наслѣдство производили еще больше кровопролитій.» Онъ никакъ не соглашается допустить къ сеймамъ не-шляхетскія сословія. «Если, —говоритъ онъ,—эти земледѣльческія поселенія съ кучами крытыхъ соломой хижинъ, называемыя у насъ городами, допустить къ публичнымъ совѣщаніямъ, то отъ этой толпы, забитой неволею и нищетою, незнающей даже своихъ мѣстныхъ интересовъ, не имѣющей никакого понятія о политическихъ и гражданскихъ правахъ, можно ожидать не разумныхъ размышленій, а рабскаго молчанія, либо скотскаго мычанія. Мало-по-малу предводители кружковъ будутъ усиливать свои партіи ихъ голосами». Авторъ противится и освобожденію крестьянъ на томъ основаніи, что они не приготовлены къ принятію свободы. «Дать — говоритъ онъ — свободу народу, забитому и униженному до скотоподобія, значитъ большую часть полезныхъ тружениковъ пустить бродяжничать, красть и разбойничать». Онъ требуетъ подготовки даже и для того, чтобы замѣнить панщину оброкомъ. «Были примѣры — говоритъ этотъ публицистъ — что этихъ бѣдняковъ увольняли отъ панщины, а потомъ нужно было воротиться снова къ

Digitized by Google

панщинѣ, потому что хлопъ не хотѣлъ давать легкаго оброка и совсѣмъ опускался, такъ что нужно было владѣльцу спасать его отъ гибели.» Такими благовидными аргументами отстаивали обыватели свою власть надъ рабочею силою хлопа. Достойно замѣчанія, что этотъ публицистъ дѣлается защитникомъ бранденбургскаго дома противъ Сташица. Не за что, по его мнѣнію, нападать на него такъ ожесточенно за то, что онъ хочетъ распространить свои владѣнія; всѣ такъ поступали, когда могли; сама польская Рѣчь-Посполитая въ былыя времена не чужда была подобныхъ стремленій.

Очень важное значеніе въ ряду появлявшихся тогда брошюръ имѣли письма анонима къ будущему маршалу предстоявшаго сейма, вышедшія въ свѣтъ перваго августа 1788 года. Авторъ ихъ—извѣстный Гугонъ Коллонтай, коронный референдарій. Здѣсь съ обильною риторикою излагаются совѣты, какъ вести сеймъ и какого рода измѣненія и улучшенія предстоитъ сдѣлать въ Польшѣ. Письма эти важны потому, что многое, предначертанное Коллонтаемъ, дѣйствительно было постановлено на сеймѣ такъ, что письма эти въ извѣстной степени были и программою дѣйствій сейма. Только въ совѣтахъ, какъ вести себя на сеймѣ, авторъ совершенно не имѣлъ успѣха: на перекоръ нравоученіямъ Коллонтая, послы отличались впослѣдствіи тѣми именно пороками, отъ которыхъ онъ ихъ предостерегалъ: Коллонтай убѣждалъ ихъ не предаваться хвастливой и безплодной болтовнѣ, не лѣниться, не отвлекаться отъ главныхъ вопросовъ и не развлекаться мелочами, не задирать самолюбія товарищей, не заводить изъ-за этого ссоръ и не проводить ночей на пирахъ и на балахъ. Коллонтай не является сторонникомъ ни Россіи, ни Пруссіи, а хочетъ, чтобъ Рѣчь-Посполитая опиралась сама на себя. Онъ предполагаетъ увеличить войско до 60,000, именно, до того числа, до котораго сеймъ, намѣтивъ число крупнѣйшее, долженъ былъ спуститься; онъ требуетъ также увеличенія податей и при этомъ предлагаетъ простѣйшую систему налоговъ. По его плану, Рѣчь-Посполитая должна представлять федерацію изъ воеводствъ, которыя слѣдуетъ, какъ только возможно, округлить и сдѣлать похожими одно на другое по величинѣ, раздѣливъ каждое на четыре повѣта. Каждое воеводство должно на своемъ сеймикѣ выбирать себѣ судей и должностныхъ лицъ. На этихъ сеймикахъ выбираются и послы на великій сеймъ: имъ даются инструкціи, отъ которыхъ они не должны отступать; они только органы націи, передатчики воли ея, а не самобытные законодатели. Мелкая шляхта не допускается на сеймики, и этимъ отнимается у богатыхъ и знатныхъ пановъ возможность ворочать сеймиками; тамъ

Digitized by Google

могутъ участвовать и подавать голоса только тѣ, которые владѣютъ землею не менѣе 7½ волокъ (до 150 нашихъ десятинъ), или платятъ до 500 злот. налога съ капитала. Кромѣ шляхты допускались на сеймики представители разныхъ корпорацій и полномоченные отъ городовъ. Сеймъ долженъ быть соединительнымъ центромъ федераціи воеводствъ и состоять изъ двухъ Избъ: въ высшей были сенаторы и послы отъ шляхетства изъ воеводствъ (по два сенатора и по четыре посла отъ каждаго воеводства); во второй, низшей—послы городовъ, но выбранные не самими городами, а на воеводскихъ сеймикахъ, гдѣ были уполномоченные отъ городовъ (по три посла отъ каждаго воеводства). Для крестьянъ Коллонтай вымышлялъ трибуновъ, числомъ трехъ: одинъ изъ нихъ былъ бы маршаломъ низшей Избы. Ихъ обязанность была заступаться за интересы простого сельскаго народа; они выбирались шляхетскими послами на сеймѣ изъ особъ шляхетскаго званія. Понятно, что въ случаѣ столкновенія шляхетскихъ интересовъ съ крестьянскими, эти лица могли быть плохими заступниками послѣднихъ. Мѣщане хоть и допускались на сеймъ, но Коллонтай хотѣлъ поставить ихъ такъ, чтобъ шляхетство имѣло надъ ними преимущество; такимъ образомъ, послы городскіе выбирались не въ самыхъ городахъ, не безъ участія шляхетства, были въ числѣ меньшемъ противъ числа пословъ шляхетскаго званія, и, сверхъ того, низшая Изба была отстранена отъ нѣкоторыхъ государственныхъ дѣлъ, наприм. выбора министровъ и посланниковъ къ иностраннымъ дворамъ, заключенія договоровъ и всякихъ сношеній съ иностранными державами. Возведеніе въ шляхетское достоинство было также дѣломъ одной высшей Избы. Послы выбирались на шесть лѣтъ. Сеймъ дѣлался постояннымъ: на него возлагали не только законодательство, но и наблюденіе надъ исполненіемъ законовъ. Единогласіе уничтожалось; всѣ дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ; королевское достоинство было наслѣдственно, но всѣ должностныя лица выборные, какъ по государственному управленію, такъ и по воеводствамъ. Прежній постоянный совѣтъ уничтожался, а вмѣсто него около короля составлялся совѣтъ изъ министровъ, подъ вѣдѣніемъ которыхъ находилось пять правительственныхъ коммиссій: скарбовая, войсковая, заграничная (иностранныхъ дѣлъ), полицейская и эдукаціонная. Коллонтай указывалъ на злоупотребленія, происходившія при раздачѣ королевщинъ въ староства, и совѣтовалъ всѣ такія имѣнія пустить въ продажу, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить старостинскіе и градскіе суды, замѣнивъ ихъ общими для всѣхъ земскими: мѣра эта, какъ извѣстно, была впослѣдствіи предпринята сеймомъ. Коллонтай

Digitized by Google

врагъ титуловъ и княжескихъ и графскихъ, но особенно ненавидитъ тѣ, которые нѣкогда получили начало въ придворной службѣ и въ послѣднее время не имѣли ровно никакого смысла, но щекотали суетность и тщеславіе. «Не понимаю — говоритъ онъ — какъ честолюбіе свободнаго обывателя можетъ плѣняться титуломъ честника (czesnik), мечника, крайчаго, подчашаго, ловчаго, пивничнаго, кухмистра. Все это или награды невольникамъ за ихъ службу, или занятія частныхъ лицъ, приспособительно къ ремесламъ и заработкамъ. Честникъ долженъ подавать кушанья [1]), мечникъ оправлять саблю, ловчій смотрѣть за псарнею, крайчій кроить и шить платье, подчашій и пивничный наблюдать надъ погребомъ и напитками, кухмистеръ готовить яства и т. д. Въ другихъ странахъ такія должности относятся только ко двору государя, а у насъ каждое воеводство, каждая земля, каждый повѣтъ, да еще къ тому отдѣльно, Корона и Литва, имѣютъ свои такого рода почетные чины. Уничтожимъ эти подобія и памятники монархической власти, не оставляя слѣда для узурпатора и приманки для тѣхъ, которыхъ низкій вкусъ влечетъ къ тому, чтобы получить значеніе въ воеводствѣ по признакамъ значенія при дворѣ!» Но Коллонтай, при своей нелюбви къ неравенству въ высшемъ сословіи, стоитъ, однако, за преимущества шляхетства: его будущая Польша все-таки шляхетская Рѣчь-Посполитая, только онъ хочетъ открыть къ шляхетству болѣе правильный доступъ: воинъ, получившій на сраженіи раны или отличившійся храбростію, гражданинъ спасшій жизнь ближнему или оказавшій какую-нибудь пользу отечеству, должны были награждаться допущеніемъ къ шляхетскому достоинству. Коллонтай заступается за хлоповъ: — «Нашъ земледѣлецъ—говоритъ онъ—въ шляхетскихъ имѣніяхъ сдѣлался вещію владѣльца и вопреки очевидному гласу природы, пересталъ быть личностію. Онъ отданъ на произволъ пана, связанъ легально неволею, сравненъ со скотомъ, запроданъ въ руки жида, погруженъ въ пьянство, въ невѣжество, въ нищету... Если почему, то по состоянію подданныхъ нашихъ можно сообразить, что̀ такое польская свобода; и кто-жъ меня убѣдитъ, чтобы человѣкъ, который знаетъ и любитъ преимущества свободы, который содрогается предъ насиліемъ и беззаконіемъ, съ холоднымъ равнодушіемъ смотрѣлъ на порабощеніе равнаго ему человѣка?» Но Коллонтай, однако, предоставляетъ крестьянину личную свободу—и только. «Хлопъ—говоритъ онъ—не требуетъ большихъ жертвъ. Не требуетъ онъ напраснаго міроправленія (gminowładstwa), онъ желаетъ только есте-

[1]) Честовать, частовать (малорос.).

Digitized by Google

свѣтскаго и гражданскаго правосудія. Отдадимъ ему то, что̀ мы у него святотатственно похитили, въ чемъ мы нарушили божественное и человѣческое право, отдадимъ ему свободу его личности и его рукъ, и этотъ трудолюбивый народъ, который насъ кормитъ, обработываетъ наши поля, удвоитъ охоту къ труду и, привязавшись крѣпко къ землѣ, обогатитъ наше общество, увеличитъ наши доходы, полюбитъ отечество, сознаетъ, что оно истинное его отечество, тогда какъ теперь онъ едва разнится отъ скота». Коллонтай приглашаетъ сеймъ обратить особенное вниманіе на русскія земли, гдѣ такъ часто происходили явленія, которыхъ одно воспоминаніе приводило въ ужасъ поляковъ. Онъ совѣтуетъ припомнить гадячскій договоръ, который нарушила Рѣчь-Посполитая, и поправить ошибки предковъ въ этомъ отношеніи. Ему нравится въ этомъ памятникѣ XVII вѣка особенно то, что тогда постановлено было завести для Руси два университета. Коллонтай хочетъ, чтобы приняты были мѣры къ образованію русскаго духовенства, которое, съ своей стороны, будетъ стараться о просвѣщеніи народа.

Такой смыслъ имѣли эти письма одного изъ первыхъ виновниковъ переворота, наступившаго въ послѣдующее время.

Люди консервативной партіи выпускали также съ своей стороны брошюры. Изъ нихъ нельзя не обратить вниманія на одну подъ названіемъ: «Соображенія о политическихъ обстоятельствахъ по поводу обывательскаго задора;» она замѣчательна по вѣрному взгляду на вещи и благоразумному предвѣдѣнію будущаго.

«Всѣ наши сосѣди—говоритъ авторъ—занялись войною, которая теперь въ самомъ разгарѣ ведется въ отдаленныхъ странахъ; только одинъ изъ сосѣдей сохраняетъ спокойствіе, никуда не вмѣшивается, а выжидаетъ, пока другіе ослабѣютъ. Но этотъ сосѣдъ не утратилъ желанія увеличивать свои владѣнія, онъ только поступаетъ осторожно (авторъ разумѣетъ Пруссію). Можно ли допустить, чтобъ, въ то самое время, когда чужая политика созрѣетъ въ грозномъ для насъ образѣ, мы сдѣлались орудіемъ собственной нашей погибели, по причинѣ нашего безразсуднаго увлеченія? Торопливый задоръ взялъ у насъ верхъ надъ видами спасительной политики. Мы слѣдуемъ за побужденіями той непріязни и ожесточенія, которыя внѣдрило въ насъ вліяніе чуждой власти, вмѣшивавшейся въ наше внутреннее управленіе (авторъ разумѣетъ Россію); но мы не обращаемъ вниманія на то, что эта власть хочетъ только нашей политической слабости, а не погибели; напротивъ, для нея, болѣе чѣмъ для кого другого, нужно наше существованіе; мы поддаемся сердечному отвращенію къ ней и слушаемъ подущеній нашихъ прирожденныхъ непріятелей (нѣмцевъ); мы отвергаемъ все, что̀ эта власть, ко взаимному

Digitized by Google

нашему интересу, можетъ намъ присовѣтовать, отвергаемъ ве способы, которые она хочетъ подавать намъ для нашего сохра ненія; для насъ всѣ другія опасности не кажутся страшными и мы обратимся всецѣло къ тому, чтобъ ей показать, какъ гл боко врѣзалась въ наше сердце память тѣхъ обидъ, которы она намъ причинила, и насильно навязанной намъ зависимости Что же ей, запутанной теперь въ войны съ разными сторо нами, останется предпринять? Она отречется отъ мысли берег насъ для своей пользы, и гнѣвъ противъ насъ и необходи мость выпутаться изъ войны продиктуютъ ей иные виды: он или отдастъ насъ на жертву другимъ, или же съ охотою пр метъ предлагаемую ей долю нашего отечества. До сихъ пор отъ полнаго завоеванія насъ охраняетъ единственно то, что чужи до этого не допускаютъ. Несчастные мы: будемъ знать, что торг идетъ не съ нами, а объ насъ!»

Кромѣ печатныхъ брошюръ, знатные паны, имѣвшіе по всей Польшѣ большія связи и кліентства, писали письма къ обыва телямъ, указывали на многозначительность настоящаго времени, излагали важность предстоявшаго сейма, убѣждали содѣйствовать на сеймикахъ ихъ планамъ: составлять инструкціи въ указан номъ духѣ, выбирать подходящихъ пословъ, а въ тѣмъ, которых хотѣли видѣть послами, писали приглашенія быть кандидатами. Обыватели, занятые своими пирами и ссорами, мало думавшіе о политикѣ и землестроеніи, теперь какъ будто отъ сна пробуж дались, стали читать газеты, слѣдить за ходомъ европейскихъ дѣлъ; въ ихъ обществѣ поднялись толки о судьбѣ отечества; по лученныя письма и брошюры открывали имъ, что Польша на ходится въ такомъ положеніи, что ей приходится выбирать что нибудь либо одно, либо другое: съ одной стороны, Россія, ведя вмѣстѣ съ Австріею войну противъ Турціи, приглашала Польшу къ союзу съ собою; съ другой—нѣсколько европейскихъ держав вооружали Польшу противъ Россіи и приглашали къ союзу съ собою. Смотря по тому, отъ кого получались письма, къ кому имѣли читатели болѣе довѣрія, такъ и настраивались. Однихъ заставляли всего лучшаго ожидать отъ Россіи, другихъ увѣряли, что Россія есть древній врагъ Польши, хочетъ лишить ее независимости и даже уничтожить; что Польшѣ слѣдуетъ пользоваться временемъ и примкнуть къ европейской коалиціи противъ Россіи. Всѣ чувствовали себя наканунѣ чего-то рѣшительнаго: предстоящему сейму заранѣе навязывали долгъ совершить великія перемѣны. Всѣ кричали объ улучшеніяхъ (poprawach), но въ чемъ состоали эти улучшенія, это не сознавалось ясно и согласно; только сходились на томъ, что нужно умножить войско, ибо возникшая по сосѣдству

Digitized by Google

война требуетъ предосторожности, и опытъ перваго раздѣла научилъ поляковъ, что значитъ не имѣть войска. Вообще же и на этотъ разъ волненія умовъ носили характеръ прежней неопредѣленности и необдуманности. Оппозиція стекалась въ Куровъ къ братьямъ Потоцкимъ, и еще болѣе въ Пулавы къ Чарторыскимъ.

Козьмянъ оставилъ намъ любопытное описаніе, какъ составился въ то время сеймикъ въ Люблинѣ, одинъ изъ самыхъ важныхъ, потому что оттуда вышли послы, отличавшіеся на сеймѣ дѣятельностью и прогрессивнымъ направленіемъ. Адамъ Чарторыскій съ своею супругою въ Пулавахъ задавали шумные и блестящіе пиры. Къ нимъ съѣзжались братья Потоцкіе—Игнатій и Станиславъ, Северинъ и Янъ Потоцкіе, Петръ Потоцкій, Длускій, Витославскій, Северинъ Ржевускій, множество обывателей и духовныхъ. Хотѣли заманить Щенснаго Потоцкаго: онъ былъ тогда въ апогеѣ своей славы; онъ подарилъ Рѣчи-Посполитой 12 пушекъ и обѣщалъ снарядить на свой счетъ цѣлый полкъ; вся Польша кричала, что онъ великій патріотъ. Въ честь его въ Пулавахъ приготовили театръ и хотѣли играть пьесу «Мать спартанка», но Щенсный не пріѣхалъ къ большой досадѣ всѣхъ гостей. Пропировавши и протанцовавши нѣсколько дней, обыватели, размягченные гостепріимствомъ хозяевъ, обѣщали выбрать Чарторыскаго посломъ. Гости, будучи навеселѣ, нѣсколько соблазнились тѣмъ, что онъ надѣлъ мундиръ австрійской службы, но панъ Витославскій объяснилъ, что Чарторыскій имѣетъ обычай нѣсколько разъ въ день наряжаться въ разные костюмы. Въ угоду гостямъ, Чарторыскій тотчасъ надѣлъ воеводскій мундиръ и выпилъ чашу венгерскаго за здоровье люблинскихъ обывателей. Послѣ обѣда и взаимныхъ объятій съ гостями, хозяинъ сталъ у камина, турокъ подалъ ему трубку съ богато украшеннымъ длиннымъ чубукомъ и зажегъ вѣткою изъ алоэ. Тутъ ему подвернулся на глаза между обывателями нѣкто Янъ Дмоховскій, буянъ на сеймикахъ, королевскій пленипотентъ. Князь, глянувъ на него, приказалъ подать себѣ кубокъ шампанскаго, выпилъ за здоровье пріятелей, и отдавая Дмоховскому, сказалъ: «панъ Дмоховскій, можетъ быть ты задумалъ стоять противъ меня на сеймикахъ? Смотри же, помни сударь, я не Дмоховскій». Это было предвѣстіемъ ссоры, но подбѣжала княгиня и сказала мужу: «иди спать, ты буянишь когда выпьешь», и вмѣстѣ съ тѣмъ приказала убрать бутылки и кубки. Князь разсмѣялся, наговорилъ всѣмъ вѣжливостей и ушелъ. Подпившіе гости у него въ домѣ окончательно порѣшили, кого слѣдуетъ выбрать.

Настало время сеймиковъ. Козьмянъ разсказываетъ, какъ онъ пріѣзжалъ тогда на сеймикъ съ отцомъ своимъ. «Когда мы про-

Digitized by Google

ѣзжали черезъ люблинскую греблю — говоритъ онъ — насъ поразилъ огромный обозъ, словно татарское кочевье, на урочищѣ Татарахъ, на правой сторонѣ отъ плотины. Мы увидали бѣлые шатры на жердяхъ, покрытые кусками матеріи, шалаши изъ хвороста; передъ нами пылали костры, рѣзали воловъ и пекли на рожнахъ огромные куски мяса; у столовъ и у стульевъ сидѣли кучами шляхта и пожирала кушанье; другіе припали къ бочкамъ съ пивомъ, медомъ, горѣлкою, черпали оттуда напитки стеклянцами, гарнцами, жбанами и кричали: виватъ! Иные сбились въ кружки, пробовали свои палаши и рубились между собою. Табунъ лошадей пасся между ними; нѣсколько сотъ подлясскихъ повозокъ въ одну лошадь, съ поднятыми въ верхъ оглоблями, окружали обозъ и образовали таборъ. «Что это такое»? спросилъ мой отецъ, встрѣтивъ нѣсколько шляхтичей на плотинѣ.—Это подлясская партія нашего князя, сказали ему. Мы поѣхали на предмѣстье къ доминиканамъ и встрѣчали по дорогѣ бродящія толпы шляхты, въ капотахъ и епанчахъ, съ саблями, и съ трудомъ могли добраться до каменнаго строенія. Едва мой отецъ успѣлъ перемѣнить платье, какъ къ нему пришло нѣсколько обывателей, городскихъ и сельскихъ, съ жалобою, что нѣтъ никакой безопасности въ городѣ; головы нельзя высунуть на улицу — отрубятъ; въ городѣ и на Жидахъ (часть Люблина) заперли лавки; шляхта ихъ отбиваетъ и товары грабитъ. Пьяные напали на почтеннаго обывателя Янишевскаго и изранили его, вообразивъ, что это Дмоховскій, потому что онъ былъ рыжій и низкорослый, хотя одинъ изъ нихъ ходилъ прямо, а другой хромалъ; его, раненаго, чуть спасъ братъ и унесъ домой. На люблинскаго хорунжаго Понятовскаго напали на улицѣ и хотѣли сорвать съ него саблю съ богатою рукояткою; дошло до свалки, да отважный старикъ сталъ противъ нихъ смѣло и крѣпко; тутъ пріятели его прибѣжали и разогнали назойливую сволочь. Мецената и осѣдлому въ городѣ обывателю выбили окна: онъ было сталъ имъ выговаривать, что непристойно шляхтѣ дѣлать насилія и грабежи; а они ему отвѣчали каменьями и ранили его въ голову. Обыватели просили моего отца ходатайствовать у князя, чтобъ онъ приказалъ вывести изъ города эту полудикую орду, запретилъ поить ее и впускать въ городъ. Въ день сеймика всѣ пошли въ костелъ. Хотя въ то время и не ожидали буйства и все, казалось, должно было обойтись покойно, однако я увидѣлъ, что одинъ только Чарторыскій былъ въ парикѣ, въ шляпѣ и въ мундирѣ люблинскаго воеводства, а другіе паны, которыхъ выбирали въ послы: Станиславъ Потоцкій, Ржевускій, Сангушко, надѣли на голову шапки туго настеганныя ватою и, вмѣсто

Digitized by Google

шагъ, привѣсили палаши на перевязяхъ. Вся толпа не могла помѣститься въ костелѣ, не малая часть шляхты оставалась на лугу надъ Быстрицею, у шатровъ и у бочекъ; другая наполняла корридоры и дворъ монастыря; ея хвостъ волочился по улицамъ. Сеймикъ окончился, однако, спокойно; единогласно выкрикнули всѣхъ кандидатовъ, и къ нимъ присоединился стольникъ Выбрановскій, сѣдой и почтенный обыватель люблинскаго воеводства; шляхта принесла его и другихъ передъ маршальскій столъ; князь въ короткихъ словахъ поблагодарилъ братію за выборъ. Тутъ я въ первый разъ услышалъ выразительную, произнесенную безъ подготовки, рѣчь Станислава Потоцкаго. По выходѣ изъ костела, всѣ обыватели отправились обѣдать къ князю. По приготовленіи Laudum (постановленія) и инструкціи для выбранныхъ пословъ, стали разъѣзжаться и развозить шляхту; исчезъ таборъ съ луга, но еще цѣлую недѣлю послѣ того по городу шатались повѣсы съ саблями. На этомъ сеймикѣ, какъ обыкновенно бывало на каждомъ, два-три шляхтича опились, другіе, пьяные, слетѣли со второго яруса и убились или разшиблись.»

Эти краснорѣчивые факты показываютъ, что, для начала преобразованій, о которыхъ толковали, употребляли старые пріемы. На этотъ сеймъ, послѣдній въ исторіи Рѣчи-Посполитой, составленный не по волѣ чужой власти, послы выбирались не по сознательной волѣ гражданъ, а посредствомъ подкупа и подпоя шляхетской толпы, точно также, какъ и на всѣ предшествовавшіе сеймы въ теченіи вѣковъ. Это одно затрудняло и даже дѣлало почти невозможнымъ истинное возрожденіе націи. Инструкціи, опредѣлявшія дѣйствія пословъ, писались по волѣ могучихъ пановъ, какъ и прежде дѣлалось. Тогда какъ въ люблинскомъ воеводствѣ заправляли выборами паны прусской партіи, въ южнорусскихъ краяхъ подбирали партію Щенсный Потоцкій и Браницкій, и они также обсыпали золотомъ и опаивали виномъ шляхту, настраивая ее выбирать людей противнаго направленія.

Современникъ Охоцкій говоритъ, что, подъ вліяніемъ Щенснаго Потоцкаго, на брацлавскомъ сеймикѣ въ инструкціи посламъ были заявленія объ улучшеніи участи хлоповъ: вопросъ этотъ всегда обходило шляхетство, и только Щенсному, при его силѣ, возможно было произвести такое необычное дѣло. Самъ Щенсный руководился въ этомъ случаѣ вліяніемъ извѣстнаго тогда поэта Трембицкаго, который проживалъ у него.

Браницкій, черезъ посредство Потемкина, хлопоталъ у Екатерины, чтобъ ему было дозволено составить конфедераціи и потомъ соединить ихъ во единую. Въ этомъ духѣ Потемкинъ подавалъ государынѣ проектъ. Въ немъ доказывалось, что до-

Digitized by Google

зволить въ Варшавѣ составить конфедерацію опасно. Внушалось опасеніе, что въ конфедерацію, составленную такимъ образомъ послѣ съѣзда сеймовыхъ пословъ, войдутъ люди убѣжденій, противныхъ Россіи, и такая конфедерація не будетъ оставаться въ зависимости отъ русскаго двора, а подвергнется вліянію иностранныхъ министровъ, станетъ препятствовать военнымъ операціямъ Россіи и сдѣлается вообще болѣе вредною для ней, чѣмъ полезною: король не станетъ служить видамъ Россіи, а будетъ преслѣдовать свои собственные виды. Гораздо безопаснѣе составить конфедерацію изъ отдѣльныхъ лицъ, которые не посмѣютъ нарушать обязательствъ къ Россіи, изъ опасенія навлечь на себя страшный для нихъ ея гнѣвъ. Нужно при этомъ стараться, чтобъ въ конфедерацію не входили люди нерасположенные къ Россіи; для этого нужно собрать войско подъ начальствомъ Браницкаго и Потоцкаго, присоединить къ нему, для усиленія войска, часть россійскаго и тогда составить конфедерацію изъ тѣхъ, на которыхъ можно понадѣяться, а для того, чтобъ купить такихъ людей, нужно получить отъ Россіи двѣсти тысячъ червонцевъ. Проектъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ дѣйствительно осуществился, но не теперь, а чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1792 г.; тарговицкая конфедерація существовала въ теоріи еще въ 1788 году: это показываетъ, что въ свое время она вытекала изъ необходимости и была неизбѣжна какъ явленіе, сложившееся прежними обстоятельствами. По плану Потемкина, конфедерація, составленная подъ принужденіемъ со стороны Россіи, заключила бы союзъ Польши съ Россіею и сдѣлала бы короля и все правительство орудіемъ Россіи; но тогда Браницкій, Ржевускій, Щенсный Потоцкій, Валевскій и проч. правили бы всею Рѣчью-Посполитою, учредили бы свои суды, давали бы, кому хотѣли, должности, распоряжались бы произвольно казною и вообще поступали такъ, какъ только можно въ анархіи и какъ дѣлалось во время конфедерацій. Екатерина отвергла этотъ проектъ, потому что не видѣла необходимости въ то время возбуждать и поддерживать смуту въ Польшѣ. Въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ Потемкина императрица выразилась, что для Россіи нѣтъ пользы, чтобы Польша сдѣлалась активнѣе, и потому хотѣла, чтобъ дѣятельность предстоявшаго сейма ограничилась заключеніемъ союза съ Россіею, но вмѣстѣ съ тѣмъ, она требовала, чтобы конституція, уже существовавшая, оставалась непоколебимою, ибо она была гарантирована императрицею. По ея соображеніямъ, эта конституція была достаточна для того, чтобъ въ Польшѣ могли происходить внутреннія улучшенія, не вредныя для Россіи. По плану Екатерины, слѣдовало собрать чрезвычайный сеймъ; этотъ сеймъ

Digitized by Google

долженъ конфедероваться, а потомъ изъ среды своей выбрать делегацію, которая была бы уполномочена заключить союзъ съ Россіею. «Составленіе въ Польшѣ конфедерацій по провинціямъ, говорила императрица, имѣетъ видъ бунта, и такой образъ дѣйствія можетъ прежде всего прусскому королю подать поводъ составить съ своей стороны другую конфедерацію, или по крайней мѣрѣ, поддерживать ту, которую устроятъ поляки. Подобные внутренніе бунты должны будутъ отвлечь въ Польшу часть русскаго войска для ихъ усмиренія». Екатерина отдавала справедливость приватнымъ лицамъ, о расположеніи которыхъ намекалось въ проектѣ, но замѣчала, что она не думаетъ, чтобъ король забылъ долгъ благодарности и собственную безопасность, и склонился бы къ видамъ, противнымъ Россіи. Поэтому Штакельбергъ получилъ предписаніе содѣйствовать тому, чтобъ сеймъ въ Варшавѣ сконфедерировался, чтобъ онъ также, какъ сеймъ, рѣшившій первый раздѣлъ, продолжался не болѣе шести недѣль и былъ лимитованъ (временно закрытъ), а потомъ возобновленъ по надобности для учрежденій.

Послы собрались въ октябрѣ 1788 года, и Штакельбергъ, до тѣхъ поръ считавшій Станислава Малаховскаго преданнымъ Россіи, увидалъ, что онъ заурядъ съ братьями Потоцкими чаетъ спасенія отъ Пруссіи. Это парализировало русскаго посланника. Онъ хотѣлъ препятствовать избранію его въ маршалы, сталъ покровительствовать Щенсному Потоцкому, но уже было поздно. На первомъ засѣданіи, маршалъ предшествовавшаго сейма огласилъ выборъ новаго маршала. Нѣсколько голосовъ изъ Литвы и Руси закричало: Щенснаго Потоцкаго! Но шестьдесятъ голосовъ королевской партіи въ свою очередь закричали: «Нѣтъ на то согласія. Пана Станислава Малаховскаго короннаго референдарія просимъ маршалкомъ!» За ними закричали: Малаховскаго! великополяне, а потомъ послы литовскіе и русскіе увлеклись въ пользу Малаховскаго и измѣнили Щенсному. Въ это время Петръ Потоцкій староста Щержецкій, какъ бы ради поддержанія чести рода Потоцкихъ, предложилъ себя въ кандидаты на маршальство. Но то была только комедія. Этому пану хотѣлось разыграть передъ всѣми великодушнаго и благороднаго человѣка. Онъ былъ панъ съ кредитомъ, а поэтому нашелъ кружокъ пановъ, преимущественно изъ Подлясья. Они стали поддерживать его, измѣнивъ Малаховскому. Засѣданіе разстроилось. На другой день нужно было рѣшить споръ баллотировкою. Тогда Петръ Потоцкій объявилъ, что, изъ уваженія къ такой почтенной личности, какъ панъ Малаховскій, онъ отступается отъ своей кандидатуры. Въ награду ему посыпались похвалы его аристидов-

Digitized by Google

ской доблести. Малаховскій единогласно сдѣлался маршаломъ. Щенсный, проглотивъ оскорбленіе, показывалъ видъ, что не чувствуетъ его и отправился къ Малаховскому съ поздравленіемъ. Маршаломъ литовскимъ или литовской конфедераціи на сеймѣ избранъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга.

III.

Открытіе сейма. — Прусскія внушенія. — Увеличеніе войска. — Уничтоженіе военнаго департамента. — Учрежденіе военной коммиссіи.

По избраніи маршала, обѣ Избы: сенаторская и посольская, соединились въ одну сеймовую. Засѣданія съ 7-го октября стали отправляться въ большой залѣ, въ лѣвой сторонѣ варшавскаго замка (отъ главныхъ воротъ съ Краковскаго предмѣстья). Король приходилъ въ засѣданіе, торжественно предшествуемый четырьмя маршалами (двумя великими и двумя коронными) и окруженный сенаторами, и садился на тронѣ. Сенаторы засѣдали въ креслахъ, послы на лавкахъ. Въ залѣ, по бокамъ, за лавками и на хорахъ толпились арбитры, то-есть, посторонніе посѣтители; ихъ было очень много; тогда въ Варшаву наѣхали обыватели съ тѣмъ, чтобъ слѣдить за дѣлами сейма: это не были безгласные зрители; напротивъ, они своими знаками одобренія или порицанія, рукоплесканіями или шиканьями давали направленіе и перевѣсъ сеймовымъ преніямъ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ публики были дамы, владѣвшія сердцами пословъ. Когда шла рѣчь о дѣлахъ иностранной политики, требующихъ секрета, арбитровъ удаляли, но они не всегда слушались. Въ важныхъ случаяхъ проекты разсматривались предварительно на провинціальныхъ засѣданіяхъ, которыя отправлялись коронными послами у сеймоваго маршала Малаховскаго, а литовскими — у Сапѣги или Радзивилла.

Намѣреніе короля было предложить сейму союзъ съ Россіею, но, при самомъ открытіи засѣданій, онъ нашелъ, что раздраженіе противъ Россіи уже сильно раздуто прусскою партіею, и прусскій министръ Бухгольцъ отъ 1 (12) октября подалъ ноту, которая, съ перваго раза, преградила возможность выступить съ проектомъ союза съ Россіею. Нота эта была такого содержанія:

«Въ концѣ августа текущаго года, графъ Штакельбергъ, россійскій посланникъ, оффиціально сообщилъ нижеподписавшемуся, что императрица россійская вознамѣрилась на предстоящемъ сеймѣ предложить заключеніе союза съ королемъ и Рѣчью-Посполитою, котораго цѣлію будетъ безопасность и цѣлость Польши

Digitized by Google

и оборона противъ общаго непріятеля. Нижеподписавшійся доложилъ объ этомъ своему государю, и вслѣдствіе полученнаго приказанія отвѣчалъ графу Штакельбергу, что его величество, король его, также предлагаетъ возобновить издавна существующіе между Пруссіею и Польшею договоры, потому что выгоды этой сосѣдней націи интересуютъ его королевское величество не менѣе, какъ и другія государства. Такъ какъ предполагаемый между Польшею и Россіею союзъ имѣетъ главною цѣлію сохраненіе цѣлости Польши, то его величество прусскій король не видитъ ни пользы, ни нужды въ такомъ союзѣ, потому что цѣлость Польши достаточно обезпечена послѣдними договорами. Нельзя предполагать, чтобъ договоры эти могли быть нарушены россійскою императрицею или римскимъ императоромъ. Съ своей стороны, его величество прусскій король приглашаетъ благомыслящую часть польскаго народа засвидѣтельствовать о неизмѣнной его пріязни къ этому народу. Его величество прусскій король вынужденъ торжественно протестовать противъ намѣреній такого союза, если бы онъ былъ обращенъ противъ его королевскаго величества, и въ такомъ случаѣ не можетъ не видѣть, что онъ замышляется съ цѣлію разорвать доброе согласіе и доброе сосѣдство, утвержденное торжественными договорами между Пруссіею и Польшею. Если же этотъ союзъ можетъ быть направленъ противъ общаго врага, то-есть, противъ Оттоманской Порты, то этимъ нарушается карловицкій миръ, и каждый благоразумный полякъ легко пойметъ, какъ трудно было бы охранить отечество отъ близкаго, многочисленнаго и счастливаго въ войнѣ непріятеля. Поэтому онъ полагаетъ, что тѣ, которые бы старались о заключеніи союза противъ Порты, подобнымъ поступкомъ увольняли бы короля, по силѣ шестой статьи договора 1773 г., отъ гарантіи цѣлости областей Рѣчи-Посполитой, потому что въ этомъ договорѣ ясно исключенъ случай войны между Польшею и Портою. Его величество отнюдь не противится, чтобъ Рѣчь-Посполитая возвела свою военную силу на высшую степень значенія. Прусскій король надѣется, что наияснѣйшіе чины Рѣчи-Посполитой, для блага своихъ владѣній, пожелаютъ не разрывать узы искреннѣйшей дружбы, постояннаго и вѣчнаго мира. Если жъ бы, вопреки ожиданію, пожелали приступить къ заключенію вышеупомянутаго союза, то, въ такомъ случаѣ, его величество прусскій король предлагаетъ наияснѣйшей Рѣчи-Посполитой отъ себя такой же союзъ и возобновленіе существующихъ между Польшею и Пруссіею договоровъ. Его королевское величество считаетъ себя въ состояніи обезопасить собственность Рѣчи-Посполитой въ такой же степени, какъ и всякое другое государство.

Digitized by Google

Его величество прусскій король приглашаетъ всѣхъ истинныхъ патріотовъ и добрыхъ обывателей польскихъ соединиться съ нимъ, въ видахъ отвращенія отъ Польши взаимными средствами тѣхъ великихъ несчастій и бѣдствій, которыя ей угрожаютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, его величество прусскій король обѣщаетъ дать имъ всякую помощь и дѣйствительнѣйшее пособіе въ видахъ поддержанія независимости, свободы и безопасности Польши.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Бухгольцъ сообщилъ секретно ноту Оттоманской Порты. Въ ней, отъ имени султана, изъявлялась жалоба на Россію за то, что она не допускаетъ поляковъ устроить въ своемъ государствѣ перемѣны. Россія хочетъ держать поляковъ въ качествѣ своихъ невольниковъ. Неслыханное дѣло — было сказано въ турецкой нотѣ — чтобъ народъ народу препятствовалъ составлять планы для своего управленія. Вотъ несомнѣнное доказательство, что Россія хочетъ распространить свое могущество на всѣхъ своихъ сосѣдей; поэтому, если Польша станетъ просить для своего избавленія отъ притѣсненій Россіи помощи, то султанъ съ великимъ удовольствіемъ исполнитъ обязанности дружбы, существующей между Польшею и Портою, и покажетъ себя опорою слабыхъ и бичемъ высокомѣрныхъ, потому что Богъ далъ ему право охранять слабыхъ и взывающихъ о помощи и защитѣ. Бухгольцъ добавлялъ словами то, что изложилъ въ своей нотѣ, и увѣрялъ пановъ, что Пруссія немедленно пошлетъ сорокъ тысячъ войска для охраненія Польши, если только Россія вздумаетъ мстить ей за сверженіе съ себя зависимости. Англійскій и шведскій посланники также возстановляли поляковъ противъ Россіи. Въ такихъ обстоятельствахъ союзъ съ Россіею казался рѣшительно невозможнымъ дѣломъ. Заключить его — значило вооружить противъ себя Европу. Польша, казалось, должна была подвергнуть себя въ такомъ случаѣ немедленно вторженію непріязненныхъ войскъ. Турція, Швеція, а потомъ и Пруссія, послали бы противъ нея свои силы. Такимъ образомъ и тѣ, которые искренно желали этого союза, должны были пріостановиться и мало-по-малу склоняться къ инымъ убѣжденіямъ. Предложенія враговъ Россіи оказывались гораздо выгоднѣе и надежнѣе. Императрица хотѣла только союза, но не изъявляла желанія дозволить полякамъ производить перемѣны въ своемъ государствѣ, выходя изъ предѣловъ, данныхъ имъ въ основы правленія, тогда какъ Пруссія заохочивала ихъ къ кореннымъ преобразованіямъ, предоставляла имъ полную свободу дѣйствій, и пока не только ничего для себя не требовала, но еще безкорыстно обѣщала помощь. Число сторонниковъ Пруссіи возросло мгновенно. Нѣкоторые паны и послы, до сихъ поръ колебавшіеся,

Digitized by Google

открыто заявляли себя на сторонѣ Пруссіи. Въ числѣ ихъ былъ Радзивиллъ, Panie Kochanku, который, по своему обычаю, вѣчно пьяный, сапѣлъ и дремалъ въ избѣ, сидя въ сенаторскомъ креслѣ, щеголяя краснымъ бархатнымъ кунтушемъ съ брилліантовою застежкою, посреди которой сверкалъ крупный карбункулъ, богато оправленной корабелею, и большими усами. За нимъ его многочисленные кліенты, каждый день опивавшіеся у него въ палацѣ, стали превозносить Пруссію и бранить Россію.

При такомъ настроеніи, сеймъ далъ слѣдующій отвѣтъ прусскому министру чрезъ своихъ маршалковъ:

«Нижеподписавшіеся, по приказанію короля и чиновъ Рѣчи-Посполитой, въ настоящемъ конфедерованномъ сеймѣ, честь имѣютъ сообщить г. фонъ-Бухгольцу, послу е. в. короля прусскаго, отвѣтъ, сообразно чувствованіямъ его королевскаго величества прусскаго короля, изложеннымъ въ декларації отъ 12-го октября. По прочтеніи означенной декларації, все собраніе чиновъ проникло чувствомъ живѣйшей и искреннѣйшей благодарности, подобающей великодушному образу мыслей короля, сосѣда и друга, который, охраняя цѣлость Польши, укрѣпляетъ особеннымъ увѣреніемъ прочность союза и утверждаетъ существующее въ народѣ мнѣніе о немъ, какъ о могущественнѣйшемъ и добродѣтельнѣйшемъ государѣ! Проектъ союза между Польшею и Россіею не находится въ совѣтѣ, не представленъ на сеймѣ сконфедерованнымъ чинамъ государства, не сдѣлался цѣлію настоящей конфедерації, которая, сообразно всеобщей волѣ народа и поданнымъ отъ трона предложеніямъ, обратитъ всѣ труды свои и усилія къ увеличенію податей и умноженію войска Рѣчи-Посполитой, не съ наступательною, но съ оборонительною цѣлію, дабы Рѣчь-Посполитая могла защищать и поддерживать свое достояніе и свое свободное правительство. Если-жъ бы, въ ряду сеймовыхъ работъ для вышеозначенныхъ цѣлей, подано было предложеніе и проектъ какого-либо союза, то Рѣчь-Посполитая, по существу сеймовыхъ занятій обязанная въ дѣйствіяхъ своихъ идти явными шагами, не можетъ и не желаетъ скрывать своего поведенія, всегда сообразуясь съ независимостію, приличною своей самостоятельности, съ указаніями публики и священнаго для ней права, съ правилами осторожности и должнаго вниманія къ дружескимъ чувствованіямъ его величества прусскаго короля; а такъ какъ народная воля, всегда справедливая и явная, руководитъ занятіями настоящаго сейма, то собранные чины Рѣчи-Посполитой нераздѣльно и единогласно приложатъ всяческое усиліе, чтобы въ мнѣніи его королевскаго величества заслужить лестное одобреніе своему просвѣщенному патріотизму.»

Digitized by Google

Король Станиславъ-Августъ предостерегалъ сеймъ, убѣждалъ не раздражать Россіи и не довѣрять Пруссіи. «Сосѣди наши заняты войной — говорилъ онъ — и вы хотите, слѣдуя сердечнымъ побужденіямъ, оскорблять Россію, которая совсѣмъ не хочетъ нашего уничтоженія; вы отдаетесь съ довѣріемъ державѣ, которая уклоняется отъ войны единственно съ желаніемъ собрать силы, чтобы, въ удобное время, сдѣлать насчетъ насъ новыя пріобрѣтенія. Мы можемъ надѣлать Россіи затрудненій, но это доведетъ ее до того, что она принуждена будетъ отдать насъ на жертву судьбѣ нашей, или принять отъ другихъ предложенную ей часть нашего отечества». Братъ короля, примасъ, говорилъ противъ Пруссіи еще рѣзче и вспоминалъ разныя несправедливости, испытанныя Польшею отъ этой сосѣдней державы. Противъ него сильно кричали, восхваляли Пруссію и бранили Россію Сухоржевскій, Суходольскій и Кублицкій, люди, всѣ, впослѣдствіи, служившіе Россіи. Бухгольцъ, услышавъ, что происходитъ на сеймѣ, написалъ ноту, гдѣ выразилъ надежду, что государственные чины не увлекутся внушеніями духа пристрастія, надѣвающаго личину патріотизма съ цѣлью отвлечь Рѣчь-Посполитую отъ прусскаго короля, ея давняго и искренняго союзника. Вмѣстѣ съ тѣмъ прусскій министръ, отъ имени своего короля, побуждалъ сеймъ какъ можно дѣятельнѣе работать надъ реформой.

Первымъ дѣломъ было умноженіе войска. Лэнчицкій посолъ Ермановскій говорилъ: «Значеніе Польши упало въ ряду европейскихъ державъ съ тѣхъ поръ, какъ уменьшилось наше войско. Иноземныя войска проходили черезъ наши земли, назначали себѣ здѣсь стоянки; насъ никто не призывалъ на помощь, никто не дорожилъ союзомъ съ нами, упалъ духъ старопольскаго мужества, не стало охоты къ военному дѣлу. Поляки праздно и лѣниво проводили время. Только обладаніе военною силою можетъ насъ поднять». Но другіе представляли неудобства проистекающія для страны отъ содержанія большого войска, вспоминали какъ въ старину реестровое войско возбуждало жалобы шляхетства, какъ жолнеры наѣзжали на шляхетскіе домы, брали подводы, не щадили ни шляхетскихъ, ни духовныхъ имѣній. Увеличеніе войска однако не производило слишкомъ горячихъ споровъ. Въ засѣданіе, 20-го октября, рѣшено было увеличить войско до ста тысячъ. Но такое число легко было только написать. Надобно было содержать это войско. Нужны были средства. До сихъ поръ на войско Рѣчи-Посполитой тратилось шесть милліоновъ злотыхъ, теперь по смѣтѣ находили, что нужно было сорокъ милліоновъ; слѣдовало отыскать недостающіе тридцать че-

Digitized by Google

тыре милліона. Не меньше того нужно было установить и правильное начальство надъ войскомъ. Сверхъ того, по обычнымъ понятіямъ, нужно было еще, чтобы войско не сдѣлалось опаснымъ орудіемъ для ограниченія свободы Рѣчи-Посполитой. Прежнее уменьшеніе войска въ Польшѣ было слѣдствіемъ ревнивой осторожности и боязни за шляхетскую свободу. Поляки издавна опасались, чтобы у королей не было въ распоряженіи военной силы; теперь повторялась таже извѣстная пѣсня. Прежде опасеніе оправдывалось тѣмъ, что польскіе короли были чужестранные принцы, не связанные съ Польшею ни происхожденіемъ, ни воспитаніемъ. Теперь, хотя на престолѣ царствовалъ природный полякъ, но его считали подручникомъ и орудіемъ Екатерины. Когда зашла рѣчь о начальствѣ, холмскій посолъ Суходольскій предложилъ уничтожить военный департаментъ, установленный конституціею 1775 года, какъ отдѣлъ постояннаго совѣта. Это было первое посягательство на конституцію, данную Россіею и гарантированную ею. Король былъ противъ. Еще смѣлость противъ Россіи не шагнула слишкомъ далеко; еще не всѣ были увѣрены, что Россія ослабѣвала. Когда начали собирать голоса, то шестьдесятъ голосовъ были съ королемъ за сохраненіе военнаго департамента. Но когда, потомъ, сдѣлана была секретная баллотировка, то число защитниковъ спало до семи. Очевидно, что многіе хотѣли того же, чего и другіе, да не были слишкомъ смѣлы. Эта двуличность такъ поразила короля, что онъ сдѣлался нездоровъ. Споръ о начальствѣ шелъ нѣсколько дней. Патріоты ни за что не хотѣли допустить ни короля, ни гетмановъ къ начальству надъ войскомъ, чтобы не было, какъ говорили они, государства въ государствѣ. Люблинскій посолъ Станиславъ Потоцкій предложилъ учредить коммиссію, которая зависѣла бы не отъ короля, а отъ сейма. Его единомышленники развивали мысль, чтобъ въ этой коммиссіи гражданское начало брало верхъ надъ военнымъ. Рѣзкимъ противникомъ ихъ былъ тогда черскій каштелянъ Островскій. Главнымъ неудобствомъ принять проектъ Потоцкаго онъ выставлялъ то обстоятельство, что эта коммиссія въ промежуткѣ отъ одного сейма до другого будетъ оставаться безъ всякаго надзора. Послѣ многихъ споровъ, 3-го ноября, большинствомъ восемнадцати голосовъ, рѣшено было подчинить военную силу верховной власти войсковой коммиссіи. Въ случаѣ, еслибъ эта коммиссія употребила во зло свою власть, она отвѣчала передъ сеймовымъ судомъ, который долженъ быть составленъ изъ шести сенаторовъ, четырехъ министровъ (маршала, гетмана, печатника и подскарбія) и двадцати четырехъ пословъ, по ровному числу выбранныхъ отъ каждой изъ трехъ

Digitized by Google

провинцій: малопольской, великопольской и литовской. Военный департаментъ уничтоженъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, русскій посланникъ Штакельбергъ представилъ, 5-го ноября, ноту на сеймъ такого содержанія: «Нижеподписавшійся, чрезвычайный уполномоченный посолъ ея императорскаго величества императрицы всероссійской, хотѣлъ оставаться въ молчаніи и потому не дѣлалъ никакихъ съ своей стороны заявленій относительно учиненныхъ свѣтлѣйшими чинами Рѣчи-Посполитой постановленій, которыя, хотя и нарушили конституцію 1776 года, заключенную съ тремя дворами, но еще не разорвали прямо акта гарантіи 1775 года. Повелѣнія ея императорскаго величества всегда дышали чувствами дружбы къ народу польскому, такъ что нижеподписавшійся желалъ бы не быть приведеннымъ къ непріятной необходимости протестовать противъ нарушенія формы правленія, освященнаго торжественнымъ актомъ гарантіи 1775 года. Но мысль, заключающаяся въ разныхъ проектахъ, имѣющая цѣлью полное ниспроверженіе правительства, предписываетъ нижеподписавшемуся потребность объявить, что ея величество, съ сожалѣніемъ отказываясь отъ дружбы, которую питала къ королю и Рѣчи-Посполитой, не можетъ смотрѣть на малѣйшую отмѣну конституціи 1775 года иначе, какъ на нарушеніе дружелюбныхъ отношеній и договора между Польшей и Россіей.»

Эта нота произвела взрывъ негодованія на сеймѣ. Тутъ кстати были получены рапорты о дурномъ поведеніи квартировавшихъ въ Польшѣ русскихъ войскъ. Король сталъ опять говорить за Россію. «Не соблюдать—говорилъ онъ—трактатовъ, значитъ вызывать на себя и слѣдствія этого несоблюденія. Богатыри, которые нарушали трактаты, тогда только получали черезъ то славу и уваженіе, когда у нихъ было достаточно не только отваги, но и умѣнья и средствъ вести дѣло, и обстоятельства имъ благопріятствовали. У насъ же нѣтъ силъ сопротивляться и мы можемъ сдѣлаться добычею чуждыхъ интригъ. Нѣтъ государства, которому бы наши выгоды были менѣе противны, какъ Россіи, и если бы я не былъ королемъ, а только родился полякомъ, то и тогда, изъ любви къ отечеству, долженъ былъ бы желать и совѣтовать поступать осторожно и уважительно съ Россіей». Попытки соблюсти доброе согласіе съ Россіею произвели такое смятеніе на сеймѣ, что нѣкоторые брались за сабли. Прусскій министръ, между тѣмъ, въ своихъ свиданіяхъ съ членами сейма, подстрекалъ ихъ выступать какъ можно энергичнѣе противъ Россіи, заявлять свою самостоятельность и рѣшительно потребовать выступленія русскихъ войскъ изъ польскихъ предѣловъ. Въ слу-

Digitized by Google

чаѣ мщенія со стороны Россіи, онъ снова ободрялъ ихъ надеждою, что прусскій король пришлетъ имъ войска, когда нужно.

10-го ноября, поданъ королю адресъ: требовалось продолжить сеймъ до 22-го ноября съ правомъ продолжить его и на дальнѣйшее время, до тѣхъ поръ, пока не окончатся всѣ занятія, лежавшія на обязанности сейма, не закрывать сеймовыхъ засѣданій безъ согласія членовъ и просить императрицу вывести русскія войска изъ Польши, а въ случаѣ отказа выгнать ихъ силою; для этого обратиться къ сосѣднимъ иностраннымъ державамъ съ жалобами на пребываніе иностранныхъ войскъ въ земляхъ Рѣчи-Посполитой и на угрозы русскаго посланника. Какъ ни горячились, однако отвѣтъ на ноту Штакельберга былъ написанъ княземъ Чарторыскимъ въ вѣжливыхъ выраженіяхъ. Рѣчь-Посполитая давала замѣтить, что она держава независимая и имѣетъ право распоряжаться своимъ внутреннимъ строемъ; изъявлялась надежда, что россійская императрица окажетъ великодушіе и пріобрѣтетъ право на благодарность польской націи: просили о выводѣ русскихъ войскъ изъ польскихъ предѣловъ.

24-го ноября, Штакельбергъ отвѣчалъ, что русскихъ войскъ нѣтъ въ Польшѣ; есть только незначительное число солдатъ, охраняющихъ магазины, которые, находясь въ Польшѣ, приносятъ жителямъ пользу, давая имъ возможность сбывать сельскія произведенія. Въ подобномъ же духѣ отвѣчалъ австрійскій уполномоченный нотою отъ 27-го ноября на словесное сообщеніе о нѣкоторыхъ оскорбленіяхъ, которыя причиняли австрійскіе солдаты польскимъ жителямъ.

Такимъ образомъ, прусская интрига устроила начало разрыва Польши съ Россіею. 19-го ноября, Бухгольцъ написалъ ноту, гдѣ еще разъ побуждалъ поляковъ къ произведенію реформъ въ своемъ государствѣ и обѣщалъ содѣйствіе своего короля въ случаѣ нужды. «Прусскій король—говорилъ онъ— понимаетъ гарантію 1775 года не иначе, какъ въ смыслѣ огражденія независимости Рѣчи-Посполитой, а вовсе не такъ, чтобы эта гарантія давала право стѣснять свободу сужденій и вмѣшиваться во внутреннія учрежденія страны». Такое заявленіе подбодрило патріотовъ, усилило ненависть къ Россіи и преданность къ Пруссіи. Первой приписывались всякіе зловредные умыслы противъ Польши, второй всевозможнѣйшія доброжелательства. Сторонніе безпристрастные люди въ то самое время провидѣли, однако, что Пруссія играетъ Польшею. «Если Польшѣ — писалъ тогда саксонскій министръ Эссенъ—придется прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ Россіи, не думаю, чтобы дворъ берлинскій сталъ тогда поддерживать польскій энтузіазмъ. Не можетъ же Пруссія вдругъ из-

Digitized by Google

мѣнить прежней политики и стремленій къ расширенію». По замѣчанію того же Эссена, между самими поляками были люди, которые сомнѣвались, чтобъ ихъ новые законодатели и земестроители оказались лучшими Ликургами и Солонами, чѣмъ были ихъ отцы и дѣды. Польша опять сдѣлается театромъ раздоровъ и междоусобій и все кончится тѣмъ, что сосѣди согласятся установить въ Польшѣ спокойствіе и порядокъ, и Польша сдѣлается добычею миротворцевъ. Немногіе такъ здраво судили. Патріоты добродушно довѣрялись ласковымъ выраженіямъ и, что всего было гибельнѣе, считали написанное ими на бумагѣ также твердымъ, какъ будто уже оно было приведено въ дѣйствіе.

29-го ноября, по предложенію Залѣскаго, принято было единогласно продолжить сконфедерованный сеймъ на неопредѣленное время. Такимъ образомъ, этотъ сеймъ сдѣлался постояннымъ правительственнымъ учрежденіемъ.

Законъ объ умноженіи войска повлекъ ко многимъ проектамъ; недѣли проходили безполезно, послы пускались въ мелочи, щеголяли краснорѣчіемъ, величались доблестями и сбивались съ прямой дороги, отклоняясь къ постороннимъ вопросамъ. Такимъ образомъ, толкуя о составѣ Войсковой Комиссіи, свернули на вопросъ о взаимныхъ правахъ Польши и Литвы. Великопольскіе послы держались централизаціи, смотрѣли на Литву, какъ на страну совершенно единую съ Польшею и не хотѣли допустить въ устройствѣ Комиссіи особенностей въ пользу автономіи Литвы. Литовскіе послы, напротивъ, добивались какихъ-нибудь, хотя формальныхъ, отличій. Ихъ сторону держали нѣкоторые послы изъ Малой Польши. Такъ, холмскій посолъ Суходольскій выразился, что унія Литвы и Польши есть дѣло священное, и онъ, какъ посолъ изъ Короны, долженъ стоять за преимущества Великаго литовскаго княжества. «Недостаточно-ли — возражали ему — сохранится унія Литвы съ Польшею уже и потому, что оба гетмана, коронный и литовскій, будутъ засѣдать въ Комиссіи»? Подольскій посолъ Ржевускій предложилъ, чтобы, для угожденія національному самолюбію поляковъ и литовцевъ, Комиссія производила четыре года свои дѣла въ Коронѣ, а два въ Литвѣ. Литовскіе послы, напротивъ, требовали, чтобы въ Комиссіи половина членовъ была непремѣнно изъ литовцевъ. «Но Литва — возражали имъ великополяне — не платитъ половины государственныхъ доходовъ въ казну, слѣдовательно нѣтъ основанія, чтобы въ Комиссіи половина членовъ была непремѣнно изъ литовцевъ». «Мы теряемъ напрасно время», сказали наконецъ нѣкоторые; и тогда прочіе, замѣтивши, что, въ самомъ дѣлѣ время теряется, торопливо принялись за дѣло и порѣшили, чтобы Комиссія была

Digitized by Google

постоянно при сеймѣ, а въ промежуткѣ между сеймами, два года она должна находиться въ Польшѣ, а третій въ Литвѣ. Этимъ думали удовлетворить федеративной особности Литвы; но представители послѣдней съ неохотою должны были признать первенство Польши, допустивъ для пребыванія Войсковой Коммиссіи въ Польшѣ два года, и только одинъ для пребыванія въ Литвѣ.

Споръ этотъ въ сущности не имѣлъ смысла: дворянство литовское, по языку, воспитанію и нравамъ, не отличалось отъ польскаго.

Нѣсколько засѣданій прошло въ толкахъ о томъ, какая одежда должна быть въ войскѣ. Подавали проектъ, чтобы мундиры были изъ туземнаго сукна; на это возражали, что польскія фабрики плохи и не въ силахъ доставить потребнаго количества одежды; да если бы такой законъ издать, то фабриканты будутъ дѣлать плохое сукно. «Прежде», сказалъ подольскій посолъ Красинскій, «выбьемся изъ неволи, возвратимъ Польшѣ независимость, укоренимъ воспитаніемъ въ юношествѣ чувства, которыми дышали предки, а потомъ уже будемъ разсуждать объ одеждѣ». 27 ноября рѣшено было, чтобы войска ходили въ польской одеждѣ. Казиміръ-Несторъ Сапѣга, въ примѣръ другимъ, снялъ съ себя парикъ и европейскій кафтанъ и нарядился въ брошенную одежду предковъ. Она была ему очень къ лицу, когда онъ, выставя правую ногу впередъ и опершись лѣвою рукою на саблю, разсыпалъ перлы своего краснорѣчія. Затѣмъ, нѣкоторые другіе послы и литовскій гетманъ Огинскій надѣли старинный польскій костюмъ.

Занялись вопросомъ о средствахъ въ содержанію войска. Поляки охотно согласились, чтобы у нихъ было огромное войско, но платить на его содержаніе большой охоты не оказалось. Сухоржевскій предложилъ, чтобы владѣльцы и посессоры заплатили одно подымное, и чтобы, сверхъ того, была открыта подписка для добровольныхъ пожертвованій. Положили во всѣхъ гродскихъ канцеляріяхъ, въ приходахъ, въ судейскихъ кагалахъ, въ ремесленныхъ цехахъ открыть добровольные сборы: всякій могъ вносить, сколько хотѣлъ; коматоры должны были собирать внесенное и доставлять въ скарбовыя коммиссіи—коронную и литовскую. Нѣкоторые богатые паны тотчасъ же показали свою тароватость. Канцлеръ Малаховскій пожертвовалъ двѣнадцать пушекъ. Волынскій посолъ Гулевичъ обѣщалъ снарядить на свой счетъ эскадронъ изъ двухсотъ-пятидесяти человѣкъ. Разными приношеніями набрали до 80,000 злотыхъ. Дамы жертвовали свои бриліанты. Щенсный Потоцкій по этому поводу говорилъ о своей женѣ: «Вотъ гражданка, мать девяти дѣтей, хочетъ украшаться только однѣми добродѣтелями и лишаетъ себя драгоцѣнностей

Digitized by Google

на пользу республики; эта гражданка—жена моя; цѣнность приносимыхъ ею пожертвованій равняется цѣнности десяти тысячъ ружей, которыя я самъ отъ себя сдамъ въ арсеналъ Рѣчи-Посполитой». Этотъ панъ, стараясь показать, что не имѣетъ предпочтенія ни къ Россіи, ни къ Пруссіи, взывалъ къ соотечественникамъ такъ: «Народъ нашъ ни на кого не долженъ надѣяться кромѣ самого себя, пока у него есть руки и металлъ, изъ котораго дѣлаютъ оружіе. Клянусь Богомъ, я никогда не буду служить чужимъ монархамъ; и если жестокая судьба и пороки Рѣчи-Посполитой погубятъ ее, если я буду такъ несчастливъ, что вмѣстѣ съ нею не похоронятъ и меня — я покину отечество и за морями, въ другомъ полушаріи, съ моими девятью дѣтьми пойду дышать вольнымъ воздухомъ. Разобьемъ наши оковы, забудемъ несогласія, возненавидимъ козни. Да погибнетъ память тѣхъ, которые призывали чужое войско для пролитія крови соотечественниковъ и открывали чужестранцамъ входъ въ Рѣчь-Посполитую». Эта рѣчь въ устахъ будущаго автора тарговицкой конфедераціи, главнаго разрушителя, съ чужестранною помощью, всѣхъ сеймовыхъ затѣй, многознаменательна, какъ образчикъ того, въ какой степени пышныя патріотическія фразы сходились съ поступками и насколько тогдашній полякъ могъ надѣяться самъ на себя. Нѣкоторые, не увлекаясь блескомъ фразъ, сопровождавшихъ пожертвованія, замѣчали, что стотысячное войско не можетъ содержаться на счетъ дамскаго туалета.

Увлеченіе охладѣвало, когда надобно было толковать не о добровольныхъ пожертвованіяхъ каждаго, а о наложеніи обязательныхъ податей въ пользу войска. Владѣльцы обширныхъ маетностей и посессоры королевщинъ старались, чтобы имъ пришлось платить какъ можно меньше. Англійскій министръ въ Польшѣ, Гэльсъ, писалъ въ отечество: «Нельзя не удивляться легкомыслію поляковъ: они рѣшились на увеличеніе войска, а содержать его нечѣмъ. Страна не имѣетъ ни торговли, ни промысловъ, народонаселеніе уменьшается; Польша не въ состояніи поднять издержекъ и на половину того количества войска, какое поляки признаютъ нужнымъ».

Проектъ о наложеніи подымнаго встрѣтилъ сопротивленіе. Виленскій посолъ Романовичъ кричалъ: «Мы еще не въ такой большой опасности, чтобы намъ отягощать шляхетскія имѣнія. Издержки на войско могутъ покрыться доходомъ съ поіезуитскихъ имѣній». Извѣстно, что доходы съ этихъ имѣній давно уже были обращены на народное воспитаніе. Брестскій посолъ Матушевичъ устранялъ на этотъ разъ совсѣмъ этотъ щекотливый вопросъ, доказывая, что прежде слѣдуетъ устроить прави-

Digitized by Google

тельство, а войско безъ твердаго правительства будетъ только на пагубу. Щенсный Потоцкій, такъ щедро раздававшій на войско брилліанты жены своей, былъ противъ наложенія подымнаго, на томъ основаніи, что это только временная мѣра, а для содержанія войска нужны постоянныя средства. Этотъ панъ предложилъ еще на свой счетъ поставить тысячу человѣкъ. За нимъ Panie Kochanku предложилъ отъ себя 600 человѣкъ; но оба хотѣли, чтобы власть надъ этимъ войскомъ оставалась за ними.

Но тутъ случились событія, которыя побудили Избу къ бо́льшей дѣятельности и рѣшимости. Получено извѣщеніе отъ командующаго польскимъ войскомъ въ Украинѣ, что русскіе не только не выводятъ войскъ изъ Польши, но еще три новые полка проходятъ черезъ Украину и вербуютъ людей. Это подало поводъ къ рѣзкимъ выходкамъ противъ Россіи.

Прусскій министръ послалъ 2 декабря на сеймъ еще одну одобрительную ноту, восхвалялъ поляковъ за ихъ смѣлость и увѣрялъ въ расположеніи прусскаго короля. Съ новыми надеждами на покровителя и благодѣтеля, сеймъ, въ своемъ отвѣтѣ прусскому министру, вознося до небесъ великодушіе и умѣренность прусскаго короля, жаловался на Россію, что она злоупотребляетъ правами гарантіи и просилъ Пруссію защищать Польшу отъ Россіи. Затѣмъ разнеслись слухи, что русскій народъ въ Украинѣ начинаетъ волноваться: это безъ дальнихъ размышленій приписали кознямъ москалей. Сухоржевскій, тотъ самый, который впослѣдствіи такъ усердно искалъ милости императрицы, теперь кричалъ на сеймѣ такъ: «наияснѣйшій король, если хочешь увидѣть поляковъ, готовыхъ умирать за достоинство твоего престола, — пусть они услышатъ изъ твоихъ устъ желанный голосъ: будемъ бить москалей! Наияснѣйшій король, если хочешь видѣть единодушное согласіе всего народа, произнеси одно слово: бить москалей!» Въ томъ же духѣ говорилъ Казиміръ-Несторъ Сапѣга, а подольскій посолъ Красинскій припоминалъ о неисчислимыхъ могилахъ Украины, свидѣтельствовавшихъ о старыхъ бунтахъ хлопскихъ, которые, по его мнѣнію, начиная отъ Хмельницкаго и до позднихъ временъ, всѣ были возбуждены москалями. Возбужденіе противъ Россіи имѣло за собою желаніе показать свѣту сознаніе самостоятельности и ниспровергнуть тѣ условія, которыя казались унизительными. До сихъ поръ Польша, по волѣ Россіи, не смѣла держать при иностранныхъ дворахъ своихъ посланниковъ.

9 декабря, брацлавскій посолъ Северинъ Потоцкій подалъ проектъ объ учрежденіи Депутаціи иностранныхъ дѣлъ и о назначеніи къ иностраннымъ дворамъ посланниковъ. «Мы народъ

Digitized by Google

слабый — говорилъ онъ — народъ попираемый, презираемый, покрывшій себя стыдомъ; лучше намъ вовсе не существовать, чѣмъ питать гордость какого-нибудь чужого владыки». Проектъ его былъ принятъ, назначены были къ иностраннымъ дворамъ послы и учреждена Депутація иностранныхъ дѣлъ [1]).

Въ январѣ 1789 г. покусились на уничтоженіе постояннаго совѣта. Этотъ совѣтъ былъ особенно ненавистенъ, тогда какъ нежеланіе выводить русскія войска изъ Польши чрезвычайно волновало умы, а въ предыдущіе годы дозволеніе на проходъ русскихъ войскъ черезъ Польшу давалось не сеймомъ, а Постояннымъ Совѣтомъ. Проектъ уничтоженія представленъ люблинскимъ посломъ Станиславомъ Потоцкимъ. Король, подъ страхомъ навлечь немилость Екатерины, сталъ-было защищать Постоянный Совѣтъ. «Вотъ — говорилъ онъ — скоро четыре мѣсяца, какъ мы стараемся раздражить противъ себя императрицу; мы нарочно дѣлаемъ то, что̀ ей противно, и умышленно не дѣлаемъ того, что́ ей угодно. Подумайте: уничтоженіе Постояннаго Совѣта будетъ конечнымъ нарушеніемъ мирнаго договора съ Россіею». Но этого именно нарушенія и хотѣли патріоты: Постоянный Совѣтъ во многомъ былъ полезнымъ учрежденіемъ и давалъ хоть какой-нибудь порядокъ Польшѣ. Поляки порывались его уничтожить именно потому, что онъ созданъ былъ Россіею. Удерживать его, казалось, значило бояться Россіи и повиноваться ей, а полякамъ хотѣлось показать всему свѣту и самимъ себѣ, что они болѣе не зависятъ отъ Россіи. «Если мы будемъ бояться Россіи, то лучше откажемся отъ званія свободныхъ людей и перестанемъ стыдиться называться рабами», говорили патріоты. Опасно было заикнуться за удержаніе Совѣта; задорные прогрессисты готовы были пустить въ дѣло сабли. Сторонники прежняго порядка прибѣгли было къ хитрости; подъ видомъ еще крайнѣйшаго патріотизма они говорили: «Если уничтожать Постоянный Совѣтъ, такъ уничтожимъ же разомъ всѣ ненавистныя постановленія сейма 1775 года». Но у многихъ пановъ права собственности на имущество опирались на постановленія и приговоры именно этого сейма. Противники реформы, прикидываясь ея поборниками, хорошо понимали, что такого повальнаго уничтоженія всѣхъ постанов-

---

[1]) Въ ней были надворный литовскій маршалъ Игнатій Потоцкій, кіевскій епископъ Рыбицкій, бецкій каштелянъ Зелинскій, черниковскій посолъ Михаилъ Чацкій, сѣрадскій посолъ Любенскій, варшавскій посолъ Соболевскій, брестскій Матушевичъ и ливонскій Забѣлло. Къ иностраннымъ дворамъ назначали: въ Вѣну Войну, въ Берлинъ Чарторыскаго (но вмѣсто его посланъ былъ Яблоновскій), въ Лондонъ Букатаго, въ Константинополь Мажецкаго (посланъ былъ Петръ Потоцкій), въ Петербургъ хотѣли послать Щенснаго-Потоцкаго, но послали Деболи.

Digitized by Google

леній означеннаго сейма состояться не можетъ, и разсчитывали, что подобными заявленіями можно добиться до того, что патріоты охладѣютъ въ своемъ задорѣ и оставятъ въ покоѣ сеймъ 1775 года, а тѣмъ самымъ и учрежденный на немъ постоянный совѣтъ будетъ существовать. Но Казиміръ-Несторъ Сапѣга противопоставилъ этой уловкѣ другую, ей равную: онъ привелъ силу закона 1775 года, по которому не дозволялось на сеймѣ вносить предложеній, заключающихъ нѣсколько предметовъ разомъ, а здѣсь представлялось разомъ множество вопросовъ: по силѣ приводимаго закона, ихъ слѣдовало раздѣлять особно. Онъ доказывалъ, что Постоянный Совѣтъ и безъ того уже лишился своего значенія, по уничтоженіи двухъ его департаментовъ и по замѣненіи ихъ Войсковою коммиссіею и Депутаціею иностранныхъ дѣлъ; уничтожить остальное вовсе не такъ было важно, какъ казалось: дѣло состояло больше въ одномъ имени. Станиславъ Потоцкій сказалъ: «Выкинемъ самое имя Постояннаго Совѣта изъ нашихъ учрежденій. Если мы не вычеркнемъ перомъ, то оно вычеркнется саблею». Предложили балотировку. Примасъ, нѣсколько сенаторовъ и тридцать пословъ объявили, что не участвуютъ въ балотировкѣ; она тѣмъ не менѣе состоялась и Постоянный Совѣтъ, въ засѣданіи 19 января 1789 года, былъ уничтоженъ большинствомъ 122 голосовъ противъ 12.

Говорятъ, наканунѣ этого дня, Штакельбергъ видѣлся съ маршаломъ Малаховскимъ и замѣчалъ ему, что онъ не умѣетъ обуздывать многословія и увлеченія пословъ. «Я—сказалъ Малаховскій—свою обязанность знаю, нельзя зажать рта послу, если бы онъ позволилъ себѣ сказать даже что-нибудь и лишнее. Вѣдь онъ имѣетъ равное со мною достоинство». Это было сообщено нѣкоторымъ посламъ и побудило ихъ съ досады поспѣшить поступкомъ, который будетъ непріятенъ Россіи. «Черезъ-чуръ занеслись поляки — сказалъ тогда Штакельбергъ—а вѣдь достаточно четырехъ православныхъ поповъ, чтобы сбить съ нихъ спѣсь». Онъ намекалъ на крестьянскіе бунты православнаго народа, такъ часто пугавшіе и потрясавшіе шляхетскую республику. Штакельбергъ въ своихъ донесеніяхъ выражалъ полнѣйшее презрѣніе къ польской націи и называлъ сеймовую избу «роемъ дураковъ». Онъ зналъ, замѣчаетъ саксонскій министръ Эссенъ, что имперіалы и рубли все передѣлаютъ въ свое время. Впрочемъ, расходы на пенсіоны отъ Россіи въ это время были не велики и простирались до 41,638 червонцевъ. Намъ извѣстно, что Понинскій и Гуровскій получали по 2,400 червонцевъ, маршалъ Рачинскій и епископъ Коссаковскій по 1,500, каштелянъ Островскій 2000, Мястковскій 4,000, пани Гумецкая 1,200, агентъ Боскампъ 500,

Digitized by Google

каштелянъ Лобачевскій 240 и. пр. Другіе, напр., полковникъ Островскій, Іозефовичъ и пр. получали по-мѣсячно червонцевъ по десяти. Нѣкоторые изъ пословъ получали отъ императрицы квартиру и содержаніе.

Поляки, чтобы показать свое геройство, тотчасъ сообщили объ уничтоженіи Постояннаго Совѣта всѣмъ дворамъ. Пруссія, Англія и Швеція восхвалили ихъ мужество и рѣшимость, но французскій министръ въ Польшѣ Оберъ сообщилъ имъ не совсѣмъ лестную ответную ноту французскаго правительства. Въ ней, правда, говорилось о давней дружбѣ между Франціей и Польшей, но вмѣстѣ съ тѣмъ было сказано: его величество французскій король надѣется на благоразуміе польскаго народа и полагаетъ, что, трудясь надъ устройствомъ управленія, поляки будутъ избѣгать всего того, что можетъ повести къ недоразумѣніямъ съ какимъ бы то ни было государствомъ, помня, что нельзя исправить въ нѣсколько мѣсяцевъ того, что нарушено и искажено вѣками, а потому взвѣшивать обстоятельства и сохранять умѣренность, дабы не сдѣлать изъ себя печальнаго зрѣлища разрушенія, въ надеждѣ возвратить отечеству прежнюю крѣпость и блескъ.

21-го января, прошелъ единогласно проектъ о денежномъ займѣ на 10 милліоновъ для Короны и на три для Литвы черезъ Геную и Голландію. Заемъ этотъ поручено было устроить Петру Потоцкому, заводившему тогда свой банкъ, и варшавскимъ банкирамъ Тепперу, Шульцу, Арнту, за что имъ дозволяли пріобрѣтать въ Польшѣ земскія имѣнія. Но заемъ этотъ могъ бы принести пользу тогда, когда бы дали денегъ тѣ, на кого надѣялись, а дать могли бы только тогда, когда бы имѣли довѣріе къ Польшѣ.

Для покрытія займа опять принялись за вопросъ о налогахъ и, 26-го января, рѣшили устроить особый налогъ двойного подымнаго подъ названіемъ протунковой подати, т. е. временной—pro tunc, пока не установится постоянной. Сначала шляхетные послы хотѣли все свое сословіе освободить отъ этой тягости и навалить ее исключительно на жидовъ. Лившій посолъ Кублицкій возсталъ противъ такой несправедливости надъ іудейскимъ племенемъ и доказывалъ, что несправедливо отягощать народъ, который не имѣетъ за себя представителей на сеймѣ. Порѣшили, чтобы всѣ дѣдичи (владѣльцы-собственники) поссессоры, чиншовники, духовныя имѣнія и пр. заплатили два раза за годъ подымное съ тѣмъ, чтобъ разлагать его на дворы, а не на земледѣльцевъ. Освобождалась та шляхта, которая имѣла только по одному дому, а также бѣдные монастыри и священники. На евреевъ накладывалось двойное поголовное. Споры о средствахъ установленія прочныхъ постоянныхъ налоговъ шли около двухъ мѣсяцевъ, и только

Digitized by Google

24-го марта 1789 года сеймъ порѣшилъ это дѣло. Наслѣдственныя дворянскія имѣнія должны были заплатить десять процентовъ со своего дохода, духовенство двадцать процентовъ, но тѣ изъ духовныхъ, которые получали дохода не свыше 2,000 злотыхъ, и монастыри, имѣвшіе школы съ тремя учителями подвергались платежу десяти процентовъ; тѣ же, которые получали не болѣе 500 зл. дохода вовсе не платили ничего. Король отъ своего дохода пожертвовалъ 80,000 злотыхъ. Тѣ же, которые владѣли королевщинами, должны были заплатить болѣе для образованія войска: старосты половину дохода, а владѣвшіе подъ другими наименованіями (экспектанты, эмфитеуты)—болѣе. Такимъ образомъ, казна должна была получить $48^1/_2$ милліоновъ злотыхъ. На евреевъ налагали разныя статьи акциза. Крестьяне исключались отъ этой подати. Налогъ этотъ назывался вѣчнымъ пожертвованіемъ (ofiara wieczysta). Для произведенія люстраціи доходовъ имѣній и сбора налога назначались коммиссіи по воеводствамъ изъ множества коммиссаровъ. Они должны были истребовать отъ владѣльцевъ свѣдѣнія о доходахъ подъ присягою. Въ случаѣ же недоставки свѣдѣній или ихъ неправильности коммиссіи сами дѣлали изслѣдованія и назначали размѣръ налога. Установлена была штемпельная бумага для всякаго рода контрактовъ и актовъ, съ тѣмъ, что съ этихъ поръ всякое владѣніе основанное не на документѣ, писанномъ на штемпельной бумагѣ, признавалось недѣйствительнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ установлена плата за привилегіи, или грамоты на чины и достоинства.

Послѣ этого сеймъ шагнулъ далѣе, съ цѣлію задирать Россію. Негодованіе противъ нея съ каждымъ днемъ увеличивалось. Не довольствовались требованіемъ вывода русскихъ войскъ изъ польскихъ предѣловъ; потребовали отъ фельдмаршала Румянцова удалить отъ границъ Рѣчи-Посполитой отряды, расположенные отъ границъ Молдавіи по кіевской дорогѣ. Румянцовъ отвѣчалъ генералу артиллеріи Щенсному Потоцкому, что «такое требованіе оскорбительно для достоинства императрицы. Члены сейма люди умные и образованные: какъ они могли подумать, что я соглашусь исполнить такую претензію, противную моимъ обязанностямъ и чести русскаго оружія?» Такой отвѣтъ распалилъ патріотовъ еще болѣе; повторили требованія Штакельбергу о выводѣ войскъ и снова давали знать, что Польша считаетъ себя независимою державою. Штакельбергъ отвѣчалъ въ самомъ умѣренномъ тонѣ. «Независимость и свобода наияснѣйшей Рѣчи-Посполитой, — писалъ онъ, — такія несомнѣнныя истины, о которыхъ нечего напоминать. Они не могутъ быть подвергнуты сомнѣнію.» Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ извѣщалъ,

Digitized by Google

что просьба сейма будетъ послана императрицѣ. Ожидая отъ Россіи суроваго отвѣта, Депутація иностранныхъ дѣлъ обратилась къ ходатайству прусскаго и англійскаго министровъ, прося ихъ правительства заступиться за Польшу въ случаѣ грозы отъ Россіи и постараться, съ своей стороны, чтобы русскія войска были выведены изъ Польши. 16-го февраля, было получена новая нота Штакельберга, умѣренная и кроткая. Онъ извѣщалъ, что императрица, по сосѣдству и дружбѣ, обращалась къ Рѣчи-Посполитой о проводѣ своихъ войскъ чрезъ польскія земли; что за все, нужное для этого войска, платились наличныя деньги; что присутствіе этихъ войскъ оберегаетъ Польшу отъ татаръ и турокъ; что эти войска выведутся, какъ только окончится война, а до того времени строжайше приказано, чтобы отъ русскихъ войскъ не было никакихъ оскорбленій польскимъ жителямъ. На счетъ уничтоженія Постояннаго Совѣта, какъ и на счетъ всѣхъ реформъ, предпринятыхъ вопреки видамъ Россіи, русскій посолъ не дѣлалъ никакихъ намековъ. Онъ и въ разговорахъ держалъ себя такъ, какъ будто ничего не замѣчаетъ, или какъ будто все совершающееся не касается до Россіи вовсе. Это ободрило поляковъ. Они начали думать, что Россія испугалась ихъ воинственной рѣшимости, что объявленіе о стотысячномъ войскѣ для Россіи не шутка, что, наконецъ, пришла пора Польшѣ раздѣлаться съ Россіею, тѣмъ болѣе, что на сторонѣ Польши будетъ Пруссія и Англія: Россіи не сдобровать. Но въ это время самоувѣренности на сеймъ повѣяло ужасомъ изъ Украины. Пролетѣли знакомые зловѣщіе слухи; южно-русскій народъ опять волнуется; схизматическіе попы поджигаютъ его; москаль посылаетъ къ народу своихъ эмиссаровъ [1]).

IV [2]).

Архіерей Викторъ Садковскій.—Усиленіе православія.—Страхъ крестьянскихъ бунтовъ.—Казни и преслѣдованія.—Арестованіе Садковскаго.—Нота Штакельберга.

Прежде было показано, что русское народонаселеніе областей Рѣчи-Посполитой, при закоренѣлой ненависти къ ляхамъ, всегда обращалось къ Россіи и отъ нея надѣялось перемѣны. Эти надежды, приглушенныя суровостію, съ какой отнеслась Екатерина

---

[1]) См. Источники: №№ 21 (ч. 1-4). 15. 18. 12. 23. 49. 7. 8. 115. Также протоколы четырехлѣтняго сейма въ Лит. Метрикѣ.

[2]) См. Источн.: 4. 93. 2. 21 (ч. 4. 18. бум. Штакельберга) 80 (ч. 1. стр. 296—301) 25. (ч. 2. стр. 375). Рапорты сейму 1789 г. хран. въ Лит. Метрикѣ.

Digitized by Google

къ эпохѣ Залізняка и Гонты, опять пробудились сообразно съ обстоятельствами, предшествовавшими сейму. На поприще церковной дѣятельности выступилъ энергическій человѣкъ, Викторъ Садковскій. До 1783 г. онъ былъ священникомъ при посольствѣ въ Варшавѣ, а въ этотъ годъ, по протекціи Штакельберга, получилъ санъ архимандрита Слуцкаго монастыря. Владѣлецъ Слуцка Радзивиллъ—Panie Kochanku—согласился на это. Послѣ перваго раздѣла, когда Бѣлоруссія отошла къ Россіи, православные, въ польскихъ владѣніяхъ, завися въ духовномъ отношеніи отъ россійскаго синода, не имѣли у себя мѣстнаго архіерея. Неутомимый въ ревности къ православію Конисскій, подалъ мысль назначить въ польскія области особаго епископа, который бы жилъ въ Слуцкѣ и былъ бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, слуцкимъ архимандритомъ. Санъ этотъ приличнѣе оказалось предоставить кіевскому викарію, съ титуломъ переяславскаго епископа, на томъ основаніи, что кіевскій митрополитъ, духовный начальникъ православной церкви въ Польшѣ, а переяславскій епископъ его намѣстникъ. Выборъ палъ на Садковскаго, и 9-го іюня 1785 г. онъ былъ посвященъ въ Кіевѣ. Русское правительство положило ему содержаніе 5,900 руб.; онъ долженъ былъ зависѣть отъ верховной власти кіевскаго митрополита и наравнѣ со всѣми епархіальными начальниками, подвѣдомственными синоду, доставлять свѣдѣнія о числѣ и состояніи церквей, метрическія и исповѣдныя книги, вѣдомости о церковныхъ и экономическихъ доходахъ и проч. Кромѣ того, онъ долженъ былъ доставить вѣдомость о всѣхъ церквахъ, которыя послѣ 1717 года обращены изъ православія въ унію и которые, по силѣ трактатовъ 1768 и 1771 г., должны быть возвращены православію: для этой цѣли узаконялась особая коммиссія, которая должна была разсмотрѣть, какія изъ церквей слѣдуютъ къ отдачѣ, но эта коммиссія не приводилась въ дѣйствіе. Новому архіерею вмѣнялось не дѣлать никакихъ самовольныхъ присвоеній и дожидаться рѣшенія коммиссіи, въ случаѣ же оскорбленій со стороны католиковъ или унитовъ, обращаться къ русскому посланнику въ Варшавѣ. «Вы должны—писано ему въ указѣ св. синода—внушать своему духовенству, чтобъ оно всѣми мѣрами удерживалось отъ непристойныхъ поступковъ противъ католиковъ и унитовъ и не подавало ни малѣйшаго повода ко враждѣ и раздору, равно удалялось бы отъ неумѣстныхъ диспутовъ и старалось бы съ соотечественниками жить мирно, дабы черезъ то каждый могъ пользоваться свободою своего вѣроисповѣданія во всеобщемъ мирѣ». Ему приказано было обратить особое вниманіе на просвѣщеніе духовенства и вообще православныхъ людей, завести семинарію въ Слуцкѣ, на что ассигновалось ему

Digitized by Google

1,200 р. въ годъ, и также основать, по возможности, разныя школы при монастыряхъ и церквахъ. По вступленіи своемъ въ должность, уже въ концѣ 1785 г., Садковскій издалъ пастырское посланіе, извѣщалъ, что онъ сдѣлался пастыремъ въ польскомъ государствѣ по высочайшей волѣ ея императорскаго величества и давалъ своей паствѣ совѣты въ самомъ кроткомъ духѣ. «Мнѣ не безъизвѣстно—писалъ онъ—что вы живете въ утѣсненіи и озлобленіи отъ разновѣрцевъ, и я подаю вамъ спасительный совѣтъ, терпѣть всякое зло, вамъ причиняемое. Всѣмъ вѣдома сила любви и кротости, какъ равно и сила противленія и мести. Вражда возбуждаетъ вражду и одно подозрѣніе влечетъ за собою другое. Не такъ скоро охлаждается желѣзо, брошенное въ воду, какъ злобный человѣкъ, при встрѣчѣ съ кроткою и долготерпѣливой душою». Но злоба противъ православія не могла остыть и отъ десятка такихъ миролюбивыхъ посланій. Новый архіерей слышалъ безпрестанно о насиліяхъ надъ православіемъ. По поводу предстоявшаго сейма, въ числѣ разныхъ соображеній, появилась брошюра подъ названіемъ «Голосъ обывателя», гдѣ авторъ требовалъ уничтоженія и истребленія не только православія, но и самаго уніатства въ областяхъ Рѣчи-Посполитой. «Важныя причины побуждаютъ замѣнить совершенно русскій обрядъ латинскимъ, чтобъ русскаго въ нашемъ краѣ отнюдь не было». Такъ говорилъ этотъ голосъ. «О согласіи толковать нечего; знаемъ, какъ часто по поводу обрядовъ, бывали недоразумѣнія. Соблюденіе постовъ и праздниковъ причиняетъ теперь безпорядокъ. Извѣстно, что въ русскихъ воеводствахъ и повѣтахъ шляхта и паны по большей части обряда латинскаго, а ихъ крестьяне—русскаго. Шляхтичу и пану служатъ его подданные. Поваръ, лакей, конюхъ, земледѣлецъ—русакъ; у нихъ праздники и посты другіе, чѣмъ у пана, которому они служатъ. Какое же изъ этого происходитъ замѣшательство! У пана—пасха, а у слуги только масляница окончилась; у пана праздникъ, у слуги нѣтъ его; у пана постъ,—у слуги или у дворни *усядница*, и наоборотъ, у слуги великій четвергъ и пятокъ,—у пана вознесеніе, у дворни праздникъ и постъ, а у пана ни праздника, ни поста. Прибавимъ еще, что отъ множества праздниковъ русскаго обряда происходитъ бѣдность и обнищаніе народа. У русскихъ такъ много праздниковъ, что сами священники знать ихъ не могутъ: одинъ приказываетъ соблюдать, а другой не велитъ». Когда этотъ голосъ явился въ печати, Конисскій написалъ на него отвѣтъ и поручилъ Садковскому представить его лично на сеймѣ. Излагая въ немъ историческія права православія и защищая духовенство отъ преувеличенныхъ нападокъ, Конисскій сдѣлалъ автору «Голоса» такое

Digitized by Google

полновѣсное замѣчаніе: «Авторъ «Голоса» забываетъ два важныхъ обстоятельства, по поводу которыхъ слѣдовало бы дать совѣтъ почтеннымъ чинамъ государства: 1) по уничтоженіи унитовъ, что дѣлать съ неунитами и диссидентами, которые пребываютъ подъ защитою сосѣдней сильной державы, любимой почти всею громадою народа русскаго, и какъ преградить этому народу путь къ возвращенію къ неуніи, когда онъ не захочетъ принять латинскаго обряда? 2) По уничтоженіи уніи и по обращеніи на священническіе фонды (римско-католическіе) имуществъ епископскихъ и митрополичьихъ, что надлежитъ дѣлать съ самыми епископами и съ митрополитомъ, и куда ихъ дѣть, чтобъ они не искали нигдѣ такой протекціи, при помощи которой имъ могли быть возвращены ихъ каѳедры?» Этими вопросами Конисскій напоминалъ, что латинская ревность безсильна предъ властію Россіи. Его отвѣтъ оканчивался воззваніемъ къ унитскому митрополиту, приглашеніемъ обратиться къ покровительству Россіи. «Вы думали— писалъ онъ — и были убѣждены, что вы составляете истинный образъ неразрывной вѣры и любви христіанской, соединенные во единое тѣло съ римскою церковью такъ, какъ было въ оные святые вѣка: посмотрите же, что замышляютъ надъ вами братья ваши римскіе католики. Мы увѣрены, что апостольская столица того не желаетъ, но если она не могла предотвратить вашего униженія, то навѣрно не спасетъ васъ отъ задуманнаго окончательнаго погубленія, которое если не теперь, то на будущее время постигнетъ васъ. Промышляйте же о себѣ заранѣе; поступите такъ, какъ сдѣлали неуниты и диссиденты: не въ силахъ будучи терпѣть невыносимаго и тяжелаго гоненія за вѣру, они искали у высокихъ сосѣднихъ державъ обороны и защиты; а для нихъ тогда раздавался такой же роковой голосъ истребленія, какъ теперь для васъ: они чрезъ то не перестали быть добрыми гражданами Рѣчи-Посполитой и не признаются клятвопреступниками и невѣрными своему монарху и отечеству. И вамъ нечего бояться прослыть вѣроломными и измѣнниками отечества, если вы обратитесь къ высокому покровительству непобѣдимой всемилостивѣйшей императрицы всероссійской, которую наияснѣйшая Рѣчь-Посполитая признала императрицею всей Руси, а слѣдовательно и всей Руси покровительницею. Предъ вами примѣръ вашего собрата архіепископа полоцкаго: онъ пользуется особымъ покровительствомъ всемилостивѣйшей государыни, и черезъ то не нарушаетъ послушанія апостольской столицѣ, сообразно данной присягѣ! И вы, подъ высокою и кроткою защитою, можете остаться счастливо и невредимо, и покинувши внушенное вамъ, отъ вашихъ губителей, нерасположеніе къ неунитамъ и не-

Digitized by Google

правильное предубѣжденіе, можете содѣлаться орудіемъ и счастливымъ средствомъ для привлеченія ихъ къ той уніи, которая утверждается на любви и мирѣ во Христѣ, о которой святая вселенская церковь римская и греческая ежедневно просятъ Бога.»

Изъ этого отвѣта могли видѣть всю близость опасности: православные признавали уже право русской императрицы быть покровительницею всей Руси вообще, православные склоняли унитовъ къ Россіи, и Садковскій, прибывши въ Варшаву, лѣтомъ 1785 года, жаловался на унитскаго митрополита, что онъ совращаетъ православныхъ въ унію, указывалъ что это противно трактату, жаловался на то, что католики называютъ православіе схизмою, обличалъ изданную въ Польшѣ географію, гдѣ восточная церковь названа схизмою. Не богословскіе догматы служили ему оружіемъ; онъ ссылался на трактатъ, по которому слѣдовало не дозволять такихъ презрительныхъ названій восточной церкви. Его приняли въ Варшавѣ очень холодно, какъ и слѣдовало ждать. Отъ него потребовали присяги на подданство Рѣчи-Посполитой. Какъ русскій подданный по рожденію, онъ не далъ ее, безъ приказанія отъ своего правительства. Король, однако, все-таки выдалъ ему привилегію. Садковскій замѣтилъ въ своихъ донесеніяхъ, что она была писана еще прошлаго года и была измята — знакъ, что многимъ она была сообщаема, съ цѣлію узнать о ней мнѣнія, и многіе читали ее прежде, чѣмъ тотъ, кому она назначалась. Прождавши все лѣто послѣдней аудіенціи у короля и не дождавшись ее, Садковскій уѣхалъ изъ Варшавы въ октябрѣ 1786 года. Жалоба короля Потемкину на Садковскаго, будто онъ приневоливалъ раскольниковъ къ православію, едва ли не преувеличена. Достаточно было полякамъ видѣть въ этомъ человѣкѣ ревностнаго православнаго духовнаго и преданнаго Россіи, чтобы выдумать на него что-нибудь. Въ тогдашнихъ дѣлахъ мы не встрѣчаемъ ничего указывающаго на это обвиненіе. Присяга на вѣрность королю и Рѣчи-Посполитой, произнесенная имъ въ Тульчинѣ, не только не связала, но скорѣе развязала его на первыхъ порахъ. Заручившись подданствомъ королю и Рѣчи-Посполитой, Садковскій выступилъ уже не какъ чужеземецъ, а какъ соотечественникъ въ областяхъ Рѣчи-Посполитой и сталъ смѣлѣе. Вслѣдъ затѣмъ онъ обозрѣлъ южныя провинціи своей епархіи и тамъ возникло поразительное стремленіе народа къ возвращенію отъ уніи къ православію. По изысканіямъ депутаціи, назначенной впослѣдствіи, по дѣлу объ украинскихъ бунтахъ, оказалось, что въ короткое время, вмѣсто девяноста четырехъ приходовъ, явилось триста; всѣ они перешли изъ уніи. Мы на-

Digitized by Google

вѣрное не знаемъ, въ какой степени это явленіе было дѣломъ самого Садковскаго. Быть можетъ (и всего умѣстнѣе такъ предположить), если онъ и въ сильной степени этому событію способствовалъ, то все-таки не онъ произвелъ его. Для южно-русскаго народа не нужно было предвзятой пропаганды. Еще послѣ диссидентскаго сейма, мы видѣли, народъ бросился оставлять насильственно навязанную вѣру. Стремленіе его было пріостановлено. Страшныя казни, произведенныя Стемпковскимъ, на многія лѣта навели паническій страхъ на русскій народъ. Переходъ изъ уніи въ православіе въ глазахъ поляковъ былъ преступленіемъ достойнымъ казни, а народъ былъ подъ произволомъ поляковъ и на Россію надежды было мало. Теперь народъ опять почувствовалъ со стороны Россіи благодатное вѣяніе. Путешествіе Екатерины ободрило его. Онъ могъ вблизи увидѣть ея величіе; онъ могъ узнать, какъ его король и могучіе паны-ляхи спѣшили на поклоненіе къ той царицѣ, которая была одной вѣры съ нимъ и имѣла достаточно силы покровительствовать этой вѣрѣ вездѣ. До него доходила вѣсть, что эта царица заступается за своихъ единовѣрцевъ въ Турціи и ведетъ войну съ бусурманомъ; естественно рождалась надежда, что если ей Богъ поможетъ, то она заступится и за своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ, тѣмъ больше, что тамъ не только ея единовѣрцы, но еще и русскіе. Изъ писемъ Садковскаго, писанныхъ въ это время, видно, что въ южной Руси было тогда движеніе въ народѣ. Онъ писалъ, что во время его объѣзда украинскихъ монастырей и церквей, множество монаховъ и черницъ скрывалось въ чигиринскихъ, черкасскихъ и смилянскихъ лѣсахъ. Садковскій не думалъ потакать ничему такому, что бы клонилось къ возмущенію народа, которое такъ легко могло вспыхнуть въ этихъ странахъ. Онъ поручалъ губернаторамъ (управителямъ) ловить бродячихъ монаховъ и отправлять въ монастыри, а тѣмъ, которыхъ монастыри не захотятъ принимать, обривать бороды и обращать на общественныя работы. Но поляки не вѣрили искренности поступковъ схизматическаго архіерея. Привыкши считать русскій народъ безсмысленнымъ стадомъ скотовъ, они не допускали въ этомъ народѣ самобытныхъ побужденій, и когда замѣчали въ немъ признаки народнаго его самосознанія, то всегда искали поводовъ къ этому во внѣшнемъ подстрекательствѣ, либо отъ духовенства, либо отъ коварнаго москаля. Отпаденіе отъ уніи русскихъ было невыносимо для поляковъ. Нѣсколько вѣковъ истрачено ими на то, чтобъ истребить мерзостную схизму. Это стоило Польшѣ многихъ усилій, многихъ пожертвованій, и плоды вѣковыхъ трудовъ, казалось, готовы были исчезнуть въ нѣсколько лѣтъ. Поляки уви-

Digitized by Google

дѣли, какъ они слабы тамъ, гдѣ казались сами для себя сильными. Отъ этого они до неистовства озлобились не только на православныхъ, но и на унитовъ, за то, что послѣдніе такъ легко оставляли унію. Вмѣстѣ съ этой злобою возникла боязнь, чтобъ не возвратились времена Залізняка и Гонты; тѣмъ болѣе, что передъ коліивщиною происходило такое же обращеніе унитовъ въ православіе. Волынская, подольская и украинская шляхта, въ предупрежденіе бѣды на себя, сочла нужнымъ навести страхъ на русскій народъ.

Случилось происшествіе, какъ будто оправдывавшее такое опасеніе народнаго возстанія. Въ селѣ Невѣрковѣ на Волыни зарѣзали помѣщика Вылежинскаго, жену его и нѣсколько человѣкъ домашнихъ, всего, говорили, восемь особъ.

Вѣсть объ этомъ переполошила до того обывателей, что они начали бросать свои имѣнія и бѣжать въ города съ семьями. Впослѣдствіи, оказалось, что убійство совершено было злодѣями изъза денегъ, и невѣрковская громада вовсе была непричастна этому дѣлу. Но съ-горяча всѣ были увѣрены, что убійство Вылежинскихъ было починъ рѣзни надъ всею шляхтою. Случилось другое происшествіе, надѣлавшее шуму. Въ селѣ Куриловкѣ дубенскаго повѣта къ помѣщицѣ Прушинской на праздникъ Рождества Христова подъ окно пришла толпа сельской молодёжи и, по обычаю, запѣла колядки. Пани Прушинская, уже настроенная слухами о томъ, что крестьяне хотятъ бунтовать, испугалась и приказала угостить колядниковъ палками вмѣсто пироговъ, которыхъ малороссы просятъ въ своихъ колядныхъ пѣсняхъ. Одинъ парубокъ, отвѣдавши на своей спинѣ панскаго угощенія, сказалъ: «какая же недобрая наша пани! Надобно ей нее Гонтина сына, чтобъ научилъ ее по людски обращаться съ людьми!» Эти слова донесли госпожѣ. Прушинская приказала забить въ колоды нѣсколько десятковъ крестьянъ, всѣхъ кто только показался ей почему-нибудь подозрительнымъ, и отправила ихъ въ Дубно.

Въ это время русскіе покупали много хлѣба для своего войска; обывателямъ это было выгодно. Чтобъ соблюсти порядокъ и сохранить свои выгоды, они учредили изъ среды себя коммиссію для установленія и поддержанія цѣнъ, для закупки и принятія отъ обывателей хлѣба и сѣна и доставки въ русскія руки, а равно и для полученія денегъ за доставленные запасы. Коммиссія эта получила значеніе полицейской; самъ сеймъ поручилъ ей смотрѣть за спокойствіемъ края; но она присвоила себѣ еще и судебную власть. Коммиссія эта разобрала и судила дѣло Прушинской. Нѣсколькимъ изъ присланныхъ ею крестьянъ отрубили го-

Digitized by Google

ловы, другихъ повѣсили, остальныхъ отпороли такъ больно, что они были чуть живы, и отправили въ Куриловку. Въ какой степени судъ коммиссіи могъ быть справедливъ, можно видѣть изъ характеристики, какую даетъ членамъ коммиссіи въ Дубно и Луцкѣ современникъ, бывшій самъ членомъ такой коммиссіи [1]). Одинъ изъ коммиссаровъ, панъ Рогозинскій—помѣшанный, другой—панъ Требуховскій — спившійся съ кругу, третій—панъ Заленскій — разбойникъ, дѣлавшій наѣзды на сосѣднія имѣнія и убивавшій въ нихъ крестьянъ.

За расправою съ крестьянами Прушинской послѣдовала другая подобная, въ Луцкѣ. Въ имѣніи князя Воронецкаго, Любечъ, былъ поссессоръ Вильчинскій, утѣснявшій крестьянъ. Крестьяне жаловались на него владѣльцу. Князь Воронецкій обѣщалъ имъ свое покровительство, но поссессора отъ нихъ не удалилъ. Начали ходить зловѣщіе слухи о намѣреніи хлоповъ поднять бунтъ. Вильчинскій увидѣлъ удобный случай отомстить тѣмъ, которые на него жаловались. Онъ придрался къ нимъ, что у нихъ есть огнестрѣльное оружіе. Ихъ отправили въ коммиссію въ Луцкъ, а коммиссія одного изъ нихъ повѣсила, другихъ отправила назадъ, распорядившись, чтобъ имъ на пути, въ каждомъ встрѣчающемся селеніи, давали по сту ударовъ. Такимъ образомъ, ихъ привезли домой чуть живыми, а одинъ изъ этихъ крестьянъ, восьмидесятилѣтній старикъ не вынесъ пытокъ и умеръ въ тюрьмѣ, въ колодѣ. Увѣрившись, что хлопы готовятся рѣзать поляковъ, обыватели стали думать о томъ, кто ихъ на это поджигаетъ, и дошли своимъ умомъ къ тому, что все это интриги Россіи и затѣмъ-то именно приходятъ въ польскія владѣнія великоруссы, которыхъ называли маркитантами. То были не что иное, какъ офени. Они издавна обыкли ѣздить по южной Руси и продавать полотно, ситецъ, мыло, платки, разную мелочь, женскія украшенія и хозяйственныя орудія, въ томъ числѣ ножи. На нихъ прежде поляки не обращали вниманія, а теперь замѣтили, что ихъ стало ѣздить что-то много, вообразили, что они—тайные агенты Екатерины, и разъѣзжаютъ затѣмъ, чтобъ возмущать хлоповъ противъ пановъ. Эти такъ-называемые маркитанты, странствуя по селамъ съ товарами, часто приставали къ священникамъ. Отсюда обыватели заключили и сообразили, что черезъ нихъ русскимъ попамъ передаются порученія поджигать хлоповъ къ бунту. Католики злились вообще на русскихъ священниковъ, не только на православныхъ, но и на унитскихъ: въ послѣднее время изъ нихъ такъ много перешло къ православію, что это побуждало считать ихъ

[1]) Въ запискахъ архипресвитера Бродовскаго въ книгѣ Widok przemocy.

Digitized by Google

всѣхъ способными къ отпаденію отъ уніи, а затѣмъ и ко всякаго рода поступкамъ, враждебнымъ Польшѣ и благопріятнымъ Россіи. Пошли ходить изъ устъ въ уста слухи, что у того или другого священника ночевали маркитанты, въ такомъ или другомъ селеніи у крестьянъ въ скирдахъ и стогахъ спрятаны большіе ножи, привезенные нарочно изъ Россіи. Иные говорили, что у великорусскихъ торговцевъ ножи и копья кладутся на исподъ въ возахъ, накладываются товаромъ, и такимъ образомъ, провозятся. Говорили, что они, кромѣ ножей и копей, привозятъ какія-то мучительныя орудія для вырыванія тѣла и внутренностей. Говорили, что уже хлопы, сбираясь въ корчмахъ, пьяные хвалятся, что у нихъ есть московскія деньги, что они только дожидаются, пока придетъ къ нимъ отъ царицы сынъ Гонты, и тогда они всѣ примутся за рѣзню. Такія вѣсти о маркитантахъ и извощикахъ (zwoszczykach) сильно всполошили всю шляхту на Украинѣ, Подоли и Волыни: она съѣхалась въ Житомиръ, Луцкъ и Брацлавъ и совѣщалась, какъ ей защищаться. Она постановила составить милицію, куда должны были войти одни католики, а русскихъ отнюдь не слѣдовало допускать — не только православныхъ, но и унитовъ.

Коммиссіи, руководимыя ксендзами, налегли паче всего на духовенство: забитые, невѣжественные, по необходимости, ради насущнаго хлѣба, привыкшіе ползать передъ панами, унитскіе духовные достаточно заразились общею деморализаціею, и легко было ихъ запугать и найти между ними такихъ, которые, ради собственнаго спасенія, готовы были сдѣлаться покорнымъ орудіемъ шляхетской злобы. По малѣйшему подозрѣнію хватали поповъ, дьячковъ и тащили въ коммиссію. Такимъ образомъ, поймали и привезли въ Луцкъ русскаго священника Лукаевича. На него донесли, что онъ далъ у себя переночевать какому-то такъ-называемому маркитанту. Одинъ изъ членовъ коммиссіи, Аксакъ, поѣхалъ за нимъ. Попъ этотъ оказался трусъ первой руки; онъ совершенно потерялся отъ страха и сталъ просить пана Аксака научить его, какъ обращаться и что говорить въ коммиссіи. «Не бойся, попъ, сказалъ ему Аксакъ, тебѣ ничего худого не будетъ; ты скажи, что у тебя былъ маркитантъ, подговаривалъ тебя къ бунту и показывалъ письмо отъ царицы, а ты на это не поддался». — «Да этого, пане, совсѣмъ не было — сказалъ попъ — разговоръ у меня съ нимъ былъ о московской войнѣ, что гдѣ-то кто-то съ кѣмъ-то дерется; и о томъ была рѣчь, что поляки собираютъ войска, думаютъ можетъ быть съ кѣмъ-нибудь воевать, а больше ни о чемъ не говорили». — «А этого развѣ мало — сказалъ Аксакъ — маркитантъ говорилъ тебѣ, что москва хочетъ воевать

Digitized by Google

поляковъ, ты самъ долженъ былъ догадаться, что онъ хочетъ уговорить тебя взбунтовать хлоповъ противъ насъ. Какъ привезутъ тебя въ коммиссію, ты скажи, что онъ тебя подговаривалъ и показывалъ тебѣ московское писаніе; а не то — пропадешь и жену и дѣтей своихъ погубишь: мнѣ жаль тебя! На, возьми, попъ: это тебѣ пригодится на прожитье въ Луцкѣ. Если хорошо сдѣлаешь дѣло, такъ и больше получишь»! Онъ сунулъ ему въ руку два червонца. Испуганный и вмѣстѣ обрадованный попъ обнималъ ноги своего благодѣтеля. «А будужъ я на волѣ»? спрашивалъ онъ. «Не только будешь на волѣ—отвѣчалъ Аксакъ—а еще дадутъ тебѣ большое награжденіе за вѣрность».

По пріѣздѣ въ Луцкъ, Аксакъ тотчасъ объявилъ коммиссіи, что теперь уже все открыто. Привели Лукаевича. Съ коммиссарами сидѣли ксендзы. Лукаевичъ, по наученію Аксака, объявилъ, что у него ночевалъ москаль маркитантъ, уговаривалъ попа подущать къ бунту своихъ прихожанъ и показалъ ему какое-то писаніе: прочитать онъ его не могъ, а видѣлъ только, что тамъ подписано: *Екат...* «Маркитантъ, показывалъ Лукаевичъ, говорилъ, что царица такъ желаетъ, а кто ее послушаетъ, тотъ большую награду получитъ!»

«Вотъ, наконецъ-таки по ниточкѣ мы до клубка дошли!» воскликнули обыватели и начали изо-всѣхъ силъ бранить москалей и грозить имъ. «Присягни—сказали попу—что было въ самомъ дѣлѣ такъ, какъ ты говоришь!»

Попъ сначала смутился, испугался, что ему приходится присягать ложно, онъ поглядывалъ на Аксака, а тотъ грознымъ взглядомъ показалъ, что уже теперь отступать нельзя. Трусость за жизнь взяла верхъ надъ совѣстью; священникъ присягнулъ.

«Вотъ—восклицали поляки—нашелся-таки одинъ шляхетный попъ: открылъ заговоръ, устроенный на нашу погибель. О, эти попы все знаютъ: и самъ ихній епископъ вѣрно съ ними въ заговорѣ».

Попъ, какъ говорится, вошелъ во вкусъ, понялъ, что панамъ коммиссарамъ тѣмъ будетъ пріятнѣе, чѣмъ онъ больше имъ наговоритъ, и сказалъ:

«Я было не хотѣлъ пускать на ночлегъ этого маркитанта, да мать моя сказала мнѣ: неужели жиды будутъ милосерднѣе насъ? Они дозволяютъ у себя ночевать прохожимъ; отъ чего же намъ нельзя! Маркитантъ мнѣ такъ говорилъ: поляки хотятъ воевать съ москалями, да наша матушка царица съумѣетъ ихъ усмирить; вотъ она скоро пришлетъ вамъ сына Гонты; тотъ выберетъ куколь изъ пшеницы, всѣхъ собакъ-ляховъ перерѣжетъ, чтобъ не брехали! Я ему сказалъ: чѣмъ же поляки виноваты?

Digitized by Google

А онъ мнѣ въ отвѣтъ: распустились какъ собаки; мясо въ постъ жрутъ! Говорилъ онъ, что такихъ, какъ опъ, маркитантовъ и извощиковъ тысячи три бродитъ по Руси.»

Съ этихъ поръ на Волыни безцеремоннѣе стали хватать духовныхъ и мірянъ, и въ короткое время набрали въ Луцкѣ сто тридцать три человѣка, какъ значится въ рапортѣ, представленномъ коммиссіею на сеймъ. Нѣкоторыхъ повѣсили, другихъ засаживали въ тюрьмы, иныхъ сѣкли нагайками, сперва по спинѣ, а потомъ, перевернувши навзничъ, по груди и животу, такъ что сѣченые распухали; иные отъ такой экзекуціи отдавали Богу душу. Какой-то полусумасшедшій нищій показывалъ, будто москали-маркитанты научали его носить къ разнымъ попамъ записки возмутительнаго содержанія. Онъ объявилъ, что нерозданныя еще имъ записки спрятаны въ селѣ Торчинѣ, въ соломенной кровлѣ хаты крестьянина, его родственника. Крестьянинъ, на котораго онъ показалъ, не призналъ его своимъ родственникомъ; разломали указанную соломенную кровлю — не нашли ничего: нищаго повѣсили, но, по его показанію, продолжали хватать и мучить духовныхъ и мірянъ, думая добраться и по этой нити до клубка.

Въ числѣ такимъ образомъ схваченныхъ былъ священникъ Рубиновичъ. Его подвелъ въ бѣду нѣкто Кржижановскій; рапортъ, посланный объ немъ на сеймъ, именуетъ его австрійскимъ дезертиромъ, а письмо очевидца (приводимое въ запискахъ Бродовскаго), говоритъ, что онъ былъ польскій солдатъ и нарочно сказывался дезертиромъ, чтобъ подвести священника. Пришедши къ нему ночью, онъ просилъ спрятать его и выдалъ себя за поповича, насильно взятаго въ службу и убѣжавшаго. Онъ говорилъ, что пойдетъ къ москалямъ, что москали, вмѣстѣ съ здѣшними русскими хлопами, будутъ рѣзать поляковъ; не худо — говорилъ онъ — зарѣзать вашего пана и взять его деньги, я знаю такое средство, что всѣ будутъ спать и не услышатъ, какъ къ нимъ подойдутъ. — Попъ былъ пьянъ и не противорѣчилъ. Потомъ Кржижановскаго какъ будто поймали въ качествѣ бѣглаго солдата. Тогда онъ оговорилъ попа, у котораго ночевалъ, и объявилъ, что попъ этотъ показывалъ ему бумагу за подписью русской императрицы, гдѣ попы приглашались возмутить крестьянъ и подвигать ихъ на рѣзню пановъ и жидовъ.

Арестованный по этому наговору попъ сталъ оговаривать другихъ, которыхъ за тѣмъ брали и допрашивали. Такимъ образомъ, по наговору, взяли попа изъ Рафаловицъ — имѣнія пана Олизара, и повели черезъ мѣстечко Чарторыскъ. Увидя толпу русскихъ людей, этотъ попъ закричалъ: «Гвалтъ! ратуйте! Отъ

Digitized by Google

яхи якъ чорты беруть мене». Это поставили ему въ преступленіе, достойное смерти. «Повѣсить! повѣсить»! кричалъ панъ Трепуховскій, одинъ изъ коммиссаровъ; и попа вѣрно повѣсили бы, слибъ на ту пору не пришло отъ сейма запрещеніе коммиссіямъ казнить смертію.

Не такъ отдѣлался схваченный тогда же великорусскій офеня, котораго оговорилъ Лукаевичъ. Отысканный и доставленный въ коммиссію, онъ объяснилъ, что дѣйствительно показывалъ попу бумагу, но эта бумага была не иное что, какъ его паспортъ, у него, при обыскѣ, не нашли никакой другой бумаги, кромѣ паспорта.

— «Мы — сказали коммиссары — не будемъ тебя казнить, если ты добровольно сознаешься въ томъ, что императрица послала тебя подговаривать хлоповъ къ рѣзнѣ».

— «Я не куплю себѣ жизни клеветою на свою государыню», сказалъ великоруссъ.

Въ великую пятницу, его привели къ висѣлицѣ, сѣдой монахъ исповѣдывалъ его. Не давъ ему окончить обряда, фанатики закричали: «Пусть этотъ бородатый еретикъ перестанетъ его исповѣдывать: онъ его подговариваетъ на рѣзню». Офеню повѣсили. «Напрасно погибаю»! было его послѣднее слово. Къ усугубленію мертной муки осужденныхъ, ихъ вѣшали такъ, что они долгое время томились и медленно удушались! Не умѣли вѣшать!

Въ разныхъ мѣстахъ, въ Кременцѣ, Житомирѣ, Махновкѣ, Владимірѣ, Хмельникѣ, Брацлавѣ и другихъ городахъ происходили казни и истязанія надъ православными и унитскими духовными, надъ русскими хлопами и россійскими подданными. Шляхта, въ паническомъ страхѣ, ожидала повторенія приснопамятной для нея эпохи 1768 года и спѣшила мстить за новую рѣзню прежде, чѣмъ она началась. Особенно страхъ повсемѣстно обуялъ ее на послѣднихъ дняхъ страстной недѣли по русскому календарю. Полякамъ представилось, что схизматики выберутъ именно праздникъ пасхи для своего дѣла. И вотъ, въ предотвращеніе ужаснаго событія, запретили въ русскихъ церквахъ отправлять обычныя ночныя богослуженія (послѣдованіе Господнихъ страстей и пасхальную заутреню). Въ великую субботу въ городахъ поднималась тревога, и составленная изъ шляхты милиція выѣзжала въ поле во всеоружіи мужественно встрѣчать ужасныхъ маркитантовъ и извощиковъ, которые съ граматами царицы будутъ предводительствовать народомъ, собравшимся рѣзать ляховъ и жидовъ.

Сеймъ былъ заваленъ рапортами изъ разныхъ городовъ русскихъ земель; нѣкоторые были оригинальны до смѣшного. Такъ

Digitized by Google

напр., изъ Хмельника доносили, что какой-то слесарь дѣлает копья для хлоповъ, и пойманные хлопы сознались, что по Ук раинѣ ходятъ двѣсти поповъ и носятъ писаніе съ печатью, и которой вырѣзаны копья, ножи и другія принадлежности рѣзи съ надписью: теперь часъ ляхівъ різати! Это писаніе приписы валось русской государынѣ. Писали, что въ одномъ и въ другом мѣстѣ остановили московскихъ маркитантовъ съ ножами. Присы лались даже бумажныя выкройки ножей, которыми россійска императрица жаловала русскій народъ для рѣзни ляховъ. В Варшавѣ подобныя донесенія принимались за справедливыя. Вс общество проникнулось страхомъ. Сеймъ на нѣсколько дней оста вилъ всякія другія занятія и обратился исключительно къ воп росу объ опасности со стороны русскихъ хлоповъ. Враги Россіи пользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобъ возбуждать против нея умы. Послы въ столицѣ также легко повѣрили въ возмож ность того, чтобъ императрица посылала своихъ торговцевъ и извощиковъ для возмущенія русскаго народа, какъ и пугливые волынскіе и украинскіе обыватели. Къ пущему раздраженію про тивъ Россіи, сеймъ получилъ тогда отъ Штакельберга ноту, гд была жалоба на польскую команду, не пропустившую гренадер скаго прапорщика Вахая, который, черезъ земли Рѣчи-Посполи той ввелъ въ Россію семьдесять три турецкихъ плѣнныхъ. Шта кельбергъ просилъ, чтобъ Рѣчь-Посполитая дозволила по преж нему свободный проходъ русскихъ войскъ черезъ ея области и устройство въ этихъ областяхъ военныхъ магазиновъ. Тогда по лились одна за другою враждебныя Россіи рѣчи, произносимы преимущественно такими господами, которые, впослѣдствіи, зас скивали у той же Россіи себѣ лично милостей. Кублицкій по далъ совѣтъ обратиться за покровительствомъ и вразумленіем къ сердечному другу Польши, прусскому королю, и также вы слать къ другимъ иностраннымъ дворамъ посланниковъ съ за явленіемъ о томъ, что дѣлаетъ Россія. Сухоржевскій кричалъ что дружба съ Москвою главная причина всѣхъ несчастій Польши. «У насъ несогласія — говорилъ онъ — дошли до того, что король не вѣритъ народу, народъ королю, отецъ сыну, сынъ отцу, братъ брату — всему этому причиной Россія. Неужели мы про пустимъ очевидно удобную пору для отмщенія оскорбленій, на несеныхъ намъ Москвою, дозволивши московскимъ войскамъ про ходить черезъ наши области, оскорбимъ расположеннаго къ намъ и всегда твердаго въ договорахъ турка, и тѣмъ заслужимъ вѣч ное порицаніе историковъ? Возьмемъ примѣръ съ той печати, которую Москва вручила русинамъ на погибель нашу съ над писью: теперь часъ ляхівъ різати! Издадимъ универсалъ, объ-

Digitized by Google

нынѣшній войну Россіи, и припечатаемъ его печатью, на которой вырѣжемъ слова: «теперь время отмстить Россіи за ея обиды»! Я совѣтую не только выгнать немедленно всѣхъ москалей, какіе теперь у насъ найдутся, съ ихъ маркитантами, извощиками, лилипонами, черкесами, но и назначить немедленно сборъ пожертвованій на военную экспедицію противъ Москвы. Теперь, повторяю, пришла пора раздѣлаться съ Москвою, и потому предлагаю выслать пана Штакельберга изъ Варшавы или, по крайней мѣрѣ, приставить къ его особѣ караулъ; это полезно и для его безопасности, потому что уже вездѣ говорятъ, что убьютъ его тотчасъ, какъ только услышатъ о рѣзнѣ, учиняемой надъ нашими кровными и пріятелями».

Послѣ задирательной рѣчи Сухоржевскаго, послы бросились толковать о скорѣйшемъ укомплектованіи войскъ въ видахъ объявленія войны Россіи. Одинъ голосъ замѣтилъ, при этомъ, что надобно прежде установить гражданско-военные суды, для огражденія обывателей отъ оскорбленій по поводу рекрутовки.

«Не можетъ быть — сказалъ подольскій посолъ Красинскій — чтобъ у насъ въ странѣ нашелся командиръ, который бы въ такое несчастное время утѣснялъ обывателей!»

За нимъ поднялъ голосъ Суходольскій, произнесъ длинную напыщенную рѣчь, въ которой приглашалъ Избу женить постоянство на осторожности, а въ заключеніе, вооружился противъ тѣхъ, которые находили, что мѣстная шляхта, хватая безъ разбора подозрительныхъ людей и осуждая ихъ, можетъ, раздразнивъ народъ, произвести болѣе опасности, чѣмъ самые поджигатели къ бунту. «Пусть кто хочетъ говоритъ — сказалъ онъ — что волынская комиссія дурно поступила, что какого-нибудь бунтовщика казнила; я скажу: дурно она поступила, что мало ихъ казнила! Почему не поставила разомъ сто висѣлицъ для этихъ конкуррентовъ? Шляхта дѣлаетъ свое дѣло: хватая подозрительныхъ, она охраняетъ страну свою и себя; кто боится шляхты, тотъ уже самъ пересталъ быть шляхтичемъ и поляком». Но Кублицкій доказывалъ, напротивъ, что комиссія — мѣсто полицейское, неправильно присвоила себѣ судебную власть; довольно будетъ, если поймавши подозрительнаго человѣка, она отошлетъ его въ гродскій судъ. За Кублицкимъ въ такомъ же смыслѣ говорили гнѣзненскіе послы, и большинство Избы согласилось съ ними. Волынскій посолъ Стройновскій упросилъ Избу, чтобъ, запретивши комиссіямъ судить на будущее время, не ставить ихъ въ преступленіе прежняго присвоенія судной власти.

Относительно отвѣта на ноту Штакельберга порѣшили прежде

Digitized by Google

сообщить объ этой нотѣ прусскому двору и испросить его совѣта, а потомъ уже отвѣчать русскому посланнику.

Въ это время пришли новыя угрожающія вѣсти изъ Слуцка. Нѣкто Гротусъ, писарь табачной таможни въ Слуцкѣ, писалъ къ пану Выковскому контролеру, что дизунитскій епископъ Викторъ Садковскій созывалъ схизматическихъ поповъ, приводилъ ихъ къ присягѣ на вѣрность русской императрицѣ и возбуждалъ ихъ къ мятежу. Другое донесеніе оттуда же сообщало діалогъ, происходившій между евреемъ и русскимъ хлопомъ. «Правда ли — спрашивалъ еврей — что въ вашей божницѣ присягали на вѣрность императрицѣ?» — Да, отвѣчалъ хлопъ — мы присягали передъ попами, а попы передъ епископомъ, въ Слуцкѣ. — «А есть у васъ на готовѣ оружіе?» спросилъ еврей. — Пойдемъ всѣ съ чѣмъ попало — отвѣчалъ хлопъ, — кто съ косою, кто со списомъ, кто съ ружьемъ. — «А когда же начнется вашъ бунтъ?» — Если не на пасху, то въ маѣ, — отвѣчалъ хлопъ.

Все это была выдумка. Никакой присяги не происходило; Садковскій, напротивъ, по приказанію своего правительства, внушалъ своей паствѣ повиновеніе королю и Рѣчи-Посполитой. Это видно изъ тѣхъ же самыхъ бумагъ, которыя были собраны для его обвиненія. Но на сеймѣ, безъ всякой критики, признали полученныя донесенія вполнѣ заслуживающими вѣроятія. «И мнѣ — говорилъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга, — писалъ воевода виленскій Радзивиллъ, что русскій епископъ — главный зачинщикъ бунтовъ». Тогда Суходольскій предложилъ арестовать православнаго архіерея. Того же потребовалъ инфлянтскій посолъ Вейсенгофъ, и вся Изба согласилась на эту мѣру.

Отъ 18 апрѣля выданъ былъ универсалъ. «Король и конфедерованные чины Рѣчи-Посполитой — было въ немъ сказано — не могутъ хладнокровно смотрѣть на поведеніе схизматическихъ поповъ, которые проникаютъ въ Польшу, а равно и тѣхъ, которые подъ видомъ маркитантовъ, извощиковъ, филипоновъ, чумаковъ, пробираясь въ государство наше подущаютъ польскихъ хлоповъ схизматической религіи къ бунту противъ католическаго дворянства, что несомнѣнно доказано военными рапортами и слѣдствіями, произведенными въ судахъ». Всѣмъ такимъ иностранцамъ, уличеннымъ, по рапортамъ военныхъ и судебныхъ властей, въ намѣреніяхъ возмущать народъ, велѣно въ теченіи двухъ недѣль оставить Польшу, а тѣ, которые не послушаются этого приказанія, должны быть арестованы, отправлены въ крѣпость и примѣрно наказаны.» Далѣе въ томъ же универсалѣ говорилось: «Такъ-какъ дошло до нашего свѣдѣнія что схизматическіе попы, имѣющіе постоянное жительство въ Польшѣ, до сихъ поръ не

Digitized by Google

присягнули на вѣрность королю и Рѣчи-Посполитой и осмѣливаются молиться за иноземную власть, отвращая этимъ схизматическій народъ отъ вѣрности, покорности и повиновенія, то предписывается всѣмъ духовнымъ схизматической религіи, жительствующимъ въ Польшѣ и желающимъ пользоваться выгодами, сопряженными съ ихъ должностями, въ продолженіи двухъ недѣль, присягнуть на вѣрность королю и Рѣчи-Посполитой, и отнюдь не упоминать въ своихъ молитвахъ иноземныхъ властей, а молиться за короля и за польскую Рѣчь-Посполитую. Кто же станетъ поступать вопреки этому повелѣнію, тотъ лишится своего мѣста и долженъ будетъ оставить Польшу.» Печатные экземпляры этого универсала разосланы по всѣмъ правительственнымъ и судебнымъ мѣстамъ, а священникамъ велѣно ихъ читать въ церквахъ. Въ южнорусскій край отправлено войско для усиленія милиціи.

Посланникъ Рѣчи-Посполитой въ Санктпетербургѣ, Деболи, получилъ въ маѣ порученіе подать россійскому двору ноту; тамъ излагалось, что злонамѣренные люди восточной вѣры поджигаютъ хлоповъ къ бунту, сорятъ деньгами, и увѣряютъ грубый, необразованный и склонный къ ослѣпленію народъ, что приходъ русскаго войска будетъ для нихъ сигналомъ всеобщаго возстанія. Поэтому Рѣчь-Посполитая просила государыню, чтобы она приказала своимъ войскамъ, когда они будутъ идти на войну противъ Турціи, обходить владѣнія Рѣчи-Посполитой, а въ случаѣ крайности, чтобъ войско входило не иначе, какъ отрядами не болѣе, какъ въ пятьсотъ человѣкъ; каждый отрядъ могъ бы входить только по выходѣ другого и проходилъ бы черезъ владѣнія польскія въ сопровожденіи коммиссара, да, чтобъ согласно съ этимъ каждый разъ, когда придется такому отряду проходить, россійскій посланникъ испрашивалъ дозволенія, сообщая при этомъ: какіе именно офицеры будутъ находиться при отрядѣ и сколько дней такой отрядъ будетъ проходить; сверхъ того, чтобъ такіе отряды шли не иначе, какъ по одному указанному пути; вслѣдъ за тѣмъ, военные магазины должны быть снесены, а впередъ, для закупки припасовъ, могутъ существовать подрядные магазины. Такъ какъ сеймъ отправилъ ноту Пруссіи, гдѣ жаловался, на поступки Россіи, то прусскій уполномоченный при петербургскомъ дворѣ баронъ Келлеръ съ своей стороны поддерживалъ справедливость польскихъ требованій. Самыя эти требованія въ нотѣ, представленной Деболи, составлены были поляками, такъ сказать подъ диктовку прусскаго министра [1]).

[1]) Нота прусскаго министра въ отвѣтъ на ноту, отъ имени сейма, поданную Чар-

Digitized by Google

Между тѣмъ новыя вѣсти изъ русскихъ земель съ каждою почтою продолжали еще нѣсколько времени пугать сеймъ. Прислали списокъ триста семидесяти особъ заговорщиковъ, съ обозначеніемъ, сколько ихъ въ какомъ селѣ, нѣкоторыхъ означали по именамъ и

торыскимъ, написана была такъ: «Его величество король прусскій, дружественно принимая къ сердцу судьбу Рѣчи-Посполитой, сосѣдней дружественной державы, съ соболѣзнованіемъ узналъ, что чины означенной Рѣчи-Посполитой встревожены нотою, которую послалъ имъ россійскій посланникъ отъ 6-го апрѣля, по поводу прохода россійскихъ войскъ чрезъ польскія земли, вмѣстѣ съ тѣмъ поражены явными признаками возмущенія крестьянъ греческой религіи, которое легко можетъ вспыхнуть, по поводу прохожденія россійскихъ войскъ.

«Съ чувствомъ принявъ это сообщеніе и довѣріе, которое оказываютъ ему чины Рѣчи-Посполитой, желая его совѣта и его мнѣнія въ такомъ критическомъ положеніи дѣлъ его величество не колеблется изложить свои мысли съ искренностью и откровенностью, какъ всегда считаетъ своею обязанностію поступать.

«Е. В. король прусскій убѣжденъ, что почтенный польскій народъ можетъ съ увѣренностію уповать на доброжелательство и великодушіе россійской императрицы, что эта великая государыня не захочетъ учинить или дозволить произойти чему-нибудь такому, что могло бы нанести разореніе и бѣдствія государству свободному, дружелюбному и находящемуся въ мирѣ съ Россіею: пребываніе и постоянный неограниченный переходъ россійскихъ войскъ черезъ польскія земли, равно какъ и договоръ, который предлагалъ въ этихъ видахъ г. россійскій посланникъ, могли бы произвести неудобства: именно, чрезъ это какъ бы нарушалась независимость и неутральность Рѣчи-Посполитой, оттоманская Порта имѣла бы поводъ желать такой же льготы для своихъ войскъ, отсюда произошли бы отягощенія тѣмъ провинціямъ польскимъ, черезъ которыя проходили бы воюющія войска, и чрезъ то, наконецъ, поддерживался бы духъ мятежа у крестьянъ греческой религіи, живущихъ въ Польшѣ.

«Его величество прусскій король полагаетъ, что можно будетъ обоюдно удалить эти неудобства и вредныя послѣдствія, если Рѣчь-Посполитая обратится къ ея величеству россійской императрицѣ съ полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ къ ея великодушію, будетъ просить ее избавить польскій народъ отъ опасностей и отягощеній по поводу безпрестаннаго перехода войскъ, избравъ для этого нѣсколько окольный путь; если же случится неизбѣжная необходимость провести нѣкоторыя россійскія войска черезъ Польшу, то чтобъ они проходили малыми командами, и всякій разъ о томъ предваряла ихъ просьба россійскаго посланника, а равно, чтобъ императрица дозволила сопровождать россійскія войска комиссарамъ Рѣчи-Посполитой, какъ это дѣлается въ областяхъ нѣмецкой имперіи даже и по отношенію къ имперскимъ войскамъ; наконецъ, предложить, чтобы россійскій дворъ отнюдь не устроивалъ новыхъ магазиновъ въ Польшѣ, тѣже, которые уже устроены, должны оставаться подъ надзоромъ нѣсколькихъ комиссаровъ и небольшого числа людей вооруженныхъ особеннымъ образомъ, и Рѣчь-Посполитая могла бы охранять эту страну и магазины своими войсками. Такія мѣры предосторожности были бы достаточны для показанія и установленія неутральности и независимости Рѣчи-Посполитой, для уменьшенія неудобствъ, происходящихъ отъ устройства магазиновъ и отъ перехода россійскихъ войскъ; вмѣстѣ съ тѣмъ россійскому двору даны будутъ доказательства истиннаго вниманія и доброжелательства Рѣчи-Посполитой къ россійскимъ интересамъ, съ желаніемъ совмѣстить ихъ съ благомъ Рѣчи-Посполитой. Его величество король льститъ себя надеждою, что если чины Рѣчи-Посполитой поручатъ сдѣлать россійской императрицѣ такого рода предложенія, то пресвѣтлѣйшая государыня приметъ ихъ съ тѣмъ великодушіемъ,

Digitized by Google

указали даже сколько каждый изъ нихъ взялъ денегъ отъ Россіи. Назначали даже генеральнаго коменданта этого вымышленнаго заговора: то былъ какой-то попъ Карповецкій. Важнѣйшими заправщиками числились попъ въ Алибкахъ съ какимъ-то Милютою, взявшіе двѣ тысячи злотыхъ на пять сотъ человѣкъ, Василько Кушнировскій въ селѣ Кушнировкѣ, взявшій пять тысячъ злотыхъ на двѣ тысячи человѣкъ, попы въ Чаданцахъ и Рощѣ (w Rozsczu), взявшіе первый три тысячи злотыхъ на 300 человѣкъ, второй тысячу злотыхъ на двѣсти человѣкъ, Шлецюхъ въ селѣ Базасіи, взявшій шесть тысячъ злотыхъ на четыре тысячи человѣкъ, Яцко Швецъ съ братомъ въ селѣ Писановкѣ, взявшій двѣсти злотыхъ на шесть сотъ человѣкъ и т. д. Пинскій посолъ Бутримовичъ читалъ на сеймѣ вѣсти, которыя присылали ему земляки. Разсказывали, что передъ пасхою схизматики сходились ночью въ церквахъ для своего богослуженія (które się u nich nazywa Wsionoczna) и тамъ попы читали имъ письма отъ царицы, побуждающія рѣзать католиковъ и жидовъ; что пинскій игуменъ, прочитавши на такомъ богослуженіи подобное письмо, зазвалъ первѣйшихъ схизматиковъ къ себѣ и показалъ имъ орудія для рѣзни, привезенныя маркитантами и попами; въ городѣ Пинскѣ схватили двухъ москалей-маркитантовъ, продававшихъ десятка два-три ножей, эти ножи были обыкновенные, какіе употребляются въ хозяйствѣ, но ясно казалось, что москали привезли ихъ для рѣзни, потому что, пріѣхавши въ польскій край подъ предлогомъ торговли, не показали ихъ на таможнѣ, особенно, а они прошли заурядъ съ другимъ мелочнымъ товаромъ. Давая вѣру всему этому, Бутримовичъ говорилъ: «Послѣ такихъ извѣстій, полученныхъ изъ моего края, обильнаго лѣсами, неприступными болотами, представляющими пріютъ для злодѣевъ и наполненнаго *дизуніею*, я требую и прошу наияснѣйшихъ чиновъ, чтобы безопасность нашего повѣта была ограждена не только войскомъ, но также скорѣйшею карою преступниковъ, осмотромъ оружія въ монастыряхъ и церквахъ, и отысканіемъ читаннаго попами писанія!» Красинскій подалъ проектъ не пускать схизматиковъ въ Кіевъ для поклоненія печерскимъ чудотворцамъ, но Чарторыскій отклонилъ этотъ проектъ. «Ихъ раздраженный фанатизмъ—говорилъ онъ—можетъ стать причиною большихъ мятежей и раздоровъ». За то было принято предложеніе Суходольскаго: онъ, подъ видомъ человѣколюбія, далъ мысль прощать тѣхъ,

---

котораго она уже дала доводы, а его величество король равнымъ образомъ готовъ предложить ихъ россійскому двору и поддерживать ихъ согласно его желанію охранять спокойствіе и благосостояніе польскаго королевства».

Digitized by Google

которые, обвинивъ самихъ себя и указавъ на тѣхъ, кто ихъ подущалъ, сами отступились отъ злого предпріятія. Его поддержалъ Станиславъ Потоцкій. «Я — говоритъ послѣдній — былъ недавно въ Дубно и видѣлъ, какъ тамъ казнили смертію нѣсколько десятковъ разомъ, а по правдѣ семерыхъ изъ нихъ слѣдовало бы успокоить только тѣлеснымъ наказаніемъ.» Средство, одобренное по проекту Суходольскаго, было ужасно: оно развязывало мѣстнымъ судамъ руки; поймавъ какого-нибудь несчастнаго попа или хлопа, объявляли ему, что онъ будетъ помилованъ, если сознается и на другихъ покажетъ; само собою разумѣется, что пойманный искушался, ради собственнаго спасенія, клеветать на другихъ. Самъ сеймъ ободрилъ къ этому не только постановленіемъ, но и примѣромъ, наградивъ попа Лукаевича деньгами, медалью и грамотою отъ имени сейма. По такимъ ободреніямъ, въ Луцкѣ Глодовскій, священникъ села Хорупани, налгалъ и на себя и на другихъ, будто онъ видалъ у другого попа консисторскій указъ объ избіеніи ляховъ. По этому дѣлу арестовали одного члена консисторіи, а за тѣмъ происходили казни и варварскія истязанія. Еще болѣе надѣлалъ зла на Подоли Кирилло Пундикъ: отъявленный мошенникъ, приговоренный къ наказанію за воровство, онъ, для избавленія себя отъ наказанія, взялся оговаривать русскій людъ. Множество священниковъ и еще болѣе крестьянъ было, по его указанію, схвачено. Расправа для нихъ была въ Кременцѣ. Ихъ сажали въ тюрьмы, на ночь замыкали нѣсколько человѣкъ въ одну общую колоду, такъ-что имъ нельзя было повернуться, и всю ночь они должны были лежать на одномъ боку. Кормили ихъ самою скверною пищею, и отъ этого иные заболѣли и померли; нестерпимый смрадъ отъ нечистотъ, при большомъ накопленіи народа, душилъ ихъ; умываться имъ не давали и чужеядныя насѣкомыя покрывали не только людей, но землю и стѣны тюрьмы. Въ такомъ положеніи, совершенно невинные страдали многіе мѣсяцы, и когда, наконецъ, прочитывался имъ приговоръ, то тѣ, которыхъ ожидала казнь, слушали это съ истинною радостію; другіе осуждались на работу въ каменецкой крѣпости на нѣсколько лѣтъ. По какимъ поводамъ брали людей и сажали въ такого рода тюрьмы, можно видѣть изъ слѣдующаго приключенія. Въ село Кончу прибылъ какой-то перехожій цыганъ-кузнецъ, и, какъ водится, разбилъ себѣ шатеръ и устроилъ въ немъ кузницу, куда приходили къ нему жители для поправки своихъ домашнихъ орудій. Священникъ того села, въ числѣ другихъ, носилъ ему свои вещи, а между ними, два ножа. Пришелъ къ цыгану, послѣ того, жолнѣръ и заказывалъ себѣ ножъ. Малолѣт-

Digitized by Google

ная дочь цыгана сказала, что ея отецъ сдѣлалъ хорошій ножъ священнику. Жолнѣръ сейчасъ донесъ; схватили священника, нѣсколькихъ крестьянъ, которые заказывали себѣ у цыгана работу; самого кузнеца и всѣхъ продержали въ смрадной тюрьмѣ нѣсколько недѣль.

Кромѣ неправеднаго суда, русскіе люди терпѣли повсюду и отъ неудержимаго произвола поляковъ и евреевъ. Въ одномъ селѣ, напримѣръ, проѣзжали украинцы, продавшіе свое сало и возвращіеся домой. Заѣхали они въ жидовскую корчму, спросили водки и тарелку, на которой хотѣли разрѣзать оселедця (селедку). Еврей не далъ имъ тарелки и еще обругалъ ихъ. Тогда украинецъ указалъ на столъ своему товарищу и сказалъ: отъ ту ріжъ! (вотъ здѣсь рѣжь!) Еврей заоралъ во все горло; сбѣжались его соотечественники; корчмарь кричалъ, что хлопы хотѣли рѣзать жидовъ. Хлоповъ связали, повели къ эконому, а тотъ влѣпилъ каждому по пятидесяти батоговъ. Онъ былъ, однако, изъ милосердыхъ, потому что, по крайней мѣрѣ, не отправилъ ихъ въ городъ, гдѣ бы имъ пришлось протомиться въ тюрьмѣ и можетъ быть даже пойти на висѣлицу; правилъ твердыхъ не было кого выпустить, кого повѣсить—все зависѣло отъ расположенія духа и отъ того, не замѣшивалась-ли тутъ личная вражда. Если кто съ кѣмъ поссорился и хотѣлъ почувствительнѣе насолить врагу, если кто хотѣлъ кого ограбить—оговоръ въ бунтѣ былъ лучшее средство. У священника яблонецкаго, на Волыни, по фамиліи Бубаловича, панъ Богуцкій отнялъ церковныя земли, но по приговору епископскаго суда долженъ былъ возвратить захваченное. Богуцкій оговорилъ священника. Нужны были свидѣтели, чтобъ подтвердить доносъ. Богуцкій пригласилъ къ себѣ пономаря Кабасюка, прочиталъ ему пункты обвиненія и требовалъ, чтобъ Кабасюкъ лжесвидѣтельствовалъ противъ попа. Кабасюкъ сперва отказался, а потомъ согласился, послѣ того какъ Богуцкій завалилъ ему триста розогъ, и объявилъ, что засѣчетъ его до смерти, если онъ не станетъ свидѣтелемъ на попа. Потомъ созвали изъ сосѣднихъ селъ человѣкъ двѣнадцать крестьянъ, прочитали имъ обвинительные пункты на попа; Кабасюкъ подтвердилъ ихъ, и мужики поставлены были свидѣтелями, быть можетъ, сами не зная въ чемъ дѣло; священникъ просидѣлъ двѣнадцать лѣтъ въ тюрьмѣ, а его дворъ, имущество забралъ Богуцкій, и въ добавокъ его попадью жестоко высѣкли розгами.

Привыкши поступать по настроенію духа въ данную минуту, самые добродушные паны дѣлали варварства. Такъ одинъ изъ волынскихъ пановъ, ротмистръ народовой кавалеріи, Пулавскій,

Digitized by Google

заступался за священниковъ въ судѣ, когда ясно видѣлъ, что они невинны, а въ Корцѣ, подгулявши, приказалъ къ себѣ доставить благочиннаго и его викарія, приложилъ благочинному къ груди пистолетъ и спрашивалъ: «когда у тебя въ приходѣ начнется рѣзня?» Священникъ отвѣчалъ: «на русское духовенство говорятъ напраслину». — «Бросить ихъ въ прудъ!» закричалъ Пулавскій. Панское приказаніе хотѣли исполнить, какъ вдругъ Пулавскій одумался и ограничился тѣмъ, что приказалъ отсчитать благочинному пятьдесятъ, а викарію тридцать ударовъ плашмя. На другой день, добросердечный Пулавскій, протрезвившись, пожалѣлъ о священникахъ и обѣщалъ щедро наградить ихъ, какъ только сами они пожелаютъ.

Шляхта была въ непрерывномъ страхѣ, постоянно на готовѣ къ самообороне; не сегодня—завтра, казалось ей, закипитъ народное возстаніе. По ея соображеніямъ, если схизматики не начали своего страшнаго дѣла на пасху, то, вѣроятно, начнутъ въ другой какой-нибудь праздникъ послѣ пасхи. Боялись — Ѳоминой недѣли, Преполовенія, Вознесенія... Грозные дни проходили; опасеніе не сбывалось; Троицынъ день казался страшнѣе... И этотъ праздникъ наступилъ; схизматики не брались за роковые ножи, спрятанные, какъ воображала себѣ шляхта, въ скирдахъ и погребахъ. Тогда распространилось, что схизматики поминаютъ царицу въ своихъ церквахъ: въ томъ удостовѣряли свидѣтели, слышавшіе это собственными ушами. Шляхта вскипѣла негодованіемъ; казалось, мало висѣлицы для такихъ непокорныхъ, которые, несмотря на поднятую противъ себя грозу, ругались надъ властію и силою шляхетской республики. Но скоро объяснилось, что схизматики въ своихъ церквахъ поминали царицу не россійскую, а небесную, Матерь Божію [1]). Послѣ Троицына дня, шляхта соображала, что вѣрно возстаніе отложено до Петрова дня. Но и этотъ праздникъ прошелъ. Тогда тревога стала уменьшаться; шляхта успокоивалась; рѣже и рѣже стали хватать по подозрѣнію въ намѣреніи производить рѣзню. Офени и чумаки перестали появляться тамъ, гдѣ имъ грозила бѣда. Къ осени все затихло. Русскій народъ вошелъ опять въ обычную колею терпѣливаго рабства.

Увѣренность въ томъ, что россійская императрица подущаетъ, чрезъ своихъ москалей, хлоповъ къ бунту и хочетъ произвести рѣзню, была до того велика, что если бы кто и думалъ

---

[1]) Вѣроятно, этому подало поводъ пѣніе на Троицынъ день девятой пѣсни канона пятидесятницы: Радуйся, царице, пресвятая слово!

Digitized by Google

иначе, то не смѣлъ заявить объ этомъ гласно, чтобъ не навлечь на себя подозрѣнія въ измѣнѣ шляхетскому дѣлу. Только Щенсный Потоцкій не побоялся высказывать правду. Подвомандные донесли ему, какъ генералу артиллеріи, что московскихъ *зесциков* въ Украинѣ стало больше чѣмъ воловъ, и просили дать приказаніе ловить и выгонять за границу этихъ схизматиковъ. Онъ отвѣчалъ: «Не мудрено: на воловъ былъ падежъ, а на людей мора не было. Нельзя выгонять людей какой бы то ни было религіи: это причинило бы стыдъ нашему правительству; я не вижу въ этомъ обстоятельствѣ никакой опасности для нашего края. Знаю: распространяютъ слухи, будто Москва подстрекаетъ къ бунту нашихъ хлоповъ. Эти выдумки достойны презрѣнія и надобно убѣждать обывателей въ томъ, что все это ложь.»

Сеймъ, въ большинствѣ увѣренный въ томъ, что слухи о предстоящемъ бунтѣ основательны, вознегодовалъ на Щенснаго Потоцкаго. Суходольскій ставилъ ему въ вину и то, что онъ вѣжливо и дружелюбно сносился съ россійскими командирами и называлъ такіе поступки заговоромъ противъ отечества, достойнымъ кары. Щенсный взялъ отставку отъ должности генерала артиллеріи. Замѣчательно, что на сеймѣ заступался за него человѣкъ совершенно противной партіи, Игнатій Потоцкій, который вообще, во время толковъ, происходившихъ въ Избѣ, о рѣзнѣ, почти не касался этого предмета. Впослѣдствіи, большинство поляковъ думало объ этомъ заговорѣ также, какъ и Щенсный Потоцкій.

Не было никакихъ существенныхъ признаковъ несомнѣнной опасности, тѣмъ не менѣе однако, нельзя сказать, чтобы страхъ поляковъ былъ лишенъ всякаго основанія. Если южнорусскій народъ учинилъ рѣзню въ 1768 г., то могъ сдѣлать тоже въ 1789 г. Преслѣдуя православную вѣру, предавая ее самому крайнему поруганію, поставивши себѣ задачею искоренить ее въ своихъ областяхъ, какъ гибельную заразу, поляки справедливо думали, что умноженіе православныхъ умножитъ число враговъ шляхетской республики. Православные должны будутъ, по единовѣрію, обращаться сердцемъ къ Россіи; кромѣ того, православіе поддерживало русскую народность: въ польскихъ областяхъ кто былъ православнымъ, тотъ уже тѣмъ самымъ былъ русскій. Было вполнѣ естественно русскому народу желать скорѣе присоединиться къ русскому, православному государству, чѣмъ оставаться подъ властію чужою, католическою, гдѣ, притомъ, онъ на каждомъ шагу слышалъ, что его вѣра — собачья вѣра, гдѣ, сверхъ того, лишенный гражданскихъ правъ, порабощенный польскимъ

Digitized by Google

и ополяченнымъ дворянствомъ, онъ не пользовался ничѣмъ такимъ, что бы его побуждало быть вѣрнымъ существующей власти. Возвращеніе къ православію пробуждало въ немъ и воспоминаніе борьбы за православіе; несмотря на свою безграмотность, онъ изъ пѣсенъ и преданій, зналъ свою прошлую исторію настолько, чтобъ стремиться повторить то, что дѣлали дѣды, да и примѣровъ свѣжихъ, недавнихъ было не мало; еще многіе были живы изъ тѣхъ, которые видали Гонту и Залѣвняка; даже зять Гонты, сельскій священникъ, былъ тогда живъ. Новая коліивщина была вполнѣ желаніемъ народа, и если поляки не ускорили ее своими преслѣдованіями и казнями, если она не вспыхнула, то причины этому были таковы: во-первыхъ, тогда уже не было Запорожья, которое въ 1768 году дало починъ народному дѣлу и поставило для него вооруженный контингентъ, къ которому могли примыкать громады возставшихъ хлоповъ; во-вторыхъ, народъ не смѣлъ уже такъ необдуманно понадѣяться на помощь русской царицы, какъ это дѣлалось прежде: теперь нужно было уже ясно видѣть, что она благопріятствуетъ возстанію; въ-третьихъ, за Днѣпромъ уже не было гетманщины и народъ видѣлъ, что его единоземцы подъ властію Россіи также осуждены работать панамъ, а слѣдовательно, его не могла питать надежда, чтобъ царица освободила его отъ панской власти; въ-четвертыхъ, православное духовенство, исключая, можетъ быть, какихъ-нибудь бродячихъ чернецовъ, вовсе не благословляло народа на кровавое дѣло и проповѣдывало ему терпѣніе. Архіерей Викторъ Садковскій болѣе всего давалъ ему миролюбивый тонъ, и ему много обязаны были поляки тѣмъ, что народъ, возвращаясь къ православію, не смѣлъ браться за ножи. Безъ этихъ счастливыхъ для поляковъ условій, народъ, безъ сомнѣнія, кинулся бы истреблять и выгонять изъ своей земли своихъ поработителей и передалъ бы, въ свое время, русскій край русской державѣ въ такомъ видѣ, что въ немъ, по выраженію народной пѣсни, не было бы уже *ни ляха, ни жида, ни уніи.*

И между тѣмъ однако, этого Садковскаго поляки считали величайшимъ врагомъ своимъ и главнымъ виновникомъ народнаго волненія. По приказанію сейма, его арестовали на дорогѣ. Офицеръ, который схватилъ его, въ своемъ рапортѣ донесъ, что при немъ найдена печатная книжка, гдѣ была напечатана форма присяги духовенства на вѣрность императрицѣ. «Можетъ ли быть,— говорилъ по этому поводу въ засѣданіи сейма Суходольскій — большаго доказательства его виновности? По его приказанію попы передъ пасхою исповѣдывали только такихъ, которые при-

Digitized by Google

годны оказывались для рѣзни: стариковъ, женщинъ и дѣтей отгоняли прочь. По этимъ несомнѣннымъ доводамъ, Садковскій не можетъ пользоваться закономъ: neminem captivabimus, будучи нойманъ на самомъ совершеніи преступленія». Между тѣмъ, найденная при Садковскомъ печатная книжка была не болѣе, какъ книга, изданная въ Россіи, и заключавшаяся въ ней форма присяги на вѣрность императрицѣ не считалась обязательною для паствы Садковскаго, тѣмъ болѣе, когда ему самому россійское правительство уже велѣло присягнуть на вѣрность Рѣчи-Посполитой. Но большинство Избы раздѣляло сужденіе Суходольскаго. Преосвященнаго Виктора Садковскаго сначала привезли въ Несвижъ, въ оковахъ; отсюда онъ написалъ окружное посланіе къ своей паствѣ о вѣрности королю и Рѣчи-Посполитой, приказывалъ молиться за короля и за благополучное окончаніе трудовъ сейма, завѣщалъ народу не только поступками, но даже и словами не оказывать противности правительству и своимъ панамъ, угрожалъ, въ противномъ случаѣ, церковною клятвою и вѣчною мукою въ будущей жизни. «Во время нашего посѣщенія Украины — было сказано въ этомъ посланіи — и по возвращеніи въ Слуцкъ, мы неоднократно обращали къ своей паствѣ наказанія и напоминовенія сохранять вѣрность королю и Рѣчи-Посполитой и повиноваться панамъ и владѣльцамъ своимъ, исполнять свою обязанность, не допускать къ себѣ мысли о сопротивленіи, а наипаче о мятежѣ, нарушающемъ общественное спокойствіе.»

Это не защитило православнаго архіерея. Его привезли въ Варшаву и засадили въ пороховомъ складѣ (w prochownie), съ нимъ были игуменъ Кипріанъ, слуцкій протопопъ, нѣсколько священниковъ, два дьячка и пѣвчіе. Нарядили депутацію для изслѣдованія дѣла объ обвиненіи въ бунтѣ, подъ предсѣдательствомъ маршаловъ сейма [1]).

Когда православнымъ священникамъ велѣли присягнуть, нѣкоторые воспротивились и спасали себя бѣгствомъ. Завися, по прежнему порядку, отъ россійскаго синода, они находили затруднительнымъ, сообразно приказанію сейма, не молиться за вла-

---

[1]) Членами были сенаторы: луцкій епископъ Турскій, каштеляны Пражмовскій и Фелкерзамбъ, и послы, числомъ двѣнадцать, по четыре изъ каждой провинціи: малопольской (Кохановскій, Залѣскій, Длускій и Страшковскій), великопольской (Рожновскій, Тымовскій, Маловѣйскій и Шимановскій), литовской (Грабовскій, Бернович, Залѣскій и Бутримовичъ). Черезъ годъ, въ 1790 г., они представили два напечатанныхъ томика своей реляціи, съ приложеніемъ актовъ, найденныхъ у Садковскаго: изъ этихъ книгъ, при всемъ стараніи натянуть дѣло во вредъ православному владыкѣ, онъ вполнѣ оказывается невиннымъ предъ судомъ исторіи.

Digitized by Google

сти, находившіяся за предѣлами Рѣчи-Посполитой, когда въ Россіи находилось ихъ духовное начальство, а въ Польшѣ его не было вовсе. Такъ поступилъ, между другими, виленскій игуменъ Варлаамъ Шишацкій, тотъ самый, который, впослѣдствіи, будучи могилевскимъ архіепископомъ, молился за Наполеона въ 1812 году и за это былъ лишенъ сана. Въ 1789 г. онъ убѣжалъ въ Россію. Также убѣжалъ изъ Украины протопопъ Левандовскій, котораго приказано было схватить и привезти въ Варшаву. Игуменъ Медвѣдовскаго монастыря не успѣлъ убѣжать и былъ доставленъ въ столицу въ кандалахъ.

Такой образъ дѣйствій поляковъ, казалось, клонился къ тому, чтобъ раздражить русскую государыню и вызвать ее на рѣзкія заявленія. Въ противность тому, 4 іюня, Штакельбергъ подалъ сейму ноту, гдѣ извѣщалъ, что, сообразно желанію Рѣчи-Посполитой, императрица приказала своему фельдмаршалу распорядиться о перевозѣ своихъ магазиновъ на лѣвый берегъ Днѣпра, а впередъ доставка провіанта и военныхъ принадлежностей къ войску, воюющему въ Турціи, будетъ происходить иными путями, минуя территоріи Рѣчи-Посполитой. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъявлялось желаніе, чтобы подданные Рѣчи-Посполитой дружественно помогли скорѣе и удобнѣе вывезти эти магазины изъ предѣловъ польскихъ.

Н. Костомаровъ.

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЯ

О

БѢЛИНСКОМЪ

I.

Личное мое знакомство съ В. Г. Бѣлинскимъ началось въ Петербургѣ, лѣтомъ 1843-го года; но имя его стало мнѣ извѣстнымъ гораздо раньше. Вскорѣ послѣ появленія его первыхъ критическихъ статей въ «Молвѣ» и «Телескопѣ» (1836—1839), въ Петербургѣ начали ходить слухи о немъ, какъ о человѣкѣ весьма бойкомъ, горячемъ, который ни передъ чѣмъ не отступалъ и нападалъ на «все»—на все въ литературномъ мірѣ, конечно. Другого рода критика была тогда немыслима—въ печати. Многіе, даже между молодежью, осуждали его и находили, что онъ слишкомъ смѣлъ и далеко заносится; старинный антагонизмъ Петербурга и Москвы придавалъ еще болѣе рѣзкости тому недовѣрію, съ которымъ читатели на берегахъ Невы относились къ новому московскому свѣтилу. Притомъ, его плебейское происхожденіе (отецъ его былъ лекарь, а дѣдъ дьяконъ) возмущало аристократическій духъ, установившійся въ нашей литературѣ съ Александровскихъ временъ, временъ «Арзамаса» и т. п. Въ тогдашнее, темное, подпольное время, сплетня играла большую роль во всѣхъ сужденіяхъ—литературныхъ и иныхъ.... Извѣстно, что сплетня и до сихъ поръ не совсѣмъ утратила свое значеніе; исчезнетъ она только въ лучахъ полной гласности и свободы. Цѣлая легенда тотчасъ сложилась и о Бѣлинскомъ. Говорили, что онъ недоучившійся ка-

Digitized by Google

зенный студентъ, выгнанный изъ университета тогдашнимъ попечителемъ Голохвастовымъ за развратное поведеніе... (Бѣлинскій — и развратное поведеніе!); увѣряли, что и наружность его самая ужасная; что это какой-то циникъ, бульдогъ, призрѣнный Надеждинымъ съ цѣлью травить имъ своихъ враговъ; упорно, и какъ бы въ укоризну, называли его «Бѣлынскимъ». Слышались, правда, голоса и въ его пользу; помнится, издатель почти единственнаго тогдашняго толстаго журнала, отзывался о немъ, какъ о птичкѣ съ ноготкомъ, какъ о живчикѣ, котораго не худо бы завербовать — что, какъ извѣстно, и было впослѣдствіи приведено въ исполненіе, къ великому преуспѣянію журнала и къ великой выгодѣ самого... издателя. Что касается до меня, то знакомство мое съ Бѣлинскимъ, какъ писателемъ, произошло слѣдующимъ образомъ.

II.

Стихотворенія Бенедиктова появились въ 1836 году маленькой книжечкой съ неизбѣжной виньеткой на заглавномъ листѣ — какъ теперь ее вижу, и привели въ восхищеніе все общество, всѣхъ литераторовъ, критиковъ — всю молодежь. И я, не хуже другихъ, упивался этими стихотвореніями, зналъ многія наизусть, восторгался «Утесомъ», «Горами», и даже «Матильдой» на жеребцѣ, гордившейся «усѣстомъ красивымъ и плотнымъ». Вотъ въ одно утро зашелъ ко мнѣ студентъ-товарищъ и съ негодованіемъ сообщилъ мнѣ, что въ кандитерской Беранжэ появился № «Телескопа» съ статьей Бѣлинскаго, въ которой этотъ «критиканъ» осмѣливался заносить руку на нашъ общій идолъ, на Бенедиктова. Я немедленно отправился къ Беранжэ, прочелъ всю статью отъ доски до доски — и, разумѣется, такъ же воспылалъ негодованіемъ. Но — странное дѣло! и во время чтенія, и послѣ, къ собственному моему изумленію и даже досадѣ, что-то во мнѣ невольно соглашалось съ «критиканомъ», находило его доводы убѣдительными... неотразимыми! Я стыдился этого уже точно неожиданнаго впечатлѣнія, я старался заглушить въ себѣ этотъ внутренній голосъ — въ кругу пріятелей я съ бо́льшей еще рѣзкостью отзывался о самомъ Бѣлинскомъ и объ его статьѣ... но въ глубинѣ души что-то продолжало шептать мнѣ, что *онъ былъ правъ*... Прошло нѣсколько времени — и я уже не читалъ Бенедиктова. Кому же неизвѣстно теперь, что мнѣнія высказанныя тогда Бѣлинскимъ, мнѣнія, казавшіяся дерзкой новизною — стали всѣми принятымъ, общимъ мѣстомъ — «a truism», какъ выражаются англичане? Подъ *этотъ* приговоръ подписа-

Digitized by Google

лось потомство, какъ и подъ многіе другіе, произнесенные тѣмъ же судьей. Имя Бѣлинскаго съ тѣхъ поръ уже не изгладилось изъ моей памяти, но личное наше знакомство началось позже.

III.

Когда появилась та небольшая поэма «Параша», о которой я говорилъ выше *), я въ самый день отъѣзда изъ Петербурга въ деревню сходилъ къ Бѣлинскому (я зналъ, гдѣ онъ жилъ, но не посѣщалъ его и всего два раза встрѣтился съ нимъ у знакомыхъ), и не назвавшись, оставилъ его человѣку одинъ экземпляръ. Въ деревнѣ я пробылъ около двухъ мѣсяцевъ и, получивъ майскую книжку «Отечественныхъ Записокъ», прочелъ въ ней длинную статью Бѣлинскаго о моей поэмѣ. Онъ такъ благосклонно отозвался обо мнѣ, такъ горячо хвалилъ меня, что, помнится, я почувствовалъ больше смущенія, чѣмъ радости. Я не «могъ повѣрить», и когда въ Москвѣ покойный Кирѣевскій (И. В.) подошолъ ко мнѣ съ поздравленіями, я поспѣшилъ отказаться отъ своего дѣтища, утверждая, что сочинитель «Параши» не я. Возвратившись въ Петербургъ, я, разумѣется, отправился къ Бѣлинскому, и знакомство наше началось. Онъ вскорѣ уѣхалъ въ Москву—жениться—а возвратившись оттуда, поселился на дачѣ въ Лѣсномъ. Я также нанялъ дачу въ первомъ Парголовѣ—и до самой осени почти каждый день посѣщалъ Бѣлинскаго. Я полюбилъ его искренно и глубоко; онъ благоволилъ ко мнѣ.

IV.

Опишу его наружность. Извѣстный литографическій—едва ли не единственный, портретъ его даетъ о немъ понятіе не вѣрное. Срисовывая его черты, художникъ почелъ за долгъ воспарить духомъ и украсить природу, и потому придалъ всей головѣ какое-то повелительно-вдохновенное выраженіе, какой-то военный, чуть не генеральскій поворотъ, неестественную позу, что̀ вовсе не соотвѣтствовало дѣйствительности и нисколько не согласовалось съ характеромъ и обычаемъ Бѣлинскаго. Это былъ человѣкъ сред-

*) Въ первомъ отрывкѣ «Воспоминаній». Онъ будетъ, вмѣстѣ съ четырьмя другими, напечатанъ въ первомъ томѣ новаго изданія сочиненій И. С. Тургенева, которое предпринято гг. Салаевыми. — *Ред.*

Digitized by Google

ниго роста, на первый взглядъ довольно некрасивый и даже нескладный, худощавый, со впалой грудью и понурой головою. Одна лопатка замѣтно выдавалась больше другой. Всякаго, даже не медика, немедленно поражали въ немъ всѣ главные признаки чахотки, весь такъ-называемый habitus этой злой болѣзни. Притомъ же онъ почти постоянно кашлялъ. Лицо онъ имѣлъ небольшое, блѣдно-красноватое, носъ неправильный, какъ бы приплюснутый, ротъ слегка искривленный, особенно когда раскрывался, маленькіе, частые зубы, густые бѣлокурые волосы падали клокомъ на бѣлый, прекрасный, хоть и низкій лобъ. Я не видывалъ глазъ болѣе прелестныхъ, чѣмъ у Бѣлинскаго. Голубые, съ золотыми искорками въ глубинѣ зрачковъ, эти глаза, въ обычное время полузакрытые рѣсницами, расширялись и сверкали въ минуты воодушевленія; въ минуты веселости взглядъ ихъ принималъ плѣнительное выраженіе привѣтливой доброты и безпечнаго счастья. Голосъ у Бѣлинскаго былъ слабъ, съ хрипотою—но пріятенъ; говорилъ онъ съ особенными удареніями и придыханіями, «упорствуя, волнуясь и спѣша» [1]). Смѣялся онъ отъ души, какъ ребенокъ. Онъ любилъ расхаживать по комнатѣ, постукивая пальцами красивыхъ и маленькихъ рукъ по табакеркѣ съ русскимъ табакомъ. Кто видѣлъ его только на улицѣ, когда въ тепломъ картузѣ, старой енотовой шубенкѣ и стоптанныхъ калошахъ, онъ, торопливой и неровной походкой, пробирался вдоль стѣнъ и съ пугливой суровостью, свойственной нервическимъ людямъ, озирался вокругъ — тотъ не могъ составить себѣ вѣрнаго о немъ понятія, и я до нѣкоторой степени понимаю восклицаніе одного провинціала, которому его указали: «я только въ лѣсу такихъ волковъ видалъ, и то травленыхъ!» Между чужими людьми, на улицѣ, Бѣлинскій легко робѣлъ и терялся. Дома онъ обыкновенно носилъ сѣрый сюртукъ на ватѣ и держался вообще очень опрятно. Его выговоръ, манеры, тѣлодвиженія живо напоминали его происхожденіе; вся его повадка была чисто русская, московская; недаромъ въ жилахъ его текла безпримѣсная кровь — принадлежность нашего великорусскаго духовенства, столько вѣковъ недоступнаго вліянію иностранной породы.

---

[1]) Стихъ господина Некрасова.

Digitized by Google

V.

Бѣлинскій былъ, что̀ у насъ рѣдко, дѣйствительно страстный и дѣйствительно искренній человѣкъ, способный къ увлеченію беззавѣтному, но исключительно преданный правдѣ, раздражительный, но не самолюбивый, умѣвшій любить и ненавидѣть безкорыстно. Люди, которые, судя о немъ на-обумъ, приходили въ негодованіе отъ его «наглости», возмущались его «грубостью», писали на него доносы, распространяли про него клеветы—эти люди вѣроятно удивились бы, еслибъ узнали, что у этого цинника душа была цѣломудренная до стыдливости, мягкая до нѣжности, честная до рыцарства; что велъ онъ жизнь чуть не монашескую, что вино не касалось его губъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ не походилъ на тогдашнихъ москвичей. Невозможно себѣ представить, до какой степени Бѣлинскій былъ правдивъ съ другими и съ самимъ собою; онъ чувствовалъ, дѣйствовалъ, существовалъ только въ силу того, что̀ онъ признавалъ за истину, въ силу своихъ принциповъ. Приведу одинъ примѣръ. Вскорѣ послѣ моего знакомства съ нимъ, его снова начали тревожить тѣ вопросы, которые, не получивъ разрѣшенія или получивъ разрѣшеніе одностороннее, не даютъ покоя человѣку, особенно въ молодости: философическіе вопросы о значеніи жизни, объ отношеніяхъ людей другъ къ другу и къ Божеству, о происхожденіи міра, о безсмертіи души и т. п. Не будучи знакомъ ни съ однимъ изъ иностранныхъ языковъ (онъ даже по-французски читалъ съ великимъ трудомъ) и не находя въ русскихъ книгахъ ничего, что̀ могло бы удовлетворить его пытливость, Бѣлинскій поневолѣ долженъ былъ прибѣгать къ разговорамъ съ друзьями, къ продолжительнымъ толкамъ, сужденіямъ и разспросамъ; и онъ отдавался имъ со всѣмъ лихорадочнымъ жаромъ своей жаждавшей правды души. Такимъ именно путемъ онъ, еще въ Москвѣ, усвоилъ себѣ между прочимъ главные выводы и даже терминологію Гегелевской философіи, безпрекословно царившей тогда въ умахъ молодежи. Дѣло не обходилось, конечно, безъ недоразумѣній, иногда даже комическихъ: друзья-наставники Бѣлинскаго, передававшіе ему всю суть и весь сокъ западной науки, часто сами плохо и поверхностно ее понимали [1]); но уже Гёте сказалъ, что —

[1]) Много хлопотъ тогда надѣлало въ Москвѣ извѣстное изрѣченіе Гегеля: «что̀ разумно—то дѣйствительно, что̀ дѣйствительно—то разумно». Съ первой половиной изрѣченія всѣ соглашались, но какъ было понять вторую? Неужели же нужно было признать все, что̀ тогда существовало въ Россіи, за разумное. Толковали, толковали и порѣшили: вторую половину изрѣченія *не допустить*. Еслибъ кто-нибудь шепнулъ тогда

Digitized by Google

Ein guter Mann in seinem dunklen Drange
Ist sich des rechten Weges wohl bewusst... [1])

я Бѣлинскій былъ именно ein guter Mann, — былъ правдивый и честный человѣкъ. Къ тому же его въ этихъ случаяхъ выручалъ замѣчательный инстинктъ, которымъ онъ былъ одаренъ; но объ этомъ рѣчь впереди. — Итакъ, когда я познакомился съ Бѣлинскимъ, его мучили сомнѣнія. Эту фразу я часто слышалъ и самъ употреблялъ не однажды: но въ дѣйствительности и вполнѣ она примѣнялась къ одному Бѣлинскому. Сомнѣнія его именно мучили его, лишали его сна, пищи, неотступно грозили и жгли его; онъ не позволялъ себѣ забыться и не зналъ усталости; онъ денно и нощно бился надъ разрѣшеніемъ вопросовъ, которые самъ задавалъ себѣ. Бывало, какъ только я приду къ нему, онъ, исхудалый, больной (съ нимъ сдѣлалось тогда воспаленіе въ легкихъ и чуть не унесло его въ могилу) тотчасъ встанетъ съ дивана и едва слышнымъ голосомъ, безпрестанно кашляя, съ пульсомъ, бившимъ сто разъ въ минуту, съ неровнымъ румянцемъ на щекахъ, начнетъ прерванную наканунѣ бесѣду. Искренность его дѣйствовала на меня, его огонь сообщался и мнѣ, важность предмета меня увлекала; но, поговоривъ часа два, три, я ослабѣвалъ, легкомысліе молодости брало свое, мнѣ хотѣлось отдохнуть, я думалъ о прогулкѣ, объ обѣдѣ, сама жена Бѣлинскаго умоляла, и мужа, и меня, хотя немножко погодить, хотя на время прервать эти пренія, напоминала ему предписаніе врача... но съ Бѣлинскимъ сладить было нелегко. — «Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога, сказалъ онъ мнѣ однажды съ горькимъ упрекомъ, а вы хотите ѣсть!»... Сознаюсь, что написавъ эти слова, я чуть не вычеркнулъ ихъ при мысли, что онѣ могутъ возбудить улыбку на лицахъ иныхъ изъ моихъ читателей... Но не пришло бы въ голову смѣяться тому, кто самъ бы слышалъ, какъ Бѣлинскій произнесъ эти слова, и если, при воспоминаніи объ *этой* правдивости, объ *этой* небоязни смѣшного, улыбка можетъ придти на уста, то развѣ улыбка умиленія и удивленія...

Лишь добившись удовлетворившаго его въ то время резуль-

молодымъ философамъ, что Гегель *не все существующее признаетъ за дѣйствительное*—много бы умственной работы и томительныхъ преній было сбережено; они увидали бы, что эта знаменитая формула, какъ и многія другія, есть простая тавтологія и въ сущности значитъ только то, что opium facit dormire, quare est in eo virtus dormitiva»; т. е. опіумъ заставляетъ спать, по той причинѣ, что въ немъ есть снотворная сила (Мольеръ).

[1]) «Добрый человѣкъ и въ неясномъ своемъ стремленіи всегда имѣетъ сознаніе прямого пути».

Digitized by Google

тата, Бѣлинскій успокоился, и отложивъ размышленія о тѣхъ капитальныхъ вопросахъ, возвратился къ ежедневнымъ трудамъ и занятіямъ. Со мной онъ говорилъ особенно охотно потому, что я недавно вернулся изъ Берлина, гдѣ въ теченіи двухъ семестровъ занимался Гегелевской философіей и былъ въ состояніи передать ему самые свѣжіе, послѣдніе выводы. Мы еще вѣрили тогда въ дѣйствительность и важность философическихъ и метафизическихъ выводовъ, хотя ни онъ, ни я, мы нисколько не были философами и не обладали способностью мыслить отвлеченно, чисто, на нѣмецкій манеръ... Впрочемъ, мы тогда въ философіи искали всего на свѣтѣ, кромѣ чистаго мышленія.

VI.

Свѣдѣнія Бѣлинскаго были не обширны; онъ зналъ мало и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ отсутствіи трудолюбія, въ лѣни даже враги не обвиняли его; но бѣдность, окружавшая его съизмала, плохое воспитаніе, несчастныя обстоятельства, раннія болѣзни, а потомъ необходимость спѣшной работы изъ-за куска хлѣба, все это вмѣстѣ взятое помѣшало Бѣлинскому пріобрѣсти правильныя познанія, хотя, напр., русскую литературу, ея исторію, онъ изучилъ основательно. Но скажу болѣе: именно это недостаточное знаніе является въ этомъ случаѣ характеристическимъ признакомъ, почти необходимостью. Бѣлинскій былъ тѣмъ, что я позволю себѣ назвать *центральной натурой;* онъ всѣмъ существомъ своимъ стоялъ близко къ сердцевинѣ своего народа, воплощалъ его вполнѣ и съ хорошихъ, и съ дурныхъ его сторонъ. Ученый человѣкъ, не говорю: «образованный»—это другой вопросъ, но ученый человѣкъ, именно въ силу своей учености, не могъ бы быть въ сороковыхъ годахъ такой русской центральной натурой; онъ не вполнѣ соотвѣтствовалъ бы той средѣ, на которую пришлось бы ему дѣйствовать; у него и у ней были бы различные интересы; гармоніи бы не было, и вѣроятно не было бы обоюднаго пониманія. Вожди своихъ современниковъ въ дѣлѣ критики общественной, эстетической, въ дѣлѣ критическаго самосознанія (мнѣ кажется, что мое замѣчаніе имѣетъ примѣненіе общее, но на этотъ разъ я ограничусь одною *этой* стороной) вожди современниковъ, говорю я, должны конечно стоять выше ихъ, обладать болѣе нормально устроенной головою, болѣе яснымъ взглядомъ, бо́льшей твердостью характера; но между этими вождями и ихъ послѣдователями не должно быть бездны. Одно слово: послѣдователь уже предполагаетъ возможность шествія по одному

Digitized by Google

направленію, тѣсной связи. Вождь можетъ возбуждать негодованіе, досаду въ тѣхъ, которыхъ онъ тревожитъ, поднимаетъ съ мѣста, двигаетъ впередъ; проклинать они его могутъ, но понимать они должны его всегда. Онъ долженъ стоять выше ихъ, да, но и близко къ нимъ; онъ долженъ участвовать не въ однихъ ихъ качествахъ и свойствахъ, но и въ недостаткахъ ихъ: онъ тѣмъ самымъ глубже и больнѣе чувствуетъ эти недостатки. Сенковскій былъ не въ примѣръ ученѣе, не говорю уже Бѣлинскаго, но и бо̀льшей части своихъ русскихъ современниковъ; а какой слѣдъ оставилъ онъ? Мнѣ скажутъ, что его дѣятельность была безплодна и вредна не потому, что онъ былъ ученый, а потому, что у него не было убѣжденій, что онъ былъ намъ чужой, не понималъ насъ, не сочувствовалъ намъ; противъ этого я спорить не стану, но мнѣ кажется, что самый его скептицизмъ, его вычурность и гадливость, его презрительное глумленіе, педантство, холодъ, всѣ его особенности отчасти происходили отъ того, что у него, какъ у человѣка ученаго, спеціалиста, и цѣли и симпатіи были другія, чѣмъ у массы общества. Сенковскій былъ не только ученъ, онъ былъ остроуменъ, игривъ, блестящъ; молодые чиновники и офицеры восхищались имъ, особенно въ провинціи; но не того было нужно массѣ читателей; а того, что̀ было нужно: критическаго и общественнаго чутья, вкуса, пониманія насущныхъ потребностей эпохи и, главное, жара, любви къ меньшей, невѣжественной братіи у него и слѣда не замѣчалось. Онъ забавлялъ своихъ читателей, втайнѣ презирая ихъ, какъ неучей; и они забавлялись имъ и на грошъ ему не вѣрили. Смѣю надѣяться, что мнѣ не станутъ приписывать желанія защищать и какъ бы рекомендовать невѣжество: я указываю только на физіологическій фактъ въ развитіи нашего сознанія. Понятно, что какой-нибудь Лессингъ, для того, чтобы стать вождемъ *своего* поколѣнія, полнымъ представителемъ *своей* народности, долженъ былъ быть человѣкомъ почти всеобъемлющей учености; въ немъ отражалась, въ немъ находила свой голосъ, свою мысль Германія: онъ былъ *германской центральной натурой*. Но Бѣлинскій, который до нѣкоторой степени заслуживаетъ названіе русскаго Лессинга, Бѣлинскій, значеніе котораго, по смыслу и вліянію своему, дѣйствительно напоминаетъ значеніе великаго германскаго критика, могъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, и безъ большого запаса научныхъ познаній. Онъ смѣшивалъ старшаго Питта (лорда Чатама) съ его сыномъ, В. Питтомъ — что̀ за бѣда! «Мы всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь»... Для того, что̀ ему предстояло исполнить, онъ зналъ довольно. Откуда онъ бы взялъ тотъ жаръ и ту страсть, съ кото-

Digitized by Google

рыми онъ постоянно и всюду ратовалъ за просвѣщеніе, еслибъ онъ на самомъ себѣ не испыталъ всю горечь невѣжества? Нѣмецъ старается исправить недостатки своего народа, убѣдившись размышленіемъ въ ихъ вредѣ; русскій еще долго будетъ самъ болѣть ими.

VII.

Бѣлинскій, безспорно, обладалъ главными качествами великаго критика; и если въ дѣлѣ науки, знанія, ему приходилось заимствоваться отъ товарищей, принимать ихъ слова на вѣру — въ дѣлѣ критики ему не у кого было спрашиваться; напротивъ, другіе слушались его; починъ оставался постоянно за нимъ. Эстетическое чутьё было въ немъ почти непогрѣшительно; взглядъ его проникалъ глубоко и никогда не становился туманнымъ. Бѣлинскій не обманывался внѣшностью, обстановкой — не подчинялся никакимъ вліяніямъ и вѣяніямъ; онъ сразу узнавалъ прекрасное и безобразное, истинное и ложное, и съ безтрепетной смѣлостью высказывалъ свой приговоръ — высказывалъ его вполнѣ, безъ урѣзокъ, горячо и сильно, со всей стремительной увѣренностью убѣжденія. Кто бывалъ свидѣтелемъ критическихъ ошибокъ, въ которыя впадали даже замѣчательные умы — (стоитъ вспомнить хоть Пушкина, который въ «Марѳѣ Посадницѣ» г-на Погодина видѣлъ «что-то шекспировское!») тотъ не могъ не почувствовать уваженія передъ мѣткимъ сужденіемъ, вѣрнымъ вкусомъ и *инстинктомъ* Бѣлинскаго, передъ его умѣньемъ «читать между строками». Не говорю уже о статьяхъ, въ которыхъ онъ отводилъ подобающее имъ мѣсто прежнимъ дѣятелямъ нашей словесности; не говорю также и о тѣхъ статьяхъ, которыми опредѣлялось значеніе писателей еще живыхъ, подводился итогъ ихъ дѣятельности, итогъ принятый и скрѣпленный, какъ уже сказано выше, потомствомъ [1]); но при появленіи новаго дарованія, новаго романа, стихотворенія, повѣсти — никто, ни прежде Бѣлинскаго, ни лучше его, не произносилъ правильной оцѣнки, настоящаго, рѣшающаго слова. Лермонтовъ, Гоголь, Гончаровъ — не онъ ли первый указалъ на нихъ, разъяснилъ ихъ значеніе? И сколько другихъ! Безъ невольнаго удивленія передъ критической діагнозой Бѣлинскаго, нельзя прочесть, между прочимъ, ту небольшую выноску, сдѣланную имъ въ одномъ изъ своихъ годичныхъ обозрѣній, въ которой онъ, по одной пѣсни о купцѣ Калашниковѣ,

[1]) См. статьи его о Марлинскомъ, Баратынскомъ, Загоскинѣ и т. п.

Digitized by Google

появившейся безъ подписи въ «Литературной Газетѣ», предрекалъ великую будущность автора. Подобныя черты встрѣчаются безпрестанно у Бѣлинскаго. Приведу одинъ примѣръ. Въ 1846 году, въ «Отечественныхъ Запискахъ» появилась повѣсть г-на Григоровича подъ заглавіемъ: «Деревня», по времени *первая* попытка сближенія нашей литературы съ народной жизнью, первая изъ нашихъ «деревенскихъ исторій»—Dorfgeschichten. Написана она была языкомъ нѣсколько изысканнымъ — не безъ сантиментальности; но стремленіе къ реальному воспроизведенію крестьянскаго быта — было несомнѣнно. Покойный И. И. Панаевъ, человѣкъ добродушный, но крайне легкомысленный и способный схватывать одни лишь верхи верхушекъ, уцѣпился за нѣкоторыя смѣшныя выраженія «Деревни», и обрадовавшись случаю поглумиться, сталъ поднимать на смѣхъ всю повѣсть, даже читалъ въ пріятельскихъ домахъ нѣкоторыя, по его мнѣнію, самыя забавныя страницы. Но каково же было его изумленіе, каково недоумѣніе хохотавшихъ пріятелей, когда Бѣлинскій, прочтя повѣсть г-на Григоровича, не только нашелъ ее весьма замѣчательной, но немедленно опредѣлилъ ея значеніе и предсказалъ то движеніе, тотъ поворотъ, которые вскорѣ потомъ произошли въ нашей словесности? Панаеву оставалось одно: продолжать читать отрывки изъ «Деревни», но уже восхищаясь ими — что онъ и сдѣлалъ.

Не могу на этомъ мѣстѣ не упомянуть кстати о мистификаціи, которой въ то время неоднократно подвергался одинъ издатель толстаго журнала, столь же одаренный практическими талантами, сколь обиженный природою на счетъ эстетическихъ способностей. Ему, напр., кто-нибудь изъ кружка Бѣлинскаго приносилъ новое стихотвореніе и принимался читать, не предваривъ своей жертвы ни однимъ словомъ, въ чемъ состояла суть стихотворенія и почему оно удостоивалось прочтенія. Тонъ сперва пускался въ ходъ ироническій; издатель, заключавшій изъ этого тона, что ему хотятъ представить образчикъ безвкусія или нелѣпости, начиналъ посмѣиваться, пожимать плечами; тогда чтецъ переводилъ понемногу тонъ изъ ироническаго въ серьезный, важный, восторженный; издатель, полагая, что онъ ошибся, не такъ понялъ, начиналъ одобрительно мычать, качать головою, иногда даже произносилъ: «недурно! хорошо!» Тогда чтецъ снова прибѣгалъ къ ироническимъ нотамъ и снова увлекалъ за собою слушателя, возвращался къ восторженному настроенію — и тотъ опять похваливалъ... Если стихотвореніе попадалось длинное, подобныя варіаціи, напоминающія игру въ головки изъ каучука, то и дѣло мѣняющія свое выраженіе подъ давленіемъ пальцевъ,

Digitized by Google

можно было совершить нѣсколько разъ. Кончалось тѣмъ, что несчастный издатель приходилъ въ совершенный тупикъ и уже не изображалъ на своемъ, впрочемъ весьма выразительномъ лицѣ ни сочувственнаго одобренія, ни сочувственнаго порицанія. У Бѣлинскаго нервы не были довольно крѣпки, самъ онъ не предавался подобнымъ упражненіямъ; да и правдивость его была слишкомъ велика — онъ не могъ измѣнить ей даже ради шутки, но смѣялся онъ до слезъ, когда ему сообщали подробности мистификаціи.

VIII.

Другое замѣчательное качество Бѣлинскаго, какъ критика, было его пониманіе того, что̀ именно стоитъ на очереди, что̀ требуетъ немедленнаго разрѣшенія, въ чемъ сказывается «злоба дня». Не въ пору гость хуже татарина, гласитъ пословица; не въ пору возвѣщенная истина хуже лжи, не въ пору поднятый вопросъ только путаетъ и мѣшаетъ. Бѣлинскій никогда бы не позволилъ себѣ той ошибки, въ которую впалъ даровитый Добролюбовъ; онъ не сталъ бы, напр., съ ожесточеніемъ бранить Кавура [1]), Пальмерстона, вообще парламентаризмъ, какъ неполную и потому невѣрную форму правленія. Даже, допустивъ справедливость упрековъ, заслуженныхъ Кавуромъ, онъ бы понялъ всю несвоевременность (у насъ, въ Россіи, въ 1862 году)—подобныхъ нападеній; онъ бы понялъ, какой партіи онѣ должны были оказать услугу, кто бы порадовался имъ! Бѣлинскій очень хорошо сознавалъ, что при обстановкѣ, среди которой онъ дѣйствовалъ, ему не слѣдовало выходить изъ круга чисто-литературной критики. Во-первыхъ, при тогдашнихъ оффиціальныхъ, житейскихъ, цензурныхъ условіяхъ иначе дѣйствовать было слишкомъ затруднительно; уже и такъ онъ едва могъ устоять противъ бури угрозъ и доносовъ, которую возбудило его отрицаніе нашихъ псевдо-классическихъ авторитетовъ; а во-вторыхъ, онъ очень ясно видѣлъ и понималъ, что въ развитіи каждаго народа литературная эпоха предшествуетъ другимъ; что не переживъ и не преодолѣвъ ея, нельзя двигаться впередъ, что̀ критика, въ смыслѣ отрицанія фальши и лжи, должна сперва подвергнуть анализу явленія литературныя — и что именно въ этомъ

[1]) Пишущій эти строки своими ушами слышалъ, какъ одинъ молодой почитатель Добролюбова, за карточнымъ столомъ, желая упрекнуть своего партнера въ сдѣланной имъ грубой ошибкѣ, воскликнулъ: «Ну братъ, какой же ты Кавуръ»! Признаюсь, мнѣ стало грустно: не за Кавура, разумѣется!

Digitized by Google

и состояло его собственное призваніе. Его политическія, соціальныя убѣжденія были очень сильны и опредѣлительно рѣзки; но онѣ оставались въ сферѣ инстинктивныхъ симпатій и антипатій. Повторяю: Бѣлинскій зналъ, что нечего было думать примѣнять ихъ, проводить ихъ въ дѣйствительность; да еслибъ оно и стало возможнымъ—въ немъ самомъ не было ни достаточной подготовки, ни даже потребнаго на то темперамента, онъ и это зналъ — и, съ свойственнымъ ему практическимъ пониманіемъ своей роли, самъ ограничилъ кругъ своей дѣятельности, сжалъ ее въ извѣстные предѣлы. За то, какъ *литературный* критикъ, онъ былъ именно тѣмъ, что́ англичане называютъ— «the right man in the right place», «настоящимъ человѣкомъ на настоящемъ мѣстѣ», чего нельзя сказать объ его преемникахъ. Правда и то, что задача ихъ была труднѣе и сложнѣе. Незадолго до смерти, Бѣлинскій начиналъ чувствовать, что наступало время сдѣлать новый шагъ, выдти изъ того тѣснаго круга; политико-экономическіе вопросы должны были смѣнить вопросы эстетическіе, литературные, но самъ онъ себя уже устранялъ и указывалъ на другое лицо, въ которомъ видѣлъ своего преемника—на В. Н. Майкова, брата поэта; къ сожалѣнію, этотъ талантливый молодой человѣкъ погибъ въ самомъ началѣ своего поприща и точно такой же смертью, какой погибъ недавно другой многообѣщавшій юноша, Д. И. Писаревъ.

Имя Писарева напоминаетъ мнѣ слѣдующее: Весной 1867 года, во время моего проѣзда черезъ Петербургъ, онъ сдѣлалъ мнѣ честь—посѣтилъ меня. Я до тѣхъ поръ съ нимъ не встрѣчался, но читалъ его статьи съ интересомъ, хотя со многими положеніями въ нихъ, вообще съ ихъ направленіемъ, согласиться не могъ. Особенно возмутили меня его статьи о Пушкинѣ. Въ теченіи разговора, я откровенно высказался передъ нимъ. Писаревъ съ перваго взгляда производилъ впечатлѣніе человѣка честнаго и умнаго, которому не только можно, но и должно говорить правду. — «Вы — началъ я—втоптали въ грязь, между прочимъ, одно изъ самыхъ трогательныхъ стихотвореній Пушкина (обращеніе его къ послѣднему лицейскому товарищу, долженствующему остаться въ живыхъ: «Несчастный другъ» и т. д.). Вы увѣряете, что поэтъ совѣтуетъ своему пріятелю просто взять да съ горя нализаться. Эстетическое чувство въ васъ слишкомъ живо: вы не могли сказать это серьезно — вы это сказали *нарочно*, съ цѣлью. Посмотримъ, оправдываетъ ли васъ эта цѣль. Я понимаю преувеличеніе, я допускаю каррикатуру, — но преувеличеніе истины, каррикатуру въ дѣльномъ смыслѣ, въ настоящемъ направленіи. Еслибъ у насъ молодые люди теперь только

Digitized by Google

и дѣлали, что стихи писали, какъ въ блаженную эпоху альманаховъ, я бы понялъ, я бы, пожалуй, даже оправдалъ вашъ любимый укоръ, вашу насмѣшку; я бы подумалъ: несправедливо, но полезно! А то, помилуйте, въ кого вы стрѣляете? ужъ точно по воробьямъ изъ пушки! Всего-то у насъ осталось три-четыре человѣка, старички пятидесяти лѣтъ и свыше, которые еще упражняются въ сочиненіи стиховъ;—стоитъ ли яриться противъ нихъ? Какъ будто нѣтъ тысячи другихъ, животрепещущихъ вопросовъ, на которые вы, какъ журналистъ, *обязанный* прежде всѣхъ ощущать, чуять насущное, нужное, безотлагательное—*должны* обратить вниманіе публики? Походъ на стихотворцевъ въ 1866 году! Да это антикварская выходка, архаизмъ! Бѣлинскій — тотъ никогда бы не впалъ въ такой просакъ!» Не знаю, что подумалъ Писаревъ, но онъ ничего не отвѣчалъ мнѣ. Вѣроятно, онъ не согласился со мною.

Само собою разумѣется, что пониманіе Бѣлинскимъ своего времени, своего назначенія, не мѣшало его задушевнымъ убѣжденіямъ сквозить въ каждомъ словѣ его статей, тѣмъ болѣе, что его отрицательная дѣятельность на поприщѣ критики какъ нельзя лучше соотвѣтствовала той роли, которую онъ бы навѣрное выбралъ въ политическо-развитомъ обществѣ. Что онъ чувствовалъ и что онъ думалъ, про то вѣдалъ онъ одинъ, вѣдали и нѣкоторые изъ его друзей; но что онъ дѣлалъ, что онъ печаталъ—неуклонно и строго держалось литературной почвы и двигалось исключительно на ней. Только въ извѣстномъ одномъ письмѣ эта страсть, которую онъ—

«...во тьмѣ ночной,
Вскормилъ слезами и тоской»,

прорвалась наружу—какъ тотъ огонь, о которомъ говоритъ Лермонтовъ.

IX.

Я прошу у читателя позволенія привести на этомъ мѣстѣ отрывокъ изъ лекцій о Пушкинѣ, прочтенной мною въ 1859 г. передъ немногочисленнымъ обществомъ. Стараясь изобразить характеръ эпохи 30-хъ, 40-хъ годовъ, я долженъ былъ упомянуть о гоголевской сатирѣ, о лермонтовскомъ протестѣ, а потомъ и о значеніи критики Бѣлинскаго. Одно упоминовеніе этого имени возбудило негодованіе бо́льшей части моихъ слушателей. Вотъ этотъ отрывокъ. (Мнѣ придется начать нѣсколько издалека; но это неизбѣжно.)

Digitized by Google

«А между тѣмъ, какъ нашъ великій художникъ (Пушкинъ), отвернувшись отъ толпы и приблизившись, насколько могъ, къ народу, обдумывалъ свои завѣтныя творенія, пока по душѣ его проходили тѣ образы, изученіе которыхъ невольно зарождаетъ въ насъ мысль, что онъ одинъ могъ бы подарить насъ и народной драмой, и народной эпопеей — въ нашемъ обществѣ, въ нашей литературѣ совершались, если не великія, то знаменательныя событія. Подъ вліяніемъ особенныхъ случайностей, особенныхъ обстоятельствъ тогдашней жизни Европы (съ 1830 по 1840 годъ), у насъ понемногу сложилось убѣжденіе, конечно справедливое, но въ ту эпоху едва ли не рановременное: убѣжденіе въ томъ, что мы не только великій народъ, но что мы—великое, вполнѣ овладѣвшее собою, незыблемо-твердое государство, и что художеству, что поэзіи предстоитъ быть достойными провозвѣстниками этого величія и этой силы. Одновременно съ распространеніемъ этого убѣжденія, и, быть можетъ, вызванная имъ, явилась цѣлая фаланга людей, безспорно даровитыхъ, но на даровитости которыхъ лежалъ общій отпечатокъ риторики, внѣшности, соотвѣтствующей той великой, но чисто-внѣшней силѣ, которой они служили отголоскомъ. Люди эти явились и въ поэзіи, и въ живописи, и въ журналистикѣ, и даже на театральной сценѣ. Нужно ли называть ихъ имена? Онѣ въ памяти у каждаго—и стоитъ только вспомнить, кому рукоплескали, кого привѣтствовали въ то время, когда вокругъ умолкнувшаго Пушкина водворялась тишина [1]). Это вторженіе въ общественную жизнь того, что мы рѣшились бы назвать *ложно-величавой школой* — продолжалось не долго, хотя отраженія ея въ сферахъ, менѣе подвергнутыхъ анализу критики, чѣмъ собственно-литературная, художественная сфера, не прекратилось до сихъ поръ. Оно продолжалось не долго — но что было шума и грома! Какъ широко разлилась тогда эта школа! Нѣкоторые изъ ея дѣятелей сами добродушно признавали себя за геніевъ. Совсѣмъ тѣмъ, что-то не истинное, что-то мертвенное чувствовалось въ ней даже въ минуты ея кажущагося торжества—и ни одного живого, самобытнаго ума она себѣ не покорила безвозвратно. Произведенія этой школы, проникнутыя самоувѣренностью, доходившей до самохвальства, посвященныя возвеличенію Россіи—въ самой сущности не имѣли ничего русскаго: это были какія-то пространныя декораціи, хлопотливо и небрежно

[1]) Эти имена, которыя я тогда не рѣшился назвать, вѣроятно, приходятъ теперь на уста каждаго читателя—имена Марлинскаго, Кукольника, Загоскина, Бенедиктова, Брюлова, Каратыгина и др.

Digitized by Google

воздвигнутыя патріотами, незнавшими своей родины. Все это гремѣло, кичилось, все это считало себя достойнымъ украшеніемъ великаго государства и великаго народа, — а часъ паденія приближался. Но не послѣднія, глубоко-художественныя произведенія Пушкина были причиною этого паденія. Если бы даже онѣ явились при его жизни — мы сомнѣваемся, оцѣнила ли бы ихъ тогда оглушенная, сбитая съ толку публика. Онѣ не могли служить полемическимъ цѣлямъ; онѣ могли одержать и онѣ одержали побѣду своей собственной красотой, сопоставленіемъ этой красоты и силы съ безобразіемъ и слабостью того ложно-величаваго призрака; но въ первое время, именно для того, чтобы разоблачить этотъ призракъ во всей его пустотѣ, нужны были другія орудія, другія, болѣе пронзительныя силы — силы байроническаго лиризма, который уже являлся у насъ однажды, но поверхностно и не серьезно, силы критики, юмора. И онѣ не замедлили явиться. Въ сферѣ художества заговорилъ Гоголь, за нимъ Лермонтовъ; въ сферѣ критики, мысли — Бѣлинскій.

«....Въ прошлой бесѣдѣ съ вами мы говорили о томъ значеніи, которое будущій историкъ нашей литературы придастъ появленію Пушкина; но, безъ сомнѣнія, обратитъ на себя вниманіе нашихъ Маколеевъ (если только намъ суждено имѣть Маколеевъ) и та минута, когда передъ раздувшимся и раздутымъ, какъ бы оффиціальнымъ, великаномъ предстали — съ одной стороны гусарскій офицеръ, свѣтскій левъ, изъ устъ котораго общество услыхало впервые невѣдомый ему прежде, безпощадный укоръ [1]), да темный малороссійскій учитель съ своей грозной комедіей, на челѣ которой стояло эпиграфомъ: «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива»; — а съ другой стороны, такой же темный, недоучившійся студентъ, дерзнувшій провозгласить, что у насъ еще не было литературы, что Ломоносовъ не былъ поэтомъ, что не только Херасковъ и Петровъ, но и Державинъ и Дмитріевъ не могутъ намъ служить образцами, что и новѣйшіе великіе люди ничего не сдѣлали. Подъ совокупными усиліями этихъ трехъ, едва ли знакомыхъ другъ другу дѣятелей, рухнула не только та литературная школа, которую мы назвали ложно-величавою — но и многое другое, устарѣлое и недостойное, обратилось въ развалины. Побѣда была рѣшена скоро. Въ то же время умалилось и поблекло вліяніе самого Пушкина,

---

[1]) Прошу позволенія привести слова одной тогдашней великосвѣтской барыни, встрѣтившей меня слѣдующимъ восклицаніемъ: Avez-vous lu la «Donna?» Qui pouvait s'attendre à cela de la part de Lermontoff! Lui qui venait de dire: «Я Матерь Божія ликомъ съ молитвой! C'est affreux!»

Digitized by Google

того Пушкина, имя котораго такъ было дорого самимъ новоприводителямъ, которое они окружали такою полною любовью. Идеалъ, которому они служили—сознательно или безсознательно (Гоголь, какъ извѣстно, до конца отъ него отчурался и отнѣкивался)—идеалъ этотъ не могъ ужиться съ пушкинскимъ идеаломъ, на зло имъ самимъ. Сила вещей сильнѣе всякой отдѣльной, личной силы — такъ же, какъ общее въ насъ сильнѣе нашихъ собственныхъ наклонностей. Время чистой поэзіи прошло такъ же, какъ и время ложно-величавой фразы; наступило время критики, полемики, сатиры. Вмѣсто слова: «наступило»—мы бы могли, вспомнивъ фонъ-Визина, Новикова, употребить слово: возвращалось. Подобные «возвратные» обороты бѣгущаго впередъ историческаго колеса извѣстны всѣмъ наблюдателямъ жизни народовъ. Общество, пораженное внезапнымъ сознаніемъ собственныхъ недостатковъ, предчувствуя другія, еще болѣе горькія разочарованія въ будущемъ—которыя и сбылись [1]) — съ жадностью обратило слухъ свой къ новымъ голосамъ и принимало только то, что отвѣчало его новымъ потребностямъ. «Торквато Тассо» Кукольника, «Рука Всевышняго» — исчезли, какъ мыльные пузыри; но и «Мѣднымъ Всадникомъ» нельзя было любоваться въ одно время съ «Шинелью».

Здѣсь слѣдовала довольно подробная характеристика Гоголя и Лермонтова, оканчивавшаяся слѣдующими словами:

«Сила независимой, критикующей, протестующей личности возстала противъ фальши, противъ пошлости—а на какой ступени общества тогда не царила пошлость?—противъ того ложно-общаго, неправедно-узаконеннаго, что не имѣло разумныхъ правъ на подчиненіе себѣ личности»... И я продолжалъ такъ:

«Мы просимъ теперь у васъ позволенія остановиться на третьей личности, имя которой, мы это знаемъ, не совсѣмъ благозвучно въ вашихъ ушахъ. Мы говоримъ о Бѣлинскомъ. Съ этимъ именемъ сопряжено воспоминаніе о нѣкоторыхъ увлеченіяхъ, но смѣемъ думать, и о великихъ заслугахъ. Слово его живетъ до сихъ поръ, и мы не можемъ допустить, чтобы Россія, именно теперь [2]) съ жадностью его читающая, была совершенно неправа въ своей любви къ нему. Мы упомянули о немъ не потому, что были связаны съ нимъ личными, дружественными отношеніями; мы желаемъ обратить ваше вниманіе на самый принципъ его дѣятельности. Имя этому принципу — идеализмъ: Бѣ-

[1]) Трехъ лѣтъ еще не прошло съ парижскаго мира 1856 года, когда я читалъ эти лекціи.

[2]) Тогда только-что вышли первые томы полнаго изданія его сочиненій.

Digitized by Google

линскій былъ идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Въ немъ жили преданія того московскаго кружка, который существовалъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, и слѣды котораго такъ замѣтны еще донынѣ. Этотъ кружокъ, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ германской философской мысли (замѣчательна постоянная связь между этой мыслью и Москвою), заслуживаетъ особаго историка. Вотъ откуда Бѣлинскій вынесъ тѣ убѣжденія, которыя не покидали его до самой смерти — тотъ идеалъ, которому онъ служилъ. Во имя этого идеала провозглашалъ Бѣлинскій художественное значеніе Пушкина и указывалъ на недостатокъ въ немъ гражданскихъ началъ; во имя этого идеала привѣтствовалъ онъ и лермонтовскій протестъ и гоголевскую сатиру; во имя этого же идеала сокрушалъ онъ старые авторитеты, наши такъ-называемыя славы, на которыя онъ нигдѣ не имѣлъ ни возможности, ни охоты взглянуть съ исторической точки зрѣнія»....

X.

Быть можетъ, нѣкоторые читатели удивятся слову: «идеалистъ», которымъ я почелъ за нужное охарактеризовать Бѣлинскаго. На это я замѣчу, что, во-первыхъ, въ 59-мъ году не было возможности называть многія вещи настоящими ихъ именами; а во-вторыхъ, мнѣ — признаюсь въ томъ — доставило не малое удовольствіе объявить Бѣлинскаго «идеалистомъ» передъ сборищемъ людей, которымъ имя его представлялось неразрывно связаннымъ съ понятіемъ о циникѣ, грубомъ матеріалистѣ, и т. п. Къ тому же и самое названіе шло къ нему. Бѣлинскій былъ настолько же идеалистъ, насколько отрицатель; онъ отрицалъ во имя идеала. Этотъ идеалъ былъ свойства весьма опредѣленнаго и однороднаго, хотя именовался и именуется доселѣ различно: наукой, прогрессомъ, гуманностью, цивилизаціей — Западомъ, наконецъ. Люди благонамѣренные, но недоброжелательные, употребляютъ даже слово: революція. Дѣло не въ имени, а въ сущности, которая до того ясна и несомнѣнна, что и распространяться о ней не стоитъ: недоразумѣнія тутъ немыслимы. Бѣлинскій посвятилъ всего себя служенію этого идеала; всѣми своими симпатіями, всей своей дѣятельностью принадлежалъ онъ къ лагерю «западниковъ», какъ ихъ прозвали ихъ противники. Онъ былъ западникомъ не потому только, что признавалъ превосходство западной науки, западнаго искусства, западнаго общественнаго строя; но и потому, что былъ глубоко убѣжденъ въ необходимости воспріятія Россіей всего выработаннаго Запа-

Digitized by Google

домъ для развитія собственныхъ ея силъ, собственнаго ея значенія. Онъ вѣрилъ, что намъ нѣтъ другого спасенія, какъ идти по пути, указанному намъ Петромъ Великимъ, на котораго славянофилы бросали тогда свои отборнѣйшіе перуны [1]). Принимать результаты западной жизни, примѣнять ихъ къ нашей, сообразуясь съ особенностями породы, исторіи, климата — впрочемъ, относиться и къ нимъ свободно, критически — вотъ какимъ образомъ могли мы, по его понятію, достигнуть наконецъ самобытности, которою онъ дорожилъ гораздо болѣе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Бѣлинскій былъ вполнѣ русскій человѣкъ, даже патріотъ — разумѣется не на ладъ М. Н. Загоскина; благо родины, ея величіе, ея слава возбуждали въ его сердцѣ глубокіе и сильные отзывы. Да, Бѣлинскій любилъ Россію; но онъ также пламенно любилъ просвѣщеніе и свободу: соединить въ одно эти высшіе для него интересы — вотъ въ чемъ состоялъ весь смыслъ его дѣятельности, вотъ къ чему онъ стремился. Увѣрять, что онъ изъ одного раболѣпнаго и неосмысленнаго смиренія недоучки преклонялся предъ Западомъ — значило не знать его вовсе; къ тому же, не смиреніемъ грѣшатъ обыкновенно недоучки. Бѣлинскій еще потому благоговѣлъ передъ памятью Петра Великаго, и не обинуясь, признавалъ его нашимъ спасителемъ, что уже при Алексѣѣ Михайловичѣ, онъ въ нашемъ старомъ общественномъ и гражданскомъ строѣ находилъ несомнѣнные признаки разложенія — и слѣдовательно, не могъ вѣрить въ правильное и нормальное развитіе нашего организма, подобное тому, какимъ оно является на Западѣ. Дѣло Петра Великаго было, точно, насиліемъ, было тѣмъ, что въ новѣйшее время получило названіе: coup d'état; но только по милости цѣлаго ряда этихъ насильственныхъ, свыше исходящихъ мѣръ были мы втолкнуты въ семью европейскихъ народовъ. Необходимость подобныхъ реформъ еще донынѣ не прекратилась. Въ подтвержденіе этого мнѣнія можно было бы привести самые недавніе примѣры. Какое мѣсто мы уже заняли въ той семьѣ — это покажетъ исторія; но несомнѣнно то, что мы шли до сихъ поръ, и *должны* были идти (съ чѣмъ господа славянофилы конечно не согласятся), должны были идти другими путями, чѣмъ болѣе или менѣе органически развивавшіеся западные народы.

---

[1]) Бѣлинскій часто читалъ между друзьями стихотворенія Льва Пушкина, брата поэта, и съ особеннымъ чувствомъ произносилъ стихи, въ которыхъ преобразователь представленъ былъ влачащимъ —

«Рядъ изумленныхъ поколѣній
«Рукой могучей за собой».

Digitized by Google

А что западническія убѣжденія Бѣлинскаго ни на волосъ не ослабили въ немъ его пониманія, его чутья всего русскаго, не измѣнили той русской струи, которая била во всемъ его существѣ—тому доказательствомъ служитъ каждая его статья [1]). Да, онъ чувствовалъ русскую суть какъ никто. Не признавая нашихъ лже-классиковъ, лже-народныхъ авторитетовъ, ниспровергая ихъ—онъ въ тоже время тоньше всѣхъ и вѣрнѣе всѣхъ умѣлъ оцѣнить и дать уразумѣть другимъ то, что было дѣйствительно самобытнаго, оригинальнаго въ произведеніяхъ нашей литературы. Ни у кого ухо не было болѣе чутко; никто не ощущалъ болѣе живо гармонію и красоту нашего языка; поэтическій эпитетъ, изящный оборотъ рѣчи поражали его мгновенно и слушать его простое, нѣсколько однообразное, но горячее и правдивое чтеніе какого-нибудь Пушкинскаго стихотворенія или Лермонтовскаго «Мцыри» было истиннымъ наслажденіемъ. Прозу, особенно любимаго своего Гоголя, онъ читалъ хуже; да и голосъ его скоро ослабѣвалъ.

XI.

Еще одно замѣчательное качество Бѣлинскаго, какъ критика, состояло въ томъ, что онъ былъ всегда, какъ говорятъ англичане «in earnest»; онъ не шутилъ ни съ предметомъ своихъ разысканій, ни съ читателемъ, ни съ самимъ собою; а позднѣйшее, столь распространенное глумленіе онъ бы отвергнулъ какъ недостойное легкомысліе или трусость. Извѣстно, что глумящійся человѣкъ часто самъ хорошенько не даетъ себѣ отчета, надъ чѣмъ онъ трунитъ и иронизируетъ; во всякомъ случаѣ, онъ можетъ воспользоваться этими ширмочками, чтобы скрыть за ними шаткость и неясность собственныхъ убѣжденій. Человѣкъ свиститъ, хохочетъ.... Поди, угадывай, разумѣй его рѣчь, куда онъ ее гнетъ? Быть можетъ, онъ смѣется надъ тѣмъ, что точно достойно смѣха, а быть можетъ и надъ собственнымъ смѣхомъ «зубы скалитъ». Мнѣ скажутъ, что бываютъ времена, когда можно только намекать на истину, и что смѣющимся устамъ легче высказывать ее... Да развѣ Бѣлинскій жилъ въ такое время, когда можно было все высказывать на чистоту? И однако же не прибѣгалъ онъ къ глумленію, къ «излюбленному» свистанію, къ зубоскальству. Со-

[1]) См. его статьи о Пушкинѣ, о Гоголѣ, о Кольцовѣ—и особенно его статьи о народныхъ пѣсняхъ и былинахъ. При слабости и скудости тогдашнихъ филологическихъ и археологическихъ данныхъ,—онѣ поражаютъ читателя глубокимъ и живымъ пониманіемъ народнаго духа и народнаго творчества.

Digitized by Google

чувственный смѣхъ, возбуждаемый въ извѣстной части публики тѣмъ «свистаніемъ»—не далеко ушолъ отъ того смѣха, которымъ встрѣчались безнравственныя выходки Сенковскаго... И здѣсь и тамъ выпячивалась та же склонность къ грубой потѣхѣ, къ гаерству, склонность, къ сожалѣнью, свойственная русскому человѣку, и которую не слѣдовало бы поблажать. Хохотъ невѣжества почти такъ же противенъ—такъ же и вреденъ—какъ его злоба. Впрочемъ, Бѣлинскій самъ про себя говорилъ, что онъ шутить не мастеръ, иронія его была очень вѣска и неповоротлива; она тотчасъ становилась сарказмомъ, била не въ бровь, а въ глазъ. И въ разговорѣ, такъ же какъ и съ перомъ въ рукѣ онъ не блисталъ остроуміемъ, не обладалъ тѣмъ, что́ французы называютъ esprit, не ослѣплялъ игрою искусной діалектики; но въ немъ жила та неотразимая мощь, которая дается честной и непреклонной мысли, и выражалась она своеобразно и, въ концѣ концовъ, увлекательно. При совершенномъ отсутствіи того, что́ обыкновенно величаютъ элоквенціей—при явной неспособности и нехотѣ къ «уснащиванію», къ фразѣ—Бѣлинскій былъ однимъ изъ краснорѣчивѣйшихъ русскихъ людей, если принимать слово: «краснорѣчіе» въ смыслѣ силы убѣжденія, той силы, которую, напр., аѳиняне признавали въ Периклѣ, говоря, что каждая рѣчь его оставляла жало въ душѣ каждаго слушателя.

XII.

Бѣлинскій, какъ извѣстно, не былъ поклонникомъ принципа искусства для искусства; — да оно и не могло быть иначе по всему складу его образа мыслей. Помню я, съ какой комической яростью онъ однажды при мнѣ напалъ на — отсутствующаго разумѣется—Пушкина, за его два стиха въ: «Поэтъ и Чернь»—

«Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь!»

— «И конечно—твердилъ Бѣлинскій, сверкая глазами и бѣгая изъ угла въ уголъ; — конечно дороже. — Я не для себя одного, я для своего семейства, я для другого бѣдняка въ немъ пищу варю — и прежде чѣмъ любоваться красотой истукана, — будь онъ распрефидіасовскій Аполлонъ — мое право, моя обязанность накормить своихъ — и себя, на зло всякимъ негодующимъ барчамъ и виршоплётамъ!» — Но Бѣлинскій былъ слишкомъ уменъ—у него было слишкомъ много здраваго смысла, чтобы отрицать искусство, чтобы не понимать не только его важность и значе-

Digitized by Google

ніе, но и самую его естественность, его физіологическую необходимость. Бѣлинскій признавалъ въ искусствѣ одно изъ коренныхъ проявленій человѣческой личности — одинъ изъ законовъ нашей природы, указанныхъ намъ ежедневнымъ опытомъ. Онъ не допускалъ искусства для одного искусства, точно также, какъ бы онъ не допустилъ жизни для одной жизни; не даромъ же онъ былъ идеалистъ. Все должно было служить одному принципу, искусство — также какъ наука, но своимъ, особеннымъ, спеціальнымъ образомъ. Во истину дѣтское и къ тому же не новое, подогрѣтое объясненіе искусства подражаніемъ природѣ, не удостоилось бы отъ него ни возраженія, ни вниманія; а аргументъ о преимуществѣ настоящаго яблока передъ написаннымъ уже потому на него бы не подѣйствовалъ, что этотъ пресловутый аргументъ лишается всякой силы, — какъ только мы возьмемъ человѣка сытаго. Искусство, повторяю, было для Бѣлинскаго такой же узаконенной сферой человѣческой дѣятельности, какъ и наука, какъ общество, какъ государство... Но и отъ искусства, какъ и отъ всего человѣческаго, онъ требовалъ правды, живой, жизненной правды. Самъ онъ, впрочемъ, въ области искусства чувствовалъ себя дома только въ поэзіи, въ литературѣ. Живопись онъ не понималъ, и музыкѣ сочувствовалъ очень слабо. Онъ самъ очень хорошо сознавалъ свой недостатокъ, и ужъ и не совался туда, куда ему заказана была дорога. Статьи Гоголя объ Ивановѣ и Брюловѣ могутъ служить поучительнымъ примѣромъ, до какой уродливой фальши, до какого вычурнаго и лживаго паѳоса можетъ завраться человѣкъ, когда заберется не въ свою сферу. Хоръ чертей въ Робертѣ-Дьяволѣ было единственной мелодіей, затверженной Бѣлинскимъ; въ минуты отличнаго расположенія духа, онъ подвывалъ басомъ этотъ дьявольскій напѣвъ. Пѣніе Рубини потрясало его: но не музыкальное совершенство цѣнилъ онъ въ немъ, а патетическую, стремительную энергію, драматизмъ выраженія. Все драматическое, театральное глубоко проникало въ душу Бѣлинскаго, такъ и зажигало ее. Его статьи о Мочаловѣ, о Щепкинѣ, вообще о театрѣ, дышатъ страстью; надо было видѣть, какое впечатлѣніе производило на него одно воспоминаніе объ игрѣ Мочалова въ Гамлетѣ, о томъ, какъ онъ въ извѣстной сценѣ представленія трагедіи передъ преступнымъ королемъ, произносилъ, задыхаясь отъ восторга и ненависти:

«Оленя ранили стрѣлой...»

Digitized by Google

XIII.

Была одна причина, которая заставляла иногда Бѣлинскаго избѣгать разговоровъ о театрѣ, о драматической литературѣ, особенно съ мало знакомыми людьми: онъ боялся, какъ бы не напомнили ему про его комедію: «Пятидесятилѣтній дядюшка», написанную имъ нѣкогда въ Москвѣ и напечатанную въ «Наблюдателѣ». Комедія эта, точно, весьма слабое произведеніе; она принадлежитъ къ худшему изъ родовъ — къ слезливо-нравственному, сентиментально-добродѣтельному; въ ней выводится великодушный дядюшка, влюбленный въ свою племянницу и приносящій свою любовь въ жертву юному сопернику. Все это изложено пространно, натянутымъ, мертвеннымъ слогомъ... Бѣлинскій не имѣлъ никакого «творческаго» таланта. Эта комедія, да еще статья о Менцелѣ были ахиллесовой пятой Бѣлинскаго, и упомянуть о нихъ при немъ, значило оскорбить, огорчить его. Особенно статью о Менцелѣ онъ себѣ простить не могъ: комедію свою онъ признавалъ эстетической, литературной ошибкой, а въ той статьѣ онъ видѣлъ ошибку — гораздо худшаго свойства. Статью о Менцелѣ онъ написалъ подъ мгновеннымъ вліяніемъ нетерпѣнія, тоскливаго желанія изъ области недосягаемыхъ идеаловъ перейти къ чему-нибудь положительному, реальному, какъ будто то, что́ существовало тогда, могло имѣть реальное значеніе, могло удовлетворить добросовѣстнаго человѣка! Бѣдный Бѣлинскій, конечно, не имѣлъ понятія, что̀ за птица былъ господинъ Менцель — и взялся за это лицо чисто съ апріорической, отвлеченной точки зрѣнія... Въ этомъ случаѣ, недостаточное знаніе фактовъ сыграло съ нимъ злую шутку... Существовала еще статейка о Бородинской годовщинѣ. Я было какъ-то заговорилъ съ нимъ о ней... Онъ зажалъ себѣ уши обѣими руками, и низко наклонясь впередъ и качаясь изъ стороны въ сторону, зашагалъ по комнатѣ. Впрочемъ, онъ поболѣлъ квасным патріотизмомъ недолго. Вообще, лучшія статьи Бѣлинскаго были написаны имъ въ началѣ и передъ концомъ его карьеры; въ серединѣ проскочила полоса, продолжавшаяся года два, въ теченіи которой онъ, начинившись гегелевской философіей и не переваривъ ея, всюду, съ лихорадочнымъ рвеніемъ пичкалъ ея аксіомы, ея извѣстные тэзисы и термины, ея такъ-называемые Schlagwörter. Въ глазахъ рябило отъ множества любимыхъ тогдашнихъ оборотовъ и выраженій [1])! Надо-жъ было и Бѣлинскому

[1]) Совѣтую любопытному читателю, желающему наглядно убѣдиться, до чего могло

Digitized by Google

заплатить дань своему времени! Но эта волна скоро сбѣжала, оставивъ за собою только хорошія сѣмена, и снова явился во всей своей мужественной и безхитростной простотѣ русскій языкъ Бѣлинскаго, славный языкъ, ясный и здравый. Бѣлинскій, можно сказать, импровизировалъ свои статьи; писалъ онъ ихъ въ послѣдніе дни мѣсяца, стоя передъ конторкой, на отдѣльныхъ полулистахъ, безъ помарокъ, крупнымъ, круглымъ почеркомъ. Онъ не имѣлъ времени вычищать слогъ, взвѣшивать и обдумывать каждое выраженіе, и потому по неволѣ впадалъ въ нѣкоторую многоглаголивость; но до безграничной болтливости, которая, должно признаться, съ легкой руки покойнаго Писарева утвердилась у насъ въ критическомъ отдѣлѣ журналовъ, онъ далеко не доходилъ; статьи его все-таки оставались литературнымъ произведеніемъ и не превращались въ дряблый разговоръ, въ пухлыя варіаціи на избитыя тэмы — варіаціи, отъ которыхъ, несмотря на весь ихъ задоръ, такъ и отдаетъ ученической тетрадью.

XIV.

Всѣмъ извѣстно, какую обузу наваливалъ на Бѣлинскаго разсчетливый издатель журнала, въ которомъ онъ участвовалъ. Какія сочиненія не приходилось ему разбирать — и сонники, и поваренныя, и математическія книги, въ которыхъ онъ ровно ничего не смыслилъ! За то, когда, послѣ аккуратнаго выхода журнала въ первое число мѣсяца, наступало нѣсколько дней отдыха, какъ онъ наслаждался имъ, какъ предавался удовольствію бездѣйствія, бесѣды съ пріятелями, а иногда и карточной игры въ копѣечный преферансъ! Игралъ онъ плохо, но съ тою же искренностью впечатлѣній, съ тою же страстностью, которыя ему были присущи, что бы онъ ни дѣлалъ! Помнится, мы однажды играли съ нимъ, не въ деньги — а *такъ;* онъ выигрывалъ и торжествовалъ... но вдругъ обремизился, остался безъ четырехъ. Потемнѣлъ мой Бѣлинскій пуще осенней ночи, опустилъ голову какъ къ смерти приговоренный. Выраженіе страданія, отчаянія,

---

лойти тогдашнее философствованіе, отыскать въ смѣси одной изъ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ», за 40 или 41-й годъ, статейку, написанную, впрочемъ, не Бѣлинскимъ, а самимъ издателемъ — въ защиту выраженія, употребленнаго Искандеромъ, будто бы «Наполеонъ — къ верху ногами поставленный Карлъ Великій», выраженія, попятаго на смѣхъ другимъ журналомъ. Комизмъ тутъ тѣмъ болѣе забавенъ, что весь проникнутъ угрюмой важностью и даже не подозрѣваетъ, до какой степени онъ пресмѣшенъ!

Digitized by Google

такъ было искренне на его лицѣ, что я наконецъ не выдержалъ и воскликнулъ, что это уже ни на что не похоже; что если такъ огорчаться, такъ лучше совсѣмъ бросить карты! — «Нѣтъ — отвѣчалъ онъ глухо и взглянулъ на меня изъ подлобья — все кончено; я только до бубновой игры и жилъ!» — И въ это мгновеніе, я ручаюсь, онъ дѣйствительно былъ убѣжденъ въ томъ, что говорилъ.

XV.

Я часто ходилъ къ нему послѣ обѣда отводить душу. Онъ занималъ квартиру въ нижнемъ этажѣ, на Фонтанкѣ, недалеко отъ Аничкова моста, невеселыя, довольно сырыя комнаты. Не могу не повторить: тяжелыя тогда стояли времена, нынѣшнимъ молодымъ людямъ не приходилось испытать ничего подобнаго. Пусть читатель самъ посудитъ: утромъ тебѣ, быть можетъ, возвратили твою корректуру, всю исполосованную, обезображенную красными чернилами, словно окровавленную; можетъ быть, тебѣ даже пришлось съѣздить къ цензору и представивъ напрасныя и унизительныя объясненія, оправданія, выслушать его безапелляціонный, часто насмѣшливый приговоръ [1])... На улицѣ тебѣ попалась фигура господина Булгарина или друга его, господина Греча; генералъ и даже не начальникъ, а такъ просто генералъ, оборвалъ или, что еще хуже, поощрилъ тебя... Бросишь вокругъ себя мысленный взоръ: взяточничество процвѣтаетъ, крѣпостное право стоитъ какъ скала, казарма на первомъ планѣ, суда нѣтъ, носятся слухи о закрытіи университетовъ, вскорѣ потомъ сведенныхъ на трехъсотенный комплектъ, поѣздки за-границу становятся невозможны, путной книги выписать нельзя, какая-то темная туча постоянно виситъ надъ всѣмъ такъ-называемымъ ученымъ, литературнымъ вѣдомствомъ, а тутъ еще шипятъ и расползаются доносы; между молодежью ни общей связи, ни общихъ интересовъ, страхъ и приниженность во всѣхъ, хоть рукой махни! Ну, вотъ и придешь на квартиру Бѣлинскаго, придетъ другой, третій пріятель, затѣется разговоръ и легче станетъ; предметы разговоровъ были большей частью нецензурнаго (въ тогдаш-

[1]) Особеннымъ юморомъ отличался при подобныхъ свиданіяхъ цензоръ Ф., тотъ самый, который говаривалъ: «Помилуйте — я всѣ буквы оставлю; только духъ повытравлю.» — Онъ мнѣ сказалъ однажды, съ чувствомъ глядя мнѣ въ глаза: — «Вы хотите, чтобъ я не вымаралъ. Но посудите сами: я не вымараю — и могу лишиться 3,000 рубл. въ годъ: — а вымараю — кому отъ этого какая печаль? — Были словечки, нѣтъ словечекъ — ну, а дальше? — Какъ же мнѣ не марать!? Богъ съ вами!»

Digitized by Google

немъ смыслѣ) свойства, но собственно политическихъ преній не происходило: безполезность ихъ слишкомъ явно била въ глаза всякому. Общій колоритъ нашихъ бесѣдъ былъ философско-литературный, критическо-эстетическій и пожалуй соціальный, рѣдко историческій. Иногда выходило очень интересно и даже сильно; иногда нѣсколько поверхностно и легковѣсно. При всей серьезности и дѣйствительной возвышенности своей натуры, Бѣлинскій поступалъ иногда какъ ребенокъ: услышитъ что-нибудь, что́ ему очень понравится, какое-нибудь мѣсто изъ Жоржъ-Занда или П. Леру — тогда онъ входилъ въ моду и объ немъ таинственно (!) переписывались подъ именемъ *Петра Рыжаго* — услышитъ и тотчасъ попроситъ списать ему это мѣсто и няньчится съ нимъ. Но все это шло къ нему; живой русскій человѣкъ сказывался и тутъ. Иногда бездѣлица его задѣвала. Однажды онъ цѣлыхъ шесть недѣль носилъ у себя въ карманѣ книжку Гётевскаго «Западно-Восточнаго Дивана» (Westöstlicher Divan) вотъ по какому поводу. Я ему какъ-то цитировалъ оттуда стихъ: «Lebt man denn, wenn andre leben? (Можно ль жить, когда живутъ другіе?)' Онъ повторилъ этотъ стихъ въ укоръ эгоизму Гёте передъ А. Н. С., нѣкогда извѣстнымъ переводчикомъ Гётевскихъ стихотвореній; тотъ усомнился въ точности цитаты и чуть ли не подтрунилъ надъ легковѣрностью Бѣлинскаго. Вотъ онъ и выпросилъ у меня экземпляръ «Дивана», и постоянно имѣлъ его съ собою, чтобъ при встрѣчѣ поразить С...; но встрѣчи этой, къ великой досадѣ Бѣлинскаго, не состоялось. Въ послѣдніе два года его жизни онъ, подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе развивавшейся болѣзни, сталъ очень нервозенъ — и хандра на него находила.

XVI.

Я видѣлся съ Бѣлинскимъ въ теченіи четырехъ зимъ — съ 1843-го по 1846-й годъ, и особенно часто передъ январемъ 1847-го года, когда я отправился на долго за-границу и когда былъ основанъ «Современникъ», т. е. купленъ у покойнаго П. А. Плетнева. Исторія *основанія* этого журнала представляетъ много поучительнаго... Но изложить ее въ точности пока еще трудно: пришлось бы поднимать старыя дрязги. Довольно сказать, что Бѣлинскій былъ постепенно и очень искусно устраненъ отъ журнала, который былъ созданъ собственно для него, его именемъ пріобрѣлъ сотрудниковъ и пополнялся въ теченіи цѣлаго года капитальными статьями, пріобрѣтенными Бѣлинскимъ для боль-

Digitized by Google

шого затѣяннаго имъ альманаха. Бѣлинскій для «Современника» разорвалъ связь съ «Отечественными Записками», а оказалось, что въ новомъ журналѣ онъ вмѣсто хозяйскаго мѣста, на которое имѣлъ полное право, занялъ тоже мѣсто посторонняго сотрудника, наемщика, какое было за нимъ и въ старомъ. У меня въ рукахъ находятся любопытныя письма Бѣлинскаго, относящіяся къ этому времени: небольшіе отрывки изъ нихъ читатели найдутъ ниже. Что касается собственно до меня, то должно сказать, что онъ, послѣ перваго привѣтствія, сдѣланнаго моей литературной дѣятельности, весьма скоро—и совершенно справедливо—охладѣлъ къ ней; не могъ же онъ поощрять меня въ сочиненіи тѣхъ стихотвореній и поэмъ, которымъ я тогда предавался. Впрочемъ, я скоро догадался самъ, что не предстояло никакой надобности продолжать подобныя упражненія — и возымѣлъ твердое намѣреніе вовсе оставить литературу; только вслѣдствіе просьбъ И. И. Панаева, не имѣвшаго чѣмъ наполнить отдѣлъ смѣси въ 1-мъ номерѣ «Современника», я оставилъ ему очеркъ, озаглавленный «Хорь и Калинычъ». (Слова: «Изъ записокъ охотника» были придуманы и прибавлены тѣмъ же И. И. Панаевымъ, съ цѣлью расположить читателя къ снисхожденію.) Успѣхъ этого очерка побудилъ меня написать другіе; и я возвратился къ литературѣ. Но читатель увидитъ изъ тѣхъ же писемъ Бѣлинскаго, что онъ, хотя остался болѣе доволенъ моими прозаическими работами, однако особенныхъ надеждъ на меня не возлагалъ. Бѣлинскій съ добродушнымъ снисхожденіемъ, съ сочувственнымъ жаромъ поощрялъ начинавшихъ писателей, въ которыхъ признавалъ талантъ, поддерживалъ ихъ первые шаги; но онъ строго относился къ ихъ дальнѣйшимъ попыткамъ, безжалостно указывалъ на ихъ недостатки, порицалъ и хвалилъ съ одинаковымъ безпристрастіемъ.—За то, на первыхъ порахъ, онъ иногда доходилъ до нѣжности, увлекался очень мило, почти трогательно, почти забавно. — Когда попались ему въ руки «Бѣдные люди» г-на Достоевскаго, — онъ пришолъ въ совершенный восторгъ.—«Да, говорилъ онъ съ гордостью, словно самъ совершилъ величайшій подвигъ — да, батюшка, я вамъ доложу!— Не велика птичка — и тутъ онъ указывалъ рукою, чуть не на аршинъ отъ полу — не велика птичка—а ноготокъ востеръ!»— Каково же было мое удивленіе, когда встрѣтившись вскорѣ потомъ съ г-мъ Достоевскимъ—я увидалъ въ немъ человѣка, росту болѣе средняго—во всякомъ случаѣ выше самого Бѣлинскаго!— Но въ припадкѣ отеческой нѣжности къ ново-народившемуся таланту, Бѣлинскій относился къ нему какъ къ сыну, какъ къ

Digitized by Google

своему «дитяткѣ» [1]). Точно такъ же онъ, лѣтомъ 1843 года, когда я съ нимъ познакомился—лелѣялъ и всюду рекомендовалъ и выводилъ въ люди господина Некрасова, который въ то время еще нуждался въ дружеской опорѣ, ибо еще не успѣлъ сдѣлаться ни тѣмъ богатымъ человѣкомъ, ни тѣмъ оффиціальнымъ поэтомъ англійскаго клуба, какимъ онъ сталъ впослѣдствіи.

XVII.

Какъ во всѣхъ людяхъ съ пылкой душою, во всѣхъ энтузіастахъ, въ Бѣлинскомъ была большая доля нетерпимости.— Онъ не признавалъ, особенно сгоряча, ни одной частицы правды во мнѣніяхъ противника и отворачивался отъ нихъ съ тѣмъ же негодованіемъ, съ которымъ покидалъ собственныя мнѣнія, когда находилъ ихъ ошибочными. — Но его можно было «прошибить», какъ я сказалъ ему однажды — и чему онъ много смѣялся; — истина была для него слишкомъ дорога; онъ не могъ окончательно упорствовать. Къ одной лишь московской партіи, къ славянофиламъ, онъ всю жизнь относился враждебно: очень они уже шли въ разрѣзъ всему тому, что̀ онъ любилъ и во что̀ онъ вѣрилъ. Вообще Бѣлинскій умѣлъ ненавидѣть — he was a good hater — и всей душой презиралъ достойное презрѣнія.— Лейбницъ гдѣ-то говоритъ, что онъ почти ничего не презираетъ, (je ne méprise presque rien). — Это понятно — и похвально— въ философѣ, постоянно живущемъ на высотахъ духовнаго созерцанія;—но нашъ братъ, человѣкъ обыкновенный, по землѣ ходящій, не въ силахъ возвыситься до этого безстрастнаго холода, до этой величавой тишины; чувство презрѣнія, которое внушаютъ намъ Ѳадцеи Булгарины да Эмили де-Жирардень, подтверждаетъ и крѣпитъ наше нравственное сознаніе, нашу совѣсть. — Въ собственныхъ промахахъ Бѣлинскій признавался безо всякой задней мысли: мелкаго самолюбія въ немъ и слѣда не было. — «Ну, вралъ же я чушь!» бывало, говаривалъ онъ съ улыбкой — и какая это въ немъ была хорошая черта! — Бѣлинскій былъ не слишкомъ высокаго мнѣнія о самомъ себѣ, о сво-

[1]) Спѣшу предупредить читателя, который, пожалуй, на этомъ мѣстѣ можетъ подумать, что преувеличенный восторгъ, возбужденный въ Бѣлинскомъ. «Бѣдными людьми»—не является подтвержденіемъ той непогрѣшительности критическаго чутья, о которой я говорилъ. Должно признаться, что прославленіе свыше мѣры «Бѣдныхъ людей» — было однимъ изъ первыхъ промаховъ Бѣлинскаго и служило доказательствомъ уже начинавшагося ослабленія его организма. Впрочемъ—тутъ его подкупила теплая демократическая струйка.

Digitized by Google

ихъ способностяхъ. — Скромность его была непритворна и чистосердечна; слово: «скромность», впрочемъ тутъ не годится: ему вовсе не было пріятно, что онъ, по его понятію, такой некрупный человѣкъ; но вѣдь: «изъ своей кожи не выпрыгнешь!» За то ничего не было для него важнѣе и выше дѣла, за которое онъ стоялъ, мысль, которую онъ защищалъ и проводилъ: тутъ онъ на стѣну готовъ былъ лѣзть — и бѣда тому, кто ему попадался подъ руку! Тутъ и смѣлость являлась въ немъ — отвага отчаянная, на зло его физикѣ и нервамъ; тутъ онъ всѣмъ готовъ былъ жертвовать! При такой сильной раздражительности — такая слабая, личная обидчивость... Нѣтъ! подобнаго ему человѣка я не встрѣчалъ ни прежде, ни послѣ.

XVIII.

Лѣтомъ 1847 года, Бѣлинскій попалъ, въ первый и послѣдній разъ, за границу. Я прожилъ съ нимъ нѣсколько недѣль въ Зальцбруннѣ, небольшомъ силезскомъ городкѣ, славящемся своими водами, будто бы излечивающими чахотку... ему онѣ принесли мало пользы. Въ Зальцбруннѣ онъ, подъ вліяніемъ негодованія, возбужденнаго въ немъ извѣстной «Перепиской съ друзьями» Гоголя, написалъ ему письмо... Потомъ я встрѣтился съ нимъ въ Парижѣ. Тамъ онъ поступилъ въ лечебницу къ нѣкоему доктору, спеціалисту противъ чахотки, по имени Тира де Мальмору. Многіе считали его за шарлатана, но онъ совсѣмъ было поставилъ Бѣлинскаго на ноги. Кашель прекратился, съ лица сошла зелень... Слишкомъ скорое возвращеніе въ Петербургъ все уничтожило [1]). Странное дѣло! Онъ изнывалъ за-границей отъ скуки; его такъ и тянуло назадъ въ Россію, и даже семейная его жизнь, въ которой мы всѣ, его пріятели, до тѣхъ поръ не видѣли ничего особенно привлекательнаго, даже та предстала ему въ радужныхъ краскахъ. Ужъ очень онъ былъ русскій человѣкъ, и внѣ Россіи замиралъ какъ рыба на воздухѣ. Помню, въ Парижѣ онъ въ первый разъ увидалъ площадь Согласія, и тотчасъ спросилъ меня: «Не правда ли? Вѣдь это одна

---

[1]) Вотъ еще примѣръ того, какъ Бѣлинскій юмористически относился къ самому себѣ (см. ниже). При отъѣздѣ изъ Парижа, ему дали провожатаго, который долженъ былъ сопутствовать ему до Берлина: но въ самую послѣднюю минуту вышло какое-то недоразумѣніе, и Бѣлинскій отправился одинъ. «Представьте мое положеніе — писалъ онъ одному пріятелю въ Парижъ — на бельгійской границѣ меня о чёмъ-то спрашиваютъ, а я ничего не понимаю и только глазами хлопаю. Къ счастью, начальникъ таможни догадался должно быть, что я *шутъ до святости* — и пропустилъ меня».

Digitized by Google

изъ красивѣйшихъ площадей въ мірѣ?» — И на мой утвердительный отвѣтъ воскликнулъ: «Ну и отлично; такъ ужъ я и буду знать,—и въ сторону, и баста!» и заговорилъ о Гоголѣ. Я ему замѣтилъ, что на самой этой площади во время революціи стояла гильотина и что тутъ отрубили голову Людовику XVI, онъ посмотрѣлъ вокругъ, сказалъ: а! — и вспомнилъ сцену Остаповой казни въ «Тарасѣ Бульбѣ». Историческія свѣдѣнія Бѣлинскаго были слишкомъ слабы: онъ не могъ особенно интересоваться мѣстами, гдѣ происходили великія событія европейской жизни; онъ не зналъ иностранныхъ языковъ и потому не могъ изучать тамошнихъ людей; а праздное любопытство, глазѣніе, badauderie, было не въ его характерѣ. Музыка и живопись его, какъ уже сказано, трогали мало; а то, чѣмъ такъ сильно дѣйствуетъ Парижъ на многихъ нашихъ соотечественниковъ, возмущало его чистое, почти аскетическое нравственное чувство. Да и наконецъ, ему всего оставалось жить нѣсколько мѣсяцевъ... Онъ уже усталъ и охладѣлъ...

XIX.

Не знаю, говорить ли объ отношеніяхъ Бѣлинскаго къ женщинамъ? Самъ онъ почти никогда не касался этого деликатнаго вопроса. Онъ вообще неохотно распространялся о самомъ себѣ, о своемъ прошедшемъ, и т. п. Мнѣ много разъ случалось наводить его на этотъ разговоръ, но онъ всегда отклонялъ его; онъ словно стыдился, словно не понималъ, что за охота толковать о личныхъ дрязгахъ, когда существуетъ столько предметовъ для бесѣды, болѣе важныхъ и полезныхъ! Если же онъ касался своего прошедшаго, то почти всегда съ юмористической точки зрѣнія: такъ, напримѣръ, онъ разсказалъ мнѣ, какъ будучи *удаленъ* изъ университета и не имѣя буквально чѣмъ жить, онъ взялся перевести романъ Поль-де-Кока за 25 руб. ассиг., и какихъ онъ понадѣлалъ промаховъ! Бѣдность онъ, очевидно, испыталъ страшную, но никогда впослѣдствіи не услаждался ея расписываніемъ и размазываніемъ въ кругу друзей, какъ то дѣлаютъ весьма часто люди, прошедшіе эту тяжкую школу. Въ Бѣлинскомъ было слишкомъ много цѣломудреннаго достоинства для подобныхъ изліяній, а можетъ быть и слишкомъ много гордости... Гордость и самолюбіе — двѣ вещи весьма различныя.

По понятію Бѣлинскаго, его наружность была такого рода, что никакъ не могла нравиться женщинамъ; онъ былъ въ этомъ убѣжденъ до мозгу костей, и конечно, это убѣжденіе еще уси-

Digitized by Google

ливало его робость и дикость въ сношеніяхъ съ ними. Я имѣю причину предполагать, что Бѣлинскій, съ своимъ горячимъ и впечатлительнымъ сердцемъ, съ своей привязчивостью и страстностью, Бѣлинскій, все-таки одинъ изъ первыхъ людей своего времени, не былъ никогда любимымъ женщиной. Бракъ свой онъ заключилъ не по страсти. Въ молодости онъ былъ влюбленъ въ одну барышню, дочь тверского помѣщика Б—на; это было существо поэтическое, но она любила другого и притомъ она скоро умерла. Произошла также въ жизни Бѣлинскаго довольно странная и грустная исторія съ дѣвушкой изъ простого званія; помню его отрывчатый, сумрачный разсказъ о ней... онъ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе... но и тутъ дѣло кончилось ничѣмъ. Сердце его безмолвно и тихо истлѣло; онъ могъ воскликнуть словами поэта:

«О небо! Если бы хоть разъ
Сей пламень развился по волѣ...
И не томясь, не мучась болѣ,
Я просіялъ бы — и погасъ!»

Но мечты людскія несбывчивы, а сожалѣнья — безплодны. Кому не вынулся хорошій нумеръ — щеголяй съ пустымъ, да и не сказывай никому.

Не могу однако не упомянуть здѣсь, хотя мелькомъ, о благородныхъ, честныхъ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго на женщинъ вообще, и въ особенности на русскихъ женщинъ, на ихъ положеніе, на ихъ будущность, на ихъ неотъемлемыя права, на недостаточность ихъ воспитанія, словомъ, на то, что теперь называютъ женскимъ вопросомъ. Уваженіе къ женщинамъ, признаніе ихъ свободы, ихъ не только семейнаго, но и общественнаго значенія, сказываются у него всюду, гдѣ только онъ касается того вопроса, — правда, безъ той вызывающей, крикливой бойкости, которая теперь въ такой модѣ.

XX.

Не разъ приходится слышать слова: такой-то во-время, кстати умеръ... Но ни къ кому онѣ такъ несомнѣнно не примѣняются, какъ къ Бѣлинскому. Да! Онъ умеръ кстати и во-время! Передъ смертью (Бѣлинскій скончался въ маѣ мѣсяцѣ 1848 года) онъ еще успѣлъ быть свидѣтелемъ торжества своихъ любимыхъ, задушевныхъ надеждъ, и не видѣлъ ихъ окончательнаго крушенія... А какія бѣды ожидали его, еслибъ онъ остался живъ! Извѣстно, что полиція ежедневно справлялась о состояніи его

Digitized by Google

здоровья, о ходѣ его агоніи... Отъ тяжкихъ испытаній избавила его смерть. Притомъ же и физика его уже отказывалась дѣйствовать... Къ чему же было тянуть, медлить?

«A struggle more — and I am free!» [1])

Все такъ; но живой живое думаетъ, и нельзя подавить въ себѣ чувства сожалѣнія о томъ изъ насъ, кого уноситъ смерть въ невѣдомый край, откуда «не возвратился еще ни одинъ путешественникъ». Я иногда невольно задаю себѣ вопросъ, невольно представляю себѣ, что̀ бы сказалъ, что́ бы почувствовалъ Бѣлинскій при видѣ великихъ реформъ, совершонныхъ нынѣшнимъ царствованіемъ — освобожденія крестьянъ, водворенія гласнаго суда и т. д.? Какой бы восторгъ возбудили въ немъ эти плодоносныя начинанія! Но онъ не дожилъ до нихъ... Не дожилъ онъ также до того, что̀ также наполнило бы сладостью его сердце: не увидалъ онъ многаго хорошаго, что̀ совершилось послѣ него въ нашей литературѣ. Какъ бы порадовался онъ поэтическому дару Л. Н. Толстаго, силѣ Островскаго, юмору Писемскаго, сатирѣ Салтыкова, трезвой правдѣ Рѣшетникова! Кому бы, какъ не ему, слѣдовало быть свидѣтелемъ всхода тѣхъ сѣменъ, изъ которыхъ многія были посѣяны его рукою?... Но видно—не слѣдовало...

XXI.

Окончу мои воспоминанія о Бѣлинскомъ сообщеніемъ письма одной близкой ему дамы, которую я просилъ передать мнѣ подробности его кончины (я находился тогда за-границей въ Парижѣ), а также и нѣсколькихъ отрывковъ изъ его писемъ ко мнѣ.

Вотъ письмо дамы (отъ 23-го іюня 1848 года):

«Вы хотите знать что̀-нибудь о Бѣлинскомъ... Но я не умѣю порядочно разсказывать, да и нечего почти говорить о человѣкѣ, который все послѣднее время весь былъ истощенъ физическими страданіями. Не могу выразить вамъ, какъ тяжело, какъ больно было смотрѣть на медленное разрушеніе этого бѣднаго страдальца. Воротился онъ изъ Парижа въ такомъ хорошемъ состояніи духа и здоровья, что всѣ мы, не исключая даже доктора, получили надежду на его выздоровленіе. Тутъ провелъ онъ у насъ нѣсколько утръ и вечеровъ въ непрерывномъ, живомъ, энергическомъ разговорѣ, и всѣ съ радостью узнавали въ немъ преж-

[1]) Еще одно усиліе — и я свободенъ! *(Байронъ)*.

Digitized by Google

няго, довольно еще здороваго Бѣлинскаго; но странно, что съ самаго его возвращенія изъ чужихъ краевъ, нравъ его чрезвычайно измѣнился: онъ сталъ мягче, кротче, и въ немъ стало гораздо болѣе терпимости нежели прежде, даже въ семейной жизни его нельзя было узнать, такъ онъ спокойно и повидимому, безъ борьбы, мирился со всѣмъ тѣмъ, что̀ прежде такъ сильно его волновало. Здоровое состояніе его продолжалось недолго; онъ въ Цетербургѣ скоро простудился, и тутъ съ каждымъ днемъ его положеніе становилось безнадежнѣе, при каждомъ свиданіи съ нимъ мы находили его страшно измѣнившимся, и казалось, что болѣе похудѣть ему уже нельзя, но увидавъ его опять, находили еще страшнѣе. Въ послѣдній разъ я была у него за недѣлю до его смерти; застали мы его полулежащимъ на креслѣ, лице у него было совершенно мертво, но глаза огромные и блестящіе; всякое дыханіе его было стонъ, и встрѣтилъ онъ насъ словами: «умираю, совсѣмъ умираю», но это слово было выговорено не съ убѣжденіемъ, не съ увѣренностью, а скорѣе съ желаніемъ, чтобъ его опровергли. Нечего вамъ говорить, какіе тяжелые два часа провели мы тогда у него; говорить онъ, разумѣется, не могъ, но его даже ужъ и не занимали и не могли расшевелить разсказы о тѣхъ *предметахъ* [1]), которыми онъ прежде жилъ. Слегъ онъ въ постель дня за три до смерти, и кажется, надѣялся до тѣхъ поръ, пока жива была въ немъ память; наканунѣ онъ сталъ заговариваться, однако узналъ Грановскаго, пріѣхавшаго въ тотъ же день изъ Москвы. Передъ самой смертью онъ говорилъ два часа непереставая, какъ будто къ русскому народу, и часто обращался къ женѣ, просилъ ее все хорошенько запомнить и вѣрно передать эти слова, кому слѣдуетъ; но изъ этой длинной рѣчи почти ничего уже нельзя было разобрать; потомъ онъ вдругъ замолкъ и черезъ полчаса мучительной агоніи умеръ. Бѣдная жена... не отходила отъ него ни на минуту и совершенно одна прислуживала ему, поворачивала и поднимала его съ постели. Эта женщина... право заслуживаетъ всеобщее уваженіе; такъ усердно, съ такимъ терпѣніемъ, такъ безропотно ухаживала она за больнымъ мужемъ всю зиму...»

Вотъ отрывки изъ писемъ Бѣлинскаго ко мнѣ:

С.-Пб. $\frac{19\ \text{февраля}}{3\ \text{марта}}$ 1847.

«.... Когда вы сбирались въ путь, я зналъ напередъ, чего лишаюсь въ васъ — но когда вы уѣхали, я увидѣлъ, что поте-

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.

Digitized by Google

рялъ въ васъ больше нежели думалъ... Послѣ васъ я отдался скукѣ съ какимъ-то апатическимъ самоотверженіемъ и скучалъ, какъ никогда въ жизни не скучалъ. Ложусь въ 11, иногда даже въ 10 часовъ, засыпаю до 12, встаю въ 7, 8, или около 9— и цѣлый день — особенно цѣлый вечеръ — (съ послѣ обѣда) — дремлю — вотъ жизнь моя!

«.... ** получилъ отъ К. ругательное письмо, но не показалъ ***. Послѣдній ничего не знаетъ, но догадывается, а дѣлаетъ все-таки свое. При объясненіи со мною, онъ былъ не хорошъ; кашлялъ, заикался, говорилъ что на то, что я желаю, онъ, кажется, для моей же пользы, согласиться никакъ не можетъ, по причинамъ, которыя сейчасъ же объяснитъ, и по причинамъ, которыхъ не можетъ мнѣ сказать. Я отвѣчалъ, что не хочу знать никакихъ причинъ — и сказалъ мои условія. Онъ повеселѣлъ, и теперь при свиданіи протягиваетъ мнѣ обѣ руки — видно, что доволенъ мною вполнѣ! По тону моего письма вы можете ясно видѣть, что я не въ бѣшенствѣ и не въ *преувеличеніи*. Я любилъ его, такъ любилъ, что мнѣ и теперь иногда то жалко его, то досадно на него—за него, а не за себя. Мнѣ трудно *перебольть* внутреннимъ разрывомъ съ человѣкомъ — а потомъ ничего. Природа мало дала мнѣ способности ненавидѣть за лично нанесенныя мнѣ несправедливости; я скорѣе способенъ возненавидѣть человѣка за разность убѣжденій или за недостатки и пороки, вовсе для меня лично безвредные. Я и теперь высоко цѣню ***; и тѣмъ не менѣе онъ въ моихъ глазахъ—человѣкъ, у котораго будетъ капиталъ, который будетъ богатъ—а я знаю, какъ это дѣлается. Вотъ ужъ началъ съ меня. Но довольно объ этомъ.

«... Скажу какъ новость; я, можетъ быть, буду въ Силезіи. Б. достаетъ мнѣ 2500 руб. асс. Я было начисто отказался — ибо съ чѣмъ же я бы оставилъ семейство — а просить, чтобъ мнѣ выдавали жалованье за время отсутствія—мнѣ не хотѣлось. Но послѣ объясненія съ *** я подумалъ, что церемониться глупо... Онъ былъ очень радъ, онъ готовъ былъ сдѣлать все, только бы я... Я написалъ къ Б., и теперь отвѣтъ его рѣшитъ дѣло.

«Вашъ «Каратаевъ» хорошъ, хотя и далеко ниже «Хоря и Калиныча»...

«... Мнѣ кажется, у васъ чисто-творческаго таланта или нѣтъ—или очень мало—и вашъ талантъ однороденъ съ Далемъ. Это вашъ настоящій родъ. Вотъ хоть бы «Ермолай и Мельничиха»—не Богъ знаетъ что, бездѣлка—а хорошо, потому что умно и дѣльно, съ мыслію. А въ «Бреттёрѣ» — я увѣренъ, вы

Digitized by Google

творили. Найти свою дорогу, узнать свое мѣсто — въ этомъ все для человѣка, это для него значитъ сдѣлаться самимъ собою. Если не ошибаюсь, ваше призваніе — наблюдать дѣйствительныя явленія и передавать ихъ, пропуская черезъ фантазію, но не опираться только на фантазію... Только ради Аллаха, не печатайте ничего такого, что ни то ни сё; не то, чтобъ не хорошо, да и не то, чтобъ очень хорошо. Это страшно вредитъ тоталитету извѣстности (извините за кудрявое выраженіе — лучшаго не придумалось). А «Хорь» обѣщаетъ въ васъ замѣчательнаго писателя — въ будущемъ.

«... Гоголь сильно покаранъ общественнымъ мнѣніемъ и разруганъ во всѣхъ журналахъ; даже друзья его, московскіе славянофилы — и тѣ отступились, если не отъ него, то отъ гнусной его книги...

«Жена моя и всѣ мои домашніе, не исключая вашего крестника [1] — кланяются вамъ»...

С.-Пб. 1 (13 марта) 1847.

«... Скажу вамъ, что я почти перемѣнилъ мое мнѣніе на счетъ источника извѣстныхъ поступковъ ***. Мнѣ теперь кажется, что онъ дѣйствовалъ добросовѣстно, основываясь на объективномъ правѣ — а до понятія о другомъ, высшемъ, онъ еще не дорось — а пріобрѣсти его не могъ по причинѣ того, что выросъ въ грязной положительности, и никогда не былъ ни идеалистомъ, ни романтикомъ на нашъ манеръ. Вижу — изъ его примѣра — какъ этотъ идеализмъ и романтизмъ можетъ быть полезенъ для иныхъ натуръ, предоставленныхъ самимъ себѣ. Гадки они — этотъ идеализмъ и романтизмъ; но что за дѣло человѣку, что ему помогло дурное на вкусъ лекарство, даже и тогда, если, избавивъ его отъ смертельной болѣзни, привило къ его организму другія, но уже не смертельныя болѣзни; главное тутъ не то, что оно гадко, а то, что оно помогло»...

«Поѣздка моя въ Силезію рѣшена. Этимъ я обязанъ Б—ну. Онъ нашелъ средство и протолкалъ меня. Нѣтъ, никогда я не хлопоталъ и никогда не буду хлопотать такъ о себѣ, какъ онъ хлопоталъ обо мнѣ. Сколько писемъ написалъ онъ, по этому предмету, ко мнѣ, къ А — ву, къ Г — ну, къ брату своему, сколько разговоровъ, толковъ имѣлъ то съ тѣмъ, то съ другимъ! Недавно получилъ онъ отвѣтъ А—ва и прислалъ его мнѣ. А—въ даетъ мнѣ 400 франковъ. Вы знаете, что это человѣкъ поря-

---

[1] Я былъ крестнымъ отцомъ его сына.

Digitized by Google

дочно обезпеченный, но отнюдь не богачъ — и по себѣ знаете, что за границей во всякое время 400 фр.—по крайней мѣрѣ— не лишнія деньги. Но это еще ничего—этого я всегда ожидалъ отъ А—ва, а вотъ что тронуло, ущипнуло меня за самое сердце: *для меня*, этотъ человѣкъ измѣняетъ планъ своего путешествія, не ѣдетъ въ Грецію и Константинополь — а ѣдетъ въ Силезію! Отъ этого, я вамъ скажу, можно даже сконфузиться — и еслибъ я не зналъ, не чувствовалъ глубоко, какъ сильно и много люблю я А — ва, мнѣ было бы досадно и непріятно такое происшествіе. Отправиться я думаю на первомъ пароходѣ»...

С.-Пб. 12 (24 апрѣля) 1847.

«Пишу къ вамъ нѣсколько строкъ, мой любезный Т. Вскорѣ по полученіи вашего второго ко мнѣ письма, въ которомъ вы изъявляете свое удовольствіе о здоровьѣ моего сына—онъ умеръ. Это меня уходило страшно. Я не живу — а умираю медленною смертью. Но къ дѣлу. Я взялъ билетъ на Штеттинскій пароходъ; онъ отходитъ 4 (16) мая»...

---

9 (21) мая я свидѣлся съ Бѣлинскимъ въ Штеттинѣ, куда я выѣхалъ къ нему на встрѣчу. Мнѣ писали изъ Петербурга, что смерть трехмѣсячнаго сына поразила его несказанно. Году не прошло, и онъ послѣдовалъ за нимъ въ могилу.

И вотъ уже двадцать лѣтъ слишкомъ прошло съ тѣхъ поръ— и я вызвалъ его дорогую тѣнь... Не знаю, насколько мнѣ удалось передать читателямъ главныя черты его образа; но я уже доволенъ тѣмъ, что онъ побылъ со мной, въ моемъ воспоминаніи...

«Человѣкъ онъ былъ»!

Ив. Тургеневъ.

Digitized by Google

РУССКІЯ ОТНОШЕНІЯ

БЕНТАМА.

II [1]).

Мысль Бентама обратиться къ императору Александру съ предложеніемъ своихъ трудовъ.—Его заботы объ успѣхѣ дѣла: Сперанскій, Новосильцовъ, Розенкампфъ.—Письмо къ Мордвинову (?) объ этомъ предметѣ, въ январѣ 1814.—Текстъ писемъ Бентама къ императору Александру и къ Чарторыскому и отвѣтъ императора, 1814—1815 г.—Разочарованіе Бентама.—Послѣднія письма къ Мордвинову.

Сношенія императора Александра съ Бентамомъ, къ которымъ мы теперь переходимъ, касались очень важнаго вопроса: дѣло шло объ изданіи новаго кодекса законовъ. Сношенія эти не повели за собой какого-нибудь фактическаго участія Бентама въ этомъ дѣлѣ; напротивъ, они ограничились, такъ сказать, однимъ предварительнымъ взаимнымъ освѣдомленіемъ, изъ котораго обнаружилось, что взгляды двухъ сторонъ были слишкомъ различны, чтобы для Бентама было возможно участвовать въ кодификаціонныхъ работахъ, совершавшихся въ Россіи. Несмотря, однако, на это отсутствіе дальнѣйшихъ фактическихъ результатовъ, переписка императора Александра съ Бентамомъ любопытна, какъ эпизодъ въ исторіи либеральныхъ тенденцій императора Александра: встрѣча съ идеями Бентама была нѣкоторой повѣркой силы этихъ тенденцій. Мы видѣли, какой пріемъ нашли эти идеи въ первые годы царствованія: для многихъ мыслящихъ людей, желавшихъ общественнаго добра, идеи Бентама въ

[1]) См. выше, февр. 784 стр.

Digitized by Google

первый разъ давали твердую точку опоры и логическое доказательство, которымъ могъ подкрѣпить себя новый образъ мыслей. Когда императоръ далъ повелѣніе объ изданіи сочиненій Бентама на русскомъ языкѣ, это дало идеямъ Бентама новую санкцію; и самъ императоръ вѣроятно раздѣлялъ до извѣстной степени уваженіе къ этому авторитету. Начало прямыхъ сношеній его съ Бентамомъ, по вопросу о законодательствѣ, относится къ 1814 г., когда императоръ Александръ былъ въ Лондонѣ послѣ перваго пораженія Наполеона, когда онъ былъ въ періодѣ своей наибольшей славы—и наибольшихъ увлеченій. Для императора Александра недалеко было то время, когда онъ думалъ полу-дипломатическимъ, полу-пасторальнымъ образомъ ввести въ Европѣ сантиментальный, самодержавно-отеческій образъ правленія. Это настроеніе уже сильно подготовлялось въ немъ всѣми послѣдними событіями; и если потомъ изъ него выросла чистая реакція, то теперь, въ 1814, это была только сантиментальность, въ которой еще были цѣлы либеральныя возбужденія первыхъ годовъ царствованія.

Но сантиментальные идеалы рѣдко осуществляются въ жизни, и особенно сантиментальная постройка общественныхъ идеаловъ и предпріятій. Дѣло, въ которомъ считалось возможнымъ содѣйствіе Бентама, было слишкомъ серьезно, чтобы въ немъ можно было достигнуть самой цѣли одними идеальными мечтами, и Бентамъ всего меньше способенъ былъ удовлетворяться ими. Онъ понималъ вопросъ самымъ прямымъ реальнымъ образомъ, и высказалъ свой взглядъ на дѣло съ такой суровой искренностью, какой вѣроятно не ожидали. Въ его отвѣтѣ оказалось, что для осуществленія идеальныхъ плановъ требуется не только глубокое убѣжденіе въ истинѣ дѣла и большія усилія при самомъ практическомъ исполненіи, но очень часто могутъ потребоваться и личныя усилія надъ самимъ собой, борьба съ собственными привычками и предубѣжденіями. По своему личному характеру и складу убѣжденій, Бентамъ былъ совершенно неспособенъ на мнимо-либеральные компромиссы, и дѣлая всякія уступки даннымъ условіямъ и обстоятельствамъ, не могъ уступить ничего изъ сущности своихъ понятій о дѣлѣ. Въ концѣ концовъ, его понятія оказались совершенно непримѣнимыми въ приложеніи къ русскому законодательству.

Очевидно, что сношенія должны были остаться безъ результатовъ.

Это, конечно, можно было предвидѣть впередъ, и если этого не предвидѣли, вступая въ сношенія съ Бентамомъ, то въ самой

Digitized by Google

легкости отказа отъ его идей и обнаружилась та неустойчивость, которая отличаетъ сантиментальный либерализмъ.

Со стороны Бентама, этого предвидѣнія было всетаки гораздо больше. Какъ ни былъ онъ проникнутъ сильнымъ желаніемъ «кодифицировать»,—желаніемъ, столько страннымъ по понятіямъ нашего времени, и однакоже легко объяснимымъ въ то время, какъ увидимъ дальше, — его пылъ прошелъ уже скоро. Два письма его къ императору Александру раздѣлены были почти годовымъ промежуткомъ. Первое письмо было писано къ императору, въ которомъ Бентамъ видѣлъ сторонника либеральныхъ идей; когда писалось второе, Бентамъ предвидѣлъ или предчувствовалъ реакцію. Самый тонъ его послѣдняго, длиннаго письма къ императору Александру очевидно заставляетъ предполагать, что у него было уже мало надежды на то, чтобы его предложенія о наилучшемъ способѣ законодательства могли быть приняты. Этотъ тонъ, при всемъ уваженіи къ высокому лицу, къ которому онъ обращался, значительно суровый и категорическій. Въ этомъ письмѣ онъ ставитъ рѣшительную дилемму, и не дѣлаетъ въ ней никакихъ смягченій.

Эта суровость имѣла и другія, болѣе частныя причины. Бентамъ питалъ, какъ увидимъ, большое уваженіе къ Сперанскому, личность котораго, повидимому, въ особенности его интересовала. Сперанскій, конечно, привлекалъ его той стороной, которую Бентамъ долженъ былъ считать у него общей съ нимъ самимъ — стороной своей энергической дѣятельности, направленной къ усовершенствованію правительственныхъ формъ. Въ этомъ дѣлѣ Бентамъ долженъ былъ считать Сперанскаго человѣкомъ, близкимъ къ его собственнымъ идеямъ и желаніямъ. Онъ зналъ, что Сперанскому принадлежало прежде большое вліяніе и въ этой самой «кодификаціи». Но Сперанскаго уже не было теперь въ центрѣ правительственной дѣятельности. Напротивъ, лицо, руководившее теперь кодификаціей, извѣстный баронъ Розенкампфъ, вызывало всю желчь и раздраженіе Бентама. Имя барона Розенкампфа, смѣнившее собою имя Сперанскаго, казалось для Бентама самымъ дурнымъ предзнаменованіемъ о будущей судьбѣ законодательнаго предпріятія, порученнаго такимъ рукамъ, и конечно усиливало суровость его отношенія къ этому дѣлу.—Дальше мы укажемъ еще одно обстоятельство, ближайшимъ образомъ дѣйствовавшее на тогдашнее настроеніе Бентама, это—предчувствіе реакціи и тогдашнее положеніе польскихъ дѣлъ.

О томъ, при какихъ ближайшихъ обстоятельствахъ началась эта переписка Бентама съ императоромъ Александромъ, біографія Боуринга, къ сожалѣнію, представляетъ очень мало подроб-

Digitized by Google

ностей. Но этотъ пробѣлъ въ біографіи нѣсколько дополняется любопытными документами, находящимися въ рукописяхъ И. П. Библіотеки; указаніемъ на эти рукописи мы обязаны просвѣщенному вниманію барона М. А. Корфа, которому считаемъ долгомъ выразить здѣсь нашу признательность [1]).

Эти рукописи, переданныя въ Библіотеку барономъ Корфомъ при оставленіи имъ поста ея директора, представляютъ слѣдующіе матеріалы: 1) полную копію (французскаго) письма Сперанскаго къ Дюмону (1804 г.), откуда мы, въ первой нашей статьѣ, могли привести только отрывокъ, находящійся въ Боуринговой біографіи Бентама, — къ этому письму мы возвратимся еще разъ; 2) копію *перваго* (англійскаго) письма Бентама къ императору, или вѣрнѣе *проекта* этого письма, помѣченный здѣсь еще январемъ 1814 г., и какъ увидимъ далѣе, присланный Бентамомъ къ одному изъ его русскихъ друзей, съ желаніемъ знать его мнѣніе; — впрочемъ, *этотъ* экземпляръ не представляетъ разнорѣчій съ печатнымъ англійскимъ текстомъ, который мы приводимъ далѣе. Эти два документа были приложеніемъ къ 3) это — англійское письмо Бентама къ кому-то изъ его русскихъ друзей, котораго онъ называетъ «русскимъ государственнымъ человѣкомъ», — по всей вѣроятности, къ Н. С. Мордвинову. Письмо (какъ и упомянутые выше документы) писано не рукой Бентама, но заключаетъ и его собственныя приписки, и перемѣчено его же рукой по страницамъ (всего 15 стр.). Время написанія не отмѣчено и только на полѣ рукописи дата обозначена январемъ 1814 года.

---

[1]) Кромѣ этого указанія, баронъ Корфъ сообщилъ намъ нѣкоторыя замѣчанія относительно данныхъ, собранныхъ въ первой нашей статьѣ. Именно, онъ полагаетъ, что Саблуковъ, который переписывался съ Бентамомъ, былъ не тотъ А. А. Саблуковъ, о которомъ упоминается въ «Жизни Сперанскаго», а его сынъ, Ник. Ал. Саблуковъ. Первый, по словамъ барона М. А. Корфа, былъ дѣйствительно человѣкъ весьма почтенный, но стариннаго покроя и такого же воспитанія, не только не знавшій ни слова по-англійски, но и съ французскимъ языкомъ ознакомившійся кое-какъ, лишь подъ старость (онъ ум. въ 1828 г.). Поэтому съ Самуиломъ Бентамомъ могъ быть въ перепискѣ несомнѣнно только сынъ этого Саблукова, Николай Александровичъ, человѣкъ замѣчательнаго ума и образованія. Бывъ, при вступленіи на престолъ импер. Александра, полковникомъ конной гвардіи, онъ потомъ оставилъ службу и вступилъ въ нее снова не раньше 1812 года; по изгнаніи же французовъ изъ Россіи, опять вышелъ въ отставку, уже генераломъ, и съ тѣхъ поръ больше не служилъ. И прежде и послѣ, Н. А. Саблуковъ, превосходно знавшій иностранные языки, въ томъ числѣ и англійскій, много странствовалъ по западной Европѣ, жилъ долго въ Лондонѣ, женился на англичанкѣ и умеръ въ 1848 отъ холеры. Отрывокъ изъ его мемуаровъ, писанныхъ на англійскомъ языкѣ, былъ напечатанъ.

Замѣчаніе барона Корфа о принадлежности писемъ этому послѣднему Саблукову, должно быть, конечно, совершенно справедливо.

Digitized by Google

Въ этихъ документахъ мы встрѣчаемъ данныя, не лишенныя интереса для занимающаго насъ вопроса.

Прежде всего письмо Сперанскаго. Любопытное само по себѣ, потому что въ немъ можно видѣть до нѣкоторой степени, какъ онъ думалъ о реформѣ, дѣлу которой онъ хотѣлъ служить, объ ея возможности и ея условіяхъ,—это письмо даетъ нѣкоторыя указанія и на ходъ мыслей Бентама о кодификаціонныхъ трудахъ для Россіи.

Послѣ того, нами уже приведеннаго мѣста, гдѣ Сперанскій пишетъ Дюмону объ успѣхѣ сочиненій Бентама, образчикъ которыхъ былъ напечатанъ въ «Спб. Журналѣ», онъ продолжаетъ:

«Для меня составляетъ истинное удовольствіе сообщить вамъ объ этомъ успѣхѣ, такъ какъ я убѣжденъ, что самое лестное вознагражденіе вашихъ трудовъ и единственное, достойное вашихъ дарованій, есть именно это распространеніе полезныхъ истинъ — въ странѣ, *которая*, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, *быть можетъ, всего способнѣе принять хорошее законодательство* (pays, le plus susceptible d'une bonne législation), — *именно потому, что въ ней меньше приходится разстаться ложныхъ понятій, меньше приходится бороться противъ рутины, и больше можно встрѣтить послушной воспріимчивости* (docilité à recevoir) *къ благотворнымъ дѣйствіямъ умнаго и разсудительнаго правительства*».

Далѣе Сперанскій разсказываетъ объ учрежденіи извѣстной «Коммиссіи составленія законовъ». Ея учрежденіе или преобразованіе было одной изъ тѣхъ мѣръ, принятыхъ въ первые годы царствованія императора Александра, на которыя возлагались особенныя надежды. Эта коммиссія, ведущая начало еще со временъ Петра Великаго и съ тѣхъ поръ, въ разныхъ формахъ влачившая въ теченіи цѣлаго столѣтія странное и безплодное существованіе, съ 21 октября 1803 г. передана была въ министерство юстиціи. Присутствіе ея составили министръ юстиціи кн. Лопухинъ и товарищъ его, Н. Новосильцовъ; секретаремъ присутствія назначенъ былъ, столь извѣстный впослѣдствіи, лифляндскій баронъ Густавъ Розенкампфъ. Въ началѣ слѣдующаго года министерство юстиціи представило докладъ о преобразованіи коммиссіи и объ устройствѣ ея на новыхъ основаніяхъ: съ утвержденіемъ этого доклада, 28 февраля 1804 г., коммиссія составленія законовъ составила цѣлое отдѣльное вѣдомство, съ своей іерархіей чиновниковъ; высшую власть, «присутствіе», составляли въ ней министръ и товарищъ министра юстиціи, а главнымъ дѣйствующимъ лицомъ сталъ Розенкампфъ, что продолжалось до на-

Digitized by Google

значенія въ члены присутствія Сперанскаго, въ августѣ 1808 года [1]).

Въ это время, въ 1804 г., Сперанскій, состоявшій при Кочубеѣ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, еще не имѣлъ никакого отношенія къ коммиссіи. Онъ пишетъ Дюмону слѣдующимъ образомъ объ этомъ предметѣ:

«Со времени вашего возвращенія въ Лондонъ, попеченія о лучшемъ устройствѣ законодательной части, которыя вы здѣсь видѣли, значительно увеличились. Различныя отрасли законодательства, разсѣянныя по разнымъ частямъ, теперь соединены и изъ нихъ составлено особое вѣдомство, подъ названіемъ коммиссіи законовъ. Принятъ планъ редакціи, и по этому плану собираютъ и классифицируютъ необходимые матеріалы. Эта коммиссія состоитъ подъ спеціальнымъ управленіемъ г. Новосильцова. Не имѣя занятій по этой части и будучи почти чуждъ тому роду свѣдѣній, какихъ она требуетъ, я не могу судить о степени дарованій, которыя она можетъ заключать въ своемъ составѣ [2]). Но я *убѣжденъ*, что *совѣты и взгляды такого человѣка, какъ г. Бентамъ, имѣли бы здѣсь существенную важность*. Его аналитическій и глубокій умъ долженъ имѣть высокое значеніе вездѣ, гдѣ идетъ дѣло объ установленіи законодательства, основаннаго на истинныхъ принципахъ пользы. *Я вполнѣ раздѣляю съ вами убѣжденіе въ тѣхъ послѣдствіяхъ, какія порождаетъ эта идея;* но, не имѣя возможности дѣйствовать для ея принятія, я могу только питать желаніе, чтобы благія намѣренія правительства, тѣми или другими средствами, были исполнены наилучшимъ образомъ. Впрочемъ, г. Новосильцовъ находится теперь въ Лондонѣ [3]), и вы, быть можетъ, сами будете имѣть случай говорить съ нимъ объ этомъ предметѣ, истинно важномъ для человѣчества. Ваше свидѣтельство способно подкрѣпить *предложеніе этого рода* и доставить ему весь возможный авторитетъ».

Къ тому мѣсту письма, гдѣ говорится о Новосильцовѣ, сдѣлана сноска, написанная по-англійски, или Дюмономъ, или Бентамомъ; въ копіи П. Библіотеки она списана, кажется, той же рукой, какой написано и все письмо. Въ этой сноскѣ говорится слѣдующее: «Во всемъ, кромѣ благихъ намѣреній, полная

[1]) См. «Докладъ министерства юстиціи о преобразованіи коммиссіи составленія законовъ» и пр. Спб. 1804, и бар. Корфа, «Жизнь Сперанскаго», I, 146 и слѣд.

[2]) Эти послѣднія слова въ письмѣ Сперанскаго приведены въ книгѣ барона Корфа, I, 154—155; прим.

[3]) Ему былъ порученъ важный дипломатическій трудъ—привлечь Англію въ коалицію, которую императоръ Александръ составлялъ тогда противъ Наполеона.

Digitized by Google

неспособность достойнаго джентльмена (т. е. Новосильцова) къ какому-нибудь дѣлу подобнаго рода оказалась, съ перваго же раза, такъ велика, что всякій разговоръ съ нимъ объ этомъ предметѣ былъ бы совершенной потерей времени: это было очевидно. Поэтому, я старательно и положительно уклонялся отъ него. Идеи г. Н. были въ Петербургѣ, въ головѣ г. Р. (т. е. Розенкампфа), а идеи Р. были въ облакахъ, — гдѣ, безъ сомнѣнія, пребываютъ и теперь» [1]).

Такимъ образомъ, для Бентама уже съ этого времени становилось видно положеніе законодательнаго вопроса въ коммиссіи законовъ. Впослѣдствіи назначеніе Сперанскаго въ члены присутствія въ коммиссіи было, безъ сомнѣнія, пріятно для него, потому что Сперанскаго онъ очень уважалъ и считалъ его способнымъ къ этому дѣлу. Что касается до Розенкампфа, Бентамъ не упускалъ его изъ виду. Мы еще встрѣтимъ его имя въ слѣдующемъ письмѣ Бентама, которое мы находимъ въ П. Библіотекѣ.

Это письмо (отъ января 1814 г.), адресованное, какъ мы полагаемъ, къ Мордвинову, занято уже именно планомъ Бентама обратиться къ императору Александру съ предложеніемъ своихъ трудовъ на пользу русской кодификаціи. Письмо, которое на самомъ дѣлѣ представлено было императору только въ маѣ 1814, было уже въ январѣ этого года прислано Бентамомъ къ своему корреспонденту, у котораго онъ проситъ совѣта и содѣйствія по этому предмету и которому онъ сообщаетъ свои предположенія о различныхъ шансахъ этого дѣла. Онъ разсчитываетъ разныя обстоятельства, отъ которыхъ можетъ зависѣть успѣхъ или неуспѣхъ дѣла, и исторія его письма къ императору, которую мы здѣсь отчасти видимъ, довольно показываетъ, до какой степени это дѣло дѣйствительно у него «лежало на душѣ», — мы увидимъ, почему его письмо къ императору Александру имѣло тотъ, а не другой характеръ. Мы приведемъ здѣсь существенные пункты его разсказа.

Начала письма, повидимому, недостаетъ; оно начинается такимъ образомъ:

....«Когда я такимъ образомъ представилъ вамъ лучшее доказательство, какое въ состояніи дать мои слабыя силы, — доказа-

[1]) Въ подлинникѣ: «In every thing but goodness of intention, the worthy gentleman's complete unfitness for any such business became immediately so prominent, that any conversation with him on the subject would (it was evident) be worse than labour lost. I accordingly kept carefully and effectually out of his way. Mr N.'s ideas were at Petersburgh in the head of Mr R...; and Mr R.'s were (where they doubtless continue to be) in the clouds».

Digitized by Google

тельство той привязанности — — —, которой не можетъ не требовать ваша дружба къ моему брату, позвольте мнѣ упомянуть вамъ объ одномъ дѣлѣ, на которое онъ меня побуждаетъ (хотя оно и безъ того достаточно лежитъ у меня на душѣ) и которое (я льщу себя этой мыслью) будетъ не совсѣмъ индифферентно для русскаго государственнаго человѣка, выразившаго такъ ясно свое одобреніе моихъ принциповъ и моихъ сочиненій, какъ я имѣлъ удовольствіе это видѣть.

«Я беру на себя смѣлость поручить вашей заботѣ прилагаемыя при этомъ два экземпляра письма, написаннаго мною къ вашему императору. Въ одномъ изъ нихъ *помѣщенъ* параграфъ, который въ другомъ экземплярѣ *опущенъ*: вотъ вся ихъ разница. То изъ этихъ писемъ, которое вы найдете наилучше соотвѣтствующимъ цѣли, я просилъ бы вашей благосклонности— переслать ему какимъ бы то ни было образомъ, который можетъ оказаться наиболѣе удобнымъ [1]). Разныя лица согласно увѣряютъ меня, что на *англійскомъ* языкѣ оно будетъ для него столько же понятно, какъ на *французскомъ*: и на англійскомъ языкѣ (какъ говорятъ иные) оно можетъ пріобрѣсть болѣе благосклоннаго вниманія и дѣйствовать съ бо̀льшимъ вѣсомъ, чѣмъ на менѣе дружественномъ и болѣе обыкновенномъ языкѣ.

«Я считалъ необходимымъ спросить мнѣнія разныхъ лицъ, больше или меньше имѣющихъ то знаніе людей и обстоятельствъ (въ Россіи), какого я не имѣю вовсе. Теперь это письмо имѣетъ не совсѣмъ тотъ видъ, въ какомъ оно въ первый разъ вышло изъ моихъ рукъ. Тогда я старался сколько возможно избѣгать того самовозвеличенія, котораго вы увидите теперь такое изобиліе. Но меня съ разныхъ сторонъ увѣряли, что — подъ опасеніемъ остаться непонятнымъ — я необходимо долженъ говорить такъ ясно и прямо, какъ только возможно, отдавая полное предпочтеніе понятности передъ скромностью.

«Въ томъ видѣ письма, какой оно имѣетъ теперь, я самъ не нахожу ничего въ частности, что̀ бы представляло опасность произвести неудовольствіе, или какимъ-нибудь образомъ мѣшать намѣренію. Но еслибы вы открыли въ немъ что-нибудь подобное, то съ вашей стороны было бы дѣломъ человѣколюбія отдать переписать его, опустивъ осужденное мѣсто, и дать кому-нибудь подписать мое имя. И время и отдаленность вмѣстѣ запрещаютъ пересылку письма взадъ и впередъ между Лондономъ

---

[1]) Мы замѣтили выше, что экземпляръ, находящійся при этомъ письмѣ въ П. Б-кѣ, совершенно сходенъ съ тѣмъ письмомъ, которое Бентамъ впослѣдствіи напечаталъ и которое мы ниже помѣщаемъ въ переводѣ.

Digitized by Google

и Петербургомъ для такой (маловажной) цѣли. Вы—мой уполномоченный: — вы имѣете carte blanche.»

Онъ разбираетъ потомъ, имѣетъ ли право отягощать своего корреспондента заботами о письмѣ, и находитъ, что участіе этого корреспондента къ его предпріятію вѣроятно позволитъ ему разсчитывать на такое содѣйствіе. Переходя затѣмъ къ разсчетамъ о томъ, гдѣ онъ можетъ встрѣтить поддержку или оппозицію своему предпріятію, Бентамъ прежде всего вспоминаетъ о томъ же Розенкампфѣ и чтобы объяснить свои предположенія относительно его вѣроятнаго взгляда на это дѣло, приводитъ отрывокъ изъ одного письма, на которое мы уже указывали выше, въ первой статьѣ. Читатель припомнитъ письмо д'Ивернуа къ Дюмону (отъ 6 февр. 1813 г.), гдѣ говорится о томъ, какъ читаются сочиненія Бентама нѣкоторыми русскими государственными людьми. Въ нашей рукописи мы находимъ этотъ отрывокъ въ болѣе полномъ видѣ, и изъ него оказывается, что у д'Ивернуа шла рѣчь именно о Розенкампфѣ [1]).

«Я не осмѣливаюсь ручаться, писалъ д'Ивернуа къ Дюмону, чтобы вашъ трудъ былъ понятъ однимъ *статскимъ совѣтникомъ*, котораго вы знаете и который возвратилъ мнѣ ваши два волюма (Peines et Récompenses) *въ 24 часа*, увѣряя меня, что онъ прочелъ ихъ и размышлялъ о нихъ цѣлую ночь. Его зовутъ Р... [2]), котораго его величество императоръ далъ мнѣ въ руководители [3]) и относительно котораго я могу похвалиться, что гораздо васъ скорѣе оцѣнилъ и его голову и его сердце».

Затѣмъ Бентамъ продолжаетъ:

«Не можетъ быть конечно рѣчи о какомъ-нибудь шансѣ принятія подобнаго предложенія (т. е. того, которое хотѣлъ сдѣлать Бентамъ императору) — какъ вы, безъ сомнѣнія, хорошо знаете,—если бы при всѣхъ усиліяхъ этого Р... онъ былъ въ силахъ остановить его. Все время, какъ Дюмонъ находился въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ Traités de Législation, Р... былъ какъ на иголкахъ: уловки и притворства, къ которымъ онъ прибѣгалъ, и волненіе, которое онъ обнаруживалъ, представляли тогда совершенную комедію: нѣкоторыя черты ея есть гдѣ-то у меня записанныя. Тоже заявленіе, что онъ провелъ цѣлую

---

[1]) Бентамъ говоритъ: „Я приведу отрывокъ изъ письма къ Дюмону, 6 февр. 1813 года, отъ одного его друга, *котораго вы угадаете*. По моему желанію, это письмо было оставлено имъ у меня, вскорѣ послѣ того, какъ оно сюда пришло. Ни тотъ, ни другой не знаютъ, что изъ письма сдѣлано будетъ *это* употребленіе; но если бы они и знали, то оба они (я надѣюсь) извинятъ меня."

[2]) На полѣ карандашомъ: Розенкампфъ.

[3]) Alas! poor Russia!—прибавлено въ скобкахъ, конечно Бентамомъ.

Digitized by Google

ночь или двѣ ночи въ чтеніи и размышленіи обо всей книгѣ; тоже рѣшительное нежеланіе слышать или сказать хоть слово о какой-нибудь одной особенной *части*.

«Все это совершенно естественно. Не въ природѣ вещей, чтобы по предмету законодательства *его* идеи и *мои* могли найти одобреніе въ одномъ и томъ же умѣ. Тотчасъ послѣ появленія моихъ (кажется въ 1807 г.), его идеи—если мои свѣдѣнія справедливы—были оцѣнены по ихъ настоящему достоинству. «Голова» и «сердце», о которыхъ идетъ рѣчь, были, какъ я предполагаю, въ числѣ тѣхъ, съ которыми *вамъ* приходилось имѣть дѣло. Относительно *настоящаго* положенія законовъ въ имперіи (судебнаго устройства и формъ судебной процедуры), я не удивился бы, впрочемъ, еслибъ услышалъ, что его *голова* больше, чѣмъ всѣ другія, имѣетъ свѣдѣній (включая и *средства полученія* этихъ свѣдѣній изъ разныхъ источниковъ, откуда ихъ можно имѣть). Но, если говорить о содѣйствіи въ такомъ дѣлѣ, каково предлагаемое мной, есть ли какой-нибудь шансъ найти для него какое-нибудь побужденіе къ этому?—Если бы онъ дѣйствительно могъ быть удовлетворенъ на такихъ условіяхъ, что *онъ* на *свою* долю имѣлъ бы всю *награду* за то, что сдѣлано (предполагая всегда его способность доставлять самыя правильныя и полныя свѣдѣнія, какія можно имѣть), а я имѣлъ бы на свою долю *трудъ*, онъ и я были бы лучшими друзьями, какихъ только можно себѣ вообразить.

«Другая вещь, какую необходимо кажется помнить всякому лицу, которое имѣло бы наклонность дать свою поддержку моему предложенію (хотя для васъ это замѣчаніе можетъ быть совершенно излишне послѣ того, что̀ вы вѣроятно слышали отъ моего брата), есть то, что еслибы *здѣшняя администрація* узнала объ этомъ дѣлѣ и если бы въ ея власти было помѣшать ему, она помѣшала бы навѣрное. Хотя я и былъ предметомъ публично заявленнаго уваженія, засвидѣтельствованнаго документально, предметомъ многократныхъ и не встрѣчавшихъ никогда противорѣчія похвалъ, высказанныхъ по разнымъ случаямъ и отъ различныхъ сторонъ парламента, въ палатѣ общинъ, но для нихъ (т. е. для администраціи) я тѣмъ не менѣе, или даже тѣмъ болѣе упорно служу предметомъ *отвращенія* и вмѣстѣ предметомъ *опасеній* (apprehension), насколько можетъ быть такимъ предметомъ одиноко стоящій человѣкъ, не принадлежащій ни къ какой партіи и не имѣющій никакихъ политическихъ плановъ»...

Этихъ своихъ непримиримыхъ враговъ Бентамъ указываетъ, не говоря о духовенствѣ, въ англійскихъ *законникахъ*, ненави-

Digitized by Google

дѣвшихъ его за то, что онъ открылъ тѣ недостатки и злоупотребленія, отъ которыхъ зависитъ и которыми соразмѣряется ихъ личное благополучіе. Онъ приводитъ примѣры и случаи, — какъ его величество Георгъ III сдѣлалъ ему честь, записавши его въ свою черную книгу, какъ парламентъ, зависящій отъ министерства, нарушилъ (съ ущербомъ для казны) свое обѣщаніе устроить тюремныя учрежденія по плану «Паноптикона», и т. д. Достаточно извѣстно, что Бентамъ дѣйствительно былъ предметомъ ненависти для всѣхъ консервативныхъ элементовъ англійскаго правительства, аристократіи, духовенства и юридическихъ казуистовъ; а эти элементы бываютъ обыкновенно въ огромномъ большинствѣ.

«При такихъ обстоятельствахъ, предположите, что (наприм. по внушенію вашего Р...) *нашему* посланнику при *вашемъ* дворѣ сдѣлаютъ вопросъ, что́ *онъ* знаетъ обо мнѣ. Отвѣтъ, и вѣроятно справедливый, будетъ вѣроятно тотъ, что онъ никогда не слыхалъ о такомъ человѣкѣ. Предположите, что такой же вопросъ будетъ обращенъ *вашимъ* посланникомъ *здѣсь* къ лорду Ливерпулю, лорду Батёрсту, или лорду Кэстльри, отвѣтъ будетъ тотъ, что они никогда меня не видывали, но что я, хотя и благомыслящій человѣкъ, но человѣкъ умозрительный, фантазеръ, утопистъ, полный невозможныхъ плановъ преобразованій, и самъ человѣкъ невозможный (unpracticable), который надѣлалъ имъ порядочно хлопотъ.

«Если бы спросили *теперь* лорда С.-Эленса (нашего посланника при вашемъ дворѣ, если можете или не можете припомнить), *его* отвѣтъ былъ бы таковъ, что я не могу, оставаясь скромнымъ, дать вамъ о немъ понятія.

«Каковъ былъ бы отвѣтъ лорда Сидмута, я нѣсколько затрудняюсь придумать — — —

«Еслибы не цѣль, которую я имѣю въ виду, то была бы невыносима и десятая доля этихъ моихъ толковъ о самомъ себѣ», замѣчаетъ Бентамъ, и высказывая свое убѣжденіе въ томъ, что могъ бы принести пользу человѣчеству этими своими трудами, пользу, которой не приносилъ еще никто до тѣхъ поръ («потому что ни въ одномъ изъ кодексовъ, изданныхъ въ послѣднее время, не излагаются *основанія* — reasons — законовъ»), онъ выражаетъ надежду, что его не осудятъ за его способъ дѣйствій и заботу объ интересѣ своего дѣла.

Онъ обращаетъ вниманіе и на тотъ возможный шансъ, что его трудъ, достигши Петербурга, будетъ оставленъ безъ вниманія и безъ употребленія. Этотъ шансъ онъ не считаетъ невѣроятнымъ, но думаетъ, что если бы трудъ его былъ изданъ въ

Digitized by Google

Англіи, то самая исторія его совершенія обезпечила бы ему вниманіе, и этого было бы довольно. Онъ разумѣетъ здѣсь, относительно Англіи, не вниманіе *немногихъ* управляющихъ, а вниманіе *многихъ* управляемыхъ: о первыхъ онъ уже сказалъ, что для нихъ онъ составляетъ предметъ отвращенія, какъ и всякая мысль о реформѣ. При его жизни, имъ нечего отъ него бояться; но послѣ его смерти имъ надо будетъ бояться многаго.

«Эта увѣренность и предвкушеніе уваженія отъ немногихъ людей признаннаго достоинства по ихъ талантамъ и общественной добродѣтели — и составляютъ мою награду.

«Если я не слишкомъ льщу себѣ — продолжаетъ Бентамъ, — я успѣлъ уже положить основаніе по крайней мѣрѣ небольшой школы, состоящей изъ людей даровитыхъ и дѣятельныхъ, которые, будучи вполнѣ проникнуты моими принципами, не будутъ имѣть недостатка ни въ охотѣ, ни въ способности идти впередъ и дополнить то, что̀ останется у меня неконченнымъ: такъ-что, по моей смерти, — если тѣмъ временемъ будетъ сдѣлано какое-нибудь употребленіе изъ моего предложенія, — можно будетъ знать, гдѣ можно было бы получить содѣйствіе для продолженія дѣла».

Обращаясь потомъ къ своему личному труду, Бентамъ замѣчаетъ, что его дѣятельность, хотя еще не прекратилась, но уже приближается къ концу.

«Впрочемъ — говоритъ онъ — трудъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ бы для меня игрушкой въ сравненіи съ моими настоящими занятіями [1]): онъ былъ бы для меня своего рода отдохновеніемъ. Труды подобнаго рода составляютъ единственное, абсолютно единственное удовольствіе, какое въ послѣдніе годы осталось для меня. Я не *хожу* рѣшительно никуда. Я *не принимаю* никого, кромѣ немногихъ, отъ кого въ этихъ своихъ трудахъ я могу получить, или ожидаю получить поощреніе или помощь. Я уклонился отъ свиданія съ вашимъ Н. [2]), который, хотя, какъ я слышалъ, есть человѣкъ почтенный и добронамѣренный, но обнаружилъ слишкомъ явную слабость довѣріемъ къ своему Р... Я не хотѣлъ также видѣть *Хитрово*, и адресовалъ его къ своему брату. «Г-жа Сталь (говоритъ мнѣ Дюмонъ) не хочетъ видѣть здѣсь никого, пока не увидитъ васъ»; — «въ такомъ случаѣ (говорю я) она не увидитъ здѣсь никого». Когда была здѣсь миссъ Эджевортъ, я также не хотѣлъ принять ее. Г-жа Сталь и въ печати и въ разговорахъ ругаетъ *принципъ пользы*; миссъ Эджевортъ превозноситъ

---

[1]) Бентамъ разумѣлъ вообще теоретическій трудъ, разъясненіе принциповъ и *основаній* законовъ, — вещи, надъ которыми онъ именно трудился всю свою жизнь.

[2]) Т. е. опять Новосильцовымъ.

Digitized by Google

его— —*Миранду* я принялъ: еслибы онъ имѣлъ успѣхъ, я составилъ бы кодексъ для Венезуэлы, а потомъ, можетъ быть и для другихъ частей испанской Америки. Полковника Бурра (американца) я даже принялъ на нѣсколько времени въ свой домъ: я имѣлъ доказательства его уваженія къ моимъ трудамъ въ то время, когда онъ былъ на высотѣ своей славы и не могъ имѣть помышленія, что когда-нибудь меня увидитъ.

«Въ васъ я вижу просвѣщеннаго друга вашего отечества, и испытаннаго друга моего брата. Я не безъ нетерпѣнія жду того времени, когда я могу надѣяться пожать вамъ руку въ этомъ моемъ уединеніи».

Въ пост-скриптѣ Бентамъ спрашиваетъ: можно-ли было бы получить собственноручное письмо императора въ отвѣтъ на его предложеніе, и не произвело-ли бы подобное письмо больше впечатлѣнія, чѣмъ такое, которое было бы только подписано имъ? Потомъ, заговоривъ о Дюмонѣ, онъ вспоминаетъ о его пребываніи въ Петербургѣ:

«Когда онъ былъ въ Петербургѣ и былъ такъ хорошо принятъ нѣкоторыми членами администраціи вслѣдствіе изданія моего труда, онъ говорилъ такъ, что ему казалось весьма вѣроятнымъ получить приглашеніе: но не имѣя полномочія отъ меня, онъ не сдѣлалъ никакого предложенія отъ моего имени. Кочубей кажется былъ склоненъ къ этому, но не имѣлъ возможности: его вѣдомство было удобно для этого, но онъ оставлялъ его. Сперанскій, въ то время (я полагаю) состоявшій при Кочубеѣ, кажется понималъ въ чемъ дѣло, и письмо его къ Дюмону, которое я видѣлъ въ то время, кажется выражало это. Онъ именно говорилъ съ Дюмономъ о русскомъ переводѣ, который (я полагаю) вы имѣете».

Въ концѣ письма сдѣлана самимъ Бентамомъ приписка. Онъ нашелъ у себя письмо Сперанскаго, о которомъ была рѣчь, и посылаетъ своему корреспонденту копію (конечно ту самую, которая находится въ рукописи Публичной Библіотеки): «изъ этой копіи вы можете видѣть, на какой почвѣ стояло въ то время законодательное дѣло, насколько оно касалось меня».

Наконецъ, онъ прибавляетъ еще нѣкоторыя соображенія по тому же предмету:

«Лордъ Кэстльри отправился въ свое посольство. Изъ сказаннаго выше вы увидите, какъ важно то, чтобы мое письмо не было представлено, пока лордъ Кэстльри не удалится отъ того лица, которому оно адресовано. Поццо ди-Борго (съ которымъ я никогда не имѣлъ никакихъ сношеній) считается Дюмономъ въ числѣ друзей этого дѣла. Такъ Дюмонъ увѣрялъ меня и со-

Digitized by Google

бирался писать ему объ этомъ предметѣ, чтобы извѣстить его, что такое предложеніе будетъ сдѣлано и, сообщая свое мнѣніе, говорилъ, что по его мнѣнію можетъ всего лучше доставить его содѣйствіе: о важности этого содѣйствія, вы, я полагаю, знаете все, а я конечно не знаю ничего.

«Разныя обстоятельства нѣсколько разъ подвергали это скучное письмо многимъ перемѣнамъ. Послѣдняя дата его здѣсь поставлена». — Въ концѣ извѣстіе о добромъ здоровьѣ Самуила Бентама.

Эта послѣдняя дата есть *28-е января* 1814.

Мы не имѣемъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о томъ, какъ потомъ шло дѣло объ этомъ первомъ письмѣ Бентама къ императору Александру. Оно было представлено въ *маѣ* 1814 и читатель увидитъ ниже объясненіе послѣдующихъ обстоятельствъ дѣла. Письмо, *представленное* Бентамомъ (какъ оно напечатано потомъ имъ самимъ) не разнится отъ той редакціи, какую мы находимъ въ рукописи Публичной Библіотеки.

Когда дѣло кончилось совсѣмъ — и кончилось неудачей, — Бентамъ издалъ самъ свою переписку съ императоромъ Александромъ въ «Papers relative to Codification and Public Instruction» (Лондонъ 1817) и въ «Supplement to Papers etc.», вышедшихъ въ томъ же году. Въ этомъ самомъ видѣ переписка вошла и въ собраніе его сочиненій, 1843 года [1]).

Въ переводѣ этихъ писемъ, мы старались быть сколько можно близкими къ подлиннику. Это не такъ легко, и быть можетъ не такъ удобно для читателя: языкъ Бентама вообще довольно тяжелъ, и о Бентамѣ даже просто говорятъ, что онъ «не умѣлъ писать», — но тѣмъ не менѣе мы желали сохранить особенности его стиля, потому что онѣ довольно характерны. Бентамъ дѣйствительно не заботился о гладкости фразы; онъ старался только о томъ, чтобы его мысль выражалась во фразѣ со всей точностью, со всѣми ея опредѣленіями; поэтому фраза обставлена обыкновенно множествомъ условныхъ, предположительныхъ, усиливающихъ или ослабляющихъ подробностей, которыхъ достаточно было бы, чтобы изъ одной этой фразы выстроить нѣсколько цѣлыхъ періодовъ. Понятно, какъ этотъ характеръ языка выражалъ самый характеръ ума Бентама, его строгую логическую послѣдовательность и юридическую точность. Этотъ языкъ самъ по себѣ есть историческая черта.

Переходимъ къ самымъ письмамъ.

---

[1]) Works, IV, 514—528. Ср. тамъ же, стр. 452, прим.

Digitized by Google

1. Письмо Іереміи Бентама къ императору всероссійскому.

Queen-Square-Place, Westminster.

Лондонъ, мая 1814 г.

Цѣль этого письма состоитъ въ томъ, чтобы представить вниман вашего величества предложеніе относительно области законодательства.

Мнѣ шестьдесятъ шесть лѣтъ. Изъ нихъ не много менѣе пятидеся проведены были на этомъ поприщѣ безъ всякихъ порученій со стороы какого либо правительства. Я гордился бы посвятить остальные год моей жизни, насколько это можетъ быть сдѣлано мною въ моемъ от чествѣ, трудамъ на улучшеніе состоянія этой отрасли управленія въ об ширной имперіи вашего величества.

Въ 1802 году издано было въ Парижѣ г-мъ Дюмономъ (изъ Женевы сочиненіе въ трехъ томахъ 8⁰ подъ названіемъ: *Traités de Législation Civile et Pénale etc.*, извлеченное, какъ упоминается въ немъ, из моихъ бумагъ.

Въ 1805 году переводъ этого сочиненія на русскій языкъ был изданъ въ С.-Петербургѣ по повелѣнію вашего величества (если ме вѣрно сообщено объ этомъ).

Со времени появленія этого сочиненія Европа увидѣла *два* обшир ныхъ кодекса законовъ, обнародованныхъ въ ея предѣлахъ: один *французскимъ императоромъ*, другой *королемъ Баваріи*. Тотъ и другой представляютъ собою единственные кодексы подобнаго обширнаго объема, какіе только появлялись *въ послѣднее полустолѣтіе*. Изъ зако новъ, изданныхъ французскимъ императоромъ, одна часть заключает въ себѣ полный *уголовный кодексъ*. Въ предисловіи къ этому авторита тивному [1]) труду, упоминается о моемъ не-авторитативномъ трудѣ съ по четнымъ отзывомъ; между *умершими* приводятъ имена *Монтескье, Бек каріи и Блакстона*,—между живыми (исключая только нѣкоторые *фак тическіе* предметы) одно только *мое* имя. Въ баварскомъ кодексѣ, со ставленномъ г. *Бексономъ*, упоминается о моемъ сочиненіи гораздо *по дробнѣе и обширнѣе* и расточается ему еще больше *похвалъ*.

Во *Франціи* подъ непосредственной волей Наполеона—въ *Баваріи* подъ вліяніемъ Наполеона,—это великодушіе, оказанное вниманіемъ к

---

[1]) Бентамъ принимаетъ это слово въ слѣдующемъ смыслѣ: Книга, заключающа въ себѣ изложеніе и объясненіе законовъ, «называется *авторитативной* тогда, когд составлена человѣкомъ, который, представляя такое или другое состояніе закона, бы ваетъ виновникомъ этого состоянія, т. е. когда она составлена самимъ законодателем она называется *не-авторитативной*, когда она есть произведеніе какого-нибудь дру гого лица вообще»; другими словами: когда она имѣетъ юридическую силу законо или не имѣетъ этой силы. Ср. Избр. Сочин. Бент. I, 301 — 302.

Digitized by Google

труду живого англичанина, не могло не вызвать съ моей стороны удивленія.

Похвала труду—одна вещь; *принятіе* его—другая. Имѣя передъ собою мой трудъ, оба эти новѣйшія произведенія приняли въ свое основаніе законодательство *древняго Рима*. Для Россіи во всякомъ случаѣ это было бы только лишней помѣхой.

Въ устройствѣ человѣческой природы есть фибры, которыя бываютъ одни и тѣ же во всякомъ *мѣстѣ* и во всякое *время*, и есть другія, которыя мѣняются по *мѣсту* и по *времени*. Эти-то послѣднія и были предметомъ моего постояннаго и положительно заявленнаго вниманія, и въ особенности я старался выяснить и о нихъ заботился. Объ особенностяхъ Россіи я имѣю нѣкоторое понятіе. Два года изъ тѣхъ лѣтъ моей жизни, которыя были наиболѣе богаты наблюденіями, были проведены въ предѣлахъ Россіи.

Кодексы по французскому образцу теперь уже у всѣхъ на виду. Скажите слово, Государь, и Россія представитъ свой собственный образецъ. и тогда пусть Европа судитъ.

Правда, для Россіи я чужой человѣкъ. Но для этой цѣли едва ли я болѣе чуждъ ей, чѣмъ *курляндецъ*, *ливонецъ* или *финляндецъ* [1]). Что касается мѣстныхъ знаній, то для того, чтобы поставить меня на одинъ уровень съ уроженцемъ Россіи, разнаго рода свѣдѣнія будутъ конечно совершенно необходимы—для *меня* также какъ и для *нихъ*. И никто съ такой готовностью не могъ бы доставлять мнѣ такія свѣдѣнія, съ какою я принялъ бы ихъ и воспользовался ими.

Въ моемъ вышеупомянутомъ трудѣ представленъ образчикъ *уголовнаго кодекса*. Прежде всего, я почтительнѣйше предложилъ бы сдѣлать то, что остается еще недодѣланнымъ для полноты этого труда. На это, я надѣюсь, потребовалось бы только нѣсколько мѣсяцевъ.

Государь и отецъ — въ этихъ двухъ качествахъ, ваше величество всегда желаете и находите удовольствіе являться передъ своимъ народомъ. Въ этихъ двухъ качествахъ, даже на суровомъ и тернистомъ пути уголовнаго закона—въ этихъ самыхъ, такъ счастливо сочетавшихся качествахъ, ваше величество могли бы также явиться предъ народомъ, обращаясь къ нему черезъ посредство моего пера. Государь—по своимъ *повелѣніямъ*, отецъ—по своимъ *наставленіямъ;* государь, столько же старающійся установить необходимыя обязательства, сколько отецъ старается сдѣлать эту необходимость очевидною, — очевидною для всѣхъ людей, — такъ что каждая мѣра, имъ предпринимаемая, оправдываетъ его въ ихъ глазахъ.

---

[1]) Это конечно намекаетъ между прочимъ и на Розенкампфа, или исключительно на него.

Digitized by Google

Основанія [1])—да, только съ помощію однихъ основаній и возможно выполнить трудъ столь благотворный и столь тяжелый, — *основанія*, связанныя непрерывной цѣпью ссылокъ, съ одной стороны съ *общими началами*, изъ которыхъ они были выведены, а съ другой—съ различными *положеніями и словами* въ текстѣ закона, для *оправданія* (justification) и вмѣстѣ для *разъясненія* котораго они и были составлены. Принадлежность этого рода составила бы одну изъ особенностей моего *кодекса;* образчикъ этого сдѣланъ въ моихъ вышеупомянутыхъ *трактатахъ*.

Этотъ образчикъ былъ вызовомъ для законодателей: благонамѣренные, но крѣпко скованные французы отступили отъ него со страхомъ. Какъ тонко они чувствовали пользу этой принадлежности закона, — какъ они желали и въ то же время боялись подвергнуть свои работы такому строгому *испытанію*,—съ какимъ трудомъ они старались придумать нѣкоторую *замѣну* этому—(я разумѣю массу неопредѣленныхъ общихъ фразъ плавающихъ по воздуху и лишенныхъ всякаго примѣненія къ частностямъ), — какъ печально несоотвѣтственна была эта замѣна, — какое извиненіе представляется для этого недостатка и какъ слабо это извиненіе, — все это можно видѣть въ ихъ книгахъ.

Общедоступность, точность, однообразіе, простота, — качества, соединеніе которыхъ такъ желательно и вмѣстѣ такъ трудно,—таковы, при выборѣ словъ, качества, которыхъ требуетъ, кажется, сама сущность дѣла. Сообщить эти качества труду и при томъ каждое въ высшей степени, какую допускаетъ необходимое вниманіе ко всему остальному, было бы, и въ этомъ случаѣ, какъ бывало и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, для моего ума предметомъ неослабной заботливости. Какой можетъ это обѣщать успѣхъ, пусть скажетъ вышеупомянутый образчикъ. Кто увидитъ эту *одну часть*, тотъ составитъ себѣ въ этомъ отношеніи понятіе *о цѣломъ*.

Въ разгарѣ войны, при непрерывныхъ успѣхахъ или трудностяхъ войны, одной или двухъ собственноручныхъ строкъ вашего величества было бы достаточно для того, чтобы положить начало этому труду, — этому труду, величайшему изъ всѣхъ трудовъ мира.

Что касается *вознагражденія*, то честь быть избраннымъ для такого труда и нераздѣльныя съ этой честью удовольствія составляютъ единственную награду, которая при моемъ положеніи становится необходимой, — единственную, которую мой образъ мыслей позволилъ бы мнѣ принять.

---

[1]) *Reasons*, т. е. объясненія основаній, на которыхъ постановляется тотъ или другой законъ. Бентамъ вообще настаиваетъ на томъ, чтобы законъ, при помощи подобныхъ объясненій, былъ понятенъ, чего не бываетъ очень часто, когда законъ имѣетъ форму категорическаго повелѣнія:—послѣднее требуетъ только повиновенія; первое предполагаетъ пониманіе закона. Одно дѣйствуетъ только силой, другое вмѣстѣ и разумомъ.

Digitized by Google

Со всѣмъ уваженіемъ, о которомъ свойство этого письма свидѣтельствуетъ полнѣе, чѣмъ могла бы свидѣтельствовать какая-нибудь обычная форма словъ, мое стараніе заключалось бы въ томъ, чтобы оказать себя, государь, всегда вѣрнымъ слугою вашего императорскаго величества.

Іеремія Бентамъ.

2. Письмо Александра I, императора Всероссійскаго, къ Іереміи Бентаму въ Лондонѣ,—написанное (по-французски) собственною рукою его величества въ отвѣтъ на предыдущее письмо.

М. Г.! Съ большимъ интересомъ я прочиталъ письмо, написанное вами ко мнѣ, и находящіяся въ немъ ваши предложенія содѣйствовать вашими познаніями законодательнымъ трудамъ, имѣющимъ цѣлью доставить моимъ подданнымъ новый кодексъ законовъ. Это дѣло слишкомъ близко моему сердцу, и я придаю ему такое высокое значеніе, что не могу не желать воспользоваться, при его совершеніи, вашими знаніями и опытностью. Я предпишу коммиссіи, на которую возложено исполненіе этого дѣла, прибѣгать къ вашему содѣйствію и обращаться къ вамъ съ вопросами. Между тѣмъ примите мою искреннюю благодарность и прилагаемый при семъ подарокъ (souvenir), въ знакъ особеннаго уваженія которое я къ вамъ питаю.

Александръ.

Вѣна, $^{10}/_{22}$ апрѣля 1815.

Къ этому письму Бентамъ сдѣлалъ въ своемъ изданіи 1817 года слѣдующее ниже примѣчаніе, гдѣ онъ объясняетъ нѣкоторыя обстоятельства этой переписки и дѣлаетъ обзоръ своего второго, обширнаго письма къ императору Александру, которое было напечатано имъ нѣсколько позднѣе, въ упомянутомъ «Supplement to Papers etc.», хотя въ томъ же 1817 году [1]). Хотя поэтому здѣсь и представится нѣкоторое повтореніе, мы предпочли помѣстить цѣликомъ и эту статью, какъ представляющую нѣсколько разъясненій того, почему мнѣнія Бентама о русскихъ дѣлахъ — какъ эти мнѣнія выразились въ его второмъ длинномъ письмѣ къ императору Александру и въ другой позднѣйшей его перепискѣ, — носятъ оттѣнокъ нѣкоторой скептической суровости и наконецъ ироніи. Читатель замѣтитъ здѣсь между прочимъ и взглядъ Бентама на тогдашнія польскія дѣла. Какъ тогда многіе въ Европѣ, онъ ожидалъ для Польши иного порядка вещей, чѣмъ тотъ, какой устроенъ былъ тогдашними событіями: самъ лично

[1]) При изданіи самыхъ «Papers» Бентамъ не помѣстилъ его по случайному недосмотру. Works, IV, 452.

Digitized by Google

онъ имѣлъ надежду «кодифицировать» и для Польши, — предполагалось, что для нея нуженъ будетъ конституціонный кодексъ. Онъ былъ разочарованъ въ своихъ ожиданіяхъ (замѣтимъ между прочимъ, что такое же разочарованіе онъ встрѣчалъ между прочимъ въ Чичаговѣ, который въ то время выражалъ также рѣзкое недовольство) и предвидѣлъ еще больше разочарованій впослѣдствіи. Между письмомъ Бентама и отвѣтомъ императора Александра прошелъ почти годъ времени; когда Бентамъ писалъ второе письмо (въ іюлѣ 1815), въ немъ являлись уже сомнѣнія относительно прежнихъ либеральныхъ плановъ императора; въ 1817, когда онъ писалъ слѣдующую сейчасъ замѣтку, священный союзъ успѣлъ уже заявить себя реакціей.

Замѣтка разсказываетъ слѣдующее:

«Этотъ подарокъ (souvenir, присланный при письмѣ императора Бентаму) — пишетъ Бентамъ — находился въ небольшомъ пакетѣ за императорской печатью. Въ письмѣ одного министра, находившагося въ свитѣ его величества, къ одному извѣстному русскому джентльмену, проживавшему въ то время въ Лондонѣ, говорится объ этомъ подаркѣ, что это—драгоцѣнный перстень, «une bague de prix». Пакетъ этотъ былъ возвращенъ нераспечатаннымъ: основаніе къ тому здѣсь объясняется.

«Во время пребыванія императора въ Лондонѣ, князь Адамъ Чарторыскій, узнавъ о моей обычной затворнической жизни, на которую обрекли меня мои занятія, получилъ, черезъ посредство одного общаго знакомаго, увѣреніе, что дверь моего уединеннаго жилища будетъ для него открыта, такъ какъ онъ хотѣлъ просить меня принять участіе въ трудахъ по составленію кодекса законовъ, относительно дарованія котораго въ то время существовали извѣстныя ожиданія. Онъ явился и былъ принятъ съ почетомъ, подобавшимъ его извѣстности, и съ радушіемъ, которое вызывалось воспоминаніемъ о прежнемъ знакомствѣ. Чарторыскій въ то время постоянно находился при особѣ императора; уже за нѣсколько времени передъ тѣмъ, и значительное время впослѣдствіи вообще думали, что онъ предназначенъ быть вице-королемъ предполагавшагося тогда будущаго королевства. Намѣренія его императорскаго величества относительно этого предмета или еще не вполнѣ опредѣлились въ то время, или еще не совсѣмъ обнаружились; но, тѣмъ не менѣе, если не надежды, то во всякомъ случаѣ, желанія польской націи указывали на превосходный конституціонный кодексъ, — по крайней мѣрѣ сравнительно, если не абсолютно превосходный конституціонный кодексъ, который былъ составленъ въ царствованіе

Digitized by Google

благодушнаго, но несчастнаго Станислава подъ его покровительствомъ.

«Желаемое содѣйствіе (къ составленію кодекса) обѣщано было тотчасъ же, какъ было спрошено. Но такъ какъ все зависѣло отъ воли его императорскаго величества, можетъ быть еще неопредѣлившейся, и во всякомъ случаѣ, неизвѣстной и неудобной для вопросовъ (unscrutable), то всѣ разговоры по этому предмету, со стороны князя весьма естественно, а съ моей—весьма осторожно,—заключались только въ общихъ выраженіяхъ.

«Что касается императорскаго письма, то получивъ его въ іюнѣ 1815 г., я въ первыхъ числахъ слѣдующаго мѣсяца послалъ довольно длинный отвѣтъ и въ то же время копію съ него сообщилъ Чарторыскому, который, сколько мнѣ было извѣстно, находился еще при особѣ императора.

«Относительно *перстня*, — то замѣтивъ, что собственноручное письмо его императорскаго величества отнимало цѣну у всѣхъ обыкновенныхъ знаковъ милости, какіе заключались, по словамъ письма, въ этомъ пакетѣ,—я просилъ позволенія обратить вниманіе его величества на самое письмо, вознагражденное такимъ образомъ, какъ на доказательство, что я неспособенъ принять что либо, имѣющее денежную цѣнность.

«Обращаясь затѣмъ къ *коммиссіи законовъ*, я рѣшился объяснить, что рискую предсказывать, что изъ этой коммиссіи мнѣ не будетъ адресовано ни такихъ, и никакихъ другихъ вопросовъ; что относительно лица, которому поручено управлять этимъ дѣломъ [1]), я имѣлъ свѣдѣнія — частью изъ его произведеній, которыя я видѣлъ въ печати или въ рукописи, а частью изъ спеціальныхъ и независимыхъ одно отъ другого извѣстій различныхъ, знающихъ дѣло людей, — и довольно хорошо зналъ степень его способности къ этой, самой важнѣйшей изъ всѣхъ должностей: что я былъ вполнѣ убѣжденъ въ его некомпетентности для какого либо болѣе серьезнаго труда, чѣмъ одно собираніе матеріаловъ; что онъ уже познакомился съ моими сочиненіями гораздо больше, чѣмъ было для него пріятно, — что онъ перемѣнился бы въ лицѣ при одномъ упоминаніи моего имени, еслибы его величеству угодно было сдѣлать этотъ опытъ; что мнѣ сообщены полныя и подробныя свѣдѣнія о деньгахъ, которыя подъ видомъ *жалованья* употреблены были на *образованіе* этой коммиссіи; что при такой некомпетентности главы этой коммиссіи, результатъ былъ бы тотъ, что для всякой другой цѣли, кромѣ собиранія матеріаловъ, всѣ деньги будутъ истрачены по напрасну, — что,

[1]) Т. е. Ресвикампфа; онъ названъ здѣсь по-англійски «minister».

Digitized by Google

не говоря уже о другихъ примѣрахъ, публикѣ очень хорошо извѣстныхъ, назначеніе такого лица было само по себѣ слишкомъ убѣдительнымъ доказательствомъ плачевнаго недостатка въ этой обширной имперіи, если не лицъ дѣйствительно обладающихъ, то лицъ, которые до сихъ поръ извѣстны за обладающихъ способностями, необходимыми для подобнаго труда; что если такіе вопросы, какіе его величество могъ имѣть въ виду, будутъ обращены ко мнѣ, то единственной формой, въ которой я могъ бы дать отвѣтъ способный принести пользу, была бы форма полнаго Очерка (конспекта) кодекса законовъ, какой я уже вызывался составить;—что еслибы его величеству угодно было возложить этотъ трудъ на меня и въ то же время пригласить всѣхъ желающихъ вообще, и своихъ собственныхъ подданныхъ обѣихъ націй въ особенности, представить свои сочиненія на конкурренцію съ моимъ, то такимъ образомъ онъ могъ бы не только увидѣть весь существующій запасъ нужныхъ талантовъ, но и положить начало безконечному умноженію ихъ, и этимъ способомъ, при незначительныхъ, или даже никакихъ, издержкахъ, онъ основалъ бы *школу законодательства* и тѣмъ пріобрѣлъ бы наилучшій возможный запасъ для замѣщенія мѣстъ, принадлежащихъ къ этому вѣдомству, лицами, которыя представили самыя вѣрныя и положительныя доказательства способности къ отправленію этихъ должностей;—что первый опытъ этого способа можно было бы произвесть въ Россіи, или въ Польшѣ, или же въ обѣихъ странахъ въ одно и то же время; и что относительно моего собственнаго дѣла, я былъ бы увѣренъ, что въ Польшѣ, въ рукахъ Чарторыскаго это дѣло не встрѣтило бы всѣхъ тѣхъ противодѣйствій интриги, которыя непремѣнно встрѣтило бы въ другомъ случаѣ.

«Послѣ письма такого содержанія, какъ сейчасъ изложенное, легко можно представить себѣ, что мои ожиданія относительно Россіи не могли быть особенно пылкаго свойства, — но относительно Польши, то—въ предположеніи, что Чарторыскій будетъ тѣмъ, чѣмъ онъ по всеобщему говору долженъ былъ сдѣлаться (т. е. вице-королемъ) — извѣстная кротость и мягкій характеръ его величества были таковы, что я могъ еще разсчитывать на благопріятный шансъ. Во всякомъ случаѣ я надѣялся получить отвѣтъ, скорѣе отъ Чарторыскаго, нежели отъ его величества, — какъ вдругъ, — живя въ то время вдали отъ центра новостей, — я узналъ изъ газетъ, что вице-королемъ надъ вновь организованными, или, вѣрнѣе сказать, надъ разорганизованными остатками нѣкогда республиканскаго королевства, назначено лицо, имени котораго я никогда не слыхалъ.

Digitized by Google

«Послѣ этого, распубликованные трактаты показали слишкомъ очевидно, что вмѣстѣ съ другими ожидаемыми конституціями, конституція *Польши* заняла свое мѣсто на одномъ облакѣ съ *Утопіей* и *Арматой*; что то, что̀ оставалось отъ этой несчастной страны подъ ея собственнымъ именемъ, было окончательно поглощено бездной русскаго деспотизма, — однимъ словомъ, что обязательства считаются обязательствами только у тѣхъ, кто не можетъ нарушать ихъ безнаказанно; и что въ новѣйшемъ священномъ союзѣ, — который по своему духу такъ сходенъ съ первоначальнымъ, — основной принципъ былъ тотъ, что въ рукахъ *немногихъ властвующихъ и подвластвующихъ*, чѣмъ ближе состояніе *многихъ подданныхъ* доведено будетъ до состоянія дикихъ звѣрей, тѣмъ это будетъ лучше какъ для вѣчныхъ, такъ и для временныхъ интересовъ всѣхъ сторонъ».

Эти рѣзкія слова достаточно изображаютъ то настроеніе Бентама, о которомъ мы выше упоминали. Мы не будемъ останавливаться на мнѣніи Бентама о политическихъ событіяхъ того времени; намъ достаточно привести это мнѣніе какъ литературный фактъ. Относительно подарка прибавимъ еще, что Бентамъ долго не забывалъ объ немъ. Онъ упоминаетъ о немъ въ письмѣ къ Джемсу Мадисону, бывшему президенту Сѣверо-Американскихъ Штатовъ (1817 г.), и впослѣдствіи, когда онъ былъ въ подобной перепискѣ съ королемъ Людвигомъ Баварскимъ (1828). Бентамъ предупреждаетъ, что ему не нужно никакихъ наградъ, и что все, чего онъ желаетъ, есть личный отвѣтъ короля. «Только въ этой формѣ я могу получить награду изъ рукъ монарховъ. Въ этой формѣ я получилъ свою достаточную награду отъ покойнаго императора Александра. Изъ моей переписки съ нимъ, напечатанной въ посылаемыхъ при семъ Papers on Codification, можно видѣть, что всякая услуга, какую только я въ силахъ принести коронованнымъ главамъ, бываетъ вполнѣ ревностная, конечно совершенно искренняя,—хотя и будетъ, въ обыкновенномъ смыслѣ слова, *даровая*» [1]).

Вотъ наконецъ послѣднее его письмо къ императору Александру.

3. Письмо (второе) Іереміи Бентама къ императору Всероссійскому.

Лондонъ, іюнь 1815.

Государь, сію минуту я открылъ ваше собственноручное письмо, которымъ вашему величеству угодно было меня удостоить. Изъ другого источника я получаю толкованіе слова *souvenir* въ словахъ *bague de*

[1]) Works, IV, стр. 508, 581.

Digitized by Google

prix. Мои старанія быть понятымъ по этому предмету, я боюсь, не были вполнѣ успѣшны. Тотъ же пакетъ, который доставитъ вашему величеству это выраженіе моей признательности, будетъ также заключать и удостовѣреніе, что въ моихъ глазахъ, — когда я удостовѣрился въ томъ, что былъ довольно счастливъ пріобрѣсти хорошее мнѣніе вашего величества,—денежная цѣнность, какъ и самыя деньги, въ настоящемъ случаѣ, не имѣютъ значенія. Императорская печать будетъ найдена не вскрытою.

Желаніе вашего величества — воспользоваться моими скромными услугами тѣмъ или другимъ образомъ. Въ этихъ видахъ вашему величеству угодно было указать имъ особый *порядокъ* (course). Но если должно слѣдовать непремѣнно этому, а не другому *порядку*, то, по свойству настоящаго случая, нельзя ожидать, чтобы это *желаніе* возъимѣло какое-нибудь дѣйствіе. Эта невозможность есть результатъ обстоятельствъ, которыя вашему величеству неизвѣстны, и которыя, поэтому, я считаю необходимымъ здѣсь представить; сдѣлавъ это, я позволю себѣ предложить *два порядка* (способа веденія дѣла), изъ которыхъ въ одномъ только мнѣніе, которое вашему величеству угодно было составить обо мнѣ, могло бы послужить для общаго блага.

Въ письмѣ вашего величества говорится: „Я предпишу комиссіи прибѣгать къ вашему содѣйствію и обращаться къ вамъ съ вопросами". Это порядокъ дѣла совершенно правильный, и ничего нѣтъ естественнѣе, если онъ былъ представленъ вашему величеству, или представился самъ собою. Но если все дѣло будетъ заключаться только въ этомъ, то намѣренія вашего величества, какъ это будетъ видно дальше, окажутся безплодными.

Предложеніе, которое я позволилъ себѣ сдѣлать въ первомъ письмѣ, заключалось въ томъ, чтобы я получилъ приказаніе вашего величества составить по моему собственному плану и представить вашему величеству *проектъ закона* (projet de loi), по какой либо значительной части того *полнаго* кодекса, составленіе котораго такъ долго обдумывалось:— и въ особенности по той части, которая составляетъ уголовную отрасль закона. Когда настоящій случай принудилъ меня обратить на этотъ предметъ болѣе пристальное вниманіе, я увидѣлъ, что если въ то время вышепомянутый порядокъ представлялся мнѣ просто какъ возможный для выбора, то теперь онъ представляется мнѣ *единственно* возможнымъ для выбора (only eligible).

Немного болѣе двѣнадцати мѣсяцевъ тому назадъ я узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что *уголовные законы* составляли тотъ отдѣлъ, въ которомъ въ то время, или нѣсколько ранѣе того времени, сдѣлано было всего больше успѣховъ. Предположимъ, что отъ помянутой комиссіи мнѣ присланы нѣкоторые вопросы, касающіеся этого отдѣла. Чтобы отвѣчать на эти вопросы съ какой-нибудь надеждой быть

Digitized by Google

полезнымъ, я могъ бы поступить только однимъ способомъ:—и именно составить, какъ выше было сказано, предложенный мною *проектъ закона* и переслать его *tout ensemble* (цѣликомъ). Да, Государь, — въ такомъ случаѣ, какъ настоящій, отъ этого *tout ensemble* зависитъ все. Пункты, къ которымъ могли бы относиться вопросы, были бы только тѣ или другіе частные пункты. Я заранѣе знаю, что̀ мнѣ придется отвѣчать въ подобномъ случаѣ. „Для меня будетъ невозможно (отвѣчалъ бы я) опредѣлить самому себѣ, что̀ лучше всего сдѣлать относительно этихъ частныхъ пунктовъ, пока я не буду знать о томъ, что̀ предположено сдѣлать относительно тѣхъ и тѣхъ другихъ пунктовъ, съ которыми эти имѣютъ тѣсную связь“.

Въ полномъ кодексѣ законовъ, каковъ тотъ, о которомъ идетъ рѣчь, требуется, чтобы всякое положеніе было согласовано, а для этого сличено одно съ другимъ. Я не могъ бы, и дѣйствительно никогда не могъ представить себѣ никакого другого способа начертать *проектъ кодекса*. Изъ этого слѣдуетъ, что если не въ первое же время, то послѣ, всѣ записки, посылаемыя мною въ видѣ отвѣтовъ, накопившись до извѣстнаго количества, приняли бы тотъ самый видъ, въ которомъ я осмѣливался предлагать ихъ въ самомъ началѣ, и въ которомъ порядокъ веденія дѣла (мною теперь разбираемый) не допускалъ ихъ представленія, а еслибы и допустилъ, то только послѣ неопредѣленно долгаго промежутка времени.

Въ такомъ предметѣ, какъ этотъ, человѣкъ бываетъ способенъ (qualified) предлагать вопросы другимъ только въ той мѣрѣ, въ какой самъ владѣетъ этимъ предметомъ. Въ такомъ предметѣ, какъ этотъ, и при томъ положеніи, какое занимаютъ упомянутыя лица, люди, совершенно способные предлагать вопросы другимъ, должны быть довольно способны вести это дѣло и не обращаясь съ вопросами къ другимъ; во всякомъ случаѣ если эти люди, по ихъ собственному мнѣнію, способны предлагать такіе вопросы, то по тому же ихъ мнѣнію, они едвали признаютъ себя неспособными вести это дѣло, не предлагая другимъ какихъ-нибудь подобныхъ вопросовъ.

Но чѣмъ больше они сами считаютъ себя *способными* вести такое дѣло, и слѣдовательно предлагать вопросы объ этомъ дѣлѣ, тѣмъ менѣе они будутъ чувствовать себя *расположенными* предлагать ихъ; и само собою разумѣется, что этихъ вопросовъ и не будетъ вовсе предложено до тѣхъ поръ, пока будетъ представляться какая-нибудь возможность избѣгнуть этой необходимости.

Положимъ, однако, что вопросы, предложенные помянутыми лицами, все-таки будутъ *ихъ* вопросы. Относительно этихъ вопросовъ прежде ихъ отправленія будетъ уже принято извѣстное рѣшеніе, и принято тѣми самыми лицами, которыя ихъ составятъ.

Пересылка такихъ вопросовъ будетъ дѣломъ одной *формы*. Если

Digitized by Google

предположить, что будутъ отправлены и отвѣты, то принятіе этихъ отвѣтовъ также будетъ дѣломъ формы. Если можно будетъ уклониться отъ признанія, что они получены, то это уклоненіе будетъ сдѣлано.

Если же можно уклониться, то роль отвѣтовъ раздѣляется на двѣ части. Можетъ случиться, что въ той или другой части они будутъ *согласоваться* съ заранѣе сдѣланнымъ предрѣшеніемъ. И, конечно, въ этой части они окажутся *ненужными* — и слѣдовательно, безполезными, или полезными только въ томъ смыслѣ, что будутъ свидѣтельствовать о той мудрости, съ какою сдѣлано ихъ предрѣшеніе; — что же касается до остальной части отвѣтовъ, *несогласующейся* съ предрѣшеніемъ, то эта часть. исходя отъ иностранца, который хотя и имѣетъ нѣкоторое понятіе объ этомъ дѣлѣ вообще, но не знаетъ состоянія той особенной страны, гдѣ ведется дѣло, — окажется безъ всякаго сомнѣнія *непримѣнимою*.

Государь, это не догадка или предположеніе, — это увѣренность, основанная на многократномъ опытѣ.

Такъ какъ, подъ правленіемъ вашего величества, дѣло это отдано, какъ отдаются подобныя дѣла и у насъ, по *формѣ* въ руки особой *коммиссіи*, или, какъ у насъ говорится, совѣта (board), то письмо вашего величества не могло, при соблюденіи строгаго приличія, отзываться о немъ въ какихъ либо другихъ выраженіяхъ. Но относительно самаго веденія или авторства этого дѣла (penmanship), оно (это не тайна), какъ всякое подобное дѣло, при самомъ началѣ должно находиться, или, вѣрнѣе, не можетъ не находиться въ рукахъ одного и только одного лица. Это одно лицо вообще бываетъ извѣстно, прочія же лица, будучи *фигурантами*, остаются неизвѣстны никому за исключеніемъ читателей придворнаго календаря вашего величества. Объ этомъ одномъ лицѣ, и ни о комъ другомъ, я долженъ поэтому говорить, опасаясь, что иначе могу остаться не понятымъ.

Хотя я провелъ во владѣніяхъ вашего величества почти два года (это было въ 1786 и 1787 годахъ), но не посѣтивъ ни той ни другой столицы, я этого человѣка лично вовсе не знаю. Но *я* знакомъ съ *его* сочиненіями гораздо больше,—и *онъ* знакомъ съ *моими* гораздо больше, чѣмъ пріятно было бы *ему* объ этомъ думать. Съ того самаго времени, какъ онъ началъ свою карьеру, мое имя было для него предметомъ ужаса: много разъ, и въ присутствіи многихъ разныхъ лицъ, въ немъ обнаруживалось волненіе, когда упоминалось мое имя; обнаруживалось такими симптомами, которые годились въ комедію. Ваше величество не имѣете времени заниматься анекдотами, иначе я могъ бы представить письменныя доказательства.

Государь, я скорѣе согласился бы посылать отвѣты марокканскому императору, чѣмъ въ коммиссію подъ такимъ начальствомъ. Если у васъ явится расположеніе посмѣяться, то вамъ стоитъ только сказать

Digitized by Google

ему, что вы получили отъ меня нѣкоторыя статьи и что вы ими довольны. Но при этомъ не мѣшаетъ имѣть подъ рукой нашатырную соль или флаконъ съ духами сильной остроты.

Государь, я не оправдалъ бы хорошаго мнѣнія, какое имѣютъ обо мнѣ, еслибы поколебался назвать этого человѣка радикально неспособнымъ; и предполагая, что это правда, я—быть можетъ, единственный человѣкъ, отъ котораго ваше величество можете услышать эту правду, съ какимъ-нибудь шансомъ на хорошее дѣйствіе. Число лицъ, способныхъ вообще произнести сужденіе о предметѣ подобнаго рода, крайне ограничено; да и изъ этого ограниченнаго числа, по всей вѣроятности, никто, какъ бы ни было глубоко его убѣжденіе, не осмѣлился бы признаться въ немъ вашему величеству; — развѣ за исключеніемъ, быть можетъ, какого-нибудь *соперника*, а его мнѣнія легко бы можно было приписать тому мотиву, который указывается его именемъ.

Между тѣмъ, отъ лица, о которомъ идетъ рѣчь, съ его сотрудниками и его сторонниками, ваше императорское величество будете получать увѣренія, что ни отъ меня, ни отъ всякаго другого иностранца не требуется никакой подобной помощи; что при такой ненадобности, она будетъ только помѣхой, потому что никакой иностранецъ не имѣетъ или не можетъ имѣть даже сноснаго знакомства съ этимъ дѣломъ, тогда какъ они стали полными знатоками его. Относительно этого обстоятельства я осмѣлюсь представить вашему императорскому величеству слѣдующія замѣчанія:—

Когда въ какой-нибудь странѣ приготовляется полный кодексъ законовъ,—какой, повидимому, предполагается въ Россіи,—или же приготовляется одинъ изъ обширнѣйшихъ его отдѣловъ, какъ-то: кодексъ уголовный, гражданскій или конституціонный, — то, относительно публичности, при веденіи этого дѣла нужно различать два способа: *негласный* или закрытый (*close*) и *гласный* или открытый (*open*).

При *закрытомъ* способѣ, дѣло обыкновенно ведется однимъ лицомъ, или небольшимъ числомъ лицъ, назначенныхъ государемъ, и не дѣлается гласнымъ до тѣхъ поръ, пока не явится въ свѣтъ *вооруженнымъ силою закона*.

При *открытомъ* способѣ, это произведеніе (кодексъ), до выхода въ свѣтъ во всеоружіи закона, дѣлается извѣстнымъ публикѣ, какъ вообще дѣлаются ей извѣстными литературныя произведенія; и это дѣлается съ цѣлью, — если не прямо заявленною, то подразумѣваемою и всѣми вообще понимаемою, — вызвать замѣчанія, которыя всякое лицо (сдерживая, разумѣется, свои выраженія въ границахъ уваженія и приличія) пожелаетъ выразить также публичнымъ образомъ. Способъ веденія дѣла, который въ настоящемъ случаѣ предложитъ коммиссія, будетъ негласный. Почему? Потому что при этомъ способѣ неспособность членовъ коммиссіи, какъ бы ни была она велика, будетъ скрыта,—скрыта

Digitized by Google

до тѣхъ поръ, когда обнаруженіе ея окажется уже слишкомъ поздниъ для того, чтобы предупредить или отвратить вредъ, котораго она породитъ такъ много; между тѣмъ, какъ при *гласномъ* веденіи дѣла этотъ вредъ будетъ обнаруженъ во-время.

Относительно требованія предварительной публичности, настоящій случай совершенно отличается отъ *обыкновеннаго* законодательства, т. е. такого законодательства, которое ставитъ себѣ цѣлью подробности, по мѣрѣ того, какъ онѣ представляются сами. Въ *этомъ послѣднемъ* случаѣ дѣло ведется, безъ всякаго сомнѣнія, должно быть ведено, и не можетъ иначе вестись, какъ *негласнымъ* способомъ. Такая негласность проистекаетъ изъ устройства правительства, какъ это устройство въ свою очередь происходитъ отъ обширности территоріи государства и отъ состоянія общества среди огромной массы народонаселенія. Уже одинъ недостатокъ времени, если не что-нибудь другое, дѣлаетъ въ этомъ случаѣ предварительную публичность вообще неудобоисполнимою. Такъ какъ потребность въ законѣ, въ этомъ случаѣ, бываетъ результатомъ внезапной необходимости,—то подобная необходимость должна удовлетворяться какъ скоро она встрѣтится и не теряя времени.

Настоящій случай, — вопросъ о *кодификаціи*, — представляется совсѣмъ въ *другомъ*, если не прямо въ *противоположномъ* видѣ: здѣсь, изъ всего поля *закона*, — а это поле, по обширности своей немного менѣе всего поля человѣческой дѣятельности, — какая-нибудь очень большая часть этого поля (третья, четвертая, пятая или что-нибудь подобное), которая такъ или иначе покрывается, и въ теченіе вѣковъ (въ томъ или другомъ видѣ, въ разные періоды времени, хотя до сихъ поръ очень часто въ весьма плохомъ видѣ) была покрыта закономъ, — должна немедленно получить совершенно новую покрышку. Такъ какъ это поле уже имѣетъ старую покрышку, то отсюда является *легкость* ожиданія (и при томъ безъ всякаго другого, кромѣ привычнаго неудобства) того свѣта, какой только можетъ быть собранъ для освѣщенія почвы, и который, въ теченіе какого угодно продолжительнаго времени, для столь важной цѣли могъ бы оказаться необходимымъ: я разумѣю *ожиданіе* до того времени, когда проектъ получитъ силу закона, — а въ теченіи всего этого времени происходило бы образованіе новой одежды для поля, если она еще не была образована, и испытаніе ея, если она уже образована. Но изъ какого бы рода матеріала ни была сдѣлана новая одежда для замѣны старой, одно дѣйствіе этой новой одежды будетъ несомнѣнно (исключая только тѣхъ случаевъ, гдѣ будутъ сдѣланы и объявлены какія-нибудь особенныя изъятія) именно, старая одежда во всемъ своемъ объемѣ перестанетъ существовать. Отсюда, вмѣстѣ съ *легкостью* ожиданія является *потребность* въ извѣстной медленности, какъ предосторожности столь необходимой и вмѣстѣ столь безопасной.

Digitized by Google

Въ настоящемъ случаѣ, будутъ ли мои отвѣты приняты или не будутъ, положимъ, что кодексъ, по повелѣнію вашего величества начертанный коммиссіей, выйдетъ въ свѣтъ, то будетъ ли онъ вооруженъ силою закона? или онъ выйдетъ только въ видѣ *проекта закона* и останется въ этомъ положеніи на болѣе или менѣе продолжительное время,— съ тою цѣлью, чтобы въ теченіе этого времени, съ помощью этихъ средствъ, собрать въ томъ или другомъ видѣ мнѣнія о немъ публики вообще или какой-нибудь опредѣленной ея части?

При первомъ изъ этихъ плановъ, въ случаѣ, если законъ будетъ составленъ дурно, то вредъ отъ него начнется немедленно и притомъ безъ малѣйшихъ признаковъ возможности къ его предотвращенію.

Во второмъ случаѣ, эти признаки возможности къ предотвращенію вреда будутъ, но едва только признаки. Какое побужденіе можетъ найти посторонній человѣкъ къ тому, чтобы въ какихъ-нибудь частностяхъ подвергать сомнѣнію превосходство закона, уже объявленное болѣе или менѣе ясно (правительствомъ)? — Какой пользы можетъ ожидать этотъ человѣкъ для самого себя, или для службы вашего величества? При особѣ вашего величества стоитъ оффиціальный совѣтникъ, пользующійся вашимъ вниманіемъ, — занимающій этотъ постъ двѣнадцать лѣтъ или около того,—онъ увѣритъ васъ, что замѣчанія ничего не стоятъ, и что авторъ ихъ просто наглый человѣкъ, отъ котораго нельзя ожидать никакой доброй услуги ни въ этомъ и ни въ какомъ другомъ видѣ.

Таково вознагражденіе, котораго могъ бы *ожидать* себѣ этотъ человѣкъ, и притомъ, это—единственное вознагражденіе, котораго можно было бы ожидать при *неласномъ* способѣ,— за какой-нибудь трудъ, который бы иначе онъ чувствовалъ расположеніе принести здѣсь на такомъ важномъ и обширномъ полѣ.

Ваше величество! Вредъ, которому подвергнется населеніе обширной имперіи вашего величества—отъ такого громаднаго по объему, и въ тоже время новаго кодекса законовъ (a body of law), составленнаго такими руками,—этотъ вредъ таковъ, что я трепещу даже при одной мысли объ немъ.

Въ частностяхъ, значительная доля дурного законодательства (дѣла различныхъ рукъ, которыя всѣ весьма посредственно были къ нему способны) можетъ быть терпима, и вредъ, проистекающій отъ него, можетъ продолжаться и не быть особенно замѣчаемъ. Почему? Потому что такое законодательство составляется изъ прибавокъ, дѣлаемыхъ постепенно къ первобытному стволу, подъ вліяніемъ котораго каждый родился, — и когда болѣе или менѣе значительная часть вреда, происходящаго отъ такого законодательства, будетъ рано или поздно замѣчена и наконецъ остановлена, то остальное приписывается несовершенствамъ, неразлучнымъ съ человѣческой природой.

Digitized by Google

Но когда дѣло идетъ о кодексѣ новыхъ законовъ, каковъ нынѣ предположенный, то, какъ выше было сказано, дѣйствіе его состоитъ, въ весьма значительной степени, въ томъ, что онъ уничтожаетъ все то (прежнее) сооруженіе, отъ котораго зависитъ все цѣнное и дорогое для человѣка: и когда пустота, сдѣланная такимъ образомъ въ старомъ матеріалѣ, наполняется новымъ, — тогда происходитъ то, что каждый недосмотръ, каждое незнаніе или плохое разсужденіе, которыхъ съ такой полной увѣренностью можно ожидать при этомъ *негласномъ* способѣ,—будутъ имѣть своимъ слишкомъ вѣроятнымъ послѣдствіемъ разореніе для тысячъ и десятковъ тысячъ людей.

Въ тоже самое время будетъ извѣстно (потому что извѣстно уже теперь),—что труды одного англичанина—англичанина, труды котораго въ этой области одобрены не только другими правительствами,—баварскимъ, французскимъ, въ нѣсколько различныхъ періодовъ времени, но и вашимъ величествомъ,—и даже вашимъ величествомъ лично,—что эти труды, для этой самой цѣли, были въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ въ распоряженіи вашего величества, и что въ теченіе этого времени люди, которые съ этой стороны пользовались вниманіемъ вашего величества, имѣли успѣхъ въ своихъ стараніяхъ помѣшать появиться плоду этихъ трудовъ.

Въ письмахъ нѣсколькихъ различныхъ лицъ,—которыя всѣ отдѣльны одно отъ другого, и всѣ занимали, въ разное время, каждый въ своемъ вѣдомствѣ важнѣйшіе посты въ службѣ вашего величества,—я могъ бы дать вашему величеству основанія увѣриться въ томъ, что мои занятія трудомъ подобнаго рода имѣли бы результатъ, въ немалой степени выгодный для имперіи вашего величества: — эти письма были въ нѣкоторыхъ случаяхъ адресованы ко мнѣ самому, въ нѣкоторыхъ къ другимъ людямъ. Если бы не было таково дѣйствительное убѣжденіе этихъ лицъ, то какое бы они могли имѣть побужденіе объявлять это мнѣ лично, или говорить это другимъ относительно иностранца, съ которымъ у нихъ нѣтъ связей и который въ большей части случаевъ имъ лично незнакомъ? Отчего, въ такомъ случаѣ, не сказать этого вашему величеству? Государь, они уже не были больше на службѣ [1]): или, если и были, то это не было, или не было въ это время, въ точныхъ границахъ ихъ вѣдомства; или, если и было, то довѣріе, какъ показали событія, уже упало.

Тѣ разочарованія, которыя ваше величество уже испытали на этой самой почвѣ, не составляютъ тайны. Но какая же причина произвела эти разочарованія? Одно это обстоятельство — принятіе *негласнаго* способа, съ исключеніемъ *открытаго;* упущеніе воспользоваться тѣмъ свѣтомъ (lights), который былъ бы способенъ дать міръ вообще; не-

[1]) Можетъ быть, намекъ на Сперанскаго и на Мордвинова.

Digitized by Google

ключительное довѣріе, отданное небольшому числу лицъ, или вѣрнѣе одному лицу, относительно способности котораго къ дѣлу не явилось никогда никакихъ доказательствъ, — къ тому дѣлу, въ которомъ заключается все поле правительственной дѣятельности, и для котораго не былъ бы слишкомъ великъ весь запасъ генія, знаній и таланта, какой представляетъ цивилизованный міръ.

Государь! Не существуетъ, даже въ Англіи, такого человѣка, или извѣстнаго числа людей, которые бы въ глазахъ публики, или даже въ ихъ собственныхъ глазахъ, были компетентны для такого дѣла, не получая всего того свѣта (lights), какой—послѣ публикаціи (проектированныхъ законовъ), сдѣланной съ этою заявленною цѣлью — была бы расположена доставить публика въ ея наибольшей полнотѣ. Возможно ли, чтобы ваше величество продолжали видѣть въ этой „коммиссіи“ какое-нибудь безпримѣрное соединеніе генія, ума и мудрости—не говоря ничего о честности, — которое бы сдѣлало излишними, въ Россіи, тѣ предосторожности, которыя считаются такъ необходимы въ Англіи?

Что касается до *соревнованія*, — то понятно, что при негласномъ способѣ не можетъ быть ничего подобнаго: — я разумѣю соревнованіе, какое можетъ быть между двумя или больше цѣльными *начертаніями* (draughts), т. е. *проектированными кодексами*, — исходящими изъ разныхъ рукъ: соревнованіе могло бы быть развѣ только между однимъ членомъ и другимъ членомъ той же самой *коммиссіи;* чего, въ настоящемъ случаѣ, я увѣренъ, ожидать нельзя. Можно бы конечно еще сохранить *открытый* способъ, *не допуская* соревнованія. Если бы былъ допущенъ одинъ трудъ, и не больше, то въ состояніи *проекта*, предварительно передъ вооруженіемъ его силой закона, такой трудъ могъ бы быть публикованъ, и всякимъ лицамъ вообще, или извѣстнымъ разрядамъ лицъ, можно бы было предоставить свободу дѣлать на него свои замѣчанія: — указывать какія-нибудь такія частныя несовершенства, которыя могли бы показаться въ немъ несоотвѣтственными, но не предлагать вмѣсто него другого *проекта*, въ цѣломъ или въ частяхъ,—однимъ словомъ, указывать тамъ и сямъ симптомъ слабости, но не представлять ничего похожаго на общее и радикальное лекарство.

Но въ этомъ случаѣ, — если только этотъ способъ дѣйствій можетъ сколько-нибудь назваться *открытымъ*, — эта *открытость*, сравнительно говоря, принесетъ мало пользы. Положимъ, будетъ ясно показано, что единственное выставленное произведеніе—совсѣмъ плохо; другого, лучшаго, представлено не будетъ. Положимъ, будетъ показано, что болѣзнь — совершенно отчаянная; подъ рукой не будетъ никакого лекарства противъ нея. Самое большее благо, которое можетъ быть сдѣлано этимъ путемъ, это — совсѣмъ положить конецъ этому плану, показавъ неспособность рукъ, которымъ онъ былъ порученъ. Но какъ

Digitized by Google

ни отрицательно это благо и какъ оно ни единственно, — изъ него слишкомъ легко можетъ произойти великое зло. Вмѣсто неспособности работника, причину дурного исполненія будутъ пожалуй искать (и такъ какъ будутъ искать съ большой охотой, то и найдутъ) въ свойствѣ самаго *рода* работы, въ предполагаемой невозможности сдѣлать ее хорошо: и предположивъ, что негодность *индивидуальнаго* труда достаточно признана, это и будетъ естественно та гипотеза, которую неискусный работникъ приметъ защищать по всѣмъ побужденіямъ своего личнаго интереса.

Доселѣ была рѣчь о *негласномъ* способѣ. Перейдемъ теперь къ *открытому* способу, предполагая, что соревнованіе, какъ выше было говорено, допускается. Какія выгоды этого способа?

Во-первыхъ, вся та неисчислимая масса вреда, на которую мы сейчасъ указывали, избѣгается.

Во-вторыхъ, пріобрѣтается величайшая вѣроятность получить лучшій возможный кодексъ: эта вѣроятность будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше число соревнователей съ одной стороны, и число критиковъ, въ качествѣ защитниковъ и судей, съ другой.

Въ-третьихъ, это будутъ тѣ чувства удовольствія и удовлетворенія, которыя не преминетъ доставить мыслящей части народа это, столь явное доказательство самаго искренняго вниманія къ ихъ чувствамъ, ихъ желаніямъ, ихъ доброму мнѣнію, ихъ прочному благосостоянію. Дать доказательство болѣе несомнительное, чѣмъ это, конечно невозможно государю. *Безъ* этого признака,—самый лучшій возможный кодексъ,—предположимъ даже вполнѣ совершенный, — далеко не произведетъ такого хорошаго дѣйствія, какое можетъ быть произведено трудомъ этого рода: *съ* этимъ, столь выразительнымъ знакомъ, всякое неудобство, какое, не смотря на всѣ старанія, можетъ произойти отъ этой перемѣны кодекса, получитъ не малое вознагражденіе, и вмѣстѣ облегченіе, отъ представляемаго кодексомъ доказательства благихъ намѣреній, которыя его породили.

Наконецъ, послѣдствіемъ всѣхъ этихъ различныхъ причинъ будетъ спокойствіе совѣсти для вашего величества. Подумайте, государь, о той отвѣтственности, — той страшной отвѣтственности, — которая легла бы на васъ, еслибы вы заставили судьбу сорока милліоновъ людей, такъ сказать, висѣть на ниткѣ на столь обширномъ трудѣ, составленномъ— я не могу не повторить этого — столь мало способными руками. Да, государь, это дѣйствительно была бы отвѣтственность. Слѣдуйте *открытому* способу, примите — не отъ моей только, но отъ всякой другой руки, какая можетъ сдѣлать подобное приношеніе, что бы ни приносила она — планъ для цѣлаго кодекса, планъ для той или другой части его— различныя отдѣльныя замѣчанія: — и тогда никакая тягость подобнаго рода не будетъ лежать на совѣсти вашего императорскаго ве-

Digitized by Google

личества. Тѣ совѣсти, на которыхъ будетъ лежать всякая тягость, какая есть,—будутъ, во-первыхъ, совѣсть самихъ добровольныхъ работниковъ; во-вторыхъ, совѣсть *мыслящей*, хотя и не *работающей*, части публики, собирать мнѣнія которой, по другому примѣненію того же всеохраняющаго принципа—*принципа гласности*, будетъ стараніемъ вашего величества. Если бы сужденія этого многолюднаго трибунала оказывались болѣе или менѣе ошибочны, то все порицаніе за ошибку останется у дверей этого трибунала. Ваше императорское величество, сдѣлавши для избѣжанія ошибки все, что въ силахъ человѣка сдѣлать, будете свободны отъ всякихъ упрековъ самому себѣ, какъ и отъ всякихъ порицаній.

Ваше императорское величество видѣли, съ одной стороны, *негласный* способъ, съ его различнымъ вредомъ; съ другой стороны, *открытый* способъ, съ его выгодами. Пусть будетъ принятъ тотъ ходъ дѣла, который я осмѣлился указать сначала, — ваше императорское величество увидите, что весь этотъ вредъ будетъ избѣгнутъ, всѣ эти благотворные результаты будутъ обезпечены.

Въ моемъ предложеніи, высказанномъ выше, — самъ собою предполагается *открытый* способъ, со всѣми выгодами, естественно съ нимъ связанными, — *открытый* способъ съ выгодой *соревнованія*.

Мой *проектъ*, я въ томъ увѣренъ, былъ бы представленъ вашему императорскому величеству уже напечатаннымъ. Какъ скоро этотъ трудъ будетъ изданъ прежде, чѣмъ попалъ бы на глаза вашему императорскому величеству, то, какъ бы ни былъ этотъ трудъ непримѣнимъ, даже нелѣпъ, ваше императорское величество не подверглись бы изъ-за этого никакому нареканію. Единственнымъ источникомъ отвѣтственности могъ бы быть сдѣланный такимъ образомъ выборъ лица, которому было бы этимъ дано поощреніе: но можно надѣяться, что въ этомъ отношеніи ваше императорское величество достаточно изъяты отъ нареканія въ непредусмотрительности — тѣми свидѣтельствами, которыя представлены были вниманію вашего императорскаго величества въ моемъ первомъ письмѣ.

Въ этомъ положеніи дѣла, предположимъ, что мой *проектъ* изданъ въ Петербургѣ. Не говоря о какомъ-нибудь особенномъ удобствѣ, какой могъ бы быть въ немъ найденъ,—теперь будутъ очевидны (я льщу себя этимъ) выгоды, происходящія изъ того обстоятельства, что проектъ исходитъ отъ чужой руки.

Цѣль всякой подобной публичности, даваемой труду, можетъ быть не иная, какъ получить отъ мыслящей части публики указаніе какихъ-нибудь несовершенствъ, какія можетъ быть въ силахъ найти какое-нибудь лицо,—съ указаніемъ или безъ указанія надлежащихъ или предполагаемыхъ исправленій: если только явной цѣлью этой публичности не будетъ принято то, чтобы въ окончательномъ результатѣ раз-

Digitized by Google

рѣшить и поощрить этихъ лицъ давать указанія подобнаго рода относительно всякаго кодекса вообще.

Въ этихъ видахъ, когда публикація объявляется, то объ этомъ, само собой разумѣется, должно быть сдѣлано *увѣдомленіе* для публики вообще,—увѣдомленіе, имѣющее цѣлью получить сообщенія упомянутаго сейчасъ рода отъ всѣхъ тѣхъ, кто, по ихъ собственному понятію, способенъ доставить ихъ.

Правда, *публикація* могла бы быть сдѣлана и безъ всякаго подобнаго увѣдомленія. Кромѣ того, когда дѣлается увѣдомленіе, то смыслъ его можетъ ограничиваться простымъ дозволеніемъ, безъ всякаго прямого и положительнаго приглашенія. Но — безъ положительнаго приглашенія и дѣйствіе увѣдомленія, въ качествѣ *поощренія*, будетъ весьма ограниченно и даже сомнительно. Точно также, съ другой стороны, чѣмъ теплѣе приглашеніе, тѣмъ сильнѣе будетъ поощреніе; а чѣмъ сильнѣе поощреніе, тѣмъ больше будетъ вѣроятность достигнуть той цѣли, которая, какъ предполагается, имѣлась здѣсь въ виду.

Когда кому-нибудь случится найти въ предложенномъ кодексѣ какое-либо дѣйствительное или предполагаемое несовершенство, и въ этомъ несовершенствѣ увидѣть вѣроятную причину вреда для самого этого лица, или для другого, или для многихъ другихъ лицъ, въ благосостояніи которыхъ оно заинтересовано, — въ такомъ случаѣ не можетъ быть недостатка въ *мотивахъ*, которые бы побуждали это лицо сдѣлать все возможное для того, чтобы указать такой вредъ тѣмъ, кто дѣйствительно, или только по его мнѣнію, властенъ исправить этотъ вредъ: и когда, слѣдовательно, въ мотивахъ недостатка не будетъ, то все, что будетъ здѣсь необходимо, заключается въ удаленіи *стѣсненій*. Выше предположенное приглашеніе, если не совсѣмъ устранитъ, то по крайней мѣрѣ, значительно уменьшитъ эти стѣсненія; я говорю, *если не совсѣмъ устранитъ*, потому что, если лицо, вообще желающее сдѣлать какое-нибудь подобное сообщеніе, при самомъ фактѣ сообщенія найдетъ основаніе предположить злоупотребленіе въ рукахъ какихъ-нибудь подчиненныхъ, то въ такомъ случаѣ, для этого лица, приглашеніе, сдѣланное государемъ, необходимо не достигнетъ предположенной цѣли.

Но одни *мотивы*, какъ бы ни были они сами по себѣ достаточны, не могутъ быть дѣйствительны безъ достаточныхъ *средствъ;* и если бы не было недостатка въ средствахъ, чтобы дать такимъ образомъ публичность всѣмъ подобнымъ полезнымъ сообщеніямъ, какія могли бы быть доставлены,—то запасъ необходимыхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи отдѣльныхъ лицъ, былъ бы (я положительно это предвижу) далеко недостаточенъ, еслибы само правительство не доставило для этого особенныхъ *облегченій* (facilities).

Если я не очень ошибаюсь, то слѣдующій весьма простой распоря-

Digitized by Google

докъ можетъ не только доставить облегченія, необходимыя для этой цѣли, но и доставить *поощреніе* тѣмъ единственнымъ путемъ, какимъ это можетъ быть необходимо или полезно для службы, и *притомъ* безъ всякихъ непроизводительныхъ или излишнихъ издержекъ; и кромѣ того, — опять безъ всякихъ прибавочныхъ издержекъ, — можетъ образовать *школу законодательства*, изъ которой можно было бы выбирать, для занятія должностей по этому вѣдомству, людей, представившихъ наиболѣе убѣдительныя доказательства своей способности къ этому, — объ отсутствіи такихъ людей говорятъ лежащія передо мной, упомянутыя прежде, признанія [1]): — а эти доказательства способности таковы, что по природѣ вещей они не могли бы быть представлены никакимъ инымъ образомъ.

Пусть авторъ каждаго подобнаго сообщенія получитъ пособіе, въ цѣломъ или частью, для издержекъ *печатанія;* кромѣ того пусть, въ цѣломъ или частью, будутъ облегчены ему издержки на *бумагу* для печатанія: я разумѣю, на извѣстное ограниченное число экземпляровъ, но съ позволеніемъ прибавить, на свой счетъ, бумаги на столько добавочныхъ экземпляровъ, сколько онъ самъ пожелаетъ; и точно также относительно *объявленій:* — деньги, выручаемыя за продажу, должны быть уплачены или всѣ автору, или всѣ въ казну, или, въ той или другой пропорціи, раздѣлены между этимъ частнымъ лицомъ и казной, смотря по обстоятельствамъ.

Но существенная предосторожность, безъ которой произойдетъ вредное самообольщеніе (deception) вмѣсто полезнаго пріобрѣтенія свѣдѣній, состоитъ здѣсь въ томъ, что это облегченіе должно быть безразлично даваемо всякому представляющему сообщенія. Если, во вниманіе того, что надо будетъ выбирать наиболѣе достойное, этотъ выборъ будетъ предоставленъ какому-нибудь одному человѣку или одному собранію людей, — то послѣдствіемъ этого будетъ то, что облегченіе (или пособіе) будетъ дано только тѣмъ сообщеніямъ, которыя будутъ соотвѣтствовать личнымъ цѣлямъ этихъ судей, кто бы они ни были; а во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, или въ содержаніи сообщенія, или въ его авторѣ, будетъ что либо не соотвѣтствующее этимъ личнымъ цѣлямъ судей, — почти навѣрное результатомъ будетъ не публикація, а задержка (suppression) сочиненія, каковы бы ни были его достоинства.

Кому же, поэтому, надо доставлять это облегченіе? Всякому предлагающему сообщенія, безъ различія, какъ скоро типографія не занята: тотъ, кто первый приноситъ, долженъ постоянно первый и получать.

Но предположимъ, что типографія такимъ образомъ занята совершенно, кто долженъ тогда рѣшать? — Я отвѣчаю, *Фортуна.* Фортуна не имѣетъ никакого вреднаго интереса; *люди*, въ подобномъ случаѣ,

[1]) Т. е. свидѣтельства русскихъ корреспондентовъ и друзей Бентама.

Digitized by Google

почти навѣрно будутъ имѣть такой интересъ и больше или меньше будутъ имъ управляться.

Самообольщеніе (deception) — результатъ неполноты свѣдѣній — будетъ, однако, не единственный вредъ: тотъ, кто предлагаетъ сообщеніе — полезное само по себѣ, но непріятное для упомянутаго судьи, или судей — вмѣсто *награды* получитъ, въ отплату за него, *наказаніе*. Столько времени, сколько только *возможно*, его будутъ держать въ состояніи ожиданія и опасенія, заставятъ дожидаться въ передней и заставятъ его терять, быть можетъ, свои *деньги*, и, навѣрное, свое *время*; когда, наконецъ, его терпѣніе истощится, тогда онъ увидитъ, или даже не увидитъ, что у него не было шанса съ самаго начала.

Другой, совершенно естественный, результатъ будетъ тотъ, что лица, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе — а можетъ быть и другія лица, о которыхъ, хотя ошибочно, будутъ думать, что отъ нихъ зависитъ рѣшеніе — будутъ въ той или другой формѣ получать *взятки* (bribes); а кандидатами, съ которыхъ будутъ браться эти взятки, будутъ — какъ тѣ, кому впередъ рѣшено отказать въ пособіи, такъ и тѣ, кому впередъ рѣшено дать его.

Если бы даже издержки на эти пособія были обезпечены для наибольшаго количества просьбъ, то будутъ ли эти издержки такъ значительны, чтобы показаться бременемъ для казны вашего величества? Въ подобномъ случаѣ, это бремя конечно будетъ славно, и знакъ будетъ благопріятенъ.

Здѣсь будетъ ваша *школа законодательства* государь: и теперь я долженъ показать вамъ, что изъ числа учениковъ, такимъ образомъ проходящихъ свой курсъ въ этой школѣ — найдутся люди, гораздо болѣе чѣмъ кто-нибудь другой, способные сдѣлать для васъ то, для чего, въ моемъ положеніи, не могла бы никому дать этой способности самая совершенная мудрость.

Мой предположенный кодексъ будетъ только *очеркомъ* (outline). Почему? Потому что самый совершенный талантъ не могъ бы представить ничего больше, и умѣренное благоразуміе не позволило бы человѣку сказать, что онъ можетъ представить больше.

Въ числѣ обстоятельствъ, производящихъ потребность въ законодательствѣ, нѣкоторыя бываютъ *всеобщаго* происхожденія, другія только *мѣстнаго* происхожденія: если бы чужая рука захотѣла доставить *in terminis* извѣстный запасъ законодательнаго матеріала, то онъ могъ бы внушать достаточное довѣріе только въ тѣхъ частяхъ, которыя имѣютъ этотъ всеобщій характеръ. Потому въ очеркѣ предлагаемый кодексъ будетъ заключаться лишь настолько, насколько можетъ быть предложенъ въ этомъ смыслѣ. Съ какимъ бы величайшимъ возможнымъ искусствомъ этотъ очеркъ ни былъ написанъ, но для наполненія этого очерка, весь тотъ матеріалъ подробностей, примѣненныхъ къ обстоятельствамъ

Digitized by Google

мѣстнаго происхожденія, какой можетъ быть при этомъ необходимъ, олженъ быть приготовленъ какой-нибудь *туземной* рукой, — во всяомъ случаѣ, такимъ лицомъ, которому эти обстоятельства сдѣлались остаточно извѣстны по *жизни на мѣстѣ*.

Что касается до этихъ подробностей, то потребность въ нихъ будетъ произведена — во-первыхъ, значительно разнымъ состояніемъ различных областей; во-вторыхъ, разнымъ состояніемъ разныхъ классовъ лицъ въ одной и той же области.

Между тѣмъ, даже относительно этихъ подробностей, что я могъ бы дѣлать, что я привыкъ дѣлать и что въ предположенномъ кодексѣ я челъ бы долгомъ сдѣлать, это—представить мысли, имѣющія цѣлію доставить *руководство* и *помощь* мѣстному писателю въ распредѣленіи подробностей; такимъ образомъ, что общіе принципы, выставленные и развитые въ *очеркѣ* — принципы, примѣненные къ обстоятельствамъ всеобщаго происхожденія и къ тѣмъ обстоятельствамъ мѣстнаго происхожденія, которыя общеизвѣстны, — эти общіе принципы могутъ точно также быть развиты и въ *наполненіи* кодекса (filling up, т. е. въ наполненіи всѣми частными его подробностями). Вслѣдствіе того—такъ какъ микроскопъ, въ этомъ предметѣ, знакомъ мнѣ не меньше чѣмъ телескопъ — я, этимъ способомъ, надѣялся бы также быть полезнымъ.

Для краткости, я сказалъ *наполненіе* (filling up); но я знаю въ тоже время, что для того, чтобы привести дѣло въ состояніе, годное къ употребленію, могутъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ необходимы не только *прибавки*, но *исключенія* и *замѣны*.

Теперь, государь, является великая польза — непосредственная практическая польза—школы законодательства вашего величества, образованной какъ выше сказано. Для наполненія начертаннаго такимъ образомъ *очерка*, моими ли собственными, или чьими-нибудь *чужими руками*, будетъ необходимъ упомянутый матеріалъ подробностей. Быть можетъ, я могъ бы прибавить даже *туземными руками*; потому что, въ обширной имперіи вашего величества различіе одной области отъ другой бываетъ часто такъ велико, что туземецъ одной области будетъ почти-что иностранцемъ въ другой. Кто же, въ такомъ случаѣ, долженъ будетъ исполнить это дѣло? Я отвѣчаю: какой-нибудь ученикъ или ученики этой школы, доказавшіе свою способность къ этому занятію,— доказавшіе это своими упражненіями, сдѣланными, какъ выше показано, въ этой школѣ: тотъ или тѣ, по преимуществу, кто — по наиболѣе основательному сужденію, какое можетъ быть составлено — доставилъ такимъ образомъ доказательства наибольшей способности. Но если изъ всѣхъ ихъ не нашлось ни одного, труды котораго представили бы достаточное доказательство достаточной степени этой способности? Если такъ, я по истинѣ опечаленъ этимъ: потому что, въ такомъ случаѣ, въ цѣлой обширной имперіи вашего величества не суще-

Digitized by Google

ствуетъ ни одного лица, достаточно способнаго къ этому дѣлу. В мѣстницѣ способности, то лицо, которое дало доказательство какой нибудь способности, какъ бы ни была низка ея степень, во всякомъ случаѣ стоитъ выше всѣхъ тѣхъ, кто не далъ никакого подобнаго доказательства.

Но если возразятъ, что тѣ же самыя затрудненія, какія представляются, какъ выше упомянуто, при выборѣ сочиненій для публикаціи представятся и при каждомъ выборѣ, какой надо будетъ дѣлать между авторами для упомянутаго замѣщенія должностей, *послѣ того*, какъ сочиненія будутъ изданы? Конечно нѣтъ, на это нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній. Потому что, когда дѣлается выборъ для публикаціи, слѣдствіемъ этого бываетъ то, что въ каждомъ не выбранномъ сочиненіи (исключая тѣхъ случаевъ, когда авторъ рѣшится публиковать его на собственный счетъ — случаи, которые, при такомъ недостаткѣ поощренія, не обѣщаютъ быть очень многочисленными) публика несетъ потерю; и по этому плану, изъ числа людей, которые при открытомъ способѣ изложили бы свои мысли въ сочиненіяхъ, нѣкоторые, отчаяваясь въ принятіи ихъ сочиненій, были бы удержаны этимъ страхомъ отъ занятій этимъ предметомъ. Сочиненіе, уничтоженное такимъ образомъ въ самомъ своемъ зародышѣ, остается мертвымъ для какой бы ни было цѣли: между тѣмъ какъ сочиненіе, разъ вышедшее въ свѣтъ черезъ посредство печати, остается на виду, и всегда можетъ быть сдѣлано предметомъ *апелляціи*, которою можетъ быть исправлена всякая несправедливость, дѣлаемая ему въ первомъ случаѣ.

Такимъ образомъ, какъ бы несчастны ни оказались впослѣдствіи сдѣланные выборы, все-таки одно будетъ видно — видно всѣмъ глазамъ, видно вашему величеству, вашимъ подданнымъ, иностраннымъ государямъ, иностраннымъ подданнымъ, — видно будетъ то, что эти выборы были не совсѣмъ неосновательны: что, напротивъ, для обезпеченія наилучшихъ возможныхъ выборовъ, употреблены были наиболѣе соотвѣтственныя и наиболѣе обѣщающія мѣры.

Каждый такой сообщитель — предполагая внѣ сомнѣнія подлинность сочиненія, то есть фактъ, что оно было написано тѣмъ самымъ лицомъ, чье имя носитъ — (потому что этого обстоятельства не слѣдуетъ упускать изъ виду) во всякомъ случаѣ доставитъ доказательство *желанія*, оказаннаго предмету: и это доказательство будетъ сильнѣе всякихъ другихъ.

Взгляните теперь на выгоды отъ того обстоятельства, что очеркъ кодекса былъ составленъ *иностранной* рукой: —

1. Никакихъ стѣсненій для свободы критики. Никакой человѣкъ не можетъ ни бояться, ни надѣяться чего-нибудь отъ руки, представившей этотъ очеркъ. Все, что ни приходитъ отъ такой руки, есть *fair game*, какъ говорятъ охотники. Отъ этой охоты можно будетъ ждать

Digitized by Google

не неблагосклонности, а скорѣе благосклонности. Всякій туземный глазъ съ особенной ревностью будетъ искать здѣсь несовершенствъ, а не достоинствъ.

2. Предположимъ, что онъ введенъ въ употребленіе: — предположимъ, что въ окончательно освященный кодексъ войдетъ такая значительная доля этого очерка, какую только можетъ допустить свойство дѣла. Какъ чисто будетъ въ такомъ случаѣ удовлетвореніе общества! Здѣсь не можетъ быть никакого не должнаго пристрастія, — ничего похожаго на *фаворитство*. Авторъ все время находится вдалекѣ, безъ связей, и — исключая того взаимно почетнаго вліянія, какое производится однимъ умомъ на другой, — совершенно *безъ вліянія:* государю неизвѣстна даже его личность, и все это извѣстно всѣмъ и каждому. При такихъ обстоятельствахъ, какая другая вообразимая причина можетъ произвести предпочтеніе этого труда передъ другими, кромѣ только *мнѣнія* — безпристрастнаго мнѣнія — объ его удовлетворительности для предположенной цѣли?

3. Кромѣ того, еслибы авторомъ былъ англичанинъ, то — какъ бы ни было это въ *другихъ* странахъ, чуждыхъ для Россіи — но въ Англіи въ такомъ случаѣ никогда не можетъ быть полнаго недостатка въ критикѣ. Я почти не сомнѣваюсь, что достаточно было бы простого приглашенія вашего величества, чтобы вызвать труды, предпринятые именно для этой цѣли. Но во всякомъ случаѣ существуютъ *обозрѣнія* (reviews), изъ которыхъ ни одно не могло бы, не противорѣча своимъ интересамъ, пропустить безъ критики произведеніе, исполненное при такихъ обстоятельствахъ. И ваше величество можете быть вполнѣ увѣрены, здѣсь не можетъ оказаться недостатка въ мотивахъ, чтобы открыть въ этомъ произведеніи несовершенства всякаго рода, дѣйствительныя и воображаемыя.

Сравните, государь, съ очерченной здѣсь школой законодательства или кодификаціи то, лишенное школы вѣдомство кодификаціи, какое существуетъ теперь или существовало недавно.

Передо мной лежитъ докладъ, представленный вашему величеству 28 февраля 1804. Каковъ бы ни былъ его характеръ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, — въ *историческомъ* отношеніи онъ имѣетъ не малую важность. Съ 1700 до 1804 — въ теченіе 104 лѣтъ — коммиссія за коммиссіей — вѣдомство за вѣдомствомъ — оклады за окладами — и все-таки ничего не сдѣлано. Затѣмъ, въ 1804 г., коммиссія въ новой формѣ: — еще одиннадцать лѣтъ, и опять ничего не сдѣлано. Почему? Потому что тотъ единственный родъ средствъ, которымъ по самой природѣ предмета что нибудь могло быть сдѣлано — или по крайней мѣрѣ сносно сдѣлано — (я разумѣю выше указанныя средства) никогда не былъ употребленъ. *Такимъ образомъ только растрачивались деньги, хотя изъ этого ничего не выходило.* Что касается окладовъ, въ Россіи (я очень это подозрѣваю), и въ Англіи (я очень это вижу), всегда держались этого

Digitized by Google

принципа: слѣдствія — были тѣ, какія по природѣ вещей связаны съ такими принципами [1]).

По словамъ этого доклада, во времена Екатерины II все поле законодательства было раздѣлено между пятнадцатью *коммиссіями*, которыя всѣ вмѣстѣ состояли не менѣе какъ изъ 128 членовъ. Каждая изъ этихъ коммиссій покрыла массу бумаги писанными буквами: ни одна изъ этихъ 15 массъ (стр. 12) не нашла удобнымъ появиться въ свѣтъ. Какъ это могло быть? Откуда каждый изъ этихъ законодателей могъ почерпнуть свое искусство? Какіе мотивы, какія средства они имѣли для его пріобрѣтенія? Семь лѣтъ тяжелаго труда, дѣйствительнаго или предполагаемаго, со стороны этого собранія членовъ коммиссій (стр. 12), и затѣмъ, если я правильно понимаю дѣло, еще семь лѣтъ такого же труда со стороны другого собранія (стр. 13), и все-таки ничего не сдѣлано. Публичность, самая неограниченная публичность — единственное возможное средство сдѣлать что-нибудь, а на практикѣ все еще только самая закрытая секретность!

Всегда одна и таже неудача — всегда отъ тѣхъ же самыхъ причинъ — и до конца дѣло ведется тѣмъ же безнадежнымъ способомъ. Ах, государь, съ какимъ сожалѣніемъ я видѣлъ (это было въ докладѣ 23-го февраля 1804, стр. 35) длинный списокъ должностей съ денежными окладами, которые всѣ — (потому что можетъ ли быть иначе, по обыкновенному состраданію?) — продолжаются по жизнь оффиціальныхъ лицъ. Оффиціальныхъ лицъ, 48; итогъ ежегодныхъ расходовъ — 100,000 рублей. Но въ этомъ жалованьѣ не было включено жалованье ни одной изъ двухъ особъ, — изъ которыхъ каждая даетъ свое имя, и ни одна не даетъ ничего больше, — *высокопревосходительныхъ* особъ, величину окладовъ которыхъ въ этомъ качествѣ, кажется, постыдились выставить въ этомъ спискѣ.

Какая часть изъ этой толпы получающихъ жалованье работниковъ сдѣлала что-нибудь? И тѣ изъ нихъ, кто сдѣлалъ что-нибудь, въ какомъ количествѣ и до какой цѣнности они сдѣлали въ этомъ дѣлѣ!

Нельзя отрицать конечно, что въ собраніи *матеріаловъ* и при-

---

[1]) Бентамъ разумѣетъ здѣсь «Докладъ Министерства Юстиціи о преобразованіи Коммиссіи составленія законовъ, Высочайше утвержденный Его Имп. В—мъ и Выписки изъ поднесенныхъ Его Имп. В—ву присутствіемъ Коммиссіи рапортовъ объ ходѣ трудовъ ея, по Высочайшему повелѣнію переведенныя на разные языки. Часть I. Спб., въ тип. Шнора, 1804. 4°, 87 стр. и три синоптическія таблицы.

Въ докладѣ сообщены, въ первомъ отдѣлѣ, историческія свѣдѣнія о началѣ и дѣяніяхъ Коммиссіи въ разныхъ ея видахъ со времени Петра В.; во второмъ отдѣлѣ изложены мѣры, признанныя удобными для совершенія русскаго законодательства и устройство самой Коммиссіи. За докладомъ, получившимъ утвержденіе 28 февр. 1804, помѣщено «Главное расположеніе книги законовъ», конспектъ или оглавленіе новаго кодекса; и наконецъ выписка изъ рапортовъ о занятіяхъ Коммиссіи въ первые шесть мѣсяцевъ ея существованія въ этой ея новой формѣ.

Digitized by Google

денiи ихъ въ порядокъ, и эта масса работниковъ могла быть и (насколько я не знаю противнаго) была употреблена съ пользой: на распредѣленіе по отдѣламъ матеріала, состоящаго изъ распоряженій существующаго закона. Быть можетъ, есть только немного случаевъ, гдѣ — для составленія достаточно основательнаго сужденія по вопросу: что, въ томъ или другомъ отдѣлѣ, *должно быть* закономъ, — не бываетъ необходимо знать, что дѣйствительно *есть* законъ. Поэтому указанія о томъ, что *есть* законъ, находятся между *матеріалами*, надъ которыми долженъ работать тотъ, кому принадлежитъ сказать, что *должно быть*, и слѣд., что *будетъ* закономъ. Но работникъ, который собираетъ матеріалы этого рода и сноситъ ихъ на мѣсто, есть только *носильщикъ*. А гдѣ же *архитекторы*, или даже *каменщики?*

Ни одинъ изъ тѣхъ *добровольныхъ* работниковъ, которыхъ я старался выше ввести въ службу вашего величества — не получитъ ни копѣйки, иначе какъ за дѣло, которое, хорошо или худо, но во всякомъ случаѣ будетъ сдѣлано; и ни въ какомъ иномъ *размѣрѣ*, какъ въ размѣрѣ дѣйствительно сдѣланнаго: и въ числѣ этихъ работниковъ будутъ — не только каменщики, но и младшіе архитекторы, — къ какой должности каждый изъ нихъ чувствуетъ или полагаетъ себя способнымъ. *Послѣ испытанія*, если тотъ или другой не окажется способнымъ, тѣмъ хуже: но только *при посредствѣ* испытанія работникъ можетъ имѣть *много* шансовъ *сдѣлаться* способнымъ, вообще получить шансъ *доказать* свою способность.

Гдѣ, за дѣло или безъ дѣла, получается жалованье, тамъ вы можете быть совершенно увѣрены — въ любви человѣка къ *жалованью*. Гдѣ, предлагаемымъ здѣсь способомъ, дѣло дѣлается безъ жалованья, или денежной выдачи въ какой-нибудь другой формѣ, — тамъ вы можете быть довольно хорошо увѣрены — въ любви человѣка къ *дѣлу*.

Правда, любовь сама по себѣ не есть еще *способность:* но, во всякомъ случаѣ, это — одна изъ причинъ способности, и въ настоящемъ случаѣ особенно не можетъ быть причины болѣе дѣйствительной, если не сказать, болѣе необходимой.

Между тѣмъ, если мои свѣдѣнія вѣрны, одинъ кодексъ по крайней мѣрѣ — и *притомъ* изъ уголовной отрасли, — составленный оффиціально, теперь, если уже не въ печати, то приготовляется болѣе или менѣе поспѣшно. Сдѣлаемъ теперь нѣсколько предположеній: — 1) Онъ уже вышелъ; — 2) онъ еще не вышелъ, но выйдетъ раньше, чѣмъ какой-нибудь мой *очеркъ* будетъ въ Петербургѣ; — 3) онъ выйдетъ, но не раньше того, какъ мой очеркъ уже былъ нѣсколько времени въ Петербургѣ; — 4) онъ совсѣмъ никогда не выходитъ. Въ этихъ различныхъ случаяхъ, какого дѣйствія можно ожидать отъ моего труда? — отъ моего труда, включая *школу законодательства*, построенную на три-

Digitized by Google

буналѣ *свободной критики*, что̀, какъ объяснено выше, я считаю *при*
надлежностью этой школы или ея *плодомъ*.

Случай 1-й. *Кодексъ уже вышелъ*, но во всякомъ случаѣ еще н
получивши силы закона: потому что, еслибы это было, я услышалъ бы
объ этомъ. Я не ожидалъ бы видѣть, что это такъ, даже еслибы эт
было въ видѣ опыта (in the *probationary* state). Если такъ,—т
прежде чѣмъ кодексъ получитъ силу закона, вашему величеству ос
танется опредѣлить, не долженъ ли будетъ тотъ *трибуналъ свобод*
ной критики, который я выше предлагалъ для моего собственнаг
труда оставить этотъ кодексъ въ покоѣ. Но, въ случаѣ утвердитель
наго отвѣта, на который я не могу не разсчитывать, — въ такомъ слу
чаѣ заявленіе вашего величества относительно этого пункта должн
быть совершенно ясно — „*L'original est confirmé dè la propre main
de sa Majesté Impériale dans les termes suivans: ainsi soit fait*".
Такъ по-французски. По-англійски: Woe to all gainsayers (горе
всѣмъ противорѣчащимъ!). Такова была эгида, которою сочли благо
разумнымъ запастись авторы Доклада 28 февраля 1804 г. *Критика,
будь безгласна! Горе всѣмъ противорѣчащимъ!*

Во всякомъ случаѣ, если вашему величеству угодно было бы ве
лѣть переслать мнѣ экземпляръ, то *замѣчанія* мои — или, съ дозволенія
вашего величества (чтобы мой трудъ не останавливался), замѣчанія отъ
нѣкоторыхъ моихъ друзей — были бы представлены вашему величеству
со всей возможной скоростію. Затѣмъ, отъ благоизволенія вашего вели
чества будетъ зависѣть назначить, и назначить ли вообще, срокъ для
представленія моего труда, прежде, чѣмъ дано будетъ утвержденіе
этому кодексу, или какому-нибудь другому.

Случай 2-й. *Онъ еще не вышелъ, но выйдетъ раньше, чѣмъ
какой-нибудь мой очеркъ будетъ въ Петербургѣ.* — Въ этотъ про
межутокъ времени, долженъ ли я буду остаться безполезенъ? Нѣтъ,
государь, — хотя бы я спалъ все это время, я могъ бы принести ва
шему величеству полезную услугу. Все это время оффиціальной руки
(т. е. составляющей кодексъ) давала бы *шпоры* мысль о *трибуналѣ
свободной критики*, который ожидаетъ этого произведенія; — и въ
соединеніи съ этой мыслью, давала бы шпоры также мысль о соперни
чествующемъ трудѣ, принадлежащемъ той рукѣ, тѣнь которой, какъ выше
упомянуто, такъ часто изъ своего отдаленія приводила въ трепетъ оф
фиціальную руку.

Случай 3-й. *Мой очеркъ дошелъ въ Петербургъ, а оффиціаль
ная рука еще не представила никакого проекта, и проектъ вы
ходитъ только послѣ.* — Оффиціальныя способности будутъ теперь
доведены до своего крайняго напряженія. Непріятеля — чужеземнаго
непріятеля — уже видѣли въ полѣ. Для этого труда его будетъ, по
крайней мѣрѣ, одинъ критикъ, который едва ли можетъ отвергнуть

Digitized by Google

редставляющійся вызовъ. Что бы только возможно было сказать противъ труда незваного гостя,—здѣсь есть, по крайней мѣрѣ, *одинъ* человѣкъ, а сзади его цѣлые десятки другихъ, которые всѣ будутъ имѣть ильнѣйшій интересъ сказать все это.

И теперь, когда является новый предметъ, законодательная школа аходитъ новый запасъ учениковъ—столькихъ учениковъ, сколько ихъ ожетъ увидѣть для себя хоть малѣйшій шансъ повышенія, вслѣдствіе воихъ занятій въ этой школѣ.

Позвольте мнѣ не умолчать здѣсь признанія, которое, кажется, лѣдуетъ даже сдѣлать. То, чего я ожидаю встрѣтить отъ этой руки, сть — трудъ, не неподлежащій критикѣ, испытанію. Я предвижу ъ этомъ трудъ, гдѣ будутъ соблюдаться формы методы: въ немъ ножо будетъ отличать отдѣльныя (distinguishable) части. Это я заключаю изъ того, что вижу въ упомянутомъ *Докладѣ*. Точка (говорятъ амъ математики) не имѣетъ частей; *хаосъ*, какъ онъ ни громаденъ, оже не имѣетъ частей. Пятнадцать массъ предположеннаго законодательнаго матеріала, о которыхъ говорится въ *Докладѣ*, не имѣли ни дна ничего похожаго на методу; — не имѣли никакихъ *отдѣльныхъ частей;*—я заключаю это изъ *Доклада*. Очеркъ, сдѣланный въ этомъ самомъ *Докладѣ*, — и (какъ я предполагаю) другія вещи, представленныя послѣ того вашему величеству, — своей методичностью, я увѣренъ, отличаются отъ всего того, или стоятъ выше того, что было сдѣлано прежде. Это былъ одинъ шагъ къ той единственной вещи, какая нужна. Это (я предполагаю) и пріобрѣло для автора благопріятное мнѣніе и согласіе вашего величества—и, въ извѣстномъ смыслѣ, къ тому были основанія, справедливость которыхъ не подлежитъ спору.

Совершенно не подлежатъ спору важность хорошаго распредѣленія въ законодательствѣ, и важность ряда *синоптическихъ таблицъ* — (*système figuré*, какъ говорили французскіе энциклопедисты) для хорошаго распредѣленія: хорошее распредѣленіе и хорошія таблицы въ одно и то же время — *дѣйствіе* и *причина*. Человѣкъ, который чувствуетъ ихъ необходимость и способенъ придумать орудіе этого рода, — несравненно больше годится для главной работы, чѣмъ тотъ, кто или остается слѣпъ къ пользѣ такой поруки хорошаго распредѣленія, или неспособенъ устроить ее.

Итакъ, это одинъ шагъ къ той единственной вещи, какая нужна: но *самый этотъ шагъ* не есть эта единственная нужная вещь. Это только *ларчики* или *ящики*. А *содержаніе?* — какое будетъ оно? Все зависитъ отъ содержанія: и ничто изъ того, что я когда-нибудь видѣлъ или слышалъ, не можетъ возбуждать во мнѣ никакого благопріятнаго ожиданія относительно того содержанія, которому предназначено наполнить эти самые ящики, — если только они чѣмъ-нибудь будутъ наполняться.

Digitized by Google

Ваше величество были весьма благоразумны, принимая эти услуги. Я не вижу, какимъ образомъ они могли бы быть отвергнуты. Но несчастьемъ было — поддаться той безпокойной заботливости (anxiety), которое со стороны лица, находящагося въ этомъ положеніи, было вмѣстѣ такъ естественно, и такъ вредно: — заботливости о томъ, чтобы, по обычаю, лишить государя возможности получить откуда-нибудь съ другой стороны тѣ услуги, которыхъ не могъ бы доставить слишкомъ большого запаса весь цивилизованный міръ.

Случай 4-й. Наконецъ, предположимъ, что *несмотря на упомянутыя выше шпоры, прошло значительное время, и отъ официальной руки не появилось еще никакого труда.* Тогда будетъ очевидно, что внутреннее убѣжденіе въ достоинствѣ, по крайней мѣрѣ сравнительномъ, уже изданнаго труда, собственное сознаніе въ неспособности сдѣлать лучше или даже сдѣлать что-нибудь, — таково будетъ состояніе ума, которое будетъ причиной этого молчанія. Между тѣмъ (какъ мы предполагали), здѣсь во всякомъ случаѣ будетъ нѣчто подъ рукой: я разумѣю мой собственный трудъ, какимъ бы его ни находили, — трудъ, который бы никогда не существовалъ безъ этого моего скромнаго предложенія.

Ваше величество видите довольно ясно, что я не безъ печали увидѣлъ бы какое-нибудь ограниченіе числа комментаторовъ, подъ увѣренностью, что тамъ, гдѣ авторъ есть неимѣющій связей иностранецъ, это будутъ комментаторы критическіе, — и слѣд. какое-нибудь ограниченіе числа добровольно являющихся судей, подъ увѣренностью, что это не будутъ пристрастно-благосклонные судьи.

Но я долженъ признаться, что относительно самаго рода труда, который будетъ предметомъ этой критики, я не опечалился бы, если бы увидѣлъ требованіе *одного условія*, — каково бы ни было его дѣйствіе въ смыслѣ *ограниченія*.

Это условіе — то, чтобы къ каждой значительной массѣ матеріала, — мало того, даже къ каждому слову, гдѣ этого потребуетъ его важность, — постоянно были присоединяемы соображенія, предназначенныя служить въ качествѣ *основаній* или *объясненій* (reasons) и выставляемыя въ доказательство соотвѣтственности всего того, что̀ такимъ образомъ предлагается для принятія въ кодексъ.

Этотъ предметъ былъ затронутъ въ моемъ прежнемъ письмѣ: — я самымъ усерднымъ образомъ просилъ бы ваше величество дать этому предмету ваше вниманіе.

Государь, только съ помощью *критеріума*, — только съ помощью *испытанія*, дѣлаемаго *такимъ* образомъ, можно отличить талантъ отъ глупости, удовлетворительныя знанія отъ невѣжества, честность отъ безчестности, человѣколюбіе отъ деспотизма, здравый смыслъ отъ каприза, однимъ словомъ, способность, во всѣхъ ея видахъ, отъ несспособности.

Digitized by Google

Только въ этихъ *основаніяхъ* (reasons) одинъ умъ говоритъ къ другому. *Повелѣнія* (ordinances) безъ *основаній* составляютъ только обнаруженіе воли, — воли сильнаго, который требуетъ повиновенія отъ безпомощнаго. Освободите его отъ этого состоянія, избавьте его отъ этого ущерба,— и тогда не только человѣкъ, который подаетъ вамъ кодексъ для подписи,—но и человѣкъ, который подаетъ вамъ рубашку,— будетъ въ силахъ составлять законы. Человѣкъ, который *подаетъ* рубашку? Да, государь, или женщина, которая *моетъ* ее.

Отбросьте это условіе (т. е. присоединеніе къ законамъ ихъ „основаній"),—и тогда одна Германія, о какомъ вамъ угодно предметѣ, доставитъ вамъ столько сотенъ кодексовъ, сколько вамъ угодно: — всѣ они будутъ вѣрно скопированы съ хаоса, который для другой части міра былъ собранъ двѣнадцать или тринадцать столѣтій назадъ [1]): — всѣ они будутъ составлены на самыхъ экономныхъ принципахъ, — всѣ написаны по столько-то страницъ въ часъ, — всѣ безъ малѣйшихъ издержекъ письма.

Не надо основаній! Не надо основаній для вашихъ законовъ! восклицаетъ Фридрихъ Великій прусскій въ одной плохой статьѣ своей, написанной именно объ этомъ самомъ предметѣ. Почему же не надо основаній? Потому что (говоритъ онъ), если въ вашемъ законѣ будетъ какой-нибудь подобный привѣсокъ, то первый шальной законникъ (le premier brouillon d'avocat), который возьметъ его въ руки, опровинетъ его. Да, довольно вѣроятно: такое злоключеніе можетъ произойти, если это будетъ такъ, что текстъ закона будетъ указывать одинъ путь,—а основаніе, стоящее вслѣдъ за нимъ, будетъ указывать другой, т. е., если или законъ, или основаніе построены до извѣстной степени дурно. Но есть ли это хорошее основаніе противъ того, чтобы *приводить основанія*? Не больше, какъ и противъ того, чтобы *составлять законы*. Точно также можно бы сказать, *не надо дорожныхъ столбовъ!* Почему? Потому что, еслибы пришелъ къ дорожному столбу какой-нибудь *mauvais plaisant* и вздумалъ повернуть надпись такъ, чтобы она показывала на дурную дорогу,—то путешественникъ можетъ сбиться съ пути.

Предположимъ теперь кодексъ, составленный, по обыкновенію, безъ всякаго подобнаго постояннаго комментарія основаній, и который для краткости и для бо́льшаго глубокомыслія снабженъ, какъ это не разъ дѣлалось, предисловіемъ изъ кучи неопредѣленныхъ и на дѣлѣ непримѣнныхъ, потому что непримѣнимыхъ, общихъ разсужденій, подъ именемъ *началъ*. Онъ можетъ быть одобренъ, восхваленъ и торжественно провозглашенъ. Но по какимъ причинамъ? Если относительно того или другого частнаго постановленія или распоряженія закона приводятся

[1]) Бентамъ разумѣетъ здѣсь Римское право.

Digitized by Google

какія-нибудь ясныя и вразумительныя *причины* (grounds) для одобренія, — то это и будутъ *основанія* (reasons). Почему же (можно бы сказать тогда начертателю), если вы знаете эти причины, почему — если только вы не стыдитесь ихъ — почему не явиться съ ними въ самомъ началѣ? — почему не распространить ихъ, за одинъ разъ, во всей публикѣ, — вмѣсто того, чтобы нашептывать ихъ, одинъ разъ одно, въ другой разъ другое,—тому или другому лицу, впередъ заинтересованному или впередъ увѣренному, въ качествѣ трубача? — Но, если нельзя привести никакихъ подобныхъ *причинъ*, то-есть, если вовсе нельзя привести никакихъ причинъ, то гдѣ же правдивость или цѣнность такого восхваленія?

Съ другой стороны, —предположимъ кодексъ, сопровождаемый, поддерживаемый и объясняемый, съ начала до конца, постояннымъ комментаріемъ основаній; предположимъ, что всѣ эти основанія выводятся изъ одного истиннаго и единственнаго защитимаго начала — *начала общей пользы*, подъ которое, какъ будетъ показано, всѣ они подводятся. — Здѣсь, государь, *дѣйствительно* будетъ *новая эра:* — эра раціональнаго законодательства, — примѣръ для всѣхъ націй, — новое учрежденіе, — и ваше величество будете его основателемъ.

Я считалъ почти несомнѣннымъ, что всего естественнѣе слѣдовало бы начать съ *уголовной* отрасли закона, въ противоположность гражданской. Основанія для этого очевидны и, кажется, убѣдительны. Напримѣръ, въ уголовной отрасли вышеупомянутыя обстоятельства всеобщаго происхожденія имѣютъ гораздо больше мѣста, чѣмъ въ гражданской. Поэтому, уголовная отрасль въ болѣе обширной степени находится въ границахъ компетентности иностранной руки. Кромѣ того, въ уголовной отрасли возможны до извѣстной степени, перемѣны — и если только онѣ будутъ къ лучшему въ другихъ отношеніяхъ — эти перемѣны не произведутъ ни опасности, ни тревоги [1]).

Иначе это въ *гражданской* отрасли. Великая и преобладающая цѣль этой вѣтви—*не допускать перемѣны*—сколько возможно предупреждать тѣ *обманы ожиданія*, которые бываютъ результатомъ *настоящей* и *неожиданной* перемѣны, и ту *тревогу*, которая производится трепетнымъ *ожиданіемъ* перемѣны. Въ этомъ случаѣ, общая неизвѣстность о состояніи закона — этотъ постоянный источникъ неожиданныхъ перемѣнъ, въ частныхъ примѣрахъ доходящій до неизмѣримаго объема — есть великій источникъ зла; а неизвѣстность есть всегдашняя болѣзнь того жалкаго субститута закона, который называется *неписаннымъ* закономъ, и который, по настоящему, вовсе и не есть законъ. Единственное лекарство отъ этой болѣзни есть законъ *писанный*—единственный родъ закона, имѣющій не одно только метафизическое суще-

[1]) См. для объясненія этой терминологіи Избр. соч. Бент., I, 140, 159, 372, 484 и пр.

Digitized by Google

ствованіе. Наполеону принадлежитъ заслуга, что онъ далъ этого рода лекарство Франціи. Съ какой степенью искусства оно было составлено, я до сихъ поръ не находилъ никакой пользы это изслѣдовать. Но это лекарство должно было бы быть негодно-дурнымъ, еслибы оно все-таки не было гораздо лучше, чѣмъ ничего. Для человѣчества было бы счастьемъ, еслибы Наполеонъ только этимъ способомъ подавалъ примѣръ правителямъ этого человѣчества.

Мнѣ остается сказать о томъ способѣ, на который я намекалъ въ самомъ началѣ какъ на *другой* способъ, которымъ, при одобреніи вашего величества, могли бы быть сколько-нибудь употреблены въ дѣло тѣ услуги, какія было бы въ моихъ силахъ оказать; и которымъ въ нѣкоторой, хотя не равной, степени могли бы быть достигнуты цѣли, о которыхъ говорено было выше.

Вмѣстѣ съ письмомъ вашего величества я получилъ письмо отъ князя Адама Чарторыскаго. Въ письмѣ онъ напоминалъ мнѣ объ одномъ условномъ обѣщаніи, данномъ ему мною, и приглашалъ меня къ его исполненію. Понятно, что предметомъ обѣщанія была Польша. Ваше величество, быть можетъ, уже слышали отъ князя Чарторыскаго, что̀ дало поводъ къ этому обѣщанію. Все, что̀ мы говорили, ограничилось общими разговорами; въ то время вещи не созрѣли еще для того, чтобы можно было входить въ частности: намѣренія вашего величества не были достаточно извѣстны.

Но, по самой сущности дѣла, я долженъ былъ заключить, что относительно этой страны мои услуги имѣлись въ виду для *конституціонной* отрасли, — по крайней мѣрѣ предварительно передъ какой-нибудь другой. Но изъ всѣхъ отраслей закона конституціонная есть *та*, относительно которой, въ начертаніи общаго *очерка*, чужая рука кажется менѣе компетентна, чѣмъ относительно какой-нибудь другой отрасли. Почему? Потому что конституціонный законъ зависитъ вполнѣ отъ *мѣстныхъ условій* (localities). Поэтому здѣсь упомянутый выше способъ — давать отвѣты на представляющіеся вопросы, есть единственный, который кажется соотвѣтствующимъ природѣ дѣла.

Я не хочу сказать, чтобы въ этомъ случаѣ, какъ и въ другомъ, была какая-нибудь польза посылать отвѣты, — если только въ томъ мѣстѣ, куда они посылаются, они не встрѣтятъ расположенія воспользоваться ими. Но если, въ настоящемъ случаѣ, будетъ какой-нибудь недочетъ въ этомъ отношеніи, то просьбы, столь обязательно повторяемыя мнѣ этимъ княземъ, будутъ дѣйствіемъ безъ причины.

Между тѣмъ, еслибы вашему величеству угодно было приказать мнѣ составить очеркъ уголовнаго и гражданскаго закона, и прежде уголовнаго, для Польши,—то, хотя бы поле моего труда и ограничивалось Польшей, я нашелъ бы для его совершенія вполнѣ достаточные мотивы.

Мое намѣреніе такимъ образомъ удовлетворялось бы, но не то, ко-

Digitized by Google

торое я надѣялся бы видѣть и намѣреніемъ вашего величества. Для Россіи—нѣтъ соревнованія, нѣтъ трибунала свободной критики, нѣтъ школы законодательства, нѣтъ разсадника чиновниковъ для законодательнаго вѣдомства: нѣтъ ничего кромѣ слабаго телескопическаго вида этихъ учрежденій въ Польшѣ. Судьба Россіи передана одной рукѣ—такой, которую все, мною видѣнное или слышанное, согласно вынуждаетъ меня считать недостаточной.

Ваше величество видите мою навязчивость? Но почему мнѣ стидиться ея? Мнѣ не нужно ни денегъ, ни власти, ни высокаго сана, ни даже благосклонности:—мнѣ нуженъ только шансъ принести пользу:—пользу?—и *кому* пользу?

Не незначительны—и по объему, и по числу, и по важности—тѣ предметы размышленія, которыя я осмѣливаюсь здѣсь представить на рѣшеніе вашего величества. Но, насколько дѣло касается того, что могло бы быть сдѣлано мной, имѣютъ важность только немногіе пункты, въ которыхъ рѣшеніе можетъ быть вмѣстѣ—и просто, и легко, и безопасно.

Все, что было бы необходимо, для того, чтобы я приступилъ къ дѣлу, это—выраженіе желанія вашего величества въ этомъ смыслѣ. Я долженъ писать по-англійски. Поэтому мой трудъ и долженъ быть напечатанъ на первый разъ по-англійски. Но г. Дюмонъ, работающій на тѣхъ же условіяхъ какъ я, былъ бы — я увѣренъ въ этомъ такъ, какъ еслибы онъ былъ здѣсь и сказалъ мнѣ это, — Дюмонъ былъ бы счастливъ перевесть его на французскій языкъ, листъ за листомъ, какъ только онъ будетъ появляться по-англійски: и въ этомъ случаѣ, французскій переводъ могъ бы быть отпечатанъ почти въ одно время съ подлинникомъ. Издержки англійскаго изданія были бы *моей* заботой: относительно французскаго, это было бы такъ, какъ угодно будетъ вашему величеству. Въ Петербургъ было бы прислано — на англійскомъ, на французскомъ, или на обоихъ языкахъ—столько экземпляровъ, сколько вашему величеству угодно будетъ приказать. Что сдѣлалось бы относительно ихъ *тамъ* (т. е. въ Петербургѣ), это, конечно, вполнѣ зависитъ отъ воли вашего величества. Но, я надѣюсь, что ваше величество не имѣете никакихъ возраженій противъ того, чтобы дать мнѣ обѣщаніе, что когда они будутъ тамъ, то *они увидятъ свѣтъ*. Мой трудъ не будетъ пасквилемъ (a libel): и, если онъ не будетъ одобренъ—и неодобреніе будетъ объявлено, съ указаніемъ или безъ указанія основаній,—всякое подобное неодобреніе конечно не встрѣтитъ большого затрудненія къ тому, чтобы заставить уважать себя. Имѣю честь быть, государь, вашего императорскаго величества всегда вѣрнымъ слугой,

Іеремія Бентамъ.

Digitized by Google

4. Письмо Адама Чарторыскаго къ Бентаму [1]).

Вѣна, 25 апрѣля 1815.

М. г. Постоянныя путешествія, которыя дѣлалъ его величество послѣ того, какъ оставилъ Англію, и великіе интересы, занимавшіе его въ послѣднее время, только теперь позволили мнѣ представить его величеству письмо, вами ему адресованное. Я съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшу передать вамъ при семъ отвѣтъ его величества.

Примите также и съ моей стороны увѣреніе въ высокомъ уваженіи, которое я не перестану питать къ вамъ, и позвольте мнѣ впередъ льстить себя надеждой, что вы не откажетесь также и намъ [2]) дать ваши совѣты во всемъ томъ, что можетъ имѣть отношеніе къ законодательству, которое его императорское величество удостоитъ даровать Польшѣ. Когда придетъ время, я не премину обратиться къ вамъ и напомнить вамъ дружескія обѣщанія, которыя вы были такъ добры дать мнѣ въ этомъ отношеніи.

Въ ожиданіи, я съ удовольствіемъ пользуюсь настоящимъ случаемъ просить васъ принять увѣреніе въ моихъ чувствахъ и въ глубочайшемъ уваженіи, съ которымъ честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугой,

А. Чарторыскій.

Изъ слѣдующаго отвѣтнаго письма Бентама къ Чарторыскому мы извлекаемъ только то, что имѣетъ отношеніе къ предыдущему письму Бентама о русскомъ кодексѣ къ императору Александру. Мы встрѣтимъ здѣсь еще нѣкоторыя объясненія этихъ отношеній Бентама къ императору. Остальная часть письма относится слишкомъ исключительно къ польскимъ дѣламъ и не входитъ въ цѣль нашей статьи.

5. Письмо Бентама къ князю Адаму Чарторыскому.

Queen-Square-Place, Вестминстеръ, іюнь 1815.

Я прежде всего долженъ просить извиненія его величества и вашего за одну вещь, именно за тотъ огромный промежутокъ времени (больше мѣсяца), который прошелъ между полученіемъ этихъ двухъ писемъ и отправленіемъ моихъ настоящихъ отвѣтовъ. Другая вещь, за которую

---

[1]) При этомъ письмѣ Чарторыскій оффиціально передавалъ Бентаму помѣщенное выше письмо императора Александра, отъ 10 — 22 апрѣля 1815. Объ этомъ письмѣ Чарторыскаго Бентамъ и упоминаетъ въ концѣ своего второго письма къ императору.

[2]) То-есть, *также какъ Россіи*, къ которой одной относилось подразумѣваемое здѣсь письмо. (Прим. англ. изд.).

Digitized by Google

я также долженъ просить вашего снисхожденія, это—что копія съ письма къ императору, которую я долженъ послать вамъ, слишкомъ дурно переписана.

Впрочемъ, оба эти проступка имѣютъ свой источникъ въ той неотложной работѣ, среди которой я получилъ эти письма....

Что касается до подлинника (письма къ императору Александру), то я боюсь, что и вы, и императоръ будете досадовать и скучать имъ, хотя бы за одну его длинноту. Впрочемъ мнѣ необходимо надо было высказаться: и я не видѣлъ надежды, что буду способенъ сдѣлать это, съ какой-нибудь пользой, въ меньшемъ объемѣ. Я слышу со всѣхъ сторонъ, что онъ—человѣкъ съ хорошимъ характеромъ (a good-natured man): то, что̀ я говорю ему въ письмѣ, которое вы увидите, подвергаетъ это его качество *испытанію*. Если у него достанетъ терпѣнія, онъ *прочтетъ* у меня то, чего, по самой природѣ вещей, онъ не *прочтетъ* и не *услышитъ* ни отъ какого человѣка, находящагося въ какомъ-нибудь *иномъ* положеніи.

Повязка на глазахъ, помочи на плечахъ—таковъ былъ до сихъ поръ его *костюмъ* въ *этой* части правительственной области. Моя цѣль—освободить его отъ этихъ принадлежностей; возможно ли, чтобы онъ простилъ мнѣ? Проститъ онъ мнѣ или нѣтъ, дѣло не въ томъ: единственное, что нужно, это *то*, чтобы онъ далъ освободить себя отъ нихъ.

Я надѣюсь, что это не вовлечетъ *васъ* ни въ какое затрудненіе, затрудненіе, которое съ вашей стороны было бы до такой степени совершенно незаслуженнымъ: потому что отъ *васъ* я никогда не слыхалъ ничего похожаго на *a tale out of school*.

Если бы что-нибудь мной сказанное положило конецъ не только *этой* корреспонденціи, но и другой, которая для меня такъ лестна,—я былъ бы истинно опечаленъ. Но сдѣлать этотъ рискъ было необходимо: потому что вы вѣроятно согласитесь со мной, что, можно ли было бы *съ нимъ* сдѣлать что̀-нибудь или нѣтъ, но *безъ него* во всякомъ случаѣ невозможно было ничего сдѣлать.

На этомъ, сколько мы знаемъ, кончились отношенія между императоромъ Александромъ и Бентамомъ.

Какъ ни исключительны и единичны въ своемъ родѣ эти отношенія, они имѣютъ свой большой историческій смыслъ, какъ новая черта для характеристики импер. Александра и какъ примѣръ того отношенія, въ которомъ русская общественная жизнь или «политика» стояла къ европейскимъ идеямъ. Поэтому мы считаемъ нелишнимъ сказать объ этомъ предметѣ еще нѣсколько словъ.

Въ наше время отношенія, подобныя изложеннымъ сейчасъ

Digitized by Google

отношеніямъ императора Александра къ Бентаму, всего скорѣе подвергнутся порицанію; ихъ осудятъ какъ непрактическое увлеченіе, и особенно какъ увлеченіе чужимъ, иноземнымъ; мысль сноситься съ иностраннымъ юристомъ по вопросу о законодательствѣ для русскаго государства, покажется даже нарушеніемъ національнаго достоинства; людей, возъимѣвшихъ ее, обвинятъ въ незнаніи русской жизни, въ необращеніи къ ея внутреннимъ силамъ, національнымъ идеямъ и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, здѣсь повторилось бы обвиненіе, которое уже высказалось въ нашей литературѣ противъ направленія и людей первыхъ годовъ царствованія Александра, — потому что разсказанныя нами обстоятельства были конечно продолженіемъ (хотя уже слабымъ и замирающимъ) именно тѣхъ воззрѣній, которыя въ особенности отличали эти годы. Дѣятелей того времени, и съ ними вмѣстѣ и императора Александра упрекаютъ обыкновенно въ томъ, что они, увлекаясь напр. Англіей, не знали русской жизни, и въ противоположность имъ выставляютъ «опытныхъ» людей стараго времени, хотя тутъ же оказывается, что эти «опытные» люди сами не могли придумать ничего лучшаго для исправленія тѣхъ золъ, противъ которыхъ и были направлены усилія новыхъ людей...

Намъ кажется, что въ этомъ смыслѣ такія обвиненія очень несправедливы. Обращеніе къ европейскимъ идеямъ и образцамъ составляло слишкомъ серьезную потребность нашей образованности. Это была старая традиція, начатая Петромъ и продолжавшаяся въ разныхъ видахъ во все XVIII-е столѣтіе. Это увлеченіе иноземными идеями не менѣе сильно было и въ императрицѣ Екатеринѣ, напр. когда она писала свой «Наказъ» и наполняла его цѣликомъ идеями французской просвѣтительной философіи. Импер. Александръ, въ своихъ первыхъ стремленіяхъ, собственно говоря только продолжалъ эту традицію, въ которой укрѣпляла его сама императрица, выбравшая ему въ воспитатели республиканца-философа во вкусѣ XVIII-го вѣка. Съ другой стороны, въ этихъ увлеченіяхъ была общая черта времени. Если философія XVIII-го вѣка требовала для обществъ новаго устройства и новыхъ идей, то теперь, послѣ революціонныхъ потрясеній, очень естественно приходила мысль, что надо дѣлать многое *сначала*—во Франціи это дѣйствительно было необходимо, потому что старый порядокъ во многихъ отношеніяхъ былъ подорванъ безвозвратно,—и дѣлать на основаніи отвлеченныхъ положеній разума, которыя часто представлялись единственнымъ критеріумомъ. Этотъ разумъ указывалъ множество несовершенствъ, которыя надо было исправить, а между тѣмъ практическая жизнь общества еще не давала указаній для этого ис-

Digitized by Google

правленія. Наши дѣятели приходили къ тѣмъ же отвлеченнымъ положеніямъ; имъ также казалось, что надо было дѣлать все или многое *сначала*, trancher dans le vif, tailler en plein drap, какъ выражался Сперанскій послѣ поѣздки въ Эрфуртъ, подъ вліяніемъ встрѣчи съ дѣтищемъ революціи Наполеономъ. Мы видѣли, какъ журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ наводилъ на вопросы о законодательствѣ, о свободѣ печати, о злоупотребленіи привилегій; въ литературѣ либеральныя идеи находили сильный отголосокъ; въ университетахъ и въ книгахъ съ великимъ интересомъ (хотя конечно въ большинствѣ случаевъ очень наивно) говорилось о «естественномъ правѣ» и т. п. Однимъ словомъ, собирая разнообразныя указанія о движеніи того времени, едва ли можно сомнѣваться, что «увлеченіе», стремленіе новыхъ правительственныхъ дѣятелей создавать новыя формы юридическо-общественной жизни совершенно оправдывается дѣйствительнымъ положеніемъ вещей — существованіемъ множества недостатковъ стараго порядка, требовавшихъ исправленія, улучшенія или уничтоженія — и ожиданіями лучшихъ людей общества...

Съ точки зрѣнія порицателей этого либеральнаго «увлеченія» императора Александра, какъ будто выходитъ, что гораздо лучше стало, когда всякія увлеченія были брошены, когда управленіе стало совершаться по старымъ преданіямъ, и либеральныхъ министровъ смѣнилъ «опытный» графъ Аракчеевъ.

По нашимъ понятіямъ, императоръ Александръ не дѣлалъ ошибки, когда одно время считалъ возможною дѣятельность Бентама для Россіи.

Бентамъ точно также не показывалъ какой-нибудь притязательности, когда обращался къ русскому императору съ своими предложеніями. Задолго передъ тѣмъ, онъ имѣлъ случай видѣть, что его мысли и книги находили много сочувствія между людьми, которые, безъ сомнѣнія, были въ числѣ лучшихъ людей тогдашняго русскаго общества (Сперанскій, Мордвиновъ, гр. А. Салтыковъ и проч.); и давно уже ему сообщали, что въ Петербургѣ имѣютъ желаніе обратиться къ нему за содѣйствіемъ и совѣтами въ кодификаціонныхъ трудахъ. Въ самомъ этомъ случаѣ Бентамъ написалъ свое (первое) письмо къ императору, повидимому, не безъ вызова и со стороны Чарторыскаго, лица, въ то время слишкомъ близкаго къ Александру. Наконецъ то, что говорилъ Бентамъ, было такъ справедливо, что его вмѣшательство находитъ въ этомъ полное оправданіе.

Дѣйствительно, начать съ того, что Бентамъ въ самомъ дѣлѣ былъ чуждъ Россіи не больше чѣмъ курляндецъ, лифляндецъ или финляндецъ, если бы они, не зная русскаго языка, взялись управ-

Digitized by Google

лить Россіей и составлять для нея законы. Роль Розенкампфа, изображенная отчасти въ книгѣ барона Корфа [1]), можетъ служить достаточнымъ примѣромъ.

Далѣе, Бентамъ ни на минуту не думалъ стать настоящимъ законодателемъ. То, къ чему онъ стремился, было — проложить дорогу для *открытаго законодательства*, какъ онъ это называлъ, т. е. для гласнаго обсужденія законодательныхъ вопросовъ въ средѣ самого русскаго общества. Себѣ лично онъ дозволялъ только одно желаніе — участвовать въ этомъ обсужденіи на ряду съ какимъ угодно другимъ законовѣдомъ, участвовать открыто, на глазахъ какой угодно критики: ему лично хотѣлось только дать тему, быть можетъ, поставить лучше другихъ вопросы, которые должны были подвергнуться обсужденію, высказать еще разъ — съ спеціальнымъ назначеніемъ для русскихъ условій—свои общіе принципы, составлявшіе трудъ его жизни. И замѣтимъ притомъ, что онъ дозволялъ себѣ это желаніе уже *послѣ того*, какъ ему извѣстно было, что русскія правительственныя сферы обращались прежде ко многимъ другимъ иностранцамъ (которые не дали удовлетворительныхъ отвѣтовъ), слѣд. когда ему извѣстно было, что такого рода содѣйствіе считалось нужнымъ, и что его искали. Читая въ его письмѣ его настоятельныя убѣжденія къ императору, нельзя не почувствовать глубокаго уваженія къ этой горячей и безкорыстной ревности служить человѣческому благу.

Бентамъ представлялъ императору двѣ дороги: старая, которой и слѣдовали въ ту минуту, была много разъ испробована и достаточно выказала свои свойства въ исторіи множества «коммиссій» со временъ Петра Великаго; новая, которую онъ защищалъ, безъ сомнѣнія была лучшей дорогой, и къ устройству законодательства и къ общественному воспитанію. Бентамъ заботливо разъяснялъ возможность гласнаго обсужденія законодательства, стараясь сгладить путь этому нововведенію въ русской жизни. Собственно говоря, его отвлеченные абсолютные принципы требовали далеко не этихъ умѣренныхъ пожеланій; но Бентамъ очень хорошо понималъ вопросъ о «значеніи мѣста и времени въ законодательствѣ», и потому онъ предлагаетъ наиболѣе мягкую, спокойную и вмѣстѣ наиболѣе воспитывающую форму для этого нововведенія,—форму, при которой уступка обществу была бы наименьшая, и слѣд. наиболѣе возможная со стороны правительственнаго авторитета (о которомъ въ концѣ концовъ и шла рѣчь).

Но это было бы непрактично,—могутъ сказать на это. Напротивъ, можно думать, что совѣтъ Бентама былъ самый благо-

[1]) Жизнь Сперанскаго I, 146 и слѣд.

Digitized by Google

разумный, какой можно было сдѣлать въ данномъ положеніи вещей, въ этомъ направленіи.

Въ самомъ дѣлѣ, если только шелъ вопросъ о новомъ характерѣ законодательства, о приближеніи его къ новымъ гражданскимъ потребностямъ и духу времени, о развитіи юридическаго сознанія въ обществѣ, то очевидно, что нужно было употребить какія-нибудь новыя средства, кромѣ тѣхъ, какія употреблялись по преданію. Старая машина приходила въ совершенную негодность; она жила одной рутиной, мало превышавшей простую приказную рутину. Если самыя работы Сперанскаго въ коммиссіи составленія законовъ (1808—1812) имѣли не мало недостатковъ; то гораздо больше странностей было сказано и сдѣлано со стороны его противниковъ, не исключая Карамзина. Баронъ Корфъ, котораго мудрено обвинить въ пристрастіи къ какой-либо изъ двухъ сторонъ, говоритъ въ своей книгѣ: «Юридическія наши свѣдѣнія, *даже у государственныхъ людей*, были въ то время, какъ горько и *справедливо* замѣтилъ Сперанскій, еще очень слабы и поверхностны... Законовѣдѣніе считалось еще *тьмою*, въ которую проникали лишь такъ-называвшіеся тогда дѣльцы; для нихъ же все, чего они не могли найти буквально въ нашихъ указахъ, или что было выражено иными словами, казалось вредною или, по крайней мѣрѣ безполезною чужеземщиною» [1]). При этомъ положеніи вещей, самымъ разумнымъ было бы то, что́ и предлагалъ Бентамъ: это было вызвать на дѣло новыя силы, которыя, конечно, были бы доставлены обществомъ, вызвать путемъ гласнаго обсужденія, которое не преминуло бы доставить важныя частныя данныя и вмѣстѣ указать людей способныхъ къ труду. Между тѣмъ, люди, возвращавшіеся въ Россію послѣ наполеоновскихъ войнъ, возвращались съ запасомъ новыхъ стремленій, которыя безъ сомнѣнія принесли бы много пользы оживленію всего общества, если бы руководители этого общества съумѣли понять ихъ и воспользоваться ими. Но этого сдѣлать тогда не съумѣли, и эта потребность дѣятельности для общественнаго блага не находила себѣ исхода въ дѣйствительной практической жизни. Потребность однакоже не исчезала, и выходъ для нея нашелся наконецъ въ «союзѣ благоденствія», который въ концѣ концовъ привелъ къ глубоко-печальнымъ событіямъ 14 декабря.

Можно сказать съ увѣренностію, что если бы и въ эти времена сохранились намѣренія и планы, которые составлялись въ началѣ царствованія, еслибъ на нихъ положена была нужная тер-

[1]) Жизнь Сперанскаго, I, 164 прим.

Digitized by Google

дость убѣжденія и воли, то въ самой свѣжей, энергическвой и убѣжденной части общества, правительство нашло бы несомнѣнно самыхъ усердныхъ исполнителей; и тѣ силы, которыя пропадали даромъ или погибали трагически, были бы употреблены правильно и здорово для общественнаго организма. Дѣло шло бы и въ этомъ случаѣ, конечно, не безъ усилій, на которыя потребовалась бы правительственная энергія,—но гораздо лучше было употребить эту энергію сюда, чѣмъ на укрощеніе совершенно посторонних Россіи возстаній въ Европѣ, или на основаніе военныхъ поселеній дома.

Но Бентамъ напрасно предлагалъ свои мысли,—императоръ Александръ предпочелъ программу Меттерниха и Аракчеева.

Этимъ окончились отношенія, которыя начались въ 1802 г. такимъ успѣхомъ Бентама въ русскомъ обществѣ. Событія, послѣдовавшія за 1815 годомъ, и роль, принятая въ нихъ Россіею, должны были еще сильнѣе охладить Бентама. Мы видѣли выше, какъ сильно было это охлажденіе уже въ 1817 г., когда онъ издавалъ свою переписку въ «Papers relative to Codification». Политика реставраціи возбуждала въ немъ самую глубокую вражду, и его политико-законодательныя идеи пріобрѣтали еще бо́льшую суровость чѣмъ прежде, — какъ напр. въ его «Конституціонномъ Кодексѣ», надъ которымъ онъ работалъ именно въ это время. Вся его симпатія принадлежала либеральнымъ движеніямъ, наполняющимъ эту эпоху: либералы этого времени видѣли въ немъ великій нравственный авторитетъ [1]). Его письма проникнуты глубокимъ сочувствіемъ къ дѣлу національной независимости и гражданской свободы, о которыхъ шла теперь борьба, и глубокой ненавистью къ политикѣ Меттерниха и реставраціи [2]).

Относительно своихъ кодификаціонныхъ трудовъ, онъ окончательно приходилъ къ убѣжденію, что въ извѣстныхъ государственныхъ устройствахъ они не могутъ имѣть мѣста [3]); но за то

---

[1]) См. объ его корреспонденціи за это время въ біографіи, Works X, и въ «Codification Proposal», т. IV, стр. 564 и слѣд. Здѣсь приведены письма и отзывы изъ Женевы, Испаніи, Португаліи, Франціи, Италіи, Соединенныхъ Штатовъ, Греціи, Южной Америки и пр.

[2]) Вотъ напр. отрывокъ изъ письма его къ грекамъ, въ ноябрѣ 1823 г. (противъ избранія короля):

«So sure as you have a king, so sure has the Holy Alliance another member. And what is the Holy Alliance, but an alliance of all kings, against all those who are not kings. Were there no such alliance, remedy, under the most grievous tyranny, would be but too difficult: under the Holy Alliance, all remedy would be impossible» etc. (X, 539).

[3]) Біографъ приводитъ между прочимъ изъ разсказовъ Бентама слѣдующее замѣчаніе: «Talleyrand said my law projects were work of genius, but not adapted for purposes of tyranny» (X, 571).

Digitized by Google

тѣмъ ревностнѣе онъ привязывался къ своимъ идеямъ, развивая принципъ «наибольшаго возможнаго счастія» относительно политическихъ формъ и учрежденій. Таковъ его «Конституціонный Кодексъ», одинъ изъ обширнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ трудовъ Бентама (напечатанный уже только по его смерти, въ изданіи Боуринга, т. II), — гдѣ Бентамъ самымъ рѣзкимъ образомъ отвергаетъ господствующую вообще въ Европѣ монархическую форму государственнаго устройства и, опредѣляя изъ своего принципа формы политическихъ учрежденій и администраціи, лучшей формой политическаго устройства считаетъ представительную демократію. «Конституціонный Кодексъ» былъ конечно трактатъ чисто-теоретическій; но вмѣстѣ съ тѣмъ, это была и программа, по мнѣнію Бентама, удобопримѣнимая для всякаго народа, который бы захотѣлъ ею воспользоваться, какъ логическимъ развитіемъ его основной идеи въ области политики. Въ такомъ же смыслѣ онъ изложилъ въ то же время свои общія положенія относительно законодательства, которыя онъ именно предлагалъ «всѣмъ націямъ либеральнаго образа мыслей». Это— «Codification Proposal» [1]), книга, любопытная для насъ въ настоящемъ случаѣ тѣмъ, что здѣсь излагается теорія того взгляда на наилучшій процессъ законодательства, который Бентамъ излагалъ въ письмѣ къ императору Александру.

Таково было, говоря вообще, настроеніе Бентама и направленіе его трудовъ въ теченіе самаго горячаго періода реставраціи и гоненій противъ либерализма. Что онъ имѣлъ за это время нѣкоторыя сношенія съ своими русскими друзьями, — это можно заключать по указаніямъ въ его дальнѣйшей перепискѣ; но біографія не представляетъ относительно этого никакихъ ближайшихъ свѣдѣній. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ перерыва, новыя извѣстія о русскихъ сношеніяхъ Бентама мы находимъ въ біографіи уже только отъ 1823—1824 года, хотя въ письмѣ Бентама къ Мордвинову, которое мы здѣсь разумѣемъ, мы видимъ дружескія отношенія, кажется не прерывавшіяся. Въ это время Мордвиновъ, повидимому, самый ревностный изъ русскихъ почитателей Бентама, писалъ ему исполненное уваженія письмо, гдѣ между прочимъ говорилъ, что привыкъ ссылаться на авторитетъ Бентама и оправдывать имъ свои дѣйствія въ качествѣ предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ.

---

[1]) «Codification Proposal, addressed by Jeremy Bentham to all nations professing liberal opinions; or Idea of a proposed all-comprehensive body of law, with an accompaniment of Reasons» etc. Издано первоначально въ 1822 г.; см. Works, IV, 535 и слѣд.

Digitized by Google

Бентамъ отвѣчалъ Мордвинову довольно длиннымъ письмомъ. Оно отрывочно и писано отчасти тономъ шутки, но подъ этой шуткой взглядъ Бентама на русскія дѣла обнаруживаетъ довольно ясно то настроеніе его мыслей, о которомъ мы выше упоминали.

«Я доканчиваю теперь Конституціонный Кодексъ — пишетъ Бентамъ — имѣющій цѣлью исправить этотъ испорченный міръ, покрывъ его республиками. Я сообщаю вамъ это извѣстіе изъ чистаго великодушія, чтобы вы, по своему мѣсту, какъ *Président pour les affaires civiles et ecclésiastiques* — которое мнѣ пріятно видѣть занятымъ вами, хотя бы только для одной Россіи, — чтобы вы, въ этомъ качествѣ, могли заблаговременно устроить санитарный кордонъ вокругъ владѣній вашего повелителя, такой прочный, какой найдетъ нужнымъ вашъ фельдмаршалъ...; впрочемъ, скажу вамъ по довѣренности, этотъ кордонъ будетъ совершенно безполезенъ противъ экземпляровъ, которыми я начиню бомбы и буду стрѣлять черезъ этотъ кордонъ. Но отчего, любезный мой другъ, вы такъ жестоко запоздали извѣстить меня о томъ, что получили кучу всякой всячины (quantity of stuff), которую я вамъ послалъ? Я уже предполагалъ, что — или вы нашли для нея употребленіе въ вашей печкѣ (peech), или что васъ сослали въ Сибирь за то, что она была къ вамъ адресована.

«Это приводитъ меня къ Сперанскому, къ которому я въ тоже время послалъ тѣже вещи. Онъ точно также имѣлъ варварство оставить меня въ томъ же невѣдѣніи. Правда, я никогда его не видалъ; но также правда и то, что его мнѣнія относительно моихъ вещей извѣстны мнѣ изъ его письма къ Дюмону, которое я храню какъ святыню и, когда бываю въ хвастливомъ расположеніи духа, показываю иногда нѣкоторымъ молодымъ друзьямъ: сюда прибавится теперь и ваше письмо.

«Я радъ слышать, что вы и Сперанскій въ хорошихъ отношеніяхъ между собой, чего не бываетъ обыкновенно (какъ я читалъ это въ какой-то книгѣ) между товарищами въ такихъ правленіяхъ какъ ваше, — не говоря о другихъ правленіяхъ.

«Я забылъ, кому изъ васъ я послалъ, вмѣстѣ съ своимъ хламомъ (trash), и свою покорнѣйшую просьбу прислать мнѣ экземпляръ того, что было у васъ оффиціально публиковано относительно состоянія законовъ, съ тѣхъ поръ какъ учреждено было вѣдомство для этой цѣли. Я полагаю, что два такихъ могущественныхъ человѣка, какъ вы и онъ, придумали бы между собой средство украсть для этой цѣли одинъ экземпляръ, не подвергая себя большой опасности быть высѣченнымъ. Или, что если великодушный будетъ на столько великодушенъ, что при-

Digitized by Google

плетъ мнѣ это? Я не возвратилъ бы ему этого, какъ возвратилъ перстень. Мнѣ незачѣмъ его перстней. Но мнѣ было бы для чего имѣть его законы. Что касается Розенкампфа — онъ, какъ я слышу, is gone to the dogs. Я думаю, онъ не могъ найти лучшаго употребленія [1]).

«Что касается до злоупотребленій, открытыхъ имъ — я разумѣю, Сперанскимъ, а не Розенкампфомъ, — то конечно было бы весьма любопытно имѣть о нихъ какія-нибудь свѣдѣнія; хотя впрочемъ, если прискорбная польза составляетъ весь ихъ вредъ, я могъ бы прислать, взамѣнъ, неоспоримо вѣрное указаніе въ двѣнадцать разъ болѣе прискорбной пользы, добытой въ то же количество времени здѣсь, хотя болѣе безопасными и непреодолимыми средствами. Но серьезно, я былъ бы въ совершенномъ отчаяніи, еслибы въ моемъ Конституціонномъ Кодексѣ не нашлось, въ томъ или другомъ мѣстѣ, мѣръ, примѣнимыхъ съ такой же выгодой въ вашей монархіи, какъ и въ моей Утопіи...

«Я посылаю вамъ, съ этимъ же случаемъ, небольшой республиканскій пасквиль (little Republican squib), *avant-courrier* моего Кодекса. Онъ можетъ послужить къ тому, чтобы развеселить глубокомысліе какого-нибудь изъ тѣхъ совѣтовъ, которые пользуются вашимъ предсѣдательствомъ. Я боюсь, что вашъ повелитель слишкомъ серьезенъ, чтобы смѣяться такимъ вещамъ. Онъ, быть можетъ, скорѣе склоненъ написать брату Георгу, чтобъ тотъ остановилъ публикацію» [2]).

Злоупотребленія, открытыя Сперанскимъ, о которыхъ говоритъ Бентамъ, относятся конечно къ отчету Сперанскаго по обозрѣнію Сибири. Этотъ отчетъ разсматривался по возвращеніи Сперанскаго изъ Сибири особымъ комитетомъ, который вполнѣ одобрилъ всѣ дѣйствія Сперанскаго, — вслѣдствіе чего извѣстный деспотъ Пестель былъ отставленъ отъ службы, грабитель Трескинъ и цѣлая шайка его подчиненныхъ грабителей были преданы суду и проч. [3]). Указъ объ этомъ предметѣ, излагавшій многое подлинными словами отчета Сперанскаго, былъ публикованъ во всеобщее свѣдѣніе 26 января 1822 г., и объ немъ вѣроятно и идетъ рѣчь въ письмѣ Бентама.

Республиканскій «пасквиль» Бентама, упомянутый въ письмѣ, есть вѣроятно небольшое сочиненіе «Leading principles of a Constitutional Code for any state», напечатанное въ 1823 году [4]).

---

[1]) Эта фраза нѣсколько ужасна по своей нетерпимости; но она любопытна, какъ свидѣтельство, какую страстную энергію вносилъ уже 75-лѣтній Бентамъ въ интересы своего дѣла, даже относительно совсѣмъ чужихъ ему странъ.

[2]) Works X, 542—543.

[3]) Корфъ, Жизнь Сперанскаго II. 264 слѣд.

[4]) Оно явилось первоначально въ Pamphleteer, № 24. 1823; Works, II. 269 слѣд.

Digitized by Google

Послѣднее письмо Бентама въ Россію, какое мы находимъ въ біографіи, адресовано къ тому же Мордвинову, въ 1830 году. Бентамъ рекомендовалъ Мордвинову генерала Сантандера, бывшаго президента южно-американской республики Венезуэла,—который долженъ былъ удалиться изъ Америки вслѣдствіе диктатуры извѣстнаго Боливара, путешествовалъ тогда по Европѣ и отправлялся въ Петербургъ. Сантандеръ былъ также партизаномъ Бентама, который подвергся изгнанію вмѣстѣ съ нимъ,—потому что Боливаръ, удаливъ Сантандера, въ тоже время запретилъ въ своемъ государствѣ сочиненія Бентама.

«Любезный адмиралъ,—писалъ онъ къ Мордвинову,—я живъ, хотя уже перешелъ за восемьдесятъ два года, все еще въ добромъ здоровьѣ и хорошемъ расположеніи духа, и кодифицирую какъ драгунъ. Я надѣюсь слышать тоже и объ васъ; но такъ какъ слышать это отъ васъ самихъ нѣтъ надежды, при множествѣ занятій, на которое вы жалуетесь, то я поручилъ моему другу, генералу Сантандеру, который (я надѣюсь) доставитъ вамъ это письмо,—постараться собрать удовлетворительныя доказательства *факта*—столько желательнаго для блага русской имперіи—и извѣстить меня объ этомъ».

Разсказавъ потомъ нѣсколько подробностей о самомъ Сантандерѣ, Бентамъ продолжаетъ въ томъ же шуточно-насмѣшливомъ тонѣ, который мы уже видѣли:

«Что касается цѣли Сантандера въ посѣщеніи вашей столицы, то, сколько я могу понимать, въ ней нѣтъ ничего политическаго. Нашей Темзы, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, онъ не поджигалъ, или (я положительно думаю) даже не пробовалъ этого: и я не полагаю, чтобы Нева могла отъ него опасаться чего-нибудь. Будучи хорошо обезпеченъ (тиранъ не осмѣлился конфисковать его собственности), онъ намѣренъ, я полагаю, ни больше ни меньше, какъ развлечься наблюденіемъ общества, представляющаго такой контрастъ съ тѣмъ, къ которому онъ всего больше привыкъ,—и путешествовать до тѣхъ поръ, пока придетъ извѣстіе, что тиранъ-узурпаторъ (т. е. Боливаръ) раздѣлилъ участь Итурбиде, псевдо-императорской памяти» [1]).

Этимъ заканчиваются наши свѣдѣнія о русскихъ отношеніяхъ Бентама. Эти отношенія, какъ мы видѣли, не имѣли важныхъ, непосредственно-практическихъ результатовъ, но тѣмъ не менѣе они не лишены своего любопытнаго историческаго значенія. Они бросаютъ свѣтъ на внутреннія, такъ сказать интимныя обстоятельства русскаго общественнаго развитія, какъ образчикъ тѣхъ

[1]) Works, XI, 33.

Digitized by Google

путей, какими проходила, въ отдѣльныхъ лучшихъ людяхъ, мысль объ общественныхъ улучшеніяхъ и реформахъ. Самое происхожденіе и судьба связей Бентама въ Россіи и его стремленіе служить Россіи своими кодификаціонными трудами отражали собой ходъ самого русскаго общества во времена императора Александра: изъ приведенныхъ данныхъ можно видѣть, что мысль Бентама обратиться къ императору съ предложеніемъ своихъ трудовъ, была, если не прямо вызвана, то сильно поддержана тѣмъ пріемомъ, какой встрѣтили въ образованнѣйшихъ людяхъ русскаго общества его труды, и живой его представитель Дюмонъ; неудача его предложеній совпадаетъ съ священнымъ союзомъ, положившимъ основаніе реакціи европейской и русской. Этотъ поворотъ событій отразился и на мнѣніяхъ Бентама о русскихъ дѣлахъ: у него уже нѣтъ идеально-филантропическихъ порывовъ, какъ прежде, и въ письмахъ проглядываетъ шутливая насмѣшка, или желчное осужденіе. И то и другое не было конечно только дѣломъ личнаго раздраженія: и то и другое обращалось на то, что совершенно противорѣчило всѣмъ понятіямъ Бентама, цѣлому порядку воззрѣній, котораго онъ былъ представителемъ. Наконецъ, въ тѣхъ идеяхъ, какія излагалъ Бентамъ въ своихъ предложеніяхъ императору Александру, мы съ интересомъ встрѣтимъ тѣ самыя стремленія, какія въ недавнее время одушевляли наше собственное общество. Идеи о гласномъ управленіи и законодательствѣ, о правахъ общественнаго мнѣнія и самостоятельной дѣятельности общества указывались Бентамомъ, какъ неизбѣжная потребность: она почувствовалась опять въ наше время, въ болѣе сильной степени, хотя все еще не понимается обществомъ въ ея истинномъ обширномъ смыслѣ. Прочитать письма Бентама не безполезно и въ наше время.

А. Пыпинъ.

Digitized by Google

ПѢСНЯ

о

ГАРАЛЬДѢ и ЯРОСЛАВНѢ.

1.

Гаральдъ въ боевое садится сѣдло,
Градъ Кіевъ покинулъ онъ славный,
Вздыхаетъ дорогою онъ тяжело:
— Звѣзда ты моя, Ярославна!

2.

Веселыхъ пировъ миновала пора!
Твой слышалъ, княжна, приговоръ я!
Узнаютъ-же вѣсъ моего топора
Отъ края до края поморья!

3.

Въ печали оставилъ онъ Русь за собой,
Плыветъ онъ размыкивать горе
Туда, гдѣ аравы съ норманами бой
Ведутъ на землѣ и на морѣ.

Digitized by Google

4.

Въ Сикиліи встрѣтилъ Гаральдъ ихъ напоръ,
Онъ рубитъ ихъ въ битвѣ неравной,
И громко взываетъ, подъемля топоръ:
— Звѣзда ты моя, Ярославна!

5.

Онъ въ Африкѣ рубится въ страшномъ бою,
Покоя нигдѣ не находитъ,
Онъ на-морѣ бьется, ладья о ладью,
А мысль его въ Кіевѣ бродитъ.

6.

Летаетъ онъ по-морю сизымъ орломъ,
Онъ въ буряхъ и сѣчахъ пируетъ,
Трещатъ корабли подъ его топоромъ,
А синее море бушуетъ.

7.

Веселая то, удалая пора!
Гаральдовой славѣ нѣтъ равной!
Поетъ онъ про берегъ цвѣтущій Днѣпра,
Поетъ про княжну Ярославну.

8.

На сѣверъ онъ бѣгъ повернулъ кораблей,
И Русь уже сердцемъ онъ чуетъ,
Поетъ съ удалою дружиной своей —
А синее море бушуетъ!

Digitized by Google

9.

Онъ на-берегъ вышелъ, онъ сѣлъ на коня,
Онъ ѣдетъ подъ сѣнью дубравной —
— Полюбишь-ли, дѣвица, нынѣ меня,
Звѣзда ты моя, Ярославна?

10.

Онъ въ Кіевъ престольный въѣзжаетъ, крестясь;
И гостя радушно встрѣчая,
Выходитъ изъ терема ласковый князь,
А съ нимъ и княжна молодая.

11.

— Здорово, Гаральдъ! Ты скажи: изъ какой
На Русь воротился ты дали?
Промѣшкалъ довольно въ землѣ ты чужой,
Давно мы тебя не видали!

12.

— Я, княже, уѣхалъ, любви не стяжавъ,
Уѣхалъ безвѣстный и бѣдный;
Но нынѣ къ тебѣ, государь Ярославъ,
Вернулся я въ славѣ побѣдной!

13.

Я городъ Палермо въ разоръ разорилъ,
Я грабилъ поморья Царьграда,
Ладьи жемчугомъ по-края нагрузилъ,
А тканей и мѣрить не надо!

Digitized by Google

14.

— Я ужасомъ сталъ отдаленныхъ морей,
Нигдѣ моей славѣ нѣтъ равной!
Согласна-ли сдѣлаться нынѣ моей,
Звѣзда ты моя, Ярославна?

15.

Въ Норвегіи праздникъ веселый идетъ:
Весною, средь плеска народа,
Въ ту пору какъ алый шиповникъ цвѣтетъ,
Вернулся Гаральдъ изъ похода.

16.

Цвѣтами его корабли обвиты,
Отъ сѣчь отдыхаютъ варяги,
Червленые берегъ покрыли щиты
И съ черными вранами стяги.

17.

Въ ладьяхъ отовсюду къ шатрамъ парчевымъ
Приплыли норвежскіе скальды,
И славятъ на арфахъ, одинъ за другимъ,
Возвратъ удалого Гаральда.

18.

А самъ онъ у моря, съ веселымъ лицомъ,
Въ хламидѣ и въ свѣтлой коронѣ,
Норвежскимъ избранный отъ всѣхъ королемъ,
Сидитъ на возвышенномъ тронѣ,

Digitized by Google

19.

Отборныхъ, и гридней, и отроковъ рой
Властителю служитъ уставно:
Въ царьградскомъ нарядѣ, въ коронѣ златой,
Съ нимъ рядомъ сидитъ Ярославна.

20.

И къ ней обращаясь, Гаральдъ говоритъ,
Съ любовью въ сіяющемъ взорѣ:
— Все, что̀ предъ тобою цвѣтетъ и блеститъ,
И берегъ и синее море,

21.

Цвѣтами обвитые тѣ корабли,
И грозныя замковъ вершины,
Всѣ людныя веси норвежской земли,
Все то̀, чѣмъ владѣю я нынѣ,

22.

Вся слава, добытая въ долгой борьбѣ,
И самый вѣнецъ мой державный,
И все, чѣмъ я бранной обязанъ судьбѣ —
Все то̀ я добылъ лишь на вѣно тебѣ,
Звѣзда ты моя, Ярославна!

Гр. А. К. Толстой.

РУССКІЕ ЗАКОНЫ

О

ПЕЧАТИ

Законъ 6 апрѣля 1865 г., измѣнившій положеніе нашей печати, имѣлъ съ самаго начала значеніе временной, переходной мѣры. «Желая дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства, — таковы первыя слова высочайшаго указа, при которомъ обнародованъ этотъ законъ—мы признали за благо сдѣлать въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ, *при настоящемъ переходномъ положеніи судебной у насъ части и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта*, нижеслѣдующія перемѣны и дополненія». Со времени введенія въ дѣйствіе закона 6 апрѣля прошло уже болѣе трехъ лѣтъ; переходное положеніе судебной части уступило мѣсто новому судебному устройству, одинаково прочному своею внутреннею силой и всеобщимъ уваженіемъ, которымъ оно пользуется; указаній опыта исторія печати за послѣдніе годы представляетъ весьма достаточно, и попытка сдѣлать изъ нихъ общій выводъ не можетъ казаться преждевременною. Условія, при которыхъ былъ изданъ законъ 6 апрѣля, измѣнились, и измѣнились весьма существенно; отсюда неизбѣжно возникаетъ вопросъ объ измѣненіи самаго закона.

До введенія въ дѣйствіе закона 6 апрѣля, наша литература была подчинена, вполнѣ и безусловно, предварительной цензурѣ, усложненной во многихъ случаяхъ спеціальною цензурою отдѣльныхъ вѣдомствъ. Неудобства и затрудненія, сопряженныя съ этимъ порядкомъ вещей, слишкомъ извѣстны и очевидны; они

Digitized by Google

становились все тяжелѣе и тяжелѣе, по мѣрѣ того, какъ развивалась литература, какъ расширялись ея предѣлы и увеличивалось значеніе ея для общества. Необходимость реформы была сознана законодательною властью и выражена въ приведенныхъ нами словахъ высочайшаго указа 6 апрѣля. Но переходъ отъ одной системы къ другой, прямо противоположной, показался, по всей вѣроятности, слишкомъ крутымъ, слишкомъ рѣзкимъ. Проступки печати не были подведены подъ дѣйствіе общаго закона, не были предоставлены исключительному вѣдѣнію судебной власти. Вся періодическая печать была подчинена администраціи, отъ которой зависитъ не только разрѣшать или не разрѣшать, по своему усмотрѣнію, изданіе новыхъ журналовъ, не только освобождать или не освобождать ихъ отъ предварительной цензуры [1]), но и давать имъ—если они издаются безъ цензуры,—предостереженія, влекущія за собою временное или совершенное прекращеніе изданія. Такимъ образомъ, для однихъ періодическихъ изданій предварительная цензура не была уничтожена вовсе, для другихъ—замѣнена карательною властью администраціи, столь же безотчетною, какъ и цензура. Изъ числа другихъ изданій, отъ цензуры были освобождены только сочиненія извѣстнаго объема (оригинальныя сочиненія—при объемѣ въ десять, переводныя сочиненія—при объемѣ въ двадцать печатныхъ листовъ). Духовная цензура была удержана на прежнемъ основаніи; театральная цензура также оставлена въ силѣ. Дѣйствіе закона 6 апрѣля было ограничено С.-Петербургомъ и Москвою [2]). Постановленія о наказаніяхъ за проступки печати, какъ первый опытъ законодательства по этой части, были набросаны въ общихъ чертахъ и не исчерпали собою всю область правонарушеній, совершаемыхъ путемъ печати. Съ другой стороны, они ввели въ наше уголовное право нѣсколько понятій, до тѣхъ поръ ему совершенно чуждыхъ и не провѣренныхъ на практикѣ. Наконецъ, постановленія о судопроизводствѣ по дѣламъ печати, заключающіяся въ законѣ 6 апрѣля, потеряли свою силу со введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. [3]). — Остановимся прежде всего на самой характеристической чертѣ закона 6 апрѣля—на системѣ административныхъ взысканій, по дѣламъ печати.

---

[1]) За исключеніемъ изданій, выходившихъ въ свѣтъ въ моментъ обнародованія закона 6 апрѣля: освобожденіе ихъ отъ цензуры зависѣло вполнѣ отъ усмотрѣнія издателей.

[2]) За исключеніемъ изданій правительственныхъ и т. п.

[3]) Постановленія о типографіяхъ и о книжной торговлѣ не входятъ въ кругъ изслѣдованія, нами предпринятаго.

Digitized by Google

I.

Система административныхъ взысканій по дѣламъ печати, созданная во Франціи послѣ государственнаго переворота 2 декабря 1851 г., заимствованная оттуда, на короткое время, нѣсколькими европейскими государствами, (Пруссіей, Австріей, Турціей), но въ настоящее время, если мы не ошибаемся, существующая только въ одной Россіи, — представляется явнымъ отступленіемъ отъ тѣхъ началъ, на которыхъ, въ большей или меньшей степени, основанъ государственный бытъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Въ теоріи всѣ согласны съ тѣмъ, что карательная власть должна принадлежать суду, а не администраціи; что никакое наказаніе не должно быть налагаемо безъ выслушанія оправданій обвиняемаго; что наказаніе должно падать *только* на виновнаго, должно имѣть по возможности личный характеръ; что извѣстное дѣйствіе наказуемо лишь тогда, когда оно запрещено уголовнымъ закономъ; что никто не можетъ быть въ одно и тоже время обвинителемъ и судьею, еще менѣе—судьею въ собственномъ своемъ дѣлѣ. Система административныхъ взысканій идетъ на-перекоръ всѣмъ этимъ началамъ. Она облекаетъ администрацію правомъ налагать наказанія безъ суда, собственною властью; вѣдь нельзя же отрицать, что временное или совершенное прекращеніе изданія есть наказаніе въ полномъ смыслѣ этого слова. Административнымъ взысканіямъ не предшествуетъ истребованіе объясненій отъ обвиняемыхъ; они не допускаютъ ни защиты прежде приговора, ни жалобы на приговоръ. Они падаютъ съ одинаковою силой на виновныхъ, т. е. на автора статьи и на редактора журнала (если предположить, что послѣдній—дѣйствительно лицо отвѣтственное за все помѣщаемое въ журналѣ), — и на невинныхъ, т. е. на издателей и сотрудниковъ журнала. Они не ограничиваются извѣстной, заранѣе опредѣленной сферой правонарушеній; граница, за которою возникаетъ возможность отвѣтственности, измѣняется чуть ли не съ каждымъ днемъ, и никогда не бываетъ общею для всѣхъ періодическихъ изданій. Наконецъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда печать обсуждаетъ дѣйствія администраціи, послѣдняя является судьею оскорбленій, ей самой нанесенныхъ. Вотъ почему система административныхъ взысканій никогда и нигдѣ не была выставляема послѣднимъ словомъ законодательства по дѣламъ печати, нормальнымъ, прочнымъ регуляторомъ отношеній между правительствомъ и литературой. Самые ревностные защитники этой системы стремятся только къ тому, чтобы доказать ея не-

Digitized by Google

обходимость *въ данную минуту*, впредь до наступленія условій, болѣе благопріятныхъ. Они ссылаются, въ большей части случаевъ, на возбужденное состояніе общества, несовмѣстное съ спокойнымъ обсужденіемъ спорныхъ вопросовъ; на существованіе партій, систематически враждебныхъ правительству; на недостаточность судебнаго преслѣдованія, безсильнаго противъ самыхъ вредныхъ ученій, если они проводятся незамѣтно, постепенно, въ осторожной формѣ, безъ прямого и явнаго столкновенія съ закономъ. У насъ въ Россіи къ этимъ обычнымъ аргументамъ можно было присоединить еще два: полное подчиненіе цензурѣ, въ которомъ находилась наша печать до 1865 г., и крайне неудовлетворительное положеніе нашихъ судовъ, которые, въ моментъ изданія закона 6 апрѣля, еще не были преобразованы на основаніи новыхъ судебныхъ уставовъ.

Объ исторіи нашей періодической прессы за послѣдніе три, четыре года можно судить весьма различно; но никто, конечно, не станетъ утверждать, чтобы ей недоставало спокойствія и сдержанности. Затишье, господствующее въ обществѣ, отразилось и въ печати. Замолкли послѣдніе отголоски горячей борьбы, происходившей въ литературѣ лѣтъ десять тому назадъ; страстность уступила мѣсто значительной долѣ индифферентизма. Общество относится къ журналистикѣ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, не ожидаетъ отъ нея больше непогрѣшимаго рѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ, не увлекается, какъ прежде, тѣмъ или другимъ представителемъ ея. Прошло то время, когда журнальная полемика была единственнымъ предметомъ, возбуждавшимъ живое вниманіе въ обществѣ; рядомъ съ нею или выше ея существуютъ теперь другіе серьозные интересы. Измѣнилось, однимъ словомъ, и положеніе общества, и положеніе литературы, — измѣнилось такъ глубоко, что нѣтъ ни малѣйшей причины опасаться раздражающаго вліянія послѣдней на первое. У насъ нѣтъ *старыхъ партій*, противъ которыхъ была преимущественно направлена система административныхъ взысканій во Франціи; у насъ нѣтъ той розни между правительствомъ и народомъ, которая вызвала въ Пруссіи королевскій указъ 1 іюня 1863 г. [1]); въ прошедшемъ нашего правительства нѣтъ того ряда неудачъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, подъ бременемъ которыхъ находилось австрійское правительство, когда прибѣгло, на короткое время, къ системѣ предостереженій. *Систематическая вражда* къ правительству, противъ которой Наполеонъ III считаетъ нужнымъ имѣть на готовѣ цѣлый арсеналъ самыхъ разнообразныхъ орудій—

[1]) Этотъ указъ, изданный собственно съ цѣлью обуздать оппозицію на время выборовъ, дѣйствовалъ не болѣе полугода.

Digitized by Google

явленіе совершенно чуждое нашей литературѣ. Ополчаться противъ него, какъ противъ непріятеля, значитъ—объявлять осадное положеніе посреди глубокаго мира.

Въ концѣ пятидесятыхъ, даже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ у насъ не было консервативныхъ журналовъ; всѣ періодическія изданія принадлежали къ оппозиціи, если разумѣть подъ этимъ словомъ желаніе реформъ, критическое отношеніе къ существующему порядку вещей. Различіе между журналами заключалось только въ большей или меньшей смѣлости, большей или меньшей радикальности преобразовательныхъ стремленій. Теперь у насъ есть журналы консервативные, даже ультра-консервативные и ретроградные. Вмѣсто пассивной поддержки цензоровъ, правительство располагаетъ теперь активной поддержкой журналистики—поддержкой иногда почти единодушной, иногда идущей только отъ нѣкоторыхъ органовъ печати, но никогда не измѣняющей ему совершенно. Отсюда возможность бороться съ оппозиціей ея же оружіемъ—возможность, очевидно позволяющая ограничить примѣненіе мѣръ репрессивныхъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ настоящую минуту консервативныя газеты, по вліянію своему на большинство читателей, сильнѣе газетъ противоположнаго оттѣнка. Еслибы «Constitutionnel», «Pays», «Patrie» и другіе французскіе правительственные журналы, вмѣстѣ взятые, обладали вліяніемъ равносильнымъ вліянію «Московскихъ Вѣдомостей», то Наполеонъ III, безъ сомнѣнія, согласился бы гораздо раньше на отмѣну декрета 17 февраля 1852 г. Еслибы гг. Герлахъ и Вагенеръ, редактори прусской «Крестовой газеты», пользовались въ Пруссіи такою же популярностью, какою пользуются у насъ гг. Катковъ и Леонтьевъ, то г. Бисмарку не зачѣмъ было бы прибѣгать къ указу 1 іюня 1863 г. Всѣ французскія полу-оффиціальныя газеты, вмѣстѣ взятыя, не имѣютъ такого числа подписчиковъ, какимъ гордится «Siècle» или «Liberté». Въ Берлинѣ болѣе образованный классъ читателей подписывается на «National-Zeitung», органъ національно-либеральной партіи, на «Zukunft», органъ крайнихъ прогрессистовъ; классъ менѣе образованный—на демократическую «Volkszeitung»; «Крестовую Газету» читаютъ только не многіе высшіе чиновники, и такъ-называемые «юнкера» Помераніи и Бранденбурга. Нужно ли напоминать, въ какомъ количествѣ экземпляровъ расходилась «Lanterne» въ Парижѣ, расходится «Kladderadatsch» въ Берлинѣ? Искать у насъ чего-нибудь подобнаго было бы совершенно напрасно. У насъ нѣтъ оппозиціонныхъ журналовъ, которые бы дѣйствовали на массу, которые проникали бы во всѣ слои общества, во всѣ углы го-

Digitized by Google

ударства. Самый характеръ нашей оппозиціи другой, чѣмъ въ западной Европѣ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, она не идетъ дальше разномыслія по отдѣльнымъ вопросамъ законодательства и управленія, не угрожаетъ кореннымъ основамъ государственнаго и общественнаго устройства. Наша журналистика приняла, съ нѣкоторыхъ поръ, направленіе преимущественно мелкое; отъ общихъ вопросовъ она перешла къ частнымъ, обсужденіе которыхъ, по самому ихъ свойству, не выходитъ изъ предѣловъ сравнительно тѣсныхъ. На этой почвѣ мало простора для увлеченій, обузданіе которыхъ служитъ главнымъ аргументомъ въ пользу системы административныхъ взысканій.

Одновременно съ консервативными и ультра-консервативными журналами въ нашей литературѣ появляется другой родъ изданій, прежде почти небывалый: появляются газеты, посвященныя преимущественно скандаламъ, сплетнямъ, дрязгамъ всякаго рода, пишущія не только серьезнаго направленія, но даже серьезнаго содержанія, разсчитывающія на тотъ видъ любопытства, который возбуждается въ праздныхъ прохожихъ какимъ-нибудь *казусомъ*, случившимся на улицѣ. Достаточно-ли будетъ одной карательной власти суда, чтобы удержать эти газеты въ границахъ приличія, чтобы оградить отъ ихъ нападеній доброе имя частныхъ лицъ? Можно-ли будетъ достигнуть этой цѣли безъ чрезвычайныхъ мѣръ взысканія, которыми располагаетъ администрація? Кто знакомъ хотя сколько-нибудь съ исторіей нашей журналистики, тотъ не колеблясь дастъ на эти вопросы отвѣтъ утвердительный. Онъ скажетъ, что литература скандаловъ, родившаяся подъ крыломъ предварительной цензуры, окрѣпла и процвѣла при дѣйствіи системы административныхъ взысканій; что новыя попытки пересадить ее на нашу почву, сдѣланныя въ концѣ пятидесятыхъ годовъ («Весельчакъ», «Заноза» и т. п.), не удались только потому, что нравственный уровень журналистики былъ въ то время еще слишкомъ высоко; что въ продолженіе двухъ лѣтъ только *одна* газета изъ той категоріи, о которой теперь рѣчь, получила два предостереженія; что всѣ рѣшительныя мѣры въ защиту частныхъ и даже должностныхъ лицъ отъ оскорбленій извѣстнаго рода были приняты именно судебною властью. Достаточно напомнить, что номеръ «Петербургской Газеты», въ которомъ была помѣщена неслыханная, по своей наглости, статья г. Звенигородскаго о судебныхъ слѣдователяхъ, объ ихъ прокурорскаго надзора и членахъ окружнаго суда, свободно обращался въ публикѣ въ то самое время, когда наложенъ былъ арестъ на философскія сочиненія Герберта Спенсера и Дж. Ст. Милля.

Digitized by Google

Отстаивая необходимость системы административных м
сканій, защитники ея ссылаются чаще всего на невозможнос
замѣнить ее одною отвѣтственностью передъ судомъ; они пр
полагаютъ, что судъ можетъ карать только отдѣльные, опред
ленные проступки, а не цѣлое направленіе журнала, въ особе
ности если оно замаскировано съ достаточнымъ искусствомъ.
основаніи этого мнѣнія лежитъ явное недоразумѣніе. Если
судъ былъ стѣсненъ формальною теоріей доказательствъ, тог
пожалуй, можно было бы утверждать, что подъ эту теорію
подойдетъ неуловимое понятіе о вредномъ направленіи журна
Если бы при судѣ не было правильно-организованной обви
тельной власти, тогда можно было бы утверждать, что нем
будетъ взять на себя наблюденіе за журналистикой, сопостав
ніе статей, необходимое для опредѣленія общаго ихъ смы
Если бы, наконецъ, судъ по дѣламъ печати принадлежалъ у на
присяжнымъ, а не коронnымъ судьямъ, тогда можно было
утверждать, хотя и съ большой натяжкой, что присяжные, и
тые изъ разныхъ слоевъ общества, незнакомые съ журналом
о которомъ имъ предстоитъ произнести приговоръ, выслушав
только одинъ разъ, во время засѣданія, содержаніе преслѣду
мыхъ статей, не будутъ въ состояніи усвоить себѣ предметъ о
виненія, раскрыть связь между статьями, напасть на слѣдъ и
сли, въ нихъ проводимой. Но таково ли, въ настоящее вре
положеніе судебной части у насъ въ Россіи? Сомнѣнія въ сп
собности и добросовѣстности судей, существовавшія въ момен
обнародованія закона 6 апрѣля 1865 г., давно устранены с
дебной реформой и ея блестящимъ успѣхомъ. Производство сл
по дѣламъ печати предоставлено, по закону 12 декабря 18
года, высшимъ судебнымъ установленіямъ: судебной палат
уголовному кассаціонному департаменту сената, въ огромн
большинствѣ случаевъ — безъ участія присяжныхъ засѣдат
Эти дѣла, какъ и всѣ другія, рѣшаются судьями по внутрен
убѣжденію и совѣсти, а не по формальной системѣ доказатель
Обвинительная власть, іерархически организованная, обязан
чинать преслѣдованіе журнала или газеты, когда этого треб
Цензурный комитетъ или Главное управленіе по дѣламъ печ
Если прокуроръ встрѣтитъ при этомъ какія-нибудь затру
или сомнѣнія, то долженъ представить о нихъ министру юст
ціи и затѣмъ дѣйствовать сообразно съ его разрѣшеніемъ. П
такомъ порядкѣ вещей, судебное преслѣдованіе журнала за
ное направленіе, выразившееся въ цѣломъ рядѣ статей, не пр
ставляетъ рѣшительно ничего невозможнаго или неудобнаго. П
становка обвиненія будетъ зависѣть отъ тѣхъ спеціальныхъ у

Digitized by Google

ѣній, которыя пріобрѣли уже достаточную опытность въ раскрытіи и преслѣдованіи вредныхъ направленій. Поддержка обвиненія передъ судомъ не будетъ заключать въ себѣ ничего несоотвѣтнаго съ обыкновенными пріемами обвинительной власти; кто привыкъ выводить виновность обвиняемаго изъ совокупности фактовъ, тотъ съумѣетъ доказать вредное направленіе журнала посредствомъ отдѣльныхъ выдержекъ изъ него. Тоже умѣнье, по тѣмъ же самымъ причинамъ, слѣдуетъ предполагать и въ членахъ суда. Средства, съ помощью которыхъ опредѣляется направленіе журнала, одинаково доступны для цензоровъ, для прокуроровъ и для судей. Можно пользоваться этими средствами съ большимъ или меньшимъ усердіемъ, съ бо́льшимъ или меньшимъ разборомъ, — и мы, конечно, не утверждаемъ, что способъ пользованія ими будетъ одинъ и тотъ же въ вѣдомствахъ цензурномъ и судебномъ; мы думаемъ только, что для общей оцѣнки дѣятельности журнала судебная палата компетентна отнюдь не больше любого цензурнаго комитета. Мы можемъ доказать нашу мысль примѣромъ, какъ нельзя болѣе убѣдительнымъ. Въ рѣшеніи С.-Петербургской судебной палаты по дѣлу о книгѣ г. Суворина: «Всякіе.—Очерки современной жизни», состоявшемся 5 декабря 1866 г., сказано между прочимъ: «Очень часто преступный характеръ сочиненія совершенно теряется, когда выпускается изъ вида цѣлое его содержаніе и обращается вниманіе на отдѣльные отрывки и мѣста книги, подобно тому, какъ и сама по себѣ соблазнительная картина, нарисованная живописью, будучи разсматриваема по небольшимъ, отрѣзаннымъ отъ нея клочкамъ, можетъ не представлять ничего особенно предосудительнаго». Руководствуясь этою мыслію, судебная палата не ограничилась осужденіемъ отдѣльныхъ мѣстъ книги г. Суворина, на которыхъ было основано обвиненіе, а разсмотрѣла книгу во всей ея полности, и именно въ общемъ впечатлѣніи, ею производимомъ, нашла одобреніе дѣйствій, запрещенныхъ закономъ, т. е. преступленіе, предусмотрѣнное ст. 1035 Улож. о Наказ. Можно ли придраться, послѣ того, что судебная власть не съумѣетъ или не захочетъ карать вредное направленіе журналовъ?

Противъ судебнаго преслѣдованія проступковъ печати придется иногда еще одинъ аргументъ — медленность этого преслѣдованія, сравнительно съ административными взысканіями, которыя могутъ быть рѣшены и объявлены хоть на другой день послѣ совершенія проступка. Но развѣ подобная быстрота безусловно необходима? Развѣ она не имѣетъ своихъ дурныхъ сторонъ, открывая слишкомъ большой просторъ первому впечатлѣнію, устраняя возможность всесторонняго, спокойнаго обсужде-

Digitized by Google

нія дѣла? Въ случаяхъ, особенно важныхъ, административная власть имѣетъ право наложить арестъ на преслѣдуемый номеръ газеты или журнала, и такимъ образомъ предупредить обращеніе его въ публикѣ до судебнаго приговора. Наконецъ, самое судебное производство по дѣламъ печати можетъ оканчиваться въ весьма короткое время, такъ какъ по этимъ дѣламъ, въ большей части случаевъ, нѣтъ надобности ни въ предварительномъ слѣдствіи, ни въ процедурѣ преданія суду. Медленность, которою отличалось и отличается до сихъ поръ производство дѣлъ печати въ петербургскихъ судебныхъ мѣстахъ, зависитъ отъ причинъ чисто случайныхъ, легко устранимыхъ; при томъ, какъ мы увидимъ ниже, отъ нея страдали только интересы частныхъ лицъ, а отнюдь не интересы администраціи.

Говоря, въ прошедшемъ году, о системѣ административныхъ взысканій во Франціи [1]), мы имѣли уже случай замѣтить, что произвольная власть администраціи надъ печатью не укладывается въ строго-опредѣленныя формы, чуждается всякихъ постоянныхъ правилъ и не считаетъ себя обязанною уважать границы, ею же установленныя. Французское правительство нѣсколько разъ объявляло, что предостереженіямъ должны подлежать исключительно статьи, направленныя противъ династіи и всего существующаго порядка вещей — и никогда не оставалось вѣрнымъ этому объявленію. Тотъ же министръ, который пытался положить предѣлъ административному произволу, открывалъ ему вновь широкую дорогу, какъ только появлялась статья, непріятная для администраціи. Предостереженіямъ подвергались даже такія газеты, какъ оффиціозная «France», даже такія статьи, какъ спокойный, чисто дѣловой обзоръ положенія французскихъ финансовъ. Исторія нашей печати съ 1865 года представляется, въ этомъ отношеніи, точнымъ снимкомъ съ исторіи французской печати 1852—1867 года. Въ хорошихъ намѣреніяхъ и у насъ не было недостатка, но послѣдовательности въ исполненіи ихъ не было, да и не могло быть, потому что она противна самому свойству административнаго полновластія въ дѣлахъ печати. Въ журналахъ коммиссіи, приготовлявшей проектъ устава о книгопечатаніи, мы встрѣчаемъ, напримѣръ, слѣдующую фразу: «административныя взысканія находятъ для себя *единственное* извиненіе и почти *единственный* случай примѣненія, когда въ періодическомъ изданіи является такъ-называемое *вредное направленіе*». При всей неопредѣленности этого выраженія, оно доказываетъ съ достаточною ясностью по крайней мѣрѣ одно,—что

[1]) Вѣстникъ Европы 1868 г. № 4: «Новый законъ о печати во Франціи».

Digitized by Google

ница, вводившія у насъ систему административныхъ взысканій, считали несправедливымъ примѣненіе ея къ отдѣльнымъ проступкамъ печати, если они не состоятъ въ связи съ вреднымъ направленіемъ журнала. И что же? Первое предостереженіе, данное на основаніи закона 6-го апрѣля, постигло «С.-Петербургскія Вѣдомости» (въ сентябрѣ 1865 г.) не за цѣлый рядъ статей, опасныхъ для общества или для государства, а за отдѣльную статью по частному вопросу о продажѣ или залогѣ государственныхъ имуществъ. Такихъ примѣровъ можно было бы привести очень много; но пойдемъ далѣе и посмотримъ, что разумѣлось у насъ подъ именемъ *вреднаго направленія* журнала. Понятіе о вредѣ — понятіе крайне относительное и эластичное; то, что сегодня кажется вреднымъ, завтра можетъ быть признано полезнымъ, и наоборотъ. Въ правильной общественной жизни, управляемой не произволомъ, а законами, не можетъ, поэтому, быть и рѣчи о вредномъ направленіи журнала, а можетъ быть рѣчь только объ извѣстныхъ, опредѣленныхъ проступкахъ печати. Тамъ гдѣ еще не установилось такое простое, естественное отношеніе къ печати, понятіе о вредномъ направленіи журнала должно быть, по крайней мѣрѣ, заключено въ границы по возможности тѣсныя. Оно не должно быть распространяемо дальше тенденцій, прямо угрожающихъ опасностью существующему порядку вещей. У насъ, напротивъ того, слишкомъ замѣтно желаніе расширить это понятіе до самыхъ крайнихъ его предѣловъ. Вреднымъ направленіемъ признается у насъ и стремленіе порицать дѣйствія правительства, хотя бы оно выходило изъ самыхъ лучшихъ побужденій (предостереженія, данныя газетѣ «Москва» 26-го марта 1867 и 28-го апрѣля 1868 г.), и «сопоставленіе земскихъ учрежденій съ правительственными властями, обвиняемыми въ произволѣ или неисполненіи закона» (предостереженіе, данное «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» 2-го марта 1867 г.); и «стремленіе изображать въ неблагопріятномъ свѣтѣ положеніе дѣлъ въ Россіи» (предостереженіе, данное «St.-Petersburger Zeitung» 29-го сентября 1868 г.),—признается или можетъ быть признано, однимъ словомъ, всякое направленіе, несогласное, въ данную минуту, съ тѣмъ или другимъ взглядомъ административной власти. Отсюда проистекаютъ явленія, надъ которыми призадумается будущій историкъ нашей печати. Ему трудно будетъ повѣрить, что при существованіи порядка, направленнаго лишь къ обузданію журналовъ вредныхъ или опасныхъ, могла быть запрещена на время такая газета, какъ «Московскія Вѣдомости», могла быть пріостановлена три раза (въ продолженіе двухъ лѣтъ) такая газета, какъ «Москва». Въ дѣятельности «Московскихъ Вѣдомостей» никто,

Digitized by Google

конечно, не найдетъ и тѣни вражды къ правительству, къ осн вамъ нашего государственнаго и общественнаго устройства. Вр дить правительству «Московскія Вѣдомости» могли развѣ изли нимъ усердіемъ своимъ, слишкомъ ревностнымъ стремленіемъ к тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдовало правительство; но не от администраціи же должна исходить кара за увлеченія этого род Еще менѣе сомнѣній, повидимому, могло возбуждать направле ніе «Москвы». Ея девизомъ могли бы служить знаменитыя тр слова, которыми опредѣлялось, лѣтъ двадцать тому назадъ, пр шедшее, настоящее и будущее русскаго народа. Искренность е чувствъ и убѣжденій признается даже самыми непримиримы ея противниками. Внѣшняя форма ея статей можетъ показать рѣзкою только по сравненію съ вынужденною сдержанност подцензурной печати. Между тѣмъ, изъ всѣхъ органовъ наше печати — кромѣ двухъ журналовъ, запрещенныхъ исключител нымъ путемъ и при исключительныхъ обстоятельствахъ, весно 1866 года,—ни одинъ не подвергался дѣйствію административ ныхъ взысканій въ такой мѣрѣ, какъ именно «Москва». Запре щенная 26-го марта 1867 г. (менѣе чѣмъ черезъ три мѣсяц послѣ ея основанія) на три мѣсяца, 29-го ноября этого же года— на четыре мѣсяца, она пріостановлена 21-го октября 1868 г. на шесть мѣсяцевъ, и едва-ли поднимется послѣ этого послѣд няго удара. Предостереженія, данныя «Москвѣ», составляют такую поучительную страницу въ исторіи нашей печати, что мы позволимъ себѣ остановиться на нихъ нѣсколько дольше.

Поводы къ предостереженіямъ, постигшимъ «Москву» был довольно разнообразны. Мы встрѣчаемъ между ними и «неточ ное и одностороннее толкованіе полицейскихъ распоряженій», и «рѣзкое порицаніе правительственныхъ мѣропріятій по важному предмету государственнаго правосудія (смертной казни)», и «со поставленіе нѣкоторыхъ тарифныхъ статей о привозимыхъ при пасахъ, очевидно неимѣющихъ никакого отношенія къ продоволь ственнымъ нуждамъ рабочаго населенія, съ преувеличеннымъ изо браженіемъ этихъ нуждъ, по случаю бывшаго въ нѣкоторыхъ гу берніяхъ неурожая». Но главныхъ причинъ строгости мы нахо димъ три: неуваженіе къ закону о печати и основанным на немъ распоряженіямъ,—возбужденіе вражды въ одной части на селенія противъ другой, — и рѣзкія или неправильныя сужденія о существующихъ у насъ отношеніяхъ между церковью и пра вительствомъ и между различными церквами. Но если «Москва» дѣйствительно отзывалась съ неуваженіемъ о законѣ или зако нныхъ распоряженіяхъ администраціи, то что же мѣшало начать противъ нея судебное преслѣдованіе по ст. 1035 Уложенія о

Digitized by Google

казаніяхъ? Это имѣло бы по крайней мѣрѣ ту хорошую сто-
ну, что учрежденіе, завѣдующее примѣненіемъ закона о пе-
ти, не явилось бы судьею въ своемъ собственномъ дѣлѣ, что
ю отклонило бы отъ себя тяжелую обязанность самозащиты.
збужденіе вражды въ одной части населенія противъ другой
же составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное уголовнымъ
кономъ (Улож. о Наказ. ст. 1036); и здѣсь, поэтому, трудно
нять предпочтеніе, данное административному взысканію пе-
ъ судебнымъ. Что касается до самой сущности этого обвине-
, то оно основано, безъ сомнѣнія, на статьяхъ «Москвы»,
такъ-называемомъ остзейскомъ вопросѣ. Допустимъ, что въ
хъ есть преувеличенія, односторонніе взгляды, даже фактиче-
я ошибки; но гдѣ же опасность, которою онѣ угрожаютъ спо-
йствію государства, гдѣ же вредъ, который онѣ могутъ при-
сти его интересамъ? Развѣ желаніе ускорить достиженіе цѣли,
которой идетъ сама правительственная власть, заключаетъ
себѣ что-нибудь предосудительное, преступное? Нетерпѣніе,
подобныхъ случаяхъ, можетъ быть признано неблагоразум-
мъ, непрактичнымъ; но противъ стремленій, только неблаго-
зумныхъ и непрактичныхъ, незачѣмъ прибѣгать къ мѣрамъ
министративныхъ взысканій. Конечно, когда въ одной изъ об-
стей государства разноплеменныя населенія, почти одинаковыя
численной силѣ, проникнуты вѣковою враждою, не разъ уже
ращавшеюся въ открытую междоусобную распрю, тогда пра-
тельство обязано сдерживать законными средствами обѣ спо-
щія стороны, сдерживать ихъ даже въ словахъ, отъ кото-
хъ при такой обстановкѣ слишкомъ легокъ переходъ къ дѣлу;
таково-ли положеніе вещей въ остзейскихъ губерніяхъ? Рус-
ое населеніе ихъ — а къ нему только одному можетъ обра-
ться русская журналистика — слишкомъ незначительно, что-
можно было опасаться столкновенія между нимъ и насе-
ніемъ нѣмецкимъ. Данныхъ, матеріаловъ для такого стол-
овенія прошедшее не представляетъ; племенной ненависти
жду русскими и нѣмцами никогда не существовало.

По церковному вопросу, требованія «Москвы» касались пре-
ущественно двухъ пунктовъ: бо́льшей независимости право-
авной церкви отъ свѣтской власти и бо́льшей терпимости въ
ношеніи къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ. Исходя изъ
того источника, эти требованія, не смотря на всю ихъ умѣ-
ренность и справедливость, могли бы, пожалуй, показаться на-
правленными противъ господствующаго положенія православной
ркви; но въ данномъ случаѣ за отсутствіе такихъ намѣреній
чалось все прошедшее редактора «Москвы» и его литератур-

Digitized by Google

ной партіи. Изъ рядовъ этой партіи вышли Кирѣевскій, Хомяковъ, Константинъ Аксаковъ, Новиковъ (авторъ изслѣдованія о Гусѣ и Лютерѣ); въ ея средѣ православная церковь всегда находила не только пассивную преданность, но и активную поддержку. Для людей этой партіи бо́льшая независимость православной церкви отъ свѣтской власти означаетъ только устраненіе посторонннихъ вліяній, мѣшающихъ иногда исполненію задачъ чисто религіозныхъ. Бо́льшая терпимость въ отношеніи къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ представляется для нихъ только средствомъ возвысить достоинство православной церкви, не нуждающейся, по ихъ мнѣнію, въ искусственныхъ, внѣшнихъ подпорахъ. Итакъ, въ статьяхъ «Москвы» о церковномъ вопросѣ также не было ничего похожаго на вредное направленіе, если даже и понимать эти слова въ самомъ оффиціальномъ ихъ смыслѣ.

Въ чемъ же заключаются, наконецъ, тѣ тяжкіе проступки «Москвы», за которые она такъ много пострадала, которые сдѣлали невозможнымъ ея дальнѣйшее существованіе и обрекли на безмолвіе цѣлую литературную партію, лучшую представительницу русскаго консерватизма? Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что «Москвѣ» повредилъ всего больше *тонъ* ея статей. Господство предварительной цензуры пріучило нашу печать къ недомолвкамъ и намекамъ, пріучило ее выражать даже самыя смѣлыя мысли въ самой скромной формѣ, говорить шопотомъ даже тогда, когда это всего менѣе совмѣстно съ содержаніемъ рѣчи. Обычная осторожность печати нарушалась иногда при обсужденіи общихъ, отвлеченныхъ вопросовъ — почти никогда при разборѣ отдѣльныхъ правительственныхъ мѣръ. «Москва» пошла съ самаго начала другою дорогой; она заговорила громко, рѣшительно, называя вещи ихъ настоящими именами, не нарушая приличій, но и не останавливаясь на полусловѣ [1]). Къ этому нужно прибавить, что она никогда не заботилась знать, какъ относится въ данную минуту къ тому или другому вопросу, то или другое изъ высшихъ должностныхъ лицъ; она старалась смотрѣть на все и на всѣхъ съ точки зрѣнія постоянныхъ правительственныхъ интересовъ, такъ или иначе ею понятыхъ, а не случайныхъ, временныхъ административныхъ тенденцій. Эти двѣ черты

[1]) Мы должны сдѣлать здѣсь необходимую оговорку. Если «Москва» высказывалась, по многимъ вопросамъ, громче и сильнѣе другихъ журналовъ, то это объясняется самымъ свойствомъ мнѣній, которыхъ она держится. Мы видимъ, къ чему привело «Москву» откровенное выраженіе даже этихъ мнѣній; судя по этому не трудно угадать, какая участь постигла бы другіе журналы, еслибы они послѣдовали примѣру «Москвы». Итакъ, примѣръ «Москвы» не долженъ быть обращаемъ въ упрекъ противъ другихъ журналовъ.

Digitized by Google

встрѣчаются, хотя и въ измѣненномъ видѣ, и въ дѣятельности «Московскихъ Вѣдомостей». И «Московскія Вѣдомости» говорили иногда съ непривычною откровенностью о предметахъ, о лицахъ, еще недавно стоявшихъ внѣ сферы журнальной критики. Какъ и «Москвѣ», это не прошло имъ даромъ; но вслѣдствіе причинъ, о которыхъ здѣсь нѣтъ надобности распространяться, гроза разразилась надъ ними только однажды и миновала очень скоро. Какъ бы то ни было, судьба «Московскихъ Вѣдомостей» въ 1866, «Москвы» — въ 1867 и 68 г., служитъ живымъ доказательствомъ того, что нѣтъ такой благонамѣренности, нѣтъ такого патріотизма, которые бы гарантировали журналъ, сколько-нибудь независимый, противъ карательныхъ мѣръ административной власти. Повторяемъ, это отсутствіе гарантій зависитъ не отъ лицъ, стоящихъ во главѣ управленія по дѣламъ печати, а отъ самаго свойства системы административныхъ взысканій.

Въ концѣ 1867 г., въ «Сѣверной Почтѣ» появилась статья въ защиту закона 6 апрѣля. Доказывая справедливость и пользу административныхъ взысканій по дѣламъ печати, органъ министерства внутреннихъ дѣлъ утверждалъ, между прочимъ, что «ни одно изданіе не было пріостановлено, на основаніи закона 6-го апрѣля, безъ собственной и очевидно настойчивой на то рѣшимости издателей. Когда объявлено предостереженіе, всякому изданію предстоитъ выборъ между принятіемъ или непринятіемъ его къ соображенію и руководству на будущее время. Въ первомъ случаѣ, предостереженіе не повторяется; въ послѣднемъ — оно не можетъ не повториться. Незнаніемъ предѣловъ, гдѣ начинается рискъ предостереженія и гдѣ наступаетъ его достовѣрность, не могутъ отзываться опытные въ дѣлѣ печати издатели. Этому незнанію можетъ вѣрить только читающая публика, менѣе опытная въ этомъ дѣлѣ. Издатели вѣрно цѣнятъ свои статьи и знаютъ, что и управленіе по дѣламъ печати ихъ оцѣнитъ вѣрно. Если въ этомъ отношеніи возникаютъ сомнѣнія, то источникъ ихъ большею частью заключается не въ вопросѣ: заслуживаетъ ли статья предостереженія или нѣтъ, а въ другомъ вопросѣ: насколько подлежащая власть, предварительно взвѣшивающая съ одной стороны поводы къ предостереженію, съ другой — неудобства, сопряженныя съ принятіемъ этой мѣры и возбужденными ею толками, дастъ перевѣсъ, въ томъ или другомъ случаѣ, тому или другому ряду соображеній». Итакъ, если вѣрить «Сѣверной Почтѣ», всѣ невзгоды, которымъ подвергались наши періодическія изданія со времени введенія въ дѣйствіе закона 6 апрѣля, были чѣмъ-то въ родѣ самоубійства, заранѣе обдуманнаго и приготовленнаго. «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Голосъ», «Мо-

Digitized by Google

сковскія Вѣдомости», «Москва» были пріостановлены только потому, что сами того настойчиво хотѣли. Нашею печатью овладѣлъ внезапно духъ самоистребленія, подъ вліяніемъ котораго даже самые опытные издатели переставали думать о своихъ матеріальныхъ интересахъ. Нужно ли доказывать, что эта странная картина не соотвѣтствуетъ дѣйствительности? Нужно ли доказывать, что ни одинъ журналъ, существованіе котораго хотя сколько нибудь обезпечено, не идетъ добровольно на встрѣчу карательнымъ мѣрамъ, за которыя онъ можетъ такъ дорого поплатиться? Безспорно, бываютъ случаи, когда редакторъ журнала, глубоко убѣжденный въ справедливости извѣстнаго мнѣнія, въ необходимости высказать его прямо и открыто, помѣщаетъ статью, за которою *неизбѣжно* должно слѣдовать предостереженіе; но это случаи рѣдкіе, исключительные, несовмѣстные съ тою осторожностію, къ которой издавна привыкли наши редакціи. *Возможность* предостереженія существуетъ, для каждаго независимаго журнала, въ каждую данную минуту; *вѣроятность* его не поддается никакимъ опредѣленіямъ и разсчетамъ. Къ произволу, господствующему при раздачѣ предостереженій, нельзя приноровиться; изъ прежнихъ примѣровъ нельзя вывести никакого положительнаго правила, потому что между ними нѣтъ внутренней логической связи. Доказательство этому можно найти въ словахъ самой «Сѣверной Почты». Она признаетъ, что рѣшеніе административной власти обусловливается не только содержаніемъ статьи, но и неудобствами, съ которыми можетъ быть сопряжено предостереженіе, толками, которые оно можетъ вызвать. Положимъ, что соображенія послѣдняго рода одержали верхъ надъ первыми, и что административная власть рѣшилась оставить напечатаніе извѣстной статьи безъ послѣдствій, хотя и находила, что за нее слѣдовало бы дать предостереженіе. Мотивы этого рѣшенія остаются, конечно, тайной не только для другихъ редакцій, но и для той, которой угрожало административное взысканіе. Черезъ нѣсколько дней появляется новая статья въ томъ же направленіи и тонѣ, вызванная именно безнаказанностью первой статьи. На этотъ разъ административная власть не встрѣчаетъ, почему бы то ни было, никакихъ препятствій къ принятію строгой карательной мѣры, — и предостереженіе постигаетъ редакцію въ ту минуту, когда она всего меньше его ожидала. Противъ подобныхъ сюпризовъ безсильна всякая опытность, всякая осторожность. Есть еще другая причина, по которой самое внимательное изученіе предостереженій, прежде данныхъ, оказывается безполезнымъ для редакторовъ и издателей журналовъ: это — крайняя недостаточность и неопредѣленность мотивовъ, на

Digitized by Google

которыхъ основываются предостереженія. Положимъ, что газета получила предостереженіе за «*рѣзкое* порицаніе правительственнаго мѣропріятія» или за «*голословное* обвиненіе правительственныхъ властей въ произволѣ или неисполненіи закона»; развѣ это предостереженіе поможетъ ей отличать, на будущее время, рѣзкую критику отъ мягкой, голословное обвиненіе отъ доказательнаго? Она не повторитъ, конечно, тѣхъ выраженій, тѣхъ нападокъ, которыя были непосредственнымъ поводомъ предостереженія, — если только въ немъ указанъ этотъ поводъ, т. е. приведены самыя слова, вызвавшія предостереженіе (что бываетъ далеко невсегда); но она останется по прежнему въ недоумѣніи на счетъ того, въ какой степени должно быть доказано обвиненіе, чтобы его не признали голословнымъ, стушевано порицаніе, чтобы его не признали рѣзкимъ. Полнота и ясность мотивовъ немыслима тамъ, гдѣ нѣтъ ни защиты, ни апелляціи; незачѣмъ заботиться о подкрѣпленіи того, чего опровергать никто не въ правѣ.

Въ статьѣ «Сѣверной Почты», о которой мы упомянули выше, выражена, между прочимъ, та мысль, что примѣненіе закона 6 апрѣля не нанесло ущерба нашей безцензурной печати, не пріостановило ея постепеннаго развитія. Число изданій, выходящихъ безъ предварительной цензуры, возросло въ теченіе двухъ лѣтъ съ 16 до 27. «Рядомъ съ бывшими случаями пріостановленія изданій на извѣстные сроки — прибавляетъ оффиціальная газета, — возникали ходатайства о разрѣшеніи новыхъ изданій. Въ этомъ простомъ фактѣ выражается убѣжденіе въ возможности періодической печати при законѣ 6-го апрѣля». *Возможность* существованія періодической печати при дѣйствіи системы административныхъ взысканій никто никогда и не отвергалъ; но всякій согласится съ тѣмъ, что одною возможностью существованія еще не исчерпываются законныя требованія печати и общества. Періодическая печать была возможна и при дѣйствіи предварительной цензуры; но мы не помнимъ, чтобы кто-нибудь ссылался на этотъ фактъ, какъ на доводъ противъ уничтоженія цензуры. Законъ о печати можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ только тогда, когда онъ обезпечиваетъ собою правильное, спокойное развитіе ея. Съ этой точки зрѣнія, увеличеніе числа періодическихъ изданій не служитъ еще, само по себѣ, доказательствомъ въ пользу закона 6-го апрѣля. Для общества важно не число журналовъ, а содержаніе и направленіе ихъ, возможно-полное и свободное обсужденіе ими всѣхъ вопросовъ, занимающихъ общество въ данную минуту. При дѣйствіи системы административныхъ взысканій, осуществленіе этой задачи затрудняется гораздо больше препятствіями закулисными,

Digitized by Google

незамѣтными для публики, чѣмъ явнымъ противодѣйствіемъ администраціи. О силѣ гнета, тяготѣющаго надъ журналистикой, нельзя судить ни по числу предостереженій, ни по числу журналовъ, пріостановленныхъ или вовсе запрещенныхъ. Ни та, ни другая цифра не даетъ даже приблизительнаго понятія о числѣ статей, оставшихся ненапечатанными, мыслей, оставшихся невысказанными, о массѣ труда, потраченнаго понапрасну, о всемъ томъ, что могла бы сдѣлать журналистика на пользу общества, и чего она не сдѣлала изъ опасенія навлечь на себя гнѣвъ административной власти. Чтобы оцѣнить по достоинству эти невидимые, скрытые результаты системы административныхъ взысканій, стоитъ только припомнить, до чего она довела французскую журналистику въ періодъ времени между 1852 и 1867 годами.

Система административныхъ взысканій, какъ она ни тяжка для печати, имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ предварительной цензурой. Несправедливо было бы утверждать, что положеніе нашей періодической литературы не измѣнилось къ лучшему, благодаря закону 6 апрѣля 1865 г. Было время, когда наша литература, несмотря на господство цензуры, пользовалась, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, большею свободой, чѣмъ въ 1865—68 г.; но это была, во-первыхъ, свобода въ высшей степени непрочная и эфемерная, во-вторыхъ — ограниченная сферой общихъ, отвлеченныхъ вопросовъ. Уничтоженіе предварительной цензуры умепьшило зависимость печати отъ случайныхъ обстоятельствъ, отъ личнаго произвола, сдѣлало возможнымъ обсужденіе такихъ предметовъ, которые прежде были недоступны для литературы. Такъ, напримѣръ, русская исторія еще недавно останавливалась, для критики, на Екатеринѣ II или даже Петрѣ Великомъ; безпристрастное, научное изслѣдованіе позднѣйшихъ событій началось только послѣ изданія закона 6 апрѣля. Разборъ правительственныхъ распоряженій—и теперь задача нелегкая и небезопасная, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ печать не могла о немъ и думать. Опека надъ печатью существуетъ, конечно, и теперь, но она потеряла свой мелочной, придирчивый характеръ; продолжая тяготѣть надъ мыслью, она не отражается, какъ прежде, на каждомъ отдѣльномъ словѣ. Авторъ статьи не рискуетъ болѣе увидѣть ее въ печати съ измѣненіями и дополненіями вовсе не литературнаго свойства. Шагъ впередъ сдѣланъ, однимъ словомъ, довольно большой; но порядокъ вещей, сносный сравнительно съ прошедшимъ, представляется тѣмъ не менѣе крайне ненормальнымъ. Окончательно поставить на ноги русскую печать, уничтожить слѣды ея долговременнаго рабства, возвысить ее на то мѣсто, которое принадлежитъ ей по праву

Digitized by Google

среди преобразованнаго русскаго общества, можетъ только подчиненіе ея исключительно общему закону и судебной власти. Мы знаемъ, что безусловно-исключительнымъ, по крайней мѣрѣ на первое время, это подчиненіе все-таки не будетъ, что случаи административныхъ взысканій будутъ встрѣчаться и послѣ уничтоженія, de jure, самой системы предостереженій. Но такое переходное положеніе дѣлъ не можетъ быть слишкомъ продолжительно; законъ всегда вступаетъ, мало-по-малу, во всѣ права свои, отступленія отъ него становятся все рѣже и рѣже; появляется убѣжденіе, что для охраны правительственныхъ интересовъ и общественнаго спокойствія нѣтъ надобности въ средствахъ экстралегальныхъ. Вотъ почему мы думаемъ, что отмѣна системы административныхъ взысканій, оставляя въ рукахъ правительства болѣе чѣмъ достаточную власть надъ печатью, была бы для печати пріобрѣтеніемъ въ высшей степени драгоцѣннымъ. Принять на себя всѣ тяжелыя послѣдствія отвѣтственности передъ судомъ наша печать согласилась бы, конечно, съ такою же радостью, съ какою она отказалась отъ безнаказанности, обусловленной подчиненіемъ цензурѣ.

О палліативныхъ мѣрахъ, которыми могла бы быть смягчена система административныхъ взысканій, мы не будемъ говорить подробно именно потому, что слишкомъ глубоко сознаемъ необходимость совершенной ея отмѣны; скажемъ только, что изъ числа этихъ мѣръ самою полезною и справедливою было бы *установленіе срока, по истеченіи котораго предостереженія теряли бы свою силу*. Въ настоящее время, два предостереженія, данныя журналу, могутъ повлечь за собою временное запрещеніе его, хотя бы между вторымъ и третьимъ предостереженіемъ прошло два, три, четыре года. Во Франціи, если мы не ошибаемся, для предостереженій дѣйствовала двухлѣтняя погашающая давность. Не менѣе полезно было бы установить для временнаго запрещенія журнала тотъ же порядокъ, какой существуетъ для совершеннаго прекращенія изданія, т. е. предоставить какъ то, такъ и другое первому департаменту правительствующаго сената.

Въ слѣдующей статьѣ мы разсмотримъ положеніе другихъ отдѣловъ нашей печати, уголовные законы о проступкахъ печати и судопроизводство по дѣламъ этого рода.

К. Арсеньевъ.

Digitized by Google

ДАЧА НА РЕЙНѢ

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

ГЛАВА XI *).

ВИНОГРАДЪ ЦВѢТЕТЪ И НАЛИВАЕТСЯ.

На виноградныхъ горахъ водворилось спокойствіе. Между зеленѣющими рядами лозъ, которые называютъ «строками», не видно болѣе людей. Вѣтви, до сихъ поръ росшія по произволу, теперь тщательно подвязаны, чтобъ не опалъ съ нихъ цвѣтъ, едва замѣтный для глазъ, но распространяющій въ воздухѣ нѣжный ароматъ. Въ настоящій періодъ его произрастанія, винограду особенно нужны—днемъ яркое сіяніе солнца, ночью легкая прохлада. Цвѣту надлежитъ теперь превращаться въ плодъ, который своей полной зрѣлости, силы и сочности достигнетъ не прежде, какъ въ осенніе мѣсяцы. Но лишь только ягоды начнутъ наливаться — пусть дуютъ вѣтры и гремятъ громы: виноградъ окрѣпъ и за будущность его болѣе нечего опасаться. Роландъ и Эрихъ рука объ руку бродили по окрестностямъ, не имѣя въ виду никакихъ посѣщеній или встрѣчъ. Въ городѣ царствовала такая же точно тишина, какъ и въ отдѣльно стоящихъ домахъ.

Белла, Клодвигъ и Пранкенъ уѣхали въ Гастейнъ, маіоръ

---

*) См. въ 1868 г.: сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595; и въ 1869 г.: янв. 244; февр. 820; мар. 225 стр.

Digitized by Google

въ Теплицъ, мировой судья съ женой и дочерью въ Киссингенъ. Одинъ докторъ оставался на своемъ посту, но и у того жена отправилась въ гости къ дочери и внукамъ. Еще о поѣздкѣ на воды не было и рѣчи; Эриху и въ голову не приходило, чтобъ онъ могъ остаться съ глазу на глазъ съ Роландомъ, а онъ уже далъ себѣ слово избѣгать, въ первое время своего пребыванія на виллѣ, всякаго рода развлеченій. Онъ хотѣлъ исключительно и безпрепятственно посвятить себя Роланду и съ ранняго утра и до поздней ночи ни на минуту его не покидалъ.

Тому, кто живетъ въ тѣсной связи съ природой, удается до малѣйшаго оттѣнка изучить всѣ переливы свѣта и тѣней, какъ онѣ ложатся и играютъ на живописномъ ландшафтѣ. Такъ точно и человѣкъ, постоянно находящійся въ обществѣ другого человѣка привыкаетъ отличать малѣйшія движенія его души. Онъ видитъ, какъ въ немъ мгновенно вспыхиваетъ искра того или другого чувства, какъ она мало-по-малу разгорается, освѣщаетъ все его существо и набрасываетъ на него совершенно новый свѣтъ. Отъ вниманія Эриха не ускользнуло, что Роланда иногда тревожили воспоминанія объ удовольствіяхъ, которыхъ онъ лишился, отказавшись отъ поѣздки на воды. Но мальчикъ явно боролся съ собой и старался не выходить изъ круга своихъ обязанностей. Правда, это ему не всегда удавалось, и онъ по временамъ возмущался, но Эрихъ смотрѣлъ на подобнаго рода вспышки съ его стороны, какъ на послѣднія попытки взрослаго на свободѣ коня освободиться отъ узды, которою онъ, немного спустя, самъ начнетъ щеголять.

Эрихъ внесъ въ занятія своего воспитанника три совершенно различные элемента. Онъ продолжалъ читать съ нимъ біографію Франклина, желая показать ему всего человѣка въ его постепенномъ развитіи. Они такимъ образомъ дошли до описанія общественной и политической дѣятельности Франклина, которая, конечно, не могла еще быть вполнѣ понята и оцѣнена Роландомъ. Но Эрихъ желалъ, чтобъ мальчикъ теперь же о ней узналъ, въ убѣжденіи, что, даже на половину понятое молодымъ умомъ, непремѣнно оставляетъ въ немъ слѣды. Бѣлый домикъ въ Вашингтонѣ занялъ въ воображеніи Роланда мѣсто на ряду съ аѳинскимъ Акрополемъ и римскимъ Капитоліемъ, и мальчикъ нерѣдко говорилъ о своемъ намѣреніи со временемъ съѣздить ему поклониться.

Но когда въ біографіи Франклина рѣчь зашла объ основаніи американской республики и о составленіи законовъ для управленія страной, Роландъ какъ будто началъ утомляться, и Эриху не малаго труда стоило поддержать въ немъ вниманіе. Для бо-

Digitized by Google

лѣе полныхъ и серьезныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ Эрихъ избралъ «Исторію Америки» Банкрофта. Кромѣ того они еще читали «Жизнеописаніе Красса» Гутреха, и «Пѣснь о Гайаватѣ» Лонгфелло. Чуть ли не самое глубокое и сильное впечатлѣніе произвела на мальчика эта поэма, въ которой такъ выразился весь романтизмъ индѣйцевъ и улеглась вся героическая эпоха ихъ существованія, съ такой полнотой и отчетливостью, что ее никакъ нельзя считать произведеніемъ одного лица, но видишь въ ней созданіе цѣлаго народа. Гайавата изобрѣтаетъ парусъ, дѣлаетъ рѣку судоходной, уничтожаетъ болѣзнь. Но Роланда болѣе всего поразили постъ Гайаваты и происходящее отъ поста лихорадочное, возбужденное состояніе, въ которомъ онъ какъ бы отрѣшается отъ земли.

— Это можетъ сдѣлать только человѣкъ! воскликнулъ Роландъ.

— Что такое? спросилъ Эрихъ.

— Только человѣкъ можетъ поститься и добровольно лишать себя пищи.

Изъ этого міра фантазіи они снова переходили въ область дѣйствительности и занимались основаніемъ великой американской республики. Тутъ опять выступалъ на сцену Франклинъ, повидимому сдѣлавшійся центромъ всѣхъ помысловъ Роланда, а рядомъ съ нимъ являлся и Джефферсонъ, первый, не только возвѣстившій законы о незыблемости человѣческихъ правъ въ общественномъ строю, но и вложившій ихъ въ основаніе всякаго отдѣльнаго существованія. Передъ глазами Эриха и Роланда проходили одинъ за другимъ эти, — какъ ихъ называетъ Фридрихъ Коппъ,—робинзоновскіе подвиги въ большихъ размѣрахъ, благодаря которымъ сложилось новое цивилизованное государство. Но въ то же время передъ ними возставала и та непредусмотрительная слабость, которая, не уничтоживъ разомъ невольничества, завязала крѣпкій узелъ, нынѣ съ такимъ трудомъ развязывающійся.

— А ты, какъ думаешь, спросилъ Роландъ: негры такіе же люди какъ мы?

— Безъ сомнѣнія. Они подобно намъ одарены способностью говорить, и мыслятъ точно также, какъ мы.

— Я какъ-то разъ слышалъ, что они не могутъ учиться математикѣ, замѣтилъ Роландъ.

— Это для меня новость, а съ твоей стороны, тутъ должна быть ошибка.

Эрихъ поспѣшилъ прекратить этотъ разговоръ, избѣгая набросить хоть малѣйшую тѣнь на Зоннекампа, владѣвшаго боль-

Digitized by Google

ними плантаціями, которыя возбуждались невольниками. Достаточно уже и того, что въ душѣ мальчика возникали вопросы.

Особенно пріятно и полезно было для Эриха и для Роланда то, что имъ вскорѣ представился случай вмѣстѣ учиться. Постройки въ замкѣ производились архитекторомъ весьма искуснымъ въ своемъ дѣлѣ и счастливымъ тѣмъ, что ему, не смотря на его молодость, поручили такую большую и интересную работу. Онъ отличался сообщительнымъ характеромъ и охотно дѣлился своими свѣдѣніями. Замокъ, подобно многимъ другимъ на Рейнѣ, былъ ровно за сто лѣтъ до французской революціи разрушенъ стоявшими въ то время въ Германіи войсками Людовика XIV. Въ одной башнѣ виднѣлись еще остатки римскихъ построекъ,—часть стѣны, которую архитекторъ называлъ литой стѣной.

— Что такое литая стѣна? спросилъ Роландъ.

Архитекторъ объяснилъ, что она состоитъ изъ двухъ рядовъ гладкихъ плитъ, между которыми безо всякой системы набросаны каменья, облитыя для связи между собой известковымъ растворомъ. Только въ одной трети башни виднѣлись отверстія и просвѣты, а двѣ другія ея трети представляли сплошную массу камня. На замокъ съ давнихъ поръ смотрѣли какъ на богатую каменоломню, вслѣдствіе чего особенно пострадали углы зданія, такъ какъ они были сложены изъ самаго лучшаго камня. Все вокругъ поросло кустарникомъ, жилая часть зданія совсѣмъ исчезла, а самая крѣпость римскаго происхожденія была перестроена во вкусѣ десятаго вѣка. Найденный въ архивѣ рисунокъ не представлялъ ничего болѣе характеристичнаго, чѣмъ можно было угадать изъ отдѣльныхъ камней и угловъ, по которымъ архитекторъ воспроизводилъ цѣлое зданіе. Онъ особенно радовался тому, что ему удалось найти источникъ.

Сношенія съ человѣкомъ, посвятившимъ себя спеціальной дѣятельности, имѣли на Роланда хорошее вліяніе. Онъ очень прилежно слѣдилъ за ходомъ построекъ и вмѣстѣ съ Эрихомъ пользовался объясненіями архитектора, въ видѣ награды за хорошо исполненный утренній трудъ, а иногда и самъ принималъ участіе въ работахъ. Онъ любилъ мечтать о томъ времени, когда станетъ жить одинъ въ этомъ самомъ замкѣ, и ему теперь пріятно было участвовать въ его построеніи.

Эрихъ и Роландъ постоянно каждую субботу присутствовали въ крѣпости при раздачѣ жалованья каменьщикамъ и другимъ работникамъ. За часъ до этого работы прекращались, изъ сосѣдняго городка являлся цирюльникъ и брилъ каменьщиковъ, которые вслѣдъ затѣмъ умывались въ источникѣ. Приходила еще

Digitized by Google

сюда булочница, и всѣ работники собирались подъ навѣсъ маленькаго домика, гдѣ жилъ управляющій. Роландъ нерѣдко находился тутъ же въ его комнатѣ, слышалъ слова: «тебѣ слѣдуетъ получить столько-то или столько-то», и видѣлъ грубыя, мозолистыя руки, принимавшія деньги. Иной разъ онъ оставался подъ навѣсомъ въ толпѣ работниковъ, или нѣсколько въ сторонѣ, наблюдая надъ ними. Особенно занимали его мальчики его лѣтъ, работавшіе изъ-за хлѣба, и онъ всегда очень привѣтливо отвѣчалъ на ихъ поклоны. Бо́льшая часть изъ нихъ уносили подъ мышкой завернутые въ платокъ хлѣба́ и весело расходились по своимъ деревнямъ. Иногда издали слышалось ихъ пѣніе.

Эрихъ зналъ, что это сближеніе Роланда съ жизнью, для него чуждой, противорѣчило взглядамъ и убѣжденіямъ Зонненкампа. Онъ слышалъ, какъ тотъ однажды говорилъ: «Кто строитъ себѣ за́мокъ, тому не слѣдъ знакомиться съ подробностями жизни извощиковъ». Но Эрихъ тѣмъ не менѣе считалъ себя не вправѣ мѣшать Роланду вступать въ сношеніе съ людьми, существованіе которыхъ не походило на его собственное. Онъ хорошо понималъ, что́ выражалось въ большихъ глазахъ мальчика, когда они однажды сидѣли вдвоемъ на одномъ изъ выступовъ крѣпости. То было воскресное утро, въ воздухѣ носился запахъ травы, а надъ горой и долиной гудѣлъ колоколъ. Взоръ мальчика, устремленный на возвращавшихся изъ церкви работниковъ, мозолистыя руки которыхъ онъ видѣлъ не далѣе какъ наканунѣ, свидѣтельствовалъ о настроеніи духа, не допускающемъ человѣка погружаться въ жестокое равнодушіе къ его ближнимъ. Эрихъ былъ счастливъ, видя, какъ мало-по-малу развивались нравственныя и умственныя силы его воспитанника. Онъ боялся помѣшать свободному всходу бросаемыхъ въ душу мальчика сѣменъ и всячески избѣгалъ преждевременно выводить ихъ на свѣтъ.

Однажды вечеромъ они снова сидѣли у крѣпости. Солнце уже зашло, но на горахъ еще покоились послѣдніе лучи вечерней зари, между тѣмъ какъ деревня, съ ея синеватыми шиферными кровлями и выходившими изъ трубъ тонкими струйками дыма, казалась подернутой туманомъ.

— Желалъ бы я знать, сказалъ Роландъ: — каково́ теперь въ Америкѣ? Вѣдь тамъ нѣтъ такихъ за́мковъ?

Эрихъ обрадовался случаю прочесть Роланду слѣдующіе стихи Гёте:

Amerika, du hast es besser,
Als unser Continent, das alte,
Hast keine verfallene Schlösser

Und keine Basalte.
Dich stört nicht im Innere,
Zu lebendiger Zeit
Unnützes Erinnern
Und vergeblicher Streit!
Benutzt die Gegenwart mit Glück!
Und wenn nun Eure Kinder dichten,
Bewahre sie ein gut Geschick
Vor Ritter, Räuber und Gespenstergeschichten.

т. е.: «Америка, ты имѣешь преимущество надъ нашимъ древнимъ континентомъ. У тебя нѣтъ замковъ въ развалинахъ, нѣтъ базальтовыхъ столбовъ. Тебя, посреди твоей дѣятельности, не тревожатъ ни безплодныя воспоминанія, ни тщетные споры. Наслаждайся настоящимъ! А если дѣти твои вздумаютъ писать стихи, то да избавитъ ихъ судьба отъ разсказовъ о рыцаряхъ, разбойникахъ и привидѣніяхъ!»

Роландъ тутъ же выучилъ эти стихи наизусть и выразилъ желаніе узнать что-нибудь о Гёте. Эрихъ часто во время прогулокъ декламировалъ ему стихи этого поэта, въ которыхъ, какъ будто не человѣкъ рисуетъ природу, а она сама говоритъ отъ своего имени.

Такимъ образомъ, къ разумнымъ, спокойнымъ воззрѣніямъ на жизнь Веньямина Франклина, къ «Пѣснѣ о Гайаватѣ» и къ «Жизнеописанію Красса» присоединился еще могучій духъ Гёте. Роландъ охотно поддавался вліянію этихъ различныхъ геніевъ, посреди которыхъ онъ постоянно жилъ. Эрихъ вообще пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ приводить цитаты, какъ изъ древнихъ классическихъ, такъ и изъ своихъ отечественныхъ поэтовъ. Передъ Роландомъ, благодаря удивительной памяти его наставника, возникло какъ бы предчувствіе того, что всякая жизнь имѣетъ, такъ сказать, двойную почву, и въ немъ пробудилось стремленіе встать твердой ногой на ту изъ нихъ, которая окажется болѣе твердой.

Разъ какъ-то Эрихъ и Роландъ сидѣли въ полѣ. Неподалеку отъ нихъ заяцъ щипалъ траву, дѣлалъ нѣсколько прыжковъ въ сторону и опять принимался щипать.

— Какой заяцъ трусъ! замѣтилъ Роландъ; — да и не мудрено: у него нѣтъ никакихъ не только наступательныхъ, но и оборонительныхъ средствъ. Онъ можетъ спасаться только бѣгствомъ.

Эрихъ утвердительно кивнулъ головой, а Роландъ продолжалъ:

— Почему собака врагъ зайца?

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Я хочу сказать, что если собака и лисица враги — это

Digitized by Google

понятно: и та другая кусаются. Но я рѣшительно не вижу причины, почему собака ненавидитъ зайца и преслѣдуетъ его, тогда какъ онъ только и умѣетъ что прыгать.

Вопросы Роланда, не смотря на всю ученость Эриха, иногда ставили его въ затруднительное положеніе, изъ котораго онъ выходилъ только съ помощью догадки или предположенія.

— Я полагаю, сказалъ онъ, что собака въ дикомъ состояніи, подобно лисицѣ, питалась преимущественно беззащитными животными. Собака, въ сущности, есть ие что иное, какъ сдѣлавшаяся ручной сестра лисицы. Но нравы ея настолько смягчились, что она, убивая зайцевъ, уже болѣе не ѣстъ ихъ. Травоядныя животныя живутъ на открытомъ воздухѣ и не прячутся, а хищные звѣри скрываются въ норахъ.

Мальчикъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ молчалъ, потомъ вдругъ воскликнулъ:

— Удивительно!

— Что такое удивительно?

— Ты будешь надо мной смѣяться, но мнѣ пришло въ голову... и лице мальчика освѣтилось прелестной улыбкой, а на щекахъ его и подбородкѣ заиграли ямочки: — у дикихъ звѣрей нѣтъ назначенныхъ часовъ для принятія пищи; они ѣдятъ цѣлый день, но мы, люди, пріучили собакъ ѣсть только въ извѣстные часы дня.

— Дѣйствительно, замѣтилъ Эрихъ: — у людей, съ переходомъ отъ дикаго состоянія къ цивилизованному, является и раздѣленіе времени на извѣстные, болѣе или менѣе длинные періоды.

И Эрихъ, по возможности кратко, опуская всѣ излишнія подробности, объяснилъ своему воспитаннику, что́ значитъ измѣреніе времени и какъ для этого была извлечена изъ міра планетъ цѣлая система, которую и примѣнили къ человѣческой жизни.

Этотъ разговоръ повелъ между прочимъ къ тому, что Роландъ пожелалъ установить въ своихъ занятіяхъ строгій порядокъ. Онъ не хотѣлъ болѣе, чтобъ время его оставалось не распредѣленнымъ, и это было съ его стороны важнымъ шагомъ впередъ. То, что́ до сихъ поръ казалось ему тиранствомъ, превратилось теперь въ законъ, который онъ самъ себѣ предписалъ.

Прошло нѣсколько недѣль, и Роландъ, по желанію Эриха, отказался отъ общества своихъ любимѣйшихъ товарищей. Въ ихъ прогулкахъ по полямъ и къ замку обыкновенно участвовали собаки. Эрихъ всегда охотно отвѣчалъ на всѣ распросы своего воспитанника, но тотъ не всегда съ одинаковымъ вниманіемъ

Digitized by Google

выслушивалъ его объясненія. Мальчикъ никакъ не могъ вполнѣ сосредоточиться и взоръ его безпрестанно обращался къ собакамъ, которыя, то умильно на него поглядывали, стараясь привлечь на себя его вниманіе, то пускались бѣгать по полямъ. Эриху не малаго труда стоило убѣдить Роланда оставлять собакъ дома. Онъ не то, чтобъ приказалъ ему это, но нѣсколько разъ на вопросы Роланда отвѣчалъ, что не можетъ говорить съ тѣмъ, кто, то и дѣло, развлекается собаками, ихъ прыжками и лаемъ. Наконецъ, мальчикъ однажды рѣшился оставить ихъ дома. По готовности, съ какой Эрихъ тогда сталъ отвѣчать на его вопросы, Роландъ понялъ, что онъ былъ имъ доволенъ и хотѣлъ его вознаградить. Эрихъ въ своихъ объясненіяхъ касался почти всѣхъ отраслей науки, остерегаясь только предлагать своему воспитаннику слишкомъ много толкованій разомъ. А нѣкоторые вопросы онъ пока оставлялъ даже вовсе безъ отвѣта, откладывая разрѣшеніе ихъ до болѣе удобнаго времени. Онъ старался, чтобъ мальчикъ всегда самъ изъ всего выводилъ свои заключенія.

Вдали растилается поле, а за нимъ далеко тянутся виноградники. Разсѣянныя въ воздухѣ и скрывающіяся въ землѣ силы, всѣ соединяются и превращаются въ соки, необходимые для питанія плода, а рѣка, спокойно катящая свои волны, придаетъ ему таинственную крѣпость и упоительный ароматъ. Виноградъ растетъ и съ каждымъ днемъ, съ каждою ночью приближается къ зрѣлости. Солнечное сіяніе, росистая прохлада, дождь и гроза быстро чередуются, а виноградъ ростетъ себѣ да ростетъ, и хотя не замѣтно для глаза, но неуклонно стремится къ цѣли, назначенной ему природой.

Кто можетъ сказать, что образуетъ и развиваетъ человѣческую душу? Есть ли возможность указать, что именно въ такой-то день и такой-то часъ было вызвано Эрихомъ въ Роландѣ? Жизнь слагается подъ вліяніемъ непрерывнаго ряда откровеній, которыя незамѣтно, но неотразимо на нее дѣйствуютъ. Эрихъ и Роландъ каждое утро и каждый вечеръ присутствовали при орошеніи полей и при поливаніи цвѣтовъ и растеній въ кадкахъ и горшкахъ. Иногда они сами помогали садовникамъ, и наблюдая надъ развитіемъ этой посторонней для нихъ жизни, чувствовали особаго рода удовольствіе. Имъ казалось, что они, содѣйствуя освѣженію цвѣтовъ и кустарниковъ, какъ бы совершаютъ доброе дѣло.

— Не можешь ли ты мнѣ сказать, робко спросилъ однажды Роландъ: — зачѣмъ розѣ даны шипы?

— Зачѣмъ? повторилъ Эрихъ, ужъ конечно не затѣмъ, чтобъ

Digitized by Google

они кололи людей. Бабочки и пчелы не терпятъ вреда ни отъ шиповъ розы, ни отъ иглъ репейника, а только пользуются ихъ пылью и сокомъ и составляютъ изъ нихъ медъ. Природа въ творчествѣ своемъ не думаетъ примѣняться къ устройству человѣческихъ мускуловъ и вообще ни мало не заботится о человѣкѣ. Всякій предметъ, всякое явленіе существуютъ прежде всего для самихъ себя, а для насъ имѣютъ всего настолько значенія, насколько мы сами умѣемъ извлекать изъ нихъ пользы или удовольствія. Но Роландъ,—прибавилъ онъ, замѣчая что мальчикъ какъ будто не совсѣмъ его понялъ: ты дурно поставилъ вопросъ. Для чего? Почему? Такой вопросъ можетъ существовать для насъ съ тобой, но никакъ не для розы.

Паркъ и садъ зеленѣютъ и цвѣтутъ; все въ нихъ въ порядкѣ и спокойно ожидаетъ возвращенія хозяина. Въ Роландѣ тоже разводился своего рода садъ. Но будутъ ли когда-нибудь цвѣты и плоды, которые теперь въ немъ такъ тщательно стараются взрастить, служить усладой для его ближнихъ?

Соловьи въ паркѣ умолкли, избытокъ благоуханія отъ деревьевъ въ цвѣту разсѣялся; на всей окрестности лежала лѣтняя благодать и довольство.

Дни проходили въ оживленныхъ занятіяхъ, а по вечерамъ Эрихъ и Роландъ часто гуляли. Они обыкновенно избирали для прогулки дорогу, которая шла въ гору и любовались ландшафтомъ облитымъ луннымъ свѣтомъ. Мѣстами ложилась и рѣзко выдѣлялась тѣнь отъ холмовъ, внизу сверкала рѣка, а въ небѣ блистали звѣзды. Вся мѣстность была погружена въ невозмутимую тишину, и Эрихъ съ Роландомъ, наслаждаясь, вдыхали въ себя ночную прохладу. Они почти всегда совершали эти прогулки верхомъ и въ глубокомъ молчаніи. Въ такія минуты человѣкъ любитъ погружаться въ самого себя, онъ весь отдается мечтамъ и становится особенно чутокъ къ красотамъ природы.

Виноградъ вбираетъ въ себя сокъ изъ земли, пьетъ растворенную въ воздухѣ влагу, а въ душѣ мальчика, между тѣмъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ возникаютъ и зрѣютъ жизненныя силы.

Digitized by Google

ГЛАВА XII.

РАДОСТИ И ПЕЧАЛИ НА ОХОТѢ.

Эрихъ сильно заботился о томъ, чтобъ не развить въ смѣломъ и воспріимчивомъ мальчикѣ склонность къ мечтательности. Съ этою цѣлью онъ, серьезныя, умственныя занятія всегда перемѣшивалъ съ движеніемъ на открытомъ воздухѣ и разнаго рода тѣлесными упражненіями. Роландъ фехтовалъ, ѣздилъ верхомъ, плавалъ, управлялъ лодкой, и Эрихъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что могъ самъ его во всемъ этомъ руководить, не прибѣгая къ посторонней помощи. Такимъ образомъ, мальчикъ жилъ исключительно въ его обществѣ и онъ пріобрѣталъ надъ нимъ все болѣе и болѣе вліянія.

Однако онъ пригласилъ школьнаго учителя Фасбендера давать Роланду уроки въ межеваніи. Фасбендеръ былъ въ этомъ дѣлѣ очень свѣдущъ и искусенъ, но выводилъ Эриха изъ себя подобострастнымъ обращеніемъ съ Роландомъ. Однажды Фасбендеръ замѣтилъ, что разскажетъ своему другу Кнопфу о томъ, какъ теперь прилежно занимается его бывшій ученикъ. Роландъ отвѣчалъ нетерпѣливымъ движеніемъ головы. Онъ видимо ничего не хотѣлъ знать о Кнопфѣ. Съ именемъ послѣдняго у него какъ будто соединялось непріятное воспоминаніе, которое онъ не желалъ открывать Эриху.

Въ числѣ другихъ забавъ, Эрихъ не забылъ устроить для Роланда стрѣльбу въ цѣль. Вообще онъ не хотѣлъ лишать мальчика любимыхъ удовольствій на открытомъ воздухѣ, но только требовалъ, чтобъ они всегда слѣдовали за умственными занятіями, а не предшествовали имъ.

Не легкой задачей было умѣрить въ Роландѣ его страсть къ охотѣ, тѣмъ болѣе, что Эрихъ не хотѣлъ ее совсѣмъ въ немъ уничтожить, но только старался ввести ее въ надлежащія границы. Теперь, въ самый разгаръ лѣта, настала пора охотиться за дикими кроликами, о чемъ и объявилъ Роланду ловчій. Прежніе наставники мальчика всегда отпускали его одного съ Клаусомъ, но на этотъ разъ Эрихъ самъ съ нимъ отправился. Роландъ какъ бы встрепенулся и въ немъ закипѣла новая жизнь, когда они всѣ вмѣстѣ начали перебираться черезъ виноградныя горы.

Вниманіе Эриха было сильно возбуждено разсказомъ ловчаго о томъ, какъ Манна, будучи еще маленькой дѣвочкой, а потомъ и взрослой дѣвушкой, всегда сопровождала на охоту отца. Она

Digitized by Google

была отличная наѣздница и вообще славилась своей неустрашимостью. Собакъ ея звали Роза и Репейникъ, и обѣ, услышавъ теперь какъ произносили имя Манны, навострили уши и стали тревожно оглядываться.

Эриху очень хотѣлось распросить, почему эта столь отважная дѣвушка, любившая охоту и верховую ѣзду, вдругъ удалилась въ монастырь, гдѣ вела жизнь отшельницы. Воображеніе рисовало ему двѣ совершенно различныя картины. На одной онъ видѣлъ дѣвушку съ ружьемъ черезъ плечо, за которой шли слѣдомъ двѣ собаки,—на другой крылатое видѣніе, представшее ему въ монастырскомъ корридорѣ. Но онъ остерегался распрашивать Роланда, а теперь, слушая ловчаго, сдѣлалъ видъ, будто все это уже давно ему извѣстно.

Зонненкампъ, уѣзжая, оставилъ въ распоряженіи Роланда тѣхъ двухъ любимыхъ собакъ Манны. Собаки были небольшого роста, но съ крѣпкой грудью и необыкновенно развитымъ хребтомъ. Онѣ повидимому понимали похвалы, расточаемыя имъ Роландомъ. Та изъ нихъ, которая была поменьше, самка, съ красными губами и почти постоянно разодранной кожей на головѣ, умильно лизала ему руки, а когда ловчій упрекнулъ ее въ непослушаніи, она печально понурила голову. Другая собака, повыше ростомъ, самецъ, прозванный Репейникомъ, изрѣдко поглядывала на Роланда сверкающими глазами. Мальчикъ говорилъ, что Репейникъ слушается только тѣхъ приказаній, которыя произносятся на англійскомъ языкѣ. И дѣйствительно, когда онъ вслѣдъ затѣмъ крикнулъ собакѣ: «назадъ!» та посмотрѣла на него, какъ будто была глуха. Но лишь только онъ закричалъ: «come back»!—Репейникъ мгновенно, ровно на футъ отступилъ назадъ и остановился.

Проходя мимо низенькаго дуба, Роландъ схватилъ одну изъ его вѣтокъ и качая ее, воскликнулъ: «hang!» Репейникъ сдѣлалъ быстрый прыжокъ, вцѣпился въ вѣтку зубами и оставался на ней висѣть, пока Роландъ не позволилъ ему выпустить вѣтку.

Роза повторила ту же штуку только еще съ большей ловкостью. Вися на вѣткѣ, она очертила въ воздухѣ нѣсколько круговъ, а опускаясь на землю, откусила эту самую вѣтку и принесла ее Роланду.

Мальчикъ и собаки, казалось, были очень довольны другъ другомъ.

Вскорѣ они достигли жилища ловчаго, захватили тамъ съ собой двухъ ручныхъ хорьковъ въ корзинкѣ и отправились далѣе. На опушкѣ лѣса Роландъ вынулъ изъ корзинки хорошень-

Digitized by Google

ихъ желтыхъ звѣрьковъ, которые двигались быстро, какъ змѣйки, надѣлъ на нихъ намордники и осыпалъ ихъ ласками и поцѣлуями. Углубившись далѣе въ лѣсъ, охотники набрели на множество маленькихъ норокъ. Тутъ они разставили сѣти и пустили въ нихъ принесенныхъ съ собою ручныхъ хорьковъ. Роландъ, съ любопытствомъ слѣдилъ за Эрихомъ, пока тотъ срѣзалъ съ дерева вѣтки и прикрѣплялъ ими сѣть. Вскорѣ послышался легкій шорохъ, и изъ норокъ, прямо въ сѣть, выскочило нѣсколько дикихъ хорьковъ. Собаки быстро на нихъ кинулись и закусали ихъ до смерти. Затѣмъ ручные хорьки были вторично выпущены, охотники встали рядомъ и выстрѣлили. Роландъ сдѣлалъ промахъ, а Эрихъ попалъ прямо въ цѣль.

Эрихъ былъ далекъ отъ того, чтобъ раскрывать Роланду глаза на счетъ жестокости этой охоты, гдѣ собаки бросаются на выбивающихся изъ сѣтей хорьковъ, и до тѣхъ поръ ихъ кусаютъ, пока бѣдные звѣрки не издохнутъ въ ихъ зубахъ. Онъ самъ былъ настолько охотникъ, что не видѣлъ въ этомъ ничего предосудительнаго, а ловчій придавалъ всей охотѣ еще болѣе жестокій характеръ бранью, которой немилосердно осыпалъ хорьковъ, называя ихъ чертенятами за то, что они роютъ и разоряютъ виноградники и хлѣбныя поля. Онъ забавно передразнивалъ мужика, который, думая попасть въ звѣрка, бьетъ палкой по землѣ и кричитъ: «ага, наконецъ-то я тебя поймалъ, проклятый!»

Они пошли далѣе. Вдругъ Роза быстро шмыгнула въ отверстіе довольно большой норы и вскорѣ раздался ея лай изъ-подъ земли: она нашла лисицу. Охотники остановились и стали карауллить, отправивъ вслѣдъ за Розой и Репейника, который тоже яростно залаялъ подъ землей. Но лисица, не показывалась, а вмѣсто нея изъ норы выскочила Роза съ ободранной спиной, взглянула на охотниковъ и снова скрылась. Изъ норы раздавался лай и визгъ, наконецъ изъ нея вышли собаки, обѣ окровавленныя, но лисицы съ ними не было. Охотники еще нѣсколько времени тщетно прождали ее.

— Онѣ ее задушили, сказалъ ловчій: — мы ее ужъ не увидимъ.

Роландъ былъ очень озабоченъ плачевнымъ состояніемъ собакъ, но ловчій его успокоилъ, говоря что это ничего и онѣ скоро оправятся. Роландъ выразилъ тогда свое удивленіе, почему собаки могутъ до смерти закусать лисицу, у которой такіе же точно острые зубы, какъ и у нихъ. Ловчій въ отвѣтъ только пожалъ плечами, но Эрихъ сказалъ:

— Лисица кусаетъ больно, но не глубоко.

Digitized by Google

Роландъ бросилъ на Эриха изумленный взглядъ. Этотъ человѣкъ все знаетъ и всему можетъ его научить! Всѣ познанія Эриха, взятыя вмѣстѣ, не производили на него такого сильнаго впечатлѣнія, какъ это простое замѣчаніе.

Хорьковъ еще разъ выпустили у входа въ новую норку. Оба въ нее вошли, но вернулся изъ нея только одинъ. Охотники долго ждали его, но онъ не показывался. Роландъ не могъ утѣшиться въ потерѣ хорошенькаго звѣрка, котораго онъ такъ съумѣлъ пріучить къ себѣ. Когда же Эрихъ замѣтилъ, что хорьку предстоитъ умереть съ голоду, такъ какъ онъ скрылся съ намордникомъ, Роландъ вдругъ присмирѣлъ. Немного спустя, онъ вынулъ изъ корзинки другого звѣрька, выпустилъ его въ лѣсъ, прицѣлился и убилъ его на повалъ. Не говоря ни слова и не оглядываясь на убитаго хорька, онъ пошелъ далѣе, какъ-то странно поглядывая на ружье. Эрихъ подумалъ и не ошибся, что мальчикъ теперь не скоро рѣшится его зарядить.

Послѣ этой охоты Роландомъ овладѣла какая-то тоска и равнодушіе ко всему. Онъ сдѣлался раздражителенъ и холоденъ въ обращеніи и хотя не упрямился, но все дѣлалъ неохотно, какъ бы съ усиліемъ. Эрихъ недоумѣвалъ и въ теченіи нѣсколькихъ дней чувствовалъ себя вполнѣ несчастнымъ. Онъ видѣлъ, что утратилъ въ глазахъ мальчика прелесть новизны, и что Роландъ снова сдѣлался жертвой недовольства, свойственнаго людямъ богатымъ, которыхъ никогда ничто долго не занимаетъ. Привычка къ частой перемѣнѣ мѣста, пріобрѣтенная Роландомъ съ малыхъ лѣтъ, теперь тяжело на немъ отзывалась и заставляла его скучать. Эриху предстояло воспитать въ немъ любовь къ однообразію, такъ чтобъ онъ могъ съ радостью привѣтствовать каждый наступающій день, хотя бы тотъ ему не обѣщалъ ничего новаго, но точь-въ-точь походилъ на вчерашній.

Однажды къ Эриху пришелъ ловчій и отведя его въ сторону сказалъ:

— Я нашелъ хорька, который отъ насъ тогда убѣжалъ.

— Гдѣ?

— Въ лѣсу. Онъ тамъ лежитъ съ намордникомъ на рыльцѣ, до половины съѣденный муравьями.

— Не надо этого говорить Роланду.

— Ни подъ какимъ видомъ. А знаете ли вы, какъ звали хорька?

— Нѣтъ.

— Кнопфомъ. Роландъ только въ вашемъ присутствіи называлъ его просто магистромъ. Это прозвище меня самого не мало сердило. Господинъ Кнопфъ страшно суевѣренъ, но въ

Digitized by Google

сущности очень добрый и хорошій человѣкъ. Для него нѣтъ большаго удовольствія, какъ читать или разсказывать сказки о духахъ и привидѣніяхъ. Онъ и Роланду набилъ голову этими пустяками. Недавно мнѣ мальчикъ подъ секретомъ сообщилъ, что въ ночь, которую онъ провелъ на открытомъ воздухѣ, отыскивая васъ, ему встрѣтилась сказочная принцесса — какъ ихъ называютъ глупые люди — а по нашему прелестная дѣвочка съ русыми локонами. Она говорила по-англійски... каково вамъ это кажется? теперь и духи говорятъ по-англійски... а явилась она ему рано утромъ въ лѣсу. Весь этотъ вздоръ ему натолковалъ никто иной какъ Кнопфъ. Я ничего не имѣю противъ господина Кнопфа. Нѣтъ, онъ добрый человѣкъ, даромъ училъ бѣдныхъ дѣтей и всегда съ ними ласково обращался. А вотъ только дались ему эти духи и вся эта дребедень! Развѣ вы не замѣтили, какъ измѣнился въ это послѣднее время Роландъ? Я увѣренъ, что причиной тому—его вѣра въ духовъ. Выгоните вы ее пожалуста изъ него!

Эрихъ сомнѣвался, чтобъ это была настоящая причина дурного расположенія духа Роланда. Но его, въ то же время, непріятно поразило, что мальчикъ разсказываетъ Клаусу вещи, которыя скрываетъ отъ него. Однако онъ не хотѣлъ ни навязываться своему воспитаннику, ни насильно требовать отъ него довѣрія. Онъ предпочелъ спокойно выждать, чтобъ туча сама собой разсѣялась.

ГЛАВА XIII.

ОСВѢЖАЮЩІЙ НАПИТОКЪ, ПРЕКРАСНОЕ ПѢНІЕ И НОВАЯ СЛАВА.

Докторъ иногда заѣзжалъ на виллу Эдемъ, но всегда оставался тамъ не болѣе четверти часа. Онъ одобрялъ Эриха за то, что тотъ такъ исключительно посвятилъ себя Роланду и не хотѣлъ своимъ вмѣшательствомъ нарушать гармонію установившихся между ними отношеній.

Въ слѣдующій его визитъ, однако, самъ Эрихъ его удержалъ и выразилъ свои опасенія насчетъ Роланда, блѣдность лица котораго возбуждала въ немъ сомнѣнія относительно его здоровья.

— Вотъ какъ! воскликнулъ докторъ. Уже! Я очень радъ, что переломъ наступилъ такъ скоро.

— Вы рады? Чему? Что это такое?

— Совершенно нормальное явленіе. Оно въ сущности не опаснѣе насморка и я его называю майскимъ холодомъ. Но

Digitized by Google

будьте осторожны, любезный другъ! Роландъ, какъ мнѣ кажется, родился охотникомъ, а вы хотите изъ него сдѣлать собирателя камней и жуковъ. Я понимаю вашу мысль: вы стремитесь развить въ немъ болѣе серьезный взглядъ на жизнь, и вся бѣда въ томъ, что онъ начинаетъ смотрѣть на нее серьезнѣе. Лучшее въ жизни — это принимать ее легко, безъ мудрствованій.

Эрихъ вполнѣ согласился съ докторомъ и замѣтилъ, что ни чуть не желаетъ дѣлать изъ Роланда образцоваго юношу.

— Мальчикъ теперь страдаетъ, продолжалъ докторъ: именно отъ того, что я называю майскимъ холодомъ. Во всякомъ новомъ положеніи, порождаемомъ обстоятельствами, вслѣдствіе которыхъ человѣку приходится отрѣшаться отъ привычки дѣйствовать самостоятельно въ какой бы то ни было сферѣ, хотя бы это и совершалось съ его полнаго согласія, всегда наступаетъ періодъ времени, называемый мною майскимъ холодомъ. Онъ и въ природѣ и у человѣка всегда слѣдуетъ за порой цвѣтенія. Говорятъ, что этотъ холодъ есть слѣдствіе таянія альпійскихъ снѣговъ. Кто знаетъ, можетъ быть и въ человѣкѣ точно также таютъ ледяныя горы эгоизма. Какъ бы то ни было, передъ нами явно происходитъ повтореніе борьбы зимы съ лѣтомъ, эгоистическихъ стремленій съ вновь пробуждающимся чувствомъ любви къ людямъ вообще. Не тревожьтесь! Дайте юношѣ пережить этотъ возвратъ къ холоду и все опять пойдетъ хорошо. Оставьте ему только побольше свободы: въ немъ пробудилось также чувство стѣсненія. А я съ моей стороны пропишу Роланду лекарство: пусть онъ думаетъ о себѣ, что не совсѣмъ здоровъ. Это облегчитъ и его, и васъ, потому что дастъ вамъ возможность быть къ нему снисходительнѣе. Больному позволительно капризничать и ему можно многое спускать, чего не спустишь здоровому.

Съ этого дня докторъ началъ пріѣзжать чаще. Онъ совѣтовалъ Эриху принять приглашеніе Вейдемана и вмѣстѣ съ Роландомъ погостить у него въ Маттенгеймѣ. Столкновеніе съ многосторонней дѣятельностью, которая тамъ кипѣла, должна была, по его мнѣнію, одинаково благотворно подѣйствовать и на учителя и на ученика. Но Эрихъ возразилъ на это, что не считаетъ себя вправѣ оставлять на нѣсколько дней ввѣренный его попеченію домъ. Докторъ съ нимъ согласился и прибавилъ, что въ концѣ концовъ Роланду все-таки лучше сначала обжиться въ своемъ собственномъ прирейнскомъ гнѣздѣ.

Эрихъ и Роландъ теперь часто сопровождали доктора въ его визитахъ къ больнымъ и, благодаря этимъ поѣздкамъ, все ближе и ближе знакомились съ жизнью, какую люди ведутъ на берегахъ Рейна. Докторъ объявилъ, что онъ не безъ цѣли ихъ съ

Digitized by Google

собою возитъ. Онъ считалъ вполнѣ достойнымъ человѣка, напримѣръ, посвятить свою жизнь приготовленію, по возможности, наилучшаго вина. Роландъ, по его мнѣнію, могъ и долженъ былъ этимъ заняться. Давать людямъ хорошее вино и дарить имъ произведенія искусства, говорилъ онъ, совершенно одно и тоже. Первое не уступаетъ второму. Еслибъ Роландъ полюбилъ берега Рейна, изъ этого могло бы выйти много хорошаго, особенно въ случаѣ его сближенія съ семействомъ Вейдемана.

Докторъ былъ отличнымъ путеводителемъ. Его вездѣ съ радостью встрѣчали, и онъ въ каждомъ домѣ зналъ всѣхъ его жильцовъ. Сужденія его о людяхъ отличались строгимъ безпристрастіемъ, и онъ одинаково вѣрно изображалъ ихъ темныя и свѣтлыя стороны. Онъ вездѣ умѣлъ найти что-нибудь утѣшительное и въ каждомъ погребѣ непремѣнно открывалъ хорошее вино.

— Теперь въ модѣ, говорилъ онъ, толки объ упадкѣ человѣческаго рода. Это продолжительная, но не опасная болѣзнь. Люди борятся съ нуждой и напиваются до-пьяна виномъ: это всегда было и будетъ. Если солнце ярко свѣтитъ, — человѣку жарко, и онъ вправѣ выпить, чтобъ освѣжиться. Если на дворѣ стоитъ ненастная, сырая погода, ему необходимо стаканомъ вина поддержать въ себѣ веселое расположеніе духа.

Проходя однажды мимо дома съ изображеніемъ Богоматери, передъ которымъ висѣла лампада, докторъ сказалъ:

— Здѣсь пока еще можно достать вина безъ примѣси. Человѣкъ, живущій въ этомъ домѣ, поставляетъ вино на церковь, для причастія и снабжаетъ имъ епископовъ. Вино это должно быть самое чистое. Отецъ владѣльца этого дома занимается приготовленіемъ рясъ и облаченій для духовенства, а братъ его пользуется репутаціей хорошаго художника по части церковной живописи. Люди, извлекающіе изъ религіи пользу, бываютъ ей всегда очень преданы. Все дѣло въ томъ, чтобъ не сомнѣваться въ искренности вѣрующихъ и не бросать въ нихъ камней, а они за то пусть въ насъ, невѣрующихъ, признаютъ нѣкоторую долю честности и правдивости.

Немного далѣе, у слѣдующаго дома, докторъ замѣтилъ:

— А тутъ жилъ забавный плутъ и чудакъ, по ремеслу каменьщикъ. За нѣсколько времени до смерти, онъ заказалъ столяру ящикъ, а слесарю замокъ, потомъ вздумалъ заложить свой погребъ каменьями, между которыми и спряталъ ящичекъ, предварительнно привѣсивъ къ нему замокъ. Полагаютъ, что тамъ скрыты большія суммы денегъ, но никто не знаетъ этого навѣрное. А покойникъ былъ чудакъ и могъ замуравить пустой

Digitized by Google

ящикъ, съ цѣлью подшутить надъ своими наслѣдниками. Вотъ тѣ теперь и не знаютъ, что имъ дѣлать: искать ящика или нѣтъ? Пожалуй домъ сломаютъ, а ящикъ окажется пустымъ.

Докторъ всегда старался такъ направлять разговоръ, чтобъ Роландъ могъ изъ него извлекать пользу.

Они посѣтили еще надзирателя надъ мѣрами и вѣсами, который повелъ ихъ въ свой погребъ и угостилъ виномъ. Надзиратель любилъ разсказывать разные анекдоты, не всегда оказывавшіеся удобными для молодыхъ слушателей, и докторъ поспѣшилъ положить предѣлъ его болтливости.

Надзиратель всегда носилъ при себѣ бѣлый хлѣбецъ, который называлъ своей губкой. «Соломой — говорилъ онъ — предохраняютъ отъ порчи виноградъ, а я хлѣбомъ, выросшимъ на соломѣ, отнимаю у вина его излишнюю крѣпость.

Кто-то сказалъ надзирателю, что онъ въ теченіи своей жизни выпилъ семьдесять бочекъ вина. — «Нѣтъ — возразилъ онъ — вы слишкомъ снисходительны: не семьдесять, а гораздо болѣе».

Такимъ образомъ, Эрихъ и Роландъ все ближе и ближе знакомились съ бодрой, веселой, точно пропитанной винными парами прирейнской жизнью. Когда они снова возвращались къ своимъ занятіямъ, въ глубинѣ души ихъ оставалось пріятное ощущеніе отъ всего видѣннаго, и они были безотчетно счастливы тѣмъ, что живутъ въ такой прекрасной мѣстности, гдѣ жизнь течетъ такъ легко и спокойно.

Въ самой серединѣ лѣта выдалось нѣсколько пасмурныхъ, сырыхъ и холодныхъ дней, когда человѣкомъ невольно овладѣваетъ сомнѣніе на счетъ возврата хорошей погоды, а между тѣмъ нельзя же предполагать, что лѣту уже насталъ конецъ. Соловьи умолкли. Впрочемъ, они не вдругъ перестали пѣть и еще изрѣдка, какъ бы по воспоминанію, оглашали паркъ то отрывистымъ щелканьемъ, то коротенькой трелью или одиночнымъ свистомъ. За то теперь въ воздухѣ постоянно раздавались тоненькіе голоса конопляновъ или пронзительные, громкіе возгласы чернаго дрозда. Лѣсъ достигъ полной своей зрѣлости; въ немъ тоже почти всѣ птицы умолкли, исключая сорокъ, которыя продолжали неутомимо трещать.

Эрихъ и Роландъ часто катались въ лодкѣ по Рейну и почти всегда въ этихъ случаяхъ пѣли.

— Да, говорилъ Роландъ: человѣкъ можетъ пѣть во всякое время года, лишь бы у него было легко и весело на душѣ.

Эрихъ кивнулъ въ отвѣтъ головой. Онъ видѣлъ, что въ Роландѣ начали пробуждаться вкусъ къ искусству и сознаніе независимости человѣческаго духа. Ему казалось, что теперь не

Digitized by Google

лишнее было бы доставить Роланду случай на день или на два удалиться изъ дому. Онъ предложилъ мальчику на выборъ: ѣхать ли имъ къ Вейдеману, о которомъ всѣ такъ много говорятъ, или отправиться на приготовлявшееся въ сосѣднемъ городѣ большое музыкальное торжество. Мимо виллы уже начали мелькать украшенные флагами пароходы съ пѣвцами и пѣвицами, и ихъ почти во всякомъ мѣстечкѣ и городкѣ встрѣчали ружейными выстрѣлами. Роландъ предпочелъ отправиться на музыкальный праздникъ и просилъ Эриха пройти часть дороги пѣшкомъ. Ему хотѣлось еще разъ, вмѣстѣ съ нимъ, взглянуть на мѣста, по которымъ онъ уже однажды шелъ ночью и одинъ.

Молодые люди весело отправились въ путь. Роландъ много болталъ, припоминая разныя подробности своего ночного странствія. При входѣ въ лѣсъ, онъ разсказалъ о томъ, какъ здѣсь спалъ подъ деревомъ и какой ему приснился чудный сонъ. Лице его при этомъ вспыхнуло яркимъ румянцемъ, но Эрихъ его не распрашивалъ, что́ это былъ за сонъ. Роландъ замолчалъ, и они углубились далѣе въ лѣсъ.

— Вотъ онъ, вотъ онъ! внезапно воскликнулъ мальчикъ. Мой портъ-монне нашелся! Ахъ, пойдемъ скорѣй въ деревню, гдѣ живетъ дворникъ, котораго я подозрѣвалъ въ покражѣ моихъ денегъ. Я ему ихъ всѣ отдамъ.

Но дворника уже не было въ деревнѣ. Онъ опредѣлился въ военную службу и никто не умѣлъ сказать, гдѣ онъ теперь былъ. Роландъ сильно этимъ опечалился и на всякій случай записалъ его имя въ свою карманную книжку.

Они продолжали идти далѣе, любуясь на прелестный зеленѣющій ландшафтъ, вскорѣ очутились на желѣзной дорогѣ, сѣли въ вагонъ и быстро достигли цѣли своего путешествія. Весь городъ былъ украшенъ флагами и имѣлъ веселый, оживленный видъ. Сюда изо всѣхъ окрестностей толпой стекались пѣвцы и пѣвицы. Нѣкоторые съ пѣснями прибывали на лодкахъ и пароходахъ, другіе пріѣзжали по желѣзной дорогѣ.

— Замѣть, говорилъ Эрихъ своему воспитаннику, что такого рода торжества принадлежатъ исключительно нашему времени и нашему народу. Ни греки, ни римляне ихъ у себя не имѣли, да и теперь ни одна нація, кромѣ нѣмцевъ, не устраиваетъ у себя ничего подобнаго.

Они здѣсь переночевали, а на слѣдующее утро сотни пѣвцовъ и пѣвицъ и огромное число слушателей, всѣ собрались въ большой залѣ въ зданіи крѣпости. Вдругъ въ собраніи пронеслось печальное извѣстіе; между пѣвцами и пѣвицами послышались горестныя восклицанія, на ихъ лицахъ выразилась обма-

Digitized by Google

нутая надежда, публика засуетилась. Оказалось, что баритонъ, которому надлежало пѣть соло, внезапно заболѣлъ и не былъ въ состояніи выполнить своей партіи.

— Смотри, вдругъ замѣтилъ Роландъ: тамъ сидятъ монахини съ своими воспитанницами. Онѣ одѣты точь-въ-точь, какъ одѣваются въ монастырѣ Маины. Ахъ, еслибъ и она здѣсь была!

Эрихъ, вмѣсто отвѣта, поспѣшно сказалъ Роланду:

— Останься здѣсь, а я пойду посмотрю, не могу ли имъ тамъ помочь. Я полагаюсь на тебя, что ты не сойдешь съ этого мѣста.

Эрихъ быстро направился къ возвышенію и обратясь къ капельмейстеру, живо съ нимъ заговорилъ. Толпа около нихъ заволновалась, въ публикѣ пронесся говоръ и всѣ взоры обратились на Эриха. Капельмейстеръ Фердинандъ ударилъ смычкомъ по пюпитру, въ залѣ мгновенно водворилась тишина.

— Нашъ баритонъ, съ улыбкой началъ капельмейстеръ, къ сожалѣнію захворалъ. Этотъ господинъ, который не желаетъ объявить своего имени, предлагаетъ его замѣнить и надѣется, что публика будетъ къ нему снисходительна, такъ какъ онъ ни разу не участвовалъ въ нашихъ репетиціяхъ.

Единодушные аплодисменты были отвѣтомъ на эти слова. Вслѣдъ затѣмъ началось дружное хоровое пѣніе, которое глубоко отозвалось въ душѣ Роланда. Но вотъ поднялся со своего мѣста Эрихъ. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за его движеніями. Раздались первые звуки его голоса, пѣвцы и пѣвицы съ изумленіемъ переглянулись, публика встрепенулась. У Эриха былъ сильный, звучный, до глубины души проникающій голосъ. Всѣ слушали его, притаивъ дыханіе, а когда онъ кончилъ, раздался громъ рукоплесканій, отъ которыхъ затряслись стѣны залы. Эрихъ сѣлъ, его замѣнили хоры, другіе солисты, затѣмъ вторично настала его очередь. Звуки его голоса лились чище, сильнѣе, свободнѣе, глубоко трогая своей задушевностью. Но никто изъ слушателей не былъ такъ пораженъ и взволнованъ, какъ Роландъ.

Хоръ какъ бы изображалъ бурное море, а Эрихъ точно плылъ на кораблѣ, надъ всѣмъ господствуя и всѣмъ управляя. Роландъ былъ внѣ себя отъ восторга. Онъ испытывалъ то высокое, поэтическое наслажденіе, какое можетъ возбуждать только одна музыка. Ему казалось, что голосъ Эриха уноситъ его въ какой-то невѣдомый міръ, гдѣ все такъ свѣтло, такъ прекрасно! А тамъ опять гремѣли хоры и густой волной разливались подъ сводами залы.

Со всѣхъ сторонъ слышались вопросы: «Кто этотъ господинъ,

Digitized by Google

который такъ хорошо поетъ? Роландъ, было, хотѣлъ назвать его своему ближайшему сосѣду, но раздумалъ. «Нѣтъ», мелькнуло у него въ умѣ: «пусть я одинъ знаю, кто онъ такой».

Взоръ мальчика вслѣдъ за тѣмъ снова обратился къ рядамъ однообразно одѣтыхъ въ голубыя платья монастырокъ. Вдругъ лицо его просіяло: «Да, это она! это Манна!»

Роландъ попросилъ своего сосѣда пропустить его къ сестрѣ. Ему хотѣлось сказать ей, что онъ знаетъ этого человѣка, который наполнялъ такимъ восторгомъ сердца своихъ слушателей. Но сосѣди пришли въ негодованіе на дерзкаго юношу, который нарушалъ спокойствіе и мѣшалъ имъ слушать. Нечего дѣлать, Роландъ остался на мѣстѣ, выжидая антракта, чтобы тогда, никого не безпокоя, пробраться къ Маннѣ.

Ораторія между тѣмъ была окончена, но восторгу зрителей не предвидѣлось конца. Со всѣхъ сторонъ выражалось желаніе узнать, кто этотъ незнакомецъ. «Его имя! его имя!» раздавалось по всей залѣ. Капельмейстеръ Фердинандъ снова ударилъ смычкомъ по пюпитру. «Тише!» пронеслось въ толпѣ и все смолкло. Эрихъ всталъ съ своего мѣста и очень спокойно сказалъ:

— Отъ души благодарю васъ. Я счастливъ тѣмъ, что могъ предстать передъ вами въ качествѣ служителя искусства и еслибъ не боялся нарушить гармонію настоящаго празднества совершенно чуждымъ вамъ именемъ, то съ самаго начала назвалъ бы вамъ себя.

— Имя, имя! кричали со всѣхъ сторонъ.

— Меня зовутъ: Эрихъ Дорнэ!

— Тушъ, тушъ! раздалось опять въ толпѣ. Оркестръ трижды проигралъ тушъ при общихъ крикахъ:

— Ура, Эрихъ Дорнэ!

Эриха окружила густая толпа, и кто пожималъ ему руки, кто обнималъ его и цѣловалъ, такъ что у него заболѣли плечи. Въ числѣ публики оказались и такіе, которые были съ нимъ знакомы, но сначала его не узнали.

Наконецъ, собраніе мало-по-малу разошлось. Эрихъ отправился къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ Роланда, но мальчикъ исчезъ. Онъ искалъ его по всѣмъ угламъ, но напрасно. Въ залѣ между тѣмъ начали разставлять и накрывать столы для предстоящаго торжественнаго обѣда. Эрихъ рѣшился остаться тутъ и подождать Роланда. Онъ былъ увѣренъ, что мальчика толпой вынесло изъ залы, но что онъ не замедлитъ вернуться.

И дѣйствительно, Роландъ вскорѣ вернулся. Глаза его сверкали, а на щекахъ игралъ румянецъ.

— Она здѣсь была! воскликнулъ онъ, завидѣвъ Эриха: я прямо-

Digitized by Google

далъ ее съ подругами на пароходъ. Онѣ ужъ уѣхали! О, Эрихъ, какъ это прекрасно вышло, что она прежде, чѣмъ познакомилась съ тобой, услышала твое пѣніе. Знаешь ли, она сказала, что человѣкъ, который умѣетъ такъ хорошо пѣть, не можетъ быть такимъ безбожникомъ, какимъ тебя выставляютъ. Мнѣ бы не слѣдовало тебѣ этого говорить, но я знаю, она плутовка и сказала все это съ цѣлью, чтобъ я тебѣ передалъ. Ахъ, Эрихъ! ты видѣлъ. Лина, дочь мирового судьи, и нашъ архитекторъ тоже были въ числѣ пѣвцовъ. Они шли подъ руку и тотчасъ же тебя узнали, но только не хотѣли тебя выдать. Какъ ты пѣлъ, Эрихъ! ахъ, какъ ты пѣлъ! Мнѣ все казалось, что ты, вотъ, вотъ распустишь крылья и улетишь, и мнѣ было такъ странно!

Мальчикъ находился въ возбужденномъ состояніи.

Одинъ изъ распорядителей праздника подошелъ къ Эриху и пригласилъ его вмѣстѣ съ братомъ (Роланда здѣсь всѣ приняли за брата Эриха), остаться обѣдать, говоря, что ему назначаютъ за столомъ мѣсто рядомъ съ капельмейстеромъ. Къ этому распорядителю присоединились другіе участники торжества, желавшіе познакомиться съ Эрихомъ. Въ числѣ ихъ былъ фотографъ, который непремѣнно хотѣлъ тутъ же снять съ него портретъ, говоря, что всѣ пѣвцы и пѣвицы непремѣнно пожелаютъ имѣть у себя его изображеніе. Эрихъ учтиво, но рѣшительно отказался и съ слѣдующимъ пароходомъ отправился съ Роландомъ на виллу.

Роландъ сошелъ въ каюту, гдѣ вскорѣ заснулъ. Эрихъ остался одинъ на палубѣ и впалъ въ глубокое раздумье. Его мучило сомнѣніе, хорошо-ли онъ сдѣлалъ, выставивъ себя такимъ образомъ на показъ.

«Но, утѣшалъ онъ себя, въ жизни бываютъ такія минуты, когда наши силы намъ какъ будто измѣняютъ и мы сами не можемъ съ точностью опредѣлить, чего желаемъ. Нѣтъ, думалъ онъ въ заключеніе, я сдѣлалъ только то, что́ слѣдовало».

Пароходъ причалилъ къ пристани. Роланда едва могли добудиться и почти на рукахъ перенесли въ лодку, имъ овладѣла сильная слабость и онъ едва сознавалъ, что́ вокругъ него дѣлалось. Выйдя на берегъ, онъ сказалъ:

— Эрихъ, я слышалъ, какъ ты всю дорогу пѣлъ одну мелодію изъ хора.

На виллѣ Эриха ожидали письма отъ матери, изъ университетскаго городка, и отъ Зонненкампа изъ Вишы. Мать писала ему, чтобъ онъ не удивлялся, если услышитъ упреки себѣ въ томъ, что онъ такъ скоро, будто бы безъ всякой борьбы, отказался отъ своихъ идеаловъ и даже продалъ ихъ. Въ универси-

Digitized by Google

тетскомъ городкѣ, говорила она, всѣ были недовольны и, надо сознаться, не безъ основанія, тѣмъ, что онъ уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простясь.

Эрихъ улыбнулся. Онъ съ самаго начала очень хорошо зналъ, что надъ нимъ будутъ безпощадно смѣяться всѣ привычные посѣтители казино. Онъ живо представлялъ себѣ ихъ сидящими вокругъ грязнаго стола, прикрытаго клеенчатой скатертью, и ему даже казалось, что онъ слышитъ всѣ ихъ болѣе или менѣе остроумныя выходки на его счетъ. Такого рода вещи въ настоящій вечеръ не могли его смутить.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе произвело на Эриха письмо Зонненкампа, который его уполномочивалъ, если онъ сочтетъ это удобнымъ, вмѣстѣ съ Роландомъ пріѣхать къ нему въ Біарицъ.

— Отецъ, безъ сомнѣнія, тоже останется доволенъ твоимъ сегодняшнимъ успѣхомъ, сказалъ Роландъ, ложась спать. Одна изъ монахинь, сопровождавшихъ Манну, правда, замѣтила, что врядъ ли это ему понравится, но откуда ей знать?

Эрихъ смутился. На него снова тяжелымъ камнемъ легло сознаніе своей зависимости. Поступивъ на службу къ Зонненкампу, онъ, такъ сказать, вполнѣ отдался въ его распоряженіе и долженъ былъ при каждомъ своемъ поступкѣ, каждомъ шагѣ мысленно задавать себѣ вопросъ, будетъ ли это ему пріятно или нѣтъ.

Надъ Эрихомъ точно повисла темная туча, которая омрачила всѣ воспоминанія протекшаго дня. Отъ веселаго настроенія духа не осталось и слѣдовъ: оно уступило мѣсто тоскѣ.

ГЛАВА XIV.

ВЛИЖНІЙ.

Дни опять потекли своимъ чередомъ, спокойно и однообразно, посреди занятій и прогулокъ. Однажды на виллу пришелъ ловчій и обратился къ Роланду съ просьбой исполнить данное ему обѣщаніе и сверху до низу показать ему домъ.

— На что это вамъ? спросилъ Эрихъ.

— Мнѣ хотѣлось бы хоть мелькомъ взглянуть, какъ это живутъ богатые люди и что они могутъ себѣ достать за деньги.

Слова эти сопровождались плутовскимъ взглядомъ, но Эриху ничего больше не оставалось, какъ дать свое позволеніе. Онъ сначала думалъ послать съ ними слугу, но потомъ перемѣнилъ намѣреніе и самъ съ ними пошелъ. Онъ вообще не охотно ос-

Digitized by Google

тавлялъ Роланда одного съ Клаусомъ, боясь, чтобъ сужденія послѣдняго о бѣдныхъ и богатыхъ не произвели на мальчика вреднаго по своей преждевременности впечатлѣнія.

Они долго бродили по комнатамъ, переходя изъ этажа въ этажъ. Клаусъ едва осмѣливался ступать и то и дѣло приговаривалъ:

— Да, да, все это можно купить за деньги! Чего только съ ними не сдѣлаешь!

Въ большой концертной залѣ ловчій остановился на возвышеніи и закричалъ оттуда Эриху:

— Господинъ капитанъ, могу ли я вамъ сдѣлать вопросъ?

— Почему же нѣтъ, если я въ состояніи на него отвѣчать.

— Скажите мнѣ честно и откровенно, что сдѣлали бы вы, еслибъ.... я знаю, у васъ свободный образъ мыслей и вы любите людей.... что сдѣлали бы вы, еслибъ были владѣтелемъ этого дома и нѣсколькихъ милліоновъ?

Голосъ Клауса громко раздавался въ пустой залѣ, гдѣ его еще повторяло эхо, точно желая продолжить въ слушателяхъ непріятное ощущеніе.

— Да, что сдѣлали бы вы? повторилъ ловчій: или у васъ не имѣется на этотъ вопросъ отвѣта?

— Я считаю излишнимъ вамъ отвѣчать.

— Да и не надо; я самъ знаю!

Клаусъ сошелъ съ возвышенія и продолжалъ:

— Я, какъ вамъ извѣстно, полевой сторожъ, не сплю по ночамъ, а все брожу и терзаюсь мыслью, которая преслѣдуетъ меня, какъ злой духъ. Въ головѣ моей постоянно вертится вопросъ: что сдѣлалъ бы я, еслибъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько милліоновъ? Я просто одурѣлъ отъ усилій разрѣшить этотъ вопросъ и все напрасно. Но, какъ я вижу, и вы не дальше моего ушли.

— Вы такъ-таки совсѣмъ и не знаете, что сдѣлали бы съ богатствомъ? спросилъ Эрихъ.

— Еслибъ у меня было много денегъ, съ лукавой улыбкой возразилъ ловчій, я бы прежде всего хорошенько отколотилъ нашего ландрата, хотя бы мнѣ за это пришлось заплатить тысячу гульденовъ штрафу: онъ вполнѣ стоитъ.

— А потомъ?

— Потомъ.... право не знаю.

Эрихъ взглянулъ на Роланда. Мальчикъ смотрѣлъ на него мутными глазами, былъ какъ-то блѣденъ и крѣпко сжалъ губы. Наивность богатства, о которой такъ много говорилъ Кнопфъ, казалось потерпѣла въ немъ сильный толчекъ. Возстановить ее

Digitized by Google

въ будущемъ не предвидѣлось возможности, а между тѣмъ Роландъ еще не успѣлъ достаточно созрѣть для того, чтобъ разомъ найти выходъ изъ сомнѣній, въ какія его повергли слова Клауса.

Эрихъ сказалъ Роланду по-англійски, что послѣ все ему объяснитъ, но теперь не можетъ этого сдѣлать въ присутствіи такого грубаго, необразованнаго человѣка, какъ ловчій.

— А вопросъ его развѣ былъ грубъ и неоснователенъ? спросилъ Роландъ на томъ же языкѣ. Эрихъ замолчалъ. Онъ считалъ себя не вправѣ для собственнаго своего успокоенія и облегченія давать уму своего воспитанника ложное направленіе.

— Ха, ха, ха! язвительно смѣялся Клаусъ. Теперь моя болѣзнь на васъ перейдетъ. Куда бы вы ни пошли, что бы вы ни дѣлали, въ вашихъ ушахъ постоянно будетъ звучать вопросъ, который до сихъ поръ меня всюду преслѣдовалъ. Отлично! А когда вы найдете на него отвѣтъ, не забудьте подѣлиться имъ со мною.

Онъ надѣлъ шляпу и быстро удалился.

Въ этотъ день не было никакой возможности заставить Роланда чѣмъ-нибудь заняться. Онъ до самаго вечера просидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ. Ночью, послѣ того какъ Эрихъ уже успѣлъ заснуть, его вдругъ разбудилъ шорохъ въ смежной съ его комнатой библіотекой, и онъ увидѣлъ тамъ Роланда. Эрихъ не мѣшалъ ему, но когда мальчикъ вернулся въ свою комнату, онъ въ свою очередь вошелъ въ библіотеку посмотрѣть, какая книга вдругъ понадобилась его воспитаннику. Оказалось, что Роландъ приходилъ за Библіей. Ему, безъ сомнѣнія, захотѣлось прочесть главу о богатомъ юношѣ. Сѣмя, въ немъ долгое время дремавшее, начинало всходить.

До сихъ поръ Эрихъ одинъ дѣйствовалъ на Роланда, стараясь подготовить его къ принятію жизненныхъ истинъ, которыя впослѣдствіи должны были передъ нимъ раскрыться. Но вотъ выдвинулась впередъ посторонняя сила, неправильная, непрошенная и грубо разбудила то, чему до поры до времени еще слѣдовало дремать. Что такое вся наша ученость и подготовка? Въ нравственномъ мірѣ все тоже, что и въ природѣ. Почки не замѣтно растутъ, наливаются, но вдругъ надъ ними грянетъ громъ и онѣ въ одну ночь распускаются. Теперь настала гроза для Роланда, и Эрихъ не могъ его отъ нея защитить.

На слѣдующее утро Роландъ очень рано вошелъ къ Эриху и сказалъ:

— У меня есть до тебя просьба.

— Говори, если думаешь, что я могу ее исполнить.

Digitized by Google

— Конечно можешь, забудемъ на сегодняшній день о книгахъ и пойдемъ въ крѣпость.

— Сейчасъ?

— Да. Я хочу это на самомъ себѣ испытать, хотя въ теченіи одного дня.

— Что такое?

— Я хочу поработать вмѣстѣ съ каменьщиками, буду ѣсть и пить то, что они пьютъ и ѣдятъ и стану таскать одинаковыя съ ними тяжести.

Эрихъ отправился съ Роландомъ къ замку, и дорогой сказалъ ему:

— Роландъ, твое желаніе прекрасно, оно мнѣ нравится, но обдумалъ ли ты его хорошенько? Ты предпринимаешь не одинаковый съ каменьщиками трудъ, а гораздо болѣе тяжкій, потому что ты къ нему не привыкъ. Этотъ день покажется тебѣ вдесятеро труднѣе, нежели имъ; ты до сихъ поръ жилъ въ совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ они. Что для нихъ вошло въ привычку, то для тебя усиленный трудъ, къ которому врядъ ли ты способенъ, такъ какъ силы твои до сихъ поръ не подвергались ничему подобному. Ты являешься въ крѣпость прямо изъ мягкой постели, о какой ни одинъ изъ этихъ работниковъ и понятія не имѣетъ; у тебя бѣлыя нѣжныя руки и вслѣдствіе всего этого ты не достаточно вооруженъ для такого рода труда. Ты и послѣ этого опыта не уяснишь себѣ, насколько дѣйствительно трудна жизнь бѣдняка, который, владѣя только данной ему самой природой силой, употребляетъ ее на добываніе себѣ хлѣба.

Роландъ остановился и въ словахъ, которыя онъ произнесъ, ясно отразилось вліяніе прочитанной ночью главы изъ Евангелія.

— Что же я долженъ сдѣлать, началъ онъ дрожащимъ голосомъ, чтобъ вполнѣ понять жизнь моихъ ближнихъ и встать на равную съ ними ногу.

Эрихъ былъ пораженъ и съ трудомъ удержался, чтобъ не выказать счастья, какое его внезапно охватило. Съ этой минуты онъ могъ быть спокоенъ: юноша, который носилъ въ себѣ такую мысль и лелѣялъ въ сердцѣ подобное желаніе, никогда болѣе не свернетъ съ истиннаго пути и не перестанетъ вѣрить въ равноправность людей.

Но Эриху удалось совладать собой и онъ совершенно спокойно сказалъ:

— Милый Роландъ, — онъ его въ первый разъ такъ называлъ — милый Роландъ, весь міръ есть не что иное, какъ обширная арена соединеннаго труда. Нельзя сказать, чтобъ на каждую

Digitized by Google

ничность непремѣнно выпадала одинаковая доля его, но несомнѣнно то, что на каждомъ человѣкѣ лежатъ обязанности, не только въ отношеніи къ самому себѣ, но и въ своимъ ближнимъ. Мы должны быть всегда готовы по мѣрѣ силъ оказывать помощь тому, кто въ ней нуждается. Тебѣ со временемъ предстоитъ совсѣмъ иной трудъ, чѣмъ тотъ, какой выпадаетъ на долю людей, таскающихъ камни и дѣйствующихъ молотомъ. Твои обязанности выше и въ тоже время отраднѣе. Пойдемъ. Тебѣ остается еще многому научиться и многое себѣ уяснить.

ГЛАВА XV.

МЕЖДУ НЕБОМЪ И ЗЕМЛЕЙ.

Библія повѣствуетъ о томъ, какъ Авраамъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Исаакомъ взбирались на гору для принесенія Богу жертвы. Мальчикъ шелъ молча, погруженный въ самого себя. «Но гдѣ же жертва?» спросилъ бы онъ наконецъ, не подозрѣвая, что самъ онъ и есть эта жертва.

Такъ точно шелъ Роландъ возлѣ Эриха, раздумывая о всемъ только-что слышанномъ. Онъ хотѣлъ принести себя въ жертву, но она оказалась не нужной. Что же ему остается теперь дѣлать?

Они сѣли на одномъ изъ уступовъ горы, откуда растилался обширный видъ. Эрихъ взялъ за руку своего воспитанника и сказалъ:

— Итакъ, совершилось то, что я надѣялся случится съ тобой гораздо позже. Я желалъ бы, чтобъ ты еще долго не задавалъ себѣ подобнаго вопроса и во всякомъ случаѣ дошелъ бы до него совсѣмъ инымъ путемъ. Но пусть будетъ такъ. Скажи же мнѣ, знаешь ли ты, что такое богатство?

— Да. Богатство — это когда человѣкъ имѣетъ больше, чѣмъ ему нужно.

— А посредствомъ чего доходитъ онъ до этого большаго, до этого излишка?

— Посредствомъ наслѣдства и пріобрѣтенія.

— А какъ ты полагаешь, животное можетъ быть богато?

— Не думаю.

— Конечно, нѣтъ. Каждое животное имѣетъ и съѣдаетъ столько, сколько съ искони вѣковъ имѣло и съѣдало всякое другое одной съ нимъ породы. Но можно ли тоже самое сказать

Digitized by Google

о людяхъ? Тѣ, которые живутъ теперь, не превосходятъ ли въ чемъ-нибудь своихъ предшественниковъ?

— Я думаю, что да.

— И ты полагаешь, что люди постоянно будутъ идти впередъ?

— Я надѣюсь.

— А что дѣлаетъ ихъ лучше?...

— Образованіе.

— Но возможно ли образованіе тамъ, гдѣ человѣкъ съ утра до ночи работаетъ исключительно для удовлетворенія своихъ необходимѣйшихъ потребностей?

— Едва ли.

— Что же нужно человѣку для того, чтобъ онъ могъ съ успѣхомъ трудиться надъ развитіемъ самого себя и подобныхъ себѣ?

— Свободное время.

— А это свободное время, что другое можетъ ему его дать, кромѣ излишка рабочихъ силъ, или другими словами—богатства?

— Повидимому, ничто?

— Замѣть же себѣ хорошенько: богатство — это соединеніе силъ, которыя не требуютъ немедленнаго примѣненія къ дѣлу.

— Подожди минутку, остановилъ его Роландъ и погрузился въ размышленія. Глаза его были неподвижно устремлены вдаль.

— Да, такъ... теперь я понимаю. Продолжай пожалуйста.

— Что же по твоему, опять началъ Эрихъ: — долженъ дѣлать человѣкъ, обладающій такимъ количествомъ силъ, которое избавляетъ его отъ необходимости работать.

— Не знаю.

— Хорошо, я тебѣ скажу. Человѣкъ, имѣющій болѣе, чѣмъ то необходимо для его существованія, стремится къ украшенію и возвышенію жизни, къ искусству, къ наукѣ. Богатство такимъ образомъ даетъ человѣчеству возможность развиваться, идти впередъ. Уже одно то, что человѣкъ можетъ быть богатымъ, обусловливаетъ его высшее назначеніе; онъ живетъ на счетъ другихъ и для другихъ. Безъ излишка соединенныхъ силъ, безъ богатства, невозможно ни высшее пониманіе жизни, ни украшеніе ея, ни наука, ни искусство. Изъ всего этого слѣдуетъ, что задача богатства — хранить и умножать въ мірѣ высшія блага жизни.... Богатый человѣкъ богатъ не для себя: все, что онъ дѣлаетъ для науки, для искусства, для ремесла, съ цѣлью пріобрѣсти какъ можно болѣе сверхъ необходимаго, — все это онъ дѣлаетъ съ содѣйствіемъ другихъ, для него работающихъ. Такъ что въ концѣ концевъ выходитъ, что богачъ богатъ не чрезъ

Digitized by Google

самаго себя и не для себя. Онъ, въ сущности, ничто иное, какъ управляющій послѣдствіями, вытекающими изъ труда, и обязанность его обращать ихъ на облагороживаніе человѣчества.... Посмотри: вонъ тамъ разстилаются поля, возвышаются виноградныя горы, — чьи они? Тамъ стоятъ камни, обозначающіе границы между твоимъ и моимъ. Никто не смѣетъ переступать этихъ границъ и вторгаться въ чужія владѣнія. Эти отдѣльно стоящіе камни передъ глазами совѣсти соединяются въ одно и слагаются въ величавый храмъ законности, который служитъ оплотомъ человѣчеству. Не столь явны, но не менѣе прочны и тѣ камни, которые распредѣляютъ нравственныя границы жизни. Ты не имѣешь права касаться того, что̀ принадлежитъ другому, то-есть, ни развитія и хода его работы, ни его природныхъ силъ.... Смотри, вонъ тамъ внизу шкиперъ стоитъ у руля, виноградарь взрываетъ землю, чтобъ корнямъ винограда легче было вбирать въ себя дождевую влагу; птица летаетъ надъ рѣкой, люди дѣйствуютъ веслами и лопатой, звѣри ходятъ и пресмыкаются, отыскивая себѣ пищу. Вдругъ передъ человѣкомъ является искушеніе и говоритъ ему: «Предоставь другимъ за тебя работать, а самъ питайся ихъ по̀томъ. Не смотри на нихъ, а только собирай деньги за ихъ труды. Золото не плачетъ, не жалуется, а только блеститъ. Съ золотомъ ты можешь пѣть, плясать, пользоваться людьми и трудомъ ихъ израненыхъ рукъ. Не стыдись, не робѣй: міръ — это обширное поле для грабежа, гдѣ всякій хватаетъ, что̀ можетъ». Такъ говоритъ искушеніе, но съ другой стороны духъ истины шепчетъ: «Ты не болѣе того, что въ тебѣ заключается. То, чѣмъ ты владѣешь, конечно, твое, но оно не *ты*, не собственная твоя личность, и завтра же можетъ быть отъ тебя отнято. Но сегодня оно еще тебѣ принадлежитъ, и ты можешь употребить его на тысячи ладовъ, такъ, чтобъ и тебѣ и твоимъ близкимъ было отъ этого одинаково хорошо.... Ты не геній — постарайся развить въ себѣ мужество и образованіе: *это* ты можешь пріобрѣсти, завоевать, а съ ними и все то, чего дѣйствительно сто́итъ желать. Слава и величіе прекрасны, но не всѣмъ доступны, тогда какъ быть счастливымъ, добрымъ и честнымъ можетъ всякій человѣкъ. Богатство — это орудіе, которое во многомъ можно примѣнить, надо только знать, какъ имъ владѣть. Ты не въ состояніи уничтожить въ мірѣ зло, избавить людей отъ голода, болѣзни, пороковъ, но ты не долженъ пренебрегать силой, которую держишь въ своихъ рукахъ, — на тебѣ лежитъ великая обязанность, съ помощью этой силы поддерживать въ мірѣ прекрасное и великое... Радуйся же своему богатству: оно дастъ тебѣ возможность творить добро и доставлять

Digitized by Google

людямъ радости. Но прежде всего позаботься самъ достигнуть извѣстной степени высоты, научись безъ многаго обходиться, развей въ себѣ любовь къ дѣятельности и самостоятельности на тотъ случай, еслибъ ты вдругъ лишился всякой внѣшней опоры. Кто привыкъ въ трудныя минуты жизни всегда полагаться на какую-нибудь постороннюю силу, тотъ неизбѣжно падаетъ, лишь только у него не достаетъ этой силы. Держись крѣпко за самого себя, научись познавать самого себя и управлять собой, равно какъ и всѣмъ, что тебя окружаетъ... Ты еще имѣешь время приготовиться къ жизни, у тебя пока нѣтъ обязанностей въ отношеніи къ другимъ, но всѣ онѣ вертятся исключительно около тебя самого. Собирай всѣ свои силы и не трать ихъ понапрасну. Только тотъ, кто умѣетъ ими распоряжаться, можетъ быть по истинѣ названъ богатымъ. Въ противномъ случаѣ, ты, несмотря на обладаніе милліонами, всегда будешь бѣденъ. Итакъ, научись быть господиномъ самого себя, и ты станешь господиномъ своего богатства...

Послѣ этого они долго сидѣли молча. Почти никогда нельзя предвидѣть, какое направленіе приметъ брошенная въ молодой умъ мысль, во что она разовьется и къ чему приведетъ.

— Желалъ бы я знать, промолвилъ наконецъ Роландъ, что было во время открытія Америки.

Эрихъ яркими чертами изобразилъ своему воспитаннику волненіе умовъ, ознаменовавшее XVI-е столѣтіе, славное столькими важными открытіями. «Въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ, говорилъ онъ, жилъ человѣкъ, утверждавшій, что земля, на которой мы живемъ, не есть неподвижная точка, но что она движется на своей оси и вокругъ солнца. Понятія, какихъ человѣчество придерживалось въ теченіе вѣковъ, должны были внезапно измѣниться. Оказалось, что люди живутъ на шарѣ, по немъ ходятъ и плаваютъ, воздвигаютъ себѣ на немъ зданія, а шаръ этотъ находится въ непрерывномъ движеніи. Люди, совершенно естественно, пришли въ ужасъ. Передъ ними исчезалъ небесный кровъ, оказывалось, что неба вовсе не было,—неба, на которое съ искони вѣковъ привыкли смотрѣть, какъ на жилище царя вселенной. Старое понятіе вытѣснялось, и мѣсто его занимало новое ученіе о пространствѣ, населенномъ звѣздами, которыя тоже двигаются и одна другую притягиваютъ и отталкиваютъ. Явился еще человѣкъ, и словомъ своимъ потрясъ авторитетъ возсѣдавшаго на тронѣ первосвященника, который, называя себя представителемъ Вѣчнаго Духа на землѣ, предписываетъ людямъ, во что они должны вѣрить и на что надѣяться. Распалась церковь, а вмѣстѣ съ ней и весь образованный міръ. Въ то же время тре-

Digitized by Google

тій смѣльчакъ садился на корабль, плылъ въ западу и открывалъ Новый Свѣтъ. Обитаемое нами жилище внезапно оказалось вдвое больше прежняго. Во вновь открытомъ полушаріи тоже жили люди, которые до тѣхъ поръ и не подозрѣвали о нашемъ существованіи. А тамъ, у нихъ, водились звѣри и растенія, текли рѣки, возвышались горы и лѣса, о которыхъ мы, въ свою очередь, ничего не знали. То, что Коперникъ, Лютеръ и Колумбъ, эти три великіе ума, совершили почти одновременно, непремѣнно должно было сильно взволновать умы и произвести въ мірѣ великій переворотъ. Еслибъ въ наше время вдругъ явился кто-нибудь, кому удалось бы уничтожить всякую личную собственность, такъ что никто болѣе ничѣмъ не могъ бы владѣть исключительно для себя, врядъ ли волненіе умовъ достигло бы такихъ же размѣровъ, какъ тогда!»

Роландъ слушалъ молча, внутренно восхищаясь Эрихомъ, который умѣлъ раскрыть передъ нимъ столько новаго и великаго въ жизни. А Эрихъ, замѣтя, какое сильное впечатлѣніе произвели на мальчика его слова, не хотѣлъ болѣе ему ничего разсказывать или объяснять, изъ опасенія ослабить это впечатлѣніе. Но въ тоже время онъ съ безпокойствомъ задавалъ себѣ вопросъ: не рано-ли еще говорить съ Роландомъ о такихъ предметахъ, которые врядъ-ли могутъ быть имъ вполнѣ поняты. Впрочемъ, онъ утѣшалъ себя мыслью, что церковь, ни мало не задумываясь, предлагаетъ молодымъ умамъ многое такое, въ чемъ они еще вовсе не чувствуютъ потребности и что никакимъ образомъ не можетъ быть имъ доступно. Отчего же и ему не дѣлать того же въ надеждѣ, что истины, раскрываемыя передъ мальчикомъ теперь, будутъ имъ усвоены въ болѣе зрѣломъ возрастѣ?

Размышленія обоихъ были прерваны архитекторомъ, пришедшимъ сообщить имъ новость. Работники отрыли въ развалинахъ крѣпости римскую гробницу, въ которой были найдены урна, цѣпь и скелетъ.

Эрихъ и Роландъ немедленно отправились взглянуть на эти вещи. Видъ скелета произвелъ на мальчика потрясающее впечатлѣніе.

Что такое міръ? что такое жизнь? Будущія поколѣнія отрываютъ въ землѣ скелетъ и равнодушно на него смотрятъ. Ихъ только интересуютъ находимыя при этомъ слѣды прежнихъ временъ, остатки древней промышленности... Да, что такое жизнь?

Роланда точно пробудили отъ сна слова Эриха, который говорилъ о томъ, какъ обрадуется этому открытію графъ Клодвигъ. Мальчикъ мало-по-малу оправился отъ тяжелаго ощуще-

Digitized by Google

нія и вскорѣ вовсе его забылъ, заинтересованный тѣмъ, что вокругъ него дѣлалось и говорилось. Эрихъ не могъ достаточно налюбоваться на двойную способность юношескаго возраста сильно чувствовать и быстро переходить отъ одного впечатлѣнія къ другому. Это въ одно и тоже время составляетъ легкость и трудность воспитанія.

Роландъ изъявилъ желаніе тоже собирать древности. Эрихъ вполнѣ его одобрилъ и замѣтилъ при этомъ, что такого рода коллекціи лучше всего изображаютъ собой чистую идею собственности. Онѣ не принадлежатъ исключительно тому лицу, которое называетъ ихъ своими, но составляютъ достояніе всего міра, извлекающаго изъ нихъ свѣдѣнія о временахъ давно прошедшихъ. Никто не долженъ одинъ владѣть подобными вещами: онѣ безспорно принадлежатъ всѣмъ и каждому.

Это маленькое событіе казалось успокоительно подѣйствовало на Роланда. Однако онъ дорогой опять обратился къ Эриху за разрѣшеніемъ того же вопроса.

— Эрихъ, началъ онъ: скажи же мнѣ наконецъ, что бы ты сдѣлалъ со всѣмъ этимъ богатствомъ, еслибы оно было твое? Есть ли у тебя на это готовый отвѣтъ?

— Не совсѣмъ. Но я полагаю, что много тратилъ бы на опыты и усилія облегчать страждущихъ и неимущихъ. Этотъ вопросъ меня въ послѣднее время сильно занималъ. Я прежде всего постарался себѣ объяснить, что такое одинъ или нѣсколько милліоновъ? Что они означаютъ?

Эрихъ остановился, а Роландъ спросилъ:

— Ну, и ты нашелъ объясненіе? что же они означаютъ?

— Желая все это какъ можно яснѣе себѣ представить, я постарался опредѣлить, какое количество хлѣба можно пріобрѣсти на милліонъ, и съ помощью этого нѣсколько дѣтскаго вопроса, мнѣ удалось выбраться на дорогу, которую я и считаю настоящей.

— А именно?

— Я вслѣдъ за тѣмъ разсчиталъ существованіе скольких семействъ изображаетъ милліонъ, то-есть, сколько семействъ могутъ жить на одинъ милліонъ? Вотъ путь, который я избралъ, но онъ еще далеко не довелъ меня до цѣли. Какъ бы то ни было, я повторяю тебѣ: намъ прежде всего слѣдуетъ воспитать въ себѣ желаніе, во всякое время и во всякомъ положеніи дѣйствовать согласно съ истиной и справедливостью. А что принесетъ съ собою время и въ какое оно поставитъ тебя положеніе, — этого никто не можетъ ни предвидѣть, ни опредѣлить.

— Не покидай меня, но оставайся всегда со мной и помо-

Digitized by Google

гай мнѣ! съ мольбой въ голосѣ произнесъ Роландъ. Эрихъ взялъ его за руку и крѣпко ему ее пожалъ.

Черезъ нѣсколько времени они пришли на виллу.

ГЛАВА XVI.

У ДОБРАГО СОСѢДА.

Въ жизни встрѣчаются страннаго рода случайности. Въ крѣпости Эрихъ и Роландъ говорили о Клодвигѣ, а вернувшись домой, они нашли отъ него извѣстіе. Графъ съ женою возвратились изъ путешествія на-воды и предполагали на слѣдующій же день навѣстить Роланда и Эриха.

Клодвигъ сильно загорѣлъ, а Белла казалась очень веселой. Съ распущеннымъ шлейфомъ проходя по парку и роскошно убраннымъ комнатамъ виллы, она напоминала собою красиваго павлина. Роландъ не замедлилъ объявить о наканунѣ сдѣланномъ въ крѣпости открытіи. Лице его сіяло радостью, когда Клодвигъ предложилъ ему оставить найденныя вещи у себя и положить ими основаніе будущей коллекціи древностей. Опытъ, прибавилъ графъ, докажетъ ему со временемъ, что никакія радости въ мірѣ не могутъ сравниться съ тѣми, которыя доставляетъ наука. Роландъ въ отвѣтъ кивнулъ головой и взглянулъ на Эриха. Клодвигъ между прочимъ сообщилъ, что онъ пріобрѣлъ въ путешествіи много разныхъ рѣдкостей, которыя будутъ ему въ скоромъ времени доставлены въ Вольфсгартенъ. Онъ встрѣтился на-водахъ и очень сблизился съ однимъ знаменитымъ антикваріемъ, который зналъ Эриха и даже нѣкогда былъ его профессоромъ.

Эрихъ извинился передъ Клодвигомъ въ томъ, что не могъ навѣстить его, когда тотъ приглашалъ его передъ своимъ отъѣздомъ изъ Вольфсгартена. Тутъ снова выказалась вся милая простота графа, въ которомъ не было ни малѣйшей склонности къ обидчивости. Доброта и сознаніе собственнаго достоинства заставляли его всегда снисходительно смотрѣть на маленькія упущенія и неловкости, какія могли быть сдѣланы въ отношеніи къ нему. Занимая высокое и прочное положеніе въ свѣтѣ, онъ былъ далекъ отъ мысли, чтобъ кто-нибудь могъ его добровольно оскорбить.

— Вы никогда не должны передо мной ни въ чемъ извиняться, сказалъ онъ Эриху и съ нѣжностью отца взялъ его за руку. Вы вылечили меня отъ эгоизма, котораго я никакъ не ожидалъ найдти въ себѣ такой запасъ. Я теперь ясно вижу, лю-

Digitized by Google

безный другъ, что вамъ надо предоставить самому прокладывать себѣ путь въ жизни. И съ этихъ поръ я удовольствуюсь тѣмъ, что буду смотрѣть на васъ только какъ на добраго сосѣда. Пріятное сосѣдство, даже и у римлянъ, кромѣ политическаго, имѣло еще другое, болѣе общечеловѣческое значеніе.

Клодвигъ предложилъ тостъ за доброе сосѣдство и, опорожнивая свой стаканъ, ласково смотрѣлъ на Эриха.

Послѣ того графъ и его жена принялись наперерывъ другъ передъ другомъ разсказывать подробности своего свиданія съ матерью Эриха. Они нарочно заѣзжали въ университетскій городокъ и ночевали тамъ, чтобъ повидаться съ профессоршей. Клодвигъ однако вскорѣ оставилъ Беллу говорить одну, замѣтя, съ какимъ жаромъ и искренностью она осыпала похвалами благородную женщину, которую онъ самъ отъ души уважалъ.

Белла очень мило описала уголокъ близъ фортепіано, гдѣ обыкновенно сидѣла профессорша у окна, заставленнаго цвѣтами. Передъ ней, въ простѣнкѣ, висѣли портреты мужа и умершаго сына; нѣсколько ниже виднѣлся въ рамкѣ и подъ стекломъ бѣлокурый локонъ бабушки, а по бокамъ его пастельныя изображенія прадѣда и прабабушки. Но какъ въ лицѣ, такъ и во всей фигурѣ профессорши не было ничего печальнаго или угрюмаго, напротивъ того, она отличалась веселымъ, сообщительнымъ нравомъ и спокойнымъ взглядомъ на жизнь.

Графъ и графиня разсказывали о прогулкахъ по прелестной долинѣ, о поѣздкѣ къ знаменитой часовнѣ на горѣ, а Эриху казалось, что онъ слышитъ голосъ матери и видитъ ее сидящую рядомъ съ Клодвигомъ и его женой. Такимъ образомъ, прошло около часу въ бесѣдѣ, пріятной для Эриха и повидимому ни чуть не утомительной для Роланда, который вдругъ воскликнулъ съ блестящими глазами:

— А обо мнѣ она ничего не говорила?

— Напротивъ, очень много, даже почти больше чѣмъ о своемъ собственномъ сынѣ, отвѣчала Белла, снова обратясь къ Эриху. Какое умилительное зрѣлище, продолжала она, все говоря о профессоршѣ, представляетъ эта благородная женщина, живущая вдали отъ свѣта, но заключающая цѣлый міръ въ самой себѣ, ни въ чемъ не нуждающаяся, а между тѣмъ такъ во многомъ себѣ отказывающая.

Клодвигъ, слушая жену, улыбнулся: она опять повторяла его слова, но вслѣдъ за тѣмъ однако поспѣшила прибавить и свое.

— Знаете ли, капитанъ, сказала она, я васъ вполнѣ узнала только съ тѣхъ поръ, какъ имѣла счастіе поближе познакомиться съ вашей матушкой. Мы съ ней между прочимъ условились время

Digitized by Google

отъ времени переписываться, не ставя этого однако себѣ въ непремѣнную обязанность.

Эриху становилось все пріятнѣе въ обществѣ Клодвига и Беллы: ихъ точно соединялъ духъ его матери, которая какъ будто невидимо между ними присутствовала.

— Намъ однако не слѣдуетъ забывать и тетушку, замѣтилъ Клодвигъ. Онъ теперь возобновилъ съ ней знакомство, но хорошо помнилъ ее въ молодости, когда она, не смотря на свое мѣщанское происхожденіе, была представлена ко двору и принята въ лучшее общество, гдѣ сіяла рѣдкой красотой. Разсказывая все это, графъ умолчалъ о томъ, какъ ходили слухи о поэтической привязанности между ней и принцемъ Германомъ, который умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Многіе полагали, что любовь эта и была причиной того, что фрейленъ Дорнэ отказала многимъ весьма выгоднымъ женихамъ и навсегда осталась въ дѣвушкахъ.

Послѣ обѣда всѣ отправились гулять въ садъ.

— Ваша молодость была очень счастлива, но вамъ недоставало одного — начала Белла.

— Чего?

— Сестры.

— Осмѣливаюсь думать, что я нашелъ ее въ васъ, тихо произнесъ Эрихъ.

Белла опустила глаза въ землю, а потомъ, завидѣвъ Роланда, позвала его и всѣ вмѣстѣ отправились въ крѣпость. Клодвигъ просилъ архитектора, чтобъ тотъ, имѣя въ виду интересы его молодого друга, Роланда, былъ очень осмотрителенъ въ производимыхъ имъ работахъ и не оставлялъ безъ вниманія ни малѣйшаго намека на присутствіе здѣсь еще другихъ древностей.

Общество помѣстилось на одномъ изъ уступовъ скалы, гдѣ маіоръ устроилъ для себя удобное сѣдалище. Но вскорѣ Клодвигъ ушелъ и взялъ съ собой Роланда. Белла осталась одна съ Эрихомъ. Она была идиллически настроена и громко порицала длинные шлейфы и вообще роскошь въ нарядахъ, несмотря на то, что, проѣзжая теперь черезъ Парижъ, запаслась въ немъ послѣдними модами и навезла съ собой цѣлую кучу платьевъ. Безъ видимой на то причины, Белла пожаловалась, что ее почти никто не понимаетъ. Всѣ подозрѣваютъ въ ней любовь къ роскоши, тогда какъ на дѣлѣ ея всегдашней мечтой было жить въ какой-нибудь хижинѣ на Рейнѣ, гдѣ она имѣла бы всего одну уютную, но теплую комнату.

— А кто бы вамъ топилъ эту комнату? спросилъ Эрихъ.

Белла смутилась.

Digitized by Google

— Вы правы, сказала она: — мы не созданы для идиллiи.

Затѣмъ настало продолжительное молчанiе.

— Вы знаете мою мать, заговорилъ наконецъ Эрихъ: — но еслибъ вы были еще знакомы съ моимъ отцемъ, я увѣренъ, что вы нашли бы большое удовольствiе въ его обществѣ.

— Я и его тоже знала. Но благодарю васъ: я понимаю вашу мысль. Вы желали бы подѣлиться со мной всѣмъ, что̀ вамъ принадлежитъ.

Въ тонѣ ея звучало искреннее чувство, въ глазахъ свѣтился огонь, на щекахъ игралъ яркiй румянецъ. Она устремила на него пристальный взоръ, передъ которымъ онъ потупился.

— Вамъ кажется страннымъ, что я на васъ такъ смотрю, снова заговорила она. — Но мнѣ хотѣлось бы исполнить одно желанiе Клодвига, если только это не будетъ свыше моихъ силъ. Ему давно хочется, чтобъ я сдѣлала вашъ портретъ, и я вздумала теперь попробовать, хватитъ ли у меня на это умѣнья. Только вмѣстѣ съ вами надо нарисовать также и нашего молодого друга... Роландъ! закричала она приближавшемуся мальчику: — пойдите сюда!

Съ раскраснѣвшимся лицемъ объявила Белла о своемъ намѣренiи приготовить Клодвигу, ко дню его рожденiя, пiятный сюрпризъ. Но сохранить при этомъ тайну оказывалось невозможнымъ и она рѣшилась дѣйствовать открыто.

— Прошу васъ, Роландъ, продолжала она: — встаньте у капитана между колѣнями. Вотъ такъ... хорошо! Положите вашу правую руку ему на плечо... подвиньте ее немножко впередъ... Такъ!... а голову поверните налѣво. Пожалуйста, капитанъ, начните говорить съ Роландомъ, какъ будто вы ему что̀-нибудь объясняете.

— Но право мнѣ нечего сказать, съ улыбкой возразилъ Эрихъ.

— Довольно пока... я видѣла движенiе губъ. Изобразить ихъ въ этомъ видѣ не легко, но я надѣюсь совладать съ трудностью. Когда мы назначимъ первый сеансъ?

Клодвигъ былъ очень доволенъ мыслью своей жены и сказалъ, что вообще не любитъ сюрпризовъ. Онъ предпочитаетъ имѣть въ виду удовольствiе и въ ожиданiи его наслаждаться надеждой. Затѣмъ Клодвигъ пригласилъ Эриха и Роланда погостить у себя въ Вольфсгартенѣ, прося ихъ остаться тамъ до самаго возвращенiя Зонненкампа. Но Эрихъ дружески, однако рѣшительно отказался, говоря, что не хочетъ нарушать порядка, наконецъ установившагося въ занятiяхъ его воспитанника. Клодвигъ съ нимъ вполнѣ согласился и обѣщался въ скоромъ вре-

Digitized by Google

мени опять пріѣхать на виллу вмѣстѣ съ Беллой, которая тогда же займется и портретомъ. Белла хотѣла заказать съ Роланда и Эриха фотографію для того, чтобъ отчасти руководствоваться ею и постоянно имѣть передъ глазами положеніе, въ какомъ намѣревалась ихъ изобразить. Но Клодвигъ ей это отсовѣтовалъ, говоря, что портреты, дѣлаемые съ помощью фотографическихъ снимковъ, всегда имѣютъ въ себѣ что-то натянутое и неестественное. «Фотографія, прибавилъ онъ, передаетъ только внѣшній видъ, такъ сказать, архитектуру человѣка, да и то при ложныхъ условіяхъ».

Роландъ попросилъ, чтобъ въ картину она помѣстила также и Грейфа. Клодвигъ поддержалъ его, замѣтивъ, что собака очень хорошо займетъ мѣсто на первомъ планѣ.

Белла вдругъ сдѣлалась угрюма и молчалива. Она на водахъ привыкла съ утра до вечера находиться въ оживленномъ обществѣ и теперь ей, болѣе нежели когда-либо, казалась скучной жизнь въ уединеніи, посреди древностей, къ которымъ она, можетъ быть, мысленно причисляла и своего мужа. Переселеніе на виллу Эриха и Роланда ей въ высшей степени улыбалось, но гордый капитанъ мгновенно разрушилъ всѣ ея надежды. Этотъ молодой, высокопарный ученый, для каждаго, самаго ничтожнаго шага, имѣлъ готовыя правила, отъ которыхъ никогда не отступалъ. А мужъ ея, съ слабостью и несостоятельностью, свойственными преклоннымъ лѣтамъ, всегда во всемъ съ нимъ соглашался. У него, повидимому, не было другихъ мыслей, кромѣ тѣхъ, какія предлагалъ ему капитанъ.

Даже лице Беллы какъ будто осунулось. Она замѣтила въ себѣ этотъ недостатокъ самообладанія и поспѣшила оправиться. Обращеніе ея съ Эрихомъ было въ высшей степени дружелюбно, и когда молодой человѣкъ на прощаньи нагнулся, чтобъ поцѣловать ей руку, она слегка прижала ее къ его губамъ. Или это ему только показалось, а можетъ быть было просто слѣдствіемъ неловкаго съ его стороны движенія? Его вывели изъ раздумья слова Роланда.

— Знаешь ли, говорилъ мальчикъ: — мнѣ было очень неловко все время, когда графиня насъ устанавливала для портрета. А тебѣ? Она какъ-то особенно странно на тебя смотрѣла.

— Глазами художницы, отвѣчалъ Эрихъ, съ трудомъ переводя духъ.

Кто знаетъ, насколько было истины въ его словахъ?

Digitized by Google

ГЛАВА XVII.

ЧТО̀ НАЗЫВАЕТСЯ ФОРМИРОВАТЬ ЧЕЛОВѢКА.

Маіоръ, возвратясь изъ своей поѣздки, явился на виллу, безъ всякихъ предварительныхъ извѣщеній о своемъ визитѣ. Со своими коротко остриженными, бѣлыми какъ снѣгъ волосами, съ краснымъ, сильно загорѣлымъ лицомъ, онъ казался совершенно новымъ человѣкомъ. Да и самъ онъ утверждалъ, что всякій разъ, какъ погружался въ теплые источники, ему какъ будто приходило на память ощущеніе, какое онъ испытывалъ, когда его купали въ первый разъ послѣ рожденія. Онъ буквально воображалъ себя младенцемъ и чувствовалъ около себя присутствіе невидимой кормилицы, которая, надъ нимъ наклоняясь, ему улыбается и его обливаетъ теплой струей.

Маіоръ по обыкновенію тоже улыбался деревьямъ, цвѣтамъ, крышамъ, стѣнамъ, и въ особенности, человѣческимъ лицамъ.

Онъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что Эрихъ, какъ онъ выражался, взялъ мальчика прочь изъ строя и заставлялъ его экзерцироваться въ одиночку.—Это гораздо лучше, говорилъ онъ: то, что̀ прежде дѣлалось въ недѣлю, теперь можетъ быть совершено въ одинъ день.

Маіоръ, между прочимъ, просилъ Эриха извиниться передъ фрейленъ Милькъ въ томъ, что онъ ни разу не навѣстилъ ее во время ея одиночества. Кромѣ того, онъ выразилъ желаніе, чтобъ Эрихъ какъ можно скорѣе побывалъ у него въ гостяхъ, «пока еще старшина тутъ», прибавилъ онъ.

Читатель, безъ сомнѣнія, помнитъ, что маіоръ жилъ во флигелѣ большого дома, весьма живописно расположеннаго на половинѣ горы и ввѣреннаго его надзору. Маіоръ очень заботливо охранялъ свою самостоятельность и велъ самый независимый образъ жизни. Въ отношеніи къ старшинѣ онъ однако чувствовалъ себя обязаннымъ и постоянно восхвалялъ его доброту, расположеніе къ людямъ, а въ особенности краснорѣчіе. Что̀ бы съ нимъ ни случилось хорошаго или пріятнаго, маіоръ прежде всего искалъ случая подѣлиться своимъ счастіемъ со старшиной. Теперь въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ стоялъ Эрихъ.

Молодой человѣкъ въ первый же праздничный день отправился навѣстить маіора. Ему не стоило особаго труда примирить съ собой фрейленъ Милькъ, а маіоръ встрѣтилъ его такимъ залпомъ хохота, что вслѣдъ затѣмъ съ нимъ сдѣлался припадокъ кашля, и фрейленъ Милькъ пришлось его колотить по спинѣ.

Digitized by Google

Дѣло въ томъ, что доброму маіору, противъ обыкновенія, удалось сострить, и это-то и было причиной его веселья. Эрихъ, говорилъ онъ, находился въ положеніи родильницы. Произведя на свѣтъ прекраснаго юношу, молодой человѣкъ въ теченіи шести недѣль не рѣшался выходить изъ дому.

Фрейленъ Милькъ разсказала о торжествѣ Эриха на музыкальномъ праздникѣ.

— Отлично! воскликнулъ маіоръ. На нашихъ музыкальныхъ празднествахъ не рѣдко встрѣчаются великолѣпные голоса. А любите вы: «Въ этихъ священныхъ чертогахъ?»

Эрихъ отвѣчалъ, что эта прекрасная арія къ сожалѣнію ему не по голосу.

— Ну, такъ спойте что-нибудь другое. Фрейленъ Милькъ хочется васъ послушать.

Эриху не мало труда стоило отклонить отъ себя эту дружескую просьбу. Но фрейленъ Милькъ, поблагодаривъ маіора, поддержала Эриха въ его отказѣ. Было рѣшено отложить пѣніе до болѣе удобнаго вечера.

Но если фрейленъ Милькъ отличалась ласковымъ и привѣтливымъ обращеніемъ, за то старшина поражалъ своей угрюмостью. Только такой кроткой, довѣрчивый человѣкъ, какъ маіоръ, могъ ладить съ нимъ, не возмущаясь его самоувѣреннымъ и покровительственнымъ тономъ. Маіоръ всячески старался сблизить своихъ гостей, но это ему не удалось. Старшина обошелся съ Эрихомъ свысока; называлъ его не иначе, какъ: «молодой человѣкъ», и закидалъ его совѣтами и нравоученіями, какъ будто тотъ и не былъ вправѣ ничего болѣе отъ него ожидать. Эриху понадобилось все его самообладаніе, и много такту, чтобъ доказать этому человѣку все неприличіе подобнаго обращенія. И это ему было тѣмъ труднѣе, что старшина не отличался ни наблюдательностью, ни сообразительностью. Онъ въ присутствіи Роланда то и дѣло говорилъ о неопытности молодого человѣка, пришедшаго, какъ онъ полагалъ, вопрошать его какъ оракула. И дѣйствительно, онъ самыя обыкновенныя рѣчи, самыя избитыя общія мѣста произносилъ съ важностью оракула, при чемъ дѣлалъ выразительный жестъ лѣвой рукой, какъ будто бросалъ въ землю сѣмена.

Впрочемъ эта въ своемъ родѣ замѣчательная личность до нѣкоторой степени даже забавляла Эриха. Онъ видѣлъ въ ней одинъ изъ разнообразныхъ типовъ человѣческой породы и терпѣливо слушалъ его наставленія, такъ что старшина остался имъ вполнѣ доволенъ, и когда онъ вышелъ погулять, даже сказалъ маіору:

Digitized by Google

— У молодого человѣка водятся въ головѣ мысли.

А между тѣмъ Эриху едва ли удалось выразить при немъ хоть одну мысль. Но онъ за то внимательно слушалъ, что говорилъ старшина, и этимъ самымъ вполнѣ заслужилъ его одобреніе. Вообще, удостоиться столь лестнаго со стороны старшины отзыва было не шуточное дѣло. Онъ обыкновенно признавалъ мысли только за однимъ собой, и весь міръ долженъ былъ приходить ихъ у него заимствовать.

Вернувшись съ прогулки, Эрихъ нашелъ у маіора посланнаго изъ виллы съ извѣстіемъ, что на слѣдующій день туда пріѣдутъ Клодвигъ, Белла и Пранкенъ. Роландъ съ фрейленъ Милькъ вышелъ на дворъ полюбоваться молоденькими утятами. Маіоръ освѣдомился, въ какихъ отношеніяхъ находится Эрихъ съ Пранкеномъ. Эрихъ отвѣчалъ, что Пранкенъ вообще относится къ нему весьма дружелюбно и съ большимъ тактомъ.

Маіоръ, въ качествѣ офицера, выслужившагося изъ солдатъ, много страдалъ отъ пренебреженія своихъ товарищей благороднаго происхожденія и поэтому былъ сильно предубѣжденъ противъ знати. Онъ предостерегалъ Эриха на счетъ Пранкена, котораго впрочемъ находилъ весьма вѣжливымъ и пріятнымъ молодымъ человѣкомъ.— Къ тому же, прибавлялъ онъ, Эрихъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ забывать, что обязанъ ему своимъ вступленіемъ въ домъ Зонненкампа и сближеніемъ съ такимъ человѣкомъ, какъ Клодвигъ.

На возвратномъ пути Эрихъ сказалъ Роланду:

— Ну, Роландъ, теперь намъ предстоитъ доказать, что ничто въ мірѣ не можетъ намъ помѣшать въ нашихъ занятіяхъ. Пусть пріѣзжаетъ, къ намъ кто хочетъ, а мы все-таки будемъ ихъ продолжать, отдавая обществу и друзьямъ одни только свободные часы. Въ этомъ, видишь ли, и состоитъ трудность жизни. Изъ боязни отступить отъ свѣтскихъ приличій, а также изъ желанія не показаться неблагодарнымъ въ отношеніи друзей, которые намъ оказываютъ вниманіе, люди часто измѣняютъ самимъ себѣ и своимъ правиламъ. Мы же съ тобой будемъ твердо держаться установившагося въ нашихъ занятіяхъ порядка. Прежде исполнимъ наши обязанности въ отношеніи къ самимъ себѣ, а потомъ уже отдадимся свѣту. Кто же этого не въ состояніи сдѣлать, тотъ принадлежитъ свѣту, но никакъ не самому себѣ.

Въ сознаніи исполненнаго долга Эрихъ почерпнулъ новую силу и позабылъ обо всемъ, что его смущало и тревожило.

Digitized by Google

ГЛАВА XVIII.

ПОСТОРОННІЙ ГЛАЗЪ НАЧИНАЕТЪ ПОДМѢЧАТЬ.

На слѣдующій день гости явились, какъ обѣщали. Пранкенъ ѣхалъ верхомъ, рядомъ съ каретой, въ которой сидѣли Клодвигъ и Белла, и гдѣ на задней скамьѣ красовались обтянутая бумагой большая рама и прекрасный ящикъ, украшенный тонкой мозаичной работой, съ карандашами.

Эриху и Роланду доложили о прибытіи гостей. Эрихъ послалъ имъ сказать, что проситъ ихъ всѣмъ распоряжаться какъ у себя дома; слугамъ уже отданы по этому случаю приказанія; а самъ онъ сойдетъ внизъ черезъ часъ, лишь только окончитъ свои занятія съ Роландомъ. Гости въ изумленіи переглянулись. Пранкенъ за это время сильно перемѣнился; лице его приняло серьезное выраженіе, онъ только пожалъ плечами и какъ-то двусмысленно засмѣялся. Белла нашла поступокъ Эриха въ высшей степени неловкимъ и черезъ-чуръ педантическимъ. Клодвигъ видѣлъ въ немъ прекрасную черту характера, а Пранкенъ окрестилъ его просто хвастливой выходкой. «Молодой человѣкъ, говорилъ онъ, произнося эти два слова точь-въ-точь какъ старшина: рисуется своей приверженностью къ долгу».

Но нечего было дѣлать, и гости расположились подождать хозяевъ. Впрочемъ Эрихъ, надо отдать ему справедливость, явно позаботился объ ихъ удобствахъ и между прочимъ украсилъ всѣ комнаты цвѣтами.

Часъ вскорѣ прошелъ и Эрихъ не замедлилъ явиться, бодрый и веселый, въ расположеніи духа, какое даетъ человѣку только сознаніе исполненнаго долга и одержанной надъ самимъ собой побѣды.

Онъ пригласилъ гостей въ изящно убранную комнату въ сѣверной части дома, и тамъ Белла, послѣ легкаго завтрака, принялась за портретъ.

Клодвигъ остался съ женой и съ Эрихомъ. Роландъ, который пока еще не былъ нуженъ для портрета, въ сопровожденіи Пранкена отправился на конюшни. Пранкенъ держалъ себя настоящимъ членомъ семьи Зонненкампа, считая себя во время его отсутствія прямымъ хозяиномъ всего находящагося на виллѣ. Онъ приказалъ выводить передъ собой для осмотра лошадей изъ конюшень, взглянулъ на работы въ саду и похвалилъ слугъ за исправность.

— У васъ сегодня такое серьезное и задумчивое выраженіе

Digitized by Google

лица, какого мнѣ еще не случалось у васъ видѣть, замѣтилъ Клодвигъ, смотря на Эриха. И дѣйствительно, того сильно тревожила мысль, что́ теперь Пранкенъ толкуетъ наединѣ съ Роландомъ.

Что такое воспитаніе, старанія дать юношѣ то или другое направленіе, если нельзя ни минуты быть спокойнымъ на счетъ того, какъ на него подѣйствуютъ слова или примѣръ совершенно посторонняго человѣка? Остается только утѣшать себя мыслью, что не одинъ человѣкъ воспитываетъ другого, а цѣлое общество, весь міръ участвуютъ въ приготовленіи къ жизни отдѣльныхъ личностей. Эрихъ однакожъ не могъ предвидѣть, о чемъ говорилъ Пранкенъ съ его воспитанникомъ.

А Пранкенъ спрашивалъ у Роланда, читаетъ ли онъ ежедневно назначенное число страницъ изъ книги, присланной ему Манной. Роландъ отвѣчалъ отрицательно и вслѣдъ затѣмъ совершенно естественно заговорилъ о Веньяминѣ Франклинѣ, о Гайаватѣ, о Крассѣ, о наблюденіяхъ надъ грозой въ телеграфной станціи, объ исторіи Соединенныхъ Штатовъ Банкрофта. Пранкенъ спросилъ еще, часто ли Роландъ пишетъ Маннѣ, и на этотъ разъ получилъ утвердительный отвѣтъ. Тогда Пранкенъ разсказалъ ему, что купилъ бѣлую, венгерской породы лошадь, которую теперь объѣзжаетъ для Манны.

— Ты можешь, если хочешь, ей объ этомъ написать, сказалъ онъ въ заключеніе.

Пранкенъ очень хорошо зналъ, что Роландъ никакъ не забудетъ сообщить сестрѣ новость, касающуюся бѣлой лошади съ розовыми ноздрями. Вдобавокъ онъ обѣщалъ мальчику позволить ему когда-нибудь на ней поѣздить.

— А у этой лошади уже есть имя? спросилъ Роландъ.

Пранкенъ улыбнулся. Онъ видѣлъ, что извѣстіе о лошади успѣло сильно заинтересовать мальчика.

— Да, отвѣчалъ онъ. Ее зовутъ Армидой.

Тутъ Роланда позвали, такъ какъ настала его очередь позировать для портрета. Белла, набросивъ на бумагу первый очеркъ его лица и фигуры, захотѣла немного отдохнуть.

Пранкенъ между тѣмъ, не то дружески, не то повелительно пригласилъ Эриха пойти съ нимъ прогуляться въ саду и завелъ рѣчь о воспитаніи Роланда. Тонъ его дышалъ теплотой и довѣріемъ. Тутъ Эрихъ въ первый разъ получилъ понятіе о религіозномъ настроеніи духа Пранкена. Неужели, думалъ онъ, все это дѣлается съ цѣлью вѣрнѣе овладѣть сердцемъ воспитывающейся въ монастырѣ богатой наслѣдницы? Но къ чему же было Пранкену въ такомъ случаѣ прикидываться благочестивымъ въ путешествіи и на водахъ, гдѣ за нимъ не могло наблюдать ни одно

Digitized by Google

изъ заинтересованныхъ лицъ? Нѣтъ, вѣроятно въ немъ дѣйствительно совершился переворотъ. Подобное явленіе—не рѣдкость у натуръ подобныхъ ему, и которыя, разъ ставъ на эту дорогу, всегда начинаютъ съ особеннымъ рвеніемъ придерживаться обрядной стороны религіи.

— Я считаю своимъ долгомъ, началъ Пранкенъ, внезапно переходя къ другому предмету: и полагаю, что вы меня поймете и вполнѣ одобрите... Я, видите ли, хочу поговорить съ вами объ одномъ весьма деликатномъ вопросѣ.

— Если я могу вамъ при этомъ быть чѣмъ-нибудь полезенъ, то сочту себѣ за честь ваше довѣріе. Въ противномъ же случаѣ оно меня самымъ безполезнымъ образомъ стѣснитъ и затруднитъ.

Такая сдержанность удивила и почти разсердила Пранкена. Однако онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и спокойно продолжалъ:

— Вамъ извѣстно, что господинъ Зонненкампъ...

— Извините меня за то, что я васъ прерываю, но знаетъ ли господинъ Зонненкампъ о вашемъ намѣреніи сдѣлать меня повѣреннымъ...

— Послушайте! воскликнулъ Пранкенъ, но мгновенно опомнился и уже совсѣмъ другимъ тономъ прибавилъ:—впрочемъ, я васъ уважаю за эту осторожность, свойственную вашему положенію.

Затѣмъ настало минутное молчаніе. У Пранкена мелькнула мысль, не замѣнить ли ему одно свѣдѣніе другимъ и не предостеречь ли Эриха на счетъ слишкомъ короткаго сближенія съ Беллой? Но этимъ онъ могъ набросить тѣнь на сестру и потому остался при первоначальномъ намѣреніи.

— Я считаю себя вправѣ, сказалъ онъ, объявить вамъ о моемъ положеніи въ здѣшнемъ домѣ: я членъ этой семьи... фрейленъ Зонненкампъ почти моя невѣста...

— Если она похожа на своего брата, то мнѣ остается только васъ отъ души поздравить. Благодарю васъ за ваше необыкновенное и до сихъ поръ ничѣмъ мною незаслуженное дружеское довѣріе. Но, осмѣлюсь спросить, чему я обязанъ этой честью?

Внутри Пранкена все сильнѣе и сильнѣе кипѣла досада, но за то снаружи онъ становился все мягче и льстивѣе. Помахивая хлыстомъ и въ то же время любезно улыбаясь, онъ сказалъ:

— Я въ васъ не ошибся... затѣмъ, послѣ маленькой остановки, онъ прибавилъ: —ваша сдержанность мнѣ вполнѣ понятна.

Но прямого отвѣта на вопросъ Эриха о причинѣ, побудившей Пранкена къ этой внезапной откровенности, тотъ все-таки не далъ. Къ тому же Роландъ вскорѣ позвалъ Эриха назадъ къ Беллѣ, которой онъ понадобился для портрета.

— Можно подумать, замѣтила графиня, смотря на него: что

Digitized by Google

прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ вы отсюда ушли. Ваше лицо въ этотъ короткій промежутокъ времени по крайней мѣрѣ десятью годами постарѣло.

Едва ли самъ Эрихъ былъ въ состояніи объяснить, что въ немъ происходило. Обращеніе съ нимъ Пранкена и его собственное положеніе въ отношеніи къ этому человѣку приводили его въ недоумѣніе. Онъ сидѣлъ спокойно, безъ малѣйшаго движенія, а въ душѣ его происходила жестокая борьба. Онъ чувствовалъ, что въ основаніи его сношеній съ Пранкеномъ лежала ложь, и что оба они очень хорошо это видѣли и понимали. Имъ бы слѣдовало быть врагами, или по крайней мѣрѣ совершенно равнодушными другъ другу людьми, а между тѣмъ въ каждомъ изъ нихъ таилось что-то такое, побуждавшее ихъ ко взаимнымъ любезностямъ.

Вся бѣда заключается въ неправдѣ. Еслибъ люди имѣли въ себѣ достаточно мужества для того, чтобъ быть всегда искренними и не допускали въ своихъ поступкахъ противорѣчія съ таящимися внутри ихъ чувствами, еслибъ они вкривь и вкось не ссылались на какія-то вымышленныя обязанности и не внимали голосу мнимаго благоразумія, который шепчетъ: «терпѣніе, погоди и все уляжется, опять пойдетъ по старому; не слѣдуетъ такъ принимать къ сердцу каждую бездѣлицу»,—еслибъ не все это, то многое бы на свѣтѣ шло иначе, и люди гораздо меньше бы страдали. Но они предпочитаютъ увлекаться изукрашенной ложью, усыпляющей ихъ совѣсть, подобно змію въ Библіи, который, становясь въ разрѣзъ съ внутреннимъ сознаніемъ долга, говоритъ: «ѣшь, ты отъ этого не умрешь, а только сдѣлаешься умнѣе». Величайшее наказаніе, за отношенія, основанныя на лжи, заключается въ нихъ самихъ, въ томъ, что они постоянно требуютъ новой лжи, которая мало-по-малу превращается въ необходимость и, заимствуя у добродѣтели ея языкъ, льститъ благороднымъ стремленіямъ человѣческой души и говоритъ: «ты долженъ хранить вѣрность къ другу; ты такъ многое отъ него получалъ и въ свою очередь такъ многое ему давалъ. Разрывъ съ нимъ нанесъ бы жестокій ударъ тебѣ самому, лишилъ бы тебя лучшей части самого себя... Нѣтъ, вы должны теперь крѣпче нежели когда-либо держаться одинъ другого».

И въ жизнь такимъ образомъ, мало-по-малу, проникаетъ отрава. Всякое горе, несчастіе, измѣна, обманъ, все это — естественныя послѣдствія того, что человѣкъ не умѣетъ прежде всего воздать должнаго самому себѣ и остаться вѣренъ своимъ собственнымъ нравственнымъ интересамъ. Этимъ самымъ онъ какъ бы подготовляетъ торжество демона лжи и пораженіе божества, которое въ основаніи своемъ есть не что иное, какъ идея чистой истины.

Digitized by Google

Все это проходило въ умѣ Эриха и волновало его, между тѣмъ какъ онъ сидѣлъ передъ Беллой, рисовавшей его портретъ. Еслибъ кто-нибудь могъ заглянуть ему въ душу, тотъ нашелъ бы тамъ большой безпорядокъ и смятеніе.

Наконецъ, Белла объявила, что она сегодня болѣе не можетъ рисовать, а вскорѣ вслѣдъ затѣмъ и обѣдъ былъ готовъ.

За обѣдомъ, благодаря присутствію доктора, который какъ разъ къ нему подоспѣлъ, всѣ были веселы и оживлены. Вечеромъ устроилась прогулка въ лодкѣ по Рейну. Роландъ разсказалъ всѣмъ о томъ, какой у Эриха чудесный голосъ. Но Эрихъ остался непреклоннымъ и на всѣ просьбы, что́-нибудь спѣть, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Его много дразнили по поводу овацій, предметомъ которыхъ онъ былъ на музыкальномъ торжествѣ. При этомъ шутки Пранкена особенно отличались дружескимъ тономъ, подъ которымъ скрывалась ѣдкая иронія.

Между тѣмъ смерклось. Въ паркѣ, наполненномъ ароматомъ цвѣтовъ, носились свѣтящіеся жучки. Эрихъ и Белла прогуливались по темнымъ аллеямъ, а Клодвигъ сидѣлъ въ залѣ съ балкономъ, перелистывая альбомъ съ фотографическими видами Рима. На многихъ изъ нихъ онъ подолгу останавливался и передъ нимъ возникали воспоминанія о быломъ. Роландъ и Пранкенъ тоже ходили въ саду и разговаривали о Маннѣ. Пранкенъ ловко настраивалъ мальчика на тонъ, въ которомъ тотъ долженъ былъ писать о немъ своей сестрѣ. По временамъ, встрѣчаясь съ Беллой и Эрихомъ, Пранкенъ не безъ удивленія замѣтилъ, что послѣдній велъ графиню подъ руку.

Подобно тому, какъ въ воздухѣ носились свѣтящіеся жучки, такъ точно въ разговорѣ Эриха съ Беллой безпрестанно перекрещивались остроты. А иногда въ словахъ ихъ звучала и болѣе серьезная нота.

Они говорили много, но голоса ихъ были едва слышны, а при встрѣчѣ съ Пранкеномъ и Роландомъ вовсе умолкали. Белла опять завела рѣчь о своемъ добромъ мужѣ, — она постоянно называла его добрымъ, — и распространилась на счетъ его привязанности къ Эриху. «Вы съ нимъ — прибавила она — не только другъ друга понимаете, но какъ будто даже сливаетесь сердцами».

Эрихъ въ свою очередь съ жаромъ заговорилъ о счастіи человѣка, на долю котораго выпало дѣйствительное обладаніе миромъ и красотой, а не одно безплодное стремленіе къ нимъ, какъ къ недосягаемымъ идеаламъ. Какое отрадное чувство, говорилъ онъ, долженъ ощущать тотъ, кто можетъ идти съ ними рука объ руку и смотрѣть имъ прямо въ спокойные и свѣтлые глаза.

— Вы добрый и, я надѣюсь, честный человѣкъ, сказала

Digitized by Google

Белла, и снявъ перчатку, слегка дотронулась до руки Эриха.— Быть честнымъ не есть еще заслуга. Желала бы я обладать способностью, не то чтобъ быть совсѣмъ безчестной, а такъ... только не совсѣмъ искренней.

Отрадно было слушать, какъ глубоко Белла понимала и цѣнила значеніе честности въ жизни и въ человѣкѣ. Она съ легкой дрожью въ голосѣ разсказала, что еще въ ранней молодости могла бы завоевать себѣ блестящую будущность, еслибъ только въ ней была хоть малѣйшая склонность къ лести. Эрихъ не нашелся, что̀ на это отвѣчать, и между ними настала одна изъ тѣхъ минутъ молчанія, которыя такъ непріятно поражали Пранкена, всякій разъ, когда онъ съ Роландомъ проходилъ мимо нихъ.

Белла вслѣдъ затѣмъ начала развивать мысль о томъ, какъ счастливы тѣ, которымъ приходится трудиться надъ устройствомъ благополучія чьей-нибудь жизни. Одному это удается сдѣлать для человѣка едва начинающаго жить, — и она слегка наклонила голову къ Эриху, — другому, для человѣка уже оканчивающаго свое земное странствіе. Оба приносятъ жертву, непризнанную свѣтомъ, но заключающую въ самой себѣ великую награду.

При поворотѣ въ одну изъ боковыхъ аллей, двѣ гуляющія пары опять встрѣтились и соединились. Эрихъ пошелъ съ Роландомъ, а Пранкенъ съ своей сестрой. Роландъ успѣлъ приревновать Эриха къ Беллѣ. Онъ завидовалъ каждому его взгляду, каждому движенію, которые были не къ нему обращены и хотѣлъ имѣть своего наставника исключительно для себя.

Мальчикъ по-дѣтски излилъ передъ Эрихомъ свою печаль, и тотъ внезапно смутился. Онъ не только позволилъ себѣ забыть о Роландѣ, но чуть-ли не увлекся еще гораздо далѣе по ложному пути. Однако время еще не ушло, и пока есть возможность вернуться назадъ, надо ею воспользоваться. Эрихъ поспѣшилъ въ комнаты, къ Клодвигу, и почти обрадовался, узнавъ, что графъ уже легъ спать.

ГЛАВА XIX.

НЕОПРЕДѢЛЕННЫЯ СТРЕМЛЕНІЯ.

Белла, взглянувъ утромъ на свою вчерашнюю работу, осталась ею очень недовольна. Все, надъ чѣмъ она наканунѣ такъ усердно трудилась, показалось ей теперь лишеннымъ всякой правды и художественности. Нервы ея упали, и она хотѣла немедленно уничтожить портретъ, съ тѣмъ, чтобъ начать новый. Но Клодвигъ кротко ее остановилъ, съ большимъ тактомъ указалъ ей

Digitized by Google

на достоинства ея рисунка, и Белла успокоилась. Тѣмъ не менѣе, у нея вырвалось исполненное горечи замѣчаніе на счетъ того, что ей еще ни разу не удалось выполнить своей задачи такъ, чтобъ это вполнѣ соотвѣтствовало ея желанію. Клодвигъ сталъ ей доказывать, что разочарованіе совершенно естественно должно слѣдовать за всякимъ новымъ движеніемъ творческой фантазіи, но замѣчаніе его почему-то снова раздражило Беллу. «Я не то, что́ я есть!» воскликнула она. Но причина дурного расположенія духа графини такъ и осталась невысказанной. Ясно только, что оно происходило не отъ одного художественнаго недовольства собой и не отъ одной досады на свое безсиліе.

Эриху однако пришлось нарушить строгій порядокъ, хотя онъ намѣревался ни на шагъ не отступать отъ него. Белла слѣдовала одному правилу, которое помогало ей всегда достигать желаемаго. «Для этого, говорила она, стоитъ только оставлять мужчинъ въ убѣжденіи, будто они сами все придумываютъ и рѣшаютъ».

Роландъ вскорѣ завелъ рѣчь о томъ, что́ его болѣе всего занимало, чѣмъ онъ, такъ сказать, все это время жилъ, а именно о жизни Веньямина Франклина. Белла выразила желаніе тоже съ ней познакомиться. Клодвигъ поспѣшилъ ее удовлетворить, а затѣмъ предложилъ вслухъ читать далѣе съ тѣхъ поръ, на которомъ остановился Роландъ. Мальчикъ сидѣлъ съ Эрихомъ на небольшомъ возвышеніи, и оба внимательно слушали. По временамъ чтеніе прерывалось замѣчаніями и оживленнымъ разговоромъ по поводу прочитаннаго. Белла обладала способностью быстро схватывать сущность дѣла и довольно глубоко въ него вникать. Къ великому ужасу Эриха, она не замедлила открыть во Франклинѣ педанта, человѣка «въ высшей степени сухого», и съумѣла все это очень ловко и убѣдительно высказать. Эрихъ замѣтилъ, какъ стоявшій у него между колѣнями мальчикъ внезапно смутился.

Въ наше время едва ли можно долго сохранить нетронутымъ какой-бы то ни было идеалъ въ душѣ юноши, съ такимъ прошлымъ, какъ у Роланда, и съ такимъ настоящимъ, въ какомъ онъ теперь вращался. Въ сущности оно пожалуй и лучше, что ему теперь же пришлось выслушать нападки на свой идеалъ, надо только представить ихъ ему въ ихъ настоящемъ свѣтѣ и помочь ему на нихъ взглянуть съ настоящей точки зрѣнія.

Эрихъ постарался какъ можно убѣдительнѣе доказать, что трудность задачи свободнаго человѣка преимущественно заключается въ томъ, что онъ, въ противоположность служителямъ церкви, не имѣетъ авторитета, изъ устъ котораго могъ бы постоянно слышать призывъ: «иди за мной». Мы, новые люди,

Digitized by Google

должны признавать въ исключительныхъ натурахъ все чистое и великое, несмотря на то, что оно въ нихъ ограничено временемъ и предѣлами, ими самими себѣ полагаемыми.

Пока онъ говорилъ, Белла какъ-то особенно торопливо рисовала и часто кивала головой. Когда же онъ кончилъ, она взглянула ему прямо въ лицо и проговорила:

— Вы лучшій изъ всѣхъ учителей, какихъ я только знала.

Она отвернулась. Въ глазахъ у нея былъ непривычный блескъ, а на щекахъ игралъ яркій румянецъ.

— Это во многомъ зависитъ и отъ ученика, отвѣчалъ Эрихъ, въ видѣ благодарности наклоняя голову.

— Я желала бы, начала Белла, и румянецъ на ея щекахъ вспыхнулъ еще сильнѣе: — я желала бы, чтобъ вы положили Роланду на голову вашу руку. Пожалуйста, сдѣлайте это: мнѣ именно въ такомъ положеніи и хочется васъ изобразить.

Эрихъ ей повиновался, но впрочемъ замѣтилъ, что ничуть не желаетъ въ этомъ видѣ перейдти на портретъ. Надо, прибавилъ онъ, чтобъ Роландъ выучился прямо и свободно носить свою голову.

У Беллы вырвалось нетерпѣливое движеніе, и она быстро продолжала работать надъ фигурой Роланда, оставивъ Эриха въ сторонѣ.

— Наконецъ-то я нашла! внезапно воскликнула она. — Да, это такъ: вы похожи на св. Антонія у Мурильо!

— Вотъ видишь, я правду говорилъ! воскликнулъ вслѣдъ за ней и Роландъ. — Я тоже нашелъ въ тебѣ это сходство, и когда сказалъ объ этомъ Маннѣ на музыкальномъ праздникѣ, мнѣ сильно отъ нея досталось.

Клодвигъ тоже согласился съ мнѣніемъ жены на счетъ сходства Эриха съ изображеніемъ св. Антонія и сказалъ:

— Я очень люблю эту картину Мурильо и теперь какъ будто вижу ее передъ глазами. На первомъ планѣ ярко выдается колѣнопреклоненная фигура Антонія; возлѣ него лежитъ посохъ, а сзади разстилается только слегка обозначенный ландшафтъ. Около возвышается дерево и стелется по землѣ мелкій кустарникъ. Одинъ ангелъ перелистываетъ книгу, другой держитъ въ рукахъ выросшую на землѣ лилію и подаетъ ее третьему, парящему въ облакахъ. Эта лилія какъ бы служитъ связью между небомъ и землей; она представляетъ собой нѣчто небесное на землѣ.

Эрихъ окончательно смутился, когда Роландъ началъ разсказывать о томъ, какъ онъ заснулъ въ монастырской церкви, какъ былъ разбуженъ одѣтой въ черную рясу монахиней, и какія чув-

Digitized by Google

ства волновали его, когда онъ смотрѣлъ на висѣвшій передъ нимъ образъ св. Антонія.

Вслѣдъ затѣмъ Эрихъ обратился къ своимъ собесѣдникамъ съ просьбой не продолжать болѣе чтенія Франклиновой біографіи.

— Мнѣ теперь ясно, говорилъ онъ, стараясь объяснить причину своей просьбы: — что человѣку невозможно сосредоточиться и вполнѣ проникнуться той или другой мыслью, если тѣло его находится въ противорѣчащемъ съ ней, или по крайней мѣрѣ не зависящимъ отъ нея положеніи, которое онъ не долженъ или не смѣетъ перемѣнить. Есть какая-то непонятная связь, какое-то неизъяснимое соглашеніе между духовной и физической жизнью человѣка, между мыслью его и положеніемъ его тѣла.

Слова Эриха произвели на его слушателей различное впечатлѣніе. Прежде всего они въ немъ самомъ сильнѣе возбудили сознаніе его обязанностей, какъ наставника. Роландъ вспомнилъ о каменьщикахъ, работавшихъ въ крѣпости и подумалъ, какія мысли должны посѣщать ихъ въ то время, когда они взбираются на подмостки или ударяютъ молотомъ по каменьямъ? Вѣроятно и Клодвига тоже что-нибудь задѣло за живое, если судить по тому, какъ онъ задумчиво покачалъ головой и крѣпко стиснулъ губы. Но болѣе всѣхъ была озадачена Белла. Руки ея внезапно опустились, и она выронила изъ нихъ карандашъ и кусочекъ хлѣба, которымъ по временамъ стирала въ рисункѣ ту, или другую, не вполнѣ удовлетворявшую ее черту. Эрихъ проворно ихъ поднялъ и ей подалъ. Она приняла его услугу, не поблагодаривъ, и продолжала пристально смотрѣть куда-то вдаль. Слова Эриха внезапно раскрыли передъ ней тайну ея супружеской жизни. Одна мелодія, такимъ образомъ, вызвала въ каждомъ изъ четырехъ собесѣдниковъ совершенно различныя ощущенія.

Вслѣдъ затѣмъ настало продолжительное молчаніе.

Пребываніе Клодвига и Беллы на виллѣ Эдемъ возбудило много толковъ въ окрестностяхъ. Домашній учитель, говорилось всюду, завоевываетъ себѣ совершенно исключительное положеніе. Но Пранкенъ смотрѣлъ на это совсѣмъ съ другой точки зрѣнія и, въ качествѣ будущаго члена семьи Зонненкампа, пригласилъ на виллу, только-что возвратившихся съ водъ, мирового судью, его жену и дочь.

Они пріѣхали, и Пранкенъ особенно ласково и дружелюбно обошелся съ Линой. Онъ гулялъ съ ней по саду и много разспрашивалъ ее о монастырской жизни. Лина принялась живо и забавно описывать настоятельницу, монахинь и подругъ, изображая ихъ всѣхъ съ смѣшной стороны. Ея собственное пребываніе въ монастырѣ ограничилось тщательнымъ изученіемъ ино-

Digitized by Google

странныхъ языковъ. Веселость и рѣзвость Лины вскорѣ разсѣяли мечтательное настроеніе духа Пранкена, въ которомъ даже пробудились всѣ его прежнія стремленія и воззрѣнія на жизнь. «Зачѣмъ, думалось ему, оставлять настоящее пустымъ и обнаженнымъ? Вѣдь Белла же забавляется, кокетничая съ капитаномъ,— отчего же и ему, съ своей стороны, не приволокнуться за Линой? Что̀ предосудительнаго въ легкой шуткѣ, въ маленькомъ сердечномъ раздраженіи? Развѣ не въ его власти остановиться, когда онъ захочетъ и не доводить дѣла до крайностей?»

Прежній Пранкенъ, тотъ Пранкенъ, котораго мы знали до пріобрѣтенія имъ зеленой вѣтки, схватился обѣими руками за свою спасенную бороду и съ самодовольной улыбкой началъ ее подергивать.

Рѣшено: настоящая минута бездѣйствія и отдыха будетъ посвящена игрѣ съ Линой, дочерью мирового судьи. Это послѣднее волокитство легко можно будетъ отнести ко времени, предшествовавшему посѣщенію монастыря, и отчего не присоединить еще этой одной шалости къ тому, что̀ Маннѣ придется забыть изъ его прошлой жизни?

Лина, между тѣмъ, повидимому, равнодушно принимала ухаживанье Пранкена и была одинаково мила и любезна, какъ съ нимъ, такъ и съ Эрихомъ. Послѣдняго она даже называла своимъ братомъ по пѣнію.

Вилла и паркъ огласились веселымъ говоромъ и смѣхомъ. Пранкенъ убѣдилъ своего зятя, пока Белла будетъ рисовать, устроить вмѣстѣ съ нимъ маленькую прогулку по водѣ для Лины. Онъ, въ припадкѣ великодушія, хотѣлъ даже взять съ собой и Роланда, съ цѣлью доставить сестрѣ случай остаться съ Эрихомъ наединѣ. Но Роландъ отказался ѣхать безъ своего наставника: онъ явно началъ чуждаться Пранкена.

Лина, во время прогулки, звонкимъ голосомъ распѣвала пѣсни, въ которыхъ все говорилось о любви. Въ пѣніи ея на этотъ разъ было столько чувства и выразительности, что Пранкенъ время отъ времени на нее съ удивленіемъ взглядывалъ и снова опускалъ глаза. Клодвигъ, по возвращеніи на виллу, объявилъ женѣ, что пѣніе Лины также свѣжо и прекрасно, какъ ароматъ полевого цвѣтка.

Белла просила мирового судью и судейшу отпустить Лину къ ней въ Вольфсгартенъ. Судья, было, слегка воспротивился этому, но жена его поспѣшила дать свое согласіе, и Лина, торжествуя, уѣхала въ каретѣ вмѣстѣ съ Клодвигомъ и Беллой. Пранкенъ сопровождалъ ихъ верхомъ.

Послѣ шума и оживленія, которые царствовали на виллѣ въ

Digitized by Google

эти послѣдніе дни, Эрихъ и Роландъ снова вернулись къ своему спокойному образу жизни. Только Эрихомъ втайнѣ овладѣло непривычное для него чувство тоски и утомленія, съ которымъ онъ тщетно боролся. Ему было несказанно тяжело, отрекаясь отъ собственной личности, вполнѣ отдавать себя другому, съ ранняго утра и до поздней ночи быть всегда на сторожѣ, зорко слѣдить за каждымъ движеніемъ души Роланда, ловить малѣйшее отступленіе отъ истины его, еще шаткаго ума и безпрестанно направлять его то въ ту, то въ другую сторону. Сердце Эриха постоянно рвалось къ Клодвигу, а еще болѣе — хотя онъ въ томъ и не хотѣлъ сознаться — къ Беллѣ. Въ ихъ обществѣ онъ находилъ много новаго, чего-то такого, что́ его оживляло и возбуждало. А теперь съ ихъ отъѣздомъ онъ почувствовалъ страшную пустоту. Тѣмъ не менѣе, онъ долго удерживалъ себя, и только по истеченіи нѣсколькихъ дней рѣшился, наконецъ, сдаться на просьбы Роланда и отправиться съ обѣщаннымъ визитомъ въ Вольфсгартенъ.

Эрихъ долго отговаривался тѣмъ, что считаетъ себя не вправѣ уѣхать изъ дому, который былъ ввѣренъ его попеченію. Но Пранкенъ устроилъ дѣло, взявъ на себя всю отвѣтственность, при чемъ не преминулъ кольнуть Эриха замѣчаніемъ:

— Вѣдь вы же ѣздили на музыкальный праздникъ, сказалъ онъ ему, и не побоялись тогда оставить слугъ единственными хранителями дома. Къ тому же, повторяю вамъ, я за все отвѣчаю.

ГЛАВА XX.

ВТОРЖЕНІЕ ВЪ ЧУЖІЯ ВЛАДѢНІЯ.

Прекрасное зрѣлище представляетъ долина, лежащая по берегу рѣки, волны которой быстро, но ровно, безъ шуму и пѣны, стремятся впередъ. Онѣ сверкаютъ на солнцѣ, отражая въ себѣ небо со всѣми его видоизмѣненіями; по нимъ проворно скользятъ суда, а когда взойдетъ мѣсяцъ и все вокругъ замолкнетъ, окрестность оглашается ихъ тихимъ, мѣрнымъ плескомъ. Но не менѣе прекрасенъ и видъ, растилающійся съ горныхъ вершинъ. У подножія холма тянутся, теряясь вдали, поля, лѣса, виноградники, возвышаются селенія и города, а между ними нескончаемой лентой извивается рѣка.

Вольфсгартенъ внезапно ожилъ и повеселѣлъ. Портреты Эриха и Роланда были окончены. Эрихъ занимался приведеніемъ въ по-

Digitized by Google

рядокъ кабинета рѣдкостей Клодвига и мало-по-малу посвящать своего воспитанника въ таинства науки о древностяхъ. Но кромѣ того, они много пѣли, смѣялись, гуляли пѣшкомъ и верхомъ, дѣлали экскурсіи въ сосѣдніе лѣса, а по временамъ и разговаривали о серьезныхъ предметахъ.

Прогуливаясь съ Эрихомъ въ паркѣ, Белла часто брала съ собой попугая, который, сидя у нея на плечѣ, неблагосклонно поглядывалъ на молодого человѣка и постоянно его дразнилъ. Белла иногда отпускала попугая полетать на свободѣ, при чемъ говорила ему: — «Но, Коко, ты сегодня вечеромъ вернешься домой»! И Коко леталъ по лѣсу, отдыхалъ на деревьяхъ и вечеромъ непремѣнно возвращался къ своей хозяйкѣ, которая его тогда называла своимъ вольноотпущеннымъ рабомъ.

Случилось, однако, что въ одинъ прекрасный вечеръ Коко не заблагоразсудилъ вернуться и пропадалъ цѣлыхъ два дня. Клодвигъ встревожился и просилъ всѣхъ и каждаго отыскать попугая его жены, не замѣчая, какъ та спокойно переносила его продолжительное отсутствіе.

Во всѣхъ прогулкахъ по лѣсу какъ-то само собой устраивалось, что Белла всегда оставалась вдвоемъ съ Эрихомъ, а Роландъ съ Линой. Послѣдняя была очень счастлива тѣмъ, что могла выходить по произволу, не подчиняясь никакому надзору.

Однажды утромъ въ Вольфсгартенъ пришло извѣстіе, подавшее поводъ ко многимъ толкамъ. Изящно-литографированный листокъ сообщалъ о помолвкѣ дочери «виннаго графа» съ сыномъ гофмаршала. Всѣ не могли надивиться тому, какъ могъ этотъ молодой человѣкъ, дни котораго были сочтены, помышлять о женитьбѣ. Съ другой стороны, еще болѣе странной казалась рѣшимость молодой и прекрасной дѣвушки выходить замужъ за человѣка, обреченнаго на вѣрную смерть. Но Лина, которая очень хорошо знала всю хронику страны, разсказала, что дочь «виннаго графа» не разъ выражала свое желаніе остаться молодой вдовой съ титуломъ баронессы. Белла какъ-то неопредѣленно, но съ большимъ чувствомъ выразила по этому поводу свое мнѣніе, обращаясь при этомъ почти исключительно къ Эриху, какъ будто ему одному долженъ былъ быть вполнѣ понятенъ смыслъ ея словъ.

Пришли также газеты, а въ нихъ извѣстіе о возвращеніи изъ Америки брата герцога, для котораго онъ, между прочимъ, привезъ съ собой негра, бывшаго невольника.

Общество, собравшись вмѣстѣ, толковало о томъ, какое впечатлѣніе могла произвести американская республика на нѣмецкаго принца, какъ вдругъ въ комнату вбѣжалъ Роландъ, воскли-

Digitized by Google

дая: «Я его поймалъ!» и дѣйствительно у него въ рукахъ былъ попугай.

— А, вотъ и ты, мой вольноотпущенный рабъ! привѣтствовала его Белла. Попугай вырвался изъ рукъ Роланда, полетѣлъ прямо къ своей госпожѣ, сѣлъ къ ней на плечо и злобно закричалъ на Эриха.

Но Клодвига не такъ-то легко было отвлечь отъ разговора, который ему нравился. Всякій разъ, что онъ принимался излагать свои взгляды на жизнь, Белла непремѣнно съ участіемъ присоединялась къ нему. Иногда ея замѣчанія, правда, казались Эриху очень поверхностными, но онъ всегда спѣшилъ оттолкнуть отъ себя эту мысль, находя ея неумѣстною и педантическою. Жизнь, проводимая почти исключительно за книгами, говорилъ онъ самому себѣ, сдѣлала его сухимъ, холоднымъ и нечувствительнымъ къ прелести легкаго, граціознаго разговора, а обязанности воспитателя черезъ-чуръ развили въ немъ стремленіе къ тому, что̀ служитъ простымъ, безхитростнымъ выраженіемъ природы. Онъ, напротивъ, долженъ радоваться тому, что въ кругъ его обыденной, ежедневной жизни вступило существо съ такой богатой и живой натурой. Онъ говорилъ себѣ, что мотыльковая беззаботность и легкомысліе вѣроятно лежатъ въ основаніи всякаго женскаго характера и ума. До сихъ поръ онъ въ матери и въ тетѣ видѣлъ только одни серьезныя качества, безграничную добросовѣстность и любовь къ труду. Теперь передъ нимъ выступало совершенно новое явленіе, легкое и граціозное, исполненное неуловимой прелести. Къ чему требовать отъ него еще чего-нибудь другого?

Эрихъ съ Беллой ушли въ паркъ, а Роландъ и Лина остались съ Клодвигомъ. Белла жаловалась Эриху на то, что ее нерѣдко посѣщаютъ религіозныя сомнѣнія, которыя она тщетно старается въ себѣ заглушить. А между тѣмъ, прибавила она, жизнь безъ вѣры въ будущее обновленное существованіе кажется такой страшной загадкой. Эрихъ, не желая въ ней окончательно уничтожать ея вѣрованій, старался ее утѣшить, указывая на размышленіе, какъ на единственный способъ, посредствомъ котораго человѣкъ можетъ дойти до успокоенія. Но въ сердцахъ обоихъ таилось странное противорѣчіе съ произносимыми ими словами. Они чувствовали, что коснулись предмета, выступающаго за предѣлы человѣческой жизни и превышающаго ихъ понятія.

Вдругъ къ нимъ подскакалъ на измученной, взмыленной лошади Бертрамъ, который еще издали кричалъ:

— Господинъ Дорнэ, пожалуйте немедленно домой!

— Что̀ случилось? спросилъ Эрихъ.

Digitized by Google

Къ нимъ присоединились Клодвигъ, Роландъ и Лина, а Пранкенъ, высунувшись изъ окна, повторилъ вопросъ Эриха:

— Что случилось?

— Воры! Разбойники! почти закричалъ имъ въ отвѣтъ Бертрамъ. Негодяи проникли въ комнату господина Зонненкампа, предварительно сломавъ у ней замокъ.

Нѣсколько минутъ спустя, Эрихъ, Роландъ и Пранкенъ сидѣли въ каретѣ и быстро катились по направленію къ виллѣ. Пранкенъ былъ сильно раздосадованъ тѣмъ, что уговорилъ Эриха уѣхать изъ дому, и такимъ образомъ какъ бы взялъ на себя часть его отвѣтственности.

— А какъ ты полагаешь, Эрихъ, чтобы сказалъ или подумалъ Франклинъ по случаю этого воровства?

Пранкенъ рѣзко его остановилъ:

— Первымъ долгомъ сына было бы освѣдомиться, что скажетъ его отецъ, а ничуть не Франклинъ.

Эрихъ и Роландъ оба не возражали.

Они опять долго ѣхали молча. Эриха преслѣдовали мучительныя мысли. Онъ передъ судомъ своей совѣсти казался себѣ дважды воромъ. Тамъ кто-то ворвался на виллу и произвелъ грабежъ,—а самъ онъ что сдѣлалъ? Не только лишилъ своей заботливости ввѣренную его попеченіямъ молодую душу, но еще, подъ прикрытіемъ дружбы, забывъ честь, пытался словомъ и взглядомъ отнять у другого то, что составляетъ его драгоцѣннѣйшую собственность — жену. Эрихъ держалъ руку на груди, какъ бы стараясь умѣрить біенія своего сердца. Тотъ, укравшій деньги, подлежитъ строгому взысканію со стороны закона,—а ты, чему подвергаешься? Онъ сидѣлъ совсѣмъ уничтоженный и всякій разъ, что на него взглядывалъ Роландъ, невольно опускалъ глаза въ землю.

Наконецъ, съ трудомъ совладавъ съ собой, Эрихъ дрожащимъ голосомъ сказалъ, что онъ одинъ долженъ отвѣчать передъ Зонненкампомъ за случившуюся въ его домѣ бѣду. Благодарный Пранкену за доброту, съ какой тотъ хотѣлъ взять на себя половину отвѣтственности, онъ однако сознаетъ невозможность его вмѣшательства въ это дѣло. Нѣтъ, виноватъ онъ одинъ, и пусть на него одного падутъ всѣ послѣдствія его вины.

Эрихъ говорилъ съ такимъ жаромъ и такъ жестоко себя упрекалъ, что Пранкенъ и Роландъ съ изумленіемъ на него смотрѣли.

Digitized by Google

ГЛАВА XXI.

НАУЧИСЬ ПОНИМАТЬ ЗЛО.

Вилла Эдемъ до сихъ поръ была окружена какою-то таинственностью. Злоба, зависть и страхъ распространили мнѣніе, что въ ней что-то не ладно, равно какъ и съ самимъ Зонненкампомъ, который всѣмъ и каждому показывался, и съ Цererой, которую мало кто видѣлъ. Прибитыя къ стѣнамъ доски съ угрозами и предостереженіями на счетъ самострѣловъ и капкановъ, внушали прохожимъ непреодолимый страхъ. Въ народѣ даже ходили слухи, будто Зонненкампъ намазывалъ искусно скрытыя въ зелени оружія такимъ ядомъ, отъ котораго не было спасенія. Прислуга на виллѣ тоже, подобно господамъ, отличалась сдержанностью и рѣдко съ кѣмъ вступала въ разговоры. На нее смотрѣли съ нѣкоторымъ предубѣжденемъ и ей едва кланялись. Теперь же, благодаря воровству, неизвѣстно гдѣ скрывавшійся на виллѣ таинственный драконъ превратился въ воронье пугало. Съ великолѣпнаго бѣлаго дома былъ внезапно сорванъ покровъ, ставни и двери его сами собой раскрылись и повсюду разнесся слухъ, будто воровство совершилось съ помощью слугъ.

Проѣзжая по селамъ и вдоль большой дороги, Эрихъ, Роландъ и Пранкенъ были предметомъ всеобщаго любопытства. Нѣкоторые изъ прохожихъ и изъ поселянъ при встрѣчѣ съ ними слегка приподнимали шапки, а большинство провожало ихъ двусмысленной улыбкой и легкимъ пожатіемъ плечъ. Всѣ точно хотѣли сказать: «Теперь насталъ конецъ вашей таинственности, къ вамъ наѣдетъ судъ, и мы всѣ узнаемъ, что у васъ тамъ дѣлается».

На виллѣ все было въ безпорядкѣ и смятеніи. Кастелянъ утверждалъ, что воровство непремѣнно должно быть совершено кѣмъ-нибудь изъ домашнихъ. Всѣ ворота и двери были крѣпко замкнуты, ни одна изъ собакъ не лаяла. Воры, безъ сомнѣнія, хорошо знали мѣстность и успѣли пріучить къ себѣ собакъ. Полиція уже успѣла пріѣхать на виллу. Замокъ отъ двери, ведущей въ кабинетъ Зонненкампа, былъ сломанъ, и тамъ не доставало многихъ вещей, между которыми особенно замѣчалось отсутствіе кинжала съ брильянтомъ на рукояткѣ. Воры, по всему видно, старались также вскрыть несгораемый сундукъ, но не могли съ нимъ справиться. Изъ буфета въ столовой исчезли большіе серебряные и золотые кубки, а изъ Роландовой комнаты золотые часы, которые онъ, передъ отъѣздомъ въ Вольфсгартенъ,

Digitized by Google

положилъ на столикъ у кровати. Кромѣ того долго не могъ найти подушки съ его постели. Она наконецъ оказалась на са довой стѣнѣ, прикрывая собой куски разбитаго стекла, разставле наго тамъ именно съ цѣлью сдѣлать эту стѣну недоступной д воровъ. Но теперь подушка явно дала имъ возможность пер браться въ садъ безъ всякаго для нихъ вреда.

Въ паркѣ, за оранжереями, открылись слѣды ногъ, повиди мому принадлежавшіе двумъ человѣкамъ. Въ углу, гдѣ лежа большая куча чернозема, одинъ изъ воровъ вѣроятно о нее спо кнулся и упалъ, такъ какъ на ней оказалось углубленіе въ ви человѣческой формы. Тутъ же стояла пара старыхъ сапоговъ которые по освидѣтельствованіи были признаны за собственно садовника, прозываемаго Гномомъ. Ихъ сравнили со слѣдами в паркѣ и они какъ разъ къ нимъ пришлись. Это послужило за заніемъ, впрочемъ весьма ничтожнымъ. Между тѣмъ явился на работу и самъ садовникъ. Онъ съ удивленіемъ выслушалъ ра сказъ обо всемъ случившемся, а потомъ принялся за свое дѣл Его никто пока не тревожилъ.

Въ большой залѣ съ балкономъ уже успѣли собраться с дебный слѣдователь, бургомистръ изъ сосѣдней деревни и не сколько другихъ, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ лиц Роландъ стоялъ въ сторонѣ и съ выраженіемъ испуга на лиц пристально смотрѣлъ на подушку, съ помощью которой воры перебирались черезъ стѣну. Онъ былъ очень блѣденъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ, какъ слѣдователь распра шивалъ то того, то другого изъ слугъ, стараясь добиться истин и напасть на слѣдъ грабителей.

Между тѣмъ въ комнату вошелъ Гномъ и объявилъ, что у него тоже украли пару сапоговъ.

— Знаю, знаю, отвѣчалъ ему слѣдователь:—и даже воровств здѣсь было произведено въ твоихъ сапогахъ.

Гномъ, повидимому, не могъ придти въ себя отъ изумлен По лицу его даже можно было заключить, что онъ не вполн понялъ смыслъ словъ, произнесенныхъ слѣдователемъ, который вдобавокъ приказалъ его еще арестовать. Тутъ только садовник очнулся и началъ горько жаловаться на свою судьбу, говоря, чт невиннымъ людямъ всегда приходится страдать. Роландъ был тронутъ отчаяніемъ бѣднаго малаго и просилъ его отпустить.

— Кто до меня дотронется, того я на мѣстѣ задушу! вне запно воскликнулъ Гномъ. Онъ теперь казался совсѣмъ другим человѣкомъ.

Слѣдователь сдѣлалъ знакъ двумъ полицейскимъ служителям которые немедленно связали Гному руки.

Digitized by Google

Эрихъ увелъ Роланда. Зачѣмъ было мальчику присутствовать при такого рода зрѣлищѣ? Къ счастію, въ это время пріѣхалъ маіоръ, и Эрихъ поручилъ ему Роланда.

— Это для тебя хорошій урокъ, сказалъ маіоръ мальчику. У тебя все могутъ украсть, исключая богатствъ, заключающихся въ головѣ и въ сердцѣ: тѣ всегда при тебѣ останутся. Помни это!

Слѣдователь между тѣмъ призвалъ слугъ и спрашивалъ у нихъ, кого они въ послѣднее время видѣли на виллѣ? Они назвали многихъ, но показаніе кастеляна оказалось самымъ важнымъ.

— Капитанъ Дорнэ, сказалъ онъ, недавно водилъ по всему дому ловчаго, который, уходя отсюда, сказалъ мнѣ: ты охраняешь деньги и добро богатаго человѣка, а право, лучше бы было растворить всѣ двери этого дома настежъ и разнести по свѣту все, что въ немъ заключается.

Эрихъ принужденъ былъ подтвердить справедливость показаній кастеляна: онъ дѣйствительно водилъ Клауса по дому, и тотъ при этомъ произносилъ странныя, безсвязныя рѣчи. Но въ тоже время Эрихъ сказалъ, что готовъ поручиться за честность ловчаго, котораго хорошо знаетъ.

Слѣдователь ничего ему на это не отвѣчалъ и немедленно отправилъ къ Клаусу двухъ полицейскихъ съ тѣмъ, чтобы произвести у него обыскъ.

Клаусъ встрѣтилъ ихъ со смѣхомъ и пожимая плечами. Въ домѣ у него ничего не оказалось, но вниманіе полицейскихъ было привлечено собакой, которая, сидя на цѣпи въ своей конурѣ, все время страшно лаяла.

— Сними съ цѣпи эту собаку, сказалъ одинъ изъ нихъ ловчему, который, пока обыскивали его домъ, не переставалъ про себя что-то ворчать.

— Зачѣмъ? спросилъ онъ.

— Я такъ хочу, и если ты немедленно не исполнишь моего приказанія, то я убью собаку.

Клаусъ отцѣпилъ собаку, а полицейскіе принялись шарить въ конурѣ и вскорѣ нашли въ соломѣ часы Роланда и кинжалъ съ брильянтомъ. Ловчій клялся, что не знаетъ, какъ они тамъ очутились, но его тѣмъ не менѣе арестовали и повели на виллу. Дорогой Клаусъ постоянно встряхивалъ цѣпями, воздѣвалъ руки къ небу и протягивалъ ихъ къ полямъ и виноградникамъ, точно призывая ихъ въ свидѣтели своего незаслуженнаго униженія: «Смотрите», казалось говорилъ онъ имъ: «смотрите, въ какомъ я видѣ!»

Послѣ этого приступили къ составленію протокола объ украденныхъ вещахъ, насколько это было возможно за отсутствіемъ

Digitized by Google

ихъ хозяина. Роландъ въ первый разъ въ жизни долженъ былъ подписать свое имя подъ судебнымъ актомъ.

Эрихъ сказалъ маіору:

— Трудно угадать, какое впечатлѣніе все это произведетъ на мальчика.

— Во всякомъ случаѣ не вредное, возразилъ маіоръ. У него здоровая голова, да къ тому же, говоритъ фрейленъ Милькъ, молодое сердце и молодой желудокъ чего не переварятъ!

Но на этотъ разъ фрейленъ Милькъ немного ошиблась. Когда Клауса въ цѣпяхъ вывели изъ комнаты, у Роланда вырвался громкій крикъ отчаянія.

Вскорѣ открылись новые слѣды воровства. Въ окрестности видѣли подкупленнаго Пранкеномъ и прогнаннаго Зонненкампомъ по подозрѣнію въ шпіонствѣ конюха, котораго узнали, не смотря на то, что онъ былъ искусно переодѣтъ. Тотчасъ полетѣли во всѣ стороны телеграммы съ предписаніемъ задержать предполагаемаго вора. Зонненкампу тоже отправили депешу.

Въ числѣ другихъ посѣтителей на виллу пришелъ также и патеръ. Кротко высказавъ свое сожалѣніе по поводу случившейся бѣды, онъ обратился къ Эриху съ увѣщаніемъ, чтобъ тотъ не слишкомъ сильно принималъ ее къ сердцу. Уединенный образъ жизни, который Эрихъ до сихъ поръ велъ въ качествѣ ученаго, говорилъ онъ, совершенно естественно долженъ былъ оставить его въ невѣдѣніи на счетъ зла, существующаго въ мірѣ. Пусть же теперь, когда оно передъ нимъ разоблачится, онъ не слишкомъ удивляется и возмущается.

Эрихъ выслушалъ все это со смиреніемъ, источникъ котораго былъ неизвѣстенъ патеру. Ему пришла на память самоувѣренность, съ какою онъ еще такъ недавно проповѣдывалъ о томъ, какъ всякій желающій посвятить себя служенію идеи, долженъ отречься отъ всего остального въ мірѣ. И что же: теперь передъ нимъ стоялъ человѣкъ, который по своему, въ теченіи цѣлой жизни слѣдовалъ этому правилу, а онъ, напротивъ, позволилъ себѣ увлечься соблазнительной игрой и такимъ образомъ какъ бы измѣнилъ самому себѣ.

Патеръ продолжалъ распространяться о томъ, какъ болѣзненно должно отзываться всякое зло въ сердцѣ человѣка, еще не успѣвшаго закалиться въ борьбѣ съ жизнью. Эрихъ, едва сознавая свой отвѣтъ, замѣтилъ, что онъ въ теченіи нѣкотораго времени былъ, по собственному желанію, прикомандированъ къ рабочему дому, гдѣ занимался обращеніемъ на истинный путь заключенныхъ тамъ преступниковъ. Патеръ выразилъ ему по этому поводу свое полное одобреніе и взглянулъ на Роланда, желая

Digitized by Google

видѣть, какое впечатлѣніе все это произвело на него. Эрихъ тоже съ безпокойствомъ смотрѣлъ на мальчика. А тотъ казался смущеннымъ и дѣйствительно былъ непріятно пораженъ. Мысль, что онъ находится въ рукахъ человѣка, нѣкогда служившаго при набочемъ домѣ, какъ будто унизила его въ собственныхъ глазахъ и повергла его въ уныніе. Цѣль, воодушевлявшая Эриха, вполнѣ отъ него ускользнула и онъ долго сидѣлъ, закрывъ лицо руками, погруженный въ глубокую задумчивость.

Патеръ, замѣтя Роланда въ этомъ положеніи, подошелъ къ нему и сталъ его уговаривать, чтобъ онъ не печалился о томъ, что произошло на виллѣ. Пусть это только послужитъ ему урокомъ и онъ разъ навсегда узнаетъ, какъ непрочны всѣ земныя блага и какъ вообще опасно слѣпо полагаться на людей. Въ мірѣ только и есть прочнаго, что вѣра въ Бога, который одинъ пребываетъ вѣчно неизмѣннымъ.

Когда Эрихъ и Роландъ остались одни, послѣдній еще долго сидѣлъ погруженный въ себя.

— Знаетъ отецъ, чѣмъ ты былъ прежде? спросилъ онъ наконецъ.

— Да.

— А почему ты мнѣ этого не сказалъ?

— Потому что я не имѣлъ причины ни скрывать отъ тебя этого, ни объявлять тебѣ объ этомъ.

Мальчикъ опять закрылъ лицо руками, а Эрихъ принялся ему объяснять, какъ онъ считаетъ своимъ долгомъ спасать несчастныхъ и помогать заблудшимъ выходить на истинный путь. Онъ говорилъ съ такимъ жаромъ и такъ убѣдительно, что мальчикъ вскорѣ отнялъ отъ лица руки и протянувъ ему одну изъ нихъ, воскликнулъ:

— Прости меня! Ты лучше всѣхъ на свѣтѣ!

Это восклицаніе, какъ ножемъ, поразило Эриха въ самое сердце.

Судебный слѣдователь между тѣмъ уѣхалъ, а вмѣстѣ съ нимъ и полицейскіе служители. Пранкенъ вскорѣ тоже послѣдовалъ ихъ примѣру. Роландъ со страхомъ озирался вокругъ, какъ бы ежеминутно ожидая увидѣть привидѣніе или злого духа. Здѣсь, по этой лѣстницѣ, поднимались злодѣи и ломали эти двери и замки; весь домъ былъ оскверненъ ихъ ненавистнымъ присутствіемъ. Мальчикъ не столько сожалѣлъ объ украденныхъ вещахъ, сколько съ отвращеніемъ смотрѣлъ на оставшіяся, которыя такъ живо напоминали ему о ворахъ.

Роландъ просилъ Эриха ни на минуту не оставлять его одного. Онъ чувствовалъ невыразимый страхъ. Настала ночь, а

Digitized by Google

мальчикъ все еще не рѣшался лечь въ постель. Ему казалось невозможнымъ заснуть на кровати, съ которой у него воры похитили подушку. Однако Эриху удалось его успокоить обѣщаніемъ, что онъ останется у него въ комнатѣ.

Когда Роландъ уже легъ, Эрихъ ему сказалъ:

— Я еще долженъ тебѣ отвѣчать на одинъ вопросъ. Ты спрашивалъ, чтобы сказалъ Франклинъ по поводу этого воровства, и я полагаю, что могу тебѣ отвѣчать за него. Онъ безъ сомнѣнія не имѣлъ бы состраданія къ ворамъ и отдалъ бы ихъ въ руки правосудія, но остался бы при убѣжденіи, что пороки отдѣльныхъ личностей не должны потрясать въ людяхъ вѣры въ человѣчество. Еслибъ воры могли отнять у насъ вѣру, они взяли бы у насъ гораздо болѣе, чѣмъ могли бы унести въ своихъ рукахъ.

Роландъ въ отвѣтъ только кивнулъ головой. Онъ уже давно спалъ, а Эрихъ все еще продолжалъ стоять у его изголовья, проникнутый сожалѣніемъ къ мальчику, которому пришлось все это такъ рано узнать. Къ чему ведутъ всѣ мудрствованія и усилія для ума и сердца юноши то или другое направленіе? Невидимая, непреодолимая сила событій, сама жизнь воспитываютъ человѣка, а не одна какая-нибудь личность.

Эрихъ подошелъ къ окну и долго смотрѣлъ на рѣку и виноградныя горы. Мы всѣ работаемъ по мѣрѣ нашихъ силъ, но то, что выходитъ изъ нашей работы,—зависитъ не отъ насъ, а отъ той всемогущей, всеобъемлющей силы, которую обыкновенно называютъ Богомъ.

Эрихъ былъ глубоко потрясенъ. Событія этого дня произвели на него даже болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ на Роланда. Они, такъ сказать, остановили его на краю пропасти и избавили отъ гибели. Смотря изъ окна своей комнаты въ разстилавшуюся передъ нимъ даль, онъ принялъ твердую рѣшимость впередъ быть осторожнѣе.

Его позвали внизъ. Судебный слѣдователь прислалъ телеграмму, полученную отъ Зонненкампа. Въ ней говорилось:

«Отложилъ поѣздку къ морю, возвращаюсь домой. Отпустилъ воровъ, кто бы они ни были».

Б. Ауербахъ.

(Окончаніе пятой книги.)

Digitized by Google

ЛАМАРТИНЪ

(Біографическій очеркъ).

Въ нашъ вѣкъ, теченіе умственной жизни европейскаго общества такъ быстро, что представители отдѣльныхъ фазисовъ ея развитія почти всѣ переживаютъ себя; гораздо ранѣе, чѣмъ они успѣваютъ состарѣться, тотъ умственный моментъ, который выдвинулъ ихъ, которымъ запечатлѣна ихъ личность, заслоняется нѣсколькими послѣдующими моментами. За сочувствіемъ, восторгомъ, благодарностью, вызванными тѣмъ аккордомъ, какой образовался изъ шопота или крика общественной потребности слова или дѣла человѣка, выступившаго органомъ этой потребности, является отрицаніе, за отрицаніемъ равнодушіе, если не забвеніе. Та умственная потребность, тотъ принципъ, представителями котораго явились люди данной краткой эпохи, скоро отодвинется въ область обойденныхъ жизнью пунктовъ, представляется какъ ein überwundener Standpunkt. Въ нашъ вѣкъ не надо ждать новаго поколѣнія, чтобы для писателя, для общественнаго дѣятеля наступило потомство. То самое поколѣніе, къ которому принадлежитъ онъ по году рожденія, успѣваетъ измѣниться достаточно для того, чтобы, оборотясь назадъ, на близкое прошлое, взглянуть на него едва ли не враждебно. А новыя, наростающія поколѣнія такъ заняты собственными своими дѣлами, что для дѣятелей недавняго прошлаго періодъ полузабвенія наступаетъ ранѣе, чѣмъ періодъ безпристрастія.

Правда, писатель и общественный дѣятель, какъ личность принадлежащая своему времени, и самъ испытываетъ на себѣ перемѣны, чрезъ которыя проходитъ интеллектуальное движеніе современнаго ему общества. Но немногимъ изъ нихъ удается быть истолкователемъ или первостепеннымъ дѣятелемъ, предста-

Digitized by Google

вителемъ двухъ различныхъ періодовъ, двухъ послѣдующихъ теченій общественной мысли. Самыя заслуги, оказанныя первому, самый характеръ человѣка, какъ признаннаго представителя такой-то эпохи, уже стѣсняютъ его при обращеніи къ послѣдующимъ степенямъ общественнаго развитія. Какъ личность частная, онъ можетъ стать неизвѣстнымъ гражданиномъ новой эры, какъ типъ общественный, онъ остается представителемъ прошлаго, которому имя его служитъ паролемъ.

Едва ли какая-либо знаменитость нашего вѣка до такой степени пережила самоё себя, какъ Ламартинъ. Надъ тѣмъ періодомъ, тѣмъ настроеніемъ, которыхъ онъ былъ представителемъ, какъ поэтъ, образовалось уже нѣсколько пластовъ когда-то новыхъ, но давно постарѣвшихъ, движеній, преданій, ошибокъ и разочарованій. Въ памяти людей онъ давно лежалъ въ могилѣ, гробъ его глубоко опустился въ землю, подъ десяткомъ другихъ, давно оплаканныхъ, осужденныхъ и забытыхъ. Представитель реакціи противъ перваго Наполеона, онъ пережилъ десятокъ новыхъ реакцій, послѣдовавшихъ затѣмъ во Франціи, и умеръ теперь, когда началась замѣтная реакція противъ второго Наполеона, реакція уже противъ того порядка, съ самымъ наступленіемъ котораго, Ламартинъ, уже старикъ, окончательно сошелъ съ общественной сцены.

Великое литературное движеніе начала и первой четверти нашего вѣка, позже всѣхъ охватило Францію. Въ этомъ движеніи, изъ котораго впослѣдствіи формулировался такъ-называемый романтизмъ, участвовало нѣсколько элементовъ, связанныхъ между собою скорѣе внѣшнею необходимостью обстоятельствъ времени, чѣмъ внутреннею логическою необходимостью. Подъ вліяніемъ философскихъ системъ, въ которыя вылилась свободная спекуляція отвлеченнаго ума, человѣкъ не только углубился въ самого себя, сдѣлалъ свое *я* предметомъ философско-литературной обработки, но и сталъ глядѣть на себя въ связи со всею природою и съ исторіею человѣчества. Человѣка стала увлекать таинственность собственной его природы, и въ тоже время его стало тѣснить сознаніе бренности, ничтожности того личнаго существа, которое такъ высоко летало мыслью. Контрастъ между вѣчностью, правильностью внѣшней природы, и бренностью, самопротиворѣчіемъ природы человѣка сдѣлался любимою темой поэтовъ. Результаты, къ какимъ они приходили, были различны: фатализмъ, разочарованіе или покорность; но всѣ они истекали изъ одного источника — раздвоенія человѣческой природы, преувеличенныхъ, необузданныхъ стремленій къ идеально-великому

и могучему, и возмущенія или скорби надъ весьма простымъ фактомъ человѣческой слабости и недолговѣчности.

Но это было не все. Въ литературѣ того времени дѣйствовали не одни философскія побужденія, а также причины политическія. Вся Европа вела борьбу сперва съ французскою революціею, потомъ съ завоевательною диктатурою Наполеона. Борьба эта произвела такъ-называемый принципъ національностей, заставила покоренныя націи обратиться съ любовью въ ихъ исторіи, ко всему, что̀ напоминало имъ народность и народную славу. Отсюда, въ Германіи и въ Италіи элементъ народности и пристрастія къ древней жизни націй, даже въ самой эпохѣ ихъ образованія, къ среднимъ вѣкамъ — запечатлѣли литературу совершенно-новымъ колоритомъ, дали ей реальное содержаніе въ дополненіе къ тому отвлеченному, философскому, скептически-безплодному направленію, которое уже отразилось на ней. Но какъ за идеею освобожденія національностей шло возстановленіе старыхъ порядковъ, такъ за духомъ національныхъ преданій въ литературѣ явилась реакція въ смыслѣ религіи отцовъ и традицій феодализма. Романтизмъ въ смыслѣ народности въ литературѣ, разумѣется, долженъ былъ отразиться сильнѣе въ Германіи, гдѣ онъ вышелъ изъ національнаго движенія. Романтизмъ въ смыслѣ поэтизированія религіозныхъ преданій долженъ былъ ярче обозначиться во Франціи, гдѣ религія была ниспровергнута и преслѣдуема. Феодальныя преданія должны были проявиться сильнѣе и дольше держаться въ литературѣ Англіи и Германіи, которыя боролись съ революціею, чѣмъ въ литературѣ Франціи, гдѣ уже сама королевская власть, еще до своего паденія, окончательно стерла феодализмъ. За то во Франціи новое литературное движеніе должно было получить еще смыслъ революціи противъ произвольныхъ, устарѣлыхъ формъ классицизма, — революціи, которая въ Англіи и Германіи была начата гораздо раньше, именно еще въ концѣ прошлаго столѣтія, и при самомъ началѣ нынѣшняго.

Опредѣлимъ теперь то мѣсто, которое занялъ, среди умственнаго теченія первой четверти вѣка, Ламартинъ, при первомъ выступленіи его на арену: трансцендентальное отношеніе къ своему *я*, Grübelei надъ нимъ, доходившая почти до ребячества, скорбь надъ его бренностью, увлеченіе его великою, но преходящею силою, внутренняя безотчетная необходимость вѣрить въ окончательную непреходимость его — качества, которыя совмѣщаются въ старомъ школьномъ словѣ *субъективность;* глубокое, но идеализированное чувство внѣшней природы, реакція въ смыслѣ религіи, какъ средства примиренія внутренняго разлада и вмѣстѣ

Digitized by Google

къ закрытію «зіявшей бездны революціи»; реставрація легитимно-королевской идеи во Франціи, впрочемъ, неиначе, какъ въ соглашеніи съ укоренившеюся уже и въ обществѣ и въ умѣ поэта потребностью свободы; — вотъ настроеніе, направленіе, которыя отразились въ Ламартинѣ. Въ немъ мы видимъ достойнаго современника и «Чайльдъ-Гарольда», и «Вертера», и «Идеала и жизни», и религіозныхъ порывовъ Шиллера и Манзони, и рыцарскихъ сочувствій и антипатій Вальтеръ-Скотта. Но всѣ эти аспираціи времени сложились въ Ламартинѣ оригинальнымъ образомъ, такъ что образовали, вмѣстѣ съ личными его свойствами — чистотою, наивностью души и несравненною мелодичностью таланта — очень значительную и въ свое время глубоко сочувственную поэтическую личность.

Туманность, страсть къ многословію, самовлюбленность, отсутствіе всякаго самовоздержанія, критической трезвости — вотъ дѣйствительно присущія таланту Ламартина черты. И когда онъ пережилъ себя, когда давно миновало время, въ которое его нота звучала сочувственно общественному настроенію—эти-то слабыя черты Ламартина едва ли не единственныя, по которымъ судитъ его строгая, холодная современность, видящая въ немъ совсѣмъ чужого, не имѣющая съ нимъ никакой солидарности, забывающая, что было время, котораго онъ былъ пророкомъ, и за ошибками, несообразностями политическаго человѣка не замѣчающая уже одного изъ чистосердечнѣйшихъ жрецовъ свободы.

Опредѣливъ личность Ламартина, какъ поэта общественныхъ настроеній данной эпохи, мы покажемъ ниже, какъ, по рожденію и воспитанію, онъ былъ прямо предназначенъ къ тому служенію, въ которомъ стяжалъ первую свою славу. Теперь же остановимся еще нѣсколько минутъ на особенностяхъ литературнаго поворота во Франціи, котораго онъ былъ свидѣтелемъ и сталъ дѣятелемъ.

Наполеоновскій періодъ не могъ быть благопріятнымъ для литературы; это былъ періодъ преобладанія силы механической. «Дозволена, почитаема, покровительствуема, оплачиваема была только цифра — говоритъ Ламартинъ объ этомъ времени — и такъ какъ цифра не разсуждаетъ, такъ какъ она — отличное пассивное орудіе деспотизма, то военный владыка той эпохи не хотѣлъ иного миссіонера, иного помощника, и этотъ помощникъ служилъ ему вѣрно. Не было въ Европѣ идеи, которую бы онъ не задавилъ своей пятою, не было устъ, на которыя бы онъ не наложилъ свою свинцовую руку». Замѣчательно, что даже въ той мѣрѣ, въ какой Наполеонъ терпѣлъ литературу или покровительствовалъ ей, онъ оказывалъ на нее вліяніе именно въ сми-

Digitized by Google

слѣ реакціи въ пользу религіи и историческихъ преданій. Это было неизбѣжно. Конфисковавъ для своей личной пользы идею революціи, возстановивъ алтарь «для порядка» и престолъ для себя и своей династіи, цезарь долженъ былъ благопріятствовать тарквиніевскимъ преданіямъ, хотя и называлъ себя императоромъ, избранникомъ народа, не будучи легитимнымъ королемъ. Единоличная власть, заискиванье у старой аристократіи и созданіе аристократіи новой, союзъ съ духовенствомъ—все это должно было связать сына революціи съ до-революціоннымъ прошедшимъ. Шатобріанъ началъ уже, въ 1801 году, реставрацію религіознаго элемента въ литературѣ—своимъ «Духомъ христіанства». Наполеонъ рѣшительно склонился въ пользу возстановленія «благонадежныхъ» традицій прошлаго. «Прежде всего—говорилъ онъ въ 1812 году—дадимъ юношеству діэту здороваго и укрѣпляющаго чтенія. Корнель, Боссюэтъ—вотъ пригодные для него учителя. Въ нихъ — величіе, возвышенность, а вмѣстѣ и правильность, спокойствіе, подчиненность. Да! Они не дѣлаютъ, не внушаютъ революцій. Они на всѣхъ парусахъ вплываютъ въ установленный порядокъ своего времени; они укрѣпляютъ и украшаютъ его собою. Что за мастерское произведеніе этотъ «Цинна»! Какъ очевидно въ немъ, что Октавій, несмотря на кровавыя пятна тріумвирата, необходимъ для имперіи, а имперія необходима для Рима!» Такъ передаетъ слова перваго Наполеона Вильменъ. Вотъ, во всей своей наивности, та самая мысль, которая изложена съ большою эрудиціею и осмотрительностью въ новѣйшей «Жизни Цезаря».

Наполеонъ поговаривалъ о построеніи церкви съ «придѣломъ покаянія» (chapelle expiatoire) въ память Людовика XVI и Маріи-Антуанеты. Придворные актеры его представляли «Храмовниковъ», «Смерть Генриха IV», «Карла IX», «Клодвига», «Карла Великаго» и т. п. «Бонапартъ какъ будто нарочно старался возобновить память о Бурбонахъ—говоритъ г. Микіельсъ [1])—пробудить привязанность къ нимъ, обезпечить ихъ возвращеніе. Все, что предлагали читателямъ и зрителямъ, относилось къ біографіи Бурбоновъ, къ ихъ памятникамъ, ихъ качествамъ, ихъ поэтамъ, ихъ двору, ихъ привычкамъ. Когда звѣзда военнаго властителя померкла средн бури, когда онъ долженъ былъ отправиться въ изгнаніе, всѣ взоры обратились къ древней фамиліи королей. Онъ самъ указалъ имъ на этотъ путь; онъ самъ создалъ въ обществѣ сочувствіе къ Бурбонамъ и подготовилъ тронъ, на которомъ должны были возсѣсть они».

[1]) Histoire des Idées littéraires en France aux XIX siècle. II, p. Michiels.

Digitized by Google

Реакція религіозная и историческая развилась съ новою силою при реставраціи. Но такъ какъ съ этою эпохою совпало и освобожденіе слова, то въ литературномъ поворотѣ, характеризовавшемъ реставрацію, откликнулись вмѣстѣ всѣ мотивы, выработанные современностью: и сближеніе съ природою, и освобожденіе отъ обветшавшихъ узъ классицизма, и трансцендентный спиритуализмъ, и внутренній разладъ въ человѣкѣ, разладъ между высокими стремленіями, выспренними притязаніями и реальною ничтожностью личности среди природы, непреложные законы которой въ однихъ энтузіастахъ того времени порождали фатализмъ и презрѣніе къ жизни, а въ другихъ еще болѣе возбуждали религіозное чувство, которымъ и безъ того была проникнута эпоха реставраціи.

Толкователемъ германской философіи явился Кузенъ, который первый во Франціи провозгласилъ и теорію «искусства для искусства». Толкователемъ исторіи явился Жозефъ де-Местръ. Поэтомъ всей субъективности того времени, но субъективности, въ которой нота религіознаго примиренія уже преобладала надъ такъ-называемымъ «демоническимъ» презрѣніемъ къ жизни, явился Ламартинъ. Общество, уставшее отъ сомнѣній, страдавшее отъ глубокихъ ранъ нанесенныхъ политическою борьбою, онъ увлекалъ въ безконечность, въ душу человѣка, въ созерцаніе будущей судьбы, въ картины природы, во храмъ всѣхъ нѣжнѣйшихъ чувствъ сердца. Заимствовавъ отъ старой школы классичность формы, онъ влилъ въ эту форму такое содержаніе, которое составило впослѣдствіи одну изъ существенныхъ частей романтизма. Онъ былъ и классикомъ и романтикомъ вмѣстѣ еще до начала ожесточенной борьбы между этими двумя школами, и при первомъ появленіи покорилъ себѣ вдругъ вниманіе и Франціи, и Европы. Напомнимъ забытый фактъ, что у насъ «Méditations» Ламартина, вскорѣ послѣ появленія ихъ, а именно въ 1821 г., изданы были департаментомъ народнаго просвѣщенія, сошлемся и на такъ-называемыхъ «людей сороковыхъ годовъ» — кому изъ нихъ Ламартинъ не былъ другомъ юности, дорогимъ уже и послѣ того, какъ его далеко опередило время?

Обратимся теперь къ происхожденію и воспитанію Ламартина; эти свѣдѣнія покажутъ намъ, какъ все приготовило его именно къ той роли, которая столь соотвѣтствовала настроенію времени реставраціи.

Альфонсъ де-Ламартинъ родился въ Маконѣ 21-го октября 1792 [1]), по другимъ свѣдѣніямъ 1791 и даже 1790 года [2]). Дѣдъ

[1]) Nouvelle Biographie Générale publiée par MM. Firmin Didot frères, sous la direction de M. le Dr. Hoefer, 1859, T. 29.

[2]) Vapereau, Dictionnaire des Contemporains, 1858.

Digitized by Google

и отецъ его — оба были капитаны королевской службы. Дѣдъ имѣлъ самъ большія помѣстья и женился на богатой наслѣдницѣ. Отецъ Альфонса былъ младшій сынъ въ семействѣ и для отличія носилъ имя одного изъ помѣстьевъ своего отца, именно замка Пра (Prât). Самъ Альфонсъ въ дѣтствѣ носилъ эту фамилію, пока настоящая фамилія его рода, именно Lamartine, не перешла къ нему по смерти того дяди, который носилъ ее. Отсюда сбивчивость въ показаніяхъ біографовъ. Нѣкоторые говорятъ, что настоящая фамилія поэта была de Prât, и имя de-Lamartine онъ принялъ самъ, отъ одного изъ дядей; иные прибавляютъ еще: со стороны матери [1]). Но сомнѣніе тутъ невозможно потому, что самъ Ламартинъ [2]) называетъ своего отца постоянно chevalier de Lamartine, а въ другомъ мѣстѣ [3]) разъясняетъ все дѣло такимъ образомъ: «его полковые товарищи и люди общества звали кавалеромъ де-Ламартинъ; простолюдины же и люди неблизко знакомые называли его г. де-Пра (de-Prât). Это было имя одного изъ нашихъ имѣній въ Франш-Конте, данное дѣдомъ отцу, для отличія отъ братьевъ. Мать мою звали всегда M-me de-Prât, и самъ я носилъ это имя до смерти старшаго изъ моихъ дядей».

Дѣдъ Ламартина былъ богатъ, но имѣнія его раздробились между шестью его дѣтьми, такъ-какъ майораты были уже уничтожены революціею. На долю отца Альфонса осталось немного, но онъ женился на Алисѣ де-Руа (des Roys), которой отецъ былъ генеральнымъ интендантомъ финансовъ герцога Орлеанскаго, и которая принесла ему въ приданое 3 тыс. ливровъ въ годъ. Послѣ женитьбы, онъ вышелъ въ отставку, но слухъ объ опасностяхъ, которымъ подвергалась королевская фамилія, заставилъ его возвратиться въ Парижъ, гдѣ онъ принялъ участіе въ извѣстной оборонѣ дворца швейцарцами, 10-го августа 1792, въ которомъ большая часть швейцарцевъ была перебита. Возвратясь въ Маконъ, капитанъ де-Ламартинъ, вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ, отцомъ, братьями и сестрами былъ арестованъ и привезенъ въ Отёнъ (Autun); семейство было скоро освобождено, но капитанъ остался въ заключеніи, до самаго паденія Робеспьера, 9 термидора; тогда кавалеръ Ламартинъ поселился съ семействомъ въ деревнѣ Милльи, близъ Макона. Здѣсь семейство Ламартина жило въ положеніи обезпеченномъ, хотя и очень далекомъ отъ богатства.

[1]) Männer der Zeit, 642.
[2]) Confidences, L. 1. IV.
[3]) Nouvelles Confidences, V.

Digitized by Google

«Всѣмъ воспитаніемъ моимъ—говоритъ Ламартинъ [1]) — управляли взоры моей матери и ея улыбка, ея взоры болѣе или менѣе ясные, улыбка болѣе или менѣе сердечная. Она распоряжалась моимъ сердцемъ. Она требовала отъ меня только правды и доброты: я былъ правдивъ и добръ безъ всякаго старанія. Въ отцѣ я видѣлъ примѣръ прямодушія, доходившаго до щепетильности; въ матери — примѣръ доброты до доблестнаго самоотверженія. Я дышалъ добротою и не могъ быть иначе, какъ добръ. Мнѣ никогда не предстояло *борьбы* ни съ самимъ собой, ни съ кѣмъ бы то ни было. Все привлекало, ничто не принуждало меня. Учили меня немного и то, чему учили, давалось мнѣ въ видѣ награды. Единственными учителями были мнѣ отецъ и мать; я видѣлъ, что они читали, и самъ захотѣлъ читать; они писали, и я просилъ ихъ научить меня буквамъ. Все это дѣлалось играючи, какъ бы между дѣломъ; учился я сидя на колѣняхъ, въ саду, у камина въ гостиной, среди шутокъ, улыбокъ, ласкъ. Мнѣ нравилось учиться, я самъ старался вызывать эти короткіе и занимательные уроки. Такимъ-то образомъ, я научился всему, что слѣдовало знать, научился, правда, поздненько, но не помня когда что узналъ, и не видавъ даже нахмуренныхъ бровей и воспитателей. Я шелъ впередъ, не сознавая своихъ шаговъ».

Чему же учился Ламартинъ-ребенокъ, кто открывалъ передъ нимъ свѣтъ, кто были первые, наиболѣе дѣятельные совѣтники и наставники его дѣтства: библія, басни Лафонтена, сочиненія г-жи Жанлисъ, Беркена, отрывки изъ Фенелона и Бернардена де-Сен-Піерръ, «Освобожденный Іерусалимъ», «Робинсонъ», наконецъ — трагедіи Вольтера. Г-жа Ламартинъ почерпнула свои идеи о воспитаніи изъ Руссо и Бернардена де-С.-Піерръ; она не торопилась образованіемъ ребенка. «Она справедливо полагала, что когда мои умственныя силы разовьются годами и здоровьемъ тѣла и души, я такъ же легко, какъ всякій другой мальчикъ, усвою себѣ ту малую толику греческаго, латыни и цифири, изъ которыхъ состоитъ та тривіяльная литературность, которую называютъ образованіемъ. Она думала только о томъ, чтобъ сдѣлать изъ меня счастливаго ребенка, здравый умъ и любящую душу,—созданіе божіе, а не игрушку людей».

На двѣнадцатомъ году его послали къ сосѣднему священнику учиться по-латыни, и такъ какъ священникъ оказался плохимъ учителемъ, то Ламартина отправили въ школу, въЛіонъ, въ 1805 году. Но онъ не выдержалъ школьной жизни и выпросился домой. Потомъ онъ поступилъ въ славившееся въ то время учи-

[1]) Confidences, L. IV. VII.

Digitized by Google

лище, которое содержали іезуиты въ Беллеѣ на границѣ Савойи. Насколько Ламартинъ пріобрѣлъ знакомства съ древними языками и древнимъ міромъ — онъ пріобрѣлъ здѣсь. Оставилъ онъ училище въ 1809 году. Возвратясь въ Милльи, юноша предался опять той мечтательной праздности, которая развивала въ его уже отъ рожденія впечатлительной природѣ страсть ко всему высокому (sublime) и увлеченіе сферами «возвышеннаго», какъ будто это были родныя его или предназначенныя для исключительнаго мѣстопребыванія его сферы.

Онъ читалъ и, разумѣется, читалъ съ жадностью тѣхъ поэтовъ, которые до того времени были ему недоступны. Іезуитское училище нисколько не укрѣпило его природы и не дало ему того свойства самоограниченія, самоповѣрки, которое бываетъ обыкновенно едва ли не лучшимъ пріобрѣтеніемъ, выносимымъ изъ школьной общины. У іезуитовъ все велось почти также тихо и кротко, какъ въ домѣ его матери, и всего болѣе развивалась именно религіозная медитація, съ которой онъ уже свыкся дома. «Все искусство ихъ — говоритъ Ламартинъ о своихъ учителяхъ, іезуитахъ — состояло въ томъ, чтобы заинтересовать насъ въ успѣхахъ училища, вести насъ собственной нашей волею и собственнымъ нашимъ энтузіазмомъ. Я подчинился безъ сопротивленія игу, которое отличные учителя умѣли сдѣлать мягкимъ и легкимъ. Казалось, одинъ божественный духъ вдохновлялъ и учителей, и учениковъ.... Тутъ-то я увидѣлъ, что можно дѣлать изъ людей, дѣйствуя на нихъ не принужденіемъ, а вдохновеніемъ. Религіозное чувство одушевляло насъ всѣхъ. Учителя умѣли сдѣлать это чувство любезнымъ и создать въ насъ страсть къ Богу [1]) (la passion de Dieu) [2]).» Еслибы воспитаніе юноши-Ламартина остановилось на этомъ періодѣ, когда онъ прокрадывался ночью въ церковь, цѣловалъ камни пола и терялся въ пламенномъ обожаніи, напоминающемъ экстазы св. Терезы,—то изъ него могло бы выйти нѣчто въ родѣ французскаго Клопштока, такъ какъ время требовало поэта въ этомъ родѣ. Но молодой Ламартинъ на этомъ не остановился. Темпераментъ его былъ слишкомъ пылокъ для того, чтобы онъ могъ ограничиться мистицизмомъ. Онъ въ то время еще не читалъ великихъ поэтовъ, воспѣвавшихъ человѣческія страсти.

Теперь, на свободѣ, въ деревнѣ, семнадцатилѣтній мальчикъ изъ школы іезуитовъ пошелъ въ школу Данта, Петрарки, Шекс-

---

[1]) Confidences, L .VI. III.

[2]) Впослѣдствіи, вспоминая о своихъ учителяхъ-іезуитахъ, онъ сказалъ: «Не люблю имени, которое они носили; но почитаю ихъ добродѣтель»... Nouvelles Confidences, p. 8.

Digitized by Google

пира, Мильтона, Оссіана. Болѣе всѣхъ привлекъ его именно наиболѣе туманный, фантастичный Оссіанъ, бардъ спиритуалистическаго Сѣвера. Но всѣ они научили его мечтать о любви, и стремиться къ ней. Первый поэтическій эпизодъ, въ который вставилъ себя Ламартинъ, имѣлъ предлогомъ именно Оссіана. Онъ нашелъ такое же сочувствіе къ нему, какого былъ исполненъ самъ, въ дочери одного сосѣдняго дворянина, Люціи. Повѣсть его объ этой ребяческой любви, о свиданіи у подножія башни, въ которой жила Люція, весь этотъ эпизодъ, окончившійся, разумѣется, выходомъ Люціи замужъ, принадлежитъ къ самымъ граціознымъ изъ разсказовъ Ламартина.

Легитимистскія антипатіи его отца и всѣхъ родственниковъ не позволяли ему вступить въ службу Наполеона, а другого занятія, для дворянина, хотя бы и либеральнаго образа мыслей, еще не было. Отсюда истекъ для Ламартина неопредѣленный періодъ праздности. Въ 1811 году, его послали, съ одной родственницей, въ Италію. Въ Тосканѣ онъ соскучился опекою родственницы, и ушелъ отъ нихъ, продолжать, безъ денегъ, и никого не зная, путешествіе по Италіи. Онъ путешествовалъ какъ настоящій поэтъ по странѣ поэзіи и жилъ съ артистами, съ которыми сводилъ его случай. Такъ на пути изъ Флоренціи въ Римъ, онъ познакомился съ однимъ очень пожилымъ человѣкомъ и сопровождавшимъ его молодымъ человѣкомъ. Старикъ этотъ оказался знаменитымъ теноромъ первой россиніевской школы. Это былъ Давидъ [1]). Спутникъ его впослѣдствіи оказался хорошенькой женщиной, которая познакомила Ламартина съ примѣчательностями Рима. Нѣкоторое время Ламартинъ жилъ съ однимъ живописцомъ, безъ денегъ и безъ труда. Наконецъ, онъ встрѣтился съ однимъ изъ своихъ французскихъ друзей, который выручилъ его изъ безпомощнаго положенія. Они стали жить вмѣстѣ, вмѣстѣ гулять и мечтать.

Къ тому времени принадлежитъ поэтическій эпизодъ въ жизни Ламартина—встрѣча съ Граціеллою. Граціелла была дочь рыбаковъ, жившихъ на берегу Марджеллины, у подножія Позилиппа, подъ гробницею Виргилія. Ее хотѣли выдать за рыбака: она убѣжала и хотѣла сдѣлаться монахинею, ее перестали принуждать къ замужеству. Ламартинъ и другъ его Вирьё поселились въ

---

[1]) Ламартинъ говоритъ о немъ: «Это былъ человѣкъ уже очень зрѣлыхъ лѣтъ; онъ отправлялся въ Неаполь пѣть въ послѣдній разъ на театрѣ Сан-Карло». Ламартину было въ то время 18 лѣтъ; если Давидъ въ 1810 году былъ уже старикъ, то сколько же лѣтъ было бѣдному пѣвцу, когда онъ умеръ въ госпиталѣ, здѣсь въ Петербургѣ, въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ? Прибавимъ, что Давидъ женился въ Россіи лѣтъ за двадцать до смерти и имѣлъ сына.

Digitized by Google

рыбацкой деревнѣ и жили сами рыбаками. Везувій, острова Искія и Прочида, гробница Виргилія, маяки Неаполитанскаго залива, дальше, огни въ окнахъ палаццовъ Неаполя, жизнь среди рыбаковъ, поэзія всѣхъ вѣковъ, согрѣтая восмьнадцатилѣтнею кровью, любовь красивой дѣвушки, съ наивностью и страстью юга—вотъ слишкомъ достаточно данныхъ для очарованія. И Ламартинъ былъ очарованъ, но не болѣе какъ очарованъ; онъ сознается, что былъ еще слишкомъ неразвитъ, чтобы понять цѣну той безотчетной, даже робкой любви, какую предлагала ему Граціелла. Онъ думалъ, что любитъ ее, но когда, послѣ усиленныхъ приказаній изъ дому, за нимъ наконецъ пріѣхалъ другъ и потребовалъ отъ него жертвы именемъ матери,—онъ уѣхалъ, а Граціелла чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ умерла.

Никакое описаніе вымышленной любви не можетъ сравниться съ простымъ разсказомъ Ламартина о Граціеллѣ и изъ всѣхъ пѣсенъ любви, когда-либо сочиненныхъ, едва ли есть хоть одна болѣе глубокотрогающая читателя, какъ знаменитая элегія: «le Premier Regret»:

Sur la plage sonore où la mer de Sorrente
Déroule ses flots bleus au pied de l'oranger,
Il est près du sentier, sous la haie odorante,
Une pierre petite, étroite, indifférente
Aux pieds distraits de l'étranger....

. . . . . .

. . . . . .

Nul ne visite plus cette pierre effacée,
Nul n'y songe et n'y prie!.... excepté ma pensée,
Quand, remontant le flot de mes jours révolus,
Je demande à mon coeur tous ceux qui ne sont plus,
Et que, les yeux flottants sur de chères empreintes,
Je pleure dans mon ciel tant d'étoiles éteintes!
Elle fut la première, et sa douce lueur
D'un jour pieux et tendre éclaire encore mon coeur.

Эпизодъ Граціеллы относится къ 1813 году.

Вскорѣ послѣ возвращенія молодого Ламартина въ домъ родителей, въ первый разъ палъ Наполеонъ. Въ томъ же 1814 году, Ламартинъ отправился въ Парижъ и поступилъ въ королевскую гвардію. Онъ былъ въ конвоѣ, провожавшемъ Бурбоновъ до границы, когда Наполеонъ вернулся съ острова Эльбы. Ламартинъ не захотѣлъ служить имперіи и опять уѣхалъ заграницу, въ Швейцарію и Савойю. При второй реставраціи, онъ опять поступилъ въ гвардію, но скоро жизнь гвардейскаго офицера въ Парижѣ наскучила поэту и онъ удалился снова въ Савойю. Тамъ онъ познакомился съ графомъ де-Местромъ, и это знакомство не мало содѣйствовало къ укрѣпленію въ немъ началъ положительной

Digitized by Google

религіозности и легитимизма. Это было въ 1816 году. До тѣхъ поръ Ламартинъ, какъ онъ говоритъ «не написалъ еще двадцати стиховъ къ ряду», за исключеніемъ извѣстной пьесы «Сафо», которая была написана имъ именно для того, чтобы убѣдиться можетъ ли онъ произвесть стихотвореніе сколько-нибудь значительное [1]). Жизнь, какую оно велъ въ Парижѣ, очерчена коротко въ томъ же отрывкѣ, и оказывается, что главною страстью и главнымъ занятіемъ Ламартина, какъ и товарищей его по гвардіи, была бѣшеная игра.

Ему предстояла новая любовь, уже болѣе сознательная. Въ 1816 году, онъ встрѣтился въ Эксѣ (Aix) съ молодою креолкою, которая была замужемъ за старикомъ, извѣстнымъ ученымъ. Эта креолка и есть та женщина которая въ «Méditations» является подъ именемъ Эльвиры, и въ «Rafael» подъ именемъ Юліи. Прозваніе «пѣвца Эльвиры» упрочилось за Ламартиномъ, какъ за Петраркомъ прозваніе «пѣвца Лауры.»

Въ 1817 году онъ возвратился въ Парижъ, потому именно, что хотѣлъ встрѣтить ее опять, и остановился у своего друга, графа Эмона де-Вирьё. Въ это время, влюбленный, онъ сталъ писать, и первая его поэзія была въ элегическомъ родѣ. «Онъ (Вирьё) ввелъ меня у г-жи де-Сент-Олеръ, своей кузины, г-жи де-Резкуръ, г-жи де-ла-Тремуйль, герцогини де-Брольи. Г-жа Сент-Олеръ и подруга ея, герцогиня Брольи, были въ это время свѣтилами парижскаго свѣта, моды, политики и литературы. Вѣкъ литературный и философскій возрождался въ ихъ обществѣ въ лицѣ г. Вилльмена, г. Кузена, друзей г-жи Сталь, недавно похищенной у славы, всѣхъ ораторовъ, писателей, всѣхъ поэтовъ того времени. Тамъ-то я увидѣлъ впервые тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые долженствовали занять столь высокія мѣста въ исторіи своей страны: г. Гизо, г. де-Монморанси, г. де-Лафайетта, Сисмонди, Лебрёна, знаменитыхъ американцевъ и англичанъ, которые являлись на континентъ. Я самъ былъ, какъ бы чужимъ въ своей странѣ. Я смотрѣлъ, иногда самъ былъ предметомъ вниманія; говорилъ я мало, въ близкія отношенія не вступалъ ни съ кѣмъ. Раза два, три меня уговорили прочесть стихи. Ихъ одобрили, одобрили меня. Гласность моего имени началась устами этихъ двухъ милыхъ женщинъ. Онѣ любезно и снисходительно представляли меня своимъ друзьямъ; но я постоянно ступевывался. Я погружался въ тѣнь, какъ только онѣ отнимали свой свѣтъ [2]).»

---

[1]) Nouvelles Méditations. Commentaire à Sapho.

[2]) Nouvelles Méditations, 1-er Commentaire ou Passé.

Digitized by Google

Однако не одно одобреніе салоновъ, но и положительная нужда заставили его попробовать издать накопившіяся стихотворенія. Первый издатель, которому онъ предложилъ ихъ, посовѣтовалъ ему поучиться еще, не торопиться выступленіемъ передъ гласностью. Поэту предстояло еще одно испытаніе прежде, чѣмъ онъ былъ признанъ поэтомъ: Эльвира его умерла, какъ умерла Граціелла. Впослѣдствіи, онъ и ея смерти посвятилъ вдохновенную элегію, которая по поэтической прелести немного уступаетъ знаменитой пьесѣ «le Premier Regret», но по силѣ чувства значительно превосходитъ ее, такъ какъ эта любовь была уже гораздо болѣе зрѣлою.

Такъ какъ въ этомъ біографическомъ очеркѣ мы предпочитаемъ напомнить читателямъ о Ламартинѣ самимъ Ламартиномъ, то приведемъ еще нѣсколько стиховъ изъ этого великолѣпнаго гимна вѣрѣ и любви. Онъ называется «le Crucifix» [1]) и обращенъ къ тому кресту, съ которымъ умерла Эльвира и который былъ переданъ Ламартину:

O, dernier confident de l'âme qui s'envole,
Viens, reste sur mon coeur! parle encore et dis-moi
Ce qu'elle te disait, quand sa faible parole
N'arrivait plus qu'à toi.

. . . . . .

. . . . . .

Tu sais, tu sais mourir! et tes larmes divines,
Dans cette nuit terrible où tu prias en vain,
De l'olivier sacré baignèrent les racines
Du soir jusqu'au matin.

. . . . . .

Au nom de cette mort, que ma faiblesse obtienne
De rendre sur ton sein ce douloureux soupir:
Quand mon heure viendra, souviens toi de la tienne,
O toi qui sais mourir!

Послѣ этой потери, Ламартинъ серьезно заболѣлъ. Жизнь и смерть, которую онъ такъ часто встрѣчалъ въ кругѣ наиболѣе дорогихъ ему существъ, болѣе и болѣе вырабатывали въ немъ религіозность. Религіозность эта приняла въ то время характеръ мрачный; мысль о скоротечности всего земного, такъ преобладающая въ Ламартинѣ, отразилась въ одномъ изъ лучшихъ первыхъ его стихотвореній: «le Lac» [2]), написанномъ при возвращеніи, въ 1817 году, въ Эксъ, при видѣ Буржетскаго озера, свидѣтеля любви, а теперь свидѣтеля слезъ поэта. Укрѣпленію соб-

[1]) Помѣщенъ въ Nouv. Méditations, p. 142.
[2]) Помѣщено въ Méditations, XI.

Digitized by Google

ственно легитимистскихъ идей въ Ламартинѣ въ это время содѣйствовало вообще сближеніе съ высшими легитимистскими кругами, съ фамиліями Рогановъ, Монморанси, Брольи и т. д. Оглядываясь на это прошлое, въ предисловіи къ сочиненію, написанному лѣтъ тридцать позже, когда Ламартинъ уже провозглашалъ право народное, право естественное, онъ все-таки признается въ своей нѣжности или слабости въ пользу реставраціи... Это возстановленіе казалось возвращеніемъ монархіи исправленной изгнаніемъ и свободы очищенной искупленіемъ; это была эпоха мирнаго возрожденія умственной жизни и либерализма во Франціи [1]).

Изъ представленнаго нами очерка видна личность Ламартина и мѣсто, какое онъ долженъ былъ занять въ литературѣ своего народа. Намъ остается теперь перечислить данныя его общественной дѣятельности, какъ писателя и политическаго человѣка.

Méditations (первыя) Ламартинъ напечаталъ въ 1820 году; они были изданы неизвѣстнымъ книгопродавцемъ Николлемъ, который разбогатѣлъ на нихъ. Этотъ небольшой сборникъ религіозныхъ и любовныхъ мечтаній произвелъ огромное впечатлѣніе; субъективность, мечтательность, внутренній разладъ души и примиреніе его религіею—все это било прямо въ наиболѣе чувствительный нервъ современности. «Отчаяніе» и «Отвѣтъ Провидѣнія человѣку», «Озеро», «Лорду Байрону»—вотъ тѣ медитаціи, которыя стяжали наибольшую и мгновенную обще-европейскую славу. Извѣстный критикъ Сент-Бёвъ называетъ «Озеро» «неожиданнымъ совершенствомъ, образомъ, который однажды найденный поэтомъ, былъ тотчасъ узнанъ всѣми сердцами» [2]).

До сихъ поръ мы еще не остановились на художественной формѣ Ламартина. Біографъ невѣрный и плохой мыслитель, извѣстный Жако́, нашелъ для опредѣленія ея совершенно вѣрную фразу: «Никогда ни одинъ поэтъ не превосходилъ Ламартина въ сладости ритма и чистотѣ аккордовъ» [3]). Сент-Бёвъ, съ свойственнымъ ему остроуміемъ неразлучнымъ съ тонкою ироніею, сравниваетъ поэзію Ламартина съ «безконечнымъ горизонтомъ Тихаго океана; на океанѣ наступаетъ иногда скучный штиль, но какое великолѣпіе, даже тогда; какая прелесть картинъ, а при малѣйшемъ порывѣ вѣтра какое возстаніе волнъ могучихъ, но мягкихъ, гигантскихъ, но прекрасныхъ».

---

[1]) Histoire de la Réstauration, 1851 T. I.
[2]) Portraits Contemporains, T. I.
[3]) Eugène de Mirecourt. Lamartine.

Digitized by Google

Плѣнительныя свойства ламартиновской поэзіи много утратили изъ дѣйствія своего даже на современниковъ отъ *злоупотребленія* «возвышенностью и сладостью». Мало того, громадное тщеславіе поэта, совершенно ослѣпившее его на счетъ того, какое впечатлѣніе должны были производить на людей посторонних его наивные отзывы о самомъ себѣ и своей поэтической силѣ, побудило его написать комментаріи, въ которыхъ читателя положительно оскорбляетъ отсутствіе всякой деликатности въ отношеніи поэта и къ его горю и въ особенности къ его личности. Ламартинъ въ своей прозѣ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ отрывковъ «Признаній») и въ жизни вѣчно позировалъ передъ публикою, и публикѣ это, наконецъ, до такой степени надоѣло, что и на самую поэзію Ламартина перешло нѣкоторое предубѣжденіе. Нѣчто подобное случилось и съ другимъ пѣвцомъ личныхъ страданій, съ Геприхомъ Гейне. Но Гейне, вопервыхъ, выкупалъ саркастичностью монотонность жалобъ, и во-вторыхъ, далеко не такъ наивно предавался самообожанію, какъ Ламартинъ.

Послѣ этого примѣчанія, возвращаясь къ первымъ Méditations и къ Nouvelles méditations, изданнымъ въ 1823 году, мы должны признать, что этихъ двухъ книгъ достаточно для укрѣпленія за Ламартиномъ прочной славы одного изъ поэтовъ, принадлежащихъ всему человѣчеству и всѣмъ временамъ, хотя, конечно, онъ уже давно не имѣетъ того значенія и не возбуждаетъ того энтузіазма, какія были обусловлены особымъ характеромъ того времени, когда онъ явился органомъ общественнаго настроенія.

Правительство реставраціи поспѣшило признать пѣвца своей эпохи. Онъ получилъ лестное письмо отъ министра внутреннихъ дѣлъ, по приказанію короля, и мѣсто секретаря посольства въ Неаполѣ, тотчасъ послѣ изданія первыхъ Méditations. Въ Женевѣ онъ женился на богатой англичанкѣ Елизѣ Бёрчъ (Birch), съ которою познакомился за годъ передъ тѣмъ, и проведя года 1821 и 1822 въ Неаполѣ, обезпеченный и свободный, написалъ тѣ стихотворенія, которыя помѣщены въ Nouvelles méditations. Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ въ этомъ сборникѣ — ода на смерть Бонапарта:

Ici gît... point de nom! demandez à la terre!
Ce nom, il est inscrit en sanglant caractère
Des bords du Tanaïs au sommet du Cédar,
Sur le bronze et le marbre, et sur le sein des braves,
Et jusque dans le coeur de ces troupeaux d'esclaves,
Qu'il foulait tremblants sous son char.
. . . . . .
. . . . . .

Digitized by Google

Les dieux étaient tombés, les trônes étaient vides;
La victoire te prit sur ses ailes rapides;
D'un peuple de Brutus la gloire te fit roi.
Ce siècle, dont l'écume entraînait dans sa course
Les moeurs, les rois, les dieux.... refoulé vers sa source,
Recula d'un pas devant toi.

Эта ода, въ которой проявилась энергія, несвойственная Ламартину, и которая, за исключеніемъ двухъ-трехъ строфъ, безспорно принадлежитъ къ образцовымъ отрывкамъ поэзіи, — уже сама обнаруживаетъ, до какой степени поэтъ былъ неспособенъ къ трезвому и логичному политическому мышленію. Упрекать Наполеона не за то, что онъ, консулъ республики, похитилъ въ ней верховную власть, а за то, что онъ не передалъ этой власти Бурбонамъ — слишкомъ нелѣпо. Кромѣ того, здѣсь проявляется то направленіе, котораго Ламартинъ постоянно держался и впослѣдствіи въ парламентской и государственной дѣятельности: Ламартинъ былъ—моралистъ въ политикѣ. На обстоятельства и людей онъ смотрѣлъ не съ точки зрѣнія потребностей страны и возможностей момента, а съ облачной высоты безусловной морали. Надо отдать ему справедливость: побужденія его всегда были чистыя, дѣйствія всегда безукоризненно-благородны, но результатомъ всего этого часто оказывались пустяки, потому что одного благородства и морали недостаточно даже, чтобъ хлѣбъ печь, а не только, чтобы управлять страной.

Въ 1824 году, Ламартинъ былъ переведенъ секретаремъ посольства во Флоренцію. Здѣсь онъ напечаталъ свою «Послѣднюю пѣснь Чайльдъ-Гарольда», пьесу, которая не идетъ ни въ какое сравненіе съ могучимъ полетомъ англійскаго поэта. Нѣсколько стиховъ, упоминавшихъ о нравственномъ паденіи итальянскаго народа вызвали оскорбительное возраженіе въ печати, написанное полковникомъ Пепе, неаполитанскимъ эмигрантомъ. Ламартинъ былъ раненъ. Въ 1829 году, князь Полиньякъ призвалъ Ламартина въ Парижъ и предложилъ ему мѣсто генеральнаго секретаря (товарища) министра иностранныхъ дѣлъ; Ламартинъ не принялъ его потому, что не сочувствовалъ реакціоннымъ намѣреніямъ этого кабинета, погубившаго реставрацію. Ламартинъ держался въ то время одной линіи убѣжденій съ Шатобріаномъ.

«Les Harmonies Poétiques et Religieuses» появились въ 1830 году, вскорѣ послѣ избранія Ламартина членомъ французской академіи. «Les Harmonies» воспроизводятъ ту же религіозную ноту, которою запечатлѣны первыя «Méditations», но тотъ внутренній разладъ, тѣ страданія, которыя въ первыхъ стихотвореніяхъ Ла-

Digitized by Google

мартина придаютъ характеръ болѣе свѣтскій, здѣсь чувствуются уже гораздо слабѣе. Религіозность въ «Harmonies»—за немногими исключеніями — имѣетъ характеръ строгій, почти церковный. Примиреніе бурь жизни религіею уже произошло окончательно. Многія изъ этихъ «Harmonies»—настоящіе псалмы. Вмѣстѣ съ погруженіемъ поэта въ безусловный спиритуализмъ, и самое развитіе мысли его нѣсколько утратило опредѣленности, а форма—точности (которая и прежде не была преобладающей чертою въ ламартиновской поэзіи). Онъ самъ признаетъ это: «Прошу извинить несовершенства слога, которыя часто оскорбляютъ изысканный вкусъ. То, что̀ чувствуется сильно, пишется скоро. Только геніямъ дано соединять два качества взаимно исключающіяся—вдохновеніе и правильность [1]). Къ «Harmonies» былъ приложенъ «отрывокъ библейской трагедіи смерть Іонаѳана, сына Саула.»

Ламартинъ получилъ постъ посланника къ принцу Леопольду, предназначенному въ короли Греціи, а когда принцъ (впослѣдствіи король бельгійцевъ) не принялъ этой короны, Ламартинъ отправился опять туристомъ въ Швейцарію, гдѣ его и застала іюльская революція. Онъ подалъ въ отставку и никогда не служилъ орлеанской монархіи.

Иные упрекаютъ Ламартина въ политическомъ непостоянствѣ за то, что онъ, легитимистъ, тотчасъ сталъ искать депутатства при іюльской монархіи и нерѣдко поддерживалъ министерство Людовика-Филиппа. На самомъ дѣлѣ никакого непостоянства тутъ не было. Вотъ прошеніе объ отставкѣ, поданное имъ королю чрезъ посредство министра иностранныхъ дѣлъ Моле: «Признавая фактъ и право совершившейся революціи, я готовъ служить моей странѣ въ палатахъ и во всякихъ избирательныхъ, неоплачиваемыхъ должностяхъ. Но хотя я не скрывалъ отъ себя ошибокъ павшей династіи, я служилъ ей и сожалѣю о ея несчастіяхъ. Я не хочу, оставаясь на службѣ вашего величества, имѣть видъ человѣка, который передается отъ одного правительства другому, вмѣстѣ съ успѣхомъ. Я становлюсь не въ оппозицію, а просто въ независимое положеніе» [2]). Людовикъ-Филиппъ велѣлъ ему сказать, чтобы онъ по прежнему являлся ко двору, но онъ не воспользовался этимъ приглашеніемъ, не принявъ и совѣтовъ Таллейрана, съ которымъ встрѣтился потомъ въ Лондонѣ—вступить снова на дипломатическую карьеру.

Избранія въ должность онъ добивался, но только для того,

---

[1]) Harmonies poétiques et religieuses. Avertissement.

[2]) La Tribune de M. de Lamartine, 5, 1.

Digitized by Google

чтобы служить странѣ, а не съ цѣлью пріобрѣсть вліяніе на министерство и потомъ мѣсто — какъ то обыкновенно практиковалось въ царствованіе Людовика-Филиппа, періодъ безнравственный, который болѣе подкопалъ парламентаризмъ во Франціи, чѣмъ сколько могли бы сдѣлать знаменитыя Ordonances Карла X.

Слѣдуя своему убѣжденію:

Honte à qui peut chanter pendant que Rome brûle...

Ламартинъ явился кандидатомъ на избраніе, сперва въ Дюнкирхенѣ, и неудачно. Онъ отправился на Востокъ, съ женою и дочерью. Это путешествіе на Востокъ было до крайности фантастично. Онъ поѣхалъ на собственномъ кораблѣ, а потомъ ѣхалъ цѣлымъ караваномъ, съ многочисленной свитою. Деньги издерживалъ безъ счету. На Ливанѣ онъ посѣтилъ другую фантастическую путешественницу, племянницу Вильяма Питта, леди Эстеръ Стэнгопъ, которая жила тамъ въ то время въ построенномъ ею укрѣпленномъ замкѣ и считалась королевою мѣстныхъ арабскихъ племенъ (королевою Пальмиры). Леди Стэнгопъ вычитала Ламартину по звѣздамъ, что его ожидаетъ великая политическая задача, и Ламартинъ былъ именно такой ребенокъ, на котораго подобное предсказаніе могло, пожалуй, подѣйствовать, еслибы и прежде уже всѣ его мысли не были обращены къ политикѣ [1]).

Ламартинъ посѣтилъ Іерусалимъ въ октябрѣ 1832 года. Онъ поспѣшно выѣхалъ оттуда въ Бейрутъ, когда узналъ, что дочь его, Юлія, опасно заболѣла и засталъ ее уже при смерти. Въ тоже время (въ началѣ 1833 года) онъ получилъ извѣстіе о своемъ избраніи въ Бергѣ (Bergues, départ. du Nord). Описаніе путешествія на Востокъ [2]) есть, конечно, не что иное, какъ поэзія, но поѣздка эта получила и нѣкоторое политическое значеніе, въ томъ смыслѣ, что поэтъ свидѣтельствовалъ о жизненности и зрѣлости къ свободѣ христіанскихъ племенъ, подчиненныхъ Портѣ; слова его къ національному чувству сербовъ и болгаръ не остались безъ слѣда въ умахъ образованной славянской молодежи.

Ламартинъ самъ необыкновенно удачно характеризуетъ положеніе, которое онъ занялъ въ палатѣ депутатовъ при вступ-

---

[1]) Леди Стэнгопъ и Ламартинъ имѣли сходную судьбу: обоихъ ихъ необузданная фантазія довела до разоренія и бѣдности.

[2]) Souvenirs, Impressions, Pensées et Paysages pendant un voyage en Orient; вышло въ 1835 году.

Digitized by Google

леніи въ нее, въ 1834 году: «Продолжительное путешествіе сдѣлало меня еще болѣе безучастнымъ по отношенію къ партіямъ, которыя раздѣляли мою страну. Среди парламентскихъ кружковъ я былъ чужой; мнѣ не трудно было уединиться отъ нихъ.—Гдѣ вы сядете? спросилъ меня наканунѣ одинъ пріятель.—На потолкѣ, отвѣчалъ я [1])». И въ самомъ дѣлѣ, во всей парламентской борьбѣ при Людовикѣ-Филиппѣ, Ламартинъ оставался именно «на потолкѣ». Это возвышенное мѣсто безспорно принадлежало ему и по непрактичности, и по безпристрастію и по благородству его въ палатахъ временъ орлеанской монархіи. Но самъ онъ понималъ свое положеніе не совсѣмъ такъ, и когда вожди партій и ихъ клевреты заряжали свои пушки громкими словами патріотизма, интересовъ страны, чести и т. д. съ весьма практическою цѣлью сбивать противниковъ съ ихъ мѣстъ или обороняться въ лестныхъ и доходныхъ позиціяхъ, и пожимали плечами надъ наивными рѣчами Ламартина, который поддерживалъ то ту, то другую сторону, безкорыстно и по убѣжденію, хотя и не всегда дѣльно, и отсылали его «въ облака», «къ Эльвирѣ», то онъ пресерьёзно обижался.

Такъ, несмотря на отказъ свой служить подъ начальствомъ графа Молѐ, онъ поддерживалъ его кабинетъ, хотя и признавалъ его слишкомъ консервативнымъ, несоотвѣтствующимъ программѣ революціи 1830 года. Онъ поддерживалъ его именно потому, что его, какъ моралиста, возмущала коалиція самыхъ несогласныхъ партій—Тьера, Беррьѐ, Гизо́, Барро́, Дюфора, Гарнье-Пажѐса, честолюбцевъ, легитимистовъ, доктринеровъ, республиканцевъ — противъ честно-консервативнаго министерства, въ 1838—39 г. Когда извѣстный въ исторіи французскаго парламентаризма кружокъ 221 депутатовъ, поддерживавшихъ Молѐ, собравшись на совѣщаніе, предложилъ Ламартину предсѣдательство въ немъ, онъ отказался, прямо сказавъ имъ, что онъ — не ихъ человѣкъ, что они — консерваторы, а онъ прогрессистъ, и поддерживая ихъ въ данномъ случаѣ, на другой же день разойдется съ ними. Когда министерство Молѐ потерпѣло пораженіе вслѣдствіе интриги, устроенной Тьеромъ, Ламартинъ совѣтовалъ министрамъ уважить рѣшеніе парламента и удалиться. Впослѣдствіи, въ 1840 году, онъ сильно возставалъ противъ политики Тьера по восточному вопросу и на этотъ разъ понялъ положеніе дѣлъ лучше Тьера и Гизо́: онъ понялъ, что отдѣленіе Египта не могло удасться, потому что другія державы не могли

[1]) La Tribune, Préface.

Digitized by Google

согласиться на это начало раздѣла Турціи безъ ихъ участія [1]). Но когда Тьеръ, послѣ жестокаго нравственнаго пораженія, нанесеннаго Франціи четвернымъ союзомъ державъ, о которомъ французское правительство ничего не знало по оплошности Гизо, въ то время посланника въ Лондонѣ, когда Тьеръ, говорятъ, удалился, чтобы спасти Францію отъ неравной борьбы, Ламартинъ почувствовалъ къ нему уваженіе. Оппозиція противъ Тьера сблизила его съ Гизо, но въ 1842 году, рѣшительно выступилъ противъ консервативнаго направленія, принятаго монархіею вышедшею изъ революціи. Въ этомъ случаѣ, какъ еще гораздо ранѣе, при обсужденіи, такъ-названныхъ «сентябрьскихъ законовъ», когда впервые начался поворотъ къ консерватизму, вслѣдствіе извѣстнаго дѣла Фіески, Ламартинъ упрекалъ новое правленіе въ томъ, что оно пользуется разными случаями, чтобы вдаться въ реакцію и сѣтовалъ надъ безнравственнымъ зрѣлищемъ людей, отвергающихъ самую причину своего возвышенія. Жалуясь на застой, которому обрекали политическое преобразованіе Франціи, онъ выставлялъ «развратительное зрѣлище тѣхъ партій, которыя самыми священными стремленіями человѣчества пользуются только для того, чтобы захватить въ свои руки политическое положеніе; которыя, разъ захвативъ правленіе, покрываютъ оскорбленіями то самое знамя, которое привело ихъ къ побѣдѣ, ругаютъ то, что обожаютъ, обожаютъ то, что сами сломали и даютъ поводъ народу, развращаемому такими примѣрами, думать, что нѣтъ ни истины, ни лжи, ни добродѣтели, ни преступленія въ политикѣ, и что міръ принадлежитъ наиболѣе ловкому и наиболѣе смѣлому» [2]).

Эта цитата достаточно характеризуетъ положеніе Ламартина въ палатѣ. Это былъ, повторяемъ, моралистъ въ политикѣ. Слово его не было лишено значенія, какъ не лишенъ значенія упрекъ совѣсти, даже и для интриганта; но оно было лишено *дѣйствія*. Это мы разумѣемъ собственно о его словѣ въ парламентѣ. Мы сейчасъ увидимъ, что Ламартиномъ въ печати было произнесено слово, которое не осталось безъ дѣйствія.

Въ 1836 году, Ламартинъ издалъ небольшую поэму «Jocelyn», религіозно-романическую идиллію, въ которой вылились и вся прелесть и всѣ недостатки его таланта. Недостатки уже преоб-

---

[1]) Ламартинъ самъ требовалъ раздѣла, но предлагалъ отдать Константинополь Россіи, Египетъ Англіи, а Сирію взять Франціи. Съ логичностью теоретика, онъ думалъ, что если ужъ дѣлить, такъ раздѣлить все.

[2]) Discour du 22 aout 1835. Еще яснѣе онъ высказался въ рѣчи на обѣдѣ, данномъ ему въ Маконѣ, см. Discours du 4 juin 1843.

Digitized by Google

ладаютъ въ «la Chûte d'un ange» (1838) и въ «Recueillements Poétiques» (1839). Здѣсь обычная роскошь эпитетовъ и картинность стиля доходитъ мѣстами до несносной напыщенности и вообще видно усилie, неестественность, неопредѣленность мысли и фальшь въ изложеніи.

Продолжая безуспѣшно бороться въ палатѣ съ застоемъ іюльской монархіи и представителемъ этого застоя — Гизо, и потерявъ, наконецъ, надежду на возможность прогресса при правленіи, которое замкнулось въ личные интересы и подкапывало парламентаризмъ, обращая его въ нѣчто въ родѣ биржевой игры, поэтъ выступилъ въ 1847 году, какъ разъ послѣ того, какъ Гизо удалось эскамотировать новые выборы, благопріятные министерству, съ «Исторіею Жирондистовъ». Это первое историческое сочиненіе Ламартина, быть можетъ, менѣе всѣхъ послѣдующихъ, соблюдаетъ условія исторической вѣрности; авторъ позволилъ себѣ, иногда, даже нестрого сообразоваться съ хронологіею, для того, чтобы «группировать событія». Это сочиненіе — поэзія; но эта поэзія оказала дѣйствіе серьезнѣе всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ Ламартиномъ въ палатѣ депутатовъ—она популяризировала воспоминаніе о республикѣ, въ тотъ самый моментъ, когда Франціи надоѣлъ Гизо до невозможности и когда искусственный результатъ послѣднихъ выборовъ отстранилъ еще на нѣсколько лѣтъ самую надежду на возможность какой-либо перемѣны. Насчетъ огромнаго дѣйствія «Исторіи Жирондистовъ» на умы, и значенія этой книги въ подготовленіи вспышки 1848 г. согласны всѣ, отъ консерваторовъ, горько упрекавшихъ такое «злоупотребленіе талантомъ», до радикаловъ, которые, впослѣдствіи, были недовольны апологіею жирондистовъ.

Въ ту минуту, когда Ламартинъ, 28 февраля 1848 года, вошолъ въ комнату, служившую кабинетомъ Гизо, на столѣ лежала замѣтка, писанная рукою Гизо: «чѣмъ болѣе я слышу Ламартина, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что намъ не понять другъ друга» [1]).

Во время преній въ палатѣ, по отреченіи Людовика-Филиппа, когда нѣкоторые республиканцы, какъ Маррастъ и Бастидъ, соглашались на регенство герцогини Орлеанской, Ламартинъ рѣшительно отвергнулъ всякое соглашеніе съ династіею и объявилъ себя въ пользу провозглашенія республики, вмѣстѣ съ Мари и Кремьё. Когда Одилонъ-Барро сталъ говорить за регентство, Ламартинъ произнесъ рѣчь въ смыслѣ избранія времен-

[1]) Tribune, 21.

Digitized by Google

ного правленія. Все это происходило среди безпрестанныхъ вторженій вооруженнаго народа въ палату. Ламартинъ двинулся съ народомъ къ думѣ, гдѣ уже засталъ Гарнье-Пажеса. За Ламартиномъ вскорѣ послѣдовали Ледрю-Ролленъ, Кремье, Мари, Араго.

Извѣстно мужество, съ какимъ Ламартинъ являлся въ эти дни передъ рьяными толпами. Но самое вступленіе Ламартина въ составъ временнаго правленія республики было большою ошибкою со стороны радикаловъ, которые его допустили. Дѣло въ томъ, что Ламартинъ вступилъ въ это правленіе, и самъ того не сознавая, въ качествѣ представителя испуганной буржуазіи, то-есть въ качествѣ еще не сознавшей себя самое, но тѣмъ не менѣе положительной реакціи противъ движенія одержавшаго на минуту верхъ. Мы не беремся судить о томъ, что было лучше для Франціи—орлеанское правленіе или республика, но нельзя не признать, что вступленіе Ламартина въ составъ перваго правительства, созданнаго революціею, было во всякомъ случаѣ противорѣчіемъ этой революціи.

Ламартинъ былъ положительно неспособенъ къ той роли, которая ему выпала; онъ продолжалъ оставаться «на потолкѣ», противясь и консерваторамъ, и радикаламъ, и войнѣ, и диктатурѣ, и полному осуществленію республики [1]) и возстановленію монархіи. Онъ противился всѣмъ теченіямъ и защищалъ только одну мораль. Какъ моралистъ въ дѣйствіи, онъ оказалъ важныя услуги поддержаніемъ порядка на улицахъ и отмѣною смертной казни. Но какъ политическій дѣятель, онъ не справился съ положеніемъ и скоро сошелъ со сцены, скомпрометировавшись сперва передъ консерваторами — союзомъ съ Ледрю Ролленомъ, потомъ и передъ радикалами—сближеніемъ съ генераломъ Кавеньякомъ, и непремѣнно долженъ былъ потерять всякое значеніе.

Много личнаго мужества показалъ онъ въ усмиреніи мятежа въ маѣ, много честности и самоотверженія; тѣмъ неменѣе онъ совершенно лишился популярности. Можно смѣло сказать, что Кавеньякъ, когда онъ разстрѣливалъ людей на улицѣ, безъ суда, въ іюнѣ 1848 года, былъ популярнѣе Ламартина, потому что Кавеньяку сочувствовала вся часть общества, испуганная возстаніемъ соціалистовъ, а Ламартину не сочувствовалъ никто, за исключеніемъ развѣ Альфонса Карра, такого же политика «безпристрастной середины и возвышенной фантазіи».

---

[1]) См. Discours du 6 septembre 1848, sur le projet de Constitution.

Digitized by Google

Немудрено, что при выборахъ на президентство Ламартинъ получилъ всего 7910 голосовъ, а на выборахъ въ законодательное собраніе въ 1849 году, не попалъ и въ депутаты. Замѣчательно, что Ламартинъ, еще въ октябрѣ 1848 года, предсказалъ то, что случилось впослѣдствіи: «Не колеблясь объявляю себя въ пользу того способа избранія, который кажется вамъ самымъ опаснымъ—всенароднаго избранія президента; да, хотя бы даже народъ избралъ *того*, чьего избранія я, быть можетъ и ошибочно, боюсь. Нечего дѣлать, пусть Провидѣніе и народъ рѣшаютъ!..... Если народъ самъ предастъ себя,.... если онъ произнесетъ роковое слово, захочетъ отречься отъ дѣла свободы и прогресса, и бросится за какимъ-то метеоромъ, который обожжетъ ему руки—пусть онъ это скажетъ! Но мы, граждане, по крайней мѣрѣ, не произнесемъ его раньше. Если это несчастіе сбудется, скажемъ себѣ, напротивъ, слово побѣжденныхъ при Фарсалѣ: Victrix causa diis placuit, sed victa Catoni! И этотъ протестъ, противъ заблужденія или слабости народа, да будетъ обвиненіемъ его передъ нимъ самимъ и отпущеніемъ намъ передъ потомствомъ!» [1]). Удивительная мысль! Удивительный человѣкъ, который, видя опасность, тѣмъ не менѣе совѣтуетъ ей подвергнуться, заранѣе протестуя противъ явныхъ послѣдствій!

Ламартинъ былъ избранъ впослѣдствіи въ законодательное собраніе, но не принималъ уже дѣятельнаго участія въ политическихъ событіяхъ, съ 1849 года. Онъ былъ главнымъ редакторомъ «Pays» до 1851 года. Послѣ декабрьскаго переворота, онъ совершенно устранился отъ политики и возвратился исключительно къ литературной работѣ, уже по той причинѣ, что ему, стоявшему недавно «во главѣ судебъ Франціи», стала грозить бѣдность. Онъ издавна издерживался, не справляясь со средствами; путешествіе на востокъ нанесло его финансамъ сильный ударъ, финансы его, не смотря на состояніе жены, наслѣдство полученное отъ дяди и большія деньги, полученныя отъ издателей (особенно за «Исторію Жирондистовъ»), истощились и роскошью, къ которой онъ привыкъ, и баснословной его щедростью. Много есть анекдотовъ о щедрости и расточительности Ламартина. Однажды пріятель его Даргò, возмущенный нерасчетливостью Ламартина и его жены (совершенно похожей на мужа въ этомъ отношеніи), явился къ Ламартину и объявилъ, что будетъ его кассиромъ и унесъ ключъ отъ его комода. Вдругъ является дама просить на госпиталь: г-жа Ламартинъ велѣла сломать замокъ и отдала просительницѣ 800 франковъ, въ присутствіи своего

[1]) Discours du 6 octobre 1848, sur la présidence.

Digitized by Google

мужа, который нѣжно улыбался. Даргѐ, возвратясь, нашелъ что въ комодѣ не было *ничего*.

«Confidences», «Nouvelles Confidences», «Raphael» (1849—1851), «Очерки изъ жизни поэта» и «Исторія Реставраціи» (1851—1852) написаны еще спокойно и отлично обдѣланы: «Исторія Реставраціи», написанная въ духѣ либерализма, имѣетъ цѣну и какъ историческая работа, но особенно интересна, какъ галлерея художественно-написанныхъ очерковъ людей того времени. «Исторія революціи 1848 года» (1849) есть не что иное, какъ автоапологія. Затѣмъ начинается работа спѣшная, такъ сказать машинная, подъ гнетомъ нужды и долговъ: «Histoire des Constituants» (1854), «Histoire de la Turquie» (1855), «Histoire de la Russie» (1856). Ни эти сочиненія, ни періодическія изданія Ламартина: «Le Conseiller du Peuple» (1849—1852) «Le Civilisateur» (1852—1856), «Cours familier de Litterature»—популярно-литературные очерки, въ которыхъ рѣчь идетъ немного обо всемъ, не поправили его дѣла. Національная подписка, на которую онъ рѣшился въ 1858 году, не имѣла успѣха. Сперва она приняла было характеръ протеста противъ имперіи, но императоръ поспѣшилъ внести свое имя въ списокъ. Поэтъ, доживъ до 75 лѣтъ, продолжалъ работать среди нужды и горя. Спекуляціи, которыми онъ думалъ поправить свои обстоятельства, не удавались и только поглощали плоды трудовъ старости. Новый ударъ нанесла ему смерть жены. Съ 1866 года, онъ жилъ пенсіею въ 25,000 франковъ, данныхъ ему наконецъ Франціею, которая издерживаетъ столько же на каждаго изъ сенаторовъ Наполеона III.

Л. Полонскій.

Digitized by Google

КАССАЦІОННЫЕ ДЕПАРТАМЕНТЫ СЕНАТА

I.

ГРАЖДАНСКАЯ ПРАКТИКА.

Почти три года прошло послѣ введенія судебной реформы. Этого времени, конечно, слишкомъ мало, чтобы произнести полное сужденіе объ общемъ характерѣ дѣятельности новыхъ судовъ. Но неоспоримы, по очевидности своей, нѣкоторыя явленія, бросающія свѣтъ и на будущее этихъ судовъ. Неоспоримо, что судебныя установленія, созданныя судебными уставами, сложились въ хорошія формы, представляютъ надежное ручательство неподкупности рѣшеній и обѣщаютъ постепенное развитіе самостоятельности суда. Неоспоримо, что новые суды представляютъ уже теперь такое учрежденіе, которое заключаетъ въ самомъ себѣ условія своеобразной жизни, которое ростетъ, такъ сказать, изъ самого себя и развивается правильно, слѣдуя историческому закону, вопреки воздвигаемымъ ему, отчасти сознательно, отчасти безсознательно, препятствіямъ. Несомнѣнно, что на сторонѣ новыхъ судовъ общее сочувствіе, размѣры котораго поглощаютъ въ себѣ одиночные протесты и вопли разношерстнаго, но немногочисленнаго кружка противниковъ и недоброжелателей судебной реформы.

Фактъ общаго сочувствія къ новымъ судамъ указываетъ на то, что строй ихъ соотвѣтствуетъ потребностямъ общества, что условія и порядокъ судебнаго дѣла, указанные въ судебныхъ уставахъ, доступны пониманію народа и не представляютъ для него значительныхъ затрудненій. Дѣйствительно, поверхностнаго наблюденія довольно, чтобы убѣдиться въ томъ, что народъ вообще свыкся съ новыми судебными порядками, что онъ довѣрчиво относится къ дѣятельности новыхъ су-

Digitized by Google

довъ, и что теперь уже суды эти занимаютъ одно изъ почетныхъ видныхъ мѣстъ въ народной жизни.

Одну изъ причинъ популярности новыхъ судебныхъ установлен составляетъ простота судебнаго разбирательства. Участвующія въ дѣ лица, не видя стѣсненій формальностями, понимая непосредственн участіе суда въ разъясненіи дѣла и вѣря въ его безпристрастіе, д вѣрчиво идутъ сами въ судъ, не прибѣгая къ чужому посредничеств и лично защищаютъ свои интересы. Не только въ мировыхъ судах но и въ общихъ судебныхъ установленіяхъ при производствѣ гражда скихъ дѣлъ стороны, весьма часто являются въ судъ лично. Нерѣдк случаи, что и въ спорномъ и сложномъ дѣлѣ вступаютъ въ состязан сами тяжущіеся, стараясь, по мѣрѣ силъ, убѣдить судъ въ справедл вости своихъ требованій. Появленіе присяжнаго повѣреннаго въ зас засѣданія гражданскаго отдѣленія окружнаго суда въ качествѣ з щитника, даже въ Петербургѣ и Москвѣ, далеко не общее правил И это неудивительно. Порядокъ судопроизводства, введенный суде ными уставами, основанъ на началахъ, дѣлающихъ его всѣмъ доступ нымъ; правила его не представляютъ хитросплетеній, сложныхъ форм и лабиринта условныхъ процессуальныхъ бумагъ. Все сводится къ сл весному состязанію сторонъ предъ судомъ, на которомъ выясняется фактическая и *правовая* стороны дѣла.

Нельзя сказать, чтобы дѣятельность кассаціонныхъ департаментовъ сената усвоивалась также скоро народнымъ сознаніемъ. Понятіе о кассаціи, взятое цѣликомъ изъ за-границы, само по себѣ весьма темно и отвлеченно. Основныя начала кассаціоннаго производства и доступны пониманію не-юриста, а въ томъ видѣ, какъ онѣ проведен въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, во многомъ подлежат критикѣ. Все это должно было отразиться въ практической жизни.

Огромное большинство поступающихъ въ сенатъ просьбъ и жалоб доказываетъ полное непониманіе народомъ основныхъ началъ кассаціон наго производства. Нерѣдко даже лица, юридически образованны и сами должностныя лица судебнаго вѣдомства представляютъ примѣр неправильнаго пониманія значенія кассаціи и формъ кассаціоннаго производства. Поэтому огромное большинство сенатскихъ рѣшен заключаетъ въ себѣ указаніе просителямъ, не имѣющимъ законнаго по вода ходатайствовать о кассаціи, тѣхъ главныхъ началъ, которы опредѣляется дѣятельность кассаціонныхъ департаментовъ правител ствующаго сената. За три года накопилось уже довольно матеріал могущаго служить пособіемъ при изученіи немногихъ статей судеб ныхъ уставовъ, относящихся до кассаціоннаго производства, а такж полезнымъ указаніемъ для практики на будущее время. Своевремен нымъ представляется намъ обозрѣть многочисленныя и разнообразны

Digitized by Google

рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената и свести ихъ къ нѣсколькимъ общимъ выводамъ.

Облегченіе, для большинства, ознакомленія съ выводами кассаціонной практики тѣмъ болѣе необходимо, что, по разъясненію сената, рѣшенія его подлежатъ безусловно обязательному исполненію со стороны всѣхъ судебныхъ установленій.

Мы начнемъ наше обозрѣніе съ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента по вопросамъ судопроизводства.

Опредѣляя *предѣлы своей компетентности*, сенатъ разъяснилъ прежде всего, что, по уставу гражданскаго судопроизводства, отмѣнѣ во всѣхъ видахъ, въ томъ числѣ и кассаціи, могутъ подлежать только постановленія суда по существу дѣла, которымъ исключительно присвоено названіе *рѣшенія*, а не постановленія, относящіяся къ частнымъ изъ дѣла возникающимъ вопросамъ, которыя именуются *опредѣленіями*. На основаніи этого общаго правила масса кассаціонныхъ жалобъ, принесенныхъ сенату, оставлена безъ уваженія. Однако безусловность приведеннаго правила требовала нѣкоторыхъ исключеній.

Сенатъ усмотрѣлъ, что если постановленныя судомъ частныя опредѣленія такого рода, что имъ прекращается всякій дальнѣйшій ходъ дѣла, а за тѣмъ уже и не можетъ быть рѣшенія, которое подлежало бы обжалованію въ кассаціонномъ порядкѣ, и если при постановленіи этого опредѣленія допущено явное нарушеніе закона, тогда отказъ въ разсмотрѣніи жалобы, принесенной на такое опредѣленіе, по той единственно причинѣ, что эта жалоба принесена на частное опредѣленіе, былъ бы равносиленъ отказу въ правосудіи.

Кромѣ того сенатъ нашелъ, что если бы палата разрѣшила частнымъ опредѣленіемъ самое существо дѣла, то сторона, недовольная такимъ рѣшеніемъ, не могла бы быть лишена права жаловаться на него въ кассаціонномъ порядкѣ, такъ какъ допустить противное значило бы предоставить на произволъ палаты постановлять, въ видѣ частныхъ опредѣленій, окончательныя по дѣламъ рѣшенія и ставить права тяжущихся въ зависимость не отъ содержанія, но отъ формы ея постановленій.

Такимъ образомъ, разсматриваемый въ настоящее время вопросъ разрѣшенъ правительствующимъ сенатомъ въ томъ смыслѣ, что обсужденію его въ кассаціонномъ порядкѣ могутъ, сверхъ рѣшеній по существу дѣлъ, подлежать судебныя опредѣленія въ двухъ случаяхъ: 1) если подъ видомъ частныхъ опредѣленій рѣшаются иски въ самомъ ихъ существѣ, и 2) если преграждается всякій дальнѣйшій ходъ дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ, такъ, что дѣло иначе не можетъ дойти до сената, какъ путемъ частнаго обжалованія. Нельзя не при-

Digitized by Google

знать правильнымъ подобнаго вывода. Несправедливо было бы допустить, чтобы неправильныя дѣйствія судебныхъ установленій, обусловливаемыя въ большей части случаевъ неточнымъ пониманіемъ закона, имѣли рѣшительное вліяніе на права частныхъ лицъ, закрывая имъ вмѣстѣ съ тѣмъ путь къ обжалованію неправильныхъ дѣйствій въ кассаціонномъ порядкѣ сенату.

Другой вопросъ, выясненный сенатомъ *при опредѣленіи его компетентности*—есть вопросъ о томъ, можетъ ли подлежать разсмотрѣнію сената фактическая сторона дѣла. Общее правило, принятое сенатомъ въ этомъ отношеніи, есть то, что разсмотрѣнію его подлежитъ лишь примѣненіе закона къ выводамъ изъ обстоятельствъ дѣла, изъ чего прямо вытекаетъ, что гдѣ нѣтъ вопроса о примѣненіи закона, тамъ не можетъ быть и повода къ кассаціи. На основаніи этого общаго правила, большинство жалобъ, приносимыхъ сенату, оставляется безъ уваженія, такъ какъ просителямъ очевидно трудно усвоить себѣ значеніе той демаркаціонной линіи, которая отдѣляетъ въ дѣлѣ фактическую его сторону отъ примѣненія законовъ къ фактамъ.

Дѣйствительно, чтобы повѣрить указаніе просителя на нарушеніе закона въ судебномъ рѣшеніи, нерѣдко представляется необходимымъ провѣрить не только выводы суда изъ смысла закона, но также приложеніе закона къ фактамъ; для этого необходимо уяснить себѣ фактическую сторону дѣла, а при разъясненіи фактовъ дѣла конечно можетъ встрѣтиться надобность войти въ обсужденіе самаго существа его.

Наибольшія затрудненія въ примѣненіи вышеуказаннаго общаго правила представляются по дѣламъ, возникшимъ изъ нарушенія договоровъ. Наши гражданскіе законы содержатъ въ себѣ, какъ извѣстно, правила о толкованіи договоровъ. Такъ, по статьѣ 1538-й гр. зак., при исполненіи договоры должны быть изъясняемы по словесному ихъ смыслу. По статьѣ 1539-й, слова двусмысленныя должны быть изъясняемы въ разумѣ наиболѣе сообразномъ существу главнаго предмета въ договорѣ; не слѣдуетъ ставить въ вину, когда въ договорѣ упущено такое слово или выраженіе, которое вообще и обыкновенно въ договорахъ употребляется; когда выраженія въ договорѣ не опредѣляютъ предмета съ точностію, тогда принадлежности его должно изъяснять обычаемъ; въ случаѣ равнаго съ обѣихъ сторонъ недоумѣнія, силу договора слѣдуетъ изъяснять болѣе въ пользу того, кто обязался что́ либо отдать или исполнить. Нарушеніе подобныхъ правилъ нерѣдко указывается въ кассаціонныхъ жалобахъ. Между тѣмъ разрѣшеніе вопроса о правильномъ приложеніи къ данному договору одной изъ статей гражданскихъ законовъ, опредѣляющихъ способъ толкованія договоровъ, очевидно требуетъ прежде всего разъясненія, какой именно договоръ имѣлъ мѣсто въ данномъ дѣлѣ, т. е. обсужденіе фактической стороны дѣла.

Сенатская практика въ отношеніи къ вопросу о правѣ сената ухо-

Digitized by Google

дить въ разсмотрѣніе толкованія, даннаго договору въ судебномъ рѣшеніи, на которое принесена кассаціонная жалоба, еще не окончательно выяснилась. Сенатъ иногда вовсе не повѣряетъ правильности выводовъ судебной палаты и мирового съѣзда относительно смысла разсмотрѣнныхъ ими договоровъ. Если, по мнѣнію палаты или мирового съѣзда, договоръ ясенъ и долженъ быть истолкованъ согласно буквальному его смыслу, то жалоба на неправильность толкованія смысла договора часто оставляется сенатомъ безъ разсмотрѣнія. Равнымъ образомъ указаніе на то, что палата или съѣздъ неправильно признали смыслъ договора сомнительнымъ и примѣнили къ нему ст. 1539 гражд. зак., также нерѣдко признаваемо было неподлежащимъ разсмотрѣнію сената. Въ другихъ рѣшеніяхъ высказываются иныя начала о компетентности сената по отношенію къ повѣркѣ толкованія въ судебныхъ рѣшеніяхъ смысла договоровъ. Такъ, напр., въ одномъ изъ рѣшеній сената заключается изложеніе нѣсколькихъ общихъ соображеній, которыми сенатъ руководствуется въ дѣлахъ, возникшихъ изъ толкованія договоровъ. Въ этомъ рѣшеніи сенатъ изъяснилъ, что нарушеніе законныхъ правилъ о толкованіи договоровъ можетъ быть признано дѣйствительнымъ, если обнаружится, что въ рѣшеніи палаты приведены такія слова договора, которыхъ въ договорѣ вовсе нѣтъ, или что словамъ договора данъ совершенно противный смыслъ, т. е. такой смыслъ, котораго они никакъ содержать въ себѣ не могутъ, или что рѣшеніе основано не на договорѣ, а на побочныхъ обстоятельствахъ; однимъ словомъ, если бы было указано на очевидное извращеніе точнаго разума и буквальнаго смысла договора.

Нельзя не замѣтить, что приведенные выводы открываютъ сенату широкое поле для вмѣшательства въ разсмотрѣніе существа дѣла, въ особенности же тотъ выводъ, что приданіе словамъ договоровъ такого смысла, котораго они никакъ содержать въ себѣ не могутъ, относится къ числу поводовъ кассаціи рѣшеній. Руководствуясь подобнымъ выводомъ слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, рѣшить многія дѣла, уже бывшія въ разсмотрѣніи сената, иначе, чѣмъ они разрѣшены сенатомъ. Вообще мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ рѣшеніяхъ гражданскаго кассаціоннаго департамента сената обнаруживается какъ бы неодинаковость воззрѣній на вопросъ о правѣ сената входить въ обсужденіе правильности толкованія договоровъ въ рѣшеніяхъ палатъ и съѣздовъ. Въ большинствѣ рѣшеній сената проводятся начала, ограничивающія подобное право; нѣкоторыя рѣшенія, напротивъ того, стараются по возможности его расширить. Наше личное мнѣніе не въ пользу послѣдняго толкованія. Расширяя свою компетентность въ отношеніи къ дѣламъ, возникшимъ изъ договоровъ, сенатъ, мало-помалу, видоизмѣнитъ характеръ той дѣятельности, которая принадлежитъ ему по разуму судебной реформы. Входя въ разсмотрѣніе су-

Digitized by Google

щества дѣлъ, сенатъ выйдетъ изъ роли установленія, охраняющая лишь правильность и единообразіе толкованія законовъ, и сдѣлается какъ бы третьею инстанціею.

Третій вопросъ, котораго слѣдуетъ коснуться, говоря объ опредѣленіи *компетентности гражданскаго кассаціоннаго департамента* правительствующаго сената есть вопросъ о томъ, нарушеніе какихъ именно формъ и обрядовъ судопроизводства составляетъ поводъ къ кассаціи. Предварительно необходимо выяснить, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ нарушеніемъ формъ и обрядовъ.

Правила, опредѣляющія порядокъ судопроизводства, имѣютъ не одинаково обязательный характеръ. Нѣкоторыя судебныя дѣйствія обусловливаются усмотрѣніемъ суда, напр. назначеніе срока для объясненія обстоятельствъ существенныхъ для разрѣшенія дѣла, собираніе и повѣрка доказательствъ и проч. Подобныя дѣйствія суть только указанныя закономъ средства для разъясненія дѣла въ тѣхъ случаяхъ, когда, по мнѣнію суда, дѣло не довольно выяснено. Очевидно, что неисполненіе этого рода судебныхъ дѣйствій означало бы лишь, что въ нихъ не представлялось необходимости, и оно не заключало бы никакого нарушенія формъ. Далѣе, нѣкоторыя судебныя дѣйствія обусловливаются иниціативою тяжущихся, такъ что исполненіе подобнаго дѣйствія судомъ зависитъ отъ своевременнаго заявленія требованія сторонъ во время хода процесса. Очевидно, что неисполненіе подобныхъ судебныхъ дѣйствій въ тѣхъ случаяхъ, когда не было своевременнаго заявленія тяжущихся о его исполненіи, также не можетъ заключать въ себѣ нарушенія формъ судопроизводства. Нарушеніемъ формы или обряда слѣдуетъ признавать неисполненіе лишь такого судопроизводственнаго дѣйствія, которое было обязательно для суда. Это *первое начало*, которое проводится постоянно въ сенатскихъ рѣшеніяхъ и непониманіе котораго имѣетъ послѣдствіемъ принесеніе сенату массы неосновательныхъ жалобъ.

Особенно части жалобы на отказъ суда вызвать или допросить свидѣтелей, показанія которыхъ должны были разъяснить дѣло, и то, что судъ не прибѣгнулъ къ повѣркѣ доказательствъ, не истребовалъ заключенія свѣдущихъ людей и пр. Сенату безпрестанно приходится разъяснять, что допросъ свидѣтелей, объясненіе противорѣчій въ ихъ показаніяхъ посредствомъ очной ставки, истребованіе отъ свѣдущихъ людей заключенія и осмотръ на мѣстѣ указаны суду какъ средства къ открытію истины; что употребленіе этихъ средствъ не поставлено суду въ обязанность, но предоставлено обращаться къ нимъ тогда, когда они, по его усмотрѣнію, нужны; что судъ не обязанъ вызывать всѣхъ указываемыхъ тяжущимися свидѣтелей; что судъ не обязанъ допрашивать всѣхъ свидѣтелей объ обстоятельствахъ, ко-

Digitized by Google

рмы, по мнѣнію его, не могутъ имѣть вліянія на рѣшеніе дѣла проч.

Другое начало, выработанное сенатомъ и составляющее основное равило кассаціоннаго производства, хотя оно не высказано въ уставѣ ражданскаго судопроизводства, есть то, что лишь такое нарушеніе ормъ можетъ быть обжаловано въ кассаціонномъ порядкѣ, которое талось, какъ выразился сенатъ, непокрытымъ, т. е. такое нарушеіе, вліяніе котораго на исходъ процесса не уничтожилось вслѣдвіе дѣйствій той стороны, ко вреду которой оно клонилось. Напр., ри производствѣ одного дѣла тяжущемуся не было послано повѣстки явкѣ въ судъ, но онъ явился и былъ допущенъ къ словесному соязанію; въ этомъ случаѣ нарушеніе обряда, важность котораго очеидна, не могло тѣмъ не менѣе служить основаніемъ для кассаціи, ѣшенія, такъ какъ указанное нарушеніе потеряло всякую важность, оль скоро лицо, которому не было сдѣлано вызова, участвовало въ дебномъ засѣданіи, въ которомъ постановлено рѣшеніе по его дѣлу.

Третье начало, проводимое въ сенатскихъ рѣшеніяхъ, относящихся настоящаго вопроса, есть то, что нарушеніе такихъ лишь формъ обрядовъ судопроизводства можетъ служить поводомъ къ кассаціи, оторыя имѣютъ существенное вліяніе на обнаруженіе истины и на раженіе преподаннаго порядка для достиженія правосудія въ рѣеніяхъ. Для разъясненія признаковъ, опредѣляющихъ существенсть формъ, особенно важны рѣшенія сената, которыми просьбы объ мѣнѣ оставлены безъ уваженія, не смотря на то, что нарушеніе рядовъ дѣйствительно допущено было, т. е., которыми прямо указаны формы, не имѣющія существеннаго значенія. Сенатъ относитъ числу нарушеній несущественныхъ формъ и обрядовъ только сьма немногіе случаи. Нельзя не признать правильнымъ такого вода. Правила судопроизводства, установляющія формы и обряды, теряли бы всякое практическое значеніе, если бы нарушеніе ихъ имѣло послѣдствій. Или форма нужна, и тогда нарушеніе ея должвліять на правильный исходъ дѣла, или же она излишня и тогда представляется надобности сохранять въ силѣ правила, ее установившаго.

Мы говорили до сихъ поръ о двухъ поводахъ кассаціи рѣшеній, енно: о *нарушеніи прямого смысла закона* и о *нарушеніи формъ и рядовъ судопроизводства*. Законъ установляетъ еще третій поводъ ссаціи, именно *нарушеніе предѣловъ вѣдомства и власти*. Но отногельно этого повода слѣдуетъ замѣтить, что сенатъ даетъ терминy арушеніе предѣловъ вѣдомства и власти» широкое толкованіе, подя подъ него такія дѣйствія судебныхъ установленій, которыя закчаютъ въ себѣ не болѣе какъ нарушеніе закона, или формъ судоизводства. Нѣкоторыми рѣшеніями сената признаны нарушеніемъ

Digitized by Google

закона дѣйствія, однородныя съ тѣми, въ которыхъ сенатъ видѣлъ прежде превышеніе власти. Очевидно, что сенатъ не проводитъ строгаго различія между поводами кассаціи и не останавливается на томъ, какой именно поводъ приведенъ въ просьбѣ объ отмѣнѣ рѣшенія.

Кромѣ *кассаціонныхъ жалобъ* вѣдѣнію правительствующаго сената подлежатъ *просьбы о пересмотрѣ рѣшеній* и *просьбы лицъ, не участвовавшихъ въ дѣлѣ*. Кассаціонная практика представляетъ мало матеріала для разъясненія тѣхъ статей устава гражд. судопр., которыми опредѣляется порядокъ поступленія и разсмотрѣнія вышеозначенныхъ просьбъ. Можно сказать одно, что сенатъ весьма строгъ относительно требованій о пересмотрѣ рѣшеній вслѣдствіе вновь открытыхъ обстоятельствъ и по просьбамъ третьихъ лицъ.

Для лицъ, ходатайствующихъ о пересмотрѣ рѣшеній вслѣдствіе вновь открытыхъ обстоятельствъ, законъ ставитъ въ обязанность доказать, что указываемое обстоятельство дѣйствительно вновь открыто, и что со времени открытія не пропущенъ четырехъ-мѣсячный срокъ. Интересный вопросъ о томъ, насколько слѣдуетъ быть строгимъ при повѣркѣ доказательствъ относительно времени открытія новыхъ обстоятельствъ, окончательно не выясненъ сенатомъ. Въ одномъ рѣшеніи признано, что если обстоятельства дѣла не обнаруживаютъ, чтобы документъ, открытіе котораго выставляется поводомъ пересмотра, былъ извѣстенъ одному изъ тяжущихся, а другимъ существованіе его отвергалось, то просьба о пересмотрѣ можетъ быть признана заслуживающею уваженія. Тѣмъ же рѣшеніемъ допущенъ пересмотръ дѣла безъ истребованія доказательствъ о времени открытія новаго обстоятельства. Но въ другомъ рѣшеніи сенатъ прямо призналъ, что непредставленіе доказательствъ относительно своевременности подачи просьбы о пересмотрѣ рѣшенія должно имѣть послѣдствіемъ оставленіе просьбы безъ уваженія. Этимъ же рѣшеніемъ къ производству о пересмотрѣ дѣлъ вслѣдствіе вновь открытыхъ обстоятельствъ безусловно примѣнено общее правило о доказательствахъ, на основаніи котораго обстоятельство, служащее кому-либо основаніемъ права, должно быть доказано тою стороною, которая отыскиваетъ и защищаетъ это право, а не противною стороною.

Разъясненіе весьма спорныхъ вопросовъ, которые вытекаютъ изъ смысла законовъ, относящихся до отмѣны рѣшеній по просьбамъ лицъ не участвовавшихъ въ дѣлѣ, въ настоящее время также не можетъ имѣть мѣста. Нѣсколько лишь рѣшеній касаются примѣненія этихъ законовъ и изъ нихъ ни одно не имѣетъ крупнаго значенія.

Digitized by Google

Мы приводили до сихъ поръ тѣ важнѣйшія сенатскія рѣшенія, которыми опредѣляется *кругъ дѣятельности гражданскаго кассаціоннаго департамента сената*. Перейдемъ теперь къ другой группѣ рѣшеній, относящихся до *порядка судопроизводства* въ мировыхъ установленіяхъ, окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ.

Въ самомъ началѣ дѣятельности новыхъ судебныхъ установленій возникъ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ должны быть вѣдаемы ими дѣла по вексельнымъ взысканіямъ.

По закону, общими судами гражданскими на основаніи устава гражд. судопр. вѣдаются спорныя дѣла, относящіяся къ торговой подсудности въ тѣхъ мѣстностяхъ, на которыя не простирается вѣдомство суда коммерческаго. Такимъ образомъ законъ упоминалъ только о спорныхъ дѣлахъ, относящихся къ торговой подсудности. Между тѣмъ торговый уставъ различалъ спорныя дѣла о взысканіяхъ по векселямъ отъ безспорныхъ, къ которымъ относятся требованія, основанныя на протестованныхъ векселяхъ. На основаніи торговаго устава, правила котораго не были измѣнены съ изданіемъ судебныхъ уставовъ, безспорныя вексельныя взысканія не подвѣдомы коммерческому суду, а подлежатъ вѣдѣнію полицейскихъ установленій. Такъ какъ на основаніи ст. 77 высочайше утвержденнаго 19-го октября 1865 года положенія о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, со дня введенія въ губерніи этихъ уставовъ никакое гражданское дѣло не могло быть начато ни въ полиціи, ни въ прежнихъ судахъ этой губерніи, то полицейскія мѣста встрѣтили затрудненіе къ продолженію взысканій по безспорнымъ векселямъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ послѣдовало введеніе судебной реформы. Въ С.-Петербургѣ на первыхъ же дняхъ возникли пререканія между управою благочинія и окружнымъ судомъ. Пререканія эти были разрѣшены опредѣленіемъ общаго собранія 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ сената, которымъ признано, что, за введеніемъ въ С.-Петербургской губерніи судебныхъ уставовъ, въ здѣшнюю управу благочинія не должны поступать никакія гражданскія дѣла, не исключая и вексельныхъ взысканій, каковыя должны подлежать вѣдѣнію коммерческаго суда.

Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что указанное опредѣленіе сената до сихъ поръ не приведено въ исполненіе, такъ какъ для этого требуется увеличеніе штата коммерческихъ судовъ.

Однимъ изъ главныхъ вопросовъ судопроизводства есть *вопросъ объ обязанности доказыванія*. По закону (ст. 81 и 366 уст. гражд. судопр.) истецъ долженъ доказать свой искъ, отвѣтчикъ же, возражающій противъ требованій истца, обязанъ доказать свои возраженія. Какъ ни просто это правило, но приложеніе его къ отдѣльнымъ частнымъ случаямъ представляетъ нерѣдкія затрудненія. Необходимость разъясненія этихъ затрудненій обнаруживается изъ того, что для та-

Digitized by Google

жущихся нерѣдко весьма важно при веденіи дѣла, на кого ляжетъ обязанность доказыванія фактовъ, имѣющихъ значеніе въ дѣлѣ. Повернуть дѣло въ каждомъ данномъ случаѣ такимъ образомъ, чтобы обязанность доказыванія всею тяжестію своею лежала на противникѣ, — обыкновенная цѣль дѣйствій опытнаго въ судебномъ дѣлѣ тяжущагося.

Въ сенатскихъ рѣшеніяхъ не заключается богатаго матеріала для разъясненія относящихся сюда вопросовъ. Замѣтимъ только, что содержаніе нѣкоторыхъ рѣшеній наводитъ на предположеніе, что сенатъ признаетъ возможнымъ вообще слагать съ истца обязанность доказыванія, когда послѣдуетъ собственное признаніе отвѣтчика, даже въ томъ случаѣ, если признаніе дано условно, т. е. заключаетъ въ себѣ обстоятельства, уничтожающія право иска. Иначе сказать, по толкованію сената, отвѣтчикъ, признавшій въ судѣ справедливость главныхъ фактовъ, на которыхъ искъ основанъ, но отрицающій дѣйствительность фактовъ второстепенныхъ, долженъ доказать это заявленіе; истецъ же освобождается отъ обязанности доказывать свои требованія.

Сенатскими рѣшеніями установлено то общее правило, что отвѣтчикъ въ правѣ отказаться отъ представленія доказательствъ въ подтвержденіе своего возраженія противъ иска до тѣхъ поръ, пока доказательства не будутъ представлены истцемъ. Правило это весьма важно и значительно облегчаетъ судебное разбирательство въ тѣхъ случаяхъ, когда искъ основанъ на бездоказательныхъ требованіяхъ,— случаяхъ столь обыкновенныхъ въ мировой судебной практикѣ. Слѣдуетъ добавить, что указанное сенатомъ общее правило распространяется какъ на случаи, гдѣ истцемъ не представлено вовсе никакихъ доказательствъ, такъ и на случаи, гдѣ представлены доказательства неимѣющія законной силы.

Вопросъ о законной силѣ доказательствъ, т. е. о томъ, какими именно доказательствами должно быть доказываемо каждое отдѣльное требованіе и въ какихъ случаяхъ судебное мѣсто обязано признавать доказательства, представленныя тяжущимися, достаточными,—вопросъ этотъ очевидно связанъ съ предыдущимъ вопросомъ и также имѣетъ существенное практическое значеніе. Укажемъ нѣкоторые выводы, которые выработаны сенатскою практикою относительно опредѣленія силы отдѣльныхъ доказательствъ.

По закону *признаніе* со стороны одного изъ тяжущихся дѣйствительности такого обстоятельства, которое служитъ къ утвержденію правъ его противника, имѣетъ послѣдствіемъ то, что обстоятельство это почитается не требующимъ дальнѣйшихъ доказательствъ.

Такимъ образомъ, по смыслу закона судебное мѣсто обязано, въ случаѣ собственнаго признанія одной изъ сторонъ, основать свое рѣ-

Digitized by Google

шеніе на этомъ признаніи. Но сенатомъ выяснено, что въ каждомъ данномъ случаѣ отъ усмотрѣнія суда, рѣшающаго дѣло по существу, зависитъ ближайшее опредѣленіе доказанной силы признанія. Сенатъ объяснилъ, что въ каждомъ данномъ случаѣ судебному мѣсту принадлежитъ разрѣшеніе вопроса о томъ, дѣйствительно ли было сдѣлано признаніе или нѣтъ, т. е. слѣдуетъ ли изъ выраженій, употребленныхъ тяжущимся на судѣ или въ одной изъ бумагъ, на судъ поданныхъ, заключить, что собственное сознаніе послѣдовало. Выводъ этотъ значительно ослабляетъ практическое значеніе для тяжущихся вышеуказаннаго общаго правила о доказательной силѣ признанія; толкованіе сената, которое мы признаемъ, впрочемъ, вполнѣ правильнымъ, отнимаетъ даже у тяжущихся возможность въ большей части случаевъ просить о кассаціи рѣшенія по случаю нарушенія судомъ вышеозначеннаго общаго правила.

Главнѣйшія постановленія закона *о силѣ письменныхъ доказательствъ* заключаются въ томъ, что ни одинъ изъ письменныхъ актовъ, представленныхъ въ судъ, не можетъ быть отвергнутъ безъ разсмотрѣнія, что акты крѣпостные и явочные имѣютъ силу доказательства, что акты домашніе, признанные сторонами, имѣютъ силу крѣпостныхъ и явочныхъ актовъ, что акты крѣпостные и явочные имѣютъ преимущество передъ домашними и что опредѣленіе силы и преимущества домашнихъ актовъ зависитъ отъ усмотрѣнія суда.

Право тяжущихся требовать разсмотрѣнія судомъ всякаго письменнаго акта ограничено тѣмъ, что сенатъ не вмѣняетъ судебному мѣсту въ обязанность налагать въ своемъ рѣшеніи тѣ соображенія, по которымъ каждый изъ представленныхъ въ судъ актовъ признанъ не имѣющимъ доказательной силы. Сенатъ объяснилъ, что если документъ прописанъ въ рѣшеніи, то предполагается, что онъ былъ разсмотрѣнъ. Вся задача сената при обсужденіи кассаціонной жалобы на нарушеніе закона, которымъ установлено указанное выше право, состоитъ въ томъ, чтобы убѣдиться, былъ ли документъ въ разсмотрѣніи суда или нѣтъ; что же касается полноты и подробности самаго разсмотрѣнія, то повѣрка его выходитъ изъ круга дѣятельности сената.

Вопросъ *о доказательной силѣ крѣпостныхъ и явочныхъ документовъ*, относительно которыхъ въ законѣ нѣтъ прямого указанія, чтобы опредѣленіе силы этихъ документовъ зависѣло отъ усмотрѣнія суда, разрѣшается общимъ смысломъ сенатскихъ рѣшеній. Нарушеніе закона представилось бы только въ такомъ случаѣ, гдѣ судъ прямо не призналъ за явочнымъ или крѣпостнымъ документомъ силы доказательства. Въ подобномъ случаѣ конечно могла бы имѣть мѣсто кассаціонная жалоба. Но если бы судъ нашелъ, что по смыслу крѣпостнаго или явочнаго документа онъ не можетъ быть признаваемъ подтвержденіемъ тѣхъ требованій тяжущихся, которыя на немъ осно-

Digitized by Google

ваны, — подобный выводъ суда не заключалъ бы въ себѣ нарушенія закона и не могъ бы служить поводомъ къ принесенію кассаціонной жалобы.

Вопросъ *о силѣ домашнихъ актовъ*, признанныхъ сторонами, разъясненъ сенатомъ въ отношеніи къ тому, распространяется ли на подобные акты законъ, по которому содержаніе документовъ, установленнымъ порядкомъ совершенныхъ и засвидѣтельствованныхъ, не можетъ быть опровергаемо показаніями свидѣтелей (ст. 410 уст. гражд. судопр.). По указанію сената, домашніе акты, хотя бы они были признаны тѣми противъ коихъ они представлены, вслѣдствіе составленія ихъ безъ участія общественной власти не пользуются правомъ, предоставленнымъ въ ст. 410 актамъ крѣпостнымъ и явочнымъ. Сенатъ объяснилъ, что для повѣрки достовѣрности этихъ актовъ и для разъясненія событій, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ ихъ совершеніе, судъ имѣетъ право допустить, по ссылкѣ сторонъ, свидѣтельскія показанія.

Что касается правилъ о доказательной силѣ домашнихъ и другихъ не-формальныхъ актовъ, то въ отношеніи къ нимъ указанія закона вполнѣ ясны и рядомъ рѣшеній сената только подтверждено несомнѣнное правило, по которому опредѣленіе силы и преимущества домашнихъ актовъ принадлежитъ усмотрѣнію суда.

Главнѣйшее постановленіе закона *о доказательствѣ черезъ свидѣтелей* состоитъ въ томъ, что свидѣтельскія показанія могутъ быть признаваемы доказательствомъ тѣхъ только событій, для которыхъ по закону не требуется письменнаго удостовѣренія.

Вопросъ о томъ, какія именно событія требуютъ по закону письменнаго удостовѣренія есть вопросъ матеріальнаго права, о которомъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь замѣтимъ лишь, что вышеприведенное постановленіе, весьма ограничивающее практическое значеніе доказательства черезъ свидѣтелей, практикою сената признано равно обязательнымъ для мировыхъ судебныхъ установленій, какъ для общихъ судебныхъ мѣстъ. Сенатъ нашелъ, что судебныя доказательства составляютъ предъустановленные закономъ способы для тяжущихся къ подтвержденію или къ оспариванію предъявленныхъ на судъ требованій, а для судей къ убѣжденію въ истинѣ, чтобы путемъ ихъ придти къ правильному, основанному на законѣ рѣшенію. Поэтому сенатъ нашелъ, что правила, преподанныя уставомъ гражд. судопр. для достиженія въ судахъ для всѣхъ равной справедливости, должны быть одинаковы въ отношеніи дѣлъ, производящихся какъ въ мировыхъ установленіяхъ, такъ и въ общихъ судебныхъ мѣстахъ.

Нельзя не возразить противъ подобнаго вывода; особенность дѣлъ, производящихся въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ заключается именно въ томъ, что онѣ касаются претензій, не основанныхъ на до-

Digitized by Google

ментахъ, а возникающихъ изъ ежедневныхъ житейскихъ отношеній, не опредѣляемыхъ актами. Строгое примѣненіе правила, выраженнаго въ 409 ст. уст. гражд. суд., къ мировому судебному разбирательству, ставитъ и тяжущихся въ мировомъ судѣ и мировыхъ судей въ затруднительное положеніе. Къ событіямъ, въ которыхъ по закону требуется письменное удостовѣреніе, сенатъ первоначально относилъ даже личный наемъ. Такимъ образомъ, при всякомъ спорѣ въ мировомъ судѣ между нанимателемъ и нанявшимся для личныхъ услугъ слѣдовало представлять письменное удостовѣреніе факта найма. Исполненіе этого требованія очевидно невозможно. Оно шло въ разрѣзъ со всѣми условіями нашей жизни и несовмѣстно съ самымъ характеромъ личнаго найма, который по большей части не представляетъ такого рода сложныхъ и постоянныхъ отношеній, для опредѣленія которыхъ нужно было бы прибѣгать къ заключенію письменнаго договора. Въ недавнее время сенатъ видоизмѣнилъ свою прежнюю практику по отношенію къ договору личнаго найма и призналъ, что договоры этого рода подлежатъ разсмотрѣнію и разрѣшенію суда, хотя бы были заключены словеснымъ порядкомъ, если не отвергаются сторонами и споръ происходитъ лишь о значеніи и силѣ этихъ договоровъ.

Обозрѣвъ рѣшенія, относящіяся къ вопросамъ *о предѣлахъ вѣдомства сената* и *о теоріи доказательствъ*, мы исчерпали, въ общихъ конечно чертахъ, почти всю кассаціонную практику по судопроизводственнымъ вопросамъ. Остается указать еще на нѣсколько рѣшеній, имѣющихъ самостоятельное значеніе и практическую важность.

Остановимся прежде всего на вопросѣ *объ условіяхъ, которымъ должна удовлетворять апелляціонная жалоба* для того, чтобы быть принятою и получить движеніе въ установленномъ порядкѣ. Въ законѣ (ст. 745 уст. гражд. судопр.) точно указано, что̀ именно должно заключаться въ апелляціонной жалобѣ. Затѣмъ указаны равнымъ образомъ тѣ случаи, въ которыхъ апелляціонная жалоба возвращается и оставляется безъ движенія. Если сравнить между собою случаи, перечисленные въ этихъ постановленіяхъ, то обнаруживается, что въ законѣ не указано послѣдствій нарушенія нѣкоторыхъ формъ, соблюденіе которыхъ требуется при подачѣ апелляціонныхъ жалобъ. На практикѣ возникали сомнѣнія, какъ надлежитъ суду поступать въ подобныхъ случаяхъ. Въ нѣкоторыхъ судебныхъ мѣстахъ принятъ былъ тотъ порядокъ, что жалоба, не соотвѣтствовавшая требованіямъ ст. 745 уст. гражд. судопр., признавалась не подлежащею разсмотрѣнію въ порядкѣ апелляціонномъ и потому оставлялась безъ разсмотрѣнія. Нѣкоторыя мировыя судебныя установленія въ подобномъ же случаѣ, именно при подачѣ жалобъ, заключающихъ въ себѣ укорительныя вы-

Digitized by Google

раженія приняли систему возвращать ихъ, примѣняясь къ 5 пунк. 366 ст. уст. гражд. судопр.

Сенатъ призналъ дѣйствія какъ тѣхъ, такъ и другихъ судебныхъ мѣстъ неправильными. Относительно перваго порядка, сенатъ нашелъ, что для сужденія о соблюденіи условій, исчисленныхъ въ ст. 745 необходимо войти въ разсмотрѣніе существа дѣла и что единственнымъ законнымъ послѣдствіемъ для апеллятора, не исполнившаго требованія закона и не воспользовавшагося предоставленнымъ ему правомъ защиты, можетъ быть только отказъ въ его просьбѣ объ отмѣнѣ рѣшенія, но не признаніе его жалобы не-апелляціонною.

Въ отношеніи порядка возвращать жалобы вслѣдствіе укорительныхъ выраженій, сенатъ объяснилъ, что мировымъ судебнымъ установленіямъ надлежало, примѣняясь къ правиламъ, предписаннымъ для общихъ судебныхъ мѣстъ, принимать за руководство ст. 755 устава, которая указываетъ случаи возвращенія апелляціонныхъ жалобъ и въ которой, въ числѣ такихъ случаевъ, не упомянуто употребленіе въ жалобѣ укорительныхъ выраженій.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о разъясненіи сената по вопросу, касающемуся *порядка, установленнаго закономъ для охраненія имуществъ, оставшихся послѣ умершихъ.*

Въ ст. 1408 уст. гр. судопр. опредѣлено, что явившіеся по вызовамъ наслѣдники умершаго, если они считаютъ необходимымъ обратиться, для опредѣленія правъ ихъ на наслѣдство, къ содѣйствію суда, заявляютъ о томъ мировымъ или общимъ судебнымъ установленіямъ, на основаніи общихъ законовъ о подсудности исковъ по роду и по цѣнѣ наслѣдственнаго имущества. По буквальному смыслу приведеннаго узаконенія, оно относится къ тѣмъ случаямъ, когда явится нѣсколько наслѣдниковъ и когда между ними возникнетъ споръ о правѣ на наслѣдство. Но въ законѣ не выражено, какъ слѣдуетъ поступать одному или нѣсколькимъ наслѣдникамъ, явившимся по вызовамъ, если, по ихъ мнѣнію, не представляется надобности обращаться къ содѣйствію суда для опредѣленія права на наслѣдство. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что по закону утвержденіе въ правахъ наслѣдства не обязательно, если нѣтъ въ виду спора о наслѣдствѣ.

Вопросъ о примѣненіи ст. 1408 уст. гражд. судопр. въ выше приведенныхъ случаяхъ разрѣшенъ сенатомъ въ томъ смыслѣ, что явившіеся по вызовамъ наслѣдники умершаго должны непремѣнно просить объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства, и что послѣ принятія мировымъ судьею охранительныхъ мѣръ относительно открывшагося наслѣдства, оно можетъ быть передано явившимся наслѣдникамъ не иначе, какъ по постановленію подлежащаго суда, смотря по роду и цѣнѣ имущества.

Digitized by Google

Перейдемъ затѣмъ къ *вопросамъ матеріальнаго права*. Чаще другихъ были затрогиваемы сенатомъ вопросы договорнаго права. Наиболѣе крупный вопросъ есть *вопросъ о юридическомъ значеніи передачи акта*.

По толкованію сената передача акта лицомъ, совершившимъ его лицу, пріобрѣтающему право по акту, составляетъ моментъ, когда приводится въ дѣйствіе самая сдѣлка. До передачи акта договоръ не почитается вступившимъ въ силу, хотя бы актъ о договорѣ былъ уже выданъ лицу, предъявившему актъ для утвержденія или явки крѣпостнымъ дѣламъ, нотаріусу или маклеру. Выдача акта отъ крѣпостныхъ дѣлъ маклера или нотаріуса, по объясненію сената, составляетъ не болѣе, какъ окончаніе обряда совершенія или явки акта.

Моментъ пріобрѣтенія права по договору всегда возбуждалъ недоумѣнія въ нашей судебной практикѣ. Сенатомъ впервые выяснено положительнымъ образомъ, какими началами надлежитъ руководствоваться по этому вопросу. Замѣтимъ, что рѣшеніе сената изложено въ безусловно общей формѣ и что поэтому оно должно быть примѣняемо ко всякаго рода актамъ, т. е. и къ актамъ укрѣпленія права собственности на недвижимое имѣніе.

Практическое значеніе вывода, сдѣланнаго сенатомъ относительно времени пріобрѣтенія права по договору, очевидно. При переходѣ какого-либо права отъ одного лица къ другому необходимо прежде всего опредѣлить, когда именно передаваемое право перестало принадлежать прежнему обладателю и сдѣлалось собственностью пріобрѣтателя. Отъ опредѣленія этого момента зависитъ возможность цѣлаго ряда юридическихъ дѣйствій со стороны лицъ, участвующихъ въ сдѣлкѣ. Укажемъ нѣкоторыя важнѣйшія послѣдствія практическаго примѣненія тѣхъ началъ, которыя приняты сенатомъ.

Прямымъ послѣдствіемъ этихъ началъ должно быть признано то, что окончаніе обряда совершенія или явки акта не даетъ контрагентамъ никакихъ правъ, вытекающихъ изъ договора. Отсюда слѣдуетъ, что до передачи акта, уже окончательно совершеннаго, право, уступаемое по акту, должно быть признаваемо принадлежащимъ тому лицу, которымъ оно уступается. Вслѣдствіе сего отъ прежняго обладателя права вполнѣ зависитъ, до передачи акта, отказаться отъ осуществленія сдѣлки, заявивъ лишь установленію, въ которомъ былъ совершенъ актъ, что актъ этотъ долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ и уничтоженъ. На этомъ именно основаніи сенатомъ признано, что для уничтоженія акта, какъ несостоявшагося, необходимо кромѣ заявленія того лица, отъ имени котораго актъ выданъ, еще предъявленіе самаго акта. Дѣйствительно, если лицу, отъ имени котораго актъ совершенъ, до передачи акта принадлежитъ право требовать уничтоженія акта, то право это ограничивается тѣмъ, что одновременно съ заявленіемъ

Digitized by Google

требованія объ уничтоженіи акта должно быть доказано, что передачи акта не имѣла мѣста. Такъ какъ естественнымъ и несомнѣннымъ доказательствомъ того, что передача акта не имѣла мѣста, служитъ нахожденіе акта въ рукахъ того лица, отъ имени котораго онъ выданъ, то очевидна необходимость для этого лица предъявить самый актъ, когда онъ требуетъ его уничтоженія.

Выводъ этотъ приводитъ еще къ двумъ послѣдствіямъ.

Если передача акта совершилась до истеченія семидневнаго срока, въ теченіи котораго по закону актъ можетъ быть уничтоженъ въ нотаріальномъ порядкѣ, въ такомъ случаѣ лицо, которому актъ выданъ, не имѣетъ права требовать уничтоженія акта въ нотаріальномъ порядкѣ. Законъ, разрѣшающій уничтоженіе акта въ нотаріальномъ порядкѣ, т. е. по одному заявленію, что актъ не состоялся, предполагаетъ, что актъ находится еще въ рукахъ того лица, отъ имени котораго онъ выданъ, и слѣдовательно только ему предоставляетъ право требовать признанія акта несостоявшимся.

Другое послѣдствіе, о которомъ мы упомянули, состоитъ въ томъ, что если передачи акта не послѣдовало до истеченія семидневнаго срока, въ такомъ случаѣ лицо, отъ имени котораго выданъ актъ, сохраняетъ право требовать признанія акта недѣйствительнымъ на томъ единственно основаніи, что онъ, приситель, не согласенъ на осуществленіе сдѣлки. Разница относительно заявленія подобнаго требованія будетъ состоять только въ томъ, что послѣ истеченія семидневнаго срока актъ можетъ подлежать уничтоженію не въ нотаріальномъ, но въ судебномъ порядкѣ. Истеченіе семидневнаго срока не можетъ придать силы акту, дѣйствительность котораго обусловливается передачею. Истеченіе этого срока имѣетъ только одно послѣдствіе, именно, что актъ не можетъ быть признанъ недѣйствительнымъ въ нотаріальномъ порядкѣ, но самыя условія недѣйствительности сохраняютъ свою силу.

Послѣдствіемъ принятаго сенатомъ начала, относительно юридическаго значенія передачи акта, слѣдуетъ признать еще то, что начало это исключаетъ возможность требованія о выдачѣ акта со стороны лица, пріобрѣтающаго по акту какое-либо право. Подобное требованіе очевидно клонится къ понужденію противной стороны осуществить сдѣлку. Понужденіе къ исполненію договора возможно лишь въ томъ случаѣ, если договоръ получилъ силу, т. е. осуществился. Между тѣмъ сущность принятаго сенатомъ начала состоитъ именно въ томъ, что дѣйствительность сдѣлки обусловливается передачею акта, а до передачи она не имѣетъ силы. Отсюда слѣдуетъ, что передача акта какъ дѣйствіе, зависящее отъ доброй воли лица, дающаго актъ, не можетъ быть предметомъ иска.

Укажемъ еще на то послѣдствіе принятаго сенатомъ начала, что въ случаѣ смерти одного изъ контрагентовъ до воспослѣдованія пере-

Digitized by Google

дачи акта договоръ не обязателенъ для наслѣдниковъ умершаго. До передачи акта договоръ не почитается приведеннымъ въ исполненіе; слѣдовательно смерть одного изъ контрагентовъ дѣлаетъ исполненіе договора физически невозможнымъ. Актъ о подобномъ договорѣ, въ случаѣ требованія объ уничтоженіи его въ судебномъ порядкѣ, долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ.

Мы сказали, что разсматриваемое сенатское рѣшеніе изложено въ безусловно общей формѣ и что поэтому оно должно быть примѣняемо ко всякаго рода актамъ, т. е. и къ актамъ укрѣпленія права собственности на недвижимое имѣніе. Вслѣдствіе того, по толкованію сената, договоръ купли и продажи недвижимаго имущества долженъ почитаться приведеннымъ въ дѣйствіе только съ момента передачи продавцомъ покупщику купчей крѣпости, и только съ момента передачи акта покупщикъ можетъ пользоваться правами собственника. Очевидно практическое значеніе факта владѣнія актомъ при подобномъ толкованіи.

Необходимо оговорить, что приведенное толкованіе сената можетъ быть примѣняемо только къ тѣмъ случаямъ, которые возникли до введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ. По буквальному смыслу статьи 1432 устава гражд. судопроизводства, отмѣченный въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ день ввода во владѣніе недвижимымъ имѣніемъ считается началомъ дѣйствительной передачи и укрѣпленія права на имущество. Впрочемъ, примѣненіе начала, принятаго сенатомъ, къ порядку совершенія и утвержденія крѣпостныхъ актовъ, установленному положеніемъ о нотаріальной части, было бы невозможно. На основаніи нотаріальнаго положенія выпись можетъ быть передана пріобрѣтателю имѣнія до его утвержденія старшимъ нотаріусомъ; между тѣмъ немыслимо, чтобы право собственности на недвижимость могло перейти къ другому лицу ранѣе, нежели будутъ исполнены установленные закономъ обряды для совершенія и утвержденія акта, служащаго доказательствомъ права собственности на имѣніе.

Упомянувъ о томъ, что по ст. 1432 уст. гражд. судопр. право собственности на недвижимость укрѣпляется вводомъ во владѣніе, нельзя не замѣтить, что при начертаніи судебныхъ уставовъ, кажется, было признано, относительно момента перехода права собственности на недвижимость при передачѣ его по акту, иное начало, нежели то, которое установлено въ настоящее время сенатомъ. При начертаніи ст. 1432 вовсе не было поднято вопроса объ измѣненіи въ чемъ-либо дѣйствующихъ узаконеній относительно укрѣпленія права собственности на недвижимость. Напротивъ, ст. 1432 какъ бы согласована съ ст. 707 гражд. зак., на которую и сдѣлана ссылка, между тѣмъ какъ именно въ приведенной статьѣ вводъ во владѣніе отнесенъ къ способамъ укрѣпленія правъ на имущество. Изъ этого можно заключить, что, по мнѣнію законодателя, наши гражданскіе законы признаютъ моментомъ

Digitized by Google

перехода права собственности на недвижимость при передачѣ его по договору не время передачи акта о договорѣ пріобрѣтателю имѣнія, а время ввода во владѣніе этимъ имѣніемъ.

Въ приведенныхъ соображеніяхъ заключается оправданіе почти повсемѣстно установившейся практики старшихъ нотаріусовъ, что они не иначе утверждали крѣпостные акты о передачѣ права собственности на недвижимость, какъ по представленіи собственникомъ доказательствъ ввода его во владѣніе передаваемымъ имѣніемъ. Въ виду возложенной на нихъ закономъ обязанности удостовѣряться при утвержденіи актовъ, что отчуждаемое имущество дѣйствительно принадлежитъ сторонѣ его отчуждающей, старшіе нотаріусы дѣйствительно не могли поступить иначе, какъ требуя представленія доказательствъ дѣйствительнаго укрѣпленія имущества за отчуждателемъ, согласно тѣмъ указаніямъ, которыя представляла ст. 1432 уст. гражд. судопр. Кассаціонная гражданская практика очевидно измѣняетъ указанную практику старшихъ нотаріусовъ, обязывая ихъ не признавать вводныхъ листовъ необходимыми доказательствами принадлежности отчуждаемаго имѣнія сторонѣ его отчуждающей. Этимъ, конечно, облегчится совершеніе сдѣлокъ о передачѣ права собственности на недвижимость, такъ какъ вводы во владѣніе, какъ извѣстно, почти вывелись изъ употребленія, и указанная выше практика старшихъ нотаріусовъ ставила большинство собственниковъ, неимѣющихъ вводныхъ листовъ, въ затруднительное положеніе. Вскорѣ послѣ введенія въ дѣйствіе нотаріальнаго положенія, окружные суды были завалены просьбами о вводѣ во владѣніе по актамъ укрѣпленія, относившимся къ весьма отдаленному времени. Руководство сенатскимъ рѣшеніемъ, разсматриваемымъ нами въ настоящее время, прекратитъ наплывъ подобныхъ дѣлъ въ окружные суды.

Говоря о принятомъ сенатомъ началѣ относительно юридическаго значенія передачи акта, нельзя не замѣтить, что, придавая такую важность передачѣ акта, сенатъ какъ бы приравниваетъ ее къ передачѣ отчуждаемаго движимаго имущества. Въ передачѣ акта сенатъ какъ-будто видитъ символическую передачу самаго имѣнія подобную той, которая имѣетъ мѣсто при продажѣ движимыхъ вещей, передаваемыхъ изъ рукъ въ руки вслѣдъ за заключеніемъ сдѣлки о продажѣ. Но именно вслѣдствіе аналогіи между передачею проданныхъ движимыхъ вещей покупщику и передачею акта укрѣпленія права собственности на недвижимость, любопытно то заключеніе, къ которому сенатъ пришелъ по *вопросу о времени, когда пріобрѣтается право собственности на движимость при договорѣ купли-продажи.*

По одному дѣлу сенату представилась необходимость дать опредѣленіе договору купли-продажи движимаго имущества. Опредѣленіе это выведено сенатомъ изъ ст. 1510 гражд. законовъ.

Digitized by Google

Въ ст. 1510 выражено слѣдующее: передача отъ продавца покупщику проданнаго движимаго имущества совершается дѣйствительнымъ покупщику вручениемъ самаго имущества, или поступленіемъ онаго въ его распоряженіе.

Изъ неопредѣленныхъ указаній, заключающихся въ этомъ постановленіи, а также, очевидно, изъ общаго смысла послѣдующихъ узаконеній сенатъ вывелъ, что купля-продажа движимаго имущества составляетъ договоръ, въ силу котораго одна сторона, покупающая, — пріобрѣтаетъ право собственности на проданную вещь, а другая сторона, продавецъ — получаетъ за отчуждаемую собственность право на условленную съ покупщикомъ плату. Сущность этого опредѣленія заключается въ томъ, что на основаніи его договоръ купли-продажи движимаго имущества можетъ имѣть силу независимо отъ воспослѣдованія передачи проданной вещи и уплаты условленныхъ за нее денегъ. Далѣе, сенатомъ прямо высказано, что право собственности на движимое имущество переходитъ къ пріобрѣтателю со времени совершенія акта купли. Такимъ образомъ, по толкованію сената, какъ только заключена сдѣлка о куплѣ-продажѣ движимаго имущества — покупщикъ пріобрѣтаетъ на него право собственности, хотя бы не послѣдовало еще передачи проданной движимости; а такъ какъ договоръ купли-продажи движимости можетъ быть заключенъ и словеснымъ порядкомъ, то слѣдовательно достаточно удостовѣрить дѣйствительность словеснаго соглашенія между контрагентами о куплѣ-продажѣ движимаго имущества, чтобы осуществить право собственности покупщика на это имущество.

Такимъ образомъ, вопросъ о переходѣ права собственности на имущество по договору разрѣшается сенатомъ различно, смотря по тому, касается ли договоръ движимаго или недвижимаго имущества. Въ первомъ случаѣ моментомъ перехода права собственности признано время договорнаго соглашенія, во второмъ—время передачи акта о договорѣ.

Прибавимъ еще, что въ практическомъ отношеніи усвоеніе начала, принятаго сенатомъ относительно перехода права собственности на недвижимость по договору, представляетъ значительныя неудобства. Съ переходомъ права собственности отъ одного лица къ другому соединяются столь важныя юридическія послѣдствія, что моментъ осуществленія этого перехода необходимо пріурочить къ такому дѣйствію, которое не представляло бы затрудненій относительно доказательствъ его совершенія. Этому условію едва ли соотвѣтствуетъ передача акта пріобрѣтателю имѣнія, такъ какъ она не всегда бываетъ обставлена такимъ образомъ, чтобы, на случай сомнѣній въ дѣйствительности ея совершенія, могли быть провѣрены показанія сторонъ по сему предмету.

Впрочемъ, тѣ неудобства и затрудненія, которыя должно встрѣтить указанное нами толкованіе сената, какъ вслѣдствіе несогласія

Digitized by Google

его съ началами, принятыми въ уставѣ гражд. судопр., такъ и по причинѣ сомнительности его по существу своему, должны устраниться съ введеніемъ въ дѣйствіе реформы, стоящей на очереди въ настоящее время, именно реформы ипотечной. Основныя начала ипотечной системы требуютъ возможно-большей огласки момента перехода права собственности на недвижимость отъ одного лица къ другому и вмѣстѣ съ тѣмъ пріурочиваютъ всѣ юридическія послѣдствія пріобрѣтенія правъ на недвижимость къ запискѣ ихъ въ ипотечныя книги. Согласно этимъ основнымъ началамъ, составителю ипотечнаго устава, по необходимости, придется коснуться вопроса объ опредѣленіи момента перехода права собственности на недвижимость по договору и разрѣшить вопросъ этотъ въ томъ смыслѣ, чтобы время отмѣтки въ ипотечной книгѣ о переходѣ права собственности на недвижимость признавалось временемъ дѣйствительнаго перехода и укрѣпленія этого права. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнится и постановленіе ст. 1432 уст. гражд. судопроизводства.

Слѣдующій, по важности своей, затронутый сенатомъ вопросъ договорнаго права есть *вопросъ о формѣ договоровъ*, связанный съ вопросомъ о примѣненіи статьи 409 уст. гражд. суд., на который мы указывали въ началѣ настоящаго обозрѣнія.

Въ нашихъ гражданскихъ законахъ нѣтъ общаго правила о томъ, какіе договоры подлежатъ совершенію письменнымъ или словеснымъ порядкомъ. Въ примѣчаніи къ ст. 571 гражд. зак. выражено: «какіе именно договоры не могутъ быть совершаемы иначе, какъ на письмѣ, означено при каждомъ родѣ оныхъ въ особенности». Такимъ образомъ, правила для руководства относительно того, подлежитъ ли сдѣлка совершенію письменнымъ или словеснымъ порядкомъ, должно быть выведено изъ отдѣльныхъ постановленій о формѣ различныхъ договоровъ и обязательствъ.

Начнемъ съ того, что сенатъ различаетъ письменную форму договора, какъ условіе дѣйствительности договора, входящее, такъ сказать, въ составъ корпуса сдѣлки, отъ письменной формы въ смыслѣ составленія акта, какъ доказательства, имѣющаго процессуальное значеніе на случай спора. Положеніе это требуетъ поясненія.

Письменность договора не вытекаетъ сама собою изъ какого-либо особаго свойства его юридической природы, но составляетъ элементъ посторонній, пріуроченный къ договору требованіемъ положительнаго закона вслѣдствіе необходимости оградить заключеніе нѣкоторыхъ болѣе важныхъ сдѣлокъ отъ неопредѣленности и злоупотребленій, возможныхъ при словесной формѣ. Такимъ образомъ и наши гражданскіе законы иногда признаютъ письменную форму безусловно обязательною для договора, подъ страхомъ его недѣйствительности, иногда прямо допускаютъ для нѣкоторыхъ договоровъ словесную форму, иногда

Digitized by Google

же, не требуя прямо письменной формы отъ договора, косвенно, такъ сказать, навязываютъ контрагентамъ эту форму. Стремленіе закона только понудить контрагентовъ къ заключенію договора на письмѣ выражается въ томъ, что законъ не поражаетъ недѣйствительностью сдѣлки, заключенной словеснымъ порядкомъ, но затрудняетъ контрагентамъ доступъ къ суду на случай спора, не допуская въ подобныхъ случаяхъ иныхъ доказательствъ, кромѣ письменныхъ, такъ что контрагенты, не обезпечившіе себя письменнымъ актомъ, рискуютъ потерять возможность воспользоваться правами, вытекающими изъ договора.

Сенатомъ отнесены къ числу договоровъ, для которыхъ письменная форма безусловно обязательна, договоры залога, заклада, займа, запродажи, подряда; относительно же договоровъ поклажи, личнаго найма и продажи движимаго имущества признано, что совершеніе этихъ договоровъ словесно не имѣетъ послѣдствіемъ признанія ихъ недѣйствительными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, договоръ поклажи отнесенъ сенатомъ къ числу тѣхъ договоровъ, для которыхъ, по закону, требуется письменное удостовѣреніе на случай спора, такъ что въ послѣднемъ случаѣ въ доказательство дѣйствительности совершенія этихъ договоровъ, согласно ст. 409 уст. гражд. судопроизводства, не могутъ служить свидѣтельскія показанія.

Вопросъ о формѣ договоровъ обнимаетъ собою также вопросъ о тѣхъ дополнительныхъ формальностяхъ, которымъ должно соотвѣтствовать заключеніе договора на письмѣ.

По закону, договоръ и обязательство или совершаются крѣпостнымъ порядкомъ, или являются для засвидѣтельствованія у крѣпостныхъ дѣлъ, или являются, также для засвидѣтельствованія, у дѣлъ маклерскихъ и въ мѣстахъ присутственныхъ, или, наконецъ, составляются въ домашнемъ порядкѣ. Закономъ точно опредѣлено, какимъ порядкомъ актъ долженъ быть совершенъ въ каждомъ данномъ случаѣ, а также въ какой формѣ должно быть выражено его содержаніе. Отсюда возникаетъ вопросъ о силѣ неформальныхъ актовъ.

По толкованію сената, нарушеніе одной изъ формальностей, требуемыхъ закономъ при совершеніи акта, должно имѣть послѣдствіемъ признаніе акта о договорѣ недѣйствительнымъ.

Выводъ этотъ приводитъ къ двумъ вопросамъ: 1) нарушеніе формъ, установленныхъ для извѣстнаго рода актовъ, имѣетъ ли послѣдствіемъ признаніе акта потерявшимъ всякую силу, или же актъ этотъ можетъ сохранить силу простого обязательства, и 2) какъ согласить выводъ сената о послѣдствіяхъ нарушенія правилъ совершенія договоровъ съ постановленіемъ ст. 458 уст. гражд. суд., по которой не дѣлается различія между крѣпостными или явочными актами и актами домашними, если нѣтъ сомнѣнія въ ихъ подлинности.

Digitized by Google

Первый вопросъ разрѣшается сенатомъ въ томъ смыслѣ, что актъ не-формальный, теряя силу извѣстнаго рода акта, сохраняетъ значеніе простого обязательства. По объясненію сената, договоръ, не отрицаемый сторонами, признается недѣйствительнымъ въ томъ только случаѣ, если предметъ обязательства, возникающаго изъ договора, противорѣчитъ закону и нравственности. На этомъ основаніи судебное мѣсто, признавъ, напримѣръ, что обязательство, не составляющее по формѣ и содержанію ни запродажной записи, ни задаточной росписки, подлежитъ исполненію на общемъ основаніи законовъ о договорахъ, не нарушило бы прямого смысла закона.

Второй вопросъ, по общему смыслу сенатскихъ разъясненій, долженъ быть разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что статья 458 уст. гражд. суд. относится только до такого рода актовъ, которые, по юридическому своему значенію, опредѣленному гражданскими законами, могутъ имѣть обязательную силу. Согласно приведенному толкованію, весь смыслъ постановленія, заключающагося въ ст. 458, состоитъ въ томъ, что совершеніе акта домашнимъ порядкомъ, само по себѣ, не лишаетъ акта всякой доказательной силы, но что возможность имѣть доказательную силу не даетъ еще акту во всякомъ случаѣ обязательный характеръ. На этомъ основаніи искъ, напримѣръ, объ удовлетвореніи по договору заклада, совершенному безъ соблюденія установленной въ гражданскихъ законахъ формы, не можетъ подлежать удовлетворенію, хотя бы отвѣтчикъ не оспаривалъ подлинности самаго акта, и отказъ суда въ удовлетвореніи подобнаго иска не былъ бы нарушеніемъ ст. 458 уст. гражд. судопр.

Выше было упомянуто, что сенатъ признаетъ недѣйствительными лишь такіе договоры, которые клонятся къ достиженію цѣли, противной закону и нравственности. Въ ст. 1529 гражд. зак. заключается перечисленіе тѣхъ случаевъ, когда цѣль договора должна почитаться запрещенною закономъ. По поводу этого перечисленія на практикѣ неоднократно возникали вопросы о недѣйствительности договора въ такихъ случаяхъ, которыхъ нельзя подвести ни подъ одинъ изъ пунктовъ ст. 1529. Къ числу подобныхъ случаевъ относится одно дѣло, въ которомъ возникъ вопросъ о дѣйствительности договора, имѣющаго предметомъ содѣйствіе къ устройству брака за извѣстную плату. Въ разрѣшеніе общаго вопроса о значеніи ст. 1529 гражд. зак. сенатъ указалъ, что перечисленные закономъ случаи недѣйствительности договоровъ и обязательствъ не исчерпываютъ всѣхъ случаевъ подобной недѣйствительности, и что исчисленіе, слѣдующее послѣ словъ: «какъ то», должно быть понимаемо, какъ указаніе примѣровъ толкованія предшествующаго выраженія: «достиженіе цѣли, законами запрещенной», по соображеніи съ которыми слѣдуетъ въ каждомъ данномъ случаѣ разрѣшать вопросъ о незаконности цѣли договора или обязательства.

Digitized by Google

Конечно, подобное распространительное толкованіе ст. 1529 слѣдуетъ признать вполнѣ правильнымъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ договорнаго права слѣдуетъ признать *вопросъ о послѣдствіяхъ неисполненія договоровъ*.

Практическое значеніе этого вопроса очевидно. При заключеніи каждаго договора всегда предполагается возможность уклоненія контрагентовъ отъ исполненія условій договора; на этотъ случай обыкновенно включаются въ договоръ условія о неустойкѣ и о другихъ послѣдствіяхъ неисполненія договора. Но могутъ быть случаи, гдѣ самъ договоръ не указываетъ послѣдствій его нарушенія; въ другихъ случаяхъ можетъ имѣть мѣсто именно нарушеніе договора въ тѣхъ его частяхъ, которыми опредѣляются послѣдствія неисполненія главнаго обязательства. На всѣ подобные случаи законъ не даетъ прямого отвѣта.

Сенатская практика представляетъ нѣсколько интересныхъ рѣшеній, относящихся къ толкованію 1547 ст. гр. зак., по которой, если сторона имѣющая по договору право требовать исполненія отступится добровольно отъ своего права, тогда дѣйствіе договора прекращается. Приведенная статья толковывалась нерѣдко въ томъ смыслѣ, что неисполненіе договора одною изъ сторонъ можетъ быть признано судомъ за выраженіе отреченія отъ правъ въ договорѣ. По поводу подобнаго толкованія сенатъ въ одномъ дѣлѣ поставилъ для разрѣшенія своего слѣдующій вопросъ: неисполненіе какого-либо условія по договору одною изъ сторонъ открываетъ ли для другой стороны право прекратить договоръ? Вопросъ этотъ разрѣшенъ сенатомъ слѣдующимъ образомъ. По смыслу статей 569, 570, 574, 684, 1545 и 1585 гражд. зак. всякій договоръ и всякое обязательство, правильно составленные, возлагаютъ на договаривающихся обязанность ихъ исполнить, а въ случаѣ неисполненія, открываютъ право требовать, отъ лица обязавшагося, удовлетворенія во всемъ томъ, что въ договорѣ постановлено, а также въ убыткахъ, понесенныхъ отъ нарушенія договора; прекращать же или уничтожать договоръ вступившія въ него лица могутъ не иначе, какъ по обоюдному согласію. Дѣйствительный смыслъ 1547 статьи, по объясненію сената, состоитъ въ томъ, что сторона можетъ отказаться отъ требованія того, что̀ ей собственно принадлежитъ, но не можетъ освобождать себя отъ исполненія условленныхъ обязанностей въ отношеніи къ другой сторонѣ.

Въ другомъ рѣшеніи сенатъ прямо указалъ, что событіе односторонняго или обоюднаго отреченія отъ правъ, проистекающихъ изъ договора, облеченнаго въ форму письменнаго акта, должно быть выражено или письменнымъ же актомъ, или безмолвнымъ неосуществленіемъ своего права въ теченіи земской давности. Такимъ образомъ, сенатомъ придано ст. 1547 гражд. зак. весьма тѣсное значеніе.

Digitized by Google

При подобномъ толкованіи весьма любопытно, будетъ ли допущена сенатомъ возможность уничтоженія договора въ томъ случаѣ, когда одна изъ сторонъ, не отказываясь прямо отъ своего права въ договорѣ, допуститъ такое нарушеніе принятыхъ на себя по договору обязанностей, что дальнѣйшее существованіе договора сдѣлается невозможнымъ. Между тѣмъ въ практикѣ подобные случаи обыденны, и по всей вѣроятности сенату въ скоромъ времени придется отказаться отъ выработанной имъ строгой теоріи исполненія договоровъ.

Обозрѣвъ въ общихъ чертахъ главнѣйшія рѣшенія сената, касающіяся общей теоріи договоровъ, мы дополнимъ наше обозрѣніе указаніемъ на нѣкоторыя болѣе крупныя рѣшенія, относящіяся до другихъ областей права и представляющія практическій интересъ.

Къ подобнымъ рѣшеніямъ принадлежитъ, между прочимъ, рѣшеніе, которымъ разсмотрѣнъ *вопросъ объ обязательной силѣ арендnаго контракта, заключеннаго пожизненнымъ владѣльцемъ, для наслѣдника*. Сенатъ разрѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно, ограничиваясь однако предѣлами частнаго случая, подлежавшаго его разсмотрѣнію. Особенности этого случая состояли въ томъ, что духовнымъ завѣщаніемъ, которымъ пожизненное владѣніе было установлено, пожизненному владѣльцу не было предоставлено права заключать такіе договоры объ имѣніи, которые и послѣ прекращенія пожизненнаго владѣнія сохраняли бы свою силу. Отсюда слѣдуетъ, что по смыслу сенатской практики сила договоровъ, заключенныхъ пожизненнымъ владѣльцемъ, должна опредѣляться исключительно духовнымъ завѣщаніемъ, которымъ пожизненное владѣніе установлено.

За тѣмъ слѣдуетъ упомянуть о рѣшеніи, которымъ разъясненъ любопытный *вопросъ, относящійся до договора займа*. Сенатъ выразилъ, что хотя въ нашемъ законодательствѣ не установлено особой формы для передаточныхъ надписей на заемныхъ письмахъ въ томъ случаѣ, когда вслѣдствіе полученныхъ уплатъ передается не вся сумма, значущаяся въ обязательствѣ, а только часть оной, но изъ этого нельзя вывести заключенія, чтобы законъ уполномочивалъ заимодавца, получивъ отъ должника уплату капитала или процентовъ подъ особыя платежныя росписки, выданныя имъ на основаніи 2054 ст. т. X ч. I, послѣ того передать кому-либо заемное обязательство съ умолчаніемъ о полученныхъ имъ платежахъ. Изъ буквальнаго смысла законовъ, по мнѣнію сената, слѣдуетъ заключить, что какъ скоро передача сдѣлана безъ всякой оговорки о пространствѣ переуступаемаго права, то такая передача обнимаетъ все право на прописанную въ заемномъ письмѣ сумму. Но если заимодавецъ, вслѣдствіе полученныхъ имъ платежей, не властенъ уже передать все право, то въ огражденіе себя

Digitized by Google

отъ всякой отвѣтственности и въ отвращеніе всякихъ недоразумѣній, онъ необходимо долженъ или передать заемное обязательство съ надписью о полученномъ имъ платежѣ или уплатѣ, какъ того требуетъ 2,052 ст. т. X ч. I, или съ точностію опредѣлить количество суммы, остающейся въ долгу за заемщикомъ и за сего послѣдняго заплаченной, въ силу 2058 ст., пріобрѣтателемъ заемнаго письма; если же ни того, ни другого не будетъ сдѣлано, то должникъ, не взирая на то, что имѣетъ въ своихъ рукахъ платежныя росписки, естественно будетъ поставленъ въ спорныя отношенія съ пріобрѣтателемъ заемнаго письма, по упущенію заимодавца.

Изъ приведенныхъ соображеній сената, съ правильностью которыхъ нельзя не согласиться, видно, что сенатъ избѣгалъ коснуться общаго вопроса о правахъ лица, которому передано заемное письмо послѣ полученія по немъ уплаты, на взысканіе по немъ вторично денегъ съ должника. Въ дѣлѣ, подлежавшемъ разрѣшенію сената, имѣлъ мѣсто такого рода случай, что должникъ уплатилъ вдвойнѣ часть своего долга и за тѣмъ обсужденію судебныхъ мѣстъ, а также и сената подлежалъ лишь вопросъ объ отвѣтственности передъ должникомъ кредитора, совершившаго не правильную передачу оплаченнаго въ части заемнаго письма. Тѣмъ не менѣе приведенныя соображенія сената заключаютъ въ себѣ также интересныя и не лишенныя практической важности объясненія закона.

Указывая на важнѣйшія рѣшенія по вопросамъ матеріальнаго права нельзя обойти рѣшенія, въ которомъ заключается *толкованіе статей 397 и 399 гр. зак.*

Въ ст. 397 гражд. зак. указаны случаи, когда недвижимое имущество почитается благопріобрѣтеннымъ; ст. 399 указываетъ, какія имущества суть родовыя. Общаго опредѣленія понятій о благопріобрѣтенномъ и родовомъ имѣніи въ законахъ не заключается, тежду тѣмъ какъ перечисленіе, сдѣланное въ приведенныхъ статьяхъ, очевидно неполно. Отсюда возникаетъ вопросъ о томъ, родовымъ или благопріобрѣтеннымъ имуществомъ слѣдуетъ признавать такое имѣніе, которое не подходитъ ни подъ 397, ни подъ 399 ст. гражд. зак. Подобный вопросъ возникъ на практикѣ, а именно, какимъ должно быть признаваемо имущество, завѣщанное первымъ его пріобрѣтателемъ такому родственному лицу, которое по смерти завѣщателя не было ближайшимъ его наслѣдникомъ по закону? Разрѣшая этотъ вопросъ, сенатъ, въ замѣчательномъ по изложенію своему рѣшеніи, разъяснилъ общій смыслъ ст. 397 и 399 гражд. зак. Соображенія сената заключаются въ слѣдующемъ. Общій смыслъ ст. 397 и 399 показываетъ, что въ нихъ не только опредѣляется, какія имущества признаются родовыми и какія благопріобрѣтенными, но вмѣстѣ съ тѣмъ, указываются и случаи, въ коихъ имущество благопріобрѣтенное можетъ сдѣлаться

Digitized by Google

родовымъ, и наоборотъ, — когда имущество родовое обращается въ разрядъ благопріобрѣтенныхъ. Именно, благопріобрѣтенное имущество превращается въ родовое только въ одномъ случаѣ: когда оно переходитъ отъ одного лица къ другому того же рода въ порядкѣ наслѣдованія, и притомъ не только наслѣдствомъ по закону, но и наслѣдствомъ по завѣщанію, если только оно завѣщается именно тому лицу, которое и безъ завѣщанія должно бы было наслѣдовать въ немъ по закону. Напротивъ того, имѣніе родовое обращается въ разрядъ благопріобрѣтенныхъ, когда оно по какому бы то ни было укрѣпленію, хотя бы и дарственному, переходитъ въ чужой родъ. Только въ этихъ двухъ случаяхъ, по смыслу дѣйствующихъ законовъ, имѣніе перемѣняетъ свое свойство, дѣлаясь изъ благопріобрѣтеннаго родовымъ, и обратно—изъ родового благопріобрѣтеннымъ. Слѣдовательно, внѣ этихъ двухъ случаевъ, какимъ бы способомъ и къ кому бы имѣніе ни переходило, оно должно сохранять прежнее свое свойство, т. е. если оно было благопріобрѣтеннымъ, то и по переходѣ къ другому лицу остается таковымъ же, а если оно было родовымъ, то такимъ и остается.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о рѣшеніи, въ которомъ высказано *нѣсколько общихъ положеній наслѣдственнаго права*. Въ рѣшеніи этомъ сенатъ указалъ, что отреченіе отъ наслѣдства законъ допускаетъ до осуществленія права наслѣдованія, а это право осуществляется не только вводомъ во владѣніе и передачею наслѣдственнаго имущества, но и чрезъ совершеніе наслѣдникомъ такихъ дѣйствій, которыя доказываютъ безмолвное, подразумѣваемое принятіе наслѣдства. По объясненію сената, событіе принятія наслѣдства обусловливается не только вводомъ во владѣніе, передачею имущества и пользованіемъ онымъ въ личную себѣ прибыль, но и исполненіемъ обязательствъ, какъ лежащихъ на наслѣдствѣ, такъ и установленныхъ умершимъ владѣльцемъ, доколѣ они не противорѣчатъ законамъ, такъ какъ въ силу ст. 1529, наслѣдство, открывшееся по установленному въ законѣ порядку, или по духовному завѣщанію, составляетъ не только совокупность правъ, но и обязательствъ, оставшихся послѣ умершаго владѣльца.

П. М.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го апрѣля 1869.

Сессія дворянства Петербургской губерніи. — Вопросъ объ опекѣ. — Правительственный проектъ. — Всесословность и сословность. — Городской элементъ въ общей опекѣ.—Вопросъ о 19-мъ февраля 1870 года.—Просьба мелкопомѣстныхъ дворянъ Гдовскаго уѣзда. — Земледѣльческая ипотека и биржа. — Что такое почта?—Реформа во взглядѣ на умственное право общества. — Религіозныя разномыслія. — Дѣло Крынина. — Дѣло Большакова.

Всякій фактъ, въ которомъ проявляется общественная самодѣятельность, заслуживаетъ перваго мѣста въ хроникѣ, слѣдящей за нашей современной жизнью. Фактъ этотъ можетъ имѣть значеніе положительное или отрицательное, свидѣтельствовать объ успѣхѣ или паденіи, но каковъ бы ни былъ практическій смыслъ его для наблюдателя, который собираетъ данныя минуты, какъ признаки будущаго, онъ долженъ имѣть значеніе. Хотя бы фактъ этотъ самъ по себѣ былъ даже микроскопическій,—онъ можетъ быть важенъ для той анатоміи, которая дѣйствуетъ не надъ трупомъ, а надъ живымъ организмомъ, угадываетъ не минувшую, а возникающую жизнь, и не имѣетъ права сказать о себѣ de minimis non curat....

Сессія дворянскаго собранія Петербургской губерніи, само собою разумѣется, не должна была бы наводить насъ на подобнаго рода размышленія. Сословіе дворянства играло столь важную роль въ фазисахъ нашей исторіи, что уже, изъ-за одного прошлаго, не приходится пропускать безъ вниманія нынѣшняго положенія, въ какомъ оно себя чувствуетъ и въ какомъ выступаетъ.

Обращаемся къ той картинѣ современнаго положенія дворянства, которая довольно рельефно начерталась нынѣшнею его сессіею въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи, и прежде всякихъ выводовъ, къ практической сторонѣ его занятій. На ней лучше всего отразится и теоретическая сторона вопроса о современномъ значеніи дворянскихъ собраній, какъ представительства организованнаго и привилегированнаго сословія.

Digitized by Google

Въ нынѣшней сессіи, обсужденію дворянства представился одинъ новый, практическій вопросъ, именно вопросъ объ измѣненіи законодательства относительно опеки. Этотъ вопросъ былъ подвергнутъ правительствомъ тщательной обработкѣ.

Коммиссія для составленія новаго проекта положенія объ опекахъ была образована въ 1864 году, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; она составила историческій очеркъ русскаго законодательства по этому предмету и обзоръ главныхъ началъ, принятыхъ законодательствами другихъ странъ, собрала важнѣйшіе вопросы, возникавшіе изъ практики, и статистическія свѣдѣнія объ опекахъ, съ раздѣленіемъ на роды, наконецъ, составила проектъ. Коммиссія признаетъ, что существующая у насъ система правительственныхъ опекъ неудобна, особенно послѣ введенія судебной реформы, а преобразованіе системы правительственныхъ опекъ считаетъ неосуществимымъ потому, что потребовался бы новый расходъ, чтобы дать членамъ опекунскихъ учрежденій хорошее содержаніе. Въ самомъ дѣлѣ, сумма, отпускаемая нынѣ на всѣ дворянскія опеки составляетъ всего 10,607 р. 32 к. въ годъ, что составляетъ около 20 рублей на каждую опеку. Возлагать новый значительный расходъ на государственное казначейство или на земство, коммиссія не считаетъ возможнымъ, а преобразовывать правительственныя опекунскія учрежденія только по виду, оставляя въ нихъ прежнее ничтожное вознагражденіе членовъ, было бы безполезно. Такія соображенія привели коммиссію къ мысли «пріурочить учрежденіе опекунскаго управленія къ уѣзднымъ земскимъ управамъ». Такъ какъ дѣла общественнаго призрѣнія возложены на земство, то естественно, чтобы оно же заботилось и о призрѣніи сиротъ и вообще требующихъ попеченія.

Однако же коммиссія не находитъ возможнымъ просить предоставить завѣдываніе опеками земскимъ управамъ, такъ какъ у членовъ управъ и безъ того много дѣла, а предположила образовать особое опекунское учрежденіе, находящееся въ связи съ земствомъ тѣмъ, что въ немъ, кромѣ предводителя дворянства и городского головы, будутъ членами предсѣдатель и члены уѣздной земской управы, принадлежащіе къ дворянскому и городскому (но не инымъ) сословіямъ, согласно предположенію распространить дѣйствіе новаго устава объ опекахъ на дворянъ и на городскія общества, и именно только на эти два сословія, съ тѣмъ, чтобы опекунскія дѣла другихъ сословій вошли сюда уже впослѣдствіи. Коммиссія полагаетъ для опекунскаго управленія одну инстанцію, съ правомъ принесенія на нее жалобъ суду. Предсѣдательство въ новой опекѣ проектъ предназначаетъ уѣздному предводителю дворянства, какъ представителю образованнаго сословія. На содержаніе опекъ, проектъ признаетъ необходимымъ установить на всѣ безъ исключенія имущества, находящіяся въ опекун-

Digitized by Google

скомъ управленіи, сборъ въ формѣ 1% съ чистаго дохода по опекунствамъ попечительнымъ и 2% по опекунствамъ охранительнымъ.

Въ мотивахъ, которыми руководствовалась коммиссія, какъ они изложены въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» можно возразить, что между ними нѣтъ строгой логической связи. Главные мотивы—экономія и приданіе опекѣ характера земскаго. Земскій характеръ опеки, очевидно, представляетъ много преимущества передъ правительственнымъ, но едва ли въ числѣ ихъ главнымъ представляется именно экономія. Выходя изъ невозможности новой затраты на опекунскія учрежденія, проектъ оканчиваетъ все-таки предложеніемъ процентнаго сбора съ имуществъ, подлежащихъ опекѣ. Сверхъ того, признавая, что члены земскихъ управъ слишкомъ обременены трудами, чтобы на нихъ возлагать еще непосредственное завѣдываніе опекунскою частью, проектъ предлагаетъ особое опекунское учрежденіе, состоящее изъ предводителя дворянства, городского головы, предсѣдателя и членовъ уѣздной земской управы отъ дворянства и городскихъ сословій, — то-есть все-таки возлагаетъ опекунское управленіе на лицъ, имѣющихъ посторонніе занятія, или принадлежащихъ къ сословнымъ и земскому управленію. Между тѣмъ, возраженіе основано на томъ, что лица, «на которыхъ лежатъ иныя, трудныя обязанности», не могутъ несть «особой и постоянной попечительности о лицахъ и имуществахъ опекаемыхъ». Вотъ если бы проектъ предлагалъ составлять особое опекунское учрежденіе просто изъ лицъ по выбору земства, съ назначеніемъ имъ вознагражденія изъ процентнаго сбора, тогда это было бы дѣйствительно самостоятельное, и въ тоже время находящееся въ связи съ земствомъ учрежденіе. Между тѣмъ, проектъ предлагаетъ даже соединить канцелярію опеки съ канцеляріею управы, что еще болѣе лишаетъ опекунское учрежденіе самостоятельности.

Но при обсужденіи правительственнаго проекта, дворянство занялось собственно одною только стороною дѣла, именно вопросомъ, желательно ли приданіе опекунскому управленію характера всесословнаго или земскаго, или же сохраненіе за дворянскою опекою ея сословнаго характера. Дворянство ходатайствовало о сообщеніи ему свѣдѣній относительно проекта, выработаннаго правительственною коммиссіею, и правительство сообщило ему проектъ и предоставило дворянству представить свое мнѣніе объ этомъ проектѣ. Тогда дворянство выбрало коммиссію, которой поручило разсмотрѣть правительственный проектъ, и эта коммиссія представляла свой докладъ, который и подалъ поводъ къ преніямъ. Пренія эти не представляютъ существенной важности, но интересны по своему характеру. Неопредѣленность положенія, скажемъ прямо, сознаніе слабости своего положенія въ смыслѣ учрежденія самостоятельнаго органа общественной силы, отразились въ этихъ преніяхъ рядомъ колебаній, которыя еще болѣе

Digitized by Google

нелогичны, чѣмъ мотивы, занесенные въ докладъ правительственной коммиссіи.

Коммиссія дворянскаго собранія высказалась въ пользу отмѣны опеки по сословіямъ; она объявляетъ, что дворянство признаетъ вообще свою пользу быть тѣсно связаннымъ съ пользами другихъ сословій, но тутъ же оговаривается: «дворянство, стоящее во главѣ земства»; она допускаетъ необходимость въ этомъ отношеніи слиться съ другими сословіями, и хотя употребляетъ слова́: «пріурочить сиротскіе суды къ дворянской опекѣ», но эти слова въ сущности значутъ немного, такъ какъ коммиссія положительно высказывается въ пользу избранія членами въ это общее опекунское правленіе и дворянъ личныхъ, и потомственныхъ гражданъ, и купцовъ и мѣщанъ. Итакъ, относительно собственно принципа всесословности, коммиссія дворянства стала на ту же точку, какъ и правительственная коммиссія, именно допустила общность опеки для дворянъ и городскихъ обывателей и именно только для этихъ двухъ сословій.

Но дальнѣйшій ходъ дѣла показалъ, что дворянство вовсе не безусловно раздѣляетъ воззрѣніе правительственной коммиссіи относительно своевременности снятія съ опеки ея сословнаго характера. Въ дворянскомъ собраніи явились ораторы, возставшіе противъ преобразованія въ этомъ смыслѣ; собраніе въ конечномъ результатѣ отвергло принципъ его, значительнымъ большинствомъ высказавшись въ пользу удержанія сословной опеки, но и самая дворянская коммиссія, какъ изъяснилъ на возраженія докладчикъ ея, князь Трубецкой, приняла правительственный проектъ за основаніе единственно потому, что считала «непрактичнымъ» неподчинить ему собственныя свои соображенія. «Правительственная коммиссія обсуждала вопросъ втеченіи десяти лѣтъ, а ваша коммиссія втеченіи всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а потому ея соображенія не могутъ имѣть такого вѣса, какъ соображенія администраціи» — вотъ сущность одного изъ аргументовъ докладчика. Какъ будто нужно непремѣнно заниматься вопросомъ десять лѣтъ, чтобы «смѣть свое о немъ сужденіе имѣть!» Вѣдь по смыслу сообщенія, полученнаго дворянскимъ собраніемъ отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, предоставлялось дворянству здѣшнему также какъ и дворянамъ иныхъ губерній передать свои заявленія и отзывы по этому вопросу въ коммиссію. Ничто не препятствовало коммиссіи петербургскаго дворянства предложить заявленіе именно въ смыслѣ оставленія въ силѣ сословнаго характера опеки, если таково было дѣйствительное ея убѣжденіе. Но коммиссія дворянства, какъ оказывается изъ послѣдующихъ объясненій ея докладчика, стѣснилась той мыслью, что правительственный проектъ составленъ съ участіемъ разныхъ вѣдомствъ, даже совѣта министровъ (?), и уже подлежитъ внесенію въ государственный совѣтъ, а потому несогласіе петербургскаго дворянскаго собранія

Digitized by Google

съ основнымъ его принципомъ было бы «непрактично». Подобная же неувѣренность въ средѣ дворянства въ пользѣ даже заявленій съ его стороны высказалась и въ обсужденіи вопроса, не слѣдуетъ ли просить объ учрежденіи дворянскихъ комитетовъ для обсужденія тѣхъ послѣдствій, которыя должны истечь изъ наступленія новаго періода въ устройствѣ крестьянскаго дѣла, со срокомъ 19-го февраля 1870 года.

Объ этомъ предметѣ мы упомянемъ особо, а здѣсь поставимъ только общій выводъ, именно, что дворянство, сознавая внутренно, но не желая признать гласно безполезность своей корпоративной организаціи, послѣ произведенныхъ реформъ, находится въ ложномъ положеніи того человѣка, который хочетъ констатировать свое право на участіе въ какомъ-либо дѣлѣ заявленіемъ, а между тѣмъ колеблется сдѣлать это заявленіе именно потому, что не увѣренъ въ серьезности предоставленнаго ему участія въ дѣлѣ.

По мнѣнію, которое намъ представляется неоспоримымъ, дворянству остается только откровенно слить свои отдѣльныя корпоративныя усилія съ дѣятельностью земства. Единственное значеніе, какое въ настоящее время имѣетъ представительство дворянства, единственное принадлежащее ему преимущество, это—право дѣлать правительству представленіе о *мѣстныхъ* нуждахъ дворянства. Но этимъ правомъ дворянство можетъ пользоваться и какъ составная часть земства, посредствомъ его органовъ.

Такое убѣжденіе не мѣшаетъ намъ, однако, признать, что ужъ если дворянство считаетъ нужнымъ выступать какъ отдѣльное сословіе и продолжаетъ интересоваться охраненіемъ немногихъ особенностей, которыя еще составляютъ на практикѣ его отдѣльность, то незачѣмъ останавливаться на полпути, и останавливаться не по убѣжденію, а по соображенію «непрактичности». Вопроса о «непрактичности» не должно возникать тамъ, гдѣ рѣчь идетъ не о болѣе или менѣе практичномъ рѣшеніи какого-либо общаго дѣла, а именно только о сохраненіи особностей одного сословія. Нельзя не согласиться, что самое существованіе такой особности въ настоящее время непрактично. Но если она признается нужною, то практичность состоитъ именно въ заботахъ объ охраненіи ея по мѣрѣ силъ, а не въ томъ, чтобы сходить съ тротуара передъ административною коммиссіею потому только, что она работала десять лѣтъ, или потому, что администрація можетъ не обратить вниманія на заявленіе дворянскаго собранія.

Вотъ почему логикѣ почтеннаго предводителя дворянства здѣшняго уѣзда мы не можемъ не предпочесть логику одного изъ извѣстныхъ ораторовъ собранія, весьма рѣшительнаго въ своихъ заявленіяхъ — г. Безобразова, этого Катона отжившей нашей псевдо-патри-

Digitized by Google

ційской системы. Г. Безобразовъ протестовалъ противъ нерѣшительности коммиссіи и опровергалъ проектъ администраціи въ его сущности, отстаивая сословный характеръ опеки. Онъ указалъ на ту слабую сторону доклада дворянской коммиссіи, что она соглашается съ основами административнаго проекта потому собственно, что эти основы будто бы уже приняты правительствомъ, между тѣмъ, какъ пока проектъ остается проектомъ, нельзя сказать, что основы его получили обязательную силу и дворянству должна принадлежать полная свобода высказать свое мнѣніе о нихъ. Подвергая критикѣ самый проектъ дворянской коммиссіи, основанный на мысли объ отнятіи отъ опеки характера учрежденія сословнаго, г. Безобразовъ замѣчалъ, что опека въ томъ видѣ, какъ ее предлагаютъ, переставъ быть сословною, не будетъ и земскою, такъ какъ отъ нея устранены сословія духовенства и сельскихъ обывателей; стало-быть, опека эта будетъ только двухсословная.

Логику этихъ замѣчаній отрицать нельзя. Но г. Безобразовъ не ограничился ими. Придерживаясь своей логики, онъ отвергаетъ земскую опеку, даже если бы она и была всесословная. Онъ находитъ, что это поведетъ къ сліянію и самыхъ сословій, которое несогласно, будто бы, съ нашимъ государственнымъ (?) устройствомъ. Странно предвидѣть въ сліяніи опекъ нѣчто ведущее къ несогласію съ нашимъ государственнымъ устройствомъ, особенно послѣ того, какъ въ отношеніяхъ между сословіями произошла такая значительная перемѣна, что одно сословіе перестало владѣть другимъ сословіемъ, не только не измѣнивъ государственнаго устройства, но и не оказавшись ни въ какой мѣрѣ ему опаснымъ. Логика г. Безобразова положительно сдѣлалась своеобразною, когда, доказывая, какъ нежелательно, чтобы опекунами дворянъ могли являться мѣщане, онъ въ видѣ аргумента сослался на фактъ, что и при нынѣшней системѣ опеки, какой-то малолѣтній дворянинъ, оставшись сиротою, былъ отданъ на воспитаніе кучеру. Противникамъ г. Безобразова легко было возразить на это, что образованный мѣщанинъ можетъ быть лучшимъ воспитателемъ, чѣмъ кучеръ, и сверхъ того, въ предполагаемой опекѣ дворянство все-таки будетъ имѣть участіе, даже преобладающее, стало-быть, будетъ имѣть возможность наблюдать, чтобы воспитаніе молодыхъ дворянъ не попадало въ руки кучеровъ. Нельзя не сочувствовать заявленію г. Безобразова, что онъ нисколько не жалѣетъ о правахъ, потеряныхъ дворянствомъ, а думаетъ, напротивъ, что само дворянство выиграло отъ уничтоженія крѣпостного права, и не желаетъ только упадка дворянства въ нравственномъ его значеніи. Нравственнаго упадка, какого бы то ни было сословія, никто желать не можетъ, хотя очень многіе могутъ не раздѣлять мысли почтеннаго оратора относительно нравственнаго значенія дворянства у насъ, *какъ сословія;* но во всѣ-

Digitized by Google

ѣмъ случаѣ, сліяніе дворянскаго и городского сословій въ опекѣ едва
и можетъ угрожать даже и особности дворянства, какъ сословія,
ъ какъ опекунами и попечителями всегда назначаются или бли-
айшіе родственники или, по крайней мѣрѣ, люди одного сословія
ъ подлежащимъ опекѣ. А что почетные граждане и мѣщане будутъ
дѣть въ общемъ опекунскомъ учрежденіи, то это одно едва ли мо-
етъ извратить въ дворянахъ, подлежащихъ опекѣ, не только нрав-
ственный, но даже и сословно-дворянскій смыслъ и духъ, если тако-
ой только у насъ существуетъ или когда-либо существовалъ. Вѣдь
дятъ же они, эти почетные граждане и мѣщане, и на предсѣдатель-
кихъ мѣстахъ въ тѣхъ заведеніяхъ, въ которыхъ воспитываются дво-
яне вмѣстѣ съ другими сословіями, и на начальническихъ мѣстахъ
ъ тѣхъ отрасляхъ службы, одну изъ которыхъ неизбѣжно изберутъ
воряне для того, чтобы получить въ обществѣ то значеніе, котораго
ни безъ чина и мундира, хотя бы со столѣтней граматой, у насъ ни-
огда не имѣли.

Рѣчь г. Безобразова убѣдила собраніе, и предложеніе комиссіи
ыло устранено рѣшеніемъ предварительнаго вопроса: желаетъ ли
ворянство сохранить сословную опеку? Значительнымъ большинствомъ
опросъ этотъ былъ рѣшенъ въ пользу сословной опеки. Но такъ какъ
слѣдъ затѣмъ собраніе рѣшило не смотрѣть на сообщеніе объ этомъ
инистру, какъ на ходатайство собранія о сохраненіи сословной опеки,
о приведенное рѣшеніе это можетъ быть принято только какъ тео-
ретическая резолюція, въ родѣ тѣхъ, какія постановляются на ми-
тингахъ.

Любопытно было предложеніе, внесенное въ дворянское собраніе
. Шарыгинымъ и поддержанное барономъ П. Корфомъ. Оно состояло
въ нѣсколькихъ пунктовъ, предложенныхъ въ видѣ вопросовъ и въ
бщей сложности заключало въ себѣ такой планъ: для улучшенія быта
рестьянъ, въ виду приближенія 19 февраля 1870 года, т. е. въ виду
ого времени, когда крестьяне будутъ вольны уходить съ помѣщичьихъ
емель,—испросить высочайшее разрѣшеніе на избраніе комитета изъ
ворянъ-землевладѣльцевъ Петербургской губерніи, который обсудилъ
ы мѣры, приличныя для огражденія интересовъ землевладѣльцевъ
дѣшней губерніи, на предоставленіе другимъ губерніямъ избрать та-
ie же комитеты, на свободу обмѣна мнѣній между всѣми этими ко-
итетами, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи ихъ занятій составилась осо-
ая центральная комиссія изъ выборныхъ отъ всѣхъ комитетовъ. При
омъ, по мысли автора предложенія, дворянство должно было повер-
уть на усмотрѣніе правительства вопросъ: *насколько можетъ быть
опущено* участіе въ этихъ комитетахъ и *другихъ членовъ земства*,
ромѣ дворянъ-землевладѣльцевъ?

Вопросъ о послѣдствіяхъ 19 фев. 1870 г. въ нашемъ журналѣ былъ под-

Digitized by Google

вергнутъ Н. П. Колюпановымъ всестороннему разсмотрѣнію и съ точки зрѣнія интересовъ помѣщиковъ и съ точки зрѣнія охраненія свободы переселенія и отказа отъ земли для крестьянъ. Мы сознаемъ, что въ нынѣшнемъ положеніи есть нѣсколько неясностей, и признаемъ съ другой стороны естественнымъ, что землевладѣльцы озабочиваются той перемѣною, которая можетъ отразиться на ихъ хозяйствѣ. Но вѣдь предложеніе г. Шарыгина, сперва столь сочувственно встрѣченное дворянскимъ собраніемъ, вело къ чему-то въ родѣ учрежденія новыхъ редакціонныхъ коммиссій и притомъ изъ дворянъ, для обсужденія, съ цѣлью улучшенія быта крестьянъ, мѣръ, нужныхъ для огражденія помѣщичьихъ интересовъ. Едва ли тѣ неясности, какія замѣчаются въ Положеніяхъ 19 февраля, въ отношеніи къ праву отказа крестьянъ отъ земли и праву переселенія, могли бы наиболѣе удобно быть устранены именно такимъ сословно-представительнымъ путемъ. Вмѣсто того, чтобы предоставлять администраціи рѣшеніе, въ какой мѣрѣ желательно участіе прочихъ членовъ земства въ обсужденіи этого дѣла, не проще и естественнѣе ли было бы просить о собраніи мнѣній объ этомъ вопросѣ отъ земства, съ тѣмъ, пожалуй, чтобы въ Петербургъ были присланы и по два депутата отъ земства каждой губерніи? Это было бы проще и правильнѣе, чѣмъ то, что предлагалъ г. Шарыгинъ, и это едва ли не желательно въ самомъ дѣлѣ.

Комитеты изъ дворянъ, съ центральной коммиссіей, да еще съ возможностью спроса крестьянскихъ обществъ, въ томъ или другомъ видѣ— это нѣчто искусственное, несуществующее и немогущее имѣть авторитета земскихъ собраній. Правда, въ земскихъ собраніяхъ участвуютъ и иныя сословія, кромѣ помѣщиковъ и крестьянъ. Но во-первыхъ, эти сословія служили бы посредническимъ звеномъ между дворянствомъ и крестьянствомъ, которыя, поставленныя съ глазу на глазъ, едва ли когда пришли бы къ соглашенію. А во-вторыхъ, развѣ принадлежащіе къ городскому сословію фабриканты не заинтересованы въ вопросѣ о переселеніи? Да наконецъ, и всѣ городскія общества вообще заинтересованы въ этомъ дѣлѣ, гдѣ одинъ изъ государственныхъ пунктовъ есть именно право приписки къ этимъ сословіямъ для крестьянъ.

Мы остановились на предложеніи г. Шарыгина нѣсколько болѣе, потому именно, что сходимся съ возбужденною имъ мыслью о собраніи мнѣній отъ сословій для отстраненія недоразумѣній, какія могутъ оказаться при наступленіи 19 февраля 1870 года; мы расходимся съ нимъ только въ выборѣ удобнѣйшихъ органовъ для полученія отзывовъ, въ самомъ дѣлѣ безпристрастныхъ и всестороннихъ.

Въ преніяхъ, происходившихъ по предложенію г. Шарыгина, отразилась опять та неопредѣленность, то какъ бы и желаніе и опасеніе пользоваться своими правами, во всемъ ихъ объемѣ, которыя харак-

Digitized by Google

тировали всю нынѣшнюю сессію дворянскаго собранія. Мы уже сказали, что собраніе встрѣтило съ большимъ сочувствіемъ это предложеніе. Между тѣмъ, когда предсѣдатель замѣтилъ, что баллотировка нѣкоторыхъ пунктовъ этого предложенія допущена быть не можетъ, такъ какъ они относятся не къ мѣстнымъ интересамъ дворянства петербургской губерніи,—что было совершенно справедливо—то тотчасъ проявилось колебаніе, и когда перешли къ баллотировкѣ перваго пункта, то оказалось, что собраніе его не приняло. Между тѣмъ, принятіемъ этого пункта собраніе нисколько бы не превысило своей власти, такъ какъ въ немъ упоминалось только о комитетѣ для петербургской губерніи. А если бы дворянство петербургской губерніи получило то разрѣшеніе, о которомъ тутъ шла рѣчь, то нѣтъ сомнѣнія, что дворянскія собранія прочихъ губерній сами собою вошли бы съ такимъ же ходатайствомъ и получили бы такой же отвѣтъ, какой передъ тѣмъ получило бы дворянство петербургское. Итакъ, непринятіе собраніемъ перваго пункта, вслѣдствіе заявленія предсѣдателя, было просто отступленіемъ отъ мысли, которая сперва очень понравилась собранію.

Неопредѣленность—чтобы не сказать болѣе—положенія дворянскихъ собраній, которымъ, за произведенными реформами осталось почти только производить выборы своихъ должностныхъ лицъ и немногихъ членовъ въ нѣкоторыя учрежденія собраній, коимъ забываютъ даже — очевидно за ненадобностью — сообщать свѣдѣнія о государственной земской повинности, хотя по неотмѣненному еще закону они должны разсматривать ее—эта неопредѣленность положенія, говоримъ мы, отразилась и въ отказѣ всѣхъ кандидатовъ, имѣвшихся въ виду, на должность петербургскаго губернскаго предводителя принять эту должность. Дворянство, какъ видно, наиболѣе расположено было выбрать своимъ предводителемъ графа П. П. Шувалова, что было бы не лишено нѣкотораго значенія. Когда онъ отказался, въ числѣ другихъ кандидатовъ, то нынѣшній губернскій предводитель, графъ Орловъ-Давыдовъ обратился къ нему съ заявленіемъ единогласнаго желанія дворянъ, чтобы онъ не отказывался, и члены собранія поспѣшили лично засвидѣтельствовать графу Шувалову это желаніе; но графъ положительно несогласился. Кончилось тѣмъ, что уже въ день, назначенный для закрытія сессіи, дворянству удалось убѣдить графа Бобринскаго согласиться на баллотировку, и благодарное собраніе избрало его губернскимъ предводителемъ единогласно, тѣмъ болѣе, что какое же могло быть разногласіе при такихъ обстоятельствахъ!?

Мы никакъ не думаемъ отрицать значеніе дворянства у насъ въ настоящее время въ смыслѣ простой совокупности значительнаго числа образованныхъ людей въ государствѣ. Но если разумѣть собственно организованную корпорацію дворянства, то есть составъ дво-

Digitized by Google

рянскихъ собраній, то едва ли можно съ увѣренностью приписывать ему по преимуществу даже значеніе «образованнѣйшаго въ государствѣ сословія». Дѣло въ томъ, что изъ числа окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, навѣрно, только небольшая часть—по абсолютной численности—принадлежитъ именно къ сословію крупныхъ землевладѣльцевъ, которое и составляетъ то, что у насъ нынѣ обыкновенно (даже спеціально-дворянскимъ органомъ) называется дворянствомъ. Это организованное въ собраніе сословіе само разумѣетъ себя именно въ смыслѣ сословія крупныхъ землевладѣльцовъ. Доказательствомъ тому можетъ служить одинъ изъ фактовъ нынѣшней сессіи петербургскаго дворянства. Въ засѣданіи 14 марта предложено было къ голосованію заявленіе мелкопомѣстныхъ дворянъ гдовскаго уѣзда, которые просили, чтобы всѣмъ дворянамъ, *занесеннымъ въ родословную книгу* и имѣющимъ цензъ по 73 статьѣ, т. е. по прежнему исчисленію 5 душъ или 150 десятинъ удобной земли, было предоставлено въ дворянской избирательной дѣятельности участіе равное съ дворянами имѣющими, по прежнему исчисленію, 100 душъ и т. д. Просьба эта была совершенно логична съ точки зрѣнія «благороднаго происхожденія.» Кто въ настоящее время ратуетъ за преимущества дворянскихъ собраній, за вліяніе дворянства на земскую полицію, за предводительство дворянства въ дѣлахъ земства вообще, тотъ всегда ссылается на слѣдующіе доводы: 1) преимущественная образованность дворянскаго сословія, которое есть «образованнѣйшее сословіе въ государствѣ»; 2) благородное происхожденіе, которое само по себѣ обязываетъ человѣка къ нѣкоторому нравственному превосходству, что выражается извѣстнымъ девизомъ noblesse oblige; и 3) заслуги предковъ, оказанныя государству.

Всѣ эти обстоятельства рѣшительно благопріятствовали — въ теоріи — удовлетворенію домогательства мелкопомѣстныхъ дворянъ гдовскаго уѣзда, занесенныхъ въ родословную книгу. Если дворянство есть сословіе образованное по преимуществу, то это конечно благодаря наслѣдственности его образованія, и въ этомъ смыслѣ дворянство болѣе древнѣе, унаслѣдовавшее свое образованіе отъ нѣсколькихъ поколѣній, должно быть образованнѣе дворянства новаго, хотя бы оно и было крупнымъ землевладѣніемъ. Благородство происхожденія, какъ извѣстно, измѣряется не числомъ десятинъ удобной земли, а числомъ предковъ. Наконецъ, относительно заслугъ оказанныхъ государству, дворянство мелкопомѣстное, но снабженное грамотами, ужъ навѣрное можетъ поспорить со случайнымъ и по большей части весьма недавнимъ по происхожденію классомъ крупныхъ землевладѣльцовъ. А между тѣмъ, с.-петербургское дворянское собраніе постановило въ просьбѣ мелкопомѣстнымъ дворянамъ отказать. Спрашивается за тѣмъ, на какомъ основаніи оно само, какъ представительство крупнаго зем-

Digitized by Google

землевладѣнія, могло бы требовать продолженія своего вліянія въ государствѣ, въ смыслѣ привилегированнаго сословія? Всѣ доводы, которые могутъ быть—съ дворянской точки зрѣнія: roy ne veux, prince ne doigne, Rohan suis—приведены въ его пользу, и какъ дворянству, общи ему съ мелкопомѣстнымъ, но *старымъ* дворянствомъ, котораго просьбу объ уравненіи въ правахъ нынѣ въ Петербургѣ отвергли. За симъ остается только значительность капитала. Но въ такомъ случаѣ перестаньте говорить о «noblesse oblige» и такъ далѣе, и уступите шагъ биржевымъ тузамъ, признайте скорѣе за ними право отдѣльнаго въ государствѣ предсѣдательства, ибо въ отношеніи капитала, чистаго, безъ долговъ, и легко реализуемаго, дворяне — предъ ними — пасъ.

Такимъ образомъ, нынѣшняя сессія петербургскаго дворянства представила намъ въ видѣ преобладающей черты—неопредѣленность, неувѣренность въ самосознаніи дворянства относительно полезности и возможности (мы хотѣли сказать — серьезности) дальнѣйшаго своего существованія, какъ отдѣльной корпораціи въ государствѣ, съ представительствомъ, бюджетомъ (на содержаніе канцелярій и освѣщеніе залъ), правомъ запросовъ и представленій. Эта неопредѣленность, неувѣренность — признакъ времени и вмѣстѣ доводъ, что и въ дворянствѣ нашемъ преобладаетъ практическій русскій смыслъ, вѣщающій: «что было, то не будетъ вновь.»

Мы упомянули выше о капиталѣ землевладѣнія. Самая основательная изъ всѣхъ жалобъ землевладѣльцевъ въ настоящее время безспорно та, что трудно найти капиталы, которые соглашались бы на помѣщеніе въ дѣло земледѣлія. Это обстоятельство заслуживаетъ особаго вниманія. Въ виду разстройства дѣлъ землевладѣнія, обусловленнаго частью неизбѣжною неремѣною системы хозяйства, частью неурожаями, которые означаютъ не столько стеченіе неблагопріятныхъ атмосферическихъ причинъ, сколько просто истощеніе почвы, необходимо обратить вниманіе на средства земледѣльческаго кредита. Средства эти въ настоящее время ничтожны. Казенный банкъ денегъ уже давно не даетъ подъ землю, а частный земледѣльческій кредитъ не устанавливается, отстаетъ отъ кредита городского, который пріобрѣлъ уже нѣсколько успѣшно-дѣйствующихъ органовъ. А между тѣмъ въ русскомъ хозяйствѣ, съ его еще первоначальными пріемами, представляется обширное поле для дѣятельности, богатая жатва для капиталовъ, которые вступили бы въ это дѣло умѣючи. Но нѣтъ, мы предпочитаемъ покупать на биржѣ акціи рязанской дороги, которыя обѣщаютъ 16 рублей дивиденда, а они стоятъ по 290 р., то-есть въ сущности обѣщаютъ не болѣе какихъ-нибудь шести процентовъ.

Вотъ почему съ особеннымъ сочувствіемъ встрѣчаемъ мы извѣстіе, что коммиссія, учрежденная въ 1860 году для устройства земскихъ

Digitized by Google

банковъ, уже выработала проектъ ипотечнаго устава. Нѣтъ сомнѣнія, что земледѣльческій кредитъ преимущественно стѣснялся у насъ именно сложностью формальностей по взысканіямъ и вообще необезпеченностью подобнаго рода помѣщенія капиталовъ. Трудность займа денегъ, для владѣльцевъ недвижимыхъ имѣній, обусловливается едва ли не болѣе всего именно неувѣренностью залогодателей въ обезпеченіи.

Улучшеніе законоположеній, приведеніе законодательства въ соотношеніе съ новыми потребностями государства и общества, наконецъ проведеніе въ законахъ принциповъ гуманности, гражданской равноправности, обезпеченности лицъ и имуществъ гражданъ—принциповъ не новыхъ, но въ новѣйшія времена получающихъ все большее значеніе въ сознаніи законодателей—все это еще не исчерпываетъ того многообразнаго дѣла, котораго совокупность разумѣется подъ общимъ названіемъ *реформы*. Существенная часть реформы, вызванной потребностью общества и стремленіемъ власти придать своимъ отправленіямъ болѣе строгую раціональность, должна заключаться въ томъ, чтобы органы власти проникались яснымъ сознаніемъ прямого своего назначенія, чтобы въ сложности государственнаго управленія и государственнаго хозяйства вполнѣ выяснилась цѣль каждаго учрежденія, истинное мѣсто и назначеніе его, какъ одной изъ функцій государственной системы.

Извѣстное изреченіе: «не общество существуетъ для администраціи, а администрація для общества», кажется намъ въ настоящее время вульгарнымъ. Но давно ли это такъ, далеко ли то время, когда эта, конечно весьма неоригинальная, мысль являлась у насъ еще въ качествѣ весьма смѣлаго, а старымъ, закоренѣвшимъ въ прежней системѣ бюрократамъ представлялась чуть ли не въ значеніи непозволительнаго вольномыслія? Что мысль эта была нова и бюрократіи неизвѣстна, доказательствомъ тому можно привесть оффиціальные документы, напр., приказы по полиціи, гдѣ она была буквально выражена.

По поводу вопіющей неисправности, какая оказалась въ началѣ нынѣшняго года въ разсылкѣ періодическихъ изданій по почтѣ, нельзя не обратить вниманія на то, какъ важна именно та сторона «реформы», на которую мы сейчасъ указали. Факты, которыхъ мы сдѣлались свидѣтелями и въ нѣкоторомъ смыслѣ жертвами, показали, что иногда самыя измѣненія положеній и порядковъ, съ цѣлью улучшенія ихъ не только не приносятъ пользы, но становятся даже источникомъ замѣшательства, если оставленъ безъ вниманія другой, существенный элементъ реформы, именно—правильное уясненіе каждымъ учрежденіемъ самому себѣ прямого, главнаго его назначенія, цѣли, съ которою оно первоначально создано и отъ которой оно иногда можетъ уклоняться, предпочитая другія, второстепенныя и несущественныя по смыслу самого учрежденія цѣли.

Digitized by Google

Управленіе почтъ, какъ всякое управленіе должно, конечно, заботиться о соблюденіи интересовъ казны; монополія почтъ приноситъ казнѣ доходъ и, само собой разумѣется, что управленіе почтъ должно желать скорѣе возвышенія этого государственнаго дохода, чѣмъ уменьшенія его. Но если бы почтовое управленіе продолжало, по прежнему, видѣть въ этомъ именно главное свое назначеніе, то оно держалось бы взгляда столь ошибочнаго, что никакія предпринятыя имъ реформы не принесли бы государству пользу.

Всѣ вѣдомства, удовлетворяя извѣстной потребности, собираютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и какой либо государственный доходъ. Изъ числа ихъ мы не исключаемъ даже военное министерство, которое, выручая деньги отъ продажи негодныхъ вещей или подвергнутыхъ подмочкѣ продовольственныхъ припасовъ, усчитываетъ эти деньги тоже въ государственный доходъ. Но, что бы мы сказали о такой системѣ военнаго управленія, которая клонилась бы къ сокращенію сроковъ службы аммуничныхъ вещей или къ пріобрѣтенію годового провіанта для того только, чтобы увеличить количество продаваемыхъ предметовъ и тѣмъ достигнуть возвышенія собираемаго имъ казеннаго дохода?

Это преувеличеніе, возразятъ намъ. Согласны, но преувеличеніемъ удобно выказать ложность той мысли, которая неправильна въ самой своей точкѣ отправленія. Возьмемъ другой примѣръ. Министерство путей сообщенія собираетъ съ желѣзныхъ дорогъ, шоссе и шлюзовъ весьма значительный доходъ. Но можно ли допустить мысль, чтобы главное его назначеніе заключалось именно въ собираніи и насильномъ увеличеніи этого дохода? Въ такомъ случаѣ, ему пришлось бы прежде всего возстать противъ системы желѣзныхъ дорогъ частныхъ, которыя требуютъ отъ правительства только пожертвованій, не принося ему дохода. Между тѣмъ, мы видимъ, что оно напротивъ благопріятствуетъ развитію частныхъ дорогъ и даже свои линіи передаетъ въ частныя руки.

Дѣло въ томъ, что недостаточно какому либо учрежденію соединить въ себѣ характеръ правительственнаго органа и сборщика дохода, и ставить это второе назначеніе на первый планъ, видѣть въ немъ главное свое назначеніе, которому должны подчиняться остальныя. Есть учрежденія чисто камеральныя, финансовыя, напримѣръ: акцизное, горное, таможенное управленія. Конечно, и они также служатъ вмѣстѣ и отраслями полицейскаго (въ научномъ смыслѣ слова) управленія: акцизное и горное вѣдомство регулируютъ порядокъ частныхъ промысловъ и продажъ, таможенное вѣдомство—справедливо или нѣтъ, это особый вопросъ—смотритъ на себя какъ на охрану внутренней производительности. Но всѣ они очевидно имѣютъ назначеніе преимущественно камеральное—сборъ и увеличеніе по возможности главныхъ государственныхъ доходовъ. Акцизное вѣдомство не можетъ смотрѣть

Digitized by Google

какъ на главную свою цѣль—на процвѣтаніе винокуренныхъ заводовъ или на доставленіе водкѣ пріятнаго вкуса, а на судьбы государственнаго дохода взирать, какъ на нѣчто второстепенное. Такой правильный взглядъ устанавливается уже мало-по-малу и въ отношеніи таможеннаго учрежденія; хотя въ новомъ тарифѣ и сохранены еще покровительственныя цѣли, однако преобразованъ онъ былъ съ цѣлью именно камеральною.

Итакъ, изъ учрежденій, которыя соединяютъ въ себѣ удовлетвореніе какой либо потребности общества и государства съ сборомъ государственнаго дохода, одни носятъ характеръ финансовыхъ, камеральныхъ, другія же относятся къ органамъ государственнаго благоустройства. Цѣлью послѣднихъ должно прежде всего служить—возможно полное, правильное и всегда своевременное удовлетвореніе той потребности государства и общества, для которой они созданы; попеченіе же о собираемомъ ими притомъ доходѣ для нихъ должно быть цѣлью побочною, второстепенною; забота о доставленіи государству выгоды финансовой въ ихъ дѣятельности должна быть подчинена той первой и главной заботѣ, которая вытекаетъ изъ самой цѣли ихъ образованія въ государствѣ и ихъ назначенія въ общей системѣ государственнаго механизма. Къ этой цѣли—учрежденія такого рода должны стремиться даже съ пожертвованіемъ ей, если нужно, самымъ собираемымъ доходомъ, какъ то видно въ приведенномъ выше примѣрѣ управленія желѣзными дорогами. Весь смыслъ почтоваго учрежденія указываетъ, что оно должно принадлежать къ этой второй категоріи государственныхъ установленій. Почта хотя и есть государственная монополія, но не регалія. Такой взглядъ на почту давно установился во всей Европѣ. Если гдѣ почта въ прежнее время и имѣла характеръ регаліи или откупа (въ видѣ исторически-установившейся турнъ-таксиской почтовой привилегіи въ Германіи), то характеръ этотъ или давно измѣненъ или измѣняется.

У насъ по бюджету почтоваго вѣдомства числится доходовъ около 15¾ милліоновъ рублей, расходовъ около 12¼ милліоновъ рублей. Достаточно уже этого баланса, чтобы убѣдиться, что характеръ почтоваго учрежденія не финансовый, а общественный (относящійся къ области полиціи, въ научномъ смыслѣ слова, къ области благоустройства). Очевидно, что доходъ въ 3½ мил. изъ бюджета, котораго итогъ доходитъ до 15¾ милл. не даетъ почтовому управленію характера управленія финансоваго. Еще болѣе ясно сдѣлается, что почтовое управленіе не имѣетъ характера камеральнаго, когда примемъ во вниманіе, что въ суммѣ его доходовъ, его средствъ, заключаются болѣе 7½ милліоновъ рублей земскаго сбора (съ небольшими суммами изъ капитала уральскаго казачьяго войска, башкирскихъ сборовъ и губернскаго земскаго сбора, всего болѣе 7 милліоновъ 593 тысячъ руб-

Digitized by Google

лей). Это, кажется, достаточно выясняетъ тотъ характеръ почтоваго управленія, который указанъ ему и назначеніемъ его, какъ оно опредѣлено закономъ, и самымъ характеромъ его денежныхъ средствъ.

Итакъ, почтовое вѣдомство, въ своей дѣятельности, должно бы имѣть въ виду прежде всего не увеличеніе относительно—весьма небольшого чистаго дохода, который оно доставляетъ государству, а прямое свое назначеніе—удовлетворять одной изъ самыхъ существенныхъ потребностей государства и общества. Самъ по себѣ бюджетъ почтоваго вѣдомства можетъ вызвать не мало разногласій со стороны безпристрастныхъ критиковъ. Всѣ они, въ виду неоспоримаго факта, что почтовый доходъ увеличивается съ году на годъ (въ нынѣшнемъ году исчислено доходу на 94¼ тысячи рублей болѣе противу прошлаго года), должны преклониться предъ фактомъ возвышенія государственнаго дохода. Но даже становясь на эту ложную точку зрѣнія, постороннюю главной цѣли почтоваго учрежденія, можно думать, что увеличеніе почтоваго дохода происходитъ не столько отъ радѣнія подлежащаго вѣдомства государственнымъ выгодамъ, сколько отъ естественнаго возрастанія сбора, сообразно съ увеличеніемъ сообщеній. Вѣдь изъ самаго бюджета почтоваго вѣдомства видно, что отъ усиленія корреспонденціи ожидалось возрастанія дохода не только на 94¼ тысячи, а на 641 слишкомъ тысячу рублей (изъ какового излишка наибольшую часть, стало быть, поглотили новые расходы). Знаменитый президентъ почтоваго управленія въ Англіи, сэръ Роулендъ Гилль тоже увеличилъ казенный доходъ отъ почтъ, но онъ съ умѣлъ достичь этого, удовлетворяя въ тоже время и главному назначенію своего управленія, именно онъ возвысилъ почтовый доходъ пониженіемъ пересылочной платы. Наше почтовое вѣдомство предпочитаетъ поддерживать прежній доходъ сохраненіемъ прежней таксы, и если предпринимаетъ что-нибудь для возвышенія этого дохода, то дѣлаетъ это въ весьма первоначальной формѣ: увеличиваетъ, напримѣръ, вдвое плату за пересылку мѣсячныхъ изданій.

Но увеличеніе казеннаго дохода, сказали мы, вовсе не должно быть главною проекъпаціею почтоваго управленія, которое не есть отрасль управленія финансоваго. Предпринимая какое бы то ни было измѣненіе порядковъ, оно бы не должно было оправдываться само передъ собою цѣлью финансовою, а имѣть въ виду прежде всего прямую цѣль, указанную ему его учрежденіемъ: споспѣшествовать удобству сообщеній, сдѣлать удобною и правильною пересылку, уменьшить число жалобъ, отнестись серьезно къ прекрасной своей роли посредника, хотя механически способствующаго развитію мыслей и общенію Россіи въ умственной дѣятельности. Если же почтовое вѣдомство хотѣло обратить вниманіе преимущественно на финансовую сторону своего устройства, то оно могло съ успѣхомъ заняться болѣе

Digitized by Google

выгоднымъ распредѣленіемъ собственныхъ своихъ суммъ. Такъ, напримѣръ, на содержаніе центральнаго почтоваго управленія полагается болѣе 150 тысячъ рублей, да на «разные расходы» 150 тысячъ, между тѣмъ какъ на пріемъ и роздачу и пересылку почтовой корреспонденціи расходуется всего 2 милліона рублей. Первый расходъ едва ли не слишкомъ великъ въ сравненіи со вторымъ. Велика ли роль «центральнаго» управленія въ почтовомъ дѣлѣ? Въ этомъ дѣлѣ, кажется, менѣе чѣмъ въ какомъ либо требуется какая либо политика, какіе либо общіе взгляды, между тѣмъ какъ во второмъ расходѣ сосредоточивается вся сущность дѣла, особенно по мѣрѣ развитія желѣзныхъ дорогъ, которое будетъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе освобождать почтовое вѣдомство отъ самаго значительнаго изъ его расхода — содержанія лошадей.

Повторяемъ, содѣйствіе общей благотворной реформѣ, совершающейся въ наши годы, должно состоять не только въ предложеніи полезныхъ измѣненій въ текстѣ законоположеній, но еще—и это весьма существенный пунктъ—въ правильномъ уясненіи себѣ и приложеніи къ дѣлу—истиннаго назначенія отраслей государственнаго управленія, содержимыхъ обществомъ, въ видѣ успѣшнаго дѣйствія ихъ самихъ и успѣшнаго удовлетворенія его потребностей.

Говоря о томъ, что существенную часть реформы, предпринятой государствомъ, послѣ долговременнаго застоя, для приведенія въ соглашеніе учрежденій съ нуждами и духомъ современности, должно составлять, кромѣ измѣненія законоположеній и измѣненіе во взглядѣ правительственныхъ органовъ на ихъ назначеніе, мы неизбѣжно наталкиваемся на вопросъ о нашихъ старообрядцахъ. Фактъ существованія старообрядства и раскола въ народѣ, и не только существованія, но даже постояннаго развитія сектъ—одинъ изъ тѣхъ фактовъ, которые старая система администраціи думала уничтожить непризнаніемъ или преслѣдованіемъ. Между тѣмъ, расколъ не только не ослаблялся вслѣдствіе непризнанія и преслѣдованія, а напротивъ—росъ, и къ сожалѣнію, въ томъ общемъ преслѣдованіи на бумагѣ и потворствѣ на дѣлѣ, какія были неразлучны съ прежнею системою, могла развиться секта противуобщественная, секта скопцовъ, внезапное открытіе которой, во всей ея силѣ и распространенности, поразило удивленіемъ общество, убаюканное отрицательнымъ отношеніемъ прежней администраціи безразлично ко всѣмъ отраслямъ раскола.

Между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ не только не несогласны съ существующимъ государственнымъ строемъ, но даже проявили на практикѣ особую приверженность къ государству и сами по себѣ, по нравственной сторонѣ своего ученія, далеко не заслуживаютъ гоненія. Пришла пора—если нынѣшнее время хочетъ быть логично въ своихъ реформистскихъ стремленіяхъ,—измѣнить взглядъ на расколъ, и допу-

Digitized by Google

стить членовъ безвредныхъ сектъ къ общенію гражданскихъ правъ. Въ наше время, когда государство поставило на первомъ планѣ своей дѣятельности благо общественное, нѣтъ никакого основанія преслѣдовать вѣрныхъ и почтенныхъ гражданъ за разномыслія обрядныя, до которыхъ государству нѣтъ никакого дѣла. Пора снять съ государственной дѣятельности все, что можетъ напоминать, хотя бы издали, мрачную, безнравственную и въ высшей степени неполитическую дѣятельность инквизиціи.

А между тѣмъ, передъ нами являются факты, которые самымъ рѣзкимъ образомъ противорѣчатъ гуманнымъ и практическимъ цѣлямъ нынѣшняго государственнаго направленія. Сошлемся на два недавніе примѣра. Ямщикъ рогожской ямской слободы, Дмитрій Крынинъ принадлежалъ къ старообрядцамъ рогожскаго кладбища и нѣсколько разъ въ своемъ обществѣ отправлялъ должность старосты. Не далѣе, какъ въ 1857 году, его, просто за принадлежность къ сектѣ выслали изъ Москвы. Малолѣтный сынъ его, его имущество—все осталось на произволъ судьбы. Двѣнадцать лѣтъ Крынинъ находился въ ссылкѣ. Онъ сидѣлъ и въ здѣшней Александроневской лаврѣ подъ увѣщаніемъ духовныхъ особъ два года, но остался «непреклоненъ», и въ казематахъ Соловецкаго монастыря семь лѣтъ; наконецъ, подъ вліяніемъ такового средства убѣжденія, присоединился къ православію, и, не смотря на обращеніе (просто по незанесенію факта обращенія въ вѣдомости)—жилъ въ Пензѣ подъ надзоромъ полиціи. Въ Пензу онъ былъ посланъ по этапу и оставался тамъ безъ кормовыхъ денегъ, безъ всякихъ средствъ къ существованію. А между тѣмъ, само собою разумѣется, что оставленное имъ въ Москвѣ было отнято у него, поступило въ опеку, частью распродано и т. д. Наконецъ, когда въ дѣло его вступился адвокатъ Бенкендорфъ и предъявилъ его права на прежнее имущество, права, къ удовлетворенію которыхъ министръ внутреннихъ дѣлъ не нашелъ препятствія, — то неожиданное препятствіе встрѣтилось въ самомъ томъ обществѣ, къ которому прежде принадлежалъ Крынинъ, и его адвоката, явившагося на волостную сходку, съ непріятными требованіями о возстановленіи давно нарушенныхъ правъ, едва не прибили, онъ насилу ушелъ оттуда цѣлый. Такія дѣла дѣлаются послѣ десятилѣтняго страданія человѣка; отрицаніе правъ его — хоть онъ нынѣ и православный—за то только, что нѣкогда онъ былъ старообрядцемъ, происходитъ въ 1867 году. Какъ согласить такіе факты со смысломъ общей реформы, съ которой Россія считаетъ свое возрожденіе, съ принципами гуманности и обезпеченности лица, если оно не обвиняется въ преступленіи требующемъ мѣръ чрезвычайныхъ?

Общественная совѣсть высказалась. Мы имѣемъ передъ глазами фактъ тоже недавній, который въ смыслѣ общественнаго приговора

Digitized by Google

надъ устарѣлыми и непрактичными преданіями, рѣшаетъ и дѣло Крижина. Это дѣло Большакова. Московскій мѣщанинъ Большаковъ устроилъ въ избѣ, въ деревнѣ Заволенье, молельню, въ которой онъ совершалъ религіозные обряды, по своему убѣжденію. Представьте себѣ общество вѣрующихъ — правильно или неправильно ихъ религіозное убѣжденіе, государству разбирать весьма трудно и едва ли необходимо, коль скоро они соблюдаютъ общіе законы — во время богослуженія, и станового, который во время этого богослуженія, входитъ съ шапкой на головѣ, въ алтарь, хлопаетъ священнодѣйствующаго по плечу и произноситъ: «Стой! не служи!» — «Погодите *баринъ*, дайте докончить службу», умоляетъ въ этомъ драгоцѣнно-наивномъ разговорѣ Большаковъ. Но *баринъ*-становой прерываетъ обрядъ, и смиряется только по распоряженію исправника, который выражаетъ мнѣніе, что «службу докончить можно».

Это возмутительное происшествіе можетъ еще быть объяснено невѣжествомъ становаго, и тѣмъ стыдъ такого случая въ 1867 году можетъ быть снятъ съ нашей общественной жизни. Но гораздо больнѣе слышать, что того же Большакова, самого его, а не становаго, обвиняютъ передъ новымъ судомъ, и обвиняютъ на основаніи положительной статьи закона, именно ст. 206 Уложенія о наказаніяхъ, которая «предусматриваетъ и наказуетъ» устроеніе молельни и совершеніе въ ней литургіи по раскольническимъ обрядамъ.

Что значитъ оправданіе Большакова судомъ, не смотря на очевидныя улики и собственное его признаніе? Оно означаетъ, что общественная совѣсть протестуетъ и противъ законоположенія, уцѣлѣвшаго изъ старины, и противъ административнаго взгляда на дѣла совѣсти, уже несогласнаго со смысломъ общей гуманной реформы, которою гордится современная Россія. «Больше свѣту, свѣту» — скажемъ мы, какъ умирающій поэтъ-философъ Германіи. Ограничивая, контролируя дѣйствія, которыя могутъ быть опасными государству, дайте свободу совѣсти, которая не можетъ быть опасна ничему, кромѣ застоя среди признанныхъ установленій, и изувѣрства среди непризнанныхъ сектъ. Духъ времени говоритъ слишкомъ ясно, и великая реформа современности, послѣ эманципаціи труда, очевидно требуетъ эманципаціи совѣсти.

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1 (13) апрѣля, 1869.

Французскій законодательный корпусъ. — Прусскіе парламенты. — Испанскіе кортесы и ихъ образъ дѣйствія. — Сѣверо-американскіе Штаты и избраніе новаго президента. — Линкольнъ, Джонсонъ и Грантъ. — Жизнь Гранта и его политическія идеи. — Билль Гладстона объ ирландской церкви.

Въ ту минуту, когда въ Европѣ улаживается какое-нибудь важное затрудненіе и разрѣшается важный вопросъ, занимавшій впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ или нѣсколькихъ недѣль общественные умы, мы можемъ быть увѣрены, что непремѣнно явится новое, на первый взглядъ незначительное, событіе, которое тѣмъ не менѣе не замедлитъ въ свою очередь превратиться въ вопросъ, сначала второстепенной, а потомъ и первостепенной важности. Вѣрный знакъ напряженнаго состоянія умовъ! Дѣйствительно, не успѣлъ улечься восточный вопросъ, благодаря соединенію всѣхъ сильныхъ противъ одного слабаго, какъ изъза него показалось событіе совершенно ничтожное, о которомъ мы имѣли случай упомянуть мимоходомъ въ послѣднемъ иностранномъ обозрѣніи. Это дѣло о бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ и о передачѣ одной изъ главныхъ линій въ руки французской компаніи. Не успѣлъ выясниться вопросъ объ отношеніи между Франціею и Бельгіею въ дѣлѣ желѣзныхъ дорогъ, какъ вокругъ него стали агитироваться самыя разнородныя предположенія и подыматься облака самаго безпокойнаго и опаснаго свойства. Нечего и говорить, что тотъ вопросъ получилъ важность вовсе не самъ по себѣ, а по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя при неблагопріятномъ вѣтрѣ онъ могъ повести за собою. Пруссія немедленно устремила свой взоръ на столкновеніе бельгійскаго министерства Фреръ-Орбана съ французскимъ правительствомъ, стараясь предупредить всякое поползновеніе послѣдняго, прямое или косвенное, на независимость маленькой Бельгіи. «Маленькая Бельгія не слаба»—говорила Пруссія въ лицѣ своей офиціальной прессы, намекая на то, что она не оставитъ ее безъ помощи, если бы дѣло дошло до

Digitized by Google

чего-нибудь серьезнаго. Англія, съ своей стороны, убѣждаясь все болѣе и болѣе, какъ пагубно дѣйствуетъ ея политика невмѣшательства, и какъ невыгодно отзывается она на ея собственныхъ дѣлахъ, терпящихъ отъ постоянныхъ опасеній войны на континентѣ, одинаково поспѣшила вмѣшаться въ это дѣло, и, не подливая масла въ огонь, подобно Пруссіи, но колеблясь на обѣ стороны, она успѣла довести ихъ до соглашенія. Чѣмъ кончится этотъ франко-бельгійскій вопросъ — мы не будемъ имѣть смѣлости утверждать, хотя онъ и принялъ самый благопріятный оборотъ. Благодаря, какъ мы сказали, вліянію Англіи, бельгійское и французское правительства пришли къ чрезвычайно мирному рѣшенію назначить коммиссію изъ бельгійскихъ и французскихъ представителей, которые бы и опредѣлили условія соглашенія. Франція воспользовалась представившимся ей случаемъ, и поставила на видъ бельгійскому правительству, какъ важно было бы не только улаженіе возникнувшаго столкновенія, но и измѣненіе вообще нѣкоторыхъ пунктовъ, касающихся торговыхъ отношеній двухъ націй. Въ этомъ стремленіи осуществить между Бельгіею и Франціею тотъ самый таможенный союзъ, который связываетъ уже Сѣверную и Южную Германію, и лежитъ можетъ быть зародышъ всевозможныхъ затрудненій и столкновеній. Мы говоримъ «можетъ быть» потому, что при такомъ колеблющемся состояніи, среди котораго живетъ Западная Европа, нѣтъ ничего вѣрнаго и прочнаго. Какъ простой случай возбудилъ немедленно воинственное настроеніе, какъ счастливая случайность понизила высокій тонъ, такъ точно же и простой случай можетъ снова поднять его и привесть къ той развязкѣ натянутаго положенія Европы, которая ожидается съ фатальнаго дня битвы при Садовѣ. Бельгійскій вопросъ имѣетъ много сходства съ Люксембургскимъ, который два года назадъ едва было не привелъ Пруссію и Францію къ кровавому столкновенію; съ тѣхъ поръ взаимное отношеніе и взаимное чувство этихъ двухъ странъ нисколько не измѣнилось; напротивъ, правительства обѣихъ націй сдѣлали все, что могли, чтобы разжечь обоюдную непріязнь. Если случай, какъ выразился не такъ давно графъ Бисмаркъ, два раза избавилъ въ прошломъ году Европу отъ страшной рѣзни, то тотъ же случай можетъ на этотъ разъ оказать и плохую услугу.

Франко-бельгійскій вопросъ тѣмъ болѣе долженъ былъ встревожить Европу, что рядомъ съ нимъ въ закулисномъ дипломатическомъ мірѣ, такъ по крайней мѣрѣ догадывалось европейское общество, происходила какая-то тайная игра. Очень вѣроятно, что во всѣхъ разѣздахъ, пріѣздахъ, отъѣздахъ, во всѣхъ странствованіяхъ дипломатовъ и привѣтствіяхъ, расточаемыхъ другъ другу различными властелинами, нѣтъ еще ничего опредѣленнаго и предзнаменовательнаго въ области воинственныхъ или мирныхъ предположеній. Но увѣренности, разумѣется, никто не можетъ имѣть, что всѣ подобныя передвиженія

Digitized by Google

не принесутъ никакого результата въ близкомъ будущемъ. Для чего, спрашиваютъ, отозванъ изъ Флоренціи прусскій посланникъ графъ Уздомъ, знаменитый переданною имъ Ламарморѣ депешею, въ которой развивался планъ послѣдовавшей аттаки Австріи въ 1866 году, для чего итальянскій посланникъ при французскомъ дворѣ Нигра отправился во Флоренцію, для чего вернулся въ Парижъ изъ Вѣны французскій посолъ герцогъ Граммонъ; что означаютъ собою всѣ эти любезности, которыми обмѣниваются Францъ Іосифъ и Викторъ Эммануилъ, зачѣмъ австрійскій эрцъ-герцогъ обѣдаетъ въ Вѣнѣ у итальянскаго посланника маркиза Пеполи, и для чего итальянскій король посылаетъ одного изъ своихъ генераловъ съ цѣлою свитою привѣтствовать въ Тріестъ австрійскаго императора, для чего и зачѣмъ, зачѣмъ и для чего?—вотъ что слышится во всей европейской прессѣ, готовой видѣть въ каждомъ шагѣ любого посланника новый шагъ къ ожесточенной войнѣ. Кто можетъ винить прессу — это выраженіе общественнаго мнѣнія, за то, что вниманіе ея поглощается подобными вопросами, когда она не находитъ, и когда нѣтъ въ дѣйствительности болѣе разумныхъ основъ, по которымъ можно было бы судить о приближеніи или отдаленіи грознаго народнаго бича. Общество живетъ какъ въ туманѣ, оно идетъ и отыскиваетъ съ зажмуренными глазами всѣ тѣ внѣшніе признаки, за которые можетъ только ухватиться для опредѣленія предстоящей ему будущности. Оно не знаетъ, дѣлаются ли всѣ подобныя передвиженія спроста, или подъ ними скрывается зародышъ какого-нибудь наступательнаго и оборонительнаго союза. Отсюда и выходятъ именно всѣ слухи болѣе или менѣе достовѣрные, смущающіе покой европейскаго общества. Рѣдко слухъ былъ болѣе упоренъ, какъ слухъ о союзѣ Австріи, Италіи и Франціи въ виду войны между Пруссіею и Франціею, которая предсказывается уже болѣе двухъ лѣтъ, войны съ трепетомъ ожидаемой каждую весну, благодаря стараніямъ самыхъ правительствъ, разоряющихъ народы содержаніемъ громадныхъ армій и громадными военными приготовленіями. До тѣхъ поръ общество должно будетъ заниматься переѣздами дипломатовъ, до тѣхъ поръ въ нихъ оно должно будетъ отыскивать признаки воинственнаго или мирнаго настроенія правительствъ, пока это священное право войны и мира будетъ находиться въ рукахъ однихъ Наполеоновъ, пока произволъ, руководящійся только мелкими династическими интересами, будетъ имѣть власть рѣшать судьбы народовъ, посылая на бойню или даруя жизнь сотнямъ тысячъ людей. Только тогда, когда вездѣ въ Европѣ личное начало будетъ замѣнено настоящимъ народнымъ представительствомъ и въ основаніи международныхъ отношеній будутъ лежать народныя выгоды, а не частные разсчеты, тогда только общество перестанетъ волноваться отъ

Digitized by Google

любого ничтожнаго повода, будетъ ли то передвиженіе какого-нибудь дипломата или таинственное слово, упавшее съ устъ Бисмарка или Руэра.

При томъ значеніи, которое пріобрѣла Франція въ дѣлахъ Европы, ея внутреннее состояніе представляетъ большую важность. А во Франціи, въ послѣднее время, нельзя не замѣтить поворота къ лучшему. Пробудившаяся жизнь тотчасъ же отразилась на самомъ правительствѣ, которое испытало въ послѣднее время одну неудачу за другою. Если въ послѣдній разъ мы говорили о непріятномъ сюрпризѣ, который устроилъ сенатъ, то въ этотъ разъ мы должны занести въ нашу хронику неудачу, постигнувшую правительство въ законодательномъ корпусѣ. Мы говоримъ о шумныхъ преніяхъ по поводу парижскаго бюджета, вызвавшихъ въ цѣлой Франціи громкое негодованіе противъ обвиненнаго правительства. Оно обвинялось въ цѣломъ рядѣ беззаконій, произвольныхъ дѣйствій, въ страшной затратѣ болѣе нежели 450 милліоновъ франковъ для украшенія города Парижа, колоссальной суммы занятой имъ у Crédit foncier, точно также виновнаго въ томъ, что онъ дѣлалъ ссуды, выговаривая себѣ незаконно выгодныя условія. Однимъ словомъ, это была минута расплаты правительства за его безцеремонное обращеніе съ общественными деньгами: подведены были счеты тому, что стоила передѣлка и украшеніе города, которымъ правительство постоянно хвасталось. Нападеніе на правительство было самое ожесточенное какъ со стороны всей оппозиціи, такъ и нѣкоторыхъ членовъ большинства; министры, защищавшіе правительство, не знали куда имъ дѣться, они терялись, краснѣли, чувствовали, что полъ проваливается подъ ногами отъ сильнаго натиска Тьера, Пикара и другихъ. Наконецъ, государственный министръ Руэръ, видя, что дѣлать нечего, что баталія потеряна и что нужно только спасти отъ отвѣтственности и обвиненія въ беззаконіи главу государства, быстро перешелъ какъ бы на сторону оппозиціи, обвиняя въ свою очередь парижскаго префекта Гаусмана, какъ будто бы онъ одинъ былъ виновенъ во всѣхъ совершенныхъ беззаконіяхъ, и какъ будто бы правительство ничего подобнаго не подозрѣвало. Маневръ этотъ удался, благодаря тому, что «лежачаго не бьютъ», но тѣмъ не менѣе правительство еще разъ и очень сильно скомпрометировалось передъ цѣлою Франціей, потому что всякій хорошо понимаетъ, что произволъ Гаусмана есть только слѣдствіе произвола Наполеона, и что въ этомъ дѣлѣ не столько виновато отдѣльное лицо, сколько цѣлая система правительства. Сколько бы Руэръ ни обвинялъ Гаусмана, а общество переводитъ обвиненія на того, кто сдѣлалъ возможнымъ подобнаго префекта.

Но если въ одной странѣ произволъ началъ терять въ силѣ, за то въ другой онъ въ ней выигрываетъ, вѣроятно для того, чтобы равновѣсіе не очень нарушалось; такъ напр., въ той счастливой Прус-

Digitized by Google

сіи, которая считаетъ себя первымъ государствомъ въ мірѣ, произволъ сдѣлалъ значительные успѣхи въ послѣдніе два-три года. Садова потребовала себѣ въ жертву не только всѣ вольности народа, но даже и часть его здраваго смысла. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что какой бы то ни было парламентъ, даже совсѣмъ ничтожный по своему существу, лучше чѣмъ никакой, потому что изъ дурного можетъ образоваться мало-по-малу и хорошій, а изъ ничего и не можетъ выйти ничего. Но рядомъ съ этимъ нельзя не признать крайне грустнымъ явленіе, когда парламентъ, пользовавшійся прежде свободою въ своихъ дѣйствіяхъ и рѣчахъ, и умѣвшій съ честью бороться съ правительствомъ, когда оно посягало на народныя права, бывшій однимъ словомъ такимъ представительнымъ собраніемъ, къ которому само правительство относилось съ уваженіемъ, хотя часто и съ враждою, теперь является ничѣмъ инымъ, какъ безсловеснымъ орудіемъ въ рукахъ власти. Близкое къ этому случилось и съ прусскимъ парламентаризмомъ. До войны 1866 года, прусскій парламентъ жилъ въ постоянной ссорѣ съ правительствомъ, и далеко не безъ причины; оно постоянно стремилось нарушать контституцію, парламентъ сопротивлялся, нѣсколько разъ сряду его разгоняли, но, тѣмъ не менѣе, упорная оппозиція парламента удерживала нѣсколько правительство на его пути своеволія и произвола. Плотина прорвалась подъ напоромъ военной славы, которою покрылось прусское оружіе. Умъ нѣмцевъ отуманился, они пали ницъ передъ тѣми, противъ которыхъ такъ недавно еще вели ожесточенную борьбу. Свобода, право, законность потеряла для нихъ свой prestige — графъ Бисмаркъ и король Вильгельмъ сдѣлались полновластными властелинами, а парламентъ игрушкою въ ихъ рукахъ. Въ эти минуты они безнаказанно могли бы уничтожить всякій слѣдъ парламента, конституціи, но графъ Бисмаркъ поступилъ благоразумнѣе. Вмѣсто одного парламента онъ далъ своимъ пруссакамъ цѣлыхъ три: 1) прусскій, 2) федеральный и 3) таможенный,—можетъ быть, надѣясь, что благодаря такому обилію парламентовъ и почти непрерывающейся сессіи то въ одномъ, то въ другомъ, то въ третьемъ, парламентаризмъ, который такъ хорошо понимали пруссаки до 66 года, пріѣстся и опротивитъ имъ. Едвали этотъ замѣчательный государственный человѣкъ не достигъ своей цѣли. Своимъ депутатамъ онъ не даетъ никакой пощады. Многіе изъ засѣдающихъ въ прусскомъ парламентѣ, засѣдаютъ также и въ парламентѣ Сѣверо-Германскаго Союза, а также и въ таможенномъ. Бисмаркъ не даетъ имъ ни одного дня, ни одной минуты отдыха, сегодня закрывается одинъ, завтра открывается другой и т. д.

Ничто не можетъ быть характеристичнѣе словъ, сказанныхъ графомъ Бисмаркомъ депутату Твестену, когда этотъ спросилъ, зачѣмъ правительство спѣшитъ созывать одинъ парламентъ за другимъ и не даетъ

Digitized by Google

депутатамъ хотя нѣсколько дней отдыха? «Вы слишкомъ любопытны», отвѣчалъ ему графъ Бисмаркъ съ легкою усмѣшкою, за которою послѣдовалъ громкій хохотъ большинства палаты. Когда министръ позволяетъ себѣ такъ безцеремонно обращаться съ однимъ изъ народныхъ представителей, тогда разумѣется нечего ожидать, чтобы то или другое парламентское засѣданіе представляло собою большой интересъ. Одинъ парламентъ смѣняется другимъ, одна сессія будетъ слѣдовать за другою, правительство болѣе для формы будетъ представлять на обсужденіе парламента свой бюджетъ, принимаемыя имъ мѣры, различные проекты—впередъ можно быть увѣреннымъ, что всякое слово будетъ закономъ, но жизни въ этихъ собраніяхъ ожидать нечего. На дняхъ произошло закрытіе прусскаго парламента и открытіе федеральнаго; тому и другому предшествовали королевскія рѣчи, но ни объ этихъ рѣчахъ, ни о засѣданіяхъ, ни о цѣлой сессіи прусскаго парламента совершенно нечего говорить, все въ нихъ такъ безцвѣтно, такъ безжизненно.

Если впрочемъ правительство и его министры обращаются съ народными представителями такъ, а не иначе, то въ этомъ обращеніи, образикъ котораго мы представили въ отвѣтѣ графа Бисмарка, нужно гораздо болѣе винить самихъ народныхъ представителей и большинство собраній, чѣмъ правительство и его министровъ. Вездѣ почти большинство является деспотическимъ, заносчивымъ, рѣзкимъ, не умѣющимъ относиться разумно къ представленіямъ, которыя дѣлаются меньшинствомъ; вотъ почему особенно пріятно видѣть, что въ Испаніи, на которую сыпались и продолжаютъ сыпаться такъ много грустныхъ предсказаній, большинство въ кортесахъ выказываетъ несравненно бо́льшую терпимость и уваженіе къ меньшинству, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, откуда шли дурныя пророчества. Одно изъ самыхъ главныхъ предложеній республиканскаго меньшинства было принято во вниманіе монархическимъ большинствомъ кортесовъ, и если это предложеніе не было осуществлено немедленно, то тѣмъ не менѣе было рѣшено дать силу закона предложенію меньшинства, начиная съ будущаго года. Мы говоримъ о требованіи уничтожить конскрипцію, и о замѣнѣ обязательно служащаго войска волонтерами. Нигдѣ эта мѣра не была бы такъ важна и такъ необходима, какъ въ Испаніи, видѣвшей и вынесшей столько военныхъ переворотовъ и такъ много пострадавшей отъ преобладанія военнаго элемента. Мѣрѣ этой должны были бы послѣдовать всѣ государства, которыя желаютъ избавиться отъ милитаризма, надъ нею хорошенько должна была бы подумать Пруссія и тѣ страны, для которыхъ прусскій духъ имѣетъ такую обаятельную силу. Замѣна обязательно служащаго войска волонтерами составляетъ первый и очень большой шагъ къ осуществленію самаго сильнаго изъ всѣхъ стремленій развитыхъ классовъ современнаго общества—къ уничтоженію постоян-

Digitized by Google

ныхъ армій. Только тогда, когда это стремленіе превратится въ дѣйствительность, западныя государства освободятся, наконецъ, отъ того элемента, который всегда служилъ и продолжаетъ служить крѣпкимъ орудіемъ деспотизма. Въ этомъ году такимъ образомъ въ Испаніи будетъ сдѣланъ послѣдній рекрутскій наборъ въ 25,000 человѣкъ. Помимо этой важной и вполнѣ разумной мѣры, засѣданія кортесовъ ничѣмъ особенно не были ознаменованы, если не считать замѣчательнымъ то засѣданіе, въ которое довольно ярко обрисовалась политика министерства по отношеніи избранія въ короли герцога Монпансье. Хотя никто не произнесъ этого имени, какъ кандидата на испанскій престолъ, тѣмъ не менѣе пренія, которыя возникли по поводу этого принца, и слова произнесенныя какъ маршаломъ Примомъ, такъ и адмираломъ Тонете, ясно обозначали, къ кому лежитъ сердце главныхъ членовъ министерства. Можно смѣло сказать, что это засѣданіе было свидѣтелемъ первой перестрѣлки въ кортесахъ между приверженцами республики и партизанами монархіи, составляющими значительное большинство, которому и будетъ принадлежать окончательная побѣда. Если маршалъ Серрано и остановилъ возникшій споръ о герцогѣ Монпансье, объявивъ преждевременными пренія о томъ, что̀ должно восторжествовать въ Испаніи—монархія или республика, то онъ сдѣлалъ это единственно ради сохраненія формы, потому что всѣ, даже республиканцы, безъ сомнѣнія, хорошо сознаютъ, какой исходъ получитъ Сентябрьская революція. Если многіе въ Испаніи убѣждены въ томъ, что Орлеанскій принцъ вступитъ на несчастный престолъ Карла V и Филиппа II, то далеко не всѣ увѣрены, что новая династія составитъ счастье Испаніи. Время покажетъ, какая изъ двухъ партій была права, республиканская или монархическая, что̀ выгоднѣе для Испаніи—монархія или республика; во всякомъ случаѣ, со вступленіемъ на престолъ Антонія I или кого-нибудь другого, нельзя еще будетъ поручиться, что періодъ испытаній навсегда окончился для Испаніи. Замѣна одной династіи другою не есть еще гарантія, что свобода упрочится въ этой странѣ; и если кортесы не выработаютъ такой гранитной конституціи, о которую разбивалась бы всякая попытка къ нарушенію народныхъ правъ, тогда, кто знаетъ, не увидимъ ли мы болѣе или менѣе въ близкомъ будущемъ снова той печальной картины, которую представляла собою Испанія въ мрачную эпоху Бурбоновъ. Правда, ходъ всей революціи до настоящей минуты, энергія, а вмѣстѣ умѣренность партій, не стѣснявшихъ свободы дѣйствія другъ друга, уважавшихъ представителя мнѣній, терпимость, обнаруженная почти всѣми, подсказываетъ намъ будто, что Испанія достаточно созрѣла, чтобы не допустить къ себѣ возвращенія дикаго деспотизма, господствовавшаго цѣлые вѣка; но твердая увѣренность въ томъ, что нація не предастъ себя

Digitized by Google

ни въ чье иго, можетъ быть только тамъ, гдѣ свобода вошла въ нравы, въ кровь и плоть народа.

Чтобы найти такую утѣшительную картину, мы должны оставить Испанію, оставить даже весь европейскій континентъ и отправиться искать ее среди той англо-саксонской расы, которая широко раскинулась по Старому и по Новому Свѣту. Англія и Соединенные-Штаты—вотъ двѣ страны, обладающія крѣпкимъ и здоровымъ политическимъ организмомъ, которымъ могутъ только завидовать всѣ остальныя. Америка сразу, однимъ геройскимъ усиліемъ, достигла и выработала себѣ ту форму правленія, къ которой Англія идетъ твердымъ, но осторожнымъ путемъ. Болѣе тяжелаго испытанія для политическаго устройства Америки невозможно было придумать, какъ тѣ событія, которыя наполнили собою послѣднія восемь лѣтъ, составившія безсмертную эпоху американской исторіи. Можно смѣло сказать, что только теперь, только 4-го марта 1869 года окончился для американскаго народа этотъ тяжелый періодъ испытанія. Въ этотъ навсегда памятный день окончилось жалкое правленіе Джонсона, и генералъ Грантъ сдѣлался президентомъ Соединенныхъ-Штатовъ. Не столько можно радоваться вступленію въ должность президента генерала Гранта, который, выказавъ талантъ полководца, ничѣмъ однако не доказалъ еще своихъ способностей какъ государственный человѣкъ, сколько окончанію президентства Джонсона, оставившаго по себѣ такую сомнительную память. Впрочемъ, если даже генералъ Грантъ и лишенъ замѣчательныхъ способностей государственнаго человѣка, то американская республика отъ этого мало что потеряетъ. Она поставлена въ такія условія, что вовсе не нуждается въ геніальности президента или кого-нибудь другого, все, что требуется отъ него—это честность, благоразуміе, здравый смыслъ и уваженіе къ закону. Если генералъ Грантъ обладаетъ только этими одними качествами, чему онъ далъ уже доказательство на военномъ поприщѣ, то можно впередъ предсказать, что періодъ его президентства дастъ Америкѣ самые благодѣтельные результаты. Давно уже Соединенные-Штаты не пользовались внутреннимъ миромъ, водвориться которому поможетъ—они въ этомъ увѣрены—генералъ Грантъ; и давно вмѣстѣ съ тѣмъ на президентское кресло не садился человѣкъ съ такою всесвѣтною славою, составленною Грантомъ во время кровавой гражданской войны.

Восемь лѣтъ тому назадъ во дворецъ президента, носящій скромное имя White house, вступалъ человѣкъ мало извѣстный, сопровождавшійся туда едва сдержаннымъ ропотомъ значительной части націи. Вскорѣ по его вступленіи, открылась страшная гражданская война, длившаяся четыре длинныхъ ужасныхъ года, полныхъ разоренія, опустошенія, цѣлаго моря крови и цѣлыхъ горъ человѣческихъ труповъ. Четыре года отчаянія, четыре года печали и всеобщаго траура. Мино-

Digitized by Google

валась эта грозная эпоха и въ «Бѣлый домъ» снова вступаетъ тотъ же неизвѣстный человѣкъ, имя котораго четыре года назадъ напутствовалось ропотомъ и глухимъ негодованіемъ. Теперь этотъ темный человѣкъ извѣстенъ цѣлому міру, имя его окружено всесвѣтнымъ почетомъ и уваженіемъ; на него смотритъ теперь его родина какъ на второго основателя республики—новый Вашингтонъ зовется Авраамомъ Линкольномъ. Но не прошло и нѣсколькихъ недѣль, что на Линкольна во второй разъ возложили званіе президента, какъ среди ярко освѣщенной театральной залы онъ падаетъ отъ руки убійцы. Впрочемъ, трагическая смерть, пролитая кровь этого «честнаго» человѣка закрѣпила только и утвердила то, чему онъ посвятилъ послѣдніе годы своей жизни. Рабство было уничтожено, южные штаты не были отторгнуты отъ сѣверныхъ! Но если достигнута была главная цѣль, то впереди еще оставалось трудное дѣло умиротворенія, возстановленія и упроченія союза съ южными штатами, которые были побѣждены, но долго еще не должны были быть соединены съ сѣверными прежнею дружескою цѣпью; союзу былъ нанесенъ чуть не смертельный ударъ, а для того, чтобы уврачевать его необходима была твердая, но вполнѣ искусная и любящая рука Линкольна. Смерть вырвала у него это дѣло и бросила въ руки человѣка, сдѣлавшагося его случайнымъ преемникомъ.

Менѣе чѣмъ кто-нибудь, Андрей Джонсонъ способенъ былъ продолжать дѣло Линкольна. Вмѣсто того, чтобы строго, неотступно слѣдовать политикѣ своего предшественника, во всемъ ставя его себѣ примѣромъ, этотъ нечаянный президентъ воспользовался смертью Линкольна, чтобы начать новую политику, проводить другія начала и поступать въ противность тому, что̀ онъ долженъ былъ дѣлать. Неприготовленному и мало способному для такого званія, какъ званіе президента, Джонсону захотѣлось играть роль, онъ сталъ претендовать на какую-то безграничную власть, и прикинулся вообще человѣкомъ, ниспосланнымъ тоже, должно быть, провидѣніемъ, предназначеннымъ поставить Америку на новую дорогу. Дорога, на которую онъ хотѣлъ бросить Соединенные-Штаты, была бы для нихъ дорогою паденія и общаго разоренія. Дѣло въ томъ, что Джонсону хотѣлось доставить торжество своимъ симпатіямъ; симпатіи же эти были на сторонѣ южныхъ штатовъ, а слѣдовательно и на сторонѣ рабства и расторженія союза. Но въ Америкѣ не такъ легко играть роль человѣка, брошеннаго на землю самимъ небомъ для спасенія людей — старая Европа продолжаетъ до сихъ поръ еще служить ареною для подобнаго рода героевъ, и Джонсону только хотѣлось попробовать, не поддастся ли этому и американская почва. Къ счастью, Америкѣ не нужно предназначенныхъ небомъ спасителей націи, крѣпкая конституція замѣняетъ ихъ съ выгодою для народа. Джонсонъ, вѣроятно надѣясь, что конституція разслаблена гражданскою войной, захотѣлъ выйти изъ

Digitized by Google

области простого исполнителя закона, но на первомъ же шагѣ получилъ жестокій отпоръ. Законъ стоялъ непоколебимо на своемъ мѣстѣ, подъ самою бдительною стражею всего народа и его представителя — конгресса. Чтобы покачнуть этотъ законъ, случайному президенту нужно было покачнуть конгрессъ, но на это не хватило силы у честолюбиваго Джонсона. Началась лютая вражда между президентомъ и конгрессомъ, которая весною прошлаго года привела къ тому, что президентъ Соединенныхъ-Штатовъ былъ отданъ подъ судъ. Хотя большинство и признало его виноватымъ, но такъ какъ для осужденія требовалось двѣ трети голосовъ, то Джонсонъ избѣгъ позора быть изгнаннымъ изъ «Бѣлаго дома», благодаря тому, что одинъ или два голоса изъ враждебной ему республиканской партіи вотировали за оправданіе. Безъ сомнѣнія, для всякаго другого такое оправданіе было бы хуже обвиненія, но онъ предпочелъ вынести на себѣ чуть не всеобщее презрѣніе, лишь бы не упустить изъ своихъ рукъ власти, столь пагубной для его репутаціи честнаго человѣка. Цѣлый годъ почти онъ оставался еще президентомъ въ то время, когда каждый лишній день его власти былъ вреденъ для союза, онъ поддерживалъ раздраженіе между сѣверными и южными штатами, и разумѣется, еслибы это было только въ его власти, онъ снова поднялъ бы югъ на сѣверъ, снова развилъ бы знамя и снова зажегъ бы гражданскую войну. Весь вредъ, который онъ могъ нанести республикѣ, онъ нанесъ. Онъ допустилъ, чтобы къ администраціи привился гной продажности и корыстолюбія, и такимъ образомъ сдѣлалъ задачу своего преемника несравненно труднѣе. Какъ Линкольнъ, сходя въ могилу, оставилъ Соединенные-Штаты хотя разслабленными четырехлѣтнею войной, но окруженными всеобщимъ уваженіемъ и какимъ-то благоговѣніемъ къ исполинской силѣ молодой республики, такъ Джонсонъ сдѣлалъ все, чтобы ослабить довѣріе къ могуществу страны. Самолюбивая и пагубная политика Джонсона, благодаря стойкости американскихъ учрежденій, не только не увѣнчалась никакимъ успѣхомъ, но не доставила президенту ни любви, ни уваженія, ни преданности даже той партіи сепаратистовъ-рабовладѣльцевъ, которой онъ служилъ съ такою преданностью и рвеніемъ. Онъ съ горечью долженъ былъ убѣдиться въ томъ, когда наступило время избранія новаго президента. Джонсонъ былъ покинутъ своими, и никому не пришло въ голову выставить его имя какъ кандидата на новое четырехлѣтіе. Навлеченный имъ на себя позоръ былъ какъ нельзя болѣе заслуженъ имъ. 4-го ноября, сдѣлалось извѣстнымъ избраніе въ президенты генерала Гранта, и съ этихъ поръ началась, такъ сказать, послѣдняя агонія Джонсона. Даже въ это время онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы продолжать упорную, но безплодную войну съ конгрессомъ. Наконецъ, 4 марта окончился этотъ несчастный четырехлѣтній періодъ президентства

Digitized by Google

Джонсона, и лучшее, на что́ можетъ надѣяться человѣкъ, передъ которымъ лежала такая славная задача—быть продолжателемъ Линкольна и горячимъ поборникомъ возстановленія союза, но который употребилъ только во зло возложенное на него фатальнымъ случаемъ званіе,—это быть совершенно забытымъ и затертымъ исторіею, потерявшимъ между благоговѣніемъ, которое окружаетъ память его предшественника и уваженіемъ, пріобрѣтеннымъ его преемникомъ. Полное забвеніе — вотъ большая милость, которая можетъ выпасть на долю Джонсона. Если таковъ надъ нимъ судъ современниковъ, который, разумѣется, перейдетъ и въ потомство, то не таковъ судъ, который творитъ надъ собою самъ Джонсонъ. Его вѣра въ самого себя непоколебима, онъ правъ и всѣ остальные виноваты — вотъ что́ прямо вытекаетъ изъ послѣдняго прощальнаго слова, съ которымъ онъ обратился къ американскому народу. Онъ обращается къ главнымъ событіямъ, совершившимся въ теченіи четырехъ лѣтъ его президентства, и вездѣ ищетъ только одного обвиненія конгресса. Въ этой непогрѣшимости, которою онъ окружаетъ себя, видна какая-то злоба, упрямство и оскорбленное самолюбіе, прикрываемое безграничною любовію къ своей родинѣ и къ конституціи, которую онъ не разъ пытался нарушить: «Разсматривая съ спокойствіемъ — говоритъ Джонсонъ въ этомъ любопытномъ документѣ — всѣ дѣйствія моего управленія и проникаясь отвѣтственностью передъ Богомъ, я чувствую, что я добросовѣстно исполнилъ мою обязанность. Мнѣ не о чемъ сожалѣть. Событія доказали мудрость политики, которая выставлена была, какъ въ первомъ посланіи, такъ и въ послѣдующихъ». Да, въ самомъ дѣлѣ большая мудрость, которая, еслибы была предоставлена самой себѣ, то не замедлила бы привести республику на край погибели. Прощальное слово Джонсона занимаетъ нѣсколько столбцовъ газеты, въ немъ онъ явился тѣмъ же, чѣмъ во все время своей дѣятельности: страсть къ безконечнымъ рѣчамъ и страсть къ выказыванію себя составляли всегда его отличительныя качества. Полную противоположность въ этомъ отношеніи представляетъ новый президентъ, генералъ Грантъ, къ которому какъ нельзя болѣе идетъ эпитетъ: молчаливый. Только теперь на президентское кресло садится желаемый и дѣйствительно избранный народною волею преемникъ Линкольна. Ни о комъ нельзя сказать съ такою полною правдивостью, что онъ не искалъ почета, не искалъ популярности и не искалъ предложеннаго ему званія, какъ объ Улиссѣ Грантѣ. Скрывшись или почти скрывшись съ политической сцены послѣ окончанія гражданской войны, оставаясь, правда, главнокомандующимъ арміею, но не играя и не желая играть никакой роли лѣтомъ прошлаго года, Грантъ, или вѣрнѣе его имя, снова наполняетъ собою всѣ умы, всѣ разговоры, всю прессу. Онъ былъ избранъ республиканскою партіею въ кандидаты на должность президента, вы-

Digitized by Google

боры котораго должны были быть произведены въ ноябрѣ 68 года. Положеніе его было совершенно привилегированное; пользуясь огромною популярностью, оказывая республикѣ неоцѣненныя услуги на военномъ поприщѣ, и имѣя все право на уваженіе, благодарность и извѣстную роль въ странѣ, онъ отошелъ въ тѣнь и держался болѣе или менѣе въ сторонѣ отъ всѣхъ партій и отъ ихъ борьбы между собою. Его имя было настолько нейтрально, что партія, которая носитъ не совсѣмъ соотвѣтствующее ей названіе демократической, одно время имѣла намѣреніе выставить Гранта, какъ своего кандидата. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Грантъ не пошелъ бы на подобное предложеніе, но оно показываетъ только, что если республиканская партія выбрала его своимъ кандидатомъ, то и противная ей партія смотритъ на его избраніе безъ всякаго неудовольствія. Подобное положеніе является совершенно исключительнымъ въ Соединенныхъ-Штатахъ. Избираемый при такихъ условіяхъ Грантъ могъ быть увѣренъ въ полной побѣдѣ, и всеобщія ожиданія оправдались какъ нельзя болѣе. Изъ тридцати семи штатовъ, составляющихъ союзъ, только тридцать четыре принимали участіе въ избраніи президента и вице-президента; три же остальные штата, не подчинившись до сихъ поръ законамъ перестройки союза, лишены въ немъ права голоса. Изъ тридцати же четырехъ вотировавшихъ штатовъ двадцать пять произнеслись за президента Гранта и вице-президента Кольфакса, остальные же девять штатовъ были въ пользу демократическихъ кандидатовъ Горація Симура и Блера. 4 ноября прекратилась борьба двухъ спорившихъ партій, и всѣ глаза устремились на счастливаго побѣдителя Ричмонда. Съ 4 ноября прошло цѣлые четыре мѣсяца, и во все это время Грантъ ни на минуту не измѣнилъ своему характеру; онъ тщательно укрывался отъ взоровъ всего общества, и до 4 марта, т. е. до дня вступленія въ «Бѣлый домъ», жилъ въ самомъ полномъ уединеніи.

Жизнь новаго президента, біографія его, не представляетъ собою ничего необыкновеннаго. Онъ родился 27 апрѣля 1822 года и въ дѣтствѣ совершенно не выказывалъ тѣхъ способностей, которыя впослѣдствіи доставили ему такую большую военную славу. Разсказываютъ, что мать его, вмѣсто того, чтобы звать его Ulysses, называла его обыкновенно Useless, что значитъ безполезный. Достигнувъ семнадцатилѣтняго возраста, онъ поступилъ въ одну изъ военныхъ американскихъ школъ, откуда вышелъ въ 1843 году, но не бросилъ военной карьеры, а поступилъ на службу и въ 1846 году участвовалъ въ мексиканской войнѣ, гдѣ и получилъ чинъ капитана. Въ 1854 году, онъ вышелъ въ отставку и сталъ управлять кожевеннымъ заводомъ, принадлежавшимъ его отцу, потомъ бросилъ это дѣло и занялся земледѣліемъ, сдѣлавшись фермеромъ въ окрестностяхъ Saint-Louis, гдѣ и застало его начало гражданской войны. На военномъ поприщѣ онъ

Digitized by Google

не былъ, слѣдовательно, новичкомъ, онъ былъ хорошо подготовленъ къ нему, что, впрочемъ, скоро и доказалъ на дѣлѣ самымъ блистательнымъ образомъ. Войдя сначала въ ряды волонтеровъ и отличившись нѣсколькими удачными столкновеніями, онъ былъ назначенъ въ 1861 г. адъютантомъ къ главнокомандующему войсками, но не долго оставался на этомъ мѣстѣ; произведенный въ полковники арміи, онъ принялъ начальство надъ значительнымъ корпусомъ волонтеровъ, и тутъ, благодаря нѣсколькимъ счастливымъ операціямъ, успѣлъ пріобрѣсти себѣ славу скромнаго, рѣшительнаго и увѣреннаго въ себѣ полководца. Переходя быстро съ одного поста на другой и постоянно возвышаясь, онъ выказалъ при осадѣ Виксбурга, одного изъ самыхъ сильныхъ мѣстъ сепаратистовъ, способности выходящаго изъ ряда генерала. Вскорѣ ему было поручено главное начальство надъ всѣми западными арміями, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ началѣ 1864 г., онъ былъ назначенъ Линкольномъ главнокомандующимъ всѣхъ войскъ союза. Онъ началъ гигантскія операціи въ Виргиніи, направивъ всѣ свои усилія противъ главнаго пункта, центра и сердца южной арміи— Ричмонда, и тутъ лицомъ къ лицу сталъ противъ смѣлаго и чрезвычайно-талантливаго генерала Ли—главнокомандующаго южныхъ войскъ. Послѣ лютой и упорной борьбы, въ которой оба главнокомандующіе выказали бездну таланта, энергіи, отваги, югъ началъ слабѣть. Въ осадѣ же Питерсбура, въ осадѣ Ричмонда, Грантъ не зналъ усталости, и доказалъ всю свою непреодолимую стойкость и рѣшительность. Онъ преслѣдовалъ, тѣснилъ Ли все больше и больше, не давая ему ни одного дня, ни одного часа отдыха или перемирія. Нельзя не привести тутъ одной черты, которая хорошо обрисовываетъ характеръ новаго президента: когда Ли попросилъ нѣсколько часовъ перемирія, чтобы прибрать убитыхъ, Грантъ отвѣчалъ ему, что у него нѣтъ времени хоронить тѣла, которыя легли на полѣ брани. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ аттакъ Ричмонда, послѣ долгаго времени Грантъ овладѣлъ Ричмондомъ и тѣмъ порѣшилъ поединокъ между сѣверомъ и югомъ. Южные штаты были побѣждены, и союзъ такимъ образомъ былъ возстановленъ, благодаря побѣдамъ молодого генерала. 3-го апрѣля 1865 года окончилась одна изъ самыхъ ужасныхъ гражданскихъ войнъ, когда либо вписанныхъ въ военныя лѣтописи, но сѣверъ не ликовалъ своей побѣды, она досталась ему дорогою цѣною, и при томъ всякій зналъ, что побѣждены были родные братья, а при такой побѣдѣ чувство вражды быстро смѣняется чувствомъ сожалѣнія. Не прошло и нѣсколькихъ дней, что генералъ Ли сложилъ оружіе, какъ въ Вашингтонѣ разыгралась кровавая драма—Авраамъ Линкольнъ 14-го апрѣля палъ отъ руки убійцы. Въ это время генералъ Грантъ стоялъ во главѣ милліонной арміи, пользуясь громадною популярностью, громадною силою и властью. Пожелай онъ, послѣдовать примѣру европейскихъ побѣдоносныхъ генера-

Digitized by Google

ловъ, ему не было бы ничего легче, какъ бросить разслабленную гражданскою войною республику въ новую и можетъ быть болѣе страшную опасность; но въ этой пропитанной свободою странѣ уваженіе къ закону такъ велико, и вмѣстѣ честность генерала Гранта была такъ прочна, что ему ни на минуту не пришла въ голову мысль воспользоваться, благодаря своей арміи, тяжелыми обстоятельствами, въ которыя повергнута была республика смертію Линкольна. Напротивъ, въ эти трудныя минуты Грантъ подалъ всѣмъ гражданамъ примѣръ уваженія и подчиненія новому правительству. Какъ не сказать здѣсь объ одной характеристической чертѣ, выказывающей съ одной стороны силу американской конституціи, а съ другой, выставляющей Гранта какъ нельзя болѣе съ хорошей стороны. Не успѣлъ еще разсѣяться пороховой дымъ послѣдняго сраженія, какъ Грантъ, главнокомандующій всѣми войсками, употребляетъ самъ всѣ свои усилія, чтобы распустить эту милліонную армію, составлявшую его силу; лишь только дѣло это было окончено, какъ генералъ Грантъ сходитъ на задній планъ и занимаетъ самое скромное мѣсто, какъ будто бы къ ногамъ его никогда не падали тысячи лавровыхъ вѣнковъ и какъ будто бы никогда онъ не былъ любимымъ народнымъ героемъ. Какъ до своего тріумфа, такъ и послѣ онъ ни разу не отклонялся отъ самаго строгаго исполненія закона, сохраняя при этомъ самую полную личную независимость. Разумѣется, подобное поведеніе должно было возвысить его въ глазахъ народа и пріобрѣсти ему всеобщее уваженіе. Выборы 4-го ноября были краснорѣчивымъ доказательствомъ того, какъ относятся американцы къ своему честному генералу. Вступленіе въ «Бѣлый домъ», было вознагражденіемъ и вмѣстѣ какъ бы благодарностію республики за славное и вполнѣ гражданское поведеніе Гранта во время кровопролитной войны. 4-го марта 1869 г. какъ бы заканчивается смутное время Соединенныхъ-Штатовъ и открывается новая эпоха для молодой еще республики.

Если справедливо, что только конецъ вѣнчаетъ дѣло, то важно также, чтобы и начало было счастливо, чтобы на первомъ шагѣ человѣкъ не оступился, а сталъ твердо на ноги. Такое начало сдѣлалъ именно генералъ Грантъ, и если на основаніи перваго впечатлѣнія можно судить о будущемъ, то смѣло можно предсказать, что на поприщѣ государственной дѣятельности онъ поддержитъ ту репутацію, которую пріобрѣлъ на полѣ сраженія. Вступленіе его въ должность произошло безъ особеннаго торжества, и онъ сдѣлалъ все, что было въ его власти, чтобы отстранить помпу и блескъ. Онъ не желалъ ни баловъ, ни банкетовъ, и до самой минуты, когда онъ долженъ былъ приносить присягу въ качествѣ президента, онъ держалъ себя такъ какъ будто бы онъ никогда не долженъ былъ занять самаго важнаго поста въ республикѣ. Никакихъ рѣчей, никакихъ заяв-

Digitized by Google

леній, и только одинъ разъ онъ произнесъ нѣсколько словъ передъ тѣми, которые явились къ нему отъ имени конгреса, чтобы извѣстить его оффиціально объ избраніи его въ президенты. Смыслъ этихъ нѣсколькихъ лаконическихъ словъ былъ тотъ, что онъ не желаетъ заранѣе объявлять, какія лица займутъ мѣста въ его кабинетѣ.

Въ день вступленія его въ должность президента онъ выпустилъ прокламацію къ народу, которая можетъ служить если не программой его будущей дѣятельности, то, что́ гораздо важнѣе, какъ profession de foi новаго президента, въ которомъ онъ ярко и вмѣстѣ сжато высказываетъ, какъ понимаетъ онъ свою обязанность и какъ онъ намѣренъ её исполнять. Нельзя достаточно сосредоточиться на этомъ драгоцѣнномъ документѣ, свидѣтельствующемъ, съ одной стороны, о могучемъ здравомъ смыслѣ новаго президента и о честности его убѣжденій, и съ другой, о величіи политическаго устройства Америки. Въ этой прокламаціи нельзя не признать удивительнаго достоинства и простоты, и тѣмъ болѣе поражаешься ея силою, чѣмъ живѣе припоминаешь себѣ неискреннія, безцвѣтныя рѣчи и всевозможные манифесты Наполеоновъ. «Я понимаю, говоритъ онъ въ этой прокламаціи, всю отвѣтственность своего по́ста, но я принимаю ее безъ боязни. По́ста, порученнаго мнѣ, прибавляетъ онъ съ гордостью, я не просилъ». Не желая претендовать на власть, которая ему не принадлежитъ по закону, онъ будетъ пользоваться тою, которая ему принадлежитъ. Онъ не отказывается отъ своего права veto, каждый разъ, что онъ несогласенъ съ чѣмъ-нибудь, но всѣ законы, обѣщаетъ онъ, будутъ строго исполняться, получили ли они его одобреніе или нѣтъ. У него будетъ своя политика, которую онъ всегда будетъ указывать націи, но ея волѣ она никогда не будетъ противорѣчить. Въ его прокламаціи, какъ нельзя болѣе лаконической, обличающей человѣка не любящаго лишнихъ фразъ, говорящаго только то, что́ вошло въ его убѣжденіе, не привыкшаго къ ораторскимъ эффектамъ, есть двѣ мысли, облеченныя въ такую твердую форму, какъ будто бы они были вылиты изъ свинца: «Законы—говоритъ онъ—должны властвовать надъ всѣми; имъ должны подчиняться какъ тѣ, которые ихъ одобрили, такъ и тѣ, которые имъ враждебны. Я не знаю болѣе дѣйствительнаго способа обезпечить отмѣну вредныхъ законовъ, какъ ихъ строгое исполненіе». Разумѣется, мысли эти имѣютъ особенное значеніе только въ такой странѣ, гдѣ законы создаются не по произволу отдѣльнаго лица, а представителями народа, въ виду «наибо́льшаго блага наибо́льшаго числа», которое, по словамъ Гранта, должно быть цѣлію всѣхъ стремленій. Въ этомъ заключаются такъ сказать общія положенія, высказанныя новымъ президентомъ, относительно обязанностей человѣка поставленнаго во главѣ правительства. Переходя за тѣмъ къ главнымъ вопросамъ, интересующимъ народъ Соединенныхъ-Штатовъ, онъ

Digitized by Google

на все отвѣчаетъ прямо и рѣшительно. Вопросъ, болѣе всѣхъ волновавшій враждебныя партіи, касался способа уплаты долга, заключеннаго во время гражданской войны. Демократическая партія тянула на сторону уплаты бумагами, республиканская золотомъ. «Для сохраненія національной чести, высказывается Грантъ, каждый долларъ правительственнаго долга долженъ быть уплаченъ золотомъ, если только въ условіяхъ займа не было выражено иначе». Подобное заявленіе, сдѣланное новымъ президентомъ, имѣетъ только то значеніе, что оно еще болѣе укрѣпляетъ довѣріе къ Соединеннымъ-Штатамъ, и показываетъ, какъ будетъ смотрѣть генералъ Грантъ на всѣ подобныя дѣла. Безусловная законность и справедливость — вотъ кажется девизъ, который онъ избираетъ себѣ. Другой вопросъ, поглощающій все вниманіе Соединенныхъ-Штатовъ, и производящій сильное волненіе— это рѣшеніе, до какой степени должно быть распространено право голоса на тѣхъ, которые такъ недавно были лишены чуть не всѣхъ человѣческихъ правъ. Президентъ Грантъ и тутъ высказывается въ самомъ либеральномъ духѣ, и становится на сторону радикальной республиканской партіи, внесшей предложеніе, чтобы право голоса было предоставлено всякому американцу безъ различія расы и цвѣта кожи. Когда предложеніе это вошло въ сенатъ, тогда онъ большинствомъ сорока голосовъ противъ шестнадцати принялъ еще болѣе важное предложеніе, въ которомъ говорится, что никакой американскій гражданинъ не можетъ быть лишенъ права голоса или права занимать общественную должность на основаніи его расы, цвѣта, мѣста рожденія, состоянія, воспитанія или вѣрованій. Высказываясь въ главныхъ вопросахъ такъ, какъ сдѣлалъ то Грантъ, онъ удостовѣрилъ тѣмъ, что новый президентъ Штатовъ стоитъ на вышинѣ своего важнаго по́ста, что онъ не явится тормозомъ въ политическомъ развитіи Америки. Вотъ и всѣ внутренніе вопросы, по поводу которыхъ новый президентъ считалъ своимъ долгомъ высказаться съ самаго перваго дня своего вступленія въ должность. Обращаясь къ внѣшней политикѣ, Грантъ былъ также твердъ; онъ говорилъ и тутъ съ одинаковымъ достоинствомъ и прямотою: «Я всегда буду уважать права всѣхъ націй и буду требовать, чтобы наши права были одинаково уважаемы. Если бы какая-нибудь страна позабыла свои обязанности въ сношеніяхъ съ нами, мы принудимъ ее уважать ихъ». Тутъ нѣтъ никакихъ намековъ, никакихъ угрозъ, которыя многіе желали видѣть, но тутъ нѣтъ и никакихъ задатковъ для особенной податливости или мягкости. Президентъ Грантъ безъ сомнѣнія желаетъ мира своей странѣ, но для него вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не хочетъ жертвовать достоинствомъ своей родины. Итакъ, въ его прокламаціи заключается вся будущая программа. Сохраненіе свободы въ самомъ широкомъ ея смыслѣ внутри страны и сохраненіе мира извнѣ—вотъ двѣ задачи, которыми задается новый

Digitized by Google

президентъ. Честность и здравый смыслъ — вотъ все, чего желаютъ Соединенные-Штаты отъ своего президента, и они имѣютъ достаточное основаніе вѣрить, что ни въ томъ, ни въ другомъ не окажется недостатка у новаго президента, Улисса Гранта.

Единственная страна, которая могла бы встревожиться отъ словъ Гранта, касающихся внѣшней политики, и увидѣть въ нихъ нѣчто роковое, это Англія, которая не совсѣмъ еще покончила счеты съ Америкой за свое двусмысленное поведеніе во время гражданской войны, и въ нерѣшенномъ еще вопросѣ о вооруженномъ корсарѣ Alabama не можетъ не видѣть постоянной грозы надъ своей головой. Но прокламація генерала явилась въ Англіи въ такую минуту, когда все ея вниманіе поглощено разрѣшеніемъ великаго внутренняго вопроса — уничтоженіемъ государственной церкви въ Ирландіи. Нѣтъ еще года, какъ Гладстонъ, тогда еще глава оппозиціи, внесъ въ парламентъ свои знаменитыя предложенія относительно Ирландіи. Въ принципѣ вопросъ этотъ былъ рѣшенъ еще въ началѣ апрѣля 1868 года, когда большинство, 331 противъ 270, стало на сторону Гладстона. Министерство осталось въ меньшинствѣ, но оно вмѣсто того, чтобы немедленно сложить оружіе и подать въ отставку, предпочло держаться меньшинствомъ до декабря, когда старый парламентъ былъ распущенъ. Вопросъ объ Ирландіи былъ предоставленъ рѣшенію новаго парламента; народная воля должна была рѣшить что̀ будетъ съ Ирландіею. Предложенія Гладстона были закрѣплены новыми выборами, давшими ему въ палатѣ значительное большинство. Результатъ былъ тотъ, что Гладстонъ сдѣлался первымъ министромъ. Съ этого времени вся Великобританія съ нетерпѣніемъ ожидала минуты, когда Гладстонъ внесетъ свой проектъ на обсужденіе парламента. 1-го марта, болѣе нежели въ трехъ-часовой рѣчи, Гладстонъ съ удивительною ясностью, простотою, изложилъ свой планъ, осуществленіе котораго должно значительно примирить Ирландію съ ея давнишнимъ врагомъ. Принятіе билля Гладстона имѣетъ еще и другое болѣе общее значеніе, чѣмъ умиротвореніе Ирландіи. Онъ дѣлаетъ первый рѣшительный шагъ къ уничтоженію сліянія церкви съ государствомъ, сліянія, которое до сихъ поръ ничего не причинило Европѣ, кромѣ бѣдствій и вѣчныхъ раздоровъ. Мы указываемъ на универсальное значеніе этого вопроса, значеніе, скрывающееся за частными интересами страны, потому что совершенно убѣждены, что билль Гладстона имѣетъ значеніе не только для Великобританіи, но и для всей Европы, которая должна въ немъ увидѣть ударъ, наносимый не одному какому-нибудь частному случаю, но несправедливому принципу, смущавшему не разъ внутреннее спокойствіе государствъ.

Digitized by Google

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

22-го марта 1869.

Когда иные нетерпѣливые люди выражаютъ свое недовольство на слишкомъ медленное теченіе прогресса въ области политической и общественной жизни, то всегда находятся другіе, «благоразумные» люди, которые, подобно Панглосу у Вольтера, полагаютъ, что въ этомъ лучшемъ изъ міровъ все устроено наилучшимъ образомъ, и потому увѣряютъ нетерпѣливыхъ, что въ жизни націй десятки лѣтъ значатъ не больше дня или часа въ жизни отдѣльнаго человѣка. Объ этомъ утѣшеніи можно сказать словами Юніуса, примѣненными, впрочемъ, къ другому случаю, что оно есть не что иное, какъ «лицемѣрная выходка, изобрѣтенная безчестными и распространенная глупыми людьми.» Конечно, можно было бы примириться и съ этимъ мнѣніемъ, еслибъ націи были какія-нибудь отвлеченныя существа, еслибъ онѣ произвели какъ растенія и еслибъ главное назначеніе ихъ заключалось въ томъ, чтобы въ высохшемъ состояніи сберегаться въ гербаріумѣ исторіи. Но такъ какъ націи состоятъ изъ существъ живыхъ, чувствующихъ и мыслящихъ, изъ людей, которые ощущаютъ голодъ и жажду, холодъ и теплю, боль и наслажденіе, то и годы для нихъ имѣютъ вовсе не то значеніе, которое придаютъ имъ разные мудрецы, понимающіе исторію лишь какъ рядъ крупныхъ государственныхъ явленій, и пренебрегающіе всѣмъ, что касается благосостоянія и благоденствія народовъ. Этотъ взглядъ, впрочемъ, уже исчезъ изъ всѣхъ нѣмецкихъ учебниковъ исторіи, но въ практической политикѣ его вліяніе и теперь проявляется у насъ въ весьма обширныхъ размѣрахъ.

До сихъ поръ я постоянно указывалъ на то обстоятельство, что въ нынѣшней Германіи всѣ сознаютъ необходимость широкихъ законодательныхъ преобразованій. Будь я поэтомъ, я сталъ бы, можетъ быть, говорить о слухахъ, но и это сравненіе не вполнѣ соотвѣтствовало бы сущности дѣла, такъ какъ народамъ почти никогда не приходится подходить къ желанной цѣли такъ близко, что вотъ еще одно усиліе—и плоды уже въ рукахъ; обыкновенно лакомые плоды отстоятъ отъ насъ на весьма почтительномъ разстояніи.

Новая исторія Пруссіи особенно замѣчательна въ томъ отношеніи, что королевское правительство точно поставило себѣ въ правило:—Я-молъ не стану безусловно сопротивляться, но—буду удовлетворять по возможности медленнѣе крайнюю потребность въ реформахъ, увеличивающуюся со дня на день все сильнѣе и сильнѣе. Съ 1806—7 годовъ,

Digitized by Google

когда требованія времени понуждали къ крупнымъ преобразованіямъ, прусское правительство ни разу не принимало на себя почина въ области внутренняго законодательства, а между тѣмъ прогрессивныя реформы есть такая же обязанность всякаго правительства, какъ и сдержаніе и умѣреніе всѣхъ слишкомъ бурныхъ порывовъ къ измѣненію существующаго порядка вещей.

Въ нынѣшней сессіи прусскаго парламента эта отсталость правительства проявилась самымъ очевиднымъ образомъ. Министръ народнаго просвѣщенія, напримѣръ, внесъ законъ о жалованьи народныхъ учителей, въ который вкрались многія принципныя положенія, объ организаціи народнаго образованія вообще, долженствовавшіе войти въ составъ особаго *закона о народномъ образованіи* — закона давнымъ-давно обѣщаннаго конституціею, но до сихъ поръ остающагося въ портфелѣ министра, вмѣстѣ съ многими другими, тоже обѣщанными, законами великой важности. Коммиссія палаты депутатовъ, занимавшаяся предварительнымъ обсужденіемъ представленнаго закона, попросила министра народнаго просвѣщенія обнародовать всѣ матеріалы, собранные въ министерствѣ по этому вопросу съ 1817 года, когда впервые обѣщано было изданіе особаго закона о народномъ образованіи. Послѣ нѣкотораго колебанія и многихъ отнѣкиваній, министръ, наконецъ, согласился обнародовать требуемые матеріалы, но и послѣ положительнаго обѣщанія прошло еще не мало недѣль, пока любопытные члены коммиссіи, а вмѣстѣ съ ними и публика, получили наконецъ толстый томъ интересныхъ правительственныхъ документовъ [1]). Содержаніе ихъ объяснило вполнѣ причины, побуждавшія министерство медлить обнародованіемъ этихъ документовъ, такъ какъ въ нихъ мы находимъ тотъ поразительный и постыдный фактъ, что первый проектъ закона о народномъ образованіи, выработанный въ 1817—18 годахъ во время министерства Альтенштейна, далеко оставляетъ за собою всѣ остальныя, слѣдовавшія за нимъ попытки учрежденія народнаго образованія на разумныхъ началахъ. Оффиціальная газета «Provincial-Correspondenz» постаралась было ослабить впечатлѣніе отъ этого изумительнаго открытія, и въ особой статьѣ объ этихъ документахъ, написанной въ самомъ умилительномъ тонѣ, скромно замѣтила, что «для окончательнаго заключенія этого вопроса, глубоко затрогивающаго умственную жизнь, *не потребуется новыхъ пятидесяти лѣтъ*». Ужъ не иронія ли это? Нѣтъ, оффиціальная газета говоритъ всегда совершенно серьезно. Если появленіе закона состоится черезъ 49 лѣтъ, то прусскому народу останется только радоваться своему счастію, но если пройдутъ и еще пятьдесятъ лѣтъ, а закона все еще не

[1]) Die Gezetzgebung auf dem Gebiete des Unterrichtswesens in Preussen. Vom Jahre 1817—1868. Berlin.

Digitized by Google

будетъ, то «Провинціальная Корреспонденція» 1919 года выразитъ, вѣроятно, надежду, что для окончательнаго исполненія этого обѣщанія не потребуется еще одной сотни лѣтъ.

Всматриваясь въ обнародованный томъ документовъ попристальнѣе, и изучая ихъ съ достаточнымъ вниманіемъ, вы легко убѣдитесь въ томъ, что министерству нельзя было не медлить обнародовать ихъ. Эти документы раскрываютъ передъ вами, съ безпощадною откровенностью, какъ далеко отошла Пруссія отъ принциповъ того великаго времени. 3-го ноября 1817 года, король Фридрихъ-Вильгельмъ III издалъ высочайшій указъ объ учрежденіи особой коммиссіи для составленія «общихъ постановленій о школахъ» (Schul-Verordnung), иначе, говоря нынѣшнимъ конституціоннымъ языкомъ, «закона о народномъ образованіи (Unterrichtsgesetz). Въ составъ этой коммиссіи входили не только члены министерства народнаго просвѣщенія, во главѣ котораго былъ *Альтенштейнъ*, но также представители всѣхъ остальныхъ отраслей управленія, находившихся въ какой-либо связи съ учебнымъ вѣдомствомъ: министерство финансовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, министерство юстиціи и даже министерство военныхъ дѣлъ; вопросъ, слѣдовательно, предполагалось обсудить и разсмотрѣть съ высшихъ и общихъ политическихъ точекъ зрѣнія. Коммиссія окончила свой трудъ въ 1819 году. Онъ состоитъ изъ вводнаго меморандума, написаннаго членомъ государственнаго совѣта (Staatsrath) Зюверномъ (Süvern) въ 1817 году, и доказывающаго королю необходимость общаго законодательства въ дѣлѣ народнаго образованія,—изъ проекта самого закона, и изъ объясненій. Во всѣхъ трехъ отдѣлахъ отражается, какъ въ зеркалѣ, духъ того величаваго времени,—духъ Штейновскаго періода великихъ реформъ, духъ войнъ за освобожденіе. Въ вводномъ меморандумѣ Зюверна, составляющемъ дѣйствительную душу трудовъ коммиссіи, сказано, что законъ долженъ быть «чуждъ цѣлей какого бы то ни было односторонняго механическаго понужденія и дрессировки (Einzwängung und Abrichtung), что онъ долженъ, напротивъ, «имѣть въ виду свободное развитіе національныхъ силъ, которыя суть не что иное, какъ тѣже общечеловѣческія силы, но только въ образѣ національности»; второй параграфъ проекта закона ставитъ поэтому цѣлью: «основать воспитаніе юношества въ гражданскомъ отношеніи по возможности на общечеловѣческомъ образованіи». Какъ и прочихъ (позднихъ) проектахъ, такъ и въ этомъ, рѣшительнымъ пунктомъ является отношеніе церкви къ школѣ,—отношеніе, тѣмъ труднѣе опредѣлимое, что въ Пруссіи, при 15-ти милліонахъ жителей евангелическаго вѣроисповѣданія, существуетъ почти 8 милліоновъ римско-католиковъ (въ 1819 году это численное отношеніе было еще болѣе въ пользу католиковъ), и всѣ они пользуются совершенно одинаковыми правами. Какъ бы то ни было, полстолѣтія тому назадъ оба

Digitized by Google

роисповѣданія были одушевлены большею терпимостью другъ къ угу, чѣмъ теперь, и самый вопросъ объ отношеніи церкви къ школѣ шался, поэтому, гораздо легче и проще. Разбираемый нами проектъ имѣлъ надобности, ни отказывать церкви въ исполненіи ея слишъ далекихъ притязаній, ни дѣлать ей опасныхъ для государствен- пользы уступокъ,—онъ могъ разсчитывать на плодотворную друж- дѣятельность государства, церкви и общества на поприщѣ школь- образованія, и излагать поэтому вопросъ отношенія церкви къ олѣ съ тою свободою и откровенностью, какую допускалъ либера- мъ того времени; но во всѣхъ позднѣйшихъ проектахъ сдѣлалось ѣтно трусливое отношеніе къ усилившимся противогосударствен- мъ элементамъ.

Во всякомъ случаѣ, введеніе закона въ жизнь не состоялось исключительно вслѣдствіе политической реакціи, начавшейся съ 23-го марта 9 года, когда въ Мангеймѣ, подъ кинжаломъ Занда, палъ Коцебу; тъ фактъ былъ какъ бы сигналомъ ко всякимъ репрессивнымъ мѣ- ъ, тяготѣвшимъ надъ Германіею впродолженіи тридцати лѣтъ сряду. мемуарахъ Варнгагена мы находимъ слѣдующее, весьма живое опи- ie впечатлѣнія, произведеннаго убійствомъ Коцебу: — «Первый ісъ, распространенный этимъ страшнымъ злодѣйствомъ, смутилъ умы. Но когда общественное сознаніе мало-по-малу пришло въ , оно сопровождалось чувствомъ ненависти, мести, стремленія задаь все, что находилось хотя въ слабѣйшей связи съ такимъ дѣломъ. ерь уже не было больше рѣчи ни о прогрессѣ, ни объ уступкахъ времени, ни объ исполненіи народныхъ желаній; теперь укрѣпи-, напротивъ, въ своемъ грубомъ стремленіи истребить всѣ либе- ьныя побужденія, и употребляли всѣ усилія для того, чтобы не доать въ народѣ развитія чувствъ самостоятельности. Дѣло Занда лось въ Германіи поворотнымъ пунктомъ въ развитіи ея внутренъ отношеній. Въ Берлинѣ чувствовали себя неспокойно, точно на рытой почвѣ; вездѣ виднѣлись старогерманскіе костюмы, общества пастовъ и буршей распространились по всей странѣ; знали, что то существуютъ тайныя общества заговорщиковъ и вѣрили, что заговоры могущественны и ужасны. Подъ вліяніемъ страха, какъ ритъ пословица, муха кажется слономъ. Чѣмъ сильнѣе становился хъ передъ невидимыми опасностями, тѣмъ болѣе пробуждалось му- во для того, чтобы дать имъ отпоръ. Государственный канцлеръ денбергъ) не раздѣлялъ, однако, ни этого настроенія, ни этихъ огъ; онъ со смѣхомъ слушалъ про всѣ ужасы, которыми ему гро- . Но онъ принужденъ былъ согласиться на то, чтобы какъ высъ такъ и низшія государственныя инстанціи напрягли всѣ усилія съ ю раскрыть и наказать опасныя для государствъ дѣла». Пруссія а съ тѣхъ поръ во главѣ всѣхъ реакціонныхъ стремленій. Пер-

Digitized by Google

вымъ шагомъ реакціи было закрытіе гимнастическихъ залъ, на всемъ пространствѣ прусской монархіи. Основанная въ томъ же году, съ 1-го января, «Государственная Газета» (Staats-Zeitung) доносила о существованіи какихъ-то демагогическихъ происковъ. Между тѣмъ назначили спеціальную слѣдственную коммиссію по политическимъ дѣламъ, во главѣ которой дѣйствовалъ Камптцъ (Kamptz) и князь Витгенштейнъ (Wittgenstein), единоплеменникъ Меттерниха. Одной изъ первыхъ жертвъ коммиссіи былъ вождь гимнастическаго движенія въ Германіи, любимецъ нѣмецкой молодежи, Янъ (Jahn). Захваченный у смертнаго одра своего ребенка, онъ попалъ сперва въ казематы крѣпости Шпандау, а оттуда его перевезли въ Кюстринъ, гдѣ на него наложили цѣпи. Коммиссія нисколько не сомнѣвалась, что Янъ именно и былъ зачинщикъ всѣхъ противугосударственныхъ замысловъ и интригъ, такъ какъ онъ первый провозгласилъ мысль о необходимости гимнастическихъ обществъ. Противъ него сочинили цѣлую массу доносовъ, одинъ другого ужаснѣе, и только въ 1825 году состоялось освобожденіе Яна по приговору суда второй инстанціи, который обѣщалъ ему, сверхъ того, вознагражденіе за напрасное заключеніе въ крѣпости. Однако это вознагражденіе состояло лишь въ томъ, что ему возвратили его пенсію въ 1,000 талеровъ, запретили жить въ Берлинѣ и во всѣхъ университетскихъ и гимназическихъ городахъ или подъѣзжать къ нимъ ближе десятимильнаго разстоянія, и отдали подъ надзоръ полиціи, подъ которымъ онъ и находился до вступленія на престолъ Фридриха-Вильгельма IV. Гнейзенау, сотоварищъ Блюхера по оружію, но человѣкъ до того гибкаго характера, что его прозвали въ шутку маршаломъ «Зейтвертсъ» (т. е. «въ стороны»; Блюхера звали маршаломъ «Форвертсъ»—т. е. «впередъ»), а также Штейнъ и Шлейермахеръ были окружены шпіонами.

6-го августа, въ Карльсбадѣ собралась извѣстная конференція министровъ, прославившаяся такъ-называемыми «карльсбадскими заключеніями», которыя состояли въ томъ, чтобы ввести по всей Германіи предварительную цензуру, учредить въ Майнцѣ центральную слѣдственную коммиссію противъ демагогическихъ происковъ, и подвергнуть пересмотру 13-ю статью союзнаго уложенія, обѣщавшую одно общее уложеніе для всѣхъ нѣмецкихъ земель. Министры Гумбольдтъ, Бойенъ и Бейме (Boyen, Beyme) серьезно и энергически протестовали, въ государственномъ совѣтѣ, противъ карльсбадскихъ заключеній и сильно порицали поведеніе прусскаго уполномоченнаго, графа Бернсторфа. Они изложили свое порицаніе въ особомъ отчетѣ королю, и утверждали, что Пруссія имѣетъ право отказаться отъ исполненія карльсбадской программы, клонящейся къ уничтоженію самостоятельности прусскаго государства. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній со стороны короля, какъ имъ, такъ и генералу Грольманну дали отставку, между

Digitized by Google

тѣмъ какъ князь Гарденбергъ (государственный канцлеръ) успѣлъ уже вполнѣ перейти въ лагерь реакціонерной партіи. Все это случилось въ послѣднихъ числахъ декабря; передъ тѣмъ союзное собраніе въ Франкфуртѣ успѣло уже (20 сентября) принять рѣшеніе карльсбадской конференціи, и 25 ноября состоялась въ Вѣнѣ вторая конференція уполномоченныхъ всей Германіи. Эта конференція засѣдала впродолженіи шести мѣсяцевъ и выработала такъ-называемыя «вѣнскія заключительныя статьи» (Schlussacte), которыя должны были довершить уложеніе Германскаго Союза, и удалить изъ него всѣ либеральныя и конституціонныя начала.

Толчекъ, данный карльсбадскими заключеніями реакціонному движенію въ Германіи, отозвался всего сильнѣе въ Пруссіи и имѣлъ тамъ самыя пагубныя послѣдствія. Со времени эпохи падающаго Рима, міръ никогда, быть можетъ, не видѣлъ столь широкаго развитія политической инсинуаціи и шпіонства, какъ во время этого такъ-называемаго «преслѣдованія демагоговъ» (Demagogen-Verfolgung). Кипа за кипою разныхъ указовъ выходили изъ канцеляріи слѣдственной комиссіи и возбуждали плачъ и стоны по всему государству. Цѣлыми днями длились допросы какимъ-нибудь гимназистамъ и другимъ молодымъ людямъ. Самымъ простодушнымъ, невиннымъ заявленіямъ ученые судьи слѣдственной комиссіи придавали серьезное значеніе, какъ-будто судьбы цѣлаго государства находятся въ зависимости отъ всякаго слова. Тюрьмы изъ году въ годъ наполнялись все болѣе и болѣе, а шпіонская профессія становилась все прибыльнѣе. Захватъ и вскрытіе писемъ въ почтовыхъ конторахъ стали въ Германіи столь обычнымъ явленіемъ и производились, особенно въ Берлинѣ, столь безцеремоннымъ образомъ, что каждый сколько-нибудь извѣстный въ политическомъ мірѣ человѣкъ никогда не посылалъ своихъ писемъ по-почтѣ, если въ нихъ заключались даже самыя ничтожныя политическія выраженія.

Во всѣхъ этихъ преслѣдованіяхъ было не мало и смѣшного; это смѣшное, впрочемъ, имѣло весьма печальныя послѣдствія для тѣхъ, кому приходилось служить орудіемъ глупыхъ и потѣшныхъ недоразумѣній. Весьма забавенъ случай съ знаменитымъ поэтомъ Арндтомъ, котораго долго допрашивали по поводу нѣсколькихъ выраженій, найденныхъ у него въ бумагахъ и истолкованныхъ въ томъ смыслѣ, что Арндтъ будто бы призываетъ къ тайному избіенію всего духовенства. Слѣдствіе надъ поэтомъ длилось бы безъ конца, еслибы не было доказано, что подозрительныя выраженія были собственноручныя замѣтки самого короля Фридриха-Вильгельма III, начертанныя имъ на поляхъ одного приказа объ организаціи ландштурма, и оттуда списанныя Арндтомъ.

Въ политическихъ дѣлахъ не слѣдуетъ быть черезчуръ чувстви-

Digitized by Google

тельнымъ. Какъ ни много печалей и бѣдъ принесли тѣ преслѣдованія, особенно молодымъ людямъ, имѣвшимъ несчастіе быть жертвою общей паники, — благоразумный человѣкъ не сталъ бы возставать противъ этого, еслибы всѣ эти преслѣдованія были дѣйствительно необходимы. Между тѣмъ, въ настоящее время никто уже не споритъ противъ того факта, что всѣ эти громадныя и жестокія гоненія совершались безъ всякихъ справедливыхъ поводовъ. Майнцская слѣдственная комиссія должна была сама сознаться, въ обнародованномъ ею (въ 1821 году) отчетѣ, что заговора никакого не было, и что результатомъ ея работъ вполнѣ доказано, «что отъ глупыхъ студентскихъ продѣлокъ и сердечныхъ изліяній аптекарскихъ учениковъ и другихъ юныхъ буршей нечего ожидать какихъ-либо опасностей для государствъ Союза.»

Какъ бы то ни было, реакціонерной партіи удалось только замедлить прогресъ, но не остановить его; въ дѣлѣ народнаго образованія ей почти не удалось повернуть назадъ. Государственный канцлеръ Гарденбергъ, хотя и присоединился къ реакціонерамъ, пребывалъ однако либераломъ; Альтенштейнъ (министръ народнаго просвѣщенія) былъ еще либеральнѣе, — такимъ же было и громадное большинство чиновниковъ, оказывавшихъ господствующей системѣ весьма сильное пассивное сопротивленіе. Всего важнѣе было то, что въ тѣ времена непримиримый антагонизмъ либеральнаго принципа къ консервативному опредѣлялся въ умахъ далеко не такъ ясно, какъ теперь послѣ всѣхъ событій послѣднихъ двадцати лѣтъ. Реакціонеры и либералы стараго времени одинаково вѣрили въ необходимость образованія, и всякій считалъ хорошую школу чѣмъ-то весьма хорошимъ не только для учащихся, но для всего государства, и Пруссія впродолженіи двухъ десятилѣтій слыла, по выраженію Кузена, классическою страною школъ и казармъ. Среди реакціоннаго движенія былъ основанъ университетъ въ Боннѣ, и Гегель вызванъ въ Берлинъ. Правда что Гегель находился съ правительствомъ въ самыхъ добрыхъ отношеніяхъ, и что его философія долго считалась прусской государственною философіею, но въ дѣйствительности строгій порядокъ его ученія успѣлъ образовать отличное поколѣніе людей, пропитанныхъ либеральными стремленіями. Но долго лучшею рекомендаціею для поступленія въ государственную службу считалось въ Пруссіи быть ученикомъ Гегеля.

Только во время революціи вкусили наконецъ плоды съ древа познанія, и Шталь серьезно заговорилъ, что науку слѣдуетъ перевернуть верхъ дномъ! Раумеръ, министръ народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ Мантейфеля, сталъ больше заботиться о томъ, чтобы какъ учителя, такъ и ученики выучивались не по возможности больше, но по возможности меньше. При Фридрихѣ-Вильгельмѣ III просвѣщенная бюрократія старалась, насколько хватало у нея силъ и умѣнья, способствовать умственному образованію среднихъ и низшихъ классовъ,—

Digitized by Google

она основывала реальныя школы, учреждала элементарныя и бюргерскія училища и учительскія семинаріи вездѣ, гдѣ въ нихъ нуждались, и ввела обязательное для всѣхъ обученіе—этотъ важнѣйшій элементъ общаго народнаго образованія (каждое дитя, съ шестилѣтняго возраста и до конфирмаціи, должно быть посылаемо своими родителями или опекунами въ школу, и ни одно изъ нихъ не должно быть конфирмовано, если не пріобрѣло, по крайней мѣрѣ, самыхъ необходимыхъ школьныхъ познаній). Наблюденіе за народными школами было поручено *ревизорамъ* изъ мѣстнаго духовенства и училищнымъ совѣтамъ, которые *избирались самими общинами*. Народныя школы цѣлой епархіи подлежали контролю суперинтендентовъ въ лютеранскихъ мѣстностяхъ, и протоіереевъ (Erzpriester) въ католическихъ округахъ; эти лица исполняли обязанности инспекторовъ. Благодаря тому, что духовные люди того времени, почти всѣ или въ огромномъ большинствѣ, были раціоналисты, церковный надзоръ нисколько не мѣшалъ успѣхамъ образованія, и *просвѣщеніе* было и оставалось высшею цѣлью всякой учебной дѣятельности.

Основаніе къ перемѣнѣ этихъ отношеній между церковью и школою положилъ самъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III, поощряя главнымъ образомъ тѣ религіозныя направленія, которыя казались наиболѣе энергическими противниками всего революціоннаго; такими считались ортодоксы и піетисты въ евангелической церкви, и паписты (теперешніе ультрамонтаны) въ католической. До царствованія этого короля, Пруссія всегда служила оплотомъ и защитницею нѣмецкаго протестантизма, хотя и католическіе подданные не могли жаловаться на дурное съ ними обращеніе. Но съ тѣхъ поръ, какъ къ Пруссіи присоединились Рейнскія провинціи, оба вѣроисповѣданія: католическое и лютеранское, стали, по численности своихъ членовъ, почти на равную ногу, и правительство положило въ основу своей церковной политики полное равенство обѣихъ религій. Фридрихъ Вильгельмъ III сочувствовалъ болѣе консервативному направленію католической церкви, чѣмъ либеральному началу, господствующему въ протестантскомъ вѣроисповѣданіи. Свое недовольство противъ этого либеральнаго начала король довелъ до того, что запретилъ, въ одномъ изъ высочайшихъ приказовъ, самое имя «протестантизмъ», которое напоминало всѣмъ о великомъ историческомъ разладѣ съ Римомъ, замѣстивъ его исключительнымъ употребленіемъ выраженія: «евангелическая церковь». Въ то время, какъ часть католиковъ проявляла наклонность вполнѣ отрѣшиться отъ Рима, уничтожить безбрачіе духовенства и учредить національную католическую церковь въ Германіи, прусское правительство вело переговоры съ папою, и Риму удалось одержать блестящую побѣду надъ Пруссіею, благодаря неспособности прусскаго уполномоченнаго, знаменитаго впрочемъ историка Нибура. Договоръ, за-

Digitized by Google

ключенный при посредствѣ этого человѣка, не умѣвшаго согласить свои теоріи съ практикою, доставилъ Риму такое громадное вліяніе надъ католиками, подданными Пруссіи, какимъ никогда не обладало папство ни въ одномъ изъ не-католическихъ государствъ; уступки короля изумили самого папу, папа не могъ не похвалить Фридриха-Вильгельма III за такую *чудесную* поддержку римскихъ желаній.

Слѣдствія договора съ Римомъ не заставили себя долго ждать. Ультрамонтанская партія, ловко руководимая іезуитами, снова прокравшимися въ Рейнскія провинціи, скоро проявила искусство, которое позже было направлено противъ Россіи княземъ Шварценбергомъ, искусство быть *неблагодарными*. Эта партія поддерживала оппозицію въ Рейнскихъ провинціяхъ и старалась вызвать недовольство къ прусскому владычеству. Когда, въ 1835 году, скончался кроткій и либеральный архіепископъ кельнскій, графъ Шпигель, мѣсто его занялъ фанатикъ, баронъ Дросте-Вишерингъ (Vischering), и повелъ дѣла церкви столь произвольнымъ и упорнымъ противъ правительства образомъ, что оно нашло себя вынужденнымъ захватить архіепископа (1837) и отвезти въ крѣпость Минденъ. Папа, однако, рѣшительно одобрилъ поведеніе архіепископа и жаловался на прусское правительство, будто оно затоптало ногами права римско-католической церкви; вся партія папистовъ подняла страшный крикъ противъ Пруссіи. Фанатическое возбужденіе дошло до такихъ размѣровъ, что на Рейнѣ произошли безпорядки, для подавленія которыхъ пришлось прибѣгнуть къ помощи оружія. Вскорѣ (1838) нашелся подражатель кельнскому архіепископу, архіепископъ познанскій и гнезненскій, Мартинъ Дунинъ. Противно условіямъ заключеннаго съ Римомъ договора, и своимъ собственнымъ обѣщаніямъ въ особомъ пасторскомъ посланіи Дунинъ отрекался благословлять всѣ смѣшанные браки, въ которыхъ женихъ и невѣста не обѣщали воспитывать своихъ будущихъ дѣтей въ правилахъ католической религіи. Дунина призвали къ уголовному суду и присудили къ шестимѣсячному тюремному заключенію, послѣ котораго, при возобновившемся съ его стороны сопротивленіи, онъ былъ отправленъ въ крѣпость Кольбергъ. Но съ тѣхъ поръ ультрамонтанская партія пріобрѣтала въ католицизмѣ все болѣе могущества и вліянія, такъ что въ настоящее время всѣ скромные, примирительные голоса приведены въ полное молчаніе.

Примѣръ католической церкви заразилъ фанатическимъ упорствомъ и евангелическую. Между тѣмъ, какъ въ вѣкъ просвѣщенія, нравственность стояла на первомъ планѣ, теперь на нее не обращаютъ почти никакого вниманія. Тамъ, гдѣ прежде царила гуманность, сталъ господствовать мрачный, фанатическій духъ. Эта перемѣна, по моему мнѣнію, описана всего талантливѣе и блистательнѣе въ знаменитомъ: «*Pétition pour les villageois qu'on empêche de danser*» (прошеніе сель-

Digitized by Google

скихъ жителей, которымъ препятствуютъ танцовать) замѣчательнаго французскаго писателя Поля-Люи Куррье. Сочиненіе Куррье касается, правда, католическихъ порядковъ во Франціи, но всѣ его разсужденія прямо приложимы къ церковнымъ порядкамъ и въ Германіи. Онъ описываетъ въ этой петиціи почтеннаго старика, приходскаго священника въ Веретцѣ: «Это былъ человѣкъ умный, образованный, около восьмидесяти лѣтъ отъ роду, но другъ молодежи, настолько разсудительный, что не имѣлъ желанія преобразовать ее по образцу прежнихъ вѣковъ или управлять ею по предписаніямъ буллъ Бонифація или Гильдебранда. Танцовали передъ его дверями, и всего чаще передъ нимъ самимъ. Вовсе не порицая этой забавы, которая, кромѣ самаго невиннаго, ничего въ себѣ не заключаетъ, онъ присутствовалъ при танцахъ и полагалъ, что дѣлаетъ доброе дѣло, придавая имъ своимъ присутствіемъ и уваженіемъ, которое къ нему всѣ питали, новую степень благопристойности и порядочности. Этотъ мудрый и по истинѣ благочестивый пасторъ служилъ утѣшеніемъ для бѣдныхъ, назиданіемъ ближнему и радостью для всей общины, въ которой его благоразуміе сохраняло миръ, спокойствіе, единство, согласіе». Рядомъ съ этимъ почтеннымъ старцемъ Куррье изобразилъ молодого фанатика, «кипящаго рвеніемъ, едва вышедшаго изъ семинаріи, рекрута воинствующей церкви, нетерпѣливо стремящагося къ отличію». Опираясь на жандармовъ, эти новые проповѣдники возстаютъ противъ танцевъ, противъ пѣсней, противъ всѣхъ невинныхъ удовольствій міра сего, и пользуются исповѣдальнею для того, чтобы вынудить отъ молодыхъ дѣвушекъ обѣтъ отреченія отъ всѣхъ радостей и забавъ, и вообще имѣютъ, повидимому, намѣреніе, обратить весь міръ въ одинъ громадный монастырь траппистовъ.

Петиція Куррье появилась въ 1820 г., что̀ доказываетъ, что церковная реакція наступила во Франціи и въ Германіи одновременно. Для исторіи этого періода и особенно распри между Пруссіею и римскимъ дворомъ весьма интересныя сообщенія оставлены Бунзеномъ, бывшимъ представителемъ Пруссіи въ Римѣ съ 1824 по 1858 годъ, отчасти въ его мемуарахъ, отчасти въ оставшихся послѣ него запискахъ. Бунзенъ, преемникъ и въ научномъ отношеніи ученикъ Нибура, отличался всегда проницательнымъ взглядомъ на признаки своего времени, и хотя онъ постоянно подавалъ берлинскому двору совѣтъ отказаться отъ всего въ видахъ разрѣшенія всѣхъ споровъ въ смыслѣ требованій католической церкви, и хотя онъ самъ держался того же принципа, тѣмъ не менѣе отъ его безпристрастныхъ взоровъ не скрылись и темныя стороны дѣла. Положеніе вещей было крайне запутанное. Со времени вступленія Григорія XVI на папскій престолъ, папство стало рѣшительнымъ орудіемъ іезуитизма и знать не хотѣло ни о какихъ уступкахъ. «Теорія учитъ,—писалъ Бунзенъ въ одномъ

Digitized by Google

изъ посланныхъ имъ въ Берлинъ отчетовъ объ утомительныхъ и безплодныхъ переговорахъ, — что папы всякій разъ, когда ихъ господству и могуществу угрожаетъ опасность, ссылаются всегда на свое духовное могущество и на строгую церковную дисциплину. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что несчастіемъ вызывается сочувствіе, а сочувствіемъ пріобрѣтается чувство власти надъ умами. Наконецъ, бельгійская революція и современный взглядъ (пріобрѣтающій все большее число приверженцевъ въ средѣ различныхъ партій) на дарованіе церкви независимаго отъ государства положенія, придали римскому двору совершенно незамѣтнымъ образомъ нѣчто такое, что́ даетъ ему возможность быть менѣе уступчивымъ передъ свѣтскою властью, и особенно передъ протестантскими правительствами». Нѣкоторые католическіе епископы въ Пруссіи, какъ напримѣръ, уже упомянутый архіепископъ кельнскій графъ Шпигель, оставались добрыми прусскими патріотами и искренно держали сторону прусскаго государства. На этихъ людей весьма косо смотрѣли въ Мюнхенѣ, гдѣ образовалось главное гнѣздо ультрамонтанской партіи, и на нихъ постоянно писали доносы въ Римъ. Этого мало,—главный руководитель католическими дѣлами въ Берлинѣ, совѣтникъ Шмеддингъ въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ, которому поручено было вести всѣ переговоры между правительствомъ и епископами (такъ какъ переговоры съ папою не двигались съ мѣста), былъ ярый приверженецъ іезуитизма и, какъ оказалось впослѣдствіи, предавалъ правительство римскому двору. Наконецъ, вся правительственная дѣятельность въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ пришла въ полный застой. Много говорили объ ядовитыхъ описаніяхъ Варнгагена, но мнѣніе Бунзена о томъ времени еще рѣзче осуждаетъ его, а вѣдь Бунзенъ былъ искренній другъ Фридриха-Вильгельма III и Фридриха-Вильгельма IV. Тогдашнее положеніе вещей въ Берлинѣ Бунзенъ описываетъ весьма темными красками. Король имѣлъ всегда въ виду всѣ упомянутыя обстоятельства и часто напоминалъ о нихъ министрамъ, но безуспѣшно; министръ духовныхъ дѣлъ, Альтенштейнъ, изложилъ въ длинномъ отчетѣ всѣ способы, какими можно дѣйствовать въ данномъ случаѣ, и всѣ сомнѣнія, возникающія противъ каждаго способа; графъ Витгенштейнъ смотрѣлъ на все сквозь пальцы, считая религіозный элементъ въ государствѣ слишкомъ ничтожною силою; самъ государственный канцлеръ Гарденбергъ держался того правила, что *во многихъ вещахъ лучше ничего дѣлать* — драгоцѣнное правило для правительственныхъ дѣятелей! А общественное мнѣніе? Оно — говорю словами самого Бунзена—оно по понятнымъ причинамъ вовсе не имѣло своего органа, да и гдѣ было найти то ухо, которое пожелало бы его выслушать? Развѣ въ Берлинѣ не знали, что папскія *breve* вызвали энергическую реакцію патеровъ въ Баваріи? Однако тамъ и въ голову

Digitized by Google

не приходило, что со времени вступленія Льва на престолъ, на бѣлый свѣтъ смѣло выступило паписто-католическое чувство, которое все глубже проникало въ сердца народовъ и проявлялось по всему міру лишь въ формѣ церковной реакціи. Всѣ рады были, что покончили благополучно съ іюльскою революціею, съ Бельгіею и Мекленбургомъ, а съ нѣсколькими упорными патерами сладить не трудно! Патерамъ много помогло и то обстоятельство, что всякое смѣлое выраженіе о какомъ бы то ни было государственномъ предметѣ пахло въ то время чѣмъ-то демагогическимъ. Къ числу «благонамѣренныхъ правилъ» того періода принадлежала и необходимость *не относиться неодобрительно* ни о чемъ такомъ, что *исходило или не исходило* отъ правительства, то-есть, отъ министровъ. Таковъ былъ общій элементъ душной атмосферы того времени, столь похожей на ту нравственную атмосферу, отъ которой не могъ не содрогаться человѣкъ, впродолженіи двадцати лѣтъ пребывавшій при дворѣ Фридриха II,—атмосферы *мертвой*, *недовѣрчивой*, *лицемѣрной* и *рабской*. Такъ говоритъ Бунзенъ.

Прусскіе законы даровали католической церкви столь широкую свободу, какою она не пользовалась даже въ Австріи. Двѣнадцатая статья церковнаго уложенія опредѣляетъ напримѣръ: «признается свобода религіозной совѣсти, учрежденіе религіозныхъ обществъ и общаго домашняго и публичнаго отправленія религіозныхъ требъ. Пользованіе гражданскими и государственными правами становится независимымъ отъ религіозной совѣсти». Далѣе, статья 15-я: «евангелическая церковь и римско-католическая, а также всѣ другія религіозныя корпораціи распоряжаются и управляютъ всѣми своими дѣлами самостоятельно и удерживаютъ въ своемъ владѣніи и пользованіи всѣ учрежденія и заведенія, основанныя для ихъ религіозныхъ образовательныхъ и благотворительныхъ цѣлей». Наконецъ, статья 16-я: «сношенія религіозныхъ корпорацій съ ихъ начальствомъ совершаются безъ всякихъ препятствій».

Эти въ высшей степени либеральныя постановленія были употреблены ультрамонтанскою партіею для укрѣпленія и расширенія своего могущества. Въ палатахъ образовалась «ультрамонтанская» или «католическая» партія, которая подчиняла всѣ политическіе интересы церковнымъ, и дѣйствовала за-одно то съ правительствомъ, то съ крайнею оппозиціею, смотря потому, которая изъ этихъ силъ сулила бо́льшія выгоды церковнымъ интересамъ. Изъ года въ годъ въ самой католической церкви духъ нетерпимости становился все могущественнѣе, пока наконецъ не достигъ своей высшей точки развитія въ знаменитомъ «Силлабусѣ». Суровая, нетерпимая партія въ евангелической церкви сопутствовала этимъ наклонностямъ въ католической. Изъ устъ Шталя и его приверженцевъ, до самой послѣдней поры, постоянно исходилъ ихъ любимый девизъ, утверждающій, что вѣрующій като-

Digitized by Google

ликъ, даже вѣрующій еврей ближе къ евангелической церкви, чѣмъ индифферентный протестантъ. Какъ бывало съ фанатизмомъ и нетерпимостью во всѣ времена, такъ случилось и теперь: мнимое презрѣніе къ міру повело за собою цѣлую массу разныхъ пороковъ. Самонадѣянное высокомѣріе, эгоизмъ и погоня за властью скрывались подъ личиною смиренія; тайные грѣшки принимали часто весьма отвратительныя формы. Все это достигло такихъ широкихъ и замѣтныхъ размѣровъ, что даже нынѣшній король, принявъ регентство въ 1858 году, высказался самымъ рѣзкимъ образомъ въ своей знаменитой программѣ, преподанной министрамъ, противъ *религіознаго лицемѣрія*, обративъ при этомъ прекрасное, гуманное слово, что истинная гуманность проявляется во всемъ поведеніи человѣка. Однако этотъ поворотъ къ лучшему продолжался недолго. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ уничтожающихъ, справедливыхъ выраженій регента, какъ уже клерикалы снова подняли свои головы. Они ревностно стали на сторону министровъ, которые не могли, да и не хотѣли, отказаться отъ этой само-напрашивающейся помощи; вмѣстѣ съ тѣмъ клерикалы быстро достигли полнаго господства. Скоро обнаружились и злыя послѣдствія ихъ вліянія. Первымъ дѣломъ, познакомившимъ общество съ духомъ, одушевлявшимъ эту клику людей, былъ пресловутый романъ одного изъ отчаянныхъ ревнителей, пастора Стеффанна: «Leokadie», жалкое произведеніе, полное самыхъ грязныхъ выходокъ, зависти и ненависти къ товарищамъ автора по службѣ, и даже клеветъ и доносовъ противъ высокоуважаемыхъ фамилій. Затѣмъ послѣдовала знаменитая исторія съ пасторомъ Кнакомъ, который утверждалъ, что библія учитъ, что не земля вращается вокругъ солнца, а солнце вокругъ земли. Но самый громадный скандалъ состоялся съ гимназическимъ учителемъ, докторомъ Прейссомъ (Preuss). Этотъ господинъ написалъ книгу: «Оправданіе грѣшника передъ Богомъ», въ которой высказалъ взглядъ самаго мрачнаго фанатизма. «Крестовая Газета» расхвалила книгу до nec plus ultra. Это обратило на себя вниманіе либеральныхъ изданій, и вотъ во всѣхъ газетахъ появились отрывки изъ нея, въ которыхъ воззрѣнія мрачнѣйшаго періода среднихъ вѣковъ проповѣдывались самымъ грубымъ образомъ. Прочитавъ всѣ эти безумныя разглагольствованія, вся образованная публика подняла разомъ крикъ изумленія и негодованія, и всякій спрашивалъ самъ себя и другихъ: «возможно ли поручить такому человѣку образованіе юношества въ гимназіи»? Само собою разумѣется, что тотчасъ же начали заниматься всею личною жизнью доктора Прейсса, и открыли замѣчательныя вещи. Этотъ столь набожный и столь образцовый консервативный докторъ оказался виновнымъ въ тѣхъ извѣстныхъ порочныхъ наклонностяхъ къ юношамъ, которыя названы еще древними греками весьма энергическимъ именемъ, и онъ проявлялъ эти наклонности столь неосторожно, что объ этомъ зналъ

Digitized by Google

самъ ректоръ гимназіи, Ранке, тоже изъ набожныхъ и смиренныхъ; ректоръ не разъ предостерегалъ Прейсса, но безуспѣшно. Такъ какъ шумъ, возбужденный этимъ фактомъ, становился съ каждымъ днемъ все сильнѣе, то Прейссъ нашелъ необходимымъ тайно уѣхать въ Америку, получивъ необходимыя для того денежныя средства отъ своихъ религіозныхъ и политическихъ единомышленниковъ, во главѣ которыхъ находится теперь крайній консерваторъ, пасторъ Генгстенбергъ. Бѣгству Прейсса не препятствовало ни одно вѣдомство, хотя существовала дѣйствительная необходимость предать его суду и убѣдиться въ его виновности или невинности. Едва стихъ шумъ прейссовскаго дѣла, какъ на очередь явилось новое. Одинъ изъ здѣшнихъ старѣйшихъ и самыхъ видныхъ священниковъ, обер-консисторіальный совѣтникъ Фурніе (Fournier), позволилъ себѣ, во время вѣнчанія, дать оплеуху невѣстѣ за то, что она, находясь уже въ интересномъ положеніи, надѣла миртовый вѣнокъ—этотъ символъ дѣвической невинности. По крайней мѣрѣ такъ говорятъ очевидцы этого происшествія. Однако Фурніе открыто протестовалъ противъ этого факта. Женихъ же продолжаетъ, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, вести процессъ противъ пастора, и во время этого процесса свидѣтели постоянно подтверждали свои первыя показанія. Не менѣе сильно проявляется фанатическій духъ господствующей системы въ евангелической церкви въ такъ-называемомъ спорѣ изъ-за книги церковныхъ пѣсней. Книги этого рода, изданныя въ XVI и XVII вѣкахъ, содержали въ себѣ значительное число гимновъ, тонъ и языкъ которыхъ не могли удовлетворять потребностей болѣе образованнаго времени; эти гимны поэтому, въ вѣкъ просвѣщенія, мало-по-малу исчезли изъ новыхъ собраній церковныхъ пѣсней. Съ тѣхъ поръ, какъ началась описываемая мною реакція, духовные люди начали жаловаться на эту «порчу» церковныхъ книгъ и требовать замѣны «водянистыхъ» пѣсенъ новѣйшихъ собраній «коренными гимнами» древнихъ. Къ сожалѣнію, я не могу представить вамъ ни одного образца этой поэзіи, такъ какъ весь свойственный имъ ароматъ погибнетъ въ переводѣ. Кое-гдѣ провинціальныя духовныя вѣдомства ввели въ употребленіе новыя книги съ старыми церковными пѣснями; въ нѣкоторыхъ общинахъ, особенно въ Силезіи, гдѣ прихожане отличаются независимостью въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, эта произвольная замѣна новыхъ гимновъ старыми вызвала сопротивленіе и окончилась весьма бурными со стороны прихожанъ заявленіями. Все это доказываетъ, какъ глубоко проникаетъ недовольство настоящимъ положеніемъ вещей.

Особеннымъ нерасположеніемъ общества пользуется министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, фонъ-Мюлеръ (Mühler), этотъ передовой и вліятельный представитель господствующей системы. Всѣ нападенія, которымъ подвергался этотъ министръ въ па-

Digitized by Google

латѣ депутатовъ, остались безуспѣшны, и война противъ него перешла въ печать, гдѣ она проявляется разными насмѣшками. Вамъ извѣстно, что Мюлеръ былъ въ свое время весьма лихимъ студентомъ, въ которомъ никакъ нельзя было предугадать будущаго сиренника-министра, и пока не изведутся въ Германіи кутилы-студенты, охотники до пѣсенъ, до тѣхъ поръ мюлерова пѣсенька: «Grade aus dem Wirthshaus komm ich heraus!» [1]) будетъ раздаваться повсюду. Обращеніе министра на истинный путь совершилось не вслѣдствіе весьма обычной перемѣны взглядовъ въ старости, но благодаря усиліямъ супруги министра, урожденной фонъ-Гослеръ. Эта фамилія прославилась своими крайне консервативными въ религіозной области воззрѣніями, склонными перейти въ католицизмъ. Теперь уже ни для кого не тайна, что *фрау Адельгейдъ* фонъ-Мюлеръ знакома съ дѣлами своего мужа также хорошо, какъ онъ самъ, и многіе серьезно разсказываютъ и вѣрятъ, что всякій разъ, когда самъ Мюлеръ бываетъ боленъ, подвѣдомственные ему чиновники принимаются его супругою. Недавно во дворцѣ какой-то злой шутникъ пустилъ слѣдующую шараду, весьма понравившуюся, какъ говорятъ, самому королю (который, какъ извѣстно, питаетъ антипатію ко всему, что хоть чѣмъ-нибудь напоминаетъ женское вліяніе): «мои первые два (то-есть, слога) могутъ быть пожалованы [2]), мой третій слогъ — министръ финансовъ, — а подъ дудку цѣлаго пляшетъ все министерство духовныхъ дѣлъ». Первые два—*Adel* (дворянство), третье—*Heydt* (фамилія нынѣшняго министра финансовъ), а цѣлое, конечно, *Adelheid*. Шарада эта не особенно остроумна, но за то она такъ хорошо соотвѣтствуетъ общественному настроенію, что успѣхъ ея въ публикѣ изумительный, небывалый,—фрау Адельгейдъ стала теперь самою популярною дамою въ Пруссіи. И «Kladderadatsch» посвятилъ ей одну изъ своихъ классическихъ одъ, какія можетъ писать только такой знатокъ литературы и великій мастеръ, какъ Домъ (Dohm). Нашлись шутники, дерзнувшіе въ ночное время пропѣть подъ окнами министра бетговенскую чудную «Аделанду». Само собою разумѣется, что всѣ эти вещи нисколько не усиливаютъ авторитета правительства, но правительство рѣшилось однажды не дѣлать уступокъ общественному мнѣнію, и вотъ Мюлеръ остается себѣ спокойно въ министерствѣ, не смотря на то, что палата депутатовъ наноситъ ему пораженіе за пораженіемъ, и не смотря на то, что ясно, какъ день, что его церковная политика никогда не встрѣтитъ одобренія со стороны прусскаго представительнаго собранія. Послѣднее крупное пораженіе потерпѣлъ Мюлеръ 28 февраля, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій палаты депутатовъ, когда зашла рѣчь о прошеніи бреславль-

[1]) Эта пѣсня помѣщена въ «Вѣстникѣ Европы», за февраль 1869, стр. 893.

[2]) По-нѣмецки: verliehen, что значитъ: и пожаловать, и ссудить.

Digitized by Google

свой городской думы дозволить ей учрежденіе двухъ не-конфессіональныхъ школъ [1]), одной гимназіи и одной реальной школы. Министръ духовныхъ дѣлъ рѣшительно отказался удовлетворить справедливой просьбѣ думы, и зашелъ въ своихъ объясненіяхъ по этому дѣлу такъ далеко, что сталъ утверждать (не смотря на горячія возраженія со стороны большинства членовъ палаты), будто органы городскихъ общинъ, имѣвшіе право постановлять рѣшенія только по общиннымъ дѣламъ, а не по такимъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о *будущности и судьбѣ дѣтей;* такой *государственной власти* государство не желало давать общинамъ, да и не дастъ никогда. Депутатъ Веренфеннигъ доказалъ министру, въ томъ же засѣданіи, что въ Пруссіи государство основало и содержитъ только 72 высшихъ училища, между тѣмъ какъ общины основали и содержатъ ихъ 95, да 67 училищъ получаютъ свое содержаніе изъ обоихъ источниковъ. Съ каждымъ годомъ это отношеніе между государствомъ и общинами становится менѣе благопріятнымъ для государства, такъ какъ постоянно возрастающіе расходы на содержаніе арміи и на уплату государственныхъ долговъ препятствуютъ государству содержать на свой счетъ весьма дорогія высшія учебныя заведенія. Города, напротивъ, отлично понимаютъ, какую замѣчательную пользу приноситъ образованіе, и что самое производительное употребленіе городскихъ капиталовъ состоитъ въ распространеніи образованія; поэтому, всѣ думы никогда не перестанутъ заботиться объ основаніи все новыхъ учебныхъ заведеній и о снабженіи ихъ всѣми учебными средствами. Жители Бреславля рѣшились, впрочемъ, оставить пока оба новыя зданія *пустыми* и ждать уступки со стороны министра. Во время преній обнаружились весьма интересные статистическіе факты. Приведу здѣсь только одинъ. Въ 1864 году, на 243 души евангелическаго населенія приходился *одинъ* воспитанникъ въ высшемъ учебномъ заведеніи; въ католическомъ населеніи онъ приходился на 462 души, а въ еврейскомъ—на 53. Такимъ образомъ оказалось, что еврейское населеніе пользуется высшими учебными заведеніями въ пять разъ больше евангелическаго, и въ девять разъ больше католическаго, что указываетъ не только на зажиточность евреевъ, но и на сильнѣйшее стремленіе къ высшему образованію.

До какой отчаянной дерзости доходитъ теперь реакціонерная партія, можно видѣть изъ слѣдующаго, хотя ничтожнаго, но весьма характеристичнаго случая. Въ одномъ изъ городскихъ приходскихъ училищъ, клерикалъ-учитель сталъ объяснять дѣтямъ, что міровая система Коперника—система ложная, и что библейское сказаніе о томъ, будто солнце движется вокругъ земли, совершенно справедливо. Одинъ

[1]) Объ этомъ спорѣ я уже говорилъ въ моемъ письмѣ отъ 21 декабря прошлаго года. См. «Вѣстникъ Европы» въ январской книжкѣ нынѣшняго года, стр. 471.

Digitized by Google

изъ школьниковъ разсказалъ все это дома, и отецъ его, хотя простой башмачникъ, но умный и начитанный человѣкъ, тотчасъ же обратился къ училищной коммиссіи (Schul-Deputation), которая завѣдуетъ городскими школами, и просилъ ее обратить вниманіе на ложь, проповѣдуемую въ ея школахъ. Предсѣдатель коммиссіи поблагодарилъ отца въ вѣжливомъ письмѣ и обѣщалъ ему, что указанный учитель лишится возможности преподавать столь извращенныя понятія. Консерваторы подняли противъ этого страшный крикъ. «Смотрите — говорили они — что́ разумѣютъ эти либералы подъ своею свободою! это явная тираннія! Какое право имѣютъ они запретить учителю преподаваніе того, что онъ принимаетъ за истину?» Обличать эту софистику не стоитъ труда. Если школьный учитель имѣетъ право преподавать свою собственную астрономію, то придется допустить, что онъ имѣетъ право сочинить и новую таблицу умноженія, гдѣ дважды два станутъ пять. Если учитель пожелаетъ повести такую проповѣдь на свой собственный страхъ и счетъ, то пусть себѣ проповѣдываетъ: противъ этого никто спорить не будетъ; но дозволить подобное удовольствіе на счетъ государства или города — дѣло, какъ хотите, неподходящее.

Послѣдняя сессія прусскаго парламента, закрытая 6 марта, носитъ на себѣ отпечатокъ этихъ ненормальныхъ отношеній между обществомъ и правительствомъ. Хотя обсужденію подлежало громадное число законовъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ великаго принципіальнаго значенія. Нѣкоторые, впрочемъ, законы весьма полезны и отчасти способствуютъ движенію прогресса,—таковъ, напримѣръ, законъ объ уничтоженіи платы доносчикамъ, или законъ объ отмѣнѣ запрещенія лицамъ благороднаго сословія вступать въ бракъ съ лицами низшаго сословія, или законъ объ отмѣнѣ особой присяги для евреевъ, весьма унизительной для еврейскаго населенія, или, наконецъ, законъ объ увеличеніи пенсіи вдовамъ и сиротамъ народныхъ учителей. Для торговли имѣютъ важность новый уставъ объ аукціонной продажѣ и нѣкоторыя измѣненія въ уставѣ о конкурсахъ. Всѣ эти законы проведены черезъ парламентъ лишь благодаря сильному давленію министерства на палату господъ, которая постоянно противится всякимъ преобразованіямъ, идущимъ изъ палаты депутатовъ. Палата господъ была весьма недовольна давленіемъ министровъ, и это недовольство заявлено было въ нѣсколькихъ сильныхъ выраженіяхъ, нашедшихъ отголосокъ въ весьма отдаленныхъ сферахъ. Сначала тамъ произошло сильное столкновеніе съ министромъ юстиціи. Правительство внесло (тогда уже принятый) законъ объ отмѣнѣ духовныхъ судовъ по брачнымъ дѣламъ въ провинціи Ганноверѣ, гдѣ они все еще оставались по прежнему; палата депутатовъ приняла этотъ законъ, но въ палатѣ господъ противъ него составилась энергическая оппозиція, во

Digitized by Google

главѣ которой стоялъ предсѣдатель и вице-предсѣдатель верховнаго суда, обнаружившіе такимъ образомъ, какимъ духомъ пропитанъ этотъ изъ реакціонеровъ составленный верховный судъ. Во время преній, происшедшихъ по этому поводу, министръ юстиціи крикнулъ на нихъ: «вамъ не удастся отодвинуть законодательство на цѣлые полвѣка назадъ»!—эти слова съ поразительною рѣзкостью характеризуютъ стремленія правой стороны палаты господъ. Во время преній по поводу новаго закона объ охотѣ, измѣненнаго палатою господъ въ интересахъ крупныхъ землевладѣльцевъ и отвергнутаго палатою депутатовъ почти безъ преній, графъ Брюль (Brühl), внукъ извѣстнаго государственнаго министра саксонскаго курфирста Августа II, жаловался на то, что судъ по дѣламъ охоты (Jagdvorstände), «разрѣшающій всѣ споры между землевладѣльцами и лицами, имѣющими право охоты, состоитъ изъ жидовъ, лавочниковъ и писцовъ, съ которыми порядочный человѣкъ стыдится начать дѣло»; — это выраженіе стало теперь общимъ мѣстомъ сатирической литературы, и графъ подвергся самымъ ядовитымъ намекамъ въ печати. Но пальму первенства въ этомъ отношеніи пріобрѣли бароны: Зенфтъ-Пильзахъ и Валдовъ-Стейнгёвель. Первый вошелъ въ ярость во время преній о наложеніи секвестра на имущество короля Георга и, стараясь доказать, что съ этимъ королемъ поступили слишкомъ снисходительно, напомнилъ палатѣ, что «потомки древнихъ ирландскихъ царей свиней пасли»; баронъ Валдовъ воскликнулъ во время преній о законѣ, увеличивающемъ пенсіи вдовамъ народныхъ учителей до 50 талеровъ (минимумъ) ежегодно: «я требую прежде, чтобы мнѣ показали хотя одну съ голоду погибшую вдову школьнаго учителя»! Эти грубости были до того очевидны каждому, что даже политическіе друзья ораторовъ заявили свой протестъ въ палатѣ господъ. Вѣнцомъ выходокъ было желаніе этихъ грубыхъ обскурантовъ не допустить эти выраженія въ публику или, по крайней мѣрѣ, исправить ихъ;—такъ, Зенфтъ-Пильзахъ совершенно вачеркнулъ свое знаменитое историческое напоминаніе, а Валдовъ замѣстилъ выраженіе: съ голоду погибшую, словомъ «голодающую», но этимъ эстетическая сторона дѣла не только не исправлена, но еще ухудшилась.

Оффиціозные органы поютъ, правда, хвалебные гимны о великихъ результатахъ послѣдней сессіи и не знаютъ предѣловъ прославленія мудрости министровъ въ томъ, что они успѣли, въ столь многихъ столкновеніяхъ обѣихъ палатъ парламента, примирить оба крайне противоположные лагеря. Какое блестящее торжество празднуетъ теперь графъ Бисмаркъ, который, еще при самомъ вступленіи своемъ въ управленіе государствомъ, заявилъ, что вся конституціонная жизнь состоитъ «изъ ряда компромиссовъ»! Но въ дѣйствительности въ этомъ восклицаніи нѣтъ ни на волосъ правды. Государство, [illegible]

Digitized by Google

мальною жизнью, можетъ имѣть только *одинъ* центръ тяжести. Іосифъ Гедьдъ, одинъ изъ проницательнѣйшихъ новѣйшихъ изслѣдователей государственнаго права, высказывается объ этомъ предметѣ весьма справедливо въ своихъ «Основаніяхъ общаго государственнаго права» (Grundzügen des Allgemeinen Staatsrechts): «Конституціонный организмъ государствъ долженъ самъ быть *единствомъ*, а слѣдовательно и подчиняться принципу *большинства*. При двупалатной системѣ необходимое единство обѣихъ палатъ должно, потому, обусловливаться или фактическимъ неравенствомъ, образующимся вопреки ихъ юридическому равенству, то-есть, *превосходствомъ силъ одной палаты надъ другою*, или *какою либо иною дѣятельностью политическихъ силъ*». Такъ оно и есть въ Англіи, гдѣ уже со временъ великой революціи центръ тяжести перешелъ въ палату общинъ, такъ оно и въ Пруссіи, гдѣ этотъ центръ тяжести находится въ рукахъ правительства, которое можетъ, по собственному произволу, и проводить либеральныя мѣры, оказывая давленіе на палату господъ, и задерживать ихъ, предоставляя палату господъ ея обычной жизни. Говоря снисходительно, прусская конституція оказывается *фикціею*, которая окончательно разрушаетъ взгляды прежнихъ нѣмецкихъ конституціонныхъ теоретиковъ, славившихъ выше всякой мѣры двупалатную систему.

Сѣверо-германскій парламентъ тоже началъ свои дѣла сильнымъ диссонансомъ. Такъ какъ прусская палата господъ отвергла проектъ такого измѣненія 24-й статьи конституціи, которое уничтожило бы всѣ толкованія въ пользу преслѣдованія членовъ палаты депутатовъ за ихъ парламентскія рѣчи, то вождь либерально-національной партіи Ласкеръ внесъ въ сѣверо-германскій парламентъ, какъ и въ прошломъ году, особый законъ объ этомъ предметѣ. Въ прошломъ году рейхстагъ принялъ проектъ такого закона (имѣющаго въ виду обезпечить свободу рѣчи во всѣхъ парламентахъ Союза) 119 голосами противъ 65; но союзный совѣтъ отвергъ его на томъ основаніи, что многіе члены нашли рейхстагъ лицомъ некомпетентнымъ въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ. Графъ Бисмаркъ заявилъ тогда, что онъ употребитъ все свое вліяніе съ цѣлью провести подобный законъ въ Пруссіи (въ чемъ собственно и заключается все дѣло), однако ему не удалось побѣдить сопротивленіе палаты господъ. Въ нынѣшній разъ тотъ же проектъ закона принятъ 140 голосами противъ 51; число тѣхъ депутатовъ, которые подавали свои голоса за предложеніе союзнаго канцлера, уменьшилось, а число его противниковъ увеличилось. Не смотря на то, канцлеръ остается при своемъ противорѣчіи, при чемъ, само собою разумѣется, онъ только отвращаетъ отъ себя довѣріе рейхстага. Между тѣмъ, хаотическое состояніе всѣхъ внутреннихъ дѣлъ только увеличиваетъ заботы о вооруженіи арміи и флота, возбуждаетъ духъ и рвеніе въ изгнанныхъ августѣйшихъ особахъ и ихъ

Digitized by Google

приверженцахъ, а также въ южногерманскихъ партикуляристахъ, которые договариваются, въ своемъ поношеніи всего прусскаго, до невѣроятныхъ вещей. Чтобы меня не упрекнули въ пессимизмѣ, замѣчу теперь же, что по моему твердому убѣжденію, иностранная война, начатая теперь противъ Пруссіи, вызвала бы, не смотря на всѣ распри и недовольства, не меньшее одушевленіе и готовность націи, какъ и въ 1866 году.

Среди литературныхъ явленій послѣдняго времени первое мѣсто безспорно занимаетъ новый трудъ Гнейста [1]), служащій, по всей вѣроятности, заключеніемъ всѣхъ работъ этого ученаго въ области англійской конституціи, такъ какъ въ этомъ сочиненіи Гнейстъ уже пытается приложить результаты своихъ изслѣдованій къ Германіи. Страшно длинное заглавіе должно предупредить читателя, что въ эту святыню слѣдуетъ вступать не легкомысленно, но съ нѣкоторымъ трепетомъ. И въ самомъ дѣлѣ, авторъ требуетъ отъ читателя ни болѣе ни менѣе, какъ предварительнаго основательнаго знакомства съ его прежними сочиненіями объ англійскихъ конституціонныхъ учрежденіяхъ и правахъ, иначе нечего и думать объ успѣшномъ изученіи этого толстаго тома въ 600 страницъ. Во всякомъ случаѣ, новое сочиненіе Гнейста написано не педантическимъ, понятнымъ языкомъ, но въ немъ скучена такая масса матеріаловъ, и онъ столь обиленъ разными воззрѣніями, что серьезному читателю необходимо запастись чрезвычайнымъ терпѣніемъ и усидчивостью. Гнейстъ держится того мнѣнія, что на материкѣ Европы вовсе не имѣютъ понятія о дѣйствительной сущности самоуправленія. Со временъ Монтескьё европейскіе ученые знали и изучали только англійскій парламентъ, но все то, что̀ связано съ парламентомъ, все такъ-называемое «право правленія» (Verwaltungs Recht), зарытое въ парламентскихъ бумагахъ, которыхъ накопилось теперь до 2,000 томовъ *in-folio*,—всего этого вовсе не знали. Вотъ гдѣ причины тому, что наши конституціонныя теоріи лишены правомѣрныхъ основъ гражданской свободы. Представительное уложеніе соединяетъ государство и общество въ дружномъ взаимодѣйствіи по опредѣленнымъ законами формамъ, но въ Англіи, какъ во Франціи, оказалось невозможнымъ принять подобное уложеніе прямо въ живой организмъ общества. Общественные интересы, за исключеніемъ краткихъ мгновеній одушевленія, никогда не могли пожертвовать ближайшими выгодами своего собственнаго могущества высшимъ требованіямъ государства. Только самоуправленіе (selfgovernment) въ состояніи превозмочь эти противодѣйствія общественнаго строя и дать мѣру и цѣль

[1]) Verwaltung, Justiz, Rechtsweg, Staatsverwaltung und Selbstverwaltung nach englischen und deutschen Verhältnissen mit besondrer Rücksicht auf Verwaltungs Reformen und Kreisordnungen in Preussen. Von Dr. Rudolf Gneist. Berlin 1869. Verlag von Julius Springer.

Digitized by Google

ихъ колебаніямъ въ ту и другую сторону. Но самоуправленіе (Selbstverwaltung) основано на правѣ правленія, о которомъ на материкѣ ничего не знаютъ. Поэтому, говоритъ Гнейстъ съ неподдѣльною ироніею, «всѣ главныя общественныя группы пріобрѣтаютъ свободное поле опредѣлять сущность самоуправленія какъ кому угодно. Крупное землевладѣніе высказалось за самоуправленіе, но понимало подъ нимъ лишь окружные и провинціальные *чины* (Kreisstände und Provinzialstände), то-есть прямо противоположное дѣйствительному *selfgovernment*. Движимая собственность тоже заявила себя въ пользу самоуправленія, разумѣя подъ нимъ окружные и деревенскіе *парламенты* (Kreisparlamente und Dorfparlamente), то-есть прямо противоположное дѣйствительному selfgovernment. Бюрократія, этотъ до сихъ поръ правительствующій классъ, тоже полюбила самоуправленіе, но думала лишь о французскихъ conseils и бургомистерствахъ, то-есть о прямо противоположномъ дѣйствительному selfgovernment. Связывать представленіе о государственной власти съ понятіемъ о томъ или другомъ общественномъ слоѣ — дѣло, до того обычное нашему уму, что каждый классъ населенія разумѣетъ подъ именемъ самоуправленія не что иное, какъ свою собственную автономію, къ которой онъ охотно стремится. Безнадежное противорѣчіе подобныхъ стремленій въ современномъ государствѣ скрывается потомъ подъ многозначительнымъ словомъ: «самоуправленіе», превосходство котораго никто не оспариваетъ.»

Я ограничилъ бы Гнейстомъ литературную часть своей корреспонденціи, еслибы не считалъ своимъ долгомъ указать вамъ на интересную писательницу, Марію Росковскую. Съ нѣкоторыхъ поръ, имя ея весьма часто встрѣчалось въ фельетонахъ разныхъ демократическихъ газетъ, и ея повѣсти быстро стали любимымъ чтеніемъ многочисленной публики. Въ настоящее время всѣ эти повѣсти появились въ отдѣльномъ изданіи [1]). Въ нихъ нѣтъ, впрочемъ, ничего особеннаго. Но интересна сама писательница, какъ первая женщина, подвергшаяся преслѣдованіямъ суда по дѣламъ печати. Ее привлекли къ суду за поношеніе государственныхъ учрежденій. Я полагалъ, что законодатели, не давая женщинѣ политическихъ правъ, не должны признавать за нею и политическихъ преступленій, но судьи руководствовались иными соображеніями и присудили Росковскую къ четырехнедѣльному тюремному заключенію, — при этомъ они оказались до того деликатными кавалерами, что разсыпались передъ осужденною въ самыхъ тонкихъ комплиментахъ на счетъ ея беллетристическаго таланта. И повѣсти Росковской дѣйствительно хорошо написаны, чѣмъ и объясняется, конечно, особенное вниманіе властей. Всѣ эти повѣсти пропитаны большою ненавистью къ господствующей въ школѣ и администраціи системѣ,

[1]) Unpolitische Geschichten. Von Marie von Roskowska. Berlin. 1869. Franz Duncker.

Digitized by Google

и авторъ превосходно проводитъ политическія тенденціи въ формѣ романа. Такъ, напримѣръ, въ ея разсказѣ: «Странствующій учитель» (то-есть такой, который не имѣетъ *одного* постояннаго мѣста, но долженъ посѣщать многія мѣстности), изображена несчастная судьба учителя деревенской народной школы, трудящагося изъ-за скуднаго куска хлѣба и наконецъ погибающаго за то только, что на выборахъ онъ не подалъ своего голоса за кандидата правительственной партіи, извѣстнаго игрока и пьяницу. Почтенная писательница умѣетъ, сверхъ того, выводить подъ самымъ прозрачнымъ покрываломъ извѣстныя личности и рисуетъ ихъ нельзя сказать чтобы очень лестно. Но судъ не нашелъ подсудимую виновною въ пасквилѣ.

Въ театрѣ дѣла идутъ плохо. Извѣстная пѣвица Лукка прибыла сюда изъ Петербурга больная и должна была подвергнуться операціи вырѣзыванія миндалевидныхъ желѣзъ. Эта операція, произведенная знаменитымъ профессоромъ Брунсомъ въ Тюбингенѣ, удалась вполнѣ. Теперь Лукка вернулась въ Берлинъ и появилась на сценѣ, — оперный театръ, поэтому, снова даетъ полный сборъ. Въ драматическомъ театрѣ, напротивъ, блистательно провалились одна за другою всѣ новыя піесы. Теперь ни для кого не тайна, что искусство на берлинской сценѣ глубоко пало. Не удостоилась одобренія публики и новая піеса прусскаго принца Георга, первое произведеніе котораго «Фебра» имѣла, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, «*succès* d'estime», какъ говорятъ французы. Сюжетъ нынѣшняго произведенія принца Георга заимствованъ изъ извѣстнаго разсказа Вольтера объ отравительницѣ Катеринѣ Вуазень, которая долго наводила ужасъ на парижскую знать и вызвала своимъ примѣромъ настоящую эпидемію отравленій.

Важнѣйшимъ событіемъ въ области искусства была въ послѣднее время картина Ганса Макарта: «Моръ во Флоренціи» или «Семь смертныхъ грѣховъ». Не всѣ, впрочемъ, придерживаются этого мнѣнія; иные находятъ болѣе важнымъ выставку проектовъ для постройки собора возлѣ королевскаго дворца. На эти обѣ выставки публики собирается весьма много; залы наполняются иногда до того, что пробраться въ нихъ нѣтъ возможности. Несомнѣнно, что архитектурные проекты весьма интересны, и такъ какъ проекты присланы сюда отовсюду, со всѣхъ концовъ міра, то я могъ бы написать цѣлый трактатъ о всевозможныхъ стиляхъ, но такими разсужденіями можно лишь наскучить читателю, тѣмъ болѣе, что замѣчательнаго во всѣхъ этихъ проектахъ было лишь то, что всѣ прусскіе архитекторы постарались превзойти другъ друга высотою: чѣмъ какой архитекторъ патріотичнѣе, тѣмъ проектированный соборъ выше. Во всякомъ случаѣ, онъ долженъ быть выше всѣхъ христіанскихъ соборовъ, даже выше св. Петра въ Римѣ.

Картина Макарта, выставленная здѣсь впродолженіи нѣсколькихъ

Digitized by Google

недѣль, замѣчательна по своей исторіи. Гансъ Макартъ, совершенно молодой человѣкъ и ученикъ мюнхенскаго художника Пилоти, до сихъ поръ не произвелъ ничего замѣчательнаго. Подъ вдохновеніемъ геніи нарисовалъ онъ картину, самъ не зная, какъ ее назвать. Картина выставляется въ Мюнхенѣ и возбуждаетъ неудовольствіе въ клерикальной партіи. Возникаетъ горячій споръ,—картина переѣзжаетъ въ Вѣну, споръ разгорается еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ. Въ Вѣнѣ ее покупаетъ какой-то торговецъ художественными вещами, съ цѣлью возить ее по всему міру и вездѣ выставлять на показъ за деньги. Теперь она привезена въ Берлинъ, оказываетъ здѣсь весьма сильное вліяніе и приводитъ въ движеніе всѣ критическія и эстетическія нервы.

Картина распростерта въ продольномъ направленіи и распадается на три части, отдѣленныя другъ отъ друга рамами; но всѣ вмѣстѣ онѣ составляютъ одно цѣлое. На первой, лѣвой картинѣ видѣнъ портикъ дворца, убранный въ богатѣйшемъ стилѣ *renaissance*. Входятъ старые и молодые люди, разряженныя, полуобнаженныя женщины. У столовъ сидятъ мѣнялы, собирающіе золото; знатные кавалеры толпятся вокругъ нихъ. Нищіе и больные пробрались сюда, чтобы собирать крохи, падающія со стола грѣха. Вправо занавѣска скрываетъ на-половину уже вовсе не двусмысленную сцену. Средняя картина представляетъ мраморную ванну съ купающимися женщинами, въ разныхъ позахъ: нѣкоторыя стоятъ, другія лежатъ, сидятъ. Въ срединѣ, въ самой срединѣ всей картины стоитъ нагая женщина — онѣ, впрочемъ, всѣ болѣе или менѣе нагія—голландской красоты, столь замѣчательно блестящей, что кажется, будто она освѣщаетъ всю картину. Эта фигура обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, и на нее-то обрушилась цѣлая масса насмѣшекъ. Остроумный Глассбреннеръ сказалъ, что она похожа на морскую льдину, умный Френцель находитъ, что она страдаетъ водобоязнью, — самъ художникъ употребилъ на нее такъ мало краски, что кое-гдѣ проглядываетъ полотно. Вправо отъ этой женщины стоитъ другая, въ тяжеломъ красномъ бархатномъ платьѣ, и смотрится въ зеркало. Третій отдѣлъ картины изображаетъ вакханалію, особенно на лѣвой сторонѣ, гдѣ происходитъ страшная оргія; направо идетъ игра и убійство.

Въ концѣ всѣхъ концевъ, картину Макарта нельзя не признать произведеніемъ замѣчательнаго таланта; это признаютъ даже противники художника. Создалъ ли художникъ въ этой картинѣ свое *лучшее* или *единственное* произведеніе—объ этомъ разсуждать я не берусь. Изъ красивѣйшихъ цвѣтовъ не всегда образуются самые сочные плоды.

К.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

МАРТЪ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ки времени и письма о провинціи. *Салтыкова* (*Щедрина*). Спб. 1869 г.

г. Щедрина принадлежитъ къ именамъ ко талантливымъ современной русской уры, что, безъ сомнѣнія, займетъ въ ея видное мѣсто. Начавъ свою дѣя- ъ губернскими очерками, онъ поро- лую обличительную литературу, на по- которой вышло вслѣдъ за нимъ многое во писателей бездарныхъ и нѣсколько ныхъ. Одно время журналы только и свой бельетристическій отдѣлъ, что ературою; читатели бросались на нее остью, находя въ ней источникъ для наго негодованія и для содержанія высотѣ современныхъ требованій; но ъ современныя требованія росли, а ьная литература оставалась на точкѣ нія, выработавшись въ своего рода ис- съ особыми формами, пріемами, крас- извѣстными восклицаніями и умолча- въ читателяхъ замѣтно стало являть- й равнодушіе; все безталанное тот- езло, талантливое, но не умѣвшее хо- отлядѣться вокругъ и найдти точки болѣе широкихъ воззрѣніяхъ, чѣмъ ыя требовались для бичеванія исправ- становыхъ, тоже умолкло или прі- скало для своихъ питаній болѣе подходящіе сюжеты. Если репутація г. Щедрина не только не упала во время этого крушенія обличитель- ной литературы, но еще окрѣпла, значитъ въ его талантѣ была дѣйствительная сила, спо- собная не на одно воспроизведеніе отживаю- щихъ формъ жизни и на преданіе ихъ позору; сила эта заключалась въ воспріимчивости къ новымъ идеямъ и требованіямъ, въ бойкомъ, нѣсколько грубомъ юморѣ и въ извѣстной долѣ художественности.

Можно быть почти увѣреннымъ, что срав- неніе г. Щедрина съ Кантеміромъ многіе найдутъ слишкомъ смѣлымъ, и смѣлымъ — со- вершенно несправедливо—но въ пользу г. Щед- рина, на томъ единственномъ основаніи, что г. Щедринъ не успѣлъ еще обратиться въ классика; но намъ это сравненіе кажется весь- ма естественнымъ и даже необходимымъ для указанія того мѣста, которое должно принад- лежать г. Щедрину въ исторіи русской лите- ратуры. Въ характерѣ дѣятельности того и другого писателя и въ ихъ положеніи относи- тельно современниковъ много общаго, какъ много общаго между нашей эпохой и той, которая порождена была реформами Петра. Мы не думаемъ проводить пространной па- раллели, а только намѣтимъ главнѣйшія чер- ты сходства и несходства. Общественныя силы,

Digitized by Google

какъ тогда, такъ и теперь, дѣлились на два лагеря, весьма отличныхъ другъ отъ друга и другъ съ другомъ боровшихся то явно, то тайно: лагерь сочувствующихъ реформамъ и вліяніямъ новой жизни и лагерь противниковъ ихъ; каждый лагерь, конечно, состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣловъ, отличавшихся другъ отъ друга не столько родовыми, сколько видовыми признаками. Типическое воспроизведеніе этихъ двухъ сторонъ общества съ ихъ видоизмѣненіями составляло задачу Кантемира, бѣднаго поэтическимъ талантомъ, но богатаго образованіемъ и извѣстными твердыми, хотя и нѣсколько узкими даже для того времени идеалами; туже задачу взялъ на себя и г. Щедринъ, богатый юморомъ и довольно бѣдный сколько-нибудь опредѣленными идеалами. Перечитывая г. Щедрина, трудно составить себѣ точное понятіе о его философіи, о его положительныхъ стремленіяхъ, о той обработанной и непоколебимой почвѣ, на которой казалось бы слѣдовало стоять беллетристу-изслѣдователю, какимъ онъ является въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, и юмористу-сатирику, какимъ онъ является въ послѣднихъ. Оба, Кантемиръ и Щедринъ, каратели „глуповцевъ", оба—произведенія своей эпохи, но одинъ приступаетъ къ своимъ глуповцамъ съ яснымъ міровоззрѣніемъ, съ готовыми формами для мысли и образовъ, даже съ опредѣленной дозой одушевленія и негодованія; другой обладаетъ одушевленіемъ, завостреннымъ бойкимъ юморомъ, а потому болѣе сильнымъ, но безъ установившагося, глубоко продуманнаго политическаго или соціальнаго ученія. Направляя стрѣлы своего остроумія и юмора преимущественно на бюрократію, онъ почти также безъ почвы, какъ и она; сознавая ея положеніе, онъ проникается къ ней тѣмъ большею злостью, что чувствуетъ самъ въ себѣ туже почвенность. Кантемиръ вѣрно и здравомысленно судитъ своихъ современниковъ, стрѣляя изъ своей крѣпостцы не торопливо, усердно и долго прицѣливаясь, тщательно взвѣшивая каждый зарядъ пороха и словно боясь, что лишній золотникъ поведетъ къ разрыву орудія; онъ чувствуетъ подъ собою твердую землю и дѣйствуетъ, какъ исправный артиллеристъ, увѣренный въ своихъ познаніяхъ, но не совсѣмъ увѣренный въ своемъ талантѣ; у г. Щедрина больше таланта, больше вдохновенія, но онъ дѣйствуетъ подъ впечатлѣніемъ минуты, вѣстныхъ обстоятельствъ, даже личнаго драженія и увлеченія, и не жалѣетъ м для своихъ глуповцевъ, особенно, если у денъ, что стрѣльба совершенно безопасн самого артиллериста. Увлекаясь и разд ясь, онъ иногда стрѣляетъ по пустому странству, иногда принимаетъ за грозна пріятеля невинныхъ овецъ, какъ принялъ за таковаго недавно одинъ изъ нашихъ раловъ «что-то покорившихъ», иногда пр дуетъ бѣгущихъ непріятелей съ неудерж злобой и хохотомъ, не проникаясь ни м шею жалостью къ побѣжденнымъ; но выстрѣлы его дѣйствительны и, мѣтко дая въ одну и туже толпу, производит ней уронъ и нѣкоторое смятеніе. Хо заряды, однако, оправдываются смягча обстоятельствами: артиллеристъ не волы зянинъ своей баттареи и принужденъ скрѣпя сердце, наводить орудія вовсе ту сторону, гдѣ стоитъ дѣйствительный пріятель. Онъ и махнулъ бы по немъ, ма бы вѣрно и мѣтко, да заслоняетъ его въ родѣ того облака, которое заслонило евъ отъ фараона. Все сказанное нами было бы подтвердить цитатами изъ книги, главіе которой выписано и которая заключ въ себѣ послѣднія произведенія сатир Книгу эту можно считать квинтэссенціей дринскаго юмора и сатиры; авторъ новог въ ней себя самого, переложилъ прежніе о зы въ разсужденія, кое-что объяснилъ гл кое-что добавилъ, примѣняясь къ росту о ства. Съ этой книгою въ рукахъ можно ступить къ г. Щедрину, какъ съ гидомъ, зумѣть его враговъ и даже опредѣлить нечно отчасти только, его міровоззрѣніе.

Въ самомъ началѣ «Признаковъ время писемъ о провинціи» есть фраза баб Татьяны Юрьевны, обращенная къ внуку колашенкѣ: «попомни ты, свѣтъ, рѣчь мо ликую: не молви ты слова, языка твое редъ не прикусивши»; въ другомъ мѣстѣ т книги есть другая фраза, произносимая г. дринымъ отъ своего лица: «бываютъ по нія, къ которымъ нельзя относиться, во изволу, такъ или иначе, но въ виду котор дѣлается обязательнымъ именно то, а не отношеніе». Эти прекрасныя правила м было бы посовѣтовать всѣмъ нашимъ си

Digitized by Google

обенно твердо памятовать; г. Щедри-
мъ менѣе можемъ исключить, что онъ
привыкъ обуздывать своего юмора.
одно изъ самыхъ капризныхъ свойствъ
; онъ можетъ быть глубокъ и мелокъ,
поверхностенъ; достоинства его на-
цѣнны, симпатичны и живучи, на-
широко и живуче развитіе самого пи-
еликія способности художественныя
одсказать часто то, что̀ не даетъ ни-
звитіе, но сравнительно небольшія ху-
нныя способности требуютъ осмотри-
и вдумчивости. Въ жизни бездна
аго: почти всякое явленіе можно раз-
ъ съ этой стороны, но «можно» не зна-
жно». Въ книгѣ г. Щедрина есть одинъ
, который всего больше заставляетъ
ъ слова Татьяны Юрьевны: «не мол-
ова, языка твоего не прикусивши».
этотъ — «Новый Нарцисъ или влю-
въ себя», возбудившій при самомъ
оявленіи неблагопріятные для автора
ашлись люди, которые позволили себѣ
прекнуть автора въ кажденіи бюро-
Упрекъ этотъ очевидно нелѣпъ въ от-
къ писателю, положившему лучшія
отнюдь не въ курильницу съ лада-
упрекъ былъ заслуженъ, потому что
правилъ свой юморъ на такое явле-
ое показало признаки разложенія и
о несостоятельность не вслѣдствіе
го своего безсилія и лжи, а вслѣд-
ихъ же обстоятельствъ, которыя ста-
римѣръ, современнаго сатирика въ
довольно комическое и безпомощ-
тели и дѣятели», какъ зло обозвалъ
ъ земскихъ людей, имѣли такое же
боко и основательно оскорбиться, ка-
бы современный сатирикъ, еслибъ
у, что онъ вертится, какъ бѣлка
и говоритъ тоже о своего рода «по-
тахъ и о наидешевѣйшемъ способѣ
ія нижняго бѣлья». При помощи
совсѣмъ трудно сатиру самого г. Ще-
ти именно къ такимъ остроумнымъ
ь, хотя такое отношеніе къ дѣятель-
овитаго писателя заслужило бы со
езпристрастнаго мыслителя строгій,
дливый приговоръ. Все дѣло вовсе
ь, что сатирикъ хотѣлъ будто бы
урить, а въ томъ, что юморъ его на
этотъ разъ былъ направленъ не въ ту сторо-
ну, въ какую слѣдовало его направить, и при-
томъ направленъ въ такое время, когда было
вовсе не до смѣху. Никакого умысла у г. Ще-
дрина не было и даже не могло быть потому,
что онъ человѣкъ искренній и честный; чест-
ность и искренность — тѣ качества, которыя
замѣняютъ ему отчасти не совсѣмъ опредѣ-
ленную политическую и соціальную почву и
съ которыхъ онъ никогда не сбивается; встрѣ-
чающаяся иногда поверхностность и неглу-
бина его юмора легко объясняется отчасти не-
значительною долею другихъ качествъ, на ко-
торыя мы указали и которыя совершенно не-
обходимы для того, чтобъ никогда не сходить
съ извѣстной высоты, отчасти обстоятельства-
ми внѣшними, совершенно независящими отъ
автора. Оставляя эти послѣднія въ сторонѣ,
мы укажемъ еще на одинъ признакъ, харак-
теризирующій первыя.

Въ настоящей книгѣ г. Щедринъ то и дѣло
изъ области образовъ переходитъ на почву
размышленій; пока онъ рисуетъ, съ свойствен-
нымъ ему юморомъ, признаки какого-нибудь
существующаго явленія, вы чувствуете его си-
лу; но иногда ему кажется этого мало, и онъ
уходитъ въ глубь явленія, стараясь отыскать
и объяснить породившія его причины: тутъ
онъ и скрывается въ непроницаемой тьмѣ,
уразумѣть которую можно только развѣ при
помощи особеннаго словаря и особенныхъ при-
мѣчаній столь же длинныхъ, какъ и самое
разсужденіе. Тоже самое приходится сказать
и о нѣкоторыхъ картинахъ дѣйствительности,
напр. объ очеркѣ «Легковѣсные», въ которомъ
самое лучшее—заглавіе. Происходитъ ли это въ
первомъ случаѣ оттого, что причины явленія
ускользаютъ отъ самого сатирика, способнаго
схватывать ярко только результаты, а во вто-
ромъ отъ привычки къ умолчаніямъ, намекамъ
и аллегоріямъ, — разбирать не станемъ: для
насъ въ настоящемъ случаѣ важенъ фактъ,
который отрицать невозможно, и фактъ тако-
го рода, что онъ черезъ десять лѣтъ сдѣлаетъ
чтеніе нѣкоторыхъ очерковъ и разсужденій
г. Щедрина столь же затруднительнымъ, какъ
чтеніе іероглифовъ или по меньшей мѣрѣ со-
чиненій нашихъ мистиковъ и масоновъ. Труд-
но ожидать, чтобъ нашлись особые спеціали-
сты, которые взяли бы на себя трудъ объяс-
нить намеки и аллегорію, но еслибъ не на-

Digitized by Google

шлись они, потомство едва ли что-нибудь потеряетъ. Значеніе г. Щедрина вовсе не въ этомъ туманѣ и въ претензіяхъ на глубину: туманъ останется туманомъ, а въ глубину не всѣ же въ состояніи спускаться и выходить изъ нея невредимыми и цѣлыми. Значеніе г. Щедрина—въ искренности, въ ясныхъ, образныхъ фигурахъ и юморѣ. При этомъ, однако, нельзя не замѣтить, что, несмотря на продолжительную дѣятельность нашего писателя, онъ не далъ намъ ни одного яркаго, законченнаго образа, который былъ бы настолько значущъ, что представлялъ бы собою цѣлую страницу изъ современной исторіи и настолько цѣленъ, что обратился бы въ нарицательное имя. Образы, творимые г. Щедринымъ, обыкновенно какъ-то скоро блекнутъ и не засѣдаютъ въ головѣ на всю жизнь. Мы опять не станемъ разбирать, отчего это происходитъ—отъ недостатка ли художественныхъ силъ, или отъ того, что самая среда, изъ которой преимущественно черпаетъ свой матеріалъ писатель, слишкомъ машинообразна и слишкомъ безцвѣтна, или оттого, наконецъ, что писатель, набрасывая свои очерки, постоянно старается выводить новыя лица, которыя въ сущности отличаются отъ прежнихъ только видовыми, а не родовыми признаками. Впрочемъ, послѣднее замѣчаніе говоритъ въ пользу того, что г. Щедринъ не достаточно обладаетъ способностью къ концепціи характеровъ.

Мы должны поставить г. Щедрину на видъ еще одинъ недостатокъ его очерковъ—ихъ растянутость, многорѣчивость, которая положительно мѣшаетъ цѣльному впечатлѣнію. Укажемъ для примѣра на статью «Хищники»; это едва ли не лучше всего, что̀ есть въ настоящей книгѣ, и даже одинъ этотъ очеркъ, по глубинѣ и вѣрности мысли, сто́итъ всѣхъ «Признаковъ времени» взятыхъ вмѣстѣ. Подъ именемъ хищничества сатирикъ разумѣетъ одно изъ наслѣдій крѣпостного права, выражающееся въ произволѣ однихъ надъ другими, въ преклоненіи передъ грубою силою. Это, по его словамъ, «стихія, которая движетъ нами, передъ которою мы пресмыкаемся и раболѣпствуемъ, которую мы во всякую минуту готовы обожествить... Это единственная сила, притягивающая къ себѣ современнаго человѣка, одно единственное понятіе, на счетъ котораго не существуетъ разногласія... Хищничество не вни-

маетъ и не убѣждается, но раздражается
ступаетъ... хищничество идетъ дальше
нибудь презрѣннаго Картуша; оно грабит
зоряетъ и уязвляетъ, и въ это же вре
ходитъ справедливымъ, чтобъ въ уязвл
судьбой играло сердце. Оно любитъ видѣ
ца довольныя, и если факты не соотв
ютъ его ожиданіямъ, то укоряетъ въ не
дарности и нераскаянности. — «Предс
себѣ, вѣдь еще вздумалъ упираться,
говорилъ однажды нѣкоторый молодой
никъ, разсказывая мнѣ исторію одной
правы съ какою-то очень ничтожною и
извѣстною козявкою: мы его, знаете
волосы, — такъ нѣтъ! корячиться вздум
клонъ постельный»... Я взглянулъ хищ
въ лицо: оно пылало такимъ искренни
годованіемъ, что мнѣ сдѣлалось жутко.
онъ васъ очень больно укусилъ.... этотъ кл
спросилъ я не безъ волненія. — «Кто
силъ? кого укусилъ? кто вамъ говоритъ,
укусилъ? напустился онъ на меня:
эта мерзость кусаетъ? ее нужно истребл
потому.... потому».... Онъ не могъ
кончить, потому что негодованіе скова
его мысль, сдавливало горло и задер
вало тамъ приличныя случаю выраже
Очеркъ этотъ написанъ съ страстнымъ
шевленіемъ, и всякая строка его понятна
всякихъ объясненій; но авторъ нашелъ
нымъ руководить читателя и даже пред
речь его, чтобъ онъ не примѣнялъ нан
наго къ той или другой общественной сф
къ тому или другому общественному кл
Предосторожность, по нашему мнѣнію, со
шенно напрасная и только ослабившая
ными вводными подробностями и повторе
ми цѣлостность очерка.

Тоже самое должны мы сказать и о «П
махъ о провинціи», которыхъ семь, но
торыя легко могли бы умѣститься въ
Превосходныя характеристики нѣсколько
жижены и тутъ лишнимъ многословіемъ и
повтореніемъ давнымъ давно сказаннаго
мимъ г. Щедринымъ нисколько не хуже,
не лучше, чѣмъ теперь. Главный интер
этихъ писемъ сосредоточенъ на анализѣ тр
группъ провинціаловъ, которыя г. Щедр
называетъ «исторіографами», «піонерами»
«складными душами». Впослѣдствіи онъ
бавляетъ еще четвертую группу подъ

«ненавистниковъ», но въ сущности это
исторіографы, показанные только ис-
тельно по отношенію къ одному факту,
о къ 19 февраля 1861 года. Раздѣленіе
нціаловъ на эти группы произошло вслѣд-
наплыва лицъ судебнаго вѣдомства, «піо-
ь», которые отличаются дѣловитостью,
ностью и независимостью убѣжденій, ка-
ми прежде не встрѣчавшимися, по край-
ѣрѣ, въ такой законченности, въ провин-
Исторіографы»—это тѣ, которые издре-
ривыкли понимать себя прирожденными
іографами Россіи и зиждителями ея су-
и вдругъ это ихъ мнимое право оспари-
. Исторіографы, не обладающіе ни обра-
іемъ, ни начитанностью, никакими вид-
качествами, поднимаются именно во имя
о ничтожества и зависти и начинаютъ
вовать, «отчасти лганьемъ, отчасти кле-
». «Піонеры» — постепеновцы, то-есть
вѣрующіе и совершенно раціонально въ
спѣяніе отечества путемъ постепенныхъ
омъ, и такихъ-то людей «исторіографы»
яютъ въ нигилизмѣ, коммунизмѣ, въ
леніи произвести революцію даже внѣш-
формами, гуманнымъ обхожденіемъ, скром-
образомъ жизни, отсутствіемъ стремле-
бить подсудимыхъ по скуламъ и сгибать
въ бараній рогъ». Но главное страшили-
хъ, представляемое піонерами, это — за-
ость, «тотъ многоглавый минотавръ, съ
рымъ сей новый Тезей искони ведетъ не-
ную борьбу, и ведетъ далеко не безу-
но»... Ненавистникъ, какъ мы уже ска-
только видоизмѣненіе исторіографа, жал-
почти помѣшанное отъ злобы существо на
кую крестьянскую реформу. «Онъ всякую
дную бѣду готовъ пріурочить къ 19-му
аля, потому что въ дурацкой его головѣ
ни одной мысли, кромѣ мысли объ оби-
нанесенной ему этимъ ужаснымъ для него
омъ... Ненавистники не вздыхаютъ по
ъ, не скрежещутъ зубами втихомолку, но
ритетно, публично, при свѣтѣ дня и на
ь діалектахъ изрыгаютъ хулу, и, не опа-
ь ни отпора, ни возраженій, сулятъ окон-
въ самомъ ближайшемъ времени съ тѣмъ,
они называютъ «гнусною закваскою ни-
зма и демагогіи», и подъ чѣмъ слѣдуетъ
мѣть отнюдь не демагогію и нигилизмъ,
оторыхъ ненавистникамъ нѣтъ никакого
дѣла, а преобразованія послѣдняго времени.»
Это явленіе замѣчается, какъ извѣстно, и въ
столицѣ, на него обращала вниманіе вся жур-
налистика, но г. Щедринъ охарактеризовалъ
его такими крупными, такими безподобными
чертами, что послѣ него сказать нечего. Ре-
зюмируя всѣ толки о пьянствѣ, исходящіе отъ
исторіографовъ, г. Щедринъ говоритъ: «Пред-
ставьте себѣ страну, которой жители пого-
ловно пьяны, въ которой господа съ утра до
ночи пьютъ мадеру, а рабочій и прочій «под-
лый» народъ сивуху — какое будущее можетъ
ожидать такую страну? Представьте себѣ: въ
этой странѣ есть правосудіе, но оно отправ-
ляется въ пьяномъ видѣ; есть армія, но она
защищаетъ отечество въ пьяномъ видѣ; есть
администрація, но она распоряжается въ пья-
номъ видѣ; есть, наконецъ, администрируемые,
но они повинуются въ пьяномъ видѣ.... Вы,
конечно, скажете, что все это не больше, какъ
плоская и невѣроятная шутка, что это нелѣ-
по-волшебное представленіе, въ которомъ не-
ожиданности и сверхестественности превра-
щеній дозволено замѣнить здравый смыслъ,—
да, это такъ, это дѣйствительно наглая и смѣ-
ха достойная шутка; но таковъ именно фонъ
той картины, которую всласть рисуютъ пе-
редъ нами губернскіе исторіографы».

«Письма о провинціи» имѣютъ еще одно
достоинство по отношенію къ характеристикѣ
самого писателя. Мы сказали вначалѣ, что не-
возможно уловить у г. Щедрина опредѣлен-
наго міровоззрѣнія: только что успѣешь по-
думать, что онъ вотъ что̀, какъ, черезъ нѣ-
сколько страницъ, приходишь къ убѣжденію,
что ошибся. Въ «Письмахъ о провинціи», под-
писанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ»,
гдѣ они первоначально были напечатаны,
псевдонимомъ «Гуринъ», напротивъ, воззрѣ-
нія г. Щедрина являются въ довольно опре-
дѣленномъ видѣ: тутъ онъ просто защитникъ
реформъ, ихъ сущности и широкаго примѣ-
ненія къ жизни, и во имя одного этого прин-
ципа онъ бьетъ исторіографовъ, ненавистни-
ковъ и складныя души (подъ этимъ терминомъ
онъ разумѣетъ людей безъ убѣжденія, пере-
бѣгающихъ отъ піонеровъ къ исторіографамъ
и на оборотъ, и кончающихъ тѣмъ, что оба
лагеря ихъ отвергаютъ). Намъ кажется, что
тутъ-то именно и скрывается настоящій, иск-
ренній Щедринъ. Если же въ другихъ произ-

Digitized by Google

веденіяхъ онъ является съ физіономіей менѣе опредѣленною, то это происходитъ отъ большого запаса юмора, который не сдерживается вслѣдствіе честнаго чувства противъ реакціонныхъ замашекъ и бьетъ иногда, не достаточно разбирая кого. Но неопредѣленность все-таки существуетъ и все-таки мѣшаетъ сатирѣ быть совершенно ясною; легкій скептицизмъ, не совсѣмъ удобный въ наше всеизмѣряющее и взвѣшивающее время, старается замаскироваться въ нѣчто такое, что будто бы весьма далеко идетъ, дальше, чѣмъ всѣ другіе, и не замѣчаетъ, что производитъ каррикатуру и шаржъ, даже фельетонъ, дѣйствіе которыхъ скоропреходяще, какъ веселость послѣ хорошаго обѣда.

Сочиненія и переводы *А. Н. Баженова.* Съ портретомъ автора. Москва. 1869. XIII и 814 стр.

Многіе могутъ спросить, за чѣмъ собраны и изданы статьи, статейки и замѣтки покойнаго Баженова, писателя весьма мало замѣчательнаго и совсѣмъ неизвѣстнаго? Наша критика любитъ ставить такіе вопросы, потому что на нихъ очень легко отвѣчать съ юморомъ и злостью и совсѣмъ забить маленькаго писателя. За чѣмъ онъ явился, кто его просилъ, кто требовалъ? Пусть бы забавлялся себѣ съ маленькимъ талантомъ своимъ и маленькими идейками въ летучихъ листкахъ. Рецензенты простираютъ иногда заботливость свою до того, что начинаютъ жалѣть бумагу и наборъ и принимаются высчитывать напрасно затраченный капиталъ, какъ будто онъ похищенъ изъ собственнаго ихъ кармана или употребленъ въ самомъ дѣлѣ на позорное дѣло. Намъ кажется, что напрасны подобныя сожалѣнія и тупы стрѣлы, направленныя въ тѣхъ, которые и безъ того малы: въ каждомъ человѣкѣ, особенно такомъ, которому кажется, что жизнь онъ прожилъ не даромъ, весьма естественно желаніе услышать судъ современниковъ и оставить послѣ себя частицу своей личности въ написанномъ. Добросовѣстное отношеніе къ такимъ писателямъ тѣмъ болѣе необходимо, что не требуется ни особеннаго ума, ни особеннаго таланта для того, чтобъ «сказнить» ихъ, и «сказнить» безъ всякой пользы для современниковъ и потомства, иногда единственно для того, чтобъ показать свое дешевое остроуміе. Критика должна [illegible] лить только значеніе писателя и не [illegible] ся вопросами ея некасающимися.

Сочиненія Баженова изданы его родст[illegible] ками и составятъ три большихъ тома. Г[illegible] дѣятельность его посвящена была театру, [illegible] упражнялся также и въ другихъ родахъ [illegible] ратуры, перевелъ стихами всего Анак[illegible] нѣсколько пѣсенъ «Нибелунговъ» и [illegible] медіи Аристофана «Осы» и «Птицы». О [illegible] ковскомъ театрѣ сталъ онъ писать [illegible] и продолжалъ почти непрерывно [illegible] своей смерти, въ 1867 г., преимуществ[illegible] основанной имъ газетѣ «Антрактъ». Не [illegible] дая талантомъ, Баженовъ приготовлял[illegible] дѣятельности театральнаго рецензента [illegible] добросовѣстно, много читалъ объ [illegible] даже изучалъ все то, что написано бы[illegible] этомъ на нѣмецкомъ языкѣ, и никогда [illegible] силъ въ свои отзывы ни пристрастія, [illegible] жескихъ отношеній. По эрудиціи [illegible] едва ли не самый сильный изъ всѣхъ [illegible] театральныхъ рецензентовъ, бывшихъ [illegible] ящихъ, а потому чтеніе его не безполезно [illegible] нашихъ сценическихъ дѣятелей, обыкнов[illegible] не руководящихся ничѣмъ, кромѣ своего [illegible] ственнаго, за-частую весьма жалкаго вдо[illegible] венія. Какъ человѣкъ, однако, безъ тала[illegible] онъ впадалъ иногда въ крайнюю одностор[illegible] ность, какъ при разборѣ театральныхъ [illegible] такъ и въ сужденіяхъ своихъ о зн[illegible] сцены вообще. Исходя изъ довольно [illegible] нравственныхъ и соціальныхъ доктрин[illegible] съ необыкновенной настойчивостью тре[illegible] классическаго репертуара и, благодаря [illegible] стояніямъ, московская сцена одно врем[illegible] запружена Мольеромъ, Кальдерономъ [illegible] Онъ стоялъ также за русскія классическ[illegible] и написалъ хорошую статью о необход[illegible] обновленія сценической постановки «Г[illegible] ума». Безусловный поклонникъ Шекспи[illegible] говорилъ: «пусть пьесы его исполн[illegible] нашей сценѣ не совсѣмъ удачно, пус[illegible] чиваются даже по переводамъ Кетчера [illegible] только исполняются и разучиваются [illegible] ный Линкольнъ, страстно любившій [illegible] поэта, говаривалъ: «Мнѣ дѣла нѣтъ, [illegible] или дурно разыгрываютъ Шекспира: [illegible] мысль замѣняетъ все остальное». Кро[illegible] ченія матерьяла для исторіи московскаго [illegible] и небезполезнаго чтенія для актеровъ [illegible]

Digitized by Google

редставляетъ нѣсколько фактовъ для ристики общественной жизни. Такъ ъ концѣ 1864 г. Баженовъ помѣстилъ ктѣ» разборъ спектакля, даннаго въ Симбирска нѣкоторыми лицами высшаго каго общества. Рецензія была написана ою сдержанностью и въ формахъ вполнѣ ыхъ, и однако вызвала въ благотвори- негодованіе, дошедшее до крайняго ко- «Какъ—разсуждали дамы высшаго об- -мы удостоиваемъ общество чести пуб- оказывать себя и дочерей нашихъ съ и вмѣсто того, чтобъ падать ницъ ашею condescendence, находятся люди, ціе разбирать наши gestes et paroles, хва- ю, хулить другое". Дѣло не кончилось ми пересудами и перешло въ печать. Бугушевъ счелъ своею обязанностью возраженіе, въ которомъ находятся рочимъ слѣдующія строки: «Какъ я не ѣ представить кого либо выше Садов- Расплюевѣ, такъ я не могу себѣ во- любительницы-артистки изящнѣе г-жи овой. Княжна Трубецкая, не будучи ой, ни по рожденію, ни по призванію, *ась въ пользу погорѣвшихъ показать эстрады:* тутъ, какъ и въ жизни, она ажной Трубецкой. Честь ей и слава за Кислинскій былъ вполнѣ прекрасенъ, еумѣстное и странное щелканье не мѣ- игрѣ. *Согласиться щелкать можно ъ пользу погорѣвшихъ*"...

очевидца о событіяхъ въ Варшавѣ 1 и 1862 годахъ. Составилъ по доку- ъ *А. Подвысоцкій*. Спб. 1869.

ски» эти даютъ нѣкоторое понятіе о я Варшавы и польскаго общества пе- аломъ возстанія. Заключая въ себѣ о оффиціальныхъ документовъ, онѣ мо- жить историческимъ матеріаломъ. Къ ю, авторъ не чуждъ того полицейско- ческаго отношенія къ полякамъ, ко- ктъ быть понятно во время возстанія, шенно неумѣстно, когда страсти уле- Это странное отношеніе заставляетъ ского читателя осторожно относиться ніямъ, сообщаемымъ г. Подвысоцкимъ, ахъ, конечно, и говорить нечего. Впро- го ингредіента у г. Подвысоцкаго мало ьно, напримѣръ, съ такими историка- ми, какъ гг. Ратчъ и Гогель, которые вообразили, что историческіе факты суть не что иное, какъ приговоръ негласной слѣдственной коммиссіи, а историческая критика есть не иное что, какъ наборъ славословій въ пользу однихъ и наборъ проклятій на голову другихъ. Побѣдителямъ прилично держать себя спокойно и не ронять напрасно своего достоинства тѣмъ гнѣвомъ, который также мало походитъ на гнѣвъ Зевса, какъ гнѣвъ полицейскаго служителя. Читая записки г. Подвысоцкаго, невольно сравниваешь теперешнее положеніе царства польскаго съ положеніемъ его передъ возстаніемъ. Стоитъ вспомнить, напримѣръ, пріѣздъ архіепископа Фелинскаго въ Варшаву въ январѣ 1862. Распорядившись открытіемъ костеловъ, закрытыхъ передъ тѣмъ его предшественникомъ, какъ поруганныя будто бы военной силой, позволившей себѣ вступить во храмъ, Фелинскій произнесъ въ каѳедральномъ соборѣ рѣчь, навлекшую ему открытыя преслѣдованія со стороны поляковъ. Чтожъ было чрезвычайнаго въ этой рѣчи? Въ чрезвычайно мягкихъ выраженіяхъ касаясь пѣнія революціонныхъ гимновъ въ храмахъ, Фелинскій говорилъ: «Эти пѣсни были хороши, потому что выразили властямъ чего мы желаемъ. Теперь же начальство познало эти наши желанія. Я именно являюсь объявить и сообщить вамъ пріятную надежду, что монархъ желаетъ удовлетворить нужды нашего края. Я говорилъ съ монархомъ и говорилъ долго. Онъ объявилъ мнѣ, что не желаетъ лишить насъ ни народности нашей, ни религіи, что исполнитъ обѣщанія, предоставитъ все, чего желаемъ; но при этомъ поставилъ одно условіе, чтобы край успокоился, чтобы прекратилось пѣніе запрещенныхъ гимновъ. Поэтому, братья, заклинаю васъ и прошу во имя Бога, во имя спокойствія отчизны, воздержитесь на нѣкоторое время отъ пѣнія этихъ гимновъ. Вы скажете, быть можетъ, что обѣщанія, дававшіяся вамъ монархомъ, иногда не были исполняемы. На это скажу вамъ: имѣю слово монарха, что теперь они будутъ исполнены». Выражаться свободнѣе съ церковной каѳедры кажется трудно, а между тѣмъ рѣчь произвела неудовольствіе: такъ настроено было общество предводителями возстанія. Извѣстно, что наше правительство дѣйствительно готово было на уступки и дѣлало ихъ; уступки эти резюмируются такъ въ корреспонденціи изъ Варшавы въ одну

Digitized by Google

нѣмецкую газету, корреспонденціи, которая перепечатана была въ «Варшавскомъ Дневникѣ» на видномъ мѣстѣ: «Польша два года тому назадъ была немного болѣе русской области; теперь она автономическое, какъ бы личнымъ союзомъ соединенное съ Россіей королевство. Въ главѣ управленія находится младшій братъ императора, а при немъ находится способнѣйшій мужъ Польши нынѣшняго времени (маркизъ Велепольскій). Совѣтъ управленія, въ прежнее время составленный изъ русскихъ, нынѣ состоитъ почти исключительно изъ поляковъ и мужей возвысившихся заслугой. Государственный совѣтъ, составленный почти изъ однихъ поляковъ, извѣстныхъ опытностью, любящихъ свой край патріотовъ, представляетъ собою дѣятельный органъ потребностей края. Всѣ высшія должности замѣщены почти исключительно поляками. Въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ чиновниковъ края нѣтъ и ста русскихъ, да и тѣ большею частію знаютъ польскій языкъ. Провинціи царства имѣютъ законно-установленные, хоть еще и не созванные губернскіе совѣты, а уѣзды—уѣздные совѣты. Во всѣхъ большихъ городахъ уже введены городскіе совѣты на выборномъ началѣ», и проч. Изъ этого видно, что провинція Россійской имперіи въ другой разъ со временъ Александра I начинала пріобрѣтать то, чего не имѣла сама имперія. При открытіи государственнаго совѣта въ сентябрѣ 1862 г., великій князь намѣстникъ говоритъ рѣчи на польскомъ языкѣ; упомянувъ о томъ, что городскіе выборные совѣты трудятся съ пользой, онъ продолжаетъ такъ: «полученныя нынѣ просьбы отъ 17 городовъ объ учрежденіи въ нихъ также совѣтовъ, служатъ новымъ доказательствомъ сознанія въ краѣ этой институціи. Одновременно съ вашими совѣщаніями, открывается университетъ, политехническій институтъ и другія учебныя заведенія въ краѣ, организація которыхъ одобрена въ прошедшихъ засѣданіяхъ государственнаго совѣта, при обсужденіи проекта закона о народномъ образованіи. Благодаря отеческой заботливости государя императора, самоуправленіе царства польскаго получило новое подтвержденіе, отдѣленіемъ отъ главныхъ управленій въ имперіи еще нѣкоторыхъ отраслей службы въ царствѣ, какъ-то: почтъ, путей сообщенія и другихъ». Въ заключеніе рѣчи великій князь намѣстникъ говоритъ о проектахъ законовъ, доказывающихъ желаніе правительства дать Польшѣ прог сивныя преобразованія. И все это было недавно, какихъ-нибудь шесть лѣтъ назад, все это однако кажется дѣломъ столь давн что чтеніе этихъ документовъ производ при настоящемъ положеніи царства польск впечатлѣніе, въ которомъ трудно отдать с обстоятельный отчетъ. Рѣчь объ автон царства не раздается больше изъ правит ственныхъ сферъ, но объ ней молчитъ да печать, какъ о дѣлѣ несбыточномъ и нев можномъ. Возстаніе произвело коренной пе воротъ во мнѣніи правительства и въ об ственномъ мнѣніи.

Виленскій Сборникъ. Изданъ *В. Кулинг.* I. Вил 1869.

Г. Кулинъ издалъ этотъ сборникъ, ру водствуясь желаніемъ „распространить въ р скомъ обществѣ полезныя свѣдѣнія о сѣв западныхъ губерніяхъ". Желаніе совершен похвальное. «Не могу, однако, не выраз сожалѣнія—говоритъ онъ—что по обстоят ствамъ, какъ Записки Добрынина, такъ и бо шая часть и другихъ статей, не могли бы напечатаны въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ бы написаны». Тѣ обстоятельства, о которыхъ воритъ г. Кулинъ,—цензура. Г. Кулинъ чел вѣкъ благонамѣренный и патріотъ, сборни составленъ въ благонамѣренномъ и патріот ческомъ духѣ; значитъ, цензура преслѣду этотъ духъ? Судя по статьямъ сборника, это предположить невозможно: во-первыхъ потом что нѣкоторыя изъ нихъ написаны даже чрезмѣрно-полемическомъ тонѣ противъ кое зовъ и пановъ, а во-вторыхъ потому, что са г. Кулинъ ставитъ русскому чиновнику XI вѣка, Добрынину, въ вину такое чувство, к «гуманность», «которая, продолжаетъ г. Кули укрѣпляла врожденную его наблюдательнос но сама по себѣ не могла дать автору ясны политическихъ воззрѣній и научить его пон мать проходившія передъ его глазами явле политической жизни — недостатокъ, отъ кот раго впрочемъ начали освобождаться образ ванные русскіе люди». Понятно, что человѣк ставящій въ вину русскому «гуманность», м можетъ допустить въ свой сборникъ ничт такого, что было бы гуманно и, стало бы не совсѣмъ благонамѣренно. Если онъ доп стилъ записки Добрынина, то единственно

Digitized by Google

что „въ Добрынинѣ этотъ недостатокъ
нность) не былъ слишкомъ силенъ“. Стро-
цензуры, значитъ, слѣдуетъ искать въ чемъ-
ь другомъ. Записки Добрынина даютъ намъ
ріалъ для сужденія: только одна часть этихъ
сокъ, именно нашествіе французовъ, яви-
въ полномъ видѣ, остальное, гдѣ онъ раз-
ываетъ свое служебное поприще, свои сно-
я съ генералъ-губернаторомъ Пассекомъ,
рый постоянно заставлялъ его исполнять
частныя порученія, ѣздить изъ Могилева
Москву, Тамбовъ, Пензу, Таганрогъ, при-
Добрынинъ видѣлъ «разнаго званія людей»
Державина до подрядчиковъ)—обо всемъ
ъ передано либо въ отрывкахъ, либо въ
фразѣ. Такимъ образомъ, мы можемъ за-
чить, что виленская цензура не могла по-
иться съ откровенностью Добрынина, какъ
осительно Державина, такъ и могилевскихъ
овниковъ XVIII вѣка.

борникъ состоитъ изъ матеріала этногра-
ескаго, между которымъ можно указать на
ью г. Крачковскаго «Очерки быта западно-
скаго крестьянина», составленные на осно-
и свѣдѣній, доставленныхъ сельскими учи-
ми, и матеріала историческаго. Изъ послѣд-
о стоило печатать только записки Добрынина,
ючающія въ себѣ не мало интересныхъ
робностей мѣстнаго быта и живое описа-
нашествія французовъ, пребыванія Напо-
на въ Витебскѣ, грабежи французскихъ сол-
ь и бѣдствія населенія, которое умирало
голоду, такъ какъ цѣна хлѣба за фунтъ
нялась до 1 р. 50 коп. (рубль былъ сере-
ный и считался въ 450 коп.). Добрынинъ
ъ и встрѣчалъ многихъ дѣятелей, графа
Г. Чернышева, тогдашняго бѣлорусскаго
знокомандующаго, генералъ-адъютанта Вяз-
инова, Пассека, бѣлорусскаго военнаго губер-
ора герцога Александра Виртембергскаго, им-
аторовъ Іосифа и Наполеона и императрицу
атерину. Іосифа и Екатерину онъ видѣлъ
Могилевѣ, но любопытнаго сообщилъ объ
ъ только то, что «великимъ людямъ по-
бны великіе замыслы», или: «не разсуждая
нымъ смысломъ о качествѣ и жребіи ца-
, разсуждалъ я тогда по своему: возможно
думалъ я, что встрѣтясь съ нимъ (съ Іо-
омъ, гулявшимъ инкогнито по Могилеву)
жно было замѣтить, что онъ глава 26-ти
ліоновъ знатнѣйшаго на земномъ шарѣ
нѣмецкаго народа»? О лицахъ менѣе высоко-
поставленныхъ Добрынинъ сохранилъ болѣе
яркія черты. Первое значительное лицо, ко-
торое встрѣчаемъ мы у Добрынина, витеб-
скій землевладѣлецъ, генералъ Боборыкинъ.
Онъ принималъ Добрынина, лежа въ банѣ на
полку безъ одѣянія. Уже и это оригинально;
но генералъ былъ еще оригинальнѣе, когда
находился въ чинѣ майора. Узнавъ, что един-
ственный сынъ его убитъ на сраженіи, онъ
позвалъ полковую музыку, назвалъ гостей и
пировалъ цѣлыя сутки. Екатерина обратила
вниманіе на этотъ пиръ, и когда ей объясни-
ли его значеніе, она сказала: «видно, старику
припалъ сердечный смѣхъ».—«Нѣтъ, отвѣтство-
вали ей, и въ такомъ присутствіи духа каж-
дому въ слезахъ говоритъ: «для благороднаго
человѣка нѣтъ славнѣе мѣста умереть, какъ
сражаясь за отечество». Монархиня оцѣнила
Боборыкина по достоинству, «пріемля на себя
попеченіе помогать и награждать его потерю
во всѣ остатки дней своихъ». Когда послѣ того
умерла жена его, то онъ два года въ церковь
не ходилъ и не хотѣлъ признавать ничего за
святое. Но это горе было уврачевано великимъ
торжествомъ, полученнымъ имъ въ Москвѣ.
Причина торжества заключалась въ томъ, что
Боборыкинъ не отказывалъ въ просьбахъ ма-
менькамъ, тетушкамъ и бабушкамъ, когда онѣ
просили его о производствѣ въ унтеръ-офи-
церы и сержанты «россійскаго благороднаго
юношества». Майоръ это дѣлалъ не за деньги,
какъ другіе, а единственно по добротѣ сер-
дечной, юношество же радовалось тѣмъ болѣе,
что изъ унтеръ-офицеровъ и сержантовъ вы-
пускалось поручиками и капитанами. Пріѣхалъ
майоръ въ Москву, пошелъ въ театръ и сѣлъ
въ партерѣ. «Черезъ минуту, разсказывалъ онъ
Добрынину, по всему театру пошелъ гулъ,—
далѣ больше, далѣ больше и вдругъ въ ложахъ
и въ партерѣ ударили въ ладоши и закричали:
Петръ Иванычъ Боборыкинъ! П. И. Б! а г-жи
княгини, графини и другихъ знатныхъ фами-
лій, будучи бабушки, тетушки, матушки, се-
стрицы, во всю мочь кричатъ со всѣхъ мѣстъ:
дайте намъ Бобарыкина! покажите намъ бла-
годѣтеля нашихъ дѣтей! нашихъ внуковъ! на-
шихъ братьевъ! племянниковъ! Иныя вскаки-
ваютъ на стулы, на парапетъ и кричатъ: на
руки его! на руки его!..»

Торжество, какъ видно, доставалось тогда

Digitized by Google

не особенно трудно, и торжественность вообще любили. Графъ Г. З. Чернышевъ, напр., учредилъ въ Могилевѣ такой церемоніалъ: когда онъ самъ посѣщалъ намѣстническое правленіе, то на небольшомъ разстояніи предъ крыльцомъ правленія ожидали его придверники или швейцары отъ намѣстн. правленія, отъ трехъ палатъ, отъ совѣстнаго суда, отъ приказа общественнаго призрѣнія и отъ обоихъ департаментовъ верхняго земскаго суда по одному. Они были въ перевезяхъ, малиноваго цвѣта, по мундиру синяго цвѣта и, держа передъ собою мѣдныя булавы, предходили штату государева намѣстника до дверей намѣстническаго правленія». Такая же почесть дѣлалась губернатору въ небытность въ губерніи генералъ-губернатора. Этотъ порядокъ очень нравится Добрынину и, когда въ 1797 г. его отмѣнили, онъ замѣчаетъ: «мнѣ, будучи уже совѣтникомъ, часто случалось всходить на лѣстницу въ присутствіе, смѣшавшимся вмѣстѣ съ заслуженными инвалидами, съ криминальными преступниками, сопровождаемыми блестящими тесаками. Меня эта пестрота и равенство всегда забавляли; но порядокъ всегда оскорбляется тамъ, гдѣ шутки не кстати». И этого-то Добрынина г. Кулинъ упрекаетъ въ гуманности! Странные взгляды на гуманность существуютъ въ Вильнѣ.

Чиновничій бытъ характеризуется разсказомъ о «масоніи», которую учредилъ начальникъ губернаторской канцеляріи, Алѣевцевъ. «Масонія» состояла въ томъ, что Алѣевцевъ напаивалъ канцеляристовъ и другихъ своихъ гостей шампанскимъ, которое стоило тогда въ Могилевѣ 1 р. 60 к. за бутылку и среди пирушки вскрикивалъ: «мы здѣсь всѣ братья, масоны»! Остальные гости вторятъ крикомъ: «любезный братъ! прими отъ насъ лобзаніе»! и, по указанію Алѣевцева, бросаются на какого-нибудь «благороднаго канцеляриста», который въ чемъ-нибудь провинился, напр., не ходилъ въ канцелярію, не хорошо пудрился, носилъ грязное бѣлье и проч. Виновнаго раздѣвали и клали на скамейку, крича «безпрерывно во всю мочь: «любезный братъ, прими отъ насъ лобзаніе» и нашептываютъ, что, по правиламъ масонства, надо испытать его твердость духа—тѣмъ для него хуже, если онъ не желаетъ. Затѣмъ приготовленные пука два ельника начинаютъ свое дѣло. Кричи сколько и какъ ему угодно, его никто не слышитъ потому, что всѣ безпрерывно кричатъ: «любезный братъ! прими отъ насъ лобзаніе!» а другіе, сидя спокойно по мѣстамъ, воспѣваютъ «ельникъ мой ельникъ, частый мой березникъ» и прочія простонародныя пѣсни». Этой забавой очень сильно преданъ былъ Алѣевцевъ. Дошло до губернатора, что Алѣевцевъ завелъ масонію.—«Какую ты масонію завелъ?» спросилъ его встревоженный губернаторъ, и очень сильно узнавъ въ чемъ дѣло. Когда образовалось намѣстничество, его перевели ассессоромъ въ казенную палату. Добрынинъ очень сильно сочувствуетъ этому горю и, будучи, по вполнѣ понятіямъ, гуманнымъ человѣкомъ, замѣчаетъ: «его всѣ почитали и желали имѣть въ немъ надобность, но онъ, будучи обезкураженъ этою завидною для него вакансіею, и находясь на свободѣ, не могъ самъ собою управлять, отъ стѣлъ и вскорѣ умеръ».

Не считая Добрынина особенно гуманнымъ человѣкомъ, мы тѣмъ не менѣе жалѣемъ, что записки его не явились цѣликомъ: онѣ вполнѣ бы того заслуживали не только по содержанію, но даже по изложенію, которое мѣстами не наруживаетъ въ авторѣ литературный талантъ.

А. С—въ.

Систематическій каталогъ русскихъ книгъ, продающимся въ книжномъ магазинѣ А. Базунова, съ указаніемъ 20,000 критическихъ статей, рецензій и библіографическихъ заметокъ, изъ всѣхъ період. изд. и сборниковъ вышедшихъ въ свѣтъ съ 1825 до 1869 года. 400 переводовъ русск. сочиненій на иностранные языки, въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Сост. *В. И. Межовъ*. Спб. 1869. Стр. 995. Ц. 2 р. 25 к.; съ перес. 2 р. 75 к.

Заглавіе книги ясно говоритъ и о ея назначеніи и объ объемѣ самаго труда, вмѣстившаго въ себѣ до 12,000 заглавій, изъ которыхъ 7,200 сопровождаются критическими и библіографическими указаніями. Предисловіе г. Межова предупреждаетъ всѣ строгія требованія, которыя обыкновенно предъявляются къ подобныхъ сложныхъ и кропотливыхъ трудовъ, хотя и при своихъ недостаткахъ подобныя изданія остаются величайшею заслугою предъ литературой и наукой. Въ заключеніе предисловія, авторъ проситъ всѣхъ, кто откроетъ недостатки и просмотры въ отдѣльныхъ случаяхъ, сообщить о томъ составителю

Digitized by Google

правленія въ слѣдующемъ изданіи, и
я только пожелать, чтобы каждый, въ
ѣ лично его интересующемъ, оказалъ
легкое содѣйствіе составителю каталога.
каталогъ раздѣленъ по наукамъ на 16
ъ, съ двумя дополненіями къ нимъ, и
витнымъ указателемъ именъ авторовъ,
телей, критиковъ и рецензентовъ. „Ка-
обнимаетъ собою почти пятидесятилѣ-
ей литературы и науки, представляя
какъ сказать статистику нашего ум-
го труда; потому мы видимъ въ этомъ
ѣ болѣе нежели справочную книгу;
шее руководительство для тѣхъ, кто
ъ бы представить обзоръ успѣховъ ва-
ственной жизни за послѣднее пятиде-
іе.

енную цѣну пріобрѣтаетъ каталогъ
емъ критикъ и рецензій слишкомъ на
у изданныхъ книгъ, и для будущаго
а нашей литературы эти указанія дра-
ы, представляя ему готовый матеріалъ,
пришлось бы каждому отыскивать
чайшимъ трудомъ.

ъ какъ предпринятое А. Ѳ. Базуновымъ
будетъ имѣть продолженіе — по край-
ѣ этого нужно желать—то мы посовѣ-
ъ почтенному издателю съ нынѣшняго
года издавать подобный каталогъ по годамъ, начиная съ текущаго, и потомъ на основаніи такихъ ежегодныхъ каталоговъ, въ каждое десятилѣтіе возобновлять свой систематическій каталогъ, сдѣлавъ въ немъ исправленія и дополненія. Составленіе ежегоднаго каталога несравненно легче и удобнѣе, а впослѣдствіи такіе ежегодные каталоги составятъ готовый матеріалъ для каталога періодическаго. При такой системѣ мы получимъ самый полный и исправный каталогъ, напр., къ 1875 году, когда исполнится первое пятидесятилѣтіе, послѣдовавшее за Александровскою эпохою нашей литературы, и за тѣмъ изданіе возобновится черезъ 10 лѣтъ и т. д. Самое трудное—начало — сдѣлано, и было бы достойно сожалѣнія, если бы мы и остались при одномъ началѣ, заслуживающемъ впрочемъ по себѣ полную признательность всѣхъ любителей отечественной литературы и науки.

Мы слышали, что А. Ѳ. Базуновъ готовитъ такое же изданіе для обзора всѣхъ статей, вошедшихъ въ наши журналы. Это было бы не менѣе важною заслугою, такъ какъ у насъ весьма часто литература почти цѣликомъ уходила въ журналы, и подобный указатель послужилъ бы огромнымъ дополненіемъ къ вышедшему нынѣ „Каталогу книгъ“.

ѣтъ на рецензію, напечатанную въ № 2 «Вѣстника Европы» за 1869 г. по поводу историческаго учебника г. Шуфа *).

февральской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1869 годъ была напечатана рецензія, по моего учебника, и я отвѣчаю на нее единственно на основаніи слѣдующаго сообра-е вся читающая публика имѣетъ время и возможность сличить замѣчанія о моей высказанныя въ той рецензіи, съ самою книгою, и въ моемъ молчаніи многіе могутъ невольное согласіе съ мнѣніями рецензента журнала. Рецензентъ говоритъ: «Уже изъ овія видно, что г. Шуфъ боится всякой самостоятельности; высказывая самыя обык-ія, *общепринятыя* мысли о преподаваніи исторіи, онъ считаетъ своею обязанностію ся на Шульгина, Кампе, Овсянникова, Шварца, Петера и проч.».

ли о томъ, что гимназическій курсъ исторіи слѣдуетъ раздѣлять на приготовительный матическій, что приготовительный или элементарный курсъ исторіи, долженъ состоять графій, что на первой ступени обученія исторію должно излагать въ формѣ эпизоди-и монографической, что въ этотъ курсъ исторіи должно ввести для наглядности обозрѣ-

---

вѣтъ автора могъ бы быть принятъ интересующимися его дѣломъ за рекламу, потому мы лезнымъ для автора и его труда—въ выноскахъ, при каждомъ пунктѣ, помѣстить объясне-его рецензента, которыя послужатъ доказательствомъ, что высказанное нами мнѣніе о трудѣ было вызвано необходимостью дать истинное понятіе объ учебникѣ, независимо отъ того, етъ самъ авторъ о собственномъ произведеніи. — *Ред.*

Digitized by Google

ніе художественныхъ памятниковъ, что курсъ исторіи должно начинать съ исторіи [illegible] мѣстности (напр. *исторіи Москвы*), что методъ преподаванія исторіи долженъ быть [illegible] и т. д., всѣ эти мысли, которыя я высказываю въ предисловіи къ моей книгѣ (см. [illegible] V—X), считать *общепринятыми* и *самыми обыкновенными* значитъ ровно ничего не [illegible] всемъ этомъ. Пусть укажетъ мнѣ критикъ хотя *одно* заведеніе, гдѣ принято преподаваніе [illegible] на такихъ началахъ, пусть укажетъ мнѣ хотя *одинъ учебникъ* не только Русской [illegible] но и Всеобщей, составленной на основаніи этихъ началъ! Всѣ эти мысли не только не [illegible] таются очень *обыкновенными* и *общепринятыми*, но онѣ служатъ предметомъ [illegible] ровъ между педагогами. Критикъ называетъ ихъ пренаивно общепринятыми! Я сказалъ, [illegible] примѣръ, на Петера, который желаетъ между прочимъ замѣнить *обыкновенное* и *общепринятое* преподаваніе Исторіи чтеніемъ историческихъ сочиненій съ учениками, а критикъ, [illegible] ни малѣйшаго понятія объ этомъ вопросѣ, думаетъ, что все это—дѣло самое обыкновенное, главное — *общепринятое*. Позволительно критику не имѣть понятія о вопросахъ [illegible] нія исторіи, но *благородно-ли* судить о томъ чего мы не знаемъ и не понимаемъ [1])? Говоря, что въ моихъ мнѣніяхъ о преподаваніи исторіи нѣтъ самостоятельности, критикъ [illegible] мѣренно умалчиваетъ о IX и X страницахъ моего предисловія, гдѣ я говорю о [illegible] скомъ преподаваніи исторіи. Пусть онъ мнѣ укажетъ, гдѣ заимствовалъ я этотъ [illegible] преподаванія исторіи [2])?

Вотъ и другія мѣста, которыя мы не можемъ оставить безъ опроверженія:

1) Рецензентъ говоритъ: «домовому — (т. е. посвящено въ моемъ учебникѣ) *4 страницамъ* — русалкамъ — *еще болѣе*». Между тѣмъ въ моемъ учебникѣ *вся* религіозныя вѣрованія [illegible] скихъ Славянъ излагаются на *одной* страницѣ (3 страница) [3]). Сверхъ того, авторъ рец[illegible] считаетъ этотъ предметъ *неважнымъ* и обвиняетъ меня въ томъ, что «выборъ матеріа[illegible] меня *совершенно случайный*». Неужели говорить о религіозныхъ вѣрованіяхъ — значитъ [illegible] бирать матеріалъ совершенно случайно? Вотъ образецъ возвышенныхъ взглядовъ критика [illegible] событія, а онъ говоритъ, что я не отличаюсь такими возвышенными взглядами [4]).

2) Критикъ говоритъ, что въ моемъ учебникѣ «*объ уложеніи* Алексѣя Михайловича — [illegible] слова»; но на страницѣ 78 моей книги читатель можетъ прочесть слѣдующее: «Въ 1649 г. [illegible] царь издалъ *Уложеніе*, т. е. Сборникъ законовъ. Уложеніе предписываетъ судьямъ «судить вправду, и ни въ чемъ *другу не дружите* а *не другу не мстите*» и т. д. [5]).

---

[1]) Мы не можемъ воспользоваться позволеніемъ г. Шуфа,—«не имѣть понятія о вопросахъ [illegible] подаванія исторіи», и согласимся развѣ съ тѣмъ, что это понятіе необходимо не одному [illegible] но и автору учебника. Во всемъ же сказанномъ до сихъ поръ, г. Шуфъ опровергаетъ самого [illegible] а не насъ. Мы говорили, что г. Шуфъ считаетъ необходимымъ ссылаться на Шульгина, Ос[illegible] и т. д. даже и тогда, когда онъ высказываетъ самыя обыкновенныя, общепринятыя мысли; а [illegible] возражаетъ намъ такъ, какъ будто мы утверждали, что мысли о наглядномъ обученіи, о [illegible] исторіи съ извѣстной мѣстности и т. д. суть мысли общепринятыя. Немного логики, — и г. [illegible] не сдѣлалъ бы намъ возраженія. Ред.

[2]) Еще разъ повторяемъ, что мы не имѣли въ виду оповѣщать объ изобрѣтеніи г. Шуфа [illegible] кратическаго преподаванія исторіи, а только указали, какъ выше сказано нами, на забавный [illegible] автора ссылаться, при высказываніи самыхъ обыкновенныхъ мыслей, на авторитети г. Ш[illegible] и другіе. Ред.

[3]) Если выше автору могла бы оказать услугу логика, то въ этомъ случаѣ онъ слишкомъ [illegible] ропился отвѣтомъ: авторъ возражаетъ на опечатку, указанную нами еще прежде въ [illegible] книгѣ. Ред.

[4]) Опять борьба съ собственнымъ мнѣніемъ: мы говорили, что «авторъ не отличается ни [illegible] томъ изложенія, ни самостоятельностью, ни способностью отличать важное отъ неважнаго» [illegible] а авторъ увѣряетъ, что мы считаемъ религіозные предметы неважнымъ дѣломъ. Ужъ другихъ [illegible] совѣстности, надобно быть и самому добросовѣстнымъ. Ред.

[5]) Въ поправкахъ мартовской книги мы уже возвѣстили о находкѣ нами «Уложенія» [illegible] никѣ г. Шуфа, и потому его притязанія опоздали. Ред.

Digitized by Google

) Авторъ рецензіи говоритъ: «въ біографіи Алексѣя Михайловича говорится *гораздо ше* о жизни Никона, чѣмъ о самомъ героѣ. Это также несправедливо, ибо объ Алексѣѣ айловичѣ у меня говорится на четырехъ (4) страницахъ (77, 78, 79, 80), а о Никонѣ ко на двухъ, 81, 82; что же больше: 4 страницы или 2? Сверхъ того объ Алексѣѣ Миловичѣ у меня говорится также и въ біографіи Никона, и въ біографіи Б. Хмельницкаго [6]).

) Онъ говоритъ: «Исторіи Западной Руси посвящено всего *нѣсколько строкъ*». У меня этомъ говорится на слѣдующихъ страницахъ: 83, 84 и 85, да сверхъ того въ біографіи Хмельницкаго идетъ рѣчь о томъ же предметѣ! Значитъ ли это нѣсколько строкъ? Кая я сдѣлалъ довольно извлеченій изъ этой рецензіи, чтобы читатель могъ составить себѣ й ясное понятіе [7]).

Руководящею нитью для своихъ разсказовъ — говоритъ рецензентъ — авторъ избралъ ткіе очерки русской Исторіи» г. Иловайскаго и «Учебную книгу русской Исторіи» ловьева, *не упомянувъ* однако *въ числѣ источниковъ*, которыми пользовался, этихъ книгъ. льзовался сочиненіемъ г. Соловьева «Исторія Россіи» и указалъ это сочиненіе въ числѣ никовъ въ своемъ предисловіи; *каждый спеціалистъ* знаетъ, что, пользуясь «Исторіей ін», лишнее пользоваться «Учебною книгою русской исторіи» того же автора, а также и ткими Очерками» г. Иловайскаго. Въ доказательство своего мнѣнія рецензентъ говоритъ: ткіе очерки Иловайскаго начинаются такъ: «Восточная половина Европы имѣетъ видъ пной однообразной равнины, предѣлы которой ограничиваются четырьмя морями и горными хребтами». Разсказы г. Шуфа начинаются такъ: «Восточная Европа имѣетъ обширной равнины, которая простирается отъ Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Балтій- до Уральскихъ горъ». Заимствованіе поразительное! Критикъ торжествуетъ. Но я позсебѣ спросить автора рецензіи: почему онъ знаетъ, что я заимствовалъ эту фразу изика г. Иловайскаго? Вѣдь образованному человѣку извѣстно, что «Исторія Россіи» Соева начинается такъ: «Предъ нами *обширная равнина* на огромномъ разстояніи отъ *Бѣморя до Чернаго* и *отъ Балтійскаго до Каспійскаго*....» (Исторія Россіи, томъ I, стр. 1) [8]). ругой примѣръ: «*перефразируя характеристику* славянъ изъ Иловайскаго, г. Шуфъ гоъ: «погребеніе у славянъ совершалось слѣдующимъ образомъ: родственники сожигали еца на кострѣ, собирали его пепелъ въ сосудъ и ставили оный на столбѣ, подлѣ дороги». Иловайскаго: «въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мертвеца сожигали на кострѣ; пепелъ его собивъ сосудъ и ставили на столбѣ, гдѣ сходилось нѣсколько дорогъ». Критикъ нашелъ имъ *опустить характеристику* славянъ у меня и у г. Иловайскаго, потому что это ходитъ къ его цѣли и остановился на сравненіи описанія *только одного обычая* погребно это описаніе я заимствовалъ не у г. Иловайскаго, а *перевелъ* почти *буквально* слѣе мѣсто изъ лѣтописи Нестора: «по семъ твориху кладу велику, и възложахутъ и *на мертвеца сожьжаху* — родственники *сожигали мертвеца на кострѣ* (у меня); а по *собравше кости*, вложаху *въ судину* малу»—*собирали* его *пепелъ въ сосудъ; и поставя-столпъ на путехъ*» — *и ставили оный на столбѣ подлѣ дороги* [9]).

Мы не понимаемъ такого примѣненія ариѳметики къ исторіи. Конечно, 4 больше 2; но изъ ницъ статьи объ Алексѣѣ Михайловичѣ посвятить двѣ—на жизнь Никона, это значитъ очень казать объ избранномъ предметѣ—вотъ все, что мы хотѣли сказать, и что совершенно спра-

Рец.

Но авторъ болѣе даетъ понятіе о себѣ, ограничиваясь придирками къ выраженіямъ, чтобы бавить себя отъ спора о существенномъ. Его 83, 84, 85 стр., сравнительно съ важностью а, все же, составляютъ нѣсколько строкъ. *Рец.*

Этотъ случай, гдѣ намъ приходится извиниться предъ авторомъ: онъ долженъ лучше насъ знать, онъ вынималъ фразы, и если нынѣшній разъ онъ воспользовался г. Соловьевымъ, а не айскимъ, то мы по неволѣ должны согласиться съ нимъ, а онъ за то согласится съ сущноашей мысли, а именно, что онъ занимаетъ у другихъ не только мысли, но и слова, и это я имъ иногда въ ущербъ мысли. *Рец.*

сли бы мы и допустили, что г. Шуфъ писалъ свой трудъ по непосредственнымъ источникамъ,

Digitized by Google

Третій примѣръ еще болѣе наивный и забавный: «перефразируя г. Иловайскаго, г. Шуфъ говоритъ, что «Хмельницкій получилъ отличное образованіе», между тѣмъ какъ у г. Иловайскаго *эта фраза* выражена гораздо точнѣе, именно: «отличное *по тому времени* образованіе». Прошу открыть сочиненіе Костомарова: «Богданъ Хмельницкій», гдѣ на 43 стр. авторъ говоритъ о Хмельницкомъ: «получилъ отличное воспитаніе». Г. Костомаровъ выражается не такъ точно, какъ г. Иловайскій вѣроятно потому, что сочиненіе свое онъ издалъ въ 1859 г. и слѣдовательно не могъ поучиться точности выраженій у г. Иловайскаго!! [10]).

Стоитъ ли послѣ этого говорить объ остальномъ въ этой рецензіи? Впрочемъ вотъ замѣчательныя мѣста: 1) «выборъ матеріала для біографій *совершенно случайный*, о чемъ можно судить потому что.... о такихъ личностяхъ какъ Ломоносовъ ни слова (т. е. въ моей книгѣ)»; я не говорю о Ломонововѣ точно также, какъ и о Державинѣ, Пушкинѣ и пр. писателяхъ, потому что все это относится къ *исторіи литературы*, а проходить оную въ III классѣ гимназіи я не считаю возможнымъ. Какъ же изъ этого могъ заключить критикъ, что у меня выборъ матеріала случайный? Вѣдь въ руководствѣ г. Иловайскаго говорится объ этихъ писателяхъ; если я заимствовалъ *содержаніе* учебника, и *планъ* его у г. Иловайскаго, то почему бы мнѣ не сказать о Ломоносовѣ [11])! Критикъ желаетъ какъ видно проходить Исторію Русской Литературы съ учениками III класса! 2) Рецензентъ приводитъ мѣсто моего учебника, гдѣ я излагаю содержаніе знаменитаго наказа Екатерины II: «далѣе она говоритъ, что пытка при судебныхъ дѣлахъ не можетъ служить средствомъ узнать истину, потому что человѣкъ, имѣющій слабое сложеніе (*а сильное?* спрашиваетъ критикъ) не въ силахъ вынести страданій и т. д.» Какъ это мило, читатель! Я привожу слова Наказа: «пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго *слабое сложеніе*....», а критикъ наивно спрашиваетъ вопросъ: «а сильное?» Не могу же я передѣлывать наказъ Екатерины [12])! Не считаю нужнымъ говорить болѣе о другихъ ошибкахъ, которыми переполнена рецензія, ибо разсмотрѣннаго вполнѣ достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о рецензіи.

А. Шуфъ.

то и въ такомъ случаѣ его обвиняемъ въ неумѣньи ими пользоваться. Несторъ говоритъ не о всѣхъ славянахъ, а у г. Шуфа говорится о погребеніи вообще у всѣхъ славянъ. Мы и предложили ему вопросъ (у всѣхъ?); но на это отвѣчать автору показалось менѣе удобно, и онъ избралъ потому другую тему. *Ред.*

[10]) Н. И. Костомаровъ, говоря о *воспитаніи* выразился совершенно точно; но у г. Шуфа дѣло идетъ объ *образованіи* Хмельницкаго, и потому очевидно, г. Шуфъ, какъ то мы доказывали, почерпалъ свои свѣдѣнія, или лучше сказать, слова и фразы у г. Иловайскаго, который также говоритъ объ образованіи Хмельницкаго, но выражается точнѣе. И такъ третій примѣръ «наивенъ и забавенъ», но не по отношенію насъ. *Ред.*

[11]) Но въ томъ то и дѣло, что заимствованіе сдѣлано неудовлетворительно, о чемъ мы постоянно и говорили. *Ред.*

[12]) По всему видно, что автору учебника неизвѣстно правило помѣщать чужія слова въ кавычкахъ. То, что въ Наказѣ составляетъ историческую черту, характеризующую составителя, въ школьномъ учебникѣ естественно вызываетъ сдѣланную нами замѣтку, которая относилась, конечно, не къ Наказу, а къ автору, не умѣющему обращаться съ источниками. *Ред.*

М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

МАРТЪ — АПРѢЛЬ, 1869.

Книга третья. — Мартъ.

Стр.

Обрывъ. — Романъ. — Часть третья. — I-XXIII. — И. А. ГОНЧАРОВА 5

Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. — IV. Избраніе Станислава Понятовскаго; диссидентское дѣло; Варская конфедерація; покушеніе на короля; первый раздѣлъ Польши. — V. Польша подъ верховнымъ надзоромъ Россіи; ходъ воспитанія; неудачный проектъ Андрея Замойскаго; оппозиція противъ короля.—VI. Процессъ Угромовой: сеймъ 1786 года.—Н. И. КОСТОМАРОВА 154

Дача на Рейнѣ. — Романъ Б. АУЭРБАХА, въ пяти частяхъ.—Часть вторая.—Книга пятая.—I-X. (Переводъ съ рукописи) 225

Эпидемія пьянства и борьба съ нею въ Америкѣ и въ Европѣ.—Л. А—ВЪ . . 279

Нѣронъ. — Трагикомедія К. Гуцкова. — Отъ переводчика. — Картина первая и вторая.—В. П. БУРЕНИНА 304

Критика.—Задачи исторіи цивилизаціи. — Гонеггера, Исторія культуры девятнадцатаго вѣка.—А. Н—ВЪ. 330

Иностранная Литература. — Декабрьскій переворотъ во Франціи. — E. Ténot, Ch. Dunoyer, Al. Kinglake, L. Véron, Granier de Cassagnac, L. Blanc, J. P. Proudhon. — I-VI. — И. Н. 352

Наши гимназіи и ихъ двойной классицизмъ.—Изъ Харькова. — ЕГ. С. ГОРДѢЕНКО 400

Государственный бюджетъ на 1869 годъ. — Статья вторая. — Л. П. 409

Внутреннее Обозрѣніе. — Юбилей петербургскаго университета. — Высочайшій рескриптъ. — Положеніе желѣзнодорожнаго дѣла. — Экономическіе результаты. — Желѣзнодорожная политика. — Элементы стратегическій и экономическій. — Восемь предположенныхъ линій. — Дороги безъ гарантіи. — Новая концессія. — Моршанское дѣло. — Расколъ и школы. — Московское земство и народныя школы.—Вопросъ объ учителяхъ.—Проектъ учительской семинаріи 424

Иностранное Обозрѣніе. — Заключеніе парижской конференціи. — Декларація.— Торжество Турціи.—Смерть Фуадъ-паши.—Политическая карьера въ Турціи. — Графъ Бисмаркъ и конфискаціи.—Пренія французскаго сената, и дѣло о бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ.—Кортесы и рѣчь маршала Серрано.—Тронная рѣчь англійской королевы и открытіе парламента.—Рѣчь Гладстона объ Ирландіи 441

Наблюденія и Замѣтки. — Хроника общественной жизни. —о— 455

Театры.—Современныя условія русской сцены. — Новая комедія А. Н. Островскаго: «Горячее сердце». — Е. У. 467

Отвѣтъ «Московскимъ Вѣдомостямъ». — А. 485

Почтовая Замѣтка для иногородныхъ подписчиковъ 489

Digitized by Google

Стр.

Литературныя Извѣстія. — Февраль. — Русская литература: О сельскомъ бытѣ лифляндскихъ крестьянъ. Изсл. Ф. Юнгъ-Штиллинга.—Безъ вины виноватые. Разск. А. К. Владиміровой. — Очерки Японіи, М. Веніюкова. — Отрывки изъ путешествій по восточн. областямъ Европ. Турціи, П. Мосолова. — За Байкаломъ и на Амурѣ, Д. И. Стахѣева. — Драматическія сочиненія Д. И. Стахѣева. — Рабочій вопросъ, Эрн. Бехера. Перев. П. Н. Ткачева. — Русскіе сказки, Н. Ахшарумова. — Новыя сказки Эд. Лабуле.—Дѣти капитана Гранта, Ж. Верна. Пер. Вовчка.—Очеркъ практич. педагогіи, Ф. Диттеса. Пер. Паульсона.—А. С. 491

Книга четвертая. — Апрѣль.

Обрывъ. — Романъ. — Часть четвертая. — I - XIV. — И. А. ГОНЧАРОВА . . 533

Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой.—1787-1795 гг.—Глава первая. — I. Путешествіе Екатерины на югъ; свиданіе Станислава-Августа съ Екатериною и Іосифомъ; проэктъ союза Польши съ Россіею. — II. Положеніе и виды Пруссіи; партіи въ Польшѣ; движеніе умовъ; приготовленіе къ сейму; избраніе маршала. — III. Открытіе сейма; прусскія внушенія; увеличеніе войска; уничтоженіе военнаго департамента; учрежденіе военной комиссіи.—IV. Арх. Викторъ Садковскій усиленіе православія; страхъ крестьянскихъ бунтовъ; казни и преслѣдованія; арестъ Садковскаго; нота Штакельберга. — Н. И. КОСТОМАРОВА 618

Воспоминанія о Бѣлинскомъ. — I-XXI. — И. С. ТУРГЕНЕВА. 695

Русскія отношенія Бентама. — II. — А. Н. ПЫПИНА 730

Пѣсня о Гаральдѣ и Ярославнѣ.—Стих. гр. А. К. ТОЛСТАГО 789

Русскіе законы о печати. — I. — К. К. АРСЕНЬЕВА 794

Дача на Рейнѣ. — Романъ Б. АУЭРБАХА, въ пяти частяхъ.—Часть вторая.—Книга пятая.—XI-XXI. (Переводъ съ рукописи) 812

Ламартинъ. — Біографическій очеркъ. — Л. А. ПОЛОНСКАГО. 871

Кассаціонные Департаменты Сената. — I. — Гражданская практика. — П. М. . 895

Внутреннее Обозрѣніе.—Сессія дворянства Петербургской губерніи.—Вопросъ объ опекѣ.—Правительственный проектъ.—Всесословность и сословность.—Городской элементъ въ общей опекѣ.—Вопросъ о 19-мъ февраля 1870 г.—Просьба мелкопомѣстныхъ дворянъ Гдовскаго уѣзда. — Земледѣльческая ипотека и банки.—Что такое почта?—Реформа во взглядѣ на умственное право общества.—Религіозныя разномыслія.—Дѣло Крынина.—Дѣло Большакова 921

Иностранное Обозрѣніе. — Французскій законодательный корпусъ. — Прусскіе парламенты.—Испанскіе кортесы и ихъ образъ дѣйствія.—Сѣверо-американскіе Штаты и избраніе новаго президента. — Линкольнъ, Джонсонъ и Грантъ.—Жизнь Гранта и его политическія идеи. — Билль Гладстона объ ирландской церкви 939

Корреспонденція изъ Берлина.—Министерство народнаго просвѣщенія и церковь въ Пруссіи. — К. 256

Литературныя Извѣстія. — Мартъ. — Русская литература: Признаки времени и письма о провинціи. М. Салтыкова (Щедрина).—Сочиненія и переводы А. Н. Баженова.—Записки очевидца о событіяхъ въ Варшавѣ въ 1861 и 62 гг. Соч. А. Подвысоцкаго. — Виленскій сборникъ, В. Кулина.—А. С—НЪ. — Систематическій каталогъ русскимъ книгамъ въ кн. маг. А. Ѳ. Базунова. Состав. В. И. Межовъ.—Отвѣтъ г. Шуфа, по поводу рецензіи его историческаго учебника 979

Digitized by Google

КНИЖНАЯ РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. Ѳ. БАЗУНОВА.

На Невскомъ Проспектѣ, № 30.

Въ теченіи марта поступили вновь слѣдующія книги:

ИСТОРІЯ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ УЧЕНІЙ. Ч. 1-я. Древность и Средніе Вѣка. Б. Чичерина. М. 1869 г. Ц. 3 р. съ пер. 3 р. 40 к.

РУКОВОДСТВО КЪ ИСТОРІИ ИСКУССТВА. Четвертое изданіе, обработанное В. Любке. Съ нѣмецк. Е. Ѳ. Корша. Часть I, съ 320 рисунками въ текстѣ. М. 1869. Ц. 5 р. съ пер. 6 р.

РУСЬ И РУССКІЕ въ 1812 году. (Книга для чтенія всѣхъ возрастовъ). С. М. Любецкаго. 2 ч. М. 1869 г. Ц. 1 р. 75 к. съ пер. 2 р.

СБОРНИКЪ СВѢДѢНІЙ о кавказскихъ горцахъ, издаваемый, съ соизволенія Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго кавказскою арміею, при кавказскомъ горскомъ управленіи. Выпускъ I. Тифлисъ. 1868 годъ. Цѣна 2 р. 50 к. съ картою 3 р. съ пер. 3 р. 40 к.

ЖИЗНЬ НАСѢКОМЫХЪ. Луи Фигье, съ 602 рисунками. Изданіе редакціи журнала Всемірный Путешественникъ. Спб. 1869 г. Ц. 4 р. съ пер. 4 р. 50 к.

ДУХОВНЫЕ ЖЕНЫ. В. Диксона. Пер. съ англійскаго В. Зайцевъ; въ 2-хъ частяхъ, съ портретомъ автора, гравированнымъ на сталн въ Лондонѣ. Спб. 1869. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 30 к.

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ. Соч. В. Диксона. Переводъ съ англійскаго, подъ редакцію Н. С. Кутейникова, съ приложеніемъ плана Іерусалима. Спб. 1869. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 30 к.

ДОГОВОРЫ РОССІИ СЪ ВОСТОКОМЪ политическіе и торговые. Собралъ и издалъ Т. Юзефовичъ. Спб. 1869 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 80 к.

ПИСЬМА О ГРЕЦІИ въ 1865—67 годахъ. С. Н. Спб. 1869 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 20 к.

СЕМЕЙСТВО ТАРСКИХЪ. Романъ въ 3 час. Н. А. Вроцкаго. Спб. 1869 г. Ц. 1 р. 60 к. съ пер. 1 р. 90 к.

1812 ГОДЪ въ «Войнѣ и Мирѣ», по поводу историческихъ указаній 4 тома «Войны и Мира» графа Л. Н. Толстаго. А. Витмеръ. Спб. 1869 г. Ц. 75 к. съ пер. 1 р.

АРАБСКІЯ И ТУРЕЦКІЯ СКАЗКИ. Эд. Лабулэ. Т. I. Спб. 1869 г. Ц. 1 р. 75 к. съ пер. 2 р.

Digitized by Google

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. I. Литературное объясненіе съ Н. А. Некрасовымъ. М. А. Антоновича. II. Содержаніе и программа «Отечественныхъ Записокъ» за прошлый годъ Ю. Г. Жуковскаго. Спб. 1869 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 20 к.

О ЗНАЧЕНІИ ГИМНАСТИКИ въ воспитаніи и медицинѣ. Сост. Д-ръ А. Берглиндъ. Спб. 1869 г. Ц. 20 к. съ пер. 40 к.

ОБЗОРЪ КНИГЪ И РУКОВОДСТВЪ для общаго образованія. I. Сочиненія по естественной исторіи. В. Водовозова. Спб. 1869 г. Ц. 25 к. съ пер. 45 к.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ КАТАЛОГЪ

РУССКИМЪ КНИГАМЪ,

продающимся въ книжномъ магазинѣ

Александра Ѳедоровича Базунова.

Съ указаніемъ 19,700 критическихъ статей, рецензій и библіографическихъ замѣтокъ, касающихся книгъ, помѣщенныхъ въ каталогѣ и извлеченныхъ изъ всѣхъ періодическихъ изданій и сборниковъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1825 года до 1869 г. а также болѣе 400 указаній переводовъ русскихъ сочиненій на иностранные языки, вышедшихъ отдѣльными изданіями. Въ концѣ книги приложенный алфавитный указатель составилъ *В. Межовъ*. Спб. 1869 г. 8°, болѣе 1000 стр. 64 листа. Цѣна 2 р. 25 к. съ пересылкою 2 р. 50 к.

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ

Повѣсть временъ Іоанна Грознаго.

Гр. А. К. Толстаго.

Второе изданіе. С.-Петербургъ. 1869. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

592564

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ · ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 3-ья.

МАРТЪ. 1869.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 3-ья. — МАРТЪ, 1869.

I. — ОБРЫВЪ. — Романъ. — Часть третья. — I-XXIII. — **И. А. Гончарова** . . . .

II. — ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ. — IV. Избраніе Станислава Понятовскаго; диссидентское дѣло; Барская конфедерація; покушеніе на короля; первый раздѣлъ Польши. — V. Польша подъ верховнымъ надзоромъ Россіи; ходъ воспитанія; неудачный проектъ Андрея Замойскаго; оппозиція противъ короля. — VI. Процессъ Угромовой; сеймъ 1786 года. — **Н. И. Костомарова** . . . .

III. — ДАЧА НА РЕЙНѢ. — Романъ **Б. Ауэрбаха**, въ пяти частяхъ. — Часть вторая. — Книга пятая. — I-X. (Переводъ съ рукописи) . . . . . .

IV. — ЭПИДЕМІЯ ПЬЯНСТВА И БОРЬБА СЪ НЕЮ ВЪ АМЕРИКѢ И ВЪ ЕВРОПѢ. — **Л. А—въ** . . . . . .

V. — НЕРОНЪ. — Трагикомедія К. Гуцкова. — Отъ переводчика. — Картина первая и вторая. — **В. П. Буренина** . . . . . .

VI. — КРИТИКА. — ЗАДАЧИ ИСТОРИКА ЦИВИЛИЗАЦІИ. — Гонеггера, Исторія культуры девятнадцатаго вѣка. — **А. Н—въ** . . . . . .

VII. — ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. — ДЕКАБРЬСКІЙ ПЕРЕВОРОТЪ ВО ФРАНЦІИ. — E. Ténot, Ch. Dunoyer, Al. Kinglake, L. Véron, Granier de Cassagnac, L. Blanc, J. P. Proudhon. — I-VI. — **И. Н.** . . . . . .

VIII. — НАШИ ГИМНАЗІИ И ИХЪ ДВОЙНОЙ КЛАССИЦИЗМЪ. — Изъ Харькова. — **Ег. С. Гордѣенко.** . . . . . .

IX. — ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТЪ НА 1869 ГОДЪ. — Статья вторая. — **Л. Н.** .

X. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Юбилей петербургскаго университета. — Высочайшій рескриптъ. — Положеніе желѣзнодорожнаго дѣла. — Экономическіе результаты. — Желѣзнодорожная политика. — Элементы стратегическій и экономическій. — Восемь предположенныхъ линій. — Дороги безъ гарантіи. — Новая концессія. — Моршанское дѣло. — Расколъ и школы. — Московское земство и народныя школы. — Вопросъ объ учителяхъ. — Проектъ учительской семинаріи . . . . . .

XI. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Заключеніе парижской конференціи. — Декларація. — Торжество Турціи. — Смерть Фуадъ-паши. — Политическая карьера въ Турціи. — Графъ Бисмаркъ и конфискація. — Пренія французскаго сената, и дѣло о бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ. — Кортесы и рѣчь маршала Серрано. — Тронная рѣчь англійской королевы и открытіе парламента. — Рѣчь Гладстона объ Ирландіи . . . . . .

XII. — НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ. — Хроника общественной жизни. — **о** — . . . .

XIII. — ТЕАТРЫ. — СОВРЕМЕННЫЯ УСЛОВІЯ РУССКОЙ СЦЕНЫ. — Новая комедія А. Н. Островскаго: «Горячее сердце». — **Е. У.** . . . . . .

XIV. — ОТВѢТЪ „Московскимъ Вѣдомостямъ“. — **А.** . . . . . .

XV. — ПОЧТОВАЯ ЗАМѢТКА для иногородныхъ подписчиковъ . . . . . .

XVI. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — Февраль. — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: О сельскомъ бытѣ лифляндскихъ крестьянъ, Изсл. Ф. Юнгъ-Штиллинга. — Безъ вины виноватые. Разск. А. К. Владиміровой. — Очерки Японіи, М. Венюкова. — Отрывки изъ путешествій по восточн. областямъ Европ. Турціи, П. Мосолова. — За Байкаломъ и на Амурѣ, Д. И. Стахѣева. — Драматическія сочиненія Д. И. Стахѣева. — Рабочій вопросъ, Эрн. Бехера. Перев. П. Н. Ткачева. — Русскія сказки, Н. Ахрумова. — Новыя сказки Эд. Лабуле. — Дѣти капитана Гранта, Ж. Верна. Пер. М. Вовчка. — Очеркъ практич. педагогіи, Ф. Диттеса. Пер. Паульсона. — **А. С.** . . . .

XVII. — БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новыя книги.

Объявленіе о русской книжной торговлѣ: А. Ѳ. Базунова.

NB. Новые иногородные подписчики, опоздавшіе своимъ обращеніемъ къ редакціи и не получившіе ее о томъ послѣ выхода февральской книги, были удовлетворены, не ожидая мартовской книги. Тѣже, которые писали въ самомъ концѣ февраля, получаютъ первую часть романа Ауэрбаха въ приложеніи къ настоящей книгѣ.

Digitized by Google

арствованія императора Александра I и
въ его время. Сочиненіе автора «Исто-
чественной войны 1812 года». Т. I-IV.
69. Стр. 382 и 146; 535 и 80; 486 и 87;
2. Ц. 10 руб.

асторикъ отечественной войны, М. И.
чъ, предпринялъ трудъ обширный для
го человѣка и слишкомъ близкій по вре-
бы не напомнить своимъ читателямъ о
ости для автора трудиться «съ недовѣр-
ъ собственнымъ силамъ». Авторъ ищетъ
о, чтобы его трудъ «послужилъ къ со-
изустныхъ и письменныхъ свѣдѣній объ
ени, которыя иначе исчезли бы невоз-
и нѣтъ сомнѣнія, что будущій историкъ
лександра I найдетъ себѣ въ почтенномъ
И. Богдановича самую существенную
первые постараемся воспользоваться
ъ случаемъ, чтобы познакомить чита-
уммою тѣхъ новыхъ данныхъ, которыя
ъ М. И. Богдановича въ науку отече-
сторіи, и посвятимъ ему особую статью.
велъ свое изслѣдованіе до 1815 года,
ъ намъ черезъ годъ доставить послѣд-
ія, которые обнимутъ собою конецъ
Александра I, столь поучительный и
ьный во многихъ отношеніяхъ.

государственныхъ доходовъ Россіи.
лоцкаго-Десятовскаго. Спб. 1868. Стр.
1 р. 50 к.

государственная роспись, или бюджетъ,
ъ составленіи, ограничивается одною
тивною цѣлью, и потому не даетъ по-
ходной силѣ государства, на что ука-
и нами въ двухъ статьяхъ о государ-
бюджетѣ на 1869 годъ. Бюджетъ не-
разсматривать и съ политической сто-
необходимо, чтобы онъ составлялся
бъяснить каждый родъ доходовъ, чтобы
лежали не одни цифры, но и картина
ихъ къ экономическимъ силамъ страны.
такой пробѣлъ взялъ на себя А. П.
и, благодаря его финансовой опытно-
ѣмъ теперь образецъ, какъ слѣдуетъ
государственные доходы при состав-
ета, по избранному имъ, для примѣра,
68 года.

Ивановичъ Галичъ, б. проф. Спб. уни-
та. *А. Никитенко*. Спб. 1869. Стр. 100.

одинъ изъ «опальныхъ» профессоровъ
ниверситета, читавшій курсъ филосо-
21 г. сдѣлался жертвою извѣстной ин-
ицкаго и К°. Онъ вполнѣ заслуживалъ
ографіи, и нашелъ въ А. В. Никитенко
росовѣстнаго и просвѣщеннаго толко-
вателя своей ученой и учебной карьеры. При бѣдности нашихъ научныхъ силъ, нельзя не быть поражену судьбою тѣхъ немногихъ, которые обнаруживали живую любовь къ дѣлу просвѣщенія. Галичъ кончилъ свою карьеру въ архивѣ провіантскаго департамента: «вотъ куда я попалъ — говорилъ онъ—въ общество мышей и крысъ, для войны съ ними, ради обезпеченія казенныхъ бумагъ; но это будетъ легче, нежели вести войну съ гонителями наукъ и просвѣщенія»! А тѣ, которымъ, можетъ быть, было бы лучше засѣдать въ провіантскомъ департаментѣ, продолжали читать лекціи въ университетѣ. Нельзя не поблагодарить А. В. Никитенко за то, что онъ посвятилъ свой трудъ на такое поучительное изслѣдованіе.

Кобзарь Тараса Шевченка. Въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. подъ редакціею *Н. В. Гербеля*. Изданіе второе и дополненное. Спб. 1869. Стр. 332. Ц. 1 р. 25 к.

Новое изданіе русскаго перевода поэзіи Т. Шевченка, съ повторенною автобіографіею, представляетъ значительныя исправленія текста перваго изданія съ прибавленіемъ нѣсколькихъ стихотвореній, которыя нынѣшній разъ печатаются въ этомъ изданіи въ первый разъ. Такъ, одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній «Гайдамаки» является теперь въ первый разъ въ полномъ переводѣ.

Сочиненія и переводы *А. Н. Баженова*. Посмертное изданіе. Т. I. Москва, 1869. Стр. 814. 3 руб.

А. Баженовъ былъ извѣстенъ съ 1859 года, какъ московскій театральный критикъ при различныхъ газетахъ, а съ 1864 г. самъ основалъ театральный журналъ «Антрактъ». Издатель предпринялъ соединить всѣ его критическія статьи, разсѣянныя по газетамъ и вошедшія въ Антрактъ въ одно цѣлое, что и составило обширный томъ, за которымъ послѣдуютъ еще два съ переводами и другими статьями. Для исторіи московскаго театра это изданіе представляетъ много любопытнаго, и во всякомъ случаѣ можетъ послужить матеріаломъ за цѣлыя восемь лѣтъ, отъ 1859 по 1867 годъ.

Гражданская практика Кассаціоннаго Сената. 1866, 1867, 1868 гг. Сост. *П. Марковъ*. Спб. 1869. Стр. 258. Ц. 1 р.

При новизнѣ у насъ учрежденія Кассаціоннаго Сената, рѣшенія котораго служатъ разъясненіемъ гражданскихъ законовъ, продолженіе труда, предпринятаго П. А. Марковымъ еще въ 1867 г., будетъ, конечно, встрѣчено съ признательностью нашими практиками-юристами, какъ обозрѣніе рѣшеній, разъясняющихъ гражданскіе законы, въ системѣ первой части т. X Св. Законовъ.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ИНОГОРОДНЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Редакція „Вѣстника Европы“ имѣетъ честь довести до с[illegible]дѣнія гг. иногородныхъ подписчиковъ, что ПОДПИСКА НА Ж[illegible]НАЛЪ ВЪ ПОЧТОВЫХЪ КОНТОРАХЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ, а пот[illegible] проситъ желающихъ возобновить подписку въ 1869 году, [illegible]сылать подписную сумму, а именно: 17 рублей за годъ [illegible] рублей за полгода (подписная цѣна увеличена на одинъ руб[illegible] вслѣдствіе увеличенія Почтамтомъ платы за пересылку [illegible] 50 к. до 2 р. 80 к.), не иначе, какъ по слѣдующему адре[illegible] Въ редакцію „Вѣстника Европы“, въ С.-Петербургѣ, [illegible]лерная 20. — Только отъ тѣхъ подписчиковъ, которые [illegible]вались прямо въ Редакцію, будутъ принимаемы письм[illegible] жалобы и удовлетворяемы высылкою новыхъ экземпляровъ [illegible] случаѣ потери Почтамтомъ, если мѣстная Почтовая Контора [illegible] свидѣтельствуетъ на жалобѣ, что требуемый нумеръ не [illegible] ею полученъ изъ Газетной Экспедиціи на имя лица, пред[illegible]ляющаго жалобу.

Примѣчаніе. Главная Контора журнала, при книжн[illegible] магазинѣ А. Ѳ. Базунова (на Невскомъ проспектѣ) открыта: 1) [illegible] городскихъ подписчиковъ; 2) для желающихъ получать журн[illegible] безъ доставки въ самомъ магазинѣ; и 3) для тѣхъ иногородны[illegible] и иностранныхъ подписчиковъ, которые имѣютъ случай [illegible]писаться лично, а не по почтѣ. — Книжные магазины, обращ[illegible] въ Главную Контору журнала, пользуются обыкновенною уступк[illegible]

ЦѢНА ПОДПИСКИ

НА 1869 ГОДЪ.

	Годъ.	Полгода.
Безъ доставки	**14** руб.	— **7** руб. 50 [illegible]
Съ доставкою на домъ въ Спб. по почтѣ, и въ Москвѣ — чрезъ кн. магаз. И. Соловьева.	**15** „	— **8** „
Съ пересылкою въ губерніи и въ Москву, по почтѣ	**17** „	— **9** „

За-границу, — только на годъ, съ пересылкою: *Пруссія* и *Германія* — **18** руб. [illegible] **19** руб.; *Франція* и *Данія* — **20** руб.; *Англія, Швеція, Испанія* и *Португалія* — [illegible] *Швейцарія* — **22** руб.; *Италія* и *Римъ* — **23** руб.

Примѣчаніе.—Книжные магазины для помѣщенія своихъ объявленій, обращ[illegible] въ редакцію, и для ближайшаго срока, доставляютъ оригиналы не позже 20-го [illegible]

М. Стасюлевич[illegible]

Издатель и отвѣтственный [illegible]

☞ **Редакція проситъ выславшихъ подписную сумму на 1869 годъ, по [illegible] нимъ объявленіямъ, а именно 16 рублей, дослать ей одинъ рубль для пере[illegible] Почтамту.**

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

592564

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ · ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 4-ая.

АПРѢЛЬ. 1869.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 4-ая. — АПРѢЛЬ, 1869.

I. — ОБРЫВЪ. — Романъ. — Часть четвертая. — I-XIV. — **И. А. Гончарова**

II. — ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ. — 1787-1795 гг. — Глава
I. Путешествіе Екатерины на югъ; свиданіе Станислава Августа съ Е
и Іосифомъ; проектъ союза Польши съ Россіею.—II. Положеніе и вид
партіи въ Польшѣ; движеніе умовъ; приготовленіе къ сейму; избраніе м
III.—Открытіе сейма; прусскія внушенія; увеличеніе войска; уничтож
наго департамента; учрежденіе военной коммиссіи.—IV. Арх. Виктор
скій; усиленіе православія; страхъ крестьянскихъ бунтовъ; казни и пре
арестъ Садковскаго; нота Штакельберга. — **Н. И. Костомарова** . .

III. — ВОСПОМИНАНІЯ О БѢЛИНСКОМЪ. — I-XXI. — **И. С. Тургенева** .

IV. — РУССКІЯ ОТНОШЕНІЯ БЕНТАМА. — II. — **А. Н. Пыпина** . . . .

V. — ПѢСНЯ О ГАРАЛЬДѢ И ЯРОСЛАВНѢ.—Стих. гр. **А. К. Толстаго** .

VI. — РУССКІЕ ЗАКОНЫ О ПЕЧАТИ.—I.—**К. К. Арсеньева** . . . . . .

VII. — ДАЧА НА РЕЙНѢ. — Романъ **Б. Ауэрбаха**, въ пяти частяхъ. — Часть
Книга пятая. — XI-XXI. (Переводъ съ рукописи) . . . . . .

VIII. — ЛАМАРТИНЪ. — Біографическій очеркъ. — **А. А. Полонскаго**. . . .

IX. — КАССАЦІОННЫЕ ДЕПАРТАМЕНТЫ СЕНАТА.—I.—Гражданская практ

X. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Сессія дворянства Петербургской губер
просъ объ опекѣ.—Правительственный проектъ.—Всесословность и сосл
Городской элементъ въ общей опекѣ. — Вопросъ о 19-мъ февраля
Просьба мелкопомѣстныхъ дворянъ Гдовскаго уѣзда.—Земледѣльческ
и банки.—Что такое почта?—Реформа во взглядѣ на умственное пр
ства. — Религіозныя разномыслія. — Дѣло Крынина. — Дѣло Больш

XI. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Французскій законодательный корпусъ
ские парламенты.—Испанскіе кортесы и ихъ образъ дѣйствія. — Сѣв
канскіе Штаты и избраніе новаго президента.—Линкольнъ, Джонсонъ и
Жизнь Гранта и его политическія идеи.—Биль Гладстона объ ирландск

XII. — КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—МИНИСТЕРСТВО НАРОДН
СВѢЩЕНІЯ И ЦЕРКОВЬ ВЪ ПРУССІИ. — К. . . . . .

XIII. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. — Мартъ. — Русская литература:
времени и письма о провинціи. М. Салтыкова (Щедрина). — Сочинен
воды А. Н. Баженова.—Записки очевидца о событіяхъ въ Варшавѣ въ 18
Соч. А. Подвысоцкаго.—Виленскій сборникъ, В. Кулина.—А. С-нъ.—
тическій каталогъ русскимъ книгамъ въ кн. маг. А. Ѳ. Базунова. Сос
Межовъ. — Отвѣтъ г. Шуфа, по поводу рецензіи его историческаго

XIV. — БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Новыя книги.

Объявленіе о русской книжной торговлѣ: А. Ѳ. Базунова.

**NB. Редакція имѣетъ честь обратить вниманіе иногородныхъ подписчиков
подписки, помѣщенныя ею на послѣдней страницѣ обертки, для предупрежде
и сокращенія переписки въ случаѣ жалобы на потерю книжки жур**

Digitized by Google

кихъ ученій. Соч. *Б. Чичерина*. 444. Ц. 3 руб.

связи исторіи политическихъ ескимъ развитіемъ государствен- и съ успѣхами политическаго нно, что сочиненіе г. Чичерина большой интересъ, и мы надѣ- комить читателей съ этимъ тру- общія понятія о своемъ предметѣ нніи, авторъ представляетъ до- рактеристику древнихъ полити- затона, Аристотеля, Поливія и авторъ останавливается на от- редневѣковой схоластикѣ; ученіе инной, Томасъ Моръ, Маккіа- , Боденъ, заканчиваютъ первый ичерина, составляющій начало имъ въ Москвѣ, и обработанъ- ть авторъ, «въ деревенской тиши, чувство, возмущенное человѣче- . Вообще, въ изученіи прошед- много утѣшительнаго, хотя ав- согласится съ нами, что утѣше- само по себѣ уже не утѣши- ежитъ, конечно, къ числу самыхъ еній.

е хозяйство, и вопросъ о про- хъ горныхъ заводовъ. Изслѣдов. азова. Спб. 1869. Стр. 343, съ тистич. таблицами. Цѣна (?)

оммиссія, учрежденная для пере- податей и сборовъ, составила о продажѣ казенныхъ горныхъ ныя руки. Но, чтобы продать, ъ ближайшія свѣденія о настоя- омъ положеніи горныхъ заводовъ, весьма подробно и обстоятельно П. Безобразова, изучившаго свой тѣ. Къ результатамъ своихъ на- присоединяетъ и мѣстное общест- продажа казенныхъ заводовъ ожи- съ радостными надеждами, во родонаселенія, даже въ кругу обра- рныхъ инженеровъ, для которыхъ стоятельное и во всѣхъ отноше- оложеніе этихъ заводовъ въ выс- гостно». Авторъ не скрываетъ, омрачаются преданіями о подоб- XVIII столѣтіи; «но—прибавляетъ рованный характеръ этой мѣры, спользовались высокопоставленныя личнаго обогащенія при продажѣ довъ, не имѣетъ ничего общаго съ государственною задачею». Такіе тъ трудъ г. Безобразова, служатъ къ просвѣщенію общественнаго мнѣнія, и потому заслуживаютъ полнаго вниманія публики.

Договоры Россіи съ Востокомъ, политическіе и торговые. Собр. и изд. *Т. Юзефовичъ*. Спб. 1869. Стр. 894. Ц. 1 р. 50 к.

При томъ интересѣ, который по временамъ возбуждается восточнымъ вопросомъ, документальное изданіе договоровъ съ нашими восточными сосѣдями, появляющееся въ первый разъ въ изданіи г. Юзефовича, удовлетворитъ потребности многихъ, слѣдящихъ за политикою. Предложивъ историческій обзоръ сношеній Россіи съ Востокомъ, издатель помѣщаетъ 20 договоровъ съ Турціею, отъ 1700 г. 1856 г.; 6 договоровъ съ Персіею, отъ 1723 до 1828 г.; 8—съ Китаемъ, отъ 1669 г. до 1862 г. и 3—съ Японіею, въ 1855, 58 и 67 гг. Авторъ говоритъ вообще, что нѣкоторые изъ договоровъ были помѣщены въ иностранныхъ изданіяхъ, а нѣкоторые нигдѣ еще не напечатаны; но слѣдовало бы при каждомъ договорѣ указать на текстъ, которымъ руководился собиратель, такъ какъ его изданіе, будучи частнымъ, не представляетъ никакихъ гарантій въ отношеніи автентичности.

Руководство къ исторіи искусства, Франца Куглера, обработан. В. Любке. Перев. съ нѣм. *Е. Коршъ*. Изд. К. Т. Солдатенкова. Ч. I. Съ 320 рисунк. М. 1869. Стр. 610. Ц. 5 руб.

Фр. Куглеръ первый въ наше время замыслилъ обозрѣть въ системѣ послѣдовательное развитіе искусства отъ первыхъ попытокъ до позднѣйшихъ твореній геніальныхъ художниковъ. Отсутствіе русскаго перевода классическаго труда Куглера было весьма чувствительно; но его и трудно было ожидать, такъ какъ подобное изданіе по стоимости своей требуетъ большихъ затратъ, чтобы быть достойнымъ подлинника. Въ этомъ отношеніи, изданіе Куглера Т. И. Солдатенковымъ не оставляетъ желать ничего лучшаго: переводъ какъ нельзя болѣе удовлетворителенъ; многочисленные рисунки выполнены превосходно. При относительно дешевой цѣнѣ, это лучшій подарокъ, какой можно сдѣлать нашимъ любителямъ художествъ.

Письма о Греціи, въ 1865-67 гг. *С. Н.* Спб. 1869. Стр. 212. Ц. 1 р.

Автору писемъ случилось въ 1866 г. провести нѣсколько недѣль въ Аѳинахъ и Корфу; въ свои письма онъ заносилъ безъ особыхъ претензій всѣ свои личныя впечатлѣнія, какъ туристъ, изъ всего видѣннаго и слышаннаго имъ отъ лицъ, встрѣчавшихся на прогулкахъ, въ пути и т. п.; безъ сомнѣнія, кратковременность путешествія принудила автора писемъ ограничиться наблюденіями надъ одною поверхностною стороною жизни края, на столько же интересною для насъ, на сколько мало знакомо намъ современное состояніе его культуры.

Digitized by Google

ПРАВИЛА ПОДПИСКИ

НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“.

1. Подписка принимается только на годъ (допущенная въ началѣ года полугод
вая подписка прекращается съ 1-го апрѣля; но подписавшіеся на первое полугод
удерживаютъ за собою право возобновить въ іюнѣ подписку на второе полугод
1) *безъ доставки*—14 руб;—2) *съ доставкою на домъ въ Спб. по почтѣ*, и въ *Моск*
чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева — 15 руб.; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ Моск
по почтѣ — 17 рублей.

2. *Городскіе подписчики въ Спб.*, желающіе получить журналъ съ доставкою, об
ращаются въ Контору Редакціи, и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книги Реда
ціи; при этомъ, во избѣжаніе ошибокъ, просятъ представлять свой адресъ письмен
а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ. — Желающіе получа
безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выда

3. *Городскіе подписчики въ Москвѣ*, для полученія журнала на домъ, обращаются
съ подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 рублей; желаю
щіе получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію, и присылаютъ 17 рублей.

4. *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ*, исключительно въ Реда
цію, и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отчест
фамиліи и *мѣста той Почтовой Конторы*, съ указаніемъ ея губерніи и уѣзда, (ес
она не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессовать
журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;—2) *лично*, или чрез
своихъ коммисіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.
Подписка въ Почтовыхъ Конторахъ не допускается.

5. *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, как
и иногородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору и
городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія* и *Германія* —
18 руб.; *Бельгія*—19 руб.; *Франція* и *Данія*—20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія* и *Пор
тугалія* — 21 руб.; *Швейцарія* — 22 руб; *Италія* и *Римъ* — 23 рубля.

6. Въ случаѣ неполученія книги журнала, подписчикъ препровождаетъ жало
прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Кон
торы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляет
въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ сви
тельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно сн
ситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи о
вѣта послѣдней.

7. «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книга
отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ
шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ достав
книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для ин
городныхъ и иностранныхъ — въ теченіи первыхъ пяти дней мѣсяца.

8. Городскимъ подписчикамъ журналъ доставляется въ глухой обложкѣ безъ адр
совъ; иногороднымъ въ такой же обложкѣ съ адрессами; иностраннымъ — въ бан
ролях съ адрессами.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакто

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30.

**Редакція проситъ выславшихъ подписную сумму на 1869 годъ, по прежнимъ объявленіямъ, а именно 16 рублей, дослать ей одинъ рубль для пересыл
Почтамту.**

Типографія Ф. С. Сущинскаго, Могилевская, 7.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google